ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

De Oriente Extremo / О Дальнем Востоке

Сборник научных трудов

Второе издание

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2022

УДК 32(091)(5-11+5-12)(082)"19/20"
ББК 66.3(55)я43+66.3(58)я43+63.3(5)6я43
О 11

De Oriente Extremo / О Дальнем Востоке. Сборник научных трудов / К.А. Фурсов (ред.). 2-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2022. 590 с.
De Oriente Extremo / On the Far East. A collection of scholarly works / K.A. Fursov (ed.). 2nd ed. Moscow: KMK Scientific Press. 2022. 590 p.

Сборник научных трудов является логическим продолжением четырех первых сборников «черной серии» ИСАН: «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013), «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015), «De Secreto / О Секрете» (М., 2016), «De Personis / О Личностях» (М., 2018, 2 т.). Настоящий сборник посвящен истории стран Восточной и Юго-Восточной Азии XX–XXI вв. Рассматриваются проблемы власти, экономики, правящих элит, средних слоев, спецслужб и преступных сообществ.
The collection of scholarly works is a logical continuation of four previous collections in the "black series" of the Institute of System-Strategic Analysis: *De Conspiratione / On Conspiracy* (Moscow, 2013), *De Aenigmate / On Mystery* (Moscow, 2015), *De Secreto / On Secret* (Moscow, 2016), *De Personis / On Personalities* (Moscow, 2018, 2 vols). The present collection is devoted to the history of the countries of East and South-East Asia in the twentieth and twenty-first centuries. The problems of power, economy, ruling elites, middle strata, secret services and criminal communities are considered.

© К.А. Фурсов, предисловие, 2021, 2022
© А.А. Новикова, «Правящая элита Японии. 1950–2010-е годы», 2021, 2022
© А.А. Новикова, «Средний класс Японии. 1950–2010-е годы», 2021, 2022
© К.А. Фурсов, «Сигрэйв С. Династия Сун», 2021, 2022
© К.А. Черемных, «Япония: актуальные аспекты субъектности», 2021, 2022
© Н.Н. Вавилов, «Новая эпоха в Китае: антиамериканский курс Си Цзиньпина и разворот к национальным интересам страны», 2021, 2022
© К.А. Фурсов, «Бут М. Драконьи синдикаты: глобальное явление триад», 2021, 2022
© К.А. Фурсов, «Маккой А.У. Политика героина в Юго-Восточной Азии», 2021, 2022
© К.А. Фурсов, «Стадуэлл Дж С. Азиатские "крестные отцы": деньги и власть в Гонконге и Юго-Восточной Азии», 2021, 2022
© Институт системно-стратегического анализа, 2021, 2022
© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2021, 2022

ISBN 978-5-907533-26-4

СОДЕРЖАНИЕ

Фурсов К.А. Предисловие 4

Новикова А.А. Правящая элита Японии: 1950–2010-е годы 7

Новикова А.А. Средний класс Японии: 1950–2010-е годы 133

Черемных К.А. Япония: актуальные аспекты субъектности 205

Сигрэйв С. Династия Сун 253

Вавилов Н.Н. Новая эпоха в Китае: антиамериканский курс Си Цзиньпина и разворот к национальным интересам страны 325

Бут М. Драконьи синдикаты: глобальное явление триад 447

Маккой А.У. Политика героина в Юго-Восточной Азии 500

Стадуэлл Дж. Азиатские «крестные отцы»: деньги и власть в Гонконге и Юго-Восточной Азии 549

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов — пятый в «черной серии» (по цвету обложки) как одном из проектов Института системно-стратегического анализа. Он продолжает тематику предыдущих сборников «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013), «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015), «De Secreto / О Секрете» (М., 2016), «De Personis / О Личностях» (М., 2018, 2 т.), которые посвящены реальным, чаще скрытым, механизмам мировой истории.

Пятый сборник — «De Oriente Extremo / О Дальнем Востоке» — посвящен Дальнему Востоку в широком смысле. В нем рассматриваются проблемы власти, экономики, правящих элит, средних слоев, спецслужб и преступных сообществ зарубежных стран Восточной и Юго-Восточной Азии XX – начала XXI вв. Центральное место в тематике книги занимают Китай и Япония. В «черной серии» сборник «De Oriente Extremo» открывает «афро-азиатскую подсерию», в которой планируются также сборники по Южной Азии, Среднему и Ближнему Востоку и Африке.

Первая работа сборника — монография историка-японоведа **А.А. Новиковой «Правящая элита Японии: 1950–2010-е годы»**. На основе литературы на русском, английском и японском языках проведен анализ властной элиты послевоенной Японии, рассмотрены ее основные группы — политики, бюрократы и бизнес-элита, а также группировки, включая неформальные. Читатель получает представление о важнейших политических кланах, образовании и карьере их ключевых представителей, о механизмах ротации и взаимодействии кланов. Особое внимание уделено конфликтам внутри элиты. Показано, что современная японская элита является замкнутой и безальтернативной социальной группой.

Продолжая исследование японского общества, большая статья **А.А. Новиковой «Средний класс Японии: 1950–2010-е годы»** посвящена слою, который возник в ходе промышленного рывка этой державы в эпоху Мэйдзи (вторая половина XIX – начало XX в.) и получил дальнейшее развитие в десятилетия послевоенного «экономического чуда». Автор проанализировала роль среднего класса в обществе и экономике Японии и его образ жизни. По мнению автора, в Японии не сложилась классическая модель социального государства; правительственная политика содействовала тому, что главной социальной гарантией для японцев выступает

работодатель. С этим связано то, что японский средний класс не выработал коллективного самосознания и расколот на отдельные группы от малых (семья) до крупных (компания). Подчеркнуто, что нарастающие с конца XX в. негативные тенденции в положении японского среднего класса вызваны неолиберальными реформами рынка труда.

Завершает японскую тему обзор аналитика **К.А. Черемных «Япония: актуальные аспекты субъектности»**. Автор знакомит читателя с основными фигурами императорской семьи и проблемой престолонаследия, актуальной ввиду недавнего (2019 г.) восшествия на Хризантемовый трон тэнно Нарухито. Основная же часть работы посвящена японским спецслужбам, ключевой из которых сегодня выступает Найтё (Исследовательское бюро кабинета министров). В обзоре представлена панорама разветвленной системы спецслужб, обрисованы их функции и меняющееся место в японском разведывательном сообществе. Возрождение Японией спецслужб отражает ее стремление к большей самостоятельности и определенные державные амбиции.

Фундаментальная работа американского историка и журналиста-расследователя **С. Сигрэйва «Династия Сун»** (в реферативном изложении) — широкая панорама истории Китая конца XIX – середины XX в. через историю самой удивительной китайской династии этой эпохи. Основал ее крупный предприниматель-христианин Чарли Сун, который выступал издателем, казначеем и спонсором революционных организаций основателя Китайской Республики и партии Гоминьдан Сунь Ятсена. Три дочери Чарли Суна вышли замуж за некоторых из ключевых фигур китайской истории: Айлин за крупного банкира и министра финансов Китайской Республики Кун Синся, Цинлин — за Сунь Ятсена, Мэйлин — за преемника Сунь Ятсена, президента Китайской Республики Чан Кайши. Не последнюю роль в истории Китая сыграли и три сына Чарли Суна: выдающийся финансист Сун Цзывэнь в качестве министра финансов стабилизировал своему зятю Чан Кайши государственный бюджет; Сун Цзылян в годы Второй мировой войны был главным агентом Китайской Республики по закупкам материалов по ленд-лизу в США; Сун Цзыань возглавлял Кантонский банк.

Работа китаиста **Н.Н. Вавилова «Новая эпоха в Китае: антиамериканский курс Си Цзиньпина и разворот к национальным интересам страны»** — подробное введение во фракционную, региональную и клановую борьбу за власть в КНР эпохи гайгэ-кайфан («реформ и открытости»), т.е. с начала преобразований Дэн Сяопина по настоящее время. Читатель получает представление о трех основных властных группировках современного Китая — опирающейся на армию группе Си Цзиньпина, «комсомольцах» и «шанхайцах», — а также их ключевых семьях и членах. Автор детально рассказывает о целях и задачах группировок, их внешнеполитической ориентации и методах борьбы с оппонентами. Последствия этой острой борьбы выходят далеко за рамки Китая.

Книга британского писателя **М. Бута «Драконьи синдикаты: глобальное явление триад»** (в реферативном изложении) посвящена китайским тайным сообществам, их структуре, обрядам и истории. Многие из них сегодня являются организованными преступными группами или тесно связаны с такими группами. Широко распространены триады не только в Китае, а везде, где расселялись хуацяо (замор-

ские китайцы). Хотя в КНР с этими сообществами на первых порах беспощадно боролись, благодаря реформам Дэн Сяопина они получили экономическую «нишу». Триады буквально пронизывают и китайское общество, и многочисленные зарубежные «Китаи в миниатюре», начиная с Тайваня и Сингапура и заканчивая чайнатаунами городов США. Искоренить их оказались бессильны любые власти — и Цинской империи, и КНР, и британского Гонконга с Малайей, а в гоминьдановском Китае они вообще едва ли не подмяли под себя государство. О секрете живучести триад и повествует книга М. Бута.

Монография американского историка-востоковеда **А.У. Маккоя «Политика героина в Юго-Восточной Азии»** (в реферативном изложении) — ставшее классическим исследование наркоторговли в Индокитае и тесной вовлеченности в нее партизанских группировок национальных меньшинств Бирмы, остатков армии Гоминьдана, властей Южного Вьетнама, Таиланда и Лаоса, а также французских спецслужб и ЦРУ. В последнем понимали, что торговля опиумом и героином составляет огромную долю доходов многих высокопоставленных гражданских и военных чиновников Южного Вьетнама, поэтому смотрели на нее сквозь пальцы. Ценой стало не только распространение наркомании в Индокитае, но и героиновая эпидемия в самих США. Опубликованная в 1972 г., когда американцы еще сохраняли военное присутствие в Индокитае, эта книга вызвала немалый общественный резонанс. Именно она открыла многим американцам (и не только) глаза на то, что для ЦРУ все средства хороши. Свои обвинения автор подкрепил выступлением на слушаниях в Сенате. Книга сохраняет свое значение и в наши дни.

Наконец в книге британского журналиста **Дж. Стадуэлла «Азиатские “крестные отцы”: деньги и власть в Гонконге и Юго-Восточной Азии»** (в реферативном изложении) анализируется роль крупных предпринимателей в экономике и обществе Гонконга и пяти стран Юго-Восточной Азии — Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии и Филиппин во второй половине XX – начале XXI в. Рассказано, под влиянием каких факторов сформировался слой бизнес-магнатов, как они ведут дела, каков их распорядок дня, как они спровоцировали азиатский финансовый кризис 1997 г. и какими были для них его последствия. При всех своих предпринимательских качествах бизнес-магнаты Юго-Восточной Азии почти не способствуют экономическому развитию региона, так как работают в основном на самих себя, поддерживая щедрыми подношениями государственных лидеров и правящие партии. Автор подчеркивает факт симбиоза бизнес-магнатов как экономической элиты, состоящей по большей части из иммигрантов (многие из них являются хуацяо), с политической элитой изучаемых стран. Последней выгодно существование во многом «инородческого» бизнес-сообщества, которое не претендует на политическую власть и которое можно финансово «доить», так как в беспрепятственном ведении бизнеса оно всецело зависит от правительственных лицензий и льгот.

Все вместе представленные в сборнике работы по Японии, Китаю и странам Юго-Восточной Азии призваны дать читателю широкую панораму политической, социальной и экономической ситуации в одном из наиболее динамичных и интересных регионов мира.

К.А. Фурсов

А.А. Новикова

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ЯПОНИИ: 1950–2010-е годы

Анна Андреевна Новикова — японовед, аналитик

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 10

Основные группы элиты 15

Политики 15

Бюрократия 38

Бизнес 46

Субэлита («группы интересов») 64

Неформальные структуры правящей элиты: «академические клики» и «семейные кланы» 72

Ротация. Конфликты внутри правящей элиты 105

Выводы 129

Литература 131

Введение

Настоящий обзор посвящен работам, так или иначе затрагивающим вопросы функционирования японской правящей элиты в послевоенный период. Следует отметить, что в англоязычной литературе таких работ сравнительно немного. Хотя в последние десятилетия было выпущено множество научных и научно-популярных публикаций о современной Японии, ее экономике, политических партиях и социальных проблемах, среди них можно с трудом найти те, которые рассматривали бы прослойку элиты в совокупности и пытались бы оценить степень ее открытости, способы комплектации и внутреннюю борьбу.

Наиболее значимыми представляются две обзорные монографии: The Japanese Power Elite А. Ротхахера и Who Rules Japan? Х. Кербо и Дж. МакКинстри.

Во вступлении к своей монографии Альбрехт Ротхахер отмечает, что одним из первых и главных стимулов, побудивших его к написанию книги, была публикация книги Карела ван Волферена The Enigma of Japanese Power (1989)[1]. И действительно, монография Ротхахера продолжает многие ее темы, фокусируясь на так называемой «железной триаде»: представителях политических партий, прежде всего ЛДП, верхушке бюрократии и топ-менеджменте ведущих корпораций, которые составляют три главных сегмента японской элиты. Этому формальному делению следуют и все другие авторы, как японские, так и пишущие по-английски. Кроме того, данная структура, действительно, представляется наиболее удобной и логичной, поэтому и автор данного обзора будет ей следовать.

---

[1] The Enigma of Japanese Power, несмотря, а скорее благодаря бурной реакции, которую она породила, часто упоминается в качестве отправной точки подобных исследований. Помимо Ротхахера, в качестве источника вдохновения ее упоминает, к примеру, Алекс Керр, как и К. ван Волферен, проживший в Японии много лет и также критикующий современную японскую общественную систему. По поводу книги ван Волферена следует отметить, что к настоящему времени она несколько устарела в деталях, хотя многие из его наиболее общих выводов вряд ли устареют в ближайшее время. Специалисты-японоведы часто обходят стороной эту работу, но вызвано это не столько ее почти скандальной известностью, сколько чрезвычайно широким охватом рассматриваемых тем, тогда как современные исследования тяготеют к все более узким рамкам. Кроме того, нельзя утверждать, что реакция на книгу внутри самой Японии была однозначно отрицательной. Хотя многие японцы язвительно критиковали автора, в частности, за слабое знание японского, такие авторитетные издания, как газета «Асахи» и журнал «Тюо корон» дали положительные отзывы. — *Здесь и далее прим. авт.*

А. Ротхахер имеет богатый опыт работы в Японии, хорошо знает нравы административных учреждений. Несомненным достоинством книги является то, что он рассматривает систему с точки зрения ее отдельного представителя, описывая основные этапы карьеры в каждом из сегментов элиты, критерии отбора, факторы, влияющие на вертикальную мобильность.

Книга Х. Кербо и Дж. МакКинстри не так хорошо структурирована, но содержит много ценных наблюдений и информации, которая отсутствует в других источниках.

Кроме этих двух, других обзорных работ, затрагивающих все аспекты развития японской элиты во второй половине XX в., не обнаружено. Однако большое число японских и зарубежных авторов писали об отдельных аспектах жизни элиты: Дж.М. Шлезингер, Э.М. Синявер, Э.С. Краусс, М. Ито, Х. Морикава, К.А. Спицына, К. Шмидт, Дзин Икко, Сато Томоясу и др.

Последние большие изменения произошли в японской элите после поражения в войне. Война обозначила определенный разрыв, многие прослойки элиты (часть семей — владельцев *дзайбацу*, большинство землевладельцев, придворные, военные) утратили свой статус, уступив место новым людям. Вместе с тем значительное число довоенных бюрократов и политиков, а также и бизнесменов сохранили свое положение. Поэтому разрыва в прямом смысле слова между довоенной и послевоенной элитой Японии не было. Поражение в войне скорее вычеркнуло из числа социальных лифтов некоторые институты (в первую очередь — армию), но одновременно дало шанс многим активным представителям младшего поколения элиты вырваться вперед в своих отраслях в условиях острой нехватки кадров в послевоенных условиях. Как показывает судьба Киси Нобусукэ, даже прохождение в качестве подозреваемого в военных преступлениях класса «А» на трибунале не мешало дальнейшей политической деятельности. Более того, многие из неочевидных механизмов комплектования элиты (родственные отношения с придворной аристократией, принадлежность к победившему в Реставрации Мэйдзи самурайскому клану Тёсю) в современной Японии значения не утратили, но благодаря войне стали лишь менее заметными: с отменой аристократических титулов и отходом в прошлое института *гэнро*, который отмечал принадлежность к «мэйдзийской олигархии», эти связи проследить значительно сложнее по формальным признакам, тем не менее, они, несомненно, существуют.

А. Ротхахер, пожалуй, единственный автор, который пытается дать количественную оценку японской элиты. В Японии политики, преимущественно принадлежащие к Либерально-демократической партии (далее ЛДП), верхушка бюрократии из ключевых министерств и менеджмент высшего звена ведущих *кэйрэцу* (концернов), играющих ключевую роль в экономических федерациях национального уровня, вместе образуют тесно связанный и относительно сплоченный слой элиты. Всего этот слой насчитывает около 2000 человек, из которых примерно 400 имеют преимущество старшинства в той или иной форме. Именно они принимают ключевые решения, влияющие на жизнь всего общества и международную стратегию, государственный и корпоративные бюджеты, стратегию национального развития, научных исследований, условия экологии, стандарты труда и благосостояния, систему образования, уровень налогов и базовую процентную ставку. В то же время, как считает А. Ротхахер, японская элита не является абсо-

лютно монолитной, она разделена на большое количество кланов: ЛДП разделена на враждующие фракции; ведущие министерства, а также группировки бюрократов в их рамках соперничают между собой за бюджет и полномочия, не говоря о конкуренции между концернами.

В то же время все группы элиты взаимозависимы. Политическая элита, несомненно, находящаяся «на месте водителя», зависит от финансовых вливаний со стороны бизнеса. Бюрократия более или менее послушна по отношению к политикам, однако именно она определяет большую часть вопросов низового уровня управления, а также осуществляет так называемый «административный контроль», лицензирование и другого рода надзор над частным сектором, включая и крупнейшие корпорации. В последние годы (примерно с середины 1990-х гг.) часто говорится о наступлении политиков на бюрократию, но здесь речь идет не о безусловной «победе» профессиональных политиков, а лишь о небольшом перевесе в их пользу. Не следует забывать, что в послевоенные годы высшая бюрократия была одним из основных поставщиков кадров для ЛДП, а также что политики часто зависят от бюрократов в принятии решений. Исходя из вышесказанного, среди трех групп «железной триады» выделить какую-то одну доминирующую невозможно. Кроме того, если в каждый отдельный момент времени границы этих групп определены вполне четко, поскольку нельзя одновременно занимать бюрократическую должность, быть членом парламента и работать в корпорации, то в динамике это совсем не так: представители элиты «кочуют» между ними и могут успеть за свою карьеру побывать в нескольких ролях.

Есть некоторые другие социальные группы, верхушка которых близка к элите: профсоюзы, фермерские кооперативы и другие профессиональные ассоциации, религиозные секты и т.д.[2] Они не оказывают влияния на политический и экономический курс в целом, однако влиятельны в рамках своей отрасли, и политики и бюрократы вынуждены на них опираться.

Главный костяк японской элиты составляет группа из 50 человек: лидеры четырех главных фракций ЛДП, одного или двух закулисных лидеров, таких, каким был Танака Какуэй в 1980-е гг., формально не занимающих никаких постов, старшие члены партии, высшая бюрократия, премьер-министр, три-четыре министра ключевых министерств, главы *дзоку* в партии, контролирующие министерства; президент Банка Японии, заместители министра главных министерств (финансов, международной торговли и индустрии, иностранных дел), секретарь кабинета, глава полиции, глава бюро бюджета министерства финансов; президенты четырех основных экономических федераций (Кэйданрэн, Никкэйрэн, Японской торговой палаты и Кэйдзай Доюкай) и шести основных *кэйрэцу*[3]. Пребывание в должности при этом достаточно коротко. Власть присуща не столько конкретному человеку, сколько институтам, к которым он принадлежит.

---

[2] Чаще всего в литературе их называют «группы интересов» — interest groups — и добавляют к ним сотрудников СМИ.

[3] Данная структура с 1990-х гг. претерпела изменения: в частности, Кэйданрэн и Никкэйрэн слились в одну организацию; прошла реформа администрации, в результате чего другие названия получили некоторые министерства; и самое главное — фракция наследников Танака была фактически устранена из политики. Но в целом описание А. Ротхахера релевантно и по сей день.

Средний слой — элита «второго эшелона» — состоит из примерно 350 человек, включая всех членов кабинета, около 120 членов парламента, которые успели побывать министром хотя бы один раз, чуть более широкий слой бюрократии и менеджмента частного сектора.

Наконец, «третий эшелон», или элита в широком смысле, будет включать и менее влиятельных парламентариев, губернаторов префектур, мэров городов-миллионников, членов оппозиционных партий, бюрократов вплоть до начальников крупных отделов министерств и послов в основных странах-партнерах Японии, судей Верховного суда, членов советов директоров компаний и т.д. Также сюда войдут главы медиа-холдингов, ректоры главных университетов и главы исследовательских центров, главы профессиональных ассоциаций и профсоюзов, лидеры буддийских школ, главы криминальных группировок. Лидеры академической, журналистской и криминальной среды, однако, никогда не претендуют на то, чтобы занять лидирующее положение и войти в ядро элиты, и довольствуются тем, что возглавляют свой сектор.

Помимо этого, всегда существует прослойка из примерно 10 000 человек, которые надеются и потенциально имеют возможность войти во все три эшелона власти. Это наследники ключевых членов парламента (как в прямом генетическом, так и переносном, карьерном смысле), местные лидеры, не успевшие добраться до общенациональной политики (мэры средних городов, члены префектуральных собраний), сравнительно молодые и успевшие продвинуться по службе бюрократы и менеджеры среднего звена в корпорациях и банках. Именно они вкалывают по 70 часов в неделю и служат основным и практически единственным источником пополнения рядов костяка элиты. В целом продвижение из слоя в слой внутри элиты в достаточной степени плавное и растянуто во времени, однако создание новых типов товаров и услуг и, соответственно, появление новых рынков делает возможным и появление «новых денег», и тех бизнесменов, которые ими обладают. Впрочем, и падение иногда бывает стремительным — как случилось, к примеру, с Танака Какуэй в середине 1980-х гг. Изредка коррупционные или иные скандалы и/или проигранные парламентарием выборы в два счета вычеркивают его из состава власть имущих преждевременно. В целом же прослойку элиты, состоящую из примерно 2000 человек, или менее тысячной процента совокупного населения Японии, покидают чаще всего по причине смерти или серьезного заболевания, не совместимого с активной деятельностью.

Важно помнить, что богатство распределено внутри японской элиты неравномерно. Бюрократы почти до выхода на пенсию выплачивают ипотеку за свои скромные дома. Политики по статусу должны жить на широкую ногу, однако могут быть по уши в долгах и не иметь возможности заплатить своим секретарям. При этом бизнесмены могут быть сверхбогатыми. Вообще, для Японии уже в силу характера ее материальной цивилизации[4] всегда был свойственен сравнительно низкий уровень

[4] Уже давно стал клише оборот, присутствующий почти в половине текстов о Японии: «Япония бедна минеральными ресурсами». Хотя утверждение это верно лишь отчасти, не вдаваясь в дальнейшие разъяснения, отмечу, что в смысле потребления это почти всегда было так, и дома знати вплоть до недавнего времени строились из дерева, как и дома низов. И даже масштаб этого строительства не настолько превосходил по размеру дома простонародья, насколько в Европе. Монументальными конструкциями в европейском понимании могут считаться замки *даймё*, однако это связано с их фортификационным значением. Внутренняя же обстановка была более чем скромной. Императорский и сегунский дворцы в Киото, одни из лучших образцов японской архитектуры, у неподготовленных ту-

разрыва в уровне жизни между бедными и богатыми. И хотя начиная с 1990-х гг. *какуса-мондай* (проблема материального неравенства) постоянно на слуху в общественных дебатах, уровень этого неравенства в Японии несоизмеримо ниже в сравнении с большинством других крупных стран. К примеру, 100 бюрократов высшего звена редко получают больше 60 000 долларов в год. При этом бюрократия, конечно, подвержена коррупции, но далеко не в такой степени, как политическая сфера.

Обзорные работы редко делают попытку оценить японскую послевоенную элиту с точки зрения каких-либо общих теорий. По мнению А. Ротхахера, Япония принадлежит к группе стран, где власть более или менее рассеяна, то есть нет одного авторитарного лидера, а есть некоторая группа лиц, в большей или меньшей степени влияющих ключевые решения. В Японии в каждый момент времени человек, интересующийся соотношением сил во властных кругах, может назвать пять или шесть таких людей, наиболее влиятельных, не указав при этом кого-то одного как безусловного лидера. Данная структура была удачно метафорически описана ван Волференом как «усеченная пирамида» — общество, несомненно, организовано иерархически, однако верхушка составляет не пик (один лидер), а плоскую поверхность (группа влиятельных лиц). Япония не является здесь исключением — подобная «распределенность» власти характерна и для многих других стран: Италии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Израиля и др.

Кармен Шмидт рассматривает релевантность различных теорий элиты по отношению к японским правящим кругам и приходит к выводу, что из всех моделей в наибольшей степени подходит теория так называемого «круга власти». Японскую элиту в целом характеризуют похожие принципы комплектования, взаимные интересы, взаимозависимость, определенное элитарное самосознание и личные связи.

К. Шмидт дает определение японской элите через отрицание, потому что применить к ней какую-либо одну из существующих теорий не удается. Японскую элиту нельзя охарактеризовать как какую-то закрытую касту, нельзя четко обозначить как доминирование какой-то одной части общества, например, бюрократов. В то же время это не разрозненная элита со множеством центров власти, поскольку все ее представители связаны между собой. И в отличие от многих других стран японскую элиту характеризует очень низкий уровень конфликтов и высокий уровень стабильности.

Другие попытки оценки японской элиты с позиций различных теорий элит оказываются еще более схематичными, и большинство авторов их вообще не приводят, переходя непосредственно к эмпирическим исследованиям.

ристов вызывают недоумение и подозрение, что им по ошибке продемонстрировали второстепенные сооружения. Скромность присуща японской элите и сейчас. Существуют, как и в других странах, более или менее престижные районы проживания, но то, что называется у японцев «дворцами», у европейцев и тем более американцев, вызывает усмешку. «Дворец» Хатояма, самых богатых среди японских политиков, по размеру сопоставим с крупным дачным домом в России. То же касается и рациона: долгое время единственным и главным показателем высокого уровня жизни было большее или меньшее потребление риса в пищу. Все остальные ингредиенты были «добавками» к основному злаковому блюду и отличались большим или меньшим разнообразием. Такой показатель, как употребление в пищу большого количества мяса и сахара, не выделял японскую знать. Более подробно образ жизни японской элиты будет рассмотрен ниже.

Основные группы элиты

Политики

По выражению А. Ротхахера, политическая элита практически на 100% совпадает с Либерально-демократической партией, основанной в 1955 г. Этот год можно назвать поворотным в японской послевоенной истории, так как с образованием ЛДП, образованной из Либеральной и Демократической партий, сбылись давние планы по объединению японских консерваторов, что было чрезвычайно на руку крупным концернам, стремившимся преодолеть последствия реформ периода оккупации.

Без всяких сомнений, ЛДП можно назвать самой успешной консервативной партией в мире, она сумела удержаться у власти, несмотря на затянувшийся структурный кризис в 1970-е и кризис легитимности в конце 1980-х. Периоды правления оппозиции в 1990-е и 2000-е гг. также оказались сравнительно непродолжительными.

В период с 1960 по 1976 г. электоральная доля ЛДП неуклонно снижалась от выборов к выборам, ее начали вытеснять социалисты и другие оппозиционные партии, которые стали занимать ведущие позиции в регионах, в особенности в крупных индустриальных агломерациях (Токио, Йокогама, Осака, Киото). Однако с середины 1970-х началось новое наступление консерваторов. В 1978 г. социалисты проиграли выборы в своих давних и, казалось бы, прочных цитаделях — на Окинаве и в Киото, в 1979 г. мэры от ЛДП заняли места своих предшественников-социалистов в Токио, Осака и Йокогама, а в 1980 г. выросла доля проголосовавших за правящую партию на выборах (до 48%). Правда, через неполные десять лет популярность ЛДП вновь начала падать: тому способствовал крупнейший коррупционный скандал (т.н. «дело Recruit»), а также введение некоторых непопулярных мер — налог с продаж и либерализация импорта говядины и мандаринов (что резко ухудшило отношения ЛДП с Сельскохозяйственной ассоциацией, которая была одним из главных поставщиков голосов). При этом коррупционные скандалы не обошли стороной и другие партии, к примеру, Комэйто («Партия чистой политики»), буддийскую партию, изначально себя позиционирующую как моральный противовес прогнившей и коррумпированной ЛДП. Во взятках обвинялись представители и Социалистической партии.

Штаб-квартира ЛДП располагается в административном квартале Токио Нагата-тё. Но ключевые решения принимаются в большинстве случаев не там, а в чайных домах и ресторанах престижного района Акасака или на площадках для гольфа в курортных городках Каруидзава или Хаконэ.

У ЛДП нет внятной политической программы и идеологии. Все предвыборные обещания достаточно ситуативны, а кроме того, исполняют их довольно редко. Однако индивидуальные политические взгляды членов ЛДП более или менее стандартны, и их можно привести к общему знаменателю. «Левых» среди членов партии отыскать невозможно, они будут либо центристами, либо правыми. «Центристы» вообще не имеют выраженных взглядов и просто стремятся «не раскачивать лодку». Типичный же портрет «правого» такой: он верит в божественное происхождение императора, выступает (теоретически, а не на практике) за пересмотр 9-й («мирной») статьи конституции, одобряет посещение премьером (и сам посещает) святилище Ясукуни[5], выступает за исправление учебников истории, почитание национального гимна и флага в школах, за увеличение военного бюджета, за более активное участие японских сил самообороны в международных операциях. Короче говоря, как отмечает А. Ротхахер, это бледная копия правого политика практически любой другой страны. Внутри ЛДП правые не имеют организационной структуры. Некоторое время существовала фракция Накагава Итиро — Сэйранкай, но она быстро распалась: вначале она насчитывала 25 человек, через год их количество сократилось до 11, а после самоубийства Накагава фракция прекратила свое существование. В течение 1980-х гг. одним из самых известных (в том числе на международной арене) правых парламентариев является Исихара Синтаро, однако он — к тому же известный писатель — представляет собой тип скорее одиночки-интеллектуала, поэтому вряд ли создаст собственную фракцию[6].

Несмотря на определенный кризис легитимности 1990-х гг., ЛДП удалось успешно противостоять угрозе быть потесненной левым партиями. ЛДП как бы присвоила себе серию предложений, исходивших изначально от Социалистической партии Японии, касающихся, к примеру, экологической политики. По сути, это довольно эффективный способ преодолеть общее недовольство властью, а также противостоять количественному росту влияния Социалистической партии. В последние годы сокращается влияние левых групп и внутри бизнеса. Так, исследование, проведенное по данным 2001 г. об участии профсоюзов и групп потребителей в советах крупных компаний, показало, что участие это снизилось. И если в период с середины 1970-х по середину 90-х гг. профсоюзы занимали более 3% мест, сейчас их доля сократилась до 2% и ниже.

Проблема легальности финансирования политических партий в Японии в последние десятилетия постоянно на слуху. С самого начала источник финансиро-

[5] Где в качестве божеств почитаются все воины, когда-либо павшие за императора и, шире, за Японию, начиная с войны Босин (1867–1868). Возмущение (зарубежной) общественности вызывает почитание воинов Второй мировой войны, в особенности военных преступников, осужденных в ходе Токийского трибунала.

[6] Исихара Синтаро (р.1932) состоял в ЛДП в 1968–1995 гг., затем покинул партию, до 2012 г. был независимым кандидатом. Собственную фракцию в ЛДП он не создал, однако в 2010-х гг. стал соучредителем нескольких политических партий отчетливо правого уклона. Особого успеха эти партии, однако, не имели.

вания ЛДП был далек от чистоты. Так, основатель партии Хатояма Итиро (1883–1959) получил большую часть средств, необходимых для основания партии, от Кодама Ёсио (1911–1984) известного теневого (и полукриминального) лидера. Кодама, в свою очередь, хотя и не мог в силу своей репутации сам избираться в парламент, так как разбогател в годы войны на вывозе из Китая большой партии алмазов и платины, имел тесные связи со многими политиками из ЛДП.

Нередко члены парламента располагают и собственными значительными средствами, если они связаны с крупным бизнесом, например, родственными связями. Хороший пример — представители последних двух поколений семьи Хатояма (сын и внуки Итиро)[7]. Но даже этих средств, как правило, недостаточно, чтобы обеспечить функционирование политической машины.

А. Ротхахер подробно описывает доходы и расходы среднего члена ЛДП. Парламентарий всегда остро нуждается в денежных средствах. У большинства из них от 10 до 15 секретарей — на зарплаты уходит около 10 млн. иен в месяц. Основная часть секретарей занимается тем, что представляет своего кандидата на мероприятиях, которые он должен, но не имеет физической возможности посетить: свадьбы, похороны всех родственников всех людей, с которыми так или иначе связан кандидат; в план посещений входят также больницы. Во время таких визитов принято дарить подарки стоимостью примерно 20 тысяч иен каждый, а также цветы на 10 тысяч иен. Никогда не иссякает поток просьб от электората. Школы избирательного округа кандидата просят деньги на мемориальные доски и пианино, аналогичные просьбы поступают от синтоистских святилищ, буддийских храмов, организационных комитетов местных традиционных праздников (*мацури*). Наиболее напряженный период наступает в конце – начале года. Ежегодно средний кандидат получает приглашения на 200–300 вечеринок, посвященных проводам старого года, и 300–350 — встрече Нового. При этом от 200 из них нет никакой возможности отказаться. Участие в них тоже требует 10–20 тысяч иен каждая. У некоторых парламентариев число посещенных мероприятий доходит до 600. А если политик ничего не подарил или, того хуже, вообще не пришел (или не прислал секретаря или родственника) — он теряет часть электората. Кроме того, член парламента вынужден много перемещаться: посещать как собственный избирательный округ, так и другие части страны, что также требует средств.

Соответственно, и материальную помощь парламентарий получает из многих источников, причем не только в форме денежных средств. Так, часто компании предоставляют ему автомобиль для перемещений бесплатно (иногда даже с водителем), существенные скидки для парламентариев есть у авиакомпаний (особенно для тех, кто лоббирует их интересы). Офисы и квартиры часто сдают или продают им по номинальным ценам — в знак доброй воли со стороны владельца. Однако наибольшее количество средств всё же поступает наличными. А. Ротхахер выделяет несколько путей «спонсирования» парламентариев со стороны бизнеса:

1. Покупка билетов на мероприятия, устраиваемые кандидатом. Это могут быть вечера поддержки (концерты), семинары, лекции, проводимые самим членом парламента. Количество билетов может намного превосходить количество

[7] См. подробнее реферат раздел «Семейный связи и неформальные объединения».

участников (реальных и даже потенциальных — учитывая вместимость залов), а цена, как правило, сильно завышена.

2. Биржевые спекуляции. Они могут происходить в разной форме — от продажи акций по дешевке перед размещением на бирже до передачи инсайдерской информации о колебаниях рынка. Например, Имамура Тосиюки, член фракции Ватанабэ Митио (1923–1995), заработал 2,8 млрд. долларов на биржевых спекуляциях.

   Многие политики (в особенности лидеры фракций) имеют тесные, часто неформальные связи с представителями крупного бизнеса. По данным газеты «Майнити», политики в 1989 г. имели следующие связи:

- Такэсита Нобору — Аоки, Фукуда (строительные фирмы), Кёва хакко когё (химпром, лекарства, продукты питания, алкоголь), Ямаоути (фармацевтическая компания);
- Накасонэ Ясухиро — Мотида (фармацевтическая компания), Кобори Дзёкэн (сторительная фирма), Минэбэа (комплектующие машиностроения);
- Абэ Синтаро — Маэда (сторительная фирма), Ниссин (производство продуктов питания), Убэ (цемент, химикаты);
- Миядзава Киитиро — Китагава (железообрабатывающие предприятия), Фудзита (сторительная фирма), Курэха (химическое производство).

   С тех пор конкретные связи, конечно, поменялись, но суть взаимодействия осталась той же.

3. Спекуляции с землей. Обычной схемой была покупка по дешевке через подставных лиц земли, на которой в дальнейшем проводились муниципальные строительные работы, в результате чего цена на землю взлетала. Участки после этого перепродавались. Наиболее прославился такими спекуляциями Танака Какуэй (1918–1993), но занимались ими многие политики, связанные со строительной или транспортной индустрией.

4. Плата за услуги. Политики могут получать вознаграждение от корпораций за лоббирование их интересов. Также они могут получать плату за услуги посредника, если необходимо организовать поступление в престижный частный университет или медицинскую академию, минуя конкурс. Еще одна возможная услуга: способствовать получению государственных наград, медалей, почетных грамот и т.д.

5. «Пожертвования в знак доброй воли». Как правило, предоставляются корпорациями политикам, влиятельным в *дзоку* соответствующей отрасли, если они хотят избежать бюрократических затруднений, проволочек и излишнего контроля со стороны чиновников, а также слишком большого внимания налоговых инспекций. Примечательно, что даже оппозиционные политики могут быть замешаны в подобных махинациях. Так, в 1980-х гг. стало известно, что председательница Социалистической партии Японии Дои Такако получала деньги от Федерации игровых клубов (*патинко*) — при этом, часть денег, вероятно, имела северокорейское происхождение, поскольку основная часть индустрии игровых автоматов в Японии контролируется корейцами.

6. (Не афишируемое) участие в бизнесе. Члены отраслевых *дзоку* могут выступать и в качестве держателей акций подведомственных предприятий — в обмен на

выгодные законодательные решения и другие действия (включая нелегальные), позволяющие фирмам сохранить их монополию на каком-либо рынке[8].

А. Ротхахер отмечает, что этические стандарты в политической среде не особенно высоки. Практически все парламентарии, когда им предлагают вознаграждение в той или иной форме, не склонны отказываться. Чем выше положение политика, тем больше он нуждается в деньгах и тем больше выгодных предложений и соблазнов.

В 1989 г. газета «Асахи» привела следующие данные по распределению доходов политиков из ЛДП: доходы, поступающие от корпораций, — 39%; доходы, поступающие от партии, — 17%; индивидуальные пожертвования — 15%; содержание, выделяемое государством, — 12%; деньги фракции — 9%; долги — 8%. Возможно, материальная выгода не является главным стимулом, который побуждает делать политическую карьеру. Тем не менее, успешные политики от ЛДП вовсе не бедны. Лидеры фракций, как правило, имеют роскошные резиденции в центре Токио, а также летние дома на престижных курортах, таких как Каруидзава.

Вследствие этого коррупционные скандалы происходят постоянно. Наиболее известным из них стало «дело Локхид», судебные процессы по которому тянулись почти 20 лет. Его главным фигурантом стал бывший премьер Танака Какуэй. Однако этот скандал далеко не единственный, кроме того, основная часть взяток проходит абсолютно незамеченными[9]. Традиционно проблему, которую впервые вынес на общественное обсуждение скандал с Локхид, определяют как «структурную коррупцию» (яп. *кодзо осёку*). Однако Чалмерс Джонсон полагает, что если термин «структурный» в данном случае более чем адекватен, то это не вполне можно сказать о «коррупции». Впервые Танака был арестован за взятку менее года после первого избрания в парламент. В 1948 г. социалистическое правительство выдвинуло проект национализации угольных шахт. Танака получил 1 млн. иен от владельцев угледобывающих предприятий Фукуока в обмен на обещание голосовать против. В результате своей первой кампанией по переизбранию Танака руководил из тюрьмы. Однако в тот же период и другие политики фигурировали в другом коррупционном деле (связанном с компанией Сёва-дэнко), включая будущего главного оппонента Танака — Фукуда Такэо (1905–1995). Как Танака, так и Фукуда успешно были оправданы и переизбраны в парламент. Другие известные политики, к примеру, Сато Эйсаку и Икэда Хаято, также в свое время в течение 1950-х привлекались за взятки. Такие дела разрешались обычно очень просто — действующий премьер-министр указывал министру юстиции прекратить дело. По выражению Ч. Джонсона, «деньги были материнским молоком политики, и тот, кто контролировал большую часть денег в политической системе, контролировал систему»[10]. Контроль над подобными денежными потоками составляет суть японской политики, но отнюдь не частные случаи использования служебного положения в личных целях.

---

[8] Автор, кажется, смешивает механизмы «спонсирования» политиков и цели, с которыми это могут делать представители бизнеса. Тем не менее основные способы финансирования рассмотрены здесь весьма подробно.

[9] Об особой роли коррупционных скандалов в общественной жизни Японии см. раздел «Ротация и конфликты».

[10] Johnson C. Tanaka Kakuei, Structural Corruption and the Advent of Machine Politics in Japan // The Journal of Japanese Studies. Vol.12, No.1 (1986). P.11.

В 1994 году был представлен закон о контроле над политическими фондами, который серьезно ограничивал легальное финансирование политических партий и отдельных политиков со стороны бизнеса, но недавние коррупционные скандалы показали, что в результате реальный поток финансирования не сократился, а просто стал «менее легальным». Как указывают Х. Кербо и Дж. Маккинстри, ограничение индивидуальных пожертвований политикам в итоге так и осталось формальным: ранее можно было единовременно жертвовать не более 14 000 долларов политику, теперь эта сумма ограничивалась 5000 долларов, однако количество единовременных пожертвований никак не оговаривалось. То же можно сказать и по поводу избирательной реформы, которая только укрепила позиции ЛДП.

А. Ротхахер подробно описывает структуру партии и принципы карьерного продвижения политиков в ней. ЛДП не является монолитной и состоит из фракций. При этом фракционность была присуща японским политическим партиям с самого начала демократических преобразований в конце XIX в. К примеру, в довоенный период крупнейшими фракциями в партиях были группировки выходцев из Кюсю или из региона Канто. Также семейные кланы делили партии на определенные фракции. К этому добавлялась давняя вражда между профессиональными политиками и бывшими бюрократами, решившими сделать политическую карьеру. В настоящий момент семейный и местнический принцип заметно отошли на второй план, уступив место финансовому принципу: лидером фракции становится тот, кто смог «купить» себе наибольшее количество сторонников, а также пообещать им выгодные назначения в обмен на поддержку.

В начале существования ЛДП в ней присутствовала значительная фракция бывших профессиональных бюрократов, первым главой и основателем которой стал Ёсида Сигэру (1898–1967, бывший чиновник министерства финансов). Это он привел в партию будущих премьеров Сато Эйсаку (1901–1995, министерство транспорта), Икэда Хаято (1899–1965, министерство финансов) и Фукуда Такэо (министерство финансов). Оттуда же впоследствии были набраны Охира Масаёси (1910–1980) и Миядзава Киити. В 1956–1957 гг. фракция Ёсида распалась на две, каждую из которых возглавили его бывшие последователи: Сато и Икэда. Последняя сохранилась до наших дней, в дальнейшем ее главами были Охира, Судзуки Дзэнко и Миядзава. Власть же в другой фракции захватил Танака Какуэй, который ее существенно трансформировал[11].

После раскола фракции Охира и Танака находились в целом в дружественных отношениях. В 1971 г. Охира начал претендовать на то, чтобы стать преемником Сато на посту премьер-министра. Однако после первого раунда общепартийного обсуждения Охира сам стал поддерживать Танака, который и оказался премьером в 1972 г. При нем Охира занял престижный пост министра иностранных дел, а в 1974 г. — финансов. Совместными усилиями эти две фракции смогли преодолеть сопротивление протайваньского лобби и установить дружественные отношения с КНР. Однако аналогичные переговоры с Советским Союзом не принесли успеха. После разразившегося коррупционного скандала, в результате которого Танака ушел с поста премьера, Охира продолжал его поддерживать, в отличие от Мики или Фукуда, отказавшимися от публичной поддержки бывшего премьера.

[11] О Танака, его фракции и деле Локхид см. ниже в разделе «Ротация и конфликты».

Начиная уже с 1970-х гг. фракции трудно было классифицировать по принципу профессионального бэкграунда входивших в них политиков, и термин «бюрократическая» фракция остался в прошлом.

До середины 1950-х фракции были достаточно аморфными группами и представляли собой по сути площадки для обсуждения и группы взаимно друг другу поддерживавших парламентариев. Но с 1955 г. их деятельность становится строго организованной и формализованной, фракции приобретают иерархическую структуру, у них появляется секретариат. Собрания становятся регулярными (обычно раз в неделю) и проводятся по расписанию. Законодательные решения уходят из рук индивидов, главной структурой, одобряющей или не одобряющей проекты, становятся именно фракции.

Х. Кербо и Дж. Маккинстри отмечают, что отличительной чертой Японии является то, что партийный (фракционный) лидер имеет гораздо больше влияния на рядовых членов партии, чем в среднем в других странах, поэтому все голосования в парламенте проходят крайне унифицированно — по крайней мере, внутри одной фракции голосование происходит единогласно, в противном же случае это говорит о глубоком кризисе внутри фракции.

Во второй половине XX в. карьеру в парламенте можно было сделать только принадлежа к какой-либо из фракций, причем поддержкой лучше было заручиться еще перед первым избранием, иначе оно, скорее всего, не состоялось бы. Положение парламентария внутри фракции определяется несколькими факторами: количество избраний в парламент, срок принадлежности к фракции, качество и количество услуг, оказанных фракции, политические заслуги (успешность на выборах, связи в министерствах и бизнес-кругах, возможность привлекать средства), личные качества — позволяющие или не позволяющие заручиться поддержкой старших членов фракции. Если (сравнительно) молодой политик уже занимал видное место в парламентских комитетах и кресло министра и в результате обзавелся связями с бюрократией, а представители бизнеса смотрят на него как на удачное вложение средств, то он имеет все возможности стать одним из будущих лидеров ЛДП, а глава фракции станет относиться к нему внимательнее, но и, конечно, с подозрением. Внутри фракций происходят нешуточные баталии за то, чтобы стать преемником руководителя, и это нередко приводит к расколам. Особенно часто они происходили в 1960-х гг. И даже если удачливому молодому политику удалось получить место главы фракции, ему придется сильно постараться, чтобы воссоздать связи с остальными членами группировки: преданность фракции зачастую рассматривается как личная преданность руководителю, и если он уходит, сторонники могут покинуть фракцию. И сейчас связи внутри фракций носят в значительной степени личный, а не институциональный характер и поэтому неустойчивы. Однако существуют и удачные примеры: в 1987 г. Такэсита Нобору (1924–2000) при поддержке Канэмару Син (1914–1996) смог завоевать главенство во фракции Танака Какуэй (помимо воли последнего), и откололась лишь крошечная группа парламентариев. Эта небольшая группа, возглавляемая Никайдо Сусуму, в итоге насчитывала лишь четырех человек.

Поскольку число парламентских мандатов и избирательных округов ограничено, существует естественный предел роста фракций. Вплотную к нему подошла фракция Танака, впоследствии «унаследованная», точнее, узурпированная Такэси-

та, — на пике власти она насчитывала 120 парламентариев. Другими успешно растущими фракциями в 1950–1980-е гг. были фракции Накасонэ – Ватанабэ и Киси – Фукуда – Абэ – Мицудзука[12]. Представители одной и той же фракции крайне редко выступают от одного избирательного округа, и чаще всего это свидетельствует о вражде уже внутри фракции.

За крупными фракциями стоит бизнес, причем за самыми успешными — строительный, что приносит им весьма приличное финансирование. Маленькие фракции (например, Накасонэ), напротив, испытывают постоянную нужду в деньгах. Крупные фракции могут сами выдвигать определенные требования бизнесу и бюрократии, за ними, как правило, оставляют три или четыре министерских портфеля в текущем кабинете, кроме того, они могут претендовать на не менее чем один пост в руководстве партии. Наиболее влиятельные фракции претендуют на портфели трех главных министерств — финансов, международной торговли и индустрии и иностранных дел. Ключевым вопросом, как уже говорилось, является финансирование фракции. Поэтому если ее глава вдруг теряет стабильный доступ к средствам, количество его сторонников неуклонно будет снижаться и их будут переманивать другие фракции. При этом средства нужны не только и не столько на личное потребление парламентариев, сколько на предвыборные кампании, зарплату секретарям, представительские расходы. Процесс упадка, если он вдруг начался, довольно трудно остановить. Бывшие сторонники могут бесцеремонно выкинуть бывшего главу, как это произошло с Танака. Или же его могут довести до самоубийства, как случилось с Накагава, когда он проиграл выборы главы ЛДП в 1982 г.

Главное, что следует отметить — у фракций *нет* какой-либо особенной программы, отличной от общего курса партии. При этом внутри ЛДП могут возникать кружки, объединенные какой-то политической идеей, — к примеру, за восстановление отношений с Пекином (в 1960-х гг.) или правые, выступающие за пересмотр 9-й («мирной») статьи конституции. Однако фракциями в структурном смысле слова они не являются, равно как и не имеют организованной финансовой поддержки.

Пик карьеры политика — пост премьер-министра. Но его приобретение вовсе не обязательно означает, что парламентарий начнет проводить свой курс или продвигать исключительно членов своей фракции. Скорее всего, он распределит места в кабинете таким образом, чтобы соблюсти баланс сил между группировками. Второй человек в партии — ее генеральный секретарь. Именно он отвечает за организационную структуру партии, выборы (к примеру, отбор кандидатов), парламентские дела и партийные финансы, назначает на внутрипартийные посты. Существует также генеральный совет ЛДП — главный управляющий орган, одобряющий или не одобряющий законопроекты перед тем, как они проходят слушание в парламенте. Однако помимо совета есть еще около 70–80 отраслевых партийных комиссий, члены которых активно взаимодействуют как с министерствами, так и с профессиональными ассоциациями или представителями бизнеса. Важно отметить, что значительную долю законопроектов пишет бюрократия и чем «ниже» уровень вопроса, который рассматривается, тем значительнее будет доля предложенного чиновниками текста законопроекта (вплоть до 100%).

[12] Указаны последовательно главы этих фракций.

Некоторые коммерческие компании поддерживают связи с какими-то определенными фракциями, однако большинство представителей большого бизнеса распределяет свою финансовую помощь равномерно — пропорционально весу фракции. Средства обычно предоставляются в форме платы за консультации и обучение: крупнейшие партийные деятели (Фукуда, Охира, Танака, Мики, Накасонэ) организовывали «учебные группы» с красивыми названиями по «исследованию» политики, экономики, социальных и прочих проблем, где они выступают в качестве лекторов, а билеты на заседания распределяются между бизнесменами — за весьма приличные гонорары. «Занятия», как правило, проходят в чайных домах или ресторанах престижных районов Токио Акасака или Гиндза за совместной трапезой. Или вообще не проходят.

Низовой уровень партии не существует как таковой. Региональные партийные офисы функционируют скорее номинально. Ключевую роль в предвыборных кампаниях играют местные группы поддержки — *коэнкай*. Они основаны на личных связях (потенциального) члена парламента с местными профессиональными группами, влиятельными лицами, бизнесменами. В свободное от предвыборных кампаний время члены *коэнкай* занимаются вовсе не политикой, а развлекают себя экскурсиями в Токио или на курорты и тому подобными мероприятиями — на средства своего кандидата. Политики местного уровня также активно вовлечены в общенациональные выборные кампании. Их ключевой интерес в поддержке кандидата для Токио — «выбить» для региона дорогостоящий инфраструктурный проект: школы, мосты, дороги, станции и так далее. Участие в *коэнкай* рассматривается как средство пересмотреть распределение общенационального достатка в пользу регионов.

А. Ротхахер приводит описание того, что представляют собой выборы с точки зрения кандидата: кампании пожирают колоссальное количество денег. В нижнюю палату избирается 320 членов[13], избирательная кампания каждого обходится примерно в 400 млн. иен, т.е. всего нация тратит на каждые выборы около 130 млрд. Можно выделить три источника средств: общепартийные средства, средства фракции и средства собственно кандидата. Средства, официально выделяемые на предвыборную кампанию, при этом — капля в море. Как правило, денег требуют с бизнес-ассоциаций. Политики могут угрожать повышением корпоративных налогов (как делал генеральный секретарь Одзава Итиро, р. 1942, в начале 1990-х), а бизнесмены — подчиняться в большей или меньшей степени, если ЛДП теряет власть или подвержена слишком сильным фракционным противоречиям. В упомянутом случае Одзава удалось выторговать 14 млрд. непосредственно в свое распоряжение, и они были распределены следующим образом: 6 млрд. — непосредственно кандидатам, 5 — на общепартийную предвыборную кампанию, 2 распределены между фракциями, а остальные — кандидатами под личным патронажем Одзава.

Как политики выходят на национальную арену? А. Ротхахер приводит типичный пример начинающего политика. Некто Сато Бунсэй в 1967 г. баллотировался от избирательного округа Оита-2 (в районе известного курортного города Бэппу на северо-востоке Кюсю). До этого Сато был членом префектурального законодательного собрания. После решения баллотироваться в парламент кандидатура долж-

[13] Сейчас после избирательной реформы — 480. Об избирательной реформе см. ниже.

на быть сначала одобрена префектуральным комитетом ЛДП, а затем центральным комитетом по выборам в Токио (в котором представлены лидеры всех фракций партии). На местном уровне Сато заручился серьезной поддержкой двух наиболее влиятельных местных политиков, которые видели в нем одновременно преемника на местной арене и представителя своих интересов в Токио. Они же протолкнули его кандидатуру во фракцию Мураками Исаму (незначительная фракция, впоследствии поглощенная группой Накасонэ). А. Ротхахер отмечает также, что сама фигура Сато, а также ситуация на избирательном участке Оита-2 при этом имели мало значения, основным был компромисс между разными группами интересов. Без поддержки какой-либо фракции кандидату не стоит рассчитывать на поддержку комитета партии по выборам — необходима финансовая и не только поддержка, без которой выиграть выборы затруднительно. В итоге кандидатура Сато была одобрена партийным комитетом.

Большинство денег, полученных на предвыборную кампанию, идет не на «покупку» голосов, а на зарплаты сотрудников, проводящих предвыборную кампанию, организацию мероприятий с бесплатным угощением, аренду помещений и машин. Обычно кандидат не имеет какого-то одного источника финансирования. В случае Сато он получил деньги от ЛДП (центральный бюджет), от его фракции, от старших местных политиков, протолкнувших его кандидатуру, от нескольких местных бизнесменов Бэппу. В год, когда баллотировался Сато, и в течение 1970-х считалось, что «с 500 млн. иен можно выиграть выборы, с 300 — проиграть». К началу 1990-х «цены» выросли до 700 млн. за кампанию.

Как было сказано, ключевая структура, которая помогает кандидату быть избранным, — группа поддержки *коэнкай*, которая объединяет самые разные сегменты общества. В случае Сато в его *коэнкай* вошли несколько «соседских ассоциаций» (*тёнайкай*, группы, образованные по принципу места проживания), ассоциация владельцев отелей (градообразующий бизнес в Бэппу), ассоциация дантистов, кооперативы по производству бамбука, несколько спортивных и ветеранских клубов, буддийских сект, его однокашники по школе и университету, родственники, а также несколько криминальных авторитетов. В день выборов все старания окупились, и Сато вошел в парламент на правах новичка, то есть пока политика невысокого уровня. Через определенный срок он достиг достаточного политического веса и получил пост в одном из кабинетов. Карьеру политика прервало поражение на очередных выборах.

Комитеты *коэнкай* активизируются в период выборов, но и во время между ними местный штаб продолжает действовать (и потреблять денежные средства парламентария). Так, после своего первого избрания Хатояма Юкио в 1986 г. в своем округе на Хоккайдо оставил работать 38 секретарей. Наиболее мощной, эталонной, местной организацией, несомненно, был штаб поддержки Танака Какуэй — Эцудзанкай. В одном (!) избирательном округе Ниигата-3 он имел 320 отделений и примерно 100 000 членов. В год эта избирательная машина потребляла колоссальные деньги (до 1 млрд. иен). Но вполне предсказуемо с окончанием финансирования в связи с болезнью Танака Эцудзанкай распался. Многие его активы перешли другим местным кандидатам. Примечательно, что уровень поддержки со стороны *коэнкай* и местного населения вообще не зависят от общенациональной политики

а всецело завязаны на финансирование местных проектов. Например, Фудзинами Такао, один из фигурантов еще одного крупного коррупционного скандала с фирмой Recruit, вынужден был даже выйти из ЛДП. Однако почти никто из 45 000 членов его *коэнкай* не отвернулся от своего кандидата, и на ближайших после скандала выборах комитет смог принести, помимо собственных, еще 20 000 голосов в пользу своего кандидата. Секрет прост: Фудзинами пообещал построить в округе мост, провести большую выставку, проложить линию скоростных поездов и развивать туризм в регионе. Примерно та же ситуация, но в несравнимо больших масштабах, сложилась после коррупционного скандала с Танака Какуэй. Помимо лоббирования местных экономических интересов на национальном уровне, кандидаты могут быть полезны местному населению, помогая, к примеру, молодым людям из своего округа поступать в престижные университеты столицы.

Первое избрание в парламент — лишь начало политической карьеры. Только один или двое молодых политиков из 50 имеют шанс добраться до верхних эшелонов партии — для этого нужно 10 или более переизбраний в парламент. Примерно после шести избраний появляется вполне реальный шанс получить министерский пост. Учитывая, что кабинеты переформируются в среднем раз в девять месяцев в соответствии с изменением баланса фракционных сил, значительное число политиков имеют возможность хоть раз в жизни побывать министром. Главный показатель «веса» политика — количество избраний (переизбраний) в нижнюю палату парламента. Предыдущие избрания, к примеру в верхнюю, практически не берутся в расчет. Причем принцип этот соблюдается как в ЛДП, так и в оппозиционных партиях. Недавно избранный член парламента должен низко кланяться всем старшим, и это не зависит от его происхождения: наследники политических династий так же должны пройти путь «от рядового до генерала»[14]. Он должен усердно посещать заседания партийных комитетов и демонстрировать как коллегам, так и представителям бюрократии и бизнеса осведомленность в вопросах отраслевого законодательства. Тогда, возможно, ему удастся получить место в каком-нибудь из влиятельных отраслевых кланов *дзоку*. В особенности удачливым новоиспеченный парламентарий может себя считать, если его включат в состав финансового комитета. Тогда у него будет много возможностей для того, чтобы выбить какой-либо дорогостоящий проект для своего избирательного округа.

Соотношение количества политиков от ЛДП и количества парламентских комитетов таково, что практически у каждого избранного члена партии есть возможность получить место в каком-либо из них. Однако между комитетами существует иерархия. Так, новичку не стоит и мечтать о комитете по бюджету или общественному строительству. В них не допускают с первого раза даже тех политиков, которые ранее служили чиновниками в соответствующих министерствах. То же касается комитета по дисциплине, который исполняет функции надзора над парламентариями — туда допускают только «старших». В остальные комитеты недавно избранный вполне может попасть. Скорее всего, вначале его голос

[14] Здесь показателен пример братьев Хатояма Юкио и Кунио, которые не довольствовались отведенной им ролью в партии, основанной их дедом. Сплотившиеся вокруг них молодые политики, также не желавшие ждать годами своей очереди на министерские посты, последовали за ними в новую Демократическую партию Японии.

не будет там ничего означать, и он будет выступать в качестве слушателя. Принимать более активное участие в дискуссиях политик сможет не ранее второго или третьего срока в парламенте. Исключением могут быть члены партии, ранее сделавшие успешную карьеру в префектуральных законодательных собраниях. А председателем комитета можно стать не ранее пятого срока. Что касается комитетов по бюджету и дисциплине, то их возглавляют только политики, уже побывавшие министрами. Следует отметить, что назначение на должность министра в каком-либо кабинете говорит лишь о повышении статуса на ступень, но не о том, что парламентарий отныне останется связанным именно с этим министерством. Скорее всего, после роспуска кабинета он не получит в ближайшее время новый портфель, а вернется к работе в парламентских комитетах — только в новом статусе. Сравнительно немногие получают должность министра дважды, и лишь единицы — три раза и более.

Другой непременной составляющей деятельности члена парламента от ЛДП является участие в управлении партией. Ключевыми должностями являются четыре: председатель, генеральный секретарь, глава Политического и Исполнительного советов. На них могут претендовать только политические «тяжеловесы». Пять бюро — общих дел, персонала, финансов, исследовательский и международных дел — возглавляют политики рангом ниже. Отделы по связям с общественностью, информационный, публикаций, газет, культуры, региональных организаций, местных собраний и др. могут возглавлять политики четвертого срока, а их подсекции — даже второго и третьего. Пока парламентарий не достиг министерских постов, именно эти должности он может демонстрировать в качестве трофеев своему электорату в провинции. Внутри партии существует множество «исследовательских групп». Некоторые из них довольно аморфны и участие в них мало что означает с точки зрения политической карьеры. Но некоторые являются организационным отражением отраслевых лоббистских кланов. Их возглавляют известные политики: например, в 1990-х гг. — Канэмару Син (строительство), Хасимото Рютаро (здравоохранение и социальное обеспечение), Мори Ёсихиро (образование). В них же могут быть представлены и эксперты, действительно разбирающиеся в данной отрасли.

Сколько времени необходимо, чтобы достичь министерского поста — объективного показателя высокого статуса политика? По подсчету А. Ротхахера, в 1980-е гг. министерские должности занимали в совокупности 180 членов парламента. Из них 47 впервые получили портфель после шестого избрания, 24 — после пятого, четверо — после четвертого. Двое сумели отличиться уже на второй срок после политического дебюта, но один из них, Готода, ранее возглавлял полицию, а второй, Косака, был чрезвычайно успешным бизнесменом. Прочие парламентарии получали пост министра от седьмого срока и позже.

Сроки избрания в верхнюю палату парламента больше: один раз в шесть лет. Кроме того, место там котируется ниже, чем в палате представителей, поэтому члены палаты советников значительно реже занимают министерские посты (из указанных 180 только 15 были членами верхней палаты). Пожалуй, главным исключением был сын основателя партии Хатояма Иитиро, который получил престижный пост министра иностранных дел после первого же избрания в верхнюю палату, однако

по личным мотивам он проявлял малую политическую активность, что, в первую очередь, и помешало его политической карьере[15].

Разные портфели в кабинете также имеют разный вес. Наиболее значительными являются должности министра финансов, международной торговли и индустрии и иностранных дел. Примерно того же уровня — должность главного секретаря кабинета. Ее занятие говорит о том, что политик уже вышел за рамки своего отраслевого клана *дзоку* и может оказывать влияние на повестку дня в целом.

Политическую карьеру может сильно облегчить избрание политика в качестве преемника лидера какой-либо фракции. Однако тут не стоит обольщаться: падение будет столь же стремительным. Глава фракции, передавая должность, вовсе не обязательно передает вместе с ней рычаги власти над однопартийцами и налаженные связи для привлечения финансовых средств. И если к вступлению в должность преемник не обзавелся собственной базой, скорее всего, он быстро потерпит неудачу и будет забыт. Так произошло с официальным преемником Танака — Никайдо Сусуму.

Что требуется для успешной карьеры? Успешно переизбираться каждый раз, налаживать связи, поддерживать нужных людей в нужное время, не менять фракцию, не ссориться с руководителем фракции или его ближайшим окружением, оставаться в стороне от главных скандалов, войти в отраслевой *дзоку* и начать разбираться в соответствующей сфере права, быть в хороших отношениях с коллегами одного уровня и младшими, включая парламентариев от оппозиционных партий, производить благоприятное впечатление на бюрократов и журналистов.

Один из ключевых навыков — уметь привлекать средства разными способами и, главное, делиться ими, в особенности с младшими коллегами. Но нужно быть осторожным: не торопиться основывать свой кружок — это может показаться подозрительным другим членам партии и выглядеть заявкой на создание собственной фракции, которая неизбежно оттянет ряд сторонников из других группировок. В Нагата-тё достаточно «политических трупов», которые пытались возглавить крупные фракции, но так и не смогли этого сделать. Если все же суметь соблюсти баланс сил и успешно возглавить некоторую группу (от 20 до 30 человек) внутри своей фракции, это, напротив, повысит статус политика, он сможет войти в круг руководства своей фракции. Однако приобретение сторонников, готовых поддержать своего главу в дискуссиях и на голосованиях, чревато и чрезмерными обязанностями. Необходимо иметь средства, чтобы содержать такую группу поддержки, и достаточный политический ресурс, чтобы уметь выторговать для них какие-либо партийные или правительственные должности.

Резюмируя, можно отметить, что главенствующую роль в ЛДП играют политики, управляющие фракциями. В некоторых случаях группировкой управляет не ее номинальный глава. К примеру, Канэмару Син, наследник Танака, формально удалился от дел, при этом в реальности продолжал контролировать эту огромную фракцию. «Второй эшелон» составляют приближенные к главе фракции люди —

[15] Хатояма Итиро, судя по описаниям, в силу своих слишком высоких для политика моральных стандартов, чрезвычайно болезненно воспринимал «грязную», коррупционную сторону политической деятельности. Это стало главной причиной, по которой он не воспользовался теми возможностями, которые давали ему его происхождение и финансовые возможности семьи жены, и, по сути, не сделал политической карьеры.

обычно от трех до пяти человек. «Третий» — политики старшего возраста, хотя бы раз побывавшие в должности министра.

Главная неприятность, которая может случиться с парламентарием, — поражение на очередных выборах и, как следствие, потеря места в парламенте. Это автоматически означает потерю власти и влияния на финансовые потоки — отчасти потому, что при этом не только сам кандидат, но и партия теряет свои позиции. Предпочтительным завершением политической карьеры является добровольный уход и заблаговременная передача местной базы поддержки (*коэнкай*) политическому наследнику. Средний возраст такого добровольного выхода в отставку в 1980-х гг. составлял от 78 до 85 лет. Преемники при этом — обычно сами люди среднего возраста, и для достижения реальной власти внутри партии им требуется еще 20–30 лет, поэтому к концу XX в. власть в ЛДП всё более приобретала характер геронтократии. В недавние годы произошла тенденция к некоторому омоложению заметных фигур, правда, в основном за счет наследников политических династий, которые имеют возможность рано начинать карьеру. Впервые избранный политик имеет шанс быть переизбранным примерно на 50%, вторые выборы в его карьере — одни из самых опасных. Начиная с третьих, шанс быть переизбранным возрастает и наступает более или менее спокойный период карьеры. Примерно к восьмым выборам, однако, снова увеличивается вероятность потерпеть неудачу. Но тогда же начинается и «естественная убыль» кандидатов в силу возраста.

Основное вытекающее отсюда следствие: чтобы добиться успеха на политическом поприще, нужно начинать карьеру как можно раньше. Например, если политикой желает заняться бывший чиновник, ему следует осваивать новую сферу в возрасте около 40 и уходить с поста начальника крупного отдела; правда, при этом он многим рискует в случае неудачи. (Бюрократы в случае продолжения чиновничьей карьеры имеют сравнительно защищенные перспективы на старость, которые теряются в случае добровольного увольнения.)

К типичным занятиям перед вхождением в политику (вне зависимости от социального происхождения) относятся следующие: бюрократическая карьера, политическая журналистика, секретарь или помощник члена парламента, политическая деятельность на региональном уровне, успешная карьера в бизнесе. Также бэкграунд включает практически по умолчанию высшее образование, а желательно — и научную степень. Такие люди, как Танака Какуэй, окончивший только среднюю школу, практически исчезли с политической арены. В начале 1990-х гг. (статистика, приведенная в книге А. Ротхахера) 28% парламентариев окончили Токийский университет, 14% — Васэда, 12% — Кэйо, далее следуют университеты Тюо, Нихон, Хитоцубаси, Киотоский и другие.[16] В целом отмечается, что члены ЛДП посещали лучшие университеты по сравнению с оппозицией. И внутри университетов есть структуры, которые также могут стать определенной ступенькой к будущей политической карьере. Примером может служить дискуссионный клуб (*юбэнкай*) университета Васэда. В свое время его посещали Такэсита Нобору, Кайфу Тосики, Мори Ёсихиро, Нисиока Такэо, Ватанабэ Кодзо, Обути Кэйдзо, Мицудзука Хироси и другие ведущие политики. А. Ротхахер отмечает, что главным являлся факт уча-

[16] О значении высшего образования и «академических сетей» см. в разделе «Семейные связи и неформальные объединения».

стия (и следовательно, наличия определенных связей), а не развитие ораторских талантов: некоторые из указанных политиков ими отнюдь не блистали.

Бывшие журналисты в составе ЛДП ранее работали либо в центристских, либо в правых изданиях: Ёмиури, NHK, Майнити, Санкэй. Бывшие журналисты в составе СПЯ вполне предсказуемо ранее работали в Акахата («Красное знамя»), а буддийской Комэйто — в соответствующих религиозных изданиях. Типичным для политической журналистики является освещение автором деятельности какого-либо одного политика. К примеру, Абэ Синтаро (1924–1991), чрезвычайно сильный в свое время политик, отец Абэ Синдзо, которому не позволила стать премьером преждевременная кончина, в молодости специализировался на новостях, связанных с Киси Нобусукэ, который избрал его в качестве преемника. При этом надо учитывать и семейные связи Абэ: его отец был членом парламента еще до войны, а кроме того, будущий политик женился на старшей дочери своего политического патрона Киси. Так же часто наследники политических династий начинают свою карьеру с того, что становятся секретарями собственных отцов. Бывшие региональные политики тоже могут достигать серьезных вершин: к примеру, Такэсита Нобору, Уно Сосукэ, Ватанабэ Митио.

Наследники бизнес-корпораций, как правило, начинают карьеру с низовых должностей в фирме своей семьи и лишь достигнув определенного веса переходят в политику. Правда, публике это преподносится зачастую как карьерный рост среднего *сараримана* — «белого воротничка», офисного работника, то есть типичного представителя японского «среднего класса». Любопытно, что типичным бизнес-бэкграундом для политиков, особенно старшего поколения, было производство *сакэ*. Это говорит не столько о серьезном лобби этой индустрии, сколько о том, что эти политики принадлежали к влиятельным в отдельных регионах семьям, которые, как правило, держали прибыльное предприятие по производству этого алкогольного напитка, так как это требовало контроля над производством основной японской агрокультуры — риса — в своей местности. Некоторые из парламентариев сами являются владельцами бизнеса — чаще связанного с транспортом или строительством. Интересна и еще одна тенденция: региональные лидеры, как правило, подчеркивают свое происхождение, гордятся предками, в прошлом влиятельными в их префектуре, тогда как столичные политики, напротив, несмотря на обычно серьезную родословную, делают упор на личные достижения.

Образ жизни японских политиков более или менее унифицирован. Они ведут чрезвычайно напряженную работу, в среднем рабочая неделя насчитывает около 100 часов, а рабочий день длится примерно с 8 утра до полуночи. Есть, несомненно, и положительные стороны принадлежности к политической элите: дорогостоящие машины с шофером, дорогостоящие обеды (часто за чужой счет), большие по японским мерка дома, заграничные поездки, внимание СМИ и общественности. Но есть и оборотная сторона всего этого: бесконечные заседания парламентских, партийных, фракционных комитетов и подкомитетов, прием посетителей, официальные визиты, выступления, лоббирование чужих интересов — и много другой работы. Политик должен выкраивать время и для изучения политических вопросов, написания речей, чтения необходимой литературы. По выходным он также не свободен, так как должен посещать свадьбы, похороны, спортивные и религиозные ме-

роприятия, праздники, чтобы поддерживать должные отношения с нужными людьми, а также с электоратом и группой поддержки.

В то же время политик должен пристально следить за собственными финансами. У него в среднем 12 секретарей и помощников, которыми нужно управлять, которых нужно мотивировать — и хорошо платить. Обычно парламентарий держит четыре офиса: два в Токио и два в провинции на своем избирательном участке. Таким образом, для семейной жизни у него остается время не более, чем по вечерам в субботу. Во время парламентских каникул политик, как правило, надолго уезжает за границу — официально для изучения электоральных и законодательных систем других стран, на практике же — «чтобы фотографироваться с могущественными и известными людьми мира». Фотографии позже помещаются на персональные сайты, в вестники, посвященные деятельности политика, или его книги и используются для саморекламы. Наконец, политики пишут книги (А. Ротхахер о них отзывается весьма иронично): нет ни одного уважающего себя члена парламента, который не опубликовал бы ни одной книги. Эти издания, как правило, являются сборником его наимудрейших мыслей о мироустройстве в целом и о Японии в частности, а также нередко о его избирательном округе. Типично такой труд называется «Япония и мир в XXI веке». Бывают, однако, исключения, когда политики публикуют нечто стоящее.

Хобби также в достаточной степени унифицированы: большинство политиков занимается одними и теми же видами спорта: в первую очередь, гольфом, а иногда теннисом, бейсболом, традиционными японскими единоборствами. Кроме того, принято отвечать, что политик увлекается чтением. Среди распространенных хобби также *караокэ* и традиционные игры — шашки *го* и шахматы *сёги*.[17] Очевидно также, что большинство политиков имеют довольно сильное пристрастие к алкоголю.[18] Многие содержат любовниц — «гейш» или тому подобных «дорогих» женщин. Однако внешне политики стремятся демонстрировать респектабельную семейную жизнь. Отмечается, что количество детей в их семьях в среднем выше, чем в стране в целом. Некоторые парламентарии имеют по пятеро детей, к примеру, Фукуда Такэо и Хасимото Рютаро. Однако чем моложе поколение, к которому

[17] Впрочем, здесь политики не отличаются от среднего японца. Любительский спорт, в особенности *го* и *сёги*, чрезвычайно популярен и среди простых смертных, как и *караокэ*. Некоторые политики нынешнего поколения ради создания «народного» имиджа, а также, очевидно, в силу личных пристрастий упоминают в качестве хобби чтение комиксов *манга* — как например, бывший премьер и нынешний министр финансов Асо Таро.

[18] Пристрастие к алкоголю не носит индивидуального характера. На его массовое распространение влияет стиль ведения переговоров: обычно они происходят во время застолья. Отметим между прочим, что состояние алкогольного опьянения и употребление алкогольных напитков в уместной обстановке в японской культуре в целом не порицается. При этом уместными считаются значительно более широкий круг ситуаций, чем в российской культуре, к примеру, не зазорно напиваться начальнику в присутствии подчиненных до состояния очень высокой степени опьянения, а профессору университета — совместно со студентами. Учитывая, что большинство политиков люди пожилые и, как следствие, не очень здоровые, их «отношения» с алкоголем складываются по-разному: Канэмару Син на пике влияния пережил операцию по удалению опухоли желудка, в результате чего практически полностью отказался от алкоголя. Это создало определенные трудности в ведении переговоров, но креста на его карьере не поставило. Танака Какуэй, напротив, не отказался от употребления спиртного, несмотря на советы врачей, что стоило ему карьеры и жизни: в стрессовой ситуации он перенес инсульт, стал инвалидом и позднее скончался.

принадлежит политик, тем меньше у детей — что отражает общеяпонскую тенденцию снижения рождаемости.

Как общественное мнение, так и мнение других сегментов элиты о политиках в среднем невысоко. Бюрократы их считают неумными, бизнесмены — жадными и неэффективными, общественность в целом — коррумпированными и лживыми, обычно, правда, делая исключение для кандидата от своего округа. И действительно, образ жизни, происхождение — всё отделяет политика от среднего японца.

Одной из ключевых опор ЛДП являются налаженные связи с бюрократией, которая готовит по сути большую часть законопроектов. ЛДП имеет определенные рычаги влияния на бюрократию: это, во-первых, возможность вмешиваться в ротацию кадров в процессе продвижения по службе тех или иных бюрократов и, во-вторых, принятие отставных чиновников в ряды этой партии после выхода на пенсию. Бизнес же зачастую выступает в качестве источника средств для политиков. Поэтому, несмотря на взаимную неприязнь, политики, бюрократы и бизнесмены тесно связаны и могут функционировать только в рамках системы, состоящей из этих трех институтов.

Если рассмотреть политику Японии с той точки зрения, насколько она отражает интересы основной массы японцев, окажется, даже по основным показателям, что общественное мнение и политический курс слабо связаны между собой. Избирательная система Японии после войны вообще не отличалась справедливостью. Например, размер избирательного округа до реформы был совершенно не пропорционален его населенности. Один голос избирателя в аграрной префектуре Тоттори был равен пяти с лишним голосам избирательного округа в Токио. Х. Кербо и Дж. Маккинстри пишут, что об особенностях японской «демократии» говорит как минимум то, что уровень поддержки политиков со стороны избирателей никак не коррелирует с их реальными карьерами: премьера Кайфу Тосики избиратели в массе поддерживали чуть ли не больше всех других политиков, но он слетел с премьерского кресла очень быстро. Уно Сосукэ, напротив, вообще не поддерживали, но он вышел из игры с той же скоростью. Чрезвычайно сильные и влиятельные политики Такэсита, Танака, Канэмару имели средний либо меняющийся уровень общенациональной поддержки. В начале своего правления кабинет Танака был одним из самых популярных в послевоенной истории Японии — уровень поддержки составлял более 60%. В конце его недолгого премьерства рейтинг Танака, напротив, упал до одного из самых низких значений.

А. Ротхахер описывает в своей книге политический мир таким, каким он был в начале 1990-х гг. Хотя основные описанные им тенденции и принципы функционирования политической машины сохраняются и по сей день и будут иметь силу еще долгое время, все же с тех пор японские политические партии, в первую очередь ЛДП, претерпели некоторые изменения. Автор вернулся к анализу японской элиты в статье начала 2000-х гг. К 1990-м гг. под действием различных факторов, в первую очередь коррупционных скандалов, назрела необходимость реформ. Как бы ни были аполитичны японцы, непростые экономические условия в это время заставили их более внимательно прислушиваться к предвыборным обещаниям кандидатов, а партии в результате стали больше сил и средств тратить на поддержание политического имиджа.

После поражения на выборах 1993 г. часть из более 30 членов партии откололась от ЛДП и пополнила ряды оппозиции. ЛДП продолжала удерживаться у власти в течение 15 лет, только вступая в коалицию с более мелкими партиями. Затем японская политическая система вернулась к системе полутора политических партий, только место социалистов заняла Демократическая партия Японии. Кроме того, сохранилась система *дзоку*, при которой определенные деятели правящей партии контролируют основные министерства. Также усилился фактор наследственности при распределении основных постов в политической элите. При этом, как полагает А. Ротхахер, роль фракций в ЛДП снизилась.

Что касается избирательных групп поддержки *коэнкай*, то многие из них уже прочно стали наследственными и отдельные политики являются таковыми уже в третьем поколении. Например, такие известные, как бывшие премьеры Абэ Синдзо или Коидзуми Дзюнъитиро. В последнее время, поскольку нет поводов для серьезных дебатов, предвыборные кампании превращаются в личную войну кандидатов, очень яркую и очень дорогую — в стиле США. И здесь стоит вспомнить, что именно столкновение крупнейших фракций в ЛДП в 1993–1994 годах привело к тем масштабным изменениям, через которые прошла политика Японии в последующие годы. А. Ротхахер отмечает, что *дзоку*, которые являются ключевым инструментом доминирования политиков из ЛДП над главными министерствами, в последние годы еще более усилили свой контроль над бюрократией. Министры назначаются и уходят в отставку раз в 10 месяцев. Однако именно глава *дзоку* держит в своих руках все главные рычаги управления бюрократией. Как правило, политики начинают специализироваться на связях с определенным министерством на самых ранних этапах своей карьеры в парламенте. По мере того, как их переизбирают несколько раз, они, с одной стороны, укрепляют связи с бюрократией. С другой стороны, они начинают получать финансовую и другие виды поддержки от крупных компаний, которые с их помощью лоббируют свои интересы в отраслевых министерствах. Надо отметить, что и бюрократы в индивидуальном порядке заинтересованы в сотрудничестве с парламентариями в таком формате, потому что в дальнейшем это помогает им устроить свою судьбу после выхода в отставку, когда они получают символические в функциональном смысле, но очень существенные в плане зарплаты посты в компаниях, с которыми они прежде сотрудничали.

А. Ротхахер указывает ключевых боссов в ЛДП на момент создания статьи: Хасимото Рютаро занимается вопросами, связанными со здравоохранением и социальным обеспечением, финансами и строительным бизнесом в меньшей степени. Аидзава Хидэюки контролирует финансы. Хори Косукэ — сельское хозяйство, Накагава Таро — здравоохранение, Судзуки Мунэо — иностранные дела, Нонака Хирому — почтовую службу, Кога Макото — инфраструктуру, транспорт, сооружение автодорог. Если верить журналу The Economist, последних трех особенно боятся. Считается, что Судзуки Мунэо в январе 2002 г. был основным режиссером падения Танака Макико. В связи с этим чрезвычайно показательна повестка дня, которая стояла во время премьерства Коидзуми Дзюнъитиро. В течение трех десятилетий он верно служил фракции Фукуда/Абэ/Мицудзука, но при этом активно культивировал имидж одинокого аутсайдера. На выборах председателя ЛДП в 2001 году он легко обошел Хасимото, несмотря на то что у последнего было значительно больше

ресурсов. Основной план реформ при Коидзуми состоял в следующем: приватизация почтовой службы и в особенности ее огромного сберегательного банка и страховых операций, а также приватизация корпораций, сооружающих автобаны. Обе эти акции были нацелены на подрыв основ (бывшей) фракции Танака/Канэмару/Такэсита. Следует отметить, что эта фракция поддерживала двух основных оппонентов Коидзуми — Хасимото, который был его оппонентом внутри партии, и Аидзава, его внешнего оппонента. В добавление к этому стоит отметить, что Коидзуми был связан с финансовым *дзоку* внутри партии, а финансовые круги, то есть банки, были заинтересованы в приватизации дополнительных почтовых услуг, таких как банковские услуги и страхование. Почтовая служба располагала средствами в 300 трлн иен, и это были крупнейшие частные сбережения, хранимые в одной институции. При этом кредиты Почтовый банк выдавал в основном на публичные работы, на сооружение инфраструктуры, которую как раз контролировала фракция Танака. Но после ухода Коидзуми наметился откат назад и почтовая фракция отыгралась. То же произошло и с лобби компании, сооружающей автобаны. В итоге долг этих компаний был реструктурирован. И план по сооружению дополнительно двух тысяч км дорог был возвращен в правительственную программу. Что касается избирательной реформы, то она скорее усилила, нежели ослабила группы поддержки *коэнкай*. Но в то же время она сильно повысила финансовую зависимость провинциальных членов парламента.

На выборах 2009 г. ЛДП проиграла, уступив место Демократической партии, составленной по большей части из представителей кандидатов, отколовшихся от ЛДП ранее. В ходе выборов 60% кандидатов от ЛДП потерпели поражение, включая бывших и действующих на момент выборов министров, тогда как ДПЯ приобрела 308 из 480 мест в парламенте. Что делает поражение ЛДП еще более удивительным, так это оглушительный успех на выборах 2005 г., когда партия приобрела 2/3 мест в палате представителей.

К сожалению, не удалось найти работы, которые анализировали бы изменения политической системы Японии после поражения ЛДП в 2009 г. не с формальной точки зрения, а исходя из результатов борьбы основных групп интересов.

Политолог Элисс Краус, автор монографии об ЛДП, выделяет четыре краткосрочных и четыре долгосрочных фактора, ставших причиной поражения ЛДП в 2009 г. К краткосрочным относятся: скандал с утерей более 50 млн. пенсионных списков; плохо подготовленные избирательные кампании премьер-министров (ни Абэ Синдзо, ни Асо Таро не имели большой популярности у электората); умело организованная избирательная кампания оппозиции на уровне округов; циклический спад деловой активности.

Долгосрочные факторы представляются более важными. Во-первых, ЛДП утратила свою традиционную избирательную базу — население аграрных районов, где ее временно вытеснила ДПЯ, поскольку при Коидзуми Дзюнъитиро были сокращены субсидии фермерам и средства, выделяемые под строительство. ДПЯ же пообещала населению увеличение субсидий. Кроме того, недовольство аграрных регионов вызвало усилившееся имущественное расслоение в обществе, в результате которого крестьяне скатываются во всё более бедные слои. Реформа местных органов управления 2006 г. привела к сокращению их числа с 3232 до 1821, что не-

минуемо привело к сокращению числа политиков на местном уровне, на которых ЛДП могла бы сделать ставку.

Во-вторых, электоральная реформа 1993 г. привела к тому, что избирательная система в Японии стала приближаться к мажоритарной: теперь большинство кандидатов (300 из 480 мест в парламенте) избираются от одномандатных округов, а остальные места заполняются путем пропорционального представительства. Изначально реформа задумывалась как средство обеспечить ЛДП большинство даже при низком уровне популярности, в итоге даже небольшой перевес в сторону оппозиционной партии приводит к тому, что ее кандидат получает место в парламенте.

Третий фактор заключается в том, что электорат в значительной степени непредсказуем. Отдельный избиратель не связан с партией, поэтому не склонен поддерживать ее постоянно. На его выбор чаще влияет привлекательный имидж кандидата или партии, созданный в СМИ. ЛДП никогда не учитывала эту особенность японских избирателей. Новый закон о финансировании предвыборных кампаний лишил парламентские фракции возможности поддерживать кандидатов на уровне избирательных округов. Хотя фракции сохранили возможность влиять на назначения кандидатов на должности в аппарате после выборов, система связей фракций с кандидатами была подорвана.

В-четвертых, ЛДП не учла изменений, произошедших после избирательной реформы, в отличие от оппозиционных партий, которые смогли сплотиться и предложить конкретную политическую программу (последняя, правда, не была исполнена). В частности, ДПЯ в 2003 г. впервые представила свой «манифест», наличие которого вскоре стало обязательным для всех партий.

С образованием одномандатных округов сохраняется и даже повышается роль избирательных кампаний кандидатов от них, а благоприятный образ партии оказывается недостаточным для успеха у избирателей.

С некоторым отставанием представители ЛДП все же стали осознавать важность имиджмейкинга и возможности СМИ в этом плане. В середине 1990-х много внимания стали уделять PR'у. Так, премьер Хосокава очень не рекомендовал членам ЛДП решать вопросы в *рётэях* Акасака. (Для сравнения: фракция Миядзава в течение 1992 г. потратила на такие переговоры около 638 000 долларов. Счет на одного человека в таких заведениях мог составлять 1000 долл.). И действительно, на какое-то время это показательное потребление настолько сократилось, что даже последовали банкротства роскошных ресторанов. Тот же Хосокава, еще до Коидзуми, стал проводить значительно больше пресс-конференций.

Но в наибольшей степени произошедшие изменения осознал Коидзуми Дзюнъитиро и воспользовался зависимостью партии от популярности ее лидера в новых условиях. В 2005 г. он привел ЛДП к уверенной победе, выдворив из партии несогласных с его курсом реформ. Однако после ухода Коидзуми преемники отказались от его курса. При Абэ вновь произошло смещение приоритета в сторону внешней политики и ЛДП вернулась к фракционной системе. Нынешние руководители партии явно недооценивают роль СМИ (в первую, очередь телевидения) в предвыборной борьбе. На нынешнем этапе ЛДП не может позволить себе лидера, непопулярного у населения, т.к. это приводит к поражению партии в целом, тогда как на предыдущих этапах такой корреляции не существовало.

В июне 1993 г., когда распалась крупнейшая фракция в ЛДП, формально ее возглавлял Такэсита, за чем последовала цепная реакция, в результате чего многие фракции в ЛДП распадались, сливались и всячески модифицировались. Многие выходили из состава партии и основывали собственные. В итоге наиболее сильные представители новоиспеченной оппозиции сплотились вокруг Демократической партии. В этой партии в силу ее молодости фракционные структуры достаточно аморфны, но можно выделить два основных направления. Первое состоит из бывших социал-демократов правого крыла, которые имеют тесные связи с профсоюзами «синих воротничков», а также серьезные пацифистские традиции. Второе направление — это бывшие члены фракции Танака, которые имеют теснейшие связи со строительным бизнесом и другими сферами, спонсируемыми правительством.

Несмотря на легкую победу, ДПЯ не смогла удержаться у власти. Не имея опыта единовластного управления страной, партия явно нуждалась во внутрипартийных механизмах подготовки и согласования законопроектов, но они у нее отсутствовали. ДПЯ фактически не удалось выполнить никакие из предвыборных обещаний, поскольку они изначально носили утопический характер. Кроме того, партии попросту не повезло, поскольку на ее правление пришлась природная и техногенная катастрофа 2011 г. и ухудшение отношений с Китаем и Россией — со всеми этими ситуациями ДПЯ справлялась плохо.

В итоге Япония вернулась к правлению ЛДП, а ЛДП — к фракционной структуре. На нынешний момент основными фракциями являются следующие. Бывшую фракцию Фукуда возглавляет Матимура Нобутака. К ней же принадлежат Абэ Синдзо, Коидзуми Дзюнъитиро и Мори Ёсиро. Сам Матимура — политик во втором поколении, и в 2016 г. в парламент был избран его зять Вада Ёсиаки. Фракция считается наиболее влиятельной и имеет 51 место в парламенте. Фракция Цусима Юдзи — вторая по численности (48 мест). Это наследники Такэсита Нобору, Канэмару Син и Танака Какуэй. Несмотря на сравнительно большую численность, фракция расколота; к примеру, в начале 2000-х большая ее часть поддерживала Коидзуми — то есть противоборствующую фракцию. Цусима Юдзи также происходит из семьи политиков, и его сын — начинающий политик (избирался два раза). Среди его наиболее известных родственников — тесть, писатель Дадзай Осаму (1909–1948). Другой влиятельный представитель фракции — Аоки Микио, сын председателя рыболовецкой ассоциации. Сам он политик первого поколения, но его сын уже заседает в парламенте. Еще один известный член этой фракции — Хори Косукэ, также политик второго поколения. Группу продолжают преследовать коррупционные скандалы. В частности, в недавние годы стали известны факты, касающиеся получения взятки главными представителями фракции, включая Хасимото, от ассоциации дантистов. В целом это проигравшая фракция. Времена ее влияния (1970–1990-е) давно позади.

Главы двух менее значительных фракций Никай Тосихиро и Комура Масахико — также потомственные политики. В результате на данный момент удивить кого-то наличием отца-политика трудно. Выделяются политики уже в третьем-четвертом поколениях, которые чаще занимают руководящие должности (Хатояма, Фукуда, Абэ, Коидзуми), либо, напротив, вовсе лишенные именитых родственников.

На волне эмансипации, дотянувшейся до Японии с большим опозданием, появились и примеры женщин-парламентариев. Однако и в этом случае принцип наслед-

ственности часто сохраняется: Хориути Мицуо, лидер сравнительно крупной фракции (32 места), ушел в отставку, избрав преемником свою невестку Норико. Хориути Норико при этом также происходит из состоятельной семьи: ее дед — председатель банка, отец — глава страховой компании. Среди предков — аристократы, включая, к примеру, Макино Нобуаки, сына одно из лидеров реставрации Мэйдзи, Окубо Тосимити.

Из описанных выше изменений в последние два-три десятилетия становится очевидно, что основным механизмом комплектования постепенно становится наследственный, который и до этого был представлен достаточно широко. В последние годы становится всё меньше self-made политиков, таких как Сато Бунсэй, взятый в качестве примера начинающего члена парламента в начале данного раздела. Так же, как врачебная или религиозная деятельность, политика становится в Японии семейным делом. В 1986 г. 115 (38%) членов нижней палаты были политиками второго поколения. Если рассмотреть отдельно «новичков», недавно избранных в первый раз, то их доля увеличивается до 60%. В 1991 г. количество политиков второго поколения выросло до 117. При этом 13 являются политиками уже третьего поколения, а двое — братья Хатояма — политики четвертого поколения. Некоторые, например, Миядзава, имели предков и в составе довоенного парламента. По статистике начала 1990-х гг., из 512 мест в парламенте 130 занимают именно такие, при этом 118 из них из ЛДП, то есть около 40% всех японских политиков — потомственные. Или другая статистика. Из 20 членов кабинета Такэсита семь — то есть треть — были потомственными политиками. Хороший пример «наследственных» политиков — Хата Цутому (р. 1935). Он, несмотря на неплохие семейные связи, не смог поступить ни в Токийский университет (окончил малоизвестный Сэйдзё), ни в компанию Sapporo Beer и некоторое время работал водителем экскурсионного автобуса (!). Затем в 1969 г. скончался его отец, который был членом парламента, Хата занял его место и без труда выиграл выборы, после чего быстро присоединился к фракции Танака, как и его родитель.

Зачастую по наследству передаются избирательные округа и другие полномочия. Так, Судзуки Дзэнко в 1990 г. оставил свой избирательный округ в Иватэ своему сыну Синъити. Последний также вошел в *дзоку*, контролирующий рыболовную отрасль. Бывший премьер Фукуда Такэо передал свой округ в Гумма зятю Оти Митио. При этом младший брат Фукуда является членом верхней палаты. И все трое давние сторонники фракции Абэ/Мицудзука. Покойный (ум. 1991) Абэ Синтаро[19] приходился зятем бывшему премьеру Киси Нобусукэ. Представлены в парламенте и другие сыновья премьеров: Сато Синдзи и Накасонэ Хирофуми. Для сравнения: среди всех оппозиционных партий только у 13 кандидатов отцы когда-то служили в парламенте. Единственный, кто не смог закрепить свой клан в большой политике, — Танака Какуэй. Его усыновленный зять Танака Наоки избирался однажды от округа Фукусима 3, но проиграл вторые выборы.

Можно было бы предположить, что принцип наследственности в политики должен был бы истребить в молодых наследниках мотивацию к обучению и профессиональному росту. Однако все они являются выпускниками престижных университетов: Токийского, Васэда, Кэйо. Подавляющее большинство политических наследников изучали право, с большим отрывом следует экономика, инженерные

[19] Оставивший также свой избирательный округ в Ямагути своему сыну Абэ Синдзо.

специальности и политэкономия. Через поколение, предсказывает А. Ротхахер, политическая реальность Японии окончательно «рефеодализируется»: доступ к политической карьере и принятию решений смогут получить только представители нескольких очень влиятельных, богатых и взаимосвязанных кланов.

Специальных исследований, посвященных феномену потомственных политиков в современной Японии, не существует, однако его часто упоминают в обзорных работах. Изредка появляются исследования, посвященные отдельным аспектам данной проблемы. Группа японских ученых (ун-т Васэда, ун-т Досися, Осакский ун-т, Сиракузский ун-т) исследовала характерные особенности потомственных политиков в Японии и пришла к выводу, что потомственные кандидаты на общественные должности имеют в среднем более высокий потенциальный рейтинг. Избиратели (справедливо) предполагают, что благодаря семейным связям таким кандидатам удастся привлечь больше бюджетных или других средств в регион. И в действительности анализ показывает, что в среднем муниципалитеты, представленные потомственными кандидатами, получали на 1,5% больше бюджетных ассигнований. Еще одним преимуществом потомственных политиков является наличие большего по сравнению с непотомственными количества ресурсов, которые они могут задействовать во время предвыборной кампании. Непотомственные кандидаты тратят на предвыборные кампании больше денег, т.к. вынуждены платить за то, что потомственные политики получают в результате наличия семейных связей. При этом семьи потомственных политиков состоятельнее кандидатов в первом поколении в среднем на 5 млн. иен. Поэтому участие такого рода кандидатов повышает среднюю цену кампании в округе, от которого они избираются. При этом потомственные политики получают преимущества в любом случае — баллотируясь как в своих «наследственных» округах, так и в округах, от которых представители их семьи еще не избирались.

Авторы анализируют четыре предвыборные кампании — 1996, 2000, 2003 и 2006 гг. В результате в нижней палате парламента от 25 до 28% политиков являлись потомственными, подавляющее большинство среди них избиралось от ЛДП. При этом учитывались только те политики, чьи родители избирались в парламент. При этой статистике число потомственных кандидатов составляет от 20 до 30%. Однако сами авторы статьи отмечают, что это сильно занижает показатели, поскольку с учетом всех родственников, включая родственников супруга (и) кандидата, этот показатель может увеличиться вдвое.

Анализ, в первую очередь, перспективы улучшения инфраструктуры и увеличение рабочих мест показывает, что в результате избрания потомственных политиков экономическая ситуация в регионах улучшается крайне редко, поскольку привлеченные средства, как правило, распределяются в узком кругу лиц или ведомств, с которыми потомственный кандидат связан обязательствами. Расчеты исследователей показывают, что избрание потомственного кандидата имеют устойчивую корреляцию с уменьшением ВВП избирательного округа.

В целом в более выигрышном положении оказываются округа с конкурентными выборами, от которых в выборах участвует более одного кандидата, поскольку после избрания как потомственные, так и непотомственные политики вынуждены прикладывать усилия для сохранения места на следующих выборах. При этом практика показывает, что непотомственные кандидаты проводят более эффектив-

ную экономическую политику вне зависимости от того, избирались они при наличии или отсутствии конкурентов на выборах. Исследователи предполагают, что данная склонность потомственных парламентариев к неэффективному обращению с бюджетными средствами негативно сказывается и на экономике Японии в целом.

Часто появляется термин «феодализация» или даже «рефеодализация», указывающий на данное явление японской политической жизни начиная с 1990-х гг. Его употребляет и А. Ротхахер, и многие японские авторы. Появляются и подчиненные термины, также говорящие о «феодализации»: например, когда группа Танака в 1985 г. раскололась, ее члены получили названия в зависимости от отношения к Танака и новым лидерам: *симпан-гиин* (наиболее преданные Танака), *фудай-гиин* (поддержавшие Такэсита и Канэмару, но формально оставшиеся во фракции Танака) и *тодзама-гиин* (сторонники Такэсита). *Гиин* — это «член парламента», а первые слова в этих терминах — типология-иерархия князей *даймё* эпохи Токугава (родственники Токугава, союзники и бывшие противники).

Встречаются и другие сравнения. К примеру, политический эссеист Ито Маюми говорит, что группы поддержки *коэнкай* в последние годы стали практически профессиональными объединениями, а избираемый политик в них выступает в качестве главы компании. И бизнес этот, надо сказать, очень прибыльный.

Существует проблема, не исследованная систематически в литературе на западноевропейских языках: отраслевые кланы *дзоку*, специализирующиеся на курировании отраслевой бюрократии и лоббировании интересов бизнеса в этих отраслях. Другой важной сетью являются так называемые «законодательные» или «парламентарные клики» *дзоку* (то, что Дж. Шлезингер называет diet tribes). Они формируются по отраслевому принципу: в них входят члены, как правило, ЛДП, специализирующиеся на связях партии и парламента в целом с определенными профессиональными и/или бюрократическими группами и успевшие набрать достаточный вес в партии. Представители *дзоку* стоят на стыке политических партий (точнее, партии), профессиональных групп интересов, отраслевой бюрократии и иногда бизнеса. Так, в 2002 г. газета «Сюкан Асахи» приводила список из 76 представителей *дзоку*, распределенных по 11 отраслям. Из них 93,4% были представителями нижней палаты и только один не принадлежал к ЛДП.

Можно предположить, что в последние десятилетия *дзоку* местами становятся более влиятельными структурными единицами, чем фракции внутри ЛДП, которые становятся аморфнее. Эти кланы часто упоминаются в литературе, однако их структура, принципы функционирования и история подробно не описаны.

Бюрократия

Другую часть истеблишмента составляет профессиональная бюрократия. В каждый срез времени около 500 чиновников в должности главы департаментов (яп. *катё:*) и выше имеют полное право на то, чтобы называться частью японской властной элиты. Как и другим бюрократическим машинам, японской присуща строгая иерархичность, а у чиновников с годами вырабатывается хорошее чувство иерархии —

они прекрасно разбираются в том, какое положение они занимают, на какой отрезок власти могут претендовать и каким образом следует себя вести исходя из этого.

Комплектование и принципы ротации чиновничьего аппарата описаны А. Ротхахером не менее подробно, чем политический истеблишмент. Зачисление на государственную службу всегда происходит на конкурсной основе. При этом конкурс изначально имеет три уровня в соответствии с уровнем образования кандидата и, как следствие, должности, на которую он впоследствии может претендовать. Класс I — будущие чиновники среднего и высшего уровня, тест ориентирован на выпускников университетов и аспирантуры. Класс II — канцелярские работники — набирается из выпускников университетов и колледжей. Наконец, класс III — в основном низкоквалифицированный труд — выпускники школ. Таким образом, уже на момент подачи заявления на экзамен проводится профессиональная сегрегация, которая сохранится до конца службы. Кандидаты в класс I выполняют тесты с конкретными вопросами, уровень которых соответствует практически энциклопедическим знаниям, а также пишут несколько эссе на самые разные темы (время написания при этом ограничено). Формально конкурс могут проходить любые граждане Японии в возрасте от 21 до 33 лет, однако на практике прохождение экзамена требует серьезной академической подготовки. Есть (неофициальная) гендерная сегрегация: среди набранных кандидатов в начале 1990-х гг. женщины составляли 3,4%[20]. Также (неофициально) предпочтение отдается выпускникам известных университетов, в особенности естественнонаучным или инженерным специальностям. К примеру, в 1988 г. из успешно сдавших тесты 32% были выпускниками Токийского университета, 11% — Киотосского, по 5% — университеты Тохоку и Васэда, 4% — Токийский технологический институт. Выпускники инженерных специальностей, как было сказано, обычно успешнее справляются с тестами. Однако выпускники гуманитарных факультетов (права, экономики и т.д.) в случае успеха могут претендовать на зачисление в более престижные министерства: финансов, иностранных дел, международной торговли и индустрии. Конкурс чрезвычайно жесток, но в последние годы смягчается — не в связи с увеличением вакансий, а в связи с сокращением числа поданных заявлений. Пик популярности государственной службы пришелся на 1978 г. (388 000 кандидатов). В 1987 г. поступить на работу в министерства было уже 243 000 желающих. Связано это в первую очередь с тем, что в первые десятилетия после войны госслужба была одним из немногих социальных лифтов, однако по мере экономического роста молодежь получила возможность делать карьеру и в крупных корпорациях.

Кандидатуры успешно прошедших тестирование рассматриваются министерствами. Некоторые ведомства, помимо общего, проводят и собственные экзамены: к примеру, Агентство по управлению императорским двором, а также Министерство иностранных дел. Главные министерства имеют приоритет. К примеру, Министерство финансов рассматривает кандидатуры 50 человек, лучше всего справившихся с экзаменом, и отбирает из них 25. В подавляющем большинстве случаев это выпускники Токийского, Киотоского и университета Хитоцубаси. Нетоповые министерства забирают «остатки», отвергнутые главными тремя.

[20] В последние годы число женщин возросло, но незначительно.

Рассмотрим стандартную карьеру чиновника. После окончания факультета права, допустим, Токийского университета — на котором вовсе не обучаются праву, а получают общее гуманитарное образование с некоторым уклоном в правоведение, экономику и социальные науки — и успешного прохождения конкурса молодой человек поступает на работу в министерство в возрасте около 23 лет. Высокие стандарты образования, однако, в первые год или два работы могут быть забыты: новоиспеченный чиновник будет копировать документы или даже носить кейс за своим начальником. Затем некоторое время он будет самым младшим из столоначальников в своем офисе. После этого начинающий бюрократ будет вознагражден: на год его, скорее всего, пошлют на исследовательскую стажировку в один из ведущих японских или даже зарубежный университет (в зависимости от направленности и возможностей министерства; в хорошем случае это могут быть и университеты Лиги плюща в США или Оксфорд или Кембридж в Великобритании). По возвращении чиновник вновь приступает к основной деятельности. Как правило, после этого следует женитьба. Бюрократы более других разборчивы в выборе супруги: это может быть свадьба по сговору (яп. *миай-кэккон*) с дочерью кого-то из начальства или высокопоставленных друзей или же (вариант скромнее) девушка из младшего персонала офиса, окончившая сокращенные университетские курсы, работающая на полставки, скорее всего привлекательная внешне и устроившаяся на работу специально с целью сделать хорошую партию.

Раз в год или два происходит горизонтальная ротация. Это особенность именно чиновников класса I: чиновники класса II и префектурального уровня остаются на одном и том же месте значительно дольше. В некоторых случаях происходит даже обмен чиновниками между министерствами. В случае с МИДом его сотрудники периодически отправляются в долгосрочные (но ограниченные несколькими годами) командировки за рубеж.

В зависимости от успехов по службе и соответствия прочим критериям, чиновник класса I продвинется до главы департамента (*катё:*) в возрасте от 37 до 46 лет — то есть, после 14–20 лет службы. Причем если продвижение произошло сравнительно рано, чиновник продолжит подвергаться ротации и менять департаменты, которыми он управляет — вплоть до восьми (!). В течение следующих пяти лет идет дальнейший отбор. Те, кто сумеет продвинуться уровнем выше, останутся на службе. Остальные же чиновники класса I будут вынуждены выйти в отставку в 50 лет и либо жить на покое, либо воспользоваться возможностью «второй карьеры» — *амакудари* в аффилированных с их министерством корпорациях или частных компаниях, которые он ранее курировал по долгу службы.

По выходе на пенсию — обычно вскоре после 50 лет — чиновник получает единовременную выплату (в зависимости от выслуги лет) в размере от 34 до 41 ежемесячных заработков. Этой суммы обычно хватает, чтобы заплатить детям за университетское образование или погасить ипотеку. Однако до 65 он не будет получать ежемесячной пенсии. Поэтому после отставки большинство чиновников начинает «вторую карьеру» (*амакудари*). Существует правило, в соответствии с которым чиновник в течение двух лет после отставки не имеет права устраиваться на работу в компании, подчиняющиеся его бывшему ведомству. Однако часто этим правилом пренебрегают. Наибольшее количество мест для «приземления» посланцев неба,

разумеется, предусмотрено для чиновников из министерства финансов, которые разбирают почетные места в банках и других финансовых структурах. Другой вариант «второй карьеры» — политика. Треть членов парламента от ЛДП — бывшие бюрократы с как минимум 25-летним опытом службы, а среди них, в свою очередь, треть — бывшие чиновники финансового ведомства. Но это касается лишь верхнего сегмента бюрократии. На противоположном конце — провинциальные чиновники, которые после отставки в лучшем случае откроют маленькое кафе, а в худшем вернутся к земледелию, а то и станут ночными сторожами.

После продвижения на должность начальника департамента чиновники подвергаются дальнейшему отбору: более удачливые будут возглавлять либо секретариат министерства, либо общий координационный отдел. Без этих должностей можно и не мечтать о продвижении до уровня заместителя министра (фактически главной должности в каждом министерстве, поскольку министр, которому достался соответствующий портфель, с большой долей вероятности оставит его спустя короткий промежуток времени — см. раздел о политиках). При этом заместитель министра, уходя в отставку, никогда не назначит преемника, руководствуясь только собственными предпочтениями. Он непременно проконсультируется как со своим предшественником и рядом других чиновников, так и с ключевыми для его отрасли политиками, представителями соответствующего *дзоку*: связи бюрократии и членов парламента очень хорошо налажены, и последние знают не только заместителя министра, но и практически всех глав департаментов и даже более молодых чиновников уровнем ниже.

С определенного уровня (начальник отдела — *кёкутё:*) образ жизни чиновников сильно меняется: они испытывают значительно меньше стресса на работе и меньше заняты рутиной. Вместо электричек они передвигаются на служебных автомобилях, улучшаются и жилищные условия. Появляется много возможностей для заграничных поездок, их начинают приглашать играть в гольф и в дорогие рестораны.

Японская бюрократия чрезвычайно самостоятельна и зависит от политиков в ограниченном круге вопросов, в особенности если речь идет о периоде до середины 1990-х гг. Х. Кербо и Дж. Маккинстри приводят следующий пример: когда в должность вступает новый американский президент, он делает в целом около 1000 назначений. Это означает реальные перемены в основных государственных агентствах. В Японии новый премьер делает около 20 назначений, которые практически не затрагивают работу министерств. В Америке высшие бюрократы практически никогда не проходят полный прямой путь от мелкого чиновника до заместителя министра, причем в одном и том же министерстве. В Японии это именно тот путь, который должен пройти бюрократ, чтобы достичь позиции, соответствующей вершине бюрократической иерархии. Авторы книги Who Rules Japan? даже сомневаются — чем являются *дзоку*: то ли способом политиков контролировать бюрократов, то ли наоборот. Ведь в значительной степени *дзоку* состоят из тех же бывших бюрократов.

Система предусматривает постоянный контроль над чиновниками: постоянная ротация призвана исключить патронаж и фаворитизм. (Впрочем, есть исключения. В некоторых министерствах все же присутствует отраслевая специализация с определенного года службы. К примеру, в Министерстве финансов бюрократы специализируются на налогах, управлении бюджетом, банковском секторе и т.д. и оста-

ются в соответствующей сфере до конца службы.) Чиновники, которые достигают высших рангов, отбирались долгие годы и прошли множество этапов отбора, прежде чем были допущены до вершины иерархии. Некомпетентный, с неуравновешенным характером или просто ленивый сойдет с дистанции в самом ее начале.

Чиновники систематически перерабатывают[21]. Хотя официально рабочая неделя длится 42 часа, в большинстве министерств чиновники перерабатывают два часа в день минимум. А в некоторых министерствах бывают периоды, когда чиновники работают до 2 ночи, а затем спят на диванах прямо в офисе. Многие бюрократы (в более загруженных министерствах) работают на выходных, либо берут выходную субботу раз в две недели, а то и раз в месяц.

Автор книги The Japanese Power Elite, судя по биографии, имеет богатый опыт взаимодействия с государственными ведомствами страны. Офисная культура в Японии, в особенности в бюрократических учреждениях, имеет практически тоталитарные порядки: 40–50 человек работают в одном общем тесном офисе все 10 или более часов. Всё, что человек делает, на виду. Даже в обеденный перерыв принято вместе ходить в столовую. Все подробности личной жизни — от бытовых привычек до состояния здоровья членов семьи — быстро становятся достоянием общественности. Пристальное внимание со стороны коллег буквально дрессирует и вырабатывает конформизм. Везде жесткий, но негласный дресскод, нормы не только относительно того, какие политические взгляды должен иметь чиновник, но и что он должен предпочитать из напитков, какие сигареты курить, какими видами спорта увлекаться. А. Ротхахер с иронией отмечает, что когда начальник отдела оказывается в командировке, среди его подчиненных царит такое же оживление, как у учеников, когда учитель выходит из класса во время урока.

Конечно, чиновники работают в первую очередь с документами. Однако особенностью функционирования японской бюрократической системы является то, что значительная часть ключевой информации передается устно. Для своевременного и равномерного его распространения, как следствие, постоянно происходят собрания самых разных уровней — они поглощают значительную часть рабочего времени чиновника.

Другой особенностью является необходимость согласовывать большинство вопросов с огромным количеством других ведомств и инстанций. Поэтому всё — не только бюджет, но и расписание мероприятий, к примеру — планируется сильно загодя, и в случае возникновения любых, самых незначительных, непредвиденных обстоятельств система оказывается негибкой для адаптации к новым условиям.

У Министерства иностранных дел особый образ. Считается, что его чиновники имеют в среднем более высокий культурный и интеллектуальный уровень. Фракции внутри министерства группируются, в отличие от других, не вокруг семейных или академических связей, а на базе основного языка или страны изучения: существуют французская, американская, британская и немецкая фракции. До войны большим влиянием пользовалась немецкая фракция, в настоящий момент, естественно, — американская.

У других министерств свои особенности. Ни у кого не вызовет удивления, что Министерство строительных работ прочно связано с фракцией Танака — Такэсита,

[21] Впрочем, как и другие японцы.

Министерство транспорта (по крайней мере, некоторые его бюро) — с фондом Сасакава, основанным одним из бывших военных преступников. Но, несмотря на все эти особенности, чиновничество в целом достаточно гомогенно: чиновники старшего класса в большинстве окончили один и тот же университет (Токийский, факультет права), прошли один и тот же карьерный путь; их объединяет принадлежность к одному поколению (поскольку этапы прохождения карьеры универсальны, то и возраст чиновников в должностях одного уровня всегда близок), общие взгляды и модели поведения. От политической элиты бюрократию отличает, во-первых, то, что она в значительно большей степени комплектуется по принципу меритократии; во-вторых, бюрократия подвержена большей ротации кадров: чиновники долго идут к верхним позициям в иерархии, однако полнотой власти они наслаждаются крайне малый срок.

Бюрократия довольно-таки агрессивно вторгается в подведомственные ей сферы общества. Наиболее известным и при этом внелегальным инструментом управления является так называемое «административное руководство» (яп. *гёсэй сидо*). К примеру, Министерство международной торговли и индустрии может внезапно созвать представителей металлургической промышленности и проинформировать их о том, что экспорт стали в какую-либо конкретную страну должен быть сокращен, и раздать квоты каждой из компаний. Если компания не собирается подчиняться, то в лучшем случае ей сократят квоты, а в худшем она попадет в «черный список» и в ближайшем будущем будет иметь массу неприятностей с продлением лицензии, получением государственных субсидий, налоговыми проверками в будущем. Легального статуса подобные процедуры не имеют, однако бизнес неизменно вынужден подчиняться.

Ключевой переменой последнего времени стало то, что с середины 1990-х гг. наметилась новая тенденция в соотношении сил между политиками и бюрократами, и в результате позиции бюрократии оказались несколько потеснены политиками. Вплоть до 1980-х гг. большая часть элиты принадлежала к бывшим бюрократам. В период 1945–1989 гг. единственными исключениями (среди премьеров) были: бизнесмены Танака и Исибаси, а также Такэсита, который был профессиональным политиком. Все остальные имели бэкграунд в министерствах. С 1990-х гг. началась эпоха профессиональных, часто потомственных политиков. «Наступление» политиков нашло законодательное выражение, и в Японии продолжаются административные реформы[22].

Любопытное замечание по поводу взаимоотношений Танака с бюрократией делает Ч. Джонсон: он не только установил с ней дружественные отношения, он смог навязывать ей свою волю, чего не могли многие министры. В частности, он, вступая в должность министра финансов, в которой пробыл три года, отказался проходить церемониальный инструктаж в присутствии императора (*го-синко*:), символически обозначив нежелание подчиняться бюрократии. Более того, он задолго до административной реформы 1990–2000-х гг. отмечает, что в японской системе наметился переход от бюрократического к политическому управлению, что нашло отражение как в юридических и административных нормах, так и в способе комплектования ЛДП. Если до 1970-х гг. она управлялась, по сути, бывшими бюрократа-

[22] Подробно освещены в книге: Сенаторов А.И. Очерки административной реформы в Японии. М.: ИДВ РАН, 2004. 206 с.

ми, то теперь стали доминировать местные профессиональные политики из сельских округов, а позднее — просто потомственные профессиональные политики. Прогноз Ч. Джонсона сбылся практически на 100% — через 20 лет после написания статьи политики действительно смогли наступать на бюрократию и закрепить эти изменения законодательно. «Успех Танака положил конец балансу сил и привел к открытой войне между новым порядком (Танака) и старым порядком (Фукуда)».[23] Под новым порядком подразумевается «политическое» управление в противовес старому бюрократическому управлению, которое воплощал бывший чиновник Фукуда Такэо. Административная реформа подробно, пусть и несколько формально, описана в монографии А.И. Сенаторова. Первые разговоры об административной реформе начали ходить еще в 1980-х гг., однако тогда они наткнулись на сопротивление определенных кругов внутри самой ЛДП, не желавшей серьезно менять положение дел. В 1990-х гг. ситуация поменялась. Начиная с премьерства Миядзава Киити (1991–1993) стали систематически продвигаться законопроекты по «дерегулированию». В первую очередь они касались как официального, так и неофициального («административное руководство») регулирования различных отраслей экономики. Миядзава выступил с предложением пересмотреть 10 000 из примерно 11 400 тысяч актов экономического регулирования. Зачастую отмена регулирования при этом была бы на руку крупному бизнесу в ущерб мелкому и среднему. Критики излишнего регулирования также упирали на то, что в Японии 42% производства подлежат специальному регулированию, тогда как в США — только 7%[24]. В марте 1995 г. был принят первый, сравнительно мягкий план по дерегулированию, который был рассчитан на 5 лет и должен был пересмотреть около тысячи актов[25]. Но на практике пересмотру было подвергнуто значительно больше — около 3500 регулирующих актов. В 1996 г. при кабинете Хасимото был взят курс на дальнейшие реформы, которые были обозначены как структурные (бюджета, финансовой системы, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования), что на практике означало дальнейшее существенное расширение сферы дерегулирования. В первую очередь оно коснулось финансовой системы, совокупность преобразующих мероприятий в которой пресса назвала «Большим взрывом».

В 1994 г. была предпринята попытка поставить под контроль основной инструмент влияния бюрократии на бизнес — административное руководство. Был принят закон об административной процедуре, который впервые законодательно обозначил и одновременно ограничил применения официально закрепленных за ними полномочий. А.И. Сенаторов отмечает, что «наибольшую заинтересованность в практическом продвижении дерегулирования проявляли бизнесмены, прежде всего из крупных предприятий, завоевавших прочные позиции на внутреннем и зарубежных рынках. Кэйданрэн разрабатывала собственные перечни объектов дерегулирования и добивалась их полного учета в правительственных планах. В то же время руководство Кэйданрэн и от делового мира требовало решительной поддерж-

[23] Johnson C. Tanaka Kakuei, Structural Corruption and the Advent of Machine Politics in Japan // The Journal of Japanese Studies. Vol.12, No.1 (1986). P.22.

[24] Сенаторов А.И. Указ. соч. С. 26.

[25] Там же. С. 28.

ки «трех больших реформ» (административной, финансовой и налоговой), в административной реформе рассматривая первоочередной задачей именно «отмену и смягчение регулирования»[26].

Апогея реформы достигли при Коидзуми. Сразу после вступления того в должность Комитет по реформе дерегулирования был преобразован в Совет по комплексной реформе регулирования (главой остался Мияути), на практике это означало его расширение, а также активное привлечение не только самих политиков и бюрократов, но и представителей бизнеса: 40% всех сотрудников Совета были прикомандированы из частного сектора. «… этот орган, призванный способствовать продвижению реформ, проводящий обследования, изучающий и обсуждающий ее проблемы, если судить по его составу, не мог не отражать в первую очередь интересы предпринимателей»[27].

Также на кабинет Коидзуми пришлась правительственная реформа, первым пунктом среди целей которой значилось «усиление политического руководства». Это коснулось разных должностей и ведомств. Были расширены даже полномочия премьер-министра, который больше не являлся просто председателем на совещаниях кабинета, а мог определять курс как внутренней, так и внешней политики. Особое внимание необходимо обратить на полномочия секретариата кабинета министров, значение которого выросло. Если ранее в него командировали чиновников из различных отраслевых ведомств, то теперь премьер стал делать назначения в секретариат лично, а главное — получил возможность наделять должностями там гражданских лиц. Именно в секретариате готовится и предварительно обсуждается «принципиальный курс» правительства, и только в случае удачного рассмотрения там вопросы выносятся на обсуждение кабинетом министров. В прошлом была аналогичная процедура, с той лишь разницей что до заседания кабинета главные вопросы обсуждали представители министерств и только в случае согласия этих чиновников между собой вопрос выносился в повестку дня заседания правительства.

Кроме того, в самих министерствах усилилось политическое руководство. Если ранее министр исполнял лишь декоративные функции, а по сути ведомством управлял его заместитель — всегда карьерный чиновник, то теперь вводились новые должности заместителей и политических советников министров, которые набирались не из бюрократии, а из числа парламентариев.

Всё это в целом привело к тому, что политики, в первую очередь потомственные, совместно с представителями крупного бизнеса провели успешное наступление на позиции бюрократии. Безусловно, бюрократия не потерпела полного поражения, поскольку без нее невозможно обойтись, она составляет основу государственной машины, однако ее влияние на политический курс было снижено, равно как и на экономическую жизнь.

Наступление на бюрократию выразилось также в следующем. Министерство финансов, Министерство иностранных дел и Министерство торговли и промышленности потеряли значительную часть своей автономии. Например, в результате серии скандалов, Министерство финансов утратило часть своих фискальных функций в пользу

[26] Там же. С. 31.

[27] Там же. С. 37.

вновь организованного органа «Агентство по финансовым услугам», которое подчиняется непосредственно кабинету министров. Усилились функции офиса премьер-министра по планированию и координации работы министерств. И несмотря на то, что общая тенденция к децентрализации была очень незначительна, часть центральных функций была передана местным администрациям. Нельзя сказать, что министерства в этой борьбе окончательно проиграли, но их позиции явно ухудшились; в частности, сократились возможности для «пенсионного» трудоустройства у крупных чиновников в рамках системы *амакудари*. Кроме того, наметилась серьезная тенденция к сокращению штата министерств и по плану после 2001 г. штат министерств должен был быть сокращен на 25% к 2011 году. В наибольшей степени пострадали 90 общественных и государственных корпораций, поскольку предполагалась их приватизация, слияние и реструктуризация. Надо отметить, что данные полугосударственные корпорации были основным местом, куда приходили после выхода на пенсию на работу высокопоставленные чиновники. И эти корпорации предоставляли примерно 32 тысячи таких рабочих мест. В ближайшее время они станут для чиновников недоступны.

Бизнес

В японском языке существует термин, для определения бизнес-сообщества — *дзайкай*. Значение данного слова понимается широко: иногда относится к организациям, в которые входят представители крупнейших корпораций, а иногда — к индивидам, бизнесменам и топ-менеджерам компаний, являющихся лидерами японской экономики.

Существует несколько форм организации коммерческих предприятий, но наиболее распространен тип «акционерных компаний» (*кабусики-гайся*), которых в Японии около 1,5 млн. Минимальный учредительный капитал — 10 млн. иен, а минимальный первичный выпуск акций — 200 шт.[28] Разумеется, большинство акционерных компаний относятся к мелкому и среднему бизнесу. Из указанного выше числа лишь 0,3% имеют учредительный капитал 1 млрд. иен и выше, а на Токийской фондовой бирже зарегистрировано 0,2% от общего числа АО[29]. Именно в этих компаниях функционирует знаменитая система «пожизненного найма» с обязательным карьерным ростом и увеличением доходов в соответствии с выслугой лет.

Как правило, в исследованиях, посвященных японской корпоративной культуре, подчеркивается, что она является в своем роде уникальной и представляет собой нечто большее, чем просто деловые, рабочие отношения. В японских компаниях распространены традиционные псевдосемейные отношения *оябун-кобун*. Даже само слово «компания» (*кайся*) состоит из двух иероглифов: «встречаться», «заседать» и «святилище», «храм».

Основу экономики Японии составляют *кэйрэцу* — крупнейшие корпорации Японии, по сути своей являются реинкарнациями *дзайбацу* периода империи. Они

[28] Спицына К.А. Главные руководители японских компаний: практика работы. М.: Финансы и статистика, 1999. С. 15–16.

[29] Там же. С. 17.

объединены либо вокруг головного банка («горизонтальные *кэйрэцу*»), либо крупной торговой фирмы (*сого сёся*, «вертикальные *кэйрэцу*»). Термин впервые появился в 1943 г., когда крупные компании стали часто использовать компании мельче в качестве подрядчиков. 20 000 крупнейших компаний объединены в 16 *кэйрэцу*. Шесть «горизонтальных» кэйрэцу предоставляют 1,6 млн. рабочих мест (или 5,9% японского рынка труда), а 10 индустриальных — 1,1 млн. (3,6%). «Горизонтальные» происходят напрямую от *дзайбацу*: Мицубиси, Мицуи и Сумитомо, либо новые группы, образованные вокруг банков: Фуё, Дайити кангё и Санва. «Вертикальные» — большие производственные группы, не нуждающиеся в организационной роли банка: Nippon Steel, Хитати, Ниссан, Тоёта, Мацусита, Тосиба и др.

После войны акции основных владельцев *дзайбацу* были экспроприированы и им было запрещено занимать руководящие должности на любых предприятиях. На короткий период образовалась прослойка нуворишей, которая скупила акции *дзайбацу*, пользуясь запретом оккупационных властей на владение ими акциями. Старый топ-менеджмент (даже не принадлежавший к семьям владельцев) весьма прохладно относился к новым хозяевам, у них были совершенно разные установки в ведении бизнеса, и взаимодействия не получилось. Нувориши были настроены на получение прибыли в кратчайшие сроки, тогда как старый топ-менеджмент мыслил более дальними перспективами. После окончания оккупации регулирование рынка ценных бумаг было ослаблено и бывшие *дзайбацу* выкупили свои акции, вновь обретя контроль над своими предприятиями. Формально *дзайбацу* не возродились, но сравнительно скоро главы предприятий, входивших в них, организовали клубы (*сятё-кай*), чтобы поддерживать связь друг с другом. У Сумитомо такой клуб появился в 1951 г., у Мицубиси в 1954, у Мицуи — в 1961. Мицуи задержался с созданием клуба, поскольку этот *дзайбацу* после войны оказался в худшем положении по сравнению с остальными. В *сятё-кай* заседают президенты компаний, входящих в состав холдинга, и голосуют на правах равных. Обычно они встречаются раз в месяц. Содержание таких совещаний, как правило, не обсуждается. Официально это преподносится как заседание некоего клуба просто для поддержания дружественных отношений между компаниями, хотя, справедливо отмечает А. Ротхахер, вряд ли топ-менеджеры стали бы встречаться раз в месяц только ради того, чтобы поболтать.

Другие бывшие *дзайбацу* чуть позже стали группироваться вокруг банков, владевших контрольными пакетами акций предприятий бывшего *дзайбацу*, при которых также функционировали «кружки» президентов компаний. При банке Фудзи образовался кружок Фудзи-кай в 1966 г. (бывший концерн Ясуда); при банке Санва — клуб Сансуй-кай в 1967 г. (Мицубиси и Коноикэ); при банке Дайити Кангё — Санкин-кай в 1978 г. (Мицуи).

В результате разной скорости повторной интеграции концернов судьбы семей, ими владевшими, сложились по-разному: например, представители семейства Мицуи не состоялись после войны как бизнесмены. Также в состав группы вернулись далеко не все компании, которые входили в нее до поражения во Второй мировой. Мицуи стали делать академические карьеры или заниматься искусством. Любопытно, что некоторая семейственность в корпорации все же сохраняется до сих пор: к примеру, президент компании Nippon Flour Mills Яхиро Тосиюки — младший брат бывшего главы компании Mitsui Bussan Яхиро Тосикуни. Но многим семьям уда-

лось сохранить свои позиции. Так, представители семьи Ивасаки по-прежнему занимают ведущие должности в группе фирм Мицубиси. То же можно сказать по поводу семьи Сумитомо, глава которой Китидзаэмон считался самым богатым человеком Японии. В бизнес успешно вернулись кланы Ясуда, Асано, Сибусама, Окура.

Костяк группы Мицубиси составляют 29 компаний с 244 000 сотрудников, а всего в холдинг входит 150 предприятий. Принадлежность к группе выражается даже символически: сотрудники Мицубиси купят автомобиль только этой марки и будут пить пиво только марки «Кирин». Так же, как менеджеры Санва будут употреблять виски и пиво только марки Suntory и пользоваться только компьютерами Хитати.

Основу *кэйрэцу* Сумитомо составляет 21 компания, из них три — банк Сумитомо, Sumitomo Chemical и Sumitomo Metal — играют решающую роль.

В группу Фуё входит всего 130 компаний, из которых 29 составляют костяк. В отличие от других в Фуё нет формального председателя и даже секретариата.

У *кэйрэцу* есть и другие фирменные особенности: так, считается, что Мицуи в подборе персонала делает больший акцент на индивидуальность, а сильная сторона менеджеров Мицубиси — способность работать в команде и дисциплина. Тоёта придерживаются националистических и даже региональных взглядов (т.к. базируются в Нагоя). Менеджеры Ниссан, напротив, ориентированы на международную арену.

Любопытно, что японская экономика сохранила как рудимент крупные торговые компании (*сого сёся*) именно благодаря *кэйрэцу*, хотя с 1960–1970-х гг. в них отпала необходимость с экономической точки зрения.

В 1990-е гг. большинство *кэйрэцу* встали перед кризисом выживания. Представляется, что из шести главных *кэйрэцу* выжили только три, при этом в несколько измененном формате. Многие *кэйрэцу* подверглись дезинтеграции, за исключением Сумитомо и Мицубиси, которые остались в достаточной степени консолидированы, поскольку были наиболее сплоченными и до кризиса. Сумитомо сумел практически полностью поглотить Мицуи. В настоящий момент Сумитомо и Мицубиси остаются практически в неизменном виде. Единственный *кэйрэцу*, специализирующийся на банковском бизнесе и сохранившийся до нашего времени, — это один из бывшей группы банков Фуё. *Кэйрэцу*, принадлежащий банку Санва, более или менее стал дезинтегрированным, и осенью 2005 г. большая часть банков была поглощена токийским банком Мицубиси. В 1990-е гг. в наибольшей степени кризис ударил по банкам, финансовому и строительному секторам, IT компаниям и так называемым «новым деньгам». Что касается «старых денег», то они в основном вращаются в старой экспортной индустрии, такой как автомобилестроение, электроника, химическое и сталелитейное производство. Слияние в 2002 году двух промышленных советов Кэйданрэн и Никкэйрэн (см. ниже) в новую организацию Ниппон кэйданрэн ознаменовало еще большую консолидацию интересов этой группы.

В целом дезинтеграция *кэйрэцу* была связана с тем, что в условиях кризиса и острой нехватки денег сократилось взаимное держание акций внутри одного *кэйрэцу* и, как следствие, сократилось взаимное инвестирование. К концу 1990-х гг. крупные банки Японии накопили около 64 трлн. иен так называемых «плохих долгов» и были вынуждены под давлением Агентства по финансовым услугам реорганизовываться. Типично банки осуществляли аддитивное слияние. Слияния банков неизбежно повлияли на связи внутри и между *кэйрэцу*. Так, внутри группы Мидзу-

хо теперь существует целая группа соперничающих компаний, три строительные компании, три нефтяные компании, четыре общие торговые компании (*сого сёся*) и четыре сталелитейные компании. В группе компаний Фуё огромные долги и отток капитала затруднили противостояние кризису, и в результате ее сталелитейные и производящие цемент компании были поглощены группами конкурентов. А несколько компаний, таких как Окура и Ямаити, обанкротились. Что касается Суми-томо, то он смог поглотить группу компаний Сакура и в 2001–2002 гг. слить воедино химические предприятия, страхование и строительный бизнес Мицуи и Суми-томо в одну группу; таким образом, этот *кэйрэцу* за время экономической стагнации, напротив, стал только крепче. Несмотря на определенный кризис, который переживают *кэйрэцу*, им нет организационной альтернативы в японской экономике.

Во время оккупации были запрещены какие-либо организации для представителей бизнеса, однако они во множестве существовали нелегально: Индустриальный клуб, который вскоре распался на Микка-кай, Сигурэ-кай и Бантё-кай. Чуть позднее, с конца 1940-х гг., бизнес-элиту объединяют четыре организации: Кэйданрэн, Никкэйрэн, Ниссё и Кэйдзаю доюкай.

Кэйданрэн — федерация экономических организаций. Был создана в 1946 г., в нее входят 120 подассоциаций и 940 корпоративных членов. Кэйданрэн — вершина организованных экономических интересов в Японии. Хотя в организации имеют представителя менее 1% японских компаний, на представленные компании приходится 40% продаж и 50% активов. Его часто называют «парламентом японского бизнеса». Естественно, что главные советы в составе Кэйданрэн контролируются ведущими *кэйрэцу*. При этом состав членов всех советов подобран строго в соответствии с балансом сил между холдингами на рынке. Х. Кербо и Дж. Маккинстри отмечают, что большая часть того, что делает Кэйданрэн, была бы абсолютно нелегальна в других странах, например, в США — настолько широко распространяется его влияние. Считается, что во время «золотого века» Кэйданрэн (и периода высоких темпов экономического роста), когда в 1956 г. председателем организации был Исидзака Тайдзо (1886–1975), она была настолько могущественна, что могла даже определять, кто станет следующим премьер-министром. Исидзака до того, как возглавил страховую компанию Дайити, был чиновником в Министерстве коммуникаций, всю жизнь слыл ярым противником любого контроля бизнеса со стороны государства. После его ухода Кэйданрэн страдал от внутренних противоречий — поскольку к этому времени экономические структуры страны сильно диверсифицировались. Кроме того, по вопросам, не имеющим отношения к отраслевым бизнес-интересам, позиции Кэйданрэн довольно слабы. К примеру, когда известный бизнесмен Морита Акио (компания Sony) и Кавакэ Дзиро (компания Oji Paper) совместно от имени организации преподнесли петицию об ослаблении ограничений на импорт риса, в Министерстве сельского хозяйства, лесного и рыбного промысла ограничились вежливым, но твердым отказом.

Корпорации выделяют значительный бюджет на содержание организации. Ее обслуживает около 200 сотрудников, работающих на полную ставку. Заседания Кэйданрэн часто посещают ведущие политики и бюрократы. Организация даже принимает официальных представителей других стран.

Не существует четкого механизма передачи власти в Кэйданрэн. Председатель не избирается, а назначается предшественником. Президент при этом сам волен ре-

шать: остаться на должности еще один срок или уйти. Средний возраст ведущих членов Кэйданрэн внушителен: 75 лет. Забавно, что в прессе пытались преподнести переход председательства от Сайто (79 лет) к Хираива (76 лет) как «омолаживание» руководства организации.

Существуют уровнем ниже и региональные организации бизнеса. Как правило, их возглавляет президент местной энергетической компании, которые в японских условиях обычно выступают монополистами на региональном рынке.

Никкэйрэн — Японская федерация работодателей. Состоит из 47 префектуральных и 53 отраслевых ассоциаций, таким образом охватывая практически всех работодателей страны. Федерация была создана в 1948 г. для противостояния набиравшему обороты профсоюзному движению. Победа в итоге была за работодателями: с 1970-х гг. в Японии практически не было конфликтов между предприятиями и профсоюзами, а членство в последних упало ниже 25%. Никкэйрэн дает рекомендации правительству и бюрократам по вопросам трудового законодательства и другим смежным вопросам. Никкэйрэн еще в большей степени, чем Кэйданрэн, находится под влиянием *кэйрэцу*. В 1980–1990-х гг. федерацию контролировали по большей части выходцы из Мицубиси. Средний возраст участников — под 70, и все члены президиума за исключением одного — выпускники Токийского университета.

Ниссё, или Японская торгово-промышленная палата, — это федерация 488 местных палат, которые есть в каждом муниципалитете Японии. В нее входит около 1,3 млн. компаний, большинство из которых, естественно, скромного размера. Ниссё в руках *кэйрэцу*, в первую очередь — Сумитомо и Токю.

Наконец, Кэйдзай доюкай, Комитет по экономическому развитию, был основан в 1946 г. Пик влияния данной организации пришелся на 1963–1975 гг., когда ее возглавлял Кикавада Кадзутака, глава энергетической компании Токио-дэнрёк.[30]. Именно члены этой организации выдвигали большинство решений о том, как приспособиться к изменению в структуре промышленности и экономики.

Помимо четырех перечисленных существует множество других организаций, объединяющих компании по самым разным принципам. В любой более или менее крупной коммерческой организации существует отдел внешних связей, деятельность которого всецело посвящена налаживанию контактов с другими представителями бизнеса.

Однако, как уже было отмечено, наибольшим влиянием пользовались первые две организации, в особенности после их слияния в 2002 г. Ниппон кэйданрэн (общее название Никкэйрэн и Кэйданрэн после слияния) полностью контролируется верхушкой крупных корпораций, и времена, когда Морита Акио из компании «Сони» или Эдзоэ Хиромаса из «Рекрут» — самовыдвиженцы, не связанные с крупными кланами и «старыми деньгами» — могли единолично заправлять бизнес-сообществом, давно ушли в прошлое.

В течение кризисных лет ввиду сокращения средств, а также турбулентности в политической сфере отношения бизнес-сообщества с ведущими партиями порой складывались драматично. В 1993–1994 гг. Кэйданрэн сократил значительную часть своего инвестирования в ЛДП, так как та потеряла большинство в парламен-

[30] Известна в российской прессе по своей англоязычной аббревиатуре ТЕРСО.

те на очередных выборах. Глава Кэйданрэн (на тот момент — представитель группы Тоёта) объявил, что отныне политические пожертвования будут осуществляться только если политики будут реализовывать предложения бизнеса по смягчению налоговой политики. Конкретно это сводилось к предложению по увеличению потребительского налога и сокращению корпоративных налогов и социальных расходов. При этом бизнес-сообщество всё больше финансирует правые партии, тогда как левые всё более маргинализируются.

Работа в крупных компаниях, пожалуй, один из главных социальных лифтов современной Японии. В книге А. Ротхахера карьерный путь сотрудников компаний описан чуть менее подробно, чем политический и бюрократический мир, но все же достаточно детально. Каждый год десятки тысяч новых сотрудников пополняют ряды белых воротничков, мечтая через 40 лет стать президентом компании. Однако правда жизни состоит в том, что предпринимателей становится всё меньше, а блестящих биографий послевоенных лет, таких как Мацусита Коносукэ, Морита Акио, Хонда Соитиро, Исибаси Канъитиро и др., всё меньше.

В период рекрутинга компании отнюдь не ищут специалистов в конкретной области. Скорее, они подбирают талантливую и адаптивную молодежь, а отраслевые навыки та приобретает уже на месте во время бесконечных программ обучения, организованных предприятием.

После поступления на службу молодые сотрудники далеко не сразу приступают к собственно рабочим обязанностям. Крупные компании не жалеют средств на организацию «инициаций» в военных лагерях, дзэнских монастырях и прочих местах, настолько же экзотических, насколько и суровых. После этого молодой сотрудник, несмотря на, как правило, блестящее университетское образование, начнет трудовую деятельность с поклонов посетителям при входе в торговый зал либо с помощи в заполнении квитанций. Этой изнуряющей и малоинтересной деятельности он посвятит, в зависимости от способностей и внешних обстоятельств, в среднем, от четырех месяцев до двух лет. Начальный заработок также невысок (170–200 тысяч иен), и молодой сотрудник вряд ли сможет позволить себе собственное или даже съемное жилье, поэтому он либо продолжит жить с родителями, либо ему предложат место (часто принудительно) в одном из общежитий при предприятии. Последний вариант, как правило, становится еще одним опытом тотального контроля. Несмотря на жесткие условия в первые годы, молодые японцы держатся за свои рабочие места, поскольку это их единственный, практически в буквальном смысле, шанс сделать карьеру: ни одна уважающая себя компания не примет на приличную должность сотрудника, уволенного из другой и даже не успевшего вовремя устроиться на работу после окончания университета. Набор производится, как правило, когда студенты обучаются на последнем курсе, и к моменту получения диплома все основные этапы конкурса уже пройдены.

После пяти лет мытарств на начальных позициях компания начинает испытывать молодого сотрудника, используя как внутреннюю, так и внешнюю ротацию. Каждое новое задание добавляет сотруднику опыта. За годы службы он успеет побывать и на производстве, и в отделе продаж, и руководителем зарубежного филиала. В зависимости от уровня меняются и качества, которые требуются от сотрудника для успешного прохождения предлагаемых заданий: если на начальном этапе

это почти исключительно послушание, то впоследствии потребуется целеустремленность, возможность показать количественные результаты, способность к анализу или переговорам.

После 10–15 лет службы в головы сотрудников уже прочно вложена корпоративная идентичность и, как правило, они не знают, чем заняться, если остаются один на один с собой. Значительная часть зарплаты сотрудников откладывается на «общественные» нужды, которые включают совместное празднование как государственных, так и семейных праздников сотрудников, совместный досуг в форме поездок и экскурсий. Крупные компании имеют собственные досуговые и спортивные центры для сотрудников, а сотрудники средних компаний пользуются муниципальными центрами при предпринимательских объединениях, общими для нескольких аналогичных фирм. Как и в случае с бюрократией, в бизнес-сфере не принято разделение на частную и общественную жизнь (и время). Начальники достаточно интенсивно интересуются личной жизнью своих подчиненных. Приняты частые совместные вечеринки и посиделки, не говоря о сверхурочной работе, которая стала практически нормой.

К 40 годам вырастает и заработок, он уже в четыре-пять раз превышает стартовый. Пик доходов приходится на возраст около 55 лет. Если *сарариману* повезет, к этому времени он как раз выплатит ипотеку, а стандартные двое детей успеют получить (недешевое в Японии) высшее образование. Продвижение по карьерной лестнице, как на госслужбе, происходит с выслугой лет. Все сотрудники проходят примерно одни и те же ступени в одном и том же возрасте, поэтому зависти и «интриг» внутри коллектива меньше.

Структурно японские корпорации практически повторяют западные. Во главе стоит президент (*сятё*) с группой вице-президентов, затем — исполнительный директор. Только в тех случаях, когда президент является основателем, либо единственным наследником, он будет самостоятельно принимать решения, в большинстве остальных случаев они принимаются коллегиально группой топ-менеджмента, а часто и среднего звена. Поэтом решения в японских корпорациях, как правило, принимаются значительно медленнее, чем на Западе. Внутри компаний доминируют не вертикальные, а горизонтальные связи.

В компаниях, как правило, нет установленных правил по поводу того, когда должна происходить смена руководства. В среднем президент выходит на пенсию в 70 (и ему могут даже дружески намекнуть, что пора бы). Однако юридически только он сам определяет, когда пора увольняться, а также сам назначает преемника. Если президент решает выйти в отставку, по негласному правилу все вице-президенты его возраста или старше также должны уйти на пенсию.

Бизнес-сообщество представляет собой значительно более сложный феномен для изучения, нежели бюрократия и политики. Во-первых, владельцев компаний и топ-менеджеров количественно значительно больше, нежели бюрократов и, тем более, политиков. Во-вторых, из всех трех сфер власти данная наиболее закрыта для внешнего изучения. Политики по своей сути люди публичные, о них значительно больше информации. Бюрократический аппарат подвержен более или менее общим механизмам функционирования. Всего этого нельзя сказать о крупных компаниях. Хотя есть, несомненно, общие места, каждая корпорация устанавливает для сотруд-

ников свои правила. В-третьих, в управлении каждой крупной компанией или *кэйрэцу* расстановка сил и форма собственности могут сильно разниться, в результате проследить, кто же принимает ключевые экономические решения, непросто.

Хотя в целом имущественное расслоение в Японии невелико, там проживает достаточно супербогатых людей. По обозрению Форбс 1990 г., в Японии проживал 41 долларовый миллиардер, включая двоих богатейших людей мира — Мори Тайкитиро (87), владелец холдинга недвижимости, или Цуцуми Ёсиаки (57), который также занимается недвижимостью и железнодорожным бизнесом. Другие богатейшие люди Японии — Ватанабэ Китаро (президент Azabu Motor), Нагадзима Кэнкити (владелец корпорации Хэйва — бизнеса игровых автоматов *патинко*), представители семьи Такэнака (строительный бизнес), Отани Ёнэити, Такэи Хиротомо (президент корпорации Тисан). Если Форбс подходит к оценке состояний достаточно формально, то обзор издания Никкэй, подведенный в 1988 г., оценивал не только доход, но и стоимость акций и других активов. Согласно списку Никкэй, к миллиардерам можно причислить 180 японцев. Согласно этому же рейтингу, богатейшим в Японии был Мацусита Коносукэ (основатель компании Мацусита-дэнки, на международном рынке продающей известный бренд Panasonic). За ним следовал глава старой семьи землевладельцев Сино Риндзи. Его пример доказывает, что, несмотря на высочайшие налоги на наследство, в Японии смогли сохраниться старые семейные капиталы: Сино является 22-м (!) главой своего клана. Далее следовали Фурукава Тамэсабуро и Сасаки Китиноскэ, два крупнейших self-made бизнесмена.

Другим источником информации о том, кто в Японии богаче всех остальных, являются ежегодно публикуемые списки крупнейших налогоплательщиков. Из 100 входящих в топ примерно 60 сделали деньги на торговле недвижимости, а еще 35 — на биржевых спекуляциях. Список 1990 г. возглавлял Сайто Рёэй (74), президент семейной корпорации Дайсёва (второй по величине производитель бумаги в Японии). Его брат — губернатор префектуры Сидзуока, а сын — парламентарий от ЛДП. Но больше всего Сайто стал известен (в особенности за рубежом) приобретением полотен «Портрет доктора Гаше» Ван Гога и «Бал в Мулен де ла Галетт» Ренуара в мае 1990 г., а также тем, что обещал подвергнуть их кремации вместе с собственным телом после смерти[31].

Однако все рейтинги отражают реальный вес в экономике далеко не адекватно. Такого рода рейтинги не учитывают, во-первых, семейных состояний, а во-вторых, того, что богатство в Японии в значительной степени безлично. Держателями акций крупнейших компаний являются в большинстве случаев другие компании. Это решает множество трудностей, в том числе позволяет обойти и пресловутый налог на наследство. В этом смысле значительно более важной фигурой становятся менеджеры, управляющие крупнейшей компанией (как было сказано, в большинстве случаев — коллегиально), а не индивидуально разбогатевшие люди. Богатство и владение акциями корпораций далеко не всегда предполагает, что богатый человек будет этой корпорацией управлять. К примеру, богатейший человек мира 1991 и 1992 гг. Мори Тайкитиро, который нажил состояние на

[31] Обе картины — одни из самых дорогих в истории аукциона Сотбис, а на момент продажи в 1990 г. побили существующие рекорды. Обещание кремировать картины не было исполнено, после смерти Сайто в 1996 г. они были проданы.

торговле недвижимостью, не был, по мнению Х. Кербо и Дж. Маккинстри, членом японской корпоративной элиты. То же самое касается младшего поколения семьи Тоёда.

По поводу нуворишей, которыми изобилуют рейтинги Форбс и т.д., Х. Кербо и Дж. Маккинстри отмечают, что следует помнить, что в Японии, как ни в какой другой стране, следуют принципу наследственности и self-made бизнесмены, несмотря на весь успех, по-настоящему не считаются членами бизнес-сообщества *дзайкай*, оставаясь аутсайдерами. Чтобы по-настоящему войти в этот мир, нужно два-три поколения, заключивших соответствующие статусу браки с другими представителями сообщества. Иначе следующее поколение не сможет удержать состояния, нажитого энергичным основателем. Поэтому роль представителей второго поколения бизнесменов в какой-то степени более важна, чем достижения self-made бизнесменов первого: они должны не только удержать семейное богатство, но и безупречным образом жизни и налаженными связями с другими представителями бизнес-элиты заслужить прочное место в этом узком кругу. В целом представители бизнес-семейств не менее озабочены родословной, чем представители других традиционных кругов. Чтобы сохранить статус семьи, применяется принцип, в соответствии с которым наследование позиции главы не происходит автоматически по старшинству. Если старшие сыновья не соответствуют по каким-то параметрам, место нового главы клана может занять и дальний родственник, и усыновленный зять. Главными критериями являются: хорошие успехи в учебе, предпринимательская жилка, подобающее поведение, престижный круг знакомств и семейных связей. Не желающие подчиняться строгим правилам изгоняются собственными родственниками. При этом если для общественности на виду всегда мужчины, занимающиеся бизнесом, то роль женской части этих кланов не менее важна, хотя и менее заметна. Женщины занимаются поддержанием социально приемлемого для этого узкого круга образа жизни, устраивают брачные сделки, воспитывают наследников, поддерживают контакты с другими кланами[32].

Работы, анализирующие феномен японского топ-менеджмента — способы комплектования, принятия стратегии, ротации — неизбежно носят слишком общий характер, что чаще всего связано с объективным недостатком информации о предмете исследования. На русском языке существует исследование К.А. Спицыной «Главные руководители японских компаний». По определению автора, к категории «главных» руководителей компаний можно отнести, если в сферу их влияния попадают: «учреждение и роспуск структурных подразделений компании; влияние на кадровые вопросы в масштабе компании; принятие решений по вопросам стратегии компании; формирование рабочих органов для реализации ее стратегии; участие в работе совета директоров и подготовке его решений; принятие решений

[32] И это же разделение труда, по мнению А. Ротхахера, приводит к тому, что власть имущие, как правило, чрезвычайно далеки от нужд простых смертных: обустройством дома, семейными финансами, воспитанием детей занимаются исключительно их жены. И пусть их возможности несоизмеримы с возможностями простых семей, ежедневная рутина все же приближает женщин из элитного круга к среднему японцу с его повседневными заботами, тогда как их мужья не имеют о них почти никакого представления.

по совершению сделок от имени компании; принятие решений по финансовой деятельности компании»[33].

Следует учитывать, что универсального показателя статуса руководителя в компании не существует. В некоторых случаях он действительно совпадает с формальной должностью, как правило, директора — *торисимарияку*, особенно если речь идет об учредителе молодой компании. При этом важным показателем является право представительства (*дайхё*), которое имеет меньшинство директоров. Однако существуют случаи, когда член семьи основателя компании может влиять на принятие решений в силу обладания большим пакетом акций. Существуют в японском бизнесе и свои «серые кардиналы» — *минаси якуин* — работающие в руководящих структурах компании, не определенных законодательством в качестве таковых. Общая численность главных руководителей крупнейших компаний — тех, кто определяет курс японской экономической машины — около 30 000 человек.[34] В среднем на одну компанию, зарегистрированную на Токийской фондовой бирже, приходилось 17,2 таких руководителей[35]. Наиболее важными являются должности *сятё* (президента) и *кайтё* (председатель совета директоров); чаще всего люди, занимающие эти должности, являются директорами с правами представительства *дайхё*. При этом первый обладает значительно большими полномочиями. Но в любом случае в японских компаниях нет четко разграниченных полномочий между главными менеджерами, все зависит от конкретной ситуации внутри фирмы.

Директор после своего избрания обычно не является нанятым компанией, а заключает договор о доверительной деятельности и в результате несет перед компанией «долг по эффективному управлению». Многие директора имеют неполную занятость и работают как служащие-совместители, совмещая функции топменеджмента с должностью главы представительства, конкретного завода, отдела и т.д. «В японских компаниях нет четкого разграничения между теми, кто принимает решение, его исполняет и контролирует исполнение. Директора несут ответственность за все данные циклы»[36].

Заседания совета директоров в Японии проходят сравнительно редко (в среднем раз в три-четыре месяца) и сравнительно быстро в силу того, что чрезвычайно распространена процедура предварительного информирования руководителей о повестке дня и, соответственно, предварительного изучения ситуации и принятия решений.

Система пожизненного найма в японских компаниях описана в научной и популярной литературе неоднократно. Ею охвачено не более 20–25% активной рабочей силы (и это в лучшем случае). И хотя сфера эта имеет тенденцию к сокращению с целью оптимизировать издержки компаний в нынешние непростые времена, все же по-прежнему именно те, кто приходит на работу в японские компании сразу после окончания вуза и отдает всю жизнь работе, имеет шанс в перспективе оказаться

[33] Спицына К.А. Указ. соч. С. 30.

[34] Цифра, как представляется, может быть и завышенной. Если исходить из нее, то количество действительно влиятельных представителей бизнес-сферы в десятки раз превышает число влиятельных политиков и бюрократов, что вряд ли соответствует истине. Здесь, скорее, речь идет об элите в широком смысле, а не о ее костяке.

[35] Спицына К.А. Указ. соч. С. 30–32, 38.

[36] Там же. С. 44.

на вершине корпоративной иерархии. Если в компаниях США до 75–85% директоров являются внешними, то в Японии лишь 25%, да и то номинально, потому что в качестве внешнего руководителя зачастую подается управленец, пришедший с другого предприятия того же *кэйрэцу*.

Автор выделяет четыре основных пути комплектования президентов компаний: собственно президент-основатель; президент-преемник, наследующий старшему родственнику; карьерный выдвиженец; бывший служащий государственного учреждения, оказавшийся на посту президента в результате практики *амакудари*. Наиболее престижным считается третий, карьерный способ. При этом сферы деятельности, из которых приходят карьерные выдвиженцы, в 1987 г. были следующими: 36% — организация бизнеса, 21% — организация производства, 11% — финансы, 13% — кадровая политика, делопроизводство, 7% — научные исследования[37].

Руководители компаний — в большинстве своем люди старше 50 лет. В любом срезе послевоенной истории Японии руководители младше 55 лет составляли менее пятой части руководителей. При этом в последние годы молодыми директорами, как правило, являются наследники бизнес-династий либо основатели венчурных компаний. Средний возраст директоров компаний — 68 лет. В 1980-х гг. ходили разговоры о создании условий для быстрого карьерного роста и улучшения ротации внутри компаний, но в целом это начинание подверглось жесткой критике и никаких серьезных шагов для омоложения состава директоров компаний сделано не было. После выхода в отставку бывшие директора зачастую не отходят от дел окончательно, а продолжают оказывать влияние на ход дел в компании, работая «советниками», «консультантами» и т.д. Чрезвычайно распространены случаи, когда после выхода президента в отставку он возглавляет совет директоров или (реже) просто входит в его состав. Средний срок пребывания на посту директора составляет семь-восемь лет. Существуют «спринтеры», по разным причинам проведшие в должности менее года, а также долгожители, работавшие президентами 35–40 лет, но, как правило, они являются директорами-основателями.

Как и в других сферах, в японском бизнесе господствуют выпускники Токийского университета. Они руководят 27 из 32 главных сфер японской экономики. Лишь в отдельных отраслях (торговля, резиновая промышленность) их опередил университет Кэйо. Последний факт объясняется тем, что там получали образование представители нескольких предпринимательских династий. Также можно встретить руководителей, получивших высшее образование в Киотоском университете, Токийском технологическом институте, Хитоцубаси и Васэда[38]. В последние годы увеличивается число получающих образование в США. В некоторых случаях сотрудники направляются туда за счет компаний, но довольно чаще там получают дипломы наследники бизнес-династий. Для рядового служащего, начинающего карьеру с низов, зарубежное образование — редкость. Кроме того, если речь идет о сотрудниках пожизненного найма, они обычно не раз за свою карьеру проходят дополнительные курсы повышения квалификации; крупные компании, как правило, имеют для этого свои образовательные центры.

[37] Спицына К.А. Указ. соч. С. 58.

[38] Там же. С. 67–68.

Половой состав менеджмента высшего звена в Японии примерно такой же, как и в других сферах. Женщины практически не добираются до верхних постов, да и не стремятся к этому. Но, как всегда, есть исключения. Чаще всего женщины-президенты — это наследницы. Они, как правило, получают образование в женских университетах.

Доход главных руководителей составлен из нескольких частей. Во-первых, «вознаграждение», оклад *хосю*. Это некая базовая выплата, которая соответствует уровню ответственности занимаемой должности. Она используется как расчетная единица для установления объема остальных выплат. Именно эта цифра раз в полгода попадает в финансовую отчетность фирмы. Директоры-совместители получают, помимо этой, также оклад своей основной должности. Директора, занявшие эту должность в результате практики *амакудари*, как правило, получают оклад, примерно соответствующий их окладу в последние годы службы в государственном учреждении. Во-вторых, премиальные выплаты. Как правило, премии выплачиваются два раза в год, летом и зимой, причем зимняя премия превышает летнюю. В среднем премия составляет 2,5 базового оклада («вознаграждения»). В-третьих, выходные пособия. Они сильно зависят от стажа, должности и конкретной компании. К примеру, в 1980-х гг. человек, проработавший около 20 лет в составе совета директоров, получал при выходе на пенсию 1,9 млрд. иен[39]. Служащие, получившие должность руководителя в результате *амакудари*, получают выходное пособие в том объеме, как если бы они работали в компании всю жизнь. В-четвертых, различные прочие выплаты, направленные на поддержание уровня жизни служащих. Они разнятся от оплаты питания и ночевки в случае сверхурочной работы, до низкопроцентных и беспроцентных кредитов на жилье или в случае стихийных бедствий.

Однако доходы в форме официальной зарплаты для многих директоров не составляют главного источника их благосостояния. Среди наиболее крупных индивидуальных японских налогоплательщиков подавляющее большинство — из мира бизнеса. Президенты компаний составили 58,6%, председатели совета директоров — 39,9%. Система поощрения высшего руководства компаний с помощью опционов (дарения или льготного приобретения акций компании) в Японии практически не прижилась, в том числе из-за более строгой системы налогообложения, которая контролирует любые формы выплат служащим компаний, не только денежные. Особым образом устроено и налоговое обложение в сфере наследования бизнеса. При его строгом соблюдении крупнейшие состояния должны размываться через три-четыре поколения в результате уплаты высокого налога на наследство. К примеру, наследник одной из крупнейших предпринимательских династий Уэхара (компания Taisho Pharmaceuticals), был вынужден после смерти отца продать значительную часть своих акций, чтобы избежать уплаты налога на наследство в размере 5,6 млрд. иен.

После начала экономической стагнации общественность стала поднимать вопрос о личной ответственности руководителей компаний в случае неудачно выбранной деловой стратегии, об ответственности компаний перед акционерами. Стали появляться даже иски со стороны держателей акций. Но в большинстве случаев даже в случае выигранного иска акционеров против компании выплаты руко-

[39] Спицына К.А. Указ. соч. С. 113.

водителей составляют ничтожные суммы по сравнению с причиненным ими ущербом. Тогда же начались процессы против высокопоставленных сотрудников компаний, сотрудничающих с *якудза* (*сокайя* — финансовая мафия), которые вскрыли наименее приглядные стороны функционирования крупных компаний.

Некоторые исследования затрагивают сложный вопрос о «революции управляющих» (managerial revolution) в Японии. В вопросе о том, перешли ли японские компании под управление «белых воротничков» (тех, кого К.А. Спицына называет директорами — карьерными выдвиженцами) либо остались под управлением семей владельцев, однозначного ответа нет. В первую очередь это связано с тем, что большинство информации по этому вопросу малодоступно, что отмечают сами исследователи. Во вторую очевидно, что процесс этот не однородный и сильно зависит от ситуации в конкретной компании, поэтому исследователям далеко не всегда удается обобщить и привести к общему знаменателю вопрос об управлении японскими компаниями.

Как пишут авторы Who Rules Japan?, в первой половине XX в. еще до Второй мировой войны произошла любопытная вещь: многие из семей, владеющих *дзайбацу*, лишились реального контроля над ними. Авторы называют это «эффектом Будденброков». Одним из способов «сохранить породу» стали талантливые усыновленные сыновья. В некоторых случаях отстранение нерадивых владельцев от управления инициировалось власть имущими. К примеру, влиятельный государственный деятель Иноуэ Каору фактически потребовал от семейства Мицуи, чтобы оно передало управление *дзайбацу* своим более компетентным менеджерам.

Мицуи в этом смысле представляет собой одну крайность: там владельцы лишились контроля раньше остальных, еще в 1912 г. Одним из талантливых управленцев, возглавлявших банк Мицуи, был выпускник университета Кэйо Накамигава Хикодзиро. К моменту, когда он занял эту должность, он успел сделать карьеру в Министерстве индустрии и иностранных дел. Другую крайность представляет семья Ивасаки, владеющая концерном Мицубиси, представители которой, напротив, стремились управлять своими предприятиями самостоятельно.

Проблеме перехода от предприятий семейного типа к управленческим посвящена монография Морикава Хидэмаса The History of Top-Management in Japan. По мнению автора, именно семейные предприятия являются «капиталистическими» в классическом понимании, поскольку прямые владельцы компании управляют ею. В случае управленческих компаний капиталистические владельцы предприятия поручают все функции управления компанией служащим-невладельцам. При этом Морикава отмечает, что чаще отношения между владельцем и управляющим не формализованы и договор между ними имеет устную форму. В связи с этим владелец оказывается в более выигрышной позиции. Он может в любой момент отобрать полномочия, которыми наделил управляющего. Такая ситуация не является продуктом последних десятилетий и была в равной степени характерна и для торговых домов эпохи Эдо (1603–1867), и для *дзайбацу* эпохи Мэйдзи (1868–1912), и для послевоенных *кэйрэцу*[40]. В то же время некоторые из довоенных *дзайбацу*, включая такие крупные и известные как Мицуи, Сумитомо и Мицубиси, по сути, были управленческими пред-

[40] Morikawa H. A History of Top Management in Japan, Managerial Enterprises and Family Enterprises. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 8.

приятиями, а вовсе не семейными. (В данном случае оценка Морикава расходится с оценками некоторых других авторов, которые отводят в последних двух концернах бóльшую роль семьям владельцев.) Хотя представитель семьи Мицуи присутствовал на собраниях совета директоров, причем не всегда, а примерно в половине случаев, он почти никогда не опротестовывал их решение. Концерны Ясуда, Фурукава и Асано, в особенности последний, напротив, долгое время оставались под контролем основавших их семей. Если же рассматривать общую тенденцию, то еще до окончания эпохи Мэйдзи владельцы предприятий редко допускали к управлению нанятых менеджеров, даже если это были высококвалифицированные сотрудники, прошедшие обучение за границей. Продолжала работать практика усыновлений или включения в состав семей владельцев *дзайбацу* такого рода управленцев. Однако с наступлением эпохи Тайсё (1912–1926) и по мере приближения к войне всё больше директоров, прошедших карьерный путь на предприятии и не связанных с семьями основателей родством, оказывались в управляющем совете. Предприятий, где был хотя бы один такой директор, было подавляющее большинство. На настоящий момент в экономике представлены предприятия обоих типов, и оба типа предприятий могут занимать ведущие позиции в своей отрасли.

«Семейные» предприятия в Японии не соответствуют какому-то одному типу, а распадаются на несколько: 1) предприятия, где владелец сам осуществляет управление, — как правило, это основатель или, реже, его ближайшие преемники; 2) предприятия, где потомки основателя продолжают занимать должности наряду с карьерными выдвиженцами; 3) семьи, которые владеют бизнесом как держатели акций и принимают участие лишь в назначении менеджеров.

Морикава приводит подробный список (около 100) крупнейших семейных предприятий с формой участия (держание акций и/или занятие должностей)[41]. При этом он оговаривает, что далеко не во всех случаях есть информация о держании акций. Там же, где информация доступна с 1970-х по 1990-е гг., происходило в большинстве случаев размывание семейных пакетов акций: в 13 случаях они увеличились, а в 67 — сократились. В 1978 г. только в четырех компаниях родственники основателя не занимали одновременно должность председателя совета директоров и президента. Однако в 1993 г. таких компаний было уже 24. Наиболее типичные примеры превращения компаний из семейных в управленческие — Sharp, Хонда.

В настоящее время многие семейные предприятия, даже достаточно крупные, не торопятся размещать свои акции на бирже, так как боятся, что их скупят недружественные владельцы и приберут к рукам их фирму. Причем фирмы могут делать это даже в ущерб своим финансовым интересам. В то же время отмечается, что для таких фирм сверхприбыли часто не являются целью, они больше ценят стабильное положение на рынке. В среднем они лучше заботятся о благосостоянии сотрудников, чем компании, допустившие внешних инвесторов. Существует мнение, что для некоторых компаний, в частности Кокудо, невынесение акций на биржу является способом обойти налогообложение, в особенности пресловутый налог на наследство.

Пример сохранения семьей контроля над своим предприятием в течение долгих поколений — крупнейшая строительная корпорация Симидзу, разбогатевшая

[41] Ibid. P. 100–105.

в период Мэйдзи на строительстве зданий для иностранных посольств в Токио. Несмотря на то, что изначально она управлялась чрезвычайно разветвленной семьей родственников, после превращения в акционерную компанию еще до войны попала по большей части под управление нанятых менеджеров. Однако было и общее в комплектовании высшего управленческого состава — менеджеры были, как правило, выпускниками инженерного факультета Токийского университета. В то же время с семьей Симидзу до 1990-х гг. (время издания книги Морикава) продолжали считаться и консультироваться.

Существует особый подвид семейных предприятий, где наследование происходит по линии усыновленных зятьев: достаточно характерное для Японии совмещение наследственного и меритократического приниципа. Хорошим примером здесь является строительная фирма Касима, где после основателя фирмы Касима Ивадзо все последующие директора были усыновленными и принятыми в семью зятьями предыдущего директора. В особенности на посту директоров преуспели зятья Ацуми Такэо (исполнительный директор с 1951 г.) и Исикава Рокуро (с 1955), усилиями которых компания сумела преодолеть послевоенный кризис. Однако и на должностях уровнем ниже работали родственники, как правило, пришедшие в семью путем бракосочетания. Впоследствии и это предприятие стало в значительной степени управляться нанятыми директорами. К 1995 г. из 53 ведущих должностей только три были заняты представителями семьи Касима[42].

Существует достаточно примеров, когда семьи утратили контроль над своими компаниями. Один из них — Кавасаки. Кавасаки Сёдзо во второй половине XIX в. основал кораблестроительную компанию, затем к кораблестроению добавились другие предприятия, включая, к примеру сталелитейные. Первоначально Сёдзо собирался передать компанию сыновьям, но к 1885 г. все три сына Кавасаки скончались. Был усыновлен ребенок, Сёдзи, но к моменту отставки Кавасаки Сёдзо в 1896 г. ему было всего 10 лет. Компанию возглавил Мацуката Кодзиро. К нему и его клану (состоящему не только из родственников) в итоге и перешел контрольный пакет акций, поскольку преемники Кавасаки либо не захотели, либо не могли вернуть себе полномочия в его предприятии.

Еще один пример крупной компании, в которой семье основателя удалось закрепиться с большим трудом, — Mikimoto Pearls. Микимото Кокити в 1893 г. начал производить искусственный жемчуг. Предприятие было настолько успешным, что к 1905 г. его семья была уже одной из самых богатых в Японии. Жена Кокити, Умэ, умерла рано, оставив только одного ребенка — сына Рюдзо, которому на тот момент было три года. Преданность памяти покойной жены не позволила Микимото жениться вторично, и всю энергию он вложил в воспитание и образование сына. Сын оказался не способен стать преемником и промотал значительную часть отцовского состояния. Тогда Кокити возложил все надежды на внука. Внук Ёситака вошел в семейный бизнес, но в результате разницы в возрасте преемственность не была обеспечена должным образом, и Микимото Кокити пришлось активно заниматься управлением своим бизнесом практически вплоть до смерти в возрасте 96 лет. Впоследствии Ёситака возглавил компанию деда, и некоторое время директорский

[42] Ibid. P. 131.

пост передавался по родственной линии, хоть и не прямой. Однако в результате того, что Микимото Рюдзо когда-то опрометчиво вложил значительную часть семейных денег в коллекционирование работ Дж. Рёскина, фонд Рёскина еще до войны стал основным держателем акций Микимото и остается им по сей день.

Мацусита Коносукэ — одни из величайших бизнесменов Японии XX столетия. Не умаляя заслуг Мацусита как основателя компании, необходимо отметить, что его компанию можно назвать семейным делом с самого ее основания — братья жены Коносукэ, а также его племянник и другие родственники активно помогали ему на ранних этапах становления бизнеса. Позднее все они вполне предсказуемо оказались в совете директоров. Родственники Коносукэ отличались слабым здоровьем: он рано потерял родителей, большинство братьев и сестер, а также сына. Таким образом, основные родственники, содействовавшие Мацусита в развитии бизнеса, были со стороны жены. После войны оккупационные власти объявили компанию *дзайбацу* и она была раздроблена, в результате брат жены Мацусита основал собственную компанию Санъё и увел за собой основную часть своего семейного клана. Мацусита, как было сказано, не имел прямого наследника и усыновил зятя, Хирата Масахару, который по происхождению принадлежал к весьма влиятельной семье: он был вторым сыном Хирата Тосукэ, государственного деятеля эпохи Мэйдзи, получившего графский титул. Кроме того, Масахару получил чрезвычайно престижное образование — окончил факультет права Токийского (императорского) университета. Он был вскоре введен в должность аудитора. Кроме нескольких родственников основную часть менеджмента составляли на тот момент нанятые работники. В 1961 г. Масахару стал президентом компании, но до середины 1970-х гг. Мацусита оставался фактическим главой. Впоследствии Хирата сохранил пост президента, а затем председателя совета директоров, но с точки зрения его полномочий это означало мало.

Существуют и удивительные примеры процесса, обратного превращению семейного предприятия в предприятие, управляемое нанятыми менеджерами, когда семья основателя сумела вернуть себе бизнес. Можно привести пример компании Бриджстоун — одного из крупнейших в мире производителей шин. В начале XX в. братья Исибаси Токудзиро и Сёдзиро основали компанию, которая первоначально занималась производством традиционных японских носков *таби*. В 1922 г. братья запустили исключительно успешный продукт — носки с прорезиненной подошвой. В результате компания получала все возрастающую прибыль даже во время финансового кризиса. Конкурентов у Исибаси на рынке практически не было. В 1931 г. Сёдзиро на свой риск добавил к семейному бизнесу еще одну отрасль — производство автомобильных покрышек. В 1947 г. в результате политики оккупационных властей компанию пришлось разбить на отдельные фирмы, а Сёдзиро вышел в отставку. Несмотря на короткий неблагоприятный период, с 1953 г. начался новый рост компании. В 1961 г. ее акции были впервые размещены на Токийской бирже. Это принесло компании значительные средства и позволило произвести дальнейшее расширение, но семья Исибаси сохранила за собой значительный пакет. В 1995 г. он составлял около 30%. Однако самые интересные трансформации происходили внутри совета директоров. После отставки Сёдзиро в середине 1970-х гг. его сын Канъитиро в течение почти десяти лет был не в состоянии возглавить

компанию отца, управляя ею совместно с нанятым топ-персоналом. В результате Канъитиро одержал верх, но победа эта, очевидно, далась нелегко. Хотя восстановить ход событий не представляется возможным ввиду закрытого характера подобной информации, Морикава предполагает внутрисемейный конфликт, а также неподходящие для ведения бизнеса личные качества Исибаси Канъитиро — он слишком честен и благороден и необоснованно считает всех остальных такими, как он.

В целом, по мнению Морикава, семейные предприятия обречены. Примеры, когда семья спустя поколения сумела сохранить контроль над компанией, скорее исключение, нежели правило. Также его работа наглядно демонстрирует, насколько это сложный предмет для исследования, поскольку даже у японского исследователя с многолетним опытом постоянно встречаются примечания о том, что информация о значительном числе фирм недоступна.

Обсуждая эффективность внешних приглашенных директоров, Морикава высказывается в японском духе и отмечает, что они не эффективны, поскольку не могут знать ситуацию в конкретной отрасли и предприятии изнутри. В идеале, по его мнению, компания, несомненно, должна управляться теми, кто знает ее изнутри и прикладывает каждодневные усилия для ее существования, — сотрудниками. Однако на практике этот идеал недостижим ни в смысле доступа к принятию стратегических решений, ни в смысле распределения доходов. В условиях Японии наибольшим приближением к этому идеалу как раз является управление директорами — карьерными выдвиженцами. Но японской системе недостает того, что есть в немецкой: консультаций между топ-менеджментом и рядовыми сотрудниками. После достижения определенного уровня управленец теряет контакт с подчиненными, даже если прошел весь путь снизу до верха иерархии.

Х. Кербо и Дж. Маккинстри касаются связей бизнес-элиты с криминальным миром. Корпорации имеют тесные, но неофициальные связи с *якудза* в различных формах. Преступные синдикаты контролируют Токийскую фондовую биржу и искусственно взвинчивают цены на акции определенных компаний; например, клан Инагава держит высокими цены на акции корпорации Токю. Гангстеры оказывают бизнесу широкий спектр «услуг»: от подавления стачечного движения и профсоюзных лидеров до выбивания долгов и убеждения землевладельцев продать необходимые участки под строительные проекты. Любопытна фигура Сасакава Рёити. Военный преступник, проведший несколько лет в тюрьме, он сохранил свое состояние и даже увеличил его, контролируя практически все лодочные гонки в Японии (вид азартной игры). Хотя сам Сасакава не смог занять каких-либо официальных постов, он всё же купил себе и своим преемникам достойное место среди элиты, жертвуя огромные суммы на нужды Министерств иностранных дел и транспорта, академическим институтам и деятелям искусства. Кроме того, он один из самых крупных индивидуальных «жертвователей» ООН. Его сын в конце 1990-х гг. начал карьеру как политик.

Из всех прослоек элиты исследование японского бизнес-сообщества наиболее затруднено. Бюрократия подвержена сравнительно жесткой регламентации и сравнительно унифицирована вне зависимости от ведомства. Политики — люди публичные, поэтому их образ жизни и состав семьи в большинстве случаев можно установить. Что касается топ-менеджмента крупнейших японских компаний,

здесь дело обстоит значительно сложнее. Наиболее заметны фигуры нуворишей, self-made men. Именно они фигурируют в большинстве рейтингов наиболее богатых людей Японии. Но вопрос их отношений с остальными сегментами японской элиты — вопрос открытый. Во-первых, индивидуальное, пусть и большое, состояние зачастую оказывается каплей в море японской экономики, которая, несмотря на стагнацию, все же третья в мире, а кроме того, имеет сравнительно справедливое распределение доходов среди разных сегментов населения. Во-вторых, опыт Танака Какуэй, Эдзоэ Хиромаса и Сагава Киёси показывают, что они могут быть легко дискредитированы.

Субэлита («группы интересов»)

Значительную роль в японской системе играют так называемые «группы интересов» (англ. interest groups, яп. *риэки дантай*). Речь идет о профессиональных ассоциациях самого разного рода: сельскохозяйственной, почтовой, медицинских и прочих. С одной стороны, именно через эти группы, как правило, артикулируются интересы простого населения. С другой — в течение второй половины XX в. эти группы имели определенные рычаги влияния на власть, поскольку политики в своих предвыборных кампаниях были вынуждены опираться на эти ассоциации. Главы профессиональных объединений входят в нижнюю прослойку элиты, при этом они не претендуют и не могут претендовать на то, чтобы войти в верхние эшелоны власти. Особого интереса заслуживают СМИ — также хорошо организованная профессиональная группа, которая играет ключевую роль в формировании умонастроений и трансляции любой информации, исходящей от правящей элиты.

Исследователь Патрисия Маклахан (Техасский университет) считает выборы с участием профессиональных ассоциаций главным инструментом долгого доминирования ЛДП у власти. В обмен на «поставку голосов» они получали различные экономические преференции, в том числе протекционистскую политику по отношению к внешнеполитическим партнерам. Безусловно, партия в целом выигрывала от такой электоральной мобилизации, но отдельные политики, которые открыто опирались на подобного рода ассоциации, назывались «спонсируемыми» членами парламента (яп. *риэки дайхё: гиин*). По мнению П. Маклахан, группы интересов больше получали от союза с ЛДП, чем, например, представители крупного бизнеса, но объясняется это просто меньшей защищенностью данных групп.

Большинство таких профессиональных ассоциаций появилось еще в конце XIX – начале XX в. Создавались они либо с одобрения, либо по указке бюрократии. Так, например, произошло с крупнейшими ассоциациями — почтовой и фермеров. Членам Сельскохозяйственной ассоциации гарантировался доход за счет правительственной программы поддержки цен на рис. И фермеры, и почтмейстеры нанимались фактически на всю жизнь, и обе эти группы систематически боролись с возможными реформами или приватизацией, то есть повышением конкуренции в своем секторе.

Членство в подобных ассоциациях для представителей той или иной профессии было либо обязательным, либо предусматривалось по умолчанию. Профессиональные объединения были гораздо строже и жестче организованы иерархически и были более сплоченными группами, нежели производственные и бизнес-ассоциации. Таким образом, если в коалиции с бизнесом ЛДП искала финансовую поддержку, то союз с профессиональными ассоциациями обеспечивал партии голоса электората.

П. Маклахлан отмечает, что уникальная способность групп интересов мобилизовать электорат и приносить голоса строилась на трех функциях профессиональных ассоциаций: 1. Мобилизация — возможность влиять на избирателей и привлекать в *коэнкай* членов ЛДП и просто местных активистов. 2. Самомониторинг: профессиональные ассоциации могли контролировать избирательную активность своих членов. 3. Координация своей электоральной деятельности по всей стране. Поскольку профессиональные ассоциации были организованы иерархически, они имели возможность доводить до местного уровня электоральные предпочтения центрального комитета ЛДП (чем сама ЛДП не занималась в силу организационной слабости «низового» уровня).

Успех ЛДП на выборах в течение почти 40 лет давал свои плоды, и группы интересов достигали своих целей, поскольку партия долгие годы эффективно противостояла либерализации цен на сельскохозяйственную продукцию, приватизации почтовой службы и другим реформам, которые затронули бы интересы этих ассоциаций.

Сельскохозяйственная ассоциация после войны развила иерархическую структуру, которая повторяла отделения соответствующего министерства на общегосударственном, префектуральном и местном уровнях. У этой организации существует политическое крыло, в котором, к примеру, в 2013 г. состояло 9,5 млн. человек.

Ассоциация почтмейстеров к 1940-м гг. стала фактически придатком Министерства коммуникаций. В Почтовой ассоциации состояло гораздо меньше членов, чем в фермерской — около 19 тыс. в конце XX в. Однако эта группа имела еще более налаженные контакты с ЛДП и бюрократией. Помимо основной ассоциации существовала Национальная ассоциация отставных почтмейстеров, в которой также состояли активные супруги почтальонов. Всего в нее входило около 100 тыс. человек.

На практике для служащих почты такое участие в выборах означало, что после работы они посвящали много часов волонтерской деятельности в различных общественных организациях с целью завоевать доверие местных жителей. Молодые почтальоны, только устроившиеся на работу, зачастую были преемниками отцов-почтальонов и в избирательной деятельности начинали участвовать в первые же два года своей карьеры. Для них спускали сверху квоту — то количество голосов на выборах, которое они должны были собрать для того или иного кандидата, а также квоту членов *коэнкай*, которых они должны были привлечь для работы. Квоты поступали сверху — от центрального комитета ЛДП. Невыполнение этих норм жестко порицалось и каралось. Такой способ мониторинга, очевидно, был чрезвычайно эффективным, потому что почтовая ассоциация собирала около 1 млн. голосов по всей Японии. Появлялись даже шутки на эту тему. Предвыборную агитацию называли «четвертым сервисом» почты (тремя основными были почтовая доставка, почтовое страхование и почтовые накопления).

Избирательная реформа 1994 г. снизила возможность групп интересов влиять на исход выборов. Другим существенным фактором стали демографические процессы, а именно урбанизация и депопуляция деревни и малых городов. Кроме того, в самих этих ассоциациях возникли внутренние конфликты. Например, внутри Почтовой ассоциации наметился раскол между старшими и более молодыми сотрудниками, а Сельскохозяйственная ассоциация была подвержена сильным противоречиям между фермерами, работающими на полную и неполную ставку.

Сильный удар группам интересов нанес премьер-министр Коидзуми. Обещанием либерализовать сельскохозяйственные цены он еще более углубил раскол в Сельскохозяйственной ассоциации, а приватизация почтовой службы в 2005 г. нанесла серьезный удар по почтальонам. По его же инициативе в 2007 г. управление почтовой службой было передано корпорации Japan Post Group, и таким образом были нарушены налаженные связи Почтовой ассоциации с бюрократией.

После реформ Коидзуми Почтовая ассоциация не нашла ничего лучшего, как посоветовать своим членам на местах агитировать за того кандидата, кого они сами сочтут предпочтительным. Примеру этой ассоциации последовали фермеры, медики и другие профессиональные объединения. В целом же, отмечает П. Маклахан, Коидзуми лишь нанес последний удар структурам, которые были расшатаны к этому времени.

Однако совсем исключить группы интересов из политической жизни ему не удалось. Коидзуми только диверсифицировал политическую ориентацию этих групп, и помимо ЛДП они стали направлять свою предвыборную активность на другие партии. В ЛДП почтовое лобби возродилось уже в 2006 г., когда Абэ Синдзо во время своего первого премьерства вернул в партию политиков, протестовавших при Коидзуми против почтовой реформы, и даже назначил некоторых из них на высокие посты.

Группы интересов с 2000-х гг. стали активно поддаваться на агитацию оппозиционных партий, в первую очередь Демократической партии Японии, которая всегда была щедра на несбыточные посулы. Эта партия стала оттягивать у ЛДП до четверти голосов. Помимо нее пользовались популярностью и другие консервативные партии, например, *Татиагарэ Нихон* («Поднимись, Япония!») и *Миннано то* («Партия для всех»). Это, возможно, объясняет внезапный успех ДПЯ на выборах 2009 г.

Генеральный секретарь Демократической партии Одзава Итиро пообещал фермерам щедрое субсидирование, даже тем, кто был занят лишь частично. На практике же Демократическая партия не стала оказывать селу обещанной поддержки и, напротив, санкционировала вступление Японии в Транстихоокеанское партнерство, которое предполагает снятие протекционистских тарифов на сельскохозяйственную продукцию, что должно было сильно сказаться на национальном производстве. После этого ЛДП, бывшая тогда в оппозиции, пообещала фермерам сохранить протекционистские тарифы в отношении их продукции, и эта часть электората быстро переметнулась обратно к ЛДП.

Аналогичные и несбыточные обещания Одзава давал и представителям Почтовой ассоциации, быстро «забыв» о том, что многие члены его партии приветствовали почтовую реформу. Он обещал почтмейстерам вернуть всё на круги своя и снова сделать почтовую службу государственной. И действительно, в правление ДПЯ го-

сударственный контроль был частично восстановлен над почтовой службой, а тогдашнего министра от Демократической партии Нода Ёсихико даже пригласили в качестве почетного гостя на ежегодный съезд Почтовой ассоциации.

ЛДП склонна маргинализировать те группы, которые противостоят ее реформам. Так, Абэ Синдзо (имеется в виду второй срок премьерства) планировал провести ряд реформ, связанных с селом, которые должны были усилить конкуренцию в деревне, устранить фермеров, работающих на неполную ставку, и тем самым повысить сельскохозяйственную эффективность. Предполагалось, что данные реформы сильно ослабят позиции Сельскохозяйственной ассоциации. Демократическая партия, находясь уже в оппозиции, снова кормила фермеров несбыточными обещаниями, например, удвоить доход сельской семьи в ближайшие 10 лет и к 2020 г. повысить самообеспечение Японии продуктами питания с 39 до 50%, исключить тарифы на сельскохозяйственную продукцию из договора о Транстихоокеанском партнерстве, а также дать субсидии сельским работникам.

В целом же электоральное поведение групп интересов остается чрезвычайно подверженным конъюнктуре, они быстро меняют свои политические приоритеты. Связано это в первую очередь с тем, что как ЛДП, так и ДПЯ, разбиты на фракции, и ни та, ни другая партия не имеют ни собственной устойчивой идеологии, ни программы, связанной с какой-либо профессиональной ассоциацией. Всё это делает поведение групп интересов непредсказуемым на выборах.

Группа исследователей из университетов Калифорнии (Э. Шайнер), Вашингтона (Р. Пекканен), Сан-Диего (Э. Краусс) и Киото (Мурамацу Митио) исследовала другой вопрос, связанный с группами интересов: что определяет их поведение в периоды политической стабильности и нестабильности и что формирует их выбор, к кому обращаться для решения возникших проблем — к политикам или к бюрократам. Задачи групп интересов при этом по-прежнему довольно очевидны.

Влияние на политиков имеет целью принятие выгодного для них законодательства. Такие мотивы имеют бюрократы, которые приводят в жизнь это законодательство, а в Японии к тому же во многом являются авторами многих законопроектов. Исследователи сравнивают две возможные стратегии обращения к бюрократам и к парламентариям с «детекторами дыма» и «пожарной сигнализацией». Обращение к бюрократии похоже на «детектор дыма», поскольку нацелено на решение вопросов, когда они стоят еще не остро. Обращение же к политикам больше напоминает «пожарную сигнализацию», поскольку применяется, когда интересы групп сильно ущемляются, фактически они жалуются политикам на бюрократов.

Выбор — обращаться к политикам или бюрократам — также зависит от конкретного лобби. Например, профсоюзы в Японии более склонны контактировать с политиками, тогда как сельскохозяйственное лобби традиционно обращается к бюрократам. Стабильность или нестабильность на политической арене должно влиять на поведение групп интересов. Во-первых, возможность для правительства удержаться или не удержаться у власти предполагает, что оно будет обладать или не обладать достаточными рычагами управления в будущем и, соответственно, влияет на поведение лоббистов. Во-вторых, есть и непрямое влияние: стабильность того или иного кабинета сказывается на отношениях этого кабинета с бюрократами, что также затрагивает стратегии лоббистов.

Исследование основано на трех опросах представителей различных лобби. Каждый раз опрашивалось от 220 до 250 человек. Первый опрос состоялся в 1979 г., при премьер-министре Охира, когда ЛДП еще прочно держалась у власти, но при этом была разделена внутренними фракционными противоречиями. Второй опрос был проведен в 1994 г., в период наибольшей нестабильности в парламенте за всю послевоенную историю Японии. Опросу предшествовало поражение ЛДП на парламентских выборах 1993 г. Следствием стало формирование двух коалиционных правительств оппозиционных партий без представителей ЛДП. Каждое из этих продержались у власти всего несколько месяцев, а затем был сформирован кабинет Маруяма. Премьер-министр возглавлял Социалистическую партию Японии, в то время как основные портфели достались членам ЛДП. В период, когда ЛДП была отстранена от власти, бюрократы довольно легко приспособились к новым «хозяевам», и возвращение ЛДП в правительство спустя 10 месяцев сопровождалось определенными коллизиями в отношениях между парламентариями и чиновниками, поскольку последние осуществили предательство партийной лояльности.

Наконец, последний опрос проводился в 2003–2004 гг., во время кабинета Коидзуми, когда ЛДП триумфально вернулась в парламент, заняв там большинство мест, и положение ее было довольно прочно. Этот период не отмечен такой фракционной борьбой, как в кабинете Охира. Опрос при этом учитывал политические пристрастия респондентов и показал, что во времена кабинета Охира лоббисты, которые поддерживали ЛДП довольно слабо, разделились примерно пополам по критерию, к кому они должны обращаться при защите групповых интересов. Половина обращалась к бюрократам, половина — к политикам. В правление Маруяма те же лоббисты, осуществлявшие умеренную поддержку ЛДП, были крайне несклонны к тому, чтобы обращаться к политикам за поддержкой их экономических интересов.

Авторы объясняют такое поведение тем, что до 1993 г. контакт между бюрократами и политиками был чрезвычайно тесным и для лоббистов на практике выбор обращения не имел значения, поскольку в целом они имели дело с одной властной группой. Кабинет Маруяма же был крайне неустойчив и имел очень слабые связи с бюрократами. И лоббисты на этот раз стояли перед жестким выбором, к кому идти для поддержки своих интересов. Наконец, в кабинете Коидзуми связи между ЛДП и чиновниками были в целом восстановлены и, соответственно, поведение групп интересов вернулось на круги своя.

Если рассматривать результаты опросов в целом, получается, что бюрократы являются более надежной группой власть имущих, к которым лоббисты склонны обращаться в период политической нестабильности, поскольку кабинеты в Японии меняются довольно часто, а чиновники служат в одном и том же ведомстве, как правило, всю свою профессиональную жизнь. Еще одним следствием является то, что, когда политики теряют рычаги влияния на чиновников, они также лишаются поддержки лоббистов и недополучают информацию, необходимую для принятия законодательных инициатив.

Средствам массовой информации в Японии посвящено достаточно много работ. Роя Ахаван-Маджид исследует проблему (взаимо)влияния медиа и политических кругов. Автор выделяет следующие основные черты японских медиа:

1) концентрация владения в одних руках;

2) интеграция медиа-элиты с другими властными группами;
3) взаимовлияние медиа и политических кругов.

В последнем случае влияние осуществляется не по классической схеме «влияние на общественное мнение и через него — на политику», а по другому механизму: через участие представителей медиа в законодательных комитетах и прочих аналогичных структурах.

В Японии существуют пять крупных медиа-холдингов, которые изначально были ежедневными общенациональными газетами, но позднее «обросли» другими всевозможными СМИ, начиная от еженедельных и других печатных изданий и заканчивая телевизионными компаниями. В Японии существуют ограничения на владение газетами акций телевидения, но используя различные обходные пути, такие как держание акций аффилированными компаниями, в реальности каждая из газет является держателем более половины акций в соответствующей телекомпании. Ниже перечислены названия крупнейших газет и управляемых ими телекомпаний (как СМИ, имеющие наибольший охват аудитории):

1) Ёмиури — NTV;
2) Асахи — TV Asahi;
3) Майнити — TBS;
4) Никкэй — TV Tokyo;
5) Санкэй — Fuji TV.

Как правило, интеграция осуществляется и на уровне руководства. Зачастую президент компании, выпускающей общенациональную газету, занимает руководящий пост и в соответствующей телекомпании. К основным средствам медиа примыкают издания самого разного характера и целевой аудитории: журналы, спортивные издания, региональные печатные и ТВ-компании.

Важно отметить, что представители медиа принадлежат и к интеллектуальной элите в подлинном смысле слова. Все журналисты, нанятые на работу в пять ведущих еженедельных газет, прошли трехэтапный отбор, включающий письменный и устный экзамен с конкурсом около 150 человек на место. Как правило, кандидаты — недавние выпускники ведущих университетов: Токийского, Киотоского, Васэда или Кэйо. Последнее свидетельствует не столько о высоком уровне образования, сколько о том, что начинающие журналисты уже с отправной точки карьеры принадлежат к обширной сети «академических клик», то есть имеют обширные связи в среде различных сегментов элиты, включая политиков.

Кроме того, медиа-холдинги тесно связаны с бюрократическими институтами, в особенности с Министерством почты и телекоммуникаций, посредством сети *амакудари* — «второй карьеры» бюрократа после выхода в отставку. Бизнес-круги, не связанные с медиа непосредственно, активно инвестируют напрямую или косвенно в медиа-холдинги — образуя, таким образом, еще один уровень интеграции СМИ с другими кругами японской элиты.

Доступ журналистов к новостям серьезно ограничен, с одной стороны. Но с другой — он является эксклюзивным, если сравнить журналистов с остальными сегментами населения. В первую очередь, для этого требуется членство в «репортерском клубе» — *кися-курабу*. Как правило, именно такие клубы служат основным источником новостной информации. Каждая крупная правительственная,

общественная или частная организация в Японии содержит собственный репортерский клуб, обеспечивая журналистов всем необходимым для освещения своей деятельности — помещением, рабочими местами и, конечно, информацией. *Кися-курабу* являются уникальным в своем роде источником новостной информации — одновременно эксклюзивным (поскольку японское законодательство ограничивает частный доступ к информации о деятельности, к примеру, большинства госструктур) и коллективным (поскольку журналисты разных изданий получают в *кися-курабу* одинаковую информацию, то и освещение новостей разными газетами и ТВ-компаниями оказывается также практически идентичными). В отличие от других стран в Японии нет закона, обеспечивающего право репортеров на получение информации от официальных лиц. Напротив, существует законодательство, запрещающее чиновникам практически любого уровня в частном порядке давать любые комментарии относительно деятельности госаппарата.

Есть еще одна особенность: рутинная практика прикрепления определенного репортера к известному политику или высокопоставленному бюрократу. Часто эта связь оказывается чрезвычайно продолжительной — и, таким образом, вся профессиональная, а зачастую и частная жизнь репортера становится связанной с одним и тем же высокопоставленным лицом. Нередко внутри медиа возникают конфликтующие фракции, отражающие противостояние представителей элиты, деятельность которых они обычно освещают.

По мнению Р. Ахаван-Маджид, медиа, в свою очередь, может осуществлять определенный контроль над власть имущими — в основном, выбирая тот или иной информационный повод. Представители медиа могут замалчивать либо, напротив, муссировать определенные темы. Но здесь скорее речь идет не о способности СМИ влиять на политиков, а об использовании их в качестве средства политической борьбы одних фракций против других, иначе логически объяснить раскручивание одних тем и замалчивание других не представляется возможным (см. раздел о коррупционных скандалах). Другой, более эффективный, способ влияния медиа на политические круги — участие в специализированных «консультационных политических комитетах». Наиболее эффективно этот механизм работал в 1980-х гг., когда появился новый тип вещания — телетекст. Опасаясь конкуренции со стороны компаний, специализирующихся на новом средстве массовой информации, крупные медиа-холдинги сумели протолкнуть законодательство, разрешающее владение акциями одного холдинга другим, и таким образом подмять под себя новую индустрию, скупив акции молодых компаний. Примерно то же произошло с кабельным телевидением. Как только появилась угроза того, что оно составит альтернативу крупным холдингам, они сумели законодательно обеспечить себе право не допускать на рынок новых игроков.

В изложении Р. Ахаван-Маджид не вполне ясно, почему он относит представителей медиа к элите, когда, исходя из его же описания, эти профессиональные группы оказываются ниже по положению, чем политики, бюрократы и бизнес, хотя и стоят близко к ним, наряду с другими группами интересов. Возможность «влиять на политику» со стороны медиа оказалась вполне серьезной только тогда, когда были задеты интересы непосредственно медиа-холдингов, то есть когда они выступают как представители определенного сегмента бизнеса, а не особой сферы общественной деятельности.

Х. Кербо и Дж. Маккинстри справедливо отмечают, что в случае с прессой, как с многими другими источниками информации в Японии, речь часто идет не о цензуре, а о самоцензуре, что гораздо серьезнее, потому что в этом случае контроль над информацией присутствует уже в структуре СМИ, является своеобразной профессиональной привычкой. Авторы монографии Who Rules Japan? приводят такой пример: Р. Кристофер в одной из своих книг о японском обществе при упоминании группы париев *буракумин* писал, что, скорее всего, если книгу переведут на японский, этот пассаж будет опущен. В точности так и произошло. Самоцензуру, столь характерную для японских СМИ, отмечал в своей книге и К. ван Волферен, полагая ее, а не милитаризм, основной причиной унифицированной подачи информации в газетах еще перед войной.

Медиа оказались, пожалуй, наиболее удачливыми из всех групп субэлиты в конце XX – начале XXI в. Наиболее массовые группы интересов — сельскохозяйственная и почтовая ассоциации — оказались оттеснены. В новых условиях депопуляции сельских округов, а также в результате избирательной реформы они становятся менее полезными для власть имущих в смысле обеспечения электоральной лояльности, а следовательно, их интересы далеко не всегда учитываются. Что касается лояльности СМИ, то в них власть, несомненно, будет заинтересована и дальше, поэтому интересы крупных медиа-холдингов будут по-прежнему соблюдаться.

Неформальные структуры правящей элиты: «академические клики» и «семейные кланы»

Описание по отдельности основных трех групп японской элиты не дает полного понимания функционирования властной системы.

Большинство исследователей оценивает уровень социально-демографической и социальной интеграции внутри японской элиты как очень высокий. Японская элита значительно в большей степени консолидирована, чем элиты других крупных стран. И теперь она гораздо больше консолидирована, чем была сразу после реставрации Мэйдзи.

Практически все представители элиты принадлежат к послевоенному поколению, родились между концом 1930-х и началом 1950-х гг. Все они пережили восстановление страны после войны, довольно бедные условия существования в раннем возрасте и ни с чем не сравнимый рост экономики в молодости (т.е. с середины 1950-х до середины 1970-х гг.). Таким образом, их жизненный опыт практически идентичен. Этот опыт — бедности и страданий послевоенных лет, — возможно, объясняет, почему послевоенная элита воспитывалась преимущественно на принципах эгалитаризма.

Большинство представителей элиты также относится примерно к одной возрастной категории, и подавляющему большинству из них по 65 лет и старше. Связано это с тем, что, чтобы занять высокое положение, необходимо устроиться в соответствующую структуру сразу после окончания высшего учебного заведения и проходит большое количество времени, прежде чем человек достигает руководящей должности. Например, в 2003 г. средний возраст, когда потенциальный представитель элиты занимал руководящую должность, составил 60 лет.

Исследователь Кармен Шмидт отмечает, что одни и те же представители элиты не могут занимать ведущее положение сразу в нескольких секторах. Они являются либо влиятельными бюрократами, либо влиятельными представителями бизнеса, либо политиками. Большинство представителей элиты, а именно 61,5%, провело большую часть своей карьеры внутри одной структуры. И нельзя сказать, что какая-то из элитных групп доминирует; они все связаны между собой и взаимозависимы. Исследователь полагает чрезвычайно важными сетевые связи внутри прослойки элиты в Японии и выделяет несколько видов сетей: институционализиро-

ванные сети (например, Кэйданрэн и прочие ассоциации), сети, образованные совмещением должностей (общественных ролей, чаще всего речь идет об *амакудари*), и неформальные сети. Среди последних следует особо выделить академические связи и семейные кланы. Именно на них приходится, судя по всему, основная доля неформальных сетевых связей в Японии. Существуют примеры связей и не обусловленных ими. К примеру, Хосокава Морихиро (р. 1938) связан тесной дружбой с богатейшими людьми Японии — сводными братьями Цуцуми Сэйдзи и Ёсиаки. Однако примеры дружественных связей, не закрепленных принадлежностью к какому-либо одному общественному институту, довольно редки.

Х. Кербо и Дж. Маккинстри подходят к сетевым связям несколько по-другому, выделяя пять основных сетей, которые связывают японскую элиту: 1) Кэйданрэн; 2) семейные кланы *кэйбацу*; 3) учеба в одних и тех же учебных заведениях («академические клики»); 4) *амакудари*; 5) престижные клубы.

По поводу клубов и неформального общения в целом надо сказать, что для Японии в меньшей степени характерна светская жизнь в том виде, в котором она существует в США и Великобритании. Наиболее масштабными являются вечеринки, которые устраивают корпорации. Но это именно корпоративные вечеринки, ориентированные на сотрудников компаний. Кроме того, пик толерантности по отношению к показной роскоши пришелся на 1980-е гг. До и после показное потребление традиционно осуждалось, а следовательно, и светская жизнь становилась менее интенсивной.

Престижные клубы в Японии менее распространены, чем в США или Британии, поскольку японская элита, в сущности, в них не особенно нуждается, они вошли в моду на волне европеизации. Наиболее распространены клубы гольфа и тенниса. Среди них наиболее известны и престижны следующие:

- Токийский теннисный клуб. Был основан при активном поощрении Ито Хиробуми (1841–1909). Несколько раз менял местоположение, в настоящее время располагается в районе Токио Адзабу на площадке, специально предоставленной императорским управлением. В год принимает только 50 членов. В 1990 г. в листе ожидания было около 2000 человек, причем многие ждали более 10 лет. Это не просто клуб для богатых. Сделавшим состояние на спекуляциях с недвижимостью в 1980-е было не так-то просто туда попасть. Среди членов — несколько иностранцев (хотя их мало); члены императорской семьи; члены старых родовитых самурайских и аристократических кланов — Симадзу, Сайондзи; семьи старых владельцев *дзайбацу* — Мицуи, Мицубиси; послевоенные гиганты бизнеса — Исибаси Канъитиро (Bridgestone), Кобаяси Ётаро (Fuji Xerox), Асо Ясуо (Aso Cement); бывший глава Верховного суда Ёката Кисабуро и др. Всего около 900 членов, включая семьи.
- Токийский клуб верховой езды. Основан в 1922 г. В настоящее время располагается в районе Ёёги, недалеко от святилища Мэйдзи. Он скрыт от посторонних глаз, рядовые токийцы его практически не знают. В нем обучались верховой езде царствующий император Нарухито, его отец и братья. Для вступления в клуб требуется рекомендация двух действительных членов, а также утверждение кандидатуры членским комитетом. Членство сравнительно недорогое: вступительный взнос — 800 000 иен, а затем 60 000 иен ежегодно. В некотором смысле клуб утратил свои позиции в качестве пристанища элиты: туда входят

несколько деятелей шоубизнеса и нуворишей, а императорская семья больше не пользуется его услугами. Всего в нем состоят 500 членов, включая старую аристократию, к примеру, Токугава.

- Токийский гольф-клуб. Основан в 1913 г. В настоящий момент переехал в соседнюю префектуру Сайтама. Среди членов — принц Титибу и его двоюродные браться принцы Такамамадо и Микаса. Остальные члены — представители бизнеса и политики. Членство стоит всего 85 000 иен.
- Клуб Касуми кайкан. В основном ориентирован на старый нобилитет, включая императора. Однако в последние годы в его составе появились и нувориши. Всего 950 членов.
- Клуб Кодзюнся. Основан известным публицистом Фукудзава Юкити (1835–1901) как место для неформальных встреч элиты. Вступить туда можно только по приглашению. Среди членов — ведущие политики и бизнесмены, которые «разбавлены» писателями и учеными. В 1990 г. в нем состояло 3386 членов, средний возраст которых составлял 76 лет. В отличие от спортивных клубов не имеет какой-то одной направленности: в нем есть рестораны, парикмахерская, поле для гольфа, комнаты для игры в *го*, *сёги*, дискуссионные залы. Несмотря на несколько раздутый состав, членство в этом клубе действительно говорит о принадлежности к элите, среди его членов были, к примеру, Ёсида Сигэру, Хатояма Итиро, Киси Нобусукэ, Сато Эйсаку, Фукуда Такэо. Примечательно, что среди представителей бизнеса много выпускников университета Кэйо (престижный частный университет, основанный Фукудзава).

Как было отмечено, образование представителей высшего слоя чрезвычайно однородно. Около 80% элитариев окончили крупнейшие университеты. Если сравнить это с представителями среднего класса и ниже, то их окончили только 5,5% этой группы. Например, факультет права Токийского университета посещало 40% бизнес-элиты и 29% так называемых групп интересов.

Связи с бывшими сокурсниками имеют беспрецедентное значение в Японии, поскольку они длятся практически всю жизнь. И это главное окно, которое выводит японца за пределы его семейного или рабочего круга, которые, как правило, оказываются довольно узкими. По сути, однокашники представляют собой отдельные сети, нечто вроде клубов, членство в которых невозможно никаким образом приобрести впоследствии. Естественно, наибольшее значение имеют связи с выпускниками Токийского университета.

Необходимо упомянуть, что под университетскими связями надо понимать не только однокурсников, а гораздо более широкий круг лиц. Туда также нужно включить преподавателей и, конечно, студентов, которые учились параллельно на старших или младших курсах. Студенты в Японии поддерживают тесные связи не только на своем курсе, но и с *сэмпай* (студенты старших курсов, покровительствующие и наставляющие младших) и *кохай* (младшие курсы). Помимо собственно учебы студентов связывает чрезвычайно бурная внеклассная активность, занимающая большую часть времени среднего японского студента: всевозможные клубы, секции и объединения, начиная со спортивных и заканчивая «серьезными» дискуссионными, в изобилии существуют при любом университете. К этим связям нужно

отнести также и знакомства через общих знакомых. То есть если два студента обучались в одном университете в разные периоды времени, скорее всего найдется третий студент, стоящий между ними по возрасту, который пребывал в университете с каждым из этих двоих в разные периоды своего обучения. Если учитывать связи и такого порядка, получается, что среди современных представителей элиты, которые окончили, к примеру, Токийский университет, за исключением одного пожилого выпускника 1938 г., все остальные так или иначе связаны между собой. Анализ К. Шмидт демонстрирует это наглядно. Автор исследовала возможные связи между выпускниками Токийского университета, охваченными в данном исследовании. Выяснилось, что выпускники от 1949 до 1972 г. включительно были так или иначе связаны друг с другом: каждый в период получения высшего образования обучался на одном или соседнем курсе минимум с двумя или тремя другими элитариями, которые, в свою очередь, имели аналогичные связи с младшими или старшими коллегами по университету, образуя таким образом чрезвычайно обширную сеть связей. В стороне от этих связей оказался только один выпускник 1938 года выпуска (в силу того, что был значительно старше коллег), а также несколько выпускников 1976 года выпуска и моложе. Учитывая, что К. Шмидт в своем исследовании использует достаточно формальный поход, исключая довольно большое число представителей элиты или близких к ней кругов, представляется, что и эти выпускники Токийского университета в действительности должны быть охвачены подобными связями и сеть в действительности значительно шире.

Исследование проводилось в 2004 г., были оценены разного рода внутренние связи между 231 членами японской элиты, которые в совокупности занимали 243 должности наверху политической, бюрократической, бизнес- или другой общественно значимой иерархии. Для политической среды оценивались парламентарии, вошедшие в состав кабинета министров, главы законодательных комитетов нижней палаты парламента, лидеры партий (секретарь, президент и аналогичные должности), а также главы партийных фракций внутри ЛДП. Для бюрократии — ведущие должности внутри министерств (от заместителя министра до главы секретариата), а также некоторых других ведомств: Банка Японии, Управления национального персонала и другие. В бизнес-сфере — президенты 50 крупнейших корпораций, включая банки и страховые компании. Также к элите К. Шмидт причислила верхушку групп интересов (главы медицинской, сельскохозяйственной и других профессиональных ассоциаций) и средств массовой информации (президенты крупнейших медиа-компаний).

Х. Кербо и Дж. Маккинстри пишут, что изначально императорский (ныне Токийский) университет задумывался для подготовки профессиональной бюрократии — к 1930-м гг. три четверти министерской элиты были его выпускниками, а в период 1905–1925 гг. — 58 из 71 губернаторов префектур; дети деловых кланов обучались там редко. Однако в настоящее время он служит подготовительной площадкой для всех сегментов элиты. Если повнимательнее присмотреться к японской системе образования, становится понятно, что за объективными и одними из самых жестких в мире экзаменами скрывается, тем не менее, классовая дискриминация; экзамены ее лишь маскируют.

Между университетами в Японии существует неофициальная, но всем известная и довольно жесткая иерархия, которая основывается вовсе не на качестве об-

разования, а на репутации университета и тех карьерных перспективах, которые он открывает выпускникам. Наиболее престижны государственные университеты (сравнительно недорогие и финансово доступные большинству среднего класса): Токийский, Киотоский и Хитоцубаси. За ними следуют старые частные университеты: Кэйо и Васэда. Однако следует учитывать, что Тодай (Токийский университет) опережает все остальные университеты с большим отрывом.

В 1980 г. среди всех принятых на государственную службу 38,6% были выпускниками Тодай, но те, кто вошли в топ, — 59%. В 1976 г. из около 1600 министерских чиновников в ранге начальника департамента и выше 1000 окончили Токийский университет. В 1981 г. главы всех семи ведущих министерств, за исключением налогового ведомства, также были выпускниками Тодай. В конце 1970-х гг. 89% чиновников министерства финансов были выходцами оттуда же.

Однако значение имеет не только университет, настоящей кузницей бюрократии является юридический факультет Тодай. В период 1981–1987 гг. 73% чиновников, занимавших должность замминистра, были выпускниками этого факультета. Выпускников других отделений было всего 13,5%.

Если рассмотреть премьеров Японии в период с 1945 по 1993 г., то за исключением Исибаси Тандзан (Васэда), Икэда Хаято (Киотоский), Танака Какуэй (без высшего образования), Мики Такэо (университет Мэйдзи), Охира Масаёси (Хитоцубаси), Судзуки Дзэнко (Институт рыболовной индустрии), Такэсита Нобору (Васэда), Уно Сосукэ (без высшего образования) и Кайфу Тосики (Васэда) все были выпускниками Тодай. Это 10 из 19 человек, а если по годам, то около 34 лет из 48.

Примерно такая же статистика открывается при рассмотрении ведущих лиц крупнейших бизнес-корпораций. Можно привести и такой пример: из 10 вице-председателей Кэйданрэн в 1990-х гг. пятеро были выпускниками юрфака Тодай, трое — инженерного факультета Тодай, один — экономфака Тодай и лишь один — Токийской высшей школы бизнеса.

Однако иерархия учебных заведений начинается еще до университетской скамьи. До школы старшей ступени японские школы более или менее эгалитарны, и их программы в значительной степени унифицированы. После вступительных в университет вступительные экзамены в старшую школу — самый большой кошмар в жизни японца. По результатам этих экзаменов начинается сегрегация. Можно выделить четыре уровня старших школ: наиболее престижные колледжи, готовящие специально для поступления в топовые университеты; другие подготовительные колледжи для поступления в университеты, которые, однако, не дают такой высокий процент поступления; техникумы, уровень образования в которых достаточно высок, но практически не оставляет шанса для поступления в вуз; обычные школы, откуда выходят, грубо говоря, разнорабочие.

Но и хорошая старшая школа сама по себе не является достаточным условием для поступления в университет. Около 84% старшеклассников посещают дополнительные занятия, причем 60% посещают сразу несколько учреждений, предоставляющих дополнительные образовательные услуги. Наиболее распространенный вариант — *дзюку*, подготовительные школы, которые готовят к вступительным тестам в вузы. Их посещают во второй половине дня после основного учебного заведения несколько раз в неделю. Если абитуриент не поступает с первого раза, он теряет год.

В этот период его называют «ронином». Специально для таких существуют подготовительные школы *ёбико*. Причем процент средств, которые оттягивают на себя такие учебные заведения, всё возрастает. Если в 1965 г. на дополнительную подготовку к вступительным экзаменам тратилось 5% всех средств, расходуемых на образование в Японии, то к 1980-м гг. это соотношение составило уже 20%. Вот здесь-то, как справедливо полагают авторы Who Rules Japan?, и кроется истинное неравенство. Родители должны, во-первых, оплатить образование детям, а во-вторых — достаточно мотивировать их к постоянной зубрежке, что довольно-таки непросто.

Если верить статистике поступлений в высшие учебные заведения, в годы после Второй мировой войны возможность вертикальной мобильности в Японии была значительно выше не только по сравнению с этой же страной в предшествующие войне годы, но и несколько выше, чем в других индустриальных странах. К 1970-м гг. этот уровень снизился до среднего. Скажем, вскоре после войны 63% студентов Тодай должны были работать, чтобы оплачивать собственное обучение, и от 10 до 14% из них были выходцами из рабочего класса. Это достаточно высокий показатель, учитывая элитный статус университетов. Однако в 1970-е и 1980-е гг. произошел откат и социальный бэкграунд студентов всё повышался и повышался.

Один из самых эффективных способов контроля над человеком в условиях японской системы — *найсинсё*. Это нечто вроде закрытого личного дела, которое ведется все годы пребывания в школе, передается в вуз, а также потенциальному работодателю. Туда заносятся не только оценки, но и личные характеристики ученика. Люди, хотя бы в какой-то степени ориентированные на карьеру, как следствие, постоянно должны контролировать свое поведение, поскольку выкинуть из личного дела нежелательную информацию не получится и это может сказаться на последующем трудоустройстве.

Таким образом, образовательная система играет в формировании японской элиты ключевую роль: именно по линии образования происходит значительная доля сегрегации, кроме того, с точки зрения индивида, образование не столько дает набор необходимых для престижной работы навыков, сколько включает его в сеть неформальных, но чрезвычайно эффективных связей, которой он будет пользоваться всю жизнь.

К. Шмидт исследует институт «второй карьеры» *амакудари*[43] в качестве еще одной неформальной сети, оправданно полагая, что данные назначения важны не только с точки зрения обеспечения бывшего чиновника источником дохода, но и как средство связи между негосударственными и полугосударственными организациями с министерствами. Бюрократы после выхода в отставку, как правило, устраиваются на высокооплачиваемые должности в предприятиях отрасли, с которой до этого они соприкасались в силу служебных обязанностей. Также в качестве «второй карьеры» распространена политическая деятельность (с избранием в парламент). Переходя на новую работу, бывшие бюрократы активно поддерживают связи со своим прежним профессиональным окружением. Так, для «выпускников» Министерства международной торговли и индустрии существует «Клуб вторника», где каждую неделю встречаются бывшие чиновники этого министерства. Это, однако, слишком масштабное мероприятие для поддержания тесных личных контак-

[43] По непонятной причине термин *амакудари*, дословно обозначающий «схождение с небес», «посланник небес», что в принципе точно передает суть явления, К. Шмидт переводит как old boy.

тов. Существуют аналогичные собрания для бывших чиновников одного класса (а не всех когда-либо работавших в определенном министерстве) — как действующих, так и вышедших в отставку; как правило, они встречаются один раз в месяц. Есть и специальные собрания бывших бюрократов, начавших вторую карьеру *амакудари*. В рамках последних действующие чиновники информируют их относительно текущих дел в министерстве. Чуть менее четверти (21,5%) политиков также принадлежат к бывшим бюрократам. Следует отметить, что, несмотря на высокий доход на новой должности в бизнес-структурах, бывший бюрократы в большинстве случаев не занимают позиций, которые позволяли бы им влиять на ключевые решения в управлении предприятием. Не более 2% из них добираются до состава совета директоров. Таким образом, основная функция *амакудари* — именно связи с отраслевым министерством.

Еще один механизм, объединяющий японскую элиту, — семейные связи. Именно они, с одной стороны, удерживают вместе значительную часть высшей прослойки общества, а с другой — устанавливают внутри нее своеобразную иерархию, главным критерием в которой является близость к императорскому роду. Такая высокая степень консолидация — феномен сравнительно недавний. Отправной точкой формирования нынешней прослойки можно считать реставрацию Мэйдзи или события ей предшествующие, когда жестко иерархизированная наследственная элита эпохи Токугава, сложившаяся, в свою очередь, к концу XVI в. в эпоху Сэнгоку («воюющих провинций»), должна была пересмотреть внутреннюю иерархию, способы функционирования и допустить в свои ряды некоторое количество «новых людей» с тем, чтобы ответить на вызовы времени. Процесс формирования нового властного слоя сопровождался серией как внешних военных, так и внутренних конфликтов. Последние принимали характер то гражданской войны, то борьбы придворных кланов, нередко сопровождавшейся политическими убийствами и террором. Основные структуры стали выстраиваться в конце XIX – начале XX в.: оформилась бюрократия, сложились концерны-*дзайбацу*, стали функционировать политические партии и Министерство двора. Война и поражение в ней внесли свои коррективы — в частности, верхушка армии после недолгого периода доминирования была вытеснена из основных рядов японской элиты. Но в целом после поражения в войне у власти в Японии продолжал оставаться тот же слой, что и до войны. Коррективы внес и период высоких темпов экономического роста: на волне легких денег в бизнесе и политике появилась целая плеяда новых людей «низкого происхождения», некоторые из которых смогли присоединиться к прослойке элиты, а некоторые — нет.

До войны основными властными группами были аристократия, *дзайбацу*, крупные землевладельцы и др. Еще до войны стали закладываться основы меритократии, а после поражения она стала декларироваться в качестве главного залога демократии. Лицами новой эпохи стали поднявшиеся из низов self-made политики и бизнесмены: Танака Какуэй и Мацусита Коносукэ. Но спустя 44 года после поражения в войне Япония, похоже, возвратилась от общества равных возможностей к обществу, где первостепенную роль играет происхождение. В последнее время в СМИ все чаще можно встретить словосочетания «новый властный слой», «новая элита», «новый истеблишмент». Когда же подняли голову новые аристократические кланы и новые дзайбацу?

Старая аристократия изначально формально включала в себя бывших *даймё* и придворных. Формально их приравняли друг к другу в 1869 г. В 1870–1880-х гг. Япония начала большие юридические преобразования с целью создать общественное и государственное устройство, соответствующее международным (точнее, западным) стандартам, или хотя бы внешне напоминающее его. Успех преобразований позволил бы продемонстрировать иностранцам «цивилизованность» Японии и дать предлог для пересмотра неравноправных международных договоров, которыми Япония была связана с 1850-х гг. Одной из составляющих преобразований было принятие конституции и создание двухпалатного парламента по образцу Великобритании.

Чтобы открыть «палату пэров» первого японского парламента, был издан закон об аристократии, который определял пять степеней знатности. Их получили упомянутые выше аристократы и самураи, а также некоторые из менее родовитых деятелей реставрации, внесших в нее большой вклад. Степени соответствовали положению в дореставрационной иерархии (ступень в придворной иерархии, близость рода *даймё* к Токугава, уровень дохода княжества), и, к примеру, самураи, делавшие реставрацию, оказались на нижней ступени. В то же время семьи Ивакура, Сандзё, Мори, Симадзу оказались выше коллег по старой иерархии. На момент создания новой системы 511 семей получило титулы знатности, но к моменту упразднения список расширился до 914. К примеру, многие семьи владельцев *дзайбацу* получили эти титулы. После упразднения системы все они вели разный образ жизни, но в целом они породнились с новыми промышленниками, держателями капитала, политиками и как бы скрепили их сеть кровными узами.

Из послевоенных крупных политиков только трое — Танака Какуэй, Исибаси Тандзан и Катаяма Тэцу (христианин и социалист) — не состояли в родстве ни со старой аристократией, ни с *дзайбацу*.

Авторы Who Rules Japan? приводят следующий поражающий воображение пример. Премьеры Ёсида Сигэру, Хамагути Осати, Киси Нобусукэ, Сато Эйсаку, Мики Такэо, Охира Масаёси, бывшие министры иностранных дел Ёсида Хироси и Абэ Синтаро, лидеры крупнейших корпораций Уэхара Масаёси, Уэхара Сёдзи, Хамагути Масахико, Хамагути Гэнкон, Андзай Масао, Андзай Хироси, Асо Такаёси; а также брат императора Сёва (Хирохито), брат и сестра вдовствующей императрицы — все члены одной семьи, которые так или иначе связаны между собой браками сестер и братьев или же детей. Если рассматривать и более дальние связи, то это клан разрастется до огромного, который будет включать гораздо большее число людей, включая 11 довоенных и 21 послевоенного премьеров.

Если же рассматривать семейные связи более узко, можно привести другой пример: Исибаси Канъитиро, президент корпорации Bridgestone. Его сестра замужем за Хатояма Иитиро (сын основателя ЛДП). Его двоюродный брат Кэйити женат на дочери Икэда Хаято. Еще одна его сестра Кэйко замужем за главным советником корпорации Мицуи. А еще одна — Тамако — замужем за президентом аффилированной компании Bridgestone, который является сыном бывшего спикера парламента. Есть и другой пример, Мацусита Коносукэ, который будет подробнее рассмотрен ниже. В связи с этим анализ семейных предприятий, приведенных в разделе о бизнес-элите, представляется несколько узким. (Потомственный) владелец предприятия может нанимать менеджеров и отдавать им на откуп значительное ко-

личество административных функций. Однако подобная включенность в широкую семейную сеть, охватывающую самые разные сегменты японской элиты, делает его положение прочным. Семейные связи, в отличие от должностей, с течением времени не теряются.

Наиболее богатые из нынешних японцев парадоксальным образом пользуются довольно слабым влиянием в элитном кругу и лезут из кожи вон, чтобы в него войти. Богатство в Японии безлично — 80% акций корпораций принадлежат другим корпорациям. К примеру, богатейшие братья Цуцуми так и не смогли до конца войти в истеблишмент, поскольку не были связаны с ним семейными связями. Нувориши Сагава и Эдзоэ потому и давали огромные взятки, вызвавшие последующие скандалы, чтобы приблизиться к внутреннему кругу власти. К примеру, корпорации Тоёта такое никогда не требовалось.

Семейные связи — чрезвычайно сложный для исследования феномен. В японских условиях необходимо учитывать не только прямых родственников, но и целую армию свояков, носящих совершенно разные фамилии. Часть информации попросту закрыта еще прочнее, чем информация о внутренней борьбе внутри бизнес-корпораций. И даже если удается найти инсайдерский источник, зачастую сами представители элиты дают ложную информацию, вполне вероятно — неосознанно. Так, если попытаться проследить критерии, по которым подбирается пара для вступления в брак, многие респонденты упорно выдают свои союзы за результат внезапно возникшей страсти и с удовольствием распространяются о своей нежной привязанности к супругу, не упоминая об обстоятельствах знакомства, которое, как правило, явно или завуалированно является сватовством через общих знакомых. Несомненно, отмечено большое число браков по взаимной любви, но японское общество в целом по-прежнему смотрит на брак прагматично, и значительная часть японцев, даже не принадлежащих к избранным семьям, выбирает спутника жизни, когда подходит соответствующий жизненный период, и подбирает его исходя из социального статуса. Публикуются даже руководства, подсказывающие, как лучше познакомиться с кандидатами в супруги. В них среди потенциальных «сватов» указываются старшие родственники или друзья семьи, благосклонно настроенное начальство, преподаватели, с которыми в университете студент был ближе знаком. Обратиться к этим людям с просьбой подобрать кого-то, очевидно, не считается зазорным. Следует также отметить еще одну особенность: большое число частных детективных агентств Японии специализируется на исследовании личной и семейной истории потенциальных кандидатов в мужья или жены. Если сыщик найдет информацию, порочащую жениха или невесту (начиная от принадлежности к низким социальным группам и заканчивая генетическими заболеваниями и внебрачными детьми), брак, скорее всего, не состоится. Исходя из того, с какой тщательностью к выбору партнера подходят многие представители среднего класса (это как раз та информация, которая сравнительно легко доступна), можно предположить, что высшая прослойка значительно разборчивее. И если старшие поколения были в каком-то смысле честнее, признаваясь в том, что браки часто заключались по сговору, то в недавние годы культ романтической любви, навеянный популярными фильмами, может сильно искажать истинную мотивацию, приводящую к заключению брака.

Несмотря на то, что данный тип связи труднее всего отследить, существует несколько японских исследований, описывающих наиболее значительные семейные кланы внутри элиты, которые посредством брачных связей охватывают и политиков, и бизнес, и бюрократию, и даже императорскую семью:

1. Дзин Икко. Кэйбацу: Син токкэн кайкю: но сэйсю: но кэйфу (Семейные кланы: генеалогия и подъем привилегированного класса). Токио: Кадокава бунко, 2002 (1-е издание 1993).
2. Сато Томоясу. Кэйбацу: Нихон-но ню: эсутабуриссюмэнто (Семейные кланы: новый японский истеблишмент). Токио: Риппу сёбо, 1981.

Семейные кланы чаще всего по-японски называются *кэйбацу*. Кэйбацу — специфический японский термин, часто употребляемый в англоязычной литературе без перевода как уникальный социокультурный феномен. «Большой японско-русский словарь» Н.И. Конрада дает следующее определение: «альковный клан» (о людях, делающих карьеру с помощью родственников своих жен). Первый иероглиф означает «женскую половину дома», а второй — клан, властную и влиятельную группу. Тот же иероглиф в слове *дзайбацу*. Помимо повышенного значения родственников по женской линии, употребление этого термина указывает на значение родственных связей в целом для формирования властных кланов в японской прослойке элиты. До войны большое значение как показатель статуса имели титулы знатности, которые охватывали почти всю элиту. После войны они оказались упразднены. Их место заняли семейные связи *кэйбацу*. В каком-то смысле они стали более эффективными: с одной стороны, они не афишируются, с другой, сплачивают прослойку элиты гораздо крепче.

Новые семьи стремятся породниться со старой аристократией. Не стал исключением и Мацусита Коносукэ, выдавший дочь замуж за наследника аристократической семьи. Подобные случаи не только решают вопрос престижа семьи. Эти союзы имеют и большое практическое значение, добавляя властных рычагов состоятельным семьям и, в свою очередь, денег тем, кто занимается политикой. Таким образом, старые аристократические семьи и семьи владельцев *дзайбацу* никуда не ушли, они лишь вобрали в себя слой нового истеблишмента, поэтому новые власть имущие — и новые, и старые одновременно. В послевоенные годы произошло следующее: пять старых кланов *кэйбацу* (Кадзима, Сандзай, Нагано, Исикава и Асо) породнились с тремя новыми (Тоёда, Масуда и Сайто). Таким образом, практически вся японская элита оказалась членами одной семьи.

Старая аристократия, хотя и утратила власть формально, в современном правящем слое занимает очень важное место, поскольку — с фокусом на императорской семье — решает вопрос престижа той или иной фамилии.

Социологи утверждают, что японская семья является скорее экономическим, нежели родственным объединением. В том смысле, что квазиродственные связи часто не менее важны, чем реальные — главное, чтобы члены семьи исполняли соответствующие обязанности по отношению друг к другу. Из-за того, что *кэйбацу* держатся не только на мужской линии наследования, но и очень в большой степени на женских родственниках, представители этих кланов не носят одни и те же фамилии. Например, одна из наследниц семьи Ясуда вышла замуж за молодого человека, который стал усыновленным зятем. Их дочь Исоко вышла замуж за Оно Эйсукэ, ко-

торый впоследствии стал главой Банка Японии. Его дети, в свою очередь — один из главных сотрудников компании Мицубиси и небезызвестная художница Йоко Оно.

Роль японских женщин в обществе сильно недооценивается. По сути, дискриминацию они испытывают только в сфере образования и на рабочем месте. В том, что касается семьи, дискриминацию скорее испытывают мужчины. То, что они отдают все заработанные деньги жене, а сами получают незначительные суммы «на карманные расходы», давно стало притчей во языцех. Женщины не просто руководят всеми бытовыми расходами, они в полном смысле слова распоряжаются всеми семейными финансами. Так, Япония имеет один из самых высоких показателей индивидуальных (семейных) сбережений в индустриальном мире. И вложением средств занимаются именно домохозяйки. Именно поэтому распространители акций в Японии так напоминают продавцов косметики: они либо ходят от дома к дому в будние дни, либо имеют небольшие стенды в крупных продуктовых магазинах. Что касается женщин элитной прослойки, то их функции еще важнее и не сводятся к «производству» детей. Они полностью отвечают за судьбу следующего поколения: начиная с образования и заканчивая браком, которые устраиваются, как правило, в элитных женских клубах. И именно они, таким образом, налаживают связи с другими властными кланами. В частности, очень крепкими остаются связи между матерями и замужними дочерями. В лучших традициях эпохи Сэнгоку они шпионят за новыми родственниками, передавая информацию своей первой семье.

Разумеется, точное число *кэйбацу* трудно подсчитать, поскольку их границы размыты. Максимальная оценка, судя по всему, — 40. Но ключевой момент — это не принадлежность к конкретному *кэйбацу*, а то, что вся элита так или иначе входит в этот круг. Если сравнить это с довоенной элитой, то теперь она стала более консолидированной. Кроме того, ушел антагонизм между специализированными элитными кланами: до войны они, как правило, либо занимались бизнесом, либо делали бюрократическую и/или политическую карьеру, при этом последние, как правило, были значительно беднее первых. Сейчас кланы включают представителей всех сегментов элиты.

Наконец, сейчас кланы *кэйбацу* стали чуть более открытыми, и представители «низов» имеют возможность в них попасть, если проявляют достаточно способностей. Иными словами, чтобы сделать карьеру, представитель среднего или более низкого класса в большинстве случаев должен жениться на девушке из «хорошей семьи» или, на худой конец, устроить выгодный брак для своих детей. Примером последнего может служить Накасонэ Ясухиро. Сам он был женат на женщине из малозначительной семьи. Однако его сестра Яэсу вышла замуж за сына магната производства бумаги, Сайто Рёхэя. Один из братьев Рёхэя, в свою очередь, — член парламента и губернатор префектуры Сидзуока. Другой его брат женат на дочери Тоёда Киитиро (председатель концерна Тоёта, председатель Кэйданрэн). Посредством браков своих детей Накасонэ связан с NHK, банком Дайити кангё, Мицуи, Мицубиси, Министерством финансов, торговой компанией Ито и другими важнейшими структурами.

Престиж рода определяется «расстоянием» до императорского. По сути семьи истеблишмента можно разделить на две большие группы: близкие к императорской семье или далекие от нее. К первой группе относятся, к примеру, Ёсида Сигэру, Судзуки Дзэнко, Киси Нобусукэ, Сато Эйсаку, Мики Такэо, Охира Масаёси, Икэда Хаято. Ко второй — Хатояма Итиро, Накасонэ Ясухиро, Фукуда Такэо, Та-

кэсита Нобору, Асида Хитоси. Ёсида Сигэру был женат на внучатой племяннице императора, а Судзуки Дзэнко, в свою очередь, на дочери его старшего брата Асо Таро. Судзуки, если составлять рейтинг по этому принципу, находился бы в его топе. Можно, однако усмотреть обратную причинно-следственную связь: продвинувшись по карьерной лестнице, власть имущие ищут родственного союза с другими представителями власти и таким образом оказываются втянуты в сеть семейных связей, в центре которой стоит императорская семья. Человек, связавший истеблишмент с придворными кругами, — «почетная императрица» (жена отрекшегося императора Акихито) Митико (девичья фамилия — Сёда).

Японский журналист Дзин Икко, отвечая на вопрос: кто больше всего преуспел в послевоенной Японии — дает довольно неожиданный ответ. В зависимости от мировоззрения чаще всего приводят Танака Какуэй и Мацусита Коносукэ. Однако императрица Митико, по мнению Дзин, превзошла их. Она стала первой в истории Японии простолюдинкой (ее семья была богата, но не более того), вышедшей замуж за наследника престола. Ее предки были богатыми торговцами рисом, а в эпоху Мэйдзи прадедушка занялся производством соевого соуса и помолом муки. Во втором-третьем поколениях из этой семьи вышло много выдающихся ученых: ректоров, профессоров, лауреатов государственных премий. Именно это обстоятельство, как представляется, сыграло решающую роль, потому что в новейшей истории государи позиционировали себя не только как сакральные правители, но и как покровители интеллектуальной и культурной элиты, и представители императорской семьи начиная с Хирохито были, помимо прочего, и профессиональными учеными. Собственно, в семье, в которой выросла Митико, — Сёда, главы семейной компании, было четверо детей. Старший брат императрицы окончил Токийский университет и поступил на работу в Банк Японии, дослужившись до его главы. Родственники по отцу (родственники жены дяди) — владельцы банка Коикэ.

Те семьи, с которыми Митико связана через своих братьев и сестер, соответственно, занимают центральное положение. Старший брат бывшей императрицы, Ивао, ранее инспектор Банка Японии, взял невесту из семьи Хамагути (к ней же относился довоенный премьер Хамагути Осати). Старшая сестра Эмико вышла замуж за промышленника Андзай Такаюки. Еще одна старшая сестра — супруга сотрудника банка Мицуи и профессора университета Хитоцубаси. Младший брат Сёда Осаму женат на женщине из семьи Охара, она внучка маркиза и маршала Нодзу Митицура. Эти три семьи (Андзай, Хамагути и Охара) составляют *гайсэки* («внешние родственники» императорской семьи) и костяк *кэйбацу* вообще[44]. К ним в качестве «вассалов-родственников» (термин Дзин Икко) примыкают: Охаси, Мори, Мики, Иваса, Хорида, Сумитомо, Уэхара и Коикэ.

Через семью Андзай с императорским домом был связан Сато Эйсаку, а если брать ныне живущих его потомков, то и недавний премьер Абэ Синдзо. Среди родственников этого клана также семья — владельцы *дзайбацу* Сумитомо, член парламента Охаси Такэо, Хорида Сёдзо (тоже из банка Сумитомо), а через последнего

[44] Примечательно, что указаны они только на японской странице Википедии. И здесь дело не только в меньшем количестве информации в англоязычных и русскоязычных статьях. Очевидно, что японцы уделяют этим родственным связям больше внимания (не только детям и родителям, то есть мужским родственникам).

Андзай связаны с управляющими крупной фармацевтической компании Тайсё сэйяку Уэхара и семьей премьера Охира. Если взять связи шире, то там окажутся представители почти всех крупнейших довоенных *дзайбацу*: Мицуи, Мицубиси, Ясуда, Асано. Семья Андзай полагается исследователями одной из самых влиятельных (речь идет о негласном влиянии).

Дзин Икко в своей книге подробно рассматривает семейные связи японского политического и бизнес-истеблишмента, отталкиваясь от фигур послевоенных премьеров и крупнейших бизнесменов.

В качестве «эталонного» клана Дзин приводит пример Такэсита Нобору. *Кэйбацу* Такэсита имели ответвления во всех сферах. Младшая сестра его жены вышла замуж за другого парламентария, который принадлежал к, казалось бы, враждебной фракции Миядзава. А его младший брат, в свою очередь, принадлежал к СПЯ. Одзава Итиро и сводный брат Такэсита женаты на сестрах Фукуда, дочерях строительного магната из Ниигата и активный сторонник Танака Какуэй. Кроме того, третья дочь Такэсита замужем за другим строительным магнатом, Такэнака.

Дзин, помимо прочего, обращает внимание на то, что именно благодаря Такэсита среди политиков (помимо Токийского университета) стал котироваться как чуть ли не второй университет Васэда: Такэсита его выпускник. И в парламент он впервые избрался благодаря другу отца, который также был его *сэмпаем* по Васэда.

Однако, несмотря на «эталонность» клана Такэсита – Канэмару, необходимо учитывать, что эти политики не смогли породниться с основной массой истеблишмента и создали клан, копирующий широкий правящий слой в миниатюре. После ухода Такэсита и Канэмару из большой политики их родственники вернулись фактически в разряд региональной элиты. Если среди потомков противоборствующей фракции мы легко найдем нынешних политиков, то Танака, Такэсита и Канэмару в ней не закрепились.

Семейная фирма Такэсита, производящая *сакэ*, существует до сих пор и развилась в небольшую сеть[45]. Ею управляет младший сводный брат бывшего премьера. Вторая дочь Такэсита Маруко вышла замуж за журналиста Найто Такэнобу, посвятившего карьеру освещению деятельности тестя. Дети от этого брака — наиболее известные из внуков Такэсита: Найто Дайго — известный рок-музыкант и композитор, его сестра Найто Эйко (псевдоним Эйки Эйки) — автор комиксов *манга* (большая часть — порнографические).

Что касается детей Канэмару, они также остались элитой регионального уровня. Старший сын — глава местной телекомпании Яманаси, второй — владелец загородного клуба в этой префектуре, дочь замужем за владельцем средней строительной фирмы Нисимацу.

О том, чем занимаются дети Одзава, последнего «действующего» политика из фракции Танака, точной информации найти не удалось. У него трое сыновей, один из которых работает секретарем у другого политика (не уточняется, кого именно), а еще один — сотрудник временного контракта (согласно интервью самого Одзава, что, правда, сомнительно)[46]. В любом случае, среди них пока нет видных фигур истеблишмента.

[45] http://www.takeshita-honten.com/

[46] http://xn--q9jbi2jo39nydbu2y1zj7px85c40bq50ach0egcflym.com/2016/03/19/%E5%B0%8F%E6%B2%A2%E4%B8%80%E9%83%8E%E3%81%AE%E6%81%AF%E5%AD%90/

Было крайне распространено мнение, что главная причина, по которой Абэ Синтаро не стал новым премьером после Накасонэ и проиграл Такэсита, заключалась в том, что к этому времени давно скончался его тесть и главный покровитель. Именно благодаря ему Абэ быстро занял высокое положение во фракции Фукуда.

Род Абэ — старый самурайский, известен, по крайней мере, с эпохи Камакура (1185–1333). На определенном этапе они переселились в район современной префектуры Ямагути и ближе к нашему времени были очень крупными землевладельцами и производителями соевого соуса; последнее предприятие приносило много денег. Еще отец Абэ Синтаро начал заниматься политикой и был с 1930-х гг. членом нижней палаты парламента. Во время войны он выступал против военных действий и (что, наверное, ближе к истине) Тодзё Хидэки. В результате он не был рекомендован в качестве кандидата на очередных выборах и временно оставил политическую карьеру. То же произошло с его давним знакомым Мики Такэо, на почве этого два парламентария сдружились и Мики впоследствии покровительствовал его сыну, Синтаро. Последний воспитывался в Ямагути в семье отца (родители развелись, когда ему было два месяца), после окончания школы поступил на юридический факультет Тодай, но был призван во флот и окончил университет только после окончания войны. Затем работал журналистом в газете «Майнити». Абэ Синтаро очень рано потерял родителей и воспитывавшую его тетю, зато близко сошелся со сводным братом по матери Нисимура Масао, управляющим Промышленным банком Японии. Поэтому существует связь между семьями Абэ и Нисимура. После смерти отца Абэ был еще слишком молод, чтобы унаследовать его избирательную базу, и она перешла к другим местным политикам. Поэтому в политической карьере он стал опираться на своего тестя, секретарем которого был долгое время. Киси при этом был также заинтересован в преемнике: его старший сын был в те годы серьезно болен и на него не рассчитывали (позже он поправился и дослужился до главы нефтяной компании Сэйбу). Активную поддержку ему оказывал также брат Киси — Сато Эйсаку, и он был избран в парламент в один год с Такэсита и Канэмару.

У Абэ Синтаро три сына. Старший женился на дочери главы электрической компании Усио. Второй — Синдзо — на дочери главы компании Моринага (Мацудзаки; это одна семья с основателями Моринага), крупнейшего производителя кондитерских изделий. В особенности важен первый союз, поскольку на тот момент и Абэ, и Усио воспринимались как «восходящие звезды»: один — политики, второй — бизнес-сообщества. При этом Усио активно поддерживал Абэ и был одним из главных членов его *коэнкай*. Также среди родственников Абэ оказались представители семьи Андзай, родственников императорской семьи. Если взять весь клан *кэйбацу*, образовавшийся в итоге, получится, что из него вышло 10 премьеров. Абэ Синдзо с детства воспитывался в окружении политиков и, по его словам, после окончания университета он без особых раздумий стал секретарем своего отца, чтобы «помогать» ему выполнять государственный долг. Младший брат Синдзо, Киси Нобуо, усыновленный семьей деда Киси, долгое время работал в корпорации Сумитомо, затем также занялся политикой (ЛДП) и сумел добиться на этом поприще определенных успехов.

Следует обратить внимание на политическое долголетие Абэ Синдзо. Это может быть обусловлено многими факторами, как его семейными связями, так и тем, что у него нет детей, то есть прямых преемников.

Миядзава Киити в свое время был еще одной восходящей звездой японской политики. По мнению общественности, он был даже слишком «элитен», далек от народа. Его критиковали за «холодность», а также за излишнюю интеллектуальность. Однако к его плюсам относились обширные международные связи с европейскими и азиатскими лидерами. Плохие отношения в том числе с коллегами по фракции не позволили ему сделать слишком быструю карьеру, какую сулило ему происхождение, но в итоге он все же добился поста премьера.

Отец Миядзава был довольно беден, но благодаря усердию и выдающимся способностям поступил в Токийский университет, после окончания которого работал сначала в Министерстве внутренних дел, а затем в пароходной компании Ямасита, где он достаточно преуспел и пользовался расположением владельца. Ямасита познакомил его с Окава Хэйкити, видным политиком из Сэйюкай. Последнему также понравился молодой человек, и он выдал за Миядзава свою вторую дочь. От этого брака родилось трое сыновей, и все они показали блестящие успехи в учебе и поступили на юридический факультет Тодай. Киити после окончания поступил на работу сначала в министерство финансов, а затем секретарем к Икэда Хаято (его коллегой в то время был Охира Масаёси, также секретарь Икэда) и благодаря его поддержке в 34 года избрался в парламент. Икэда ему активно покровительствовал, как и дед Окава, и Миядзава сделал в парламенте очень быструю карьеру, специализируясь в основном на финансовых вопросах. После смерти Икэда его фракцию «наследовал» некто Маэо Хандзабуро, однако вскоре Охира совершил «переворот» и увел большинство его сторонников. Миядзава держался до последнего за Маэо, отсюда корни неприязни Охира к нему. Затем Миядзава примкнул к фракции Судзуки, породнился с ним и впоследствии занял место главы его фракции. Кроме того, в *кэйбацу* Миядзава входят четыре премьера, 20 членов парламента и родственники императорской семьи Асо. Младший брат Миядзава сделал бюрократическую карьеру и дослужился до заместителя главы Сил самообороны, бюрократическую карьеру делают и его дети.

При этом надо учитывать, что клан Миядзава – Судзуки связан родственными связями с кланом Абэ – Киси через семью Ёсида. Кроме того, старший сын Миядзава породнился с семьей Исибаси, которая связывает его с семьей Хатояма.

Накасонэ Ясухиро связан родственными связями теснее всего со строительными магнатами фирмы Касима. В 1974 г. его дочь вышла замуж за сына Ацуми Такэо, директора строительной корпорации и зятя предыдущего владельца фирмы, поэтому Касима в дальнейшем спонсировали его политическую карьеру. У семьи Касима был и до этого свой человек в составе парламента — Хираидзуми (зять главы семьи), в кабинете Сато он был министром науки и техники, однако в этот период случилась авария на заводе Кавасаки, он вынужден был взять на себя ответственность и его карьера как политика была окончена.

Но помимо Касима *кэйбацу* Накасонэ достаточно обширны. Его племянница замужем за сыном владельца бумажной компании Тайсёва Сайто Рёэя. Через эту семью Накасонэ связан с семьями Тоёда, Исибаси и Масуока (хиросимская строительная корпорация). Старший сын Ясуфуми некоторое время работал в химической компании, затем стал секретарем отца и избрался в парламент. Он женат на дочери главы крупной корпорации Маэкава. Ясуфуми сделал сравнительно хорошую

карьеру в парламенте, в кабинете Асо занимал пост министра иностранных дел. Его дети также преуспели: сын Ясутака в настоящее время работает секретарем у отца и собирается стать политиком. Дочь Фумико замужем за Каванабэ Итиро, третьим (потомственным) главой крупнейшей в Японии компании такси.

Дочь Накасонэ Ясухиро замужем за крайне успешным сотрудником Мицубиси Футакава Бунго (успешным, судя по всему, именно благодаря удачной женитьбе). И Накасонэ связан отдаленным родством и с Абэ, и с Миядзава.

Судзуки Дзэнко, по сравнению со многими другими политиками, происходил из народа практически в той же степени, что и Танака Какуэй. Он родился в префектуре Иватэ в простой семье, сравнительно богатой по местным меркам, но крайне далекой от токийской (и даже местной) элиты. Несмотря на это, он окончил непрестижный Институт рыболовства и работал на крупных постах в ассоциации рыбопромышленников. После войны вступил в СПЯ и избрался от нее в парламент, но быстро перебежал в ЛДП (тогда ЛП), по его утверждению, чтобы помочь родной префектуре оправиться от последствий двух сильных тайфунов — новая партия была более могущественна. Ему несколько раз повезло: он вступил во фракцию Икэда, где были в основном бюрократы, и Судзуки со своими знаниями о практических проблемах производства оказался незаменим. Он был всегда приветлив и любезен и умел завязать контакт с людьми. Далее, он был любимцем Танака Какуэй, поскольку тоже происходил из народа, но при этом не принадлежал к его фракции. Особыми способностями политика он не обладал, как и лидерскими качествами, однако стабильно занимал посты в партии и сменяющихся кабинетах.

Женился Судзуки на дочери ректора института, который окончил. Старшая дочь от этого брака вышла замуж за человека без связей вопреки воле отца, но других детей Судзуки пристроил весьма удачно. Вторая дочь вышла замуж за крупного чиновника из Министерства финансов. Благодаря женитьбе сына он породнился с Миядзава Киити. Еще один сын женился на девушке из семьи владельцев корпорации Сони (Морита). Эта же семья связала Судзуки и с другими высокопоставленными чиновниками, в частности, с первым (после восстановления отношений) послом Японии в Пекине. Таким образом, благодаря бракам детей Судзуки связан со всеми тремя компонентами японской элиты.

Вскоре после женитьбы сына Судзуки повезло еще больше: скоропостижно скончался Охира, и Судзуки унаследовал пост премьера с подачи Танака. Но главной удачей Судзуки стал брак его младшей дочери с Асо Таро: он не только связал его с семьей выдающегося политика Ёсида Сигэру (дедушка Асо) и «королями цемента» Асо, но и, самое главное, с императорской семьей, поскольку сестра Асо замужем за одним из принцев.

Один из образцовых *кэйбацу* создал Охира Масаёси. Охира родился в крестьянской семье. Он рано потерял отца и после этого обратился в христианство. Окончил университет коммерческих наук (совр. Хитоцубаси) и, успешно сдав экзамены на государственную службу, поступил в Министерство финансов. Его жизнь изменил Икэда Хаято, который, став министром финансов, пригласил его (как и других чиновников, позже ставших известными политиками) работать его секретарем. Затем при сильной поддержке Икэда в 42 года он стал членом парламента. Икэда очень благоволил к нему, частично это связано с тем, что он, как и Охира, окон-

чил не Токийский, а Киотоский университет и чувствовал себя аутсайдером в среде элиты, к которой, несомненно, относились сотрудники Минфина. Сам Охира женился по сватовству на Судзуки Сигэко, дочери Судзуки Митиносукэ — владельца компании, торгующей ценными бумагами. Старший сын Охира скончался молодым, а второго женили на дочери владельца бумажной компании Кандзаки Эндо Фукуо, который стал его главным спонсором. В настоящее время он руководит мемориальным фондом имени своего отца. Дочь Охира выдал замуж за чиновника Министерства финансов Морита Хадзимэ, который впоследствии стал политиком, избирался в нижнюю палату восемь раз (до 2005 г.) и дважды занимал (второстепенные) министерские посты. В 1977 г. третий сын Охира женился на второй дочери богатейшего из японских бизнесменов — главы фармацевтической компании Тайсё, Уэхара, в которой он в настоящее время служит управляющим директором. Этим браком Охира достиг сразу двух целей: обширную сеть семейных связей, которая включала в том числе и связь с императорским домом; значительные финансовые средства; поддержку, которая помогла одержать победу в «войне» с Фукудой. Среди его родственников оказалась семья Андзай, глава банка Сумитомо — Хорида, Сато Эйсаку и Киси Нобусукэ.

Фукуда Такэо первоначально имел блестящий послужной список: выпускник престижной школы и юридического факультета Токийского университета, затем чиновник Министерства финансов, где сделал блестящую карьеру, к 42 годам дослужившись до уровня начальника управления. Но затем он был уволен по подозрению во взятке (как пишет Дзин, судя по всему, несправедливому), и через два года Фукуда начал политическую карьеру. С первых лет в парламенте он (как тоже бывший чиновник) стал пользоваться расположением и покровительством Киси Нобусукэ, поэтому взлет политической карьеры Фукуда начался во время премьерства Киси. При Икэда, против курса которого Фукуда публично выступал, он оказался не у дел, но в премьерство Сато (брат Киси) для него вновь начался благоприятный период, который был достаточно долгим, поскольку Сато до сих пор рекордсмен по сроку пребывания в кресле премьера. В глазах простых избирателей он, как и Миядзава, выглядел слишком высокомерным, далеким от забот простых людей — на фоне Танака Какуэй.

Старший сын Фукуда женат на дочери главы бумажной компании Минэ Комао. Дочери его вышли замуж за чиновников Министерства финансов, из хороших, но не очень родовитых семей. И хотя *кэйбацу* был создан, он не был стол престижен и могуществен, как, к примеру, у Судзуки.

Нынешнее поколение семьи Фукуда достаточно широко представлено в японском истеблишменте. Сын Фукуда — Ясуо — стал премьером Японии, причем первым премьером, отец которого также занимал этот пост. Его сын Тацуо также заседает уже второй срок в парламенте. Среди родственников также представители политических династий Сакураути и Оти. Младший брат Фукуда, Хироити, также был политиком, но сравнительно рано умер и не успел продвинуться на этом поприще.

Мики Такэо принадлежит к одной из самых разветвленных сетей *кэйбацу*. Часто встречается мнение, что Мики оказался премьером после Танака практически случайно, благодаря так называемому «решению Сиина». В этот критический момент к ветерану партии Сиина обратились за советом, кого избрать новым премье-

ром. В тот момент было два основных претендента на кресло — Фукуда и Охира (последний позиционировался как преемник Танака). Силы их были примерно равны. Однако с Фукуда у Сиина были личные счеты — он обошел его во фракции Киси и занял более высокое положение. Охира Сиина также недолюбливал, поскольку тот «сверг» Маэо с поста главы фракции Икэда после смерти последнего, а на Маэо Сиина ставил. Поэтому он выбрал одновременно компромиссное и глубоко личное решение — и предложил кандидатуру «чистого Мики». Семейные связи, однако, указывают на то, что выбор был отнюдь не случайным.

Мики был единственным сыном успешного торговца удобрениями из Токусима. Окончил университет Мэйдзи, при этом за время учебы два раза сумел побывать в США, что для того времени было нетипично. После окончания нацелился стать политиком и поступил помощником к бизнесмену и политику Икута Вахэй, также выходцу из Токусима. В 30 лет впервые был избран в парламент и регулярно переизбирался в течение следующих 50 лет, став рекордсменом по продолжительности политической карьеры. На протяжении всей карьеры как до, так и после войны выступал за «чистую» политику. В предвоенные годы также выступал против нападения на США. После войны регулярно критиковал основной курс ЛДП, несколько раз демонстративно покидал должности в партии и кабинете в знак протеста, короче говоря, всю жизнь поддерживал имидж борца за правду и оппозиционера — не выходя при этом из правящей партии. Но главным залогом успеха Мики были его семейные связи. Он женился на дочери владельца крупнейшего довоенного концерна — Мори. Таким образом он получил не только деньги, но и тесное родство с императорским домом, поскольку сестра его жены вышла замуж за Андзай Масао, родственника императрицы. Через эту же семью Мики связан с семьей Киси и Сато (племянница Масао замужем за сыном Сато), первый из которых активно поддержал его кандидатуру.

Преемники Мики также представлены в политике. Его племянник Мацудзаки Тэцухиса два раза избирался в парламент. Другой племянник, Мори Эйсукэ, по настоящее время член нижней палаты (девять избраний) и однажды был министром. Его внук работает секретарем у политика (имя не называется) и, очевидно, тоже готовится к такой карьере.

То, что премьеры Сато и Киси — родные братья, факт широко известный. Уже неоднократно упоминались их клановые связи *кэйбацу*. Однако если копнуть глубже, оказывается, что корни их могущества уходят еще глубже — в реставрацию Мэйдзи, поскольку их семья происходит из бывшего клана Тёсю. От Ито Хиробуми до Сато (за 35 лет) из этого клана происходило семь премьеров Японии. И линия продолжается: стоит вспомнить как минимум Абэ Синдзо. Из клана Сацума при этом вышло только трое премьеров.

Сато и Киси связаны семейными связями с Ёсида Сигэру и многими другими политиками: Мики, Судзуки, Охира, Хатояма. Ёсида стал покровительствовать Сато еще когда тот не был политиком: например, при непосредственном участии Ёсида Сато в бытность чиновником был направлен на работу в Лондон. Его брата Ёсида, напротив, недолюбливал и практически не помогал ему.

Сын Киси Нобусукэ женился на дочери крупного местного политика из Ямагути, Танабэ, который связан родственными связями с главой концерна Ниссан, а дочь, как уже отмечалось, вышла за Абэ Синтаро, будущего выдающегося политика.

Старший сын Сато не пожелал жениться на богатой невесте, с женой он познакомился на работе, зато младший сын Синдзи полностью компенсировал этот матримониальный «провал»: он женился на девушке из близкой императорскому роду семьи Андзай. Также он пошел по стопам отца и избирался членом парламента девять раз до своей смерти в 2000 г. Зять Синдзи, Адати Масаси, также избирается в парламент.

Судьба Икэда Хаято, автора плана по удвоению национального благосостояния, с чьим именем прочно ассоциируется эпоха высоких темпов экономического роста, полна неожиданных поворотов. Родился он в Хиросима в семье производителя и торговца *сакэ*. В детстве Икэда учился не слишком старательно, не смог поступить в Токийский университет и прошел только в Киотоский. Однако во время учебы в университете он пересмотрел свои жизненные приоритеты, стал учиться усерднее и неожиданно успешно сдал экзамены на бюрократическую службу, после чего его взяли в Министерство финансов. Женился Икэда на девушке из очень высокопоставленной семьи, но познакомил их его земляк, отец Миядзава Киити, поэтому Икэда впоследствии взял его секретарем и покровительствовал ему. Супруга Икэда происходила из рода самураев бывшего клана Тёсю – Хиродзава. Один из старших родственников был среди (не первостепенных) деятелей реставрации, а отец невесты носил аристократический титул и был членом палаты пэров.

Вскоре после женитьбы на Икэда посыпались несчастья: он серьезно заболел и вынужден был оставить Министерство финансов. Жена, ухаживавшая за ним день и ночь, умерла от обострившегося сердечного заболевания. Поправился он только через пять лет в 1934 г., вернулся на работу в министерство и женился на двоюродной сестре, которая ухаживала за ним во время болезни. Перспектив серьезной карьеры у него не было, но поражение в войне заставило многих чиновников выйти в отставку, ощущалась острая нехватка кадров, и Икэда, до войны занимавший средние должности, пропустивший пять лет по болезни, окончивший «непрестижный» Кёдай, стал резко продвигаться по службе вверх и дослужился до замминистра, что было первым подобным случаем карьеры для выпускника не Токийского университета. Еще в министерстве он сдружился с коллегой и тоже будущим политиком Маэо. Икэда чрезвычайно понравился Исибаси Тандзан, когда тот был министром финансов, поскольку сам Исибаси не принадлежал к признанной элите, и с его подачи Икэда вошел в политику и был избран в парламент от Либеральной партии.

Икэда оказался министром финансов в кабинете Ёсида почти случайно. В условиях послевоенного времени была большая нехватка профессионалов. Кроме того, Ёсида, любивший родовитых политиков, услышал, что когда-то Икэда был женат на дочери пэра — и это решило вопрос. С этого времени начинается расцвет политической карьеры Икэда. Он на первых ролях во фракции Ёсида (наряду с Сато). Затем он смог из бывших чиновников Министерства финансов сколотить довольно крепкую фракцию, которая во всем его поддерживала.

Преуспел Икэда и в построении семейных связей. У него было три дочери, и все получили высшее образование, что было нетипично для того времени. Старшая вышла замуж за сына Киндо Араки, крупного послевоенного предпринимателя, «короля финансов» (в определенный момент он был в стране шестым по индивидуальным доходам). Киндо финансировал Икэда во время его борьбы за премьерское кресло. Кроме того, вторая супруга Киндо была родственницей импера-

торской семьи — она происходила из северной ветви Фудзивара, а ее мать была дочерью одного из младших принцев (были и многочисленные другие связи с императорским домом). Затем третья дочь была выдана замуж за молодого человека из семьи Исибаси (семья владельцев компании Bridgestone), что связало семью Икэда с Хатояма, Мицуи, Исии и другими кланами. Наконец, вторая дочь вышла замуж за чиновника Министерства финансов, который взял фамилию Икэда и стал его политическим преемником (Икэда Юкихико). Правда, и свадьба, и начало его политической карьеры произошли уже после смерти Икэда благодаря поддержке вдовы премьера. Юкихико, как и Абэ Синтаро, был многообещающим преемником-зятем политика старшего поколения, но тоже не успел стать премьером: он скончался сравнительно рано — в возрасте 66 лет, сумев побывать только министром иностранных дел. Его преемник — муж внучки Икэда Хаято (племянница Юкихико) Тэрада Минору — также политик среднего звена, избирался в парламент к настоящему моменту четыре раза.

Хатояма занимают ключевые позиции сразу в трех главных составляющих японской элиты — юридическом факультете Токийского университета, Министерстве финансов и политическом мире. Кроме того, этот клан отличается от других тем, что там нет косвенных связей по женской линии: все четыре поколения — династия по прямой мужской линии (при этом все — выпускники Тодай).

Из Хатояма в наибольшей степени известен Хатояма Итиро (1883–1959), основатель сразу трех политических партий: Либеральной, Демократической и Либерально-демократической. Последняя стала правящей (и с небольшими перерывами) удерживается у власти с 1950-х гг. В районе Бункё (Токио) расположены виллы многих японских политиков и деятелей бизнеса, и там же в 1924 г. Хатояма Итиро построил виллу, названную «дворец Отова». Связь с ним всячески подчеркивают представители нынешнего поколения политиков. Накануне победоносных выборов 2009 г., когда созданная им Демократическая партия пришла к власти, Хатояма Юкио был у могилы своего деда Хатояма Итиро и просил его благословения, пообещав, что в случае победы «сделает страну лучше». И затем, после победы, благодарил дух дедушки за победу. Примечательно, что на территории виллы установлен памятник Итиро, а его автором является Зураб Церетели. Памятник был в 2007 г. преподнесен российской делегацией, которую возглавлял М. Фрадков. Именно в эту виллу нынешние представители семьи Хатояма приглашают своих политических сподвижников на встречи и переговоры, которые, как правило, проходят весной во время любования сакурой.

У Хатояма Итиро было четыре дочери и сын Иитиро. Старшая дочь замужем за главой Банка Японии Фурудзава. Вторая вышла замуж за двоюродного брата, который занимал множество постов и закончил карьеру на ведущих должностях в компании Сони. Четвертая — музыкант и вышла замуж за дирижера Ватанабэ. Сын Иитиро родился в 1918 г., окончил Токийский университет и поступил на службу в Министерство финансов. В 1974 г., то есть достаточно поздно, он начал политическую деятельность и был избран в верхнюю палату парламента и через два года в кабинете Фукуда получил портфель министра иностранных дел. В целом Иитиро не был ничем примечателен, но удачно женился на Исибаси Ясуко, дочери Исибаси Содзиро (основателя Bridgestone — второй в мире компании-производителя по-

крышек для автомобилей после Мишлен). В результате семья Хатояма стала одной из самых богатых семей среди политиков современной Японии. Сыновья Иитиро, братья Хатояма Юкио и Кунио обладают самыми большими капиталами среди депутатов парламента. Капитал Юкио составляет 1,7 трлн. иен, а его младший брат обладает капиталом в 816 млрд. иен. Кроме того, сестра Иитиро Юрико вышла замуж за Кодзава Дзюнъити, который был председателем Экспортно-импортного банка Японии (одного из крупнейших).

Самый высокий пост — министр иностранных дел. Хатояма стали единственной семьей, от которой в парламенте заседало одновременно двое, а затем уже трое представителей. Дети Иитиро при этом женились совершенно невыгодно. Младший брат Итиро был профессором правоведения Токийского университета.

Хатояма — единственная династия в японском истеблишменте, которой посвящено сравнительно много специальных исследований, в частности — две монографии (на русском А. Панова и на английском М. Ито). Возможно, причина в том, что только они в представлении западных читателей являются «кланом» в полном смысле — ведь известны под одной фамилией. Кроме того, не исключено, что сами представители семьи поощряют такого рода публикации, поскольку авторы зачастую оказываются ангажированы и отзываются о представителях семьи местами восторженно.

Дополнительной причиной для выбора А. Пановым Хатояма в качестве объекта описания мог послужить тот факт, что из всех современных японских политических кругов эта семья, пожалуй, имеет наиболее тесные связи с Россией. Его книга написана скорее в эссеистической манере, создавалась на пике популярности ДПЯ и, что более важно, до землетрясения и цунами 2011 г. и последовавшей аварии на АЭС.

Что касается, нынешнего поколения семьи, то сыновья Иитиро Юкио и Кунио (недавно умерший) некоторое время находились в центре японской политической жизни. Хатояма Юкио окончил технологический факультет Токийского университета и изначально не планировал стать политиком, зато Кунио с юности мечтал о политической карьере и поэтому поступил на юридический факультет Токийского университета. Примечательно, что Иитиро отговаривал Кунио от такого шага и говорил, что политики — нехорошие люди и нет необходимости идти в мир плохих людей[47]. Если политик хороший человек, он не преуспеет. После окончания университета Хатояма Юкио занимался научной и преподавательской деятельностью. В 1973 г. он отправился в Стэнфордский университет, где окончил магистратуру, затем вернулся в Японию и до 1984 г. работал на должности доцента Технологического факультета Токийского промышленного университета. Супруга Хатояма Юкио, которую зовут Миюки, скорее нетипичная для Японии жена политика, потому что, во-первых, для нее это второй брак, во-вторых, она — бывшая актриса и ни к политическому истеблишменту, ни к бизнес-элите отношения не имеет. Хатояма Кунио также женат на актрисе.

У Юкио и Миюки есть сын Хатояма Киитиро (род. в 1976 г.). Он, как и отец, окончил Токийский университет, естественно-научный факультет, в настоящий мо-

[47] В книге А. Ротхахера есть пассаж об Иитиро, в котором он упоминает, что объективно тот мог добиться блестящей политической карьеры, однако отказался от нее по каким-то мотивам личного плана.

мент проживает в Москве и занимается изучением дорожной ситуации и перспектив ее улучшения. Второй ребенок Киитиро появился на свет в Москве.

Первым в политику пришел Кунио. В 1971 г. он начал с того, что написал письмо тогдашнему министру внешней торговли Танака Какуэй и предложил свои услуги. При помощи Танака он в 1976 г. был избран депутатом парламента и, таким образом, начал карьеру. В 1991 г. в кабинете Миядзава он получил пост министра образования, затем в 1994 г. в кабинете Хата Цутому портфель министра труда, в кабинете Асо стал министром по административным делам. Впоследствии через фракцию Танака начинал карьеру и Хатояма Юкио. С начала 1970-х гг. до середины 1980-х эта фракция в Либерально-демократической партии была наиболее влиятельной. Примечательно, как Хатояма Юкио вошел в парламент. В 1983 г. друг его отца Хатояма Иитиро — Саэгуса Сабуро — проиграл выборы в нижнюю палату в 4-м избирательном округе Хоккайдо и собирался уйти из политики. Иитиро обратился к нему с просьбой передать его сыну Юкио созданные в этом округе организационные структуры поддержки на выборах, *коэнкай*. Саэгуса согласился, и в 1984 г. Хатояма Юкио начал знакомить избирателей 4-го округа Хоккайдо со своей кандидатурой и своими политическими взглядами.

Как отмечает А. Панов, Юкио по природе идеалист и, начиная в большой политике, лелеял мечты исправить мир в лучшую сторону, используя подход научного рационализма, но эти мечты быстро разбились, потому что в Японии депутат, впервые избранный в парламент, практически не имеет шансов проявить себя в реальном управлении. На это Юкио указывали старшие коллеги, включая даже премьера Накасонэ, который прямо ему говорил, что после первого избрания Юкио главной задачей его является подготовка к следующим выборам. Только когда он победит на выборах несколько раз, он завоюет авторитет у партийных старейшин и таким образом будет, наконец, допущен к управлению, но не к принятию ключевых решений.

Неудовлетворенные амбиции, а также новые коррупционные с кандалы в ЛДП порождали неприязнь Юкио к этой партии. Разочаровавшись, он начал собирать единомышленников среди молодых депутатов парламента из разных фракций. Вместе с ними он создал Общество изучения утопической политики, которое выступало за реформу партийных порядков и политики ЛДП в целом. Позже Хатояма вышел из ЛДП вместе с девятью своими сторонниками, и в июле 1993 г. они создали новую партию, которая называется Сакикагэ. Кроме группы Хатояма в этот период от ЛДП отделились и другие. Например, в 1993 г. из партии вышел один из ее влиятельных членов Одзава Итиро, который вывел из состава партии 34 депутата парламента. В 1996 г. Хатояма Юкио совместно с некоторыми другими деятелями создал Демократическую партию. При этом братья Хатояма вносят в партийную кассу наибольшую долю — 1,5 млрд. иен. Позднее Хатояма Кунио покинул демократическую партию и вернулся в ЛДП, поскольку там ему доверяли министерские посты.

В настоящий момент Хатояма оказались в тени: Кунио скончался сравнительно рано, а Юкио ушел из политики.

Ёсида Сигэру родился в семье самурая клана Тоса, Такэути, но был усыновлен самураем из бывшего клана Фукуи – Ёсида. Приемный отец после реставрации занимался внешней торговлей и посетил много стран. Всю жизнь он уделял большое внимание семейным связям, поскольку его клан и клан приемных родителей сра-

жались на стороне деятелей реставрации. Под влиянием приемного отца Ёсида поступил на юрфак Токийского университета и после его окончания работал в МИДе. Женился на внучке Окубо Тосимити и дочери влиятельного чиновника. Это чрезвычайно помогло его карьере: он побывал замминистра иностранных дел, послом в Италии и Великобритании. Во время войны уходил в отставку, поскольку не разделял милитаристских взглядов. Но в самом конце войны успел побывать министром военного строительства, поэтому оккупационные власти ненадолго его арестовали. Правда, вскоре он был отпущен и настал его звездный час: довоенных чиновников не стало, а Ёсида свободно говорил по-английски и очень нравился американцам. Даже не будучи избран в парламент, он был назначен министром иностранных дел в кабинете принца Хигасикуни. Удачей стало также присоединение к партии Хатояма, а после того, как последнего сослали, Ёсида возглавил партию и стал премьером.

Старшая дочь Ёсида вышла замуж за двоюродного брата Сато и Киси. После его скоропостижной смерти Ёсида стал особенно покровительствовать Сато. С Киси, напротив, было определенное противостояние. Старший сын Ёсида Кэнъити долго жил за границей вместе с отцом, учился в Кембридже. Однако он не пошел в политику, выбрав академическую карьеру (изучал англоязычную литературу и является известным эссеистом и литературным критиком). Младший сын также избрал академическую карьеру, но в технической области.

Младшая дочь Кадзуко вышла замуж за наследника семьи Асо (концерн, занимавшийся добычей угля на Кюсю и впоследствии расширивший свою деятельность до производства электричества — основатели Кюсю-дэнрёку — и финансовой сферы). Естественно, говорят, что Асо спонсировал тестя, но тот всячески это отрицал. Возможно, это и правда: приемный отец оставил всё состояние Ёсида, но после смерти Ёсида денег не осталось, только дом, хотя мотовством он не занимался.

Дочь Ёсида Кадзуко была заметной светской фигурой и в последние годы его премьер-министерства часто исполняла обязанности первой леди. Именно ее старший сын, Таро, внук Ёсида Сигэру, стал его политическим наследником. Мать активно поощряла его и лично участвовала в предвыборной кампании. Таро впоследствии женился на дочери Судзуки Дзэнко, другого видного политика, а его сестра Нобуко вышла замуж за принца Томохито, старшего среди двоюродных братьев императора Акихито (и таким образом, шестого в очереди на престол). Супруга Асо Таро — бизнес-леди, активно спонсирующая политическую карьеру мужа. О наличии у пары детей не сообщается.

Асо Таро известен как один из богатейших политиков современной Японии (наряду с Хатояма). Но в отличие от последних он не стесняется демонстрировать достаток, к примеру, известен любовью к дорогим ресторанам.

Младший брат Асо Таро женился на дочери председателя медицинского общества Такэми Таро, который в 1970-х гг. также был председателем Всемирной медицинской ассоциации. Его сын и племянник Асо Таро Такэми Кэйдзо также стал политиком, на данный момент он находится четвертый срок в парламенте.

Если говорить о послевоенных династиях предпринимателей, то крупнейшие из них: Мацусита дэнки, Тайсё сэйяку, Кагосима кэнсэцу, Сайбу гурупу, Токю гурупу, Тоёта. Появилась даже группа (*бэнкёкай*) бизнесменов второго поколения.

Клан Андзай считается одним из самых удачливых: во-первых, благодаря связям с императорской семьей, во-вторых, из его рядов вышло восемь премьер-министров. Нынешний глава семьи Андзай имеет пять сыновей и одну дочь. Старший сын Итиро вернулся в изначальное семейное предприятие Сёва-дэнко и занимает там крупный пост. Он женат на дочери почетного профессора Токийского университета и главы Государственного центра по изучению рака. Второй сын Кунио пошел в Токийскую газовую компанию. Он занял пост заместителя директора Токё-гасу сравнительно рано — в 54 года. Его отец, 86 лет, при этом был главой фирмы. Любопытно, что семья Андзай держит только 0,025% акций. Поэтому выбор совета директоров явно был сделан не в силу того, что они владеют фирмой, а в силу семейных связей. Кунио женат на дочери «короля такси» Каванабэ.

Младший брат директора компании, Масао, женат на старшей сестре бывшей императрицы. У него несколько детей. Старший сын также работает в Сёва-дэнко. Благодаря тому, что он ближе всего к императорской семье, все его дети сделали блестящие партии. Старшая дочь Тиё вышла замуж за сына крупного политика Охаси Такэо, через которого у семьи связь с бывшим премьером Хамагути Осати. Жена второго сына принадлежит к основной ветви семьи Сумитомо и имеет прямую родственную связь с Сайондзи Киммоти и Окума Сигэнобу. Еще одна дочь вышла замуж в артистическую семью Фукуи. Тесть — бывший ректор Токийского университета искусств, а муж — ректор консерватории Мусасино. Еще одна дочь замужем за сыном председателя банка Сумитомо Хорида — а через него связь с Охира Масаёси. В каком-то смысле в построении семейных связей Масао преуспел больше старшего брата.

Дочь Андзай Кадзуко замужем за сыном Сато Эйсаку. При этом ее отец крайне дружен со свояком, организовал в его поддержку группу под названием Тёэйкай, благодаря чему Сато, пользовавшийся до этого крайне низкой поддержкой со стороны бизнес-сообщества, был выбран премьером.

Семья Андзай тесно связана с концерном Мори. Изначально семьи Мори и Андзай были соседями в префектуре Тиба и бедными рыбаками. Впоследствии они породнились (уже после коммерческого взлета). После реставрации многие жители побережья в этом регионе подвизались на добыче морских солей, которые особенно оказались востребованными во время войн рубежа XIX–XX вв.: йод был необходим для медикаментов, а калий — для артиллерии. Такое предприятие по добыче соли и открыли совместно соседи Мори и Андзай. Во время Первой мировой войны компания резко пошла в гору и из просто преуспевающего химического производства стала крупной корпорацией Сёва-дэнко, которая существует и по сей день. До войны концерн Мори был одним из крупнейших и включал около 20 компаний. Он относится к так называемым «новым *дзайбацу*», которые выросли за время войн начала века и были ориентированы на внешний рынок и ресурсы в значительно большей степени, чем «старые» концерны конца XIX в.

Мори Нобутэру не только был успешным крупным бизнесменом, он также избирался в парламент от довоенной партии Сэйюкай и сильно интересовался политикой в принципе — в частности, поэтому выдал дочь замуж за Мики Такэо. Еще одна его дочь замужем за менее значительным политиком Танака Сатому. Кроме того, этот интерес к политике Мори передал своим детям. Его старший сын также был одновременно бизнесменом и политиком. Однако в итоге он оставил за со-

бой только пост главы корпорации, а место в палате представителей передал своему младшему брату Киёси. Тот, правда, не успел сделать выдающейся карьеры, поскольку скончался вскоре после того, как занял первый пост в кабинете министров. Тогда в парламент избрался четвертый из сыновей Нобутэру. В послевоенное время представители семьи Мори все меньше занимались бизнесом (поскольку концерн Мори имел мало финансовых активов и его производство было поглощено другими) и всё чаще — политикой.

Мацусита Коносукэ смог создать самую влиятельную сеть *кэйбацу* в регионе Кансай. Кроме того, он единственный бизнесмен, получивший орден Восходящего солнца. К рождению Коносукэ его семья сильно обеднела, и он даже не имел возможности закончить младшую школу. Собственное дело он начал еще в эпоху Тайсё (1919 г.; в другом источнике — 1917). Затем он привлек в дело брата своей жены — Иуэ Тосио, который уже после войны основал компанию Sanyo. После расформирования *дзайбацу* Иуэ основал свою компанию, после него директорами были два его младших брата, затем старший сын, при этом племянник (сын младшего брата) занял одну из ведущих должностей. Иуэ сумел породниться со многими состоятельными предпринимательскими семьями Западной Японии. Его племянник женат на дочери владельца крупной сети универмагов Тамая (семья Танака), другие девушки из семьи замужем за сыновьями владельцев крупных фармацевтических и автомобильных компаний (Исудзу). Дочь Мацусита вышла замуж за сына бывшего аристократа Хирата Масахару, предки которого были крупным самурайским родом из Кага, а затем занимали высокие должности начиная с периода Мэйдзи. Несмотря на столь блестящее происхождение, он стал *ёси*, усыновленным зятем, взял фамилию Мацусита и впоследствии возглавил Panasonic. Масахару окончил юрфак Токийского университета и начинал карьеру в банке Мицуи. Коносукэ, таким образом убил двух зайцев: получил связи предыдущей семьи Масахару (там и Мицуи, и аристократические семьи Накамикадо и Мисима) и талантливого наследника на посту главы компании. При этом не только сам зять, но и его родственники занимают в концерне значительные должности (например, главы дочерней компании). Наследник Мацусита Масахару — Масаюки. Он женился он на внучке Хиросэ Гэн (глава страховой компании Ниссё) и дочери главы компании Окахаси (это старая семья банкиров из региона Кансай). Хиросэ возглавлял страховую компанию, которая была костяком кансайских *дзайбацу*. Кроме того, этот брак расширил родственные связи Мацусита до семьи Тории (Сантори) и даже императорской семьи. Зять (муж старшей сестры) Масаюки возглавляет небольшую, но одну из ключевых компаний в концерне Panasonic, так же, как и младший сын Мацусита.

Предприятие Тоёта — одно из самых «семейных». Дзин Икко подсчитал, что в различных должностях на нем трудится до 80 родственников основателя компании. Основателем предпринимательской династии был сын бедного плотника Тоёда Сакити. Концерн начинал с ткацкого производства. Сакити был талантливым изобретателем, однако предпринимательской жилкой не отличался, поэтому в предприятии изначально участвовали его родственники (в первую очередь — братья Сасукэ и Хэйкити, а также его зять Ридзабуро, который сумел развить производство тестя до крупнейшего предприятия), которые образовали три «дополнительных» ветви семьи Тоёда. Основную линию наследовал сын Сакити, Киитиро, который соз-

дал производство автомобилей, принесшее компании наибольшую прибыль и мировую известность. (История создания нового производства полна драматизма: Киитиро был сыном от второй жены Сакити и пережил период довольно острого противостояния со сводной сестрой и ее мужем Ридзабуро.) Затем компанию возглавил внук Сакити Соитиро. Значительной фигурой был также дядя Киитиро, Эйдзи.

С самого начала семья Тоёда через Ридзабуро была тесно связана с домом Мицуи (младшими его членами). Жена Соитиро — дочь бывшего управляющего банка и прямая наследница бывшего клана *дзайбацу*. Ее свекровь, жена Киитиро, — дочь владельца сети дорогих универмагов Такасимая Иида. Любопытно, что через эту семью Тоёда также связаны с семьей Аикава, основателей Ниссан, — сестра жены Киитиро замужем за основателем этого концерна. Сын Соитиро Акио также, как и отец, женился на представительнице клана Мицуи. Автор отмечает, что у Акио было недостаточно способностей для того, чтобы возглавить концерн, но несмотря на это он в 2009 г. этот пост занял.

Еще один бизнес-клан — Уэхара — берет начало от супругов: Сё:кити, будущий глава компании Сёва-сэйяку, крупнейшей фармацевтической компании, и Саэ. Уэхара Сё:кити рано потерял родителей и после окончания школы сменил множество низкоквалифицированных работ. В настоящие дни многие по ошибке считают Уэхара основателем компании. Он поступил на работу туда вскоре после основания ее Исии Кинудзиро, увидев объявление в газете. Получая скромное жалование, он тратил значительную его часть на образование и закончил вечернее отделение фармацевтического колледжа Мэйдзи. На седьмом году работы в компании он познакомился со служанкой в доме Исии, Саэ, которая впоследствии стала его женой. После этого он был назначен главой осакского отделения компании, в город, где была высокая конкуренция со стороны предприятий той же отрасли. Аптека при этом была очень маленькой — настолько, что жена помогала Сё:кити обслуживать клиентов. Тем не менее, стараниями Сё:кити и его жены предприятие быстро пошло в гору и вскоре осакское отделение через несколько лет обогнало основной офис в Токио по обороту продаж, после чего Уэхара был переведен в столицу и назначен главой токийского отделения. Через три года после смерти Исии Кинудзиро он был назначен главой компании.

У Сё:кити и Саэ не было собственных детей, и они взяли на воспитание детей родственников Саэ. Братья Саэ — Цутия — один стал членом парламента, другой — управляющим в компании зятя. (Приемный) сын и наследник Уэхара Сёдзи взял замуж дочь крупного землевладельца и владельца рёканов (традиционных гостиниц) Симода (в его рёкане останавливался в ходе визита Дж. Картер). Две дочери Сёдзи были крайне удачно выданы замуж: старшая — за молодого человека из семьи Хорида, он стал усыновленным зятем и наследником, вторая — за сына Охира Масаёси. Уэхара оказали последнему мощную финансовую поддержку. Первый брак позволил Уэхара объединиться с Сумитомо (в которой Сёва-сэйяку теперь занимает 12%) и получить собственную базу для химических исследований, необходимую для выпуска новых лекарств. Брак был организован частично стараниями Саэ, частично — преподавательницы дочери в консерватории Мусасино (см. выше). Кроме того, благодаря этому Уэхара стали родственниками императорской семьи, что фактически подняло их до уровня аристократии.

Строительная компания Кадзима осуществила наиболее амбициозные проекты: первая сверхскоростная трасса, первая подводная магистраль, первая атомная станция, небоскребы и т.д. Основатель компании начал строительное дело еще в 1840 г. в Эдо, а после открытия прославился тем, что одним из первых стал строить дома в европейском стиле. Его преемники стали специализироваться на строительстве железных дорог, причем не только в Японии, но и в Корее и Маньчжурии, а в начале XX в. — на строительстве гидроэлектростанций. Как уже упоминалось, начиная с третьего поколения наследниками становились, в основном, не сыновья, а зятья семьи. При этом сложилась традиция, в соответствии с которой они непременно были выпускниками Токийского университета. Второй зять Сюносукэ при этом стал первым в Японии главой компании, имеющим ученую степень (по праву). Он же, когда женился, поставил условие, что будет заниматься политикой, и действительно впоследствии стал членом парламента. У Сюносукэ родилось три дочери. Старшая вышла замуж за чиновника Министерства торговли и индустрии, который впоследствии тоже возглавил компанию. Вторая — за сына первого главы Кэйданрэн Исикава Итиро. На момент сватовства он работал чиновником Министерства транспорта и почты и поначалу отказался, так как компания потенциального тестя занималась строительством железных дорог, но через некоторое время все же согласился на женитьбу. Когда он стал руководителем фирмы, новые технологии заказывали у исследовательского института, который возглавлял его младший брат Исикава. Третья сестра замужем за Хираидзуми, сыном профессора Токийского университета и известного историка. Десять лет спустя он стал членом парламента и вошел в кабинет Сато. Также через браки детей семья Кадзима связана с главой компании Янасэ (крупный дилер иномарок) и Накасонэ Ясухиро.

Группа компаний То:кю: — одна из крупнейших в современной Японии, сфера бизнес-интересов которой простирается от отелей и универмагов до строительства и железных дорог. Особого размаха достигла компания при втором руководителе Гото Нобору. (Владеет он при этом всего 0.6 % акций.) Основатель династии Гото Кэйта сумел, будучи сыном бедного землевладельца, сначала окончить Токийский университет и стать чиновником, позднее железнодорожным магнатом, а затем политиком (входил в кабинет Тодзё). После смерти отца Нобору оказался главой компании в сравнительно молодом (43 года) возрасте. Однако помогли семейные связи: его поддержал тесть Кухара Фусаносукэ, бывший владелец *дзайбацу* и политик (который работал в паре со своим зятем Аикава Ёсисукэ, основателем Ниссан). Семейные связи помогли Гото и в политике: сестра замужем за спикером нижней палаты парламента Исии, кроме того, через эту семью он связан с Исибаси и, соответственно, Хатояма. Еще одна сестра жены замужем за внуком Окума Сигэнобу. Сестра самого Нобору замужем за представителем старой политической династии Сонэ Эки, который сам избирался как в довоенный, так и в послевоенный парламент. Сын Нобору женился по любви на стюардессе, не преследуя планов создания кэйбацу, однако унаследовал положение главы компании.

Семья Судзуки также не является после роспуска дзайбацу владельцем производителя продуктов Адзиномото, но до недавнего времени потомки основателя были директорами этой фирмы. Они даже часто носили одно и то же наследственное имя — Сабуросукэ. Первый в династии был локальным, но довольно удачливым

торговцем. Второй Сабуросукэ промотал его состояние почти полностью, но затем за дело взялась его мать, которая организовала небольшое, но довольно успешное химическое производство, специализирующееся на йоде. Второй Сабуросукэ взялся за ум и перевел компанию в Токио, где на волне войн рубежа XIX–XX вв. она разрослась до внушительных размеров. Организацией химического производства занимался его младший брат Тадахару (это один из редких примеров, когда близкие родственники успешно работали вместе, не соперничая за первенство). Именно они обратили внимание на синтезированный Икэда Кикунаэ глутамат натрия (пищевая добавка Е621) и запустили его в промышленное производство. У этого семейства есть особенности. Во-первых, братья Сабуросукэ и Тадахару женились на родных сестрах, во-вторых, все дочери Сабуросукэ замужем за сотрудниками компании отца. У Тадахару девять детей, из которых восемь — сыновья, причем семеро — выпускники Тодай, и все сделали блестящие карьеры в академической, промышленной или банковской сфере. Старший, единственный выпускник не Тодай, а Хитоцубаси (бывший Университет коммерции), возглавляет дочернее предприятие в компании Андзиномото. Пятый сын служил в Токио-дэнко: и был сподвижником и преемником Андзай Масао. Через детей Тадахару семья Судзуки связан с владельцами концерна Мори. Через браки внуков они связаны с семьей железнодорожных магнатов Симодзё, а также Хатояма и Исикава. Кроме того, уже в третьем поколении Судзуки связаны с семьей Охара, которые являются родственниками императорской семьи. Эта большая семья регулярно встречается — раз в месяц в отеле Imperial в Токио.

Мицуи выделялись среди состоятельных семей с самого начала: они были одними из самых, если не самыми богатыми. В семейной усадьбе было около 80 комнат и около 70 человек прислуги. В эпоху, когда автомобили были редкостью, у этой семьи было более 10 роллс-ройсов. Семья возводила свое происхождение к одному из сыновей Фудзивара Митинага, аристократу X–XI вв. В 5-м году эпохи Сёва среди 10 крупнейших налогоплательщиков шестеро были представителями семьи Мицуи, трое — Ивасаки (Мицубиси) и один — Окура (одноименный *дзайбацу*).

В начале XX в. семья Мицуи была слишком разветвленной, чтобы оставаться единым целым, и определенно переживала упадок в смысле морального разложения. Нарисовать на одном или двух листах бумаги семейное дерево Мицуи просто невозможно: с периода Эдо в нем имеется восемь ветвей, с Мэйдзи к ним добавились еще три. Среди родственников не одна связь и с бывшим сёгунским и императорским домом, а также с финансовой и аристократической верхушкой первой половины XX в.

Последний глава дома Мицуи после роспуска *дзайбацу* служил советником при компании. Его супруга происходила из семьи главы бывшего клана Фукуи (Мацудайра) и приходилась сестрой главе Министерства двора. Также через эту семью Мицуи был связан с семьей Токугава. Сестра Мицуи замужем за принцем Накамикадо, а племянница — за братом Мацусита Сэйдзи. Другие сестры и брат вступили в брак либо с представителями придворной аристократии, либо семьи Токугава. Также распространены браки с другими ветвями семьи Мицуи. Таким образом, это одна из самых элитных с точки зрения брачных связей семей.

Дети Мицуи основной ветви связаны перекрывающими браками с семьей другого *дзайбацу* — Асано, а также с аристократией. Сыновья (их трое) при этом за-

нимают должности в *кэйрэцу* Мицуи и все закончили либо университет Гакусюин, либо Кэйо. Среди ближайших родственников побочных ветвей — глава Тоёда.

В настоящий момент затруднительно рассматривать Мицуи как один клан. В отличие от Уэхара они почти не собираются вместе и зачастую могут рассматриваться просто как однофамильцы.

Семья Ивасаки, владеющая компанией Мицубиси, значительно моложе Мицуи: ее в начале периода Мэйдзи основали Ивасаки Ятаро и его брат Яносукэ. Как и Мицуи, с самого начала они поддерживали и финансировали деятелей реставрации. Но если Мицуи поддерживали тех, кто вышел из княжества Тёсю, то Ивасаки — выходцев из Сацума (Окубо и Окума, Гото Сёдзиро). Фактически Сацума проиграли в борьбе после реставрации, Ятаро тяжело переживал поражение, что и свело его в могилу сравнительно рано. Однако его младший брат энергично взялся за дело и смог восстановить предприятие, перенаправив деятельность с морских перевозок и связанного с ним производства на «сухопутные» проекты. Младший из братьев Ивасаки Яносукэ был женат на дочери государственного деятеля Гото Сёдзиро, и именно благодаря ему у государства была выгодно приобретена угольная шахта в Нагасаки. Второе поколение было связано браками либо с аристократией, либо с представителями крупного бизнеса (например, Сумитомо). Из трех дочерей Ятаро две вышли замуж за будущих премьер-министров: Като Такааки и Сидэхара Кидзюро. Однако после войны эта семья, как и Мицуи, по большей части утратила контроль над своими предприятиями.

В отличие от Мицуи и Мицубиси группа Сумитомо тяготела в большей степени к Кансаю. На первый взгляд, как семья бизнесменов эта линия также пресеклась после войны. Однако не все так просто. К примеру, главы входящих в холдинг компаний каждый год 25 апреля собираются в Киото в святилище, посвященном предкам — владельцам компании. Семья возводит свою родословную к средневековому клану Тайра и, таким образом, опосредованно к чрезвычайно почитаемому государю Камму. Но еще до войны эта семья утратила контроль над своим *дзайбацу*, зато среди ее управляющих было много выдающихся людей, к примеру, Хиросэ Гэн и поэт Кавада Дзюн. Широко известно также, что с Сумитомо был теснейшим образом связаны Сайондзи Киммоти, чьего брата усыновила эта семья. Младшие родственники связаны браками с семьями Андзай, Ивасаки, Мицуи, Асано и др. Нынешний глава дома Сумитомо, хотя и служит в фирме, а также является автором заметных научных работ, все же не сильно влияет на компанию, которой некогда владела его семья.

Если обобщить, семейные связи не делят японскую элиту на четко обособленные кланы. Они, напротив, служат общей консолидации этой прослойки, скрепляя ее фактически в одну большую семью. Существовали примеры, когда люди из низов входили в состав правящего класса, однако без заключения выгодных браков это было практически невозможно. Вступление в выгодный брак иногда могло сулить молодому человеку более быструю карьеру или материальное благосостояние, но его заключение всегда свидетельствовало о том, что его приняли во внутренний круг и что его потомки, скорее всего, также будут принадлежать к лидерам Японии, а не вернутся обратно на тот же уровень, с которого начинали отцы, как это произошло, к примеру с потомками Танака, Канэмару и Такэсита.

Исходя из биографий заметных бизнесменов и политиков, можно предположить, что на рубеже тысячелетий в Японии начали играть роль и некоторые другие социальные механизмы, ранее представленные во власти и бизнесе слабее. Так, среди богатейших людей, а также политиков появились представители меньшинств, ранее дискриминируемых. Речь идет о корейцах *дзайнити* и потомках групп париев традиционного общества, так называемых *буракумин*. Самое примечательное, что в данный момент их представители занимают первое и второе места в рейтинге богатейших людей Японии (Янаи Тадаси и Сон Масаёси). На девятом месте кореец Хан Чанву. Мы уже говорили о том, что данные рейтинги не всегда адекватно отражают реальное положение в экономическом истеблишменте, однако сам факт включения этих людей, до этого десятилетиями дискриминируемых, в ряды «богатых и знаменитых» говорит о серьезных изменениях.

В политическом мире также появились представители этих меньшинств. В последние годы стал известен политик из Осака Хасимото Тору.

Хасимото не принадлежит к привилегированной семье и не является политиком в третьем или четвертом поколении, а также далек от бюрократии. Более того, его семья была вынуждена даже сменить чтение фамилии с Хасисита на нынешнее, поскольку прежнее недвусмысленно указывало на принадлежность к *буракумин*. Несмотря на то, что он был воспитан матерью-одиночкой семерых детей, Хасимото сумел справиться со многими жизненными задачами: преодолел издевательства одноклассников в средней школе, во время учебы успешно занимался спортом (рэгби), окончил престижный университет Васэда, сумел сдать экзамен на адвоката при проходном уровне всего 3% и открыл собственную частную практику не после средних 10 лет служебного опыта, а после 10 месяцев работы. В политику Хасимото подался, когда его годовой доход составлял около 3 млн долларов. Сразу был открыт его талант к публичным выступлениям: Хасимото умел делать провокационные заявления и привлекать публику.

Как и Коидзуми, Хасимото обладает завидным талантом делать яркие, но короткие заявления, подходящие как раз для заголовков СМИ. Однако его заявления являются намного более агрессивными. Если Коидзуми критиковал какие-либо институты или учреждения в целом (фракционность ЛДП, Почтовый банк и т.д.), то Хасимото не стесняется перед камерами журналистов направить свою критику против конкретного человека. По заявлению самого Хасимото, у него нет другого способа оказывать влияние на политический процесс, кроме как «создавая много шума», поскольку семейных и прочих связей он не имеет.

Партия, основанная Хасимото, исповедует неолиберальную политику. Предлагается уход государства из экономики и снижение налогов. При этом государство представляется как компания, оказывающая определенные услуги населению.

На местных выборах 2008 г. отделение ЛДП в Осака сделало ставку на Хасимото, несмотря на то что этой префектуре обычно кандидатами в губернаторы становились представители крупного бизнеса, при этом партия не афишировала свою поддержку. Предвыборные речи Хасимото привлекали такие толпы слушателей, что журналисты стали сравнивать его с рок-звездами. Автор отмечает, что публику привлекала не столько политическая программа Хасимото, сколько его харизма, а также тот факт, что простые жители префектуры видели в нем «своего». Одержав побе-

ду на выборах, Хасимото Тору стал одним из самых молодых губернаторов (38 лет) в истории Японии. После вступления в должность его основные усилия были направлены на сокращение огромного дефицита префектурального бюджета размером в более 1 млрд. долларов. Было заявлено, что будут сокращены расходы на местную бюрократию. Кампания по сокращению расходов широко популяризовалась: инспекции в «убыточные» органы управления проводились в присутствии большого числа представителей СМИ. Следует отметить, что предшественник Хасимото провел реформы, которые дали начало процессу сокращения дефицита бюджета, однако именно ему благодаря популизму достались лавры успешного реформатора.

В качестве губернатора Хасимото известен своей гиперактивностью: направляет сообщения подчиненным в любое время дня и ночи. Кроме того, его выступления могут освещать по 50 журналистов одновременно. Хасимото — самый популярный политик Японии, представленный в Твиттере, число его подписчиков в 2013 г. превысило 1 млн. человек, в отдельные дни он оставляет в микроблоге по 100 сообщений, большинство из которых содержат критику или агрессивные заявления.

Хасимото, как и Коидзуми, выступает перед журналистами дважды в день, в начале и конце служебного дня, выступления при этом длятся по часу. В своих выступлениях Хасимото опирается на тележурналистику в большей степени, чем на печать. В заявлениях он небрежен: часто берет слова назад и демонстрирует незнание законов, которые критикует, однако серьезного ущерба политической карьере это до сих пор не нанесло.

Критики Хасимото так же агрессивны: его даже сравнивают с Гитлером. В обиход вошел термин *хасидзуму* — производный от его фамилии и японского произношения термина «фашизм» (*фасидзуму*). Но и с критикой он справляется успешно, часто демонстрируя самоиронию.

Считается, что стимулом к реструктуризации префектуры, наиболее амбициозному проекту Хасимото, послужили две провальные инициативы губернатора: перенести префектуральную администрацию в небоскреб (не была одобрена префектуральным собранием) и централизовать полномочия по управлению водоснабжением (отдельные муниципалитеты отказались их передать). После этого Хасимото взял курс на реструктуризацию управления префектурой путем объединения большинства полномочий на уровне центра по образцу Токио. Количество административных районов в префектуре должно сократиться с 24 до пяти-семи. План при этом является частью другого плана «регионализации» — объединения 47 префектур в восемь-девять более крупных объединений, обладающих значительной автономией от центра страны. Власти Осака делают ставку на то, что в условиях глобализации крупные города приобретают значение не меньшее, чем столичные агломерации. По плану должно сократиться количество служащих — за счет приватизации транспорта, медобслуживания, водоснабжения на первых порах на 10 000 человек (30% от современного количества), а к 2015 г. — на 50%. Планируется также сокращение зарплат бюджетников. Будут прекращены дотации убыточным отраслям. Например, убыточными являются 81 из 132 линий городских автобусов. Инвестиции в них производятся за счет «лишних» доходов, получаемых осакским метро. После приватизации убыточные линии автобусов, скорее всего, будут закрыты, а цены на билеты в метро предполагается снизить. Похожие перемены должны коснулись образования: в госу-

дарственных школах сокращались зарплаты и число ставок, а частные недополучили субсидии и были вынуждены поднять плату. В то же время были ужесточены правила проведения церемоний почитания государственного флага и гимна. Кроме того, будут сокращены расходы на просвещение, библиотеки и т.д.

В результате реформ зарплаты бюджетников в Осака стали самыми низкими среди префектур Японии. Это, а также предполагаемое неравенство в бюджете укрупненных районов вызывает критику со стороны оппонентов. Еще одна инициатива, часто вызывающая критику, — проект по легализации казино. Неудивительно, что одними из самых серьезных критиков Хасимото на выборах 2011 г. были профсоюзы бюджетных работников. После победы губернатора эти организации стали обвинять в нарушении порядка и незаконной политической деятельности. Было проведено масштабное расследование с серьезным нарушением частной жизни и т.д. В целом, согласно опросам, поддержка Хасимото и его партии в 2011 г. снизилась и составила только 49%.

Одновременно с проведением реформ появилась новая партия, *Осака исин кай*. В основном в ее состав вошли члены местных фракций ЛДП, вышедшие из своей партии. После выборов 2011 г. партия взяла большинство мест в префектуральном собрании и стала крупнейшей в городских собраниях городов Осака и Сакаи. Победа была одержана несмотря на то, что местные филиалы крупнейших партий — ЛДП, Комэйто, ДПЯ и частично коммунистической — объединили усилия против партии Хасимото. В марте 2012 г. при партии была учреждена «школа», возымевшая большую популярность. Число желающих записаться на еженедельные лекции составило 3000 чел., но принято было только 2000. Среди них большую часть составляла молодежь, недовольная экономической ситуацией в стране и настроенная активно распространять взгляды Хасимото. Хотя более десятка «выпускников» школы в итоге начали политическую карьеру в *Исин кай* и даже вошли в парламент, автор считает затею со школой неудачной, т.к. значительно большее число «студентов» разочаровалось в Хасимото.

Хасимото вошел в политику общенационального уровня в 2012 г., когда потребовал в парламенте одобрить его проект реструктуризации префектуры. Проект был одобрен очень быстро. Вступив в альянс с Исихара Синтаро, известным правым политиком и тогда мэром Токио, Хасимото создал первую в послевоенной истории партию (*Ниппон исин кай*, Партия обновления Японии) с правым уклоном, которая получила места в парламенте. При этом он отказался от части своих взглядов, что также вызвало осуждение оппонентов: так, из критика атомной энергетики он превратился в ее сторонника. К 2013 г. поддержка как региональной, так и общеяпонской партии сократилась. *Осака исин кай* проиграла выборы мэра в двух городах (Итами и Такарадзука), а поддержка *Ниппон исин кай* составила только 1%. Городское собрание также не одобрило проект реформы водоснабжения. Тогда же стало понятно, что быстрых перемен к лучшему в инфраструктуре и образовании, обещанных Хасимото, не наступят.

Появление фигур с таким бэкграундом может иметь множество объяснений. Самым простым было бы уравнение в правах и ассимиляция этих дискриминируемых групп, которая, пусть медленно, но все же имеет место. Также следует учитывать, что, несмотря на дискриминацию, как *буракумин*, так и корейцы нашли

способы адаптации и даже выгодные экономические ниши. *Буракумин* массово пополняют ряды кланов *якудза*, о влиянии которых на политику и бизнес не раз говорилось. Основной нишей корейской диаспоры всегда была индустрия игровых автоматов-*патинко*. Вполне вероятно, что эти лобби могли усилиться и, как следствие, представить своих людей во власть. Однако связи эти не всегда очевидны и могут не существовать вовсе. Если Хан Чанву действительно разбогател на бизнесе *патинко*, то компании Янаи и Сон занимаются вполне респектабельными вещами — производством одежды и услугами связи. Дядя Янаи Масао, правда, был известным в свое время борцом за права *буракумин*, а также принадлежал к *якудза*. Наконец, открытым остается вопрос о том, смогут ли такие люди закрепиться в японском истеблишменте. Хасимото Тору, скорее всего, — нет, его политическая звезда, вероятно, закатилась навсегда, а представители следующего поколения еще слишком молоды, чтобы судить об их будущих успехах.

Ротация. Конфликты внутри правящей элиты

Почти все исследователи задаются вопросом о том, является ли японская элита открытой или закрытой. При этом никто не дает на этот вопрос однозначного ответа. По мнению А. Ротхахера, номинально она является открытой, однако на деле значительная, если не большая часть новых членов набирается по принципу происхождения, причем в последние годы данная тенденция усиливается. Это находит отражение как в увеличении числа потомственных политиков в последние годы, так и в том, что политики стали институционально обладать большими полномочиями, чем бюрократия, в результате административной реформы.

Х. Кербо и Дж. Маккинстри по этому поводу отмечают, что, с одной стороны, во многом принцип меритократии сохраняется, поскольку одним из главных составляющих успеха на пути к власти является хорошее образование. Чтобы поступить на юридический факультет Токийского университета, главную кузницу кадров, необходимы «либо дисциплина и интеллект гения, либо железная дисциплина и просто высокий интеллект». Конечно, состоятельные родители имеют возможность оплатить своим отпрыскам дорогостоящие школы и курсы подготовки к вступительным экзаменам, но это само по себе не является гарантией успеха и главную работу выполняют все же не деньги родителей, а терпение и способности абитуриента. В наибольшей степени принцип наследственности действует в среде политиков, поскольку для избрания требуется группа поддержки *коэнкай*, а иных способов обрести ее, кроме как «унаследовать» ее от предыдущего кандидата от того же округа, практически не существует.[48] Выборы требуют слишком больших материальных и временных затрат, которые при этом вовсе не гарантируют успех.

С другой стороны, наиболее серьезные критики японского общественного строя утверждают, что меритократия даже в случае бюрократии оказывается мифом: все большее число чиновников в престижных министерствах иностранных дел или финансов оказываются либо сыновьями, либо зятьями крупных бюрократов старшего поколения. Механизмы отбора неявны, но прослеживаются следующие: 1) недеше-

[48] Речь не обязательно (хотя довольно часто) идет о прямом наследовании избирательного округа от отца к сыну или от тестя к зятю. Но в любом случае необходимы серьезные связи в среде ЛДП, чтобы кто-то из кандидатов добровольно уступил своих людей преемнику.

вое престижное образование, необходимое для поступления на госслужбу, — каковы бы ни были способности студента, система грантов для талантливой молодежи в Японии практически сведена к минимуму; 2) особая социализация для представителей привилегированных семей — сам круг общения мотивирует молодых людей стремиться к карьере; 3) наконец, отбор в престижные министерства уже после сдачи общих экзаменов проводится негласно и на основе просмотра резюме, что дает возможность для отбора кандидатов из числа выходцев из «нужных» семей.

Для амбициозных выходцев не из рядов наследственной элиты в наши дни, по сути, осталась лишь одна лазейка (престижный университет еще ничего не гарантирует), чтобы утвердиться в верхних эшелонах, — выгодная женитьба. При этом положение усыновленного зятя, это надо помнить, всегда несколько унизительно и не все амбициозные молодые люди согласны на такую роль. Шанс создать собственное предприятие с нуля и таким способом «выбиться в люди» в настоящих экономических условиях чрезвычайно мал.

В середине XX в. (в особенности, в период после войны и высоких темпов экономического роста) в Японии появилось много новых богачей и политиков регионального уровня, которые стремились пробиться к вершинам власти, не обладая семейными или другими связями со старой элитой. Экономический бум, смятение послевоенного времени, дискредитация определенных сегментов старой элиты после поражения — всё в совокупности дало возможность этим «новым людям» добраться до верхних эшелонов истеблишмента. Некоторым из них удалось влиться в его состав и забронировать там место для своих потомков — например, Морита Акио, основателю Sony, но некоторые, напротив, были изгнаны из рядов общенациональной элиты после непродолжительного взлета.

Истории наиболее известного из таких взлетов с последующим падением посвящена книга The Shadow Shoguns. Дж. Шлезингер начинает повествование с описания похорон Танака Какуэй, которые состоялись 25 декабря 1993 г. Во многом это событие было прощанием не просто с человеком, но с целой эпохой. Его уход из жизни совпал и с экономическим упадком в Японии, и с закатом политической машины, архитектором которой Танака являлся. Со стороны Japan Inc. казалась не только чем-то сверхчеловеческим, но даже бесчеловечным, как будто ею управляли не живые люди, а некий безличный механизм, который вел страну к вершинам успеха и вызывал у иностранцев одновременно зависть и страх. Однако с 1990-х гг. очарование стало развеиваться, к 1997 г., когда экономическая рецессия настигла и другие страны Азии, мир окончательно утратил иллюзии по поводу возможностей Japan Inc. — теперь государственный механизм представлялся неэффективным, коррумпированным, неспособным к переменам в нужный момент. И тогда же стало понятно, что за этой экономической машиной стояли люди в той же степени, что и остальные, подверженные слабостям, страсти к наживе и власти.

Детство Танака прошло в крайней бедности в японском захолустье. Префектура Ниигата всегда была изолирована от основных центров страны горами и, кроме того, в силу неблагоприятного климата никогда не отличалась богатством. В начале века Ниигата была едва ли не самым плотно населенным регионом Японии, однако к 1970-м годам в значительной степени подверглась депопуляции. В прежние времена регион был поставщиком электричества, риса и дешевой рабочей силы (вклю-

чая гейш и рикш). Отец Танака почти никогда не жил с семьей, мать одна тянула на себе нескольких детей. Уже в подростковом возрасте Танака приходилось заниматься тяжелым физическим трудом. Чуть позже ему удалось стать мелким чиновником в своем городке. Незадолго до того, как Какуэй исполнилось 16, он решил попытать счастья в Токио и отправился в столицу.

В 1920–1930-х гг. Япония переживала очередную волну вынужденной урбанизации. Великая депрессия снизила спрос на основной после выхода страны на мировой рынок источник дохода крестьянских хозяйств — шелк-сырец. В результате множество молодых людей, как и Танака, бежали от бедности в крупные города. В столице Танака без труда несколько раз находил работу, однако долго ни на одной не мог удержаться. Главной мечтой молодого человека, так и не осуществленной до конца жизни, осталось высшее образование. Невероятными усилиями ему удалось окончить архитектурные курсы и в возрасте 19 лет открыть собственную фирму, в которой он сам выполнял значительную часть работы. В 1939 г. он был призван в армию. Служба проходила в Маньчжурии на канцелярской работе при штабе. Несмотря на то, что Танака никогда не участвовал в сражениях, в армии ему пришлось тяжело, он часто подвергался избиениям как со стороны офицеров, так и равных по званию. Спустя примерно год он заболел пневмонией и плевритом и в октябре 1941 г. был демобилизован по состоянию здоровья. Танака вернулся в строительный бизнес и стал работать на субконтракте у одного из крупнейших поставщиков японской армии — промышленной компании Рикэн. В 1942 г. он весьма удачно женился. Невеста была разведенной женщиной, с ребенком, старше Танака на семь лет, но он унаследовал от тестя строительную фирму средней руки, которая уже имела налаженные связи с чиновниками и круг постоянных клиентов. Вскоре усилиями Танака компания стала пятой по величине строительной фирмой Японии. В конце войны основные острова архипелага, в особенности промышленные центры, стали подвергаться массированным бомбардировкам, и крупные компании пытались вывести производство в колонии, для чего в Корее и на других подчиненных территориях создавались новые производственные площади. Именно на этом массовом строительстве и разбогател Танака.

В 1945 г. он направился в Корею, чтобы приступить к выполнению государственного контракта по строительству завода, производящего комплектующие запчасти для самолетов ВВС. Однако из-за последовавшей вскоре капитуляции строительство так и не было начато. После поражения Танака сумел быстро эвакуироваться: всего через три дня после официальной капитуляции он сел на поезд до Пусана, а оттуда (очевидно, в результате подкупа) — на корабль, эвакуировавший женщин и детей на Хонсю, где он оказался уже 20 августа. При этом ему не только удалось выжить, но и прилично заработать в результате поражения его страны: заказ на сумму 15 млн. иен (или 70 млн. долларов по нынешнему курсу) так и не был выполнен ввиду прекращения существования заказчика, а деньги, выплаченные авансом, легли в основу состояния будущего премьера Японии.

В политику Танака вошел уже в ноябре 1945 г. Вначале он вложил средства в партию Симпото («Прогрессивная партия») своего знакомого Оаса Тадао, а вскоре и сам решил баллотироваться от этой партии в избирательном округе в Ниигата, где сам когда-то вырос. В результате неумелого руководства избирательным штабом

(сотрудники попросту присвоили деньги, выделенные на кампанию) первая попытка войти в парламент оказалась неудачной. В апреле 1947 г. Танака снова участвовал в выборах — на этот раз серьезно подготовившись и отрядив значительное число сотрудников своей строительной фирмы для агитации. Со второй попытки он был избран. Во время этой, как и всех последующих кампаний, Танака делал утопические обещания. Регион, откуда он происходил, был исключительно бедным, не в последнюю очередь как следствие сурового климата. Ниигата имеет неофициальное название *юкигуни* («снежная страна»), которое даже дало название известной повести Кавабата Ясунари. Танака обещал использовать государственные средства на то, чтобы «снести» центральные горы Хонсю, отделявшие Ниигата от остальной части острова, и покончить таким способом с затяжными снегопадами. Как и многие другие, основанные во время оккупации союзными войсками, Прогрессивная партия вскоре прекратила свое существование.

В 1950 г. Танака присоединился к недавно созданной Либеральной партии (предшественнице ЛДП), а затем и к самой ЛДП. Здесь его утопические обещания не сильно выделялись на общем фоне. С самого основания партия делала в пропаганде основной упор на увеличение благосостояния граждан, которое после войны было действительно плачевным. В 1960 г. будущий премьер Икэда в рамках предвыборной кампании пообещал удвоение дохода к 1970 г. — и этот план был «перевыполнен», так как удвоение ВВП наступило уже к 1967 г. Именно в 1960-е гг. японское общество впервые в истории приобрело форму «бумажного фонаря» — с большой прослойкой семей со средним доходом и минимумом со сверхвысокими и сверхнизкими. Если в 1950-х гг. весь заработок средней семьи уходил на «три сокровища» (выражение по аналогии с тремя священными регалиями императорского дома): еду, жилье и одежду, то в 1960-х появились новые «три сокровища»: автомобиль, цветной телевизор и кондиционер.

В 1957 г. Танака побил рекорд 1898 г. и стал самым молодым министром (почты и телекоммуникаций) в возрасте 39 лет. Также он стал занимать руководящие посты внутри партии. Однако коллеги по ЛДП, скорее, использовали выскочку без образования и его финансовые возможности. Танака не входил во «внутренний круг» управления правящей партией, его туда не допускали уже в силу происхождения. К примеру, предшественник Танака на посту премьера (1964–1972) Сато Эйсаку был потомком самурайского рода. Кроме того, он доводился младшим братом другому премьеру (1957–1960) — Киси Нобусукэ. Обладая блестящими связями, Сато при этом не отличался искусством оратора. Танака же делал ставку на «близость к народу» (в частности, носил японскую традиционную одежду чаще своих коллег) и активную саморекламу как self-made man. Бестселлером стала его книга «План переустройства Японии», в которой он предлагал сооружение большого количество транспортных магистралей, технополисов и прочих амбициозных проектов по всей стране. В тот же период он активно наращивал свои финансовые возможности и стал президентом нескольких строительных компаний и владельцем контрольного пакета акций в еще ряде фирм. В начале 1950-х гг. был построен его знаменитый особняк в престижном районе Токио Мэдзиро. Прилегающая к дому территория занимала около 8000 квадратных метров, а стоимость поместья составляла порядка 8 млн. долларов. К началу 1970-х гг. его официальный индивидуальный доход достиг

86 млн. иен, однако, исходя из уровня расходов, несомненно, был выше. Помимо строительных проектов, Танака стал активно лоббировать в парламенте транспортные. Сам или через подставных лиц он приобрел железнодорожную компанию и несколько автобусных линий. И тогда же начались его известные спекуляции с землей, скупаемой по дешевке и перепродаваемой по взлетевшим ценам в преддверии дорогостоящих работ по государственному заказу.

Одним из главных партнеров Танака по бизнесу в эти годы был Осано Кэндзи — человек, во многом на него похожий. Так же, как и будущий премьер, он начинал с бедности, разбогател в последние месяцы войны. Вход в высшее общество был куплен путем брака с наследницей аристократического дома. После смерти Осано ставил рекордное по своему размеру наследство (при том что основная часть, скорее всего была спрятана, чтобы избежать высоких в Японии налогов на наследство). Осано спонсировал предвыборные кампании Танака и в бытность последнего министром финансов в начале 1960-х смог продавить изменения в законодательстве, ограничивающем вывоз капитала, после чего стал скупать собственность за рубежом, начав с отеля на Гавайях. Кроме того, через Осано, практически не скрывавшего своей давней связи с такими фигурами, как Кодама Ёсио, Танака, вероятно, был связан с *якудза*.

В 1972 – 1980-х гг. ЛДП пережила серию «фракционных войн». Центральное событие — война «Каку–Фуку» (Фукуда Такэо vs Танака Какуэй) — началось с того, что новому лидеру фракции Киси — Фукуда Такэо — тогдашний премьер-министр Сато Эйсаку пообещал сделать его своим преемником. Но вскоре сам Сато был смещен с поста главы своей фракции «восходящей звездой» японской политики Танака Какуэй. Он и стал следующим премьер-министром, что нарушило планы Фукуда. Фукуда и Охира, руководитель еще одной фракции, во многом стояли за отставкой Танака в 1974 г.

В возрасте 54 лет в 1972 г. Танака установил новый рекорд — стал самым молодым премьер-министром в истории Японии и единственным без высшего образования в послевоенные годы. На короткий период его пребывания на этом посту пришлось несколько ярких акций: тут же была создана комиссия, занимавшаяся переводом «Плана переустройства Японии» на язык законодательства. При Танака были установлены дипломатические отношения с КНР, а его визит в Пекин стал сенсацией. Однако нефтяной кризис 1973 г. ударил по Японии чуть ли не больше, чем по остальным странам мира. Инфляция достигла 30%. В конце 1973 г. Танака серьезно заболел, что вывело его из строя на несколько недель. Наконец, в 1974 г. его оппоненты внутри партии сумели объединиться вокруг Фукуда Такэо (бывшего основным соперником в выборах на пост премьера в 1972 г.). Фукуда и двое других политиков демонстративно вышли из кабинета Танака, вынуждая того сложить полномочия премьера. Тогда же разразился скандал, начавшийся с публикации в не слишком популярном еженедельнике «Бунгэй сюндзю» описания коррупционных схем премьера. Масла в огонь добавляли недавний Уотергейтский скандал в США и отставка Р. Никсона как пример отставки действующего главы государства. Раскрытие коррупционных схем скинуло Танака с пьедестала «народного премьера», его рейтинг сократился с 60 до 12%. 26 ноября 1974 г. он оставил пост премьера и председателя ЛДП.

Однако еще более значимым стал скандал с Локхид. Хотя количественно взятка, предоставленная Танака, была не такой уж крупной (она составляла не более процента ежегодных поступлений в его «казну»), главной загвоздкой стало участие иностранцев. Локхид, как пишет Ч. Джонсон, нужно было решить несколько задач: сменить главу фирмы ANA (All Nippon Airlines), который уже одобрил покупку DC-10 конкурирующей компании; уговорить компанию не обновлять авиапарк до 1974 г. (год, когда должна была выйти в продажу марка самолетов TriStar, которую Локхид собирался продавать в Японию), а также заручиться поддержкой Министерства транспорта, поскольку без его одобрения такие сделки не заключались. Основным фигурантом дела, который, как считается, обеспечил решение всех этих задач, был Кодама Ёсио, но в целом денежные потоки шли по трем каналам через следующих людей:

1) Осано Кэндзи, уже упоминавшийся миллиардер туристического бизнеса и близкий друг Танака. Владелец сети отелей, туристических агентств, автобусных линий и т.д. был, кроме всего прочего, крупным акционером ведущих авиакомпаний. Ему Танака был лично обязан: в 1972 г. член фракции Танака — Хамада Коити (а по совместительству еще и связной с криминальным миром и главный закулисный переговорщик с некоммунистическими оппозиционными партиями) — по-крупному проигрался, истратив за одну ночь в Лас-Вегасе 1,5 млн. долларов. Хамада в силу положения знал слишком много — его нельзя было оставить в таком неловком положении. Осано, который всегда располагал достаточным количеством долларов наличными, по просьбе Танака срочно покрыл долг Хамада, а сам приобрел дополнительный рычаг влияния на Танака, который и использовал с тем, чтобы склонить его к контакту с Локхид.
2) Кодама Ёсио. Известный лидер криминального мира, *куромаку* — «серый кардинал» — имевший влияние на многих политиков. «Карьеру» Кодама начал во время войны, когда на территории оккупированного Китая занимался одновременно грабежом и агентурной деятельностью в пользу японской армии. Средства, заработанные во время войны, Кодама «вложил» в политику, проспонсировав создание Либеральной партии (предшественница ЛДП) Хатояма. Помимо тесных отношений с политиками, он поддерживал и связь с правыми радикалами. Долгие годы он был председателем Патриотической федерации Великой Японии. Многие из ее членов были по совместительству боссами *якудза* или тесно связанными с ними людьми. Еще с 1958 г. Кодама продвигал продукцию Локхид, в первую очередь вооруженным силам Японии. Однако на суде (до окончания которого он не дожил) Кодама всячески отрицал связь с компанией, утверждая, что все обвинения являются «местью американских империалистов». Примечательно, что для Кодама история обернулась полутрагедией, полуфарсом: после его «разоблачения» (получалось, что лидер правых националистов замешан в махинациях с американцами) один из его последователей, а по совместительству порно-актер Маэно Мицуясу осуществил атаку *камикадзэ* на небольшом самолете на усадьбу Кодама. В результате погиб только сам Маэно.
3) Через Марубэни, третью по величине торговую компанию (*сого сёся*) Японии.

Танака, хотя и получил взятку, был на периферии этого процесса. Ч. Джонсон отмечает, что Танака, по его собственным ощущениям, сделали козлом отпущения: его обвинили и осудили за то, чем занимались все политики. В первом разделе упо-

миналось, что обвинения, и притом вполне обоснованные, выдвигались в японском политическом мире неоднократно. Несколько представителей бизнеса после оглашения приговора сделали аналогичные заявления. Уже после скандала Локхид вскрылась похожая схема, связанная с другой крупной авиастроительной фирмой МакДоннел-Дуглас, однако фигурантам даже не были предъявлены официальные обвинения. В рамках судебного преследования в Японии для обвинения политика или бюрократа во взятке необходимо доказать одновременно три вещи: что он получил деньги, что он понимал, что это взятка, и что он был в состоянии повлиять на исход дела благоприятным для взяткодателя образом. На практике это редко достижимо. Тем не менее, в случае Танака это оказалось вполне достижимо и стало прецедентом.

Отставка Танака произошла незадолго до скандала и не была с ним связана непосредственно. Впервые информация о связи с Локхид вышла на поверхность в США во время разбирательства по аналогичному делу. Только позже она появилась в японской прессе. Следующий после Танака премьер Мики надеялся выиграть от этого скандала, однако фракции Танака, Охира и Фукуда (несмотря на все свои противоречия) сумели объединиться и надавить на него, чтобы он приостановил разбирательство по делу. Так были спасены головы нескольких политиков, включая Накасонэ, Готода и Никайдо. Надежды Мики определенно не оправдались.

27 июля 1976 г. Танака Какуэй был арестован по делу Локхид. Впоследствии он был отпущен под рекордный залог в 200 млн. иен (при этом ему хватило 10 минут, чтобы предоставить суду эти деньги). Пресса перестала употреблять уважительный суффикс «-сан» после его фамилии и стала называть бывшего премьера «подозреваемый Танака»; он был вынужден покинуть ЛДП и отказаться от главенства в собственной фракции. В 1977 г. начались судебные слушания по его делу, которые продолжались до его смерти. В январе 1983 г. был вынесен обвинительный приговор, занявший 560 страниц текста[49]. Танака приговорили к пяти годам тюрьмы и штрафу в 500 млн. иен. Виновными были признаны и все остальные обвиняемые по делу: помощник Танака Эномото и три менеджера компании Марубэни. Затем начались апелляции, слушания по которым так и не окончились до смерти Танака.

Устранив, как им казалось, Танака, Фукуда и Охира выработали секретное соглашение — наполовину устное, наполовину письменное, согласно которому Фукуда должен был первым стать премьером на два года (до 1978 г.). Охира же стал генеральным секретарем ЛДП. Однако в 1978 г. Фукуда не захотел уходить, Охира обратился уже к бывшему противнику — Танака, и Фукуда под их совместным давлением вынужден был уйти с поста. Далее при поддержке Танака Охира блестяще выступил на парламентских выборах 1978 г. и занял пост главы правительства. В новом качестве он попытался примириться с бывшими оппонентами — Фукуда, а также менее значительными соперниками Накасонэ и Комото, — чтобы заручиться их поддержкой на парламентских и партийных голосованиях. Фракции Фукуда предложили четыре портфеля, три — фракции Танака и по два Мики/Комото и Накасонэ. В течение 1979 г. фракциям Фукуда и Накасонэ удалось склонить Охира к продвижению нескольких символических националистических проектов (посеще-

[49] Следует учитывать, что иероглифическая письменность «плотнее» и тот же текст в переводе на европейские языки может занимать примерно в 1,5 больший объем в страницах.

ния святилища Ясукуни и пересмотр учебников истории), что привело его к конфликту с центристскими партиями. В результате поддержка ЛДП снизилась, парламент был распущен, а на выборах партия выступила неудачно. Ответственность за это была возложена на Охира, однако он не желал сдаваться и — снова при поддержке Танака — вернулся в кресло премьера. В 1980 г. была предпринята новая попытка сместить Охира: в мае СПЯ и другие оппозиционные партии вынесли ему вотум недоверия, на голосовании фракции Мики и Фукуда воздержались, и парламент снова был распущен. В начале новой предвыборной кампании 30 мая 1980 г. после нескольких предвыборных речей в Синдзюку и Йокогаме Охира слег с сердечным приступом и вскоре скончался.

Парадоксально, но пика могущества Танака достиг именно во время судебного процесса над ним. Каждое утро, за исключением среды, когда проходили слушания по его делу, к его усадьбе в Мэдзиро тянулся нескончаемый поток посетителей, Танака ежедневно принимал у себя по триста человек. Утром, как правило, приходили «рядовые» просители — фермеры из его родной префектуры и т.д. Однако к середине дня появлялись представители элиты: политики, включая ведущих, бизнесмены, чиновники главных министерств. Каждый прием длился от пяти до 10 минут. Посетители приходили, чтобы засвидетельствовать почтение, попросить работы для родственника или поддержки на предстоящих выборах, выяснить подробности предстоящих изменений в законодательстве и посоветоваться относительно предстоящих сделок. Утверждалось, что можно стать членом кабинета министров, если нанести визит Танака, но при этом невозможно было им стать, если Танака не нравилась кандидатура. Танака фактически был более могущественным человеком, чем действующий премьер-министр. Потому что именно он их назначал и контролировал. Из популиста и «народного премьера» Танака превратился в «серого кардинала», «теневого сёгуна».

Танака сохранил место в парламенте, более того, в его собственном избирательном округе (в отличие от остальной страны) группа поддержки стремилась преподнести своего кандидата чуть ли не святым мучеником, сравнивая его со средневековым религиозным деятелем Нитирэном[50], а количество голосов, набираемых на каждых выборах, только увеличивалось. Во время избирательных кампаний он произносил до 500 речей, иногда по 40 в день. Общественный опрос, проведенный уже после начала судебного процесса, на тему «Каким земляком вы более всего гордитесь?» показал, что Танака является главной гордостью префектуры, сильно обогнав, к примеру, адмирала Ямамото Исороку (1884–1943).

Надо сказать, члены огромной группы поддержки не питали иллюзий по поводу Танака: согласно опросам, лишь 8% из них считали его невиновным. Приблизительно то же можно сказать об избирателях. Они вполне могли считать Танака коррупционером, но до тех пор, пока он устраивал в префектуре дорогостоящие строительные проекты, создавая рабочие места и привлекая в регион деньги, за него неизменно голосовали. Это была своеобразная валюта, которой платили за

[50] Нитирэн (1222–1282) — японский религиозный деятель, основатель одноименной школы буддизма, чрезвычайно распространенной как в традиционной, так и современной Японии. Из-за резкой критики других религиозных школ и власть имущих в течение жизни неоднократно подвергался арестам и ссылкам, что, однако, не поколебало его убеждений.

экономическое благополучие. А проекты становились все масштабнее. Если в конце 1940-х гг. Танака выбивал для своего региона одноколейки, ведущие в горные деревни, то в 1980-х гг. Ниигата могла благодаря ему похвастаться двумя национальными магистралями, железнодорожной линией суперэкспресса, крупнейшим в Японии атомным комплексом, новым международным университетом, а также технополисом. В особенности, привлекала внимание линия *синкансэн*, проложенная практически сквозь горы в не самый густонаселенный регион. Из восьми станций региона Хокурику половина были сооружены в избирательном участке, от которого баллотировался Танака, а оставшиеся четыре были распределены между двумя другими префектурами. При этом расстояния между станциями в Ниигата было слишком мало, что снижало скорость движения, а одна из станций располагалась в городке Ураса с населением всего 15 000 человек, и ширина платформы чуть ли не превосходила ширину главной улицы городка.

Трансформации подверглась и группа поддержки Танака (Эцудзанкай). Если в 1950-е гг. это была небольшая (80 чел.), но эффективная группа, то к 1980-м гг. она сильно разрослась, в ней образовалось множество ответвлений (около 300 соседских общин) и наметилась жесткая иерархия. Число только активистов доходило до 98 000 — 20% избирателей округа. Организация издавала вестник, выходивший раз в месяц тиражом около 50 000 экземпляров. В Эцудзанкай входили 26 мэров и 33 города округа, а глава организации Хомма Коити (работавший с Танака с 1946 г.) считался «теневым губернатором» Ниигата.

Но, конечно, власть Танака была основана далеко не только на его умении привлекать избирателей. Внутри ЛДП он сколотил себе внушительную группу поддержки. Формально его фракция называлась «Клуб четверга» (поскольку заседания проходили по четвергам), но значительно шире стало известно неформальное название — «армия Танака» (яп. «Танака гундан»), которое в полной мере отражало агрессивную манеру обращения с оппонентами. Японские публицисты, правда, указывают на другое, более прозаичное происхождение данного термина: после войны людям были по-прежнему проще всего воспринимать армейские термины, поэтому фракции политиков часто неофициально назывались, в зависимости от размера, словами типа «дивизии» или «полка». Поскольку фракция Танака была крупнейшей за всю историю ЛДП, ее и называли соответственно — «армия».

Танака легко играл на основном противоречии японской политики: официальные заработки парламентариев были невысоки, а потребности для поддержания престижа и, главное, (пере)избрания в парламент — весьма и весьма значительными. Его собственные финансовые возможности были чрезвычайно велики, что позволяло ему привлекать на свою сторону как младших членов партии, так и политических «тяжеловесов». К примеру, он сам хвалился тем, что в 1957 г. попросту купил свой первый министерский портфель, передав премьер-министру Киси пакет с 3 млн. иен. Собственную фракцию Танака создал не с нуля, а фактически перекупил сторонников Сато, подмяв под себя чужую группировку. Конечно, и другие группы внутри ЛДП снабжали своих членов деньгами, однако средства, которые получали сторонники Танака, превосходили эти «бонусы» в 3–20 раз. Именно деньги удержали его сторонников при нем после ареста. Каждому было незамедлительно передано по 3 млн. иен, при этом Танака обещал продать собствен-

ный дом, если ему вдруг не хватило бы денег на дальнейшие расходы по поддержанию фракции. На деньги покупались не только члены «армии Танака». По некоторым сведениям, он потратил 16 млн. долларов, чтобы купить необходимые голоса для внутрипартийного голосования, когда он метил в премьеры в 1972 г., — и вложения оправдались.

Искусство подкупа было выведено Танака на высокий уровень. Как человек, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, он понимал, что просто так вручить деньги недостаточно, и человек, особенно с высоким положением, вряд ли согласится просто так их принять. Каждый раз он обставлял дело так, как будто он был в роли просителя. Часто деньги передавались под благовидными предлогами — по случаю свадьбы или похорон в семье контрагента. Также большое распространение получила практика приглашать политических оппонентов (которых желали задобрить — вплоть до членов СПЯ) играть в азартные игры, в особенности маджонг: члены «армии Танака» виртуозно «проигрывали» им огромные суммы.

В то же время такой уровень расходов, разумеется, предполагал, что Танака имел большие дивиденды от своей политической деятельности. Коррупционный скандал с Локхид был, по сути, лишь небольшим эпизодом его бурной финансовой биографии. И вполне вероятно, что Танака действительно не помнил (как утверждал на суде), откуда он получил те самые 5 млн. иен — это была капля в море огромных финансовых потоков.

Дж. Шлезингер и Ч. Джонсон сходятся во мнении, что хотя взяточничество изначально лежало в основе деятельности политиков, именно усилиями Танака «политика денег» окончательно обрела свою современную форму — вплоть до того, что сложилась стандартный процент «отката» в 3– 4% от стоимости лоббируемого проекта. Именно Танака превратил многочисленные, но разрозненные эпизоды взяточничества в машину. В результате его же деятельности обрела окончательную форму и общеяпонская система перераспределения доходов из центра в периферию путем создания дорогостоящих инфраструктурных проектов в отдаленных областях. То, что известный журналист Алекс Керр иронично назвал в своей книге construction state.

И всё же фракцию Танака объединяли не только деньги. Долгое время она представляла собой весьма сплоченный коллектив, не только слаженно выступавший в парламентских баталиях, но и вместе переживавший радости и потери в жизни своих членов. К примеру, когда скончался отец Такэсита Нобору, одного из ведущих членов группы, Танака немедленно заказал самолет, который доставил на похороны родственников и 69 членов фракции. Избиратели на местах (справедливо) полагали, что кандидат, принадлежащий к фракции Танака, сможет обеспечить их избирательному округу такие же инвестиции и дорогостоящие проекты, как и глава. Поэтому, вступая во фракцию, молодой политик не просто обеспечивал себя финансами — за него значительно активнее голосовал электорат. Плюс к этому — членам фракции оказывалась всяческая поддержка во время выборов: в их избирательные штабы выделялись опытные сотрудники других, старших политиков, уже набившие руку в деле агитации и привлечения голосов. Танака зачастую не брезговал лично отправляться в префектуру начинающего политика и искать там поддержки для своего протеже. Он хвастался, что разбирается в ситуации во всех 130 изби-

рательных округах и знает, кому нужно позвонить, если затруднения возникают у кандидата из любого из них. При этом во фракцию принимали всех — Танака не отказывал никому. В то время как другие группы внутри ЛДП могли отказать кандидату в поддержке, если он не имел, к примеру, достаточных связей, то двери «Клуба четверга» были открыты для всех, включая отвергнутых другими фракциями.

Критический момент настал сразу после начала судебного процесса. Более десятка кандидатов, связанных с Танака, проиграли выборы, поскольку за пределами Ниигата его вовсе не считали героем и связь с ним могла сильно испортить имидж политика. Некоторые сторонники сами отказались от поддержки Танака. В итоге в декабре 1976 г. фракция насчитывала 76 человек — меньше, чем при создании. Однако те, кто остались верны своему главе, демонстрировали чудеса преданности: начинающий тогда политик Хасимото Рютаро попытался задушить парламентария от другой фракции, когда тот публично высмеивал его арестованного босса. Другим примером может служить Никайдо Сусуму, который, отвечая на вопрос журналиста о своем хобби, ответил: «Мое хобби — Танака Какуэй».

Спустя некоторое время ситуация начала складываться более благоприятно. В 1983 г. к «армии Танака» принадлежало уже 118 членов, или 40% членов парламента от ЛДП. Следующая по численности фракция сильно отставала и была на треть меньше. В том же году представитель фракции впервые выиграл выборы в префектуре Киото, которая долгое время была оплотом «левых» партий. Если сразу после начала процесса кандидаты боялись пожать Танака руку, то к его концу они уже боялись этого не сделать. Более того, фракция руководствовалась принципом «кто не с нами, тот против нас» — поэтому если кандидат отказывался от приглашения вступить в нее, он автоматически превращался во врага и объекта травли. Политик терял место в парламенте (что в условиях Японии означает политическую смерть). Так произошло, к примеру, с членами кабинета Мики (включая министра юстиции, который санкционировал арест Танака в 1976 г.). Когда в начале 1981 г. Танака оказался в больнице, множество парламентариев последовали за машиной скорой помощи, при этом один из них, оказавшись в пробке, вышел на улицу и бежал до госпиталя по городу, чтобы справиться о здоровье босса.

Внутрипартийная борьба 1980-х гг. была менее интенсивной, в результате Накасонэ Ясухиро смог продержаться у власти половину десятилетия. Судзуки унаследовал фракцию Охира, а Фукуда и Танака согласились на его кандидатуру на кресло премьера. Однако вскоре выяснилось, что Судзуки совершенно неспособен быть лидером, и только невозможность прийти к компромиссу по поводу преемника позволила ему продержаться еще два года. Незадолго до выборов лидера партии в ноябре 1982 г. Судзуки неожиданно ушел в отставку, не выдержав критики с разных сторон. Тогда руководство фракций Танака и Судзуки решило поддержать Накасонэ на выборах. Тот в своей предвыборной агитации пообещал сократить дефицит бюджета путем сокращения расходов на муниципальное строительство, приватизацию железных дорог и некоторых других предприятий и даже (что в целом для японских политиков нехарактерно) попытался сдержать обещание. Наиболее влиятельным человеком при Накасонэ был, разумеется, Танака. Пресса, к примеру, окрестила кабинет «Танакасонэ», играя словами: первый иероглиф в фамилии премьера совпадал с последним в фамилии его закулисного покровителя. Хотя из-за скандала с делом Локхид Танака

не мог занимать посты сам, члены его фракции (формально возглавляемой Никайдо Сусуму) получили шесть постов в первом кабинете Накасонэ. Сам же Накасонэ был чрезвычайно удобным ставленником. Как глава небольшой фракции он давно научился подстраивать собственные политические взгляды под более удачливых коллег по политике с тем, чтобы усилить собственные позиции. Кроме того, у Танака и Накасонэ был общий враг — Фукуда. С последним Накасонэ делил один избирательный округ — Гумма 3 — и взаимная неприязнь уходила корнями в постоянное соперничество во время предвыборных кампаний.

Танака регулярно звонил подопечным премьерам Охира, Судзуки и Накасонэ, «консультируя» их относительно государственной политики. Фракция держала в своих руках и ключевые организационные структуры партии — от бюджета до комиссии по выборам (одобряющей кандидатов). При этом официально Танака не принадлежал к ЛДП и даже не возглавлял свою фракцию. Единственный символический пост, который он сохранил, — место в дисциплинарном комитете парламента. После обвинительного приговора оппозиция пыталась вынудить Накасонэ устроить голосование по поводу исключения Танака из парламента. Премьер в конечном счете отказался и распустил законодательный орган, а внеочередные выборы 1983 г. оказались победоносными для фракции Танака — но не для ЛДП, которая лишилась 36 мест в нижней палате, причем три из них принадлежали до этого членам кабинета министров. Фракция Танака потеряла только два места; таким образом, ее пропорция действительных членов законодательного собрания значительно увеличилась. Кроме того, в парламенте впервые оказался усыновленный зять Танака — Наоки, который баллотировался от префектуры Фукусима. Сам Танака на своем избирательном участке получил рекордные 220 000 голосов — больше, чем во все предыдущие кампании, и в четыре раза больше, чем его ближайший соперник по избирательному округу.

Влияние Танака не ограничивалось ЛДП. Он оказывал существенное влияние и на партии оппозиции: Социалистическую, Социал-демократическую, Комэйто. Политики от этих партий точно так же нуждались в деньгах для предвыборных кампаний и получали их в самых разных формах: от выигрыша в маджонг до огромного букета цветов, украшенного банкнотами, и единственными, кто принципиально не принимал финансовых пожертвований от Танака, были члены КПЯ. В отдельных случаях Танака даже мог открыто поддерживать кандидатов, если идеология партии этому не противоречила (так происходило, к примеру, с Комэйто). Хотя идеологическое противостояние сохранялось, лучше всего ситуацию характеризуют слова самого Танака: «Хотя я критиковал Социалистическую партию, я никогда не порицал старика Исибаси[51]. И Исибаси тоже много ругал ЛДП, но он никогда не ругал меня». Хотя оппозиция была в парламенте в меньшинстве, она могла эффективно препятствовать продвижению законопроектов ЛДП, бойкотируя голосования, не пропуская спикера к его месту и нарочито медленно голосуя (один кандидат мог передвигаться от своего места до урны для голосования в течение получаса). В таких условиях необходим был механизм для того, чтобы договариваться с оппозицией. И фракция Танака выработала такие механизмы, монополизировав

[51] Глава СПЯ в 1983–1986 гг.

взаимодействие с оппозицией. Накануне голосований по спорным законопроектам представители «армии Танака» встречались с оппозиционерами в ресторанах, продумывая сценарий на завтра. В итоге создавалась видимость противостояния — с криками, даже потасовками, но всё это неизменно планировалось заранее, а голосование проходило так, как было выгодно ЛДП. В середине 1980-х при посредничестве Танака также удалось вернуть в партию «Новый либеральный клуб» — откололовшуюся фракцию молодых идеалистов, вышедших из ЛДП в 1976 г. в знак протеста против коррупции и скандала Локхид.

Аналогичным образом выстраивались отношения и с бюрократами. Так, Бо Хидэо, преемник Танака на посту министра финансов, вспоминал, что, когда он вступил в должность, один из старших чиновников рекомендовал ему поступать так же, как предшественник: распространять подарки по случаю Нового года и летних праздников, начиная с косметики и шарфов для младшего персонала и заканчивая денежными суммами в районе 500 000 иен начальникам отделов и выше (которых в министерстве насчитывалось около 200). Танака ввел практику лично оплачивать заграничные командировки чиновников. Также утверждали, что после него стандартные чаевые министерской охране выросли в 10 раз. Но простым подкупом стремление понравиться бюрократам не ограничивалось: Танака запоминал имена, дни рождения, семейные обстоятельства и хобби своих подчиненных и в беседе неизменно интересовался их делами. И, что более важно, он умело играл на противоречиях между различными группировками как внутри министерств, так и между крупными министерствами. Служа посредником, он оказывал влияние на бюрократию в целом. Были у него и «любимчики»: Министерство транспорта, через которое он продвигал значительную часть своих дорогостоящих проектов, он поддерживал значительно чаще других. После отставки чиновников Танака способствовал как их повторному трудоустройству в государственные и полугосударственные компании, так и началу их политической карьеры. Только на выборах 1983 г. девять новоиспеченных парламентариев из его фракции были отставными бюрократами.

Главное, что стоит отметить: *дзоку* — аффилированные с той или иной бюрократической группой политики — сформировались именно в период влияния Танака. Если до этого они представляли собой сравнительно аморфные группы, то в 1970–1980-е гг. они стали институционализированными объединениями с жесткой внутренней иерархией и четким кругом вопросов, которые они могли курировать. Сам Танака курировал четыре *дзоку*: торговли и индустрии, строительства, почты и телекоммуникации, финансов. Кроме того, как отмечает Ч. Джонсон, именно с Танака началось наступление на бюрократию, которое триумфально завершилось значительно позже, уже после его смерти.

Конечно, прочные связи у Танака установились и миром бизнеса. Здесь уже он не распространял средства, а напротив, получал их за множество различных услуг, которые мог оказать: в первую очередь, за снижение налогов в конкретной отрасли или отмену какого-либо регулирования. При этом надо помнить, что значительная часть бюрократического регулирования в Японии осуществляется неофициально в форме «административного руководства». Оно нигде не установлено законодательно, но избежать его чрезвычайно трудно. Танака мог выступать в качестве посредника между бюрократами и корпорациями, имея с этого неплохой доход. Кро-

ме того, он часто выступал и в качестве посредника между двумя корпорациями, получая процент от выгодных сделок, — именно это произошло в случае с Локхид.

Главная индустрия, цитадель Танака — конечно, строительный бизнес. Он обеспечивал заказами не только собственную компанию. За время, когда он был членом парламента, в Ниигата выросла целая плеяда крупных строительных контор, не принадлежавших ему. Крупнейшими из них были Фукуда и Уэки. При нем же сформировалась, как упоминалось, и стандартная сумма «отката» со стороны строительной компании, выигравшей государственный заказ, — 3%. В период доминирования Танака расходы на строительство составляли около 20% ВВП, около 10% работоспособного населения было занято в отрасли. Фракция пролоббировала собственно создание министерства, до этого имевшего лишь статус агентства. Но строительный бизнес был не просто выгодным вложением средств, он, как уже отмечалось, был аналогом социального обеспечения для аграрных регионов, основным каналом, по которому поступали средства из урбанизированного столичного округа в провинцию.

Падение Танака с вершин власти было организовано в итоге его ближайшими соратниками. Основной причиной предательства со стороны некогда преданной группы было, скорее всего, нежелание Танака уйти со сцены и даже назначить возможного преемника. Он запрещал членам своей фракции участвовать в гонке за пост премьер-министра, надеясь, что он сам сможет когда-нибудь вернуться в это кресло. «Заговор» был составлен тремя ближайшими и давними соратниками: Такэсита Нобору, Канэмару Син и Одзава Итиро. Все трое были связаны, помимо прочего, семейными узами (см. раздел о семейных связях). Первые двое вошли в политику в 1950-х гг., последний — в конце1960-х. Дж. Шлезингер в связи с этим уподобляет Одзава Бруту, а Такэсита и Канэмару вместе — Кассию.

Такэсита и Канэмару впервые были избраны в парламент в 1958 г. и с тех пор работали в паре. Канэмару, как правило, исполнял роль закулисного манипулятора и переговорщика, тогда как Такэсита был официальным «лицом» этого тандема. Схоже было и их происхождение: оба были старшими сыновьями зажиточных провинциальных семей, основным бизнесом которых было производство *сакэ*. Канэмару Син происходил из префектуры Яманаси, Такэсита — из Симанэ. Отцы обоих участвовали в политической жизни, но на региональном уровне.

Канэмару никогда не отличался блестящими успехами в учебе. Он окончил второстепенный Токийский сельскохозяйственный университет и до войны работал учителем биологии и *дзюдо* в школе. Затем он был призван в армию и провел восемь месяцев в Маньчжурии, после чего был демобилизован по состоянию здоровья. Вернувшись домой, Канэмару возглавил семейный бизнес, который под его руководством приносил неплохие доходы. В 1941 г. он женился, однако это не удержало его от ведения крайне разгульного образа жизни. В последние годы войны и сразу после ее окончания Канэмару уже стал выступать в качестве лидера местного сообщества, помогая проводить в жизнь проекты сначала имперских, а затем и оккупационных властей.

Такэсита, напротив, был хорошим учеником. Он поступил в престижный университет Васэда, однако, не окончив обучения, был призван в армию. Служба проходила на территории Японии, но вскоре после его призыва первая супруга Такэси-

та покончила с собой — это событие наложило неизгладимый отпечаток на будущего политика, всю оставшуюся жизнь он был крайне мрачным человеком. После окончания войны он женился вторично и стал учителем английского языка. Тогда же вступил в молодежную ассоциацию своей префектуры, быстро пробился в главы этой организации и при ее поддержке выиграл выборы в префектуральное собрание в возрасте 27 лет.

В конце 1950-х Такэсита и Канэмару оказались в парламенте и быстро сдружились. Оба испытывали серьезные материальные трудности после избрания — это вскоре и привело их во фракцию Танака, известную щедрыми стипендиями своим членам. Такэсита сумел прославиться уже к 1960-м гг., когда в парламенте (как и во всем обществе) проходили ожесточенные дебаты по поводу заключения Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности с США (1960 г.). Оппозиция блокировала начало парламентской сессии, не давая спикеру добраться до его места. Канэмару, прекрасно развитый физически, поднял престарелого однопартийца на руки и буквально втащил его на трибуну, таким образом сведя на нет протест оппозиционеров.

В 1968 г. Канэмару и Такэсита породнились: сын первого женился на дочери второго. Когда через три года Такэсита получил престижный пост секретаря кабинета министров, что было вполне ожидаемо, учитывая его способности, Канэмару внезапно оказался представителем ЛДП в одном из ключевых парламентских комитетов. Как выяснилось позднее, партийные боссы решили продвинуть Канэмару в результате его родственных связей с Такэсита — свояки, равные по положению в семье, никак не могли занимать неравное положение в партии. Канэмару воспользовался этим шансом, чтобы создать прочные связи с представителями оппозиционных партий из того же комитета. При этом он не пренебрегал методами своего политического патрона Танака: угощал оппозиционеров в дорогих ресторанах, много проигрывал им в маджонг, посылал дорогие подарки в честь праздников не только им самим, но даже их женам.

Одзава Итиро был парламентарием во втором поколении: его отец Саэки впервые был избран в 1946 г. от префектуры Иватэ. Поскольку отец проводил большую часть времени в Токио, Итиро воспитывала по преимуществу мать. Именно она привила ему амбиции, а также гордость за самурайских предков Одзава. Итиро не отличался блестящими способностями, и его мечта поступить в Токийский университет не осуществилась, он окончил чуть менее престижный частный университет Кэйо. В 1968 г. Саэки скончался, и Итиро решил (по настоятельной рекомендации матери) баллотироваться в парламент. Место в законодательном собрании ему далось без особых трудов, поскольку он унаследовал группу поддержки от отца, и в 1969 г. Одзава Итиро вошел в состав законодательного собрания. Он получил благословление и поддержку Танака еще до избрания. Последний испытывал большую привязанность к младшему коллеге: он напоминал ему сына, который родился, как и Одзава, в 1942 г., но умер в возрасте трех лет. В 1973 г. Танака устроил брак Одзава с дочерью строительного магната Фукуда. Вторая дочь Фукуда впоследствии вышла замуж за сводного брата Такэсита Нобору — таким образом, все трое главных приспешников Танака оказались связаны между собой родственными узами. С 1974 по 1980 г. Одзава был главой парламентского комитета по строи-

тельству, укрепляя связи с индустрией своего тестя. Во время суда над Танака Одзава проявил наибольшую преданность из всех членов его фракции. Он (единственный среди политиков) посетил все 191 заседание суда и в конце каждого вставал и неподвижно провожал своего патрона глазами, низко склоняясь, когда встречался с ним взглядом.

К середине 1980-х гг., однако, недовольство Танака внутри его собственной фракции возрастало. В то время, как в других фракциях главы постепенно, но все же уступали место молодым, глава «Клуба четверга» объявил, что собирается пробыть у власти как минимум ближайшие десять лет. Для наиболее вероятного преемника — Такэсита Нобору — это означало, что до места руководителя фракции он доберется не ранее возраста 70 лет. В 1984 г. от Танака откололся один из его давних сторонников, Никайдо Сусуму, который нарушил запрет босса и попытался занять пост премьера, правда, был с легкостью разгромлен бывшим покровителем.

Танака заявлял, что смена власти в «семье» может произойти только со смертью «отца» — давая понять, что не откажется от власти, пока жив. Такэсита не стал ждать смерти покровителя и решил побить Танака его же оружием. За 1984 г. он сумел различными способами привлечь больше средств, чем все остальные члены фракции вместе, — и практически все эти финансы были распределены между младшими членами «армии Танака». Канэмару не отставал и, будучи мастером закулисных переговоров, сумел с помощью посулов различных должностей привлечь на их с Такэсита сторону большинство молодежи фракции, включая даже Одзава.

Заговор был составлен в декабре 1984 г. Вначале группа, помимо Канэмару, Такэсита и Одзава, включала всего четверых других членов фракции. Однако в результате тайных переговоров и ночных встреч за месяц она выросла до примерно двух десятков человек. Набрав необходимое количество сподвижников, «заговорщики» поступили в чисто японской политической манере — организовали собственную исследовательскую группу, которую назвали «Кружок созидательной политики». По недосмотру Танака вначале даже благословил создание кружка, не заподозрив ничего опасного для себя. Но вскоре ему пришлось опомниться: в кружок записалось около 70 членов его фракции, а на заседаниях практически открыто ставилась цель сделать Такэсита Нобору премьер-министром. За несколько недель угрозами и переговорами Танака удалось сократить число новоиспечённых противников до 40. Но здоровье бывшего премьера не выдержало. Врачи и до этого советовали ему меньше употреблять алкоголя, поскольку он страдал повышенным давлением. В течение февраля 1985 г. он стал систематически злоупотреблять спиртным, и 27-го числа у Танака произошел инсульт, после которого он так и не оправился до смерти: он был частично парализован, практически не способен говорить.

Большая часть фракции Танака в результате примкнула к Такэсита и Канэмару, а две меньшие группки перешли под руководство Никайдо Сусуму и Тамура Хадзимэ. Однако триумф бывших заговорщиков не последовал незамедлительно. Такэсита и его сторонникам потребовалось еще два года, чтобы привлечь на свою сторону остальных членов фракции — настолько внушительной фигурой был Танака, что, даже став недееспособным, он продолжал производить впечатление сильного политика. Он даже был переизбран в парламент в июле 1986 г., хотя ни разу не появился на публике за всю кампанию, за него было отдано 179 000 голосов. Быв-

шие заговорщики постепенно набирали силу и собирали вокруг себя бывшую «армию Танака». Такэсита был избран на чрезвычайно престижный пост генерального секретаря ЛДП, что, как правило, предшествовало назначению на должность премьера. Прямые наследники бывшего премьера оказались слишком слабыми фигурами. Так, усыновленный зять Танака потребовал от премьера Накасонэ, чтобы тот лишил Такэсита поста, но глава правительства отказался. В июле 1987 г. Такэсита, Канэмару и Одзава официально покинули «Клуб четверга» и создали собственную фракцию под названием Кэйсэйкай («Общество мудрого правления»), к которой присоединились 113 членов (из 120) бывшей фракции Танака.

Если ранее синонимом власти в Японии было Мэдзиро — район, где располагалась усадьба Танака, то теперь стал использоваться термин «Кон-Тику-Сё» — «аббревиатура» по верхним чтениям первых иероглифов трех фамилий: Канэмару, Такэсита и Одзава соответственно. В период теневого (по большей части) доминирования этой триады происходили незаметные, но существенные изменения в японской экономике и политике. Если финансовые потоки набирали обороты (в основном за счет «мыльного пузыря» — денег, получаемых от игры на бирже), то ожесточенность борьбы в политике, напротив снижалась. Если Танака создавал систему «денежной политики» и часто должен был с боем продвигаться вперед, то его политические наследники не должны были ничего создавать, их основной задачей было поддержание созданной до них системы. Такэсита, став в итоге премьером, был, в отличие от Танака, установившего дипломатические отношения с КНР, одной из самых блеклых фигур на этом посту. Ключевым словом в его риторике был «консенсус». Он не предложил никакой, пусть и несбыточной, политической программы, ограничиваясь в выступлениях общими словами. Главный пропагандистский ход его кабинета был нелепым воплощением «политики денег»: Такэсита призвал развивать *фурусато* (яп. «малая родина») и выделил каждому муниципалитету (всего около 5000 в стране) по 100 млн. иен на проекты, которые должны были продемонстрировать культурную уникальность каждого из них. Средства запрещалось расходовать на какие-либо практически значимые цели. Воплощение проекта было не менее нелепым, чем задумка: по всей Японии появились музеи НЛО, общественные туалеты невероятных размеров и конструкций. А власти городка Цуна (преф. Осака) были наиболее прямолинейны: в городском парке на всеобщее обозрение был представлен золотой слиток весом 62,7 кг — чтобы жители города могли «своими глазами увидеть, как выглядят 100 млн. иен». Ради соблюдения баланса сил Такэсита был готов отказаться от любых более или менее внятных утверждений. В частности, он не демонстрировал четкой позиции по поводу милитаристского прошлого Японии, уклончиво отвечая, что это слишком сложный вопрос и его должны решать историки будущих поколений. Машина «денежной политики» настолько впитала в себя все фракции ЛДП и даже оппозицию, что в этот период члены парламента были дальше всего от своего электората, для которого фактически не осталось альтернатив.

Власть тандема двух фракций продолжалась до 1988 г., когда случился скандал с фирмой Recruit, скомпрометировавший и Такэсита, и Накасонэ. Им пришлось отойти в тень и выбрать на пост премьера малозначительную фигуру Уно Сосукэ.

Скандал с Recruit оказался масштабнее, чем с Локхид. Фактически оказался дискредитирован весь японский истеблишмент. Эдзоэ Хиромаса, нувориш, в чем-

то похожий на Танака, основал крупную рекламную и издательскую компанию. Скорее всего, глава Recruit Эдзоэ активно готовился к периоду после ухода Накасонэ и, возможно, даже к собственной политической карьере на манер Танака Какуэй. Вряд ли случайно Эдзоэ в последние годы активно развивал бизнес в префектуре Иватэ: скорее всего, он имел намерение баллотироваться оттуда. Было еще одно сходство с Танака: Эдзоэ был таким же «выскочкой», чужаком в мире бизнеса (*дзайкай*), не пользовался большим уважением со стороны бюрократов и политиков, хотя официально числился 29-м по количеству индивидуально уплачиваемых налогов. Своими инвестициями он стремился повысить собственный статус. Это стремление нашло встречное течение — Накасонэ имел сравнительно слабую финансовую базу и потому не мог расширять собственную фракцию. Возможно, он имел намерение сделать из Эдзоэ своего постоянного спонсора.

Впервые упоминание о его коррупционных схемах появилось в прессе в связи с местным чиновником индустриального пригорода Токио Кавасаки. Однако дело начало набирать обороты, и вскоре все без исключения крупные политики оказались замешаны в скандале. Особую пикантность делу придавало то, что в декабре 1988 г. недавно назначенный министр юстиции лично гарантировал подробнейшее расследование, но сам вышел в отставку спустя три дня после назначения, поскольку оказалось, что и он получал средства от Эдзоэ.

Но главным фигурантом скандала стал Такэсита. Общественное недовольство им подогревалось и готовящейся налоговой реформой. Пресса активно представляла (и вполне справедливо) ее как снижение налогов на роскошь при повышении налогов, затрагивавших основную массу населения: к примеру, налог на яхты и автомобили класса «люкс» должен был снизиться с 20–30 до 3%, тогда как основная масса потребительских товаров должна была облагаться «налогом на потребление». Кроме того, желая заручиться поддержкой США, Такэсита «приоткрыл» рынок Японии, снизив тарифы на ввозимые цитрусовые и говядину, а также вел переговоры об отмене заградительных тарифов на ввоз риса — что также не добавляло ему популярности у электората[52]. В итоге уровень поддержки премьера быстро сократился до 3,9%.

Когда махинации вскрылись, суть обвинений сводилась к двум основным пунктам: 1) распространение по дешевке акций одной из дочерних фирм холдинга Recruit среди политиков до выхода на биржу; впоследствии акции, естественно, взлетели в цене и покупатели получили огромную прибыль. В декабре 1984 г. Эдзоэ Хиромаса предложил 1 250 000 акций компании Recruit Cosmos 76 политикам, бюрократам и бизнесменам. Цена была номинальной: 1200 иен за акцию. Затем в сентябре 1986 г. 760 000 акций дополнительно было предложено еще 83 представителям власти и бизнеса по 3000 иен за штуку. Спустя месяц Recruit Cosmos была зарегистрирована на Токийской фондовой бирже. Официальная цена акций моментально взлетела до 5270 иен за штуку. Большинство держателей акций тут же стало их продавать, получив, таким образом, выгоду от 2300 до 4000 иен за акцию. Учитывая, что пакеты составляли от 5 до 30 тысяч на человека, прибыль составила в среднем от 10 с лишним до 120 млн. иен. 2) покупка невероятного количества биле-

[52] Основу электората ЛДП неизменно составляли сельские округа.

тов на выступления и вечера поддержки известных политиков по завышенным ценам. В первую очередь речь шла о премьере Такэсита Нобору.

В скандале были замешаны представители практически всех крупных фракций: Накасонэ, Ватанабэ, Фудзинами, Ямагути (из фракции Накасонэ), Миядзава, Като, Курихара, Хамада из фрацкии Миядзава, Абэ Синтаро, Като, Мори, Хасэгава из фракции Абэ, Такэсита, Харада, Обути, Одзава, Аити из фракции Такэсита, Цукамото и Танака из Партии социал-демократов, Уэда из Социалистической партии, Икэда Кацуя из партии Комэйто и бывший премьер Танака Какуэй.

Скандал имел серьезные последствия и изменил расстановку сил в японской политике: премьер Такэсита вышел в отставку и стал пользоваться в собственной фракции чуть меньшим влиянием, уступив Канэмару Син. Бывший премьер Накасонэ был вынужден покинуть ЛДП, а его фракцию захватил Ватанабэ Митио.

Премьером был выбран Уно Сосукэ, но спустя несколько недель после создания его кабинета он был расформирован в результате нелепого скандала: одна из токийских гейш поведала прессе, что некоторое время была любовницей премьера.[53] В результате спустя 68 дней после вступления в должность Уно вынужден был уйти в отставку. Было необходимо найти еще одну незначительную фигуру, которая бы выполняла функции премьера до следующих выборов, когда премьером планировали сделать Абэ Синтаро. На совещании, которое было посвящено выбору новой кандидатуры, случайно всплыло имя Кайфу. Канэмару спросил, имеет ли он связи на стороне, на что ему ответили, что Кайфу слишком боится своей жены, — этого было достаточно, чтобы его избрали следующим премьером. Кайфу Тосики был фигурой средней величины из фракции Комото с безупречной репутацией. Он неожиданно удачно выступил на выборах, а все участники скандала Recruit также были переизбраны от своих округов.

В конце 1980-х – начале 1990-х фракция Такэсита оставалась наиболее влиятельной в ЛДП. Ей систематически предоставлялись портфели в кабинете. Но основу составляла «теневая» власть. При этом если разница между официальным лицом власти и ее тайной оборотной стороной, несомненно, существовала и до этого, то именно в годы правления триады «Кон-Тику-Сё» эта разница резко возросла. Официальные лица (премьер-министр, председатель ЛДП) сменялись по указке «теневых сёгунов». Такэсита по этому поводу шутил следующим образом: «Использовать и убирать. [Популярные] певцы — один год, председатели партии — два», — хотя на самом деле два года были бы рекордно долгим сроком для пребывания политика в этой должности. Когда Такэсита оставлял свой пост, Джордж Буш-старший направил ему телеграмму, в которой просил о дальнейшем сотрудничестве. И действительно, после отставки бывший премьер не раз посещал США. Если премьеры, которых «назначал» Танака, имели пусть меньший, но собственный вес в политике, то те, кто оказался в этом кресле по воле Такэсита, — Уно Сосукэ, Кайфу Тосики — были совершенно незначительными, почти случайными фигурами. Они не обладали ни опытом ведения государственных дел, ни собственной властной базой, поэтому полностью зависели от триады патронов.

[53] Возмущение при этом вызывал не факт супружеской измены, связь с подобного рода женщинами не порицалась, а являлась неким аналогом игры в гольф или посещения высококлассных ресторанов — показателем статуса; неприемлемо было то, как Уно обращался с любовницей. Суть претензий сводилось к тому что он пренебрегал ею и платил ей слишком мало.

Влияние «Кон-Тику-Сё» распространялось и на оппозиционные партии. В 1991 г. председателем СПЯ был избран Танабэ Макото; основным аргументом в его пользу было то, что он был в хороших отношениях с Канэмару и Одзава. Первый не раз использовал свое влияние, чтобы поддержать Танабэ; второй даже путешествовал с Танабэ по Европе.

В начале 1990-х гг. в «теневом» секторе власти на первый план выдвинулся Канэмару. Он уже был в летах (75 лет), испытывает проблемы со здоровьем (диабет, подозрение на рак желудка), на него несколько раз совершали покушения, он никогда не был премьером, но и не собирается им становиться. Последнее как раз помогало Канэмару быть закулисным манипулятором — другие политики не считали его конкурентом в борьбе за эту должность и поэтому больше ему доверяли. Пресса наградила Канэмару эпитетом «дон» по аналогии с главой мафии. Он стал активен и на международной арене: совершал множество заграничных визитов (КНР, КНДР, Южная Корея), пытался вновь развязать переговоры по поводу Южных Курил. Примечательно, что во время визита в Пхеньян его встречали на уровне главы государства: согнали пятидесятитысячную толпу, и состоялись три встречи с Ким Ир Сеном с глазу на глаз.

Проведя два года в кресле премьера, Кайфу неожиданно лишился поддержки своих покровителей. Встала необходимость выбрать нового премьера. Было три кандидатуры: Миядзава Киити, Мицудзука Хироси и Ватанабэ Митио. Всех троих ждала унизительная процедура «собеседования» в офисе Одзава: он был в лучшем случае на десять лет моложе кандидатов, во время «собеседования» лишь молча слушал, не задавая никаких вопросов, а затем передавал свои впечатления Канэмару. При этом Миядзава, Мицудзука и Ватанабэ в отличие от Уно и Кайфу были весомыми фигурами в политике. Примечателен также тот факт, что, когда было решено оказывать поддержку Миядзава, ему даже забыли об этом сообщить, и он узнал об этом случайно от одного из помощников.

В отличие от ближайших двех предшественников Миядзава все же имел определенный политический вес: он был парламентарием в третьем поколении, семейными узами был связан с владельцами крупнейших корпораций, окончил престижный Токийский университет, имел за плечами бюрократическую карьеру в Министерстве финансов, 40 лет в парламенте, несколько министерских постов. Он представлял собой элиту из элит Японии. Именно такой тип людей Танака Какуэй ненавидел: о Миядзава он говорил, что несмотря на родословную, тот годится не более чем в секретари, но никак не в политики, поскольку не умеет управлять людьми. Сам Миядзава считал Танака выскочкой и невежей. Он испытывал и плохо скрываемую неприязнь к Канэмару и Одзава. Но ради поста премьера Миядзава был готов унижаться перед ними. Первое время после вступления в должность премьер пытался проявлять самостоятельность и даже практически не встречался с Канэмару, но вскоре обнаружил, что не может провести ни одного решения через парламент из-за непримиримого противостояния оппозиции. После того как он буквально приполз на коленях к Канэмару в начале 1992 г., «дон» сменил гнев на милость: оппозиция оказалась неожиданно сговорчивой. В благодарность Миядзава стал советоваться с Канэмару по малейшему поводу, а также лично представил его Дж. Бушу во время саммита в Токио, и вскоре Канэмару получил приглашение в Белый дом.

Финансовая мощь тройки «Кон-Тику-Сё», как и прежде, базировалась на строительной индустрии. Все трое были связаны с главами крупных компаний родственными связями. Канэмару в течение года был министром строительства. Он быстро оставил пост, но долгое время был председателем соответствующего отраслевого комитета ЛДП, главой нескольких ассоциаций, связанных с отраслью: к примеру, Национального общества по консервации рек и Национальной ассоциации предупреждения стихийных бедствий.[54] Что касается Одзава, то его отец некогда был министром строительства и когда он в 1969 г. впервые столкнулся с чиновниками министерства, они уже встречали его «как своего». Вполне предсказуемо, что с середины 1980-х гг. Симанэ, родная префектура Такэсита, стала обгонять Ниигата, откуда происходил Танака, по объему финансирования строительных проектов: все работы в регионе на две трети оплачивались из центрального бюджета, доля этих ассигнований в пересчете на душу населения превосходила все остальные префектуры. Также Симанэ стала лидировать по количеству музеев и галерей на душу населения, в префектуре появилось три крупных аэропорта. Не отставал и Канэмару: в его префектуре Яманаси, к примеру, кроме прочего, был сооружен крупный мост, который стал (неофициально) носить его имя: «Син-тян баси» — «Мост старика Сина». Уровень доходов в этой префектуре вырос с 37-го до 27-го места (в стране). В Яманаси проложили одну из первых линий сверхскоростных поездов на магнитной подушке — если отбросить все прочие обстоятельства, выбор именно этого региона был по меньшей мере странным.

Необходимо, тем не менее, отметить, что бум дорогостоящего строительства рубежа 1980–1990-х гг. затронул, конечно, не только Яманаси, Симанэ и Иватэ. В этот период появились сверхсовременный аэропорт Кансай на искусственном острове близ Осака и скоростная магистраль под дном Токийского залива, которая стала самым широким подземным тоннелем, а также другие не менее амбициозные проекты. Больше всего откатов шло Канэмару, который дважды в год получал по 10 млн. иен от каждой из крупных строительных фирм Японии. Доходы Такэсита и Одзава от индустрии были на этом фоне скромнее, но все равно весьма значительны. При этом взятки и откаты предоставлялись не только в форме денежных средств или других махинаций. Нередко политики получали в дар предметы искусства и тому подобные вещи, которые стоили невероятных денег. Канэмару выстроил роскошный особняк в Токио, а его жена приобретала недвижимость за рубежом. Он снимал офис за 2,5 млн. иен в месяц. По воспоминаниям его помощников, в офисе сотрудники повсюду натыкались на пачки с деньгами, которые уже не вмещал сейф — весь офис, по сути, представлял собой большой сейф с деньгами.

Вскоре последовал скандал с Сагава Кюбин, который был во многом похож на Recruit и на этот раз убрал с политической арены Канэмару. Основатель компании

[54] Последние два комитета не случайны и связаны между собой. Вопреки широкой известности японских землетрясений и тайфунов наиболее часто встречающимся природным бедствием для Японии всё же являются разливы рек с последующим наводнением. Поскольку реки Японии в силу рельефа горные, разливаются они чрезвычайно быстро и непредсказуемо. Укрепление, фактически бетонирование, речных берегов было главной мерой противодействия разрушительной силе наводнений, а также огромным строительным проектом, охватившим всю страну и потребовавшим огромных вложений. Несомненно, больше всего на противодействии наводнений заработали строительные компании и производители бетона.

Сагава Киёси также начал с нуля в 1957 г. и к 1992 г. был владельцем второй по величине компании по доставке грузов с годовым оборотом 800 млрд. иен. Как и Эдзоэ, он был аутсайдером для бизнес-элиты и, как все предприниматели, страдал от излишнего контроля со стороны бюрократии. Единичная взятка Канэмару в 1990 г. составила 500 млн. иен (хотя вряд ли дело ограничилось этой суммой). Помимо денег, Сагава осуществлял связь Канэмару с криминальным сообществом. Являясь кредитором многих *якудза*, Сагава передавал им поручения Канэмару и даже устроил встречу политика с главами криминальных кланов. 6 марта 1993 г. Канэмару и его помощник были арестованы по обвинению в уклонении от уплаты налогов. Вскоре за ним последовали многие коллеги по политическому цеху, а также бизнесмены, предоставлявшие средства.

Канэмару достаточно легко ушел от ответственности: он уплатил смешной по меркам его доходов штраф в 200 000 иен и был выпущен на свободу. Ссылаясь на состояние здоровья, он сумел уйти как от допросов следователей, так и от разбирательства в парламенте. Тем не менее, он был вынужден оставить место в законодательном собрании, что положило конец его политической карьере.

Следует обратить более пристальное внимание на коррупционные скандалы, поразившие ЛДП в 1970–1990-е гг.

Пик скандала с Локхид пришелся на 1976 г. Основные фракции ЛДП, включая Охира, пытались склонить премьера Мики к тому, чтобы взять всю вину на себя и уйти в отставку. Вместо этого в июле 1976 г. Мики приказал арестовать Танака. По мнению большинства политиков, это было несправедливым — и более того, слишком жестким методом политической борьбы. Большинство фигурантов было шокировано масштабом судебных разбирательств.

Коррупция, как отмечалось, заложена в структуре японской политики изначально. Ей подвержены без исключения все политики. Практически у всех среди помощников есть один, изначально выбранный на случай проверки «козлом отпущения», на которого спишут все нелегально поступавшие средства. Однако «попадаются» (в особенности до рубежа 1980–1990-х гг.) немногие. Поэтому со стороны может показаться загадкой, почему огромные потоки коррупционных средств проходят через руки политиков совершенно незамеченными, а из отдельных эпизодов, которые количественно составляют каплю в этом безбрежном океане, при публикации о них данных в СМИ может разразиться скандал, рушащий политические карьеры.

Многие исследователи, включая А. Ротхахера отмечают, что скандалы эти носят случайный характер и пресса выбирает «жертву» случайно. Однако, зная характер работы японских СМИ, поверить в это трудно. Кроме того, как отмечает тот же А. Ротхахер, взятки берут практически все политики, тем не менее в результате коррупционных скандалов пострадали лишь представители (главы) определенной фракции, они были полностью выведены с политической арены. Кроме того, у всех политиков были и другие случаи незаконного дохода — однако пресса и правоохранительные органы интересуются, как правило, только одним, малозначительным эпизодом. Как сказано выше, никто из потомков Танака, Такэсита или Канэмару не представлен на сегодняшний день в общенациональной политической элите, они были возвращены на тот же уровень, откуда вышли — провинциальный, либо занялись искусством.

При этом представители других политических фракций, по крайней мере руководители, в результате скандалов не пострадали или пострадали в несравненно меньшей степени. Самым широким по охвату фигурантов, пожалуй, был скандал с Recruit, но основной его жертвой пал Такэсита.

Следует обратить внимание и на компании, которые были привлечены к ответственности в результате этих пертурбаций. В одном случае эта компания была зарубежной, то есть соотносилась с японским бизнес-сообществом как внешний безличный фактор. В двух других компании, дававшие взятки, были успешными, но молодыми — так называемые «новые деньги». Сагава и Эдзоэ изо всех сил пытались купить себе место в японском истеблишменте, но в отличие от, к примеру, Мацусита, избрали неверную стратегию.

Из всех участников триады Такэсита – Канэмару – Одзава, в сущности только последний сохранил определенное влияние и вес в политике, однако унаследовать крупнейшую в истории ЛДП фракцию и предотвратить ее развал ему не удалось.

Теоретически Одзава мог бы унаследовать политическую «машину» Такэсита и Канэмару после их ухода. Он был ближе всего к этому тандему из всей фракции, кроме того, вполне подходил по возрасту. Но для того, чтобы возглавить огромную фракцию, некогда созданную Танака, ему не хватало определенных человеческих качеств. Одзава был не менее амбициозен, чем его политический «отец». Но чем выше он поднимался по партийной лестнице, тем больше он игнорировал негласные правила этикета, присущие политическим кругам. Одзава не любил льстить, не вел разговоров «ни о чем», уделяя собеседнику ровно столько времени, сколько требовало решение рабочих вопросов. Если он был с кем-то не согласен, он не щадил чувств своих оппонентов, называя их мнение «дурацким», «абсурдным» и т.д. Он был слишком уверен в себе и не любил ни с кем советоваться при принятии решений (пусть даже формально). То же касалось и сбора средств — он не просил денег у представителей бизнеса, он их требовал, например, угрожая введением повышенных отраслевых налогов. Неожиданного успеха он достиг лишь на международной арене как раз благодаря тем качествам, которые мешали ему достичь власти в Японии. В 1988 г. Одзава почти случайно выбрали переговорщиком по поводу возможности входа американских компаний на строительный рынок Японии. В отличие от своих предшественников Одзава не отвечал уклончиво и сумел за восемь часов завершить переговоры, которые до него длились два года. Американская сторона осталась крайне довольна, и с тех пор Одзава неизменно выдвигали в качестве переговорщика практически по любым вопросам.

Одзава в итоге испортил отношения со множеством политиков как его собственной, так и других фракций. Наиболее ярким было противостояние с Хасимото Рютаро. В прессе его окрестили «война Ити–Рю», была выпущена даже книга комиксов по мотивам истории их вражды. Но главной ошибкой Одзава было противостояние со своим старшим коллегой по фракции Такэсита. Канэмару один из немногих поддерживал Одзава и готовил его в преемники. Однако он неожиданно и быстро лишился власти после дела с Сагава кюбин, и Одзава остался с противниками один на один. После ухода Канэмару ему удалось привлечь на свою сторону лишь 36 членов своей фракции (из 109).

Чтобы справиться с этой неудачей, Одзава из консерватора превратился в реформатора. Весной 1993 г. он выпустил «Проект создания новой Японии» — сочинение

на 258 страниц, в котором он изложил программу реформ. В 1993 г. только за первые месяцы книга Одзава разошлась тиражом 500 000 экземпляров. Из деятеля ЛДП он превратился в (теневого) лидера оппозиции. Методы он использовал те же: посулы постов в коалиционном правительстве в случае победы на выборах. «Звездный час» Одзава настал после победы ДПЯ на выборах, однако удержаться у власти этой партии не удалось, и на данный момент ее положение, судя по всему, скромное. В Японии не получилось двухпартийной системы, как предрекали в конце 2000-х гг.

Политическая борьба второй половины XX в. имела несколько уровней: противоборство фракций, противоборство разных бизнес-лобби, противостояние старых и новых людей во власти, наконец, противостояние «политической» и «бюрократической» системы управления. Основным механизмом устранения оппонентов были, как можно судить, коррупционные скандалы, поскольку из множества эпизодов структурной коррупции СМИ — в Японии совершенно несамостоятельные — как бы случайно выбирали те, которые в наибольшей степени порочили фракцию Танака и его преемников. Победа их противников означала в целом победу старых семей (и тех, кто сумел в них влиться) над недавно пришедшими в политику и бизнес. Однако, еще будучи у власти, «армия Танака», во-первых, сформировала в окончательной форме денежно-политическую машину, а во-вторых, начала наступление на другой сегмент элиты — бюрократию. Баланс сил окончательно сместился в сторону политиков к 2000-м гг., и плодами этой победы парадоксальным образом воспользовались политические наследники первоначально более близкого бюрократии Фукуда Такэо, противника бизнесмена Танака.

Выводы

Если обобщить информацию, которая представлена в доступных нам исследованиях о японской элите, можно выделить следующие результаты трансформации японского правящего слоя в 1950–2010-х гг.:

1. Для послевоенных десятилетий характерна консолидация и снижение конфликтности внутри правящего слоя. Хотя конфликты, несомненно, происходили, по сравнению с другими периодами японской и мировой истории в целом они носили сравнительно мягкий характер. Кроме того, конфликты приобрели по преимуществу «горизонтальный» характер, тогда как на более ранних этапах для японского общества были характерны и «вертикальные» конфликты.
2. Нынешняя японская элита замкнута на себе и практически безальтернативна. Ее оппоненты являются либо мнимыми, на самом деле включенными в систему, либо сильно маргинализированы и не обладают аналогичными ресурсами. Этим в основном объясняется ее устойчивость.
3. Для японской послевоенной системы, как и в предыдущие периоды, характерна коллегиальность управления. Это видно как на уровне политического истеблишмента, так и внутри государственных ведомств и коммерческих предприятий. Бывают, несомненно, исключения, однако в целом главной задачей остается не доминирование любой ценой, а напротив, соблюдение баланса сил, даже в ущерб другим интересам.
4. Помимо формальной принадлежности к одному из трех сегментов, японский правящий слой скрепляет ряд других институтов; в первую очередь это образование и семейные связи.
5. В последние десятилетия образование из социального лифта превратилось в инструмент сегрегации. Без достойного образования в настоящий момент невозможно присоединиться ни к одному из сегментов элиты, однако для его получения требуется постоянное подчинение внешнему контролю и значительные денежные средства. Кроме того, за годы учебы приобретаются не знания, необходимые для работы, а круг связей, необходимый для карьеры впоследствии. При этом образование эффективно маскирует социальное неравенство под меритократию.

6. В течение 1970–1990-х гг. происходил конфликт внутри японского правящего слоя, который фактически являлся противоборством представителей старых кланов с новыми. Новые люди в лице Танака и его фракции оказались в итоге дискредитированы, однако их деятельность наложила неизгладимый отпечаток на дальнейшее функционирование правящего слоя и ими были заложены основы для дальнейшей трансформации системы. В результате в политике и других сегментах элиты преобладает принцип наследственности.
7. В 1990–2000-е гг. произошел схожий процесс внутри бизнес-сообщества. В результате кризиса оно стало более консолидированным. В более выигрышном положении оказались старые индустриальные *кэйрэцу* (в первую очередь Сумитомо и Мицубиси), чем новые группы предприятий.
8. В 1980-е – начале 2000-х гг. происходило совместное наступление бизнес-элиты и политиков на бюрократию. В результате позиции бюрократии оказались ослаблены. Изменения были закреплены административной реформой.
9. Из-за замыкания элиты на себе и низкой экономической динамики группы субэлиты также оказались ослаблены. Это выразилось в ослаблении влияния «групп интересов», неблагоприятной обстановке на рынке труда. Избирательная реформа усилила влияние ЛДП и сделала участие в выборах профессиональных ассоциаций не нужным власти. Единственная близкая к власти группа, которая не утратила позиций, — СМИ.
10. В современном японском обществе продолжают сохранять свой авторитет старые институты. В частности, в семейных сетях одним из показателей места в иерархии служит близость к императорской семье. Другим примером могут быть «отголоски» борьбы XIX в. и во второй половине XX в. среди представителей истеблишмента можно найти значительное количество потомков победившего в эпоху Мэйдзи клана Тёсю, начиная с недавнего премьер-министра Абэ Синдзо.

Литература

Панов А.Н. Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 224 с.

Сенаторов А.И. Очерки административной реформы в Японии. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2004. 206 с.

Спицына К.А. Главные руководители японских компаний: практика работы. М.: Финансы и статистика, 1999.

Akhavan Majid R. The Press as an Elite Power Group in Japan // Mass Communication Faculty publications. 1990.

Asako Y., Iida T., Matsubayashi T., Ueda M. Dynastic Politicians: Theory and Evidence from Japan // Japanese Journal of Political Science. Cambridge, 2015. Vol.16, sp. issue 01. P. 5–32.

Dunlop K. Japan's "Nationality Clause" and the Changing Dynamics of Center-Local Politics // Monumenta Nipponica. Tokyo, 2011. Vol. 66, No. 2. P. 281–318.

Itoh M. The Hatoyama Dynasty: Japanese Political Leadership Through the Generations. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 286 p.

Johnson C. Tanaka Kakuei, Structural Corruption, and the Advent of Machine Politics in Japan // The Journal of Japanese Studies. Vol. 12, No. 1 (Winter, 1986). P. 1–28.

Kaplan D.E., Dubro A. Yakudza. The Explosive Account of Japan's Criminal Underworld. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1986. 336 p.

Kerr A. Dogs and Demons: Tales from the Dark Side of Japan. N.Y.: Hill and Wang, 2002. 432 p.

Krauss E.S. The Rise and Fall of Japan's Liberal Democratic Party // Journal of Asian Studies. Cambridge, 2010. Vol. 69, No. 1. P. 5–15.

Krauss E.S., Pekkanen R.J. The Rise and Fall of Japan's LDP. Political Party Organizations as Political Institutions. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 336 p.

Maclachlan P.L. The Electoral Power of Japanese Interest Groups: An Organizational Perspective // Journal of East Asian Studies. Boulder, 2014. Vol. 14, No. 3. P. 429–458.

Morikawa H. A History of Top Management in Japan, Managerial Enterprises and Family Enterprises. Oxford: Oxford University Press, 2001. 240 p.

Rotchacher A. After the Banquet: Japan's Power Elite Revisited // Asia Europe Journal. 2006. Vol. 4, No. 3. P. 399–416.

Rothacher A. The Japanese Power Elite. London: Macmillan, 1993. 312 p.

Scheiner E., Pekkanen R., Muramatsu M., Krauss E. When Do Interest Groups Contact Bureaucrats Rather than Politicians? Evidence on Fire Alarms and Smoke Detectors from Japan // Japanese Journal of Political Science. Cambridge, 2013. Vol. 14, No. 3. P. 283–304.

Schmidt C. Japan's Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite // Asien. Vol. 96. 2005. P. 46–67.
Schlesinger J.M. Shadow Shoguns: The Rise and Fall of Japan's Postwar Political Machine. Stanford: Stanford University Press, 1999. 366 p.
Schmidt C. Japan's Elite Networks at the Apex of Power // Hitotsubashi Journal of Social Studies. Tokyo, 2004. Vol.36, No. 2. P. 73–84.
Siniawer E.M. Befitting Bedfellows: Yakuza and the State in Modern Japan // Journal of Social History. Oxford, 2012. Vol. 45, No. 3. P. 1–19.
Weathers C. Reformer or Destroyer? Hashimoto Toru and Populist Neoliberal Politics in Japan // Social Science Japan Journal. Vol. 17, No. 1. Oxford, 2014. P. 77–96.
Wolferen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. L.: Macmillan, 1989. 496 p.
Дзин Икко. Кэйбацу: Син токкэн кайкю: но сэйсю: но кэйфу (Семейные кланы: генеалогия и подъем привилегированного класса). Токио: Кадокава бунко, 2002 (1-е издание 1993). 415 с.
Курояма Мицуру. Дзимин-то-но сэйтай (Истинный облик Либерально-демократической партии). Токио: PHP, 2015. 410 с.
Мурасэ Синъити. Сюсё ни нарэнакатта отоко-тати (Политики, которые не смогли стать премьерами). Токио: Ёсикава ко:бункан, 2014. 396 с.
Осита Эйдзи. Дай Ко:тикай-но гякусю: (Ответный удар фракции Котикай). Токио: Кадокава, 2018. 320 с.
Осита Эйдзи. Дзию: минсю то:-но синсо: (Глубинные слои Либерально-демократической партии). Токио: Ист пресс, 2016. 432 с.
Сато Томоясу. Кэйбацу: Нихон-но ню: эсутабуриссюмэнто (Семейные кланы: новый японский истеблишмент). Токио: Риппу сёбо, 1981. 538 с.

А.А. Новикова

СРЕДНИЙ КЛАСС ЯПОНИИ:

1950–2010-е годы

Анна Андреевна Новикова — японовед, аналитик

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рост благосостояния и его причины 136
Рост уровня жизни 143
Welfare state по-японски 146
Образ жизни японского среднего класса 152
Профсоюзное движение 162
Нарастание экономического неравенства 165
Неолиберальные реформы 176
Социальные последствия неолиберальных реформ 187
Самовосприятие японского среднего класса и проблемы его исследования 194
Выводы 201
Литература 203

Рост благосостояния и его причины

В послевоенные годы Япония переживала один из самых бурных в мировой истории рост благосостояния — подавляющее большинство населения ощутило на себе существенное увеличение доходов и повышение качества жизни. В результате к концу 1950-х гг. сформировался массовый средний класс, имущественное расслоение было умеренным и постепенно сокращалось в последующие годы, а общий уровень доходов рос практически без перерывов вплоть до начала 1990-х гг. По отношению к японскому обществу стали употреблять термин «общество бумажного фонаря», означавший, что сегменты населения с минимальными (низ фонаря) и максимальными (верх) доходами составляют малую долю, а основную часть общества занимает широкая «середина» с примерно одинаковым уровнем доходов.

В последние десятилетия исследователи выдвигали данному явлению самые разнообразные объяснения. Чаще всего в литературе можно встретить упоминания о следующих факторах, поспособствовавших формированию государства всеобщего благоденствия в Японии: продолжающийся несколько десятилетий экономический рост, противостояние капиталистической и социалистической системы, абсолютная суверенность национального государства (отсутствие вывода производств за рубеж, протекционистские тарифы и т.д.). В последние годы все эти факторы уходят в прошлое, а с их уходом пошатнулось и представление о Японии как о стране массового среднего класса.

Необходимо отметить, что первые два фактора (экономический рост и противостояние с соцлагерем) в значительной степени связаны между собой. Сразу после окончания войны произошла либерализация политической системы. Различные партии левого толка смогли вновь выйти на политическую арену и продолжить легальную деятельность — возможность, которой они не имели с конца 1920-х гг. Кроме того, авторитет СССР после победы во Второй мировой войне, а также после успехов коммунистических партий в Китае и Корее сильно возрос.

После падения милитаристско-националистической идеологии в японском обществе образовался духовный вакуум. Существовал риск, что на место «тэнноизма» придет социализм, чему весьма способствовал серьезный имущественный разрыв как в сельской местности, так и в городе — Япония первой половины XX в.

отнюдь не была эгалитарным обществом. В деревне к концу войны существовала массовая прослойка арендаторов и небольшая группа землевладельцев. В городе разрыв в уровне оплаты труда между «белыми» и «синими» воротничками также был высок. Всё это — не говоря о послевоенной разрухе и безработице.

После того как Холодная война стала набирать обороты, произошел коренной поворот в японской политике США как главной оккупирующей державы. Американцы стали видеть в Японии потенциально главного союзника в регионе — и его необходимо было усилить. Не последнюю роль играло «выращивание» массового среднего класса, чтобы составить достойную конкуренцию социалистическому блоку в смысле уровня жизни. Тем более что, за исключением Тайваня и Южной Кореи, Япония в Восточной Азии оказалась фактически в окружении стран социалистического блока. При этом Тайвань и Корея не достигали уровня Японии как демографически, так и по уровню развития промышленности. Поэтому деятельность США в качестве оккупирующей державы, а затем старшего союзника была направлена, явно или неявно, во-первых, на нивелирование в Японии имущественного разрыва, а во-вторых, на повышение уровня жизни в целом.

Значительную роль в сглаживании имущественного неравенства еще до окончания оккупации сыграла аграрная реформа — одно из главных социальных мероприятий, проведенных оккупационными властями. Несомненно, она стала одним из самых «уравнительных» во второй половине XX столетия в мире. При этом реформа в Японии существенно напоминала те, что проводились оккупантами в других частях бывшей Японской империи: в Южной Корее и на Тайване.

В довоенной модели Японской империи преобладали крупные земельные хозяйства. В результате имущественное расслоение в деревне было весьма существенным: на небольшое количество крупных землевладельцев приходилось множество бедных арендаторов. К началу реформ в Японии, Корее и на Тайване бóльшая часть рабочей силы была занята в сельском хозяйстве, которое, в свою очередь, представляло значительную часть экономики страны. В Японии неравенство в распределении владения землей стало результатом налоговой реформы 1873 г., которая перевела феодальную земельную собственность в капиталистическую[1]. В Корее же и на Тайване крупные земельные хозяйства сложились в основном в результате колониальных практик, то есть распространения на эти территории японской системы налогообложения. Небольшое количество землевладельцев получало со своих арендаторов ренту в размере 50% урожая, землевладельцы, в свою очередь, выплачивали налог, рассчитывавшийся в зависимости от стоимости земли. В некоторой сте-

[1] Термин «феодальный» употреблен здесь условно, поскольку в строгом смысле он применим только к европейской модели. Суть изменения состояла в том, что до реформы земля принадлежала в массе князьям *даймё*, которые взымали с крестьян ренту в свою пользу. Рента рассчитывалась как процент от урожая (при этом, в зависимости от конкретных обстоятельств, могла повышаться, понижаться или вовсе отменяться). Крестьянам обычно предписывалось возделывать определенные культуры, в первую очередь, рис. После реформы земля стала капиталистической собственностью в полном смысле: в частности, подлежала купле и продаже по воле владельца и облагалась государством налогом на собственность, который уплачивался раз в год и рассчитывался исходя из рыночной стоимости земли вне зависимости от того, как распоряжался ею владелец. Реформа имела ключевое значение, поскольку налог с земли составлял подавляющую долю бюджета; сменился и главный получатель налога — вместо князей им стало государство.

пени такому типу хозяйствования способствовали природные условия. Везде земли довольно немного, при этом в Корее и Японии умеренный климат не позволяет выращивать плантационные культуры. На Тайване климат позволяет выращивать бананы и сахарный тростник, но и там плантационное хозяйство по большей части не сложилось, сахар производился в небольших крестьянских хозяйствах. Корея и Тайвань поставляли в Японию пищевые продукты, прежде всего рис, в больших количествах, поскольку на них не распространялись заградительные тарифы на импорт из других государств. Наиболее продвинутой в смысле агротехнологий в начале XX в. была Япония: там систематически проводились исследования повышения эффективности сельского хозяйства, применялись новые системы ирригации, современные удобрения и т.д. Но эти достижения стали довольно быстро распространяться на ее колонии. Колониальная администрация также существенно упростила задачу будущим реформаторам-оккупантам, поскольку в колониях обмеры земельных владений и измерения их продуктивности производились не менее регулярно, чем в метрополии — с целью уточнить размер взимаемых налогов.

Первоначально из трех стран наиболее неравным было распределение земли в Корее, кроме того, там был наименьший средний доход на душу населения. Наиболее равномерно земля была распределена в Тайване. Самый высокий доход на душу населения был в Японии, где показатель распределения земли находился посередине между Кореей и Тайванем. Доход на душу населения на Тайване, в свою очередь, был выше, чем в Корее, но ниже, чем в Японии. Три процента землевладельцев в Японии владело 30% обрабатываемой земли. На Тайване 6% владели половиной земли, а в Корее 3% владели двумя третями земли и получали четверть всего сельскохозяйственного дохода. Процент работников, занятых в сельском хозяйстве до реформы в Японии, составлял 34%, на Тайване — 54%, в Корее — 80%. [2]

Результатом реформы стала разбивка крупных земельных владений. В результате средний размер крестьянского надела в 1955 г. в Японии составлял 1 га, в Корее — 0,9 га, а на Тайване — 1,19 га. С точки зрения старых землевладельцев, все три земельные реформы носили характер конфискации. Земли продавались мелким владельцам, при этом во всех трех случаях была установлена максимальная площадь земли, которую можно было купить. Цены при этом были выгодны для мелких покупателей и установлены ниже рыночной стоимости земли. В частности, в Японии цены были установлены по образцу 1938 г., то есть абсолютно игнорировали военную и послевоенную инфляцию. Сумму можно было выплачивать в рассрочку 30 лет, процент по кредиту составлял 3,6%[3]. В Южной Корее бывшим землевладельцам выплачивали 1,5 средней годовой ренты за последние 5 лет. На Тайване изначально в 1949 г. была снижена максимальная рента до 37,5% урожая. В дальнейшем была установлена максимальная площадь для владения землей. Все излишки изымались и продавались непосредственным производителям. Цена была установлена в 2,5 средней годовой ренты за последние 10 лет.

---

[2] Iscan T.B. Redistributive land reform and structural change in Japan, South Korea and Taiwan // Amer. j. agr. econ. Oxford, 2018. Vol. 100, No. 3. P. 736.

[3] Кроме того, еще некоторое время в Японии продолжалась сильная инфляция, однако цены на землю не пересчитывались и фактически продолжали снижаться относительно текущих цен. Поэтому большинство владельцев сумели выплатить кредит ранее установленного срока.

Результаты реформ были впечатляющими: во всех трех странах практически исчезли арендаторы как социальная прослойка. Появился новый массовый слой мелких фермеров. Коэффициент Джини резко снизился. Размер фермерских хозяйств стал практически одинаковым. Однако реформа, по мнению некоторых исследователей, имела и более отдаленные последствия. Как отмечает упоминавшийся Ишчжан, при фермерских хозяйствах производительность труда стала значительно выше, даже если производительность земли не повышалась. При ренте, высчитываемой как процент от урожая, у крестьян было меньше стимулов увеличивать интенсивность труда. В результате рос доход крестьян, что, в свою очередь, увеличивало спрос на несельскохозяйственные товары и провоцировало отток рабочей силы с села. Кроме того, это привело к снижению относительной стоимости продуктов питания. По мнению того же исследователя, без эффекта от повышения продуктивности в сельском хозяйстве уровень занятости в промышленном секторе в 1960 г. был бы на 9% ниже в Японии, на 7% в Корее и на 6% на Тайване. Доход же на душу населения в Японии был бы ниже на 4%, в Корее — на 10%, а на Тайване — на 5%[4] . Косвенно реформа также повлияла на уровень образования. Детская и подростковая рабочая сила была освобождена от повседневного сельскохозяйственного труда, и посещение школ возросло. В особенности это наглядно видно на примере Кореи. В то же время реформа не привела напрямую к повышению уровня дохода на душу населения; скорее, она способствовала более широким экономическим процессам, которые в перспективе привели к увеличению благосостояния.

Аграрная реформа, таким образом, заложила основу для дальнейшего роста. А рост этот был весьма впечатляющим. Существуют разные оценки темпов экономического роста Японии в исследуемый период, но большинство данных говорят о том, что в 1958–1972 гг. он не опускался ниже 9,5–10% в год. Заметный рост наблюдался и до этого, и в течение 1950-х он составлял не менее 5% ежегодно. Собственно «чудом» данное явление называют потому, что Япония — «единственная крупная страна с диверсифицированной экономикой, которая поднялась с уровня развития ниже среднего к верхним эшелонам мирового производства» в течение жизни одного поколения.

Если же говорить о причинах этого явления, то выдвигались самые разные объяснения: начиная от восстановительного роста после войны и заканчивая особой трудовой («конфуцианской») этикой. Экономическому буму послевоенной Японии посвящено большое количество исследований, значительно больше, чем японскому среднему классу. Внимание в них уделялось выигрышной экономической стратегии, особенностям менталитета рядовых сотрудников и потребителей, а также особенностям системы накоплений, инвестиций. Также часто можно встретить исследования, которые отводили особую роль японской бюрократии как силе, направляющей экономическое развитие: здесь в качестве примера стоит привести монографию известного автора Чалмерса Джонсона, посвященную Министерству внешней торговли и инвестициям[5]. В рамках этого обзора я не буду останавливаться на данных аспектах японского экономического роста, поскольку, несмотря на их значимость, они объясняют лишь почему японцы смогли с выгодой для всей нации

[4] Iscan T.B. Op.cit. P. 734.

[5] Johnson Ch.A.. MITI and the Japanese Miracle. Stanford University Press, 1982. 412 p.

распорядиться уникальными условиями, спровоцировавшими рост. По моему мнению, целесообразно привести пример другого исследования, объясняющего первопричины бурного экономического роста.

В целом общепризнанной является точка зрения, согласно которой одной из основных причин экономического бума в Японии был прочный союз с США. Эти утверждения в подавляющем большинстве основывались на общих впечатлениях авторов, но не подтверждаются статистическими данными. Часто упоминают так называемую «доктрину Ёсида» — переориентация общественного внимания с внешней политики на экономику, а также значительную экономию ресурсов за счет отказа от военных расходов. Группа американских ученых, в которую вошли Майкл Бекли (Университет Тафта), Хориути Юсаку и Дженнифер Миллер (Дармутский колледж), попыталась сравнить реальные показатели роста экономики Японии с конца 1950-х по конец 1960-х с показателями «гипотетической» Японии — такой, какой она выглядела бы, если бы экономические тенденции первой половины 1950-х гг. продолжались и в 1960-е годы[6]. За основу брались как собственно японские показатели, так и сравнительные данные других стран, походивших на Японию по основным тенденциям в течение нескольких десятилетий до начала бума.

Свое исследование они начинают с обзора соглашений, заключенных между двумя странами. 19 января 1960 г. США и Япония заключили «Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» (сокр. «Договор безопасности»), чему предшествовали длительные переговоры, начавшиеся в 1957 г. и резко ускорившиеся в 1958. До этого США, будучи союзником Японии, всё же не давали ей гарантий безопасности. Кроме того, двусторонние отношения омрачали постоянные экономические и дипломатические конфликты. Действовавший с 1951 г. договор безопасности, предшественник документа 1960 г., был в определенном смысле унизительным для Японии, поскольку позволял США расквартировывать войска на архипелаге, но не гарантировал его безопасность. Американские военные постоянно вызывали возмущение в японском обществе, поскольку часто оказывались вовлеченными в инциденты, связанные с насилием над местными жителями, включая убийства.

Экономическое взаимодействие также проходило с осложнениями. Хотя Корейская война (1950–1953) принесла Японии значительные военные заказы, с окончанием военных действий эта статья доходов утратила значение. В 1956–1957 гг. под давлением США Япония вынуждена была ввести ограничения на экспорт своей продукции, что также негативно сказалось на экономической обстановке. Тогда же были нормализованы отношения Японии с СССР и предпринимались шаги для налаживания экономического сотрудничества с КНР. Американские дипломаты постепенно приходили к осознанию, что их стратегия не делает Японию надежным союзником.

Несомненно, на руку США сыграло то обстоятельство, что в 1957 г. новоиспеченный премьер-министр Исибаси Тандзан (с 1956 г.), настроенный на укрепление отношений с КНР, неожиданно серьезно заболел и его сменил Киси Нобусукэ, ярый антикоммунист, а также бывший обвиняемый класса А Токийского военного трибунала. Уже в июне 1957 г. Киси совершил официальный визит в США, во время кото-

[6] Beckley M., Horiuchi Y., Miller J. America's role in the making of Japan's economic miracle // J. of East Asian studies. Cambridge, 2018. Vol. 18, No. 1. P. 1–21.

рого американская сторона сделала ряд существенных уступок, включая обещание вывести значительную часть войск с территории Японии. Результатом визита стало совместное заявление Киси и Эйзенхауэра о начале «новой эры» в американо-японских отношениях. В данном случае, по мнению авторов, это было не только декларациями, но действительно отмечало новый виток развития отношений.

Переговоры, предшествующие заключению договора, сопровождались разнообразными экономическими соглашениями, которые были призваны способствовать экономическому росту Японии, что, в свою очередь, должно было нивелировать рост популярности антикапиталистических настроений в союзной США стране. Первой американской инициативой стали низкопроцентные кредиты, предоставленные Японии; объем их к 1958 г. по сравнению с предыдущим периодом удвоился. Большинство этих кредитов предоставлялось Всемирным банком, в котором доминирующее влияние оказывали США, а также рядом американских финансовых учреждений.

Японии была предоставлена возможность существенного сокращения военных расходов, в первую очередь — на содержание войск США, расквартированных в Японии. В результате расходы Японии на оборону резко сократились в период с 1958 по 1960 г. (на 20% — самое резкое падение за всю послевоенную историю Японии) и продолжали падать с каждым годом. К 1970 г. их доля в ВВП снизилась до психологически важной отметки менее 1%.

Еще ряд инициатив касался продвижения японского экспорта, для чего администрации Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона пришлось противостоять внутриамериканским протекционистским лобби, чтобы вывести японские товары на свой внутренний рынок. В результате в период с 1958 по 1960 г. экспорт Японии в США вырос на более чем 150%, и Япония впервые за долгое время смогла добиться торгового профицита. В следующее десятилетие Америка поглощала 30% всего японского экспорта.

Наконец, с 1958 г. американцы различными путями спонсировали напрямую японских консервативных политиков и Либерально-демократическую партию (ЛДП), чтобы упрочить ее положение и создать надежный противовес Социалистической партии Японии (СПЯ), которая тогда еще не успела превратиться в «вечную» оппозицию «полуторапартийной» системы 1955 года. Авторы указывают, что многие из представителей американской администрации, дипломатических кругов и спецслужб позднее публично признавали передачу крупных сумм японским политикам.

Заключение американо-японского договора о безопасности не прошло без осложнений: широко известно, что для обеспечения успешного голосования по ратификации договора в 1960 г. Киси прибегнул к силовым методам. Сторонники СПЯ шантажировались полицией, а также представителями мафии. Ратификация договора таким способом стоила Киси премьерского кресла, а кроме того, Эйзенхауэр отменил запланированный визит в Японию. Но дело было сделано: американо-японский альянс состоялся, а консервативная ЛДП удержалась у власти. Ее новому лидеру Икэда Хаято (с 1960 по 1964 г.) удалось сфокусировать общественное внимание на экономическом росте, и программа удвоения национального дохода, которую он представил на выборах, нашла отклик у избирателей. Для обеспечения выполнения этого плана администрация Кеннеди еще больше снизила пошлины на японский импорт.

Особенностью предложенной Бекли, Хориути и Миллером методики является то, что на основе общих тенденций и показателей была смоделирована условная экономическая реальность не только на период с 1958 по 1968 г., но и с 1920 г. Результаты моделирования первых 28 лет не отличаются существенно от реальных экономических показателей Японии. Исследователи приходят к выводу, что результаты роста экономики после 1958 г. кардинальным образом разнятся с предыдущим периодом от того, что было бы без союза и поддержки со стороны США. Реальная Япония в альянсе с Соединенными Штатами увеличивала объем экономики на 10% в год, а гипотетическая Япония, не придерживавшаяся его, — всего на 3,6%.

Наиболее наглядным показателем становится ВВП на душу населения. Именно с 1958 г. он резко идет вверх, увеличиваясь в среднем на 9,3% в год. В абсолютных цифрах за десять лет с 1958 по 1968 г. среднедушевой доход вырос более чем вдвое: с 3289 долларов до 7983. В гипотетической модели за этот период он достиг бы лишь 4757 долларов.

Авторы исследования признают, что их модель может наглядно продемонстрировать лишь временной отрезок, когда развитие японской экономики отклонилось от стандартного пути, но из нее неочевидны причины этого, и лишь знание контекста позволяет им сделать выводы о роли США в экономическом буме. Теоретически спусковым крючком для ударных темпов роста могли послужить и другие причины — укрепление власти ЛДП, новый виток бизнес-цикла в Японии, формирование современной корпоративной модели и падение влияния профсоюзов. Однако исследователи убеждены, что всё это лишь дополнительные факторы, а иногда и следствия активного участия США. С ними трудно не согласиться.

Важно отметить и другое: спад роста экономики, повлекший впоследствии новое увеличение имущественного расслоения, также был во многом спровоцирован очередным изменением внешнеэкономической политики США. Ситуация для Японии поменялась уже во время администрации Никсона, когда было отменено золотое обеспечение доллара, а американские импортные пошлины серьезно возросли. Кроме того, в результате неудачной кампании во Вьетнаме значительная часть американских войск была выведена вообще из Азии, что перенесло бремя расходов на оборону обратно на Японию и других союзников США. И не случайно рост ВВП Японии начал падать еще за два года до нефтяного шока 1973 г. (хотя часто именно его полагают отправной точкой снижения темпов роста) и неуклонно снижался на протяжении 1970–1980-х гг.

Рост уровня жизни

Множество исследований посвящено росту уровня жизни в Японии в послевоенные годы, из них можно почерпнуть самую разнообразную статистику. Так, впечатляющим был рост дохода на душу населения, если взять период в 20 лет: в начале 1950-х он составлял 200 долларов на душу населения, в 1972 г. — уже 2300[7]. В зависимости от сферы работы, зарплаты в период 1970-х гг. продолжали расти на 11–14% в год. Эти цифры, однако, частично перекрываются инфляцией и ростом потребительских цен. Несмотря на это, реальная заработная плата, хотя ее прирост сократился, не падала. Минимальный прирост в год составлял около 0,5%, однако были отрасли, где годовой прирост реальной зарплаты был значительно выше. В целом же в период с 1955 по 1980 г заработная плата во всех отраслях выросла в 12–16 раз.

Если же брать доход домохозяйств, то в период с 1950-х до 1980-х реальный доход (учитывая все показатели, не только заработную плату главы семьи) возрос в 8,5 раз[8].

В.Б. Рамзес в своей монографии рассматривает рост личного потребления в Японии в послевоенные годы. Резкий скачок его произошел в послевоенные годы. Потребление росло в силу множества факторов, в том числе за счет повсеместной автоматизации производства и увеличения продуктивности. И если до 1970-х гг. введение технических новшеств способствовало в основном росту количественных показателей, то впоследствии — удешевлению продуктов, которые до этого были весьма дорогостоящими или считались предметами роскоши (например, часы, фотоаппараты, видеомагнитофоны, кондиционеры). Средний срок рыночной «жизни» модели (период, пока она активно производилась на предприятии) сократился с 1950-х к 1970-м с 10–15 до 5 лет.

С 1950-х к 1980-м реальные потребительские расходы семей выросли в четыре раза, и Япония вышла на мировой уровень. К 1980-м гг. доли расходов домохозяйств на питание, жилье, одежду и т.д. совпадали с показателями США, ФРГ, Франции. Семьи, тратящие половину располагаемого дохода на продукты питания, считались чрезвычайно бедными.

---

[7] Beauchamp E.R. The Development of Japanese Educational Policy // History of Education Quarterly. 1987. Vol. 27, No. 3. P. 312.

[8] Рамзес В.Б. Личное потребление в Японии. М.: Наука, 1985. С. 54–55.

В послевоенный быт японцев вошло множество товаров, попросту не потреблявшихся до этого: еда европейского типа, готовая одежда. Собственно, появилось само явление моды для массового потребителя, до этого она была уделом лишь наиболее богатой прослойки. На глазах менялось само питание. Долгое время показателем высокого уровня жизни был, помимо собственно количества питания, уровень потребления риса. Простой народ не мог позволить питаться этим злаком, смешивая его с другими злаками, а также бобовыми и бататом. Всю первую половину XX в., однако, потребление риса неуклонно росло. Пика оно достигло как раз в 1960-е, составив 70–80% рациона, а затем начало снижаться — на этот раз в силу повышения уровня жизни. Японцы стали чаще есть хлеб, мясо, молочные продукты. Калорийность питания уже не считалась главным приоритетом. Новый японский средний класс уже не боялся голода, на первый план выходили вкусовые качества еды, ее полезность и мода на определенные продукты.

Главный показатель, по которому Япония долгое время отставала от западных стран, — обеспеченность жильем. В 1970-х гг. показатель обеспеченности канализацией равнялся 45%. Хорошее жилье было для многих семей недоступным. Для категории наиболее бедных семей расходы на аренду жилья достигали 76,5% располагаемых средств. Даже если семья владела собственным домом, по сравнению с нормами западных стран площади были довольно малы. Как пишет В.Б. Рамзес, потребители часто компенсировали невозможность приобрести более дорогое жилье обилием техники в своих небольших домиках, зачастую — деревянных, что, с точки зрения западных наблюдателей, часто выглядело комично. Тем не менее, и в этой сфере наметился сдвиг, в крупных городах началось строительство многоквартирного жилья.

Многократно возросло потребление продуктов длительного пользования: до войны из товаров этой категории фактически были распространены только утюги, швейные машинки и радио, а с 1960-х гг. появились целые группы товаров, которые до этого либо просто не существовали, либо считались привилегией лишь наиболее состоятельной прослойки. Если в 1965 г. число зарегистрированных частных автомобилей составило 2,2 млн. (кстати, в книге 1971 г. уже американский исследователь среднего класса Вогель, не приводя конкретных цифр, пишет, что сотрудники компаний не могут в большинстве позволить себе такую роскошь, как автомобиль), то к 1981 г. их было 24,6 млн.

В каждой статье расходов значительную часть стали занимать, по сути, услуги. Например, если речь идет о продуктах питания, то неотъемлемой частью стало питание вне дома; если о поддержании жилища — то привлечение наемных рабочих для ремонта. В 1963 г. удельный вес расходов на услуги составлял 28,6%, а к 1980 г. — 42,7%. В.Б. Рамзес при этом подчеркивает, что кризис 1970-х гг., хотя несколько замедлил темпы роста, но все же не изменил ситуацию в потреблении кардинальным образом. Структура потребления осталась в целом такой же. Люди стали по возможности экономить, но не стали пересматривать свой образ жизни кардинально.

С конца 1960-х гг. в Японии распространилось потребительское кредитование, темп роста которого впечатляет. Если в 1966 г. сумма выданных займов составила 0,1 трлн. йен, то в 1981 — 16,2 трлн. Наконец, начинается и гиперпотребление. В 80% домохозяйств в 1970–80-е годы были предметы длительного использования (в основном техника), которыми семьи никогда не пользовались.

Все это изобилие сопровождалось ростом уровня образования и урбанизация. Уже в 1955 г. более половины японцев обитали в городах и, следовательно, были в массе заняты квалифицированным трудом, проживали в более или менее комфортных условиях. Надо отметить, что городские стандарты распространились к настоящему времени и на большинство формально сельских округов.

Важно, что все это произошло на памяти жизни одного поколения. Причем послевоенное поколение, не знавшее тягот войны и с детства не привыкшее экономить, было довольно многочисленным и к 1980-м гг. уже составляло более половины населения. Рост потребления при этом был управляемым. С самого начала в планы по увеличению национального дохода закладывали стимулы для увеличения потребления. Среди основных показателей благосостояния рассматривалась возможность получения образования, приобретения жилья, программы социального обеспечения, включая пенсии по старости. При активной поддержке государства с 1960-х гг. внедрялся американский маркетинг. Предприятия максимально приспосабливались к потребительскому спросу и, в свою очередь, формировали спрос сами.

Умозрительно японские журналисты в 1980-е гг. выделили несколько периодов в потребительском буме. Первая потребительская революция пришлась на вторую половину 1950-х – начало 1960-х и была связана с широким распространением электрических холодильников, примитивных рисоварок, черно-белых телевизоров. Вторая «потребительская революция» пришлась на 1960-е и связывалась с распространением кооперативного жилищного строительства, массовой продажей цветных телевизоров и персональных автомобилей, возможностями заграничного туризма. В 1970-е после кризиса, по мнению журналистов, наступила «эра экономии». Экономия эта, тем не менее, была весьма условна и сводилась к попыткам за те же деньги потребить большее количество товаров и услуг или же к сокращению потребления однотипных услуг (условно, поход в ресторан не три, а два раза в месяц), о реальном же снижении уровня жизни на тот момент речь не шла. Надо отметить, что результаты кризиса середины 1970-х гг. для среднего класса были скорее психологическими: за 15 лет непрерывного роста все просто отвыкли от мысли о том, что в экономике бывают спады.

Welfare state по-японски

Во время экономического бума рост потребления активно использовался политиками в своей пропаганде. Сложилась определенная схема мышления, которая активно прививалась массам, — «благосостояние через работу». Как увидим далее, многие элементы классического социального государства в Японии не сформировались или остались в зачаточном состоянии, однако пропаганда в различных формах доносила до японцев мысль, что их благосостояние — дело их рук. Необходимо усердно трудиться на благо своего предприятия, тогда для сотрудника станут доступны социальные гарантии (что характерно, они действительно в большинстве становились доступны благодаря работодателю). Свое благосостояние японцы стали привязывать не к государственным программам, а к удачному трудоустройству и последующей карьере. Мари Миура выделяет три этапа развития модели японского welfare state, которые она прошла в своем становлении[9]:

1. 1950–1960-е, когда собственно определилась модель «благосостояние через работу», — максимальная занятость с минимальным вторжением государства. Первоначально в политических кругах Японии, которые в итоге составили правящую ЛДП, не было единства относительно социальной программы. Часть политиков, к примеру, премьер Ёсида (1946–1947, 1948–1954), выступали за классическую либеральную модель с минимальным вторжением государства; другие, напротив, ратовали за социальные гарантии для избирателей и элементы плановой экономики. Были популярны идеи так называемого «кооперативизма» — некая альтернатива коммунистическим идеям, приверженцы которой отрицали классовую борьбу и призывали к союзу труда и капитала. Кроме того, антилиберально настроенные консерваторы до 1955 г. присматривались к умеренным социалистам, союз с которыми был довольно вероятен в случае неуспеха консолидации правых, и включали в свою программу некоторые элементы социальных идей, характерные для левых. Союз этот так и не состоялся, но в итоге программа созданной в 1955 г. ЛДП находилась под влиянием социальных идей. Был взят курс на стимуляцию полной занятости и одновременно сокращения числа рабочих мест со слишком низкой опла-

[9] Miura M. Welfare through work: conservative ideas, partisan dynamics, and social protection in Japan. Cornell University Press, 2012. 206 p.

той труда. Еще до того, как это сформулировал Икэда Хаято в 1960 г. во время своей предвыборной кампании, политики много говорили о планах наращивания объемов экономики — благодаря союзу с США (см. выше) самые смелые планы теперь были реализуемы. Собственно, тогда конкретным воплощением курса на полную занятость стало пожизненное трудоустройство, когда предприятию при условии общей благоприятной конъюнктуры стало невыгодно увольнять сотрудников без веской причины вплоть до выхода на пенсию. Это контрастировало с практикой массовых увольнений, которая сложилась в 1949 г. «благодаря» закону, принятому в рамках «линии Доджа» и позволяющему работодателю легко увольнять сотрудников. В результате конец 1940-х – первая половина 1950-х прошли под знаком постоянных и ожесточенных трудовых конфликтов, наиболее известные из которых были связаны с сотрудниками железнодорожного транспорта и гражданского флота. «Сохё», крупнейшее объединение профсоюзов, изначально не связанное с левыми, стало самым активным образом с ними сотрудничать. Это напугало работодателей, и к 1960 г. в основном завершились крупные трудовые споры по поводу массовых увольнений, самым крупным из которых стали конфликты по поводу сокращения более 2000 работников угледобывающих предприятий Миикэ и завода Мурорaн, принадлежащего Japan Steel. Хотя в обоих случаях компаниям в итоге удалось провести увольнения, это была пиррова победа, подведшая черту под этой практикой. Одновременно с «кооперативизмом» стали распространяться идеи «продуктивизма», предложенные экономистом Накаяма Итиро (1898–1981). Их приверженцы утверждали, что с увеличением продуктивности труда неизбежно вырастет объем экономики, что, в свою очередь, при справедливом распределении позволит поднять уровень жизни народа в целом. Эти идеи также продвигались в массы достаточно активно и были призваны увести в сторону от политических лозунгов трения на рабочих местах. Как бы критически ни были настроены по отношению к этим идеям и представители капитала, и труда одновременно, именно они были в итоге реализованы на практике. Рост экономики привел к увеличению «хороших» рабочих мест, уровень жизни рабочих не сильно отставал от «белых воротничков», распределение доходов было более или менее справедливым. В случае необходимости сокращений корпорации стали применять более гибкую тактику, включающую как переквалификацию сотрудников, так и ранний выход на пенсию с щедрыми отступными. Именно в конце 1950-х появился термин «**пожизненной трудоустройство**» (*сю:син коё:*). При всем этом меры «пряника» сочетались с «кнутом»: работодатели преследовали представителей профсоюзов, склоняющихся к левым политическим партиям. Другой частью стратегии ЛДП, также перенятой у социалистов, было распространение системы пенсий и медицинского страхования на фермеров и рыбаков — наименее защищенных на тот момент категорий работников. В 1959 г. был введен закон о минимальной оплате труда. Он предусматривал, что минимальный заработок не должен быть ниже прожиточного минимума в текущих ценах, должен соответствовать уровню оплаты на аналогичных должностях в других предприятиях той же отрасли, а, кроме того, предприятие должно быть в состоянии выплачивать такой уровень зарплат.

2. Середина 1960-х – 1970-е. В этот период влияние государства несколько увеличилось, но все же оставалось избирательным. В 1960-х гг. с подачи Икэда

были введены пособия для беднейших категорий населения, однако «усилиями» Министерства здравоохранения, труда и благосостояния с середины 1960-х до середины 1970-х количество получающих пособие на тысячу населения сократилось с 18,1 до 11,9 в результате ужесточения правил их получения, что свидетельствовало отнюдь не только о сокращении числа нуждающихся. В то же время именно в этот период были существенно увеличены пенсии — как государственных, так и частных фондов; введено бесплатное медицинское обслуживание для граждан старше 70 лет, а также значительные пособия для медицинского обслуживания детей. Уровень социальных расходов начал резко расти в 1973 г., и этот рост завершился к 1982 г. Это явление стало результатом популярности левого движения. Социалисты и коммунисты были достаточно сильны, чтобы занять ряд позиций на местных выборах, включая должности девяти губернаторов и мэров нескольких ключевых городов, и вводили там собственные социальные программы. Им необходимо было что-то противопоставить. И в этот же период в результате достижения политической стабильности на общенациональном уровне ЛДП прекратила систематические попытки достичь максимальной занятости и сократить число мест со слишком низкой заработной платой. Практики трудоустройства были пущены на самотек и отданы на откуп работодателю. В условиях относительно благоприятной конъюнктуры это не сказалось на представителях среднего класса, однако впоследствии именно это привело к новому появлению «плохих» рабочих мест.

3. Последний период начинается **с 1980-х гг.** и отмечен влиянием идей **неолиберализма и увеличением неравенства**. Однако в силу важности данной темы этот период будет рассмотрен отдельно.

Классическая модель социального государства — перераспределение с помощью налогов. Налоговую систему послевоенной Японии характеризовали поразному. Оценки варьировались от «социалистической» характеристики (перераспределение от имущих слоев в пользу более бедных) до, напротив, сохраняющих богатство в руках привилегированных классов. Были и восторженные отзывы, называющие японскую налоговую систему самой прогрессивной в мире. Однако в целом, если оценить процент налогов в ВВП с 1960-х по 1990-е гг. и сравнить его с другими развитыми экономиками, можно прийти к выводу, что в Японии он один из низких и варьировался (от 18,3% в 1965 г. до 30,9% в 1990 г.) Для сравнения в тот же период максимальный уровень во Франции составлял 45,2%, а в Швеции — 53,7%.[10] В то же время низкий уровень налогов не предполагал «ухода» государства из экономики, а напротив, был нацелен на управление экономическими процессами, что было исключением среди индустриальных стран. В то же время в Японии одни из самых высоких по OECD налоги на корпоративные доходы. Максимум составил 6,7% в 1990 г., тогда как в среднем уровень по OECD составлял 2,7%. Налоги на частные доходы и потребление при этом сравнительно низки по сравнению с экономически развитыми странами. Сравнивая уровень индивидуальных налогов в 1998 г. для среднего налогоплательщика (имеющего двоих несовершеннолетних детей и супругу-домохозяйку) и зарабатывающего 5 млн. йен (45 000 долла-

[10] Dewit A., Steinmo S. The political economy of taxes and redistribution in Japan // Social science Japan journal. Vol. 5, No. 2 (2002). P.160.

ров в год), исследователи приходят к выводу, что уровень налогов, который он платит, — один из самых низких по сравнению с Францией, Германией, США и Великобританией. То же касается и категорий населения с более низким доходом. Однако и богатые люди не сильно обременены налогами, поскольку основная часть их средств происходит не из заработной платы, а от инвестиций, процентов с капитала и т.д., налог на которые рассчитывается отдельно. Таким образом, несмотря на формально прогрессивный подоходный налог, «эффективная прогрессивность» на практике не достигается. Если максимальный налог на доход с процентов с капитала составляет 20%, то подоходный налог достигает максимум 50%.

Согласно исследованию министерства труда и здравоохранения, за последние 20 лет перераспределение доходов между социальными классами с разным уровнем доходов снизилось. С 1981 г. разница в доходах существенно возросла, тогда как эффект от редистрибутивной системы налогообложения снизился. В 1981 г. индекс Джини составлял 0,3301, а в 1996 г. уже 0,4338. Одновременно редистрибутивная налоговая система стала достигать все меньших результатов. В середине 1990-х немецкая налоговая система сокращала неравенство на 35,3%, американская — на 24,5%, а японская — 22%.

Кроме того, надо учитывать, что самые большие проблемы в распределении доходов в Японии возникают не между социальными стратами, а между регионами. Причем существует определенное несоответствие: фискальная система достаточно централизована, тогда как местные бюджеты в значительной мере независимы. Как следствие, местные власти тратят в своих регионах значительно меньше средств, чем получают в результате налогов или из иных источников доходов, а центральные власти получают избыточное количество налоговых поступлений, часть из которых они перенаправляют в бедные регионы. Для унитарного государства уровень региональных расходов в Японии очень высок. Ее региональные расходы намного превосходят этот показатель в других унитарных государствах — Великобритании и Франции — и приближается к показателю ФРГ, а также сильно оставляет позади США. Эстевес-Абэ[11] отмечает, что государство в среднем не очень много тратило на развитие социальной сферы в регионах, однако была масса «функциональных эквивалентов», проектов, спонсируемых государством, которые заменяли социальное обеспечение. Такая форма, по ее мнению сложилась в результате особенностей функционирования политической системы. Избиратели голосовали не столько за партию (ЛДП), сколько за конкретных ее представителей. Те должны были представлять интересы не отдельных социальных слоев, а небольших округов, для которых они после избрания выбивали такие «кормушки». Не случайно в употребление вошло выражение construction state (яп. *кэнсэцу кокка*) — наиболее массовой «кормушкой» стали различные строительные проекты в регионах. Многие из них не имели другого практического смысла, кроме как создать рабочие места в провинции.

В целом исследователи оценивают уровень государственного обеспечения благосостояния в Японии как низкий. Однако и уровень расходов граждан сравнительно низок. Среди развитых стран коэффициент CBR (citizen burden rate) ниже только в США. При этом подавляющее большинство общественных опросов говорит о

[11] Estevez-Abe M. Welfare and Capitalism in Postwar Japan: Party, Bureaucracy and Business. Cambridge, 2008. 360 p.

том, что японцы предпочли бы европейскую систему с высокими налогами, но и высоким уровнем расхода государства на социальные нужды. Примечательно, что в пользу этой системы высказываются в первую очередь представители среднего класса — мужчины в возрасте от 30 лет, имеющие постоянное трудоустройство и сравнительно высокий доход. В то же время политики последних лет не предпринимают серьезных шагов в эту сторону.

Таким образом, социальное государство по-японски было завязано на трудоустройство. В какой-то степени можно назвать его *квазисоциальным*, поскольку социальные гарантии со стороны властей подменялись доброй волей работодателя на оплату различных социальных проектов для своих сотрудников, а в регионы средства перераспределялись из центра при помощи вливаний в строительство. Как было сказано, для представителей среднего класса на практике не было разницы, кто оплачивал пенсионные взносы и медицинскую страховку, а также курсы переподготовки или повышения квалификации. Экономическая стабильность была достигнута, и это было главное. Выгодных рабочих мест было много и с каждым годом становилось всё больше.

Образование было, с одной стороны доступно, с другой — доступ в привилегированные учебные заведения был открыт для детей из семей, где родители имели достаточно времени и материальных средств, чтобы готовить их к экзаменам. Тем не менее, количество студентов увеличивалось год от года, и шанс на учебу в университете с последующим трудоустройством в крупной компании был у весьма широких слоев населения по сравнению с доступностью высшего образования в предвоенные годы.

Система пенсий в Японии никогда не была систематизированной. Долгое время не регулировался даже возраст выхода на пенсию. Пенсионное обеспечение покрывалось в первую очередь взносами работодателя. В условиях благоприятного развития экономики представители среднего класса полностью полагались на него.

Особая ситуация складывалась с медицинским обслуживанием. В целом Япония может гордиться системой здравоохранения. Именно развитая система здравоохранения позволила достигнуть такой высокой продолжительности жизни, а также одной из самых низких в мире детской смертности. Американские авторы в последние десятилетия, как правило, с восторгом пишут о японской системе здравоохранения. Большинство стоимости возмещается медицинской страховкой. Наиболее выгодные программы страхования предлагаются крупными предприятиями, однако и представители малого бизнеса в большинстве охвачены страхованием. Пациенты могут сами выбирать медицинские учреждения и врачей. Цены на все медицинские услуги контролируются централизованно и периодически пересматриваются.

При этом в Японии 81% стационаров и 94% амбулаторных клиник принадлежат частным лицам. Однако законодательно запрещено владение медицинскими учреждениями инвесторами (что ограничивает взыскание прибыли в медицинской сфере); кроме того, руководить медучреждениями обязательно должны врачи. Подавляющее большинство японских больниц — небольшие предприятия, которыми владеет семья врачей. Сложные технологии им мало доступны из-за небольшого финансирования, наиболее технологичные из японских больниц — те, что на государственном балансе.

Наиболее распространенный тип страховки — от предприятия. Эти программы распространяются не только на сотрудников крупных компаний, но и на членов их семей. При этом работники оплачивают половину стоимости страховки. На практике это означает в среднем около 8,2% месячного оклада, которые вычитаются из зарплаты работника. Однако если учитывать не только зарплату, но и доход с учетом премий, то в целом расходы на страховку не превышают 2,7% годового дохода. В целом страховые программы для занятых охватывают около 65% населения. Для пенсионеров и самозанятых существуют льготные правительственные программы.

Джон Кэмпбелл и Икэгами Наоки полагают, что японская система здравоохранения является эгалитарной и следует «социалистическим принципам»[12]. Так, все страховки по закону предоставляют одинаковый спектр услуг. Те, кто получают меньше, платят меньше, и наоборот. Максимальный платеж для пациента составляет 30% стоимости медицинской услуги. Также необходимо отметить, что этот эгалитаризм достигается без ущерба для самих медицинских сотрудников. Врачи в Японии — одна из привилегированных профессий, с уровнем дохода выше среднего.

[12] Ikegami Naoki, Campbell J. Containing Health Care Costs in Japan. University of Michigan Press, 2010. 311 p.

Образ жизни японского среднего класса

Образцом, классическим представителем среднего класса в Японии стал так называемый *сарариман* (salary man, или *кайсяин* — оба термина равно употребимы в японском языке) — «белый воротничок», сотрудник крупной фирмы. Он получает зарплату, которая растет год от года. Он не зависит от конъюнктуры рынка настолько, насколько сотрудники малого бизнеса. Не случайно известный японовед Эзра Вогель избрал для исследования японского среднего класса в конце 1950-х – 1960-х гг. именно эту прослойку[13].

Служащие компаний не только имеют неплохой доход, они ощущают свой особый статус. Вогель описывает, что жены *сарариманов* неизменно вежливо обращаются с владельцами мелкого бизнеса, например с мелкими лавочниками своего района, которые обслуживают их район, однако дифференциация чувствуется: семьи сотрудников компаний принадлежат к другой социальной прослойке и редко общаются близко. Стабильность работы ценится значительно выше, чем сиюминутный уровень дохода. К примеру, молодой сотрудник, недавно поступивший в крупную компанию, будет считаться более выгодным женихом, чем владелец мелкого бизнеса того же возраста, который может на данный момент зарабатывать больше. Служащие компаний могут предсказать свою карьеру и уровень дохода на лет 10–20 вперед. Однако, что еще более важно, они уверены, что в случае болезни, несчастного случая, равно как и выхода на пенсию по возрасту, компания их не оставит: фактически компания является главным агентом социального обеспечения. Кроме жизненно важных бонусов компании предоставляют ряд других привилегий, в зависимости от возможностей и профиля. Так, производитель электротоваров предоставляет сотрудникам скидки, авиакомпании — бесплатные билеты. Для большинства людей, включая самих сотрудников компаний, их образ жизни — это *акаруй сэйкацу* (новый, приятный, «светлый» образ жизни).

Любопытно что бизнесмены среднего уровня (те, кто владеет компанией хоть сколько-нибудь крупнее мелкого лавочника) также пользуются определенным уважением, хотя ведут совершенно отличный от *кайсяинов* образ жизни. Они передвигают-

[13] Vogel E.F. Japan's New Middle Class: The Salary Man and His Family in a Tokyo Suburb, Second edition. Berkeley: University of California Press, 1971 [c1963] URL: http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft8z09p23r/

ся, как правило, на автомобиле с шофером. Значительную часть их времени занимает не столько работа, сколько дорогостоящий досуг, во время которого они завязывают полезные связи, причем эти же обязанности разделяет и жена бизнесмена. Компания рассматривается как расширенная семья: так, супруга бизнесмена вполне может привлекать молодых сотрудниц для помощи по дому; в то же время семья бизнесмена несет большую часть обязанностей перед сотрудниками, вплоть до устройства их свадеб. Еще одна категория среднего класса — это независимые профессионалы, вроде докторов. Их положение имеет как плюсы (работа дома или в ближайшей округе, заработок более высокий, чем у «белых воротничков»), так и минусы — необходимость иметь значительные резервы на случай некоторого застоя в делах.

Японский средний класс живет достаточно скромно по сравнению с Европой и США. Японцы используют значительно меньше мебели, одежды, обуви, рацион их более скуден. Частично это связано с бытовыми традициями: в японском традиционном доме в принципе крайне мало мебели, например, вместо кроватей используют матрасы, которые сворачиваются днем и убираются в шкаф. Дома принято ходить босиком, таким образом, покрытие меньше портится и используется меньшее количество пар обуви. Едят преимущественно рис с различными «добавками» из овощей и продуктов морского промысла. Поэтому японской семье в среднем достаточно меньшего дохода.

Как показывает Вогель, семьи среднего класса фактически зависят только от заработка главы семьи, поскольку занимать у родственников и, тем более, друзей в случае финансовых неурядиц не принято. Кроме того, не принято и обращаться за помощью в службы социального обеспечения — процедура подачи заявления унизительна, шанс получить помощь небольшой, а выплачиваемая в итоге сумма обычно неадекватна ситуации. Таким образом усиливается отмеченная ранее зависимость от работодателя.

В начале 1970-х гг. жены работников крупных компаний работали редко. Большинство работ они считали не подходящими их статусу, другая часть работ не соответствовала их образованию. Кроме того, промышленность отбирала значительную часть подработки, вроде шитья, которую они до этого могли взять на дом. От отца, таким образом, полностью зависят его жена и дети. Практически вся домашняя работа ложится на женщин. При этом Вогель отмечал, что они не испытывают «комплексов» по поводу того, что являются «просто домохозяйками», а, напротив, считают свою жизнь намного приятнее, чем у жен профессионалов и, тем более, мелких лавочников, которые вынуждены много помогать мужьям в работе. Жены врачей типично выполняют административные функции в медицинском учреждении супруга, либо работают там медсестрой. Жены мелких торговцев сами стоят за кассой магазина мужа. Жены же *сарариманов* посвящают всю жизнь исключительно домашнему хозяйству и детям и гордятся этим. И в то же время жены *сарариманов* «не просто» домохозяйки. Практически всем домашним бюджетом занимаются они, включая и крупные покупки, и вложение семейных накоплений. Мужчины оставляют себе некоторое количество денег на повседневные расходы (транспорт, питание вне дома и т.д.), но в целом не имеют представления о том, что сколько стоит в повседневной жизни. Начиная с 1960-х гг. с распространением домашней техники повседневный домашний труд стал поглощать значительно меньше времени

и сил. Кроме того, всё больше молодых семей живут отдельно от старшего поколения, и свекровь поэтому не имеет больше такой власти над невесткой. У домохозяек появилось сравнительно много свободного времени, они могут сами организовывать свой день. Если хорошо задуматься, сотрудникам компаний это не доступно, их жены в определенном смысле гораздо больше распоряжаются собой.

Особенностью жизни среднего класса по сравнению с другими прослойками является практически полное отсутствие общего досуга у супругов, в особенности после рождения детей. У жен свой круг общения, у мужчин — свой. Сотрудники компаний чаще всего проводят досуг с коллегами, пятничные (субботние — до сокращения трудовой недели) попойки с которыми являются чуть ли не одной из рабочих обязанностей. Устраиваются также совместные поездки и экскурсии. Зачастую у сотрудника компании есть какое-либо хобби, которому он тоже нередко предается совместно с несколькими коллегами. Причем все эти варианты рекреации оплачиваются полностью или частично фирмой, либо сотрудники используют какие-то корпоративные скидки. Женщины, в свою очередь, общаются со своей семьей, друзьями и соседями, если у них установятся близкие отношения. Часто довольно близки друг с другом молодые матери детей примерно одного возраста, которые имеют возможность познакомиться, начиная с детского сада, с «коллегами» во время многочисленных собраний родительского комитета. Он в Японии, как правило, ведет весьма активную деятельность (которая, в свою очередь, на значительную долю обусловлена отсутствием какой-либо другой социальной активности у матерей; им просто нечем заняться, не участвуя в школьных мероприятиях они оказываются в социальной изоляции).

Материнство в Японии вообще отдельная тема. Считается, что именно с *амаэ* (от *амаэру* — «баловать»), с близостью матери и ребенка начинается система воспитания, при которой индивид в будущем сильно привязан к своей малой группе, которая и в какой-то степени направляет и подавляет его и в то же время полностью удовлетворяет его потребности. Автор книги о материнстве в Японии М. Жоливе приводит следующие «десять заповедей», которым педиатры предлагают матерям следовать («заповедями» эти рекомендации названы в силу того, что необходимость строго им следовать подчеркивается)[14]. 1. Женщина ответственна за свое эмоциональное состояние во время беременности и должна избегать малейшего стресса. В популярной литературе говорится о возможности «самоубийства» плода, если он оказался под воздействием негативных эмоций матери. Кроме того, повышенный уровень стресса матери во время беременности связывается с возможной гомосексуальностью ребенка в будущем. 2. Образ жизни беременной напрямую влияет на уровень интеллекта ребенка. В частности, разнообразные программы «раннего развития» заходят настолько рано, что предлагают матери читать плоду стихи хайку и поэзию на французском языке ежедневно по несколько раз. Те же программы впоследствии предлагают начать изучение иероглифов в возрасте до 6 месяцев[15]. 3. Роды должны проходить без обезболивания. Чем сильнее и доль-

[14] Jolivet M. Japan: The Childless Society? The Crisis of Motherhood. Routledge, Tailor&Francis, 1997. 434 p.

[15] Необходимо отметить, что данные программы, что демонстрирует автор, имеют значительную коммерческую составляющую и предполагают не просто чтение любых стихов, а покупку специальных «развивающих материалов», стоящих сравнительно дорого.

ше страдает мать, тем крепче ее любовь к ребенку. 4. Мать должна быть максимально близка к своему ребенку. Для достижения этого, в частности, рекомендуется совместный сон вместо отдельной кроватки для ребенка и ношение ребенка на руках или спине вместо использования колясок. 5. Мать должна обязательно кормить ребенка грудью. Кормление влияет на все сферы жизни ребенка — от уровня интеллекта до возможности антисоциального поведения в будущем. Причем ребенок должен прикладываться к груди как можно чаще, включая ночное время. Порицается не только кормление искусственной смесью, но и кормление донорским или сцеженным молоком матери — молоко, которое предлагают ребенку «без любви», может привести к гибели (!) младенца. Работающие матери в результате порицаются почти как преступницы, убивающие собственное дитя, так как не могут выдержать режим кормления. 6. Мать должна сама готовить еду для ребенка. Детское питание и продукты для уже подросших детей, произведенные промышленным способом, не передает ребенку материнскую любовь. Матери, не готовящие все сами, ленивы. 7. Мать не должна пользоваться одноразовыми подгузниками и должна сама стирать пеленки младенца. Аргументация приводится аналогичная той, что и с грудным вскармливанием: от этого зависит все, включая уровень интеллекта и склонность к преступлениям. 8. Мать должна являть собой живой пример самопожертвования. Работающая женщина эгоистична и использует работу, чтобы не проводить время в компании свекрови, которой она в традиционной семье должна безоговорочно подчиняться. 9. Мать должна постоянно пестовать свои материнские чувства. Недостаток любви и контакта приводит к тягчайшим заболеваниям у ребенка. 10. Необходимо отказаться от профессиональной деятельности (в любой, даже минимальной, форме) на ближайшие 5 лет.

Не всё так однозначно, не все матери следуют этим рекомендациям. Прежде всего, они касаются семей, которые могут позволить себе жену-домохозяйку. Однако несомненно, что полное взаимное растворение матери и ребенка приветствуется. Впоследствии сильная эмоциональная привязанность и зависимость переносится на другие группы, к которым принадлежит человек помимо семьи.

Вогель делает несколько важных замечаний по поводу самосознания японского среднего класса — точнее, его отсутствия. Несмотря на всю массовость этой прослойки, общность ее образа жизни и экономических интересов, *сарариманы* не осознают себя в качестве единой социальной группы. В значительной части жизнь японцев построена не на рыночных механизмах, а на личных взаимоотношениях. Люди оказывают друг другу массу услуг, не прося за это денег. Так, в норме вещей остановиться в другом городе не в гостинице, а у знакомых или даже знакомых знакомых (не говоря о родственниках). В ответ человек окажется обязан и при случае окажет аналогичную услугу. Отдариваться дорогими подарками также не принято. Японцы часто дарят какие-то незначительные мелочи[16]. Дорогой пода-

[16] Вплоть до одноразовых гигиенических салфеток. Это не считается неприличным. Напротив, такой подарок предпочтителен — он ни к чему не обязывает получателя и при этом заведомо будет использован, в отличие от предметов интерьера или посуды. — *А.Н.*

рок не приветствуется, так как слишком обязывает получателя, как и слишком важные услуги[17].

Средний сотрудник компании настроен по отношению к политикам весьма скептически. Для него они слишком прагматичны и эгоистичны, по сравнению с известными деятелями прошлого, в особенности периода Мэйдзи. Они довольно аполитичны и считают, что лучший способ решить жизненные задачи — иметь хорошие отношения с людьми, влиятельными в той или иной сфере. *Кайсяины* даже не стремятся особо участвовать в решении вопросов, связанных с их муниципальным образованием. Они могут принимать активное участие в деятельности родительских комитетов или подобных организаций, но они очень редко будут сообща бороться против какого-либо ущемления их интересов со стороны властей. Они довольно позитивно воспринимают внешние проявления демократической системы, в первую очередь — выборы, но считают, что их голос не очень много значит для конкретных политических решений, потому что большинство из них принимается за закрытыми дверями в дорогих ресторанах и чайных домах.[18] Сравнивая японцев с американцами в данном аспекте, Вогель отмечает, что вторые, вполне вероятно, также мало влияют индивидуальным голосованием на судьбу страны, однако воспринимается это гражданами США совершенно обратным образом. Японцы же не питают иллюзий относительно власть имущих своей страны и просто более циничны. *Кайсяины*, особенно те, кто помоложе, часто голосуют за СПЯ, однако больших надежд на нее не возлагают, считают социалистов безответственными, а самое главное, не верят, что, придя к власти, представители этой партии были бы менее подвержены коррупции, чем политики из правящей ЛДП.

Любопытно, что, несмотря на все это, средний японец неплохо информирован как о внутренней, так и о внешней политике, поскольку ежедневно читает как утренние, так и вечерние выпуски газет. Данная ситуация не сильно поменялась за последние несколько десятков лет, даже учитывая распространение электронных СМИ. Тиражи центральных японских газет по-прежнему велики.

---

[17] Приведем следующий пример для пояснения. Данный пример взят из жизни и достаточно типичен. На загруженной железнодорожной станции, где поезда останавливаются каждые несколько минут, во время жары у пассажира средних лет кружится голова, он теряет равновесие и падает с платформы на пути. Двое молодых людей, находящихся поблизости, сами рискуя, прыгают с платформы и вытаскивают его. Всё происходит очень быстро, сотрудники станции успевают только к моменту, когда пожилой пассажир уже вне опасности. Если бы другие пассажиры не полезли на пути, велика вероятность, что сотрудники станции не успели бы вовремя среагировать и произошла бы трагедия. Казалось бы, какая должна быть реакция на произошедшее? Если мы говорим о российском (и не только) мировосприятии, вполне однозначно, что пожилой пассажир должен быть счастлив. Он чудом избежал смерти. Молодые люди, его спасшие, совершили героический поступок и достойны восхищения. Однако от многих японцев приходится слышать другие отзывы. Пожилому пассажиру должно быть бесконечно стыдно за то, что он потревожил столько людей. Кроме того, он теперь невосполнимо обязан двоим совершенно незнакомым людям и находится в затруднительной ситуации, ведь вероятность, что он каким-то образом сможет им отплатить, весьма мала, а деньги они не возьмут. Так он и будет жить с осознанием неисполнимого морального долга. Если бы его спасли сотрудники станции, ситуация была бы несколько лучше — сотрудники станции находятся при исполнении служебных обязанностей и должны предотвращать инциденты, однако и они не обязаны рисковать ради этого жизнью. — *А.Н.*

[18] И они, надо отметить, совсем не далеки от истины. — *А.Н.*

По сути, всё японское общество разбито на небольшие изолированные группы, по отношению к которым человек испытывает наибольшую преданность и от которой зависит. Среднего японца мало интересуют проблемы людей за пределами этой небольшой группы. Таких групп может быть несколько: например, семья (в широком значении), коллеги по работе, однокашники. Это весьма важное наблюдение, которое объясняет, в частности, почему в Японии так и не оформилось широкое профсоюзное движение, несмотря на достаточно большую популярность социалистических идей.

Неслучайно по сей день такими церемониями обставлены все события, связанные со входом в группу или выходом из нее: изменение семейного положения, поступление в учебное заведение и на работу, переезд. При этом на первичной инициализации испытания не заканчиваются. Полное вождение в какую-либо группу может растянуться на годы. Неслучайно японцы (в особенности мужчины) всё время носят с собой визитные карточки, на которых обозначена компания, телефон, адрес и иногда другие сведения. При знакомстве (не только по работе) он обязательно вручит такую карточку и по возможности попытается найти либо общего знакомого с человеком, либо просто упомянет кого-то из достаточно известных друзей или родственников. Это делается не из бахвальства, а с целью обозначить свое положение в уже существующей группе и как можно лучше вписаться в новый для него круг. Немало написано о вежливых формах японского языка. По сути, их существование указывает на то, что сам язык варьирует от типа общения: происходит ли оно между представителями разных групп или же внутри одной группы, но между людьми с разным статусом в ее рамках. В зависимости от ситуации используется не просто разные лексические единицы, а разные грамматические правила.

Особое значение имеют связи горожан (особенно крупных агломераций) с жителями деревень, откуда они когда-то приехали или где проживают их родственники. Деревенские жители часто стремятся устроить своих детей на работу в город. Если горожанин соглашается найти какую-то работу для односельчан (часто — разнорабочим), то на этом его обязанности не заканчиваются. Он должен присматривать за молодым человеком, прибывшим из провинции, следить, чтобы тот не попал в дурную компанию, не женился на неподходящей девушке, не влез в долги или не ввязался в драку. Если что-либо подобное произойдет, городской «благодетель» будет виноват перед родителями подопечного. При этом отказаться от просьб со стороны деревенских родственников и знакомых бывает затруднительно. Это одна из причин, почему многие горожане годами не посещают свою малую родину (*фурусато*). Наиболее эффективным методом контроля со стороны малых групп до сих пор является *мура хатибу* («изгнание из деревни», остракизм), который первоначально родился в реалиях деревенской жизни, однако и в городе он может иметь печальные последствия.

Вогель весьма убедительно показывает, что основные качества, которые воспитывает современная японская система, которые поощряются в человеке, — это, во-первых, преданность своей группе (прежде всего, организации, в которой работает человек); во-вторых, нечто вроде компетентности, способности хорошо выполнять свои обязанности, которая включает, с одной стороны, способности, с другой, что не менее важно, колоссальную усидчивость и прилежание (как в студенческие годы, так и позднее). В Японии, к примеру, не принято супругам на людях

держаться за руки и тем более перешептываться или обниматься. Это объясняется тем, что за пределами дома члены семьи должны демонстрировать приверженность каким-то иным обязательствам, более широким группам (сослуживцам, родственникам и т.д.), тогда как дома они могут вести себя как угодно.

Принадлежность к группе культивируется практически с рождения. Выше уже описано явление *амаэ*, однако оно не сводится к отношениям с матерью. Японские дети почти всегда спят вместе с родителями.[19] Лет до 2 или 3 матери купаются вместе с ребенком, его носят на спине. Приспособления, вроде манежа, чтобы оставить ребенка ненадолго без непосредственного присмотра, практически не используются. Мать должна наблюдать за ребенком сама и всегда быть поблизости. Считается, что ребенку должно быть страшно без матери, и сами родители активно культивируют отношение к дому и в особенности к матери как к единственному безопасному месту. К примеру, в некоторых семьях в ходу страшные истории про призраков, которые родители сами рассказывают детям, в результате чего те в достаточно большом возрасте боятся ходить в туалет одни. На практике, как утверждает Вогель, и с ним трудно не согласиться, это и формирует то самое растворение в своей референтной группе, первоначально — семье, без которой человек не мыслит своего существования, за пределами которой ему страшно и неуютно и без руководства которой ему трудно принимать самостоятельные решения.

Итак, статьи расхода могут варьироваться в зависимости от семьи. Какие-то семьи больше тратят на услуги, а какие-то — на товары повседневного пользования. Однако неизменно одно: три главные статьи расходов средней японской семьи второй половины XX – начала XXI века — это жилье, образование и свадьба детей. Естественно, что хронологически они расположены в той последовательности, в которой мы их привели. В 1971 г. средний небольшой дом можно было купить за примерно два годовых заработка мужа. Первые годы совместной жизни супруги, как правило, проживали вместе с кем-либо из родителей или снимали квартиры. Усугубляли жилищную проблему и послевоенные разрушения, и отток из города в деревню. До 1970-х гг. кредиты были слабо распространены, поэтому семьям приходилось откладывать. Затем большое распространение получают ипотечные кредиты, выплаты по которым, как правило, растягиваются на годы: к примеру, в 1980-х гг. средняя семья рассчитывалась с кредитом на жилье за несколько лет до выхода основного добытчика на пенсию. Следует учитывать, что цены на жилье в Японии всегда были высоки, а особенно пошли вверх в 1980-е, что обусловлено комплексом причин, но в первую очередь — высокой стоимостью земли из-за нехватки свободной территории в густонаселенных регионах. В результате приемлемое жилье доступно в основном сотрудникам с бессрочным контрактом (пожизненное трудоустройство). Наряду с этим в крупных городах до сих пор существует и пользуется спросом крайне дешевое жилье с малой площадью и «удобствами на этаже». Можно считать, что для японского среднего класса жилье было в среднем менее доступно, чем для представителей аналогичных категорий в странах Европы или США.

Другая крупная статья расходов — это образование. С одной стороны, послевоенная реформа образования была направлена на эгалитаризацию возможностей,

[19] За почти полвека это практически не поменялось. См., напр., https://melon-panda.livejournal.com/731012.html

и новая система серьезно упростила переход учащихся школ на следующую ступень. В итоге к 1980-м гг. 99,98% детей оканчивали девять классов, при этом 94,2% из них продолжали обучение в старшей школе или колледже, а 37,4% продолжали высшее образование в университете. Начальное образование при этом бесплатно (по крайней мере, в базовом варианте). С другой, именно образовательная система в Японии направлена на отбор и воспроизводство прослойки сотрудников компаний. Причем отбор этот происходит поэтапно и начинается достаточно рано. Это сегрегация длиною в жизнь. Почти невозможно проиграть на одном витке (например, не попасть на работу в престижное министерство или компанию), а затем опередить победителей на другом. Конкуренция за привилегированные рабочие места фактически начинается со средней школы, если не раньше. При этом в последние десятилетия она несколько ужесточилась, поскольку конкуренция за привилегированные рабочие места также усилилась.

Именно дети сотрудников компаний сильно зависят от вступительных экзаменов в учебные заведения, а затем от испытаний при приеме на работу: наследники семейного дела вроде клиники или среднего бизнеса могут закончить и менее престижный вуз, при этом родители обычно в состоянии покрыть все расходы на обучение даже тем детям, которые не собираются наследовать семейный бизнес (как правило это делает старший сын, если бизнес небольшой, но в некоторых случаях могут быть востребованы и несколько сыновей и даже мужья дочерей). Мелкие лавочники, напротив, не испытывают амбиций по поводу будущей карьеры своих детей.

Фактически вся дальнейшая жизнь определяется несколькими вступительными экзаменами. Промежуточная успеваемость практически не важна. В наибольшей степени играют роль три группы экзаменов: вступительные в старшую школу после средней, в университет после старшей школы и при приеме на работу. Поступление в более престижную старшую школу дает больше шансов при зачислении в вуз, учеба в престижном университете, в свою очередь, обещает более выгодное трудоустройство. Помимо престижа университета как фактора последующего трудоустройства играют роль и социальные связи, приобретенные в студенческие годы. Они могут играть существенную роль при трудоустройстве, заключении брака, начале политической карьеры. Как ни странно, для девушек образование тоже важно, хотя прессинг во время экзаменов для них не так силен: девушка, окончившая более престижный (как правило, женский) университет, имеет больше шансов сделать выгодную партию, чем девушка, чей уровень образования ниже. К слову, крупные университеты часто работают по тому же принципу, что частные фирмы: профессура в подавляющем большинстве окончила когда-то это же учебное заведение и не меняет места работы в течение жизни.

Есть небольшое исключение из этого правила. Существуют школы-«эскалаторы» (*эсукарэта*), аффилированные с университетом, или средние и младшие школы, привязанные к старшей школе. Вступительные экзамены между этими заведения носят часто номинальный характер. Иногда цепочка доходит до детского сада. Если родителям удается определить ребенка в такой детский сад, они могут считать, что более или менее устроили будущее отпрыска. Цены на такие детские сады достаточно высоки, но постепенно снижаются по мере перехода из класса в класс. Тем не менее, существуют большой конкурс на прием в эти заведения.

При этом Вогель пишет, что появились даже появились «подготовительные курсы» для детей 3–4 лет, помогающие поступить в нужный детский сад, и нужно отметить, что за 40 лет ситуация совершенно не поменялась. По-прежнему существуют «детские сады при университетах».

За этим исключением основную массу детей среднего класса ожидает «экзаменационный ад». Вступительными экзаменами занимается, в основном, мать (иногда вплоть до университетских вступительных): она собирает документы, включая рекомендательные письма для ребенка, следит, чтобы ребенок прилежно занимался, подбирает подготовительные курсы (*дзюку*). Наиболее отчаянные приезжают с ночи в дни приема документов, чтобы первыми заполнить бланки и сдать свое портфолио, хотя порядок подачи заявлений никак не сказывается на результате, матерям кажется, что смиренное ожидание с раннего утра демонстрирует приемной комиссии их серьезный настрой. Не менее важна функция матери на вступительных собеседованиях (в школе).

В целом матери сильно вовлечены в образовательный процесс. Так, принято помогать детям с домашним заданием. При этом матерям времен экономического бума это давалось не так уж просто, потому что подавляющее большинство из них закончило либо просто младшую, либо специальную женскую школу, уровень образования в которых был довольно низок. Усилия матери при этом влияют на ее статус в рамках местного сообщества: учителя хвалят или ругают ее, в зависимости от успехов отпрыска.

Помимо усилий матери, несомненно, большую роль играют деньги. Многие из престижных старших школ — платные. Кроме платы за собственно школу большие средства у большинства семей уходят на дополнительные курсы *дзюку*, специально натаскивающие на сдачу вступительных экзаменов. Обучение в университете (любом, даже государственном) всегда платное. В книге 1971 г. Вогель пишет о некоторых трудностях, с которыми сталкиваются семьи, выбирая между затратами на образование и собственными сбережениями на старость. Если беднейшая группа семей тратит на дополнительные образовательные услуги для детей 8,5% располагаемого дохода, то для самых богатых домохозяйства эта доля достигает одной пятой. М. Жоливе приводит цену от 27,9 до 35,7 млн. долларов на воспитание одного ребенка — за вычетом одежды, питания и медобслуживания, основную часть этой суммы тратится на разные образовательные услуги.

Может возникнуть вопрос, к чему вся эта безумная гонка и трата средств, сопоставимых с выплатами за жилье. Ведь обязанность обеспечивать родителей в старости, ложащаяся на плечи старшего сына, уже несколько десятилетий оказывается несколько размытой. Большинство служащих надеются (и вполне оправданно), что смогут жить на сбережения в старости, не обременяя детей. Однако в отличие от крестьян или профессионалов и бизнесменов, имеющих собственное дело, они по сути ничего не могут передать детям. Практически единственное, что они им могут дать, — образование, чтобы дети в будущем смогли пополнить ряды *кайсяинов* и возобновить цикл.

Наконец, последняя статья расходов — свадьба детей и приданое невесты, которое должно фактически покрыть значительную часть расходов будущей жены на несколько лет вперед. Принято, чтобы родители невесты покупали для молодой

жены мебель, полный комплект одежды, домашнюю утварь. На родителей жениха в этом плане ложится значительно меньше финансовых обязательств. Однако и без приданого на саму свадьбу тратится невероятно много — иногда 2–3 годовых (!) заработка жениха. Кимоно, необходимое жене для «выходов» после свадьбы, также стоит зачастую несколько месячных заработков среднего сотрудника компании.

Довольно любопытно единообразие этой системы расходов для семей. Большие траты на жилье имеют, несомненно, сугубо рациональные мотивы. Расходы на образование — смешанные. Действительно, трудно обеспечить будущее детям без того, чтобы дать им образование, но свою роль играет и традиционное почтение к образованию, характерное для стран Дальнего Востока. При этом само содержание образования не всегда является определяющим, большинство профессий фактически начинают обучение своим навыкам уже на рабочем месте. Престижные университеты сродни престижным клубам, в них трудно поступить, но уже после поступления требования к студентам невысоки, это самый легкий, «расслабленный» период жизни для большинства. Что же касается трат на свадьбы, то никаким рациональным объяснениям (с западной точки зрения) они не поддаются. Необходимость приданого постепенно уходит в прошлое: товары повседневного потребления, включая одежду, бытовую технику или посуду, а иногда и мебель, стоят значительно дешевле, чем в 1960-е, и молодые вполне могут справиться с ними сами. Однако свадебные банкеты не дешевеют, а наоборот. Отдельные семьи тратят на свадьбу ребенка деньги, эквивалентные всем затратам на его образование. Приглашается огромное количество гостей, невесты нередко покупают несколько свадебных нарядов, которые они меняют в течение дня; кроме того, принято дарить гостям памятные подарки. И всё же своя рациональность в этом есть: уже упоминалась важность, жизненная необходимость принадлежности к группе и демонстрации лояльности по отношению к ней. Свадьба как один из главных обрядов социального перехода не может происходить без участия не только всех членов семьи, но и вообще членов основных социальных групп, к которым принадлежат новобрачные, — коллег, соучеников и т.д. Довольно характерна следующая деталь: в отличие от, к примеру, европейского бракосочетания, где основное внимание уделяется самому обряду (не важно, религиозному или светскому как его суррогату — не может быть свадьбы без религиозной или юридической фиксации брака), для японцев вне зависимости от типа бракосочетания важна фиксация нового статуса группой. Может вообще отсутствовать религиозный обряд и/или юридическое закрепление нового семейного положения, но без гостей свадьбы быть не может. Так, распространены фиктивные венчания — то есть воспроизведение «голливудской» протестантской свадьбы с участием жениха, невесты и актера, играющего священника. Религиозность здесь ни при чем, важен эффектный спектакль для гостей. Юридической же фиксации брака, напротив, уделяется мало внимания. Она может сильно отставать по времени от свадьбы, а в последние годы заменяется уведомлением властей дистанционно (заполнением соответствующей анкеты и отправкой ее по почте в органы регистрации).

Профсоюзное движение

Имеет смысл рассмотреть историю профсоюзного движения в Японии. Ранее упоминалась популярность социалистических идей в послевоенной Японии. Х. Кавaниси[20] отмечает, что 1950-е и 1960-е стали временем настоящей борьбы между левыми профсоюзами и организованным менеджментом за «души рабочих». В свою очередь, социолог Хара Дзюнсукэ[21] отмечает, что пик и одновременно последняя волна социалистических настроений Японии пришлись на студенческие движения 1968 г., в которых участвовали «бэби-бумеры» — большое поколение рожденных вскоре после войны. После этого популярность социалистических идей пошла на спад, и к 1973 г. «социалистическая мечта окончательно развеялась для большинства в Японии». Таким образом, менеджмент и консервативные политики выиграли эту борьбу.

В первую очередь стоит отметить, что левое движение в Японии никогда не было единым. Интеллектуалы из университетской среды придерживались разных течений, а кроме того, на практике не очень сильно интересовались профсоюзным движением. До войны профсоюзы в Японии были запрещены. На волне демократизации второй половины 1940-х гг. они быстро получили распространение: в это время в профсоюзах состояло около 55% рабочих. Регулярно с 1955 г. устраивались акции протеста. Наиболее характерной была тактика «весенних наступлений» (*сюнто:*) — массовые демонстрации накануне нового финансового года, когда рабочие традиционно требовали повышения заработной платы. Кроме этого, рабочие могли протестовать против массовых увольнений или иных притеснений своих прав. В течение 1960-х гг. профсоюзы, хотя и стали менее сильны, всё же оставались одной из влиятельных сил количественно. Упомянутый перелом произошел в 1970-е гг. после «нефтяного шока» и снижения темпов экономического роста. Именно с этого момента японские профсоюзы стали жестко ориентироваться на конкретное предприятие, стали «прирученными». Акции протеста практически не устраивались либо носили декоративный характер, а работа профсоюзов жестко контролировалась «белыми воротничками» ком-

[20] Mouer R., Kawanishi H. A Sociology of Work in Japan. Cambridge, 2005. 303 p.

[21] Junsuke Hara. An Overview of Social Stratification and Inequality Study in Japan: Towards a “Mature” Society Perspective // Asian Journal of Social Science. 2011. Vol. 39, No. 1. P. 9–29.

паний. Количество членов постоянно снижалось. Кроме того, были разгромлены несколько сильных левых профсоюзов учителей и железнодорожников, после чего профсоюзное движение пошло на спад.

Если раньше средний японский профсоюз насчитывал 190 членов, то к 1996 г. сократился до 176. В 2000-х гг. в профсоюзах состояли всего 20% рабочих.

Деятели профсоюзов никогда не были объединены на общенациональном уровне, что также мешало им добиваться поставленных целей. Более того, даже в большинстве концернов *кэйрэцу* также не существует общих профсоюзов, объединяющих сотрудников всех предприятий. В 1987 г. две крупнейшие федерации профсоюзов — «Домэй» и «Тюрицу рорэй» — объединились в федерацию «Рэнго», в результате чего профсоюзное движение в Японии стало наиболее организованным за всю свою историю. Однако произошло это слишком поздно, когда профсоюзы уже давно играли декоративную роль. В 2002 г. «Рэнго» включал 57 объединений промышленных профсоюзов и более 6,8 млн. индивидуальных членов, или 63,6% организованной рабочей силы. Две менее крупные организации, «Дзэнрорэн» и «Дзэнрокё», включали 7,5 и 1,7% организованной рабочей силы соответственно.

Сократилось и количество протестных акций. В 1970-х гг. происходило от восьми до десяти тысяч стачек в год. В 1980-е со стабилизацией экономики их число резко сократилось, а к 2000-м гг. оно и вовсе стало незначительным: если в 1969 г. в разного форма протестах участвовало 10 млн. человек, то в 2010 — менее 100 000.

Плачевная и в чем-то комичная судьба ждала и «весеннее наступление»: к 1980-м гг. оно давно уже превратилось в ритуализованное действо, предшествующее запланированному повышению заработной платы: ни о каких реальных требованиях и борьбе речи уже не шло. В 1995 г. «Никкэйрэн» (ассоциация бизнеса) запустил реформу *сюнто:* — весенних наступлений. В 1998 г «Рэнго» согласилась заморозить минимальные зарплаты. В последующие годы (к 2006 г.) интенсивность *сюнто:* спала. Ранее еще одной целью *сюнто:* было достижение примерно одинакового уровня зарплат в пределах отраслей; эти усилия также были сведены на нет в этот период, окончательно от этого требования отказались в 2002 г. В этом году произошло другое знаменательное событие — в результате переговоров с профсоюзом Toyota Motors (крупнейшее предприятие и в каком-то смысле лицо японской промышленности) было впервые с 1955 г. отказано в увеличении заработных плат. Характерная деталь — требование было чисто символическим: повысить зарплаты на 1000 йен[22], а по времени пришлось на рекордные на фоне общей стагнации прибыли компании в 1 трлн. йен. Председатель Тоёта Окуда Хироси в это время был главой ассоциации бизнеса «Ниппон кэйданрэн». На следующий год профсоюз Тоёты, крупнейший и задававший общий тон, отказался от требования повышения зарплат, а «Ниппон кэйданрэн» объявил о прекращении движения «весенних наступлений» — на правах победителя.

В настоящий момент около половины фирм заявляют о том, что консультируются с рабочими союзами по поводу условий найма (зарплаты, продвижения по службе). Что касается других вопросов, здесь участие профсоюзов также заметно сократилось. Если в 1970-е гг. 60% фирм заявляли, что рабочие так или иначе при-

[22] Сумма символическая — около 10 долларов.

нимают участие в обсуждении стратегии компании, то к 2010 их процент сократился до 20%. Кроме того, из этих 20%, вероятно, значительная часть участвуют в обсуждении номинально.

И еще одна важная деталь. Несмотря на то, что профсоюзы не играют существенной роли в Японии, работники временного найма — то есть работающие в наихудших условиях (см. ниже) — ими практически не охвачены. Эти сотрудники лишены даже этой небольшой поддержки их прав. Вялые попытки создать профсоюз для сотрудников временного найма были, но так ни к чему и не привели. Более того, «синие воротнички» с постоянным контрактом с трудом выработали общий подход к временным сотрудникам. Союз «Рэнго» был в значительной степени расколот тем, как относились его члены к либерализации рынка труда, позволившей работодателям вновь создавать «плохие» (дешевые) рабочие места. Одобрение возможности для работодателей нанимать большее количество работников на менее выгодных для них условиях, несомненно, ударило бы по его политическому престижу. Однако в итоге профсоюзные организации согласились с реформой. Сохранение привилегий для сотрудников «пожизненного» найма позволило им сохранить лицо перед своими рядовыми членами.

Нарастание экономического неравенства

Как отмечено выше, до начала – середины 1990-х гг. японское общество внешне, а также изнутри казалось эгалитарным, однако после начала экономической стагнации эта уверенность несколько пошатнулась. В 1998 г. вышла монография социолога Татибанаки Тосиаки «Экономическое неравенство в Японии: доходы и имущество», в которой автор доказывал, что Япония вовсе не является эгалитарным обществом и что с 1980-х годов неравенство все возрастало. Хотя книга вызвала острую критику, она стала первой серьезной публикацией, зафиксировавшей новое состояние японского общества. Другой автор, Сато Тосики, в 2000 г. выпустил исследование, результаты которого показали, что возможности для социальной мобильности, присоединения к разряду «белых воротничков», в последние годы существенно снизились. Это сказалось и на ожиданиях: если предыдущее поколение было уверено, что всего можно достичь упорным трудом, то представители нынешнего, напротив, часто убеждены: что бы человек ни делал, его социальное положение не изменится. Эта работа также не была принята однозначно.

В период 1981–1996 гг. средний доход японских домохозяйств неуклонно рос. Затем вплоть до 2008 г. наметилась диверсификация. Доход домохозяйств из верхнего 50-го процентиля оставался примерно таким же. В то же время доходы нижнего 50-го процентиля снижались. Вслед за зарождающимся неравенством в доходах наметилось неравенство и в потреблении. В период с 1981 по 1996 г. неравенство доходов на домохозяйство наблюдалось. Однако оно было скорее позитивного свойства. Оно было связано с разными темпами роста доходов. Рост наблюдался во всех сегментах домохозяйств, однако в нижнем сегменте он составлял в среднем 18 пунктов, в верхнем — 40 и более. Рост неравенства после этого периода совершенно другого свойства. На этот раз рост среднего дохода домохозяйств верхнего сегмента практически равнялся нулю, либо снизился незначительно, тогда как снижение доходов беднейшей половины было ощутимым — до 10 пунктов. Затем, в начале 2000-х расслоение несколько замедлило темп роста. Новый виток начался в 2005 г.

Исследование университета Кэйо[23] охватило период с 1994 по 2009 г. Были использованы данные по примерно 57 000 домохозяйств, из них 4400 — домохозяйства, состоящие из одного человека. Полученные данные подтверждают: с одной стороны, в последние годы снизился средний доход на человека, с другой — увеличилось имущественное расслоение. Причем авторы исследования отмечают также увеличение темпа снижения дохода. Если же рассматривать отдельно показатель реально располагаемого дохода, оказывается, что в наиболее выигрышном положении оказываются домохозяйства, в которых под одной крышей проживают три поколения, а наименьший — где родитель-одиночка проживает с ребенком.

Согласно тому же исследованию, в период с 1994 по 2009 г. в Японии выросли показатели коэффициента Джини, как по первоначальному доходу с 0,351 до 0,415, так и по располагаемому доходу с 0,266 до 0,278. Авторы отмечают также ухудшение ситуации с бедностью. В группе наибольшего риска оказались домохозяйства, представленные родителем-одиночкой и ребенком (детьми). В этой группе уровень бедности повысился примерно на 10 пунктов.

Примечательно, какие из префектур испытывают наибольшее имущественное расслоение: лидируют Нагасаки, Окинава, Токусима — то есть периферия, далее следует Осака, Фукуока и Токио. Результат Токио и Осака вполне понятен: в крупнейших городах сконцентрировано как беднейшее население, так и, естественно, наиболее состоятельная прослойка. Любопытно, какие префектуры испытали наименьшее расслоение — Ямагути и Киото — то есть те префектуры, откуда происходит старая элита Японии (императорская столица и земли бывшего клана Тёсю, победившего в реставрации Мэйдзи). Наибольшее количество бедных (с большим отрывом) на Окинаве, далее следует Кагосима — то есть наиболее южные. Меньше всего бедных в не самых богатых префектурах Японии — Тояма и Фукуи. Также благополучно «промышленное сердце» Японии — Аити.

В чем причины обратных изменений в японском обществе? Несомненно, большую роль сыграла экономическая ситуация. С 1989 г. Япония переживала экономическую стагнацию, которую принято называть «потерянным десятилетием». В 1990-е гг. рост экономики замедлился, а в 1993, 1998, 1999 и 2009 гг. был отрицательным. В этот период вырос как уровень безработицы, так и количество контрактов непостоянного найма, что сказалось на доходах населения. Тем не менее Япония оставалась одной из крупнейших экономик мира, рост прекратился, но и не было радикального сокращения ВВП, а доходы корпораций далеко не всегда были минимальными. Поэтому не следует устанавливать прямую причинно-следственную связь между стагнацией и ростом экономического неравенства, есть множество факторов, подавляющее большинство которых завязаны на особенности функционирования рынка труда в современной Японии.

Ёкояма Идзуми и Кодама Наоми (Экономический факультет университета Хитоцубаси) провели исследование, основанное на официальной статистике и данных

[23] Комамура Кохэй, Ватанабэ Курико, Танака Соитиро, Сиката Масато. Нихон-но сётоку какуса-то бимбо: : «Дзэнкоку сё:хи дзиттай тё:са» (1994–2009)-о мотиита кэнсё: (Верификация «Общенационального исследования потребления» (1994–2009). Расслоение уровня доходов и бедность в Японии). URL: https://ies.keio.ac.jp/publications/7481/

частных фондов. Оно показало, что с 2000-х гг. доходы как женского, так и мужского сегмента среднего класса снизились.

Оригинальное наблюдение авторов состоит в том, что причины снижения доходов для мужчин и женщин были разными. Анализ различных групп занятых показал, что в наибольшей степени пострадали сотрудники средних и небольших фирм. Если в 1989 г. разрыв в доходах между служащими крупных корпораций и средних фирм существовал, но не был очень заметным, то в настоящее время именно мужчины, работающие на небольшие фирмы, составили основную часть тех, чьи доходы сократились. Нескольку другая ситуация с женщинами. Сотрудницы, работающие на высокооплачиваемых ставках, почти не потеряли в своих доходах. На доходах женщин в наибольшей степени сказалось распространение временной занятости.

По мнению авторов, основная причина таких перемен — смена стратегии компаний, в особенности крупных. Если ранее корпорации вкладывали примерно равное количество средств в сотрудников и основным различием в статусе был стаж (и, как следствие, возраст), теперь компании вкладывают свои средства в потенциально наиболее эффективных сотрудников вне зависимости от возраста, снижая при этом расходы на основную массу работников.

Ямада Кэн (Сингапурский университет менеджмента) и Кавагути Дайдзи (Университет Хитоцубаси) фокусируются на более узкой проблеме: неравенстве в доходах трудоустроенных мужчин. В соответствии с экономической статистикой уровень неравенства в зарплатах перестал расти в 1990-е гг. Однако начиная с 2000-х неравенство в доходах среди работающих мужчин возобновило рост.

Исследователи проанализировали обширные данные официальной статистики о заработной плате мужчин от 15 до 59 в период с 1991 по 2008 г. Выбранная статистика предоставлялась частными предприятиями с числом занятых более 5 и государственными учреждениями с численностью персонала более 10, за исключением первичного сектора (сельское хозяйство, рыбный промысел) и органов законодательной власти. Учитывался уровень образования, количество времени, проводимого на работе, все выплаты, включая, помимо основного оклада, весь спектр платежей: надбавки, пособия, сверхурочные и т.д. Были оценены общий уровень имущественного неравенства, неравенство между различными социальными группами и внутри групп.

Общая тенденция к снижению неравенства в 1990-е гг. объясняется, по мнению Ямада и Кавагути, снижением межгруппового неравенства, прежде всего по типу контракта — временный или постоянный, а повышение общего уровня расслоения с 2000-х — повышением имущественной дифференциации внутри групп одной категории сотрудников. Здесь, вероятнее всего, работает механизм, описанный Ёкояма и Кодама, связанный с новой стратегией работодателей вкладывать в наиболее эффективных сотрудников, пренебрегая остальными.

Судя по всему, система гарантированного стабильного роста доходов в настоящий момент изменилась: увеличивается и поощряется работодателем конкуренция между молодыми сотрудниками, принятыми на работу в один период, а кроме того, некоторые работодатели стали более склонны продвигать молодых активных и талантливых сотрудников в ущерб старшим коллегам: это новая тенденция, ранее практически не отмечавшаяся на японском рынке труда.

Ямада и Кавагути отмечают и встречную тенденцию: дифференциация, связанная с зависимостью зарплаты от опыта работы, несколько снизилась за эти годы. Однако они приводят другое объяснение: рост расслоения может быть связан с демографическими изменениями, поскольку молодых работников сравнительно мало, а служащих с опытом работы — сравнительно много. Кроме того, квалификация больше не играет такой роли, как ранее: в последние годы в Японии наблюдается постоянное повышение квалификации рабочей силы. За период с 1991 по 2008 г. доля выпускников вузов, окончивших четыре курса, в рабочей силе выросла с 25 до 36,4%, а окончивших два курса — с 5,1 до 10,5%. Параллельно доля выпускников средней и старшей общеобразовательной школы сократилась — с 18,0 до 5,3% и с 51,9 до 47,7% соответственно. Это связано уже не с рынком труда, а с ростом уровня образования: когда большинство окончило вуз, это больше не является конкурентным преимуществом.

В японских фирмах распространена выплата премий дважды в год. Премии — важная и почти обязательная часть доходов сотрудников компаний. К примеру, в 1991 г. премии получили 92,2% персонала, при этом размер выплат напрямую связан с длительностью стажа. За период стагнации этот показатель снизился до 83,8%, а кроме того, снизилась сумма выплат с 28,6 до 21,6% по отношению к основному окладу. Сумма бонуса при этом практически не зависит от предыдущего опыта работы и коррелирует лишь с образованием и сроком пребывания в конкретной должности. Кроме того, в течение 2000-х гг. сумма основного оклада постепенно росла, тогда как размер бонусов, напротив, сокращался: именно это привело к снижению доходов среднего класса в эти годы.

Однако исследование структуры заработной платы, в особенности на крупных предприятиях, не объясняет всего. В частности, необходимо рассмотреть безработицу. 1980-е характеризовались очень низким (2,5%) уровнем безработицы. В период с 1990 по 2002 г. безработица выросла с 2,1 до 5,4%. Если сравнить это с благополучными 1960-ми, тогда этот показатель составлял 1%, к 1980-м он вырос до чуть менее 3%, в 1995 г. превысил 3%, к 1998 г. составил 4%, к 2001 г. — 5%. Большинство авторов отмечают, что эти цифры искусственно занижены и включают только тех, кто официально искал работу через биржу труда в предыдущий месяц. Люди, ищущие работу другими способами, не считаются безработными; граждане, проработавшие хотя бы один час в течение предыдущего месяца, также не считаются безработными и не попадают в статистику.

В 1990-е – начале 2000-х гг. проходило сокращение числа «хороших» рабочих мест. Даже крупные концерны объявили о сокращениях: Исудзу, Мицубиси, Фудзицу, Мацусита (Panasonic), Sony и др. сообщали о сокращении сотен сотрудников, а в отдельных случаях и о закрытии десятков заводов. Также, несмотря на отсутствие достоверных данных, можно предположить, что до 2004 г. имелась тенденция к сокращению штата и менее крупных предприятий — число фирм с количеством сотрудников более 5000 человек снизилось. Предыдуший период сокращения занятости пришелся на период 1970-х гг.: с 1974 по 1979 г. количество сотрудников крупных фирм сократилось на 12%.

Несмотря на всё это необходимо признать: безработица в Японии находится на достаточно низком уровне, а зарплаты в среднем и верхнем сегменте работников за рассматриваемый период не менялись существенно.

Ответ на вопрос о том, почему с середины 1990-х гг. в Японии возросло экономическое неравенство, лежит в той же плоскости, что и ответ на вопрос — почему в 1960-х оно сократилось: появилась (точнее, возродилась) прослойка непривилегированных работников, не относящихся к сотрудникам пожизненного найма. Именно нижний сегмент испытал наибольшее снижение зарплат: на 5% оплаты в час и на 17% общее число отработанных часов. Таким образом, доход работников нижнего сегмента снизился более чем на 17%. На практике речь идет о так называемых «временных работниках».

Впервые временных сотрудников в новейшей истории Японии стали массово нанимать с началом Корейской войны, когда фирмам удалось быстро расширить производство за счет размещения американских военных заказов. На тот момент не было уверенности в том, что экономический рост будет продолжительным. Впоследствии, по мере роста и в соответствии со стратегией «полной занятости населения», временные работники были поглощены растущим рынком постоянного наемного труда.

В основном внешние работники делятся на три типа: 1) почасовая работа; 2) работники срочного контракта (от нескольких месяцев до нескольких лет); 3) нанятые через специальные рекрутинговые агентства. Наибольшее количество временных работников приходится на почасовиков, преимущественно женщин. Вторая по численности категория — *арубайто* (также почасовка, однако здесь имеется в виду подработка для учащихся), третья — сотрудники временного контракта. Наконец, нанятые через агентства составляют меньшинство.

На практике попытки оценить размер сферы пожизненного найма в Японии натыкаются на множество трудностей. Так, постоянный контракт не обязывает работодателя, как и работника, следовать всем правилам, они негласные и поэтому все лежит в области интуиции. Журналисты постоянно пишут о сокращении или исчезновении практики пожизненного найма. Что касается научных публикаций, то на каждую статью, доказывающую скорый крах этой практики, приходится другая, доказывающая диаметрально противоположное, поскольку не существует универсальной методики, позволяющей измерить пожизненный наем количественно. В результате исследователи колеблются в оценках от 20 до 35%. В чем они солидарны, это в том, что пожизненный контракт предоставляют компании только с количеством сотрудников 500 и выше. Кто-то включает в категорию таких работников госслужащих, кто-то нет.

Оно Хироси полагает, что реальный процент работников пожизненного найма значительно меньше заявленного — не более 20[24]. Сам автор принимает за работников потенциально пожизненного найма сотрудников госсектора и предприятий со штатом более 500 человек, с постоянным контрактом, поступивших на службу сразу после окончания учебного заведения и строго мужчин. По его подсчетам, в 1985 г. процент таких работников составлял от общего числа занятых составлял 23,4%, в 1991 — 21,6%, в 2003 — 19,2%. При этом автор не уравнивает стандартный контракт с пожизненным наймом. Первое понятие включает большее количество сотрудников. В 1991 г. пропорция мужчин, работающих на постоянном контракте, составляла 91,5%, а женщин — 62,8%. В 2005 г. цифры сократились

[24] Ono Hiroshi. Lifetime employment in Japan: concepts and measurements // Journal of the Japanese and International Economies. Elsevier, 2010. No. 24, P. 1–27.

до 82,4 и 47,6% соответственно. Это говорит о том, что женщины в экономике играли роль буфера, балласта, который был сброшен в неблагоприятной экономической обстановке. В целом в крупных фирмах условия труда лучше: лучше оплачивается отпуск, больше выходных дней, выгоднее схемы выхода на пенсию и, кроме того, большие фирмы строго соблюдают возраст для выхода на пенсию, предписанный законодательством.

В 1998 г. четверть выпускников-мужчин различных учебных заведений устроились на работу «неполного дня» (имеется в виду непостоянный контракт), 30,3% выпускниц оказались в той же ситуации. По статистике 2001 г. временные сотрудники зарабатывали в среднем 95 226 йен в месяц, против 421 195 йен среднего постоянного сотрудника.

Количество работников непостоянного найма росло в исследуемый период постепенно и с показателя 1,3% в начале достигло в конце 8,5%. Об их неравном положении писалось неоднократно. Наиболее характерен пример премиальных: лишь 13,2% временных сотрудников получают дополнительные выплаты. Процент сотрудников временного найма в Японии при этом далеко не самый высокий: у мужчин их больше всего в возрастной категории 15–24 года (26,1%), что в среднем вдвое ниже, чем в европейских странах. Процент женщин, работающих по временному контракту, при этом несколько выше, чем в других странах, особенно в старшей возрастной группе (23,1% для группы 55–64 лет). Однако исследования по европейским странам 2000-х гг. показали, что там переход из категории временных работников в категорию постоянных не затруднен: так, в Великобритании в течение пяти лет около 80% временных сотрудников удается найти постоянную работу. В Японии же временные работники — особая когорта, выпадающая из среднего класса.

Она получила особое название *фурита* (от англ. Freeter), доля которых в 1990 г. составляла 10,4%, а в 2001 — 21,2%. По фритерами обычно понимают работников временного найма в возрасте от 15 до 34 лет, которые имеют временную работу и не учатся одновременно. Иногда в эту категорию включают и более зрелых людей. Само появление термина говорит о том, что появилась новая социальная категория. Это, как правило, выпускники старшей школы или университета, на сумевшие устроиться на постоянную работу, зарабатывающие на жизнь почасовкой или в лучшем случае время от времени меняющие работодателя. В рабочих коллективах почти вне зависимости от характера работы они занимают низшую ступень как по уровню оплаты, так и по другим показателям. Основными недостатками работы по временному найму является, помимо значительно меньшей оплаты труда, недоступность социальных и пенсионных программ. Молодым людям труднее перейти на постоянную работу. Работодатели в три раза реже привлекают временных сотрудников к обучению.

Рекордное количество *фурита* было зарегистрировано в 2003 г. и составило 2,18 млн. чел. Важно понимать, что вследствие временного восстановления экономики выиграли более молодые выпускники вузов, тогда как старшее поколение так и не нашло постоянной работы — фактически те, кто вышли на рынок труда в 1990-е и не смогли устроиться на постоянный контракт, так и остались фурита навсегда.

Как отмечает исследователь Оно Акико, наиболее типичным работником, устраивающимся на временную работу через агентство, является женщина от 20

до 40 лет со школьным дипломом. Работа, как правило, связана с торговлей или легким ручным трудом. Как правило, такую форму занятости выбирали замужние женщины, чтобы иметь возможность соблюсти равновесие между работой и обязанностями по ведению хозяйства и уходу за детьми, и реже — мужчины на стадии выздоровления после перенесенного заболевания (часто душевного). Опросы показали, что тип найма является одним из решающих факторов в субъективной оценке своей жизни как счастливой или несчастливой. Более 70% работников временного найма хотели бы перейти в категорию постоянных сотрудников. В ходе исследования Оно распределила работников временного найма в три категории: краткосрочного (до трех месяцев), среднесрочного (от трех месяцев до года) и долгосрочного (от одного до трех лет) найма. При этом около 70% работников среднесрочного найма работают на компанию дольше, продлевая сроки контрактов. Была выявлена следующая корреляция: работники краткосрочного найма принадлежат к самой младшей возрастной группе; как правило, они пережили какое-либо заболевание после окончания школы, чаще ментального характера. Работники, устроенные по среднесрочному контракту старше (около 40 лет), и сотрудники долгосрочного найма принадлежат к самой старшей возрастной группе. Группа средне- и краткосрочного найма на большую долю состоит из женщин. Долгосрочные контракты чаще заключаются с крупными компаниями с более 1000 сотрудников и связаны с канцелярской либо квалифицированной работой в области IT. Краткосрочные чаще связаны с продажами. При этом чем к более старшей возрастной группе они относятся, тем больше разница в оплате труда.

По данным Японского института трудовой политики и обучения, пик количества временных работников пришелся на 2008 г., когда оно составило 1,4 млн. человек, а в 2009 г. оно сократилось на 300 000 чел. Сокращение связано было с началом кризиса, при этом 43,8% компаний, переставших привлекать временных сотрудников, относятся к производящему сектору. Экономия заставила работодателей сократить периоды контрактов для нанятых на временной основе, форсировав при этом темпы работы, что негативно сказалось на адаптации сотрудников к новым условиям труда. После начала рецессии наибольшие трудности испытали молодые люди около 1980 года рождения, 40% из которых так и не сумели найти постоянную работу. Если до 1990-х гг. по временным контрактам работали, как правило, замужние женщины, то после начала рецессии среди этой категории работников резко возросло количество молодых холостых мужчин и незамужних женщин.

Положение *фурита* приводит к серьезным трудностям психологического характера. В связи с началом рецессии возросло беспокойство за сохранение рабочего места и среди постоянных сотрудников, и сотрудников, занятых на неполную или почасовую ставку, но наиболее выраженным (53,8%) оно оказалось именно среди работников, работающих по временному найму.

Несмотря на желание подавляющего большинства *фурита* перейти на постоянный контракт, надежды на трудоустройство не всегда являются реалистичными: по опросам исследователей рынка труда, активным поиском работы занимаются менее 10%. Многие оставили попытки, считая свое семейное положение, возраст и уровень образования препятствием для постоянного найма. При этом сам факт работы по временному контракту в течение более трех лет снижает шансы кандида-

та на трудоустройства вдвое у мужчин и втрое у женщин. При рассмотрении оценки самими работниками своих карьерных перспектив автор пришел к закономерному выводу, что чем старше работник, тем большее беспокойство у него вызывает его будущее и что женатые сотрудники также более озабочены этим вопросом, чем холостые. При этом чем дольше жизненный период нерегулярной занятости, тем больше беспокойство временного сотрудника. Наименее уверенно себя чувствуют сотрудники, занятые в канцелярской работе. Перспективы перехода в категорию сотрудников постоянного найма варьируются в зависимости от возраста (чем моложе сотрудник, тем выше шансы), истории болезни и сферы работы: так, сотрудники, занятые в IT- или творческой сфере, несмотря на сравнительно высокую оплату труда, крайне редко получают предложение перейти в категорию постоянных сотрудников.

Сиката М. (НИИ стратегий социальных сетей Университета Кансай) попытался оценить, действительно ли работа по временному контракту является карьерным и жизненным тупиком и насколько ситуация на японском рынке труда отличается от ситуации в других развитых странах. Начиная с 1990-х гг. участились случаи смены места работы среди работников временного найма и одновременно сократилась доля сотрудников, переходящих в категорию постоянных из временных. При этом было отмечено, что легче найти постоянное место тем кандидатам, которые уже имели опыт работы по стандартному контракту. Согласно другим исследованиям, выпускники вузов могут использовать работу по временному контракту как стартовую позицию для заключения бессрочного, но Сиката отмечает, что такие случаи не являются типичными.

Как правило, заключение постоянного договора с работником временного найма происходит либо с той же фирмой, либо при переходе на работу в другую компанию той же сферы производства. Женщины имеют в два раза меньше шансов заключить постоянный контракт, чем мужчины. При этом в крупных компаниях переход в категорию постоянных происходит значительно реже, чем в средних и мелких.

Подводя итоги анализа, Сиката приходит к выводу, что работа по временному найму действительно является в Японии тупиком. Основным фактором, негативно влияющим на потенциальную возможность перехода сотрудника в категорию постоянных, является японское трудовое законодательство. Оно в этом отношении противоречиво: с одной стороны, договоры временного найма могут продлеваться компаниями без ограничений, с другой, фирма обязана предоставить постоянный договор сотруднику, нанятому через кадровое агентство по временному договору, если желает сотрудничать с ним более трех лет. При этом нет существенных ограничений на увольнение постоянных сотрудников; таким образом, фирмы могут легко заменять их временными. Законодательство в целом строже в отношении постоянного найма, и именно это, по мнению большинства исследователей, является основным фактором, затрудняющим переход в категорию постоянных сотрудников.

Говоря о трудовом законодательстве, надо отметить, что оно довольно часто нарушается японскими фирмами, в первую очередь, в секторе реального производства. Исследование начала 2000-х гг. выявило, что около трети производителей нелегально использовало труд временных сотрудников, причем касалось это и высокотехнологичных производств.

Исследователи отмечают, что работа по контракту с фиксированным сроком в некоторых случаях может показаться даже неплохим вариантом: растет число работников, приходящих по необходимости в компании без заранее оговоренных сроков. В 2007 г. их количество составляло 53 000 чел. Фактически, это является возвратом к практике начала XX в., когда рабочие, к примеру, верфей, ежедневно приходили к субподрядчику, спрашивая, есть ли для них работа.

В обществе отношение к *фурита* неоднозначное. В молодом возрасте их образ жизни — сравнительно небольшое рабочее время против «адского» графика молодых *кайсяинов* — может быть привлекательным. Многие из *фурита* имеют какое-либо выраженное увлечение: музыкой, живописью, фотографией и т.д. Заработанные деньги они тратят либо на эти увлечения, либо на путешествия. При этом разница в доходах с их сверстниками, работающими на постоянном контракте, пока еще не велика. Образ бродяги овеян романтикой. В частности, один из самых известных в истории японского кино серийных фильмов — эпопея похождений Тора-сан (реж. Ямада Ёдзи) — рисует образ как раз такого персонажа. Ближе к среднему возрасту образ жизни *фурита*, напротив, открывает ряд недостатков. Они не могут позволить себе ни медицинскую страховку, ни вклады в пенсионную программу. Если у *фурита* возникает желание создать семью, оно, как правило, разбивается о невозможность исполнять финансовые обязательства перед детьми и даже иметь подходящее жилье. Если до 35–40 лет *кайсяины* могут завидовать свободе *фурита*, то после этого возраста *фурита* начинают завидовать социальной защищенности *сарариманов*.

В результате при сравнительно низкой безработице в Японии появляются работающие бедные. В 2001 г. 27,7% непостоянных сотрудников были основными добытчиками для своего домохозяйства. 34,3% женщин, работающих на непостоянных контрактах полный рабочий день, также были основным источником дохода для своего домохозяйства (домохозяйство может состоять из одного человека). В 2007 г. 26,2% трудоустроенных получали менее 1,5 млн йен в год, а 26,2% зарабатывали от 1,5 до 2,9 млн. йен в год. Это сотрудники, которые по основным экономическим показателям уже не могут относиться к среднему классу. В общем и целом, к среднему классу мы можем приравнять сотрудников на «хороших» рабочих местах — постоянных. Именно они могут поддерживать соответствующий уровень жизни.

Как было отмечено выше, трудно оценить, какое же количество сотрудников постоянного найма существует в Японии. В основном приводятся разрозненные данные. За период с 1988 по 2010 г. процент занятых на постоянном контракте среди лиц в возрасте от 15 до 64 лет снизился с 83,3 до 69,9%; соответственно, за тот же период количество работников с непостоянной занятостью выросло с 16,7 до 30,1%. Если привести раздельно данные по мужчинам и женщинам, то число мужчин с неполной занятостью выросло с 6,8 до 14,4%, а женщин — с 33,9 до 50,9%.

На первый взгляд, приведенные цифры действительно говорят о негативных тенденциях на рынке труда. Однако интерпретации такого рода не учитывают и других изменений, который несколько меняют картину. За тот же период общее число занятых в Японии выросло с 43,2 млн. до 51,7 млн чел., то есть на 19,7%. Рост в абсолютных цифрах составил 8,5 млн. чел., при этом наибольшее число новых занятых пришлось как раз на работников неполного дня или непостоянного контрак-

та — их стало больше на 8,4 млн. чел. (с 7,2 млн. до 15,6 млн.), или на 115,8%. Количество постоянных сотрудников за этот же период также возросло (что обычно скидывается со счетов при анализе), но незначительно — с 36 млн. до 36,1 млн. чел, или на 0,4%. Если проследить изменения за тот же период отдельно для каждого пола, оказывается, что количество работающих мужчин увеличилось с 27,4 млн. до 29,4 млн. чел., то есть прирост составил 2 млн. чел., или 7,6%. Количество же работающих женщин выросло с 15,8 млн. до 22,2 млн, таким образом, прирост составил 6,4 млн. чел., или 20%. Прирост непостоянных работников среди мужчин составил 2,4 млн. чел. (таким образом, подавляющее большинство дополнительных рабочих мест для мужчин были непостоянными), а число постоянных работников мужского пола даже сократилось за этот период на 300 000 чел., или на 1,2%. Несколько иная картина у женщин: количество занятых на постоянной работе выросло, пусть и незначительно, с 10,5 до 10,9 млн., или на 400 тыс. чел. (4,4%), а основной рост пришелся так же, как и у мужчин, на непостоянные контракты: с 5,4 до 11,3 млн. чел. В результате получается, что рынок труда постоянных работников почти не менялся количественно, но несколько изменился в плане гендерного соотношения — женщины «отобрали» у мужчин 300 000 рабочих мест, а также были наняты на 100 000 вновь созданных вакансий. Но все же основной прирост рынка труда пришелся на непостоянных работников, число которых выросло значительно как для женской, так и для мужской его части. В абсолютных цифрах было нанято на дополнительные ставки примерно столько же мужчин, сколько и женщин, но что касается относительных показателей, то для мужчин в этом сегменте рост составил лишь чуть более 40%, тогда как для женщин — 111,2%.

Имеет смысл рассмотреть эти показатели в связи с общей динамикой населения. В период с 1988 по 2010 г. количество потенциально работоспособного населения в возрасте 15–64 лет сократилось с 85 до 81,7 млн. чел (на 3,9%). Это означает, что процент реально занятых существенно увеличился — на 12,4%. При этом если сравнить цифры для мужской и женской части населения, то опять выходит, что более драматичные изменения коснулись женщин. За рассматриваемый период количество мужчин активного возраста сократилось на 3,3%, а прирост работающих составил 7,6%, то есть рост занятости составил 12,4%. Число женщин активного возраста сократилось на 4,4%, а работающих увеличилось на 40,6%. Таким образом, процентный прирост занятости женщин составил 17,5%.

Подытоживая, авторы отмечают, что японский рынок труда создал за 20 с лишним лет стагнации 8,5 млн. новых рабочих мест, из них 100 000 — постоянных, а остальные — временные.

Оценивая отдельно возрастную категорию 15–24 лет, отметим, что в период с 2002 по 1989 г. абсолютное число временно занятых за это время сократилось с 2,59 млн. до 2,23 млн. чел (на 13,9%), что скорее является следствием сокращения числа молодежи в общей структуре населения. Если при этом оценивать соотношение общего числа лиц молодого возраста и число занятых среди них на непостоянной работе, то пропорция окажется практически такой же (17% в 2002 и 17,7% в 2010). При этом из них 45 и 50% в 2002 и 2010 гг. соответственно были заняты на непостоянной работе, поскольку параллельно учились в старшей школе или получали высшее образование. Таким образом, процент занятых на временной работе,

но не обучающихся параллельно где-либо несколько снизился с 9,3 до 8,9%. Рассматривая данную возрастную когорту также необходимо учитывать, что за рассматриваемый период (1985–2010) сильно возрос процент продолжающих образование после школы: в среднем — на 17%, при этом для юношей на 12%, а для девушек на рекордные 23%. В то же время цифры говорят о том, что молодым людям, не поступившим в университет, стало значительно труднее найти работу после окончания школы. Что касается набора на постоянную работу, то динамика была скорее позитивной. В 1987 г. было открыто 608 тыс. новых ставок в частных компаниях Японии, в 2010 г. — 725,3 тыс. Эти ставки ориентированы на выпускников вузов. Их число во все годы этого периода, кроме 2000, превосходило число соискателей. Ситуация резко ухудшилась в 2010–2012 гг., когда в результате глобального экономического спада компании, ориентированные на экспорт, резко сократили набор новых сотрудников.

В период с 1988 по 2009 г. процент мужчин в возрасте 25–34 лет, занятых на постоянной работе, снизился с 82,2 до 73,2%, тогда как процент женщин увеличился с 30,3 до 38,4%. Это говорит о том, что женщины стали постепенно вытеснять мужчин с рынка труда сотрудников полной ставки. Хотя гендерное равенство в целом обычно оценивается как позитивная тенденция, в случае с Японией это крайне негативно сказывается на демографической ситуации. Во-первых, жесткий выбор между семьей и карьерой для женщин и увеличение их числа на постоянных ставках говорит о резком повышении числа женщин, выбравших работу в ущерб семье и продолжению рода. Во-вторых, сокращение числа мужчин на постоянной работе также приводит к сокращению числа заключенных браков и рождений. На «рынке женихов» мужчины с непостоянной занятостью практически не котируются, поскольку не имеют возможности обеспечить семью стабильным доходом и социальными гарантиями. В то же время процесс уравнения в правах мужчин и женщин на рабочих местах далек от завершения. В период с 1982 по 2010 г. процент женщин среди менеджеров старшего звена (начальник отдела и выше) увеличился с 1,4 до 6,2%, но всё же оставляет желать много лучшего.

В целом у Японии достаточно высокий рейтинг среди развитых стран по уровню защиты занятости. Однако этот рейтинг играет злую шутку: он оценивает, насколько сложно компании уволить сотрудника с постоянного места работы (с бессрочным контрактом). Он не затрагивает временных работников, которых не надо увольнять по истечении срока договора. В то же время Япония имеет достаточно низкий рейтинг поддержки безработных по сравнению с большинством развитых стран, включая страны Западной Европы и США.

Необходимо отметить, что система защиты интересов работника была развита прежде всего в больших фирмах. Японский рынок труда является очень гибким по всем основным показателям: работодатели могут легко менять уровень оплаты труда (в первую очередь за счет премий), переводить сотрудников с одного места на другое и даже из одного дочернего предприятия в другое, сокращать часы работы (сводя к минимуму переработки), а также сокращать число временных работников или платить им меньше, поощрять ранний выход на пенсию.

Неолиберальные реформы

Если говорить о социальной защите со стороны государства, то, как отмечено в предыдущем разделе, она не сложилась. Обычно японскую систему социальной защиты характеризуют как консервативную, поскольку она финансируется из взносов зарплатного фонда и изначально ориентирована на людей, имеющих опыт работы. Социальные расходы собственно государства достаточно низки и составляют 13,9%. Это ниже, чем в США, и существенно ниже, чем в Германии, Франции и Швеции. Однако есть несколько отличий. Во-первых, для либеральной модели в Японии слишком высока доля государственной пенсии. Во-вторых, и частный капитал, по мнению некоторых исследователей, мало тратит на социалку. Его расходы дают лишь 6% общих социальных трат в стране, тогда как, к примеру, в США — 36%. В Японии рекордно низкий для развитых экономик уровень охвата безработных пособиями. В 2009 г. 77% безработных не получали пособия. В США и Канаде этот показатель равен 57%, в европейских странах он значительно ниже.

Японская налоговая система с 1960-х гг. поддерживает модель с одним «добытчиком» (мужчиной) и женой-домохозяйкой. Мужья, чьи жены не работают либо зарабатывают менее миллиона йен в год, имеют существенные налоговые послабления. В 1980-х гг. налоговое законодательство стало еще более лояльным по отношению к мужьям, содержащим жен: налоговый вычет увеличился вдвое. При этом если супруга зарабатывала от 1,4 млн. йен в год, то супруг не мог претендовать на налоговые льготы.

Количество получающих то или иное пособие в Японии чрезвычайно низко. Чтобы его получить, необходимо соответствовать весьма строгим критериям, среди которых обязательное нахождение в трудоспособном возрасте и наличие накоплений не более чем на месяц. Если пенсии по возрасту выплачиваются повсеместно, то остальные виды социальной поддержки — пенсия по инвалидности, пособие по безработице — в Японии распространены значительно меньше, чем в других развитых странах.

Складывается ощущение, что Япония взяла худшее из обеих моделей социального обеспечения: государство и бизнес перекладывают друг на друга ответственность.

Среди консервативно настроенных популяризаторов экономической мысли в употребление вошло словосочетание «английская болезнь» (*эйкоку бё:*). Длительную стагнацию британской экономики объясняли наличием раздутого государственного сектора и слишком сильных профсоюзов. Эта «болезнь», по мнению консерваторов, угрожала и Японии. Эти популяризаторы активно критиковали все социальные программы как мешающие стабильному экономическому росту. В 1979 г. вышел официальный документ ЛДП «Социальное государство японского типа», который возлагал основную социальную ответственностью за поддержку пожилых и немощных граждан на семью и небольшие общины. Провозглашалось, что государственная опека провоцирует раздувание бюрократического аппарата, а это ложится тяжелым бременем на общество. Была учреждена комиссия по сокращению социальных расходов правительства, подготовлена приватизация крупных государственных предприятий — железных дорог и телеграфа. Надо сказать, что профсоюзы поддерживали приватизацию, считая, что она снизит налоги.

Заручившись (вероятно, молчаливой) общественной поддержкой, ЛДП приступила к изменениям. В 1982 г. было отменено бесплатное медицинское обслуживание для пожилых. В 1984 г. увеличены взносы софинансирования программы государственного медицинского страхования. С 1982 г. еще более ужесточили правила получения пособий и с 11,8 промилле доля получателей продолжила снижаться и к 1995 г. составила 7. В 1987 г. разразился скандал: от недоедания скончались мать и трое детей. Женщине до этого отказали в пособии. Однако критерии с целью исключить подобные ситуации стали пересматриваться исключительно долго, процесс занял около 10 лет.

В 1990-е гг. социальные расходы начали немного расти, однако отсутствие экономического роста не способствовало их серьезному увеличению.

В период с 1990 по 2003 г. трудовое законодательство в отношении бессрочных контрактов не поменялось, тогда как в отношении срочных было существенно ослаблено.

До 1990-х гг. постоянные сотрудники компаний обычно выходили на пенсию в 55 лет или даже ранее, в зависимости от конкретного места работы. Однако с 1990-х гг. правительство активно взялось за регуляцию возраста выхода на пенсию, в итоге он был повышен до 60 лет, а в настоящее время активно продвигается проект повышения его до 65.

В 2010 г. Япония вновь вернулась к уровню 1967 г. по проценту людей, получающих пособие по бедности, — 15,2 промилле, причем это свидетельствует отнюдь не о том, что критерии для получения пособия были ослаблены, а о том, что количество бедных реально возросло. В то же время, по оценке специалистов, пособие получают лишь 16–20% нуждающихся. Наиболее бедными слоями населения являются родители, без супруга воспитывающие детей. Это, в свою очередь, влечет рост индекса детской бедности, которая с середины 1980-х увеличилась в 1,5 раза. При этом японский индекс перераспределения в результате налогообложения (показатель, который основан на разнице в доходах между богатыми и бедными, рассчитанной до и после уплаты налогов) существенно ниже, чем в Западной Европе. Для примера: уровень имущественного расслоения в Японии примерно такой же, как во Франции или Германии, однако уровень перераспределения в Японии составля-

ет 8,6, а в этих европейских странах 25,8 и 21,9 соответственно. Что удивительнее, уровень детской бедности после перераспределения не снижается, а немного возрастает. При этом в Японии лишь 2% бедных детей воспитываются в семьях, где родители не работают. Становится понятно, почему количество детей, рожденных вне брака, в Японии ничтожно мало. Речь не о консервативности общества и его высокой морали. Стать матерью-одиночкой означает жизненный тупик, из которого практически невозможно выбраться.

В середине 1970-х гг. произошла важная перемена, ознаменовавшая закат движения «продуктивизма». Примерно до 1975 г. производительность труда росла теми же темпами, что и средние зарплаты — то есть действительно увеличивая свою продуктивность, рабочие повышали свой уровень жизни. Однако после 1975 г. производительность продолжала расти стремительными темпами, сильно оторвавшись от роста зарплат.

В 1990-е годы, как сказано выше, профсоюзы утратили желание бороться. Этот период практически не отмечен забастовками или другими акциями протеста в случае массовых увольнений и прочих конфликтов — ситуация, которую невозможно было представить в 1950-х гг., когда профсоюзы могли проигрывать конкретные споры с работодателями, но не сдавались. В 1980 г. было 1128 споров профсоюзов с предприятиями, в 1990 г. — 283, в 2000 г. — 117, в 2010 г. — 38. В тот же период с 647 до 3127 в год увеличилось число рассматриваемых судами индивидуальных исков к работодателям. Произошел переход к индивидуальному противостоянию.

Начиная с 1990-х гг. Кэйданрэн систематически настаивал на либерализации рынка труда, которая необходима для противостояния международной конкуренции. В 1995 г. Никкэйрэн высказал свое видение будущего рынка рабочей силы. Предполагалось существование разных «слоев» работников. Количество постоянных сотрудников в крупных фирмах предполагалось снизить на 10%. Кэйданрэн в своих предложениях зашел дальше и спонсировал исследования, рекламирующие выгоды полностью свободного рынка труда, где сотрудники легко меняют работу.

Еще одна организация работодателей, Кэйдзай Доюкай, выпустила манифест, провозглашавший принципы неолиберализма для японской экономики. По иронии судьбы именно эта организация в 1940-х активнее других ратовала за корпоративизм и продуктивизм.

С образованием более крупной организации бизнеса — Ниппон Кэйданрэн — японское бизнес-сообщество несколько смягчилось и начало пропагандировать создание «капитализма с человеческим лицом», однако ключевые реформы рынка труда уже были осуществлены.

В целом, если резюмировать предложения бизнес-ассоциаций, они сводились к следующему: отмена минимальной оплаты труда (в отдельных отраслях), увеличение доли премий за конкретные результаты работы в структуре зарплаты, снижение коэффициентов повышения оплаты труда в соответствии со стажем, дерегуляция принципов работы рекрутинговых агентств и работы непостоянного найма, а также оплаты сверхурочных, ночных смен и работы в выходные дни (в особенности, для женщин), снижение социальных отчислений, либерализация найма иностранцев.

Оформилась эта позиция в документе 1995 г., где была обрисована система, к которой в итоге пришел японский рынок труда: гарантии для основных («пожиз-

ненных») сотрудников и легкость найма и увольнения, а также увеличение числа непостоянных. Одним из аргументов стало то, что при излишнем удорожании рабочей силы корпорации будут вынуждены массово выводить предприятия за рубеж. Рынок труда, таким образом, состоит из двух частей: «первичный» для элитных работников с постоянным наймом и социальными гарантиями и «вторичный» для нерегулярных работников, которых можно нанимать и увольнять в любой момент, в зависимости от нужд предприятия. С теми же предложениями выступала Японская торгово-промышленная палата, которая представляет интересы малых и средних предприятий. Важно подчеркнуть, что никто из этих организаций или их представителей не предлагали отказаться от модели пожизненного найма. Она была жизненно важна для нормального функционирования их компаний. Однако количество сотрудников, работающих по этой модели, стало ограничиваться. Методы по сокращению пропорции постоянной рабочей силы в пользу временной применялись разные. Иногда они были довольно мягкими — например, в автомобильной и сталелитейной индустрии широко применялся ранний выход на пенсию регулярных сотрудников, при этом они получали весьма щедрые отступные. Сравнивая японских работодателей с европейскими, видно, что японцы не стали перекладывать ответственность на государство и требовать создания социальных гарантий с его стороны. Вместо этого значительные средства, в особенности кабинетом Обути, выделялись большие средства на государственные строительные проекты с целью создания рабочих мест.

Планомерный курс на дерегуляцию был взят кабинетом Хосокава. При нем был создан Комитет по дерегуляции, главными действующими лицами которого были представители крупного бизнеса. Суть реформ применительно к рынку труда сводилась к следующему: отмена минимальной заработной платы на промышленных предприятиях, ослабление контроля в трудовом законодательстве, отмена социальных гарантий для работающих женщин, снижение контроля над количеством рабочего времени. Реформы были несколько замедлены с 1996 г. в кабинете Мураяма (Социалистическая партия Японии), но с его отставкой вновь набрали обороты.

Попытки либерализовать рынок труда и разрешить компаниям легко нанимать сотрудников на временные контракты предпринимались еще в 1980-е гг. Однако тогда, опасаясь общественного резонанса, политики одобрили законопроект лишь для ограниченного числа профессиональных занятий (например, программистов или переводчиков). Но в 1990-е гг. реформа была доведена до логического конца и ограничения почти на все профессии были сняты по рекомендации Комитета по дерегуляции (окончательно в 1999 г.). В 2001 г. кабинет Коидзуми взял курс на «структурные реформы», которые провозглашали разносторонние изменения в обществе. Однако в случае с экономикой суть реформ была вполне однозначной — усиление рыночных механизмов с целью возобновления экономического роста. Коидзуми сам намеренно проводил параллели между своей политикой и курсом М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США. Но в значительной степени заявки на «структурные реформы» были не столько реальной программой, сколько политическим «слоганом» для привлечения избирателей. Предшественники Коидзуми на посту премьера также использовали яркие слоганы: самый характерный пример — Икэда Хаято с программой «удвоения национального дохода». Цели реформ Коидзуми

включали, помимо прочего, очередную волну приватизации государственных предприятий (в первую очередь — почтовой службы), сокращение расходов на общественные работы и на содержание государственных предприятий, увеличение платы за медицинские услуги. Хотя значительная часть реформ Коидзуми была лишь заявлена и так и не реализована, увеличение оплаты медицинских услуг возросло. Она поднялась с 20 до 30% стоимости (остальное покрывается страховкой) для людей, занятых на работе в частных компаниях и госучреждениях, а также членов их семей в возрасте от 3 до 69 лет (то есть для большинства населения). Также привязка пенсий к ценовому индексу сократила выплату пенсий государственных фондов и пособий по безработице. Что касается расходов на медобслуживание пожилых людей, здесь жестким оппонентом Коидзуми выступила Ассоциация медицинских работников, и система финансирования осталась прежней.

В целом же попытки реформ, которые проводились под лозунгами противостояния экономическому кризису, стали элементом фракционной борьбы внутри ЛДП. Коидзуми встретил сопротивление со стороны наиболее крупной фракции — Хасимото. В частности, фракция Хасимото выступала против замораживания расходов на сооружение автомагистралей, поскольку была тесно связана с бизнес-кругами, «осваивающими» эти тендеры. Против реструктуризации государственных учреждений и агентств, разумеется, стала и бюрократия. Автор отмечает, что политика кабинета Коидзуми предоставила мало поддержки «проигравшим» в результате реформ. С одной стороны, меры по дерегуляции экономики оказались не настолько эффективными, чтобы массово создавать новые рабочие места, с другой — налогообложение снизилось, также в результате реформы, в силу чего денег в бюджете на социальные программы тоже систематически недоставало.

В 2003 г. Коидзуми продолжил либерализацию: теперь были сняты ограничения и на производственные профессии. Срок временного контракта был увеличен с 1 года до 3 лет. Тогда же были серьезно сокращены субсидии на общественные работы, которые создавали рабочие места для тех, кто оказался не охвачен системой постоянного найма. При этом попытки правительства распространить часть социальных гарантий постоянных сотрудников на временных натолкнулись на сопротивление со стороны бизнеса и так и не были претворены в жизнь. Дальнейшая либерализация рынка труда, в частности снижение оплаты сверхурочной работы для «белых воротничков», была заблокирована в ситуации «перекрученного парламента», которая началась с 2007 г. ДПЯ шла к власти с обещаниями нивелировать неравенство между постоянными и непостоянными работниками. Есть вероятность, что, как и значительная часть программы этой партии, это было популистским ходом. Так или иначе, обещания не были претворены в жизнь и неравенство продолжило усугубляться.

Важно отметить, что у неолиберализма в Японии практически не было альтернатив. Подавляющее большинство политических партий переключились на неолиберализм к концу 1990-х гг. У него есть и другая любопытная характеристика: именно это течение породило в Японии наиболее ярких политиков. «Яркость» эта граничит с популизмом. Как уже отмечено, японские избиратели чаще всего голосуют не за программу, а за конкретных политиков. На общеяпонской арене главным неолиберальным популистом стал Коидзуми, но были и региональные политики, завоевавшие популярность благодаря не продуманной программе, а яркому образу.

Характерным примером может служить Хасимото Тору (р. 1969) из Осака — не самой благополучной с точки зрения имущественного расслоения префектуры, — создавший собственную региональную партию. Появление множества новых партий на политической арене Японии стало возможным в результате кризиса в политике, связанного с низкой популярностью правящей Демократической партии (созданной в 1998 г.). В феврале 2011 г. существовали 33 региональные партии, 11 из которых были созданы в предшествующие 14 месяцев. Самыми крупными были партия Хасимото Тору «Осака исин-но кай» (Осакская партия обновления) и партия мэра Нагои Кавамура Такаси (Японская партия за снижение налогов).

В отличие от таких политиков, как Абэ Синдзо и Коидзуми Дзюнъитиро, Хасимото не принадлежит к привилегированной семье и не является политиком в третьем или четвертом поколении, он также далек от бюрократии. Несмотря на то, что он был воспитан матерью-одиночкой семерых детей, Хасимото сумел справиться со многими жизненными задачами: преодолел издевательства одноклассников в средней школе, во время учебы успешно занимался спортом (рэгби), окончил престижный университет Васэда, сумел сдать экзамен на адвоката после окончания университета при проходном уровне всего 3% и открыл собственную частную практику не после средних 10 лет служебного опыта, а после 10 месяцев работы. В политику Хасимото подался, когда его годовой доход составлял около 3 млн. долларов. И сразу был открыт его талант к публичным выступлениям: Хасимото умел делать провокационные заявления и привлекать публику.

Одним из первых политиков-популистов, старающихся привлечь избирателей посредством СМИ, особенно ТВ, стал Коидзуми. Хасимото Тору также обязан своей политической карьерой успеху на телевидении. Как и Коидзуми, Хасимото обладает завидным талантом делать яркие, но короткие заявления, подходящие для заголовков СМИ. Однако его заявления намного агрессивнее. Если Коидзуми критиковал какие-либо институты или учреждения в целом (фракционность ЛДП, Почтовый банк и т.д.), то Хасимото не стеснялся направить критику против конкретного человека перед камерами журналистов. По заявлению самого Хасимото, у него нет другого способа оказывать влияние на политический процесс, кроме как «создавая много шума», поскольку семейных и прочих связей он не имеет.

Партия, основанная Хасимото, — хрестоматийный пример неолиберального направления: в программе прописан уход государства из экономики и снижение налогов. При этом государство представляется как компания, оказывающая определенные услуги населению.

На местных выборах 2008 г. отделение ЛДП в Осака сделало ставку на Хасимото, несмотря на то что обычно в этой префектуре кандидатами в губернаторы становились представители крупного бизнеса, при этом партия свою поддержку не афишировала. Предвыборные речи Хасимото привлекали такие толпы слушателей, что журналисты стали сравнивать его с рок-звездами. Ч. Уэзерс отмечает[25], что публику привлекала не столько политическая программа Хасимото, сколько его харизма, а также тот факт, что простые жители префектуры видели в нем «своего». Одержав победу на выборах, Хасимото Тору стал одним из самых молодых губер-

[25] Weathers, C. Reformer or destroyer? Hashimoto Toru and populist neoliberal politics in Japan // Social science Japan j. Vol.17, No. 1. Oxford, 2014. P.77–96.

наторов (38 лет) в истории Японии. После вступления в должность его основные усилия были направлены на сокращение огромного дефицита префектурального бюджета размером в более миллиард долларов. Было заявлено, что будут сокращены расходы на местную бюрократию. Кампания по сокращению расходов широко популяризовалась: инспекции в «убыточные» органы управления проводились в присутствии большого числа представителей СМИ. Следует отметить, что предшественник Хасимото провел реформы, которые дали начало процессу сокращения дефицита бюджета, однако именно ему благодаря популизму достались лавры успешного реформатора.

В качестве губернатора Хасимото прославился своей гиперактивностью: он направляет сообщения подчиненным в любое время дня и ночи. Кроме того, его выступления могут освещать по 50 журналистов одновременно. Хасимото — самый популярный политик Японии, представленный в Твиттере, число его подписчиков в 2013 г. превысило миллион человек, в отдельные дни он оставляет в микроблоге по 100 сообщений, большинство из которых содержат критику или агрессивные заявления.

Премьер Коидзуми ввел практику частых (дважды в день) пресс-конференций, длящихся не более двух-трех минут. Его преемники пытались следовать его примеру, однако вскоре оставляли затею, поскольку обладали несоизмеримо меньшими способностями к выступлениям на публике (особенно Абэ Синдзо и Асо Таро). Хасимото, как и Коидзуми, выступает перед журналистами дважды в день, в начале и конце служебного дня, выступления при этом длятся по часу. В своих выступлениях Хасимото опирается на тележурналистику больше, чем на печать. В заявлениях он небрежен: часто берет слова назад и демонстрирует незнание законов, которые критикует, однако, что характерно, серьезного ущерба его политической карьере это до сих пор не нанесло.

Критики Хасимото также агрессивны: его даже сравнивают с Гитлером. В обиход вошел термин *хасидзуму* — производный от его фамилии и японского произношения термина «фашизм» (*фасидзуму*). Но и с критикой он справляется успешно, часто демонстрируя самоиронию.

Считается, что стимулом к реструктуризации префектуры, наиболее амбициозному проекту Хасимото, послужили две провальные инициативы губернатора: перенести перефектуральную администрацию в небоскреб (не была одобрена префектуральным собранием) и централизовать полномочия по управлению водоснабжением (отдельные муниципалитеты отказались их передать). После этого Хасимото взял курс на реструктуризацию управления префектурой путем объединения большинства полномочий на уровне центра по образцу Токио. Количество административных районов в префектуре планировалось сократить с 24 до 5–7. План при этом является частью другого плана «регионализации» — объединения 47 префектур в 8–9 более крупных объединений, обладающих значительной автономией от центра страны. Власти Осака делают ставку на то, что в условиях глобализации крупные города приобретают значение не меньшее, чем столичные агломерации. По плану должно было сократиться количество служащих — на первых порах за счет приватизации транспорта, медобслуживания, водоснабжения на 10 000 человек (30% от исходного количества), к 2015 г. — на 50%. Планировалось сокращение зарплат бюджетников и прекращение дотаций убыточным отраслям. Например,

81 из 132 линий городских автобусов сочли убыточными — соответственно, планировалась их ликвидация. Финансирование этих маршрутов производилось за счет «лишних» доходов, получаемых осакским метро. В качестве популистской меры предлагалось после приватизации линий автобусов снизить цены на метро. Схожие перемены должны были коснулись образования: в государственных школах сокращались зарплаты и число ставок, а частные школы недополучали субсидии и были вынуждены поднять плату. В то же время были ужесточены правила проведения церемоний почитания государственного флага и гимна. Кроме того были сокращены расходы на просвещение, библиотеки и т.д.

В результате реформ зарплаты бюджетников в Осака стали самыми низкими среди префектур Японии. Была создана специальная служба по борьбе с мошенниками, обманным путем получающими льготы и довольствие. Еще одна инициатива, часто вызывающая критику, — проект по легализации казино (в итоге был принят на общегосударственном уровне). По мнению Ч. Уэзерса, реструктуризация префектурального управления представляла типичный пример «простого решения для сложной проблемы» — в данном случае неблагоприятной экономической обстановки. Заявлялось, что меры позволят префектуре сэкономить 4 млрд. йен, однако оценки реальной экономии колеблются от 1 млрд. до нуля.

Неудивительно, что одними из самых серьезных критиков Хасимото на выборах 2011 г. были профсоюзы бюджетных работников. Ответ последовал незамедлительно. После победы губернатора эти организации стали обвинять в нарушении порядка и незаконной политической деятельности. Было проведено масштабное расследование с серьезным нарушением частной жизни и т.д.

Одновременно с проведением реформ появилась новая партия «Осака исин кай». В основном в ее состав вошли члены местных фракций ЛДП, вышедшие из своей партии. После выборов 2011 г. партия взяла большинство мест в префектуральном собрании и стала крупнейшей в городских собраниях Осака и Сакаи. Победа была одержана несмотря на то, что местные филиалы крупнейших общенациональных партий — ЛДП, Комэйто, ДПЯ и частично коммунистической — объединили усилия против партии Хасимото. В марте 2012 г. при партии была учреждена «школа», возымевшая большую популярность. Число желающих записаться на еженедельные лекции составило 3000 чел., но принято было только 2000. Среди них большую часть составляла молодежь, недовольная экономической ситуацией в стране и настроенная активно распространять взгляды Хасимото.

Хасимото вошел в политику общенационального уровня в 2012 г., когда потребовал в парламенте одобрить его проект реструктуризации префектуры. Проект был одобрен очень быстро. Вступив в альянс с Исихара Синтаро, известным правым политиком и на тот момент мэром Токио, Хасимото создал первую в послевоенной истории партию с правым уклоном, которая получила места в парламенте («Ниппон исин кай», Партия обновления Японии). При этом он отказался от части своих взглядов, что также вызвало осуждение его оппонентов: так, из критика атомной энергетики Хасимото превратился в ее сторонника. К 2013 г. поддержка как региональной, так и общеяпонской партии сократилась. «Осака исин кай» проиграла выборы мэра в двух городах (Итами и Такарадзука), а поддержка «Ниппон исин кай» составляла только 1%. Городское собрание также не одобрило проект рефор-

мы водоснабжения. Тогда же стало понятно, что обещанные Хасимото быстрые перемены к лучшему в инфраструктуре и образовании не наступят.

Ч. Уэзерс отмечает, что одна из главных причин успеха Хасимото, несмотря на одиозность многих его начинаний, — отсутствие альтернативы, особенно в условиях сильного ослабления профсоюзов. Хотя влияние Хасимото сильно сократилось, неолиберальные реформы на уровне префектуры проведены. Популярный политик сделал свое дело и «может уходить».

Другой пример популистских акций неолиберальных политиков — курс уравнения в экономических правах женщин и мужчин, предпринятый в правление Абэ Синдзо. По международным стандартам дело с гендерным равенством в Японии обстоит сравнительно неважно. Женщины не испытывают дискриминации в таких областях, как образование и здравоохранение, но редко занимают руководящие должности, а их оплата труда значительно ниже, чем у мужчин. В рейтинге гендерного равенства Мирового экономического форума Япония занимает 101-е место из 145.

Выше, однако, уже отмечено, что низкие доходы женщин не сказываются на уровне их жизни. Значительно большую роль играет общий доход домохозяйства, к которому принадлежит женщина. Однако в последние годы вопрос женского неравенства стал объектом пристального внимания ведущих политиков начиная с кабинета Коидзуми Дзюнъитиро. При втором сроке администрации Абэ Синдзо (с 2012 г.) мероприятия по уравнению в правах мужчин и женщин достигли особого размаха. Поскольку меры, направленные на уравнение роли женщин и мужчин в экономике, были одним из главных направлений реформ кабинета Абэ, их совокупность получила в прессе название womenomics.

Как показывает более пристальное исследование, данный тренд не был творением исключительно администрации Абэ. Так, меры по включению женщин в экономическую сферу задумывались в администрацию Коидзуми, а сам термин womenomics был предложен еще в 1999 г. в докладе сотрудников «Голдман Сакс Груп», которые предложили сходный комплекс мер как возможное решение многих экономических проблем современной Японии. В 2005, 2010 и 2014 гг. были изданы доклады на подобные темы. Позднее к этим рекомендациям присоединился Международный валютный фонд, который спрогнозировал увеличение ВВП на 4%, в случае если женская занятость увеличится на 7%.

Вовлечение женщин в трудовую деятельность было теснейшим образом связано со снижением уровня рождаемости и старением населения, а как следствие — сокращением рабочей силы. Японские женщины в среднем достаточно образованны, чтобы претендовать на вакансии, заполняемые мужчинами, при этом их участие в экономике в сравнении с другими развитыми странами чрезвычайно низкое.

Можно вспомнить, что и инициатива начала 2000-х гг. не была принципиально новой. Женщины боролись за свои права на рабочем месте в течение всего послевоенного периода. Равные права женщинам гарантировал «Закон о трудовой занятости» 1947 г., а в 1975 и 1986 гг. принималось законодательство, специально регулирующее трудоустройство женщин. Закон 1986 г. назывался «Закон о равных возможностях для трудоустройства». Он был дополнен в 1997 и 2010 гг. определением и запрещением основных форм как прямой, так и косвенной дискриминации по половому признаку.

«Закон о трудовой занятости» имел и ряд недостатков. В частности, в соответствии с ним женщины могли устроиться либо на полный рабочий день (наравне с мужчинами), что подразумевало большое количество сверхурочной работы и длительные командировки, либо по договору временного найма. В последнем случае командировок и сверхурочных не предполагалось, однако оплата труда на таких должностях была существенно ниже, не предполагала карьерного роста, социальных гарантий, продления договора и т.д.

При традиционном распределении ролей в семье женщины не могли позволить себе первый вариант трудоустройства. В 1990-2000-х гг. с ухудшением экономической ситуации количество работников временного найма существенно увеличилось, поскольку они обходятся работодателю дешевле, а контрактов постоянного найма стали подписывать меньше. При этом количество мужчин, нанятых на постоянной основе, сократилось лишь на 10%, а женщин — примерно на 35%. Таким образом, гендерное неравенство в последние десятилетия не было устранено, а стало проявляться по-новому. Это накладывается на общую неблагоприятную обстановку: если ранее домохозяйству было достаточно доходов мужа, теперь это так далеко не всегда.

Хотя различные комитеты и агентства создавались неоднократно в течение 2000-х гг. как на локальном, так и на общенациональном уровне, законодательно стремление стимулировать участие женщин в экономике было оформлено лишь в августе 2015 г., а «Закон о продвижении женской занятости» вступил в силу 1 апреля 2016 г. Главными целями нововведений были: увеличение числа трудоустроенных женщин и предоставление им больших возможностей для карьерного роста. Компании с более 300 сотрудников были обязаны создать и опубликовать планы по содействию женской занятости. Вокруг этих мер правительства развернулся настоящий информационный бум. При этом пропаганда была направлена и на мужчин: им предлагалось брать отпуск по уходу за ребенком вместо или по очереди с матерью.

В то же время реальные меры по обеспечению соблюдения этого закона были недостаточны. Так, для поощрения компаний им предлагались смехотворные по сути субсидии в случае предъявления плана по поддержке женской рабочей силы, который ставил бы конкретные количественные цели. Кроме того, новый закон так и не решил проблему женщин, работающих по непостоянному договору, которые продолжают составлять большинство; меры, предписанные в законе, касались только работников постоянного найма. При этом и женщины, работающие по постоянному контракту, постоянно подвергаются дискриминации со стороны коллег-мужчин, большинство из которых убеждено, что женщины не способны работать так же усердно. Это связано не с убежденностью в низких потенциальных способностях женщины, а с тем, что, по мнению мужчин, женщины не могут избежать выполнения большого количества домашних обязанностей, что отвлекает их от работы.

Если смотреть на проблему шире, чем с точки зрения трудового законодательства, очевидно, что простым принятием законов проблему «дискриминации» (точнее, гендерного распределения экономических и социальных ролей) решить невозможно. Если быть совсем точными, японские женщины сами подвергают себя дискриминации, поскольку жизненные приоритеты, нацеленные на создание семьи, а не на карьеру или, как минимум, достижения финансовой независимости, закладываются всей системой японского воспитания еще в раннем детстве.

В особенности досадно, что меры правительства не нацелены на поддержание матерей-одиночек, которые являются одной из наименее социально защищенных категорий населения и при этом вынуждены много работать за низкую плату. Не затрагивает реформа ни проблемы фактически редко практикуемого в Японии отпуска по уходу за ребенком, ни отсутствия бюджетных дошкольных учреждений, тогда как именно эти меры могли бы позволить женщинам из не самых обеспеченных слоев населения полноценно трудиться наравне с мужчинами и реально увеличить количество рабочей силы на рынке труда. Реформа, по сути, нацелена на высшую прослойку японского общества, уравнение в правах женщин элиты с мужчинами элиты, в то время как огромная масса женщин среднего или малоимущего класса под действие новой программы не подпадает.

Социальные последствия неолиберальных реформ

Неолиберальные реформы рынка труда и неблагоприятная экономическая ситуация в целом создают значительные трудности, к которым относятся чрезвычайно низкая рождаемость и повышение уровня суицидов. Отдельную озабоченность вызывает имущественное неравенство среди пожилых японцев. Пик его пришелся на 1980-е гг., но и сейчас остается относительно высоким. Существует неравенство в доходах, связанное с возрастом, причем почти исключительно мужчин: их доходы постепенно растут, достигая пика к 50 годам, а потом начинают постепенно снижаться. Уровень доходов женщин в большинстве остается неизменным в течение жизни или даже снижается. В наибольшей степени влияние на уровень жизни стариков оказывает то, живут ли они вместе или отдельно от младших родственников: экономическая поддержка со стороны детей играет ключевую роль. При этом если в 1986 г. домохозяйства, объединявшие три поколения, составляли 46,9%, то к 2004 г. их число сократилось до 19,2%. Две трети стариков в результате живут либо в одиночестве, либо с супругом. За последние три десятилетия средний размер домохозяйства снизился с 3,85 до 3,60 человек. Это отражает одновременно сокращение количества детей (в большей степени — с 1,30 на семью до 1,04), а также пожилых людей, проживающих совместно с младшими поколениями своей семьи. Кроме того, это говорит о том, что потребление падало, несмотря на то что в среднем домохозяйстве стало ощутимо меньше иждивенцев на работающих членов семьи. Количество работающих членов домохозяйств возросло с 1,55 до 1,65. Пенсионная реформа 1980-х гг. несколько улучшила положение одиноких стариков. И всё же социальное обеспечение в Японии недостаточно созрело для того, чтобы обеспечить пожилым членам общества такой же уровень жизни, как семья.

Однако имущественное расслоение между пенсионерами не является самой большой проблемой. Гораздо большие опасения вызывает низкая рождаемость. Подсчеты свидетельствуют, что уровень безработицы среди женщин практически не влияет на уровень фертильности. Скорее наоборот, подавляющее большинство женщин, не занятых на каком-либо производстве, замужем и часто воспитывают детей. В данном случае речь идет не о безработице как таковой, а о сознательном отказе от трудоустройства. Однако исключение составляют женщины с низким уров-

нем образования, вышедшие на рынок труда сразу после окончания школы — среди них уровень безработицы напрямую коррелирует с низкой фертильностью.

В гораздо большей степени на общую фертильность влияет уровень занятости мужчин и, как следствие, потенциальная возможность для них создать семью. В результате уровень рождаемости в период 1990–2006 гг. был даже несколько выше, чем в предшествующий, поскольку при относительно небольшом количестве возможностей для женщин устроиться на постоянную работу они, как правило, выбирали семейную жизнь и полный или почти полный отказ от трудоустройства.

Выше уже говорилось о том, что работа по временному найму для мужчин является фактически жизненным тупиком. Японское общество предъявляет более или менее унифицированные требования к тому, как должна строиться семейная жизнь и как должны распределяться расходы. Схема «жилье – образование детей – свадьба детей» сохраняется и в наши дни, однако фурита категорически не соответствуют этой схеме по уровню дохода. В первую очередь потенциальных невест отпугивает невозможность дать образование детям. В период с 1980 по 2010 г. процент мужчин старше 50 лет, никогда не состоявших в браке, возрос с 2,6 до 20,2%. При этом низкий уровень разводов для Японии остался в прошлом. В настоящий момент уровень разводов на 1000 населения составляет порядка 1,9. Подсчитано, что даже если темпы сохранятся на нынешнем уровне, то не менее 30% браков, зарегистрированных на данный момент в Японии, распадутся.

Следует также понимать, что малое количество заключенных браков в Японии, как нигде, сказывается на уровне рождаемости. В Японии и других странах Восточной Азии процент детей, рожденных вне брака, самый низкий по OECD — 2% (в среднем — 36,3%). Японки хорошо осознают: как для мужчины работа по временному контракту является тупиковой ситуацией, из которой шанс выбраться минимален, так для них рождение ребенка вне брака подразумевает чрезвычайно низкий уровень жизни практически на всю жизнь. Замужние женщины после создания семьи, как правило, оставляют работу. Несмотря на кризис, в последние 30 лет показатель увольнения с работы после вступления в брак у женщин оставался неизменным. От 60 до 70% оставляли трудовую деятельность после свадьбы или с началом беременности. Одинокие матери же вынуждены много работать за низкую оплату.

Если отвлечься от проблемных социальных прослоек и сконцентрироваться на достаточно благополучных семьях, все равно окажется, что в результате неблагоприятной экономической обстановки фертильность в Японии неуклонно падала, что связано не только со сниженным количеством рождений на женщину, но и с откладываемым созданием семьи. В то же время расходы на содержание и воспитание детей росли, что служило дополнительным фактором, приводящим к снижению рождаемости. Предложенная государством еще в 1990-х гг. политика противодействия низкому уровню рождаемости ощутимого эффекта не принесла.

Несомненно, жесткая модель семьи меняется. Об этом свидетельствуют соответствующие социологические опросы. Несколько десятилетий назад женщины (частично в качестве шутки, но только частично) отвечали, что в соответствии с идеальным образом потенциальный жених должен обладать «тремя высокими» показателями: уровнем образования, доходов и физическим ростом. Сейчас в ожиданиях по поводу жениха всё большее распространение набирает новая троичная

формула: «комфортный» уровень дохода, коммуникабельность и отсутствие у брачного партнера неприятия к помощи по хозяйству и воспитанию детей. Это отражает, скорее, потребности женщины, имеющей хотя бы частичную трудовую занятость. Тем не менее изменения происходят медленно, большинство японских замужних женщин заняты на непостоянной работе и продолжают тратить около 30 часов в неделю на ведение хозяйства, а это означает, что мужчины, как правило, почти не участвуют в этом процессе.

Одно из исследований[26] включало опрос 56 замужних и имеющих детей женщин из Токио и префектуры Канагава в возрасте от 29 до 45 лет. Тридцать из них имели университетский диплом, 20 — диплом колледжа, остальные еще не окончили обучение. Пятнадцать участниц интервью были заняты на постоянной работе на полный день, 23 — на полставки, остальные были домохозяйками. При этом 30 с началом беременности оставили постоянную работу. Результаты исследования показали, что в целом в японском обществе сохраняется высокая ценность материнства. Подавляющее большинство женщин ориентированы на воспитание детей, что объяснялось респондентами «материнским инстинктом», то есть врожденной биологической особенностью, присущей сугубо женщинам. Женщины, не имеющие детей, в свою очередь, считаются кем-то неполноценным, не выполнившими жизненного предназначения.

Некоторые респондентки даже ретранслировали распространенный стереотип о том, что бездетные незамужние женщины пострепродуктивного возраста становятся одержимыми сексуальными отношениями, выбирая мужчин много младше себя. В то же время женщины не отрицали, что женщина вольна решать сама, становиться ли матерью, но на практике, вероятнее всего, они понимают это как выбор подходящего времени для материнства и количества детей (не равного нулю), а не выбор между наличием или отсутствием детей.

«Материнский инстинкт» при этом, по общему мнению, необходимо контролировать. Хотя большинство семей могут позволить себе иметь одного ребенка, образование, являющееся в представлении женщин главным залогом дальнейшей социальной успешности ребенка, стоит серьезных денег. Осознавая, что во время экономической стагнации образование не обязательно гарантирует высокие доходы, матери, тем не менее, отмечают, что от серьезного подхода к нему невозможно отказаться. Поэтому средняя семья, в их представлениях, может позволить себе не более двух детей. Этот вывод, не являющийся существенно новым, в данном исследовании, тем не менее, отражает главную особенность японского общества: важность хорошего образования — первое, на что указывают все женщины вне зависимости от их собственного образовательного уровня.

Женщины, имеющие троих или более детей, воспринимаются либо как представительницы исключительно состоятельных семейств, либо, напротив, безответственные матери, не заботящиеся о будущем детей. Среди опрошенных были женщины, имеющие троих детей, однако во всех случаях третий ребенок появился на свет в результате незапланированной беременности. Кроме того, ни одна из женщин не рассматривала потенциальной возможности завести ребенка, не будучи за-

[26] Raymo J.M., Park H., Yu Xie, Wei-jun Jean Yeung. Marriage and Family in East Asia: Continuity and Change // Annual Review of Sociology, 2015, No. 41. P. 471–492.

мужем. Материнство и замужество в их представлении неразрывно связаны. Хотя матери-одиночки и встречаются изредка, жизнь их в финансовом и бытовом плане весьма тяжела, а окружение их, как правило, порицает. Поэтому, по мнению респондентов, незамужней женщине не стоит иметь детей в принципе.

Некоторые респонденты подчеркивают распространенность в последние годы «охоты на женихов» и сервисов, обеспечивающих знакомство с мужчинами, желающими вступить в брак. Однако сократилось и число таких мужчин, а экономические возможности для женщин в полном объеме так и не были предоставлены, поэтому и озабоченность (удачным) замужеством среди молодых женщин возросла. Многие фактически не видят для себя других социальных перспектив. В то же время респонденты отмечают, что и мужчины с достаточным доходом также стремятся вступать в брак в силу социального давления и желания получать помощь в быту.

Несмотря на то, что выборка достаточно мала, результаты весьма точно характеризуют демографические проблемы: при существующих настроениях и уровне расходов на образование уровень рождаемости в Японии не имеет шансов вырасти.

В последние годы значительно острее стала проблема суицидов. В книге 1971 г. Вогель пишет, что в Японии наиболее высокий уровень самоубийств приходится на поздне-подростковый и ранний юношеский возраст (примерно от 15 до 24) и связан с эмоциональным напряжением во время экзаменов и поиска работы, а ближе к среднему возрасту уровень снижается. К настоящему же времени ситуация серьезно поменялась.

Наблюдается значительная корреляция между безработицей и уровнем самоубийств. В 1997–1998 гг. он стремительно вырос и остается равным более 30 000 человек в год уже более 10 лет. Так, согласно докладу полиции, в 2008 г. жертвами суицида стали 32 249 чел., из них 22 831 — мужчины, т.е. около 90 человек в день. Из них причины были установлены примерно в 23 000 случаев: 15 000 — проблемы со здоровьем (6000 — депрессия), далее следовали финансовые трудности, проблемы в семье и с работой. Однако там, где на поверхности лежат проблемы со здоровьем, в большинстве случаев на более глубоком уровне имеют место социально-экономические проблемы — безработица, боязнь ее или плохо оплачиваемая непостоянная работа, либо приведшие к глубокой депрессии, либо послужившие основной причиной самоубийства, тогда как телесное заболевание стало лишь финальным аккордом и потому формальной причиной.

Наиболее подвержены риску самоубийства из-за финансовых проблем мужчины среднего и молодого возраста. Увеличение безработицы на 1% приводит к статистически значимому росту самоубийств в этой половозрастной группе. Для женщин и пожилых людей прямой корреляции с экономической ситуацией не существует. При этом в Японии, как нигде, уровень занятости женщин отражает уровень бедности домохозяйств и таким образом указывает на риск самоубийства среди мужчин. Наблюдается также увеличение количества самоубийц среди молодежи.

Рост суицидов пришелся на период наиболее быстрого роста уровня безработицы в 1997–1999 гг.: почти на 35%. Причем наибольший рост самоубийств, особенно среди мужчин, пришелся на март 1998 г. Март — последний месяц финансового года, когда происходит максимальное число банкротств. Наиболее от безработицы страдают возрастные группы 15–24 и 25–34 лет, для которых, в отличие от

средних значений, уровень безработицы продолжал расти в 2000-е гг. и установился в 2009 г. на уровне 10,1 и 7,1% соответственно. В последние годы уровень самоубийств снизился чуть менее, чем на 2%, но одновременно продолжает расти количество суицидов в возрастной категории 20–39 лет, что говорит о непосредственной связи с финансовыми трудностями. Соотношение уровня безработицы и самоубийств при рассмотрении отдельно по префектурам более явственно свидетельствует о непосредственной связи между этими явлениями. Корреляция оказывается еще сильнее, если сравнить количество банкротств на префектуру с количеством суицидов. В целом же показатели самоубийств в Японии значительно выше, чем в других развитых странах. Так, они вдвое превышают аналогичный уровень на 100 000 чел. в США.

Рост самоубийств в 1998 г. совпал не только с безработицей, но и с долговым кризисом. Как было показано, еще одной характерной чертой рынка труда в Японии является резкое различие между штатными (заключившими контракт на продолжительный или неопределенный срок) и внештатными сотрудниками компаний (заключившими договор на короткий срок). Положение последних крайне нестабильно, их заработок меньше, чем у штатных сотрудников. Выявляется зависимость уровня самоубийств среди молодых мужчин с условиями найма. У старшей возрастной категории (40–54 года) такой прямой зависимости не наблюдается.

Суицид приводит к финансовым потерям всего общества, т.к. работоспособный индивид (в первую очередь — молодые мужчины) выпадает из процесса производства, а также потребления. В связи с последним обстоятельством, по подсчетам, финансовые потери в период с 1998 по 2007 г. составили около 22 трлн. йен. Огромны и социальные издержки: самоубийцы оставили в целом около 3 млн. членов семей, включая 90 000 несовершеннолетних детей.

Базовый закон о предупреждении самоубийств, принятый в октябре 2006 г., ориентирован по большей части на психиатрическую помощь населению. Однако он практически не затрагивает социально-экономические и финансовые предпосылки, стоящие за большинством самоубийств. Основная социальная поддержка должна быть направлена на сотрудников средних и малых предприятий, которые больше страдают от экономической рецессии, чем сотрудники крупных компаний, особенно после начала мирового кризиса 2008 г. Поддержка должна включать прежде всего помощь в поиске жилья и выплате долгов по кредиту человеку, лишившемуся работы. Оказавшись в состоянии тяжелой депрессии, безработный не в состоянии справиться с подобными проблемами самостоятельно, даже в случае получения психиатрической помощи за государственный счет.

Надо сказать, что и работники на постоянном контракте не сильно выиграли от того, что остались в рядах основных сотрудников. Нагрузка на них серьезно увеличилась. В последние десятилетия как в японских, так и в зарубежных СМИ неоднократно привлекалось внимание к случаям «*кароси*» — смерти от переработки. К ним, как правило, относятся случаи смерти (сравнительно) молодых людей, у которых в результате перенапряжения на работе появляются острые заболевания, к примеру, сердечно-сосудистой системы либо обостряются хронические, что приводит к летальному исходу. Помимо этого, нередки случаи психического истощения и, как следствие, самоубийств. Только по официальным данным, в год проис-

ходит около 200 подобных случаев. Это те случаи, после которых последовала компенсация и извинения со стороны работодателя. В судебном порядке «смертью от переработки» может быть признан случай, при котором работник отработал более 100 часов сверхурочно в течение месяца, предшествующего смерти, либо по 80 и более часов сверхурочных в месяц в течение полугода до смерти. Разумеется, в эту статистику попадают далеко не все реально происходящие случаи смертей, не говоря о случаях, когда просто было подорвано физическое или психическое здоровье сотрудника. С 1998 по 2007 г. количество исков о компенсации за психические расстройства, полученные в результате переутомления на работе, выросли с 42 до 952 в год, и это опять-таки только случаи, когда родственники пострадавших доводят дело до суда. Некоторые неяпонские СМИ достаточно легкомысленно списывают *кароси* на «японский национальный трудоголизм». Изнутри же ситуация выглядит совершенно иначе. Важно подчеркнуть, что *кароси* — явление лет стагнации, когда получить постоянную работу стоит значительно бóльших усилий, чем в предыдущие десятилетия. Молодые люди, устроившиеся на такое место, готовы на любые условия труда, лишь бы удержаться в компании, со стороны же начальства встречается желание эксплуатировать их по максимуму. В десятилетия экономического роста это явление не было столь массовым, если вообще присутствовало.

Еще одна проблема, которая в отличие от вышеперечисленных изучена довольно мало, — появление относительно большого количества иностранных работников. Несомненно, по сравнению со многими другими развитыми экономиками, в Японии количество трудовых мигрантов мало. Тем не менее, во-первых, их количество растет год от года; во-вторых, как мы увидим ниже, оно систематически занижается; наконец, в-третьих, администрация Абэ приняла в каком-то смысле эпохальное решение по упрощению въезда в страну трудовых мигрантов. До этого он был весьма затруднен.

Существует официальная статистика, выпускаемая Министерством здравоохранения, труда и благосостояния, которая основывается на данных, предоставляемых работодателями. Однако она, по мнению авторов, не до конца достоверна, поскольку не учитывает определенных категорий работников. Несмотря на это, данная статистика, в частности, попадает в СМИ. Когда, согласно ей, в 2017 г. число иностранных работников впервые достигло 1 млн., эта цифра активно обсуждалась в центральных СМИ.

В частности, данные Министерства здравоохранения не совпадают со статистикой иностранных резидентов, которую предоставляет Министерство юстиции. Последнее ведет учет абсолютно всех иностранцев, въезжающих в страну, поэтому его статистику можно считать наиболее достоверной. Из этих данных понятно, что количество иностранных работников на японских предприятиях включает не только тех, кто въезжает в страну по рабочим визам. Правом работать обладают также те, кто имеет регистрацию иностранного резидента, например не натурализованные корейцы, репатрианты из стран Южной Америки, супруги японских граждан. Обладатели студенческих виз также могут работать на неполную ставку. Однако из этой цифры, предоставляемых Министерством юстиции, не следует, что все резиденты, обладающие долгосрочными визами или разрешением на проживание, пользуются правом работать.

Статистика же, представляемая предприятиями, также имеет несколько недостатков. Во-первых, работодатели не указывают в качестве иностранных работников корейцев, имеющих разрешение на постоянное проживание. Во-вторых, в эту статистику не попадают самозанятые, владельцы бизнеса и нанимаемые семьями. Наконец, работодатели иногда намеренно занижают количество нанятых иностранцев. Например, отчетность предоставляется, если работодатель начинает платить взносы в фонд страхования безработных, что законодательно предусмотрено после 31 дня работы по контракту. Однако в строительном и многих других отраслях бизнеса сезонные рабочие часто нанимаются на срок менее месяца, поэтому в отчетность не попадают. Также взносы не предусмотрены за сотрудников, работающих менее 20 часов в неделю. Кроме того, работодателю в целом невыгодно платить взносы за иностранных рабочих, поэтому часто они нанимаются в обход существующему законодательству.

Авторы одного из исследований[27] предлагают для оценки количества иностранных работников использовать данные переписи населения, поскольку в Японии они проводятся очень тщательно: количество пропущенных домохозяйств стремятся свести к минимуму, при необходимости проводятся повторные визиты, а если хозяев не удалось застать дома, информация собирается при помощи соседей. При этом анкеты предлагаются на 27 языках. В результате иностранное население должно быть в значительной степени охвачено переписью. При расчетах принималось во внимание то, что не были переписаны прежде всего те иностранцы, которые были на работе. Данные переписи систематически сравнивались со статистикой различных ведомств, в первую очередь Министерства юстиции.

В результате расчетов авторы пришли к выводу, что в официальной статистике за 2015 г. данные работающих иностранцев были занижены примерно на 50%: согласно официальным данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, работающих иностранцев на тот момент насчитывалось 907 896, а расчеты авторов привели к цифре 1 368 459 чел. Используя такую же методику, на основании переписи 2010 г. авторы вывели число 1 225 703 работающих иностранцев. Для 2016 г. была рассчитана цифра 1 465 333 чел., что примерно на 35% выше, чем в статистике министерства. Хотя методы авторов, вероятно, подлежат обсуждению, исследование наглядно показывает, что статистика Министерства здравоохранения не демонстрирует адекватные цифры в отношение занятых иностранцев.

Упрощенный механизм въезда иностранцев является, с одной стороны, неизбежным экономическим решением, но, с другой, это очередная акция по либерализации рынка труда, которая в перспективе может привести к очередному сокращению «хороших» рабочих мест. Ведь иностранные работники охвачены социальным страхованием еще меньше, чем японские сотрудники временного контракта.

[27] Hennings M., Mintz S. Toward a comprehensive estimate of the number of foreign workers in Japan // Social science Japan j. Oxford, 2018. Vol. 21, No. 1. P. 103–115.

Самовосприятие японского среднего класса и проблемы его исследования

В данном разделе будут перечислены основные трудности, связанные с изучением среднего класса в Японии.

В 1984 г. вышла книга экономиста Мураками Ясусукэ «Син тю:кан тайсю:-но дзидай» («Эпоха нового среднего класса»), которая провозглашала появление бесклассового общества. И действительно, в Японии 1970–1980-х гг. огромный процент людей относил себя к среднему классу. Многие исследователи, в том числе В.Б. Рамзес, однако, уже тогда указывали на психологические эффекты, способствующие некоторому преувеличению размеров этой социальной группы. Здесь работала извечная японская оглядка на соседей. Чуть более бедным слоям кажется унизительным не причислять себя к среднему классу, а семьи с высоким доходом считают «бахвальством» причислять себя к богатым. Поэтому опросы — по ним в первую очередь оценивался размер среднего класса в Японии — неизменно показывали увеличение прослойки среднего класса, тогда как реальные экономические показатели не были столь оптимистичны. В частности, согласно одному из определений среднего класса, в случае потери работы основным кормильцем семья должна быть в состоянии жить на сбережения не менее полугода. Однако японские исследователи в 1980-е гг. указывали, что в реальности на это способны не более 10% домохозяйств.

При этом главный имущественный разрыв в Японии в эпоху высоких темпов экономического роста существовал не за счет доходов в виде зарплаты. Разделив доход домохозяйств на пять категорий по уровню дохода, официальная статистика демонстрировала максимальный разрыв (между первой и пятой категориями) — примерно в 8,5 раз, что, в сущности, немного. Главным же источником неравенства было владение акциями. Так или иначе, за исключением сверхбогатых людей, единолично (или небольшой семьей) обладающих значительным пакетом акций, положение основной массы японцев напрямую зависит от заработной платы главы семьи. Причем примерно до начала 1970-х гг. официальная статистика, как правило, не включала показатели по владению ценными бумагами, за счет чего японское общество выглядело более эгалитарным, чем на самом деле. Равенство достигалось за счет массового увеличения заработной платы, которое действительно распространилось практически на все секторы экономики, включая даже первичный.

Таким образом, до 1990-х гг. показатели количества представителей среднего класса по психологическим и пропагандистским соображениям несколько завышались. В последующий же период произошло обратное явление. Татибанаки, а также Исикава и Кавасаки в 1990-е, как уже упоминалось, опубликовали достаточно известные исследования, в которых доказывали, что уровень экономического неравенства в Японии в последние годы существенно вырос и не сильно отличается от США. В этих работах анализировались не только уровень зарплаты, но и благосостояние домохозяйств в более широком контексте.

В 1990–2000-е более половины респондентов всё же относили себя к среднему классу. Тем не менее в этот период всё больше людей начали верить, что Япония относится к обществам с относительно высоким уровнем имущественного расслоения. Больше молодых людей в 1990-х гг. начали оценивать свое положение как нижний сегмент среднего класса или даже беднее. В начале 2000-х гг. во время во многом популистской политики Коидзуми уровень оптимизма несколько повысился, но с 2005 г., в конце правления Коидзуми, когда его политика приватизации государственных предприятий не принесла плодов, это не замедлило сказаться и на мироощущении японцев. В особенности это затронуло молодежь, 10% которой отнесли себя к когорте с низким уровнем доходов. Если молодежь всегда зарабатывала меньше людей среднего возраста, то в 1990-х гг. эта разница сильно возросла, что говорит о том, что экономическая стагнация ударила прежде всего по молодежи.

Существует и еще один фактор, почему расслоение в течение 1990-х гг. стало таким внезапным. До этого оно несколько замалчивалось, левые авторы не допускались к общественным дискуссиям. В результате японское общество в полной степени осознало наличие серьезного неравенства к 2006 г., когда по NHK была показана серия репортажей об обитателях палаточного городка безработных (и работающих на низкооплачиваемой работе) в парке Хибия в Токио, по иронии судьбы расположившегося как раз напротив Министерства здравоохранения, труда и благосостояния. Темы, связанные с имущественным расслоением, таким образом, перестали быть достоянием исключительно экономистов — они стали появляться в СМИ.

Вслед за упомянутым репортажем NHK в 2006 г. пошла новая волна интереса к социальному неравенству, поднятая на этот раз журналистами, а не академическими исследователями. В статьях привлекалось внимание к невозможности определенного сегмента домохозяйств (около 0,6%) оплатить медицинскую страховку, даже отпраздновать Новый год. Основной причиной этого, по мнению журналистов, была политика неолиберализма. Следует отметить, что эта политика действительно привела к увеличению количества временных контрактов трудоустройства и многим банкротствам работодателей. Хара Дзюнсукэ объясняет такое повышенное внимание к проблемам бедных, которых в самом деле в Японии не так много, психологическими эффектами: общей неуверенностью в будущем даже среди обеспеченных на данный момент слоев. Все мысленно подставляют себя на место бедняков.

Исследователь Стефен Тэй задается вопросом: каким образом «обычные» граждане узнают о возросшем неравенстве в повседневной жизни и как его воспринимают? Автор призывает различать два понятия: объективное имущественное неравенство — которое находит отражение в цифрах официальной статистики — и

субъективное неравенство — восприятие такового каждым человеком в отдельности, которое опирается на его повседневный опыт и жизненную историю.

На субъективные представления о неравенстве напрямую влияет отсутствие у людей знаний — люди, как правило, не представляют, к какому сегменту общества реально относятся. Субъективное восприятие своего имущественного положения сильно зависит от не поддающихся статистическим измерениям факторов, таких как психологический склад индивида. Также влияют пол и общая демографическая обстановка. В некоторых случаях это может играть на руку правительству: можно снижать субъективное восприятие неравенства, не снижая при этом его объективных показателей.

Мужчины легче мирятся с имущественным неравенством, поскольку имеют больше возможностей сделать карьеру и повысить доход; имеет значение образование, поскольку выпускники университетов также оптимистично смотрят на свои карьерные перспективы, поэтому проще относятся к имущественному расслоению на своем нынешнем жизненном этапе; кроме того, существуют такие субъективные показатели, как вера в удачу и озабоченность социальной справедливостью в целом.

Что касается субъективного неравенства в Японии, то систематических исследований его не проводилось. Опросы общественного мнения, призванные выяснить уровень толерантности к имущественному неравенству, показали, что в зависимости от региона этот показатель колеблется от 1 до 10, что отражает достаточно низкий уровень субъективного восприятия имущественного неравенства. Большинство японцев считает, что уровень расслоения в обществе невысок. Кроме того, процент людей, терпимо относящихся к имущественному расслоению, за эти годы повысился (с 42 до 50,7%), несмотря на рост объективных показателей.

Для сравнения: уровень толерантности к имущественному неравенству высок и в Китае, где его объективный уровень заведомо выше. Тэй связывает это с конфуцианской традицией, опирающейся на идею о меритократии и, таким образом, предполагающую, что человек, достигший высокого социального статуса и доходов, был достоин этого, поскольку обладал талантами и приложил много усилий. В то же время уровень неравенства в Китае достаточно высок по мировым показателям и в период с 1990 по 2007 г. постепенно рос. Главной причиной этого послужил непропорционально быстрый экономический рост в прибрежных регионах по сравнению с западными и в городах по сравнению с деревней. И несмотря на средний высокий показатель терпимости к неравенству, с течением времени в разных регионах он достаточно сильно колебался. Любопытно, что хотя обычно заявляется, что уровень неравенства между ханьцами и представителями этнических меньшинств, например из Синьцзян-Уйгурского автономного района, чрезвычайно высок, на практике за рассматриваемый период он объективно снизился и субъективно также стал восприниматься с большей терпимостью. В то же время, несмотря на снижающийся уровень имущественного неравенства в развитых юго-восточных регионах, восприятие расслоения там, напротив, стало острее.

Итак, средняя степень терпимости к имущественному расслоению в Японии (5,7) ниже, чем в Китае (6,06), хотя уровень имущественного расслоения на деле выше в КНР, и, как правило, более расслоенные общества воспринимают неравенство острее. Реальный уровень имущественного неравенства в отдельных регио-

нах Китая и Японии не влияет систематически на его субъективное восприятие, как можно было бы предположить. Также не сильно на это влияет и общий показатель экономического развития региона. В Японии в целом наибольшую терпимость по отношению к неравенству испытывают мужчины верхнего сегмента среднего класса. Любопытно гендерное распределение этого показателя среди относительно неимущих слоев: мужчины в среднем значительно терпимее по отношению к имущественному неравенству, чем женщины. В наиболее состоятельной страте также наблюдается похожее гендерное распределение. В Японии исследователь практически не выявил зависимости восприятия неравенства от возраста и уровня образования респондентов. Однако наиболее любопытный вывод состоит в том, что тип занятости (постоянная или по временному контракту) также практически не влияет на восприятия разного уровня доходов. Это, вероятно, свидетельствует о том, что японцы переносят переживания данного характера на личностный уровень, не затрагивая общий социальный контекст.

В Китае картина выглядит несколько иной. Показателями, в наибольшей степени влияющими на восприятие неравенства, оказались персональная ориентация на общую социальную справедливость, возраст и трудоустройство. Кроме того, важным фактором является проживание в городе либо в деревне. Жители сельских округов по принципу прописки не всегда имеют достаточные возможности для социальной мобильности и поэтому воспринимают социальное расслоение более остро по сравнению с горожанами, несмотря на то что в конкретно их общине оно может не наблюдаться. В городах, напротив, уровень расслоения высок, но горожане имеют потенциально больше перспектив для преуспеяния и, кроме того, повседневное наблюдение за проявлениями имущественного неравенства вошло у горожан в привычку и не вызывает острого раздражения.

Не только общественному сознанию свойственны психологические искажения, связанные с восприятием и оценки количества представителей среднего класса. Мнения исследователей также часто расходятся. Одни говорят о большой прослойке со средним уровнем доходов, другие о том, что для Японии характерны не вертикальные, а горизонтальные конфликты (к примеру, между корпорациями, а не внутри них), поэтому термин иррелевантен — ведь средний класс является чисто механически выделенной категорией населения, тогда как сам по себе не осознает себя как общность. Наконец, некоторые исследователи утверждают, что понятие среднего класса в полном смысле не применимо к Японии по другой причине: традиционно не ассоциирующиеся со средним классом «синие воротнички» при условии пожизненного найма имеют достаточно высокий доход и могут вести образ жизни, практически не отличающийся от уровня «белых воротничков».

Хара Дзюнсукэ предлагает различать неравенство имущества и неравенство возможностей. Что касается первого, то его уровень сокращался ударными темпами в период с 1965 по 1975 г. Важно отметить и то, что, судя по основным данным, в период с 1955 по 1995 г. доходы во всех социальных стратах выросли (в среднем примерно в шесть раз): как в беднейших, так и в наиболее богатых. Такой подход представляется рациональным.

Что касается неравенства возможностей, то их проследить труднее. Однако если взять такой показатель, как поступление в университет, то дети из семей «бе-

лых воротничков» продолжают учебу после школы в 79% случаев, дети, чьи родители заняты в сфере услуг, — 59%, а рабочие специальности — 44%.

Хара Дзюнсукэ приходит к выводу, что «базовое равенство» — доступность продуктов питания, жилья, одежды и других необходимых потребительских товаров, возможность продолжить учебу после средней школы в Японии достигнуто, но что касается других показателей, они не так однозначны. Это утверждение хорошо иллюстрируется примером с автомобилями: в настоящий момент личный автомобиль доступен большинству японцев. Если ранее неравенство выражалось в возможности или невозможности купить автомобиль, то теперь оно выражается в марках машин. Но несомненно и то, что по мере роста базового равенства в Японии определенно намечается и снижение равенства возможностей. К большому сожалению, не существует исследований, которые адекватно оценили бы количественно последний показатель.

Напоследок приведу пример исследования того, как экономические показатели влияют на бытовое сознание и поведение японцев. Э.М. Синявер рассматривает эволюцию концепции *моттаинай* («расточительства») в современном японском обществе[28]. Сам термин существует примерно с XIII в., обозначая неаккуратное обращение с любого рода ресурсами. Он приобретает новое значение, поскольку начало XXI столетия стало для Японии временем рефлексии как коллективной, так и индивидуальной. В настоящее время употребление этого выражения должно обозначать не только сам процесс избыточной траты чего-либо, но и ощущение сожаления, непозволительности и невосполнимости потери. Существуют даже попытки описать *моттаинай* как неотъемлемую и уникальную составляющую японской идентичности, черту национального характера. Подобное переосмысление некоторых старых и вполне обыденных понятий указывает на поиск новой идентичности.

Дискуссии на тему *моттаинай* впервые отмечались в 1970-х гг., когда снизились темпы экономического роста, Японию настиг энергетический кризис и встал вопрос об экономии энергии. Тогда же стало набирать обороты экологическое движение. С 1990-х гг. с началом экономической рецессии появился новый оттенок рассуждений о *моттаинай* — начали говорить о непостоянном, уязвимом характере материального изобилия.

Дискуссии стали носить характер определения чуть ли не экзистенциальных ценностей: процесс расходования и последующего избавления от чего-то обозначал в этом контексте не просто акт потребления некого блага, а переведения его из категории ценного в категорию ненужного. Все это должно было придать смысл происходящему вокруг — отмеченному одновременно изобилием благ и экономической стагнацией.

Рассуждения о *моттаинай* были тесно связаны с ностальгией по периоду высоких темпов экономического роста (1958–1973), в определенном смысле обладающему противоположными характеристиками по отношению к настоящему. Материальное изобилие тогда для большинства японцев достигнуто еще не было и, более того, наиболее активным было поколение, выросшее в суровые военные и оккупационные годы, но темпы прироста ВВП при этом били все рекорды. Те, кто на-

[28] Siniawer Eiko Maruko. “Affluence of the heart”: wastefulness and the search for meaning in millennial Japan // J. of Asian studies. Cambridge, 2014. Vol. 73, No. 1. P. 165–186.

поминал о славном прошлом, отнюдь не жаждали возвращения в это прошлое. То был призыв лишь усвоить некоторые ценности и привычки старшего поколения.

Широкая популярность концепции началась с публикации книг, комиксов и игр для детей под названием «Моттаинай ба:сан» («Бережливая бабуля») уже в 2000-х гг. Главный персонаж обучает своего внука бережному отношению к еде, воде и т.д. Неслучайно это именно бабушка, то есть, пожилой человек, который в силу возраста может служить связующим звеном между поколениями.

В категорию *моттаинай* попадают не только расточительное использование предметов, пищи. Сюда относятся также потеря времени, негативные эмоции, нерадивость в учебе или работе, невнимание к эстетической ценности природных явлений — пренебрежение жизнью в целом!

Одна из книг о «Бережливой бабуле» явно носит пропагандистский характер: в ней рассказывается о незавидных судьбах детей из других стран (малолетние рабочие из Индии, солдаты из Сьерра-Леоне и беспризорники из России), которые не имеют доступа к тем же благам, что японские дети. В то же время порицается неблагодарность японцев по отношению к собственному богатству: «Моттаинай-ба:сан» осуждает слишком привередливых в еде маленьких (и взрослых) японцев за то, что, закупая 60% продовольствия из-за рубежа, 30% продуктов они выбрасывают. Стоит отметить, что материальный достаток не порицается как таковой. Осуждается лишь неблагодарность за него, расточительство материальных благ.

Для старшего возраста вышла аналогичная книга — Имаи Мисако «Моттаинай-дзи:сан» («Бережливый дедушка»). В отличие от детской версии главным ее героем стал реальный человек — Имаи Сигэфуми (1914–2003), свекор автора. Молодость Имаи пришлась на военные годы, поэтому даже в период экономического роста он не изменял привычкам бережливости, противопоставляя свое поколение молодому, для которого «потребление стало добродетелью». Эту тему развили на страницах журнала «Гэндай» («Современность»), где деятели культуры, науки, бизнеса делились своими воспоминаниями о бережливости их родителей. Типичным, например, было воспоминание о том, что матери пугали детей, не желавших доедать свою порцию риса, тем, что они ослепнут.

Также в детской литературе возродилась легенда о *цукумо-гами* — духах, живущих в старых предметах: в случае, если с вещью плохо обращались, *цукумо-гами* может превратиться в демона *ёкай*. Литературные темы подхватывает популярная эстрада. В 2005 г. певец Сада Масаси исполнил песню под названием «Моттаинай», которая осуждала небережное отношение к еде и вещам. Другие исполнители, к примеру Кобаяси Акира, стали называть весь образ жизни, работу и цели современной молодежи расточительной и пустой тратой времени и жизненных сил.

Культуролог Ямаори Тэцуо опубликовал исследование, в котором попытался проследить историю *моттаинай* на протяжении 1500 лет, и объявил это свойство перманентно присущим японскому характеру — вплоть до рубежа 1940–1950-х гг. Тогда, по его мнению, произошел слом традиционных ценностей: так, к примеру, тогда же изменилось отношение к рису, и в языке полусакральный, уважительный термин «возделывание риса» (*инасаку*) сменился нейтрально-экономическим «производство зерна» (*комэдзукури*). Буддологи находили корни *моттаинай* в японском буддизме, а автор упомянутой *манги* (комиксов) «Моттаинай-ба:сан» Синдзю Марико призналась, что прототипом главной героини послужил Будда.

Некоторые авторы, например Акасэгава Гэмпэй, придали теме националистический оттенок. Они утверждали, что нынешнее расточительство напрямую связано с «американизацией» и только японцы понимают всю важность бережного обращения с ресурсами. И это качество отличает из от представителей всех других народов (включая китайцев и корейцев). Даже невозможность точно перевести на английский термин *моттаинай* служила одним из доказательств.

Вслед за исследователями авторы массовых жанров начали распространять версию о глубоких исторических корнях *моттаинай*. В популярных сочинениях типа «Моттаинай-ба:сан» и манги Акияма, посвященной периоду Эдо (1603–1867), утверждается, что тогда в принципе не могло быть расточительства, а иностранцы отмечали необыкновенную чистоту городских улиц. Тогда японцы были «богаты духом» (*кокоро-но ютакаса*) — в противоположность современному физическому изобилию и духовной бедности.

Определенная часть популярной литературы с некоторых пор стала позитивно рассматривать недостаток ресурсов, в значительной степени характерный для Японии на протяжении всей ее истории, как фактор, подтолкнувший к формированию представлений о *моттаинай*. Это тот урок, который Япония, по мнению авторов, может преподнести другим народам.

Была даже предпринята попытка включить концепцию *моттаинай* в состав японского национального брэнда. Успешность этих кампаний Синявер ставит под сомнение. Так или иначе само появление и широкое обсуждение понятия бережливости говорит о том, что японцы испытывают существенную неуверенность в завтрашнем дне. Если предыдущие поколения могли надеяться, что при достаточных усилиях можно добиться прочного положения и стабильности, то нынешние понимают, что в отдельных случаях несмотря на все усилия можно выпасть из рядов благополучного среднего класса. Настрой на бережливость является своеобразной психологической подготовкой к этому.

Выводы

1. Одной из главных причин бурного роста среднего класса в Японии было противостояние капиталистического и социалистического блоков в Холодной войне. США было необходимо укрепить своего союзника на Дальнем Востоке экономически, а кроме того, нивелировать популярность левого и профсоюзного движений внутри страны. Для этого применялся целый комплекс мер, не только экономических.
2. Несмотря на впечатляющий рост уровня жизни и существенное снижение коэффициента Джини, в Японии не сложилась классическая модель социального государства с перераспределением доходов богатых слоев населения в пользу бедных с помощью системы налогообложения. Главные усилия правительства были направлены не на социальные программы, а на рынок труда — на практике в течение 1950–1960-х гг. было существенно сокращено число рабочих мест с низкой заработной платой, массовые увольнения стали затруднительными для предприятий. Главной социальной гарантией для японцев стал их работодатель, обеспечивающий сотруднику стабильный рост доходов, выгодные условия выхода на пенсию, достаточный заработок для оплаты (высшего) образования детей, переподготовку в случае упразднения рабочего места и т.д. Применительно к перераспределению средств между регионами существует не налаженная система, а ее заменитель в виде многочисленных дорогостоящих строительных проектов, создающих рабочие места в провинции. Главным исключением здесь, пожалуй, стала медицинская система. Хотя основные расходы покрываются за счет взносов работодателей, льготные программы страхования позволяют и людям со скромными доходами рассчитывать на медицинскую помощь. Даже неолиберальные десятилетия не смогли свести на нет это достижение.
3. По взглядам японский средний класс в благополучные годы был в целом аполитичен и не питал доверия к представителям партий. Кроме того, средний класс не выработал коллективного самосознания. Он расколот на отдельные группы от малых (семья) до крупных (компания), с которыми человек связывает свою жизнь, надежду на социальные гарантии, по отношению к которым не-

сет ответственность. Поэтому бедные — это те, кто выпал из большинства социальных групп, а не отдельная социальная категория.

4. Профсоюзное движение в Японии как сила, защищающая нижний сегмент среднего класса, фактически потерпело поражение: единое движение профсоюзов не сложилось даже в рамках отдельных отраслей, практика «весенних наступлений» с начала XXI в. сошла на нет, а самое главное — профсоюзные деятели согласились на неолиберальную реформу рынка труда, которая привела к размыванию среднего класса и повторному появлению массового рынка труда с низкой оплатой и без гарантий со стороны работодателя.
5. С ухудшением экономических показателей были проведены неолиберальные реформы рынка труда. Главным их итогом стало отсечение от «хороших» рабочих мест определенной категории занятых. В Японии вновь появился значительный сегмент занятых на непостоянной работе. Эти люди лишены социальных гарантий, доход невысок, а перспективы выбраться из данного положения призрачно малы. Конкуренция за «хорошие» рабочие места существенно усилилась. Компании сохранили костяк сотрудников на привилегированных контрактах. Примечательно, что именно они входят в состав профсоюзов и имеют хотя бы теоретический шанс коллективно защищать свои интересы.
6. Неолиберальные реформы и ухудшение экономического положения вызвали ряд негативных социальных эффектов: снижение рождаемости, повышение уровня суицидов и т.д.
7. В середине 2018 г. было объявлено об очередной реформе рынка труда. В первую очередь речь идет о более широком привлечении студентов к производственным практикам у будущих работодателей (начиная со второго – третьего курса). Пока перспективы данной реформы неясны, однако можно предположить, что речь идет о более широком использовании дешевой (а то и бесплатной) рабочей силы, а кроме того, о появлении дополнительных факторов конкуренции за «хорошие» рабочие места и, вероятно, растягивании ее во времени.

□

Литература

1. Рамзес В.Б. Личное потребление в Японии. М.: Наука, 1985. 288 с.
2. Beauchamp E.R. The Development of Japanese Educational Policy // History of Education Quarterly. 1987. Vol. 27, No. 3. P. 299–324.
3. Beckley M., Horiuchi Y., Miller J. America's Role in the Making of Japan's Economic Miracle // Journal of East Asian Studies. Cambridge, 2018. Vol. 18, No. 1. P. 1–21.
4. Blind G.D., Lottanti von Manbach S. Decades not Lost, but Won: Increased Employment, Higher Wages, and More Equal Opportunities in the Japanese Labour Market // Social Science Japan Journal. Oxford, 2015. Vol. 18, No. 1. P. 63–88.
5. Castro-Vasquez G. Childbirth and Social Class in Contemporary Japan // Asian Studies Review. London, 2016. Vol. 40, No. 2. P. 268–286.
6. Dalton E. Womenomics, "Equality" and Abe's Neoliberal Strategy to Make Japanese Women Shine // Social Science Japan Journal. Oxford, 2017. Vol. 20, No. 1. P. 95–105.
7. Dewit A., Steinmo S. The Political Economy of Taxes and Redistribution in Japan // Social Science Japan Journal. Oxford, 2002. Vol. 5, No. 2. P. 159–178.
8. Estevez-Abe M. Welfare and Capitalism in Postwar Japan: Party, Bureaucracy and Business. Cambridge (N.Y.) etc.: Cambridge University Press, 2008. 360 p.
9. Francks P. Simple Pleasures: Food Consumption in Japan and the Global Comparison of Living Standards // Journal of Global History. Cambridge, 2013. Vol. 8, No. 1. P. 95 –116.
10. Hara Junsuke. An Overview of Social Stratification and Inequality Study in Japan: Towards a "Mature" Society Perspective // Asian Journal of Social Science. 2011. Vol. 39, No. 1. P. 9–29.
11. Hennings M., Mintz S. Toward a Comprehensive Estimate of the Number of Foreign Workers in Japan // Social Science Japan Journal. Oxford, 2018. Vol. 21, No. 1. P. 103–115.
12. Ikegami Naoki, Campbell J. Containing Health Care Costs in Japan. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2010. 311 p.
13. Imai Jun. Workers and Unions // Power in Contemporary Japan. Springer, 2016. P. 125–142.
14. Iscan T.B. Redistributive Land Reform and Structural Change in Japan, South Korea and Taiwan // American Journal of Agricultural Economics. Oxford, 2018. Vol. 100, No. 3. P. 732–761.
15. Joe Chen, Yun Cheong Choi, Kota Mori, Yasuyuki Sawada, Saki Sugano. Recession, Unemployment, and Suicide in Japan // Japan Labor Review. Tokyo, 2012. Vol. 9, No. 2. P. 75–92.
16. Jolivet M. Japan: The Childless Society? The Crisis of Motherhood. London; New York: Routledge, 1997. 434 p.
17. Kosugi R. Career Development Process, Starting with Non-regular Workers: Based on Analysis of Factors Determining the Transition from Non-regular to Regular Employment,

Including Promotion to Regular Employment within the Same Firm // Japan Labor Review. Tokyo, 2012. No. 3. P. 80–98.
18. Lahelma E., etc. Social Class Inequalities in Health among Occupational Cohorts from Finland, Britain and Japan: A Follow up Study // Health and Place. Elsevier, 2015. No. 31. P. 173–179.
19. Lise J., Sudo N., Suzuki M., Yamada K., Yamada T. Wage, Income and Consumption Inequality in Japan, 1981–2008: From Boom to Lost Decades // Review of Economic Dynamics. Elsevier, 2014. Vol. 17. P. 582–612.
20. Miura M. Welfare Through Work: Conservative Ideas, Partisan Dynamics, and Social Protection in Japan. Ithaca: Cornell University Press, 2012. 206 p.
21. Mouer R., Kawanishi H. A Sociology of Work in Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 303 p.
22. Mulgan A.G. Japan's Failed Revolution: Koizumi and the Politics of Economic Reform. Canberra: ANU, 2013 (F.P. 2002). 260 p.
23. Ono A. Job Security Concern Among Temporary Agency Workers in Japan // Japan Labor Review. Tokyo, 2012. Vol. 9, No. 3. P. 30–58.
24. Ono H. Lifetime Employment in Japan: Concepts and Measurements // Journal of the Japanese and International Economies. Elsevier, 2010. No. 24, P. 1–27.
25. Raymo J.M., Park H., Yu Xie, Wei-jun Jean Yeung. Marriage and Family in East Asia: Continuity and Change // Annual Review of Sociology, 2015. No. 41. P. 471–492.
26. Raymo J.M., Shibata A. Unemployment, Nonstandard Employment, and Fertility: Insights from Japan's "Lost 20 Years" // Demography. Berlin, 2017. No. 54. P. 2301–2329.
27. Shikata M. Is Temporary Work "Dead End" in Japan: Labour Market Regulation and Transition to Regular Employment // Annual Review of Sociology. 2015. No. 41. P. 59–79.
28. Shirahase S. Income Inequality Among Older People in Rapidly Aging Japan // Research in Social Stratification and Mobility. Elsevier, 2015. No. 41. P. 1–10.
29. Shirahase S. Japan as a Stratified Society: With a Focus on Class Identification // Social Science Japan Journal. Oxford, 2010. Vol. 13, No. 1. P. 31–52.
30. Siniawer E.M. "Affluence of the Heart": Wastefulness and the Search for Meaning in Millennial Japan // Journal of Asian Studies. Cambridge, 2014. Vol. 73, No. 1. P. 165–186.
31. Song Jiyeoung. Inequality in the Workplace. London; Ithaca: Cornell University Press, 2014. 230 p.
32. Takegawa Shogo. Liberal Preferences and Conservative Policies: The Puzzling Size of Japan's Welfare State // Social Science Japan Journal. Oxford, 2010. Vol. 13, No. 1. P. 53–67.
33. Tay S. Rethinking Income Inequality in Japan and China: The Objective and Subjective Dimensions // China Report. Thousand Oaks, 2015. Vol. 51, No. 3. P. 230–257.
34. Vogel E.F. Japan's New Middle Class: The Salary Man and His Family in a Tokyo Suburb. Second edition. Berkeley etc.: University of California Press, 1971 [1965]. XIV, 313 p. URL: http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft8z09p23r
35. Weathers C. Reformer or Destroyer? Hashimoto Toru and Populist Neoliberal Politics in Japan // Social Science Japan Journal. Vol. 17, No. 1. Oxford, 2014. P. 77–96.
36. Yamada K. Kawaguchi D. The Changing and Unchanged Nature of Inequality and Seniority in Japan // Journal of Economic Inequality. Berlin, 2015. No. 13. P. 129–153.
37. Yokoyama I., Kodama N. Why the Earnings of the Middle Class Declined: Evidence from Japan // Applied Economic Letters. Abingdon-on-Thames, 2018. Published online 22.02.2018. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13504851.2018.1441505
38. Комамура Кохэй, Ватанабэ Курико, Танака Соитиро, Сиката Масато. Нихон-но сётоку какуса-то бимбо: «Дзэнкоку сё:хи дзиттай тё:са» (1994–2009)-о мотиита кэнсё: (Верификация «Общенационального исследования потребления» (1994–2009). Расслоение уровня доходов и бедность в Японии). URL: https://ies.keio.ac.jp/publications/7481

К.А. Черемных

ЯПОНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТНОСТИ

Константин Анатольевич Черемных — аналитик

I. ПРОБЛЕМА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

А. Специфика цивилизационной традиции

Религиозные основания. Согласно догматике религии синто, император Японии является прямым наследником божества Солнца Аматэрасу и верховным жрецом. По строгой догматической интерпретации, а) правление императора прекращается только после его смерти, т.к. смерть аналогична закат небесного светила; как не может быть двух солнц на небе, так не могут одновременно существовать два живых верховных жреца. В момент кончины действующего императора наследник находится рядом с ним для того, чтобы воспринять у него благодатную сущность; б) передача сакральной власти (виртуального Хризантемового трона) представляет собой ритуал, включающий передачу физических атрибутов сакральности — священного зеркала, меча и яшмового ожерелья, в) сакральные атрибуты также применяются при определении права на наследство при рождении императорского отпрыска.

Исторические основания. Японская императорская династия считается древнейшей на Земле (2700 лет): генеалогия императоров восходит к Дзимму (VII в. до н.э.), считающемуся прапраправнуком богини Аматэрасу. Летописи содержат сведения о жизни императоров начиная с III в. до н.э. Авторитет императорской власти получил историческое подкрепление в связи с прогрессом — экономическим и демографическим, а не только военно-политическим — в период Реставрации Мэйдзи после падения сёгуната. Несмотря на демонтаж институтов, возникших в период Реставрации Мэйдзи (в том числе императорской военной полиции Кэмпэйтай), и официальную ликвидацию абсолютизма (соответственно «Декларации о человеческой природе» императора Хирохито 1 января 1946 г.), период Реставрации Мэйдзи сохраняет в японской историографии позитивную коннотацию. В то же время сам факт столь длительного выживания династии подтверждает преимущества сложившейся системы престолонаследия, строгий характер которой не допускал, в частности, феномена самозванства, распространенного в европейских династиях, и эксцессов болезненного поведения. Ограничительные правила Императорского двора не допускали официальных или неофициальных самостоятельных путешествий супруги императора или наследного принца. Как и в европейских монархиях, правила предписывали лишение титула принца или принцессы в случае морганатического брака. В то же время

проблема бездетности монархической семьи могла разрешаться двумя способами — либо официальным повторным браком императора, желающего иметь наследника, либо неофициально — рождением наследника одной из наложниц. Отказ императора от исполнения своих обязанностей (что чаще происходит по болезненным мотивам) регламентировался обязанностью оставить семью и детей и отправиться в изолированный горный монастырь с передачей власти отрекшимся монархом («дадзё тэнно») по преимущественному праву соответственно процедуре и ритуалу. Таким образом, японская традиция престолонаследия допускала механизмы обновления крови, предотвращая распространенный в монархических кругах феномен вырождения.

Конституционные основания. В конституционной монархии император является символом государства и единства народа. Согласно Закону о престолонаследии (1947), монарх созывает парламент, утверждает членов правительства, осуществляет промульгацию законов и договоров с совета и одобрения кабинета. Лица, включенные в порядок престолонаследия (потенциальные наследные принцы), имеют право на получение образования за счет бюджета. Браки членов императорского дома одобряются Советом Императорского двора — органа, состоящий из премьер-министра Японии, председателей двух палат парламента, главного судьи и двух членов императорской семьи. Несмотря на то, что в истории монархии было восемь правящих императриц, Закон об Императорском доме (1949) допускает предоставление власти монарха исключительно мужчине. Аналогично европейской традиции, преимущественное право получает первый (старший) сын императора, в законе именуемый Великим сыном. Закон подробно регламентирует статус регента, полномочия которого устанавливаются в случае недееспособности действующего монарха и (или) несовершеннолетия наследного принца. Согласно Закону, Великий сын называется Наследным принцем (котайси) (статья 8), является членом императорской семьи Японии и после принятия титула не имеет права отказываться от него по своей воле (статья 11.2). В случае установления регентства Наследный принц имеет право первым занять эту должность (статья 17.1.1). Если он несовершеннолетний, т.е. не достиг 18 лет (статья 22) и регентом становится другое лицо из императорской семьи, то оно должно уступить в должности Великому сыну императора после достижения им совершеннолетия (статья 19.2). В отсутствие наследного принца наследником выступает внук императора, т.е. сын дочери (статья 8). Положения Закона, касающиеся Наследного принца, также применяются в отношении внука Императора. Если действующий император недееспособен, он сохраняет свой статус, а наследный принц исполняет его обязанности в статусе регента.

Б. Аспекты т.н. кризиса престолонаследия

1. *Результаты решений Совета Императорского двора*. Применение ст.8 Закона об Императорском доме, позволяющее присвоить титул котайси внуку императора (сыну дочери), было ограничено решениями Совета императорского двора о лишении титула женщин-членов императорской семьи; это право использовалось в трех случаях браков принцесс, не получивших одобрения со-

вета: а) принцессы Саяко, дочери императора Акихито (брак с представителем прислуги), б) принцессы Аяко, двоюродной племянницы императора Акихито (брак с менеджером частной компании), в) принцессы Мако Акисино (то же).

2. *Противоречивое наследие императора Акихито*. Совет Императорского двора в 1957 г. столкнулся с первой проблемой в связи с решением принца Акихито, старшим сыном императора Хирохито, жениться на Сёду Митико, дочери частного бизнесмена-мукомола. После личного одобрения Хирохито Совет 27 ноября 1958 г. одобрил брак. Мотивы одобрения со стороны отца были сложными: с одной стороны, он одобрил выбор сына, убедившись в личных качествах его невесты, с другой, пошел навстречу внешней политической оценке, включая освещение романа международными СМИ. Эта оценка, в свою очередь, учитывала реформаторство Акихито не только в решении жениться на простолюдинке, но и публично отказаться от наложниц.
3. *Проблема наследства принца Нарухито, старшего сына Акихито, и возникшие в связи с ним конституционно-правовые инициативы*. В центре проблемы — а) отсутствие наследника-мужчины у Нарухито, б) аристократическое происхождение его супруги Масако и высокий общественный статус ее отца Овада Хисаси (замглавы МИД, с 2002 г. судья в Международном суде ООН); в) личная позиция премьера Японии Коидзуми Дзюнъитиро и инициативы членов учрежденной им группы экспертов по внесению изменений в Конституцию и Закон об Императорском доме, г) личный авторитет Коидзуми, д) влияние монархических кругов Европы, в особенности Швеции.

   Инициатива Коидзуми и его окружения состояла во внесении изменений в конституционное законодательство, допускающих наделение принцессы Аико, единственной дочери принца Нарухито и принцессы Масако, статусом наследницы престола. Согласно докладу группы экспертов, представленному 25 октября 2005 г., было рекомендовано изменить Императорский закон о порядке наследования Хризантемового трона только мужчинами (то есть ревизия статьи 8). Иначе говоря, предлагался переход от принципа салической системы (агнатическая, или патрилинейная примогенитура, при которой наследование происходит только по мужской линии) в сторону принципа когнатической примогенитуры (кастильской или австрийской систем, когда при определенных условиях трон могут наследовать женщины) или абсолютной примогенитуры (шведской системы, в которой мужчины и женщины имеют полностью равные права наследования, а наследник определяется простым первородством). 20 января 2006 г. Коидзуми в программной речи обязался представить законопроект в парламент, позволяющий женщинам наследовать императорский трон со ссылкой на доклад.
4. *Добровольное отречение императора Акихито*, потребовавшее принятие специального закона, корректирующего статью 11.2 Закона об Императорском доме. О воле императора было объявлено в мае 2017 г.; ранее предполагалось, что старший сын, принц Нарухито, станет регентом при живом императоре и получит трон только после его смерти (как сам Акихито).
5. *Политические обстоятельства, касающиеся премьера Абэ Синдзо*, который вступил в полемику с Коидзуми и семьей Овада относительно престолонасле-

дия. Возражения Абэ Синдзо, хотя публично это не оглашалось, очевидно, мотивировались в первую очередь фактом душевной болезни принцессы Масако и возникающими в этой связи рисками для престолонаследия.

B. История болезни принцессы Масако

1. *Преморбид*. Развивалась с опережением, была жизнерадостной и активной, в детстве проживала в разных странах по месту работы отца-дипломата; несколько лет училась в школе в Москве, затем жила в США, где в это время в Гарварде преподавал отец, окончила старшую школу в Белмонте, где быстро адаптировалась, вступив в клубы математики и французского языка, возглавляла школьный (консервативный) Клуб чести. Окончив бакалавриат Школы бизнеса Гарварда, в 1986 г. вернулась в Японию, окончила юридическую докторантуру Токийского университета и дипломатические курсы, поступила в МИД сразу же при конкурсе в 20 человек на место, затратив на подготовку в два раза меньше времени, чем это требовалось большинству кандидатов; свободно владела английским, французским, немецким и русским языками. Была знакома с принцем Хиро (позже Нарухито) с 1986, еще до поступления в МИД. Знакомство состоялось осенью 1986 г. на приеме в честь испанской инфанты Елены. В 1992 г. дала согласие на брак, была обласкана японской и мировой прессой, сопоставлялась с принцессой Дианой.
2. *Клиника дебюта*. Первое описание изменений личности («стала необычно пассивной») — в Newsweek уже в 1993 г. (год бракосочетания); аутизация («прекратила появляться на публике и ее лицо стало мрачным» — источник Los Angeles Times, 1997 г. Публичный эффект — несоответствие ожиданиям: полиглот, от которой ожидали активного развития неофициальной японской дипломатии, либо избегала международных контактах, в том числе с прежними контактами, либо была замечена в неадекватном поведении (обычно — маска параноидных переживаний), прозвище «тихая принцесса», резко контрастирующее с преморбидными чертами личности.
3. *Невынашивание*, характерное для женщин с предрасположенностью к ядерным формам шизофрении: выкидыш в 1999 г., несмотря на своевременное оказание помощи. Затяжной депрессивно-параноидный приступ после гинекологических процедур (супруг уверен в том, что ее действительно «травят»). По болезненным мотивам ушла из дома, в течение месяца жила у своих родителей в уединенном особняке в горах, затем вернулась.
   http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1387&page=2
4. *Декомпенсация* после рождения дочери в 2003 г., с переходом болезни в непрерывное течение, по описанию — со стойким депрессивно-деперсонализационным синдромом и суицидальными тенденциями. В 2003 г. госпитализирована (согласно публичной версии, в связи с кожным заболеванием). В 2004 г. освобождена от работы в МИД, не участвовала в приемах, была негативистична к свекрови, вновь уходила к родителям, супруг прожил месяц вместе с ней в их доме, нарушая собственный график и установленный порядок. Официальный диагноз «синдром нарушения адаптации», получает нейролептики и антидепрессанты.

5. *Лекарственные ремиссии* на фоне поздно начатого фармацевтического лечения. В 2006 г. посетила педиатрический центр, в 2008 г. участвовала в открытии фестиваля зимних видов спорта, в 2009 г. в одиночку посетила магазин.

Г. Текущий статус проблемы престолонаследия

Ключевым фактором разрешения кризиса престолонаследия, на который опирается Абэ Синдзо, становится рождение сына, принца Хисахито, в семье младшего сына Акихито — принца Акисино (Фумихито) в 2006 г.

Утверждению принца Хисахито (а не принцессы Айко) в качестве наследника престола благоприятствует:

а) на уровне мирового монархического сообщества: покровительство нидерландской принцессы Беатрикс браку родителей,

б) на законодательном уровне: одобрение брака родителей, принца Акисино и принцессы Кико (Кавасима), Советом Императорского двора в 1989 г., несмотря на неаристократическое происхождение невесты и нарушение неформального (традиционного) порядка, согласно которому Акисино не должен был вступать в брак раньше наследного принца Хиро (Нарухито); потребность в оформлении брака (1990) не объяснялась беременностью невесты (первый ребенок в браке, принцесса Мако, родилась в октябре 1991).

в) (а) на уровне религиозного ритуала: церемония имянаречения (на седьмой день после рождения, с вручением меча, и звучание имени (Хисахито = «достойный муж, который спокойно и долго идет по жизни», от «хиса» — «покой» и «хито» — «достойный человек», (б) посещение матерью и младенцем трех зданий императорского комплекса для общения с духами предков, (в) прохождение ритуала первого кормления с помощью палочек на 130 день от рождения),

г) на политическом уровне: личная поддержка Абэ Синдзо, уже в 2007 г. прекратившего работу комиссии, инициированной Коидзуми.

Д. Биографические данные

ПРИНЦ НАРУХИТО

Родился 23 февраля 1960 г., первенец наследного принца Акихито и принцессы Митико. Получил имя Хиро. Жил в дворце Акасака с родителями, братом и сестрой, что было отступлением от традиции: его отец, дед и прадед (император Тайсё) воспитывались отдельно от родителей в домах подданных, что было связано с идеей того, что император должен больше заботиться о народе, который для него важнее кровных родственников

Во время младшей школы узнал, что по территории дворца Акасака в период Камакура (1192–1333) проходила дорога. С тех пор интересовался темами коммуникаций. В 1978 г. поступил в Университет Гакусюин, играл на виоле в универси-

тетском оркестре, изучал средневековую транспортную систему Японии, в 1982 г. защитил диплом «Морское сообщение Внутреннего моря Сэто в эпоху Камакура». В 1985 г. окончил бакалавриат Колледжа Мертон Оксфордского университета, тема диплома — «Водный транспорт на реке Темза в XVIII веке». В 1988 г. окончил магистратуру Института гуманитарных наук Университета Гакусюин. 7 января 1989 г., после смерти императора Хирохито, стал наследным принцем. С 1986 г. дважды делал предложение 29-летней Овада Масако, работавшей дипломатом в МИД Японии под руководством своего отца Овада Хисаси, вице-министра иностранных дел, ранее посла Японии в ООН. Был настроен жениться на ней, несмотря на аргументы своих советников о сложной репутации ее семьи: дед Масако был председателем химической компании Chisso, уличенной в разливе метиловой ртути (реагент в производстве поливинилхрлорида) с человеческими жертвами в 1953 г. 23 февраля 1991 г. официально представлен как наследный принц; первый официальный визит в этом качестве нанес в Великобританию и Марокко (1991). Написал несколько статей и воспоминания об оксфордских днях: «Темза и я: описание двух лет в Оксфорде». С 1992 г. приглашенный исследователь архива Университета Гакусюин. 19 января 1993 г. было объявлено о помолвке, а 9 июня 1993 г. состоялось бракосочетание с Овада Масако в Императорском Синтоистском Храме в Токио перед 800 приглашенными гостями, включая коронованных особ и большинство глав государств Европы, и телеаудиторией в 500 млн. человек. После женитьбы получил имя Нарухито. Жил с супругой во дворце Тогу в Токио. Дочь Айко, принцесса Тоси, родилась 1 декабря 2001 г.

С 1994 г. почттный вице-президент Японского общества Красного Креста. Был патроном Японского комитета Олимпийских игр до 1998 г, после чего стал членом Международного олимпийского комитета. В июне 2002 г. стал почттным президентом всемирной выставки «Экспо-2005», проходившей в префектуре Айти. В марте 2003 г. в качестве почетного президента 3-го Мирового водного форума выступил с речью на церемонии открытия: «Водные пути, соединяющие Киото и местные регионы». Во время пресс-конференции в 2005 г. упоминал такие проблемы, как благосостояние стариков и детей в условиях быстрого старения населения и сокращения рождаемости, вопросы воспитания детей, улучшение взаимоотношений с другими странами через развитие культурных связей. Является приверженцем Всемирной организации движения бойскаутов, и в 2006 г. посетил 14-й слет бойскаутов Японии (Nippon Jamboree), который является японским национальным празднеством, организованным Ассоциацией бойскаутов Японии. Во время визита в Мексику в марте 2006 г. выступил с программной речью на церемонии открытия 4-го Мирового водного форума: «Эдо и водный транспорт». В 2007 г. назначен почетным председателем Консультативного совета по воде и санитарии Генерального секретаря ООН. В декабре 2007 г. прочел юбилейную лекцию на церемонии открытия 1-го Азиато-Тихоокеанского водного саммита, озаглавленную: «Люди и вода: от Японии к Азиато-Тихоокеанскому региону». 11 июля 2008 г. обратился к публике за пониманием и сочувствием к положению его больной жены, принцессы Масако, в 8-дневной поездке по Испании без нет: «Я прошу вас понять, что Масако сейчас делает всё возможное, чтобы выздороветь при помощи окружающих ее людей, и отнестись к ней с великодушным терпением». Давление по поводу рождения на-

следника мужского пола в соответствии с древними традициями и Императорским Семейным Законом 1947 г. было осознано и принято к сведению, в целях помощи в преодолении болезни принцессы. В феврале 2009 г. посетил Вьетнам (первое посещение наследником Хризантемового трона), встретился с президентом Нгуен Минь Чиетом в Ханое, посетил древний город Хюэ, а также город Хошимин; поездкой была отмечена 35-я годовщина дипломатических связей. Почетный член Мировой водной комиссии XXI столетия и патрон Глобального водного сообщества, органа, основанного Всемирным банком, ООН и Шведским агентством развития. Имеет широкий круг интересов, хобби — теннис, походы в горы, бег, игра на виоле.

1 мая 2019 г. принял титул и стал 126-м императором Японии в возрасте 59 лет. Завершение правления императора Акихито в синтоистском летосчислении ознаменовало завершение эры Хэйсэй («Установление мира»), начавшейся 8 января 1989 г.; период правления Нарухито получил новое символическое наименование (нэнго).

Мировоззренческие детали. Как отмечала Анастасия Кальцева (Fushigi Nippon), Нарухито «считает, что человечество должно делать всё возможное для сохранения и пополнения источников пресной воды. Внимания заслуживает и проблема отсутствия доступа к чистой воде в странах Африки и некоторых регионах Азии. В то же время, нужно подумать о защите от стихийных бедствий, будь то наводнения или цунами. Принц надеется, что когда-нибудь люди смогут «приручить» воду и существовать в полной гармонии с мировым океаном. Старение населения и сокращение рождаемости. Все это актуально в первую очередь для Японии. Страна, безусловно, гордится своими долгожителями, но кто придет им на смену? Нарухито уже неоднократно выдвигал предложения о необходимости поощрять рождаемость. Ведь если не начать делать это уже сегодня, Японию ждет затяжной демографический кризис, оправиться от которого будет очень сложно».

ПРИНЦ АКИСИНО

Родился 30 ноября 1965 г. во Дворце Аояма, Токио. Получил имя Фумихито. В детском возрасте назывался именем Ая. Получил начальное и среднее образование в Гакусюине.

В апреле 1984 г. поступил на юридическое отделение университета Гакусюин, где окончил бакалавриат по праву и общей биологии. С октября 1988 по июнь 1990 г. изучал таксономию рыб в St. John College Оксфордского университета в Великобритании. В 1993–1994 гг. продолжал исследования по ихтиологии, проводил полевые исследование в Индонезии и провинции Юньнань КНР. Обосновал употребление тиляпии из Таиланда для разрешения проблемы голода (высокобелковая рыба легко разводится в искусственных условиях). Спонсировал исследования водной среды в Таиланде. В 1996 г. окончил докторантуру Национального университета Японии по орнитологии, тема диссертации — «Молекулярная филогенетика птиц джунглей, род гребенчатых кур и монофилетическое происхождение домашних птиц».

В 1984 г., когда учился на первом курсе университета, познакомился с Кавасима Кико, дочери Кавасима Тацухико, профессора экономики в университете Гакусюин. Впервые сделал ей предложение в 1986 г. Кавасима Кико родилась в Сид-

зуоки, раннее детство провела в США по месту работы отца. Посещала начальную и среднюю школу в Вене, Австрия, когда ее отец стал главным исследователем в Международном институте прикладного системного анализа (IIASA) в Лаксенбурге, где изучал науку о пространстве и деятельность общественных организаций (NGO). Участвовала в Ship for Southeast Asian Youth Program (SSEAYP) в 1987 г. Окончила бакалавриат по психологии на факультете литературы в университете Гакусюин в 1989 г.Стал вторым в очереди претендентом на трон после своего старшего брата наследного принца Нарухито после смерти деда, императора Хирохито (Сёва), в январе 1989 г., в период обучения в Оксфорде. Весной 1990 г. вопреки возражениям родственников, в особенности вдовствующей императрицы Кодзюн (бабушки), настоял на женитьбе на Кавасима Кико, несмотря на а) ее неблагородное происхождение и б) на то, что его старший брат, наследный принц Нарухито, еще не был женат.

После женитьбы получил титул принца Акисино. С 1997 г. семья проживает во дворце Акасака в Минато, Токио. Старшая дочь, принцесса Мако, родилась 23 октября 1991 г. в госпитале Императорского дворца, младшая, принцесса Како, — 29 декабря 1994 г. там же. Сын, принц Хисахито, родился 6 сентября 2006 г., раньше срока, в больнице Айику в Токио, на фоне ожесточенных споров о престолонаследии; при рождении нарушены еще две традиции — пол наследника был определен до рождения; роды произведены путем кесарева сечения без облигатных показаний.

В браке принцесса Акисино Кико окончила магистратуру по психологии в Гакусюине и первую часть докторантуры в 1995 г. Выбрана в число Молодых мировых лидеров 2007 г. по опросам 4000 кандидатов.

Принц и принцесса Акисино активно вовлечены в дипломатию. В июне 2002 г. стали первыми членами императорской семьи, посетившими Монголию (по случаю 30-й годовщины дипломатических отношений). В октябре 2002 г. были в Нидерландах на похоронах принца Клауса. В сентябре 2003 г. в рамках визита доброй воли посетили острова Фиджи, Тонга и Самоа (также впервые). В марте 2004 г. возвратились в Нидерланды на похороны принцессы Юлианы. В январе 2005 г. прибыли в Люксембург на похороны великой герцогини Шарлотты Жозефины. В январе 2006 г. посетили в Джакарте церемонию празднования 50-й годовщины дипломатических отношений между Японией и Республикой Индонезия, в октябре 2006 г. присутствовали в Асунсьоне на праздновании 70-й годовщины японской эмиграции в Парагвай. В августе 2009 г. приглашены голландским правительством по случаю торжеств в связи с 400-летием торговли между Нидерландами и Японией. Визит включал встречу с королевой Беатрикс в Гааге, встречи со студентами японского языка, посещение Дома Зибольда, университетской больницы, музеев, выставки «Отсюда до Токио» в Национальном архиве Нидерландов в сопровождении принцессы Лорентин, которая провела юность в Японии, и переговоры с премьер-министром Нидерландов. В марте 2007 г. принц и принцесса Акисино посетили Венгрию, в октябре 2014 г. — Мексику.

Принц Акисино выполнял общественные обязанности от имени императора Акихито, когда тот был госпитализирован. Вместе с другими членами император-

ской семьи посетил пострадавшие районы после землетрясения в Восточной Японии в марте 2011 г.

Является президентом Японско-нидерландской ассоциации, Института орнитологии Ямасина и Японской ассоциации зоологических садов и аквариумов, приглашенным профессором Токийского сельскохозяйственного университета, президентом Антитуберкулезной ассоциации и почетным вице-президентом Общества Красного Креста.

Также является почетным президентом японского филиала Всемирного фонда дикой природы.

Хобби: каллиграфия (преемник школы каллиграфии Арисугава), теннис (в студенческие годы был в первой десятке парных теннисных игроков в регионе Канто; является президентом Японской теннисной ассоциации) и игра на гитаре (известен как поклонник группы Beatles). Совместно с принцессой Кико посещает Летние и Зимние Национальные спортивные фестивали, День зелени и церемонию вручения дипломов университета Гакусюин.

Принцесса Кико также работает в Антитуберкулезной ассоциации (патронесса Ассоциации с 1994 г., преемница принцессы Титибу в этом качестве) и Обществе Красного Креста; известна вниманием к людям, страдающим глухотой, квалифицированный синхронный переводчик с языка жестов. Кавалер Большого креста нидерландского ордена Короны, ордена Изабеллы Католички (Испания), Большого креста ордена «Солнце Перу», Большого креста ордена Полярной звезды.

Принцесса Мако в 2017 г. объявила о помолвке с юристом Комуро Кэй, не принадлежащим к аристократическому роду.

Выводы

1. Ключевая политическая роль в разрешении кризиса престолонаследия принадлежит премьер-министру Абэ Синдзо в его первой каденции; оппонентом в споре был премьер Коидзуми Дзюнъитиро. Продолжение второй каденции Абэ Синдзо к моменту смены императора было принципиально важно для правящей партии как гарантия предупреждения новых споров о праве на трон.
2. Мистическое мировоззрение принца Нарухито содержит отчетливый прокреационный императив, в то время как окружение его брата (королева Беатрикс, отец супруги с опытом работы в IIASA) и его согласие принять должность главы филиала WWF, напротив, указывает на вовлечение в неомальтузианство.
3. Вышеуказанный мировоззренческий парадокс в контексте престолонаследия (наступление эры императора-прокреациониста при возможности продолжения рода только через потомство брата с мизантропическими тенденциями) не представляет политической актуальности для прокреационистского руководства США, так как наступление следующей эры синто слишком отсрочено во времени для американского восприятия. В то же время идеологическая заряженность мальтузианских кругов предполагает целенаправленные действия с целью сокращения эры Нарухито, которому следует озаботиться личной безопасностью.

II. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ ЯПОНИИ

В российской энциклопедической литературе система спецслужб Японии характеризуется как а) созданная с нуля после поражения во Второй мировой войне после роспуска прежних спецслужб имперской Японии, по аналогии со спецслужбами Германии, б) как весьма разветвленная система с узкими специализациями, по аналогии с США, но без иерархической организации; так, в российской Wikipedia приводятся названия 16 служб без указания обстоятельств их возникновения, подчиненности, статуса и влияния.

Американские исследования спецслужб Японии подтверждают, что система спецслужб Японии окончательно не сформирована, однако описывают этапы ее трансформации и поэтапную иерархизацию и связанное с ней создание новых командных центров. Как следует из профильных справочников Джеффри Ричелсона («Иностранные разведывательные организации») и Федерации американских ученых, а также исследований Дика Нанто, Эндрю Ороса и др., складывающаяся система спецслужб Японии включает элементы трех видов: а) преемственные структуры (функция которых фактически никогда не прерывалась), б) воссозданные структуры, воспроизводящие довоенную специализацию, в) структуры американского образца — наследие институтов, созданных в период Холодной войны по прямой или опосредованной инициативе и с организационным и финансовым участием разведывательного аппарата США; г) структуры неамериканского образца — структуры, созданные по модели других стран без согласования с США. Именно существованием таких структур объясняется тот факт, что уже начиная с 1983 г. (первый срок Р. Рейгана) в США высказывалась озабоченность не только чрезмерной самостоятельностью некоторых спецслужб Японии, но и ее активным техническим шпионажем в США.

В то же время из описаний американских авторов следует, что судьба инициатив преобразования спецслужб существенно зависит от политической воли и конституционно-правовых возможностей конкретных правительств, которые сталкиваются как с сопротивлением политической оппозиции, так и с собственно бюрократическим сопротивлением. Наиболее ярким примером политического сопротивления является неэффективность противодействия аппарата спецслужб северокорейскому представительству в Японии (Чхонрён), которое с 1972 по 2003 г. было освобожде-

но от налога на имущество по той причине, что ему покровительствовал мэр столицы, являвшийся марксистом; уже после отмены налога Чхонрён успешно коррумпировал экс-директора Коантё (японский аналог ФБР, сугубо постколониальной структуры) (см. ниже). В свою очередь, бюрократическое сопротивление проявляется в сохранении относительной самостоятельности военно-разведывательных институтов, волевым порядком интегрированных в Штаб оборонной разведки.

1. Систематика спецслужб Японии

А. Гражданские и военные (униформированные, «погонные») службы

Как подчеркивается в американских исследованиях, после Второй мировой войны военно-политические отношения США и Японии строились на заведомо неравноправной основе: Япония не имела право на полноценные вооруженные силы, в том числе и на производство собственных вооружений. В то же время США брали на себя обязательство защиты Японии в случае ее атаки третьей стороной, в то время как от Сил самообороны Японии в аналогичной ситуации не требовалось ничего, кроме защиты собственной территории. Это было зафиксировано в Договоре о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. «Поскольку Япония подчеркивает преобладание невоенных (или, возможно, даже антивоенных) элементов в своей политике национальной безопасности, концепция “всеобъемлющей безопасности” (сого андзен хосё) возникло как понятие, описывающее стратегию политики безопасности Японии во время Холодной войны», — отмечалось в исследовании Стимсоновского центра. «Всеобъемлющая безопасность определялась как “принцип, который связывает национальную безопасность с точки зрения защиты от агрессии другими, более широкими целями невоенной политики, и устанавливает политику таким образом, что оптимизирует невоенные меры”. Другими словами, это была противоположность понятию о том, что военная мощь, как центральный элемент политики безопасности, будет способствовать укреплению национальной безопасности нации. Считается, что военная мощь играла очень мало видимую роль в национальной политике безопасности во время холодной войны. Силы самообороны Японии (JSDF), первоначально созданные в качестве полицейского резерва, не считались вооруженными силами. В отличие от обычных военных у них не было военного права или военного трибунала. Кроме того, они не имели перспективы отправки за рубеж. В целом JSDF рассматривался как организация, которая существовала, чтобы защищать Японию от внешней агрессии и помогать полиции поддерживать общественность порядок, а не как профессиональная военная организация».

Приоритетами поствоенного строительства японских спецслужб под контролем США было раздельное развитие гражданской структуры антисоветского шпионажа, Коантё, и смешанной радиоэлектронной разведки (Тёбецу) в составе Сил самообороны, фокусирующейся на Северной Корее.

В 1976 г., при администрации Джеральда Форда и спустя 30 лет после окончания Второй мировой войны, Япония получила право на воссоздание униформированных вооруженных сил, хотя и с урезанными полномочиями. План национальной обороны

(Bouei Keikaku no Taiko), утвержденный на основе Базовой концепции обороноспособности, обозначал, что Япония «способствует стабильности в регионе, поддерживая положение, которое в сочетании с системой безопасности США — Япония (1) сдерживает агрессию, и (2) отражает агрессию, когда она происходит». Соответственно, Япония должна быть оснащена различными функциями, необходимыми для обороны, хорошо сбалансирована в своей организации и развертывании, включая логистику, и способна обеспечить достаточную защиту во время мирное время, эффективно реагируя на ограниченную или локальную интервенцию, и быть готовой для оказания помощи при бедствиях и других миссий, которые могли способствовать стабильности общественного существования. План национальной обороны переводил политические устремления в конкретный список приоритетных области, в которых Япония должна расширить свои возможности, а именно: разведка / наблюдение, меры противодействия «косвенным» актам вторжения (включая проникновение иностранных агентов и незаконную деятельность, а также вторжение в воздушное пространство) в районах, окружающих территорию Японии, отражение прямых угроз территории и материально-техническое обеспечение, образование и обучение, а также помощь при бедствиях. Он также установил конкретные цели наращивания сил для Сил самообороны.

Сухопутные силы самообороны: сбалансированное развертывание подразделений, которое позволит своевременно и эффективно ответить на агрессию из любой части Японии; как минимум, один блок, который является мобильным и может работать гибко; возможности ракет «земля-воздух», которые могут взять на себя ответственность за воздушную среду меньшей высоты для защиты в критических областях.

Морские силы самообороны: по крайней мере одна группа эсминцев, которая может быть мобильной и развернутой гибко в любой момент; по крайней мере один отряд противолодочных кораблей, отряд минных тральщиков и силы авиационного сопровождения для этих единиц.

Авиационные силы самообороны: подразделения воздушного патрулирования, которые постоянно охватывают всё воздушное пространство Японии и его окрестности; истребители и ракеты наземного наведения для противовоздушной обороны с целью противодействия вторжению в воздушное пространство; подразделения, которые могут быть развернуты для отражения наземного вторжения, а также поддержки наземных операций, воздушной разведки, систем раннего предупреждения и воздушного транспорта.

Второй этап строительства спецслужб в 1986 г., после учреждения Агентства обороны Японии (протоминистерства), знаменуется созданием Совета безопасности как координирующего межведомственного органа и более узкого Объединенного разведывательного комитета (смешанные военно-гражданские органы). В то же время армейские (униформированные) органы развиваются самостоятельно руководящим составом Сил самообороны Японии.

Завершение Холодной войны, с одной стороны, не требует от Японии прежней концентрации на угрозах, исходящих от советского Тихоокеанского флота, с другой — ставит вопрос о большей самостоятельности, особенно на фоне сдвигов в Европе, пересматривающих послевоенный порядок (объединение Германии). Дополнительными поводами для отстаивания Японией своих прав на развитие вооруженных сил и разведывательного потенциала стали: т.н. «северокорейский ядерный кризис»

1993 г.; подземное ядерное испытание Китая в 1995 г. и Тайваня в 1996 г., инцидент с северокорейским шпионским кораблем и новые ракетные испытания КНДР.

Третий этап при Б. Клинтоне — инициатива создания Штаба оборонной разведки по модели DIA, который, по замыслу, также является смешанным по составу. Однако собственные инициативы кабинета Японии делают акцент, напротив, на развитие униформированных спецслужб — как на основе спецслужб родов войск Сил самообороны, так и на основе Национального полицейского агентства. Следствием противоборства этих тенденций является сохранение автономии униформированных структур, формально включенных в Штаб оборонной разведки — в частности, Офиса оборонной разведки (DIO), и развитие автономных униформированных структур — разведывательный отдел Службы береговой охраны. В свою очередь, самостоятельность японского правительства в развитии гражданских спецслужб проявляется в постадийном и не афишируемом наращивании мощностей Бюро разведки и анализа МИД Японии (IAB) и особенно Японской организации внешней торговли (JETRO).

События 9/11 становятся новым предлогом для инициатив военной и разведывательной самостоятельности Японии. В тот же период, в начале 2000-х гг., Китай более активно предъявляет претензии на контроль над морским судоходством. В 2004 г. комиссия Араки выпускает доклад, который затем ложится в основу Программных принципов национальной обороны (National Defense Program Guideline). Правительство Коидзуми стремится к переосмыслению американо-японского альянса в качестве стабилизатора Азиатско-Тихоокеанского региона; три документа, изданные Консультативным комитет по безопасности между США и Японией в феврале 2005 г. и в мае 2006 г., излагают «видение и конкретные шаги для двух стран». При первом правительстве Абэ Синдзо созываются три консультативных комиссии, предназначенные для переформулирования политики национальной безопасности, включая расширение конституционных параметров. В ноябре 2006 г. Абэ учреждает Комитет по усилению функции руководителей премьер-министра по национальной безопасности (Кокка андзен хосё ни канзуру кантей кину киюка кайги); в декабре 2006 г. — Совет по усилению разведывательных функций (Дзёхо кину киюка кенто кайги) для «изучения способов, которыми премьер-министр и его сотрудники могли бы создать более эффективное и упорядоченное разведывательное сообщество в правительстве Японии»; в апреле 2007 г. — Совет по восстановлению правовой базы национальной безопасности (Андзен хосё но хотеки кибан но сай-кутику ни кансуру), который готовит национальный референдум по пересмотру ст. 9 Конституции. Эти трансформации совпадают по времени с преобразованием Агентства обороны Японии в Министерство обороны и с образованием в его составе новой структуры — Внутреннего бюро, состоящего из шести департаментов и отвечающего за разработку военной стратегии.

Как подчеркивал Эндрю Орос, данные об экономическом шпионаже, осуществляемом Японией в США, а также о коррупционных связях японских спецслужб с Северной Кореей через Чхонрён, существенно повлияли на двустороннее доверие и воспрепятствовали включению Японии в соглашения спецслужб мировых держав на равноправном уровне.

Так, Япония подписала соглашение об обмене разведданными между США и Великобританией, «но только на уровне “третьей стороны”, с существенными ограничениями в отношении того, какая информация передается, и своевременности ее доставки».

«Хотя Япония и Соединенные Штаты связаны оборонительным альянсом, это не означает, что Соединенные Штаты обязаны предоставлять всю свою разведыва-

тельную информацию Японии. Это взаимодействие с США было проиллюстрировано, когда 21 марта 1998 года средство радиомониторинга Агентства самообороны (SDA) в префектуре Тоттори обнаружило неопознанный код, переданный с судов в Японском море. Деятельность двух северокорейских разведывательных катеров была обнаружена американским разведывательным спутником. Основываясь на этом обнаружении, американский разведывательный самолет EP-3 определил местонахождение двух корейских катеров Morth, и 23 марта японские патрульные самолеты SDA обнаружили две катера. Информация со спутника США была передана в DIA и CINCPAC. CINCPAC отправил информацию на американскую базу в Йокота-сити в Токио, а японское разведывательное управление SDA получило ее с американской базы. Штаб-квартира армии США имеет трех офицеров разведки с отделениями связи в офисах SDA, а у SDA есть офицеры-партнеры на американской базе в Йокота-Сити», — писал Э. Орос.

Сложности взаимодействия американских и японских спецслужб имеют культурный аспект: как отмечает Э. Орос, даже названия учреждения, их отделов, а также объектов, где они размещены, имеют неточные аналоги в английском языке. Так, японское название IAB — Кокусай Дзёхо кёку — более адекватно переводится как Международное разведывательное бюро.

Японское полное название	Латинская полная и амальгамированная транскрипция	Английское название и сокращение	Русская полная и амальгамированная транскрипция	Русский перевод названия
内閣情報調査室	Naikaku Jōhō Chōsashitsu (Naicho)	CIRO	Найкаку дзёухоу тёзасицу (Найтё)	Исследовательское бюро Кабинета
内閣情報集約センター	Naikaku Jōhō shu yaku senta	CIIC	Найкаку дзёухоу сю яку сента	Центр интенсивной информации Кабинета
内閣衛星情報センター	Naikaku eisei jōhō sentā	Cabinet Satellite Intelligence Center	Найкаку эйсей дзёухоу сента	Центр спутниковой разведки Кабинета
防諜センター	Bōchō sentā	Counter Intelligence Center	Боутёу сента	Центр контрразведки
公安調査庁	Kokusai Jo ho-kyoku	Intelligence and Analysis Bureau IAB	Кокусай дзёухоу кёку	Бюро разведки и анализа МИД
公安調査庁	Kō anchōsa-chō (Koancho)	PSIA	Коантёза-тё (Коантё)	Разведывательное агентство общественной безопасности
防衛省情報本部	Bōei-shō Jōhō hombu (Jōhō hombu)	Defense Intelligence Headquar-ters	Боэй-сё Дзёухоу хомбу	Штаб разведки Минобороны
調査別室防接	Chōsa besetsu		Тёса бэсецу (Тё Бэцу)	Сигнальная разведка

Б. Систематика по происхождению

Преемственные институты

Бюро разведки и анализа МИД Японии — действует непрерывно с 1869 г.

Инициируя в 1952 г. создание Коантё (PSIA) в структуре Министерства юстиции, OSS учитывала опыт отдела Токку (Токубето токо кесацу) в структуре Минюста предвоенной Японии (существовал в 1911–1945 гг.), усилиями которого, в частности, была вскрыта и обезврежена сеть Рихарда Зорге. Это имело значение, поскольку Коантё была нацелена прежде всего на коммунистическую агентуру.

Воссозданные структуры

Национальное агентство полиции (NPA) номинально не является преемником самой мощной силовой структуры довоенной Японии — Корпуса безопасности (правопорядка) Сухопутных войск 憲兵隊 (Кэмпэйтай), руководство которого в 1946 г. предстало перед трибуналом по обвинению в военных преступлениях (включая пресловутые пытки корейских «женщин для комфорта»). Основной функцией NPA, согласованной с США, было противодействие организованной преступности, в том числе международных операций якудзы. Однако NPA, во-первых, использовала бывшую инфраструктуру Кэмпэйтай, включая ее образовательно-тренировочный институт, во-вторых, учредило в своей структуре разведывательные отделы, выходящие за рамки основной функции (см. ниже), и наконец, послужила организационной и кадровой основой для Найтё (CIRO) — ведомства, которое стало реальным аналогом японского ЦРУ по решению правительства, а не по инициативе американского руководства. Несмотря на формальное подчинение аппарату правительства, Найтё рекрутирует наибольшую долю офицерских кадров из NPA, и каждый гендиректор Найтё также является бывшим высшим офицером NPA.

Поэтапное усиление влияния NPA и его системообразующая роль в разведывательном сообществе Японии продолжилось при первом правительстве Абэ Синдзо параллельно с качественным преобразованием Агентства обороны военных унифицированных служб. Дополнительному усилению этой роли способствовало распространение на NRA полномочий по обеспечению порядка при стихийных бедствиях. На эту роль, обозначившаяся во время катастрофы на АЭС Фукусима 2011 г., указывал выпущенный тремя годами ранее доклад Юки Тацуми Стимсоновскому центру:

В дополнение к уставному мандату, предоставленному NPA для внутренней безопасности Японии, NPA также тщательно выстроила сеть своих сотрудников в правительстве Японии, чтобы сохранить свой статус и влияние в обороне страны. Один из официальных секретарей премьер-министра, как правило, назначается из состава МИД, другой — из состава NPA. Кадры NPA занимают ключевые должности и в других органах национальной безопасности. В дополнение к обычным межучрежденческим обменам персоналом за NPA закреплены должности директора и начальника отдела в области военной разведки в составе Минобороны. Отдел разведки и исследований (CIRO), а также несколько ключевых должностей, ответ-

ственных за внешнюю разведку, также заполняется прикомандированными высокопоставленными чиновниками NPA. Кроме того, должность заместителя помощника секретаря Кабинета министров, отвечающего за национальную безопасность и кризисное управление (ключевая позиция в системе реагирования на национальные чрезвычайные ситуации), заполнены старшими должностными лицами в отставке NPA, которые имели долгую карьеру в общественной безопасности. NPA также часто делегирует своих должностных лиц в посольства Японии за рубежом, где они функционируют как связующие лица с разведывательным сообществом принимающих стран. Статусное обозначение NPA в качестве основного агентства внутренней безопасности, международные аспекты ее мандата и постоянная практика делегирования своего персонала на ключевые позиции национальной безопасности через правительство Японии сделало NPA ключевым агентством по национальной безопасности в стране. Роль NPA в формировании политики безопасности Японии, скорее всего, усилится по мере того, как прежние сферы ответственности правоохранительных органов (контрабанда незаконных веществ, терроризм) стали рассматриваться как проблемы национальной безопасности в мире после 11 сентября, учитывая все более транснациональный характер этих вызовов.

Структуры американского образца

Радиоразведка (позже Радиоэлектронная разведка), Тёбецу, учрежденная после Корейской войны как сверхсекретный отдел в составе 2-го управления Офиса разведки Сухопутных сил самообороны (DIO), работала под наивысшим уровнем секретности, занимаясь перехватом и расшифровкой северокорейских сообщений. При создании в 1996 г. Штаба оборонной разведки (DIH) предполагалось, что Тёбецу станет кадровым ядром новой структуры, которая, в свою очередь, будет непосредственно отчитываться перед руководством Оборонного агентства Японии (JDA). Однако после создания CIRO выяснилось, что Тёбецу непосредственно переподчиняется его руководству, а руководитель самого Тёбецу, как и CIRO, будет непосредственно рекрутироваться из состава Национальной полиции Японии. Развитие Тёбецу, с одной стороны, выражается в технологической модернизации (цифровые технологии для идентификации голоса северокорейских военных командиров), с другой, в диверсификации стран-мишеней, распространяясь как на Китай, так и на Тайвань, а также на страны ЮВА. После переподчинения CIRO появляются сообщения об операциях Тёбецу по перехвату коммуникаций японских компаний, имеющих зарубежные связи, а также на японские филиалы американских компаний.

В свою очередь, *Разведывательное агентство общественной безопасности* (Коантё) — более известное публике детище спецслужб США — в 1993 г. становится объектом общественного остракизма за то, что «проморгала» «Аум синрикё», и в 1995–96 гг. подвергается реорганизации с сокращением штатов, а также с корректировкой миссии, которая теперь распространяется не только на левые, но и на правые (в частности, антикитайские) радикальные организации.

Штаб оборонной разведки (DIH), созданный по модели DIA, не приобретает предназначенной ему роли объединяющей и контролирующей структуры военной

разведки, уступая влияние CIRO, — особенно после того, как CIRO берет на себя основные функции агентурной разведки (HUMINT) на китайском направлении.

Структуры неамериканского образца

Японская организация внешней торговли (JETRO), первоначально учрежденная в составе Минвнешторга как бюро общественных связей, в конце 1970-х гг. усваивает методы разведслужб СССР (не только 6-го управления КГБ СССР, но и Торгово-промышленной-палаты СССР), ГДР и Израиля в сфере экономической и технологической разведки.

Практика экономического шпионажа JETRO в США становится сюрпризом для администрации Клинтона, после чего перед экспертами ставится вопрос о более качественном исследовании устройства японских спецслужб и в особенности совместных шпионских операций JETRO с японскими корпорациями.

Негосударственные разведывательные субъекты

К числу негосударственных субъектов, через которые осуществляется сбор разведывательной информации в Японии, относятся крупнейшие торговые компании Японии (со го сёса), медиа-корпорации (две крупнейших новостных агенства, крупнейшие газеты и ряд телекомпаний), и полугосударственные организации, в частности Федерация экономических организаций (Кэйданрэн).

«Распространенной аналитической ошибкой в общей литературе по Японии является смешение государственного и частного секторов и их интересов. Но в области сбора разведывательной информации важно учитывать интересы обеих сторон для достижения государственных целей. С самого начала существования современного японского государства государственные и частные органы работали вместе над сбором необходимой политической, военной и экономической информации», — пишет Э. Орос. Автор ссылается на ряд специальных исследований начала 1990-х гг., посвященных сотрудничеству государственных учреждений и частных корпораций в техническом шпионаже — работы Джона Вита де Лука «Проливая луч света на поднимающееся солнце» и Джона Сигурдсона и Патриции Нельсон «Сбор разведданных и Япония: Незаметная роль серой разведки» (International Journal of Intelligence and CounterIntelligence, Vol. 5, No. 1, Spring 1994).

Согласно выводам Э. Ороса, «хотя с начала реставрации Мэйдзи в 1868 г. многое в Японии изменилось, этот фундаментальный аспект политической экономики Японии (разведывательное партнерство государственных ведомств и частных корпораций) не изменился. Таким образом, хотя по-прежнему важно проводить различие между японскими фирмами и японским государством, необходимо тщательно изучить оба этих аспекта, чтобы понять разведывательные возможности современной Японии».

B. Подотчетность

Уже в обзоре Э. Ороса 2001 г., когда иерархия японских спецслужб еще окончательно не сложилась, отмечено, что «любое описание этой системы следует начинать с Исследовательского бюро Кабинета (Найтё, CIRO).

Федерация американских ученых (FAS) представляет современную систему управления спецслужбами Японии следующим образом:

Japan: Intelligence and Security Agencies

- Security Council
  - Cabinet Research Office [Naicho]
  - Defense Agency / Japan Self-Defense Force (Boeicho)
    - Defence Intelligence Office DIO [Jouhou Honbu]
    - Defense Intelligence Headquarters DIH
    - Chobetsu
    - Ground Self-Defense Force [Nihon Rikujyo Jieitai]
      - Intelligence Office
    - Maritime Self-Defense Force [Nihon Kaijyo Jieitai]
      - Fleet Intelligence Command
    - Air Self-Defense Force [Nihon Koku Jieitai]
      - Intelligence Division
      - Tactical Reconnaissance Group
  - National Police Safety Commission (NPSC)
    - National Police Agency [NPA — Keisatsuch□]
      - Security Bureau
- Ministry of Foreign Affairs [MOFA — Gaimusho]
  - Intelligence and Analysis Bureau
- Ministry of Justice (Homusho)
  - Public Security Investigation Agency [Koancho]
- (former) Ministry of International Trade and Industry [MITI — Ts□sansh□] (now METI)
  - Japanese External Trade Organization [JETRO]

Из схемы следует, что попытка создания Штаба оборонной разведки (DIH) по образцу DIA со специально подготовленной для этих задач инфраструктурой оказалась неудачной: как DIO, так и Служба радиоэлектронной разведки (Тёбецу), сохранили самостоятельность и имеют равный с DIH статус под эгидой Минобороны Японии (до 2007 г. — Агентства обороны Японии).

В то же время уровень компетентности такой номинально малочисленной структуры министерства, как Исследовательское бюро Кабинета (Найтё), равнозначен Министерству (Агентству) обороны.

Из схемы также следует, что IAB и JETRO не относятся к ведению Совета безопасности как «ведомства особой самостоятельности». С другой стороны, Коантё, аналог ФБР, также стоит особняком — однако, очевидно, как раз по противоположной причине, как чрезмерное зависимое от внешнего курирующего ве-

домства. Далее будет приведена выдержка из анализа Э. Ороса, где обращено внимание на ничтожное представительство Коантё в структуре CIRO. https://fas.org/irp/world/japan/index.html

9. Координация

Правительственный уровень — Совет безопасности

Совет Безопасности был создан в июле 1986 г. Сменил Совет национальной обороны, который с 1956 г. действовал в качестве консультативной группы по вопросам, связанным с обороной.

Председателем совета является премьер-министр, в состав которого входят государственные министры, заранее указанные в ст. 9 Закона о кабинете министров; министр иностранных дел, министр финансов, главный секретарь кабинета министров, председатель Национальной комиссии общественной безопасности (National Public Safety Commission), генеральный директор Агентства (ныне Министерства) обороны и генеральный директор Агентства экономического планирования (Economic Planning Agency). Председатель Совета Безопасности также может пригласить на встречу председателя Совета Объединенного штаба и любого другого соответствующего государственного министра или должностного лица.

Рассматривает более широкий круг вопросов военной и невоенной безопасности, включая основную политику национальной обороны, наброски программы национальной обороны, наброски координация промышленного производства и другие вопросы, связанные с наброском программы национальной обороны, а также решения по дипломатическим инициативам и оборонным операциям.

В послевоенной политической системе исполнительная власть была возложена на кабинет министров. Глава кабинета является премьер-министром, ответственным за назначение и освобождение от должности других членов кабинета. В число министров кабинета входят те, кто назначен главами 12 министерств, а также государственные министры, отвечающие за учреждения и комиссии канцелярии премьер-министра, которая сама по себе имеет статус министерства. В их число входит генеральный директор Агентства обороны, эквивалентный министру обороны, но не имеющий министерского статуса (что является отражением отказа от войны в рамках ст. 9). Также среди государственных министров — главный секретарь кабинета, который координирует деятельность министерств и ведомств, проводит политические исследования и готовит материалы для обсуждения на заседаниях кабинета, а также директор Законодательного бюро кабинета, который консультирует членов кабинета по вопросам составления законопроектов для внесения в парламент (National Diet). Хотя главный секретарь кабинета не имеет министерского ранга, эта должность является влиятельной в кабинете ввиду ее координирующей роли.

Агентство обороны Японии (JDA) преобразовано в Министерство Обороны в январе 2007 г. (при первом правительстве Абэ Синдзо).

Субправительственный уровень — Разведывательный совет Кабинета (Найкаку Дзёхо Кайдзи, CIC)

Собирается два раза в год. Совещание под председательством главного секретаря Кабинета министров. В дополнение к постоянным членам представители других государственных учреждений по мере необходимости приглашаются для участия на уровне заместителей министров. Председатель — главный секретарь Кабинета.

Постоянные члены — заместители главного секретаря Кабинета; заместитель главного секретаря по антикризисному управлению; помощник главного секретаря, отвечающий за национальную безопасность и кризисное управление; директор разведки Кабинета (глава Найтё); генеральный директор NPA; заместитель министра обороны; заместитель главы МИД; генеральный директор PSIA.

Оперативный уровень — Совместный разведывательный совет (Годо Дзёхо Кайдзи, JIC)

Собирается раз в две недели под председательством заместителя главного секретаря Кабинета. На заседаниях присутствуют старшие должностные лица агентств, которые являются постоянными членами Разведывательного совет Кабинета. Председатель — заместитель главного секретаря Кабинета министров по административным вопросам. Постоянные члены — заместитель главного секретаря Кабинета министров по антикризисному управлению; помощник главного секретаря, отвечающий за национальную безопасность и кризисное управление; директор разведки кабинета (глава Найтё); генеральный директор Бюро безопасности NPA; заместитель директора PSIA; генеральный директор Службы разведки и анализа МИД; гендиректор Бюро оборонной политики Министерства обороны.

Структуры поддержки, входящие в систему координации:

– Кабинет спутниковой разведки (CSICE)
– Центр сбора информации Кабинет министров

ВЕДОМСТВА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ

НАЙТЁ (Исследовательское бюро Кабинета разведки, CIRO)

Локализация: Токио, Нагататё, Правительственное здание H20, шестой (верхний) этаж.

Сайт www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/jyouhoutyousa.html

Дата создания: 1986 г.

Известные руководители: Омори Ёсиро (старший вице-президент NEC Corp.), Сугита Кадзухиро, Канэмото Тосинори (2001–06), Митани Хидэси (2006–10), Уэмацу Синити (2010–11), Китамура Сигэру (2011–19).

Действующий гендиректор: Такидзава Хироаки (с сентября 2019 г.).

Роль Найтё (CIRO)

Является одним из шести подразделений Секретариата Кабинета министров в канцелярии премьер-министра и технически является «центральным разведывательным управлением» Японии.

Агентство, уполномоченное для информирования премьер-министра. Номинально обязано предоставлять ему доклады раз в две недели. Фактическое взаимодействие варьирует в зависимости от предпочтений и интересов каждого премьер-министра.

Организатор разведывательных операций других министерств и ведомств, координирует информацию и предоставляет ее для важных политических решений. Основным формальным средством для этого является Совместный разведывательный комитет (JIC).

Комплектация: CIRO наиболее тесно сотрудничает с Национальным агентством полиции (NPA), которое делегирует в состав CIRO примерно четверть своего персонала, а также руководителя. Вторым с точки зрения влияния на CIRO является Министерство иностранных дел (МИД), которое обычно предоставляет заместителя главы CIRO и ряд других сотрудников. Следующие по доле представительства — Министерство экономики и торговли (METI), Министерство обороны и Министерство финансов; далее — Министерство внутренних дел и коммуникаций, Министерство труда, Служба береговой охраны и PSIA. «Удивительно, но только два чиновника привлекаются из PSIA, самой большой укомплектованной невоенной разведывательной организации Японии», — пишет Э. Орос.

По данным Дж. Ричелсона, бюджет CIRO с 1986 г. последовательно наращивался, несмотря на то что штатное расписание долго оставалось скромным (около 80 штатных сотрудников, к 2005 г. число возросло до 170).

Нагрузка на ведомство выросла в начале 1990-х гг. ввиду таких резонансных ситуаций, как газовый инцидент в Сарине, землетрясение в Кобе и «инцидент в Лиме» и последующая модернизация объектов. В 1995 г. после землетрясения в регионе Хансин и Кобе, правительство определило, что CIRO будет работать круглосуточно как кризисный центр.

«В целом CIRO была в последнее десятилетие объектом пристального внимания. Это резко контрастировало с Агентством по расследованию общественной безопасности после окончания Холодной войны», — отмечал Э. Орос. «Модернизация внутренней функции CIRO является одним из основных институциональных изменений после окончания Холодной войны».

Как разведывательная организация при Секретариате Кабинета министров CIRO, — похоже, самая влиятельная организация в японском разведывательном сообществе. Директор Кабинета разведки (DCI) регулярно встречается с премьер-министром, в нормальных обстоятельствах каждую неделю представляет ему брифинги, а в случае необходимости они планируются чаще. Директор также является одним из немногих официальных лиц, которые посещают как CIC, так и JIC.

В состав CIRO входят Центр контрразведки Кабинета, Экономический департамент, Внутриполитический департамент, Международный департамент и Центр исследований, а также Центр спутниковой разведки и Информационный центр Кабинета (см. ниже). Несмотря на привилегированный статус CIRO, считалось, что

организация не располагает ключевым элементом для функции, сопоставимой с ЦРУ, — собственной системой агентуры. Однако в феврале 2011 г. Sydney Morning Herald со ссылкой на WikiLeaks сообщила, что под эгидой CIRO создана служба агентурной разведки (HUMINT), нацеленная преимущественно на Китай, по образцу ЦРУ, Австралийской службы безопасности и разведки и МИ-6. Информация, полученная Дж. Ассанжем, включала переписку между директором «Найтё» Митани Хидэси и руководителем бюро разведки и исследований Госдепартамента США Рэндаллом Фортом, из которой следовало, что решение было принято бывшим правительством Либерально-демократической партии, которое до сентября 2008 г. возглавлял премьер-министр Фукуда Ясуо, затем Асо Таро. Тогдашний глава агентства внутренней безопасности Янаги Тосё сказал Форту, что наиболее неотложными приоритетами Японии в области разведки являются Китай и Северная Корея, а также сбор разведывательной информации для предотвращения террористических атак. Форт в беседе «призвал чиновников задействовать “недостаточно используемые активы” во всемирной сети японских компаний и торговых компаний». Потребность в сборе разведданных для возможностей сигнальной и технической разведки была поддержана откровенными признаниями американских коллег об отсутствии информации о руководстве Северной Кореи.

Центр спутниковой разведки Кабинета (Найкаку Эйсей Дзёхо Центр, CSICE)

Создан в 2001 г. после того, как Япония ранее решила в 1998 г. ввести полунезависимый спутник сбора информации (IGS). Он был назван спутником «сбора информации (дзёхо сюсю)» вместо «наблюдения» (тейсацу) и описывается как многоцелевой. «Если создание штаба военной разведки (DIH) знаменовало крупнейшую институциональную эволюцию в период после “холодной войны”, то решение о создании сети отечественных спутников-шпионов оценивалось в начале 2000-х гг. как самый значимый технологический сдвиг. Независимо от того, каких масштабов в конечном итоге достигнет система, само решение знаменует собой значительный отход от прежней политики, в частности от политики “мирного использования космоса”, а также от политики США по отношению к Японии», — писал Э. Орос. Идея разработки и развертывания спутников-шпионов японского производства возникла не только в период после Холодной войны. Это был политически чувствительный вопрос как внутри страны, так и за рубежом на протяжении десятилетий. Хотя производство и развертывание Японией своих собственных спутников-шпионов в то время было далеко за пределами ее возможностей, возможность этого, даже вместе с Соединенными Штатами, привела к принятию в 1969 г. резолюции нижней палаты парламента, в которой Япония заявила о своей приверженности использованию космического пространства только в мирных целях (хейва-но мокутеки). Эта резолюция и политическая основа, на которой она базировалась, представляли собой значительный барьер для японского корпоративного и военного использования космоса. Однако ряд изменений в Политике использования космического пространства в мирных целях со временем значительно ослабили ее воздействие. Во-первых, в начале 1970-х гг. после долгих споров и жарких дебатов было решено, что Силы самообороны могут использовать спутники связи для военной связи. За-

тем, в начале 1980-х гг., после многочисленных споров, было решено, что японское оборонное агентство может закупать спутниковые снимки из-за рубежа для использования в военной разведке. Как только этот прецедент был создан, японские военные и корпоративные лидеры вскоре заявили, что нет реальной разницы между покупкой изображений из-за рубежа или производством их дома. Удивительно, однако, что скачок в развитии такой системы был сделан лишь 25 декабря 1998 г., через несколько месяцев после того, как северокорейская ракета «Тэподонг» облетела главный японский остров Хонсю. Причины этой задержки до сих пор широко обсуждаются. По крайней мере с середины 1980-х гг. государственная поддержка отечественного спутникового производства была целью как частного сектора, так и MITI. Как и в случае с США, лидеры отрасли рассматривали производство спутников-шпионов для внутреннего использования в качестве удобного способа заручиться поддержкой правительства в своих коммерческих исследовательских усилиях. К сожалению для его сторонников, американские торговые чиновники также рассматривали производство Японией спутников-шпионов как поддержку ее промышленности и яростно выступали против проекта. Заголовок в одном из агентств в ноябре 1983 г. сигнализировал о грядущей беде: «Спутниковая война США и Японии?» В 1989–90 гг. правительство Джорджа Буша, используя угрозу санкций Super 301, успешно оказало давление на Японию, чтобы она значительно сократила поддержку отечественной промышленности в этой области. Помимо экономических проблем, Пентагон также энергично выступал против развития Японией независимой спутниковой шпионской сети — в связи либо с увеличением независимости, которую Япония получит от Соединенных Штатов в случае успеха, либо с иеной, которую она будет отвлекать от других, предпочитаемых Пентагоном программ, или по обеим причинам. После того, как японское правительство решило продолжить программу вопреки возражениям США, Вашингтон оказал сильное давление на Токио, чтобы он покупал спутники американского производства, а не развивал местные технологии. Американские возражения были мотивированы теми же опасениями: (1) опасения возросшей независимости Японии от США по вопросам безопасности и (2) опасения того, что развитие будет гораздо более дорогостоящим и, следовательно, скорее всего, отвлечет расходы на другие оборонные программы — такие, как разработки совместной ПРО. Однако во имя гармонии союзнических отношений США официально поддержали решение Японии и предложили помощь в подготовке японских аналитиков спутниковых снимков на американской базе. Согласно договоренностям, программа развития местного потенциала спутников-шпионов предусматривала запуск в 2002 г. спутников отечественного производства стоимостью $1,3–1,7 млрд. (137–179 млрд/ иен), включая разработку и запуск двух радиолокационных и двух оптических спутников с максимальным разрешением один метр, сообщал Исао Исидзука в статье «Условия успеха проекта спутникового сбора информации», включенной в Доклад Совета по оборонным исследованиям (апрель 2000 г.). Кроме того, Япония и США договорились о том, что в спутники будут включены компоненты американского производства.

«Этот уровень спутниковой сети ни в коей мере не сопоставим с американскими ресурсами и даже не соответствует уровню снимков, которыми Соединенные Штаты делятся с японским оборонным ведомством», — писал Э. Орос. Напротив,

важным аспектом новой разработки является то, что спутниковые снимки станут более доступными для японского правительства и их использование не будет ограничиваться рамками Минобороны и Сил самообороны. В апреле 1999 г. Mitsubishi Electric Corporation (MELCO) выиграла исследовательский контракт на сумму 86 млн. долл. MELCO была лидером на позиции главного подрядчика на этапе производства. С ней конкурировал альянс NEC и Toshiba Corporation; в 2000 г. рассматривалось слияние этих компаний (в NEC работал экс-гендиректор CIRO Омори Ёсиро). В итоге было изготовлено четыре спутника, из которых работают два (остальные разрушились при неудачном запуске). Для получения изображений в целях национальной безопасности CSICS управляет IGS, получает оттуда изображения, анализирует их и делится анализами с CIRO и другими японскими правительственными учреждениями, которые заинтересованы в его данных.

Информационный центр Кабинета министров (Найкаку Дзёхо Суяку)

Совмещен с Центром кризисного управления Кабинета в официальной резиденции министра. Был официально открыт 11 апреля 1996 г. под названием «Центр интенсивной информации». Открытие этой структуры знаменовало распространение деятельности CIRO на внутреннюю разведку при содействии NPA и METI (включая Nuclear and Industrial Safety Agency).

Согласно Bungei Shunju, сотрудники CIIC «должны связаться с премьер-министром, главным секретарем кабинета министров и обоими заместителями начальника в случае сильного землетрясения, угона самолета, аварии на атомной электростанции, разлива нефти или другой такой серьезной чрезвычайной ситуации». Имеет круглосуточную операционную систему и собирает информацию об инцидентах, которые могут привести к чрезвычайной ситуации в стране. Информация, собираемая, анализируемая и распространяемая Центром, используется для подготовки правительства к потенциальному объявлению национального чрезвычайного положения.

ДЗЁ ХО ХОМБУ (Штаб военной разведки, DIH)

Локализация: Токио, комплекс Итигая (Itigaya Compound) Наземных сил самообороны, здание H20 (построено на месте здания Суда военного трибунала).

«По иронии судьбы, здания, в которых работал "Военный трибунал Токио", находились в центре внимания дипломатической волны международной и внутренней критики японского фильма “Гордость” 1998 г., были снесены для строительства нового комплекса DIH. По другому совпадению в этом же (снесенном) здании в 1970 г. покончил с собой Юкио Мисима после неудачи своего военного мятежа», сообщает Э. Орос.

Штаб военной разведки (DIH), японская версия Агентства военной разведки США (DIA), объединяет пять разведывательных элементов из служб трех родов войск, а также из бюрократии Агентства обороны (ныне Минобороны) и Совета Объединенного штаба (Joint Staff Council).

План централизации деятельности по сбору разведывательных данных путем объединения разведывательных отделов трех родов войск был впервые предло-

жен в 1988 г., когда вице-министром стал Нисихиро Сэйки. Но тогда из-за военно-бюрократического сопротивления централизацию пришлось отложить.

В Плане национальной оборонной программы 1995 г. отмечалось, что «оборонная структура Японии должна быть способна проводить предупреждение и наблюдение на постоянной основе, чтобы как можно быстрее выявлять любые изменения обстоятельств, с тем чтобы использовать эту информацию для быстрого принятия решений. Она должна быть способна собирать и анализировать разведданные высокого уровня, включая стратегическую разведку, благодаря наличию разнообразных средств и механизмов сбора разведывательных данных и высококвалифицированных специалистов по разведке. Кроме того, она должна обладать сложными командными и коммуникационными возможностями и уметь быстро и эффективно проводить интегрированные оборонительные операции с общей точки зрения».

Между тем при прежней организационной структуре Агентства обороны подразделения и отделы, связанные с разведкой, представляли собой внутренние бюро, такие как первое и второе подразделения разведки, отдел разведки для каждого из начальников штабов наземных, морских и воздушных сил самообороны [GSDF, MSDF и ASDF], центрального командного подразделения данных, второе отделение Совета Объединенного штаба и информационное подразделение каждого подразделения. Каждое из этих подразделений отдельно мобилизовало пункты связи, военно-морские суда и самолеты для сбора и анализа военной разведки, относящейся к Советскому Союзу, Китаю и Северной Корее. Каждое подразделение пыталось собирать информацию независимо от изображений и опубликованных источников, а также от «собственных» офицеров, размещенных за границей.

В мае 1996 г. парламент Японии принял закон, разрешающий создание центрального агентства военной разведки, первого в своем роде после поражения во Второй мировой войне. Согласно закону, штаб оборонной разведки (DIH) собирает, обрабатывает и анализирует информацию с удаленных прослушивающих устройств, используемых японскими силами обороны в воздухе, на земле и на море, а также со спутниковых изображений, разведывательных данных, предоставленных дружественными странами, и публичную информацию из зарубежных СМИ.

На момент создания численность DIH составляла 1580 человек, как военных, так и гражданских; ожидалось, что общая численность персонала достигнет 5000–6000 человек, половина из которых будет полевым персоналом.

В организации было сформировано пять управлений:

Управление администрации / главного штаба выполняет административные функции и обеспечивает материально-техническое обеспечение.

Управление планирования занимается сбором агентурной информации (HUMINT), в том числе через внешнеполитический аппарат. Более 40 офицеров SDF прикомандированы из Агентства обороны (JDA, ныне Минобороны) в МИД и направлены в 33 дипломатических представительства за рубежом как военные атташе.

В Управлении изображений работают 50 сотрудников. Оно было создано путем объединения отделов анализа спутниковых изображений трех SDF. Предполагает ведущую роль во вновь созданной организации. В настоящее время оно покупает изображения с коммерческих спутников в Соединенных Штатах и в основном получает и анализирует визуальные данные в Центральном географическом коман-

довании GSDF (в Татикава, Токио). В целях расширения возможностей анализа информации, получаемой разведывательным спутником, Япония планирует увеличить штат центра обработки информации о снимках с первоначально запланированных 200 до 321 человека. По состоянию на конец 1998 г. в Японии было только около 30 аналитиков спутниковых данных.

Сигнальное (Радиоэлектронное) управление имеет 10 отделов с 350 сотрудниками и является крупнейшим подразделением в штаб-квартире разведки. Подразделение электронной разведки на объекте GSDF в Итигая, штат которого насчитывает более 100 человек, имеет три отдельные секции для мониторинга северокорейских коммуникаций. Помимо тех, кто работает в Итигая, оно курирует 970 сотрудников, работающих в двух «клетках слонов» CDAA, а также в шести других офисах связи в Кобунато (префектура Ниигата), Ои (префектура Сайтама), Татиарай (префектура Фукусима) и Кикайдзима (префектура Кагосима). Первоначально дирекция SIGINT обеспечивала большую часть сбора разведывательных данных, затем Управление изображений приобрело больше влияния по мере введения собственных разведывательных спутников.

Управление анализа (оценки) отвечает за обобщение и оценку информации, в том числе отчетов резидентов из 40 стран, информации от США и других союзников, а также личных разведданных (HUMINT), поставляемых агентами. Состоит из восьми секций и 120 специалистов, оценивающих значение и ценность информации и определяющих ее общую значимость для оборонного ведомства. «Руководство по регистрации секретов обороны» содержит актуальные данные о вооружениях и военных делах во всем мире. Управление оценки, отвечающее за анализ, призвано добиться улучшения результатов по сравнению с предыдущей децентрализованной системой.

Первым директором был генерал армии Кунуми Масахиро, которого повысили с должности командующего 10-й дивизии. Выпускник Академии обороны 1965 г., он много лет работал в разведывательной сфере в GSDF. Он служил военным атташе в посольстве Японии в Пекине в 1983–1986 гг.

В интервью внутреннему журналу JDA Securitarian вскоре после открытия DIH Куними привел ряд причин, по которым было необходимо новое учреждение. Среди них: (1) специалисты по разведке разбросаны по ряду учреждений в рамках оборонного ведомства Японии, что привело к неэффективности; (2) JDA и SDF иерархически обращаются с важными специалистами по разведке; (3) общее качество и уровень разведывательных данных, необходимых для поддержки большей международной роли Японии, как считается, требуют усиления. Эти ответы аналогичны позиции, изложенной в Белой книге обороны 1996 г. Ни одна из этих причин не была непосредственно связана с развитием событий после окончания холодной войны. Действительно, согласно Кунуми, идея ОГИ была впервые высказана в конце 1980-х гг. От первоначального расследования до завершения процесса потребовалось почти десять лет. В более позднем интервью Кунуми предложил дополнительные факторы, приводящие к необходимости DIH. В частности, он указал на три новые причины: 1) нетранспарентность и неопределенность в мире после окончания Холодной войны; 2) необходимость поддержки активизации международной деятельности Японии 3) необходимость повышения потенциала Японии в области управления кризисами. Эта формулировка напоминает предыдущую Белую книгу по защите.

Учитывая длительный период планирования для DIH, остается вопрос о том, не привели ли последние аргументы к перевесу в пользу получения JDA финансового разрешения для DIH в его бюджете на 1996 финансовый год. Быстрое строительство DIH менее чем за два года резко контрастирует с прогнозируемыми пятью годами от начала строительства до завершения официальной резиденции нового премьер-министра, гораздо меньшей структуры, которая в конечном итоге будет содержать CIRO. Несмотря на более широкую миссию DIH, генерал Кунуми утверждал, что деятельность военной разведки Японии полностью прозрачна. На вопрос, занимается ли DIH шпионской деятельностью, он ответил: «Нет. Япония является демократической страной, и, как вы знаете, все вопросы и бюджетные запросы по бюджету JDA включены в Бюджетный запрос, и это утверждается через действие парламента. Таким образом, в системе этой страны нет возможности вести так называемую шпионскую деятельность». Однако он заявил, что DIH проводит такую практику, как усиление того, что собирается военными атташе за рубежом и иностранными солдатами, анализируя смысл и определяя его ценность для JDA в целом. Япония уже много лет посылает военных атташе служить в японские посольства за рубежом. По данным меморандума (Белой книги) Минобороны 2000 г., 46 военных атташе находились в 35 зарубежных дипломатических миссиях, а 38 были размещены в 30 зарубежных дипломатических миссиях.

По замыслу, штаб разведки должен был находиться в подчинении Совета Объединенного штаба и контролироваться Комитетом военной разведки, в состав которого входят постоянный заместитель министра, директор Бюро обороны, председатель Совета Объединенного штаба и руководители GSDF, MSDF и ASDF. Комитет определяет общие рамки международной военной разведки, которая будет собираться, и на основе этого базового плана каждое подразделение штаба разведки будет собирать, анализировать и оценивать информацию, собранную с помощью радиоволн, изображений и публикаций.

«Хотя была создана большая новая организация, почти не состоялась консолидация или объединение внутренних бюро или бывших организаций и подразделений в рамках CPC. Когда новая организация была сформирована, три рода войск SDF объединили свои первое и второе разведывательные подразделения в одно разведывательное подразделение. Но только несколько человек из разведывательных офисов родов войск SDF были переведены в состав DIH. Разведывательное подразделение каждого SDF по-прежнему продолжает работать над анализом данных на тактическом уровне. Разведывательные подразделения, кроме отделений связи, также остались практически нетронутыми, все еще находясь под контролем директора каждого из SDF», — отмечается в справке Программы разведывательных ресурсов FAS.

В свою очередь, Э. Орос отмечает, что если бы при формировании DIH было сохранено штатное расписание «Тёбецу», то его кадры составили бы три четверти нового органа. Однако в состав Управления сигнальной разведки DIH была включена лишь часть профессиональных кадров «Тёбецу», и в итоге эта структура, как и офисы разведок родов войск, продолжает существовать автономно (параллельно с Управлением сигнальной разведки DIH).

Еще одна существенная деталь, фигурирующая в справке FAS, состоит в том, что руководство Агентства обороны уже в момент учреждения DIH планировало использовать его потенциал для развития двусторонних отношений не только с США, но и «с более широким кругом партнеров», «несмотря на то, что разведка является важной частью японо-американского альянса». Здесь же отмечено, что по линии военных атташе, командируемых в состав МИД, через DIH предполагалось осуществление сбора военной информации.

Ожидалось, что учреждение DIH в январе 1997 г. позволит стране справиться с растущей неопределенностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе в эпоху после окончания Холодной войны. Однако «поскольку информационный спрос смещается от тактической к высококачественной стратегической информации», было решено (под влиянием аргументов NPA), что, если директор штаба будет отчитываться непосредственно перед секретарем премьер-министра, возможности управления рисками в канцелярии премьер-министра будут улучшены». Так DIH вошел в число структур, выходящих на кабинет премьера через Бюро оборонной политики МО и постоянные координационные советы (выше), а не непосредственно.

ТЁБЕЦУ (Chosa Besshitsu, Chobetsu)

Основана в 1958 г.

Миссия: Анализ материалов радиосвязи и других коммуникаций из источников в регионе, угрожающих безопасности Японии.

Первоначально использовала ресурсы разведывательных подразделений родов войск Сил самообороны Японии — Военно-морской группы безопасности (Naval Security Group), Агентство военной безопасности (Army Security Agency) и разведки ВВС (Air Force Intelligence operations). Работала под наивысшим уровнем секретности, отвечая за перехват и расшифровку северокорейских сообщений. Первоначально фокусировалась на советском Дальнем Востоке, Китае и Северной Корее, расширение возможностей по сбору средств расширило сферу ее интересов до Тайваня, Южно-Китайского моря и Юго-Восточной Азии.

К началу 1980-х гг. на наземных станциях Тёбецу было задействовано около 1000 человек. Расположенная по кругу антенная решетка (CDAA), та же модель, что и «клетка слона», которая стала известна в офисе связи в Собе на Окинаве, оборудована в Хигаси-Титосе на Хоккайдо и в Михо в префектуре Тоттори (оба принадлежат GSDF). В начале 1980-х гг. Тёбецу приступила к крупному расширению, к началу 1990-х эксплуатировала в общей сложности 18 или 19 наземных станций, на которых работало около 1100 человек.

Отдел связи в Татиарае в префектуре Фукуока — отряде «спецподразделения», занимающемся информацией, связанной с Китаем, — располагал информацией о решении бывшего заместителя председателя КПК Линь Бяо отказаться от самолета «Трайдент» и его последующей гибели в авиакатастрофе. Еще один успех произошел, когда был сбит самолет Korean Airlines. Отдельный отряд в Вакканай из специального отделения 2-го разведывательного управления DIO GSDF, также известного как «специальное разведывательное подразделение», смог зафиксировать

связь между пилотом советского истребителя и авиаударом. Центр управления на Сахалине собрал первоклассную секретную информацию, имеющую отношение к инциденту. Посредством голосового анализа он даже определил имя пилота, доказав, что его ежедневное накопление данных было полезным.

Находясь под руководством Объединенного комитета начальников штабов, Тёбецу отчитывалась непосредственно перед CIRO. «Хотя специальное разведывательное подразделение» было организационно связано с GSDF, его начальник последовательно назначался из Национального полицейского управления. Поэтому большая часть собранной информации была передана непосредственно в управление разведки Кабинета министров», — отмечают авторы досье FAS.

В настоящее время для идентификации голоса северокорейских военных командиров используется цифровая технология распознавания образов. После переподчинения CIRO появляются сообщения об операциях Тёбецу по перехвату коммуникаций японских компаний, имеющих зарубежные связи, а также японских филиалов американских компаний.

Разведка Сухопутных сил

Разведывательные подразделения Сухопутных сил самообороны включают в себя следственный отдел Нибецу, вторую группу и 101-й разведывательный батальон.

Разведка Морских сил самообороны

Разведывательное командование флота Сил самообороны Японии находится на базе Йокосука (база Седьмого флота США, Commander Fleet Activities Yokosuka).

Группа тактической разведки авиации Сил самообороны (Tactical Reconnaissance Group)

Разведывательное подразделение ВВС является основной организацией в сфере получения и анализа изображений (материалов аэрофотосъемки). ASDF обладает воздушными разведывательными подразделениями, чтобы обеспечить эффективную поддержку воздушных операций посредством воздушных разведывательных операций. ASDF имеет одну авиационную разведывательную эскадрилью, базирующуюся в Хякури, для участия в воздушной разведке в случае агрессии и других возможных ситуаций. Эскадрилья включает 17 самолетов F-14EJ Kai, переоборудованных для разведывательной функции, все они приписаны к 501-му Hikotai (эскадрону) Teisatsu Kokutai, базирующемуся в Хякури, вместе с 12 оставшимися RF-4E (Phantom), десять из которых соответствуют стандартам Kai.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ NPA

Бюро безопасности NPA (Кейби-кёку, Security Bureau) разрабатывает и контролирует выполнение политики безопасности. Оно проводит исследования по оборудованию и тактике для подавления беспорядков и надзора и координирует деятельность полиции по подавлению беспорядков. Бюро безопасности также отвечает за разведывательную деятельность в отношении иностранцев и радикальных политических групп, включая расследование нарушений Закона о регистрации иностранцев и администрирование Закона о контроле за въездом и выездом. Бюро также осуществляет политику безопасности во время национальных чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий.

В состав Бюро безопасности входят: Управление охраны; Первый отдел общественной безопасности; Отдел планирования безопасности; Отдел внешней политики и разведки (в состав которого, в свою очередь, входят Международный отдел и Отдел противодействия международному терроризму). Первый отдел общественной безопасности (First Public Safety Division) исследует деятельность радикальных левых, перенимая эти полномочия у PSIA.

Бюро безопасности также отвечает за формирование и реализации плана реагирования на случай, если премьер-министр объявит в стране чрезвычайное положение. Полномочия Бюро безопасности NPA в сфере общественной безопасности (коан) включает предоставление охранных услуг государственным деятелям, в том числе зарубежным лицам VIP на территории Японии. Как подчеркивает Юки Тацуми, это создает «окно, через которое NPA взаимодействует с правоохранительными и разведывательными организациями за пределами Японии… В силу своего мандата по поддержанию общественного порядка Бюро безопасности играет тихую, но важную роль в сборе информации о группах и отдельных лицах (включая идеологически экстремистские группы), которые потенциально угрожают внутренней безопасности Японии. Чтобы нарастить усилия по внутренней безопасности, бюро также собирает информацию о передвижениях террористов и их связи с группами и отдельными лицами в Японии. Это сделало Бюро безопасности самым влиятельным бюро в NPA на протяжении всей его истории».

Бюро уголовных расследований NPA (Кейдзи кёку) включает Отдел по борьбе с организованной преступностью, который отвечает за международные уголовные расследования в Японии, за связи с Интерполом, вопросы, связанные с организованными преступными группировками в Японии, выходящие за рамки компетенции других агентств, и за контроль над международным транзитом огнестрельного оружия и наркотиков, управляя вопросами, которые возникают в международных расследованиях.

В составе NPA также было создано самостоятельное секретное подразделение для борьбы с непредвиденными обстоятельствами, связанными с Северной Кореей. По данным FAS, оно набрало и обучило северокорейцев для сбора разведданных в интересах Японии. Согласно некоторым сообщениям, этот отдел занимался вербовкой высокопоставленных членов Тёсен Сорен (Чхонрён) для разоблачения агентов влияния Северной Кореи.

КОКУСАЙ ДЗЁ ХО КЁКУ (Бюро разведки и анализа МИД, IAB)

Миссия — анализ информации, поступающей из дипломатических учреждений Японии за рубежом, а также обмен информацией со спецслужбами союзников.

Министерство иностранных дел Японии (MOFA) имеет самую давнюю непрерывную разведывательную традицию — с 1869 г., то есть с Реставрации Мэйдзи.

В ходе реорганизации в августе 1993 г. МИД впервые за десять лет провел ревизию своей внутренней организации, создав новую влиятельную структуру — Внешнеполитическое бюро (FPB, Со го гайко сэйсаку-кёку), а также осуществив реорганизацию и переименование подразделения, занимающегося разведкой, в Бюро разведки и анализа (IAB). Как отмечает Э. Орос, более точный перевод его названия с оригинала (Кокусай Дзё Хо Кёку) — Международное разведывательное бюро.

С организационной точки зрения, таким образом, разведывательная служба входит в пятерку ведущих подразделений министерства, являясь одним из пяти функционально управляемых бюро (в дополнение к пяти региональным бюро). Главным изменением в отношениях между бывшим и нынешним разведывательными управлениями является то, что нынешнее бюро отвечает исключительно за разведывательную деятельность.

Предшественник IAB, Информационно-исследовательское бюро (Дзё хо Тёса Кёку), несло дополнительные обязанности по разработке внешней политики и стратегии национальной безопасности, которые теперь делегированы главным образом новому Внешнеполитическому бюро. Тем не менее, как и CIRO в кабинете премьер-министра, IAB следует рассматривать как координационную структуру разведки, а не как крупное разведывательное учреждение само по себе. Очевидно, что в других структурах, особенно в региональных бюро, больше должностных лиц задействовано в специальных разведывательных функциях, чем в самом IAB. Кроме того, большая часть иностранной разведки в Министерстве иностранных дел собирается у источника в дипломатических учреждениях за рубежом, где находится большинство сотрудников министерства.

Официальный штат IAB после реорганизации не превышал 60 человек. Однако в конце 1990-х гг., когда общая численность МИД возросла с 3500 до 5200 чиновников (на треть), в Синей книге МИД пояснялось: «При увеличении своего персонала Министерство иностранных дел уделяет приоритетное внимание укреплению своих систем кризисного регулирования и безопасности, что является неотложным вопросом для правительства».

Кадровые ресурсы IAB увеличиваются благодаря заказным исследованиям ученых и аналитических центров, таких как спонсируемый МИД Японский институт международных отношений. Кроме того, как и CIRO, министерство приобретает информацию из открытых источников — двух основных информагентств Японии и других медиа-организаций. Согласно официальным правительственным источникам, в 1978 финансовом году общая сумма расходов МИД на услуги по сбору информации составила 4,4 млрд. иен. Однако неясно, как была рассчитана эта цифра, и в последующие годы такая оценка не была опубликована. Ввиду растущей обеспокоенности по поводу утечки данных среди правительственных чиновников IAB был перемещен в новое «интеллектуальное здание» Министерства ино-

странных дел, которое было завершено в 1995 г., с современными мерами безопасности, такими как меньшие окна и сводчатые потолки, чтобы уменьшить вероятность подслушивания.

Создание IAB в качестве бюро, занимающегося только вопросами разведки, имеет, скорее, символическое значение. Возможно, более важным, с точки зрения внешней разведки, является резкое увеличение числа японских дипломатов, командированных за рубеж с конца 1990-х гг. Хотя Япония явно нуждается в дополнительном персонале для выполнения своей более активной дипломатической повестки дня, не следует упускать из виду вклад иностранной разведки, предоставляемый дополнительным персоналом. Организационные реформы центрального правительства, которые вступили в силу в МИД в январе 2001 г., подчеркивают эту тенденцию и «усиление и укрепление функций ... для сбора, анализа и отчетности информации», — писал Э. Орос.

В настоящее время IAB официально отвечает за следующие вопросы: общее управление информацией о международном положении; общее управление научно-исследовательской деятельностью; проведение исследований и обследований в иностранных государствах (за исключением вопросов, находящихся в ведении других бюро); общий анализ международного положения и сбор необходимой информации. Бюро планирует и формулирует всеобъемлющую политику в отношении сбора, анализа, управления и предоставления информации министерством в целом. Кроме того, была усовершенствована система анализа: с учетом все более сложной и нестабильной международной обстановки укрепляются функции регионального анализа и предметного анализа, такие как анализ положения в области безопасности. В составе IAB три структуры — департамент общего управления, первый и второй аналитические департаменты.

КОАНТЁ (Разведывательное агентство общественной безопасности (Public Security Intelligence Agency, PSIA)

Дата создания: 21 июля 1952 г.

Мандат: В соответствии с Законом о предотвращении подрывной деятельности, на него возложено обеспечение внутренней безопасности и предупреждение шпионажа против Японии.

Юрисдикция: входит в состав Министерства юстиции.

Центральный офис — 2-е Центральное здание Объединенных служб (Тюо Годо Тёся Дайроку Гокан), квартал Касумигасеки, особая префектура Тиёда, Токио.

Штат — около 1300 сотрудников.

Сайт www.moj.go.jp/psia/index.html

Известные руководители: Огата Сигэтакэ (1993–1997), Янаги Тосиро (2006–2009).

Действующий гендиректор — Накагава Сэймэй.

Формально учреждено в соответствии с Законом «О предотвращении подрывной деятельности» в день его вступления в силу в качестве исполнительной организации, которой поручено «выполнять расследования организационной структуры и деятельности организаций, которые имеют намерения уничтожить демократическую систе-

му, гарантированную японской Конституцией, насильственными средствами, и в случае, если было установлено, что результаты расследований соответствуют требованиям закона, роспуск таких организаций, назначение надлежащего наказания лицам, совершившим насильственные подрывные действия, и защиты демократии — основы для того, чтобы японский народ мог жить в условиях мира и безопасности».

Фактически основана по инициативе OSS, номинально как внутреннее разведывательное агентство с идеологическими целями, фактически — для выполнения международного шпионажа против просоветской оппозиции в Японии и регионе ЮВА.

Изначально функционировало в составе Минюста в качестве отдела. Первоначальный общепринятый английский перевод названия — Public Security Investigative Agency. Развивалась и оснащалась по аналогии с ФБР США и МИ-5 Великобритании, уделяя основное внимание внутренним угрозам, но также обладает значительной контрразведывательной юрисдикцией.

В обзоре аппарата внешней разведки Японии Э. Ороса (2001) отмечалось, что Коантё было обязано своим существованием Холодной войне и закономерно оказалось единственной крупной спецслужбой, штат которой её окончания сократился. Первое существенное сокращение (с 1800 до 1760 сотрудников) произошло в 1995 г. «Кроме того, это, вероятно, единственное ведомство в Японии, которая в настоящее время несет наибольшую ответственность за наблюдение за корейцами-резидентами, она сосредоточивает свое наблюдение на “Аум Синрике”, отчасти в попытке получить более высокую легитимность», — иронизировал автор.

Среди ключевых задач — проведение на основе закона «О предотвращении подрывной деятельности» мер контроля, включая роспуск организаций-мишеней через комиссию по государственной экспертизе. Контроль над организацией представляет собой административные меры, которые должны приниматься «в отношении организации, игнорирующей основополагающие законы и порядок, предусмотренные Конституцией, осуществляющей насильственную подрывную деятельность, и по-прежнему существуют опасения, что организация может в будущем осуществлять аналогичную деятельность». Контроль над организацией включал ограничение её деятельности и роспуск.

Для проведения расследований, необходимых для контроля над подрывной организацией, Агентство по расследованиям в области общественной безопасности направило следователей по вопросам общественной безопасности по всей стране. Закон «О предотвращении подрывной деятельности» наделяет следователей по вопросам общественной безопасности следственными полномочиями. Этот орган не обладает такими полномочиями, как изъятие доказательств или обыск домов.

К началу 1990-х гг., когда внутренняя ультралевая деятельность постепенно угасала, PSIA стала утрачивать первостепенную роль. В 1995 г. «Аум Синрике» устроила газовую атаку в Токио. PSIA, не имея досье и данных об «Аум», бросилась расследовать культ и поэтому зимой 1995 г. сумела быть готовой к применению закона «О предотвращении подрывных действий». В PSIA была создана специальная должность куратора борьбы с «Аум». Однако из-за недостаточности доказательств Комиссия общественной безопасности в конечном итоге отклонила апелляцию PSIA на роспуск «Аум».

В соответствии с административной реформой, проводимой с 1996 г., японское правительство приняло решение сократить численность PSIA; часть персонала должна быть выделена другим организациям, то есть управлению разведки Кабинета министров и Министерству иностранных дел. Эти сотрудники PSIA должны быть направлены в зарубежные страны с целью усиления разведывательной деятельности. Состав PSIA в конечном итоге быть уменьшен до 1100 чел. Остальные 600–700 сотрудников будут направлены в другие учреждения.

Второй департамент расследований отвечает за иностранную разведку. Отдел 2-2 поддерживает контакты с более чем 30 разведывательными службами мира, включая ЦРУ, ФБР, МИ-6, Моссад и т.д. ЦРУ пригласило должностных лиц PSIA в Вашингтон для прохождения курса анализа разведки. «Внешняя организация» под названием Кюданкай выполняла функцию анализа информации (и шпионажа) о военных передвижениях в Советском Союзе. Эта группа, как сообщается, знала о предстоящем вторжении 1980 г. в Афганистан и передала эти сведения японскому правительству.

Созданная вначале для контроля за деятельностью Коммунистической партии Японии (КПЯ), PSIA позже расширила свою деятельность. Организация была опиралась на режим оккупации.

Поскольку PSIA не обладает какими-либо следственными полномочиями, в отличие от Национального агентства полиции она не имела права принуждать кого-либо к сотрудничеству. Таким образом, она вынуждена проводить расследования, предоставляя участникам финансовые страховки, а также использовать другие подходы для развития источников сотрудничества в организациях-мишенях, включая КПЯ, другие левые общественные и трудовые организации, Всеобщую федерацию корейских жителей в Японии (Chongnyon) и различные праворадикальные группы. В материалах PSIA также публиковались отчеты о событиях в коммунистических странах, главным образом в Советском Союзе, Китае и Северной Корее. Таким образом, играя роль иностранной разведывательной организации, PSIA, наряду с Национальным агентством полиции, отвечала за контрразведку в Японии. В период после Холодной войны PSIA боролась за выживание, отстаивая свои позиции. Агентство критиковалось за неадекватный сбор информации о новых опасностях для японского государства, таких как религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков и угрозы иностранного терроризма. В частности, его подвергли резкой критике за то, что оно просмотрело разработку «Аум Синрикё» зарина, который использовали в атаке на токийское метро.

В итоге именно на PSIA была возложена задача расследования деятельности «Аум Синрикё» и её ликвидация. В более широком смысле в последнее десятилетие миссия PSIA изменилась, чтобы отразить предполагаемые угрозы после Холодной войны. Эта миссия была изменена в результате реорганизации в мае 1996 г. В рамках новой структуры меньше внимания уделяется угрозам со стороны КПЯ и других левых групп и больше — другим внутренним подрывным группам, не связанным с политическими левыми. Кроме того, были созданы новые отделы для расследования иностранной подрывной деятельности и связанных с ней проблем, таких, как резкое увеличение числа иностранных рабочих в Японии. Очевидно, что самым драматичным шагом к переориентации разведывательного сообщества Японии в

эпоху после Холодной войны было бы объединение ресурсов PSIA под контролем CIRO — план, который был предложен и, как сообщается, рассмотрен в разведывательном сообществе. Это значительно увеличило бы ресурсы CIRO и его усилия по созданию скоординированной разведывательной политики, а также послужило бы переориентации PSIA на измененную среду безопасности после Холодной войны. «Однако, если такие кардинальные изменения произойдут, то, по крайней мере, не раньше следующего крупного кризиса разведки», — писал Э. Орос. Вместо этого PSIA была преобразована изнутри, хотя его персонал также был сокращен. После этих событий СМИ мало освещали новые задачи PSIA.

Однако в 2003–2004 гг. PSIA нашла себе применение в связи с мощным подъемом активности левых организаций против вторжения США в Ирак. Как сообщалось в отчете PSIA за 2005 г., «учитывая упадок коммунизма, многие радикальные левые группы пытались проникнуть в рабочие и гражданские движения, скрывая свою политическую принадлежность, сохраняя при этом свой идеал насильственной революции, и прилагали усилия для расширения своего влияния на основе политики приоритетного восстановления организаций». Основываясь на своих «новых руководящих принципах» 2003 г., экстремистская группа «Тюкаку-ха» сделала все возможное для расширения своей власти на трудовом фронте. В частности, они пытались влиять на учителей и распространяли листовки, призывающие к отказу от использования государственного флага и гимна в Токио, Осаке и Хиросиме. Кроме того, они проводили «организационную деятельность», мобилизуя членов своей аффилированной гражданской группы «Преградите дорогу войне!» на кампанию «Миллион подписей» и посещение кабинетов профсоюзов учителей. В 2005 г. они собрали 2700 демонстрантов на «Общенациональный митинг трудящихся» (Токио) и пригласили представителей корейской Конфедерации профсоюзов и Международного союза грузчиков США. В 2006 г. они опубликовали «Обращение революционной армии» в своей газете «Дзэнсин» («Продвижение»), сохранив тактику вооруженного фронта. Другими структурами-мишенями были: группа «Кайхо-ха», агитировавшая среди бездомных; «Какумару-ха», вместе с КПЯ пытавшаяся препятствовать внесению в Конституцию изменений, восстанавливавших зарубежный мандат Сил самообороны Японии (статья 10); остатки радикального движения «Японская Красная Армия» (Синэгобу Фусако), переименованная в «Солидарность», и японский филиал ATTAC, активизировавшийся после 5-го Всемирного социального форума». Назывались также правые группировки, митинговавшие против Северной Кореи и открытия дипломатических представительств Китая. В разделе «Культы» в этом отчете PSIA упоминала радикальных экологистов, обвинявших японских военных в создании землетрясений, а также «культ, призывающий к объединению Южной Кореи и КНДР» (хотя название не приведено, очевидно, речь идет о Федерации северокорейцев — Тёсен Сёрен или Чхонрён; см. ниже).

В сентябре 2018 г. гендиректор PSIA Накагава Сэймэй в числе других чиновников подписал проект соглашения о порядке получения персональных данных японскими государственными агентствами, направленный еврокомиссару Вере Юровой в контексте подготовке соглашения ЕС — Япония о взаимной передаче персональных данных. (По указанной ниже ссылке можно ознакомиться с английским факсимиле Накагавы). Проект также подписали: министр юстиции Камикава Ёко (2017–

2018, ее преемник — Ямасита Такаси); советник секретариата кабинета Хамано Коити; генеральный комиссар Национального полицейского агентства Курю Сунъити; заместитель министра внутренних дел и коммуникаций Ясуда Мицуру; председатель Комиссии по защите персональной информации Сонода Мари; заместитель министра обороны по административным вопросам Такахаси Кэйнити. https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/annex_ii_signed_representation_en.pdfСтруктура: в состав PSIA входят три управления, учебно-методический институт, а также 8 региональных бюро и 14 территориальных офисов (ранее число офисов насчитывалось 43).

Скандалы. В 2007 г. Огата Сигэтакэ, бывший государственный прокурор Сэндая и Хиросимы, экс-директор PSIA (1993–1997) и глава Harvest Investment Group, был арестован и осужден за мошенничество в связи с продажей здания штабквартиры Чонгрен — де-факто северокорейского посольства в Японии. Огата был найден виновным в сговоре о передаче бизнесмену Мицуи Тадао права собственности на здание. Огата утверждал, что целью покупки было удержать здание от ареста кредиторами из-за угрозы репрессий со стороны Северной Кореи. Огата был приговорен к условному сроку, но в 2014 г. после рассмотрения в Верховном суде был вынесен новый приговор.

JETRO (Японская организация внешней торговли)

Министерство экономики и торговли (METI, до 2001 г. Министерство международной торговли и промышленности, MITI), одно из крупнейших и наиболее мощных правительственных министерств Японии, имеет в три раза больше по числу штатных сотрудников, чем МИД (на 2002 г. 15 000 сотрудников) и также наделено значительной миссией внешней разведки. METI является предметом многочисленных углубленных научных исследований по различным темам, касающимся таких аспектов иностранной разведки, как роль государства в экономическом развитии и связь между государственным и частным секторами в Японии. С учетом того, что одним из его основных мандатов является координация международной торговли, многочисленные отделы министерства собирают и анализируют разведывательные данные о зарубежных экономиках и отраслях. Вместе с тем значительная часть этой разведывательной функции состоит в регулярном сборе статистических данных.

Джеффри Ричелсон, автор справочника «Иностранные разведывательные организации», перечислил шесть структур в рамках METI, которые собирают развданные. Его список включает: а) отдел по общим вопросам Секретариата; б) отдел исследования и статистики Департамента секретариата; в) бюро технологических и информационных отраслей; г) научно-исследовательский отдел Бюро промышленной политики; д) секцию торговых исследований Бюро Международной торговой политики; е) департамент международных экономических отношений Бюро международной торговой политики (с. 263).

Организацией, которая не является подразделением METI, а скорее контролируется им как полугосударственной корпорацией, является Японская организация внешней торговли (JETRO). Подобно CIRO в отношении NPA JETRO, возможно, фактически является разведывательным агентством METI.

Хотя некоторые авторы называли именно JETRO японским аналогом ЦРУ, Э. Орос подчеркивал, что спектр его деятельности существенно у́же. «Хотя JETRO собирает весьма различную информацию из-за рубежа, от освещения местной политики до спецификаций военных технологий двойного назначения, некоторые из них делятся с другими правительственными учреждениями, а некоторые даже публикуются для более широкого распространения, JETRO является в первую очередь институтом экономической разведки Японии».

Японская научно-исследовательская организация по экспортной торговле, одноименная предшественница нынешнего JETRO, была создана в 1951 г. как «специальная корпорация» под эгидой Бюро администрирования международной торговли MITI. Хотя название организации осталось прежним, в 1966 г. мандат JETRO был официально расширен с включением отделов по содействию импорту и экспорту японских товаров и услуг. В 1991 г. мандат был ещё более расширен и включил поощрение иностранных инвестиций в Японии. Годовой бюджет JETRO включает как государственные субсидии, так и средства, полученные от частного сектора за счет взносов и продажи изданий JETRO. По оценкам, компонент частного сектора покрывает около 40% операционных расходов JETRO.

По данным Д. Нанто из Службы исследований Конгресса (Congressional Research Service, структура Республиканской партии), в 1991 г. MITI направило 50 сотрудников в офисы JETRO в Японии и за рубежом. Одиннадцать из них были размещены в США. «JETRO, таким образом, также служит для карьерной ротации многих должностных лиц MITI. Это дает им опыт работы на зарубежных рынках и определённый стиль жизни, а также возможность собирать информацию и изучать экономику за рубежом из первых рук», — писал Д. Нанто.

В 1993 г. JETRO получила государственную субсидию по статье тогдашнего бюджета MITI в размере 24,1 млрд. иен. Это было на 26% больше, чем в 1990 г., когда она получила субсидию в размере 19,1 млрд. йен. Для сравнения, в 1988 г. JETRO потратила $13,7 млн. на девять американских офисов, в то время как зарубежные и коммерческие службы США потратили чуть более $3 млн. на продвижение своего экспорта непосредственно в Японию, отмечал Д. Нанто. Это значительное увеличение было подано как импульс после Холодной войны для расширения охвата JETRO в бывшем Восточном блоке. К 2000 г. в составе JETRO работали около 600 кадровых сотрудников в 38 региональных офисах в Японии и 700 в 80 отделениях в 59 зарубежных странах. Как и МИД, JETRO размещает больше персонала за рубежом, чем дома. Число сотрудников JETRO за рубежом увеличилось более чем на 150% по сравнению с началом 1980-х гг., когда в JETRO было 270 сотрудников, как из MITI, так и из частных отраслей, распределенных по 81 городу в девяти странах — еще один пример расширения разведывательных штатов после Холодной войны. Кроме того, собственные «промышленные исследователи» (саньтё) MITI размещались за рубежом с 1973 г., обычно на базе офисов JETRO, но не были включены в данные персонала JETRO.

MITI сохраняло фактический контроль над JETRO посредством ротации бюрократов MITI на высшие должности в JETRO, а также посредством размещения отставных бюрократов MITI в JETRO через амакудари («спуск с небес» — японский аналог американского термина revolving doors, «вращающиеся двери»).

«Здание штаб-квартиры JETRO в Токио, возможно, “стратегически” расположенное напротив посольства США, включает большую библиотеку материалов о зарубежных рынках, полезных японскому деловому сообществу, а также собственные внутренние публикации JETRO для продажи. Эти публикации, предназначенные в первую очередь для японских бизнесменов, затрагивают широкий круг тем, начиная от технических спецификаций ключевых американских технологий и заканчивая основами организации проживания в зарубежных странах для руководителей, отправляющихся в зарубежные страны. В гораздо меньшей степени JETRO также публикует различные материалы на английском и других иностранных языках, предназначенные для оказания помощи в маркетинге иностранных продуктов и услуг в Японии. Эти публикации распространяются главным образом через представительства JETRO за рубежом», — пишет Э. Орос.

Основная функция JETRO в ее зарубежных представительствах заключается в сборе разведывательных данных из открытых источников для использования в ее внутренних публикациях и для распространения среди специалистов METI и других государственных учреждений. Помимо скимминга коммерческих и технических публикаций, исследователи JETRO посещают корпоративные исследовательские объекты и предлагают консультации по японской экономике местным и государственным чиновникам. Это одна из практик, критикуемых противниками JETRO, которые утверждают, что должностным лицам JETRO предоставляется более широкий доступ, чем сотрудникам частных компаний. В нескольких американских монографиях по теме экономического шпионажа обсуждаются случаи японского шпионажа, включая связи JETRO с частным сектором, как часть более широкой проблемы экономической разведки.

Помимо этого, JETRO выполняет пропагандистские функции. Ведомство работало с другими японскими государственными учреждениями, чтобы донести мнение своего правительства по современным экономическим и дипломатическим вопросам — таким, как меры правительства по стимулированию внутренней экономики и помощь Японии другим азиатским экономикам после финансового кризиса 1997 г. В первую очередь для этой цели JETRO публиковало широкий спектр местных информационных бюллетеней.

«Учитывая обширные операции по сбору разведданных за рубежом, JETRO получила удивительно мало внимания общественности. Но в 1990-х гг. операции JETRO в США попали в заголовки в связи с расследованиями ее деятельности одновременно со стороны ЦРУ и ФБР; результатом стало освещение в крупных средствах массовой информации. В итоге после окончания Холодной войны Япония наряду с Китаем, Францией, Израилем и рядом других государств фигурировала в ряде громких исследований Конгресса США, посвященных угрозе экономического шпионажа в Соединенных Штатах», — пишет Э. Орос.

После упомянутой серии разоблачений JETRO несколько изменила диапазон направлений деятельности, перенося центр тяжести на страны бывшего СССР, Китай и Индию, о чем сигнализировало слияние с Институтом развивающихся экономик (более точное название — Институт азиатских экономик, «Адзия кейдзай кенкю-дзё»).

Приложение: Проблема Чхонрёна

Чхонрён (яп. Тёсен Сёрен), «Генеральная ассоциация корейцев в Японии», — «государство в государстве». Организация северокорейцев, живущих в Японии, антипод ассоциации Миндан («Ассоциация корейцев в Японии»), которая связана с Южной Кореей.

Основана 25 мая 1955 г. Ханом Дьёк Су. Из 610 000 корейцев в Японии около трети близки к Чхонрёну, две трети — к Миндану. Штаб-квартира в Токио. Есть региональные офисы в префектурах. Есть также молодежная организация Чхочхон. Чхонрён управляет различными СМИ для распространения северокорейской пропаганды, собственными детскими садами, школами и банками и активно участвует в экономике. В 1992 г. в организации было 83 начальных, 55 средних и 13 средних школ и колледж. Количество студентов составило 19 000 чел. Чхонрён представлен депутатами в Верховном народном собрании Северной Кореи. Большая часть генерируемой Чхонрёном иностранной валюты идет в Северную Корею. В 1995 г. общие активы организации оценивались в $200 млрд., почти в десять раз превышая валовой национальный продукт Северной Кореи. К 1990 г. сумма, ежегодно переводимая в Северную Корею, составляла около $750 млн. Кроме того, деловые люди, близкие к организации, инвестируют в совместные предприятия в Северной Корее. Чхонрён неоднократно обвинялся в шпионаже, контрабанде наркотиков и других незаконных действиях. Значительная часть северокорейских агентов, разоблаченных в Южной Корее, происходила из рядов Чхонрёна. В 1974 г. кореец, имеющий связи с этой организацией, совершил покушение на президента Южной Кореи Пак Чон Хи.

С начала 1980-х гг. организация страдает от постоянной потери членов. В то время как в 1975 г. 290 000 дзайнити (японских корейцев, которые не репатриировались после Второй мировой войны) принадлежали к Чхонрёну, в 1985 г. их было 275 000, в 1991 г. — только 244 000. Одной из причин снижения членства являются сообщения членов Чхонрён, которые эмигрировали в Северную Корею, жалуясь в письмах родственникам в Японии на плохую материальную и политическую ситуацию в Северной Корее.

Кроме того, дети первого поколения членов Чхонрёна чувствуют себя гораздо менее связанными с Северной Кореей, чем их родители. В 1990-х гг. усилилась напряженность в отношениях между руководством КНДР и Чхонрён. Это стало результатом неудовлетворенности корейцев-дзайнити постоянно растущими требованиями Северной Кореи о выделении денег и династической преемственностью после смерти Ким Ир Сена. Тем не менее, многие члены Чхонрён не смели полностью порвать с организацией, потому что боялись за благополучие родственников в Северной Корее. Пхеньянское руководство обвиняется в том, что оно держало их в качестве заложников, чтобы вымогать материальную поддержку у дзайнити. Поскольку между Японией и Северной Кореей дипломатических отношений нет, Чхонрён де-факто берет на себя функцию северокорейского представительства в Японии. Председателем ЦК Чхонрёна в настоящее время является Со Ман Сул.

Из двух основных корейских организаций в Японии Чхонрён был более активным сторонником сохранения корейской этнической самобытности. Организация выступала против интеграции корейцев в японское общество; например, она пре-

пятствовала своим членам натурализоваться в качестве граждан Японии или вступать в брак с японцами (что называется «международным браком»). Чхонрён даже отвергает право корейцев-дзайнити голосовать или участвовать в региональных выборах, что считает недопустимой попыткой ассимиляции в японское общество. В отличие от этого Миндан проводит кампанию за более широкое участие дзайнити в японской политике. Чхонрён оказывает поддержку и консультативные услуги своим членам, такие как юридические и брачные консультации, помощь в трудоустройстве, отвечает за выдачу северокорейских паспортов. Связанные с Чхонрёном организации управляют предприятиями и банками, чтобы обеспечить рабочие места, услуги и социальные сети для корейцев-дзайнити. В 1970–1980-е гг. эти организации составляли важную экономическую связь между Северной Кореей и Японией. Аффилированные с Чхонрён компании контролировали Токийскую фондовую биржу, чтобы позволить КНДР продавать цветные металлы и другую минеральную продукцию по наиболее выгодным ценам, и закупали недорогие японские потребительские товары для реэкспорта в страны СЭВ.

Предполагается, что сторонники Чхонрён контролируют до трети японской индустрии игровых автоматов патинко. Важной функцией этих предприятий является получение твердой валюты для перевода в Пхеньян. Эти денежные переводы оцениваются в размере от 600 до 1,9 млрд. в год, но, вероятно, намного ниже. В 2010 г. Чхонрён объявил о планах открыть в Пхеньяне три ресторана; каждый ресторан должен был управляться главным офисом в Токио, региональным отделением Канту и региональным отделением Кинки-Токай. Чхонрён издает газету Choson Sinbo, а также журналы и другие публикации. Сайты, принадлежащие связанным с Чхонрёном организациям, включают англоязычную «Народную Корею». Чхонрён также управляет культурными мероприятиями и спортивными командами, представляющими его участников. Он организует поездки своих членов в Северную Корею, обычно для посещения родственников, а также образовательные поездки для учеников северокорейских школ. Он управлял Мангёнбон-92, пассажирским и грузовым паромом, который связывал Ниигату в Японии с Вонсаном в Северной Корее и служил единственной прямой связью между двумя странами. В связи с ракетными испытаниями Северной Кореи в июле 2006 г. парому в течение шести месяцев запрещали заходить в японский порт, а после ядерных испытаний Северной Кореи запрет был продлён на неопределённый срок. Конгресс, высший законодательный орган Чхонрёна, с 1961 г. собирается раз в три года для обсуждения повестки дня, выборов ключевых лидеров и своего бюджета.

Чхонрён управляет 140 этническими корейскими школами (Тёсен гакко 朝鮮学校 или тосон хакъо 조선 학교) по всей Японии; в это число входят детские сады и Корейский университет, первоначально частично финансируемый правительством Северной Кореи. Все уроки и разговоры в школах ведутся на корейском языке. Они идеологически обрабатывают учащихся в северокорейском духе и внушают верность Ким Ир Сену, Ким Чен Иру и Ким Чен Ыну. В соответствии с японским законодательством они не классифицируются как обычные школы, поскольку не соответствуют национальной учебной программе. Их воинственная позиция все чаще подвергается критике со стороны учеников, родителей и общественности. Число учеников, получающих этническое образование в школах, связанных с

Чхонрёном, резко сократилось — с 46 000 в начале 1970-х гг. примерно до 10 000 в 2009 г., а многие дзайнити предпочитают отправлять своих детей в японские школы. В 2010 г. в 12 средних школах Тёсен обучалось около 2000 учащихся. Первоначально школы финансировались Северной Кореей, сегодня финансирование поступает частично от местных японских властей, и многие школы сталкиваются с финансовыми трудностями. Японское правительство отклонило запросы Чхонрёна о финансировании корейских школ, сославшись на статью 89 Конституции Японии, согласно которой использование государственных средств на образование по «схемам, не находящимся под контролем общества», запрещено. Чхонрён называет это актом расовой дискриминации. Финансирование со стороны местных органов власти обычно осуществляется в форме специальных пособий, выплачиваемых семьям учеников, а не непосредственно школам во избежание вопиющего нарушения статьи. Миндан также традиционно использует школьную систему для детей своих членов, хотя она всегда была менее широко распространена и организована по сравнению с Чхонрёном.

Другой проблемой является экзамен на эквивалентность для старших классов, дайкэн, который дает право тем, кто еще не окончил обычную среднюю школу, подать заявку на место в государственном университете и сдать вступительный экзамен. До недавнего времени только те, кто закончил обязательное образование (то есть до средней школы), имели право сдавать дайкэн; это означало, что ученики этнических школ должны были пройти дополнительные курсы, прежде чем им разрешат сдать экзамен. В 1999 г. это требование было изменено, чтобы квалифицировать любого, кто старше определенного возраста. Участники кампании не были удовлетворены, потому что это все еще означало, что выпускники неяпонских средних школ должны сдавать дайкэн. В 2003 г. Министерство образования отменило требование сдавать экзамен на эквивалентность выпускникам китайских школ, корейских школ, управляемых Минданом, и международных школ, связанных с западными странами и аккредитованных американскими и британскими организациями. Это не относится к выпускникам школ Чхонрёна, так как министерство заявило, что не может одобрить их учебные планы. Решение было оставлено на усмотрение отдельных университетов, 70% которых позволяли выпускникам школ Чхонрёна подавать заявки напрямую.

В 2002 г. заместитель главы PSIA Тотиги Сотаро на заседании комитета по финансовым вопросам палаты представителей сообщил, что агентство расследует дело Чхонрёна по подозрению в незаконном переводе средств на север. В 2003 г. северокорейский перебежчик заявил в комитете Сената США, что более 90% деталей, используемых Северной Кореей для создания ракет, были привезены из Японии на борту корабля Мангёнбон-92, управляемого Чхонрёном. В марте 2006 г., после решения Высокого суда Фукуоки, Министерство внутренних дел поручило властям префектур по всей Японии пересмотреть любые льготы по налогу на имущество в отношении собственности в Чхонрёне. Некоторые местные власти сопротивлялись инициативе. В марте 2006 г. полиция совершила налет на шесть объектов, связанных с Чхонрёном, в ходе расследования обстоятельств исчезновения в июне 1980 г. одного из предполагаемых похищенных, Хара Тадааки. Представитель полиции заявил, что глава Чхонрёна в то время подозревался в причастности к похищению.

В мае 2006 г. Чхонрён и про-южнокорейский Миндан договорились о примирении, но соглашение распалось уже в следующем месяце из-за недоверия Миндана к Чхонрёну. Испытания ракет Северной Кореей в июле 2006 г. усугубили разрыв, и Чхонрён отказался осудить ракетные испытания, выразив лишь сожаление по поводу того, что японское правительство приостановило работу Мангёнбон-92. Возмущенные высокопоставленные чиновники Миндана присоединились к японским политическим деятелям и СМИ, которые резко критиковали молчание Чхонрёна по этому вопросу. В ноябре 2006 г. полиция в ходе расследования попытки незаконного экспорта в Северную Корею 60 пакетов внутривенных растворов совершила налет на токийскую штаб-квартиру Чонгрёна. Они были перехвачены японскими таможнями, когда были доставлены на борт Мангёнбон-92. Сообщалось, что растворы могли быть использованы для создания биологического оружия, однако Чхонрён отверг это утверждение. Толпы сторонников Чхонрёна пытались заблокировать доступ к зданию, что привело к развертыванию ОМОНа. В феврале 2007 г. полиция на Хоккайдо совершила налет на 10 объектов, связанных с Чхонрёном, включая его главный офис в Саппоро и знаменитый ресторан баранины якинику, принадлежащий высокопоставленному чиновнику Чхонрёна в Сусукино, по обвинению в уклонении от уплаты налогов в размере десятков миллионов иен. Четыре человека из Чхонрёна, включая владельца ресторана и старшего чиновника Торгово-промышленной палаты Саппоро, были арестованы. Также в феврале 2007 г. полиция провела рейд в нескольких местах, включая штаб-квартиру в Кобе, и арестовала трех человек, в том числе Сун Ги Хвана, который возглавлял бухгалтерское подразделение Торгово-промышленной палаты Хонго в Чхонрёне, по подозрению в нелицензированном учете. ОМОН столкнулся с толпой сторонников Чхонрёна, которые собрались в знак протеста. 3 марта 2007 г. тысячи членов Чхонрёна провели митинг в парке Хибия в знак протеста против полицейских расследований деятельности организации и издевательств над школьниками. Протестующие, которых насчитывалось от 3000 (по данным местных СМИ) до 7000 (согласно Чхонрёну), организовали марш длиной 2,9 км с портретами северокорейского лидера Ким Чен Ира. Нам Сун У, который занял второе место в Чхонрёне, заявил, что «японские нарушения прав человека против КНДР и корейцев в Японии не могут быть допущены несмотря ни на что». Власти Токио пытались запретить протест, опасаясь насилия, но оно было отменено решением суда. Спецназ столкнулся с японскими ультранационалистическими группами, которые собрались в контрпротесте, в результате которого один человек был арестован.

В июне 2007 г. Чхонрён попытался продать свою основную штаб-квартиру Огата Сигэтакэ (экс-главе Агентства общественной безопасности, которое сейчас возглавляет инвестиционную фирму) из-за финансовых проблем и напряженности в отношениях с правительством Японии, но кредиторами было принято решение заблокировать продажу в суде, и, согласно официальной статье службы новостей Северной Кореи от 22 июня 2007 г., суды предоставили японскому агентству по сбору платежей право распоряжаться имуществом. Во время землетрясения в 2011 г. корейская школа Фукусима, входящая в состав Чхонрёна, на полмесяца приютила 18 японских граждан. Однако Чхонрён раскритиковал Министерство иностранных дел Японии за то, что оно официально не признало Северную Корею в каче-

стве одной из стран, которые направили гуманитарную помощь оставшимся в живых после землетрясения и цунами в Тохоку.

После смерти Ким Чен Ира в декабре 2011 г. Чхонрён приказал своим членам вести себя сдержанно. Ученикам в школах было запрещено разговаривать с репортерами, японцами и представителями Запада. Тем не менее, японское правительство отказалось выдать членам Чхонрёна разрешение на повторный въезд, чтобы не дать им присутствовать на похоронах. В июне 2012 г. Верховный суд Японии признал роль Чхонрёна в качестве фактического посольства Северной Кореи и разрешил конфискацию имущества Чхонрёна для погашения долгов. В 2013 г. тендер был одобрен Ekan Ikeguchi, который впоследствии не смог получить финансирование. В ноябре 2014 г. Marunaka Holdings Co. приобрела недвижимость за 2,21 млрд. иен с планами выселить Чхонрён.

Учреждения при Чхонрёне: 3 детских сада, 19 начальных школ, 34 объединенных начальных и средних школ, 5 объединенных начальных, средних и старших классов, 2 средние школы, 3 объединенных младших и старших классов средней школы, Корейский университет (Япония), 8 банков, Корейская научно-техническая ассоциация, компания Chugai Travel.

Выводы

1. Вопреки целенаправленным усилиям по формированию послевоенной системы специальных служб Японии по американскому образцу национальное разведывательное сообщество постепенно воспроизводит собственную модель. Спецслужба, играющая с начала 1990-х гг. центральную роль, CIRO, замыкается на офис премьер-министра (Слуги императора), в то время как роль институтов, созданных в контексте Холодной войны, прежде всего PSIA, поэтапно и последовательно сокращается.
2. Различие между довоенной и новой системами устройства разведывательного сообщества состоит исключительно в профессионально-классовой базе, которой являются не вооруженные силы, а Национальная служба полиции. Сохранение институтом НПА инфраструктуры распущенной Кэмпэйтай, очевидно, имеет символическое значение. Более того, объективное возрастание геополитической угрозы, исходящей от Китая, диктует развитие разведывательных мощностей, направленных на Китай, именно на основе спецслужбы, опирающейся на кадры НПА.
3. Напротив, внешние усилия по централизации военных (частично униформированных) спецслужб посредством создания новой инфраструктуры не приносят ожидаемого организационного эффекта. Восстановление статуса военного министерства, предлогом для которого служит общая угроза со стороны негосударственных террористических образований, не противоречит ранее определившемуся тренду концентрации ведущих разведывательных кадров в CIRO с системообразующим кадровым обеспечением из НПА, и становится, по существу, параллельным процессом восстановления субъектности.
4. Неполное доверие США к разведывательному аппарату Японии возникает преимущественно в связи с деятельностью структуры, заимствующей опыт и на-

выки из неамериканских образцов, включая СССР, — JETRO. В свою очередь, с японской стороны основания для недоверия возникают ввиду резко меняющейся позиции США по вопросам как военного ядерного потенциала (при Б. Обаме — доклад Фонда Карнеги о накоплении запасов оружейного плутония, при Д. Трампе — вербальное согласие на ренуклеаризацию, впоследствии корректируемое), так и по вопросам торговли (отказ от TPP, отказ от особых исключений для Японии вплоть до формулировки «индо-тихоокеанской доктрины» М. Помпео, не подкрепленной сопоставимым с КНР инвестиционным потенциалом.

5. Преодоление последствий землетрясения 2011 г. и настрой предыдущего правительства (Абэ Синдзо) на восстановление 24 из 52 остановленных реакторов на фоне мирового консервативного сдвига, самодискредитации и дробления прогрессистских элит вкупе с актуализацией энергетического состязания как с КНР, так и с Индией под консервативным руководством, предвещают рост заинтересованности Японии в восстановлении и наращивании потенциала ядерной энергетики, чему не противоречат мировоззренческие установки нынешних императора и премьер-министра. Поскольку в системе спецслужб оперативный мониторинг ядерной безопасности является одной из ключевых миссий того же CIRO, представляется очевидным, что именно эта структура имеет первостепенное значение для межслужебного взаимодействия с государствами-поставщиками ресурсов для ядерной энергетики.

ЛИТЕРАТУРА

Забудь о пацифизме! Япония восстанавливает страшную службу внешней разведки. 06.03.2015 https://sputniknews.com/asia/201503061019168502/#ixzz3TkbfY69N

Dick N.K. JETRO and International Trade Promotion by Japan (94-517E) Washington, DC: Congressional Research Service, Library of Congress, 10 June 1994.

Dorling P. WikiLeaks Unveils Japanese Spy Agency // Sydney Morning Herald, February 21, 2011. https://www.smh.com.au/technology/wikileaks-unveils-japanese-spy-agency-20110220-1b17a.html

Japan Primer. University of Texas. 2007. https://web.archive.org/web/20080625185434if_/http://www1.apan-info.net/Portals/45/VIC_Products/2007/04/070403-P-Japan-web.doc

Japan Supreme Court Upholds Verdict in Intelligence Chief Fraud Case // The Japan Times. 20 May 2014.

Japanese Ruling Party Suggests Creating CIA of Japanese Version. Xinhua, June 23, 2006. http://en.people.cn/200606/23/eng20060623_276687.html

Hiroko Nakata. Creating New Security System Fraught with Obstacles // Japan Times, Thursday, Jan. 11, 2007. http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nn20070111f1.html

Oros A.L. Japan's Growing Intelligence Capability // International Journal of Intelligence, 2001. http://andreworos.washcoll.edu/password/oros_ijic_0102.pdf

Richelson J.T. Foreign Intelligence Organizations. Cambridge, MA: Ballinger Publishing, 1998.

Ryang S. The Rise and Fall of Chongryun — From Chōsenjin to Zainichi and beyond // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. Vol. 14, issue 15, No. 11 (1 August 2016). https://apjjf.org/2016/15/Ryang.html

Simpson J. Does Japan Have a Secret Foreign Intelligence Service? // 47 News, Feb 20, 2011. http://jsw.newpacificinstitute.org/?p=4924

Yuki Tatsumi. Japan's National Security Policy Infrastructure: Can Tokyo Meet Washington's Expectation? November 2008. https://www.stimson.org/sites/default/files/file-attachments/Tatsumi_%20Japan%27s_Security_Policy_Infrastructure_Final_Version.pdf

https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/annex_ii_signed_representation_en.pdf

http://far-realms.livejournal.com/774728.html

https://fas.org/irp/world/japan/dih.htm

https://www.globalsecurity.org/intell/world/japan/koancho.htm

https://kulturologia.ru/blogs/210816/31001/

https://www.lemonde.fr/documents-wikileaks/article/2011/02/21/le-japon-veut-se-doter-d-un-service-de-renseignement-exterieur-selon-wikileaks_1482942_1446239.html

http://www.moj.go.jp/ENGLISH/PSIA/psia01-04.html#1

https://world-japan.livejournal.com/228662.html

С. Сигрэйв

ДИНАСТИЯ СУН

Стерлинг Сигрэйв (1937–2017) — американский историк-востоковед и журналист-расследователь

Seagrave S. The Soong Dynasty. New York etc.: Harper Perennial, 1985. XII, 532 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

Книга американского историка-востоковеда и журналиста-расследователя Стерлинга Сигрэйва (1937–2017) рассказывает о самой удивительной династии в истории Китая XX в. Благодаря замужеству и связям три сестры из этой семьи находились в эпицентре новейшей китайской истории на протяжении самых бурных ее десятилетий. Не последнюю роль играли и три их брата.

В начале XIX в. Шанхай (*кит*. «У моря») был лишь деревней на илистых берегах р. Ванпу недалеко от устья Янцзы. Окрестности были низменными и уязвимыми для наводнений, зато селение находилось в месте, из которого можно было контролировать всю торговлю на тысячу миль вверх по Янцзы. Иностранцы торговали тогда лишь в южном порту Кантон, но были уверены, что получат в Китае обширный рынок, если откроют еще ряд портов.

Рычагом их открытия служил опиум из Индии и с Ближнего Востока, монополизированный британской Ост-Индской компанией. В 1820-е годы в опиумную торговлю включились американцы. В 1821–37 гг. англо-американский импорт опиума в Китай вырос с 5 тыс. до 39 тыс. ящиков (с. 4). В 1838 г. китайские чиновники распяли контрабандиста опиума, а вскоре правительство настояло, чтобы все британские капитаны давали письменное заверение, что не ввозят в страну наркотик. Тогда британский опиум стали ввозить американцы — или позволять британским судам поднимать в Кантоне свой флаг. В октябре 1839 г. Британия объявила Цинской империи войну, за которую давно ратовали торговцы опиумом. Униженный в этой войне Китай открыл пять портов для британской торговли и освободил британских подданных от своей юрисдикции.

Жемчужиной среди новых портов и стал Шанхай. Город не только занимал ключевое место на Янцзы; каналами и озерами он был соединен с «шелковой столицей» страны Сучжоу, а Великим каналом — с Пекином. В городе появилась горстка британских миссионеров и купцов, которые прибыли из Кантона в сопровождении своих хитрых китайских агентов. Добились концессии и США. В Шанхай потянулись предприниматели, которые учреждали *хоны* (торговые представительства). Называли их *тайпанами* (начальниками). Жизнь они вели по образцу жизни английского сельского сквайра: вставали поздно, плотно завтракали, посещали свои хоны, где просматривали счета, затем обедали. Позднее потягивали виски, курили сигары на веранде и наблюдали за погрузкой и разгрузкой на реке.

«Шанхай начал процветать. Возникла атмосфера грабительского капитализма, и фигура джентльмена-головореза от торговли зажила полной жизнью. Преступники и жулики высаживались в городе в больших количествах. Говорили, что единственное, по чему можно отличить преступника от капиталиста, — размер кошелька» (с. 6).

Победа Британии в первой «опиумной» войне вскрыла уязвимость маньчжурской династии, правившей Китаем с 1644 г. Южный Китай она так полностью и не завоевала. Там всегда плелись заговоры, расширяли влияние антиманьчжурские тайные общества. Цинский трон встал перед дилеммой: если бросить силы на сопротивление иностранцам, он будет беззащитен перед внутренним восстанием; если подавлять внутреннее восстание, он будет беззащитен перед иностранными требованиями.

Китайские тайные общества и западные нации воспользовались этой дилеммой. Запад наращивал требования, но не до такой степени, чтобы привести правительство к падению. Тайные общества провоцировали конфликты между маньчжурами и Западом, нападая на миссионеров. По иронии, проникновение христианства содействовало одному из великих катаклизмов китайской истории — тайпинскому восстанию 1850–64 гг. На два года повстанцы заняли Шанхай, откуда были изгнаны французами. Восстание переросло во вторую «опиумную» войну. Западные державы в 1860 г. заняли Пекин и продиктовали Драконьему трону новые унизительные уступки. Британский майор Чарлз Гордон разгромил тайпинов. Восстание закончилось, но все эти процессы положили начало великому крестьянскому подъему, который достигнет пика через сто лет под руководством Мао Цзэдуна.

«Со времени Борджиа мало семей играли столь дестабилизирующую роль в истории человечества. В течение почти столетия они были ключевыми игроками в событиях, которые сформировали историю Азии и мира. Члены клана Сун получили всеобщую известность: доктор Сунь Ятсен, госпожа Чан Кайши, генералиссимус Чан, госпожа Сунь. Другие члены клана служили премьер-министрами, министрами иностранных дел и финансов Китая. Они были среди тех, кто скопил самые крупные состояния своей эпохи; Т.В. Сун, возможно, был богатейшим человеком в мире.

“Сестры Сун” — Айлин, Цинлин и Мэйлин — дали жизнь известной китайской пословице: “Жили-были три сестры. Одна любила деньги, другая — власть, а третья — Китай”. Сун Айлин была печально знаменита своим финансовым коварством, но большинству людей было невдомек, что она выступала и главным манипулятором судьбы своей семьи. Говорили, что если бы она родилась мужчиной, то правила бы Китаем. Сун Чан Мэйлин стала одной из наиболее известных и могущественных женщин в истории. Она вдохновляла два поколения американцев, которые годами включали ее в десяток самых популярных и уважаемых женщин в мире. Тридцать лет она влияла на решения американских лидеров, а через них — на мир. Она стояла за троном националистического Китая. Третья сестра, Цинлин, осталась лояльной идеалам своего мужа Сунь Ятсена и стала заместителем председателя маоцзэдуновской народной республики. За это ее широко осудило общественное мнение в Америке» (с. 8–9). Отец сестер — Чарли Сун — финансировал революцию Сунь Ятсена, которая привела к падению маньчжур.

«Суны представляют собой особую трудность. Некоторые животные в чаще обладают такой эффективной маскировкой, что быть уверенным в их присутствии сложно. Как Чеширский кот, Суны были видимы лишь тогда, когда этого хотели. Они

прятались посредством того, что были на виду. Их публичный образ был настолько славным, что ослеплял. Когда он возник, стало практически невозможно наблюдать за их действительными шагами, фиксировать их истинные привычки и личности или другие аспекты характера, легко различимые в обычных людях» (с. 10).

Для китайцев характерна сдержанность и даже скрытность. Суны были самыми вестернизованными среди китайцев, но видимость открытости и доступности была лишь приобретенной манерой, а не истинной трансформацией. Через эту маску не могли проникнуть даже близкие помощники. Книга С. Сигрэйва является первой биографией всего клана и первой книгой, в которой исследуются как их положительная, так и долго скрывавшаяся зловещая деятельность. Когда все члены клана изучаются вместе, можно видеть, как они помогали и мешали друг другу на пути к власти. Такая биография не могла появиться ранее, поскольку Суны этого не хотели. До изменения американской политики в отношении Китая в 1970-е годы любого «нездорового» интереса к Сунам было достаточно, чтобы поставить под угрозу занятость журналиста. Автор предпочел изучать Сунов, не прибегая к интерпретации их жизни друзьями или врагами. По его словам, как Персей, избегавший смотреть на Медузу прямо, он искал Сунов в зеркале их эпохи и жизнях их близких помощников.

Вопреки легенде родители Чарли Суна не были бедняками, да и фамилия их была не Сун, а Хань. Первые ключи к туманному происхождению Чарли — его письма 1881 г., когда он уже шесть лет жил вне дома. Имя отца Чарли записал как Хань Хунъи, а собственное — Хань Чаошунь. Очевидно, настоящее имя Чарли в Америке исказили, и фамилию Сун ему дали на борту корабля случайно.

Родился Чарли на Хайнане. Его отец был преуспевающим купцом, судостроителем, старейшиной тайного общества и контрабандистом. Он владел несколькими океанскими джонками, которые плавали до Суматры, и регулярно торговал с португальской колонией Макао и Ханоем. Подтверждение этого в том, что старший сын Чарли подарил президенту США Франклину Рузвельту модель хайнаньской джонки. Предки Чарли жили далеко на севере в пустынной провинции Шаньси и были вынуждены мигрировать в Гуандун из-за социальных потрясений после маньчжурского завоевания. Некоторые из предков принадлежали к народности хакка, которые мигрировали на юг еще ранее, в эпоху империи Южная Сун (1126–1279).

На носу джонок рисовали глаза, и вместе с красными парусами, которые вздымались как гребень петуха, они дали джонкам прозвище «большеглазые куры». Каждое лето джонки плыли на север с грузами в Макао, Сватоу и Амой, а когда ветра менялись, уходили с китайскими товарами на юг в Сиам, Малайю и Яву. В Южных морях команды не брезговали пиратством. В 1875 г. отец решил, что Чарли готов поехать со старшим братом на Яву, где их отдадут в ученики к дальним родственникам.

Торговые сети хайнаньских купцов в Юго-Восточной Азии были связаны между собой одним из самых могущественных тайных обществ в Китае — чиу-чау. Исходно их члены были беженцами-лодочниками из района Сватоу. Чиу-чау активно участвовали в подпольном сопротивлении маньчжурским захватчикам, позднее рассеялись и за три столетия широко мигрировали. Поскольку они сохраняли свой диалект и тайное общество, их торговые сети оказались сплоченнее других групп заморских китайцев. Со временем чиу-чау стали доминировать в контрабанде и опиумной торговле китайского побережья. Также они заняли выгодные позиции в

британских поселениях в Гонконге, Шанхае и Сингапуре. Принадлежность к тайному обществу легла в основу синдикатов и картелей чиу-чау, обладавших большой властью и богатством.

Семье Хань ради встраивания в торговую жизнь Хайнаня пришлось стать частью братства чиу-чау с помощью браков. Лишь благодаря этому семья смогла распространить свои торговые связи по Юго-Восточной Азии.

Пробыв три года законтрактованным слугой родственника на Яве, Чарли в 1878 г. встретил дальнего родственника («дядю»), который осел в США и открыл в Бостоне лавку. Непоседливый мальчик принял его предложение и уехал с ним в Америку. В лавку захаживали видные представители китайской диаспоры Вэнь Бинчун и Ню Шаньчжоу из Шанхая. Они убеждали Чарли поступить в школу и серьезно заняться образованием. Когда «дядя» несколько раз отказал, Чарли в 1879 г. собрал скудные пожитки и проскользнул на судно в порту. Обнаруженный уже в море, он предстал перед капитаном. Будучи богобоязненным норвежцем, Эрик Габриэлсон решил не отправлять многообещающего подростка назад в бостонский чайнатаун. Чарли стал юнгой на судне. Получив новое имя Чарлз Сун (от Чаошунь), следующие полтора года он плавал без страха быть раскрытым. Капитан наставлял подростка в христианстве, затем его перевели в Уилмингтон (Северная Каролина), и Чарли последовал туда. Им заинтересовались местные единоверцы капитана — члены методистской конгрегации. К концу XIX в. в США были сильны настроения цивилизовать и христианизовать мир, а Китай виделся крупнейшим потенциальным урожаем душ. Священник Томас Рико задумал подготовить из Чарли миссионера-врача и отправить в Китай исцелять тела и души соотечественников. В 1880 г. Чарли крестили в методистской церкви под именем Чарлз Джоунз Сун.

Вскоре он нашел работу в местном издательстве. «Идея отправить спасенного язычника обратно проповедовать язычникам-соотечественникам произвела ожидаемое воздействие на методистов Уилмингтона. Это был их шанс, действуя через Чарли, изменить историю далекой и туманно понимаемой части мира. Местная конгрегация обсуждала, как действовать, и возник план» (с. 28). Прежде всего требовалось дать Чарли образование. Рико выхлопотал ему поступление в Тринити-колледж.

Участие в Чарли принял табачный миллионер Джулиан Карр из Дарема, один из богатейших южан Америки и основателей Дьюкского университета. Он устроил его в воскресную школу церкви Тринити, откуда юноша перешел в колледж, где стал первым поступившим туда китайцем. К высшему образованию он был не готов, но профессора согласились дать ему интенсивный курс обучения, покрыв школьную программу в чтении, письме и арифметике за несколько месяцев. Все понимали, что Чарли готовится к жизни миссионера среди собственного народа, поэтому многие аспекты обычного обучения можно было обойти (латынь, греческий, немецкий). Значительную часть обучения он проходил в доме доктора Крэйвена, который вместе с женой час за часом обучали мальчика премудростям западной культуры. Для китайских детей характерно учить классические тексты путем повторения, слегка раскачиваясь взад и вперед и повторяя за учителями строки без их понимания и просьб объяснить, пока строки не врежутся в память. Чарли оказался искусным имитатором и повторял библейские фразы, которые читал и слышал в проповедях, как если бы понимал их. Учителей это не смущало; они находи-

лись под впечатлением его подражательных способностей и воспринимали это как признак немалого прогресса.

К лету 1881 г. Чарли знал английский достаточно, чтобы написать первое из череды писем, которые содержат ключи к его детству. Написал он отцу на Хайнань, а сопроводительное письмо адресовал доктору Я.Дж. Аллену, главе южной методистской миссии в Шанхае, прося переслать письмо отцу. По-английски Чарли написал письмо потому, что успел забыть большинство уроков письменного китайского.

Джулиан Карр не только содействовал будущей духовной миссии Чарли, но и эффективно наставлял его по части ведения бизнеса, воспитывая в нем предпринимательский инстинкт. Правда, учеба Чарли в Тринити резко оборвалась летом 1881 г. Он увлекся дочерью профессора О.У. Карра, и ее мать однажды вышвырнула его из дома. После этого Чарли отправили в Университет Вандербильта в Нэшвилле (Теннесси).

Происшествие подпортило репутацию Чарли. Старейшины методистской общины заклеймили его как оппортуниста и приживалу. Одним из наименее снисходительных оказался исполняющий обязанности декана школы религии университета доктор Джордж Уинтон, по словам которого Сун «был легкомысленным малым, полным жизни и веселья, но не очень хорошим студентом. Он не выказывал серьезного интереса к религии и еще менее к проповеди. Вообще, когда он уехал назад в Китай, Сун заинтересовался предпринимательством» (с. 37). Намного более доброжелательный отзыв оставил преподобный Джон Орр, который был одним из соучеников Чарли. По его словам, сначала Сун был лишь диковинкой, китайцем. Однако у него был острый ум, он научился говорить по-английски аккуратно и бегло и имел чувство юмора. Мальчики любили его и приглашали во все виды социальной активности кампуса. Лучше всех Чарли знал студент Уильям Бёрк, с которым они сдружились на всю жизнь.

Когда Чарли в 1885 г. окончил Университет Вандербильта, ректор — епископ Холланд Мактайр, который также возглавлял Южную методистскую миссию в Китае, — решил направить его в Шанхай. Хотя про Чарли часто говорили, что он выпускник Вандербильта и окончил с отличием, на деле его быстро провели через университет, чтобы как можно быстрее отправить проповедовать в Китай. Диплом он получил, но ехать сразу не захотел. Сначала Чарли пожелал окончить медицинскую школу, причем в этом его поддержал Джулиан Карр. Однако епископ был непреклонен и в письме Аллену в Шанхай намекнул, что Чарли надо отправить в Китай как можно быстрее, пока в нем не выветрился китаец. При этом епископ дал указание назначить Чарли на работу рядовым миссионером, который ходит из города в город пешком. Целью было снизить авторитет молодого христианина среди его соотечественников, чтобы он не зазнался и воспитал в себе немного смирения.

В 19 лет Чарли рукоположили в священники в городе Шарлотт (Северная Каролина). По правилам назначение должно было стать официальным лишь через два года, но Мактайр хотел отправить Чарли в Китай немедленно. Объехав на прощание друзей, Чарли вместе с врачом-миссионером У. Парком отправился по трансконтинентальной железной дороге на западное побережье. На Диком Западе китайцев в ту пору травили. Китайская рабочая сила была дешевой, и безработные белые охотно подхватывали лозунг «желтой опасности», брошенный беспринципны-

ми издателями и политиками. Они жгли чайнатауны и снимали с китайских иммигрантов скальпы. Тысячи китайцев бежали на родину: в конце XIX в. китайская община на американском Западе сократилась со 110 тыс. до 60 тыс. человек (с. 44). Когда Чарли уже приехал в Шанхай, антикитайские погромы достигли кульминации: в Рок-Спрингс (Вайоминг) толпа зарубила 28 китайцев и еще нескольких сожгла живьем, а уважаемые горожанки рукоплескали и смеялись.

Сначала покидать собственную страну китайцам запрещали маньчжуры. Однако западные державы нуждались в дешевом труде и по итогам второй «опиумной» войны заставили их разрешить эмиграцию. Китайцев использовали на строительстве железных дорог, но по его завершении китайская рабочая сила превратилась в бремя, и в 1882 г. Конгресс США запретил въезд китайцев, кроме учителей, студентов, купцов и туристов. Тогда в Китае начались нападения на американские и европейские миссии; в некоторых районах путешествовать иностранцам было небезопасно. В западной прессе и историографии много внимания уделяется оскорбительному обращению с белыми в Китае, но игнорируется намного более организованное насилие против китайцев в Америке. Под давлением западных держав цинское правительство подавляло местные протесты и призывало подданных «жить в мире с христианскими миссионерами». В Вашингтоне зеркальных усилий не предпринимали.

Доехав до Сан-Франциско без проблем, Чарли взошел на борт парохода компании Pacific Mail Lines, отправлявшегося через Иокогаму в Шанхай. Последний к тому времени превратился в частично европейский город. Суда по прибытии приветствовало то же викторианское величие, что в Сингапуре или Бомбее. По приезде Чарли нанес визит доктору Аллену, отношения с которым не сложились сразу. Аллен не сомневался в своем превосходстве, причем считал себя миссионером не для немытых масс, а для китайской интеллигенции. При этом держался мнения, что ради обращения элиту надо впечатлить достижениями западной науки. Сорок лет главным рупором Аллену служила газета на вэньяне «Обзор времени», которая была первой точкой контакта двух культур. Также Аллен основал в Шанхае Англо-китайский колледж. Неудивительно, что Чарли для него был лишь амбициозным крестьянином. Аллен положил ему месячное жалованье в размере менее 15 долларов (с. 48) и отказал в просьбе перед началом работы посетить семью на Хайнане, которой Чарли не видел десять лет. Поэтому Чарли сразу попросил перевести его в другую миссию, но ему отказали.

Первым местом назначения Чарли стал Усун под Шанхаем, где р. Вампу впадает в Янцзы. Заданием молодого методиста было приобрести первый опыт, проповедуя немногочисленной общине китайцев-методистов, а также обучая их детей в школе. Дети встретили его хихиканьем, но он сумел внушить им уважение тем, что был одним из них. Чарли совершил путешествие на Запад самостоятельно, не по имперскому паспорту или в качестве подопечного миссионеров. Ученикам нравилось в Чарли именно то, что было в нем не по душе Аллену, — его простое происхождение. Он сделался самым популярным учителем в школе, и по окончании первого семестра его класс вырос с 12 до 24 человек (с. 50).

На улицах, правда, Чарли был белой вороной. Его диалекта не понимали, одевался он как «иностранные черти», а волосы носил короткие и прилизанные на западный манер. Чувств не скрывал, лицо его передавало эмоции и было живым. В довершение

всего Чарли выделялся низким ростом и клинообразным телом, так как на севере Китая люди худосочнее и выше. Дети на улице кричали «иностранный черт», а их родители — «маленький гном». Он даже потерял вкус к китайской кухне.

Наконец Чарли позволили посетить родителей, которые сначала его не узнали. Отец к этому времени возглавил местное братство чиу-чау, а старший брат управлял их торговой сетью в Юго-Восточной Азии. В Шанхайском международном сеттльменте у братства была мощная база, что позволило семье Хань снабдить Чарли полезными связями.

После полугода языковой подготовки в Усуне Чарли отправили в хинтерланд проповедовать в Куньшане — старом, опоясанном стеной городе с населением 300 тыс. человек (с. 52). Кроме южных методистов, к которым он принадлежал, здесь размещались миссии южных баптистов и французских католиков. Правда, большинство населения исповедовали буддизм, даосизм и ислам.

Наступило разочарование. Чарли обнаружил, что и китайцы, и западные люди его не любят и избегают: ни те, ни другие не принимали его как своего. Белые миссионеры не хотели с ним общаться, поскольку он был не потенциальным обращенным, а конкурентом.

Во время приезда в Шанхай Чарли наткнулся на бостонского знакомого Ню Шаньчжоу. Услышав жалобы на одиночество, тот предложил простое решение — жениться — и даже рекомендовал собственную свояченицу Ни Гуйчжэнь. Она происходила из рода первого министра Минской империи, а родители ее были англиканами. Особенностью Гуйчжэнь были незабинтованные ноги: родители пытались их забинтовать, но у девочки открылась лихорадка. Поскольку это была третья дочь, а значит незначительный кандидат в жены, ее ногам позволили остаться незабинтованными. Правда, это значило, что ни один уважаемый китаец на ней не женится. Зато у Гуйчжэнь был интерес к книгам и каллиграфии. Она была сильной личностью, получила западное образование и играла на диковинном для китайцев фортепиано.

Ню и Вэнь (который женился на средней сестре Ни) организовали знакомство, и в 1887 г. была сыграна свадьба. Чарли с женой уехали в Куньшань. Хотя его жалованье было низким, он получил немалое приданое. Кроме того, клан жены принес Чарли некий статус в китайском обществе. Он больше не чувствовал себя уязвимым перед авторитарным Алленом. Появились у него и тайные планы.

Аллен мог быть прав: гений Чарли Суна заключался не в миссионерской деятельности. «В конечном счете у Чарли был дар не следовать правилам, а ломать их. Китай в тот момент истории отчаянно нуждался в людях, способных ломать правила. Старый порядок превратился в бремя» (с. 56).

Незадолго до празднования китайского Нового года в 1888 г. Чарли приняли в могущественное тайное общество в Шанхае. Началась его трансформация из проповедника в революционера. К 1894 г. его связи с республиканским антиманьчжурским заговором устоялись. Как у многих других шанхайских революционеров, эти связи были основаны на членстве в самой эффективной антиманьчжурской триаде — Хунбан, Красном обществе/банде. Красный цвет здесь был игрой слов, которые связывали с девизом правления первого минского императора — Хунъу.

Красная банда была самой влиятельной и одной из самых интересных организаций в Китае. Очевидно, ввели Чарли в нее его вездесущие свояки Ню и Вэнь. Благодаря

им Чарли вырвался в реальный мир. С этого времени большинство его китайских товарищей были патриотическими членами Красной банды. Со временем стало известно, что Чарли Сун печатает все тайные бумаги и политические плакаты триады.

«Для западных людей триады были частью неприятного мира, понятного лишь китайцам. Однако для многих китайцев это были вполне обычные частные ассоциации на основе клановых и предпринимательских связей сродни масонскому ордену. Более того, в придачу к обеспечению своим членам моральной и материальной поддержки триады были нацелены на изгнание маньчжуров. В этом заключалась их миссия начиная с падения династии Мин почти тремя веками ранее, и они всё еще были одержимы ею» (с. 57).

Как говорили, инициации в банду проводились на борту старой опиумной джонки, стоявшей на якоре на р. Ванпу у французской концессии. Людей переправляли туда ночью три чиновника банды. На столе был алтарь с длинными свитками красной бумаги с иероглифами. На алтаре стояла чашка сырого риса, в которую были воткнуты 28 палочек для курения фимиама и три красных флага. Из тени за церемонией наблюдал десяток старейшин и чиновников общества. Посвящаемые повторяли некие фразы, бросали палочки и произносили 36 клятв. Каждый член общества получал кодовый номер и учил тайные сигналы распознавания. Кульминацией обряда было ритуальное сожжение декораций, флагов и свитков.

Вступление в братство позволило Чарли иметь доступ через заднюю дверь ко всему, что мог предложить Шанхай. По иронии, начал Чарли иметь успех и как миссионер. В 1888 г. его повысили до полноценного священника, а в следующем году перевели в Шанхайский округ. В 1890 г. он перестал быть бродячим проповедником и стал работать в пригороде Шанхая Це Со. Заговорили, что он обзавелся типографией и уходит из миссионеров.

В конце 1889 г. Чарли стал не полностью занятым агентом Американского библейского общества, которое издавало дешевые экземпляры Библии на разных языках по всему миру. Работой Чарли стало продавать англоязычную Библию и китайские издания Нового Завета. Правда, большинство китайцев не могли позволить себе покупать книги вовсе: самая доступная в Китае Библия стоила пятую долю начального жалованья Чарли (с. 59).

Для распространения Библии традиционное печатное дело в Китае подходило плохо. Деревянные дощечки с трудом вырезали вручную и использовали по методу ксилографии. Результаты относились скорее к сфере искусства, чем торговли. Более того, языком служил не разговорный китайский, а классический. Благодаря работе подмастерьем в типографии в Уилмингтоне Чарли имел общее представление о механизированном печатном деле. Он приобрел несколько печатных станков, которые печатали на дешевой местной бумаге; обложки делали картонными. Так стало возможным массово издавать западные книги на английском и сбывать их по ценам, приемлемым всех, кроме нищих. Вскоре Чарли издавал книги по западной истории, науке и технологиям для нескольких миссионерских обществ. Также мог печатать заказы для тайных обществ, включая политические трактаты и брошюры.

В 1890 г. Гуйчжэнь родила дочь, которую назвали Айлин (Хорошее настроение) и которой дали христианское имя Нэнси. В 1892 г. родилась вторая дочь Цинлин (Счастливое настроение), получившая имя Розамунда. К этому времени финан-

совые дела Чарли пошли в гору. Используя приданое жены, помощь свояков и товарищей по Красной банде, он купил дополнительные печатные станки и небольшое здание на территории французской концессии. Компанию свою Чарли назвал «Сино-американская пресса» и вскоре получил много заказов. Весной 1892 г. он полностью ушел из Южной методистской китайской миссии. В Северной Каролине на это отреагировали плохо. Говорили, что Чарли Сун вернулся к поклонению деревянным идолам. Тогда в письме издателю Christian Advocate он объяснил, что просто не мог содержать семью на 15 долларов, а работу по распространению слова божья продолжает и остается христианином.

В это же время Чарли легитимизировал странную фамилию Сун, так как в Китае она не была престижной. В классическом труде «Сотня фамилий» он отыскал идеограмму, которую использовала китайская династия Сун (960–1279). С 1892 г. печатал визитные карточки с фамилией, представленной этим иероглифом. Так Чарли повысил себя в глазах шанхайского высшего общества.

Росли и доходы. В издательство Чарли ездил на рикше, которую тянул телохранитель. В округе Хункоу построил свой первый дом, посадив кокосовые пальмы, чтобы те напоминали о Хайнане. Передний двор и фасад напоминали архитектуру домов в Уилмингтоне, Новом Орлеане и других городах американского юга. В доме имелись кабинет, столовая, гостиная в китайском стиле и гостиная в американском стиле с фортепиано для жены. Для гостей были новшеством кровати, так как на них лежали западные матрасы.

О своем благосостоянии Чарли не распространялся, так как был им обязан тайному обществу. Молчаливость вошла у него в привычку, и то же он воспитывал в детях. Поэтому их жизнь, открытая в детстве, затем внезапно стала непроницаемой. Как и отец, они трудились над созданием своего публичного образа, но упорно молчали о частной жизни.

Богатство Суна окутывает тайна. Возможно, он дополнил приданое жены займом у Джулиана Карра, с которым продолжал постоянную переписку. Деньги на первые предприятия также могли дать отец и старший брат. Однако основная часть денег поступала из лапшового бизнеса. Печатное дело дало лишь толчок Чарли в коммерческий мир Шанхая. Погрузившись в него, он стал брокером между Востоком и Западом.

К 1890-м годам китайские богачи начинали осуществлять собственные промышленные проекты. Это было нелегко, так как на рынке господствовали западные предприниматели. И всё же крупные землевладельцы заводили хлопчатобумажные, табачные и пищевые фабрики, пароходные компании, банки и торговые дома. В Китае начинал развиваться многочисленный средний слой, а сердце его билось в Шанхае.

Когда Чарли сделался издателем, к нему обратилась богатая семья Фу Фун с предложением стать менеджером мучной фабрики (она стала крупнейшей в Азии). Возникла потребность в посреднике между двумя культурами. Чарли должен был выступать компрадором Фу Фунов в переговорах с западными партнерами, советовать семье относительно западных трендов и посредничать в закупке американского оборудования для фабрик. Если Южный Китай зависел от риса, то Северный — от лапши. С помощью Карра Чарли стал одним из первых китайцев, импортирующих на родину тяжелое промышленное оборудование. Он был главным англоязычным исполнительным чиновником на фабриках Фу Фунов и сохранял эту

высокооплачиваемую должность всю жизнь. «Эта роль компрадора лежит в основе ненависти, которая зажигала революционные пожары XX века. Это была сложная роль — нечто между подлецом и патрицием, — которая соединяла отдельные экономические слои на Востоке и помогала Востоку и Западу притираться друг к другу. Шанхай был городом компрадоров» (с. 66). Ни один британский джентльмен, а значит, ни один иностранец, выдающий себя за джентльмена, не собирался иметь дела с китайцами напрямую: это позорило. Кроме того, это требовало упорного труда, предполагало знание китайского языка, обычаев и предпринимательской практики (последняя сама по себе была тайной). В опиумной торговле британцы пользовались услугами компрадоров — зачастую персов или иракских евреев, которые сказочно нажились на этом и вошли в число могущественных семей Шанхая, включая Сассунов, Хардунов и Кадури. Богатели и китайские компрадоры, так как были незаменимы. Успешные компрадоры были старшими членами триад. Так, глава Красной банды возглавлял сыщиков французской концессии.

Чтобы войти в этот мир, Чарли имел всё необходимое: говорил теперь бегло и на хайнаньском и на шанхайском диалектах, был боек в английском, причем приправлял беседу отсылками к Библии, что не могло не импонировать пуританам-янки. К тому же пожил в Новой Англии и на юге США, поддерживал через Карра прекрасные деловые связи в Америке. В 1893–94 гг. Чарли Сун вынырнул из темноты и стал фигурой, с которой считались.

В 1894 г. Чарли встретился с братом по тайному обществу, который стал его ближайшим другом и сделал его революционером и беглецом. Это был Сунь Вэнь, за которым охотились маньчжурские агенты. Миру он стал известен под именем Сунь Ятсен. Отец его был деревенским сторожем в дельте Жемчужной реки близ Макао, а старший брат поработал на рисовых полях на Гавайях. По его примеру 12-летний Сунь Вэнь поехал в 1878 г. в Гонолулу и поступил в англиканскую школу, затем окончил Колледж Оаху, где заинтересовался медициной, политикой и христианством. Старший брат не мог позволить ему соблазниться чужой религией и после ссоры забрал Вэня из колледжа и отправил на родину. Однако было поздно: Сунь Вэнь уже пережил трансформацию и в деревне предков места себе не видел. После осквернения деревянного идола их с другом изгнали, и Сунь нашел прибежище в Гонконге, где возобновил учебу. В 1884 г. американский конгрегационалистский миссионер крестил его и дал ему на мандаринском наречии имя Исянь; на кантонском его произносили Ятсен.

Когда брат Суня услышал о скандале в деревне, он вызвал его опять на Гавайи и взял клерком в свою лавку, намеренный научить уважению. Однако Вэнь вскоре занял у друзей и отплыл назад в Китай. Старший брат наконец смирился с его независимостью и показал силу характера: простил и согласился оплатить учебу. Сунь поступил в медицинскую школу в Кантоне, затем в Медицинский колледж для китайцев в Гонконге. Там завязал связи с ведущими китайскими либералами в колонии. Китайская молодежь часами слушала доктора Хо Кая, который клеймил маньчжур и призывал реформировать страну.

В 1892 г. Сунь окончил колледж, но программа не отвечала британским стандартам. Попытался открыть лавку лечебных трав в Макао, но португальские врачи добились ее закрытия, так как у Суня не было португальского диплома. Тогда он пе-

ребрался в Кантон и занялся аптечным делом. В то же время пытался собирать бомбы и подумывал основать антиманьчжурское подполье.

Революцией Сунь Ятсен был одержим еще не полностью, поэтому сделал последнюю попытку прорваться в мандаринский аппарат. Он написал письмо самому могущественному чиновнику — великому секретарю императора Ли Хунчжану. Сунь настаивал, что Китай может стать не менее сильным, чем Запад, задействовав природные таланты своих людей. В 1894 г. Сунь поехал на север в Тяньцзинь на личную аудиенцию к Ли. Во время остановки в Шанхае он встретил Чарли Суна.

В детстве Сунь Ятсен состоял в той же южнокитайской триаде — обществе Трех гармоний, — в которой была активна семья Суна на Хайнане. Познакомили их в методистской церкви. Сун и Сунь имели много общего: происходили из провинции Гуандун, говорили на одном диалекте, выучили разговорный английский, получили образование за рубежом, были христианами, хотели изучать медицину, были весьма амбициозны. При этом им было трудно двигаться вверх в конфуцианском обществе, так как они были гибридами — получившими образование на Западе крестьянами. Чарли не видел смысла в поездке Суня в Тяньцзинь, но заверил, что поможет его делу в долине Янцзы посредством Красной банды.

Надвигалась война с Японией из-за Кореи, и Ли Хунчжану было не до проекта социальных реформ крестьянина-травника с Юга. Вернувшись в Шанхай, Сунь Ятсен остановился у Чарли, который начал действовать, как обещал. Так, в номере журнала «Обзор времени» было опубликовано письмо Суня великому секретарю в виде очерка о реформах. Это был первый случай, когда взгляды Суня были обнародованы. Однако Чарли в ходе дискуссий в издательстве настаивал, что социальные реформы — дело безнадежное. Он стоял за новое политическое движение по образцу тайного общества, которое могло привести страну к революции.

В дальнейшем доктор Сунь постоянно останавливался в доме Чарли. Он устраивал в его кабинете встречи заговорщиков и стал крестным отцом его детей. Когда Сунь собирал средства и сторонников, Чарли держал его в курсе и оплачивал его расходы.

Их дружбу укрепляла китайская разбойничья традиция, изображенная в классическом романе «Речные заводи». В болотистой местности и горном логове Ляншаньбо герои-изгои создали «освобожденный район» и совершали добрые дела с долей плутовства. Историю этих благородных воров знали в Китае все. «Такие тайные общества, пиратские шайки и эзотерические секты были всегда. Однако до XVII в. они были раздроблены и боролись с предрассудками. Водоразделом стал год маньчжурского завоевания. После 1644 г. по стране раскинулась новая сеть тайных обществ, которые посвятили себя свержению маньчжур» (с. 72). Сопротивление возглавил пиратский главарь Коксинга[1]. Его восстание дало жизнь новым тайным обществам. Движение Коксинги включало мощную систему соглядатаев и подполье. После разгрома маньчжурами отряда 128 буддийских монахов-воинов в монастыре Шаолинь близ Фучжоу уцелевшие пять мастеров кунфу стали ядром нового сопротивления. Оно было организовано по образцу древних обществ и пиратских товариществ классического Китая и называлась лигой Хун по имени первого минского императора Хунъу. Многие члены лиги были представителями народно-

[1] Настоящее имя — Чжэн Чэнгун (1624–1662). Под именем Коксинга его знали голландцы. — *Здесь и далее прим. реф.*

сти хакка, ушедшими в изгнание сотни лет назад. Эти странники говорили на упомянутом диалекте чиу-чау и держались вместе.

От этих товариществ произошли две группы тайных обществ. На севере Китая, где имперский контроль был жестче, общества были больше духовными, на юге — больше воинственными. Они были смоделированы по бандам «Речных заводей» и взяли название «триады» по равностороннему треугольнику, стороны которого символизировали китайские представления о человеке, небе и земле. Триады делились на три группы — общество Неба и Земли, общество Трех точек и общество Трех гармоний. К последнему и принадлежали Чарли и Сунь. В триады шли бывшие воины, бродяги, нищие, воры, убийцы, торговцы, бродячие ремесленники, студенты. Поэтому к XIX в. триады раздробились на сотни вторичных гильдий, которые были лишь символически связаны с материнскими. Некоторые, например, общество Старших братьев, были шайками бедняков, создавшими подпольную экономику на основе контрабанды. Из этой организации вышли многие партизаны-коммунисты XX в.

«Триады привлекали авантюристов, которым был закрыт путь наверх в нормальном обществе. Через эти организации люди с амбициями могли контролировать секретные средства и незанятые людские ресурсы, обретая исключительные политические и социальные рычаги. Некоторые триады были строго патриотическими, тогда как другие использовали патриотизм для маскировки чисто преступных целей; третьи сочетали две цели, располагая как невидимой криминальной организацией “Темные нити”, над которой надстраивалась патриотическая и зримая “Светлая нить”. Такой была Красная банда Шанхая» (с. 74–75). Члены триад пользовались тайными сигналами распознавания, например, особым способом держать чашку или миску риса. Правда, если человека принимали, назад пути не было.

Когда в 1894 г. Чарли и доктор Сунь решили объединиться с горсткой других заговорщиков, они надеялись именно на потенциал триад. После поражения тайпинов многие триады отвернулись от политической деятельности. Пришла пора вновь повести их к делу, для которого они были созданы. По расчетам Суня, по всей стране насчитывалось 35 млн. членов тайных обществ (с. 75). Он дал понять, что намерен посвятить жизнь свержению маньчжур и созданию «Азии возможностей». Чарли Сун стал одним из основателей подпольного движения.

В 1894 г. был составлен заговор. Планировалось захватить Кантон, на его базе создать армию и отвоевать у маньчжур всю страну. В августе началась война с Японией, но Сунь еще не был готов. Он уехал на Гавайи и вербовал людей для нового общества «Возроди Китай». В условиях поражения Цинской империи в Корее заговорщики надеялись на успех. Правда, они целиком зависели от наемников-головорезов.

В октябре 1895 г. один из членов партии Суня, Чу Чи, написал черновик военной прокламации. Этим он поставил под угрозу всю семью, так как если бы переворот не удался, наказан был бы весь клан. Старший брат Чу, который, согласно традиции, отвечал за безопасность семьи, донес властям. Правда, кантонские власти лишь посмеялись: никто не верил, что Сунь Ятсен — нечто большее, чем безобидный дилетант и эгоцентрик. Но возникла оплошность в Гонконге. Наемники заспорили, кому достанется лучшее оружие, и пока ссорились на пристани, паром

отплыл без них. Когда днем позднее они всё же отплыли, гонконгская полиция уже знала о заговоре и предупредила кантонские власти. В порту судно с наемниками ждал сильный отряд, и многих арестовали. Была устроена облава по городу, и Сунь бежал в Макао. Несколько его близких товарищей были казнены. Заговор провалился, но Сунь в одночасье стал знаменитостью — признанным поборником антиманьчжурского дела. В течение следующих 16 лет он будет находиться в розыске и жить в изгнании. В денежных делах он станет зависеть от Чарли Суна, а в подготовке революции — от других лидеров партии.

Бежав в Японию, Сунь стал выглядеть как японский дипломат: отрезал косу, оделся в строгий костюм и отрастил усы. В 1896 г. он в третий раз достиг Гавайев, куда уже перебралась его семья. Намеренный искать поддержки у китайских общин в материковой части США, Сунь вступил в еще одну кантонскую триаду — американское крыло общества Чи Кун Тон. Благодаря владению боевыми искусствами ему дали высокий ранг «красной дубинки». После Америки Сунь приехал в Англию к своему другу доктору Кэнтли. В Лондоне он слишком понадеялся на новую внешность и не устоял перед соблазном зайти в посольство собственной страны, где вступил в беседу с каким-то студентом. На следующий день переводчик посольства завлек Суня внутрь здания, и его схватили. Сунь бросал из окна записки — тогда окно заколотили. Пытался подкупить английского носильщика посольства, но безуспешно. Однако носильщик проболтался об узнике английской экономке посольства, и та известила Кэнтли. Последний организовал кампанию в прессе, и Форин-офис организовал освобождение узника.

Похищение принесло Суню мировую известность. В многочисленных интервью он скрывал, что виноват в происшествии сам, и настаивал, что был захвачен. Со временем рассказ Суня о похищении стал мифической пропагандой, а после его смерти систематическая программа обожествления подняла его образ до уровня бога. Сунь Ятсен стал первым современным политиком Китая.

В 1897 г. он отплыл в Японию, которая на несколько лет сделалась его базой операций. Там Сунь обзавелся покровителями, спонсорами и товарищами по заговору из числа японских политиков. Они видели в Суне средство свергнуть имперское правительство Китая и выдворить из Восточной Азии западные державы. Через несколько лет эти люди создадут ультрапатриотическое общество Черного дракона и бросят Японию в военную авантюру.

За следующие восемь лет Сунь совершил еще ряд неудачных попыток восстания. Теперь он был изгнанником не только в Китае, но и в Гонконге, поэтому был вынужден действовать через тайных политических агентов. Сунь создавал революционные ячейки в китайских городах и строил партийную организацию. Все финансовые отчеты и списки членов хранил Чарли Сун, который совершал вложения, чтобы приумножить партийный фонд, и организовывал регулярные встречи с другими лидерами у себя в издательстве. Их кампания сильно зависела от распространения революционной литературы, которую тайно печатали в его «Сино-американской прессе».

Новый импульс делу Суня дало унижение Китая Западом после восстания боксеров 1900 г. В Японию потянулись разгневанные китайские студенты, намеренные получить как образование, так и военную подготовку. Они-то и сформирова-

ли ядро более радикальной революционной силы. Многие из них собрались вокруг Суня. Последний в 1905 г. убедил руководителей конкурентной антиманьчжурской группировки объединиться в Партию союза (Тунмэнхой). Эта организация впервые объединила членов тайных обществ с радикальными интеллектуалами и студентами. На учредительную конференцию в Токио приехал Чарли Сун. Поскольку у него были связи с состоятельными людьми в Америке, было решено отправить его за миллионами.

После первого кантонского восстания издательское дело Чарли продолжало идти в гору. Иностранцам он стал известен как «Чарли Сун, издатель Библии». Вместе с другими инвесторами он учредил «Коммерческое издательство Шанхая», которое печатало западные учебники и выпускало массовые тиражи. Империя Чарли охватывала многие товары от политических листовок и Библии до инженерных текстов, шедевров китайской литературы и лапши. Под влиянием Карра Чарли вкладывал в табачные и хлопчатобумажные фабрики. К 1904 г. он скопил немалое состояние, и оно пошло на революцию.

Из западных друзей о революционной деятельности Чарли знали немногие. Впрочем, в виде предосторожности он купил португальский паспорт и утверждал, будто родился в Макао. Это позволило бы ему при необходимости найти убежище в США. В 1905 г. Чарли прибыл в Сан-Франциско, где его приветствовали члены общества Чи Кун Тон. Позднее эта триада стала одной из мишеней расследования казначейством США наркоторговли, но тогда опиум продавался легально, а героин еще не был изобретен. В Дареме Чарли навестил Карра, который к тому времени владел крупнейшей в мире трикотажной фабрикой. В беседах со своим благодетелем и другими старыми друзьями Чарли упирал на необходимость избавить Китай от деспотизма, что, помимо прочего, даст шанс расцвести христианству. Хотя позднее личный секретарь Карра Т.М. Горман не обнаружил документов о передаче Карром Чарли средств, он был убежден, что тот получил значительную сумму.

«Когда визит Чарли в Дарем окончился, он поехал на север поездом в Нью-Йорк и исчез из вида. У него было дело среди заморских китайцев: собирать средства лучше осмотрительно. Чарли передвигался как крупный карп в илистой реке, оставляя на поверхности мало ряби, которая свидетельствовала о его появлении и исчезновении, — но никаких других следов» (с. 90). Путь ему проложил свояк Вэнь. Последний сыграл в революции любопытную роль. Официально он был советником вдовствующей императрицы по образованию — но вел двойную жизнь. Как и его двоюродный брат Ню, он открывал двери для Чарли Суна, а значит, и для республиканских заговорщиков. Будучи представителями шанхайского правящего слоя, Вэнь и Ню занимали позиции сродни таковым немецких банкирских семей Фуггеров и Вельзеров, которые финансировали испанское завоевание Нового Света.

Вернувшись в Шанхай, Чарли внес в казну Тунмэнхой более 2 млн. долларов (с. 91). В благодарность за успешную поездку его официально назначили казначеем партии. Что касается Суня, то он постоянно переезжал из страны в страну в связи с дипломатическим давлением Драконьего трона. В 1907 г. правительство Японии выдало Суню сумму денег и вежливо попросило уехать. Он перебрался в Индокитай, где агитировал китайские общины Ханоя и Сайгона. Французские власти благоволили к Суню, так как получали крупную прибыль от опиумной торговли с

Китаем и поддерживали связи с тайными обществами на территории французской концессии Шанхая. Китайско-французские «карманные армии» передвигались по верховьям Красной реки и Меконга, провозя контрабандой товары и закупая у горцев опиум-сырец.

Сунь увидел в этих отрядах средство давить на маньчжурский режим и, возможно, отнять у него часть провинций Гуанси или Юньнань. После серии стычек «одолженные» Сунем солдаты заняли немного маньчжурской территории, но китайский гарнизон контратаковал и преследовал отряд Суня вглубь Вьетнама. Результатом стал инцидент между Китаем и Францией. Хотя Китай заплатил компенсацию, французы просили Суня покинуть Ханой. Однако в Сингапуре и затем в Бангкоке он вновь создал проблемы.

Когда это было выгодно, Сунь «изобретал правду» и имел при себе всевозможные заверенные документы, включая «аффидевиты» «свидетелей», утверждавших, будто знают его с тех пор, как он «родился» на Гавайях. Сунь часто и цветисто лгал и вообще был политическим хамелеоном. Чарли критики Сунов изображали как оппортуниста, который видел в Сунь Ятсене средство добиться власти и престижа. Критики были неправы: Сун был менеджером Суня, они зависели друг от друга, а когда пути их разошлись, в проигрыше остался Сун.

В 1894 г. Гуйчжэнь родила первого сына, которого назвали Цзывэнь (Tse-ven, стал известен по инициалам Т.В.), по-христиански — Павел. В 1897 г. родилась третья девочка, которую назвали Мэйлин (Прекрасное настроение). За ней последовали еще два мальчика — Цзылян (Т.Л.) и Цзылян (Т.А.). С рождением последнего ребенка госпожа Сун стала набожнее. В доме каждый день читались молитвы, детям запрещали танцевать и играть в карты. Изменение в характере матери отразилось на личностях детей: первые четверо были полны жизни, а двое последних — покорны и настороженны. Связано это было во многом с отцом. Первых детей Чарли поощрял и баловал, но ко времени рождения двух последних сыновей стал слишком занят. Он делался миллионером и исполнительным секретарем революционной партии.

Любимицей отца была Айлин. Она была коренастым сорванцом, но остроумна и жива, обладала природной хитростью, которую подпитывал отец, беря всюду с собой, показывая механизм функционирования издательства, мучной фабрики и других предприятий.

Пяти лет Айлин заявила, что готова к школе. Мать подняла ее на смех, но Чарли отвез дочь к директору женской школы Мактайра Хелен Ричардсон. Это была самая модная и привилегированная школа в Шанхае, названная по епископу Мактайру, который некогда попортил Чарли жизнь как миссионеру. Директор согласилась принять Айлин как особую ученицу и взялась учить ее сама.

После двух лет индивидуальных занятий Айлин была готова к обычным урокам в классе. В 1900 г. к ней в школе присоединилась сестра Цинлин, которой исполнилось семь. В отличие от властных сестер она была мягкой и располагала к себе.

Домом управляла сильно избалованная Мэйлин. Она была такой пухлой, что ее прозвали «Маленький фонарь». Эгоистичная, она в то же время почитала старшую сестру Айлин и выполняла все ее просьбы. Сначала она последовала за сестрами в школу Мактайра, но ее пришлось вернуть из-за постоянных ночных кошмаров и нанять учителя.

Из сыновей Чарли единственным, кто пользовался его особым вниманием, был Т.В. Он походил на Айлин: пусть не был столь жесток или целеустремлен, зато был крепок и агрессивен. Он обладал даром распознавать притворство и — в отличие от Айлин — чувством юмора. Поскольку методистской школы для мальчиков не было, несколько лет Т.В. учили дома. Затем его отправили в среднюю школу Сент-Джон — англиканское учебное заведение в Шанхае.

В 1904 г. Чарли послал 13-летнюю Айлин учиться в США. Незадолго до этого в Шанхай из Синьцзяна был переведен миссионером однокурсник Чарли по Университету Вандербильта Уильям Бёрк. Близким другом последнего был президент Колледжа Уэсли в Мейконе (Джорджия) судья Дюпонт Герри, который был готов принять китаянку. Чарли отправил Айлин в США с семьей Бёрков, но из Иокогамы она добиралась до США одна, так как Бёрки осталась в Японии из-за болезни жены Уильяма (вскоре она умерла). На том же судне «Корея» плыл американский журналист Джек Лондон, ездивший освещать русско-японскую войну. По прибытии в Сан-Франциско иммиграционный чиновник придрался к португальскому паспорту Айлин (решил, что она пытается въехать в США нелегально), и 19 дней ее держали на судне. Затем доктор Кларенс Рэйд, который проводил свадебную церемонию Чарли, добился ее освобождения.

В Мейконе судья Герри поселил Айлин у себя. Ученицей она была серьезной; была сдержана и неулыбчива. Регулярно переписывалась с отцом, который советовал книги по китайской истории. Его влияние удерживало Айлин «на китайской почве», в то время как она претерпела поверхностные изменения, чтобы приспособиться к американской среде. Однако ее внешность была обманчива: когда один преподаватель отметил, что она стала «доброй американской гражданкой», возмущенная Айлин напомнила ему, что она китаянка и гордится этим. В 1906 г. она съездила в Вашингтон к дяде Вэню, которого императрица прислала в США в составе комиссии по образованию. Айлин сопровождала дядю на прием в Белом доме, где была представлена президенту Теодору Рузвельту. Тот спросил, что она думает об Америке. Девочка отвечала, что Америка прекрасна, но не понимает, почему ее называют свободной страной, и поведала о том, как приняла ее страна прошлым летом. Президент удивился и пробормотал, что сожалеет. В Нью-Йорке Айлин повидалась с отцом, который приезжал к Карру в Дарем.

Получив диплом, Айлин вернулась в Шанхай. В кабинете Чарли для нее был готов письменный стол — и еще один в его печатной лавке на улице Шаньдун. Айлин предстояло стать англоязычной секретаршей Сунь Ятсена: она должна была разбирать его корреспонденцию, шлифовать его речи и декларации, шифровать сообщения, которые ему посылали. Это позволяло Чарли сосредоточиться на функциях казначея революции.

Повидавшись с Айлин в 1906 г. в Нью-Йорке, Чарли с Вэнем поехали в Саммит (Нью-Джерси) в школу мисс Клары Потвин. По его просьбе директор этой школы приняла на следующий год двух младших дочерей. Чарли переживал турбулентный период жизни, его обнаружение было вопросом времени, и выбором было бежать или быть арестованным и казненным. Старший сын Т.В. оканчивал школу Сент-Джон и готовился поступить в Гарвард. В 1907 г. Вэнь привез Цинлин и Мэйлин в США. Они жадно читали, хотя младшая тосковала по дому. Обе сестры про-

были в Джорджии пять лет. Правда, Мэйлин официально училась в колледже лишь год; остальное время правила нарушали или переписывали ради нее. Мэйлин считали развитой не по годам. Она была активна и озорна. Студенткой она оказалась не очень усидчивой; это скорее справедливо в отношении Цинлин. Последняя размышляла о событиях на родине и о морали революции, которой были одержимы ее отец и Сунь.

Согласно китайской традиции, каждая династия приходила к власти, когда получала Мандат Неба, и теряла власть, когда он был утрачен. В начале XX в. маньчжуры наконец утратили Мандат Неба. В 1908 г. умерла вдовствующая императрица (возможно, от яда). Прямо или косвенно она правила Китаем полвека, хладнокровно убирая всех, кто осмеливался бросить ей вызов. Когда Цинлин в Мейконе узнала о смерти императрицы, несколько дней она тайно праздновала. Однако атмосфера злобы и коррупции в Китае не рассеялась. Власть наследовал внучатый племянник покойной Пу И. Регентом стал его отец князь Чунь, но он был слаб. Единственный сильный человек в правительстве, военачальник Юань Шикай, был отстранен от должности. Всё это оставило Китай без эффективного лидерства. Сунь Ятсен собрал новые средства у заморских китайцев в США и Канаде и в 1910 г. опять пытался захватить власть. То была девятая попытка с 1895 г. Как и предыдущие, восстание было организовано худо, но в ряды восставших впервые дезертировало большое количество имперских солдат. Присоединялись также землевладельцы и купцы: недовольство правительством охватывало всё новые слои.

Сунь Ятсен отправился из Сингапура в новое турне по Европе и Америке, произносил речи и собирал средства ради будущей республики. В апреле 1911 г. в Кантоне произошло новое выступление: 130 революционеров, вооруженных пистолетами и самодельными бомбами, напали на резиденцию *ямэня* (генерал-губернатора). Их выступление подавили, но 10 октября того же года поднялся гарнизон в Ухане в низовьях Янцзы. Руководители выступления не были связаны с триадами и партией Суня, но спонтанно сделали то, чего за годы попыток не делал никто: основали временное республиканское правительство. В течение следующих недель провинция за провинцией присоединялись к мятежникам, объявляя независимость от власти маньчжур. Последние призвали Юань Шикая, но он ждал истощения обеих сторон. Британия дала понять, что Драконий трон не поддержит; за ней выстроились другие державы. Их нейтралитет привел маньчжурскую династию к гибели. Правда, отказом поддержать республиканцев Британия вверила судьбу Китая Юань Шикаю. Это обрекло страну на еще один период деспотизма и смуты.

Когда произошла революция, Сунь Ятсен находился в Денвере (Колорадо). Он поспешил в Вашингтон, где попытался получить аудиенцию у госсекретаря Ф. Нокса, но неудачно. Тогда отплыл в Лондон, где постарался заручиться поддержкой Британии, обещав предоставить преференции и поставить китайский флот под начало британских офицеров. Однако Форин-офис давно решил, что Сунь — пустозвон.

Из-за неудач важнейшие политические соперники Суня не принимали его всерьез, но его авторитета революционера это не уменьшало. Сторонники считали, что на свержение маньчжур страну вдохновил именно он. По прибытии в Шанхай в декабре 1911 г. Суня приветствовали толпы сторонников. Совещаться с помощниками он поехал прямиком в дом Чарли. Делегаты освобожденных районов собрались в

старой минской столице Нанкине на Янцзы, который предложили в качестве столицы республики. Чарли с Айлин сопровождали туда Суня, и его единогласно избрали временным президентом республики. Вскоре Чарли отправил Цинлин в США один из первых пятиполосных флагов республики. (Красная, желтая, синяя, белая и черная полосы символизировали соответственно маньчжур, ханьцев, монголов, мусульман и тибетцев.)

Однако через месяц Сунь подал в отставку, так как реальная власть оставалась в Пекине в руках Юаня. Партия Суня не была готова к революции. Сам он по-прежнему смотрел на восстание в Ухане как на случайность. В попытке объединить республиканские фракции была организована националистическая партия Гоминьдан. Однако ситуации она не контролировала.

К сентябрю Сунь работал в качестве директора национальных железных дорог и разъезжал по Китаю в бывшем вагоне Цы Си. Наступило время разочарования, дело шло к диктатуре. Цинлин в Мейконе ясно видела, что реальной революции еще не произошло. Ее отец по настоянию Суня был назначен казначеем железных дорог и часто ездил вместе с ним. Айлин по-прежнему работала секретарем Суня. То была ошибка: Чарли и его семью впервые стали отождествлять с Сунем публично, что было опасно. Однажды Сунь попросил у Чарли руки Айлин. Тот был шокирован и отказал, хотя вскоре они сотрудничали как ни в чем не бывало.

Юань Шикай между тем собрался объявить себя императором и не хотел делиться властью. Гоминьдан с большим отрывом выигрывал выборы, и Юань начал подсылать убийц к союзным этой партии лидерам. Республиканцы запоздало поняли, что происходит, и в 1913 г. губернатор провинции Цзянси объявил независимость от Пекина, а Сунь осудил Юаня и был отправлен в отставку. Началась «вторая революция».

К этому времени из США вернулась окончившая обучение Цинлин. Вскоре Юань приказал арестовать и казнить Суня, и доктор бежал в Токио. Чарли Сун решил, что будет уместным тоже покинуть Китай со всей семьей. Они сели на пароход, которым владела Красная банда, и отплыли в Кобе. Суны стали политическими беженцами.

В Токио Чарли познакомился с 33-летним уроженцем Шаньси Куном Сянси. Его семья напрямую происходила от Конфуция и была исключительно богата благодаря сети ломбардов по всему Китаю. Кун обратился в христианство, а во время боксерского восстания убедил западное командование не наказывать Шаньси сурово из-за убийства миссионеров (средством убеждения стали репарации и концессии). Кун учился в колледже в Огайо и поддерживал Сунь Ятсена. Он просил руки Айлин, и весной 1914 г. они поженились в Иокогаме.

Функции секретаря Суня перешли к Цинлин. Она верила в революцию, и они с Сунем полюбили друг друга. Чарли вновь был против брака дочери и неожиданно забрал семью назад в Шанхай, где купил особняк на территории французской концессии. Суны объявили помолвку Цинлин с молодым человеком из хорошей семьи. Отец заточил Цинлин в спальне, но та выбралась из окна по приставной лестнице и уплыла в Кобе. Для китайской девушки из респектабельной семьи это было нарушение не только дочерней почтительности, но и базового кодекса семейного поведения. На следующий день после приезда Цинлин они с Сунем поженились. При

этом 50-летний Сунь не развелся с первой женой, а просто говорил всем, что считает себя разведенным. Если бы он был конфуцианцем, взять вторую жену было бы приемлемо — при условии одобрения старейшин клана. Однако для христианина это было двоеженство. Чарли приехал в Иокогаму, но было поздно: церемонию уже провели. Согласно рассказу Цинлин, ее отец обвинил Суня в предательстве дружбы, а ей заявил, что отказывается от нее. Не менее шокирована была и семья Суня.

Мэйлин и Т.В. учились в это время в США и не питали большого интереса к делам Китая или революции. Когда Цинлин окончила Уэсли, Мэйлин перевелась в колледж Уэлсли в Массачусетсе, где была рядом с братом, учившимся в Гарварде. Увлекалась английской литературой, особенно Артуровым циклом, играла в баскетбольной команде класса.

Когда в 1917 г. Мэйлин вернулась в Шанхай, скандал с ее сестрой и Сунем улегся. Младшая сестра сразу сделалась знаменитостью. Вскоре навестить Суна приехал из Америки Карр, совершавший после смерти жены кругосветное путешествие. Цинлин с Сунем тоже жили теперь во французской концессии, и Карра китайские националисты принимали все вместе ввиду его важной роли в финансировании революции.

Третьего мая 1918 г. Чарли Сун умер в возрасте 52 лет от рака желудка. Долго он не болел, поэтому возможно отравление. «Когда кто-то умирал, было обычным публиковать скучные некрологи — но о Чарли Суне, похоже, ни одного некролога опубликовано или распространено не было. Хотя его некогда восхваляли за то, что он деньгами проложил путь доктору Суню, сразу после смерти имя Чарли исчезло с уст и было возрождено только, когда его дети пришли к власти. По сути, политически он перестал существовать в тот момент, когда стал возражать на брак Цинлин. Политическим сторонникам Суня пришлось защищать доктора от осуждения со стороны Чарли, и последний автоматически перестал быть героем движения; когда он умер, воздавать ему почести было невозможно. В результате роль Чарли Суна в революции историки игнорировали. В момент смерти Чарли доктор Сунь вновь безуспешно пытался получить плацдарм далеко на юге в Кантоне. Для него это был неподходящий момент, чтобы миру напоминали, сколь многим он обязан другим» (с. 143). Если Чарли отравили не враги, то друзья: вероятно, умер он от разбитого сердца.

После смерти отца Мэйлин и Айлин занялись «разбором» его личных бумаг — которые впоследствии так и не были найдены.

В Шанхае бурно развивалась промышленность. После Первой мировой войны европейские и американские фирмы вернулись в город, где несколько потеснили китайские, но в целом иностранные и местные купцы существовали в симбиозе, грабя остальной Китай. Среди китайских предпринимателей было модно рассуждать о национализме, не вкладывая в него смысла. Меньше всего они хотели перерезать свою иностранную «пуповину». Благодаря экстерриториальности Международного сеттльмента и французской концессии китайцы действовали там свободно, занимались любой нелегальной деятельностью, получали необлагаемые налогом прибыли. В мире не было другого такого места, как Шанхай, и они не собирались его терять. Город расширялся, на месте маленьких зданий XIX в. выросли каменные башни банков, появились резиденции международных нефтяных компаний

и особняки тайпанов. Возникли первые китайские универмаги, а Нанкинская улица сверкала ночью, как Бродвей.

У процветания была обратная сторона — долгий рабочий день, низкая зарплата и тяжкие условия жизни фабричных рабочих. «Для Китая в целом изгнание маньчжур не сделало жизнь лучше. Если на то пошло, она стала хуже. Вместо центрального правительства, как бы его ни презирали, Срединная империя разбилась на осколки под властью военачальников и милитаристов. Стычки между их частными армиями разоряли сельскую местность. Крестьянское хозяйство рухнуло. Рис и пшеницу приходилось ввозить, что сильно обогащало предпринимателей, которые делали запасы, чтобы поднять цены. Голод поставил людей на колени; они ели кору с деревьев и умирали на городских улицах и проселочных дорогах. Ходили слухи, что на рынках продают человечину» (с. 145).

В 1918 г. еще не было китайской компартии и не был изобретен термин «фашизм». Однако начиналась идеологическая поляризация. Когда Китая достигли вести о том, что по Версальскому мирному договору Япония получает в Китае большие привилегии (уступка со стороны президента США В. Вильсона), 4 мая 1919 г. возникли студенческие беспорядки. Под давлением движения 4 мая пекинское правительство уволило прояпонских министров. Предприниматели успокоились, но студентов и интеллектуалов это не удовлетворило. Движение 4 мая было направлено не только против иностранных держав, но и против любых китайцев, которые с ними сотрудничали. В китайской революции это было что-то новое, и купцы и тайные общества забеспокоились.

Лидером интеллектуального авангарда страны стал декан филологического факультета Пекинского университета Чэнь Дусю. Он издавал журнал «Еженедельная критика», осуждал диктатуру Юаня, уволился и уехал в Шанхай. Под влиянием большевистской революции в России группа Чэня решила основать компартию, в чем была поддержана агентом Коминтерна Григорием Войтинским. В июле 1921 г. в прогулочной лодке на Южном озере Шанхая 13 делегатов основали Коммунистическую партию Китая (КПК). Одним из них был молодой Мао Цзэдун. Сначала делегаты собрались в школе, но спешно покинули ее из-за подозрительного незнакомца на улице. Это был соглядатай Зеленой банды — нового преступного синдиката, который вскоре стал самой антикоммунистической силой в Китае.

Возглавлял Зеленую банду Ду Юэшэн (1888–1951). В юности он вступил в Красную банду, выдвинулся благодаря уму и энергичности, легко заводил друзей и был щедр. Однажды он предложил соперничающим бандам объединиться в опиумный картель, чтобы диктовать цены. Лидер Красной банды Рябой Хуан позволил Ду провести переговоры с одними главарями и подстроить убийства других. Так Большеухий Ду стал главарем Зеленой банды, и сформировалась тройка: Хуан, Ду и главарь Синей банды Чан Сяолинь. «Убедив» лидера триады Трех гармоний Вон Суя присоединиться к картелю, Ду получил рычаги в Международном сеттльменте. Постепенно Зеленая банда вытеснила почти все другие триады на своей территории. Ду сказочно разбогател; одно время его состояние, по умеренной оценке, превышало 40 млн. долларов (с. 151). Ходили легенды о том, как Ду помогал вдовам и сиротам, выручал обездоленных. Вместе с тем был у него талант внушать страх. Формально главой тройки оставался Хуан, но реальным кукловодом Шанхая был

Ду. Он контролировал большое число рабочих, приводил к покорности директоров компаний.

У Ду были дела с мужем Айлин Куном. Ресурсы банковской империи Куна, рычаги семьи Сунов и сила Зеленой банды объединились. С 1916 по 1940 г. эти силы осуществили серию инвестиций и захватов. Христианский образ клана Сунов, которые к тому же учились в колледжах, магически действовал на иностранцев, а темные дела Большеухого Ду запугивали китайцев, которые могли оказаться несговорчивыми. Если кому-то было неясно, Ду присылал свое обычное предупреждение — разукрашенный китайский гроб.

Одним из хороших знакомых Ду был молодой бандит Чан Кайши (1887–1975). Родился он в провинции Чжэцзян в семье торговца солью и был сыном его третьей жены. Отец умер рано, из-за вспыльчивости мальчик был объектом насмешек в деревне. Он вырос, чередуя приступы плача и неконтролируемого гнева с долгими периодами ухода в себя. Однажды, когда какой-то крестьянин бежал, не заплатив рисового налога, молодого Чана притащили в суд и угрожали тюрьмой, если он не найдет денег на погашение долга. Деньги он нашел, но был возмущен несправедливостью и назвал ее «первой искрой, которая запалила мой революционный огонь» (с. 153).

В 18 лет Чан уехал в город Фэнхуа и поступил в скромную школу Павильон литературы, где обнаружил классический трактат Сунь-цзы «Искусство войны» IV в. до н.э. Автор учил, что ум и обман выше грубой силы. Школьный учитель приобщил Чана к числу последователей конфуцианского ученого сунской эпохи Чжу Си, который предписывал самоотречение и самодисциплину. Под влиянием Сунь-цзы Чан выбрал карьеру военного. В 1906 г. он покинул Павильон литературы и вскоре уехал в Японию обучаться военному делу.

Правда, по приезде Чан обнаружил, что японские военные академии принимают китайских студентов только с рекомендацией маньчжурского правительства. Однако прожил в Японии полгода и окунулся в атмосферу революционных кругов. Покровителя Чан нашел в лице одного из самых динамичных сторонников Суня — Чэнь Цимэя, члена Зеленой банды из Шанхая. С его помощью Чан обошел проблему рекомендации: сдал экзамен на кандидата в армейскую школу в провинции Хубэй. Проучившись в 1907 г. в этой школе, Чан получил официальное разрешение отправиться на военную подготовку в Японию. Там он вступил в Тунмэнхой. На летние каникулы Чан возвращался навестить мать, затем вместе с Чэнем участвовал в Шанхае в вооруженных грабежах и убийствах. Эти нападения объединяли революционеров и бандитов до такой степени, что они были неразличимы. Окончив академию, Чан начал полевую подготовку в рядах японской армии.

Когда в октябре 1911 г. в Ухане вспыхнуло восстание, Чан спешно вернулся в Шанхай и был поставлен командовать тремя тысячами боевиков Зеленой банды, которых предоставил революционерам Рябой Хуан. Эта банда захватила арсенал и взяла контроль над городом.

Чан Кайши обзаводился важными политическими и преступными контактами, которые пригодились ему позднее на пути к власти. Так, сдружился он с одним из приближенных Большеухого Ду, Чжан Цзинцзяном — банкиром и международным торговцем китайским антиквариатом (поэтому его прозвали Чжан-антиквар).

Из-за болезни ноги этот зловещий миллионер хромал, и французы в Шанхае называли его Квазимодо.

В 1915 г. Чан и Чэнь Цимэй были вынуждены бежать в Японию, спасаясь от полиции Юань Шикая, но неоднократно возвращались в Шанхай, устраивая мятежи, грабежи и убийства. Чэнь был избран председателем Центрального комитета Гоминьдана, но в 1916 г. одному из подосланных Юанем убийц удалось застрелить его. Чан взял под крыло племянников убитого — Чэнь Гофу и Чэнь Лифу. Оба быстро продвигались по иерархической лестнице Зеленой банды и оставались близкими к Чану на протяжении всей жизни. В конце концов братья Чэнь сделали свой клан вторым в Китае после Сунов. Через несколько недель Чан, должно быть, испытал некоторое утешение, когда от уремии умер диктатор Юань.

Вследствие убийства своего покровителя Чан поднялся до одного из ближайших соратников Сунь Ятсена. Осенью 1917 г. Сунь и Цинлин решили, что «вторая революция» будет успешнее, если они создадут новую базу в Кантоне, который уже находился в руках отложившегося от Пекина милитариста Чэнь Цзюнмина. Чан был назначен личным военным советником Суня и начальником отдела полевых операций Гуандунской армии. Она была небольшой, и Сунь, как обычно, нанял людей у милитаристов, триад и бандитских главарей. Однако он нуждался в настоящей армии, которую следовало подготовить самому, а это требовало крупных средств в виде иностранной помощи.

Чан Кайши в 1921 г. развелся с первой женой, бросил наложницу и женился вторично. Однако через месяц познакомился с Мэйлин и заявил Суню, что хочет сделать ей предложение. Правда, Цинлин возмутилась, зная репутацию Чана.

Весной 1922 г. Цинлин и Сунь едва не были убиты собственным командующим. К этому времени южная республика Суня на деле была городом-государством тайного общества в Кантоне, границы которого зависели от неустойчивой лояльности милитаристов в соседних провинциях. Генерал Чэнь заботился о сохранении этой республики, тогда как Сунь был охвачен мечтой объединить весь Китай. Поэтому административную ответственность он переложил на группу некомпетентных льстецов. Гуандун погрузился в хаос, а Кантон кишел бандитами. Было договорено, что в Северный поход армию поведет сам Сунь, а Чэнь «присмотрит» за Кантоном. Когда Сунь уехал, генерал установил контроль над городом, и между ними возникло прямое противостояние. Сунь воззвал к Чану; тот откликнулся не сразу, но всё же приплыл на канонерке. На помощь Суню его послали правые приятели в Шанхае, так как лучше самого Чана видели, что для него это редкий шанс попасть в высшие эшелоны Гоминьдана. Чан вывез Суня и его жену в Шанхай. Начиналось его быстрое возвышение.

В Кантоне люди генерала Чэня сожгли дом Суня и захватили его бумаги, которые показывали, что доктор собирался просить помощи у Советской России. Его письма были опубликованы в гонконгской газете Telegraph и вызвали сенсацию в консервативных кругах заморских китайцев. Забеспокоились и в Бюро расследований (предшественник ФБР) в Вашингтоне. Там опасались международного еврейского заговора с целью обрушить промышленный порядок через создание профсоюзов. Директор Бюро Уильям Бёрнс запросил военную разведку о Сунь Ятсене и хотел знать, не еврей ли он или не имеет ли поддержки международных еврейских кругов.

Большевикам не удалось вызвать мировую революцию, поэтому они были готовы на щедрые жесты. Их отказ от концессий царской России произвел на китайцев впечатление. В 1922 г. в Пекин прибыла дипломатическая миссия во главе с А.А. Иоффе. Идеи Суня большевики считали утопическими и реакционными, но ценили потенциал Гоминьдана. В январе 1923 г. Сунь и Цинлин приняли Иоффе дома за обедом. Дипломат убедил доктора, что СССР не имеет притязаний в Китае, так как «надлежащие условия» коммунистической революции в этой стране еще не сложились. Несмотря на это, СССР обещал, что будет финансировать и поддерживать Суня и Гоминьдан в новой попытке взять власть. Условием помощи были восстановление контроля Суня над своей базой в Кантоне и принятие в ряды Гоминьдана членов КПК.

К счастью для Суня, на помощь ему пришли соседние милитаристы Юньнани и Цзянси. Вместе с остатками войска Суня они осадили Кантон, и генерал Чэнь бежал в Гонконг. Сунь с Цинлин вернулись в город, и первое условие Москвы было выполнено.

В октябре 1923 г. в Кантон приехал эмиссар Ленина Михаил Маркович Грузенберг (Бородин) — главный агент Коминтерна в Китае. Ему предстояло реорганизовать Гоминьдан в централизованную организацию, а также оплатить, обучить и вооружить мощную армию, которая изменила бы баланс сил в стране. Бородин уже посылался Лениным с миссиями в Швейцарию, Ригу и Швецию, после ареста в 1906 г. уехал в Лондон и Чикаго, в 1920 г. был назначен советским консулом в Мехико, во время забастовки шахтеров в Британии в 1921 г. был отправлен в эту страну агитатором.

По замыслу ЦИК Коминтерна, китайские коммунисты должны были не объединиться с Гоминьданом, а координировать с ним действия и постепенно стать центральной силой национальной революции. Между тем генерал Чэнь вновь подступил к Кантону, и Сунь собрался бежать. Бородин завербовал отряд коммунистов-добровольцев, который атаковал врага с яростью, совершенно чуждой традиционному военному искусству Китая. Чэнь был ошеломлен и бежал. Победой Бородин завоевал доверие Суня, и они стали обсуждать стратегию. Бородин нашел Суня таким, каким его характеризовал Ленин, — наивным. По его мнению, Сунь был просто «просвещенным маленьким сатрапом», который видел себя «героем», а всех остальных — «толпой».

Чан Кайши начал проявлять интерес к СССР еще в 1920 г., вероятно, по инициативе Ду и Чжана-антиквара. В августе 1923 г. Сунь отправил его в Москву. Там Чану, вопреки ожиданиям, не понравилось, но политически его визит был успехом для Гоминьдана. Он выступил на заседании ЦИК Коминтерна, посетил части Красной Армии и Кронштадт. Было несколько бесед с Троцким, который заверил Чана, что Россия предоставит освободительным движениям максимальную моральную и материальную помощь, но не будет вмешиваться в политическую жизнь других стран через отправку войск. По возвращении в Китай Чан предостерег однопартийцев от доверчивости в отношении Кремля. Он опасался, что РКП(б) собирается затянуть земли маньчжур, монголов, мусульман и тибетцев в советскую орбиту и даже имеет виды на собственно Китай. Однако знал, что визит в Россию сделал его уникальным среди гоминьдановцев.

Вскоре Чан получил от Суня долгожданное предложение возглавить создаваемую Гоминьданом военную академию Вампу. Российские советники и китайские коммунисты пытались навязать Чану свое видение учебного плана и управления школой. Тогда он уехал обратно в Чжэцзян и написал Суню, что причина отъезда — фракционная борьба из-за «новых влияний» в Гоминьдане. Чан настаивал, что партия не должна отказываться от централизованности, назвал многих партийцев льстецами и оппортунистами, а себя — действительно лояльным сторонником Суня. Последний уступил и согласился поддержать Чана в Вампу.

«Всегда опасно считать, будто слишком большую роль в событиях играет заговор, — не потому, что заговора нет, а потому, что события нельзя контролировать так плотно. В случае не характерного для Чан Кайши броска на канонерке спасти Суня, его особенного визита в Россию, который сочетал любовь и ненависть, и его напористого желания стать военным начальником Вампу существует по меньшей мере зримая нить заговора. Какими бы криворукими они иногда ни были, консервативные члены руководства ГМД[2], особенно правые приятели Чана в Шанхае, были встревожены креном доктора Суня в сторону Москвы и вхождением левых и членов Китайской коммунистической партии в ряды ГМД. Почти несомненно, что они напрямую влияли на Чана, побуждали, поддерживали и вели его в этот ключевой период… Он был кошачьей лапой шанхайских правых» (с. 185–186).

В мае 1924 г. Чан получил подтверждение как начальник военной академии Вампу и начальник штаба рождающейся гоминьдановской армии. Русские советники имели приказ Бородина не рисковать из-за Чана, поэтому не возражали. Не блокировав его назначение, они совершили роковую ошибку. Бородин не понял характерной для китайцев силы связи ученик – учитель. По традиции китайцы абсолютно лояльны в первую очередь своей семье, во вторую — свойственникам, а в третью — связи ученик – учитель. Именно ее использовали милитаристы, и Чан вполне ее понимал. Если он возглавлял академию, каждый курсант в конечном счете был его учеником. Бородин, возможно, думал, что от Чана можно будет избавиться позже. Это была грубейшая ошибка.

До 1924 г. у Гоминьдана не было надлежащей финансовой базы и он зависел от займов у заморских китайцев и коммерческих кругов внутри страны. В феврале 1924 г. Сунь получил заем в 60 тыс. китайских долларов, очевидно, из Москвы (с. 186). (Всего Москва потратила на академию около 2,7 млн. китайских долларов. — С. 187.) Вскоре советский посол в Пекине Л.М. Карахан просил Москву прислать 50 «военных активистов». Возглавил их Василий Константинович Блюхер.

Академия Вампу располагалась на острове на Жемчужной реке южнее Кантона. Сначала Гоминьдан хотел вербовать курсантов открыто, но враждебные милитаристы задерживали или убивали вербовщиков. Тогда по всему Китаю начались тайные поиски, и к удивлению Суня, оказалось 3 тыс. желающих, из которых в первый класс могли принять лишь 500 (с. 187). Обычно в китайских военных школах была высокая степень неграмотности, но в Вампу все первокурсники были выпускниками средних школ, поэтому вполне грамотны. Сунь и Бородин не подозревали, что значительное число их вышло из рядов Зеленой банды. Учеба в Вампу предо-

[2] Так принято сокращать название партии Гоминьдан.

ставляла ее членам большие возможности. Вербовку осуществлял Чэнь Гофу, причем почти не покидая французской концессии Шанхая. Эти курсанты сформировали костяк офицерского корпуса Чана. Занятия начались в мае 1924 г.

Чан Кайши стал начальником школы, а представителем Гоминьдана сделался учившийся в США левый член партии Ляо Чжункай. Таким образом, Вампу стала микрокосмом политической поляризации в Гоминьдане и китайской революции. Она насчитывала шесть отделов — политический, подготовки, обучения, управления, военной медицины и военного снабжения. Преподавали выпускники Японской, Баодинской и Юньнаньской военных академий. Под влиянием Ляо Вампу предлагала один из лучших политических учебных планов в Китае: читались курсы по экономике, теории империализма, истории Китая и истории революционного движения на Западе. Под влиянием Чана существовал сильный акцент на дисциплине и четырех военных качествах — смелости, отваги, авторитете и суровости. Культивировалась коллективная ответственность: если отступаешь, то умираешь. В то же время Гоминьдан демонстрировал искреннюю заботу о солдатах. Техническое обучение осуществляли советские специалисты. Впервые в Китае рождалась современная армия.

Милитаристы использовали ружья и артиллерию, по сути, лишь для фейерверка. Солдаты мало заботились о том, попали ли в кого-нибудь. Целью пушечного огня обычно было создать шум и затем достичь политического урегулирования. Однако Бородин и Чан Кайши не собирались пугать врагов. Они хотели их убивать. Поставки вооружений из СССР Гоминьдану в одном 1925 г. составили 2,5 млн. руб. (с. 189). Следуя заветам Сунь-цзы, Чан Кайши позволял большевикам и китайским коммунистам строить ему беспрецедентную боевую армию.

Теперь деньги требовались на Северный поход. По совету жены Сунь Ятсен позвал из Шанхая ее брата Т.В. Суна. Китайская экономика в это время находилась в беспорядке. Прежде всего Т.В. привел к видимости порядка хозяйство Гуандуна. Он был коренастым молодым человеком с лицом как счастливый доллар, с постоянной натянутой улыбкой. После окончания Гарварда в 1915 г. Т.В. работал в Нью-Йорке клерком Международной банковской корпорации, получив опыт в переводах средств заморских китайцев на родину. Параллельно учился на вечернем отделении в Колумбийском университете. В 1917 г. вернулся в Китай и поступил секретарем в промышленную компанию Хань Е Бин в Шанхае. Там он заработал репутацию финансового гения.

Уехав по призыву Суня в Кантон, Т.В. предложил ряд драконовских чрезвычайных мер. Они включали особые импортные пошлины на каучук, древесный алкоголь и сульфат аммония. В феврале 1924 г. каждого купца в городе попросили «одолжить» властям суммы от 5 до 500 долл. (с. 191). Затем стали вводиться новые налоги. В том же году Сунь получил советский заем в 10 млн. долл., что позволило ему основать Центральный банк. Во главе его встал Т.В. Многие китайские банки обеспечивали серебряными запасами не более 5% своих банкнот, но этот банк — 25% (с. 191). Его репутация была столь хорошей, что банкноты принимали даже в частях Китая вне контроля Гоминьдана. Благодаря своим успехам Т.В. был назначен министром финансов Гоминьдана и приступил к выправлению экономики. Она в это время оставалась такой, какой была тысячи лет. Милитаристы и магистраты собирали налоги и оставляли долю себе; нередко налоги собирали несколько раз.

Т.В. организовал особое войско, которое быстро объяснило хищным сборщикам, что собирать налоги более одного раза значит пойти на казнь. Партийных чиновников он сделал лично ответственными за сбор. В то же время ради системы сдержек и противовесов армия собирала налоги не напрямую, а зависела от своих гражданских представителей.

За два года пребывания Т.В. в должности министра финансов в Южном Китае бюджетные поступления Гуандуна выросли в 10 раз, составив к концу 1926 г. 80 млн. долл., причем без существенного повышения налогов (с. 192). Эффективность Т.В. поражала, зато он нажил много врагов от коррупционеров до хищных торговцев. Неудивительно, что компрадоры Кантона вскоре смотрели на него как на большевика (они и так были встревожены дружбой Суня с Москвой). Члены торговой палаты выступили за вооруженное сопротивление Гоминьдану и потихоньку увеличили Отряд обороны купеческих добровольцев: Сунь был в их глазах еще одним милитаристом. Современная фискальная политика Т.В. расстраивала дела капиталистов «старой гвардии». Ее зарубежным другом была Британия: личные состояния эти купцы и банкиры хранили в банках Гонконга, Сингапура и Лондона.

Новые лидеры среднего класса опасались СССР по другим причинам. Они хотели стабильности, а Сунь, по их мнению, зашел слишком далеко. Для увеличения упомянутого ополчения Кантонская торговая палата получала тайную помощь от Британии. На месте его спонсировал председатель палаты Цэнь Лэньбо из Гонконгско-шанхайского банка, один из крупнейших китайских финансистов в мире. Его личная империя охватывала всё побережье Тихого океана и простиралась до общин кантонских выходцев в Европе. К концу 1923 г. ополчение выросло до 50 тыс. чел. (с. 194).

В августе 1924 г. в руки гоминьдановцев попал груз немецкого стрелкового оружия, закупленного Гонконгско-шанхайским банком. Тогда в октябре курсанты Вампу при поддержке коммунистов и рабочих напали на оппонентов по всему Кантону. (Участвовали 320 солдат рабочей милиции и крестьянского корпуса, обученных Мао Цзэдуном. — С. 195–196.) После 20 часов уличных боев купцы запросили мира (14 октября вошло в историю как «кровавая среда»). Это была победа Чан Кайши и боевое крещение новой армии. Бородин умело управлял шагами Гоминьдана, новая армия показала свою силу, и в нужный момент прибыло советское оружие. Правда, Сунь знал, что Кантон его не простит, и нуждался в новой столице.

В ноябре 1924 г. Сунь Ятсен отправился через Шанхай в Кобе, где японские власти встретили его холодно из-за соглашения с СССР. С пустыми руками он вернулся в Тяньцзинь, но вскоре слег с раком печени. На смертном одре в Пекине Сунь учредил Центральный политический совет, старшим членом которого был назначен Ван Цзинвэй, известный за участие в попытке убить маньчжурского князя-регента в 1910 г. (хотя, по сути, заговор был фарсом). Способность Вана к компромиссам позволила ему цепко держаться за Гоминьдан: он выживал там, где гибли все вокруг. Ван имел хорошие шансы стать преемником Суня. Двенадцатого марта 1925 г. революционер скончался. Перед советом встали два вопроса: сохранять ли союз с Москвой и КПК и кого избрать новым лидером партии?

Ведущими публичными конкурентами были правый Ху Ханьминь, центрист Ван Цзинвэй и левый Ляо Чжункай. Закулисно существовал четвертый кандидат —

Ду Юэшэн. Как наркоман и главарь банды, он понимал, что его амбиции лучше всего могут быть реализованы через подставное лицо. Им мог стать Чжан Цзинцзян, но присутствие Бородина делало избрание явного антикоммуниста маловероятным. Оставался военный протеже Ду — Чан Кайши. Предполагалось, что Ху и Ван нейтрализуют друг друга, а фаворитом будет уроженец США Ляо, которому благоволили Бородин и Цинлин. Именно Ляо в конечном счете убедил Суня искать помощи Москвы.

Центральный комитет партии постановил, что индивидуального преемника не будет, создав триумвират. Поскольку Ван получил церемониальный титул исполняющего обязанности председателя, по сути, это был дворцовый переворот крайне левых. Однако тем самым они нажили себе могущественных врагов. Коммунисты и левые гоминьдановцы расшевелили рабочих и студентов, и их антииностранные демонстрации обозлили фабрикантов, банкиров и иностранных тайпанов. Тридцатого мая 1925 г. в Шанхае британский отряд стрелял в толпу, убив 12 рабочих (с. 206). Инцидент привел к забастовкам, бойкотам и демонстрациям по всей стране. В Шанхае Всеобщая федерация труда помогла организовать более 500 забастовок за год (с. 207). Появление этого профсоюза было прямой угрозой рабочим гильдиям Зеленой банды. Большеухий Ду стал действовать.

В августе 1925 г. Ляо Чжункай был застрелен на улице. В его гибели винили умеренного правого Ху Ханьминя. Причастность того маловероятна, так как двое были близкими друзьями. Однако Ху с семьей и многие консервативные гоминьдановцы бежали из Кантона, спасаясь от мести. Дорога Чан Кайши к власти была расчищена, и в июле 1926 г. он был избран председателем Постоянного комитета Гоминьдана.

Почему левые гоминьдановцы, КПК и русские не разглядели, к чему приведет возвышение Чана? В историографии распространено мнение, будто Чан Кайши был приемлемым лидером для гоминьдановской коалиции, так как не представлял какой-либо группы интересов. Это мнение весьма неточно. Согласно базовому правилу китайской политики, военные кандидаты обычно представляли провинции или округа, поэтому несли с собой «вирус милитаризма». Чан, казалось, не имел властной основы в привычном смысле, у него была основа другого типа — власти, процветающей в секретности. Даже коммунисты не поняли, что Чан всем обязан Зеленой банде.

В ноябре 1925 г. восемь правых гоминьдановцев тайно собрались под Пекином в Храме лазурного облака, где похоронили Сунь Ятсена. Они договорились всех коммунистов и даже центриста Ван Цзинвэя из партии выгнать, а лидером сделать Чана. Ван только что созвал второй съезд Гоминьдана, на котором большинство ключевых ветвей власти в южном правительстве оказались в руках коммунистов и других левых, включая Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Наставником и главным политическим помощником Чан Кайши стал Чжан Цзинцзян. В марте 1926 г. он поднял верные части в Вампу, которые ночью арестовали политических работников академии. Советским советникам было велено уезжать. Ведущие китайские коммунисты пустились в бега. Правда, через несколько дней Чан вдруг извинился, выпустил всех арестованных и объявил, что всё это было большим «непониманием». Именно для Зеленой банды было характерно отпускать людей, похищенных с целью вымогательства, с обильными извинениями (после уплаты суммы); за угрозами смерти,

такими как доставка гроба к дому, всегда тоже следовали извинения и объяснение, что это ужасная ошибка. Конечно, жертва понимала, что это не так.

Те, кто поддерживал Чана, «выбивали из седла» нерешительных центристов. Однако они не были еще готовы на всекитайскую конфронтацию с левыми и КПК. Также они нуждались в возобновлении долгожданного Северного похода, а значит, в поддержке СССР и организационных навыках КПК.

Странным образом коммунистическое руководство в Китае и СССР не отреагировало на переворот Чана. Троцкий, понимавший, что коммунистам надо быть бдительными, проигрывал борьбу за власть; Сталин предпочел игнорировать переворот. Когда Бородин вернулся в Кантон, Чан на встрече с ним унижался, извинялся и даже предложил устроить чистку правых гоминьдановцев. «Бородин оказался перед ускользающей целью. Чан и в лучшие времена был патологически изворотливым, человеком переменчивой природы, переходящим от резких взрывов истерии, которые ужасали подчиненных, к озадачивающим периодам самобичевания и почти пресмыкательства перед сбитыми с толку оппонентами. Бородин и руководство КПК просто не знали, что думать о поведении Чана» (с. 213).

Возобновлению партнерства Чана с Бородиным даны два объяснения. По мнению американского журналиста Джорджа Соколски, Чан поставил русским ультиматум: либо они поддержат его и Северный поход, либо должны уехать. Это объяснение наивно и неубедительно. Другое предложил биограф Сталина Луис Фишер: Чан, в число черт которого не входило мужество, по-видимому, испугался собственных действий. По-видимому — но не в действительности. Обе стороны знали, что дальнейшая борьба неизбежна, но молчаливо согласились отложить ее, пока не достигнут Янцзы.

Примерно в это время Чан сделал предложение вдове Суня Цинлин. Она была уверена, что реальная причина — политика, и отказала.

Летом 1926 г. начался Северный поход. Наступали вилкой: левые двигались на северо-запад к Уханю, а Чан вел части Вампу на северо-восток к Наньчану и Шанхаю. Коммунисты поднимали крестьян и рабочих и использовали их ненависть к землевладельцам и милитаристам. По сути, КПК воевала за Гоминьдан, тогда как руки Чан Кайши оказывались чисты. Он двигался медленно, избегал боев, сдерживал рвение сопровождавших его коммунистов. Победы западного «зубца» вилки порождали достаточно страха, чтобы создать впечатление, будто огромная гоминьдановская армия неумолимо движется на север.

Единственной «ответственной» военной фигурой кампании иностранные наблюдатели ошибочно считали Чана; вину за «безответственные» действия возлагали на левых. К декабрю 1926 г. гоминьдановские либералы и коммунисты заняли Хунань, Хубэй, Цзянси и Фуцзянь. Правительство Гоминьдана переехало из Кантона в Ухань. Без ведома Бородина и уханьских левых Чан оставался в тесном контакте с главарями Зеленой банды. Те знали, что коммунисты и другие левые планируют в Шанхае массовое восстание по образцу Уханя, и готовили ответ. Поднятое коммунистами восстание в октябре 1926 г. было подавлено наемниками шанхайского милитариста Сунь Чжуаньфана, который был предупрежден, а «специальный контингент» Чана на помощь левым не пришел. КПК так и не заподозрила Чана в предательстве.

В Шанхае росла напряженность. Крепло мнение, что город захватят кровавые большевики. Купцы с семьями укрылись во французской концессии и Международном сеттльменте. Иностранные державы прислали войска общей численностью 30 тыс. человек (с. 218). Коммунисты и профсоюзные деятели Гоминьдана в феврале 1927 г. с нетерпением ждали прибытия «своей» армии. Рабочие начали бастовать, студенты раздавали листовки. Иностранные полиция и солдаты хватали их и выдавали солдатам милитариста, которые тут же их обезглавливали. Начались уличные бои, а Чан велел авангарду остановиться за пределами Шанхая. «Встречи Бородина с Чаном были немногим больше, чем соревнования по крику. Было очевидно, что что-то пошло ужасно не так, но никто, даже Бородин, не сознавал, в чем проблема. Иметь дела с Чаном всегда было чрезвычайно трудно. Если не знать, что он реально замышлял, — а за пределами Зеленой банды этого не знал никто, его поведение ни о чем не говорило» (с. 219).

Новый сюрприз Чан преподнес, когда объявил о намерении провести чистку Гоминьдана от «контрреволюционеров», т.е. коммунистов. В ответ на это Цинлин и ее коллеги в ЦК в Ухане отменили чрезвычайные полномочия Чана, которыми наделили его в начале Северного похода. Чан тут же подал в отставку с поста председателя ЦК. Однако странным образом партийные лидеры в Ухане не обнародовали его отставки. Многие левые и центристы отказывались верить, что Чан изменил революции.

В частях Китая под его контролем Чан принялся наводить свой порядок: подвергались арестам коммунисты и левые, студенческие и профсоюзные лидеры. Между тем западные чиновники Международного сеттльмента тайно объединились с Зеленой бандой. Французы нашли общий язык с Ду и Хуаном благодаря тому, что их концессия была сердцем нелегальной торговли опиумом и героином в Шанхае, а контролировала ее Зеленая банда. Каждый месяц Ду получал прибыль в размере 6,5 млн долл., из которых 150 тыс. передавал французским правительственным чиновникам и полиции (с. 222). В отличие от других иностранцев приближение армии Чана к Шанхаю французов не тревожило. Зато их тревожила растущая угроза от КПК и профсоюзов.

В марте 1927 г. левые наконец поняли предательство Чана и попытались захватить Шанхай до его прихода. Чжоу Эньлай реорганизовал пятитысячный отряд коммунистов, и 20 марта с забастовки почти 800 тыс. рабочих начался переворот (с. 223). Последние отряды милитариста сдались, но подошли войска Чана. Правда, их рядовой состав сочувствовал рабочим и хотел оказать им поддержку.

Вопреки опасениям иностранных концессионеров за победой левых большевистской резни не последовало. Во временном правительстве города преобладали коммунисты, но многие из них еще не были полностью уверены, что Чан Кайши изменил. Зеленая банда учредила новый, «умеренный», профсоюз, чтобы оттянуть лояльность рабочих. Чан обхаживал шанхайский пролетариат, заявляя о солидарности. Как и накануне его переворота в Кантоне, оппоненты настолько были сбиты с толку противоречивыми заявлениями Чана, что не предвидели его следующего шага.

Чан Кайши и тройка лидеров Зеленой банды, по сути, держали Шанхай заложником в обмен на огромный выкуп. Конечно, они собирались помешать тому, чтобы их оплот попал в руки коммунистов. Вместе с тем Хуан и Ду были намерены на-

житься на рэкете, поделившись с Чаном. Отсюда длительные переговоры с торговой палатой, банкирами и небольшими гильдиями, которые были в ужасе от того, что приход коммунистов может лишить их всего. Пятьдесят купеческих групп объединились в федерацию под контролем старого друга Чана, компрадора японской пароходной компании. В обмен на защиту от красных ее делегация передала Чану «займов» на общую сумму более 50 млн. китайских долларов (с. 227).

Сталин в Москве знал, что Чан Кайши собирается обрушиться на коммунистов, но был уверен, что он будет сокрушен сам: «Мы выжмем его как лимон и затем избавимся от него» (с. 227). Кремль и Коминтерн продолжали объявлять о солидарности с Чаном.

На первой неделе апреля 1927 г. Чан вывел из Шанхая свои части (те, что симпатизировали рабочим). Их командующий предложил ЦК КПК арестовать Чана как контрреволюционера, причем помешать этому его немногочисленные телохранители не смогли бы. Однако коммунисты колебались, и момент был упущен. Между тем в Пекине солдаты маньчжурского милитариста Чжан Цзолиня при поддержке полиции ворвались в советское посольство. При этом был захвачен один из основателей КПК Ли Дачжао, которого пытали и удушили как «пример» другим коммунистам. Чан телеграммой в Москву выразил свое возмущение и сожаление этими событиями. Это было еще одно «непонимание». В Шанхае британцы и японцы устроили облаву на левых в сеттльменте и выдали их военным трибуналам Чана.

Наконец 12 апреля 1927 г. Зеленая банда нанесла удар. Ее люди штурмовали учреждения КПК и профсоюзов, дома и рабочие кварталы по всему Шанхаю. С ними были наиболее верные Чану солдаты Вампу. Отличительным знаком совершавших переворот были белые нарукавные повязки с иероглифом «труд». Спаслась лишь горстка руководителей КПК, включая Чжоу Эньлая. Левых избивали, волокли по улицам, застреливали или обезглавливали; других казнили по решению трибуналов. Чжоу укрылся в здании торговой прессы, когда-то гордости Чарли Суна. Четыреста красных несколько часов обороняли его от тысячи бандитов, но к полудню большинство были перебиты. Чжоу бежал в Ханькоу.

В ходе уличных боев в Шанхае погибло 400–700 человек; неназванное число левых пленников были казнены на военной базе Чана (с. 229). Его солдаты и Зеленая банда постепенно распространили «белый террор» на Нинбо, Фучжоу, Амой, Сватоу и даже Кантон. За считанные месяцы в их руки перешла значительная часть остального Китая. К концу апреля почти все поняли, что Чан и банда заключили сделку. «После десятилетий игры с властью Зеленая банда находилась в намного лучшем положении, чтобы захватить руководство китайской национальной революцией, чем любая другая сила. Пройдет еще десятилетие, прежде чем в том же положении окажутся коммунисты. В Китае Зеленая банда играла роль, схожую с ролью нацистских коричневорубашечников, когда национал-социализм привел Гитлера к власти в Германии. Схожая борьба за власть происходила в Советском Союзе: международный коммунизм в лице Троцкого и его сторонников изгонялся и вытеснялся более узким национальным социализмом Сталина» (с. 230).

Уханьское правительство могло лишь слабо протестовать. Цинлин и ее товарищи по ЦИК выпустили смелую, но бессильную прокламацию, заявив, что Чан реакционер, будет исключен из партии и наказан. Однако сил у Уханя не было. К тому

же часть чиновников считала своевременным пойти на компромисс и разойтись с коммунистами. Их лидером стал Ван Цзинвэй. Бородин жег бумаги и устраивал отъезд советских советников из Китая.

В Москве угрюмо молчали. Предательство Чаном КПК оправдало предсказания Троцкого. Западные страны поддержали Чана против левых. Так, когда старший сын Чана Цзян Цзинго[3] публично осудил его за предательство революции, американский журнал Time тут же заявил, что парень попал под влияние Кремля. После развода Чана с его матерью в 1922 г. мальчика отправили учиться в Шанхай, где он проникся левыми настроениями. Тогда обеспокоенный Чан отправил сына в частную школу в Пекин, но тот отказался подчиниться и вскоре был арестован за участие в студенческом протесте. В 1925 г. Чан неохотно позволил сыну отправиться в СССР. Цзян Цзинго стал одним из первых студентов Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве и вступил в комсомол. Когда произошла шанхайская резня, он написал в московской газете: «Долой Чан Кайши! Долой предателя!»

Т.В. Сун с начала апреля был в Шанхае практически на положении заложника. Как министр финансов он рассчитывал утвердить власть над финансовым сообществом Шанхая и сопредельных провинций Чжэцзян и Цзянсу, на которые из-за концентрации современной промышленности и внешней торговли приходилось 40% национального дохода Китая (с. 234). До резни он пригласил крупных предпринимателей помочь сбалансировать национальный бюджет путем покупки уханьских правительственных облигаций. Т.В. предлагал главным капиталистам страны влияние в новом правительстве. Однако у Чана были другие планы. Если ранее шанхайские финансисты смотрели на него как на спасителя, теперь он предстал их мучителем. Белый террор обрушился на богатых купцов. Так, когда Чан попросил главу торговой палаты Фу Цунъяо о займе в 10 млн. китайских долларов и тот отказал, Чан велел арестовать банкира и конфисковать всю собственность (с. 235). Фу бежал в Международный сеттльмент и передал имущество на хранение иностранцам. Правда, в конечном счете ему пришлось передать Чану некую крупную сумму. Следующим шагом Чана было издание краткосрочных облигаций. Солдаты и головорезы Зеленой банды заставляли всех покупать их. Когда предприниматели отказывались, похищали их сыновей. Вымогательские методы Зеленой банды Чан возвел в инструмент государственного управления.

О расколе между Уханем и Чаном еще не было широко известно. Однако предприниматели о нем знали и не собирались просто отдавать деньги Чану на личное обогащение, содержание собственных армий и другие личные нужды, включая взятки. Они рассчитывали, по крайней мере, получать письменную гарантию погашения «займов» за подписью министра финансов. Однако Т.В. отказывался легитимировать вымогательства Чана. Помимо прочего Т.В. заботили инвестиции его собственной семьи в мучные и текстильные фабрики Шанхая. Это привело его к конфликту с Чаном. Тот объявил о создании правого националистического режима с центром в Нанкине и настаивал, чтобы Т.В. принял пост министра финансов и порвал с Уханем. Поколебавшись, Т.В. отказался, Чан назначил другого министра и велел гарнизону в Кантоне конфисковать имущество Т.В. в правительственном

[3] Его имя принято писать в соответствии с современной латинской транслитерацией пиньинь, тогда как имя его отца — с более ранней транслитерацией Уэйда – Джайлза.

банке. Тогда Т.В. пришлось сотрудничать. «Т.В. Сун не был ни правым, ни левым, а был напуганным патрицием, который мог быть полезен» (с. 236).

Между тем Чан ухаживал за Мэйлин в доме Айлин и Куна. В доверие к ним он втерся через общего друга Ду. Куны запугивали Т.В. в интересах Чана, играя на его либеральной неопределенности. Жил Т.В. в пустом доме Цинлин на улице Мольера и сильно нервничал, что за домом следят головорезы Зеленой банды. Вместе с давлением Айлин и Чана это постепенно делало свое дело.

Цинлин оставалась в Ухане. Исключив Чана, гоминьдановское правительство столкнулось с давлением иностранных держав. Американские и британские канонерские лодки патрулировали Янцзы и установили блокаду. В Хунани в мае 1927 г. город Чанша был захвачен лояльным Чану генералом.

Сталин решил вмешаться и велел Бородину конфисковать землю и провести чистку ненадежных уханьских генералов, вооружить 20 тыс. членов КПК и создать новую 50-тысячную армию рабочих и крестьян (с. 239). По приказу Сталина индийский коммунист М.Н. Рой показал эту тайную телеграмму Ван Цзинвэю. Это убедило почти всех умеренных левых, что Чан прав. За этим последовали тяжелые потери уханьской армии на фронте, несмотря на победу над северными милитаристами. Сил против Чана не осталось. За голову Бородина Чан назначил цену. В июле Т.В. вернулся в Ухань, но только для передачи послания от своего нового хозяина: если из Гоминьдана не исключат Бородина и КПК, надежды на коалицию с Нанкином нет.

Бородин в это время отправил жену Фаню во Владивосток, но по пути ее захватил в Пекине милитарист Чжан Цзолинь, который собирался казнить ее через удушение. В Китае это делали не посредством железного ошейника на горле, а голыми руками, и удушение могло длиться 15 минут или дольше. Так уже поступили с китайскими коммунистами, захваченными в советском посольстве в апреле.

В Ухане из Гоминьдана исключили коммунистов, но Цинлин наотрез отказалась сотрудничать с Нанкином — несмотря на увещевания брата. Тот даже запугивал ее, что, если она переедет в Шанхай бороться с Чаном, собственная сестра Айлин подстроит ее убийство. КПК распадалась, ее кадры исчезали с улиц. Мао и другие лидеры компартии без шума покинули Ухань. Цинлин упорствовала почти в одиночку. Единственным гоминьдановским лидером, который с ней оставался, был генерал Дэн Яньда. Он был популярным лидером в Вампу, независимым от Чана. Дэну приписывали многие политические и военные успехи Северного похода. Если бы селективный процесс революции происходил без вмешательства Зеленой банды или Москвы, генерал Дэн имел шанс стать лидером Китая вместо Чана.

В середине июля 1927 г. Цинлин выпустила заявление об узурпации революции Чаном. Она настаивала, что революция без участия рабочих и крестьян — ненастоящая. Таким образом, правительство Чана не могло использовать имя Сунь Ятсена через его вдову для легитимации своей политики. Затем Цинлин и Бородин исчезли, другие противники поправения партии бежали из Уханя, а потом и из Китая. Через несколько дней начались казни.

«Так закончилась революция, которая с такой надеждой началась в Кантоне и донеслась до Янцзы. Победил ее не какой-то внешний враг, а подорвала Зеленая банда, пока революция не рухнула изнутри. Северные враги бежали перед ней;

многие иностранные нации готовились признать ее. Однако тысячи добровольцев Зеленой банды, которые тайно заполнили академию Вампу при Чане, стали преобладать в ней, став основой низшего состава офицерского корпуса. Ни безоружные крестьяне и рабочие, ни люди с потугами на демократизм и интеллектуальный либерализм не имели сил противостоять собственному воинственному правому крылу» (с. 248).

Переодетую Цинлин вывезли на лодке вниз по Янцзы в Шанхай. Опасаясь, что ее убьют, как предостерегал Т.В., или заточат в собственном доме, пока Чан будет использовать ее имя, она решила нести протест во внешний мир. Бородин уже предлагал драматичный шаг, который резко отделил бы ее от Чана, — публичный визит в Москву. Ночью она выскользнула из дома в компании американской марксистки Райны Пром. Под видом нищенок они сели на сампан, пробрались к советскому грузовому судну и отплыли во Владивосток.

Фаня Бородина спаслась от Чжан Цзолиня с помощью уловки. Бородин дал взятку, суд собрался рано утром, когда милитарист еще спал, Фаню оправдали и она спряталась в бывшем конфуцианском храме. Когда облава прекратилась, она вышла переодетой католической монахиней и была вывезена в Сибирь. Бородин в последние недели июля 1927 г. прятался в квартире Т.В., где раньше жила Цинлин. Чан согласился дать русским уехать, но не через свою территорию. Бородин с небольшим окружением проехал в СССР через пустыню Гоби. В Москве им были недовольны, назначили на малозначительную должность газетного редактора, а в 1951 г. он умер в ГУЛАГе.

Цинлин проехала из Владивостока в Москву специальным поездом вместе с бывшим министром иностранных дел Суня, китайцем с Тринидада Юджином Чжэнем и его дочерями. За три недели до приезда Цинлин из Исполкома Коминтерна исключили Троцкого. Катастрофа в Китае сделала его козлом отпущения. «Цинлин была истощена. За два года она превратилась из жены вождя во вдову в изгнании, но по-прежнему была самым ценным товаром, какой мог приобрести китайский революционный лидер» (с. 256). Ее ошеломила новость в New York Times о том, что она выходит замуж за Юджина Чжэна. Традиционно, выходя второй раз замуж, китайская вдова теряла добродетель. Кто-то в лагере Чана, возможно, ее сестра Айлин, хотел испортить Цинлин репутацию. Новость ее подкосила, и три недели она болела. Затем газеты нанесли новый удар: Мэйлин выходит замуж за Чан Кайши. Стало очевидно, что клевета насчет Чжэня имела целью расчистить младшей сестре путь к браку с Чаном, повысить значение одного брака сестер Сун за счет другого. Новым матриархом китайской революции должна была стать жена нанкинского генералиссимуса.

Генерал Дэн Яньда тоже приехал в СССР и стал критиковать руководство: заявил, что вначале китайский народ приветствовал помощь Коминтерна, но китайская революция — дело сугубо китайское. По его словам, коммунистическая революция была всецело европейским явлением, которое нельзя пересадить на азиатскую почву. Сталин велел арестовать Дэна, но его вывезли ночью из Москвы и переправили через Кавказ в Турцию. Позднее он объявился в Берлине.

Чан Кайши сделал предложение Мэйлин через три недели после шанхайской резни. Это был рассчитанный политический шаг: он надеялся перетянуть на свою

сторону вдову Суня и Т.В., сделавшись их зятем. К тому же ему нужна была поддержка Запада, а у Мэйлин были там связи.

«Значение образа Суня нельзя недооценивать. Большинство китайцев знали его лишь как полубога. Мало кто вступал в контакт с маленьким доктором напрямую. Теперь же пропаганда отождествляла с Сунем всё магическое. Его фотографии были повсюду… Для заговора Зеленой банды было необходимо, чтобы Чан смог представлять себя как земного посланца доктора Суня, обладая его сверхъестественным мандатом» (с. 257).

Не менее важным для Чана было получить доступ к финансовой и материальной поддержке Запада. Зеленая банда едва ли собиралась оплачивать все его счета, а у вымогательства были пределы. Хотя Чан быстро расширял территорию под своим контролем путем завоеваний или покупки лояльности милитаристов, производимого в стране богатства он контролировал мало. Наиболее легкий путь к зарубежным деньгам лежал через семью Сун, особенно через Т.В. Последний имел высокую репутацию в иностранных банках, корпорациях и правительствах. Т.В. знал, что в прошлом к Чану подавали иски за убийства, грабежи и вымогательства, но Айлин и Кун умело обрабатывали его.

Как на вдохновителя «великого союза через брак» многие исследователи указывают на Айлин. Тем самым она гарантировала собственное влияние в Нанкине. Хотя некоторые считали Айлин мягкой, во всех делах она была доминирующим партнером. В 1916 г. она родила первого ребенка — Розамунду (Линъи), за которой последовали Дэвид (Линкань), Жаннетт (Линвэй) и Луис (Линцзе). Всех их растили как орхидеи в оранжерее. Молодой Дэвид отличался наглостью, Жаннетт, по всеобщим воспоминаниям, была непомерно надменной.

В Шанхае Куны жили в похожем на дворец доме во французской концессии. К этому семья приобрела недвижимость в Пекине, Кантоне, Гонконге и Нанкине. Кроме семейного бизнеса банкир выступал главным китайским агентом компании Standard Oil. Кун «был скорее хитер, чем умен. Именно по этой причине его часто приглашали посредником или назначали в советы директоров или комиссии по переговорам. Он постоянно посредничал для северных милитаристов; все они хорошо знали его и выгодно пользовались знакомством» (с. 260). Именно Кун благодаря «финансовому урегулированию» привлек в лагерь Чана генерала Фэн Юйсяна. Правда, несмотря на всеобщее впечатление, что финансовые рычаги Куна могут быть опасны для Чана, последний мог рассчитывать на него, но не боялся.

«Жалом была Айлин. После замужества она взяла на себя управление состоянием Куна, работая с командами секретарей и счетоводов в своих различных особняках, тогда как С.С.[4] председательствовал в комитетах. Она часто занимала секретарей работой круглые сутки. Со временем она стала печально известна в Китае за использование положения мужа для получения конфиденциальной финансовой информации, которую выгодно обращала в личное состояние. Одно из наиболее темных обвинений в ее адрес содержалось в свидетельствах, собранных ФБР; его осведомитель заявил, что Айлин, как говорили, нанимала убийц для расправы с врагами и несговорчивыми конкурентами по бизнесу» (с. 261). Если она действительно

[4] В транслитерации пиньинь имя банкира передается Hsiang-hsi, поэтому автор дает латинские инициалы Н.Н. (и ставит перед фамилией, так как Кун был христианином).

прибегала к таким мерам, с просьбами ей было легко обращаться к своему другу Ду. Однако были и другие пути. В Китае давно существовало женское тайное общество, целью которого было убивать или как-то иначе наказывать мужчин. Согласно информатору ФБР, госпожа Кун была мозгом этой организации.

В апреле 1927 г. Кун с женой помогали Чану вытрясать деньги из перепуганных предпринимателей. Генералиссимус часто навещал дом Кунов. Т.В. согласился на брак Мэйлин с Чаном, когда стало ясно, что без этого ему в Шанхае не дадут работать. После этого он стал убежденным оппортунистом. В июне 1927 г. Т.В. уступил в обмен на восстановление в должности министра финансов. Он также согласился помочь Айлин и Куну уговорить мать. Вдова Чарли Суна противилась браку, поскольку Чан не был христианином и она знала о его предыдущих браках.

В этот момент амбициям Чана был нанесен удар. Северные милитаристы сделали тайное предложение ему и главарям Зеленой банды, исключив собственных верных генералов Чана. Затем в духе Сунь-цзы милитаристы известили этих генералов, что Чан ведет переговоры за их спинами. Когда Чан яростно отрицал двуличие, милитаристы внезапно напали и отбросили его генералов назад к Янцзы. Три генерала с негодованием объявили, что больше не подчиняются генералиссимусу. Посоветовавшись с главарями банды, Чан объявил, что уходит со всех постов в Гоминьдане и вообще из политики. Он удалился в буддийский монастырь Моганьшань, рассчитывая, что его враги вцепятся друг другу в глотку.

В сентябре 1927 г. Айлин созвала пресс-конференцию, где объявила, что Чан женится на ее младшей сестре. В это время жена Чана Чэнь Цзежу находилась в США, куда ее пристроил Ду, чтобы расчистить дорогу Чану к свадьбе. Она поступила в Колумбийский университет в Нью-Йорке, получила степень доктора, а позднее купила дом под Сан-Франциско. В этих обстоятельствах превращение Чана в «законного наследника» Сунь Ятсена отодвинуло всё остальное, и все простили Чана за попытку тайной сделки с милитаристами. В конце сентября он отплыл в Нагасаки просить руки Мэйлин у ее матери (незадолго до этого Айлин убедила ее отдохнуть в Японии). В декабре Суны устроили пышный прием в гостинице Majestic, куда пригласили консулов Британии, Японии и многих других наций. Мэйлин с Чаном поклонились портрету Суня и флагам Гоминьдана и националистического правительства. Был зачитан брачный договор. Присутствие дипломатов и американского адмирала Марка Бристола не прошло незамеченным.

Прибыв в монастырь Моганьшань, Чан вновь участвовал в совещании Зеленой банды. Его отсутствие поставило гоминьдановских центристов в тупик, и те просили Чана вернуться. Он вновь занял пост главнокомандующего и был избран председателем ЦИК. Генералы Чана развернули наступление на север и обратили милитаристов в бегство. Новый союзник Чана шаньсийский милитарист Янь Сишань занял Пекин. В октябре 1928 г. правительство Чан Кайши в Нанкине стало национальным правительством Китая.

Мэйлин политически была крайне правой, поэтому свою сестру Цинлин однажды назвала романтиком. Устроенная Чаном резня была для нее страданиями лишь коммунистов и других представителей низших сословий. Чан был теперь и могуществен, и богат, но деньги интересовали Мэйлин меньше, чем старшую сестру. Айлин взрослела, когда Чарли Сун зарабатывал свой первый миллион, поэто-

му на нее наложила отпечаток его зацикленность на деньгах. Цинлин чувствовала сострадание к обездоленным. Мэйлин росла, когда состояние семьи уже было прочным, и деньги она рассматривала лишь как средство комфорта. Ее главным врагом была скука, которая сделала ее вечно нетерпеливой по отношению к людям и вещам. Власть Чана давала ей рычаги воздействия на людей.

Мэйлин не терпелось использовать приобретенную власть, и она создала мужу проблемы с Зеленой бандой сразу после «медового месяца». Чан отстегивал банде «плату за защиту», как все в Шанхае. Мэйлин убедила его, что он как самый важный человек в Китае стоит выше этого. Чан послушался, и тут же произошел инцидент. В его отсутствие к их дому на улице Сеймур подъехал роскошный «роллс-ройс» с шофером и горничной — отвезти Мэйлин «к сестре». Она уехала, но до дома Айлин так и не добралась. Встревоженный Чан позвонил зятю, и тот сразу понял, в чем дело. Т.В. позвонил Ду, и тот успокоил: госпожа Чан в порядке, ее нашли едущей по улицам в сопровождении всего лишь горничной. Для безопасности ее проводили на удобную виллу, где обращаются сообразно ее положению жены нового правителя Китая. Правда, она недовольна и отказывается от пищи. Ду искренне сожалеет, что генералиссимус был слишком занят, чтобы обеспечить более подходящую защиту для себя и жены, а Шанхай — город опасный. Он пригласил Т.В. приехать и в интересах безопасности сестры сделать несколько привычных формальностей. Т.В. так и сделал, после чего отвез Мэйлин назад к мужу. Послание было ясным: Ду натягивал поводок на генералиссимуса. Выходя за Чана, Мэйлин не понимала, что входит в его «семью». Айлин, Кун, Цинлин и Т.В. это понимали. Однако лишь когда ее похитили, Мэйлин осознала, что теперь ее «крестный отец» — Большеухий Ду.

Жизнь Цинлин в Москве текла уныло. В довершение всего ей не хватало денег. Поскольку собственная семья обратилась против нее, воспользоваться семейным состоянием она не могла. Всё, что оставил ей Сунь, был дом на улице Мольера в Шанхае. Ее приглашали на дачи советских лидеров, включая Калинина, но зависеть от Кремля она не хотела. В ноябре 1927 г. от энцефалита умерла ее спутница Райна. В декабре Цинлин уехала из Москвы под предлогом участия в конференции Антиимпериалистической лиги в Брюсселе.

Остановившись в Берлине, где находился ее соратник Дэн Яньда, Цинлин приняла участие в растущем международном антифашистском движении. Ее избрали почетным председателем названной лиги. Вместе с Дэном они разрабатывали планы создать в Китае третью силу — альтернативу Гоминьдану и коммунистам.

В Нанкине попытались завлечь Цинлин назад. Было запланировано перевезти останки Суня из Пекина на постоянное место погребения в мраморном мавзолее на Пурпурной горе под Нанкином. Мероприятие было задумано с целью укрепить правый режим Чана. Неслучайно Чан переименовал Пекин (Северную столицу) в Бэйпин (Северное спокойствие). По просьбе Чана Суны прислали младшего брата Цинлин Т.Л. за ней в Берлин. Он был единственным членом семьи, который отказался от сестры не полностью. Поехать на церемонию захоронения она согласилась, но перед отъездом из Германии публично отмежевалась от Чана и его правительства. Т.Л. ужаснулся, но Цинлин осадила его: «Суны были созданы для Китая, а не Китай для Сунов».

Приехав по Транссибу в Китай, Цинлин встретила теплый прием (оказать его велел Чан). Понимая, что это пропаганда в его интересах, каждому журналисту она повторяла, что националистическое движение предано и искажено. Правда, западные новостные редакторы, похоже, считали Цинлин опасной красной фанатичкой, поэтому освещения ее речи получали мало. Поприсутствовав на погребении мужа, Цинлин быстро вернулась в Шанхай. Первого августа 1928 г., в Международный антивоенный день, она нанесла новый удар Чану, причем сделать это в Шанхае требовалась смелость. В телеграмме Антиимпериалистической лиге Цинлин заявила: «…реакционное нанкинское правительство объединяет силы с империалистами в жестоких репрессиях против китайского народа. Никогда предательский характер контрреволюционных лидеров Гоминьдана не был так позорно явлен миру как сегодня» (с. 276). Это заявление левые пытались распространять на листовках.

Чан был в ярости, а еще более — Ду. В течение нескольких дней вдова Сунь, вероятно, была близка к смерти. За домом и посетителями следили. Одним из тех, кто приехал к Цинлин осудить ее за листовки, был Дай Цидао — бывший левый из Чжэцзяна, долго служивший секретарем ее мужа. После переворота Чана он стал председателем экзаменационного юаня, который контролировал все назначения гражданских чиновников (одна из пяти ветвей власти нанкинского режима). Уходя, Дай повернулся и прошипел: «Если бы Вы были кем угодно, кроме госпожи Сунь, мы отрубили бы Вам голову». Цинлин улыбнулась: «Если бы вы были революционерами, каких из себя строите, вы отрубили бы ее в любом случае» (с. 280).

Цинлин ненадолго вернулась в Европу и договорилась с Дэном, что он тоже вернется на родину бороться с Чаном. Они замышляли создать подпольную третью силу, пока она не будет достаточно крепкой, чтобы выступить против Чана открыто. Возможно, у Цинлин были к Дэну чувства. Приехав в Шанхай, он остановился в Международном сеттльменте и стал публично обвинять Нанкин в предательстве народа, а КПК — в пренебрежении интересами китайского крестьянства в угоду Кремлю. Действуя через Ду, Чан организовал арест Дэна британской и американской полицией, которая выдала его тайной полиции Нанкина. Дэна заточили в тюрьму и много месяцев пытали. В декабре 1931 г. Цинлин добилась аудиенции у Чана и просила пощадить Дэна. Она не знала, что тот уже был задушен. Чтобы насладиться кратковременной уязвимостью свояченицы, Чан долго бесстрастно слушал ее, затем сообщил: «Я велел казнить его».

«В противоположность Цинлин, которую всячески травили и запугивали, младшая сестра Мэйлин стала невидимой властью. Теперь она была еще более женщиной яростной энергии и властного эго. Сторонники Чана, держась настороже из-за ее вспыльчивости и высокомерия, давали ей широкое поле действий и обращались с ней церемонно. Влияние Мэйлин на Чана в первые двадцать лет их брака росло и убывало в зависимости от его верности и ее успеха в обеспечении иностранной поддержки его режиму» (с. 284). Она давала «полуофициальные» интервью, писала длинные письма, журнальные статьи и книги для публикации в США. Там они были популярны. Это как если бы умная американская выпускница колледжа приняла на себя управлением Китаем и комментировала в режиме реального времени, что правдиво, а что ложно в делах этой загадочной и сложной страны. То был Китай, каким американцы хотели его видеть. Неслучайно Мэйлин говорила: «Един-

ственное китайское во мне — это лицо». В октябре 1930 г. она добилась выполнения Чаном обещания публично креститься. В Китае весть об этом встретили с изумлением, но иностранцы — с одобрением. Вскоре, в июле 1931 г., в Циндао умерла госпожа Сун. К этому времени она приняла зятя.

В пропагандиста Мэйлин превратилась по совету австралийского журналиста У. Доналда. Он откровенно критиковал Чана и его жену за незнание Китая. Генералиссимус в самом деле не ездил по провинциям, а сидел в столице и издавал приказы. Между тем в горном районе на границе Цзянси и Фуцзяни Мао Цзэдун при поддержке крестьянства строил Китайскую советскую республику. Он жил бок о бок с крестьянами и понимал их проблемы. Доналд настаивал, что Чан не может вести эффективную кампанию против коммунистов или надеяться объединить страну, не зная народа. И Чан начал летать по стране. Правда, заручиться народной поддержкой он оставался совершенно неспособен. Мэйлин имела на соотечественников ничтожное влияние, но привлекала большое внимание иностранцев. Куда бы она ни ехала, она выступала перед миссионерами и женскими клубами.

Военную кампанию против коммунистов для Чан Кайши вел один из лучших стратегов нацистской Германии генерал Ганс фон Зект. Он построил дороги и бетонные укрепления, ввел в Цзянси танки и бронемашины при поддержке воздушных и артиллерийских бомбардировок. Стратегия фон Зекта принесла горцам голод, а его тактика «выжженной земли» разоряла города и деревни. По данным американского журналиста Эдгара Сноу, погибло 60 тыс. коммунистов, а всего было убито или умерло с голоду миллион человек (с. 290).

Хотя к середине 1930-х годов генералиссимус контролировал значительную часть Китая, все разговоры об объединении и прогрессе проходили мимо народа. Миссионеры убеждали Мэйлин, что, если Нанкин ожидает поддержки иностранных правительств, он должен оказать впечатление на иностранцев в самом Китае ощутимыми программами социального обеспечения. В конце концов, это была эпоха «нового курса» Ф. Рузвельта. Мэйлин передала идею мужу, и он на удивление быстро согласился. Новую политику его жена назвала «движением за новую жизнь». Начали твориться странные вещи. Вдоль городских улиц выстраивались китайские бойскауты с деревянными ящиками. Когда с ними равнялся человек в шапке набекрень или тлеющей сигаретой в зубах, скаут останавливал его, забирался на ящик, поправлял ему шапку, вынимал изо рта сигарету, бросал ее в сточную канаву, салютовал, сходил с ящика и ждал следующую жертву. Китайцам это не нравилось, зато нравилось иностранцам. Чиновники, понимая, как важно угодить жене генералиссимуса, кампанию поддержали. Слишком ревностные командиры даже отправляли команды избивать всех, кто плюет на улице. Мужчин, которые шаркали при ходьбе, пили за обедом спиртное или заказывали более четырех блюд и суп, волокли из кафе и били дубинками. (Поэтому алкоголь стали подавать в чайных чашках, чтобы обмануть вездесущих бойскаутов.) Правда, был инициирован и ряд практических проектов, включая кампании общественной гигиены, строительства канализации и развития водопроводной системы.

Подобно Гитлеру, Чан был намерен дисциплинировать своих граждан. Это привело к основанию в Китае нового тайного общества по образцу коричневорубашечников Гитлера и чернорубашечников Муссолини. Чан назвал его членов сине-

рубашечниками, хотя его существование неоднократно отрицал. Синерубашечники были побочной ветвью двух его тайных обществ — партийного «гестапо» во главе с братьями Чэнь и военной тайной полиции под началом Дай Ли.

От племянников своего учителя из Зеленой банды Чэнь Цимэя Чан стал зависеть сильно. Старшему, Чэнь Гофу, была вверена задача создать Организационный департамент Гоминьдана — структуру для постоянной чистки партии и нанкинского правительства. Чтобы гарантировать лояльность каждого члена партии, он построил разветвленную шпионскую сеть. Руководил ею его младший брат Чэнь Лифу, который отучился горнодобывающему делу в университете Питсбурга. В 1928 г. он возглавил Центральное бюро расследований и статистики. Оно отвечало за чистки и политические казни в партии, тогда как масштабный общественный терроризм стал «епархией» Военного бюро расследований и статистики. Его возглавлял «китайский Гиммлер» Дай Ли, бывший в течение 20 лет самым страшным человеком в стране. В юности он был помощником Ду, который оплатил его образование; в 1926 г. поступил в Вампу, а в ходе Северного похода осуществлял связь между Чаном и громилами Зеленой банды в маленьких городах. Когда армия приближалась к очередному округу, кадры КПК шли вперед, чтобы поднимать крестьян против гарнизона местного милитариста, — а Дай Ли шел вперед, чтобы поднимать «эскадроны смерти» Зеленой банды на удар КПК в спину. С установлением нанкинского режима Дай Ли были поручены борьба с японскими шпионами и проведение белого террора против коммунистических ячеек. Дай Ли имел обманчивую внешность мягкого человека с приятной улыбкой, но его знали как законченного предателя. В его распоряжении было более 100 тыс. правительственных агентов и, возможно, вдвое больше — в рядах Зеленой банды (с. 294).

«Обе эти тайные полицейские организации дополнялись синерубашечниками Чана. Хотя они были копией европейских фашистских культов, в то же время синерубашечники подражали внушающему страх японскому обществу Черного дракона — самому воинственному тайному культу имперской армии. Задачей синерубашечников было реформировать Китай жестким путем, решительно гася конфликты, осуществляя политические убийства, ликвидируя коррумпированных бюрократов и “врагов государства”. Их насчитывалось 10 тыс. Командовали ими старые однокурсники из Зеленой банды по Вампу. В рядах синерубашечников были представлены все могущественные клики нанкинского режима. Среди них были члены клики С – С, которую возглавляли братья Чэнь и которая называлась по инициалам Центрального клуба[5] в Нанкине, и так называемая клика Вампу во главе с министром обороны Хо Инцзинем. Наконец, были среди синерубашечников профессиональные убийцы, лояльные не партии или армии, а Дай Ли и Большеухому Ду» (с. 294). Движение за новую жизнь, которым так гордилась Мэйлин, было лишь общественным приложением синерубашечников. Уже к 1936 г. они испортили движению репутацию.

Новой политикой быстро оказался сыт по горло один из вернейших сторонников Чана — бывший ректор Пекинского университета Цай Юаньпэй. Он был председателем контрольного юаня и министром образования. В отличие от многих правых Цай был ученым и гуманистом, поэтому стал подозревать, что помог родиться

[5] По английскому названию Central Club.

чудовищу. Он ушел с государственных постов, основал Китайскую академию и открыто примкнул к Цинлин, став вместе с ней сооснователем Китайской лиги гражданских прав. Главной целью лиги была борьба с кампанией Чана по выставлению всех его оппонентов коммунистами, благодаря чему Чан мог арестовывать, пытать и казнить всех.

В 1933 г. синерубашечники убили одного из ближайших помощников Цая по академии Ян Чуаня. Тот, очевидно, обнаружил тайную причину, по которой Чан и Хо не выступали против японского захвата Маньчжурии. Вскоре режим расправился с шестью виднейшими писателями Китая — сторонниками ведущей литературной фигуры революции Лу Синя. Их заставили вырыть большую яму, связали по рукам и ногам и похоронили живьем.

Когда Т.В. согласился работать на режим Чана, он считал, что сможет что-то сделать для китайской экономики. Однако всё, что Т.В. делал, ударяло по нему бумерангом. Когда он создал привлекательный рынок облигаций, это оттянуло капитал от рождающейся промышленности. Обеспечив Нанкину поддержку капиталистов, Т.В. уничтожил их как независимую силу, сделав рабами диктатуры.

После 1927 г. бандитская тактика сбора денег не повторялась в том же масштабе, но отношения нанкинского правительства с китайским бизнес-сообществом характеризовались вымогательством. От глаз иностранцев это скрывало экономическое чутье западного типа, присущее Т.В. Он считал, что говорит от имени Китая, но для Чана был просто алхимиком, полезным лишь пока может превращать свинец в золото.

В начале 1928 г. доходы правительства составляли 3 млн. китайских долларов в месяц, тогда как расходы — вчетверо больше (с. 299). (По официальному курсу три китайских доллара равнялись одному американскому.) Основная часть доходов выколачивалась из «инвесторов» в богатейших провинциях Цзянсу и Чжэцзян.

Поскольку полицейские меры по устранению посредников в сборе налогов не могли быть постоянными, Т.В. стал напрямую обхаживать шанхайских капиталистов. По их настоянию Чан согласился учредить Национальный бюджетный комитет, но заполнил его совет директоров милитаристами, а их аппетиты с победой лишь выросли.

«В конечном счете Китай по-прежнему был скоплением феодальных[6] владений, лишь номинально лояльных чановскому ГМД. Чан удерживал их вместе посредством финансовых выплат и щедрых военных расходов на частные армии, задействованные в призрачных кампаниях. Единственным способом сократить армейское довольствие и расходы было заставить Чана и его товарищей-милитаристов опустошить свои разбухшие кошельки и перейти на половинный паек. Они скорее себе горло перерезали бы.

Нанкинское правительство было просто троянским конем, которого ярко раскрасил клан Сунов. В его чреве были спрятаны генералы, служащие тайной полиции и лидеры Зеленой банды, которые, по сути, и обладали властью в Китае. Сделано это было искусно, будучи одним из главных достижений Т.В. Более других представителей Запада на это купились американцы» (с. 301).

[6] Применение термина «феодализм» к истории Китая и вообще Востока более чем спорно, но здесь дается цитата.

Однако способность Т.В. убеждать иногда вредила людям, на представление которых он претендовал. Ища союза с шанхайскими купцами в собственных интересах, он бросал вызов Чану и поощрял финансистов атаковать режим. Временами Т.В., возможно, искренно считал, что продвигает демократию. Однако демократия в Китае была иллюзией. Поощряя капиталистов выступать против Чана, Т.В. ставил их под угрозу. Так, капиталисты проигнорировали правительственные указы о расформировании добровольческого корпуса купцов Чжабэй и объявили о планах увеличить его бюджет. Тогда Чан в апреле 1929 г. отправил к зданию торговой палаты головорезов Зеленой банды, которые его разграбили. Палата была вынуждена реорганизоваться под контролем ставленника Ду и попала в полную зависимость от банды и Гоминьдана. Т.В. не удалось создать при опоре на шанхайских купцов властную базу для себя. Первый фискальный год нанкинского правительства был катастрофой: 87% доходов ушли на военные нужды, причем почти половина доходов были прямыми займами (с. 302).

Будучи убежден, что вымогательство — не метод, Т.В. попробовал облигации. Эта техника работала: к концу 1931 г. шанхайские банки держали от половины до 2/3 правительственных облигаций (с. 302). На них шла дикая спекуляция, и Т.В., возможно, непреднамеренно, завлек банкиров в ловушку. Его успех в продаже им облигаций привел к их неестественному союзу с режимом. Заполнив свои портфели облигациями, они стали заинтересованы в выживании диктатуры.

В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию. Протестующие в Шанхае нападали на японские предприятия и требовали объявления войны. Репутация Чана сильно упала. Поговаривали, что он заключил с Токио сделку. В такой ситуации Чан всегда применял принципы боевого искусства тайцзицюань: когда агрессор сильно напирает, защищающийся отходит в сторону, и тот теряет равновесие и падает.

После беседы с Т.В. Чан в декабре 1931 г. подал в отставку и улетел с Мэйлин в свой горный монастырь. Новым премьером стал сын Сунь Ятсена от первой жены Сунь Фо, а министром иностранных дел был выдвинут Юджин Чжэнь. Однако казна была пуста, а армия не собиралась подчиняться. Т.В. тоже ушел в отставку, причем прихватил с собой все документы и архивы министерства. Большинство провинциальных правительств были лояльны Чану и не платили Сунь Фо транзитных пошлин и соляного налога. Правительство сразу оказалось банкротом, и Чан согласился вернуться. Т.В. в дополнение к министру финансов сделался вице-премьером.

Антияпонские настроения в Шанхае оставались сильными. В январе 1933 г. в порт вошла японская эскадра, а генеральный консул предъявил ультиматум. Хотя войска Чана сильно превосходили японцев численностью, вызова он им не бросал, а обратился в Лигу Наций и увез правительство в Лоян. Шанхай защищала лишь 19-я походная армия, свидетелем обороны которой стал будущий выдающийся американский китаист Джон Фэйрбэнк. Ко времени перемирия в марте 1932 г. торговля в городе остановилась и были разрушены или закрыты около 900 предприятий (с. 307). Т.В. заявил, что если Китай встанет перед выбором «коммунизм или японский милитаризм», то выберет коммунизм. Это смелое заявление, да еще крупного финансиста, поставило Т.В. в прямую оппозицию к Чану. Мнение Т.В., что зацикленность Чана на коммунистах отвлекает его от реальной опасности, которую представляла Япония, разделяли многие капиталисты и профессионалы с запад-

ным образованием. В 1932 г. они сформировали в Шанхае Лигу против гражданской войны. Она выступала за прекращение всех выплат нанкинскому правительству, если оно будет использовать средства на гражданскую войну, а не на сопротивление иностранной агрессии. То был давний вопрос. Независимо от того, были ли внутренние враги правительства красными, боксерами, тайпинами, они оставались китайцами. Считалось, что ответственность режима — прежде всего защитить страну от внешнего врага.

Когда Чан, чтобы избавиться от популярного войска, отправил 19-ю армию воевать с коммунистами в Фуцзяни, это ослабило оборону города, и в июне 1932 г. Т.В. подал в отставку. Однако его роль как сборщика средств для Чана была слишком важна, и был заключен компромисс. Т.В. вернулся на министерский пост, заняв и должность премьера (вместо Ван Цзинвэя, который объявил, что болен и поедет за границу лечиться).

Когда японцы захватили Маньчжурию, казалось вероятным, что они под предлогом борьбы с «бандитами» (коммунистами) пойдут дальше. Т.В. призвал сопротивляться агрессии, вновь призвал к бойкоту японских товаров и осудил Лигу Наций за бездействие. Когда японцы действительно вторглись в провинцию Жэхэ, собирать войска туда полетел именно Т.В., а не Чан. По возвращении Т.В. обратился к шанхайским банкирам за еще одним выпуском облигаций, на этот раз на сопротивление японцам. Однако генералиссимус осадил его, выведя войска из столицы Жэхэ без боя. Затем, чтобы поставить Т.В. на место, Ван Цзинвэй чудесным образом излечился и вернулся в Китай на пост премьера, подписав с Японией в мае 1933 г. Тангу перемирие. Японцам был фактически уступлен Хубэй.

«Т.В. достиг многих экономических успехов, но в китайской политике он был неудачником. Равные ему любили говорить, что причиной его проблем было то, что он отказывался поступать “по-китайски”. Среди его достижений был составленный в первой половине 1932 г. первый в истории республики сбалансированный национальный бюджет. По неясным причинам генералиссимус ненадолго урезал военные расходы, — вероятно, жест в сторону Японии с целью показать, что он не вооружается против нее. Однако как только было заключено перемирие, Чан вновь отпустил военный бюджет в свободное плавание. Короткий и иллюзорный триумф Т.В. пришел к концу» (с. 310–311).

Поскольку Т.В. учредил национальный банк, его сравнивали с Александром Хэмилтоном[7]. В 1928 г. Т.В. занял средства у Китайского банка и Банка коммуникаций на основание Центрального банка Китая в Шанхае. К маю 1933 г. стало ясно, что дальнейшего прогресса он не добьется, если Чан будет постоянно ему мешать. Было логично работать за пределами китайской политики в сфере, где Т.В. не было равных. В 1932 г. Шанхай посетил редактор журнала Fortune Генри Льюс. Он убеждал Т.В. приехать в США, где обещал теплый прием финансового сообщества и правительственных деятелей. В июне 1933 г. Льюс подгадал к поездке Т.В. на Запад (это было приглашение на Всемирную экономическую конференцию в Лондоне) номер своего журнала, в основном посвященный Т.В. Многое в фискальной по-

[7] Александр Хэмилтон (1755/57–1804) — американский государственный деятель, лидер партии федералистов, первый министр финансов США, основал два фактически центральных банка страны — Банк Северной Америки (1781–83) и Первый банк Соединённых Штатов (1791–1811).

литике Т.В. действительно принесло Китаю благо, но принесла она и зло, причем Льюс, похоже, не мог их различить. Немало американцев — бизнесмены, политики, генералы, миссионеры — хотели думать о своей стране как о спасителе и естественном союзнике Китая.

Т.В. начал обхаживать Америку, пытаясь привлечь средства. Перед возвращением в Китай в августе 1933 г. он договорился о займе пшеницей и хлопком на сумму 50 млн. долларов США у Совета по сельскому хозяйству в Вашингтоне (с. 315). Однако Т.В. недооценил влияние Японии. Дом Моргана, Английский банк и другие финансовые центры один за другим игнорировали план Т.В. создать международный консультативный комитет, который должен был помочь Китаю поднять промышленность. Более того, японские дипломаты стали требовать от Чана и Ван Цзинвэя убрать Т.В. В довершение всего он обнаружил, что в его отсутствие Чан взял заем в 60 млн. китайских долларов в банках Шанхая, потратил его на очередной поход против красных, а погашать заем должен был Т.В. (с. 316).

В октябре 1933 г. между Т.В. и Чаном произошла крупная ссора и, как говорят, Чан дал ему пощечину. Т.В. подал в отставку с постов министра финансов и вице-премьера. В частной беседе он признал, что быть министром финансов у Чана — всё равно, что быть его собакой.

На этом посту Т.В. сменил Кун Сянси. В течение следующих 11 лет он служил «печатью» Чана, выполняя все его указания плюс некоторые прихоти своей жены Айлин. Этим Кун полностью подорвал усилия Т.В. по созданию независимой финансовой базы для китайской экономики. К концу Второй мировой войны стоимость жизни выросла на 2500%, а новые бумажные деньги (*фаби*) почти ничего не стоили. Чану Кун был удобен, так как не имел положения в партии и не возражал ему. Однако о современном банковском деле Кун не знал ничего. По отзыву представителя Английского банка в Китае Сирела Роджерса, у него был ум 12-летнего ребенка. В отличие от брата жены Кун не был вестернизованным человеком. Это выражалось и в манерах, и в составе подчиненных, которых он набирал из близких друзей и прихлебателей семьи Сун. «Т.В. управлял министерством финансов как нью-йоркский магнат, что делало его популярным на Западе, но в Нанкине принесло ему много врагов. Кун со своим легким подходом к делам, добродушной терпеливостью и полкой резиновых печатей радостно воплощал в жизнь любые опрометчивые манипуляции, которые должны были решить проблему финансов Китая на краткий срок» (с. 318). Когда Цинлин узнала, что он претендует на прямое происхождение от Конфуция, стала звать его Мудрецом.

До 1927 г. Кун в основном служил Сунам посредником. При нанкинском режиме его наградили постом министра промышленности, торговли и труда, на котором он оставался до 1932 г. Отечественной промышленности от японской конкуренции Кун не защищал. В 1932 г. он был назначен особым комиссаром по изучению организации западной промышленности и вместе с женой и сыном Дэвидом поехал за рубеж, где помимо прочего нанес визит президенту Герберту Гуверу в Вашингтоне. Айлин ехала в Америку впервые после учебы в колледже. Поскольку пропагандистский отдел Чана еще не был так эффективен, некоторые грязные шанхайские слухи о Чанах, Сунах и Кунах достигли США. Айлин обнаружила, что в Америке имеет репутацию жадины. После США Куны посетили Европу, где Сянси договорился о покупке немец-

кого оружия на сумму 25 млн. долларов США (с. 319). Состоялся визит к Муссолини. У Италии были закуплены военные самолеты «Фиат», она создавала школу пилотов в Лояне и завод по сборке самолетов «Фиат» в Нанчане.

В то время как Т.В. убеждал Чана оставить коммунистов в покое и защищать страну от японцев, последние вместе с немцами и итальянцами поощряли Чана любить Японию и убивать красных. Для Италии и Германии Китай был особо важен, так как граничил с СССР. Генералиссимус всё более симпатизировал военно-полицейскому государству нацистов. Своего сына Вэйго он отправил учиться в Германию, — возможно, чтобы компенсировать разочарование от бегства старшего сына в Россию. Вэйго стал вторым лейтенантом в 98-м егерском полку и до возвращения в Китай участвовал во вторжении в Австрию в 1938 г.

Когда Куны вернулись в Китай, почва для пощечины была готова. Интересы членов семьи столкнулись. В отсутствие Т.В. за рубежом Чан назначил Куна управляющим Центробанком. Вернувшись из Америки, Т.В. обнаружил, что один его зять (Кун) помог другому зятю (Чану) перехитрить его. Т.В. в ярости бросился к генералиссимусу, что и закончилось ссорой и отставкой Т.В. Первым шагом Куна на посту министра финансов в ноябре 1933 г. была просьба к стране щедро помочь средствами на антикоммунистическую военную кампанию. Это был первый удар по фискальной системе, над которой пять лет трудился Т.В.

Подобно шурину, Кун финансировал бюджет в основном через выпуск облигаций на тех же выгодных условиях. К середине 1934 г. более трети способности шанхайских банков приносить доход было привязано к правительству. На сельское хозяйство и промышленность это оказало катастрофическое действие. В мире в это время бушевала Великая депрессия, и Конгресс США фиксировал цену на серебро на уровне 50 центов за унцию. Для финансистов Шанхая это означало следующее: вместо покупки нанкинских облигаций серебро можно было продавать в США, получая 10%-ную прибыль (с. 322). Китайское серебро стало покидать страну, и продажи облигаций упали. Соответственно, военные операции Чана против красных остановились, и в октябре 1934 г. армия Мао смогла прорвать блокаду националистов и начать Великий поход, который закончился в Яньани. Отток серебра привел к росту процентных ставок по банковским займам, что угрожало дефицитом бюджета. Кун наложил 10%-ную пошлину на экспорт серебра, и его отток прекратился. Однако серебряные запасы в Шанхае успели уменьшиться наполовину. Введенное Куном эмбарго сократило стоимость китайского доллара почти на 20% (с. 323).

Скрепя сердце Чан призвал на помощь лучший финансовый мозг Китая. Т.В. между тем управлял Китайской корпорацией финансового развития, которая привлекала иностранные инвестиции в промышленность и торговлю страны. У Чана была власть, но не было кошелька. Т.В. знал, как его наполнить, но больше не выносил Чана. Они заключили сделку: посредником между ними становился Кун, оставаясь министром финансов; Т.В. по-прежнему был частным финансистом, но консультировал правительство. Как и всегда, из-за кулис свойственникам помогал Большеухий Ду, который входил в советы директоров нескольких банков. Вместе они замыслили привести шанхайские банки под постоянный контроль и в конечном счете — к национализации. Контролировать национализированные банки должен

был Т.В., став противовесом крайностям Куна и Чана. Это назвали Великим шанхайским банковским переворотом.

В июле 1934 г. правительство обязало все банки вкладывать четверть активов в свои облигации или ценные бумаги. Их «по доверенности» должен был держать Центробанк. В марте 1935 г. правительство захватило два крупнейших частных банка — Китайский банк и Банк коммуникаций, создав вместе с Центробанком трехбанковский консорциум. Т.В. был сделан председателем правления Китайского банка вместо его создателя Чжан Цзяо.

От переворота выиграли и младшие братья Т.В. Тоже выпускник Гарварда, Т.А. вошел в правление Кантонского банка. Выпускник университета Вандербильта Т.Л. вошел в совет директоров всех трех банков. Т.В. был доволен ролью, находясь в своей стихии. Помимо прочего, не забывал он увеличивать собственные инвестиции. Ходили слухи, что он скупает акции компаний General Motors и DuPont. Политики Т.В. мудро избегал, ограничиваясь закулисными манипуляциями.

Поскольку китайская экономика страдала от резких колебаний цены на серебро, Нанкин отменил серебряный стандарт и сделал средством платежа фаби. Четыре банка (включая названные) получили право эмиссии. Правда, возник соблазн злоупотреблять новой валютой, и между ноябрем 1935 и июнем 1937 г. обращение фаби взлетело с 453 млн. до 1477 млн. китайских долларов, причем обеспечена серебром была лишь половина этой суммы (с. 328). Банки Китая теперь управлялись одной большой семьей.

Что касается Ду, то он стал респектабельным директором многих банков и компаний. Методы он порой применял прежние. Так, когда Айлин передала ему содержание разговора мужа с британским советником Совета по валютным резервам сэром Фредериком Лейт-Россом о новой политике по части транзакций с иностранной валютой, Ду воспользовался этой информацией для инвестиций. Правда, понял он неверно и потерял 250 тыс. долларов США (с. 330). Ду пожаловался Куну и попросил Центробанк возместить ущерб. Когда Кун отказался, вечером к нему на порог доставили роскошный гроб. На следующий день спешно созванный совет директоров согласился возместить ущерб «патриотичному гражданину».

«Чан Кайши, похоже, всегда сводил концы с концами, несмотря на ужасные экономические ошибки Куна и удушение китайской экономики. Причиной было то, что Чан, хотя и лично не заинтересованный в экономике, имел источник огромных доходов, который гарантировал ему большие объемы надежной иностранной валюты. Этим источником были наркотики. Помня, что преобладание Зеленой банды в китайском преступном мире выросло из ее практической монополии на опиумную торговлю, что сам Шанхай был основан на большом коричневом болоте опиумного дегтя и что единственным экспортным ресурсом ряда провинций, таких как Юньнань, был опиум, неудивительно, что Нанкин спокойно оплачивал многие счета доходами от наркотиков» (с. 330).

Опиумная торговля, которую навязали Китаю британцы, на рубеже XIX–XX вв. попала в руки китайского преступного мира. В эпоху милитаристов опиум был их главным источником дохода. Сунь Ятсен облагал налогом опиумные притоны Кантона. Чан Кайши пошел по его стопам — только в большем масштабе.

В 1927 г., перед тем как Т.В. согласился присоединиться к режиму, министерство финансов уже приступило к организации официальной опиумной монопо-

лии. Всё шло хорошо, пока Национальное антиопиумное бюро (как оно остроумно называлось) не попыталось распространить монополию на подконтрольные Ду Чжэцзян и Цзянсу. Нанкин спешно свернул официальную опиумную программу и упразднил правительственную монополию. Синдикат Ду (Дагонси) сохранил контроль над перевозкой и сбытом опиума в долине Янцзы.

Причиной было не только леденящее кровь влияние Ду, но и протест китайских интеллектуалов и представителей Запада против широкого распространения наркотиков в Китае. Опиум проник во все аспекты китайской жизни. Торговая палата Гуйчжоу приняла опиум как официальное средство обмена. В Юньнани наркотик курили 90% взрослых мужчин, и даже многие младенцы были наркоманами, пристрастившись к опиуму еще в утробах матерей (с. 332).

В 1928 г. Чан организовал Национальный комитет борьбы с опиумом. На деле он занялся сбором налога с опиума и в 1929 г. всего в трех провинциях собрал около 17 млн. китайских долларов (с. 332). Для минимизации конфликтов между Зеленой бандой и Нанкином существовали каналы связи. Правительство санкционировало тесное сотрудничество флота и полиции с бандой. Даже тогда спрос превышал внутреннее предложение. В 1930 г. Т.В. лично договорился с Ду о поставке 700 ящиков персидского опиума в Шанхай под военной защитой Гоминьдана (с. 332). Чан назначил Ду главным агентом по борьбе с коммунистами в Шанхае, что дало бандиту официальную санкцию проливать любую кровь законно. В этом Ду сильно нуждался, поскольку собирался улучшить свой общественный образ. Договорился Чан с ним и о разделе опиумного бизнеса. Зеленая банда получала правительственную защиту перевозок и лабораторий, а также право вето на назначение государственных монопольных чиновников. Взамен банда выплачивала Нанкину 6 млн китайских долларов (с. 333). Правда, после разговора с Рябым Хуаном Ду передумал и потребовал деньги назад. Т.В. послал их ему не наличными, а правительственными облигациями, которые, по мнению Ду, не имели цены. Ду не замедлил напомнить гарвардскому экономисту об ошибке: на одной станции вокруг Т.В. поднялась стрельба, и был убит его секретарь.

Когда Япония в начале 1930-х годов захватила Маньчжурию, Чан потерял один из богатейших районов производства опиума. Поскольку японцы вели прибыльную международную торговлю героином, Чан объявил незаконным для китайцев использовать морфин и героин, после чего заключил торговое соглашение с Японией с целью покупать у нее опиум. Это было сделано для того, чтобы японцы не ввозили его в гоминьдановский Китай контрабандой.

Морфин внедрили в Китае западные миссионеры в конце XIX в. для лечения курильщиков опиума (поэтому в Китае морфин стал известен как «опиум Иисуса»). Однако китайские наркоманы просто пересели на морфин, а затем на героин. К 1924 г. Китай импортировал достаточно героина из Японии, чтобы обеспечить каждого представителя своего 400-миллионного населения четырьмя сильными дозами (с. 334).

В 1931 г. Ду провел большой праздник в собственную честь, открыв храм предков в родной деревне Гаоцзяо под Шанхаем. На праздник пришли 80 тыс. человек, включая тысячи правительственных чиновников и национальных сановников. Ду раздал подарков на полмиллиона китайских долларов; отвечали ему тем же (с. 334–

335). После праздника храм стал крупнейшей подпольной лабораторией Ду по производству морфина и героина.

Немалая часть героина Ду уходила во Францию по официальным каналам. Он пользовался соперничеством спецслужб и политиков Парижа, с одной стороны, и корсиканских бандитов, с другой. Капитан полиции французской концессии в Шанхае Этьен Фиори и генеральный консул Кёклен были многим обязаны Хуану и Ду. В 1933 г. новое правительство Франции решило навести в концессии порядок. Был назначен новый начальник полиции, а многие «сыщики» Зеленой банды уволены. Имя Ду Кёклен был вынужден вычеркнуть из списка муниципального совета. Ду понял, что Фиори и Кёклен предали его, чтобы спасти собственную шкуру. Перед их отплытием во Францию он пригласил их на прощальный обед, отравив блюда. Кёклен и еще ряд гостей умерли, а Фиори едва выжил. Это оказало на французскую колониальную администрацию такое впечатление, что новый генеральный консул Мейрье вызывался обеспечивать полицейское сопровождение принадлежащим Ду партиям наркотиков.

Время от времени Ду напоминал Нанкину, что может быть весьма щедрым. В 1932–34 гг. когда Т.В. и Кун отчаянно старались удержать государственный корабль на плаву, правительство вдруг смогло произвести в США закупки на 5 млн. американских долларов (с. 337). Источником финансовой помощи был Ду, который лично купил в Америке самолеты и безвозмездно передал государству целую эскадрилью. На 50-летний юбилей Чана в 1936 г. Ду также преподнес ему самолет с надписью «Борьба с опиумом в Шанхае».

В администрации Чана официальной линией было обвинять тех, кто контрабандой провозил наркотики в страну, а не китайцев, которые контролировали большинство производства опиума и всё больше употребляли его в производстве героина. В обвинениях японцев, в частности, усердствовала Мэйлин. Между тем 7/8 мирового предложения героина исходила из Китая (с. 344). В конце 1930-х годов даже правительству США стало очевидно, что большие объемы героина ввозятся в страну из Китая по дипломатическим каналам. Ду приставлял к дипломатам спутников. Так, к Т.В. был приставлен «Томми» Дон (Дон Хайон). Он наблюдал за прохождением багажа Т.В. через границу без досмотра и служил главным связным для героинового синдиката Чарлза «Лаки» Лучано. Позднее Дон был назначен начальником шанхайской таможни, что дало ему лучшее прикрытие для контрабанды. Когда американские чиновники всё же перехватывали партии наркотиков, они обнаруживали, что на жестяных банках с героином стоят печати Национального антиопиумного бюро Китая. В конце 1930-х годов в США наконец были выдвинуты иски к ряду видных китайских чиновников.

В 1936 г. Ду решил последовать примеру Чана и обратиться в христианство, чем впечатлил Мэйлин. Крещение провели в церкви Чарли Суна. Через несколько недель Мэйлин, как говорят, искренне сказала: Ду становится настоящим христианином, поскольку после его крещения в Шанхае наблюдается всё меньше случаев похищений.

В середине 1930-х годов Чан проводил в отношении Японии политику умиротворения. В 1935 г. он превзошел себя, предложив Токио договор о дружбе, по которому обещал выдворить из Китая все западные интересы и передать торговые пра-

ва и территориальные концессии Японии. Японский МИД был готов к такому договору, но его отвергла армия, так как была нацелена на завоевание. Когда Гоминьдан выполнил требование японцев вывести войска и синерубашечников из Хубэя, японцы объединили пять китайских провинций в «автономный» регион под своим контролем. Япония владела всем северо-востоком Китая до пригорода Пекина.

Между тем коммунисты Мао достигли Яньаня и начали собирать вокруг себя антияпонски настроенных националистов. В декабре 1935 г. 10 тыс. пекинских студентов провели демонстрацию против Японии, которую поддержала Цинлин. Появившись из затворничества в Шанхае, она основала Лигу национального спасения. Москва, опасаясь Японии, велела КПК прекратить пропаганду против Чана и искать объединенного фронта с Гоминьданом. Мао неохотно согласился сделать это через маршала Чжан Сюэляна. Последний после поездки в Европу отказался от наркотиков и стал стойким националистом. В Шанхае он имел долгие беседы с Т.В., и тот раздумывал, как использовать сильный военный рычаг. В 1936 г. Чжан инструктировал свои войска на границе перестать стрелять в красных партизан. Он пришел к выводу, что большинство коммунистов пришли в партию из-за деградации страны по милости Чана и иностранных держав. В июне Чжан встретился с Чжоу Эньлаем и договорился об объединенном фронте.

Вести об «предательстве» Чжан Сюэляна встревожили Чана, и он полетел к маршалу в Сиань. Тот пытался убедить генералиссимуса, что на повестке дня стоит не гражданская война, а отечественная. Чан решил перевести Чжана в Южный Китай со всеми войсками и единомышленником — генералом Ян Хучэном. Последний предложил взять Чана в заложники, и в декабре 1936 г. был произведен переворот. Солдаты Яна ворвались в резиденцию Чана в горах Лишань, тот бежал, позабыв искусственную челюсть, и спрятался в пещере, но его нашли. Чжан разослал телеграмму с восемью пунктами: включить в нанкинское правительство все политические группировки, прекратить гражданскую войну, освободить политических заключенных, разрешить патриотические демонстрации и политические собрания, выполнять волю Сунь Ятсена и созвать Конференцию национального спасения. Посредником в переговорах выступил австралийский журналист У. Доналд. Он заявил Чану, что в Нанкине существует прояпонская клика — имея в виду армейскую группировку министра обороны Хо Инцзиня. По словам Доналда, Хо собирался воспользоваться Сианьским инцидентом, чтобы атаковать город и под предлогом спасения Чана убить его и захватить власть для себя и японцев.

В Шанхае Мэйлин, узнав о похищении мужа, упала в обморок. Исполняющим обязанности премьера стал Кун, но было непонятно, на чьей он стороне. Хо в самом деле потребовал немедленного удара по Сиани. Его поддержали Дай Цидао и другие члены группы, которая привела Чана к власти в сотрудничестве с Зеленой бандой. Похоже, они действительно были готовы пожертвовать генералиссимусом. Однако они недооценили Мэйлин. Та бросилась к Хо и попыталась убедить генералов отложить нападение. Между тем Кун заявил по радио: «В то время как все мы беспокоимся о спасении генералиссимуса Чана…, считаем, что личной безопасности одного человека не должно быть позволено вмешиваться в расчеты» (с. 351). Чан отправил в Нанкин помощника с приказом остановить атаку, но Кун заявил нации, что атаки не остановят. Это поставило Сунов в щекотливое положение, и по-

надобились таланты Т.В., «китайского Моргана», как его кое-кто называл. Его отношения с Мэйлин были непростыми, и даже полагали, что Сианьский инцидент Т.В. и устроил — с целью создать трудности зятю. На Сиань двигались 11 дивизий, а вся авиация Лояна ждала приказа.

Чан в Сиани упорно отвергал восемь пунктов. Лидеры мятежников, кроме Чжана, склонялись к тому, чтобы расстрелять генералиссимуса. Мао в Яньане высказался за всенародный суд над Чаном. Однако Сталин настоял на объединенном фронте. К изумлению Чана, в Сиань прилетел Т.В. с письмом сестры. В нем говорилось, что, если через три дня Т.В. не вернется в Нанкин, она сама приедет в Сиань жить или умереть вместе с мужем. Чан прослезился. Т.В. удалось склонить нанкинские клики на трехдневное перемирие. Чан неохотно согласился на важнейшие требования мятежников — создать объединенный фронт против Японии и приостановить гражданскую войну.

Замышлял или нет Т.В. ввергнуть зятя в кризис, результат оказался таким, какого он добивался в 1933 г., когда получил пощечину. Т.В. и Доналд улетели в Нанкин и вернулись с Мэйлин и Дай Ли. Жена привезла мужу запасную челюсть. Милитаристам были даны гарантии, был обсужден состав нового кабинета. Правда, выполнил Чан из обещанного очень мало. Посетил его и Чжоу Эньлай. В конце декабря 1936 г. генералиссимус со свитой и маршалом вернулись в Нанкин. Сторонники Чана истолковали его возвращение как победу. Генри Льюс поместил Чана и Мэйлин на обложку первого номера Time за 1938 г. как «мужа и жену года».

Чжан Сюэлян, приехав в Нанкин, по сути, принял всю вину на себя, чем отвлек внимание от Сиани, не допустив боев, и помог Чану сохранить лицо. Он остановился у Т.В. и сблизился с ним и Мэйлин. Однако Чан не простил Чжана за унижение и за то, что не дал ему сокрушить коммунистов. Даже спустя десятилетия националисты указывали на Сианьский инцидент как на начало победы коммунистов. На всю оставшуюся жизнь Чан поместил маршала под домашний арест, где тот изучал историю империи Мин. Генерал Ян по возвращении из европейской ссылки был брошен в тюрьму и 11 лет томился в одном из особых лагерей Дай Ли под Чунцином. Его жена в знак протеста объявила голодовку, но ей позволили уморить себя. Годы спустя Цинлин заявила: «То, что сделал Чжан Сюэлян, было правильно. Будь я на его месте, я сделала бы то же. *Только я пошла бы дальше!*» (с. 358).

В мае 1937 г. в Китай прибыл американский летчик Клэр Шеннолт. Он приехал по приглашению Мэйлин выяснить, почему не может летать китайская военная авиация. К тому же после Сианьского инцидента было неумным оставлять ВВС в руках ближайших помощников Чана. Его жена сказала мужу, что позаботится о превращении авиации в эффективное оружие против врагов, и он дал ей полномочия. После Первой мировой войны Шеннолт защищал идею, согласно которой эскадрильи истребителей способны очищать небо от бомбардировщиков. (Эту идею до него практиковал немецкий ас барон Манфред фон Рихтхофен.) Однако в американских ВВС преобладали генералы, считавшие тяжелые бомбардировщики непобедимыми. Шеннолта приглашали инструктором в СССР обучать летчиков для гражданской войны в Испании. Он отказался, но принял приглашение Мэйлин. Увидев китайские ВВС, Шеннолт понял, что они представляют угрозу скорее для самих себя, чем для врага. Летать могли менее сотни самолетов (с. 360). Процветала коррупция.

В июле 1937 г. японцы атаковали Пекин, затем Тяньцзинь и Шанхай. Под командованием Шеннолта худо обученные китайские пилоты выполняли смелые полеты, но мало кто возвращался живым. Японский натиск замедлился из-за советских самолетов и летчиков. Летом 1939 г. Чан просил Рузвельта о технической помощи. Мэйлин подкрепила просьбу статьями, в которых объясняла американским читателям, что Чан и Китай не виноваты в сложившейся ситуации и что Запад должен помочь. В журналах Time и Life Чана изображали как героического христианского воина, который отбивается от красных и японцев.

Хотя в начале войны Т.В. предсказал, что через три месяца Япония окажется на грани банкротства и революции, до истечения 1938 г. она выгнала Чана и его режим не только из Нанкина (перебив там 300 тыс. жителей), но и из Уханя, загнав в горную провинцию Сычуань (с. 363). Чан учредил военное правительство в Чунцине, но к весне 1940 г. вновь нуждался в деньгах. Кун печатал в Гонконге сотни миллионов фаби, но поставки иностранного оружия требовали твердой валюты. В довершение всего японский захват временно нарушил торговлю опиумом и героином, подорвав самый надежный источник доходов Чана.

Поэтому в июне 1940 г. Чан отправил Т.В. в США «личным представителем» по «семейному бизнесу». В Америке тот оставался с женой Лаурой и детьми почти два с половиной года. Прежде всего Т.В. обеспечил кредит в 50 млн. долларов США в обмен на импорт китайского вольфрама (с. 364). Поселился он в Вашингтоне, где регулярно принимал чиновников администрации Рузвельта, включая секретаря казначейства Генри Моргентау и Уоррена Ли Пирсона из Экспортно-импортного банка. Сдружился с влиятельными журналистами Джозефом Элсопом и Эдгаром Моурером, которые стали лоббировать политических лидеров и членов Конгресса насчет спасения Китая. Самым влиятельным другом Т.В. стал Томас Коркоран — главный спичрайтер Рузвельта, составивший черновики многих законов «нового курса». Все эти люди знали, что президент склонен помочь Китаю. Его семья имела давние связи с шанхайской опиумной торговлей, и Рузвельт, похоже, считал, что вполне понимает Китай. У него был идеализированный образ Востока, и несколько лет Сун и Кун этим пользовались, писали Рузвельту письма и слали ему чай в подарок.

В ноябре 1940 г. Рузвельт был переизбран на третий срок и вскоре просил Конгресс одобрить стомиллионный заем Китаю по ленд-лизу (с. 367). Для управления такой суммой Т.В. учредил в Нью-Йорке и Вашингтоне ряд компаний. Одной из них была «Китайские оборонные поставки», которую возглавил брат Томми Коркорана Дэвид. Одним из директоров был дядя президента Фредерик Делано. Когда Т.В. упомянул, что едет в Америку по семейному бизнесу, оказалось, что он имел в виду семьи Сунов, Рузвельтов и Коркоранов.

Хотя в годы Второй мировой войны проблема героиновой зависимости в США в основном исчезла, в самом Китае нарушения производства и сбыта наркотиков не произошло. Генералы Гоминьдана и лидеры Зеленой банды продолжали эти операции лишь с короткими перерывами и бойко торговали с японцами через линию фронта.

«Скорость, с какой китайские наркотики перестали быть крупной проблемой в Америке после одобрения займа, порождает щекотливые вопросы. Это предмет, по которому архивы казначейства не смогли представить ни одного документа в ответ на запрос в ходе расследования согласно Закону о свободе информации.

В действительности по теме наркотиков в течение нескольких лет было много отчетов из Китая от агентов казначейства США, а копии отчетов хранились в особом архиве Госдепартамента. Причина, по которой казначейство и Управление по борьбе с наркотиками отрицают осведомленность об этих папках, создает интересную ситуацию. Ни в одной из них не упомянут Т.В. Сун, кроме как косвенно, так что намеков на его вовлеченность в заморскую наркоторговлю никогда не было. Косвенно Т.В. упомянут потому, что один его работник, часто сопровождавший его в зарубежных поездках, как говорят, активно участвовал в контрабанде героина в Америку в крупных масштабах.

Если посмотреть на это с учетом текущей политики правительства США, согласно которой производящим опиум странам дают “альтернативные сельскохозяйственные культуры” и обильную экономическую помощь для компенсации потери прибыли от наркотиков, быть может, американская политика в отношении наркотиков зародилась в этой первой комплексной сделке с чановским Китаем» (с. 368–369).

В октябре генералиссимус прислал к Т.В. Шеннолта, который подготовил список самолетов для покупки. Подвернулся случай: сотня тяжелых истребителей P-40 были готовы для отправки в Британию, но та хотела более новых и быстрых самолетов. Истребители ушли в Китай. Для их подготовки Т.В. нанял предпринимателя Уильяма Поли, и тот учредил для этого Центральную самолетостроительную компанию. В апреле 1941 г. Рузвельт разрешил военному персоналу выходить в отставку и подписывать с этой компанией контракты, чтобы на год ехать с Шеннолтом воевать с Японией. После безнаказанных бомбардировок Куньмина и Чунцина японцы в декабре 1941 г. вдруг столкнулись с сопротивлением американских истребителей и были вынуждены отступить на базу в Ханое. Летчиков из Американской добровольческой группы китайцы прозвали «летающими тиграми». Правда, в июле 1942 г. 29 из 34 пилотов ушли в отставку, недовольные коррумпированностью и высокомерием гоминьдановского руководства (с. 371). Однако им на смену пришли сотни других: США слишком серьезно поставили на Чана, чтобы отказаться от его поддержки.

Т.В. изображал оборону Чаном Китая как доблестную войну с японскими полчищами. На деле Чан старался воевать как можно меньше. Лишь в одном случае, в апреле 1938 г., армия генерала Ли Цзунжэня в сражении при Тайэрчжуане доказала, что китайцы могут бить японцев. Однако Чан велел не преследовать побежденных, и через несколько недель японцы вернули себе инициативу. Генералиссимус экономил ресурсы для возобновления войны с коммунистами. Окопавшись в Чунцине, он предоставил народу защищаться, как умеет. Одной из попыток Чана замедлить японское наступление был взрыв дамб на Хуанхэ. Без предупреждения были затоплены три провинции, лишились домов 2 млн. человек и был уничтожен весь их урожай (с. 372). Вину правительство пыталось переложить на японцев. В то же время Чан вмешивался всякий раз, когда китайские коммунисты, как казалось, посягали на «его» территорию. Это была война внутри войны. Результатом стали одни из худших зверств войны, к которым японцы отношения не имели.

К 1940–41 гг. сфера влияния Чана сократилась, тогда как коммунистов — расширилась за счет японцев. В «красной» зоне солдаты, партизаны и крестьяне сражались яростно и эффективно. Соглашение об объединенном фронте включало подчинение Красной Армии гоминьдановскому командованию. Эту армию назвали

Восьмой армией, а еще одно соединение коммунистов — Новой четвертой армией. Последнюю отправили воевать на южный берег Янцзы, который входил в сферу влияния Зеленой банды.

Под японской оккупацией банда орудовала по-прежнему, хотя Ду в звании генерала Гоминьдана осмотрительно уехал в Чунцин. В его отсутствие шанхайской штаб-квартирой заведовал его начальник порта Гу Цзучжуань. Военную ответственность за низовья Янцзы Чан возложил на его брата — генерала Гу Чжутуна.

Новая четвертая армия в декабре 1940 г. вторглась во владения братьев Гу с целью ударить по железнодорожной магистрали японцев, которая вела к Нанкину и Шанхаю. В этой зоне Зеленая банда и японцы сотрудничали. В обмен на разрешение опиумной контрабанды и других преступных действий Зеленая банда гарантировала безопасность японских гарнизонов и предприятий. Посоветовавшись с Чаном, генерал Гу решил, что Новая четвертая армия представляет угрозу и велел ей перейти на северный берег реки. Командиры коммунистов заявили, что это подставит армию под удар японцев, и выбрали более безопасный маршрут, оставив командование, штаб, медсестер и обслуживающий персонал всего с 5 тыс. солдат (с. 373–374). Внезапно солдаты генерала Гу напали на них и многих перебили, а женщин изнасиловали.

Хотя обе стороны сохранили видимость объединенного фронта, на деле с ним было покончено. Позднее Чан в интервью американскому журналисту Теодору Уайту прямо сказал: «Японцы — болезнь кожи, коммунисты — болезнь сердца» (с. 374).

Хотя Чан вел войну подозрительно, после японского удара по Пёрл-Харбору статус Китая в США резко изменился. Когда Т.В. на следующий день разговаривал с министром ВМС Франклином Ноксом, тот, забыв, с кем говорит, стукнул кулаком по столу и проревел: «Мы собираемся перебить всех этих желтых ублюдков». Вскоре Т.В. был назначен министром иностранных дел, что дало ему дополнительные рычаги договариваться о финансовой помощи. В феврале 1942 г. Конгресс одобрил новый заем Чану в 500 млн. долларов США (с. 374). Чан получил его на своих условиях: без залога, процентов и условий погашения и использования суммы. Теперь Америка должна была его поддерживать. Между тем, по отзыву высокопоставленного американского офицера на Китайско-бирманско-индийском театре военных действий Джозефа Стилуэлла, он не слышал от Чана ни слова благодарности президенту или стране. Когда что-либо обещали, Чан хотел еще большего, а результаты его усилий были нулевыми.

Осенью 1942 г. поездку доброй воли в Китай совершил бывший кандидат в президенты США Уэнделл Уилки, проигравший Рузвельту в конце 1940 г. Посетив Чунцин, он был очарован генералиссимусом и его женой, после чего содействовал созданию их положительного образа в Америке. В годы войны в США стало популярной страничка юмора «Терри и пираты», в которой изображались приключения в Китае молодого американского пилота, смоделированного по героям Американской добровольческой группы. Персонажи были основаны на реальных и часто узнаваемых людях из новостей, среди которых была таинственная Dragonlady. Она не раз спасала Терри Ли, появляясь и исчезая как крестная мать-волшебница. Ее именем европейцы называли вдовствующую императрицу Цы Си, но позднее оно не раз служило прозвищем госпожи Чан.

Стремясь усилить образ Китая как привлекательного союзника Америки, Мэйлин убедила мужа, что должна поехать туда лично. К этому времени ходили слухи, что отношения между супругами не лучшие. Говорили, что Чан завел любовницу. К тому же в Китай тайно вернулась его бывшая жена Чэнь Цзежу, которая, по слухам, была опять беременна от него.

«Также было возможно, что социальные, финансовые и политические выгоды брака с династией Сун теперь воспринимались как должные; что брак с Мэйлин как брак по расчету на деле мало помогал их поддерживать; что Чан уже получил все выгоды и начал терять их, причем Суны не могли ему помочь; что сама Мэйлин разочаровалась в Чане из-за его несоответствия ее представлениям и пустого позерства. В то время как его мир сужался, мир Мэйлин расширялся. Она была международной знаменитостью, одной из самых влиятельных женщин планеты. Постоянные напоминания о ее огромной финансовой и политической ценности, должно быть, задевали его за живое» (с. 380).

Кроме того, Мэйлин не родила Чану наследника. Подрастали его собственные два сына. Вэй Го вернулся из Германии и так и не поладил с мачехой. Старший, Цзян Цзинго, в 1937 г. вернулся из Москвы с русской женой. Когда генералиссимус хотел познакомить его с «новой мамой», сын ответил, что это не его мать, и уехал к настоящей. Это было начало его конфликта с Мэйлин за наследование «трона» Чана.

В довершение всего ухудшалось здоровье Мэйлин. У нее болели ребра и спина, она страдала от нервного истощения и других болезней. Раны ребер и спины она получила, объезжая фронт в 1937 г., когда «седан» попал под огонь и перевернулся. К тому же близкое окружение знало, что Чан подозревает у нее рак, поэтому возлагали надежды на американскую медицину.

Т.В. в Вашингтоне был против приезда Мэйлин: считал Америку своей территорией. В ноябре 1942 г. она всё же улетела в США на стратегическом бомбардировщике в сопровождении племянницы — Жаннетт Кун. Встретилась в Нью-Йорке с Элеонорой Рузвельт, прошла медицинские процедуры, пообедала в Белом доме с Рузвельтами. Президент спросил, как она и генералиссимус поступят с шахтерами в случае забастовки в военное время. Мэйлин молча провела своим длинным лакированным ногтем по горлу. Свои речи и статьи она переписывала семь-восемь раз, доводя секретарей Белого дома до отчаяния; важнейшим было ее обращение к Конгрессу. Вообще в Белом доме ее считали самым проблемным гостем за все годы администрации Рузвельта.

Американская общественность уже хорошо знала Мэйлин благодаря усилиям Льюса. Помимо прочего он содействовал образованию Фонда помощи объединенному Китаю. К концу 1942 г. он собрал 17 млн. долларов США (с. 387). Между тем инфляция в Китае становилась абсурдной: в 1938 г. цены выросли на 49%, в 1942 г. — на 235% (с. 387). Поэтому при обмене по официальному курсу (1 американский доллар = 3,25 китайских) финансовая помощь Китаю почти ничего не стоила.

Шестинедельное турне Мэйлин включало Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес. Чиновникам фонда пришлось объяснять богатое одеяние госпожи Чан на фоне ее речей об обнищавшем Китае. Часть жемчуга в ее туфлях, возможно, была украдена из гробницы Цы Си. Этот жемчуг грабители поднесли генералиссимусу и его жене в подарок. В маленьком городке в Юте она не захотела выходить к народу сама,

так как еще лежала в постели, и послала вместо себя китайскую горничную, которая милостиво кивала собравшейся толпе и благосклонно улыбалась крикам «Вот она!». В июле 1943 г. Мэйлин вернулась в Чунцин.

Хотя в самих США американцы были введены в заблуждение насчет Китая, американских военных за рубежом было не провести. Когда багаж Мэйлин сняли в Ассаме с самолета, чтобы облегчить его для опасного перелета через Тибет, и стали перегружать в военный транспортный самолет, солдаты ненароком выронили одну корзину. Она оказалась полна косметики, белья и затейливой бакалеи, которых госпожа Чан накупила до конца войны. Американцы пришли в ярость, так как их транспорт находился в плохом состоянии, а многие пилоты теряли жизни в ходе опасных рейсов в Китай. Солдаты уже специально уронили и разбили все другие корзины, основательно вываляли каждое меховое пальто и часы в пыли, а затем побросали всё в самолеты.

Через три месяца после отъезда Мэйлин домой в епископальной церкви св. Иоанна в Массене (штат Нью-Йорк) установили большой витраж. На нем были изображены Иисус, Мария и святые, расположенные по хронологии. Фигуру, представляющую настоящее, изобразили с восточным лицом; это была госпожа Чан. Она держала свиток со своим христианским посланием американцам: «Мы должны попытаться простить».

Зенитом политической карьеры Мэйлин, но и началом конца карьеры Чана была встреча в верхах в Каире в 1943 г. Пригласить Чана было идеей Рузвельта, который преодолел сопротивление Черчилля. В Британии Чанов никогда слишком всерьез не воспринимали. Однако, вложив в Китай столько средств, Рузвельт хотел, чтобы мир увидел Чана как великого международного деятеля, члена Большой Четверки. На встрече президент обещал ослабить японское давление на Китай, начав в 1944 г. наступление союзников в Бирме и Бенгальском заливе.

Черчилль считал, что американцы сильно преувеличивают способность правительства Чана играть роль в войне. Из Каира они с Рузвельтом проследовали в Тегеран на встречу со Сталиным. Там Рузвельта убедили отказаться от планов войны в Азии в пользу вторжения союзников в Европе. Чан пришел в ярость и заявил послу в США, что в серьезных намерениях его страны китайский народ и армию может убедить только заем в 1 млрд. долларов США (с. 394).

Говоря китайскими терминами, династия Сун утратила Мандат Неба не в 1949 г., а в 1943 г. — прежде, чем США оказались связаны с ее судьбой. Это заметили те, кто наблюдал за Китаем для прессы и Госдепартамента, но их мнение игнорировали.

Китайские коммунисты еще не были в состоянии бросить Чану вызов. Однако они вели эффективную партизанскую войну против японцев. Последние пытались отбросить коммунистов тактикой «выжженной земли», но она лишь пополняла ряды Мао. Вдоль гоминьдановско-японского фронта на юге боев было мало. Командующие торговали через ничейную территорию, выменивая американские материалы по ленд-лизу на японские потребительские товары. Единственными сражающимися гоминьдановцами были те, кто находился под началом Стилуэлла в Бирме.

На китайской территории под номинальным контролем Чана условия ухудшались с тревожной быстротой. Валюта ничего не стоила, но Кун продолжал эмиссию. Промышленные товары были доступны лишь коррумпированным бюрокра-

там и офицерам, большинство которых занимались спекуляцией. Чан неосмотрительно поддержал предложенный Куном план борьбы с инфляцией путем заморозки цен. Производители тут же перестали выбрасывать на рынок мясо и растительное масло, ожидая роста цен. В Чунцине голодали даже средние слои. Многие образованные китайцы, когда-то поддерживавшие Гоминьдан, поняли, что он занят лишь сохранением своей власти. Одних это оттолкнуло навсегда, другие ограничивались мягким осуждением режима, за что подверглись репрессиям тайной полиции. Режим не вел войну с захватчиками, зато в штаб-квартиру Дай Ли волокли любых лояльных граждан, которые осмеливались критиковать власти. Их били, обезглавливали, морили голодом или сажали на героин в концентрационных лагерях.

Офицерский корпус был тонкой коркой на многочисленной армии, солдат которой загнали в ее ряды силой. Для Китая это не было новым, но прежде, когда падали династии, мандаринская бюрократия обычно переходила к новой династии, обеспечивая преемственность. Однако такой бюрократии больше не было — она стала одной из мишеней революции 1911 г.

«Чтобы управлять, “правые” теперь целиком зависели от *правдоподобности* ГМД, т.е. ее престижа, который по определению был “уловкой или иллюзией фокусника”. Это было сутью Мандата Неба. Когда правдоподобность Чана испарилась, те, кто указали, что король голый, очутились в смертельной опасности.

Чан всё более делался тираном. Он всё более забирал контроль у членов семьи Сун (которых всегда терпел) в пользу клики С – С братьев Чэнь (которые всегда были необходимы). Без них он не мог выжить, так как они напрямую представляли людей, приведших его к власти, — иерархию Зеленой банды, — а вопросом теперь было выживание. Большеухий Ду старел и больше не был в положении единолично гарантировать позиции Чана. В конце концов связи Чана с кровным братством Зеленой банды в целом оказывались сильнее связей с династической семьей» (с. 396).

Влияние Сунов закатилось не сразу. Они сохраняли свои звания, но представляемый ими либерализм перестал быть национальным фасадом. По мере того, как Чан всё больше опирался на Чэней и Дай Ли, он, подобно Гитлеру, скатывался в мегаломанию. В отношении Вашингтона он вел себя всё заносчивее, хотя поддержки это не стоило. Американских чиновников не заботило, что Чан попирает права человека. Вашингтон всё сильнее разделял зацикленность Чана на послевоенной угрозе коммунизма. Чтобы угодить генералиссимусу и его сторонникам в Америке, политический советник Рузвельта Гарри Хопкинс и Госдепартамент были готовы пожертвовать любым количеством китайцев.

Американская помощь Дай Ли поступала через военно-морского командующего Милтона Майлза, который вел скрытые операции против японцев вдоль побережья Китая. Майлз всё перепоручал Дай Ли. В результате против японцев он делал мало, зато много — для Дай Ли, который для США не делал ничего. Это привело к конфликту с директором Управления стратегических служб (УСС) Уильямом Донованом. На банкете в Чунцине Донован предупредил Дай Ли, что если тот будет продолжать мешать агентам УСС собирать сведения в Китае, те станут работать отдельно. Дай Ли, улыбаясь, предостерег, что в таком случае будет убивать его агентов. Донован отвечал, что за каждого убитого агента американцы будут убивать гоминьдановского генерала.

Однако такая откровенность была редкой. Американцы не понимали, в какую попадают ловушку, поскольку до руководства Госдепартамента не доходили тайные отчеты о Китае. Их перехватывали сотрудники этого ведомства, поддерживавшие сохранение тесных связей с режимом Чана. По сведениям ФБР, кто-то из высокопоставленных чиновников Госдепартамента передавал такие отчеты «Китайским оборонным поставкам» и их читал Т.В. Таким образом, американцы, отправленные в Китай наблюдать за режимом Чана, отчитывались перед семьей Сун, а не Рузвельтом.

В министерстве обороны США положение было другим. Генерал Джордж Маршалл относился к Чану подозрительно и слушал предостережения Стилуэлла. Однако президент слушал только Хопкинса и сторонников Чана вокруг Томми Коркорана и Т.В.

В 1944 г. японцы приступили в Восточном Китае к операции «Ити-Го». Это было их первое крупное наступление после захвата Уханя в 1938 г. Побудило японцев к нему появление американских подводных лодок в территориальных водах Японии, что поставило под угрозу снабжение захваченных владений в Юго-Восточной Азии. Альтернативой для японцев стала главная железнодорожная магистраль Китая, которая протянулась с севера на юг и в захвате которой не было необходимости прежде.

Шеннолт хвастался Рузвельту, что его самолеты могут потопить японские суда общим водоизмещением в миллион тонн. В этом он конкурировал со Стилуэллом, требуя военных поставок себе, а не ему. Как обычно, Стилуэлл оказался прав: японцы просто уничтожили выдвинутые гоминьдановцами военно-воздушные базы. В апреле 1944 г. японцы нанесли удар, и трехсоттысячная китайская армия испарилась (с. 398). Шеннолт заявил, что этого не случилось бы, если бы Стилуэлл отпустил достаточно материалов по ленд-лизу. На деле материалов было так много, что китайские командиры продавали их на «черном» рынке и японцам.

В июне 1944 г. Чунцин посетил вице-президент США Генри Уоллес. На время его приезда Чан велел схватить всех нищих, связать вместе веревками и выслать из города. Уоллеса взяли в оборот Т.В. и журналист Джо Элсоп. Они пытались убрать Стилуэлла, но дальновидный Уоллес написал президенту: «Чан в лучшем случае — краткосрочное вложение. Не считают, что он обладает умом или политической силой для управления послевоенным Китаем. Лидеры послевоенного Китая выдвинутся путем эволюции или революции, причем сейчас более вероятным кажется второе» (с. 400).

Министерство обороны вступилось за Стилуэлла, и Рузвельт просил Чана поставить под его командование всю китайскую армию. Чан пытался торговаться, но президент пригрозил остановить всю помощь, если тот выведет войска из Бирмы и не передаст командование Стилуэллу. Последнее ставило под угрозу широкую паутину коррупции, от которой зависело выживание Чана. Однако в конечном счете Стилуэлл потерпел поражение — из-за отказа Вашингтона верить собственным наблюдателям в Китае. Новый личный представитель Рузвельта в Китае генерал-майор Патрик Хёрли вступился за Чана, и президент отозвал Стилуэлла.

Хёрли решил в одночасье урегулировать гражданскую войну в Китае и съездил в Яньань. Передав Чану условия Мао, он обнаружил, что генералиссимус даже не будет их рассматривать. Съездив в Яньань вторично, Хёрли пытался убедить Мао принять верховную власть Чана, что было бесполезно. Представители правительства США в Чунцине писали: независимо от того, насколько Вашингтон хочет, что-

бы Китаем управлял Чан, последний потеряет эту страну в пользу коммунистов. Начальство в Госдепартаменте просто не хотело это слушать. Наблюдателей обвиняли в симпатиях к коммунизму. На деле они лишь предостерегали свое правительство о наиболее вероятном развитии событий.

Вашингтон обхаживал Чана, а для него стало обычным в случае невыполнения его требований угрожать сепаратным миром с Японией. Одной из вариаций этой угрозы для Т.В. или Чана было предупреждение, что за помощью Китай обратится к Москве. Это была любопытная угроза от правительства, лейтмотивом которой был антикоммунизм.

Рузвельт считал, что глубоко понимает китайский менталитет. На деле он общался лишь с американизированными китайцами вроде Мэйлин и Т.В. Китайцы называли таких соотечественников «бананами», потому что желтые они лишь снаружи, а внутри белые. «Таким образом, американская политика была основана на личностях Чанов, Сунов и Кунов, а не на событиях, нации или народе. То была дань искусному драматургическому мастерству Сунов. Человек, официально ответственный за китайскую политику США, — Стэнли Хорнбек, старейшина Дальневосточного отдела Госдепартамента, — имел самые неполные и ходульные знания о Китае, к тому же уже много лет не бывал в стране» (с. 404). Язык он знал худо, а страну и народ — еще хуже. Хорнбек удерживал от госсекретаря телеграммы с критикой Чана и в то же время претендовал на эзотерическое знание загадочного Востока.

Когда в январе 1943 г. в Вашингтон для консультаций вернулся один из «китайских наблюдателей» Джек Сёрвис, он написал меморандум с рекомендацией тщательно изучить внутриполитическую ситуацию в Китае, особенно растущий раскол между Гоминьданом и коммунистами. Сёрвис предостерег, что Гоминьдан отходит даже от внешних форм демократии и одержим возобновлением гражданской войны. Китайские коммунисты считали, что Вашингтон может заставить Чана вести себя подобающим образом, а безоговорочную американскую поддержку Чана рассматривали как провокацию, которая заставляет их повернуться к Москве.

У неуклюжей политики США в отношении Китая есть еще один аспект. Он проявился с рассекречиванием документов ФБР в 1983 г. В том же январе 1943 г. директору ФБР Эдгару Гуверу был представлен еще один меморандум, возможно, написанный тем же Сёрвисом. В нем говорилось, что семья Сун — самая влиятельная в Китае и «практически осуществляет смертельную хватку» (с. 407). Суны одержимы деньгами и составили заговор с целью присвоить материалы и средства, получаемые Китаем по ленд-лизу. Содержалось в документе и предостережение об угрозе, которая исходит от Айлин для членов ее клана в случае их конфликта с ней.

В самом деле, через несколько месяцев между Т.В., с одной стороны, и Айлин и Мэйлин, с другой, начался конфликт, имевший роковые последствия для династии. Он возник из-за растущих независимости, богатства и влияния Т.В. по другую сторону Тихого океана. Документы ФБР и отчеты «китайских наблюдателей» наводят на мысль, что он удерживал больше имущества по ленд-лизу, чем это считали возможным другие члены семьи. Генералиссимус и братья Чэнь тоже были встревожены тем, что Т.В. строит в Америке независимую империю. Они хотели отнять у него портфель распределителя иностранной помощи и передать Куну. Однако Т.В. не собирался уступать позиции без борьбы.

Значительную часть своей зарубежной финансовой империи Т.В. вывел из-под контроля Чана. Своего брата Т.Л. он снабдил особым дипломатическим паспортом, тот уехал в Вашингтон и стал главным агентом по закупкам и администратором всех материалов по ленд-лизу для Китая. Иногда эти материалы оказывались на «черном рынке» менее через два часа по прибытии в Китай; иногда они исчезали и уже не появлялись. В общей сложности через руки Т.В. и Т.Л. прошло материалов по ленд-лизу на 3,5 млрд долларов США (с. 411). Кроме того, Т.В. убедил братьев Чэнь, что опасаться им надо не его, а Мэйлин и Кунов. Братья Чэнь всегда ненавидели Айлин.

Что касается Мэйлин, то она быстро теряла способность бороться за власть. В Чунцине она жила у Кунов, а не с мужем, избегала появления на публике. Кун находился под ударами со всех сторон и в июне 1944 г. был отправлен в отставку с поста министра финансов. В том же месяце Мэйлин «по совету врачей» уехала в Бразилию. С ней отправились Айлин и ее сын Луис с женой. Это подтверждало слухи, что Айлин потерпела поражение в борьбе за власть. Поселившись на острове Брокойо под Рио-де-Жанейро, Мэйлин лечилась, а сестра имела дела с президентом Жетулиу Варгашем, переводила средства и приобрела кое-какую собственность в Сан-Паулу. Куны и Суны имели вложения в Южной Америке, включая счета в банках, акции нефтяных, железнодорожных и других компаний. Если финансовое положение Куна на родине было теперь в опасности, поездка сестер в Бразилию понятна. В сентябре 1944 г. сестры перелетели в Нью-Йорк. Американский разведчик доносил из Чунцина, что госпожа Чан, вероятно, останется в США, но по соображениям приличия не будет разводиться с мужем. На этот раз в течение всего пребывания Мэйлин в Нью-Йорке Генри Льюс не опубликовал о ней ни слова.

Сестры оставались за рубежом до конца Второй мировой войны. Мэйлин вернулась в Чунцин лишь в июле 1945 г.

Отправленный в 1944 г. в отставку, Кун тоже покинул Китай, находясь в немилости. Официально он получил «особое назначение» для участия в международной экономической конференции в Бреттон-Вудс. В Китай Кун вернулся лишь в августе 1945 г., проведя бóльшую часть времени в Нью-Йорке.

Что же предвосхитило такие изменения в судьбе многих членов династии Сун? В конце 1943 г. более молодые генералы, которые выдвинулись в годы войны, решили, что для спасения Китая надо свергнуть Чан Кайши и его коррумпированное окружение. Они связались с американским бригадным генералом Томасом Тимбермэном, который обучал китайские войска на востоке страны, и просили поддержки США. Официально американцы ответили отказом, но УСС проявило к заговору интерес. Его планировали на время отъезда генералиссимуса в Каир. Однако Дай Ли узнал о заговоре и убедил Чана, что к нему могут быть причастны члены его семьи. Так это или нет, то была возможность для Дай Ли и братьев Чэнь подорвать позиции конкурентов. С одобрения Чана Дай Ли арестовал более 600 армейских офицеров, а по возвращении Чана 16 наиболее перспективных генералов были казнены (с. 415). Вскоре Чан восстановил в должности Т.В., отправил в отставку Куна и велел ему убираться из страны, забрав двух сестер.

Т.В. победил, очевидно, встав на сторону братьев Чэнь и Дай Ли. К концу 1944 г. он вновь был исполняющим обязанности премьера, а в мае 1945 г. занял

этот пост официально, оставаясь министром иностранных дел и получив пост министра финансов. С 1944 г. все члены династии Сун, кроме Цинлин, были заняты больше в США, чем в Китае. Они строили, возможно, крупнейшее коллективное состояние в мире, значительно превышавшее 2 млрд. долларов США, а возможно, и 3 млрд. (с. 416). Согласно «Британской энциклопедии», Т.В. «как говорят, был богатейшим человеком в мире».

Без Мэйлин, которая «переводила» то, что Чан «говорил» для мировой аудитории, он возвращался к своему «досуновскому» состоянию, когда он был enfant terrible шанхайского преступного мира. Старея, он предпочитал публичную роль отдалившегося от мирских дел аскета-конфуцианца. В этом его поощряли братья Чэнь, которые освободили генералиссимуса от бремени принятия решений. Чунцин деградировал до менталитета придворных интриг. Между тем проницательные люди готовились к катастрофе.

Чан был так далек от реальности, что однажды не поверил слухам, будто его собственные солдаты падают мертвыми от голода на улицах. Он послал сына проверить информацию, а когда выяснилось, что это правда, вышел посмотреть сам. Чан ударил плеткой по лицу офицера, ответственного за новобранцев, и бросил его в тюрьму, но смерти продолжались. В августе 1944 г. с улиц Чунцина убрали трупы 138 умерших от голода солдат (с. 419). Чан больше не выходил.

Вышла книга Чана «Судьба Китая», которая давала представление о всё более смятенном состоянии его ума. Всю вину за беды страны автор возлагал на иностранные державы. Книга выдавала такой фанатизм и слабоумие автора, что ее переводчики на английский сказывались больными — лишь бы не встречаться с иностранцами, которые ее читали.

Единственным членом клана Сунов, остававшимся в Чунцине в последний год войны, был Т.В. Он вырос, у него больше не было гарвардской либеральной нерешительности и морализаторства. Теперь у него было больше реальной власти, чем у Чана, и больше реальных денег, чем у кого-либо, кроме горстки мировых сверхбогачей. Каждый вечер, когда рядом не было журналистов, он обедал стейками, специально заказанными из Канзас-Сити. Теперь Т.В. мог выполнять работу Мэйлин лучше ее самой. Он выступал для Чана переводчиком, пил чай с политиками и дипломатами, которых ненавидел, говорил, когда надо, патриотические речи и выставлял режим поборником прав человека и общественного прогресса.

На службе правительства было много китайцев, европейцев и американцев, которые занимались имиджем страны, общественными отношениями и пропагандой. Одной из их задач было не пускать скандалы в газеты. И всё же иногда ошибки случались, как в мае 1945 г., когда Т.В. участвовал в конференции ООН в Сан-Франциско. Радиокомментатор Рэймонд Суинг заявил, что в Китае разразился скандал с золотом: в марте цену на золото официально повысили, и высокопоставленные чиновники немало на этом нажились. По просьбе Т.В. и Куна США одалживали Китаю золото с 1943 г. Теоретически его продавали контролируемым правительством китайским банкам, чтобы стабилизировать инфляцию. Чан жаловался, что США медленно перевозят обещанное золото, и Кун объявил, что банки будут продавать «золотые сертификаты», которые можно будет обменять на реальное золото, когда оно прибудет. Иными словами, американское золото обеспе-

чило появление нового фьючерсного рынка, которым можно было манипулировать ради прибыли.

Журналистам в Сан-Франциско Т.В. отвечал, что происходящее на рынке золота возбудило подозрения у него самого. По приказу Чана спешно провели расследование и виновными объявили двух младших клерков Центрального трестового банка, в совет директоров которого входили Кун и Т.Л. Клерков быстро расстреляли, но один успел прокричать очевидную вещь: их сделали козлами отпущения. Кун в своей роли «Мудреца» однажды изрек, что «война — плохой бизнес для всех». Она была плохим бизнесом в Китае — кроме тех, кто был связан с династией Сун.

Худшие черты режима Чана воплощает история генерала Тан Еньбо. Начинал он сельским бандитом в Чжэцзяне, стал в Шанхае боевиком Зеленой банды и уговорил местного милитариста оплатить ему военное обучение в Японии. Когда началась Вторая мировая война, Тан был одним из любимых полевых командиров Чана. Ему вверили армию в Хунани, где он выколачивал из крестьян последние горстки зерна, что вызвало великий голод 1942–43 гг. Генерал участвовал в торговле на «черном рынке». Когда в 1944 г. японцы начали операцию «Ити-Го», Тан на фронте отсутствовал. Его войска в панике бежали, штабные офицеры бросили своих людей и уехали на грузовиках с семьями и награбленным имуществом. Войска обирали крестьян, тогда те вооружились вилами и разоружили 50 тыс. солдат (с. 423). В награду Тан получил командование Третьей фронтовой армией, а после войны был сделан заместителем главнокомандующего китайской армией генерала Гу Чжутуна.

К концу войны Китай (по крайней мере на бумаге) располагал 6 млн. унциями золота и запасами долларов США на сумму более 900 млн. (с. 424). Китайское лобби в Америке было так активно, что иностранная помощь продолжала поступать в Китай быстрыми темпами. Т.В. настаивал, что полный контроль над этими поставками должны осуществлять китайцы. Невероятно, но кредитные агентства согласились. По назначении премьером Т.В. учредил Китайскую администрацию национальной помощи и реконструкции, которая распределяла гуманитарную помощь ООН. Когда эта помощь начала поступать, ее тут же направили по каналам «черного рынка». Как Чан и Ду в 1927 г. использовали жупел коммунизма, чтобы вымогать миллионы у шанхайских купцов, так Чан использовал опасения захвата Китая коммунистами, чтобы получить миллионы у США.

В Китае бушевала гиперинфляция: 1 доллар США стоил 11 млн. китайских долларов (с. 425). Для исправления ситуации режим тайно подготовил эмиссию новых банкнот, обеспеченных золотом («золотой юань»). Всё население призывалось сдавать дискредитированные банкноты фаби и всё имеющееся серебро и золото в обмен на новые банкноты. Правительство собиралось выкупить драгоценные металлы по искусственной цене. Для всех, знавших дату обмена, возникла большая выгода. По-видимому, Т.В. предупредил знакомых гоминьдановских офицеров, чтобы они забрали свое золото из шанхайских банков до даты обмена. Однако кто-то из них распространил информацию, и в Шанхае началась паника: сотни крупных вкладчиков забирали золото из банков. Чан оказался посмешищем всей страны. На этот раз Т.В. с него было довольно.

Т.В. официально обвинили в том, что вызвал «золотую лихорадку». Чан велел ему уйти с поста премьера, освободил от других правительственных должностей, а братьям Чэнь приказал тайно расследовать его финансовые операции. «В утешение» Т.В. был назначен губернатором Гуандуна, что дало ему время вывести свое огромное богатство из Китая через Кантон и Гонконг.

Осенью 1947 г. братья Чэнь представили отчет, в котором Т.В. обвинялся в «плохом управлении иностранными… средствами». Было обнаружено, что пропала примерно половина китайских резервов твердой иностранной валюты и золота (с. 427).

Несмотря на неуклонное наступление коммунистов по Северному Китаю, Чан еще претендовал на верховную власть. В ходе затишья перед бурей он не оставил идеи золотого юаня. Датой эмиссии новой валюты было объявлено 19 августа 1948 г., а все старые банкноты должны были быть возвращены к 30 сентября вместе с драгоценными металлами и иностранной валютой. Проводить реформу должен был Цзян Цзинго.

Получив от отца инструкции «почистить» Шанхай, Цзян повел безжалостную борьбу с коррупцией и «черным рынком». Однако он допустил две серьезные ошибки. Во-первых, арестовал сына Ду Юэшэна — биржевого маклера Ду Вэйпина, выпускника Массачусетского технологического института. Его обвинили в том, что он выбросил на рынок 30 млн. акций перед валютной реформой (с. 428). Ду-младшего судили так быстро, что никто толком еще не понял, что он арестован. Приговор был мягким — восемь месяцев; к тому же в тюрьму Ду-младшего не посадили. Однако его арест и суд над ним были признаком того, что времена меняются. После войны хватка Большеухого Ду ослабла из-за возраста и плохого здоровья ввиду наркомании. К тому же выигравшие от войны соперники рвались разрушить монополию Зеленой банды. Ду не собирался вновь брать в свои руки повседневное управление делами банды, тем более с севера по Маньчжурии надвигались красные. Ду стал переводить имущество в Гонконг.

Второй ошибкой Цзян Цзинго был арест генерального менеджера Корпорации развития Янцзы Дэвида Куна за хищение американских и европейских товаров. Мэйлин прилетела из Нанкина в Шанхай и потребовала от Цзян Цзинго освободить племянника. Дэвид улетел во Флориду и в Китай не вернулся.

Из-за эффективности пропагандистской машины мало кто знал, что в браке Чана наступил кризис. Поэтому мало кто удивлялся, что Мэйлин вернулась в Чунцин и вновь заняла место рядом с мужем. Возможно, это было связано с тем, что, по слухам, вторая жена Чана родила мальчика, но он не выжил. Мисс Чэнь вернулась в Калифорнию, позднее перебралась в Гонконг.

Отношение США к Китаю переживало любопытную трансформацию. В 1946 г. популярность президента Г. Трумэна была низкой, а его республиканские конкуренты укрепляли позиции в Конгрессе. Одной из их любимых тем теперь, после победы над фашизмом, была угроза коммунизма. Республиканцы критиковали демократов за то, что те не снабжают Чан Кайши средствами. Однако генералы Маршалл и Ведемейер предлагали ограничить будущую помощь и поставить ее под строгий надзор. Они отдавали себе отчет в том, что главный козырь Мао — дикая коррупция гоминьдановского режима.

Чан и республиканцы в Вашингтоне не хотели этого слышать. Китайское лобби в США работало над победой республиканцев. Чаны и Генри Льюс считали, что президентом станет губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи. Ожидая этого, генералиссимус организовал Мэйлин новый визит в Вашингтон, чтобы она опять очаровала Америку и просила срочной военной и финансовой помощи против «красной угрозы». Конгресс проголосовал за помощь генералиссимусу в размере более 1 млрд. долларов, но этого было недостаточно (с. 432). Коммунисты одерживали победу за победой. Как раз в день президентских выборов в США 7 ноября 1948 г. они атаковали большое скопление националистических войск, защищавших Великую Китайскую равнину. Началась Хуайхайская битва — последнее крупное сражение между Чаном и коммунистами. Она продолжалась до 10 января 1949 г. и окончилась полным поражением Гоминьдана. В конце операции Чан велел ВВС бомбить собственные войска, чтобы их оружие и припасы не достались коммунистам. Во время этой битвы Чан обнаружил, что на него больше не действуют снотворные таблетки, которые он принимал годами. Он начал до бесчувствия напиваться. Его тревогу усилила весть о победе Трумэна на выборах: Белый дом больше не собирался выступать благотворителем.

Мэйлин Чан всё равно отправил в США. На этот раз в Белый дом или Конгресс ее не приглашали. Визит оказался катастрофой. Более того, в Вашингтоне стало модным кое-что вспоминать. Так, вспомнили, что Кун пустил 200 млн. долларов американского займа на закупку товаров у купцов оккупированного Шанхая в 1942 г., причем это были предприятия в собственности или под контролем Ду и Сунов, совместные с японцами (с. 433). Мэйлин поняла, что прежнее волшебство не работает. Трумэн откровенно говорил помощникам о «взяточниках и плутах» в китайском правительстве, добавляя, что в Нью-Йорке на банковских счетах китайцев размещен миллиард долларов американских займов (с. 434). В мае 1949 г. до Трумэна дошли слухи, что Суны и Куны припрятали на Манхэттене 2 млрд. (с. 434). Президент велел ФБР тайно расследовать эти слухи. Расследование и его результаты были столь секретными, что детали были рассекречены лишь в 1983 г., да и то пройдя серьезную цензуру.

Расследование вскрыло, что Т.В. к январю 1943 г. скопил более 70 млн. долларов, которые размещались на счете в Chase National Bank или National City Bank в Нью-Йорке, что на счету госпожи Кун в одном из этих банков имелось 80 млн., а у госпожи Чан — 150 млн. (с. 434). Прежде эти сведения отметались как японская пропаганда. ФБР обнаружило, что значительная часть ликвидных активов Кунов в США размещена в Китайском банке Куна в Нью-Йорке, а активов Т.В. — в его Кантонском банке в Сан-Франциско. Вскрылось, что разные члены семьи, включая Мэйлин, владели жилыми зданиями и офисными комплексами в городах США от западного побережья до восточного. Клан Сунов имел в собственности или контролировал ряд компаний, включая представителя иностранного производителя по адресу Уолл-стрит, д. 1, под названием Международная корпорация Фу Чун. Однако сохранялся устойчивый слух в англо-американских финансовых кругах, что Т.В. владел крупным пакетом акций General Motors и/или DuPont. Запрашивать документацию у казначейства ФБР не хотело, считая, что его высокопоставленные чиновники связаны с Т.В. и могут раскрыть ему факт расследования. Поэтому оно по-

лучило документацию косвенным путем, но выяснилось, что почти никаких интересующих сведений нет.

Расследование ФБР прекратилось ввиду особых обстоятельств, в которых находились Суны и Куны в Америке. Они не были ни гражданами США, ни зарегистрированными иностранными агентами. В Америку они приехали как видные чиновники китайского правительства и по-прежнему обладали дипломатическими паспортами. Чиновниками они больше не были — но кем же были? Суны и Куны находились в США в особом статусе знаменитостей, который освобождал их от заполнения формуляров. «Суны всегда, казалось, проскакивали сквозь щели. Они могли приезжать в Америку и уезжать из нее, когда хотели, жить там, держать там деньги в банках, инвестировать, вообще делать, что хотят, не обремененные обычными заботами повседневной жизни» (с. 437).

Решив, что продолжать расследование политически опасно, ФБР закрыло его, применив старый бюрократический прием передачи решения кому-то еще. В данном случае это было министерство юстиции, где дело быстро и ожидаемо предали забвению. Наибольшей загадкой остается бездействие Трумэна. Если он считал, что открыто выступать против китайского лобби опасно, он мог бы по крайней мере организовать утечку собранной ФБР информации, предоставить дело прессе. Возможно, он заключил, что ввиду вовлеченности столь большого числа видных людей пострадают интересы нации.

Чан между тем был занят подготовкой бегства на Тайвань. Наиболее доверенных людей он отправил опустошить китайские банки, арсеналы и музеи. По всей стране были сцены, напоминавшие последние дни нацистской Германии, когда похищенные полотна Рембрандта тайно уносили в частные подвалы до лучших времен. За несколько лет до этого по совету Чжана-антиквара был осуществлен план «эвакуации» богатств Дворцового музея, собранных четвертым императором (1735–96) маньчжурской династии Цяньлуном. Генералиссимус рассматривал эти богатства как свое наследство и в начале 1930-х годов перевез из Пекина в Нанкин. С вторжением японцев их доставили в отдаленные уголки Западного Китая, и сегодня невозможно выяснить, что и сколько в конце концов было утеряно. Чжан-антиквар в 1938 г. уехал в Европу, где содержал галереи в Париже, Лондоне и Женеве; войну он провел в Нью-Йорке, где тоже располагал галереей, и умер там в 1950 г.

Еще до окончания Хуайхайской битвы в Тайбэй было отправлено почти четверть миллиона картин и изделий из фарфора, нефрита и бронзы (с. 438). Двадцать первого января 1949 г. Чан Кайши, чтобы не подвергаться унижению поражения, ушел с поста президента Китайской Республики. Его сменил старый партийный соперник генерал Ли Цзунжэнь. Его первым шагом была попытка переговоров с Мао. Однако первым условием Мао выдвинул суд над Чаном и его женой, которые возглавляли, составленный КПК народный список военных преступников; за ними шли Т.В. и Куны.

Карьера Куна Сися была закончена. К концу войны у них с Айлин было около 1 млрд. долларов США, и бóльшую часть этого имущества банкир осмотрительно вывел за рубеж. В 1946 г. чета Кунов нанесла прощальный визит в Шанхай, чтобы перевести всё, что можно, в Гонконг или за границу. В 1947 г. они посетили свое имение в Тайгу (Шаньси), чтобы закрыть дворец, пока его не захватила НОАК. За-

тем Кун сообщил друзьям, что везет Айлин обратно в Америку лечиться. Т.В. в январе 1949 г., опасаясь за свою жизнь, ушел с поста губернатора Гуандуна и вместе с Лаурой бежал в Гонконг. Выйдя из самолета, он выглядел угрюмым как никогда. В мае Т.В. находился в Париже для «лечения», а в июне прибыл в США, вновь строго «по семейным делам».

Оставив пост президента, Чан сохранил войска, золото, чиновников, полученные по ленд-лизу материалы. Всё это перевозилось в Тайбэй. Когда президент Ли обнаружил, что казна пуста, он просил американской помощи, чтобы вести переговоры с Мао с позиции силы. Посол США Джон Стюарт советовал ему воззвать к патриотическим чувствам гоминьдановских чиновников, которые припрятали миллиарды американской помощи на зарубежных счетах.

В апреле 1949 г. в Шанхае Ду в последний раз повидался с Чаном. Тот держал совет с генералом Тан Еньбо, который предложил сделать из Шанхая «второй Сталинград». Генерал издавал дикие патриотические декларации и пророчил полную победу над красными. По его указанию тысячи кули вырыли ров и построили десятифутовый палисад из бамбука. Однако военной ценности они не имели: просто у генерала был родственник в древесном бизнесе.

Истинной причиной приезда Чана в Шанхай было убедить Зеленую банду помочь ему ограбить Китайский банк. Надежды на золотой юань рухнули, половина имевшегося золота исчезла с Сунами и Кунами. Более всего от валютной реформы пострадали те, кто добросовестно пошел сдавать деньги и золото в правительственные банки. Когда их золотые юани в одночасье обесценились, они сидели в чайных в состоянии ступора. Гоминьдан этих людей бросил, коммунисты наверняка собирались преследовать их как капиталистов, а средств на вывоз семей в Макао или Гонконг не было.

Ограбление банка было подготовлено тщательно. У набережной пришвартовалось невзрачное грузовое судно. Его одетую в лохмотья команду составляли моряки ВМС. Ряд чиновников банка получили взятки и обещание безопасного прохода на судно в обмен на открытие подвалов. Войска националистов заблокировали несколько кварталов вокруг банка. В наступившей темноте «кули» переносили золото: две пачки на одной бамбуковой палке.

Ду выскользнул из Шанхая за несколько дней до вступления туда коммунистов 25 мая 1949 г. Последние два года жизни провел в Гонконге. Десятилетия тяжелой наркомании не прошли даром: Ду больше не мог ходить, его разбил паралич, и 16 августа 1951 г. он умер.

В начале мая 1949 г. Чан бежал на Тайвань на канонерке. Он поселился к северу от Тайбэя в гостевом доме Тайваньской сахарной компании. Правда, в руках Гоминьдана еще оставались отдаленные районы Западного Китая, и в августе Чан с сыном слетали в Чэнду на могилу Дай Цидао. В феврале 1949 г. тот понял, что победа коммунистов близка, и принял смертельную дозу снотворного. В Чунцине генералиссимус заглянул в штаб-квартиру полиции, чтобы подписать смертный приговор участнику Сианьского инцидента Ян Хучэну. Старика, его сына, дочь и секретаря с женой вывели из лагеря и расстреляли.

В январе 1950 г. госпожа Чан прибыла из Нью-Йорка на Тайвань. Остров не приветствовал Гоминьдана: его привели к покорности террором. При японцах

остров стал экономически самодостаточным, а после войны союзники передали его Чану. Гоминьдановцы устроили резню; так, в ходе беспорядков в центре Тайбэя войска перебили 10 тыс. тайваньцев. Для утверждения власти Чана потребовалось предать смерти еще 20 тыс. человек (с. 442). Поскольку остров не так велик, тайная полиция и армия Чана оказались здесь эффективны так, как никогда не были на материке. Они развернулись здесь так же, как Чан в Шанхае в «черный апрель» 1927 г.

Мало кто думал, что Чан продержится на Тайване дольше года. Британия признала Пекин, и казалось, что США последуют ее примеру. Госдепартамент велел своим представительствам ожидать падения Тайваня и заявил, что США не будут помогать Чану. Американские консерваторы контратаковали. Сенатор Джозеф Маккарти заявил, что Госдепартамент полон коммунистов. Трумэн отвечал, что Маккарти и горстка других сенаторов-республиканцев — «самые ценные агенты Кремля» в Холодной войне. Спор по Китаю встал на грань истерии 25 июня 1950 г., когда Северная Корея напала на Южную. До истечения первого года войны Вашингтон решил защищать Тайвань. ЦРУ сделало режим Чана своей главной оперативной базой в Азии, стало партнером авиакомпании Шеннолта, а диктатура получила время, чтобы найти опору и пересмотреть имидж.

Заработало «китайское лобби», которым руководили клан Сунов и гоминьдановское правительство. Американцы, которые присоединились к протайваньскому «крестовому походу», считали, что делают богоугодное дело или работают на «выживание демократической системы». На деле работали они на китайскую рекламную кампанию. В 1950-е годы термин «китайское лобби» слышали все, но никто толком не знал, что имелось в виду и кто был вовлечен. По словам одного французского дипломата, «если бы им управлял не Тайбэй, а Москва, всех участников могли повесить за измену» (с. 443). Американский журналист Маркиз Чайлдс писал: «Никто, кто что-то знает о здешних механизмах, не сомневается, что могущественное китайское лобби получило исключительное влияние на Конгресс и исполнительную власть. Было бы трудно найти параллель в дипломатической истории, при которой агенты и дипломатические представители иностранной державы оказывали бы такое давление. Националистический Китай использует технологии прямого вмешательства в таком масштабе, какой видели редко, если вообще видели» (с. 443).

Правительство Чана использовало американские корпорации, возглавляемые его единомышленниками, нанимало рекламные агентства, создавало группы давления. Лично Суны управляли этим мало — в этом больше не было нужды. Этим занимались китайские технократы — новое поколение протеже Сунов. Так, Китайский банк был одним из главных клиентов нью-йоркской рекламной фирмы «Объединенные синдикаты». Другая такая фирма, «Хэмилтон Райт», шесть лет работала как зарегистрированный агент националистического Китая. Тайваньское Центральное новостное агентство публиковало статьи об антикоммунистической борьбе Чана, создавая у американцев представление, будто он — воплощение добродетели. Особенно сильное влияние Тайвань оказывал на крайне правые газеты, в частности оуклендскую Tribune в собственности сенатора Уильяма Ноуленда. Коллеги на Капитолийском холме прозвали его

«сенатором от Формозы». Многие активисты лобби принадлежали к семьям работавших в Китае миссионеров. Для многих консервативных организаций Тайвань стал синонимом антикоммунизма. В атмосфере 1950-х годов страх перед красным Китаем не позволял обычно благоразумным людям задаваться вопросом, откуда деньги на все эти кампании.

Несмотря на ухудшение личных отношений с режимом Чана, Куны и Суны оставались первостепенным каналом, который соединял особые интересы Америки с Тайванем.

Будучи главным директором нью-йоркского филиала Китайского банка, Кун два-три раза в неделю ездил на Уолл-стрит. В ходе сенаторской кампании Ричарда Никсона 1950 г. он отправил сына Луиса в Лос-Анджелес, чтобы морально и материально поддержать кандидата. Сделать то же Кун убедил и многочисленную китайскую диаспору Калифорнии. Луис играл активную роль в нефтяном бизнесе Сунов и Кунов, организовал в 1956 г. «Нефтяную компанию Шейенн».

Когда Мэйлин в 1950 г. вернулась на Тайвань, она втянулась в борьбу за наследование власти и за собственное политическое выживание. В ее отсутствие Цзян Цзинго стал личным помощником Чана, а затем возглавил политический департамент министерства обороны. В течение следующих двадцати лет каждый раз, когда Мэйлин посещала США, Цзян всходил еще на одну ступеньку политической лестницы. Так, по возвращении из США в марте 1953 г. она узнала, что Пентагон и Госдепартамент пригласили Цзяна в Америку. Вашингтон интересовался наследником Чана.

На Тайване официальных постов Мэйлин не занимала, но находилась в тесном контакте с генералиссимусом, насколько это было возможно, когда он начал дряхлеть. Она говорила за него на аудиенциях американским чиновникам. Он бормотал несколько слов, затем жена говорила пять минут, затем он опять бормотал и т.д. Мало кто из генералов или бюрократов осмеливался обидеть Мэйлин; даже пасынок вел себя осмотрительно. Мэйлин легко обижалась и не забывала мстить. Друзья жены Льюса Клэр рассказывали, что когда две женщины поехали по магазинам в Тайбэе и вернулись к лимузину, каждая предлагала другой сесть первой. После трех «Нет, после Вас» миссис Льюс сдалась и села первой. Севшая следом госпожа Чан всю дорогу дулась. Потом Клэр спросила секретаря, что она сделала не так. «Я предложила три раза», — сказала она. «Вам надо было предложить четыре», — отвечал секретарь.

С годами Мэйлин окружила себя аурой печали и утраты. Она ошеломляла посетителей лестью и всегда имела под рукой маленькие дорогие подарки — серебряные шкатулки, инкрустированные перламутром тиковые ящички. С помощью многочисленных, но невидимых слуг эти вещи заранее украшали именем человека и короткой загадочной фразой. Удивить этим западных людей было достаточно.

В апреле 1954 г. Мэйлин отправилась в Вашингтон на полгода вести кампанию против предложения пустить КНР в ООН. Когда она вернулась на отмечание 67-го дня рождения Чана, ее прибытие в аэропорт Суншань ознаменовалось еще одним знаком того, что власть ускользает. Седой генералиссимус остался где-то в терминале, а к самолету подошли Цзян и его маленький сын. Госпожа Чан встретила па-

сынка очень холодно, войдя в терминал, буркнула мужу какой-то комментарий и, сжав губы, прошествовала к лимузину. Когда в 1958 г. Цзяна опять повысили, Мэйлин в отвращении уехала на 14 месяцев в Америку.

Кун в 1966 г. наконец ушел с поста директора Китайского банка и переехал с Айлин в новый особняк на Лонг-Айленде. В августе 1967 г. он умер в возрасте 87 лет. New York Times ограничилась словами о том, что Кун был противоречивой фигурой. Похороны посетили такие столпы китайского лобби, как Никсон, сенатор Эверетт Дирксен и миллионер Уильям Поули. Т.В. не приехал: отношения были плохие.

Айлин пережила мужа на шесть лет, но в Китай или на Тайвань больше не вернулась. В Азии ходили упорные слухи, что сестры Сун каждый год встречаются в Гонконге, но это была выдумка. Несмотря на рак с 1949 г., Айлин дожила до 85 лет и умерла в Нью-Йорке. «Так из мира, унеся с собой немало тайн, ушла одна из его наиболее интересных и хищных обитательниц. Женщина с огромными финансовыми достижениями, богатство которой уступало лишь богатству ее брата Т.В., возможно, самая богатая женщина, скопившая состояние благодаря собственному коварству, организатор брака Сун Мэйлин с Чан Кайши, главный изобретатель легенды о Сунах и подлинный архитектор подъема династии к власти» (с. 451).

Для Т.В. изгнание было несколько турбулентнее, так как он подвергался критике. Едва они с Лаурой в начале 1950 г. обосновались в роскошной квартире на Манхэттене, как Чан срочно пригласил Т.В. на Тайвань. Это было похоже на приглашение от «коза ностры» вернуться в Сорренто. Т.В. отказался: был слишком хитер, чтобы рисковать. У него были свои планы, включая закупку 45 тыс. винтовок Энфилда, груз которых разместили в Канаде (с. 452). Представитель компании Brako, глава которой Уильям Брайловски был личным другом Т.В., просил Госдепартамент разрешить вывезти оружие на Тайвань. В Госдепартаменте удивились, что об этом просит не посольство Тайваня, причем США, а не Канаду. Подозревали, что Т.В. участвует в заговоре с целью свергнуть зятя и сесть на его место.

Хотя Тайваня Т.В. избегал и посвящал основное внимание своей финансовой империи, он материально поддерживал «китайское лобби». Т.В. тоже перебрался в роскошный особняк на Лонг-Айленде, который украсил картинами и богатой коллекцией китайской бронзы. В китайской диаспоре в США было широко распространено мнение, что Т.В. — «исключительно опасный» человек, так как одно его слово могло повлечь ужасные последствия со стороны китайских тонов (синдикатов), банков и т.д. Т.В. нередко заглядывал к Аверелу Гарриману[8]. С Генри Льюсом он обменивался письмами, но не виделся, так как Льюсы тесно контактировали с Мэйлин. Друзьями Т.В. были финансовые партнеры в Сингапуре, Гонконге, Токио и Лондоне, а также директора контролируемых им банков.

«Старая гвардия» Гоминьдана, ненавидевшая Т.В. за обогащение, не была в положении нападать на него, да и вымирала. После войны загадочно исчез самолет с Дай Ли — очевидно, взорванный изнутри. Худший враг Т.В. после Чана и соб-

[8] Аверелл Гарриман (1891–1986) — американский промышленник и политик, посол в СССР (1943–46), министр торговли (1946–48), заместитель госсекретаря по дальневосточным делам (1963–65).

ственных родственников, Чэнь Гофу, умер в Тайбэе в 1951 г., а его младший брат Чэнь Лифу перестал бегать от тайной полиции и купил землю в США, позднее уехал на Тайвань.

В 1963 г., когда страсти поутихли, Т.В. наконец принял приглашение генералиссимуса. По возвращении в США он, похоже, зондировал Гарримана на предмет того, не помогут ли США Чану вернуть материк. Очевидно, Чан решил, что если не может вытрясти из Т.В. деньги, по меньшей мере может заставить его заняться прежней магией в Вашингтоне. Однако Т.В. больше не собирался хлопотать.

Младший брат Т.В. — Т.А. — жил в Сан-Франциско, возглавляя правление Кантонского банка до смерти в 1969 г. Средний брат — Т.Л. — был окутан тайной. Согласно источникам в Вашингтоне, в 1950-е годы он работал секретным консультантом казначейства.

В 1971 г. Т.В. с Лаурой посетили Сан-Франциско повидать друзей и родственников. На обеде 24 апреля, данном у Эдуарда Ю из Кантонского банка, Т.В. поперхнулся и умер. Хотя в момент смерти брата Мэйлин находилась в США, посетить его похороны в Нью-Йорке она под каким-то неуклюжим предлогом отказалась.

Красные дорожки в Вашингтоне наконец расстелили для Мэйлин в 1965 г. Пресса почти не заметила, что сопровождал ее пасынок. Чан годами пытался добиться у США поддержки идеи вторжения в материковый Китай. Однако в Вашингтоне давно решили, что Чан просто надеется втянуть его в войну с Пекином, в которой рассчитывает стать главным выигравшим. Генералиссимус не раз просил ядерного оружия «для защиты Тайваня». Теперь США воевали во Вьетнаме, и администрация Л. Джонсона нуждалась в гоминьдановских войсках в Индокитае. Однако миссия Цзян Цзинго ни к чему не привела. Прием госпожи Чан в Белом доме был частью усилий администрации заручиться ее поддержкой и использовать ее влияние на пасынка — которого у нее не было.

При Никсоне разочарование США в Тайване вышло наружу, и Г. Киссинджер инициировал политику, которая привела к признанию КНР. К этому времени восточная фантазия стала для многих американцев кошмаром. Семья президента Южного Вьетнама Нго Динь Зьема раздражающе напоминала Чанов.

В 1966 г. Мэйлин переехала на Манхэттен. Ей удалили желчные камни, здоровье ухудшалось. После этого по Америке она ездила лишь на похороны или лечение. Десятилетиями Мэйлин входила в список десяти самых известных женщин, но это прекратилось в 1967 г., когда умер Генри Льюс.

В апреле 1975 г. в возрасте 87 лет умер Чан Кайши. Председателем Гоминьдана стал уже бывший премьером Цзян Цзинго. Мэйлин осталась не у дел и уехала в постоянное изгнание. Она жила в затворничестве в имении Дэвида Куна на Лонг-Айленде[9].

В Китае осталась только одна представительница династии Сун, причем наконец одержавшая спокойный триумф. Первого октября 1949 г. Цинлин пригласили в Пекин на празднование освобождения. Когда Мао перед Воротами небесного спокойствия провозгласил основание Народной Республики, она стояла рядом. Как она

[9] Мэйлин умерла 23 октября 2003 г. в Нью-Йорке.

часто говорила, она не член КПК, а член китайской революции. К 60 годам Цинлин научилась не доверять любым политикам, но сказала, что Мао не доверяет меньше, чем другим.

На протяжении большей части жизни Цинлин была в Китае символом. «Вдовий траур защищал ее, но и был ее тюремщиком. Она могла рисковать и высказываться так, как не могли другие. Она вдохновляла современников, но не имела власти вступаться за них, когда на них падал меч. Она могла бы прожить жизнь в качестве хорошо обеспеченной изгнанницы в городе вроде Парижа — но не стала» (с. 457–458).

В фанатичку Цинлин не превратилась. Любила детей, изящные вещицы, танцы. В затяжной войне с Чаном она использовала партизанскую тактику умной женщины. В годы войны она жила в Чунцине — не под домашним арестом, но отделенная от соотечественников страхом ареста, а от большинства представителей Запада — заблуждением, будто она «красная». Устраивала концерты и спортивные мероприятия на сбор средств раненым. Ходили слухи, что эти средства идут только на «коммунистическую территорию». Неудивительно: за немногими исключениями на территории под контролем Чана серьезных боев не было.

В августе 1945 г. Цинлин вместе с Т.В. отправили в Москву, где они заключили союз с СССР. После войны она вернулась в Шанхай на улицу Мольера, где вновь взяла перо, чтобы осуждать Чана и вмешательство США в Китае. На этот раз западная пресса представляла Цинлин как несдержанную родственницу известных людей. Правительство США ее игнорировало.

Немало своего имущества Цинлин продала для финансирования программ основанной ею Китайской лиги благосостояния. В 1948 г. она в последний раз попыталась организовать версию третьей силы — Революционный комитет, почетным председателем которого она стала.

В КНР Цинлин стала одним из трех некоммунистических лидеров, избранных заместителями председателя центрального правительства. Ей была присуждена Сталинская премия мира, что не преминули указать в ее досье ФБР. В 1950-е годы Цинлин стала заместителем председателя республики. Дом на улице Мольера, который она делила с мужем, превратили в национальную святыню, а Цинлин поселилась в последнем доме Чарли Суна — маленьком особняке на авеню Жоффра, откуда бежала, чтобы выйти замуж за Суня. Выделили ей и виллу в Пекине на озере рядом с Запретным городом и домами Мао и Чжоу Эньлая.

У Цинлин обнаружили лейкемию, и последние 20 лет жизни она серьезно болела. Однако были и радости. Бездетная, она удочерила двух девочек — Иоланду и Жаннетту, дочерей своего охранника, который напился и умер после стычки с хунвейбинами. Во время их буйства в 1960-е годы охрана госпожи Сунь была нервной работой. Появились осуждающие ее плакаты, и для Цинлин не было безопасным куда-либо ходить.

Летом 1966 г. Чжоу Эньлай был вынужден предостеречь хунвейбинов от осуждения госпожи Сунь как буржуазной реакционерки. Однако в Шанхае это движение часто выходило из-под контроля, и в сентябре толпа разграбила дом Цинлин. В городе ее тогда не было. Главным врагом Цинлин была жена Мао, которой не нравилось, что Цинлин всегда упоминают как женщину самого высокого ранга в стране.

Когда движение «красных охранников» сошло на нет, а «банду четырех» судили как контрреволюционеров, жизнь Цинлин вернулась в спокойное русло. Жаннетту ей позволили отправить в Тринити-колледж в Хартфорде (Коннектикут). Иоланда стала киноактрисой.

В мае 1981 г. Цинлин избрали почетным председателем КНР и приняли в КПК. Однако неясно, знала ли она об этом и дала ли согласие стать коммунисткой. Двадцать девятого мая Цинлин умерла в Пекине от лейкемии. Мэйлин приглашение на похороны сестры отклонила[10].

[10] В гонконгском художественном фильме «Сёстры Сун» (1997) степень отчуждённости Цинлин от сестёр весьма занижена и отношения между всеми тремя, особенно в годы Второй мировой войны, представлены почти идиллическими. Этот фильм — пример кино как инструмента активного мифотворчества. Кстати, три брата Сун в картине неоправданно отсутствуют вовсе.

Н.Н. Вавилов

НОВАЯ ЭПОХА В КИТАЕ: АНТИАМЕРИКАНСКИЙ КУРС СИ ЦЗИНЬПИНА И РАЗВОРОТ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ СТРАНЫ

Николай Николаевич Вавилов — китаевед, публицист

ОГЛАВЛЕНИЕ

Си Цзиньпин — новый лидер Китая 328
Группа Си Цзиньпина в КПК 337
«Дирижер партийной чистки» Ван Цишань 346
Группа Си Цзиньпина: Ли Чжаньшу — идеолог российско-китайского союза 358
Партия сказала: «Надо!» Комсомол ответил: «Нет» 364
Глава «комсомольского правительства» — премьер Ли Кэцян 386
«Шанхайская группа» в политике Китая 405
Клан маршала Е — хозяева Южного Китая 412
Полководец войны Ли Цзочэн: от командира «ударной роты» до главнокомандующего ударных Сухопутных сил 427
Революция Хризантем: как изменится Китай после внесения поправок в Конституцию 432
Масштабные изменения в правительстве КНР в 2018 г. 437
Взорвать «короля Тяньцзиня» Ли Жуйхуаня 442

Си Цзиньпин — новый лидер Китая

Фигура Си Цзиньпина, нового лидера страны, уже без всякого сомнения не только центральный элемент политического процесса современного Китая, но и ключевой образ политической эпохи ближайшего десятилетия. Тем не менее, занимая осевое положение китайской политики, всё больше укрепляясь в статусе «отца нации», Си Цзиньпин остается «политическим сфинксом»: характер, личность, привычки, привязанности вождя «Новой революции» все труднее разглядываются за выверенными церемониями государственного ритуала. Портрет личности лидера миллиардного Китая теперь можно составить лишь по штрихам из далекого прошлого или малодостоверным публикациям гонконгской прессы, которая не раз становилась жертвой своего любопытства.

В ноябре 2012 г. генеральным секретарем самой крупной политической организации мира — Коммунистической партии Китая — был выбран Си Цзипьпин, сын губернатора южнокитайской провинции Гуандун, полевого командира и революционера Си Чжунсюня. Начав карьеру с советника министра обороны Гэн Бяо, пройдя десятки назначений — от первого секретаря райкома глухого «китайского нечерноземья» до первого секретаря Шанхая, Си Цзиньпин занял высший партийный пост в Китае, совместив его в марте 2013 г. с государственным постом Председателя КНР и главы Центрального военного совета, главного органа управления Народно-освободительной армией Китая. Согласно политической практике КНР, установленной, как считается, Дэн Сяопином, новый глава Китая может сохранить этот пост до 2022 г., однако все чаще раздаются мнения, что политическая эпоха Си Цзиньпина может продлиться куда дольше положенного срока[1].

Пришедший к власти в результате сложной политической борьбы Си Цзиньпин — выдвиженец мощной политической команды выходцев из китайской армии и горной северо-западной провинции Шэньси, откуда начинается известный в истории Шелковый путь. Тяжелая политическая борьба, которая окончилась поражением всех соперников Си Цзиньпина, продемонстрировала не только личную

[1] Первое издание книги было сдано в печать в сентябре 2016 г. В марте 2018 г. в Конституцию Китая были внесены изменения, позволяющие Председателю КНР занимать свой пост без ограничения количества сроков.

победу нового лидера Китая, но и новое рождение китайской армии в качестве политической силы, утратившей этот статус после трагических событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.[2] В новое, полное рисков и вызов десятилетие XXI века Китай вошел под руководством человека плоть от плоти китайской красной армии, сына полевого командира гражданской войны.

Сложный путь Си Цзиньпина к самому ответственному посту в «китайской вертикали», без сомнения, достоин отдельной и интересной, словно политический детектив, книги. Выиграв гонку за «первое место» с нынешним премьером Китая Ли Кэцяном в 2008 г. и став зампредседателя КНР, Си Цзиньпин столкнулся с острой «внутривидовой» борьбой в блоке «красной аристократии» прямо перед запланированным триумфом политической карьеры. Прямой вызов «шэньсийской» команде Си Цзиньпина бросил такой же выходец из «красной аристократии» Китая — сын министра финансов при Мао Цзэдуне Бо Силай. «Красный мэр» самого перспективного мегаполиса Китая Чунцина попытался сорвать назначение Си Цзиньпина на высший пост, судя по всему, готовя не только аппаратный, но и военный переворот.

Секретарь горкома Чунцина Бо Силай опирался на широкую группу кланов, близких к китайским нефтяникам и органам государственной безопасности, вышедшим из-под крыла «шанхайской группы» в КПК. Тем не менее китайская элита предпочла импульсивному левому радикалу Бо Силаю (薄熙来) и мощным, словно тигриным, челюстям члена Политбюро Чжоу Юнкана (周永康) умеренную фигуру рассудительного и предельно тактичного Си Цзиньпина. Эти качества, однако, не стали помехой перед самой масштабной чисткой политического аппарата, развернутой новым главой страны: Бо Силай и Чжоу Юнкан были приговорены к пожизненным срокам заключения, став самыми высокопоставленными политзаключенными со времен Культурной революции. Соперники Си Цзиньпина по выдвижению на высший пост увенчали собой будущий список из десятков членов Центрального комитета КПК, губернаторов, глав обкомов и горкомов, министров, генералов армий, ректоров крупнейших вузов, арестованных по обвинению в коррупции.

«Мечта о возрождении великой китайской нации»

Фундаментом политической риторики Си Цзиньпина является национализм, основанный на стремлении вернуть утраченную в колониальный период национальную гордость. Еще до официального назначения на пост председателя КНР, в конце 2012 г., во время посещения выставки, посвященной национальному унижению китайской нации от колониальных держав в XIX–XX веках, Си Цзиньпин заявил, что важнейшей задачей Китая является «великое возрождение китайской нации» (中华民族伟大复兴). В дальнейшем, после занятия поста главы государства, этот лозунг был расширен до достижения «китайской мечты о великом возрожде-

[2] С 1 января 2018 г. Вооруженная полиция Китая, которая с 1995 г. была подчинена Госсовету КНР (Правительство Китая), была переподчинена Центральному военному совету, который возглавляет Си Цзиньпин.

нии китайской нации»[3]. Лозунг, скорее всего, имеет отношение к риторике президента США Барака Обамы, написавшего книгу I have a dream («У меня есть мечта»), однако впервые в Китае этот лозунг появился в работе генерала армии Лю Минфу «Китайская мечта: эпоха после США», написанной за два года до того, как будущий глава Китая озвучил его публично.

На фоне снижающейся эффективности китайской экономики и опасности социальной нестабильности «идеология мечты» призвана стимулировать мотивацию населения в условиях снижения темпов экономического роста. «Возрождение нации» не только отражает активную позицию шэньсийской проармейской группировки во внешней политике, но и концентрирует недовольство молодежи на проблемах внешней политики, в частности, на противостоянии с Японией и США.

«Китай должен оставаться красным» и избежать опыта СССР

Не секрет, что в Китае усиливается идеологический вакуум, поскольку на сцену выходит поколение 1980-х, которое не застало основателя китайской коммунистической модели — Мао Цзэдуна, чья идеологическая риторика была основана на достижении равенства, восстановлении институтов общества после длительного разрушительного периода раздробленности. Новому поколению во многом чужды идеи коммунистической справедливости — символы и герои гражданской войны для них лишь идеологические мемы, лишенные актуальной функциональности, а партия становится инструментом личного карьерного роста.

На фоне этого Си Цзиньпином активно и демонстративно предпринимаются попытки оживить коммунистическую риторику — восстановить идеалы служения обществу, а также реанимировать фигуру Мао в качестве вождя армейской элиты страны. Эта линия находит поддержку среди старых партийных кадров, имеющих политический вес, а также в армейской среде. Помимо этого, в партии ведется внутренняя дискуссия об ошибках и причинах разрушения СССР, по информации ряда источников Си Цзиньпин лично инициировал и поддерживает данную дискуссию, блокирующую на уровне идеологии попытки региональных элит решить проблемы «известным способом».

Трендом 2016 г. стали активные усилия Си Цзиньпина по активизации марксистко-ленинской дискуссии, попытки творчески «преобразовать» марксистскую идеологию, привлекая тем самым на свою сторону «красную» интеллигенцию.

Последним и важнейшим штрихом к идеологической риторике Си Цзиньпина можно считать объявленную им «Новую революцию», о которой генсек заявил в начале 2016 г., в канун 50-летия Великой культурной пролетарской революции в Китае, находясь с инспекционной поездкой в Чунцине.

[3] В марте 2018 г. лозунг о великом возрождении китайской нации был внесен в Конституцию.

«Определяющая роль рынка»?

Несмотря на заявленную цель по отстаиванию социалистических ценностей и даже верности принципам марксизма, на третьем пленуме 18-го съезда КПК новое руководство страны выдвинуло ряд новых предложений по «углублению реформ», которые на практике вылились в ослабление роли государства, а в качестве центрального лозунга 3-го пленума была выдвинута противоречивая для социалистической экономики «определяющая роль рынка».

Решения 3-го пленума готовят китайские госмонополии к масштабной приватизации, которая сегодня охватывает все новые сектора экономики и проходит под лозунгом ликвидации нерентабельных предприятий и целых отраслей. Во многом подобная «реорганизация госсобственности», возможно, является ключевым элементом всего правления Си Цзиньпина, во время которого политическая элита страны столкнется с масштабным падением уровня жизни населения, вызванного замедлением экономического роста, и, как следствие, утратой авторитетности Компартии со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Одним из ключевых моментов в этом процессе может стать подготовка легального перераспределения собственности госмонополий в рамках клановых региональных элит. Интересно отметить, что риторика и даже речевые обороты высшего политического руководства Китая во многом напоминают политическую риторику позднего СССР.

Тем не менее, истинные экономические взгляды Си стали прорисовываться лишь годы спустя, когда выдвиженцы союзных ему групп стали представлять мощную силу, скорректировав выдвиженцев прежнего комсомольского генсека Ху Цзиньтао: уже в 2016 г. Си выдвинул идею об ограничении бесконтрольной эмиссии и кредитования рынка недвижимости государством в политике «реформы предложения», а по итогам мощного кризиса 2020 г. и вовсе указал, что «абсолютно нельзя отрицать слепоту рынка», что в среде руководителей китайского экономического блока, страдающего от засилья проамериканских «левых либералов» из Комсомола, прозвучало как гром среди ясного неба.

Опора на армию

Большинство исследователей личности нового руководителя Китая не отмечают одного существенного коренного отличия Си Цзиньпина от других председателей КНР. Если все почти все генеральные секретари КПК и председатели КНР были связаны с армией, политическим руководством над ней, то Си Цзиньпин является **выходцем из ее структур**. Сразу после окончания вуза, в 1979 г., он некоторое время являлся одним из секретарей секретариата Госсовета (правительства КНР) и Центрального военного совета — высшего военного ведомства Китая. В 1982 г. Си Цзиньпин стал секретарем министра обороны генерала Гэн Бяо и начал военную службу. Информации о его увольнении в запас нет. Си Цзиньпин — действующий офицер НОАК. В 1983 г. Си был избран секретарем комитета КПК уезда Чжэндин, совместив эту должность с постом первого политического комиссара Народ-

ной вооруженной милиции того же уезда. В 1988 г. будущий лидер страны стал секретарем комитета КПК округа Ниндэ провинции Фуцзянь (Южный Китай) и первым секретарем военного округа Фуцзянь, то есть уже тогда находился в непосредственном подчинении Главного политического управления НОАК.

С 1995 по 2002 г. Си Цзиньпин занимал посты заместителя секретаря комитета КПК и первого военного секретаря провинции Фуцзянь. Параллельно Си был председателем госкомитета мобилизации провинции Чжэцзян, первым секретарем партийного комитета Нанкинского военного округа (2002–2007), а в бытность главой горкома Шанхая занимал позицию первого секретаря Шанхайского военного гарнизона. Сегодня идеология близкой к Си Цзиньпину армейской группы сводится к достижению в стране аналогов конституционной монархии с опорой на китайскую армию и свойственный ей национализм.

Политический стиль и пиар

Речи Си Цзиньпина изобилуют народными китайскими выражениями, даже в выступлениях, посвященным международным вопросам.

Си Цзиньпин, в отличие от предыдущих деятелей на его посту, в первые годы правления проявлял невиданную открытость, демонстрируя черты своей личности, рассказывая о своих хобби, увлечениях и историях из своей жизни. На создание приятного образа направлена также активная деятельность жены Си Цзиньпина — первой леди Китая, также небывалое доселе явление в китайской политике.

Генерал-майор НОАК, певица Пэн Лиюань (1962 г.р., на 9 лет младше супруга), уроженка Шаньдуна, народная артистка и любимица китайской публики, сопровождает мужа в международных турне и является признанной законодательницей китайской моды. Тем не менее, с 2015–2016 гг. присутствие Пэн Лиюань на открытой политической сцене заметно снизилось.

Внешняя политика

Главная внешнеполитическая инициатива Си Цзиньпина — создание Экономического пояса Шелкового пути, сердцем которого является столица провинции Шэньси город Сиань. Идея «пояса» состоит в выстраивании прямого сухопутного коридора из Китая через Среднюю Азию, Турцию и Иран на рынки Европейского Союза — в обход морского пути, контролируемого США, и возможного альтернативного пути через Россию.

В ходе реализации данного проекта показатели внешней торговли провинции Шэньси вышли на первое место по стране. В реализации такого сухопутного экономического коридора ключевыми становятся страны Средней Азии, Иран и Турция, а максимальное значение для Китая приобретает Пакистан. Реализация этой идеи практически нивелирует риски Китая, которые возникают при военно-политическом обострении ситуации в Южно-Китайском море, служащем сегодня главной артерией китайско-европейской торговли. Главным же геополитическим

конкурентом Китая в этой стратегии и угрозой ее безопасности становится Индия. Российский вариант «Шелкового пути» может быть максимально реализован только при обострении ситуации в Южно-Китайском море и при нестабильности на «индийском фланге».

Многократно посещая с инспекциями Гуандунский военный округ (Южный Китай), Си Цзиньпин выдвинул новую установку для армии — «уметь вести победоносные войны», которая с учетом активной политики Китая в юго-восточном направлении призвана обезопасить процесс закрепления Китая в Юго-Восточной Азии и Южно-Китайском море. Главными конкурентами Китая в данном регионе выступают Япония и США, которые действуют руками Филиппин и Вьетнама. Наблюдатели отмечают назначение на посты руководителя ВМФ Китая протеже и коллеги Си Цзиньпина из Ланьчжоуского военного округа (регион Шелкового пути), а также назначение людей Си на посты в островной провинции Хайнань, которая является форпостом внешней политики Китая в Южно-Китайском море.

В рамках внешнеполитической стратегии Китая одним из ключевых элементов является формирование из России надежного и предсказуемого тыла, который бы не только не мешал закреплению Китая в Центральной Азии, но и был нейтрален в грядущем противостоянии с вероятной осью из Японии, США, Австралии и Индии, где Австралия — наиболее слабое звено альянса, а Индия — наиболее вероятный и непримиримый противник Китая. Китайско-индийский конфликт — один из осевых в глобальном противостоянии в XXI веке.

Наряду с активными усилиями Си Цзиньпин продолжает укреплять форумы и международные институты, главную роль в которых играет Китай — в частности, большое значение придается форуму в Боао (провинции Хайнань в Южном Китае), который называют «азиатским Давосом», Совещанию по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА аналогом ОБСЕ, а также созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB) — китайского аналога МВФ. Появление подобных организаций в Азии рядом наблюдателей не без оснований было обозначено попыткой Китая создать под своим контролем альтернативную американским и европейским организациям полноценную структуру, подменяющую нынешнюю систему мировых организаций под патронажем США и блока западных стран.

Ряд аналитиков отмечают, что Китай ведет курс на создание независимой финансовой юаневой зоны, основой которой станет не только реальный внушительный золотой запас Китая, но и укрепление позиции Китая как ведущего импортера нефти, ряда цветных металлов, ряда позиций в сельском хозяйстве, что в совокупности создает предпосылки для полноценного перехода к торговле между Китаем, его ближайшим окружением, странами Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока с использованием только юаня.

Роль группы Си Цзиньпина в этой стратегии ясна не до конца, однако стратегия создания Экономического пояса Шелкового пути (или «Один пояс, один путь») органически дополняет идею автономизации китайского экономического организма.

Дата рождения и имя

В официальных биографиях лидеров, как это принято в Китае, указывается только месяц рождения — у Си Цзиньпина это июнь. В различных источниках приводятся разные даты рождения Си Цзиньпина — 1 июня или 15 июня. По китайскому традиционному гороскопу, которому китайцы придают большое значение, Си Цзиньпин — змея, при этом знак года (癸巳) полностью совпадает со знаком года Мао Цзэдуна.

Изначальное значение фамильного иероглифа «Си» («пух на крыльях») в современном китайском означает «учиться» или «закреплять изученное», что также роднит нынешнего лидера Китая с Мао Цзэдуном, чей иероглиф «Мао» (毛) означает «пух» или «шерсть».

Си Цзиньпин (习近平) подписывается полной формой иероглифа «Си» (習), которая использовалась в Старом Китае, до реформы письменности начала 1950-х годов. Имя «Цзиньпин» переводится как «близкий к миру» или «близкий к равенству» и похоже на имя Дэн Сяопина, имя которого переводится как «малый мир», «малое равенство». Отметим, что имя второго человека в стране — премьера Ли Кэцяна (李克强), означающее «с силой разрушать», — противоположно по смысловой нагрузке имени Си Цзиньпина.

Семья

В биографии отца Си Цзиньпина — Си Чжунсюня (习仲勋, 1913–2002), вся юность и молодость которого прошла во время бесконечной гражданской войны, охватившей Китай, стоит отметить два ключевых момента.

Си Чжунсюнь — политкомиссар Ганьсу-Нинся-Шэньсийского советского района, примыкающего к Монголии и имевшего, в отличие от подконтрольных Мао Цзэдуну районов, более тесные связи с СССР. Си Чжунсюнь — один из близких к наиболее просоветски настроенному командиру Гао Гану полевых командиров, которые впоследствии неоднократно подвергались политическим репрессиям со стороны Мао Цзэдуна за «советские» связи. В 1935 г. Си Чжунсюнь был впервые арестован коммунистами, участвовавшими в Великом походе, то есть непосредственно людьми Мао Цзэдуна.

Гао Ган, однажды предложивший Сталину создать в Маньчжурии 17-ю советскую республику, предан в нынешнем Китае забвению. Связи Гао Гана и Си Чжунсюня изучению не подвергаются, однако в любом случае очевидно, что Си Чжунсюнь принадлежал к независимому лагерю в китайском коммунистическом движении. Согласно одной из версий, причиной второго ареста Си Чжунсюня стала публикация в 1962 г. романа «Лю Чжидань» (刘志丹) об одном из главных лидеров «шэньсийской группы», в которую входили Гао Ган （高岗) и Си Чжунсюнь.

Во время Культурной революции (1967–1976) Си Чжунсюнь содержался под арестом, а Си Цзиньпин провел семь лет в глухой деревне провинции Шэньси. По неподтвержденной информации, часть из этого времени подросток отбывал в следственной камере, где следователи, судя по всему, выбивали из него показания на

отца. В 1974 г. после подачи более десяти заявлений в Компартию Китая Си Цзиньпин был принят в ее ряды.

Вторым ключевым моментом в биографии Си Чжунсюня является его немедленное перемещение в южнокитайскую провинцию Гуандун после окончания Культурной революции — вначале на пост второго, а затем и первого секретаря обкома провинции. Практически не вызывает сомнений, что это перемещение стало кадровым решением теневого лидера при Хуа Гофэне и Дэн Сяопине — маршала Е Цзяньина, уроженца провинции Гуандун, речь о котором пойдет в отдельной главе. Назначение Си Чжунсюна в вотчину клана маршала Е говорит о высокой степени доверия Е Цзяньина к отцу нынешнего лидера страны. Впрочем, первый брак его сына с Кэ Линлин, дочерью посла в Великобритании Кэ Хуа, свидетельствует и об иных связях — с другой южнокитайской субэтнической группой — чаочжоусцев.

Мать Си Цзиньпина, Ци Синь (1926), боевая подруга Си Чжунсюня во время гражданской войны, его вторая супруга, здравствует до сих пор: в сети широко освещался визит сына к матери 10 июня 2016 г.

Си Цзиньпин — старший сын в семье Си Чжунсюня и Ци Синь. О младшем брате Си Цзиньпина — Си Юаньпине (习远平) — известно лишь, что он закончил Институт иностранных языков в Лояне и связал свою судьбу с армией, после чего занялся внешнеторговой деятельностью и сегодня работает в одной из государственных структур. В этом его путь напоминает сына маршала Е Цзяньина — Е Сюаньнина. У Си Цзиньпина двое сестер, которые, однако, носят фамилию матери — Ци Цяоцяо (齐桥桥) и Ци Аньань (齐安安).

Супруга Си Цзиньпина — известная на весь Китай певица и по совместительству генерал НОАК Пэн Лиюань (彭丽媛), уроженка провинции Шаньдун. Пэн Лиюань — вторая жена Си Цзиньпина. По распространенной версии, Си Цзиньпин разошелся с первой женой Кэ Линлин, дочерью тогдашнего посла КНР в Великобритании Кэ Хуа, не только по личным причинам, но и потому, что не хотел покидать Китай ради жизни за рубежом.

У Си Цзиньпина и Пэн Лиюань есть дочь — Си Минцзэ (习明泽, 1992). В 2014 г. она окончила обучение в Гарварде и вернулась в Китай. В 2015 г. Си Минцзэ и Пэн Лиюань совершили поездку в родную провинцию Си Цзиньпина — Шэньси, что стало первым появлением Си Минцзэ на публике после возвращения из США. К слову, принадлежность Пэн Лиюань к «творческому цеху» — также одно из сходств Си Цзиньпина и Мао Цзэдуна, чья последняя супруга Цзян Цин также была известной на всю страну актрисой.

Редкая для Китая фамилия «Си» и род Си Цзиньпина ведет свое происхождение из района Цзиань южнокитайской провинции Цзянси, с которой у генсека сохраняются особые отношения до сих пор. Согласно официальным версиям, род Си Цзиньпина покинул родные места в XIV веке и переместился в центральную китайскую провинцию Хэнань, район Дэнчжоу (район на пути из Сиань в Ухань провинции Хубэй). По одной из альтернативных версий, место проживания предков Си Цзиньпина — район Шанцю («Курган династии Шан»).

Образование

Си Цзиньпин, чья фамилия означает «учиться», известен пристрастием к чтению книг и даже публицистическим талантом: во время своей губернаторской деятельности генсек регулярно публиковал статьи под псевдонимом Чжэ Синь (哲欣, «испытывать радость от мудрости»).

Тем не менее, базовое образование у Си Цзиньпина — химическое. Поступив в 1975 г. в самый элитный и по сей день вуз Китая — Университет Цинхуа, Си Цзиньпин получил специальность «Основы промышленного органического синтеза». Химическому образованию генсека официальные биографии уделяют мизерное внимание, тем не менее, активность Китая в агрохимии — одна из характерных черт, присущих правлению нового лидера страны.

Карьера

Си Цзиньпин провел более 17 лет на различных постах южнокитайской провинции Фуцзянь — на противоположном берегу от «мятежного» острова Тайвань, совмещая как гражданские, так и военные партийные посты. Во время пребывания здесь на посту первого секретаря горкома порта Сямэнь у Си Цзиньпина случился неприятный инцидент, который мог бы повлиять на всю его дальнейшую карьеру. Один из почетных граждан Сямэнь, крупнейшей свободной экономической зоны Китая, оказался и самым крупным контрабандистом Китая. Преступнику удалось сбежать в Канаду, однако самому Си Цзиньпину пришлось давать разъяснения на самом верху — тогдашнему генсеку Цзян Цзэминю.

Судя по всему, неожиданная угроза обратилась в пользу Си Цзиньпина, начавшего стремительное восхождение по карьерной лестнице: пройдя губернаторство в провинции Фуцзянь, генсек занял аналогичную позицию в одной из крупнейших экспортных соседних провинций Чжэцзян, а потом, как и Цзян Цзэминь, занял позицию главы горкома Шанхая. С тех пор за Си Цзиньпином прочно закрепился статус потенциального ставленника «шанхайского» генсека Цзян Цзэминя на посту будущего главы Китая. «Шанхайской группе», испытывающей мощное давление Комсомола и генсека Ху Цзиньтао, требовался верный ставленник с крепкими связями в армии, однако Си Цзиньпин, судя по всему, получив в 2008 г. статус второго человека в стране (зампредседателя КНР), сильно скорректировал собственные привязанности, осуществив личный план, играя на упреждение. Кто знает, возможно, иероглиф «Си», который мы часто воспринимаем в значении «учиться», стоит воспринимать в значении его омонима — слова «игра» (戏)?

Группа Си Цзиньпина в КПК

Современные политические группы в Китае, по общему мнению, формируются вокруг определенных этнических групп, принадлежность к которым превалирует над принадлежностью к ведомственным, классовым и любым другим видам групп и коллективов. В КНР по очевидным причинам отрицается наличие различных китайских этносов, которые подчас отличаются друг от друга по языку, менталитету, образу жизни и другим этническим характеристикам как народы в пределах одной языковой семьи, например, русские, чехи, болгары, сербы и поляки.

Тем не менее в каждой из провинций КНР выделяется и самоидентифицируется как минимум одна субэтническая группа китайского этноса, которая по принципу языковых отличий и родственных связей противопоставляется другим субэтническим группам совокупного китайского этноса хань. Новый лидер Китая — Си Цзиньпин — является выдвиженцем и представителем политической группы уроженцев провинции Шэньси (陕西), беспрецедентно усилившей свои позиции в партийном, государственном и армейском аппарате за последние годы.

Си Цзиньпин — сын наиболее выдающегося полевого командира гражданской войны в Северо-Западном Китае, уроженца провинции Шэньси, Си Чжунсюня. Сплоченная группа уроженцев Шэньси в Постоянном комитете Политбюро, правительстве Китая, опирающемся на фундамент армейских генералов бывшего Ланьчжоуского военного округа, формирует костяк шэньсийской группы во власти Китая, которую увенчивает фигура Си Цзиньпина.

Армия и армейские группы формируют хребет любой политической власти в Китае. Начиная с Синьхайской революции, когда «винтовки родили власть» Национальной партии Китая (Гоминьдан), источник политической власти перемещался от армейских группировок южнокитайского Гуандуна, следуя через провинции Хунань и Хубэй при Мао Цзэдуне и его преемниках, далее — в Сычуань при Дэн Сяопине, и наконец стал сосредотачиваться в руках уроженцев провинции Шэньси и Шаньдун. Сегодня, впрочем, как и всегда, гражданская власть, власть государственного и партийного аппарата, лишь отражает баланс власти силовых группировок в стране.

В Постоянном Комитете Политбюро ЦК Компартии Китая 2012–2017 гг. трое из семи членов «политического олимпа» были связаны с провинцией Шэньси:

председатель КНР Си Цзиньпин, четвертый член Политбюро и глава Народно-политического консультативного совета Юй Чжэншэн (俞正声), шестой член ПК Политбюро и глава Центрального комитета контроля (орган, отвечающий за партийные чистки) Ван Цишань (王岐山). Все трое, как считается, являются ставленниками «шанхайской группы» и сформировали «железный треугольник шэньсийцев» внутри более крупной группировки. Несмотря на почти полное изменение нового состава ПК Политбюро в 2017 г., присутствие в нем лидеров из Шэньси только увеличилось.

В армейском руководстве уроженцами Шэньси являются министр обороны Чан Ваньцюань (常万全), начальник штаба НОАК Фан Фэнхуэй (房峰辉)[4], начальник главного управления вооружений НОАК Чжан Ю-ся[5] （张又侠）, бывший политкомиссар флота НОАК Лю Сяоцзян (ушел в отставку в конце 2014 г.). Наиболее близкие отношения, как отмечает зарубежная китайская пресса, сложились у Си Цзиньпина и Чжан Ю-ся. Армейский «железный треугольник» формирует основу силового блока «Северо-западной группы» и считается одним из трех основных центров в китайской армии, наряду с «Цзинаньской группой» (Шаньдун) и «Северо-восточной группой» — частях, дислоцированных в приграничных с Россией, Монголией и Северной Кореей районах.

К «шэньсийцам» относят также члена Политбюро Ли Чжаньшу[6] (栗战书), сопровождающего Си Цзиньпина в большинстве международных поездок и курирующего вопросы России и Средней Азии. Свое стремительное восхождение наверх он начал с поста мэра столицы Шэньси — города Сиань. Сильная фигура в составе группы — глава Орготдела ЦК, секретарь Секретариата ЦК Чжао Лэцзи (赵乐际)[7], курировавший тысячи кадровых назначений в партии с 2012 по 2017 г. Согласно непроверенным источникам, отец Чжао был близким другом Си Чжунсюня — отца Си Цзиньпина. Говоря о Чжао Лэцзи, наблюдатели часто отмечают его сильный «шэньсийский» акцент, который иногда заметен и у «самого главного шэньсийца» страны. Согласно политической традиции последних десятилетий, Чжао, который стал в 2017 г. шестым членом ПК Политбюро — может стать новым генеральным секретарем Компартии и преемником Си Цзиньпина. Однако смена Конституции и бессрочное правление Си может внести интригу в будущее Чжао Лэцзи, который стал на 19-м съезде главой Центрального комитета контроля, сменив Ван Цишаня.

[4] Настоящее имя Ма Сяньян 马咸阳, арестован в августе 2017 г. и приговорен к пожизненному заключению, его место занял Ли Цзочэн, которому посвящена глава далее. После ареста была опубликована информация, что Фан Фэнхуэй скрывал происхождение и отца, отец умер при загадочных обстоятельствах в Ухань в 1960 г. на посту начальника Огротдела (кадры) обкома Хубэй. Фамилия Фан — фамилия матери, а Фэнхуэй — новое имя мальчика после уезда матери из Ухань в пров.Шэньси. Одновременно с арестом Фан Фэнхуэя в ноябре 2017 г. кончает жизнь самоубийством начальник Главного политического управления Центрального военного комитета Чжан Ян, назначенный на должность на излете срока правления Ху Цзиньтао. Чжан Ян — первый генерал НОАК, совершивший самоубийство за всю историю КНР с 1949 года, его дело связывают с арестами ставленников Ху Цзиньтао в НОАК — Го Босюном и Сюй Цайхоу.

[5] В 2018 г. повышен до заместителя председателя Центрального военного совета.

[6] С 2017 г. стал членом ПК Политбюро, с 2018 г. — глава парламента Китая — Всекитайского собрания народных представителей.

[7] С 2017 г. стал членом ПК Политбюро, с 2018 г. — глава Центрального комитета контроля КНР.

Возможно, Чжао станет новым зампредседателя КНР, пойдя по пути своего предшественника — Ван Цишаня и станет таким же бессрочным преемником, каким бессрочным председателем стал Си Цзиньпин.

Ли Чжаньшу и Чжао Лэцзи считаются доверенными лицами Си Цзиньпина, и естественно то, что именно они вошли от «блока Си» в новый состав Постоянного комитета Политбюро на 19-м съезде Компартии осенью 2017 г.

Китайские исследователи, пытаясь расширить круг участников «шэньсийской группы», включают в нее и члена Политбюро, зампредседателя китайского парламента ВСНП, главу Всекитайской федерации профсоюзов Ли Цзяньго (李建国), который возглавлял Шэньси в 1998–2007 гг., при «шанхайском» генсеке Цзян Цзэмине. Тем не менее Ли Цзяньго является уроженцем провинции Шаньдун, которую возглавлял после Шэньси. В данном случае, как и в случае с Ван Цишанем, а также с супругой Си Цзиньпина Пэн Лиюань и рядом других фигур, имеет место тесная связь между шэньсийцами и шаньдунцами. Последние составляли до 40% высшего командного состава НОАК в 1990-е годы.

Связи с «желтой землей» (黄土地情结) — так обозначают принадлежность к малопригодным для земледелия полустепям Шэньси — также имеет бывший вице-премьер Ма Кай (马凯), выросший в провинции Шэньси, бывший заместитель отдела пропаганды ЦК, редактор «Гуанмин Жибао» и «Жэньминь Жибао», ныне заместитель председателя Посткома «парламента» ВСНП Ван Чэнь (王晨), заместитель главы Партийной школы Хэ И-тин (何毅亭).

Нетрудно догадаться, что наделенный высокими коммуникативными качествами гуманитарий Си Цзиньпин выдвинут как наиболее представительная фигура группы, способная найти общий язык с представителями других групп. Важнейшую роль в его судьбе на первом этапе сыграл отец, устроив сыну брак с дочерью посла в Великобритании Кэ Хуа, который ранее работал под его руководством в Шэньси, а также сделав Си Цзиньпина секретарем министра обороны Гэн Бяо, боевого товарища Си Чжунсюна по гражданской войне.

Си Чжунсюнь, Лю Чжидань, Гао Ган, без всякой доли исторического пафоса, — символы героизма и патриотизма гражданской войны в Шэньси, настоящие лидеры партизанского движения и примеры для подражания современных воинов и командиров Западной боевой зоны, бывшего Ланьчжоуского военного округа. Авторитет предков создает базу для уважения сына Си Чжунсюня — Си Цзиньпина среди командиров и воинов частей НОАК.

Сегодня 11 из 36 членов Центрального военного совета КНР, высшего органа управления армией, составляют выходцы из провинции Шэньси или командиры, прослужившие там значительную часть военной карьеры. Другая треть высшего командного состава Китая принадлежит к провинции Шаньдун.

«Наш Китай»

Важным аспектом изучения любой военно-политической группировки являются ее геополитические и идеологические принципы и стратегии. Если геополитическая стратегия «шэньсийцев», очевидно, заключается в выстраивании сухопутно-

го коридора в рамках Экономического пояса Шелкового пути（丝绸之路经济带）, который замкнул бы сухопутные транспортные узлы Европы и Азии на столице Шэньси Сиане (西安), то идеологической и политической моделью этой группировки можно считать наследие первого императора единого Китая — Цинь Шихуана（秦始皇）, и его аналогом в российской истории выступает образ Ивана Грозного. Политическая система, к которой по историческим причинам естественным образом склоняется группа, — легизм, или «фа-цзя» （法家）, — строгое управление страной на основе законов и неотвратимость наказания, что противопоставляется конфуцианству как управлению на основе нравственных норм.

До недавнего времени группа шэньсийцев не имела серьезного исторического обоснования своего лидерства в Поднебесной в виде каких-либо полноценных работ.

Однако эту лакуну стремится заполнить новый четырехтомник «Наш Китай» Ли Лина（李零 • 我们的中国）, специалиста по военной истории и правлению Цинь Шихуана.

В материалах Ли Лина предпринята попытка провести ревизию политического прошлого Поднебесной, выводя ее сакральное и идеологическое начало из истории империи Цинь (秦), центр которой располагался в современной Шэньси, мечом и беспощадными законами сковавшей разрозненные китайские государства и народы в единую китайскую империю: «В древности Поднебесной добивались из Шэньси», — такими словами увенчиваются исторические построения Ли Лина, который прозрачно намекает на родную провинцию нынешнего лидера и его политическую группу.

Работа историка была презентована в центральных вузах Пекина и Шанхая в июне 2016 г. и широко освещалась в прессе, открывая, возможно, новую страницу не столько в исторической науке, сколько в современной идеологии наследников Цинь Шихуана.

В политической элите Китая идет активный спор, какую модель развития прошлых династий должен реализовать нынешний Китай: «шанхайский путь» океанической державы Мин (明朝) или военное правление континентальной династии Цин（清朝）? Стоит ли следовать более «демократическим», нравственным принципам госуправления династии Хань（汉朝） или, может быть, прийти к балансу сил и конфедерации китайских государств в рамках модели Троецарствия（三国）? С публикацией «Нашего Китая» голоса поддержки модели внутренней политики и геополитики Китая раздались из гигантского древнего захоронения «терракотовой армии» Цинь Шихуана.

Сакральные истоки власти: инь-ян внутренней и внешней политики

Внешне четверокнижие историка Ли Лина носит историко-географический характер, однако центральной осью исследования являются не этнические процессы формирования китайской нации, а ее мистические основания — центры зарождения единого государства и центры силы — священные пики и пределы, которыми

императоры, исполняющие роль верховых жрецов, очерчивают сакральные границы Поднебесной, и по данному принципу выстраивают иерархию распределения власти, а также внутреннюю и внешнюю политику страны.

Задача подобной «политической географии», которая словно разрабатывается не в новейших «мозговых центрах» КНР, а в институте Аненербе, — найти всекитайский мистический центр зарождения китайской государственной власти и доказать историческую состоятельность данной концепции.

Согласно построениям Ли Лина, центр мистической силы китайской власти, в том числе и императорской, находится в Северо-Западном Китае, на границе провинций Шэньси, Шаньси и Хэнань, в уезде Шэнь (陕), одноименном провинции Шэньси, название которой и переводится как земля «к западу от Шэнь».

При этом «импульс власти», приведший к зарождению Китайского государства, возникает в гористом и пустынном северо-западном районе Китая — нынешней провинции Шэньси, родной для Си Цзиньпина.

В основе такого вывода — наложение пространства современного и древнего Китая на «карту Великого предела» — Тайцзи ту (太极图), в которой пустынные и горные районы Северо-Западного и Юго-Западного Китая относятся к территории «инь» — темной силы, а густонаселенные районы Китая — к активной, светлой силе «ян». Границей в такой мистической географии служит, например, линия «Айхунь (瑷珲, провинция Хэйлунцзян) — Тэнчун (腾冲, провинция Юньнань)», которая делит Китай на две части — в одной из них проживает лишь 4% китайского населения.

Центр формирования активной силы «ян» происходит из районов Шэньси, начиная круговое движение в истории и пространстве. Три государственных образования — Ся, Инь-Шан и Западная Чжоу — находятся на одной географической широте к северу от Хуанхэ, но, по мнению автора, зарождаются именно силами, пришедшими из Северо-Западного Китая.

Идея «Великого единства» как коренная идея китайского государства

Неустойчивые государственные образования, еще не отождествляющие себя со «Срединным государством», получают окончательное формирование государственной идеи «Великого единства» (大一统) в династию Западная Чжоу (西周), для которой пришедшая ей на смену династия Цинь (秦) была «задним двором». Ли Лин отождествляет принципы нынешнего единства пяти основных наций современного Китая (五族共和) с принципами единства Китая, выдвинутых Цинь Шихуаном, однако уже на иных, мистических основаниях: «Пять священных пиков совместно усиливают (течение силы) друг друга» (五岳共济).

По мнению историка географии Ли Лина, великий китайский революционер Сунь Ят-сен лишь реинкарнировал старые принципы Цинь Шихуана, а не изобрел новые методы решения национального вопроса в Китае.

Доказательства наличия «источника силы», формирующего единство китайской нации, лежащего в горах Шэньси, Ли Лин находит и в истории гражданской

войны Компартии Китая, начавшей свое победоносное шествие по Китаю именно с баз горных пещер в шэньсийской Яньани, после более десяти лет безуспешной войны в Южном Китае.

Исторические аналогии дают читателю возможность сделать самостоятельные выводы о нынешней «династии» во главе с генеральным секретарем Си Цзиньпином. Не указывая на прямые связи между своими историческими построениями и нынешним Китаем, в своей презентации автор упоминает об участии Лю Чжиданя, соратника отца Си Цзиньпина Си Чжунсюня и зампредседателя КНР Гао Гана в боевых действиях в Ганьсу-Шэньсийском пограничном районе, указывая на их прямое участие в важном историческом процессе созидания единого Китая.

Сакральные принципы региональной политики и геополитики

Согласно Ли Лину, мистическое пространство Китая — лишь часть большого Евроазиатского пространства, в которой Средней Азии и Ближнему Востоку, а также Северной Евразии отводится роль пассивного, генерирующего силу темного и женского начала «инь», а основная масса Китая предстает активной, действующей, формирующей мужской силой «ян». Такое новое позиционирование фиксирует новую активную внешнеполитическую доктрину Китая на идеологическом и даже религиозном уровне сознания политической элиты Китая.

Западной доктрине внешней экспансии в труде Ли Лина противопоставляется китайская идея активного притяжения внешних народов к «центральному государству», их добровольной инкорпорации в тело «единого Китая»: «Дать пограничным народам завидовать успехам Китая и ревновать к ним, притягивая эти страны к себе».

В «геополитике Ли Лина» этнический фактор уходит на второй план, подчиняясь фактору близости к мистическому центру Поднебесной: неважно, потомком каких племен является «житель срединного государства», важно, в каком территориальном отношении он находится к географическому центру. Более подробно доктрина раскрывается при попытке анализа национального вопроса.

Мистическая природа политической географии подчиняет сакральным принципам этнические, экономические и географические факторы, в очередной раз демонстрируя наметившийся тренд на сакрализацию институтов современной власти в КНР с целью обоснования ее концентрации в руках потомственной «красной элиты» страны.

Сегодня сакральные принципы распределения власти активно вытесняют принципы электоральной демократии. Процесс «феодализации» политики тесно связан со сменой парадигмы экономического развития — источник благосостояния вновь концентрируется вокруг контроля над природной рентой или государственными ресурсами и все меньше связан с получением прибыли через увеличение производительности труда кризисной рыночной экономикой.

Основы такой сакральной географии автор находит в первом географическом труде Китая «Юй гун» (禹贡), который очерчивает границы центральной части Китая, или области концентрации его «мест власти», пятью священными пиками, расположенными по сторонам света, а также центральным пиком Суншань (嵩山, также 岳山), который также находится по соседству с местом зарождения китайского го-

сударства. В свойственной для китайской картины мира эклектичной манере на систему «пяти пиков» накладывается «крест» из «пяти гор», четырех «морей» и четырех «водных порогов» (五岳、五镇、四海、四渎). Естественные природные объекты признаются центрами формирования сакральной силы, а император является жрецом, инициирующим импульсы власти через ритуалы в этих местах. Общее число таких объектов — 18, что совпадает с административным делением империи Цин на 18 коренных, населенных этническими китайцами провинций Китая (本部十八省).

Базовым членением территорий Китая с точки зрения управления императором является система девяти областей (九州). Структура девяти исторических областей, которые покрывают значительную часть современного Китая, также имеет циклический характер «Тайцзи ту».

Сакральный центр и национальный вопрос

В решении сложного для Китая вопроса иерархии власти центра и регионов Ли Лин вводит традиционную для Китая схему управления Китаем и распределения власти по феодальному принципу в виде пяти «сфер подчинения», или «служб» (五服), появившуюся в династию Чжоу. Квадратный многоступенчатый зиккурат власти формируется вокруг границ «царского удела» (王国畿服) и вводит систему властной иерархии, привязанную к степени близости или удаленности от мистического центра — места нахождения императора.

Ли Лин вводит термин «водоворот цивилизаций» (文明漩涡), который также носит циклический и центростремительный характер. Этим термином автор постулирует существование этнической неоднородности собственно китайской, ханьской нации, что в серьезной степени ломает выстраиваемый на протяжении последних 50–60 лет концепт единой «китайской нации» (中华民族), пытающийся игнорировать или нивелировать различия внутри так называемой национальности хань.

Как отмечалось, в интерпретации Ли Лина этническая принадлежность играет вторичную роль относительно близости к центру источника власти. Тем не менее Ли Лин отказывает значительной части китайского населения, самим ханьцам, в чистоте китайского происхождения.

В концепции автора к центру формирования китайской нации этнически не относятся жители западного Шаньдуна и Северо-Восточного Китая — бывший народ лай-и (莱夷), «вовлеченные» в единое Срединное государство, подвергнувшись китаизации (汉化). Население пояса Янцзы провинции Аньхой и провинции Цзянсу (Шанхайский регион) — также, согласно Ли Лину, не является исконными китайцами, а принадлежит к предкам «южных племен» нань-и (南夷) и племенам хуай-и (淮夷). Население Сычуаньского региона относится к потомкам цянов (羌) или тангутов, население провинции Хубэй — к потомкам племен северных жунов (北戎). Всё это — вторая подчиненная мистическому центру ступень людей, прошедших процесс китаизации и вовлеченных в «силовое поле» Срединного государства. Из такого построения Ли Лина можно сделать вывод, что все эти племена получили культурное влияние центра (район Шэньси-Хэнань-Шаньси) и, соответственно, должны носить подчиненный ему характер.

Провал «Шанхайской модели» и «восстания юга против севера» в конкуренции за власть в Китае

Ли Лин многократно отмечает провал попыток управления Китаем из Шанхайского региона — провал правления главы Тайпинского государства Хун Сюцюаня (洪秀全) и главы Китайской Республики Чан Кайши（蒋介石）, организовавших свои столицы в Нанкине. Ли Лин отмечает, что поддерживаемые тайными организациями Шанхайского региона и Южного Китая Чан Кайши и Сунь Ятсен руководствовались по сути принципом тайпинского восстания — «уничтожить династию Цин и возродить династию Мин» с установлением предполагаемого центра Китая в Нанкине, однако в конечном счете им не удалось завоевать Китай, разгромив «северян». Южный Китай и Шанхай, по мысли автора, не идеальный выбор для места расположения центра политической власти в Китае.

«Китайская мечта» Конфуция

В свою сакральную концепцию автор пытается включить и важный элемент китайской идеологии — Конфуция, однако на совсем новых, неожиданных основаниях. Оказывается, Конфуций видел свою основную цель не в построении государства, основанного на нравственных началах и «гуманизме» (仁), как это доказывала китайская идеология последние около 20 лет, а стремился возродить «единый Китай» династии Чжоу.

«Всю жизнь Конфуция преследовала мечта, мечта властителя Чжоу… это и есть самая ранняя “китайская мечта”».

Так Конфуций стал невольным соучастником пропаганды идеологического мема о «Великой китайской мечте возрождения китайской нации», заявленной Си Цзиньпином в октябре 2012 г.

В своих рассуждениях Ли Лин игнорирует конфуцианскую концепцию легализации власти через «мандат неба» для праведного правителя и неба как источника благодати, заменяя ее, судя по всему, системой более древних культов, связанных с возвышенностями и понятием «земли».

Энергетика клана: откуда черпает свою энергию Си Цзиньпин?

У каждого политического клана в Китае есть своя мощная энергетическая база. У кланов Южного Китая — это атомная энергетика; у «комсомольцев» — самая большая гидроэлектростанция в мире «Три ущелья» на реке Янцзы, ветроэнергетика и солнечная энергетика; у разгромленного шаньсийского клана (соседняя с Шэньси провинция Шаньси) — своя угольная империя, дело которой с конца 2012 г. гибнет под ударами кампании по борьбе за экологию, развернутую в госпрессе Китая, а также в связи с арестами глав угольных корпораций и руководства провинции.

А откуда черпает свою энергию новый генеральный секретарь? Он черпает энергию прямо из-под земли, центр которой представляет собой гигантский ядер-

ный реактор. Заброшенная в Китае почти на 40 лет геотермальная энергетика в буквальном смысле воскресла с приходом к власти Си Цзиньпина. И не где-нибудь, а в древней столице династии Цинь — Сяньяне, расположенном в родной провинции нового генсека Шэньси. Сегодня город, под которым, по легендам, находится подземная, загробная столица императора Цинь Шихуана, стал столицей самой экологически чистой энергетики мира.

В 2012 г. в Китае было лишь три места выработки геотермальной энергии, обеспечивающие всего 28 мегаватт энергии в год. Для сравнения: гидроэлектростанция «Три ущелья» приносила Китаю в тысячу раз больше. Но спустя три года объем вырабатываемой геотермальной энергии увеличился более чем в три раза и к концу 2015 г. составил уже 100 мегаватт. Развитие геотермальной энергетики — не только возобновляемой и наиболее чистой энергетики, но и практически неуязвимой даже для ядерных ударов противника — внесено в 13-ю пятилетку развития китайской экономики в качестве одной из самых важных целей. Не стоит сомневаться, что угольная проблема будет решена не в пользу природного газа, а, при сохранении власти шэньсийской группы, в пользу «энергии Си Цзиньпина».

Обычный способ реализации любой китайской стратегии предполагает период небольших пилотных проектов с максимально быстрым развертыванием нововведения в масштабах всей страны. Этому в немалой степени будут способствовать исландские инженеры, уже многие годы работающие в Китае на аналогичных проектах.

Потенциал геотермальной энергии огромен, об этом недвусмысленно пишет главный печатный орган КПК «Жэньминь Жибао»:

«Потенциал геотермальной энергии Китая можно ориентировочно приравнять к 853 млрд тонн угля, она может заменить его в качестве источника энергоресурсов. Разведка геотермальной энергии способствует реструктуризации энергопотребления, так как расход угля составляет 66% всех потребляемых ресурсов».

Создание скважин, ведущих в глубь земли на многие километры, может занять годы, однако экологический потенциал и возобновляемость данного источника энергии, а также любовь китайцев к ведению подземных работ не оставляют никакого сомнения в стопроцентной гарантии реализации стратегии «подземной энергетики» Китая уже в ближайшие 5–10 лет.

Совсем в другом свете видится обнаружение в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, также лежащем на Шелковом пути, огромного подземного моря. Самая главная проблема Северного Китая — отсутствие нужного количества рек для нагревания воды на станциях геотермальной энергии — может быть решена и таким нетрадиционным путем. Само море, если оно находится на глубине более 2 км, представляет собой огромную кипящую кастрюлю, воду в которую закачивать не надо.

Реализацией данной программы занимается Sinopec Star Petroleum, которая уже вложила в развитие отрасли 150 млн. долларов. Китай как территория, на которую приходится 1/6 геотермальных ресурсов планеты, намерен завершить дело первого министра энергетики КНР Ли Сыгуана и увеличить выработку геотермальной энергии до 2 гигаватт. Для сравнения: в Исландии, которая в два раза меньше провинции Шэньси, геотермальной энергетикой вырабатывается 660 мегаватт, в США — 3,5 гигаватт.

«Дирижер партийной чистки» Ван Цишань[8]

Компартия Китая, которая выросла почти до 90 млн членов, является «закрытой кастой», неприкосновенной для действия правоохранительных органов, а ее высшие политические органы являются «священной коровой», негласный запрет на чистки в отношении которых действовал последние 35 лет рыночных реформ в стране. Единичные случаи антикоррупционных дел никогда ранее не перерастали в масштабные антикоррупционные кампании.

Однако с приходом 5-го поколения руководителей в 2012 г. в политической истории Китая настала новая эпоха: число исключений из партии и последующих уголовных дел выросло с регулярных 10–20 тысяч до 180 тысяч только за последний год. По сути, в Китае происходит «Большая чистка», по масштабам сопоставимая с чистками Мао Цзэдуна времен появления КНР.

Ноты для «очистительной симфонии», заставившей застыть в ужасе значительную часть партийной и государственной элиты страны, без сомнения, являются творением рук Си Цзиньпина, а ее главным дирижером стал выходец из соседней северной провинции Шаньси Ван Цишань (1948), чье имя «Цишань» переводится как «Скалистые горы».

Историк Ван Цишань

В судьбе каждого человека существует профессия, которая определяет дальнейший стиль поведения в работе и направление мысли. Если у кого-то это спецслужба, банк, или духовное училище, то профессия Ван Цишаня, сформировавшего его личность, — историк, и не просто историк, а тесно связанный с провинцией Шэньси, родиной нынешнего генсека, где они и стали лучшими друзьями. Судьба бросила Ван Цишаня в Шэньси из столицы во время Культурной революции, здесь он не только «прошел воспитание трудом», устроившись работать в один из исторических музеев столицы провинции — Сиань, но и поступил на историческое отделение Северо-Западного университета.

[8] В 2018 г. в ходе голосования в ВСНП с 1 голосом против избран заместителем председателя КНР.

Быть студентом-историком в такое «идеологическое» время, как Культурная революция, — значит получить высокую дозу идеологического заряда. Возможно, на всю жизнь.

В Шэньси Ван Цишань знакомится с дочерью будущего вице-премьера КНР Яо Илиня Яо Миншань. Лихолетье после окончания Культурной революции наш герой проводит студентом-стажером Института новой истории Академии общественных наук Китая. С этого периода у сына талантливого инженера университета Цинхуа, чьи корни уходят в город Циндао провинции Шаньдун, который работал главным инженером Министерства строительства в начале 50-х годов в Пекине, начинается новый этап в жизни.

Институт новой истории на тот момент становится «мозговым центром», в котором сосредотачиваются исследовательские кадры, состоящие из детей потомственной военной элиты страны: сын маршала Чэнь И, дочь маршала Хэ Луна и другие. В это переломное время окончания Культурной революции и полного хаоса в Китае Ван Цишань организует группу исследователей, возраст которых едва превышает 30 лет, для изучения вопросов экономического развития страны и негативных аспектов социалистической экономики. Доклад группы исследователей был изучен на высшем уровне и стал трамплином для дальнейшего восхождения Ван Цишаня: группу пригласили на обсуждение к премьеру КНР Чжао Цзыяну.

Куратор первого инвестбанка Китая

Несколько лет проведя «в аграрной сфере», будущий борец с коррупцией занимает пост секретаря парткома Китайской сельской трастовой инвестиционной компании, где и получает опыт для последующего создания первого инвестбанка страны — Строительного банка Китая (China Construction Bank), который сегодня входит в пятерку крупнейших банков страны.

Ван Цишань также занимался созданием совместного предприятия с крупнейшей американской финансовой компанией Морган Стэнли, контакты с которой у «грозы всех коррупционеров» сохраняются до сих пор. Ван Цишань, согласно ряду мнений, является протеже ряда новых назначенцев в руководство ведущих банков страны.

Операция «Южный Китай»

Опыт финансовой работы очень пригодился Ван Цишаню во время работы заместителем губернатора ведущей экспортной южнокитайской провинции Гуандун, которая тогда, как и сегодня, оставалась абсолютным лидером по росту ВВП и вместе с соседним Гонконгом превращалась в центр Большого Китая, затмевая Шанхай и другие районы страны.

Именно Ван Цишань проводил операцию по крупнейшему банкротству, которое назвали «делом века», — крах Guangdong International Trust and Investment Corp обошелся китайским и зарубежным инвесторам в 4 млрд. долларов. Ущерб от этого банкротства на фоне развернувшегося Азиатского финансового кризиса исчислялся для Южного Китая сотнями миллиардов отложенных или переправленных в дру-

гие регионы, в частности Шанхай, инвестиций. Гуандун будет оправляться от этого удара долгие два десятилетия.

Закончив «финансовую чистку» в Гуандуне, Ван Цишань переместился в другую солнечную провинцию Южного Китая — Хайнань, где, однако, ему не пришлось остаться надолго.

Бесстрашный мэр Пекина

В 2002 г., когда произошла смена генсека с «шанхайского» Цзян Цзэминя на «комсомольского» Ху Цзиньтао, наш герой, не успев насладиться тропическим островом, молнией перемещается на пост мэра Пекина — холодной северной столицы страны.

Прежний мэр, Мэн Сюэлун, «пекинец», который в дальнейшем чудесным образом возглавил родную для Ван Цишаня провинцию Шаньси, был обвинен в сокрытии масштабов атипичной пневмонии и ушел в отставку. Случай для подобной рокировки «провинившегося» чиновника — крайне редкий в истории современного Китая, что подчеркивает присутствие в комбинации внешней силы. Ею, без сомнения, является «шанхайский генсек» Цзян Цзэминь, уже после своей отставки расставляющий верные «Шанхаю» кадры на важнейшие позиции в стране, сопротивляясь напору идущего ему на смену Комсомола.

Эпидемия, напугавшая Пекин, к слову, ударила в основном по экономике Гонконга, который вновь не досчитался крупного объема инвестиций. Новый мэр Ван Цишань провел масштабную пиар-кампанию, бесстрашно появляясь на улицах и рынках Пекина. Жители поверили в мэра и его эффективные меры по борьбе со странной болезнью, пришедшей из южного Гонконга. На посту мэра Ван Цишань также руководил подготовкой столицы к олимпиаде 2008 г.

Судя по всему, он был крайне эффективен, за что и занимал при генсеке Ху Цзиньтао пост вице-премьера, параллельно реализуя свои олимпийский опыт в создании грандиозной ЭКСПО-2010 в Шанхае.

Находясь на посту заместителя главы правительства, Ван создал группу по борьбе с глобальным финансовым кризисом. Он сумел убедить США и Европу, что Китай продолжит покупать их облигации, и это сильно успокоило рынки. Американские чиновники считают, что Ван сыграл важную роль и в отказе Китая от фиксированного курса юаня в июне 2010 г., которого Америка добивалась не один год. Он продолжает встречаться с высокопоставленными чиновниками из других стран, или, как их называет сам Ван Цишань, со «старыми друзьями».

14 сентября 2008 г. находящийся в Лос-Анджелесе для участия в заседании Китайско-американской совместной комиссии по коммерции и торговле Ван Цишань получил информацию от американской стороны о том, что инвестиционный банк «Леман Бразерс» на следующий день объявит о банкротстве. Осознавая, что небывалый финансовый кризис будет распространяться по всему миру, Ван Цишань немедленно проинформировал об этой новости заинтересованные финансовые ведомства страны, потребовав готовиться к худшему сценарию развития событий для обеспечения внутренней финансовой стабильности.

По признанию западных партнеров, не раз участвовавших в переговорах, общаться с Ваном непросто — у него острый язык и деспотические замашки. Одному из чиновников запомнилось, как на очередной встрече во время финансового кризиса Ван недипломатично заявил: «Все ваши упреки не очень меня интересуют, я знаю, вы продолжите инвестировать в Китай при любом раскладе». Генри Полсон, бывший министр финансов США, вспоминал, что Ван обожает философские споры и отличается завидным чувством юмора.

Олимп группы Си

В 2012 г. Ван Цишань вместе со своим другом и почти земляком Си Цзиньпином взошли на политический олимп страны — в Постоянный комитет Политбюро Центрального комитета Компартии, в составе которого всего семь человек.

В составе Постоянного комитета Политбюро Си Цзиньпин, Ван Цишань и Юй Чжэншэн формируют «железный треугольник» выходцев из провинции Шэньси, однако обязанных шанхайцу Цзян Цзэминю своим нынешним положением, предполагающим, что «железный треугольник» будет направлен против конкурентной «комсомольской группы» во главе с бывшим генсеком Ху Цзиньтао и нынешним человеком № 2 Ли Кэцяном.

Ван Цишань, тем не менее, не является ни уроженцем провинции Шэньси, ни сыном маршала, и составляет наиболее слабый с точки зрения клановых связей элемент группы[9], который также заслужил специфическое отношение как главный организатор масштабной расправы над чиновниками в стране.

Непрекращающаяся чистка только набирала обороты, а недовольство многочисленных элитных групп растет. Некоторые исследователи, фиксируя сложное положение Ван Цишаня перед 19-м съездом, отмечают, что он был крайне заинтересован в том, чтобы остаться в составе Политбюро, вопреки формальным основаниям, ограничивающим пребывание в Политбюро по возрасту. По сути Ван Цишиню удалось реализовать эту задачу — Ван Цишань стал заместителем председателя КНР, формально вторым после Си Цзиньпина руководителем страны, и фактически участвует во всех мероприятиях ПК Политбюро в качестве восьмого его члена, что также совершенно новое явление в политической традиции Китая последних десятков лет. Тем не менее, заявление тайваньской исследовательницы Кэ Юйцянь о том, что после 19-го съезда Ван Цишань может сменить Ли Кэцяна, не только означало возможную отставку всей «комсомольской группы», что равнозначно началу первой стадии гражданской войны в Китае, но и не соответствовало объему клановой поддержки самого Ван Цишаня. Попавший во власть как протеже «шанхайца» Цзян Цзэминя, сегодня Ван Цишань не имеет за собой подобной тяжелой артиллерии. Да и нужен ли Си Цзиньпину в качестве премьер-министра человек, который обладает информацией по всем коррупционным делам за последние 10 лет? Глава Центрального комитета контроля никогда ранее не занимал более высокий пост в иерархии Компартии Китая. Все это может означать одно: «Мавр сделал свое дело — мавр должен уйти».

[9] Последующее исследование связей Ван Цишаня, отраженное подробно в книге Н.Н. Вавилова «Китайская власть» (2021) указывает на мощную отдельную группу Ван Цишаня — группы выходцев из третьей по величине экспортной провинции Китая Шаньдун.

«Железный треугольник» должен быть заменен не преданными Цзян Цзэминю людьми, а выдвинутыми из Шэньси лично Си Цзиньпином.

«Временные меры»

Сказать, что должность главы «внутренней полиции» партии — специфическая, значит не сказать ничего. Достаточно упомянуть, что, по мнению ряда западных источников, когда один из предшественников Ван Цишаня на этом посту, У Гуаньчжэн, возглавлял расследование в отношении секретаря парткома Шанхая Чэнь Ляньюя, «плату» за свой пост У внес жизнью собственного сына.

Большая чистка — это, прежде всего, источник поддержки населения новым руководством страны: 53% жителей Китая в 2012 г. назвали коррупцию основной проблемой страны, за которой следовало расслоение доходов, низкий уровень медицинского обслуживания и небезопасность продуктов питания.

Только за первый год чистки (2012–2013) в ходе плодотворной работы Вана под пресс расследований попали 182 000 чиновников, в том числе 35 — уровня заместителя министра и выше, всего же до судебного разбирательства было доведено свыше 35 000 дел.

Ван Цишань успокаивает: антикоррупционная кампания — это только временные меры, пока страна не пришла к окончательной законности и не отрегулировала все механизмы на автоматическом уровне, тогда конвейер антикоррупционной борьбы заработает автоматически и в шумных кампаниях больше не будет нужды. Система, работающая на законе, — в центре доктрины основного идеолога легизма династии Цинь Хань Фэйцзы (韩非子) и похоже, скоро будет реализована.

В течение 2015 г. в Китае было арестовано более 30 чиновников уровня министра и губернатора. Количество расследований в отношении коррумпированных чиновников в 2017–2018 гг. снизилось вдвое, однако чистка в рядах высокопоставленных чиновников сопоставима со временами Культурной революции и напоминает «удар по штабам».

Центральный комитет контроля нанес удары в прямом смысле слова по всем провинциям Китая, включая руководство Пекина и Шанхая. СМИ Китая подчеркивают, что удары наносятся по коррупционерам всех видов власти и всех управлений страны, чтобы показать одно: для них не существует «островов безопасности». С 2012 г., когда новый лидер Китая объявил беспощадную войну коррупции, своих постов лишились мэры целого ряда провинциальных столиц — Синина, Гуанчжоу, Куньмина, Тайюаня, Цзинаня, Нанкина, Наньнина, крупного «нефтяного» города провинции Хэйлунцзян Дацина, второго по значению города провинции Гуйчжоу Цзуньи. Своих позиций лишились 10 заместителей губернаторов, а также главы НПКСК провинций Сычуань и Гуандун и восемь заместителей глав НПКС провинций.

Особенности борьбы

Многие отмечают, что «жертвы» борьбы — это «тигры»-шестидесятники, среди которых около 20 высокопоставленных чиновников КНР, назначенных в большинстве своем на посты еще при бывшем «комсомольском» генсеке Ху Цзиньтао.

Если Культурная революция просто уничтожала органы управления целиком, то кампания Си Цзиньпина — это операция точечных ударов по определенным центрам власти без нарушения работоспособности механизмов.

С другой стороны, недавно была растиражирована новость: чиновники в Китае напуганы настолько, что в бюджет вернулись более 100 млрд. нерастраченных денег.

Не обходит чистка и армию — здесь число руководителей уровня военного округа провинции, арестованных за коррупцию, достигло 80 человек. Основная масса — это пятидесятники, или офицерские кадры, чей рост начался при генсеке Цзян Цзэмине, — на эту группу приходится 55 арестованных, а на шестидесятников приходится 20 лиц.

Чистка ведется невзирая ни на что: около 10 «тигров» были задержаны на пенсии или незадолго до ее начала — весьма жестокая даже для Китая мера, особенно после размеренных мирных десятилетий. Чистка ведется по-военному, застигая коррупционеров врасплох. «Бить тигров по выходным, бить тигров на рассвете, бить тигров перед Новым годом, бить тигров глубокой ночью, на праздниках», — так описывает чистку пресса Китая. ЦКК опубликовал новость о задержании заместителя главы Управления промышленности и коммерции Сунь Хунчжи в 6:55 утра 26 декабря 2014 г., а новость о задержании чиновников Су Шулиня и Юй Юаньхуя — в 23:30 вечера 7 октября.

Чистка охватывает не только чиновников, но и глав госпредприятий: только за 2013 год своих позиций лишились 20 руководителей ведущих предприятий страны в самых различных отраслях.

Аскеты

Ван Цишань, как и Си Цзиньпин, зарплата которого, по официальным данным, около 10 000 юаней (1600 долларов) — аскеты. Именно им принадлежит авторство кампании по борьбе с роскошью и расточительством, особенно за столом (а еда у китайца — ценность № 1). Около 25 000 человек в партии и госаппарате были обвинены в «экстравагантном образе жизни». Например, покупке на госсредства роскошных автомобилей или организации богатых похорон родственников. Отмечается, что такие случаи не рассматриваются как уголовные преступления. Люди отделываются предупреждениями, выговорами, понижением в должности или, на крайний случай, увольнением. За более серьезные прегрешения ждет тюрьма, в том числе пожизненное заключение. Притчей стало дело о том, как в доме одного из «угольных» чиновников провинции Шаньси обнаружили взяток на 200 млн. долларов, а у отставного генерала Сюй Цайхоу взятки вывозили на десяти военных грузовиках.

Вертикаль

Если центральное правительство ослабляет свои функции, десятками передавая их региональным ведомствам, то в ЦКК все с точностью до наоборот — следователи практически выведены из подчинения местным партийным организациям и теперь подчиняются напрямую Вану. Аналогичные ведомства создаются в ар-

мии — на роль закрытой антикоррупционной комиссии в НОАК взят сын бывшего председателя КНР Лю Шаоци, погибшего во время Культурной революции, Лю Юань. 31 января 2015 г. Лю Юань покинул свой пост в китайской армии, а в марте 2016 г. занял позицию в финансовом комитете китайского «парламента» ВСНП.

Чистка и разгромленные группировки 2013–2014 гг.[10]

Когда утром 17 сентября 2014 г. Ли Цян, глава горкома Компартии прибрежного города на востоке Китая — Лянюньгана, говорил заключительные слова своей антикоррупционной речи, у входа в конференц-зал появилась группа незнакомцев. Ими оказались инспекторы Центрального комитета контроля (ЦКК) — одного из самых влиятельных и закрытых государственных органов, «внутренней полиции» партии.

Их главной задачей является охота на коррупционеров в рядах Компартии Китая. И они ждали Ли.

Ли уже готов был уйти после выступления, однако инспекторы остановили его. Уже к вечеру ЦКК сообщил об аресте чиновника в связи с подозрением в «серьезных дисциплинарных нарушениях» — речь шла о коррупционной деятельности и злоупотреблении служебным положением. Это был последний раз, когда Ли появился на публике...

С конца 2012 г., после значимого укрепления влияния нового главы Китая — Си Цзиньпина, было проведено около 75 000 подобных арестов, инициированных Центральным комитетом контроля. В одном из своих первых обращений генеральный секретарь предостерег членов Политбюро, что рост коррупции может «погубить партию и страну».

В последние два года у ЦКК, возглавляемый выходцем из северной провинции Шаньси, членом Политбюро Ван Цишанем, было много работы. Следуя словам Си Цзиньпина и «убивая тигров и мух одновременно», где «тигры» — это крупные коррупционеры, а «мухи» — мелкие чиновники, Комиссия стала одним из самых влиятельных государственных органов.

На четвертом пленуме ЦК партии в Пекине были прослушаны отчеты ЦКК о четырех раскрытых коррупционных преступлениях: бывшего главного управляющего государственными предприятиями Цзян Цзэминя, бывшего заместителя руководителя нефтяной корпорации China Petroleum Ван Юнчуна, заместителя главы обкома Сычуани Ли Чуньчэна и бывшего заместителя министра общественной безопасности Ли Дуншэна.

Детали ареста Чжоу Юнкана, бывшего члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и куратора всех силовых структур от партии, а также генерал-полковника Сюй Цайхоу, бывшего вице-председателя Центрального военного совета, еще окончательно не раскрыты. По данным South China Morning Post, число арестов, связанных с антикоррупционной борьбой, значительно увеличилось с начала 2014 г.

С конца 2012 г. Комиссия озвучила имена почти 700 чиновников, обвиненных в коррупции, еще до окончания суда, чем поставила точку в их политических карьерах. Даже кадры самого низового уровня могли быть упомянуты в публичных отчетах ЦКК, потеряв лицо и будучи опозоренными на всю страну, если они были как-то замешаны в деле бывшего «царя» госбезопасности Чжоу Юнкана, коим его окрестила западная пресса.

[10] Данные расследования гонконгской газеты South China Morning Post.

Стратегия «окружения», когда удар концентрируется на политических союзниках и партнерах по бизнесу, а далее наносится по членам семьи и по конечному объекту, помогала следователям приблизиться к «тиграм» — коррупционерам на высших постах. Идущие по следу группы Комиссии, которые проверяли провинции, правительственные министерства, госпредприятия, также находили вопиющие случаи коррупции.

У ветерана в области изучения политики Китая из Национального университета Сингапура Бо Чжиюэ свой взгляд на динамику антикоррупционной кампании: «Правительства низового уровня теперь соревнуются между собой в борьбе с коррупционерами. Это напоминает борьбу с правым уклоном при Мао Цзэдуне в 1956 г., когда они выполняли планы по чистке в партии». «Теперь никто не может спать спокойно», — отмечает исследователь.

Сейчас все в неопределенности и нет четких правил, кто должен попасть под расследование. «Проблема в том, что критерии коррупции очень высоки — по сути каждый чиновник в Китае может попасть под эти критерии», — добавляет Бо.

«Здесь не борьба с коррупцией, здесь признаки осуждения политической позиции».

Дело Чжоу Юнкана

В июле 2014 г. новостное агентство «Синьхуа» опубликовало новость о начале судебного разбирательства в отношении одного из обитателей политического олимпа Китая — Чжоу Юнкана, постоянного члена Политбюро, куратора всех силовых ведомств страны и главы Политико-юридической комиссии Компартии Китая.

Выучившийся на нефтехимика Чжоу начал свою карьеру в нефтяном секторе, а в 1999 г. дорос до главы обкома одной из крупнейших провинций Китая — Сычуани. В 2002 г. он вернулся в Пекин в качестве главы МВД, позднее пять лет находился в постоянном комитете Политбюро — до 2012 г. Следователи искали материал в его «нефтяном» прошлом, а также в том времени, когда Чжоу был главой обкома.

«Группа Чжоу Юнкана»

Чжоу Юнкан — член ПК Политбюро, куратор всех силовых ведомств (МВД, МГБ) от партии.

Ли Дуншэн — бывший заместитель главы МВД.

Юй Ган — заместитель главы офиса Политико-юридической комиссии КПК.

Тань Хун — один из крупных чиновников в МВД, глава Управления охраны.

Цзян Цзэминь — глава Комитета по контролю и управлению государственным имуществом при центральном правительстве Китая.

Ли Хуалинь — заместитель главы нефтяной корпорации «Синопек».

Цзи Вэньлинь — глава обкома провинции Хайнань (Южный Китай).

Го Юнсян — заместитель губернатора провинции Сычуань (Юго-Западный Китай).

Ли Чуньчэн — заместитель главы обкома провинции Сычуань Ли Чунси, глава НПКС Сычуани (аналог общественной палаты в РФ).

Тань Ли — заместитель губернатора Хайнань.

Лю Хань — угольный магнат провинции Сычуань.

С 2012 г. в отношении значительного числа партийных работников Сычуани, одной из набирающих экономическую мощь внутренних провинций Китая, уже велась антикоррупционная работа. Первыми «впали в немилость» заместитель главы МВД Ли Дуншэн и глава китайского «Госимущества» Цзян Цзэминь.

По мнению Бо Чжиюэ, расследование против Чжоу Юнкана велось по схеме предыдущего расследования против Бо Силая — одиозного главы соседнего с Сычуанью города Чунцина, который бросил вызов избранию нынешнего генсека Си Цзиньпина.

Дело «Шаньсийской банды»

Дело Сун Линя — главы корпорации «Хуажунь» (China Resources, Гонконг), объединявшей госпредприятия в области добычи сырья, потрясло богатую углем северную провинцию Шаньси. За ним последовали аресты самых могущественных чиновников в провинции, включая Лин Чжэнцэ — брата члена ЦК КПК Лин Цзихуа, которых в дальнейшем назвали главарями в «Банде Юньчэн», члены группировки которой происходили из Шаньси.

«Группа Лин Цзихуа»

Лин Цзихуа — глава управления по работе с Единым фронтом при КПК (Единый фронт — союз девяти партий Китая, включая КПК, оставшийся со времен Гражданской войны).

Сун Линь — глава корпорации Хуажунь (China Resources), Гонконг.

Лин Чжэнцэ — заместитель председателя провинциального НПКСК Шаньси (орган близкий к сочетанию общественной и торгово-промышленной палат РФ, где представлены общественные и бизнес-сообщества).

Чэнь Чуанпин — бывший глава горкома столицы Шаньси, города Тайюань.

Ду Шаньсюэ — заместитель губернатора Шаньси.

Бай Юнь — глава управления работы Единого фронта при КПК по провинции Шаньси.

Не Чуньюй — глава обкома Шаньси.

Лин Цзихуа многие годы занимал позицию в непосредственной близости к бывшему генеральному секретарю Ху Цзиньтао (выходец из провинции Аньхой), возглавляя Секретариат ЦК КПК, бюрократическое сердце партии. Метивший в Политбюро — «закрытый клуб» из нескольких человек, которые выносят судьбоносные для страны и партии решения, — Ли Цзихуа был «подбит на взлете» в «судьбоносном» 2012 г., после того как его сын Лин Гу погиб в скандальной автокатастрофе, рассекая по улицам Пекина на «Феррари» за миллион долларов с двумя полуодетыми девушками.

В 2016 г. в отношении Лин Цзихуа был вынесен приговор о пожизненном заключении.

По Шаньси, одной из северных провинций, которая граничит с родиной нынешнего генсека провинцией Шэньси, а также является родиной главы «внутренней полиции» партии ЦКК Ван Цишаня, был нанесен чуть ли не самый сильный удар антикоррупционной кампании: 13 членов постоянного комитета обкома провинции подпали под следствие.

ЦКК критиковал высшее начальство Шаньси за слишком мягкую антикоррупционную кампанию. Три полицейских начальника один за другим были уволены в столице провинции Шаньси — Тайюане. В августе South China Morning Post (SCMP) писала о том, что один из самых богатых людей провинции, Чжан Синьмин, был задержан по делу Сун Лина, члена «Шаньсийской банды», главы корпорации «Хуажунь», связанного с добычей угля. Уже в сентябре глава обкома Шаньси Юань Чуньцин исчез из провинции. За этим последовало заявление еще одного члена Постоянного комитета Политбюро, Лю Юньшаня, что «политическая экология в провинции нуждается в улучшении», — такие слова из уст одного из высших руководителей страны в отношении целой провинции звучат не часто.

«Юньнаньская вотчина»

Бай Эньпэй — эксглава обкома провинции Юньнань (Юго-Западный Китай, граница с Мьянмой, соседняя с Сычуанью провинция).

Лю Хань — угольный магнат.

Чжан Тяньсинь — экс-глава горкома Куньмина, столицы Юньнани.

Шэнь Пэйпин — бывший заместитель губернатора Юньнани.

Ван Тяньчжао — директор Первой народной больницы Юньнани.

Когда «сычуаньский тигр» Чжоу Юнкан стал главой обкома Сычуани в 2001 г., еще один выходец из инженерной среды — Бай Эньпэй — начал свою десятилетнюю карьеру в соседней Юньнани в качестве партийного секретаря.

Стратегия Бая заключалась в превращение граничащей с Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом Юньнани в торговый мост со странами Юго-Восточной Азии. Тем не менее инфраструктурные проекты застопорились из-за бесконечных земельных конфликтов на местах.

Спустя пару лет после того, как Бай в 2011 г. вышел в отставку, в Сычуани был арестован бизнесмен Лю Хань — деловой партнер старшего сына Чжоу Юнкана, с которым Бай был на короткой ноге. Дело угольного магната Лю Ханя связали с помогающим ему Баем.

Лю Хань и другие бизнесмены были названы «триадой» — организованной преступной группировкой — и приговорены к смертной казни.

В августе Бай попал под следствие. Преемник Бая — Цинь — был вынужден уйти в отставку, не проработав в должности и трех лет.

«Банда Цзянси»

Су Жун — заместитель председателя НПКСК провинции Цзянси (Юго-Восточный Китай).

Юй Лифан — супруга Су Жуна.

Чэнь Аньчжун — заместитель главы СНП Юньнани (региональный парламент).

Чжао Чжиюн — заместитель главы обкома Цзянси.

Яо Мугэнь — заместитель губернатора Цзянси.

Чжоу Цзяньхуа — глава постоянного комитета СНП района Синьюй.

В 2013 г. Чжоу Цзяньхуа, чиновник низового уровня в провинции Цзянси, попал во внимание следователей из ЦКК из-за причастности к незаконным земельным сделкам, однако в них оказалась замешана и жена ключевой влиятельной фигуры Компартии — Су Жуна.

Су был главой обкома внутриконтинентальной провинции Цзянси с 2007 по 2013 г. Однако следователи получили «нулевой» результат при попытке «развить» дело Чжоу Цзяньхуа, и начали следствие против Яо Мугэня — заместителя губернатора провинции и ключевого союзника Су Жуна, которого они задержали в июне 2013 г. Донос Чжоу Цзяньхуа, однако, не спас его от смертного приговора, который был приведен в действие в 2015 г.

«Группа Вань Цинляна» в Гуанчжоу

Вань Цинлян — бывший глава горкома Гуанчжоу, столицы провинции Гуандун.

Чэнь Хунпин — бывший глава горкома Цзеяна, города в Гуандуне.

Лю Шэньфа — заместитель главы горкома Цзеяна.

Ло Оу — заместитель главы постоянного комитета народного правительства Гуандуна.

Цао Цзяньляо — вице-мэр Гуанчжоу.

Ян Яньвэнь — глава райкома Хуаду, пригорода Гуанчжоу.

Ли Цзюньфу — глава управления земельными ресурсами и жилищной администрации Гуанчжоу.

Экономика провинции Гуандун, что в Южном Китае (если рассматривать ее отдельно от Китая, она будет считаться 15-й крупнейшей экономикой в мире), почувствовала на себе самый сильный удар антикоррупционной кампании — об этом свидетельствуют данные ЦКК. Спустя год были арестованы также два заместителя губернатора Гуандуна.

Расследования включали и скандалы вокруг целой индустрии «торговли телом» в гуандунском городе Дунгуань, который считается столицей китайской проституции, а также вокруг чиновников, которые пользовались многочисленными паспортами для оформления покупки недвижимости. В октябре 2015 г. провинциальные власти заявили, что будут увольнять или тормозить карьеру тех чиновников, чьи близкие родственники проживают за рубежом, — для них даже появился термин «голые чиновники».

В июне 2014 г., на фоне небывалых по масштабам протестов в Гонконге, ЦКК начал расследование в отношении восходящей политической звезды — молодого

главы горкома партии Гуанчжоу — Вань Цинляна, для которого, как и для многих его предшественников, пост секретаря горкома в третьем по величине городе Китая мог стать площадкой для повышения до должности главы провинции.

Вань Цинляна подвело его прошлое и его подчиненный Чэнь Хунпин, который занял место Вань Цинляна на посту секретаря горкома Цзеяна. Именно «работа» с Чэнь Хунпином позволила выйти на главу Гуанчжоу.

Секретное антикоррупционное расследование в китайской армии

Сюй Цайхоу — генерал-полковник, заместитель председателя Центрального военного совета КНР — органа, управляющего всеми вооруженными силами Китая.

Гу Цзюньшань — заместитель главы транспортного управления НОАК (армия Китая).

Ян Цзиньшань — бывший заместитель командующего Чэндуским военным округом (Сычуань).

В июне 2013 г. Политбюро, состав которого генерал Сюй покинул годом ранее, лишило его членства в партии по обвинению в коррупции. В конце октября Военная прокуратура объявила, что больной раком генерал предстанет перед судом за взяточничество, что по сути является беспрецедентным в 87-летней истории НОАК.

Расследование в отношении генерала Сюй Цайхоу началось с его подчиненного — главы главного транспортного управления НОАК, генерал-лейтенанта Гу Цзюньшаня, который также был отстранен от работы по подозрению во взяточничестве: данные о его огромном личном и семейном состоянии были опубликованы в гуанчжоуской газете «Цайсинь». Надо отметить, что в НОАК существует своя структура по проверке дисциплины, однако данные ее расследований не оглашаются.

В октябре 2014 г. на 4-м пленуме партии было анонсировано, что генерал-лейтенант Ян Цзиньшань, заместитель командующего Чэндуским военным округом, попал под следствие из-за серьезного нарушения партийной дисциплины и лишен членства в партии.

Таковы итоги лишь первого этапа антикоррупционных чисток — 2013–2014 гг.

В 2015 г. чистка охватила не только высшее руководство всех без исключения регионов Китая, но и значительно распространилась на армию, сферу образования и культуры, «накрыла» весь нефтегазовый сектор, затронула значительную часть крупнейших госкорпораций страны.

В 2016 г. чистка и отставки впервые затронули финансовый сектор, переживший крупнейший обвал фондовых бирж в истории современного Китая, а также центр финансового мира Китая — Шанхай.

Острая фаза чисток, наступления на коррумпированные кадры, оставшиеся со времен деятельности предыдущих генсеков, встречает все большее сопротивление «по мере усиления классовой борьбы» и приобретает иные, не аппаратные формы сопротивления.

Группа Си Цзиньпина: Ли Чжаньшу — идеолог российско-китайского союза[11]

24 марта 2015 г. в Китай с визитом прибыл глава Администрации президента РФ Сергей Иванов для встречи со своим коллегой Ли Чжаньшу, главой Секретариата ЦК Компартии. Запланированная встреча по формальному поводу открытия медиа-саммита, неожиданно увенчалась встречей с лидером страны Си Цзиньпином, а также с главой Центрального комитета контроля, «партийной тайной полицией» — Ван Цишанем. Последний уже давно, в силу своей внутриполитической работы, не принимает иностранных гостей, за исключением Генри Киссинджера, с которым встретился в ноябре 2015 г.

Фотография с Сергеем Ивановым и лидером Китая, который без анонсирования в прессе встретился с Си Цзиньпином, висела на главной странице новостного агрегатора «Байду» и других крупных СМИ два дня — редкая честь для редкого гостя, оказавшегося в Пекине, по словам Ли Чжаньшу, в компании «старого друга». «Политическая тройка», с которой провел встречу Сергей Иванов, является идеологическим и политическим ядром группы Си Цзиньпина, где Ли Чжаньшу, помимо позиции главы Секретариата, руководит Комитетом государственной безопасности (2014), недавно созданным образованием, выведенным из-под контроля партийных, государственных, а также армейских и структур госбезопасности, и подчиняющимся только Си Цзиньпину.

Ли Чжаньшу, до конца 2017 г. глава Секретариата — аналога Администрации Президента в России — Центрального комитета КПК, — редкий случай, когда глава внутриведомственной службы имеет функции дипломата. Эти функции достаточно ограниченные: Ли Чжаньшу специализируется только на отношениях с Россией, и де факто отвечает за это направление в «корпорации Си Цзиньпина»: координация действий в сфере пропаганды, ВПК, взаимных визитов, взаимных парадов. Судя по визиту российского коллеги Ли — Сергея Иванова в Пекин 25 марта 2016 г., который можно назвать внеплановым и беспрецедентным по уровню встреч, в отношениях двух стран наметились кардинальные перемены, которые увенчались визитом Владимира Путина в июне 2016 г. в Пекин, не исключено, что речь шла о расширении сотрудничества в сфере ВПК и пока еще недавно озвученная тема о соз-

[11] Статья написана для издания «Южный Китай» за три года до избрания Ли Чжаньшу в Постоянный комитет Компартии Китая и назначения главой парламента КНР.

дании между Китаем и Россией зоны свободной торговли в том или ином виде, но не только. Главной темой визита, как бы парадоксально это ни звучало, могла стать помощь России «корпорации Си Цзиньпина», оказавшейся в сложной ситуации.

В результате определенных причин «корпорация Си Цзиньпина», триумфально проводившая выкорчевывание старых кадров из Компартии руками Ван Цишаня и насаждавшая новые руками Ли Чжаньшу, получила мощный отпор оппонентов: в ходе «Двух сессий» в Китае и Гонконге началась открытая пропагандистская кампания против лидера страны, увенчавшаяся требованием преданных анонимных партийцев отставки Си Цзиньпина.

Китайский «Госплан» повел себя прямо противоположно требованиям лидера страны, а финансовый блок вместо продолжения девальвации взял жесткий курс не только на сохранение курса юаня, но и на его частичную ревальвацию. Кроме этого, в рамках политических дел активизировалась китайская прокуратура, ранее лишь покорно принимавшая многочисленные списки коррупционеров от Ван Цишаня. Оппоненты Си Цзиньпина не захотели безропотно наблюдать свою политическую гибель и взяли решительный курс на борьбу за выживание.

В этой ситуации, когда на Си Цзиньпина было организованно давление, как со стороны внутренних оппонентов, так и со стороны США и их союзников, резко переменивших тактику в сфере сдерживания китайской угрозы, роль поддержки России, при всех многочисленных сложностях, в которых находится страна, многократно возрастает.

Крымская война и «опиумные войны 2.0»

Как и после Крымской войны в середине XIX века, удар западных сил переносится от России к Китаю, и сегодняшняя ситуация, которая разворачивается в стране, может быть охарактеризована как «опиумные войны 2.0». Несмотря на все очевидные отличия цинского и нынешнего Китая ситуация на структурном уровне крайне похожа и напоминает ситуацию XIX века, что, однако, не предопределяет аналогичный исход.

К началу XIX века империя Цин, предшествующая нынешнему республиканскому строю в Китае, достигла пика своего экономического могущества, превратившись в первую экономику мира, на которую приходилось от 20% до трети мирового ВВП. Империя была не просто «сборочным цехом» или «крупнейшим рынком в мире», но крупнейшим экспортером на тот момент единственного продукта с высокой добавленной стоимостью — роскоши в виде фарфора (china), чая, шелка и других специфичных товаров Востока. Регулируя экспорт через государственные корпорации при координации ордена иезуитов, служивших глазам и ушами цинского двора, империи удалось стать главным бенефициаром промышленной революции Запада. Несмотря на то, что английские и голландские станки производили добавленную стоимость и расширяли европейскую торговлю, полученное от торговли серебро в конечном итоге оседало в руках цинской монархии, не без оснований возомнившей себя центром мира.

Торговля с европейскими странами шла в убыток Европе, которая практически ничего не могла предложить Китаю, производившему все самостоятельно, и, кроме этого, наглухо закрывшего все порты страны от контактов с иностранцами, кроме юж-

нокитайского Гуанчжоу и российской Кяхты, а также российских караванов, приходивших в Пекин несколько раз в год. Европейский креатив в лице Адама Смита и Давида Рикардо, европейский фабрикант и согнанный со своих пастбищ уэльский скотовод, торговец тюльпанами в Амстердаме и вся просвещенная Европа, а также Америка и Индия — всё это работало на большой золотой сундук «золотого клана» Айсин Гёоро.

Ситуацию решили переломить англичане, наладив нелегальный экспорт в Китай опиума и восстановив торговый баланс к 1833 г. Главными бенефициарами опиумной торговли стали гуанчжоуские (и их гонконгские филиалы), а потом и шанхайские наркокорпрации, Ост-Индская компания, а также британская корона, у которой получилось через государство тайпинов проломить в Южном Китае огромную щель для нелегальной торговли и тем самым полностью разрушить госмонополию и финансовую систему «первой экономики мира», став главным выгодополучателем от мировой торговли и, как следствие, мировым лидером. Последствием «опиумных войн» стало создание на территории Китая нескольких режимов милитаристов, полностью зависимых от Запада и наркоторговли.

Несмотря на проходящую сегодня в Китае «метафетаминовую войну», китайский рынок платит дань западным производителям не потреблением наркотиков, которые поставляет на рынок Китая и даже экспортирует «отечественный производитель» в Гуандуне, а потреблением технологий — прежде всего в сфере электроники и компьютерных систем.

Делать прогноз о том, что Китай сегодня стоит на пороге «новых опиумных войн» было бы слишком смело, однако нельзя не упомянуть о нескольких явных признаках, характерных для ситуации XIX века и сегодняшнего дня. Прежде всего с 2015 г. на фоне незначительного падения экспорта из Китая резко упал импорт западной продукции — в Китае наметилась тенденция на закрытие своего рынка. Дисбаланс в торговле в свое время стал главной причиной подготовки опиумных войн. В свою очередь, если раньше финансовые средства из китайской экономики выкачивались дорогой нефтью (до 50–60% нефти в Китае — это импорт) и зависимостью от чипов, то сегодня ситуация кардинально меняется, особенно с учетом того, что китайцам удалось путем рекордных штрафов принудить крупнейшего экспортера чипов Qualcomm разместить производство в провинции Гуйчжоу, которая также тесно связана с нашим героем Ли Чжаньшу.

Последним и очевидным сходством является развернувшееся «неотайпинское движение» в лице различных сепаратистских сил в Южном Китае, а также группы «комсомольцев», активно выступающей за расширение участия западного капитала в судьбе китайской экономики.

Опиумные войны были тесно переплетены с историей Крымской войны — англо-французские (нормандские) торгово-промышленные корпорации не могли концентрировать усилия вооруженных сил одновременно на российском и китайском направлении, поэтому удары по империям — наследницам Чингисхана — чередовались. Российская империя оказалась более стойкой в сопротивлении Западу и менее важной с точки зрения оттока капитала, чем Китай — и основной удар западных сил обрушился на династию Цин, против которой Запад развернул настоящую гибридную войну, поддержав идеологически, информационно и материально восстание тайпинов, унесшее жизни около 50 млн. человек, что сопоставимо с числом жертв Второй мировой войны.

По окончании Крымской войны англо-французская коалиция в условиях полномасштабной гражданской войны, в которой оказалась цинская монархия, планировала захват северокитайской столицы Пекина и, вероятно, колониальную форму правления для распавшегося на северный и южный Китая. От подобного сценария Китай спасла позиция России, которая, по официальным источникам, предоставила Китаю вооруженную помощь и предотвратила захват столицы англо-французской коалицией. В реальности речь идет о полномасштабном участии России в отражении западной агрессии в отношении Китая. Участие России могло быть настолько масштабным и глубоким, что факты о нем не публикуются и сейчас, спустя 150 лет. Вряд ли удар по Пекину можно было бы предотвратить «дипломатическими переговорами» и «обозом с оружием», который, согласно дипломатическим байкам, привез в Пекин граф Игнатьев.

Сегодня для Китая такой «граф Игнатьев» — это Сергей Иванов, а его главный партнер по переговорам — Ли Чжаньшу, правая рука Си Цзиньпина. Не исключено, что такое сравнение приходит в голову и самим китайцам, столь много изучающим в последние годы историю династии Цин и даже сравнивающим ее с нынешним положением Китая на страницах ведущих партийных интернет-площадок.

«Свой тигр» Ли Чжаньшу

Как и Си Цзиньпин, Ли Чжаньшу, рожденный в год тигра (1950) — «красный принц». Ли, чей фамильный иероглиф переводится как «Каштан», а имя «Чжаньшу» — как «письмо об объявлении войны», внук известного «красного губернатора» — замгубернатора провинции Шаньдун Ли Цзайвэня. Все родственники Ли Чжаньшу принимали активное участие в антияпонском освободительном движении на стороне Компартии Китая и НОАК.

Исследователи политического портрета нынешней группы Си Цзиньпина делают серьезную ошибку, называя ее «маоистами», тогда как сам Си Цзиньпин, его отец, Ли Чжаньшу и его родственники, а также Ван Цишань и многие другие соратники из группы Си были не участниками, а жертвами Культурной революции, развернутой Мао Цзэдуном против своей же старой гвардии. Если перенести ситуацию на СССР, то можно представить, что власть в России взяли некие остатки «ленинской гвардии», недобитой при Сталине, и по сути являвшихся выходцами из дворян. Этим и объясняется специфика «китайских принцев» и их самоназвание «тайцзы дан» — партия принцев. Принцев маньчжурского двора.

Ли Чжаньшу — такой же наследственный принц, дед которого будто бы начинал при коммунистах пастухом (放养倌), а в реальности, как и в истории послереволюционной России, пастухами делались сыновья и внуки казачьих атаманов, верно служивших царю. Такая же биография у Си Цзиньпина, отец которого начинал в войсках милитариста Ма, стал губернатором Гуандуна при раннем Мао и подвергся публичному унижению и снятию со всех постов во время Культурной революции как враг народа и контрреволюционер. Дед Ли Чжаньшу был убит во время Культурной революции, а сам Ли Чжаньшу, как и Си Цзиньпин, подвергся унижению и был изгоем на протяжении около 10 лет. Хорошая закалка для здорового чувства политической ненависти к оппонентам.

Враг «шанхайской группы»

Годы Культурной революции миновали, и Ли Чжаньшу, окончив вечерний (по-китайски ночной) финансовый институт, как и многие дети репрессированной старой гвардии, начал достаточно быстрое движение по карьерной лестнице, заняв позицию главы райкома в китайском «подмосковье» — окружающей Пекин провинции Хэбэй, а к концу 1990-х годов попав в обком этой провинции. Здесь карьера еще молодого политика могла закончиться навсегда: между членом обкома Ли Чжаньшу и первым секретарем провинции Чэнь Вэйгао (1933–2010), членом группировки «шанхайца» Цзян Цзэминя, а также «молодым главой налогового ведомства» Ли Чжэнем (казнен в 2003 г.) произошел серьезный конфликт, из-за которого дальнейшее будущее Ли Чжаньшу уже второй раз оказалось под вопросом.

Однако опального Ли забирают в родную провинцию Си Цзиньпина Шэньси, где он не только становится образцовым мэром столицы провинции Сиань, сделав из нее центр будущего «Шелкового пути», но и в дальнейшем перемещается на пост замгубернатора провинции (2002–2003). При «комсомольском» генсеке Ху Цзиньтао карьера врага «шанхайцев» развивается с прежней скоростью — замгубернатора Шэньси перемещается в приграничную с Россией провинцию Хэйлунцзян — так по-китайски называется Амур, «река Черного дракона», где при Ху Цзиньтао занимает позиции замгубернатора и второго секретаря провинции (повышение по партийной линии), а к моменту утверждения Си Цзиньпина официальным преемником Ху Цзиньтао становится губернатором провинции, где он проработал долгие семь лет, успев понять сложную специфику в том числе и китайско-российских приграничных отношений.

В биографии Ли Чжаньшу есть «комсомольское пятно», на котором часто спекулируют комментаторы, стремящиеся повлиять на отношения Си Цзиньпина и Ли. В период работы в Хэбэе Ли Чжаньшу в течение нескольких лет возглавлял местный обком Комсомола. Вопреки домыслам, назначению в обком Ли, скорее, обязан одному из родственников, тесно связанному с местным комсомольским движением еще со времен антияпонской войны, когда Лига социалистической молодежи Китая была независимой от Компартии организацией. Таким образом Ли не является прямым протеже Ху Цзиньтао, хотя, с другой стороны, не является и врагом «комсомольской группы». В Хэйлунцзяне высокого китайца (рост Ли Чжаньшу 180 см), который любит борьбу, приняли, судя по всему, хорошо, тем более что большинство переселенцев в Хэйлунцзян являются выходцами из близкой к Ли Чжаньшу провинции Шаньдун.

С момента утверждения Си Цзиньпина как будущего преемника Ху Цзиньтао в 2009 г. карьера Ли Чжаньшу развивается стремительно: не по правилам, еще не будучи назначенным членом Политбюро, он занимает позицию первого секретаря самого бедного и «самого красного» региона Китая — провинции Гуйчжоу (там расположится в будущем американский Qualcomm), прямо под боком у будущего главного оппонента Си Цзиньпина на 18-м съезде мэра Чунцина — Бо Силая. Здесь в это же время находится будущий глава Сухопутных сил Ли Цзочэн в ранге замкомандующего Чэндуским военным округом. Не исключено, что две эти фигуры, которые одинаково пострадали от группы «шанхайцев», сыграли ключевую роль в предотвращении государственного переворота, готовившегося в 2012 г. Бо Силаем и его протеже Чжоу Юнканом. Последние, как предполагается, имели прямую связь с «шанхайцами».

18 июля 2012 г., на пике борьбы Си Цзиньпина и Бо Силая в преддверии 18-го съезда, Ли Чжаньшу освободил позицию секретаря обкома и губернатора Гуйчжоу, и его карьера вновь повисла в воздухе, до момента назначения Си Цзиньпина генеральным секретарем Компартии Китая, когда Ли Чжаньшу получил назначение в кадровую кузницу Центрального комитета — Секретариат ЦК КПК.

В южной провинции Гуйчжоу во время назначения нового губернатора развернулась активная кампания очернения в прессе, в том числе прилепилась кличка «чиновник из трех северных провинций» (*«саньбэй ганьбу»*, которую можно прочитать и как *«чиновник три стакана»*), а также о непокладистом, «тигрином» характере Ли Чжаньшу. Для пиар-кампании назначенца из команды Си даже была издана книга с биографией Ли и историей его семьи.

Личный дипломат Си Цзиньпина

Ли Чжаньшу сопровождал Си Цзиньпина практически во всех зарубежных поездках и по сути является мозговым центром выработки внешней политики группы Си Цзиньпина, где главным элементом все же являются не США, а Россия. Речь не идет о крепкой дружбе, жертвенном союзе и тем более идейной близости — но так сложились обстоятельства и баланс сил в китайской внутриполитической игре.

Второй в политической тройке

Сегодня в сложной ситуации для группы Си Цзиньпина Ли Чжаньшу, который является по сути главой личной спецслужбы Си Цзиньпина — Комитета государственной безопасности, поставленной выше партии, правительства, армии и спецслужб, а также совмещает эту позицию с координатором кадровой и иностранной политики, можно назвать вторым после Си человеком. Эту позицию Ли разделяет с главой «партийной полиции» Центрального комитета контроля Ван Цишанем, который также формирует идеологическую повестку группы.

Естественно, что именно Ли Чжаньшу вошел в ПК Политбюро и стал главой китайского парламента в 2017 г., и именно с борьбой за эту позицию связана активность Ли в деле работы с кадрами — именно ему принадлежит инициатива объявления Си Цзиньпина «коренным лидером» и введения клятвы на верность коренному лидеру от секретарей обкомов — фактически кампания признания будущих изменений в Конституцию и вечного правления Си Цзиньпина. Из-за повышенной работоспособности Ли Чжаньшу назвали «тысячемильной лошадью», а недоброжелатели называют его «темной лошадкой», так как все новые посты он получает внезапно, работая как самая важная и незаметная фигура Си Цзиньпина на ключевых направлениях.

Партия сказала: «Надо!» Комсомол ответил: «Нет»

«Комсомол», забытое в России слово, в Китае значит еще очень много. Выходцы из Комсомола не только занимают высшие государственные посты, но и образуют охватывающую практически весь Китай сеть руководителей. Кто входит в состав группы «комсомольцев», какова их идеология и как разворачивается противостояние между «новой элитой», возникшей из «кузниц кадров» комсомольских организаций, и потомственной военной элитой страны?

Сегодня в западной и гонконгской прессе принято рассуждать о том, что Си Цзиньпин проводит масштабную чистку и сосредотачивает в своих руках абсолютную власть. Тем не менее достаточно взглянуть на состав правительства Китая — Госсовета КНР, который возглавляется бывшим первым секретарем Китайского союза коммунистической молодежи Ли Кэцяном, чтобы понять, что реальные рычаги власти, способные повлиять на развитие страны, сосредоточены вовсе не в руках «нового Мао». Несмотря на то, что во главе Китая с 2013 г. находится новый лидер, в правительстве остаются прежние лица, занимающие свои позиции еще со времен бывшего генсека Ху Цзиньтао, также в свое время возглавлявшего китайский Комсомол.

Министерство контроля, Министерство гражданской администрации, Министерство юстиции, Министерство земельных и природных ресурсов, Министерство жилья, городского и сельского строительства, Министерство транспорта, Министерство сельского хозяйства, Министерство культуры, Управление по контролю качества, Управление энергетики, Управление по делам спорта — позиции на этих важнейших для развития страны ведомствах долгие годы прочно занимают выходцы из региональных и центральных структур китайского Комсомола, не говоря уже о значительном числе региональных руководителей: лидеры таких ведущих регионов страны, как Шанхай, Чунцин, Гуандун, Хэйлунцзян, также пришли на высшие посты из кабинетов комсомольских руководителей.

Помимо мощного блока в правительстве и регионах выходцы из Комсомола занимают позиции заместителя председателя КНР (Ли Юаньчао), главы Высшей партийной школы и члена Постоянного комитета Политбюро (Лю Юньшань), гла-

вы Верховного народного суда КНР (Чжоу Цян) и две вице-премьерские позиции в стране (Ван Ян и Лю Юаньдун)[12].

Обвинения в «сосредоточении абсолютной власти» — отголосок ударов, которые наносят антикоррупционные чистки, прежде всего по ведущим деятелям комсомольского движения: большинство руководителей, попавших под пресс расследований, получили свои посты при Ху Цзиньтао. Одними из самых крупных политических группировок, разгромленных в первые же годы чисток, стали «Шаньсийская банда» (не путать с пров. Шэньси) выходца из Комсомола Лин Цзихуа, которого называют правой рукой Ху Цзиньтао, и «Гуанчжоуское дело» мэра столицы южнокитайской провинции Гуандун города Гуанчжоу — «комсомольца» Вань Цинляна. Не стоит также забывать, что шквал обвинений «от старейшин партии» в 2014 г. обрушился не только на ныне отбывающего пожизненный срок члена Политбюро Чжоу Юнкана, но и на бессменного при Ху Цзиньтао члена Политбюро нынешнего состава, выходца из Комсомола Внутренней Монголии Лю Юньшаня.

От Гражданской войны до Тяньаньмэнь

В отличие от России, где молодежное коммунистическое движение появилось лишь после революции 1917 г., в Китае Союз «социалистической» и «коммунистической» молодежи появился одновременно, а если считать формально, даже раньше самой Компартии. Как в Коммунистическую партию, так и в Комсомол (а тогда по сути — бесформенное объединение националистической молодежи) жизнь вдохнул первый генеральный секретарь Компартии Китая — аньхоец Чэнь Дусю (настоящее имя Чэнь Тунцин). Именно его журнал «Новая молодость» (аналог большевистской «Искры»), который он активно издавал после обучения в Японии, стоявший на антицинских, националистических и социалистических позициях, принес марксистскому движению Китая первую известность и был по сути «коллективным агитатором и организатором», ставшим идеологическим ядром социалистически настроенной молодежи.

«Новая молодость» (1915) стала вторым издательским проектом Чэня после «Национального ежедневника» (1903). От широкой темы китайского национализма Чэнь быстро и естественно переходит к эксплуатации более конкретных идей региональных субэтнических сообществ и с успехом издает «Аньхойский вестник». Тогда, как и сейчас, в фундаменте любых социалистических идей в Китае лежали националистические и субэтнические корни той или иной региональной китайской общности.

Формальным создателем «Социалистического союза молодежи» считается чжэцзянец Юй Сюсун, который работал над Комсомолом вместе с организаторами Движения 4 мая, прежде всего с Чэнь Дусю.

Первая политическая активность Чэнь Дусю — создание «Аньхойского патриотического союза» — совпала с мощной агитацией большевиков в России, накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Не стоит забывать, что меж-

[12] По состоянию на 2016 год. Ли Юаньчао и Лю Юньшань утратили свои позиции.

ду царской Россией и императорским Китаем тогда действовал секретный антияпонский союз, и деятельность партий в России и Китае фактически подрывала государственный строй в двух воюющих против Японии странах. Войну против России и ее союзника Китая Япония выиграла, и деятельность Чэнь Дусю заметно сбавила свои обороты, если не сказать, что вовсе сошла на нет. Тем не менее растущие аппетиты Японии относительно Китая после окончания Первой мировой войны (1914–1918), которую Страна восходящего солнца выиграла в союзе с Великобританией, не радовали одного из крупных заокеанских игроков.

Комсомольское движение в Китае появилось, по сути, 4 мая 1919 г., и связано это с националистическим подъемом, заставившим правительство Китая отказаться от передачи территорий провинции Шаньдун под контроль японского императора. Ведущую роль в забастовках сыграли не столько представители образованной интеллигенции, сколько рабочие и почти все лавочники Шанхая — мелкие и крупные, которые и сейчас составляют мощную опору национальной идеологии Комсомола.

4 мая сегодня считается главным днем комсомольского движения в Китае. Одним из главных организаторов движения «4 мая» и организатором подрыва режима пекинского правительства и массовых волнений в Шанхае стал не кто иной, как Чэнь Дусю. Своеобразным преддверием к массовым молодежным акциям, способным свалить любой режим, стала должность декана филологического факультета Пекинского университета, которую Чэнь занял в 1917 г.

В 1907 и 1914 гг. Чэнь посетил Японию, где, в частности, прошел обучение в Университете Васэда. В 1914 г. он впервые публиковался под псевдонимом Дусю («Уникальная изящность») с очередной националистической статьей «Патриотизм и самосознание».

К концу 1920-х годов в созданной Чэнь Дусю Компартии Китая происходит смена источника финансирования — партия устанавливает прочные связи с движением Коминтерна, а Чэнь теряет свою позицию генерального секретаря (1927), одновременно с изгнанием Троцкого из СССР. С последним Чэнь Дусю входит в полноценный политический союз и в 1931 г. образует параллельную Компартию из троцкистских групп Китая, которая, однако, не просуществовала сколь-нибудь долго. После начала войны с Японией Чэнь освобождается из тюрьмы, в которой просидел при Националистическом правительстве Китая пять лет.

Союз социалистической молодежи (таким было первоначальное название политической организации) на долгие годы уходит в тень, однако остается независимой от Компартии Китая политической организацией. Необходимо отметить, что активную роль во время Культурной революции также сыграли выходцы из молодежной среды, поддерживаемые ведомствами МВД и выходцами из «географического ядра» Комсомола — провинций по течению реки Янцзы, в частности Хубэй. Не исключено, что значительное ядро нынешних «комсомольцев» тесно связано с кампанией по высылке городской молодежи в сельские районы: в этих группах могли смешаться все — и те, кто участвовал в расправах над «врагами народа», и те, кто были их жертвами, однако сегодня эту тему принято обходить молчанием. Второе рождение Комсомол получает после конца Культурной революции: в 1989 г. отряды демократически настроенной молодежи вновь выходят на улицы... Аньхоя, Шанхая и Пекина.

Представители молодежи в университетах страны попробовали сыграть ва-банк — на улицы центральных городов вышли протестующие толпы студентов с требованием свободы и демократических прав. Организованное студенчество, обладающее поддержкой населения, превратилось в грозную силу, поддерживающую генерального секретаря Ху Яобана, в прошлом первого секретаря Комсомола, а также «либерального» премьера Чжао Цзыяна.

Когда протестующие заняли центральную площадь столицы Тяньаньмэнь, борьба внутри партии вышла из-под контроля, в ход пошли военные — демонстрации заблокировавших город молодежных групп были подавлены. С тех пор между «красной военной аристократией» и «комсомольцами» в Китае сложился некий баланс и не менее сильные чувства взаимного отрицания. Упоминания об этих событиях, несущие печать глубокого раскола в партии, табуированы в Китае и сейчас. До недавнего времени цензурировались и воспоминания о Ху Яобане, однако с прошлого года они были разрешены цензорами, также выходцами из Комсомола, прежде всего с подачи члена ПК Политбюро Лю Юньшаня. С событий на площади Тяньаньмэнь, после которых потерял свою власть Ху Яобан, в Китае также был введен институт сменяемых наследников.

Силовая акция, предпринятая военными, встревожила партийную элиту, которая практически сразу за событиями на Тяньаньмэнь, 26 июня 1989 г., выбрала нового генерального секретаря, бывшего главу горкома Шанхая Цзян Цзэминя. В марте 1993 г. Цзян Цзэминь также получает высший государственный пост в стране, окончательно отстранив военных от власти в Китае.

Как утверждается, власть «шанхайцу» передается от Дэн Сяопина с определенным условием — передать ее через 10 лет представителям Комсомола или Ху Цзиньтао, который с поста главы Комсомола перед событиями на Тяньаньмэнь был удален на пост губернатора беднейшей провинции Гуйчжоу, а затем на пост главы обкома Тибета. Такой легендой, во всяком случае, объясняется возврат с 2000-х годов на ведущие позиции во власти представителей либерального крыла политической элиты Китая, активно поддерживаемой Демократической партией США. В 2002 г. пост генерального секретаря Компартии занял бывший первый секретарь Комсомола Ху Цзиньтао.

Идеология будущего Китая: опора на армию или Комсомол?

Народно-освободительная армия Китая — институт, который лежит в основе современного китайского государства. Китайская красная армия появилась гораздо раньше КНР, а Мао Цзэдун и Дэн Сяопин — прежде всего, полевые командиры, сплотившие под своим лидерством вооруженные отряды и сумевшие благодаря политической прозорливости основать жизнеспособное китайское государство. До рыночных реформ вся экономика Китая была тотально милитаризована и подчинена единому армейскому ритму жизни. Армия оставалась реальным источником власти в стране.

Если мы говорим о группировке «принцев» или потомственной красной аристократии в стране, то описываем не просто влиятельных наследственных политических фигур, у которых есть прочные связи с китайскими корпорациями, но мы

подразумеваем и их основной источник авторитета — армию, которая в критический момент выступит гарантом сохранения власти. Отсюда идеологические шаги «принцев» по реставрации китайских императорских традиций или попытка создать идеологию национализма экспансионистского толка.

Новый лозунг «армия, способная выигрывать в конфликтах», возрождение военно-революционных традиций времен Мао Цзэдуна, частые встречи с ветеранами НОАК, создание из них «мозгового центра» принятия решений — всё это реверансы в сторону гаранта авторитета «красной аристократии» — красной армии. Вопрос, ввяжется ли Китай в «маленькую, но победоносную войну» ради сохранения и упрочнения военной элиты, стоит на повестке дня. Ответ на него дадут развитие экономической ситуации в Китае и продолжающиеся масштабные чистки партийного и государственного аппарата.

«Комсомольцы» черпают власть, авторитет и поддержку в широких массах городской интеллигенции. Китай все чаще напоминает Рим, где патрициям и их легионам противостояли народные трибуны. Тяньаньмэнь стала репетицией силы толпы, силы недовольных горожан и крестьянства, жаждущих обновления и быстрого социального лифта. Сегодня в таком социальном лифте все больше нуждаются представители армии, отодвинутые на вторые роли после событий на Тяньаньмэнь.

Урбанизация — миграция и оседание в городской черте десятков миллионов крестьян — один из основных инструментов расширения влияния Комсомола. Процесс урбанизации курирует непосредственно премьер Ли Кэцян. Вторым инструментом расширения влияния «комсомольцев» является помощь бедным слоям населения. В Китае еще проживает 300 млн. человек, живущих на три доллара в день. Заботу о них взяли на себя именно «комсомольцы», хотя и за эту «электоральную группу» ведется острая борьба между Си Цзиньпином и Ли Кэцяном.

Если «красная аристократия» опирается на закрытую касту избранных — китайскую армию и касту кадровых работников государственных корпораций, то «комсомольцы» опираются на огромные массы деревенских жителей и около 200 млн. мигрантов, а также на наиболее активную университетскую молодежь. Влияние «комсомольцев» в армии очень ограничено — «самый главный комсомолец» Ху Цзиньтао занял место главы армии лишь два года спустя после избрания на должность генсека.

Как бы странно это ни звучало в эпоху политтехнологий, решение о том, каким путем пойдет Китай в будущем, принимается именно населением. Если Китай выберет стратегию создания из страны осажденной крепости и примет доктрину противостояния с Японией, Индией и США в борьбе за лидерство в Азии, то победа окажется за «красной аристократией» и военной элитой. Если народ Китая потребует всеобщих выборов и всеобщих равных возможностей, на коне окажутся «комсомольцы».

Родом из Аньхоя

Костяк группы «комсомольцев», которых по-китайски называют «туань пай» (团派), происходит из провинции Аньхой, находящейся в поясе среднего течения реки Янцзы. Случайностей в политике не бывает: именно Аньхой является региональной

базой «комсомольцев», а ее региональным ядром являются аньхойцы — отсюда корнями Ху Цзиньтао, Ли Кэцян, вице-премьер Ван Ян. Именно в Аньхое произошли первые студенческие волнения, которые потом переросли в события на Тяньаньмэнь.

Символ «комсомольцев» — Ху Яобан (в Комсомоле с 1929 г., возглавлял организацию с 1952 по 1966 г., тогда она называлась «Новодемократический союз молодежи») — из соседней провинции Хунань, а молодые лидеры, которых прочат в будущее поколение членов Политбюро, Ху Чуньхуа и Сунь Чжэнцай, — выходцы из провинции Хубэй. Таким образом, ядро «комсомольцев» — это люди из одного регионального кластера, который Ли Кэцян обозначил как «пояс реки Янцзы». Этот термин появился через год после появления «Экономического пояса Шелкового пути», обозначенного лидером «принцев» Си Цзиньпином.

У «комсомольцев» есть и «северный фланг» — провинции Шаньси и Внутренняя Монголия, оттуда происходят член Политбюро Лю Юньшань, а также арестованный бывший глава «Единого фронта» (коалиция партий в Китае) — Лин Цзихуа. Там же долго работал Ху Чуньхуа — нынешний глава Гуандуна.

Сильна у «комсомольцев» группа Пекинского университета — именно там ковался их экономический блок во главе с Ли Кэцяном. Группу «комсомольцев» в Пекинском университете и Университете Цинхуа создавал еще один человек по фамилии Ху — Ху Цили, бывший глава Комсомола и глава Китайской федерации молодежи. Сейчас уже пожилой Ху возглавляет фонд Сунь Цинлин — вдовы первого президента Китая, южного китайца Сунь Ятсена.

До какого-то времени «комсомольцы-аньхойцы» руководили и новостным агентством «Синьхуа», пока его до 31 декабря 2014 г. возглавлял аньхоец Ли Цунцзюнь, затем пост был передан «шанхайцу» Цай Минчжао. Кузницей кадров для Комсомола остаются, помимо Пекинского университета, Народный университет в Пекине, а также в значительной мере основанный на деньги США самый престижный и старый вуз в Китае — Университет Цинхуа.

«Не вливают вино молодое в мехи старые»

Обновление крови в политике и дальнейшая трансформация режима в КНР очень созвучна с событиями в Гонконге (Южный Китай) — именно его чаще всего и сами гонконгцы, и западные эксперты рассматривают как площадку первых демократических выборов в стране, которые случатся в Гонконге уже 2017 г. (кстати, на этот же год приходится и 19-й съезд КПК, где обозначится новое поколение лидеров).

Наверное, не является совпадением, что «комсомольца» Ху Чуньхуа, главу обкома соседнего с Гонконгом Гуандуна (до 2018 г.), столь похожего на молодого Горбачева, сами «комсомольцы» пророчат в преемники Си Цзиньпина. Такая информация появилась неожиданным образом в год избрания нового лидера страны. Вероятно, в Комсомоле Ху планируют сделать и первым выборным президентом страны. Впрочем, это лишь домыслы или информационный вброс вполне очевидной направленности и для конкретных адресатов[13].

[13] В 2018 г. Ху Чуньхуа получил назначение вице-премьера Китая, вошел в Политбюро КПК, однако не стал членом Постоянного комитета Политбюро.

Вторым фактом, связывающим «молодежь» Китая и Гонконга, является фигура Джошуа Вонга — юного лидера гонконгских протестов, который проходит обучение в Китайском университете Гонконга. Данный вуз не только поставщик самых активных демонстрантов на улицы южнокитайского острова, но и активный член Гонконгской студенческой федерации, тесно связанной со структурами континентального Комсомола.

Сейчас к «комсомольцам» относят секретарей обкомов Хунани, Цзянсу, Гуандуна, Чунцина, Гуйчжоу, Аньхоя, Шэньси, Хэбэй, Цзилинь и Хэйлунцзяна — практически все провинции из этого списка находятся в «поясе Янцзы», а те, что выходят за его пределы, руководятся уроженцами из этого же региона, кроме губернатора северной провинции Цзилинь, который является этническим монголом. Немаловажным фактором для российско-китайских отношений является то, что приграничные провинции Хэйлунцзян и Цзилинь находятся под крылом Комсомола. К марту 2013 г. в 31 провинции Китая должности глав обкомов и губернаторов занимали 25 выходцев из Комсомола; о такой статистике, по крайней мере, заявляли западные и гонконгские политологи. Можно утверждать, что «комсомольцы» практически полностью контролировали административные и хозяйственные структуры Китая к моменту прихода к власти в партии Си Цзиньпина.

Самыми перспективными из состава «комсомольцев» называют главу обкома Гуандуна — Ху Чуньхуа, главу обкома Чунцина и бывшего министра сельского хозяйства — Сунь Чжэнцая[14], а также главу Верховного суда Китая — Чжоу Цяна. Именно они, по общему мнению, имеют больше всего шансов войти в состав Постоянного комитета следующего Политбюро уже осенью 2017 г., если в балансе политических группировок не произойдет существенного сдвига.

Кабинет премьера Ли Кэцяна

В 2016 г. из 25 министров кабинета нового премьера Ли Кэцяна семеро имеют комсомольское прошлое. Министерство контроля, Министерство гражданской администрации, Министерство юстиции, Министерство транспорта, Министерство земельных ресурсов, Министерство сельского хозяйства, Министерство культуры контролируются «комсомольцами». Последние три министерства — бывшими непосредственными подчиненными Ли Кэцяна.

В ПК Политбюро 2012–2017 гг. основными фигурами-«комсомольцами» являются Ли Кэцян и Лю Юньшань, кроме них в Политбюро — заместитель председателя КНР Ли Юаньчао, вице-премьер Лю Яньдун, глава отдела пропаганды Лю Цибао и губернатор Гуандуна Ху Чуньхуа. Впрочем, партийный аппарат ЦК все больше стал напоминать формальный и даже отмирающий орган при тотальном засилье группы «комсомольцев» в правительстве и на местах.

[14] Арестован в июле 2017 г.

«Комсомольская группа» и партийная чистка

С приходом к власти Си Цзиньпина в Китае развернулась невиданная по масштабам борьба с коррупцией. Некогда основное требование «комсомольцев» к партийной номенклатуре стали, похоже, использовать и против них. В самом начале антикоррупционной кампании в ее центре стояла фигура Чжоу Юнкана — «нефтяника» и «силовика», одного из протеже «шанхайского» генсека Цзян Цзэминя, однако сумевшего, судя по всему, сколотить свою регионально-ведомственную группу с центром в Сычуаньском регионе (Сычуань и город центрального подчинения Чунцин).

Однако многие забывают, что «всекитайская чистка» началась и с гневных требований «старых революционеров» отстранить от власти «комсомольца» Лю Юньшаня — нынешнего члена Политбюро, более 10 лет заведующего пропагандой, а теперь являющегося главой Партийной школы, занимающегося «духовным строительством». После ареста члена Политбюро Чжоу Юнкана ничье будущее в Китае не гарантировано, а по мере приближения к 19-му съезду накал борьбы только растет.

Как уже говорилось выше, власть «комсомольцев» коренится во влиянии на широкие массы: центральное телевидение, пропаганда — вот одни из основных инструментов этой группы. Сейчас, когда под арестом находится Лин Цзихуа — приближенный Ху Цзиньтао, все меньше остается людей, которые сомневаются, что острие «чисток» направлено на кадры «комсомольцев», успевших осесть во власти за десятилетие правления предыдущего генсека.

В 2015 г. одним из скандалов, связанных с «комсомольцами» на телевидении, хорошо вскрывающем противоречия между «армейской» и «комсомольской» элитой, является публикация личного видео известного телеведущего Би Фуцзяня, который в частной обстановке скабрезным образом перепевает *военную* песню гражданской войны. Это видео стоило Би Фуцзяню карьеры, а среди сотрудников китайского телевидения и СМИ с тех пор распространился негласный формуляр, запрещающий обсуждать политику за столом и в частных беседах вообще, равно как и записывать что-то подобное на видео.

Би Фуцзянь, китайский комик и известный телеведущий популярных шоу, тесно связан с центральным телевидением и имеет комсомольское прошлое еще со времен службы в частях НОАК в провинции Ляонин в Северо-Восточном Китае.

Многие ли обращали внимание, что названия антикоррупционных кампаний — «борьба с тиграми и мухами», «охота на лис» — связаны с омонимичными слогами «ху» (по-китайски и тигры (虎), и лисицы (狐) передаются одним слогом «ху») в разных тонах. Совпадение это или нет, но почти все выдающиеся лидеры Комсомола носят фамилию Ху: Ху Цзиньтао, Ху Яобан, Ху Цили, Ху Чуньхуа. Игра на созвучиях — один из основных литературных приемов в китайском языке.

Сегодня за «красной военной аристократией» — армия и партийный аппарат, а за «комсомольцами» — влияние на широкие народные массы, впрочем исчезающее под воздействием экономического кризиса, и полный контроль над экономическим блоком в правительстве, а также поддержка глав целого ряда регионов Китая. На чьей стороне больше сил?

Вежливая революция: день, когда в Китае может быть введено военное положение

После очередных «Двух сессий» — одновременного заседания китайского «парламента» Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая — и отсутствия ясных черт будущей 13-й пятилетки развития экономики Китая, стало очевидно, что политические силы в Компартии Китая утрачивают способность к достижению компромисса.

Это, в частности, подтверждается и откладыванием ключевого совещания по финансовым вопросам, а также появлением собственной экономической концепции Си Цзиньпина «Реформы предложения», которая полностью противоречит прежнему экономическому курсу правительства Ли Кэцяна по кредитной накачке спроса.

Вслед за значительными кадровыми перестановками в военной системе Китая, чередой отставок в финансовом блоке, группа членов партии обнажила трудно скрываемый внутриполитический конфликт и потребовала отставки Си Цзиньпина прямо во время сессии парламента и совещательного органа НПКСК.

Письмо «преданных членов партии» было опубликовано прямо во время «Двух сессий» в одном из партийных изданий Синьцзян-Уйгурского автономного района. Одновременно с этим письмом в одной из отчетных статей с полей «Двух сессий» госинформагентства «Синьхуа» была допущена «опечатка»: Си Цзиньпин был назван «последним» генеральным секретарем Компартии Китая.

Тем не менее «группа Си Цзиньпина» демонстрирует не только политическую выдержку, но и решительный настрой в год 50-летия Культурной революции: после введения клятв на верность коренному лидеру страны в апреле 2016 г. Си Цзиньпин был назначен на должность оперативного командующего армией, получив в свое распоряжение прямые военные функции управления войсками.

С 3 по 4 мая 2016 г. в Пекине завершилась подготовка групп специальных контролеров для каждого военного округа, которые лично от имени главы партии и армии будут решать вопросы кадровых чисток и контроля работы командования военных округов. Подобная акция является беспрецедентным решением. Напряжение от чисток ощущалось по косвенным признакам уже летом: к середине августа покончили с собой три генерала НОАК, один из которых, генерал Чэнь Цзе, принял смертельную дозу снотворного в гостинице в Шэньчжэне, дополнив и без того пугающий список покончивших с собой в южнокитайском мегаполисе высокопоставленных руководителей. Как сообщается, генерал Южного театра боевых действий свел счеты с жизнью перед очередным назначением.

Факты свидетельствовали о решимости группы Си Цзиньпина довести борьбу с политическими оппонентами до логического завершения и привести своих назначенцев на ведущие политические посты внутри нового Политбюро уже в рамках 6-го пленума ЦК КПК, который совпал по времени с выборами президента США и прошел в октябре – ноябре 2016 г.

Непредсказуемость результатов американской предвыборной гонки, на которую в значительной степени ориентировались политические оппоненты Си Цзиньпина, толкала стороны на решительные действия и попытки опередить решения

противника. На беспрецедентную по степени напряженности внутриполитическую ситуацию в стране, выпавшую на октябрь – ноябрь 2016 г., влияло решение МВФ по принятию или непринятию юаня в состав корзины валют SDR, которое финансовые власти Китая уже, как ни странно, объявили свершившимся фактом, а также решение ФРС США по изменению ключевой ставки, которое может спровоцировать очередной обвал рынков КНР. Масла в огонь добавила попытка военного переворота в Турции, шокировавшая политическую элиту КНР.

При этом действия Си Цзиньпина свидетельствовали о переходе управления армией на ручной контроль с целью возможного использования этого инструмента в политической борьбе. По мере приближения выборов президента США в ноябре 2016 г. вероятность использования силовых методов возрастала. Однако непосредственный силовой сценарий, который не только не был исключен, но и активно подготавливался в стране, зависел от готовности оппонентов принять бой. Напомним, что оппонентов Си Цзиньпина на 18-м съезде удалось устранить от политической борьбы практически бесшумно под вежливое молчание китайской армии[15].

Культурная революция 2.0

В 2016 г. в Китае сложилась ситуация, близкая к периоду Культурной революции 1960–70-х годов.

Как и в конце 50-х годов, крах политики «Большого скачка», а по сути — ориентации Китая на внутренний рынок, приводит к социально-политической дестабилизации: декларируемый высокий рост ВВП с 2008 г. фактически стал итогом безудержной эмиссии денежной массы и инвестирования в многочисленные инфраструктурные проекты, которые так и не привели к смене источника основной прибыли для китайской экономики, а им по-прежнему остается экспортная выручка и инвестиции. Стоит экспорту упасть на значительную величину (а он уже начал сокращаться), как за падением экспортного сектора начнет стремительно обваливаться вся остальная экономика Китая.

Как и в преддверии Культурной революции, в политической системе Китая сложился блок, ориентирующийся на поддержку внешнего центра (тогда СССР, сегодня США), сейчас это «комсомольцы» во главе с премьером Ли Кэцяном и «шанхайские» финансисты. Противостоит ему «силовой» блок потомственной военной элиты во главе с Си Цзиньпином (тогда Мао Цзэдуном), ориентированный на национальные, изоляционистские силы внутри страны.

Внутри этих сил существуют сложные и запутанные отношения между менее крупными кланами, которые кристаллизуются в две противостоящие силы.

Важными отличиями нынешней ситуации и 1960-х годов являются методы политической борьбы: Си Цзиньпин полностью полагается на армию и, как кажется, активно устраняет оппозиционных руководителей в бывших Гуанчжоуском и

[15] В конце 2017 г. в один день сразу же после сообщений о внесении поправок в Конституцию КНР было сообщено о переподчинении Вооруженной полиции непосредственно Си Цзиньпину. В январе – феврале в КНР прошли два экстренных пленума КПК, которые проходили на фоне всекитайских мобилизационных учений.

Нанкинском ВО, а также в партии, в то время как Мао Цзэдун боролся с армейской и партийной оппозицией, опираясь на молодежные национально-патриотические организации «хунвэйбинов» и отдельных «белых ворон» в армии при поддержке МВД, сегодня союзного Комсомолу.

Культурная революция 1960-х годов с ее массовыми молодежными погромами, публичными казнями, дезорганизацией общественной жизни и экономики сегодня проходит в иной форме, «Новой революции»: массовые чистки партийного аппарата и ведомств общественной и государственной безопасности при негласной поддержке армии — как полная противоположность событиям 60-х годов и как близкая аналогия к вертикально организованным репрессиям конца 30-х годов в СССР.

В обзоре «Южного Китая», посвященном прогнозам на 2016 год, на основании фактов расформирования Нанкинского ВО, устранения ряда ведущих членов финансового блока страны, факта начала первой для партийных кадров Китая проверки родственников руководителей горкома Шанхая, а также замещения части позиции из группы Комсомола был сделан прогноз о мирном «разделе шанхайского имущества» между группой Си Цзиньпина и проамериканским блоком «комсомольцев», или о бескровном распределении активов финансового блока, полностью сосредоточенного в руках выходцев из Шанхая, утративших политическую власть.

Тем не менее события развивались по самому негативному для Китая сценарию обострения противостояния, чему в немалой степени способствовала сдержанная политика финансовых властей США, повлиявшая на стабилизацию финансового рынка Китая, а также положение загнанной в угол «шанхайской группы», добровольно сдавшей часть позиций Комсомолу. Напор «красной военной аристократии», подготавливающей чистки в финансовом блоке, сыграл против группы Си Цзиньпина, заставив его оппонентов пойти на крайние меры и объединиться.

Группа Си, таким образом, получив формальное первенство на политической арене, совершила классическую политическую ошибку: избыточным давлением на оппонентов вызвала их естественное объединение, не оставив им иного выбора.

Об объединении двух групп свидетельствуют участившиеся сообщения прессы о более чем 14 лет назад покинувшем пост генсека Цзян Цзэмине, появляющиеся в центральном СМИ Комсомола Youth Daily, а также беспрецедентные совместные заявления членов «шанхайского» Политбюро и «комсомольцев» о борьбе с коррупцией.

В совместных заявлениях о борьбе с коррупцией выступает глава ЦКК во время первой половины правления комсомольского генсека Ху Цзиньтао — У Гуаньчжэн, выпускник Университета Цинхуа, сотрудник партийных структур провинции Хубэй (пояс Янцзы). Бывший «партийный цербер» № 1, при котором начали политическую карьеру большинство чиновников, арестованных при Си Цзиньпине, отложив каллиграфию и наставления о профессии чиновника, вдруг спустя девять лет после завершения своей политической карьеры призывает к борьбе с коррупцией.

Компанию У Гуаньчжэну составил другой член Политбюро при Цзян Цзэмине Ли Чанчунь, которого злые языки называли «цепным псом» Цзян Цзэминя в конкурирующей с Шанхаем южнокитайской провинции Гуандун, а также глава ЦКК Хэ Гоцян, в свое время напарник будущего генсека Си Цзиньпина по работе в руководстве провинции Фуцзянь, знающий все нюансы этого периода жизни генсека. Статью с антикоррупционными признаниями увенчивает рассказ знаменитого премьера времен Цзян

Цзэминя — Чжу Жунцзи. Никто из данной группы в данной публикации ни разу не заявил о поддержке нынешнего курса и деятельности главы ЦКК Ван Цишаня.

«Комсомольцы» и «шанхайцы» появились вместе и в другой публикации южнокитайских СМИ. Так, о частых выездах за границу сообщают о главе Синьцзяна, Чжан Чуньсяне, главе Чунцина «комсомольце» Сунь Чжэнцае и главе горкома Шанхая Хань Чжэне — все трое потенциальные члены в Политбюро. У всех троих общий конфликт с Си Цзиньпином. Напомним также, что Шанхай, Гуандун и Синьцзян-Уйгурский район — первые районы КНР, где с 2016 г. вводится проверка имущества родственников региональных руководителей.

Всё это свидетельствует о готовности группы перейти к использованию неконвенциональных методов борьбы, в частности, информации, связанной с работой Си Цзиньпина в «шанхайский» период его карьеры: в период «Двух сессий» в Гонконге готовилась к изданию книга «Си Цзиньпин и его спутницы», которой, однако, не суждено было выйти в свет. Издателей в Таиланде и Гонконге вывезли в КНР, где они дали признательные показания в ряде совершенных преступлений, часть из них в лучших традициях самокритики времен Культурной революции по центральному китайскому телевидению.

На стороне Си не так уж и много партийных работников. При этом в самой армии, главной опоре Си, царит всеобщий скепсис относительно необходимости Компартии Китая: достаточно вспомнить, что на одной из партийных конференций военными деятелями необходимость марксизма как идеологии Китая была подвергнута сомнению.

На верность Си Цзиньпину в качестве нового «коренного лидера», как бы это странно ни звучало, присягнула лишь четвертая часть руководителей страны. В поддержке Си Цзиньпину отказывают даже медиа, которые допускают досадные «оплошности», называя Си «последним лидером», да и просто выводят из употребления наименование «Папа Си» (习大大), культ которого раскручивался последние два года.

Всё это происходило в канун 4 мая — дня патриотического движения молодежи Китая, комсомольской организации — основного оппонента Си Цзиньпина.

Глава Китая, отрезанный от влияния на медиа, финансовый сектор и экономику, остается один на один с единственно верной силой — армией, что во многом повышает вероятность негативного развития событий.

Чистки, превращающиеся в бесконечную внутрипартийную войну, непредсказуемость результатов выборов в США, критическое положение всех трех противоборствующих в Китае групп создают обстановку непредсказуемого поведения, когда на действия политических оппонентов будет влиять случай или какое-либо событие.

Не исключено, что ситуацию обостряют сами «шанхайские» оппоненты Си Цзиньпина, планирующие повторение событий Тяньаньмэни. Напомним, что в результате столкновений 1989 г. с политической арены одновременно ушли и «комсомольцы», и армия, оставив Шанхаю роль объединяющего посредника и право на политическую власть. Региональные элиты также могут стать бенефициарами разрушения крупных политических групп, борющихся за власть в масштабах всей страны.

На отчаянные действия по типу провокационных писем, изданий и «опечаток» оппонентов влияет не только желание оказать давление на коренного лидера, но и серьезные проблемы внутреннего характера в организации.

Кризис комсомольской организации

Одним из важнейших признаков кризиса комсомольской организации называют масштабное сокращение бюджета структуры. В мае 2016 г. бюджет Комсомола был урезан вдвое — с 624 до 306 млн. юаней. В связи с таким беспрецедентным сокращением бюджета Комсомол полностью отказался от программ поддержки издательской деятельности, работы за рубежом, работы в области правовой защиты молодежи, части крупных социальных программ. С осени 2016 г. прекратят работу и учебные заведения — кузницы руководящих кадров Комсомола.

Ни Комсомол, ни политические аналитики не дают оценки причин сокращения бюджета, высказывая лишь предположение, что сокращение доходов связано с политической борьбой.

Тем не менее самый грубый подсчет доходов Комсомола от сборов с членов политической организации дает сумму в размере от 1 млрд. юаней, что в три раза больше бюджета Комсомола за 2016 г.

Сегодня в Комсомоле, который по числу членов сравнялся с Компартией Китая, около 50% участников — студенты, выплачивающие 0,1 юаня в месяц, свыше 35% — крестьяне и рабочие, которые платят 0,5–1% от зарплаты в месяц при средней зарплате в Китае около 3000 юаней, и около 10% — работники торговли, предприниматели, городская интеллигенция, служащие, которые вносят свыше 30 юаней в месяц.

Непрозрачность бюджета Комсомола, отсутствие официальных комментариев позволяет сделать предположение, что доходы Комсомола либо перенаправляются на низовом уровне и идут на иные цели, не указанные в бюджете центральной организации (например, перед событиями на Тяньаньмэнь, в марте 1989 г., был создан Фонд развития молодежи, который в дальнейшем смог аккумулировать суммы, сопоставимые с годовым бюджетом Комсомола), либо Комсомол испытывает масштабное сокращение объемов членских взносов. В пользу последнего свидетельствует первое сокращение членов Комсомола за длительную историю с момента событий 1989 г.: с 88,2 млн. (число «комсомольцев» превысило число членов партии) до 87,46 млн. человек в 2015 г. Необходимо учитывать, что на практике могут реализовываться одновременно два варианта.

До 2016 г. объем бюджета Комсомола оставался на устойчивом уровне — в размере 500–600 млн. юаней. Если учесть факт выхода из Комсомола (и частичного перехода в партию) около 700 тысяч человек, а также сокращение комсомольских сборов вдвое, то с большой долей уверенности можно предположить, что до половины членов Комсомола, в значительной степени — обеспеченные городские жители, предприняли действия по фактическому отказу от членства в организации. Подобное явление напоминает события позднего СССР, когда значительное число рядовых членов КПСС прекратило выплаты партийных взносов за полгода до формального упразднения организации. По косвенным признакам можно сделать вывод, что аналогичные проблемы, однако неизвестного масштаба, существуют и в самой Компартии Китая.

Кризис идеологии и поворот к национализму

Немногочисленные комментарии к данному событию указывают не только на возможность политической борьбы и давление на членов Комсомола со стороны органов Центрального комитета контроля КПК, но и на слабеющую поддержку либерально-демократических идей Комсомола в молодежной среде. Проще говоря, Комсомол столкнулся с кризисом идеологии и утраты доверия его членов.

В условиях идеологического кризиса группа «комсомольцев», таким образом, оказалась в ситуации утраты реального влияния на массы населения и реальной политической поддержки, которая позволила бы реконструировать события 1989 г., когда комсомольские организации заняли ряд центральных районов крупнейших городов Китая и требовали смены руководства Компартии, спровоцировав известное на весь мир подавление протестов частями НОАК.

Тем не менее Комсомол активно ищет способ реанимировать поддержку масс: одновременно с опубликованием бюджета и цифр о сокращении числа членов Комсомола на 4 мая — как считается, день появления молодежного патриотического движения, — был выпущен военно-патриотический ролик на тему борьбы с иностранной агрессией. Иностранная агрессия и боевые действия, сплачивающие героев ролика, ведутся на заснеженных территориях. Кадры ролика, который просмотрели миллионы зрителей, взяты из сверхпопулярного политического мультсериала, в котором значительная часть времени уделена отношениям Китая со своим северным соседом. Для точности изложения важно подчеркнуть, что кадры относятся к серии о войне в Северной Корее, однако, в самом клипе авторы избежали упоминания о конкретном враге, дав зрителю самостоятельно идентифицировать «снежный фронт» с одним из соседей Китая. Возможно, что какая-то доля зрителей действительно подумала, что речь идет о КНДР.

Идеологический разворот «правого уклона» в КПК в сторону национализма требует отдельного исследования, однако уже сейчас по ряду предварительных данных очевидно, что комсомольский национализм выстраивается по антироссийской линии, но избегает антияпонской и антиамериканской риторики.

«Оборотни в погонах» и Тяньаньмэнь 2.0

Тем не менее у китайского Комсомола есть и своя силовая структура — прежде всего, это полиция, Министерство общественной безопасности (МОБ), у которого, однако, по совпадению в 2016 г. начались проблемы, и именно в Пекине. Недавний инцидент с пропажей Лэй Яна — пекинца, которого, судя по всему, убили полицейские, вывел дискуссию об «оборотнях в погонах» на всекитайский уровень. Параллельно с этой дискуссией проходит впервые за многие годы всеобщая проверка паспортов, силами миграционных служб МОБ ужесточается миграционный режим — прежде всего со странами Средней Азии и Россией, в визах отказывают обладателям «сирийской» или «турецкой» печати в паспорте.

Существует вероятность, что инцидент с убийством Лэй Яна приведет к расследованию в отношении главы полиции Пекина Ван Сяохуна, который на заре сво-

ей карьеры в течение пяти лет был главой полицейской комсомольской ячейки, будучи на службе в одном из региональных подразделений страны.

Ван Сяохун — не только начальник полиции Пекина, но и его вице-мэр, отвечающий за район Дунчэн — место расположения Тяньаньмэнь, китайского «Кремля» — резиденции Чжуннаньхай, Госсовета КНР, парламента Китая, Министерства общественной безопасности, Министерства государственной безопасности и других важнейших ведомств страны.

Ван Сяохун, который по сути шел по пятам Си Цзиньпина в провинции Фуцзянь, руководя там полицией, в том числе полицией столицы провинции — города Фучжоу, когда провинцией руководил Си Цзиньпин, избежал всех сложностей 2016 г. — и стал в 2018 г. вторым после комсомольца Чжао Кэчжи руководителем китайской полиции в статусе постоянного заместителя министра, однако в разгар масштабных чисток после серии локдаунов в Китае потерял позиции главы полиции Пекина 24 апреля 2020 г., однако сохранил должность главы Спецназа МОБ, которую занял в ноябре 2019 г. — в преддверии локдаунов.

В 2016 г. сложная ситуация в Китае продолжала усугубляться, росли и претензии к правительству, и связаны они с ожиданием рисков от повышения ставок ФРС — каждое такое повышение вызывает массовый отток капитала из страны и очередной обвал фондового рынка, закрывать «дыры» которого приходится в том числе и из средств пенсионного фонда. Китайский фондовый рынок — это непосредственные накопления среднего класса, в недрах которого зреет недовольство правительством под руководством Комсомола. Виток напряжения произойдет в преддверии очередного заседания ФРС по вопросам повышения процентной ставки, которая, однако, сохраняется на прежнем уровне и во многом именно из-за ситуации в Китае — дестабилизация в экономическом блоке (или, если быть точным, среди «комсомольцев» и «шанхайцев») приведет к полной утрате влияния США на ситуацию в Китае.

Но если возмущенная молодежь всё же выйдет на улицы, как она вышла из-за высокой инфляции весной – летом 1989 г. и потребовала отставки правительства, кто остановит гнев, обращенный на опорочившую себя полицию, и спасет страну?

Единственной такой силой остается Вооруженная полиция НОАК. Последствия таких изменений в китайской политике трудно предугадать, однако разворачивающееся противостояние увеличивает вероятность открытой борьбы еще до 6-го пленума КПК, который должен пройти в период с октября по ноябрь. Силовой исход борьбы может повлиять на исход президентской гонки в США — победа армии в Китае приблизит победу республиканцев, активно эксплуатирующих «китайскую угрозу» в своей политической риторике.

Раскол в группе Си и роль России в укреплении ее авторитета

При всей слабости и обилии проблем в блоке Ли Кэцяна и его группы «комсомольцев» определенное напряжение, связанное, вероятно, с будущими событиями, существует и в самом ближнем окружении Си Цзиньпина. Вакантных мест в будущем составе Политбюро не так много, при этом и глава ЦКК, организатор чисток Ван

Цишань, и кадровый менеджер Си Цзиньпина, глава администрации ЦК Ли Чжаньшу, судя по всему, также пытаются обеспечить себе места в будущем Политбюро.

Большинство наблюдателей отмечают, что формирование Политбюро идет с учетом возрастного ценза, число членов Политбюро будет стабильным, что имело основания в любой другой, стабильной и некритической ситуации. Тем не менее существует большая вероятность, что место Ван Цишаня может занять Ли Чжаньшу. Косвенным признаком такого серьезного противостояния служит внезапно появившаяся на портале ЦКК статья «Тысячи согласных не заменят одного честного чиновника», которая, судя по всему, и является ответом главного «партийного полицейского» на стратегию Ли Чжаньшу о приведении «согласных» членов обкомов к клятве на верность Си Цзиньпину. Если такой раскол действительно имеет место, то он может стать опасным препятствием на пути реализации общей стратегии в группе. Возможный раскол может проходить между «шэньсийским» и «шаньдунским» крыльями группы, что может свидетельствовать о более серьезном кризисе.

На политическую карьеру и авторитет китайских политиков влияют их международные связи. Китайские политики, в том числе и главы обкомов, совершают регулярные встречи с политическими деятелями за рубежом. Несмотря на часто оправданный скепсис критиков российско-китайского сближения, авторитет связей с Россией, которые тянутся у семьи Си Цзиньпина еще со времен Сталина, может стать ключевым в сложной политической обстановке, разворачивающейся в современном Китае.

По мере обострения политической борьбы связи России и Китая, в частности, группы Си Цзиньпина и российского президента, будут только нарастать. Роль поддержки со стороны России лидерству Си Цзиньпина очевидна для внутренних китайских наблюдателей, и именно желанием подорвать авторитет Си Цзиньпина внутри Китая в свою очередь отчасти обусловлены негативные публикации о России в оппозиционных Си Цзиньпину СМИ. Для китайского общественного сознания, не оперирующего фактами и статистикой, Россия остается мощным северным государством, с которым в частности связан и стойкий миф о «российской угрозе».

Агония черного дракона: почему Китай проводит антироссийские акции на фоне заявлений о союзе с Россией?

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. между Китаем и Россией выстраиваются беспрецедентные по характеру взаимодействия и глубине отношения: в 2014 г. банки Китая стали крупнейшими кредиторами российских финансовых структур, Китай стал крупнейшим инвестором в российскую экономику, а также самым большим рынком для российских углеводородов, контакты в военной сфере приобретают очертания антиамериканского блока. Стыкуется не только бюрократическая система, но и идеологические векторы двух стран.

Тем не менее традиционное для российского общества тлеющее недоверие к Китаю подогревается идущими вразрез с официальной позицией Пекина антироссийскими акциями руководства приграничной с Россией провинции Хэйлунцзян.

20 мая 2015 г., в годовщину подписания Айгунского договора между царской Россией и императорским Китаем, район города Хэйхэ (соседнего с Благовещен-

ском) Айхуэй (название с 1956 г.) был переименован в историческое название Айхунь, что должно было стать «свидетельством исторической боли», причиненной Россией, отторгнувшей от империи Цин районы нынешней Амурской области и Хабаровского края.

5 ноября 2015 г. руководство провинции пошло на открытую информационную провокацию, разместив в местной партийной газете заметку о передаче Россией Китаю 5 км^2 территории, которая на деле не соответствовала действительности. В реальности пограничным отметкам были приданы названия, а демаркация границы произошла более 15 лет назад. Тем не менее заметка, ретранслированная прямо в издание Правительства КНР China Daily, стала настоящим праздником националистов и ура-патриотов, создав первый в истории правления Си Цзиньпина прецедент антироссийской риторики, не считая усеченной трансляции российского парада в День Победы по китайскому телевидению. В заметке была использована формулировка о «начале возврата утраченных территорий». Акция совпала по времени с появлением в Южно-Китайском море флота ВМС США.

В марте 2016 г. в «Айхуньский» был также переименован аэропорт приграничного с Россией города Хэйхэ — центра российско-китайских приграничных связей, где уже введено свободное хождение российской валюты. На этот раз официальная формулировка была связана с возвращением к 400-летним традициям в названиях китайских топонимов, связанным со славным прошлым маньчжурской династии Цин. Тем не менее Айхунь не был переименован в первоначальное название — город Хэйлунцзян-чэн («Город реки Черного дракона»), которое использовалось во время вторжения армии императора Канси в районы российских крепостей, получив унизительное и провокативное для китайского народа название «Айхунь» времен потери территорий в середине XIX века.

Последнее и самое резонансное действие властей провинции было связано с введением в 18 пограничных с Россией городах разрешения на рождение трех детей — это уникальный для всей территории Китая шаг. Кроме провинции Хэйлунцзян, ни одна другая пограничная провинция КНР на данный момент не получила разрешения на введение новых лимитов на рождение детей.

С точки зрения российского наблюдателя результатом этого шага может стать появление на огромном участке границы с Россией, на котором проживает около 10 млн. человек, еще более густонаселенного района. Однако этот шаг, без сомнения носящий и информационно-пропагандистский характер, на практике может иметь более сложные и неоднозначные причины и последствия.

Разворот потоков миграции

Несмотря на расхожее утверждение, что население трех пограничных с Россией провинций Китая больше, чем всё население России, в реальности до 90% границы с Россией приходится на далеко не самую густонаселенную провинцию Хэйлунцзян. В непосредственной пограничной полосе с Россией проживает около 10 млн. человек, при этом число граждан РФ китайской национальности составляет лишь около 20 тысяч человек. Эти факты до недавнего времени свидетельствовали

об абсолютной беспочвенности страхов китайской миграционной волны, навязываемых общественному мнению в течение последних 20 лет.

Провинция Хэйлунцзян, население которой составляет 38,5 млн человек (2013), судя по всему, приближается к нулевому росту населения: за три года, с 2010 по 2013, население выросло здесь примерно на 400 тысяч человек, при этом темпы роста сократились вдвое по сравнению с 2000–2010 гг. Население провинции примерно в три раза меньше населения южнокитайского экспортного гиганта провинции Гуандун (107 млн. человек) при приблизительно одинаковой территории. Реальный бум роста населения провинции пришелся в основном на правление Мао Цзэдуна: после конца гражданской войны с 1947 по 1982 г. население провинции выросло с 2,8 до 32 млн. человек, или более чем в 11 раз, что и дало основание рассуждать о возможности неконтролируемой китайской миграции в соседние районы СССР.

Тем не менее экономическое развитие южных и центральных провинций Китая, начавшееся с 1982 г., позволило развернуть потоки миграции из холодной северной провинции в прибрежные зоны страны: сегодня диаспоры провинции Хэйлунцзян занимают прочное положение в приграничной с Северной Кореей провинцией Ляонин, в Пекине, Тяньцзине, Шаньдуне и особое место на южнокитайском острове Хайнань. Такими были основные демографические тренды в северокитайской провинции с 1982 по 2012 г.

Согласно официальным данным Хэйлунцзянского отделения Академии общественных наук Китая, за последние 30 лет из провинции Хэйлунцзян выехало наибольшее число внутренних мигрантов: за последние 20 лет число мигрантов, уехавших из провинции, выросло в 3 раза и достигло 3,22 млн. Наибольшее число мигрантов выехало в соседнюю, более южную провинцию Ляонин, провинцию Шаньдун, города Пекин и Тяньцзинь, а также провинцию, окружающую Пекин, — Хэбэй. При этом число сезонных мигрантов, которые находятся за пределами провинции более полугода в году, составляет 5,3 млн. человек (14,1% населения региона), в некоторых городах число сезонных мигрантов достигает почти 20%.

Однако сегодня, когда экономика Китая вошла в стадию стагнации, в демографической ситуации Хэйлунцзяна может появиться новый, противоположный тренд — реэмиграция, прежде всего мужского населения, из развитых районов Северного Китая — Пекина и Тяньцзиня, и в еще большей степени из Ляонина, чья экономическая ситуация оставляет желать лучшего. По данным за первое полугодие 2016 г., Ляонин стал первой китайской провинцией, чья экономика сократилась впервые за 35 лет китайского экономического чуда.

Первым опасный сигнал замедления экономики подал Шанхай — впервые за фиксируемую историю города его население сократилось на доли процента. Аналогичные тренды, а также начало замедления экономики демонстрируют и самые крупные реципиенты миграции из Северного Китая — города Пекин и Тяньцзинь, что свидетельствует об остановке миграции из Северного Китая на юг и потенциальном начале обратных процессов возвращения трудовых мигрантов, которые во многом уже затронули Южный Китай, ощутивший отток трудовых мигрантов, возвратившихся в центральные провинции.

Вторым опасным трендом, который может усугубить сложную социальную обстановку, является замедление экономики провинции Хэйлунцзян, по целому ряду причин попавшей в зону риска.

Самая плохая экономическая ситуация в стране

Согласно официальной статистике, показатель безработицы в провинции составляет около 5%, что примерно равно среднему показателю городской безработицы по стране (4,05% на 2015 г.), однако согласно опросам, данные которых были опубликованы в «Голубой книге экономики Хэйлунцзяна», вопросы поиска работы и безработицы волнуют до 12% граждан. Вопрос с поиском работы является вторым по остроте социальным вопросом после проблем с медицинским обслуживанием.

Причиной проблем с безработицей является критическое замедление роста экономики Хэйлунцзяна, начавшееся в 2013–2014 гг.: рост ВВП провинции сократился с 12,7% в 2010 г. до 5,1% в первом полугодии 2015 г. — хуже только показатели соседних провинций Северного и Северо-Восточного Китая — Ляонина, Цзилиня и угледобывающей Шаньси. Заставляет обратить на себя внимание и абсолютное число безработных — по официальным данным, их в провинции 787 тысяч человек. Для сравнения: население Амурской области составляет 805 тысяч человек.

Экономика провинции структурно напоминает российскую: главными донорами провинции являются предприятия нефтехимического комплекса на базе Дацинского нефтяного месторождения, крупнейшие в Китае угольные предприятия в приграничном с Россией городе Шуанъя-шань, Первая машиностроительная корпорация Китая, изготавливающая оборудование для сталелитейного комплекса, ведущая в стране по объемам сельхозпроизводства Хэйлунцзянская сельскохозяйственная корпорация, а также Харбинская авиастроительная корпорация.

Экономическая конъюнктура и структурные реформы китайской экономики ударили практически по всем основным отраслям провинции, по крупнейшим госпредприятиям, в которых занято до 42% населения: падение цен на нефть сократило ВВП города Дацин почти на 30% в 2015 г., попытки отказа от угля в китайской энергетике привели угольные предприятия страны к близкому банкротству крупнейших предприятий в Шуанъя-шань, кризис в сталелитейной отрасли вывел Первую машиностроительную корпорацию из числа самых прибыльных предприятий провинции.

Тяжелая экономическая ситуация в провинции без перспектив на улучшение грозит самыми острыми формами социальных протестов, которые уже стали реальностью: в начале марта 2016 г. в забастовке угольщиков приняли участие несколько десятков тысяч горняков, требующих не выплаченную за несколько месяцев зарплату и выдвигающих прямые обвинения в адрес руководства провинции.

Ситуация осложняется резким падением российско-китайской торговли, которая в буквальном смысле кормила несколько миллионов человек в районах Хэйхэ, Суйфэньхэ, Муданьцзяна: на долю провинции Хэйлунцзян приходится до трети российско-китайской торговли — по сути вся торговля с Дальним Востоком и Сибирью.

Негативная ситуация в российско-китайской торговле усугубляется для хэйлунцзянского бизнеса началом стимулирования российского сельскохозяйственного экспорта в провинцию в связи с девальвацией российской валюты.

Другим важным фактором в экономике региона является политика центрального правительства, призывающая Хэйлунцзян расширять инвестиции в Россию: в 2014 г. регион инвестировал в Россию 1,48 млрд. долларов, что на 56% больше,

чем было 2013 г. За первые 8 месяцев 2015 г. общая сумма инвестиций провинции Хэйлунцзян в Россию составила 2,56 млрд. долларов, что на 278% больше, чем в прошлом году. И хотя эти данные российских СМИ в значительной мере разнятся с официальной китайской статистикой по общим объемам инвестирования, они носят характер очевидной попытки центра стимулировать развитие российско-китайских связей на фоне сложной экономической ситуации в регионе. Такая политика вызывает негативную оценку у значительного числа китайских комментаторов. Впрочем, не только у них.

Партия сказала: «Надо». Комсомол ответил: «Нет»

Антироссийские акции, мотивированные желанием выпустить пар недовольства через нагнетание националистических настроений среди рабочих слоев и разорившихся мелких и средних торговцев, имеют и более глубокую политическую подоплеку. Сегодня кадровый состав руководства провинции — от первого секретаря до всех заместителей губернаторов региона — состоит из группы политических оппонентов Си Цзиньпина, так называемой группы «комсомольцев» — радикальных реформаторов либерального толка, ориентированных на тесное сотрудничество с Демократической партией США и крупными неэнергетическими американскими корпорациями, и, как следствие, являющихся естественными союзниками в геополитической игре США по расчленению российско-китайского блока в его нынешнем виде.

Нынешний губернатор провинции Лу Хао — звезда «комсомольской группы» первой величины. До прихода на позицию главы региона он занимал позицию первого секретаря Коммунистического союза молодежи Китая — этот же пост занимал бывший генсек Ху Цзиньтао, нынешний премьер Ли Кэцян, нынешний глава провинции Гуандун Ху Чуньхуа.

С Комсомолом связана большая часть партийного и административного руководства региона: третий человек в руководстве, глава Центрального комитета контроля, Хуан Цзяньшэн, глава Отдела пропаганды, который отвечает в том числе за контроль над прессой и публикациями, Чжан Сяолянь, глава Оргбюро провинции Ян Нэй. Глава полиции провинции Сунь Юнбо — выходец из полицейских структур центра «комсомольской группы» — провинции Аньхой. Абсолютно все высшие административные посты в провинции занимают представители местной элиты, связанные с оборонным или металлургическим комплексом, без вкраплений даже из соседних провинций.

То же относится к первому секретарю провинции Ван Сянькуэю (как считается, человеку из группы Цзэн Цинхуа — правой руки шанхайского генсека Цзян Цзэминя), отношения с которым у Си Цзиньпина трудно назвать простыми. Важно отметить, что решения по переименованию городов, а также особая демографическая политика требуют обязательного одобрения местного Законодательного собрания, которое с 2013 г. возглавляет Ван Сянькуэй.

Кибер-губернатор

Всё это говорит и о важности работы в Хэйлунцзяне для «комсомольской группы», которая одной рукой обрушивает экономику угольной отрасли и сталелитейной промышленности, а другой развязывает кампанию по ревизии агрессивного прошлого цинского императорского двора в Северо-Восточном Китае. Лу Хао, судя по его предыдущей позиции, один из основных кандидатов в Политбюро созыва 2017 г.[16], выборы в которое пройдут уже в октябре (возможно, из-за выборов в США будут перенесены на ноябрь) 2016 г., в рамках 6-го пленума 18-го созыва ЦК КПК.

В отличие от правой руки Си Цзиньпина — также бывшего губернатора Хэйлунцзяна Ли Чжаньшу, инициатора российско-китайского союза, Лу Хао по сути является символом антироссийской позиции в руководстве «комсомольской группы», а возможно, претендует в будущем на подобные «лавры» в масштабах всей страны. Судя по ряду антироссийских акций и заявлений в прокомсомольской прессе, можно сделать вывод, что в случае прихода Лу Хао на пост в Политбюро, не говоря уже о занятии позиции премьера страны, вектор антияпонской пропаганды Китая может смениться на ярко выраженный антироссийский, со всеми элементами оголтелой риторики, которая сегодня практикуется деятелями провинции Хэйлунцзян.

Лу Хао — очень необычная политическая фигура новой формации. «Трижды молодой» Лу Хао, как его величают в биографических статьях, был самым молодым вице-мэром Пекина (35 лет), самым молодым Первым секретарем Комсомола (41 год) и самым молодым губернатором (46 лет). Резкий политический взлет Лу Хао сопровождался его работой в «Силиконовой долине» Пекина — районе Чжунгуаньцунь: Лу Хао возглавлял вначале научно-технический парк Чжунгуаньцунь, а потом и район Пекина Хайдянь, в котором он расположен, вплоть до перехода на позицию самого молодого вице-мэра.

В 2007 г. молодой вице-мэр столицы прошел курсы в группе Оборонных стратегических исследований Университета Министерства обороны КНР, после чего и был отправлен на комсомольский, а потом и на российский «фронт» работ.

Факторы возникновения миграционного кризиса

Как уже отмечалось, угроза массовой китайской миграции сильно преувеличена, что стало в том числе результатом отсутствия адекватных исследований, за исключением работы Виля Гельбраса конца 1990-х годов, а также отсутствия веры в точность российской статистики: например, при официальных данных о 20 тысячах граждан России китайского происхождения официальные лица Еврейской АО отмечают, что до 80% сельхозугодий региона нелегально, через подставных лиц, уже контролируется китайцами из соседней провинции Хэйлунцзян, и это данные только из одного приграничного региона России.

[16] В 2017 г. не вошел в состав Политбюро. В 2018 г. по итогам масштабной реорганизации Госсовета КНР (правительство Китая) стал министром природных ресурсов.

Тем не менее в связи с ухудшением экономической ситуации как в самой провинции Хэйлунцзян, так и в местах проживания мигрантов из провинции в других регионах Китая, возникает ситуация потенциального роста социальной нестабильности. По ряду политических, исторических и в большей степени экономических причин, такое развитие ситуации может стать причиной социально-политических явлений негативного характера в пограничных с Россией районах. Факторами роста такой нестабильности будет, прежде всего, дальнейшее падение цен на нефть, сокращения рабочих мест в угольной и сталелитейной промышленности, рост российского экспорта нефти и сельхозпродукции в провинцию Хэйлунцзян, а также ухудшение ситуации в следующих китайских регионах: провинциях Ляонин (граница с Северной Кореей), Шаньдун и Хайнань, городах центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь и провинции Хэбэй.

Сегодняшнее решение властей провинции о разрешении на рождение третьего ребенка, которое вовсе не гарантирует демографический бум, может быть продиктовано также задачей повысить привлекательность регионов для внутренних инвесторов, в том числе в области инфраструктурного строительства, а также перевести потоки реэмиграции из южных районов провинции, в том числе столицы — Харбина, в северные части региона. Тем не менее специфичное не только в масштабах провинции, но и для всей страны решение, которое никак не комментируется местными властями и СМИ, оставляет широкий простор для спекуляций и тревожных прогнозов.

Глава «комсомольского правительства» — премьер Ли Кэцян[17]

Нестабильный год овцы — «год судьбы»

17 июля 2015 г. премьеру Госсовета КНР Ли Кэцяну исполнилось 60 лет. Второй человек в компартии и государстве родился в 1955 г. — году овцы. Этот год по традиционным китайским представлениям должен быть для премьера Ли «годом судьбы», который в суеверном Китае считается опасным для жизни человека. Какое место Ли Кэцян занимает в китайской иерархии и какие опасности подстерегали его в непростом 2015 г.?

Обладателям западного мышления не понять, что даже если сам премьер, уроженец не самой развитой провинции Аньхой, отказался от тысячелетних предрассудков в пользу «научного развития» и вовсе не суеверен, то очень и очень многие в Китае замерли в ожидании «падения котировок» и проблем второго человека в стране, а возможно, и крутых поворотов в его карьере. Это фактор психологический, и он воздействует и на премьера, и на его группу в партии, и, конечно же, на его конкурентов.

Вы не верите в гороскопы? Это характеризует вас как здравомыслящего человека. Однако в среде китайцев господствует совсем иное отношение к магии даты рождения. «Рациональные и нерелигиозные» китайцы очень трепетно относятся и к магии чисел, и к геомантии фэншуй, и к магии имени.

Год овцы считается в Китае несчастливым, об этом красноречиво свидетельствует статистика родов за 2014 год, на который пришелся очередной бум рождаемости: пары старались родить ребенка в уходящий год лошади, до наступления года овцы. Дети, рожденные в год овцы (или козы), считаются неудачливыми, и, как говорят, могут навлечь пожар в доме.

Примем это как данность: в гороскопы китайцы верят, они следуют предписаниям календарей о несчастливых днях «для открытия компании», «для бракосочетания», «для деловых встреч», не пишут в официальных биографиях политиков дат рождения. И очень боятся так называемого «года судьбы» — года зодиакального животного, в который они родились. На Западе люди ждут в этот год особых радостных событий — «это же мой год, мне должно повезти!», однако вся китайская

[17] Переназначен премьером в 2018 г.

традиция говорит об обратном: «год судьбы» (本命年) опасен и таит в себе непредвиденные изменения.

Си Цзиньпин, глава Китая, партнер Ли Кэцяна по «тандему», родился в год змеи. Его «год судьбы» был в 2013 г. и чуть не закончился для Си Цзиньпина потерей власти: враги Си — глава горкома Чунцина Бо Силай и его покровитель куратор силовиков Чжоу Юнкан — проиграли партийную борьбу и оказались арестованы. К слову, Чжоу родился в год лошади, и его официальный арест, первый арест члена Политбюро в новейшую историю, произошел именно в 2014 г. — в год лошади.

Глупо было бы доказывать на этих примерах правдивость гороскопов, но важно одно: общественное мнение подвержено их влиянию, и гороскоп оказывает психологическое воздействие.

Партийная борьба: «комсомольцы» против «красной аристократии»

В Китае два основных действующих лица — председатель КНР, генсек Си Цзиньпин и премьер правительства Ли Кэцян. Многие не раз обращали внимание на поразительное различие в именах первых лиц страны: Си Цзиньпин, дружелюбное имя которого означает «близкий к миру или равенству», противопоставляется Ли Кэцяну, чье имя значит «мощно разрушать». Однако антагонизм двух лидеров страны выражается не только в именах, но и в силах, которые они представляют. Си Цзиньпин считается представителем потомственной партийной аристократии, его отец окончил свою карьеру на посту главы ныне процветающей южнокитайской провинции Гуандун, а Ли, чей отец был секретарем райкома в Аньхое, вступил в партию в 1976 г. — в конце Культурной революции, в большую политику попал во время политического водоворота, когда члены китайского Комсомола начали формировать новую, реформистскую силу в партии.

Сказать, что «принцы» — это некая золотая молодежь, а «комсомольцы» — это дети рабочих и крестьян и противостояние между ними — это противостояние верхов и низов, значит не сказать ничего. Руками крестьянских сыновей — «красных стражей» — «старая гвардия» подвергалась травле: именно «комсомольцы» заняли посты старой элиты, оказавшейся в крестьянском поле, тюрьме, эмиграции, ссылке. Си Цзиньпин провел долгие годы в глухой деревне в провинции Шэньси; Дэн Сяопин, чьего сына убили, — в ссылке в Южном Китае; Ван Цишань, организатор нынешней тотальной чистки в партии, провел годы своей молодости сосланным в крестьянскую коммуну; отец генерал-лейтенанта Лю Юаня, председатель КНР Лю Шаоци умер в тюрьме. Эта тема борьбы «старой гвардии» и «комсомольцев» табуирована в Китае до сих пор, и степень ее запретности отражает существующий накал внутреннего противостояния группировок.

С другой стороны, ошибочно было бы представлять вождей Комсомола некими «народными трибунами» от земли — как правило, руководителями здесь являются выходцы из мелкого и среднего бизнеса, например, отец Ху Цзиньтао — владелец чайного бизнеса, а отец Ли Кэцяна — региональный чиновник средней руки. Только из этих двух примеров можно сделать вывод, что «комсомольцы» — это вовсе не «выходцы из низов», а представители региональных элит, стремящихся взять «суверенитет, сколько смогут проглотить», а также представителей среднего и крупного бизнеса.

Протеже Ху Цзиньтао

В 1983–1985 гг. Ли Кэцян занимал должность руководителя Департамента Коммунистического союза молодежи Китая по делам учебных заведений. В 1985–1993 гг. Ли Кэцян — член Секретариата Центрального комитета Коммунистического союза молодежи Китая, заместитель председателя Всекитайской федерации молодежи.

Ли Кэцян — ставленник «комсомольской группы» бывшего генсека и земляка Ху Цзиньтао. Аньхойская группировка «комсомольцев» помогла прийти к власти могущественной «шанхайской группе» Цзян Цзэминя в 1989 г. События на Тяньаньмэни, которые привели к уходу от власти сычуаньской группы Дэн Сяопина, а также положили начало расцвету экономики Шанхайского региона, начались вовсе не в столице, а в Аньхойском политехническом университете, продолжились в Шанхае и уже потом распространились на всю страну, докатившись до Пекина. Впрочем, союз «аньхойцев» и «шанхайцев» длился недолго, и уже в середине 2000-х годов между ними обозначился серьезный раскол, выразившийся в антикоррупционном деле против главы горкома Шанхая и члена Политбюро Чэнь Лянюй в 2006 г., в середине «срока» Ху Цзиньтао. Судя по всему, этот процесс стал спусковым механизмом, заставившим «шанхайцев» вывести на арену представителей военной элиты, которые должны были сыграть роль защитного механизма от «комсомольского беспредела». Впрочем, судя по итогу, у армии были свои планы на будущее.

Важнейшее из искусств

Многие политические кампании в КНР начинались с театральных выступлений, вот и экранизированный роман китайского диссидента «Тотем Волка» вышел в прокат прямо в первый день года овцы — 19 февраля 2015 г. Роман дожидался экранизации четыре года — и попал на большой экран именно в 2015 г.

Культурная революция. Внутренняя Монголия. Волков, истинных хозяев степей, уничтожают вместе с их детенышами — в угоду размножению овец. «Благородная месть» волков не заставляет себя ждать — умные и организованные волки губят табуны лошадей и беспощадно уничтожают овец. Для стороннего наблюдателя — обычный, местами даже скучный экшен на фоне дикой природы, хоррорверсия «Энимал плэнет». Но только не для китайцев, которые во всем видят символы. «Мы не должны уничтожать волков, после них размножатся грызуны!» — глаголет монгольскую мудрость старейшина в юрте. Фильм и то, что его экранизировали именно в год овцы, выглядит как черная метка нынешнему премьеру, а также «овце» Ван Яну и выходцу из Внутренней Монголии Лю Юньшаню.

Овца — к пожару в доме

В силу исторического опыта, самое сильное китаеведение не в России или Европе, а в Японии. Японцы, обладающие все же иным сознанием, но живущие в рамках китайских культурных кодов, разбираются в Китае лучше всего. Японское из-

дание The Diplomat сообщает, что в бытность губернаторства Ли Кэцяна в колыбели китайской цивилизации — провинции Хэнань — трижды происходили крупные пожары. Издание намекает: приметы не врут.

Сама дурная слава овцы пошла со времен императрицы Цы Си, которая тоже родилась в год овцы. На ее правление пришелся упадок и конец империи Цин, которую, к слову, воспринимали в Южном Китае как власть северных варваров над истинно китайским югом. Занимая формально второе положение в государстве, она была реальным правителем империи.

Кстати, в бытность своего губернаторства в Хэнани, что на «китайской Волге» — Хуанхэ, премьер Ли все время занимал должность главы штаба по борьбе с наводнениями. «Вода» и дальше сопровождала Ли по пути к власти — до сих пор он занимает должность куратора группы по переброску вод рек юга на север, а также строительства крупнейшего гидроузла в мире — «Санься» («Три ущелья»). «Научное развитие» (лозунг покровителя Ли Кэцяна — Ху Цзиньтао) и суеверия — отличительная черта современного Китая.

Эпидемия ВИЧ

В вину Ли Кэцяну вменяют эпидемию СПИДа, которая развернулась в сельских районах Хэнани. На его фоне другой китайский лидер, ныне член Политбюро Ван Цишань, второй человек (а может, и первый?) в команде Си Цзиньпина, запомнился эффективной и яркой борьбой с эпидемией птичьего гриппа в столице Поднебесной в то же самое время, в 2002 г. Широко освещаемая особенно в 2013 г. эпидемия «птичьего гриппа», а также вирус Эбола стали новыми угрозами Ли Кэцяну: не повторится ли его негативный опыт в рамках страны?

На данный момент шумиха вокруг этих заболеваний затихла, но может вспыхнуть вновь.

Ляонин

Если Си Цзиньпин совершил прыжок в Политбюро с должности секретаря горкома Шанхая, то Ли Кэцян сделал это из кресла главы северной провинции Ляонин, где он провел несколько лет.

Прибрежная провинция считается экономически и социально развитой и находится в непосредственной близости от столицы — Пекина. Однако место в Политбюро, как указывает ряд изданий, будущему премьеру обеспечил его на протяжении уже 25 лет босс по комсомольской линии, тогда еще генсек, Ху Цзиньтао. И опять немного о символах: название провинции связано с рекой Ляо. Чтобы никаких пожаров...

Сегодня, однако, Ляонин превратился в очевидного аутсайдера экономической гонки в стране.

Всекитайский экономист — лоббист внутренних провинций

В отличие от Си Цзиньпина, чья специальность — марксизм-ленинизм, Ли — доктор экономических наук (и юрист по первому образованию). Ли считается апологетом начавшейся еще при его покровителе Ху Цзиньтао политики поворота Китая от экспорта к внутреннему потреблению. Свои способности по восстановлению потенциала «старых индустриальных баз» он опробовал в Ляонине — возможно, там его опыт стал отправной точкой для восстановления производства во внутренних провинциях страны.

Мировой кризис, сворачивание внешних рынков стали поводом для принятия решения стимулировать потребление внутри Китая, и это решение дало бы мощнейшие преимущества для внутренних провинций, в том числе для родины премьера — Аньхоя. При экспортной модели у этих провинций не было бы никаких шансов на развитие, они могли только служить сомнительным источником трудовых и других ресурсов для приморских экспортных центров.

Ощутимым результатом этой политики был бы вклад внутреннего потребления в ВВП страны выше 50%, однако и спустя 7 лет после старта «разворота вовнутрь» этот показатель не достигнут.

Однако именно экспорт, как и прежде, является двигателем экономики и дает основной вклад в прибыль, которая далее расходуется на внутреннее потребление. Поддержка государства, за счет которого росли вложения во внутренние районы страны, лишь привела к бесконечному росту внутреннего долга КНР, который также покрывается за счет экспортной сферы. На уровне цифр эта политику можно было наблюдать в укреплении юаня, который с 2008 г. укрепился курсом с 8,6 юаня за доллар до 6,2 за доллар, что было выгодно для импортеров — и невыгодно для приморских экспортеров и их политических групп.

Уже в конце 2014 г. произошло первое значительное колебание юаня к доллару — в декабре он впервые за сутки ослаб на 0,1 юаня за доллар, что свидетельствовало о возможной обратной коррекции курса, в пользу экспортеров. Их вклад в рост ВВП упал до нуля, в то же время внутреннее потребление все еще не начало приносить ожидаемый вклад. Китай так не стал тем центром притяжения мировых финансовых кругов, каким сейчас служат США.

«Новая норма»

Ситуация, которую в Китае по-русски окрестили причудливым лозунгом Си Цзиньпина «Новая норма» — (синь чантай, 新常态), что полностью соответствует советскому пропагандистскому штампу «новая обстановка», означает затяжной этап замедления темпов экономического роста на время масштабной перестройки народного хозяйства с низкой добавленной стоимостью в экономику развитых стран на основе технологий и высокого потребления. «Новая норма» — по-русски значит «затянуть пояса». Отрасли, которые тянут экономику вниз, потребуется ликвидировать в том или ином виде — куда трудоустраивать людей, кому отдавать ношу избыточных мощностей в строительстве и инфраструктуре? Все эти задачи

предстоит решать именно Ли Кэцяну — и именно в той степени, в которой он сможет с ними справиться, будет сохранена за комсомольцами-аньхойцами и шанхайцами власть в стране.

Для локомотива экономического развития Китая — приморских провинций Северного Китая, Шанхайского региона и Южного Китая — это означает дополнительную нагрузку по обеспечению «плохих долгов» центрального правительства, нагрузку по поддержке экономик центральных регионов.

Опасность здесь заключается в том, что находящаяся у власти в стране влиятельная «шанхайская группа» имеет полный спектр представителей в аппарате, а у Южного Китая он практически отсутствует — любой аналитик сделает прогноз: всякая неудача нынешней политики центральных властей будет использована в Южном Китае с целью восстановить баланс сил. Чем более провальна политика центра, тем более реальным становится совершенно иной политический расклад в стране.

Недаром мастер улаживания этнических конфликтов и будущий «преемник» от «комсомольцев» Ху Чуньхуа назначен «смотрящим» Гуандуна. Экспорт этой провинции — четверть ВВП Китая, у Гуандуна есть выход к морю, развитая портовая инфраструктура, соседний прозападный Гонконг, история потрясших весь Китай мятежей. Многие в Южном Китае говорят, что драка — это последняя мера, прежде южане очень долго пытаются договариваться, однако их бунт поистине страшен и беспощаден. Далеко за примерами ходить не надо: «мягкие южане» стали инициаторами самой крупной гражданской войны последних 200 лет в мире — Тайпинского восстания, унесшего жизни 60 млн. человек (сопоставимо со всеми жертвами Первой и Второй мировой войн в Европе).

В манифестах восставших было написано: «Не допустим надругательства северных дьяволов над Китаем». Северные дьяволы — это маньчжуры и китайцы Пекина... Южнокитайская проблема — еще одна проблема связки «комсомольцев» Ли Кэцяна и нынешнего губернатора Гуандуна Ху Чуньхуа, ставленников Ху Цзиньтао. Именно с падения блока Сычуань-Гуандун началось возвышение связки кланов Аньхой-Шанхай.

Си Цзиньпин, к слову, представляющий шэньсийскую группировку в стране, как бы ни показалось странным, также является представителем группы экспортеров — его идеи «Экономического пояса Шелкового пути» сделали внутреннюю провинцию Шэньси идеальным примером экспортера внутренних регионов Китая. Подавление сычуаньской группы во главе с Бо Силаем и Чжоу Юнканом замкнуло внутренние провинции Китая — Сычуань, Хунань и другие — на транспортном коридоре Сиань – Европа, в котором ключевую роль играют позиции России, Ирана и Турции.

Приватизация

Перестройку народного хозяйства невозможно осуществить без ликвидации отсталых отраслей, прежде всего в строительном и инфраструктурном секторах.

Выбор Ли в качестве главного приватизатора всей страны не случаен. Научные изыскания будущего премьера проходили под руководством «выдающегося эконо-

миста Китая» Ли И-нина, «апологета приватизации госсобственности» и «мистера фондовый рынок» — это прозвище он получил за агитацию к открытию в Китае фондовых рынков (первые биржи появились в Шанхае и Шэньчжэне в 1990-е годы). Именно Ли И-нин, уроженец провинции Цзянсу, находящейся рядом с Шанхаем, подготовил теоретическую базу «определяющей роли рынка в развитии Китая». В Пекинском университете, в котором учился и будущий глава обкома Гуандуна Ху Чуньхуа, профессор Ли также подготовил Ли Юаньчао, зампредседателя КНР, замену Си Цзиньпину, если тот не сможет выполнять свои обязанности...

Во время Культурной революции «правый уклонист» профессор Ли И-нин был «сослан в деревню» на шесть лет, после того попал под кампанию борьбы с «правым уклоном» Мао Цзэдуна. Правый уклон — это то, что сейчас называют либерализмом и «определяющей ролью рынка».

Вторая леди страны — Чэн Хун

Интереснее биографии Ли Кэцяна только биография его супруги Чэн Хун. Она ведет свое происхождение из провинции Шаньдун, так же, как и первая леди страны — Пэн Лиюань, и так же, как и Пэн, тесно связана с китайской армией. С будущим мужем она познакомилась в уже не раз упоминавшемся Пекинском университете. Чэн Хун окончила Военный институт иностранных языков города Лояна в провинции Хэнань, одного из центров ВПК Китая (этот же институт закончил брат Си Цзинпина — Си Юаньпин), а также имеет степень доктора наук в области литературы Академии общественных наук Китая. Предположительно, ее «боевой» язык — английский.

Чэн из «комсомольской семьи» — ее отец Чэн Цзиньжуэй был вторым секретарем Комсомола провинции Хэнань, в которой довелось работать Ли Кэцяну. Сейчас Чэн Хун — преподаватель в одном из ВУЗов Пекина.

«Цян гэ» — «мощный»

В последнее время в оборот китайской прессы было введено панибратское обращение к премьеру — «Брат мощный» (цян гэ, 强哥). Оно появилось перед «Двойным собранием» («лян хуэй») и, возможно, станет рядом с прозвищем главного в КНР Си Цзиньпина — «Папка Си» (Си Дада, 习大大). Такое обращение появилось в относительно свободном южнокитайском СМИ «Феникс». От названия веет иронией и даже сарказмом: сможет ли «мощный» решить надвигающиеся проблемы? Надо отметить, что прозвище «Мощный» не приклеилось к Ли Кэцяну, чего нельзя сказать о прозвище «Папка Си», которое стало живым мемом и осело в различных песнях и текстах.

«Двойное собрание» — это ежегодные одновременные сессии Всекитайского собрания народных представителей (китайского центрального «парламента») и Народного политического консультативного совета Китая — аналога общественной палаты и палаты промышленников и предпринимателей в России. На этих сессиях обычно принимаются важнейшие законы и делаются важные программные заявления.

Сессии для Ли Кэцяна были сложными — перед всей страной и миром он отдувался за снижающиеся темпы роста страны. На пресс-конференциях он выглядел не очень уверенно, заняв оборонительную позицию перед журналистами... «Год судьбы», надо быть аккуратней.

Пояс Янцзы

Еще одна линия водораздела между Си и Ли — это новые «пояса экономического развития». Не успел Си Цзиньпин озвучить инициативу создания Экономического Шелкового пути (а также Морского Шелкового пути XXI века — для Южного Китая), как премьер робко ввел в оборот Экономический пояс реки Янцзы, который объединяет провинции вдоль этой реки с последующим выходом к морю в районе Шанхая.

Уже сейчас в Китае очевидно сложились политико-экономические кластеры, за которыми стоят свои политические силы — пояс Шелкового пути со столицей в Сиани (Си Цзиньпин), пояс реки Янцзы (Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхой), «треугольник Янцзы» — Шанхайский регион, «треугольник Чжуцзяна» — Южный Китай, треугольник Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй. За каждым из этих кластеров стоит не только собственный китайский субэтнос, практически полностью автономная экономика, но и вековая история существования в форме независимых государств.

Антитабачная кампания

«Дружеские» связи лидеров «тандема» не исчерпываются принадлежностью к разным экономическим и клановым группировкам. Для многих в Китае была непонятна антитабачная кампания 2014 г., в которой активно участвовала супруга Си Цзиньпина — Пэн Лиюань. В кампании даже задействовали Билла Гейтса (продукция Майкрософт активно покупается в Китае, а поисковик Bing — чуть ли не единственный разрешенный западный поисковик в Китае), который покрасовался в футболке «Нет пассивному курению» с первой леди страны.

Секрет оказался на поверхности — заместитель главы табачной монополии China Tobacco оказался младшим братом Ли Кэцяна — Ли Кэмином. 11 февраля 2015 г., по сообщению «Синьхуа», он потерял свой пост вице-президента компании, которая дает бюджету Китая 7–10% дохода — в 2013 г. этот показатель составил 177 млрд. долларов. Похоже, позиции клана начали опускаться вниз. В первой половине 2016 г. был арестован замгубернатора провинции Аньхой Ян Чжэньчао, также выходец из табачной индустрии страны. Каков предел этого падения?

Урбанизация

Одним из ключевых проектов, за которые отвечает Ли, является урбанизация всей страны. Главная проблема всех времен для Китая — это аграрное перенаселение: «избыточная» часть жителей перебирается из деревни в город, а когда эконо-

мика начинает буксовать, «лишние» массы пополняют базу социальной нестабильности. Кончается это регулярными крестьянскими войнами, и, как следствие, новыми династиями. Только официальных династий в Китае зафиксировано 24, крестьянских войн еще больше. Большинство в Китае сейчас склонны считать, что коммунистическая династия — «долгая», это значит, что ей отмерено еще как минимум лет 70. Однако многие забывают, что у «долгих» династий посередине всегда есть «провал» с захватом столицы и крупными войнами. Так было, например, во время династии Тан...

При Ли Кэцяне страна впервые преодолела важный показатель урбанизации — теперь в Китае более 50% населения проживает в городах. Однако ряд мер правительства все же вызывает сомнения — в частности, для увеличения городского населения были расширены площади городских округов, а деревни преобразованы в поселения городского типа. Сказать, что такие «прирезки» и «переименования» делают сельское население вовлеченным в экономику города — наверное, не совсем верно. Необъективно было бы также сказать, что урбанизации в Китае нет — она есть и идет грандиозными темпами, но трудоустройство селян не может идти быстрее, чем развивается экономика страны.

Вопрос урбанизации все реже поднимается в госпрессе — это тревожный сигнал того, что проблемы растут, а их решение откладывается. По оценкам некоторых экспертов, для стабильного развития Китая стране надо ежегодно трудоустраивать до 10 млн. человек, что гарантируется не менее чем пятипроцентным ростом экономики в год. Рост ВВП в Китае все еще выше 7%, однако в последнее время он происходил в результате масштабной эмиссии и государственного кредитования — рост фактически «кормили» из госказны и резервов былых лет «экономического чуда».

Многие считали, что 2015 год станет моментом истины для Китая и реальное падение роста уже будет невозможно скрыть никакими вливаниями. Отвечать за всё будет, естественно, Ли Кэцян и аньхойско-шанхайская группа. Какие меры она может противопоставить масштабному кризису экономики, тщательно скрываемому за громкими заявлениями?

Ползучая федерализация

Практически сразу после официального вступления в должность премьера страны, в марте 2013 г., Ли Кэцян заявил о сокращении полномочий центра в пользу регионов. Формально это было обозначено как передача 1700 функций центра «обществу» и «рынку».

Учитывая, что единые общество и рынок существуют только в фантазиях пропагандистов, а сам Китай имеет очень четкую региональную систему кланов, ничем иным как децентрализацией или регионализацией этот шаг Ли Кэцяна не объяснить. Процесс передачи функций ускоряется, регионы, которые в Китае отличаются между собой, как страны Европы, получают все больше функций, растет сила региональных корпораций и общественных структур. Любопытным сигналом стали, например, и широкие кампании по распространению использования диалектов

в провинциях Китая. К кантонскому диалекту, который приравнен к литературной норме «путунхуа», использующемуся в официальной коммуникации, могут добавиться новые диалекты китайского языка.

Братья и сестры

Совсем недавно по окончанию «Двух собраний» премьер Ли заявил о возможных серьезных изменениях в политике «одна семья – один ребенок», которая запрещала большинству рядовых китайцев иметь второго ребенка.

Это козырная карта в сложный для власти период: когда экономика идет на спад, нужно иметь резервы, которые могли бы успокоить общество. Кстати, у самого Ли Кэцяна три брата, Ли Кэпин, Ли Кэмин, Ли Кэхэ — и две сестры, Ли Сяоцин и Ли Кэчжэнь. Хороший повод дать место справедливости и позволить китайцам рожать хотя бы двух детей... Тем не менее, вопреки необоснованным страхам, к буму рождаемости нововведение не приведет: только незначительный процент пар в Китае, уже имеющих одного ребенка, согласился на рождение второго. Реальной проблемой для Китая становится демографический кризис — старение населения и огромное количество детей трудовых мигрантов, выросших без родителей, уехавших на заработки.

Первый или второй?

Имена преемников на места Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао определялись еще за пять лет до их официального избрания на эти должности, однако до самого конца в партии оставалась интрига: кто же займет кресло генсека партии — «ума, чести и совести эпохи», а кто займет функциональную должность главы правительства?

В результате партийной борьбы, компромиссов и договоренностей страну возглавил на тот момент подконтрольный Цзян Цзэминю глава шэньсийской армейской группы Си Цзиньпин, а власть над аппаратом правительства досталась протеже Ху Цзиньтао — Ли Кэцяну. Партийная борьба и дальнейшая масштабная чистка партии, в которой группа Си играла роль беспристрастного арбитра, сделала из генсека не фланговую, а центральную фигуру в Китае, в котором нынешние властные группировки не могут остановить рецессию.

«Гуандуский пирог» вице-премьера Ван Яна[18]

Ван Ян — член команды группы молодых реформаторов из китайского Комсомола, бывший губернатор самой богатой провинции Китая — Гуандун, а ныне — третий вице-премьер правительства КНР и член политбюро КПК. Гостя Петербургского форума от китайской стороны часто называют самым «радикальным рыночным реформатором» в партии.

[18] Вошел в состав нового Постоянного комитета Политбюро в 2017 г., с 2018 г. первый вице-премьер Госсовета КНР.

Ван Ян, чье имя переводится как «океан», а фамилия означает «водная ширь», пользовался популярностью в прибрежном Южном Китае. Политик — не коренной южанин, а выходец из провинции Аньхой, разделенной рекой Янцзы. Бывший генсек Ху Цзиньтао, нынешние премьер Китая Ли Кэцян и губернатор Гуандуна Ху Чуньхуа — земляки Ван Яна. Все они представляют во власти ядро группы «комсомольцев» — реформистского крыла в политике Поднебесной.

Имя Ван Яна созвучно и с именем самого известного реформатора-либерала Китая Чжао Цзыяна, символом целого поколения молодых активистов и политиков, стремящихся во власть с середины 80-х годов. Ван Яна и Ли Чжаньшу, который является идеологом китайско-российского взаимодействия, называют потенциальными членами Постоянного комитета Политбюро после 19-го съезда партии в 2017 г. Постком Политбюро — вершина политической власти в КНР.

Гуандунская модель «Большого пирога»

Ван Ян — популярный в Гуандуне политик, с его именем связывают расширение связей богатейшей провинции Китая со странами Юго-Восточной Азии и Африки, на которые провинция опирается сейчас, во время кризиса на рынках Европы и США, а также популярный термин «гуандунская модель».

«Мы должны сделать упор на благосостоянии людей, но нам нужно сосредоточиться на экономике, если мы хотим испечь больший пирог. Другими словами, мы сосредоточимся на создании большего пирога, а не на его дележке», — заявил Ван Ян в начале своего пятилетнего губернаторства в Гуандуне, противопоставив себя «красному мэру» Чунцина, ныне опальному Бо Силаю. Последний не только занимался вопросами «правильного распределения» собственности предприятий и завоевывал симпатии населения через раздачу квартир и снижение арендной платы — Бо Силай прославился также борьбой с криминальными ОПГ, расцвет которых злые языки связывали с его предшественником на посту мэра — Ван Яном.

Протест — «оружие демократии»?

Знаковым для Ван Яна и для его будущей популярности на Западе стал инцидент в уезде Укань (сентябрь 2011), относящейся к району Шаньтоу. Разгневанные нечестной продажей земли крестьяне не остановились на привычных для них протестах. Впервые со времен гражданской войны крестьяне выбрали 107 представителей для выборов местного главы райкома. Вольница сместила предыдущего начальника, занимавшего эту должность 47 лет, и избрала новым партийным лидером вожака протестующих.

За селом в Южном Китае, почти всё население которого (85%, или 6500 человек) участвовало в протестах, следили не только представители американского посольства, но и лица из обкома, не препятствуя их действиям. Впоследствии организации протестующих были названы незаконными. «Уканьская модель» была названа на Западе прообразом будущей китайской демократии, к которой стремится группа Комсомола.

В 2016 г., уже в бытность руководства провинцией «комсомольца» Ху Чуньхуа, выбранного старосту деревни задержали за взятки: в госпрессе сообщили, что борец за демократию взял откат за резиновые дорожки в одну из местных школ. Арест вызвал массовые протесты в населенном пункте, которые не прекращаются до сих пор. Деревня окружена частями Вооруженной народной полиции. Наряду с волнениями в Укани в ряде населенных пунктов Гуандуна летом 2016 г. произошли погромы и столкновения с полицией, вызванные строительством ряда промышленных объектов.

В 2014 г. появились слухи, что именно Ван Ян, который уже работал вице-премьером, решил проблему протестов в пограничном с Гуандуном Гонконге.

При Ван Яне в Гуандуне расцвели НКО и другие общественные институты, чиновник приобрел славу «защитника демократии» и даже... борца с центром. Во время массовых банкротств, связанных с кризисом 2008 г., Ван Ян оказывал негласное сопротивление директивам Пекина поддерживать те или иные предприятия, указывая на то, что в рыночных условиях нет смысла поддерживать нерентабельные производства. Но Ван Ян не только не потерял своего губернаторского поста, но и стал известным в США политиком, лестные характеристики и явное отличие которого от «бесформенных партийных вождей» стали подмечать все западные СМИ.

Либеральный Ван Ян — главный переговорщик с США

Сравнительное позиционирование — прием, описанный гением рекламы Элом Райсом, — главное оружие Ван Яна. В отличие от большинства нынешних китайских политиков «сын простого рабочего» (злые языки утверждают обратное — сын директора пищевой компании) Ван Ян — радикальный реформист и покровитель демократических свобод, борец с «традиционной моделью развития». И наконец Ван Ян не подкрашивает волосы, как все члены руководства Китая начиная с уровня главы райкома. На его висках легко угадывается седина, бросающая либеральный вызов единообразному и молодящемуся партаппарату.

Всё это дает бесконечное количество очков Ван Яну в переговорах с американцами — политик отвечает за экономическое взаимодействие Китая и США, на товарооборот которых приходится более полтриллиона долларов, а также основные инвестиции в экономику Поднебесной.

Ван Ян позволяет себе остроумные шутки в отношении американо-китайских отношений: «Я не думаю, что нам не надо разводиться, как Руперту Мердоку и Энди Дэн, это будет слишком дорого». Или чего только стоит шутка Ван Яна о его переговорах с главой Минфина США Джэйкобом Лью: «Я обеспокоен разрешением гей-браков в США, но не думаю, что у нас с Джэйкобом есть такие намерения».

Ван Ян крайне симпатичен американцам, и их кредит доверия — это капитал либерального члена ЦК КПК.

Ссора с кланом Е

Ван обладает абсолютной поддержкой его земляка, бывшего генсека Ху Цзиньтао, — именно это позволило ему войти в члены Политбюро, практически перескочив через вхождение в Центральный комитет КПК. Такая абсолютная поддержка Комсомола сыграла с ним злую шутку. Отмечают, что в 2012 г. в Постком Политбюро Ван Ян не попал именно из-за пренебрежения к местной корпоративной элите — влиятельному в Гуандуне семейству маршала Е Цзяньина, который освобождал Гуандун от Гоминьдана еще во время гражданской войны.

Пренебрежение интересами семьи Е, а также борьбой со старой элитой, характерной для всех «комсомольцев», сыграло свою роль в будущей карьере политика, который предпочел остаться на занятой позиции: «Необходимо только, чтобы все партийные и госорганы на всех уровнях власти могли представлять коренные интересы широких народных масс, а не интересы маленьких групп, только тогда наши реформы смогут сделать решительный шаг вперед».

«Инновации, инвестиции, интеллект»

Ван Ян — безусловный идеолог рыночных реформ и «определяющей роли рынка» в развитии Китая. При нем Гуандун начал разворот к экономике с повышенной добавленной стоимостью, в частности большое внимание было уделено развитию Шэньчжэня как техноцентра провинции и Китая. «Гуандунская модель» также подразумевала привлечение широких инвестиций с Запада, а не опору на внутренний рост и ресурсы внутреннего потребления Китая.

Ван Ян также является главой комиссии по защите интеллектуальной собственности в стране, деятельность которой вылилась в создание специальных судов по интеллектуальной собственности в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу — столице провинции Гуандун.

Семья Ван Яна

Ван Ян остался без отца в 17 лет и бросил учебу, чтобы помочь матери прокормить семью, в которой было еще двое детей. Супруга Ван Яна также из его родного города Сучжоу (Аньхой), что не так часто встречается в биографиях политических лидеров Поднебесной. Семья воспитала дочь, которая, по сообщениям ряда источников, работает в крупном европейском инвестиционном банке в Гонконге.

Несмотря на борьбу с «принцами», как утверждается, зять Ван Яна — внук знаменитого «шанхайского» военного Чжан Айпина, родственные связи которого идут к нынешнему «шанхайскому» члену ПК Политбюро Юй Чжэншэну, чья жена является дочкой легендарного генерала. Зять Вана Николас Чжан получил образование в США, долгое время работал аналитиком Фонда Сороса в Гонконге. Сейчас 30-летний Чжан является основателем собственной коммерческой структуры.

Ван Ян родился в год овцы, и для него, как и для премьера Ли Кэцяна, по китайским поверьям 2015 год являлся «годом судьбы». Крайне суеверные китайцы считают, что в этот год нельзя предпринимать ничего рискованного, так как это может быть опасным для жизни и здоровья. Кроме того, сама овца на севере от Янцзы считается животным, не приносящим удачу: «Овца к пожару в доме», — гласит китайская поговорка.

Ван Ян и Россия

Среди китайских лидеров существует маленькое соревнование по уровню рейтинга на международных площадках, и помощь государствам, попавшим в затруднительное положение, является одним из эффективных методов для его поднятия. Россия — не исключение. В свое время и Си Цзиньпин, и глава МИДа Ван И, и сам Ван Ян заявляли об «ошибочности санкций» в отношении России. На встрече с Дмитрием Рогозиным в Сочи в 2013 г. Ван Ян особо отметил «жизнеспособность России».

Наряду с Ван Яном в 2015 г. Россию одновременно посетили бывший глава обкома конкурирующей с Гуандуном провинции Фуцзянь Чжан Гаоли и член Посткома Политбюро Чжан Дэцзян (нанес визит в Татарстан).

Шансы на успех: станет ли Ху Чуньхуа будущим главой Китая?[19]

До планируемых выборов нового генсека еще долгие годы, однако в КНР развернулась нешуточная по масштабам политическая борьба, результатом которой может стать срыв планов могущественных группировок. Массовая кампания председателя КНР Си Цзиньпина по борьбе с коррупцией значительно изменила соотношение сил в высшем политическом эшелоне. До ее начала одним из основных претендентов на пост председателя КНР был выходец из провинции Хубэй Ху Чуньхуа — «преемника» негласно назначили Си Цзиньпину чуть ли не сразу после его избрания на пост, но в последние два года эксперты все чаще и чаще высказывают сомнения в том, что Ху Чуньхуа достигнет политического олимпа. Во многом их сомнения связаны с биографией политика.

Талантливый парень из народа

Ху Чуньхуа родился в автономном районе Уфэнь провинции Хубэй, лежащей на реке Янцзы в центре Китая, в семье простого крестьянина в 1963 г. К 16 годам ему удалось окончить школу, перескочив через несколько классов, а во время сдачи государственных экзаменов он получил лучший результат в провинции и поступил

[19] Не вошел в состав ПК Политбюро, вошел в общий состав Политбюро и назначен вице-премьером, курирующим сельское хозяйство. После ареста в июле 2017 г. «партнера по паре» мэра Чунцина Сунь Чжэнцая публично критиковал его на партсобрании провинции Гуандун.

на филологический факультет Пекинского университета, который, кстати, заканчивал и нынешний премьер Китая — Ли Кэцян, тоже уроженец «пояса реки Янцзы».

Блестящее образование и крестьянское происхождение открывали перед 20-летним Ху многие двери, говорят, ему даже предложили «хлебное» место в Пекине. Однако Ху Чуньхуа отказался и попросил отправить его в отделение Комсомола в глухой и отсталый Тибет.

23 года в Тибете

Это нестандартное на первый взгляд решение во многом было продиктовано рядом объективных обстоятельств. Во-первых, 20-летний выпускник Пекинского университета вряд ли мог кого-то удивить в столице, в то время как на окраинах его ценность значительно возрастала. Во-вторых, в этот период китайское руководство в Тибете остро нуждалось в кадрах, да и объем планируемых работ также впечатлял: строительство железных дорог и жилплощадей, стимулирование иммиграции в регион этнических китайцев, налаживание связей между китайским правительством и местным населением.

Тибет стал для Ху второй родиной. Он провел там 23 года, выучил тибетский язык. За это время он прошел путь от редактора газеты «Сицзан Жибао» и руководителя государственного отеля в Лхасе до заместителя секретаря провинции.

Одним из важнейших событий в жизни политика стало назначение будущего председателя КНР Ху Цзиньтао на должность партийного секретаря региона. Через четыре месяца после этого в Лхасе произошло крупное столкновение между борцами за независимость и правоохранительными органами. Ключевую роль в урегулировании этого конфликта сыграл именно Ху Чуньхуа. Тут пригодились знания и тибетского языка, и местных обычаев. Именно его посредничество помогло довольно быстро и безболезненно стабилизировать ситуацию. Интересный момент: когда Ху Цзиньтао заболел горной болезнью и вынужден был на некоторое время вернуться в Пекин, именно Ху Чуньхуа встречался с местным населением от его имени.

Маленький Ху

С этого момента продвижение однофамильца будущего генсека Ху Чуньхуа по линии Комсомола, «вотчине» Ху Цзиньтао, значительно ускорилось, а в прессе за ним закрепилось прозвище «Маленький Ху» (которое намекало на протекцию «Большого Ху» — Ху Цзиньтао).

С 1997 по 2008 г. он был в числе руководящего состава Комсомола, который к тому моменту стал своеобразным кадровым резервом для высшего руководства — именно из состава Комсомола выдвинулся Ли Кэцян, второй человек в современном Китае.

В марте 2008 г. Ху Чуньхуа стал губернатором Хэбэй — не очень богатой провинции, с трех сторон окружающей Пекин. Однако его первое назначение было весьма неудачным в связи с разразившимся скандалом с молочным порошком, в ре-

зультате которого более 50 000 младенцев получили инвалидность. Ху удалось выйти сухим из воды, и уже через год он получил повышение и был назначен руководить не менее сложной, чем Тибет, Внутренней Монголией.

Мастер разрешения этнических конфликтов

Разрешение этнических и социальных противоречий — это конек Ху Чуньхуа. В отличие от своих предшественников, которые гнались за экономическими показателями, Ху заявил, что основной его целью является сглаживание социальных противоречий и развитие экономически отсталых частей региона. Это стремление к гармонии совпадает с лозунгом его покровителя Ху Цзиньтао о «построении гармоничного общества»: именно при Ху Цзиньтао в состав КПК начали принимать крупных предпринимателей, что помогло оставить КПК на плаву в резко усилившейся власти бизнеса в стране.

В этот период Внутреннюю Монголию сотрясали крупнейшие за последние 20 лет социальные волнения, однако вместе с переговорами и мерами по сокращению социального неравенства правоохранительными органами было проведено несколько крупномасштабных операций, а для местного населения на некоторое время закрыли доступ к социальным сетям. Сочетание жестких мер с мерами по устранению причин беспорядков снискало Ху Чуньхуа славу умелого руководителя, который четко следует линии партии, но при этом решает накопившиеся проблемы.

Именно благодаря этому в ноябре 2012 г. на 18-м съезде КПК он стал одним из самых молодых членов Политбюро, а в декабре был назначен партсекретарем провинции Гуандун (Южный Китай) — самой экономически развитой провинции Китая. Эти назначения трактовались многими политологами как знак того, что именно Ху Чуньхуа станет председателем КНР в 2022 г. Однако руководство одной из самых богатых провинций в стране стало для него непростой задачей. Большая антикоррупционная кампания, которую начал Си Цзиньпин, нанесла самый сильный удар именно по Гуандуну — провинции, которая, к слову, является и самой отличной от других в культурно-языковом плане, ее населяют китайцы-кантонцы, проживающие и в соседнем, ставшем неспокойным Гонконге.

Атмосферу значительно ухудшил и новостной сюжет, запущенный прямо перед китайским Новым годом, когда телевизор смотрели почти все жители страны.

В нем рассказывалось о процветании проституции и наркоторговли в регионе Дунгуань. Вследствие расследования были сняты с должностей заместитель мэра города и глава местного отделения полиции. В результате антикоррупционной деятельности со своего поста был смещен партийный секретарь Гуанчжоу в 2014 г. — Вань Цинлян. Сам Ху Чуньхуа также принимает активное участие в партийной чистке; так, в администрации Гуанчжоу было уволено более 800 чиновников, родственники и семьи которых проживали за границей.

Политическая карьера и стиль управления Ху Чуньхуа во многом совпадают с представителями поколения 1960-х: редкое общение с прессой и четкое следование линии партии. Как представитель «комсомольцев», он стал одним из ключевых фигур среди протеже Ху Цзиньтао, которые остались у власти после его ухода с долж-

ности главы государства. Изначально именно эта преемственность и была залогом его успешного пути к должности председателя.

Однако в связи с тем, что в антикоррупционной кампании пострадали именно политические противники Си Цзиньпина, этот фактор на сей раз может сыграть против Ху Чуньхуа. Очевидно, что Ху Чуньхуа принадлежит к группировке, идейно противостоящей «старой гвардии», или «принцам», к которым относится Си Цзиньпин. И чем более прочными становятся позиции нынешнего председателя КНР, тем больше сомнений вызывают прогнозы о том, что именно ставленник Ху Цзиньтао, Ху Чуньхуа, станет лидером шестого поколения руководителей Китая.

Однако изменения политической конъюнктуры не умаляют и достоинств этого политика, которому удалось стабилизировать ситуацию в двух неспокойных регионах на окраине страны. В условиях ухудшающейся внешнеполитической и экономической ситуации правительству КНР будет нужен такой дальновидный и аккуратный руководитель. Гуандун, сердце Южного Китая, возможно, станет новой площадкой для мастера решения этнических конфликтов.

«Комсомолец» Сунь Чжэнцай — «будущий премьер-министр Китая»[20]

Шаньдунец Сунь Чжэнцай — один из двух самых молодых членов Политбюро и самый молодой министр в истории КНР, к тому же он доктор сельскохозяйственных наук. Все это является идеальным сочетанием для премьер-министра КНР. Во всяком случае, об этом уже неоднократно говорили в западных СМИ.

Нынешнему поколению лидеров — Си Цзиньпину и Ли Кэцяну, не успели они занять свои должности, «назначили» преемников: главной Китая должен стать Ху Чуньхуа, ныне губернатор процветающего Гуандуна (Южный Китай), а премьером — Сунь Чжэнцай, возглавляющий город-провинцию Чунцин, самый перспективный регион Китая.

Будущее Сунь Чжэнцая, члена «комсомольской группы» бывшего генсека Ху Цзиньтао, в качестве премьера зависит от его успехов на губернаторской должности. Надо признать, это далеко не самое простое место работы, учитывая, что его предшественник Бо Силай сейчас отбывает пожизненное наказание в тюрьме.

Беззаботное прошлое

Сунь Чжэнцай относится к шестому поколению китайских чиновников, которое традиционно считается более открытым, либеральным и прагматичным. В отличие от предшественников, которые застали Культурную революцию или даже гражданскую войну, их юность прошла во время реформ и открытости Дэн Сяопина. Как и многие представители шестого поколения руководителей КНР, он учился в Лондоне, где изучал сельское хозяйство. Они более открыты к новым веяниям, од-

[20] Статья Дмитрия Комарова и Николая Вавилова. Статья написана в 2016 г., Сунь Чжэнцай арестован в июле 2017 г.

нако на них оказали влияние и события на площади Тяньаньмэнь, когда либеральное студенчество было подавлено силой госаппарата и армией.

В первую очередь представители этого поколения чиновников чаще всего ассоциируются с группировкой «комсомольцев», к ним принадлежат два самых молодых члена Политбюро: Сунь Чжэнцай и Ху Чуньхуа. Их отличительными чертами является скромный образ жизни и приверженность к своему делу, своей специальности. Таких чиновников обычно называют технократами, и именно такой стиль управления импонировал бывшему председателю КНР Ху Цзиньтао.

Сунь Чжэнцай родился в 1963 г. в провинции Шаньдун. В 1980 г. он поступил в Сельскохозяйственный институт в провинции Шаньдун, в 1984 г. — поступил в Пекинскую академию сельского хозяйства и лесоводства. Сельское хозяйство стало ключевым направлением в его карьере и сыграло в его жизни такую же роль, как Тибет в жизни второго представителя шестого поколения в Политбюро Ху Чуньхуа.

С 1987 по 1997 г. Сунь проработал в академических исследовательских институтах, где совмещал занятия наукой с административными функциями. В итоге в 1997 г. он получил звание доктора сельскохозяйственных наук.

К 1998 г. Сунь Чжэнцай стал одним из ведущих специалистов по сельскому хозяйству в Китае. К началу 2000-х именно такие специалисты и были нужны стране. Быстрый рост городов и прибрежных регионов стал причиной социального расслоения населения Китая и все возрастающего разрыва как между богатыми и бедными, так и между городом и деревней. Все это явилось причиной возрастающего социального напряжения, и решение этих вопросов станет частью программы будущего председателя КНР Ху Цзиньтао, которая вылилась в лозунг: «строительство гармоничного общества». Стимулирование роста сельской местности и сокращение разрыва между городом и деревней — ключевой пункт этой программы.

Однако доктор Сунь еще не обладал достаточным опытом для того, чтобы занимать руководящие должности. Речь прежде всего шла об административной работе. С 1997 г. он работал в руководстве района Шуньи в Пекине. Вместе с практической подготовкой в Пекинском горкоме Сунь проходил обучение в Центральной партийной школе. Сначала он прошел годовой курс для молодых чиновников, затем три года изучал юриспруденцию. А в 2006 г. прослушал курс лекций для чиновников провинциального и министерского уровня.

Самый молодой министр в Китае

Наконец в 2006 г. в возрасте 43 лет Сунь Чжэнцай занял пост министра сельского хозяйства и всячески поощрял экономическое развитие сельскохозяйственных регионов. Однако в 2009 г., когда он покинул министерское кресло, публично признал, что, несмотря на все усилия со стороны правительства, в это время разрыв между городом и деревней продолжал увеличиваться.

Губернаторство в Цзилине и дружба с Северной Кореей

В 2009 г. Суня назначили главой провинции Цзилинь (Северо-Восточный Китай). За четыре года ему удалось поднять ВВП провинции до 1 трлн. юаней (168,5 млрд. долларов). И это было достигнуто, в первую очередь, с помощью развития сельскохозяйственных районов (до 20% в год при средних темпах роста в провинции 15% в год). Вторым успешным направлением развития было развитие отношений с Корейским полуостровом. Кроме традиционно близких отношений с Северной Кореей (за время его руководства северокорейский лидер посетил Цзилинь три раза), Сунь начал налаживать экономическое сотрудничество с Южной Кореей.

Руководство Чунцином

Сунь Чжэнцая назначили на должность смещенного Бо Силая, который, как утверждается, бросил вызов Си Цзиньпину. Однако его назначению предшествовало назначение на эту должность Чжан Дэцзяна, нынешнего члена Политбюро, также связанного с Северо-Восточным Китаем. Интересно, что в то время, как Сунь был министром сельского хозяйства, Бо Силай занимал пост министра торговли. В 2007 г. они даже написали совместное письмо в ВТО, чтобы снизить тарифы для развивающихся стран на сельскохозяйственную продукцию.

Назначение Суня на этот пост стало для него непростой задачей: сначала ряд чиновников были смещены в результате следствия по делу Бо Силая, а затем этот богатый регион стал одной из главных целей антикоррупционных чисток администрации Си Цзиньпина.

Несмотря на свое крестьянское происхождение, Сунь Чжэнцай имеет хорошие связи среди старшего поколения китайского руководства. Служба в Пекинском горкоме — важный период в жизни Суня: в это время ему удалось не только быстро вырасти в городской администрации, но и выучиться в партийной школе. Есть мнение, что причина этому — покровительство столичного мэра, «комсомольца» Цзя Циньлиня.

Вместе с тем в его становлении в качестве министра сельского хозяйства сыграл другой видный «комсомолец» — бывший премьер-министр КНР Вэнь Цзябао. Ходят слухи, что Сунь помогал с ведением бизнеса его жене Чжан Бэйли, и это взаимосвязано. Тот факт, что, несмотря на небольшое количество «комсомольцев», в высших эшелонах партии Суню удалось добиться позиции в Политбюро, уже говорит о многом.

Именно Сунь Чжэнцаю вместе с Ху Чуньхуа предстояло бы представлять поколение шестидесятников в 2022 г., и до 2012 г. его политические перспективы можно было бы назвать безоблачными.

«Шанхайская группа» в политике Китая

Шанхай — крупнейший порт, связавший Южный и Северный Китай, имеет колоссальное значение в политике Поднебесной. Древнее царство У, чье наследие еще отражается эхом в шанхайском диалекте, по-прежнему являет нам себя в Шанхайском регионе — «Треугольнике реки Янцзы» (长江三角), провинциях Цзянсу, Чжэцзян и городе центрального подчинения Шанхае. В этом регионе долгое время находился политический центр страны: столицы династий Южная Сун и Мин и Китайской республики, которые воплощали «морской вектор» развития Китая. «Шанхайцы» во главе Центробанка и МВФ, на ключевых постах ЦК Компартии и Политбюро, Шанхайская организация сотрудничества, идеи о создании Евразии от «Шанхая до Санкт-Петербурга» — все это лишь вершина гигантского айсберга власти и могущества «шанхайской группы» в Китае.

Борьба за море — Шанхай против Гонконга

Шанхай — брат-близнец Гонконга, родившийся в результате «опиумных войн» европейцев против Китая. Центры торговли опиумом, центры китайского революционного движения, а впоследствии и крупные экспортные порты и первые биржи ценных бумаг — во всем эти две столицы «китайского участка глобализации» шли нога в ногу, конкурируя между собой за влияние в Китае и мире. Соперничество царств У и Юэ продолжается и по сей день: если «шанхайцы» монополизировали отношения с американской ФРС и пытаются реализовать стратегию мирового доллара, то гонконгцы поставили на их конкурентов — «золотой стандарт», реализацию региональной юаневой зоны. Практически всю современную историю Китая от образования КНР до сегодняшнего дня можно описать как борьбу Шанхая и Гонконга, привлекающих на свою сторону те или иные китайские силы.

Борьба за наследие Мао Цзэдуна — история формирования «шанхайской группы»

Победа народной революции в Китае, не без участия южных китайцев — гуандунских и сычуаньских генералов Е Цзяньина и Чэнь И, практически законсервировала Шанхай в качестве политического и экономического центра на 20 лет, в то время как Гуанчжоу и Гонконг продолжали полноценно функционировать, создавая базу для дальнейшего экспортного рывка на мировые рынки.

В конце 70-х годов победа «южнокитайского лобби» во главе с маршалом Е Цзяньином позволило Южному Китаю в полной мере воспользоваться плодами экспортно-ориентированной экономики: на протяжении всего периода реформ южная провинция Гуандун оставалась лидером по темпам и объемам экономического роста в Китае.

Экономическое развитие Китая полностью сконцентрировалось в экономических зонах Южного Китая, так было вплоть до трагических событий на площади Тяньаньмэнь (1989), когда в результате ошибок военных власть вновь перехватили «шанхайцы» во главе с наиболее знаменитым их представителем, генсеком Цзян Цзэминем. Силы Комсомола, организовавшие волнения по всей стране — от Аньхоя, Шанхая и до Пекина, как это уже было 4 мая 1919 г., поставили вопрос о смене власти и даже уходе Компартии с политической арены в стране. Сычуаньские военные, которые составляли костяк власти Дэн Сяопина, — братья Ян, один из которых, Ян Байбин, был политкомиссаром Пекинского военного округа с 1985 г., а другой, Ян Шанкунь, стал зампредседателя КНР, — спровоцировали собственным усилением дальнейшее противостояние политических сил, которое вылилось в подавление студенческих протестов в центре столицы Китая.

Политический кризис тяжело ударил по экономике — темпы роста Китая упали вдвое из-за наложенных Западом санкций; некоторые, такие как запрет на поставку вооружений, не отменены до сих пор. Проблему отношений с Западом, который стал для Китая источником экономического благосостояния, а также сохранения Компартии Китая как единого аккумулирующего политическую власть организма страны решают шанхайские партийные руководители во главе с Цзян Цзэминем и выходцем из провинции Цзянси Цзэн Цинхуном.

С 1992 г. начинается расцвет Шанхая в качестве нового экономического центра КНР, а треугольник «Гонконг – Шэньчжэнь – Гуанчжоу» лишается представительства в высших эшелонах власти и теряет господдержку. Даже сегодня вокруг выходцев из Южного Китая в высшем руководстве КНР нет места — уроженцев Гуандуна нет ни в одном министерстве или управлении Госсовета КНР, потолком для карьеры гуандунца является должность заместителя губернатора провинции. Аналогичные меры были предприняты и для сычуаньской группы: в 1994 г. провинцию расчленили на две части, выделив из нее перспективный регион Чунцина и сделав его городом центрального подчинения, а также серьезно ограничили присутствие сычуаньцев в высшем руководстве страны.

Цзян Цзэминь — патриарх шанхайской группы

Студенческие беспорядки на пекинской площади Тяньаньмэнь, которые грозили КПК полной утратой власти, закончились компромиссом между армией, партией и Комсомолом — на алтарь выживания коммунистического строя были принесены Ху Яобан и реальный лидер реформ Чжао Цзыян, группа Дэн Сяопина оказалась дискредитирована, а реальная власть оказалась в руках главы шанхайского горкома, по-южному обходительного и коммуникабельного Цзян Цзэминя (1926). По сути, либералы-реформаторы из центральной части страны уступили влиятельным кругам Шанхая.

Цзян Цзэминь смог решить проблему санкций, которые были наложены на Китай после событий Тяньаньмэнь, и положил начало интеграции Китая в глобальную долларовую систему — созданию единого экономического пространства Китая и США. Дружба с американскими демократами, однако, не проходила гладко. «Заокеанские партнеры» то и дело пытались поддерживать «мятежный» Тайвань, который должен был сбалансировать рост влияния китайцев. Во многом именно это заставило «шанхайцев» начать тесный диалог с Россией и Борисом Ельциным в 1996 г. и организовать «Шанхайскую пятерку», которая позже была преобразована в знаменитую ШОС — Шанхайскую организацию сотрудничества, чтобы Билл Клинтон и ему подобные не пытались «диктовать, как жить и работать» России и Китаю.

Цзэн Цинхун — серый кардинал группы Цзян Цзэминя

Возвышение Цзян Цзэминя было бы невозможно, если бы не талантливая организационная работа Цзэн Цинхуна (1939) — выходца из «нефтяной отрасли» КНР, сына министра госбезопасности КНР. Цзян Цзэминь выполнял функции «связей с общественностью», в то время как Цзэн талантливо решал организационные вопросы, работая с кадрами, идеологией и устраняя проблемы с «конкурирующими организациями». Цзяна всегда отождествляли со своим протеже Цзэном — именно поэтому последний долгое время не мог получить место в Постоянном комитете Политбюро, однако в конце концов добился его, заняв пост зампредседателя КНР при Ху Цзиньтао.

В 2004 г. Цзян Цзэминь окончательно уходит с последнего официального поста в КНР — главы Центрального военного совета (аналог Совета безопасности в России), передав пост Ху Цзиньтао.

Цзэн Цинхуну, как утверждается, принадлежит авторство идеологии включения представителей бизнеса в Компартию, а также «имперский» поворот в идеологии КНР: отмена исполнения Интернационала на партийных собраниях, появление символики императорского Китая — возможно, и термин «партия принцев» принадлежит Цзэн Цинхуну, идеологу нового «китайского дворянства».

В 2008 г. место заместителя председателя КНР наследовал нынешний генсек Си Цзиньпин, которого часто называют «ставленником» «шанхайца» Цзэна. Впрочем, Си Цзиньпин был не единственным протеже Цзэна.

Триумвират китайской власти

Сегодня в Китае создалась редкая ситуация, когда формальные уступки «престола» привели к одновременному существованию трех альтернативных политических групп во властной структуре страны: «шанхайцев», ставленников и протеже Цзян Цзэминя, «комсомольцев» от Ху Цзиньтао и стремительно набирающей силу группировки китайской армии, требующей своей доли политического пирога.

В стране живы и здравствуют три генсека — Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин, а их противостояние постоянно ослабляет центральные институты власти, выстраивая предпосылки для углубления децентрализации и усиления региональных элит, опирающихся на местные корпорации. Пока проблема борьбы за центральную власть не будет окончательно решена в пользу одной из групп, Китай неминуемо будет двигаться по пути к дальнейшей децентрализации и федерализации по советскому образцу.

Раскол внутри «шанхайцев» Си Цзиньпина и Чжоу Юнкана

Глава «нефтяной группы» в КПК Чжоу Юнкан, который так же, как и Цзэн Цинхун, был тесно связан с интересами государственной безопасности, являлся вторым протеже Цзэна. Нешуточная борьба между «наследниками» привела к первому в новейшей истории КПК аресту Чжоу Юнкана. Вывод такой существенной фигуры и группировки из политической игры спровоцировал «эффект домино»: в КПК развернулась невиданная со времен Культурной революции чистка, которая уже срезала значительный слой китайской элиты и продолжается до сих пор.

Си Цзиньпин, пришедший во власть под контролем Цзян Цзэминя и Цзэн Цинхуна, окончательно попал в высший эшелон власти с поста мэра Шанхая и занял пост заместителя председателя КНР при генсеке Ху Цзиньтао, который представлял конкурирующую с «шанхайцами» группу «комсомольцев». Однако Си Цзиньпин вовсе не марионетка в руках «шанхайцев». Группа Си, опирающаяся на центральные районы страны и ряд армейских группировок, все чаще демонстрирует самостоятельность в принятии решений, а антикоррупционная кампания, которая подбирается к Шанхаю, говорит о начале открытого перераспределения власти от «шанхайцев» к шэньсийской группе Си, имеющей свое видение развития Китая, в том числе через континентальный Шелковый путь.

В драке «принцев» с «комсомольцами» выигрывает армия

Широко распространенное видение современной политической ситуации в Китае как противостояния наследной элиты «принцев», к которым относят Си Цзиньпина, с «комсомольцами», к которым относят премьера Ли Кэцяна, не совсем верно. В реальности происходит противостояние представителей провинции Аньхой, Хубэй и Шаньси — ядра «комсомольцев» — с «шанхайцами» и группирующейся вокруг них наследной корпоративной элитой Китая. Си Цзиньпин в этой комбина-

ции выстраивает линию собственной группы, поскольку не относится на 100% к «шанхайцам» и во многом выигрывает от противостояния «шанхайцев» с аньхойцами, к которым относятся нынешний премьер Ли Кэцян и вице-премьер Ван Ян.

Здесь и далее очевидным образом выстраивается устойчивая для данного периода политической истории Китая картина, когда двое из групп устраивают союз против третьей в случае ее избыточного усиления. Если период 2008–2013 гг. характеризовался созданием союза группы Си и «шанхайцев» против Комсомола, то с 2013 г. наметилось явное усиление группы Си, поведшей наступление по всем фронтам одновременно против ослабившихся в противостоянии «комсомольцев» и «шанхайцев».

Начало активной фазы кампании чисток против Шанхайского горкома, первой весточкой которой была необъясненная до сих пор новогодняя давка в толпе на площади Чэнь И 31 декабря 2014 г. и последовавшие за ней отставки в муниципалитетах, достигло своего апогея в связи с обвалом фондовых бирж в Китае и началом расследований в отношении финансовых властей в середине–конце 2015 г. Это обстоятельство вынудило «шанхайцев» сдать позиции и объединиться с Комсомолом в общих заявлениях и «письмах об отставке» к «коренному лидеру» Си Цзиньпину.

Каждый удар партийной чистки ведет к широкомасштабному перераспределению власти, отчасти в пользу Си, ослабляя позиции крупных блоков «шанхайцев» и «комсомольцев». Китайский Комсомол фактически стоит на позициях достижения федерализма и всеобщих выборах, в то время как «шанхайские принцы», или, если использовать термины советских учебников, «компрадорская» аристократия, вероятно, осознают, что при реализации этих принципов окончательно потеряют власть в стране в виде сохраненной ими Компартии Китая. О неприемлемости, в частности, федерализма для Китая говорил «шанхаец», член Политбюро при Цзян Цзэмине, У Банго.

Не исключено, что ослабленные противостоянием группы уступят в конце концов всю полноту власти китайской армии и идеологии национализма, которую представляет Си Цзиньпин. Чистка в партии и госорганах, усиление роли государственных законов, клятвы на верность Конституции, создание ряда специальных комитетов ПК Политбюро без «шанхайцев» — все говорит о верности высказанных выше предположений. Концентрация власти в руках людей в погонах будет означать для Китая сложный период отношений с Западом, высокую вероятность полномасштабной войны и многие другие особенности национально ориентированных военных режимов.

«Шанхайцы» в ЦК партии

Именно «шанхайцы» не дали Компартии Китая пойти по пути КПСС, а Китаю стать федерацией или даже конфедерацией по типу СНГ. «Шанхайцы» выполнили функцию консолидации китайской элиты, пусть и с использованием весьма чуждой для коммунистов риторики «дворянства» и «империи». Во многом поэтому ключевые должности в Компартии принадлежат именно им.

Сегодня пресса и «гонконгские аналитики» рядят в «протеже Цзян Цзэминя» практически всех без исключения членов нынешнего Политбюро. Да, бесспорным

является факт влияния «ушедшего на пенсию, но неутомимого» (退而不休) Цзян Цзэминя на кадровые решения первых лет нового тысячелетия, однако степень зависимости этих кадров от «Шанхая» все же не имеет характер абсолютного подчинения.

Сегодня в Политбюро КПК два человека имеют отношение к Комсомолу — это премьер Ли Кэцян и глава партийной школы Лю Юньшань, тогда как остальные члены Политбюро обязаны Цзян Цзэминю политической карьерой, хотя имеют и собственный политический вес.

К таковым относятся главы китайского «парламента» Чжан Дэцзян и Юй Чжэншэн. Последний принадлежит к «железному треугольнику» выходцев из провинции Шэньси, также обязанных Цзян Цзэминю политической карьерой: Си Цзиньпин и Ван Цишань вместе с Юй Чжэншэном образуют «блокирующий пакет» в Политбюро, которому не способны помешать ни «комсомольцы», ни другие ставленники «шанхайского генсека». «Железный треугольник», группа внутри группы, опирающаяся на силу китайской армии, — сегодня наиболее эффективная сила в китайской политике.

На фоне китайского МИДа не меньшими полномочиями обладает Отдел внешних связей ЦК КПК, который возглавляет «шанхаец» Ян Цзечи — специалист по американскому вопросу. Контроль над органами внутренних дел и госбезопасностью осуществляется «шанхайцем» Мэн Цзяньчжу — главой Политико-юридической комиссии ЦК КПК. К «шанхайцам» относят второго человека в Центральном комитете контроля — бывшего мэра Шанхая Ян Сяоду. По мнению наблюдателей, нынешний мэр города центрального подчинения Чунцина Хуан Цифань, губернатор провинции Юньнань Чэнь Хао, а также все руководство Шанхая принадлежит к этой группе. Личный секретариат Си Цзиньпина, к слову, возглавляет тоже «шанхаец» — Дин Сюэсян. И не только личный секретарь — заместитель председателя КНР Ли Юаньчао также «шанхаец» и уроженец провинции Цзянсу.

«Финансовый блок»

Как уже говорилось, основная миссия «шанхайцев» — привести юань в «клуб мировых валют», окончательно и безоговорочно интегрировав китайскую экономику в «новый финансовый Вавилон».

Эту задачу выполняют в Китае выходцы из Шанхайского региона — несменяемый с 2002 г. глава Центробанка страны Чжоу Сяочуань[21] и заместитель главы МВФ Чжу Минь.

Министерство финансов КНР возглавляет также «шанхаец» Лоу Цзивэй, который с 2007 по 2013 г. управлял госкомпанией CIC, ответственной за сотни миллиардов китайских инвестиций за рубежом.

2015 год был для «шанхайцев» крайне важен: именно в октябре этого года должен был решаться вопрос о включении юаня в корзину резервных валют МВФ, и если этого не произойдет, это будет означать серьезный и, возможно, последний удар по «шанхайцам» в партии. Решение многократно откладывалось, одна-

[21] Покинул пост в 2018 г.

ко глава МВФ К. Лагард пообещала, что включение юаня произойдет 1 октября 2016 г. — дата, которая совпадает с национальным праздником Китая, Днем образования КНР.

В августе 2015 г. сразу же после отказа МВФ включить юань в корзину мировых валют последовала крупнейшая по объему за последние 25 лет девальвация валюты, после чего произошла самая серьезная техногенная катастрофа времен правления Си Цзиньпина — взрыв химических складов соседнего с Пекином города Тяньцзинь: сотни тонн цианида поднялись в воздух и по воле ветра направились в море, а не на соседний Пекин, где в это время проходили международные соревнования атлетов.

Сегодня влияние «шанхайцев» вышло за пределы КПК и только «шанхайских» структур. Достаточно сказать, что детище Си Цзиньпина — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — тоже возглавляет выходец из Шанхайского региона, Цзинь Лицюнь. Отмечается, что покровителем самого Цзян Цзэминя, а также «отцом» шанхайского финансового блока был Чжу Жунцзи, мэр Шанхая, а впоследствии и премьер госсовета КНР с 1998 по 2003 г.

Судя по всему, это лишь вершина «шанхайского» айсберга, который уходит своим основанием в десятки ведущих банков и корпораций в Китае и за рубежом.

Клан маршала Е — хозяева Южного Китая

Спустя многие годы после смерти маршала Е Цзяньина (1986), который после смерти Мао неизменно следовал в списке членов Политбюро за всеми генсеками вторым номером, его многочисленным потомкам приписывают не только контроль над богатейшей провинцией Гуандун, но и духовное лидерство в «красной аристократии» Компартии Китая. Особая роль клана Е не только в Южном Китае, но и в «красной элите» вообще стала еще заметнее в середине 2015 г.

Как гром среди ясного неба 8 июня прозвучало заявление дочери бывшего министра финансов при Мао Цзэдуне Чэнь Юня — Чэнь Вэйлань — о необходимости бескомпромиссной борьбы с коррупцией. Резкое заявление представительницы «красной аристократии» означало начало открытого формирования в «красных кланах» союза против «шанхайского» генерального секретаря Цзян Цзэминя и его возможных союзников в Комсомоле. Духовным лидером этой группы является второй сын Е Цзяньина, бывший глава партийной разведки, а ныне почитаемый в Гуанчжоу пожилой каллиграф Е Сюаньнин.

Южный Китай — кипящий котел революции

Слом династии Цин (1644–1911) — империи «северных дьяволов» — начался в Южном Китае. Именно здесь трижды не сдавший экзамены на чиновничью должность Хун Сюцюань возглавил тайпинское восстание, унесшее жизни 60 млн. человек и чуть ли не приведшее к созданию в Китае первой христианской империи со столицей в Нанкине. Его дело завершили «легендарные красные маршалы» — выходцы из южных провинций Гуандун, Хунань, Цзянси и Сычуань. Подавляющее большинство всех их относилось к представителям особой этнической общности южных китайцев — хакка, в том числе «тайпин» Хун Сюцюань, первый президент Китая Сунь Ятсен и основатель могущественного клана маршал Е Цзяньин (1897–1986).

Маршал Йап — так звучит его фамилия на языке хакка — южанин из «столицы хакка», гуандунского города Мэйчжоу (梅州), не только сыграл ключевую роль

в борьбе Мао Цзэдуна за власть, но и лично в возрасте 82 лет руководил уничтожением конкурентной Гуандуну «банды четырех» после смерти вождя, и не без его весомой поддержки Дэн Сяопин занял пост первого человека в Китае. Надо отметить, что в списке Посткома Политбюро маршал Е занимал позицию перед Дэн Сяопином и его предшественником Хуа Гофэном. Возможно, маршалу, который лично арестовывал «банду четырех», не стоило труда объявить себя человеком № 1 и собрать славу первого генсека, выходца из Гуандун, за всю историю Китая. Однако маршал отказался от такого решения, предпочитая власть в чистом, неразбавленном славой виде.

Именно потомственный военный Е Цзяньин руководил той силой в армии, которая осталась нетронутой после массовых чисток во время Культурной революции и которая в конечном счете выиграла от первого этапа реформ и открытости в Китае. Именно в районах концентрации хакка в Южном Китае появились крупнейшие свободные экономические зоны — Шэньчжэнь, Сямэнь, Шаньтоу и Чжухай. Сейчас можно смело утверждать, что если бы маршал Е не оказался у власти, не было бы и могучей экономики Гуандуна, которую западная пресса называет 15-й экономикой мира, «если бы провинция не входила в состав КНР», сравнявшейся по объему ВВП с экономикой России.

Человек, который «спас партию, армию и революцию»

Широкие права клана Е были получены не просто так. В период «Великого похода» — родовых мук Компартии, превративших ее из кружка интеллигентов и лидеров бунтующей молодежи в могучую полевую армию, — Е Цзяньин передал радиосвязь с Коминтерном Мао Цзэдуну, обрекая на поражение своего начальника и соперника Мао — Чжан Готао. Коминтерн, штаб мировой революции, тогда — это деньги, оружие и информация — всё, без чего молодой китайской компартии было не выжить. Вклад бывшего студента московского Коммунистического университета трудящихся Востока Йап Гям-ин (а так его имя звучит на языке хакка) не был забыт Мао Цзэдуном, который назвал его человеком, «спасшим партию, армию и революцию».

Е, совершивший удачный ход, однако, был лишь одним из многих хакка, вступивших в Компартию и создававших ее вооруженные отряды, — достаточно упомянуть хакка Е Тина (чьим именем названы улицы соседнего с Мэйчжоу города Хуэйчжоу), который сформировал «железный полк» — предтечу Красной армии, или десятки хакка, погибших вместе с членами советского генконсульства в ходе известного Гуанчжоуского восстания в 1927 г.

В награду за преданность в 1949 г. Е стал мэром Пекина. Пожалуй, это единственный гуандунец на этом посту за всю пятисотлетнюю историю существования северной столицы. Впрочем, пробыл он здесь не долго, вскоре вернувшись в родную провинцию.

Став полновластным хозяином провинции Гуандун и ее столицы Гуанчжоу, маршал Е начал реализовывать широкую автономию огромной части страны — здесь не были нарушены права крупных землевладельцев, а помещики остались при своем, что было практически немыслимо в условиях победы по всей стране коммунистов. В даль-

нейшем сместивший Е на этом посту «просоветский» хубэец маршал Линь Бяо жестко поплатится жизнью — его самолет со всеми членами семьи, направившийся в СССР, упадет в Монголии, а его имя будет табуировано в Китае вплоть до нынешнего дня.

Провинция Гуандун, как и Шанхай, нередко становилась «трамплином» для дальнейшего продвижения на высшие посты во власти: руководителем провинции был и отец Си Цзиньпина Си Чжунсюнь, и премьер «тяньаньмэньских» реформаторов «комсомолец» Чжао Цзыян, и нынешний вице-премьер «комсомолец» Ван Ян, и третий в нынешней иерархии власти член Политбюро Чжан Дэцзян, и главный координатор нынешних масштабных чисток Ван Цишань, а также Ху Чуньхуа, которого прочат на место будущего главы Китая. Трудно переоценить влияние клана Е, члены которого не только 15 лет трижды возглавляли провинцию, но и имели непосредственное отношение к назначению «мэйчжоусцев» — губернатора Хуан Хуахуа и бывшей «восходящей звезды» китайской политики, а ныне опального мэра Вань Цинляна.

«Бессмертный маршал» Е Цзяньин

Обладая военной властью и влиянием в Южном Китае, Е Цзяньин не только помог будущему главе Китая и «дедушке реформ» Дэн Сяопину[22] переждать опалу в Шэньчжэне, но и оказывал активную поддержку «реформатору» Чжао Цзыяну, который в свое время, став самым молодым секретарем обкома Гуандуна, сохранил здесь формы частного производства в сельском хозяйстве. Будущие главы и премьеры выражали «благодарность» в виде всё больших свобод для Гуандуна — Дэн Сяопин создал здесь свободные экономические зоны, а Чжао в качестве премьера Китая активно ему в этом помогал. Ряд авторов указывают, что нынешняя конституция КНР разрабатывалась под личным присмотром Е Цзяньина.

Антисоветский Е

Несмотря на свертывание масштабного сотрудничества с СССР в 1960-е годы, Китай до начала «Политики реформ и открытости» оставался частью советской технологической зоны — импортировал значительное количество продукции советского

[22] В 1980-е годы Дэн Сяопин занимал пост председателя Центрального военного комитета Компартии и председателя Центрального военного комитета КНР. Вопреки расхожей легенде — Дэн Сяопин с 1977 г. постоянно занимал позицию № 3 в Политбюро, следуя за Е Цзяньином, с 1985 г. — позицию № 2 после вытеснения Е Цзяньина (№ 1 — комсомолец Ху Яобан), а в ноябре 1987 г. окончательно выведен из состава Политбюро, которое оказалось в руках «шанхайцев» и «комсомольцев». В 1990 г. Дэн утратил последний военный пост вместе с уходом из руководства страны его земляков-сычуаньцев братьев Ян, контролирующих армию после Тяньаньмэнь. Дэн Сяопин занимал пост генерального секретаря Секретариата ЦК, на который его пролоббировал шанхаец Чжоу Эньлай, однако в противовес Мао Цзэдуну в 1956–1965 году. В 1970-е годы Дэн занимал позицию вице-премьера Госсовета, главы Генштаба, а в Политбюро пришел с позиции председателя Народно-политического консультативного совета Китая — «спящего» парламента КНР, альтернативы парламенту ВСНП. Дэн Сяопин предпринимал попытку институализировать свою власть через создание Комитета советников ЦК, однако орган не приобрел значительных полномочий и влияния.

машиностроения и был зависим от советских технологий. «Реформы и открытость», которые были направлены в первую очередь на западные рынки, поменяли вектор развития Китая на американский. Первые зоны свободной торговли, которые приняли западный капитал и технологии, были расположены в Южном Китае.

Без всякого сомнения «идеологом» смены вектора был южнокитайский маршал Е Цзяньин. История его сотрудничества с американцами началась настолько давно, что трудно назвать конкретный срок начала его общения с заокеанскими партнерами. Ему приписывают переговоры с представителями американцев во время гражданской войны в Китае, на которых обсуждалось сохранение в Китае враждующей с коммунистами партии Гоминьдан и даже возможность создания некоего независимого государственного образования в Южном Китае. Насколько такие данные соответствуют действительности, не до конца ясно, однако именно Е Цзяньин, дополнявший Чжоу Эньлая, по сути, стал тем человеком, который положил начало китайско-американским отношениям в начале 70-х годов, прямому сотрудничеству китайской и американских армий, взамен открыв для Гуандуна западные рынки.

Смена вектора на проамериканский в Китае совпала со смертью Линь Бяо, уже упомянутого главного врага Е Цзяньина. Линь, считавшийся наследником Мао в армейских кругах, попытался бежать в СССР (1971), но разбился в Монголии.

Фамилия Е богата на знаменитых представителей. Министр южнокитайского царства Чу, происходивший из местечка Е, дал начало многочисленным знаменитостям разветвленного рода. Среди них и великие даосы, и министры династии Сун, и основатель малайского Куала-Лумпура — Йап А-лой, два губернатора Гуандуна — при династии Цин и при Гоминьдане, тайпинские военачальники, основатели банков и университетов в Южном Китае, известный россиянам Йип Ман — учитель Брюса Ли, ученые и игорные магнаты, спортсмены, музыканты, журналисты и политики Тайваня, Вьетнама, Индонезии и Филиппин.

Выходцы из Мэйчжоу

Хакка (客家, дословно — «пришлые», или «гости») — потомки китайских мигрантов, бежавшие с севера страны в Южный Китай во время завоеваний кочевников, как и евреи в Европе, не обладали возможностью иметь землю и обрабатывать ее. Это обстоятельство, а также необходимость выживать в сложных условиях, сделали из них прекрасных торговцев, предпринимателей и финансистов. До сих пор их разветвленные сетевые структуры контролируют Юго-Восточную Азию с зарубежной столицей хакка Сингапуром и составляют конкуренцию кантонским и миньнаньским кланам.

Что такое быть хакка? «Это мировоззрение хозяина, когда ты ведешь бизнес и не хочешь ни от кого зависеть», — скажет вам любой представитель этого китайского этноса. Власть хакка в Гуандуне прочно ассоциируется с кланом Е, а также внутрикитайской столицей хакка — городом Мэйчжоу, что примерно в 200 км от Гуанчжоу и Гонконга. Здесь не только расположено родовое имение и кладбище Е Цзяньина, но и до сих пор куются кадры для его могучего клана.

Гигантская с точки зрения населения западных стран провинция Гуандун также неоднородна в своем субэтническом делении. Здесь существуют четыре крупных этнических кластера, каждый из которых выдвигает в центр свою группу. Самый крупный и центральный кластер — «Гуан-фу» («Гуандунский двор», 广府) — кантонцы «Треугольника устья реки Чжуцзян» (Гуанчжоу, Дунгуань, Фошань, Чжухай, Шэньчжэнь, Гонконг, Макао). Вторая группа — это район Чаочжоу, чей язык ближе к диалекту соседней провинции Фуцзянь. Третья группа — это субэтнос хакка, который компактно проживает в Мэйчжоу, Шаогуань, Хуэйчжоу, Цинюань и районе Шэньчжэня Баоань. Последняя группа — это «переселенцы с севера»: все многочисленное пришлое население Гуандуна, а также присланные из центра руководители. Стоит упомянуть и группу выходцев из Чжаньцзяна — крупной базы военно-морского флота НОАК, которые также говорят на собственном наречии — лэй-хуа.

За каждой из таких элитных групп стоит население от 10 до 30 млн. человек. Знаменитым представителем чаочжоусцев, например, является «хозяин Гонконга» — миллиардер Ли Кашин (Ли Цзячэнь), который до Джека Ма, хозяина «Алибабы», долгое время считался самым богатым человеком Азии, однако сегодня, кажется, уходит из Южного Китая. В группу «приезжих» входит глава горкома Гуанчжоу Жэнь Сюэфэн и губернатор Гуандуна Чжу Сяодань (корнями из Вэньчжоу, провинции Чжэцзян Шанхайского региона).

Клан мэйчжоусцев Е безраздельно контролирует Гуандун, начиная с 80-х годов, когда к власти здесь пришел Е Сюаньпин — первый сын Е Цзяньина. Пробыв на различных партийных и государственных постах в провинции до 1991 г., он ушел на повышение в центр, став заместителем главы НПКСК — аналога общественной палаты в России, который соединяет в себе беспартийные силы общества, в том числе бизнес-элиты. Преемником Е Сюаньпина стал также хакка, правда, уроженец «бунтарского» уезда Луфэн, Се Фэй, который контролировал провинцию до 1998 г.

После укрепления позиций Цзян Цзэминя (на 15-м съезде в 1997 г.) на долгие 10 лет провинция перешла в руки «шанхайца» Ли Чанчуня (1998–2007) и Чжан Дэцзяна. После этого контроль над провинцией взяли «комсомольцы», которые привели сюда Ван Яна, ныне вице-премьера Госсовета, и частого гостя в России, а также хубэйца, Ху Чуньхуа, который возглавляет провинцию и поныне, но не прославился еще здесь особыми подвигами. У хубэйцев и хунаньцев сильное представительство в Гуандуне и собственный взгляд на развитие региона, который должен служить, по их мнению, воротами из центрального Китая в регион пояса Янцзы и не иметь самостоятельной силы.

Потеря позиций клана Е на долгие 17 лет связана с последствиями поражения блока сычуаньской и южнокитайской группы клана Е во время событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда в результате ряда ошибок армейских группировок, контролировавших Китай, власть перехватили «шанхайцы» во главе с Цзян Цзэминем. Восстановление авторитета и контроля над провинцией идет не без сбоев. Пришедший в начале 2000-х губернатор Хуан Хуахуа контролировал провинцию до 2010 г. и привел во власть самого молодого мэра Гуанчжоу — «комсомольца» Вань Цинляна.

Последнему, однако, не помогло ни полное отсутствие собственности, ни популярность в качестве молодого и активного политика — сразу после начала мас-

штабной чистки в 2014 г. он потерял свой пост, а мэйчжоуская группа клана Е оказалась обезглавленной.

О Вань Цинляне в основном знают по его «воздушным» романам: после его отставки в прессе началась унизительная кампания о его предпочтениях «заказывать» стюардесс по айпэду, при этом совершенно не упоминалось, что чиновник не обладал никакой госсобственностью, проживая в казенной квартире за 600 юаней в месяц, а также сам боролся с коррупцией. Политика беспощадна.

Параллельно с масштабной чисткой «комсомольских» кадров в провинции, в 2014 г., в желтый цвет «революции зонтиков» окрасился Гонконг. В это же время столицу Гуандуна город Гуанчжоу впервые за 33 года возглавил не уроженец провинции, а бывший мэр Тяньцзиня, северного конкурента Гуанчжоу как экспортного порта, Жэнь Сюэфэн. Он — основной создатель проекта индустриальной зоны Тяньцзиня – Биньхай, которая стала известна на весь мир после серии взрывов в августе 2015 г. и надолго потеряла привлекательность, уступив позиции Циндао, Шанхаю и Шэньчжэню. Вместе с Вань Цинляном были арестованы, смещены, наказаны сотни чиновников — многие, как начальник полиции Гуанчжоу, предпочитали уходить из жизни самостоятельно. Пресса формулировала причины инцидентов как «чрезмерный стресс на работе».

Борцы с коррупцией уделяют особое внимание Мэйчжоу — 15 августа 2015 г. город был «очищен» от коррумпированного мэра Чжу Цзэцзюня. Чтобы картина была еще более наглядной, надо добавить, что следствие также ведется и против бывшего главы Комитета контроля Гуандуна, который также в свое время занимал пост мэра Мэйчжоу.

Гуандун, самая богатая провинция Китая, устойчиво лидирует и по числу «расстрельных списков»: за последние два года в провинции арестовано два заместителя губернатора, а общее число расследований в отношении глав ведомств и районов вряд ли поддается какой-либо систематизации и учету.

Идеологи китайского «20-го съезда» — либералы в погонах

Культурная революция, которая по сути являлась масштабной чисткой в верхах, имела и своих разоблачителей. Маршалу Е Цзяньину принадлежит, как утверждается, высказывание, что в ходе Культурной революции пострадало более 20 млн. человек, тогда как, по данным Верховной народной прокуратуры, речь шла лишь о 3–4 тысячах жертв. Е Цзяньин был куда более жесток в своих оценках, чем Дэн Сяопин, и, по сути, представлял в КПК крайне правое крыло, поддерживающее курс на экономическую либерализацию Китая в самых верхних эшелонах власти.

Однако если это действительно так, то крайне запутанным представляется нынешний конфликт между кланом Е и представителем «либеральной группы комсомольцев» в Гуандуне — Ван Яном, о котором так часто говорили как о реальном факте в зарубежной китайской прессе. По сути Ван Ян мог бы стать вторым «либеральным премьером» Чжао Цзыяном, которого клан Е протолкнул из Гуандуна в центр, но не стал им. Более того, указывалось, что именно представители «семьи» помешали ему занять место в Постоянном комитете Политбюро.

Что это — слухи, дезинформация или «внутривидовая борьба» за лидерство на правом фланге политического спектра? Второе вполне возможно, так как Ван Ян стал слишком популярен в Гуандуне и даже считается самым либеральным политиком из Китая в США. Теперь «аньхоец» и «комсомолец» Ван Ян прочно ассоциируется с «либеральной моделью» развития, называющейся «Гуандунской моделью», а также контролирует вопросы взаимных инвестиций Китая и США — ключевой сектор интересов клана Е.

Конфликт «мэйчжоусцев Е» с Ван Яном и с центром одновременно мог быть и фактором гонконгских событий 2014 г.: Гонконгская федерация студентов — это неизменный союзник китайского Комсомола, а ключевую роль в стачках играл Джошуа Вонг, студент Китайского университета Гонконга — учреждения, также крайне близкого китайскому Комсомолу. Сейчас конфликт затих, а сын Ван Яна породнился с дочкой Чжан Айпина — генерала Нанкинского военного округа, то есть ключевого игрока «Шанхайского региона». Похоже, это «ничья». Или ожидание нового раунда борьбы за «правый сектор» политического поля в Китае?

Участие Е Чжунхао, сына Е Сюаньнина, в гуандунском Комсомоле, а также приписывание арестованному Вань Цинляну «комсомольских» связей также можно объяснить завуалированной, но интенсивной борьбой за первенство между кланом Е и «комсомольцами» в набирающем, судя по всему, популярность либеральном секторе политики в провинции.

«Федеральный уровень»

Сами многочисленные дети маршала Е уже давно не занимаются региональной политикой, черпая кадры для нее в своем родном районе — Мэйчжоу. Все они — фигуры «федерального» масштаба.

Уже упомянутый Е Сюаньпин с поста заместителя главы Гуандуна вырос до заместителя главы китайской «общественной палаты» НПКСК в Пекине, откуда направился на пенсию в качестве председателя общества изучения Синьхайской революции (1911), которая привела хакка Сунь Ятсена на пост первого избранного президента Китайской республики (со столицей в Гуанчжоу). Сунь Ятсен и Синьхайская революция крайне важны для политики Южного Китая, когда-то на Тяньаньмэни висели два портрета — Мао Цзэдуна, с севера смотрящего на юг, и Сунь Ятсена, с юга смотрящего на север. В 2014 г. портрет Сунь Ятсена с площади убрали. Эффект, сопоставимый с исчезновением звезд с кремлевских башен или одного портрета из кабинета российских чиновников.

Е Сюаньнин

Про второго из четырех сыновей Е Цзяньина — Е Сюаньнина — ходят легенды. Сын от второго брака маршала, которых, кстати, у него было целых шесть, уникальное сочетание «революционной» и аристократической крови. Мать Е Сюаньнина — родственница знаменитого военачальника династии Цин Цзэн Гофаня, ко-

торый прославился тем, что разгромил восстание тайпинов, угрожавших самому существованию династии.

Фигура Цзэн Гофаня — одна из самых противоречивых фигур предреволюционной истории: пытаясь спасти стабильность гибнущей империи, один из немногих титулованных китайцев в маньчжурской династии, он подавлял крестьянские восстания, но в то же время пытался создавать армию нового типа, проводить реформы, а его дети чуть ли не первыми в империи Цин выучили английский язык.

Е Сюаньнин — сплав революционеров-хакка и тех, кто фактически с ними боролся. В этом качестве у Е Сюаньнина куда больше прав и возможностей стать символом «красной элиты» монархического типа, чем у Цзян Цзэминя, про которого говорят, что на самом деле он был сыном чиновника в оккупированном японцами Шанхае. Здесь биография сына может сравниться только с биографией отца: Е Цзяньин — один из немногих революционеров, который имел непосредственное отношение ко всем вождям Нового Китая. Он начал в личной охране Сунь Ятсена, помог встать у руля власти Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину, фактически привел к власти «демократического премьера» Чжао Цзыяна.

На этом список протеже клана Е не заканчивается. Утверждается, что именно влиятельный в Гуандуне маршал Е назначил опального во время Культурной революции отца нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина — Си Чжунсюня — губернатором Гуандуна, без которого, очевидно, не состоялась бы карьера его сына. Таким образом, клан Е и лично маршал Е имели отношение ко всем высшим назначениям в Новом Китае. Неудивительно, что представители этого клана претендуют на высшее духовное, и не только, лидерство в стране.

Родившийся в 1938 г. в Гонконге Е Сюаньнин получил техническое образование по специальности «радиодело» в Пекине и «прозябал» в безвестности вплоть до самого окончания Культурной революции (1976), когда не только получил должность в Секретариате по делам зарубежных китайцев, но и практически стремительно вырос до заместителя главы Общества зарубежных дружественных связей, одновременно вступив в ряды китайской армии.

С 1990 г. Е Сюаньнин укреплял дружбу между Китаем и другими народами уже в качестве главы Управления связи Генштаба НОАК, которое считается одной из особых разведслужб китайской армии. В 1993 г. генерал-майор Е Сюаньнин совмещает службу с постом генерального директора госкомпании «Кайли», а в 1997 г., одновременно с потерей власти клана Е в Гуандуне, выходит в отставку.

С тех пор о Е Сюаньнине, которого в отдельных таблоидах называют и союзником Си Цзиньпина, и борцом с Цзян Цзэминем, а также человеком, перебросившим 3000 представителей китайской «красной элиты» в США, не слышно ничего целых 20 лет. Второй этап «безмолвия» второго сына маршала Е прерывается неожиданной выставкой его каллиграфии в 2015 г.

Любителя каллиграфии, работы которого в апреле 2015 г. вдруг стали выставляться в Музее изобразительных искусств Гуанчжоу и получили какой-то несопоставимый творчеству резонанс в китайском интернете, называют «духовным лидером» группы «принцев», образовавшим союз против «шанхайца» Цзян Цзэминя летом этого года.

Поэт в Китае — больше, чем поэт. Как правило, это всегда крупный чиновник — так повелось еще с легендарного первого императора Фу Си, который разгля-

дел странные письмена на панцире черепахи и создал китайскую письменность. Стихи писал и Мао Цзэдун, и Е Тин, и Е Цзяньин. Чиновники всегда были поэтами, а их каллиграфия увенчивает памятные стелы, главные здания университетов и других мест. Через движение кисти передается внутренняя динамика правителя, его связь с мистическим — высшей силой, которая дается ему для управления людьми.

Крупная выставка каллиграфии Е Сюаньнина в конце апреля 2015 г. стала массово обсуждаемым событием в прессе Гуанчжоу. Выставка называлась «晴耕雨读» — «В ясную погоду вспахиваю землю, в дождливую — учусь», что на глубоком языке значило простое: «Всему свое время, и когда обстоятельства благоприятны, можно заняться работой, а когда нет, то можно поучиться и занять выжидательную позицию». Культурное событие было приурочено к 28 апреля — 118-му дню рождения Е Цзяньина.

Выставка с каллиграфией, которую назвали образцом «культуры хакка», обсуждалась и через месяц, и после; к рецензии подключили критиков высшего звена. Ван Шиго, глава Общества ценителей каллиграфии провинции Гуандун, в своей статье многократно повторил сочетание «упражняться в каллиграфии» (习字), что можно прочитать и как «иероглифы Си» (Цзиньпина), назвал культуру хакка выше рек и морей («река» — фамилия Цзян Цзэминя), назвал хакка «вторыми правителями» Гуандуна и совершил массу культурологических пируэтов в сторону власти, даже сам назвал себя «хакка», оставив на «десерт» читателям высказывание, что хакка — это почти «коллективное бессознательное» «северного ответвления» искусства (читается так же как и «северная группировка» «бэй-пай»).

На удивление, комментаторы каллиграфии в интернете говорили вовсе не о поэзии и не о высоком искусстве, а заявляли примерно следующее: «Это один из зачинателей борьбы с коррупцией и помощников в этом деле» (739 лайков), «Уважение и почет маршалу Е», «Семейство Е — основа Гуандуна» — и так далее. Не будем забывать, какой шум и кривотолки вызвала попытка убрать камень с «письменами» Цзян Цзэминя в одном из университетов Шанхая за некоторое время до выставки Е Сюаньнина.

Выставка каллиграфии Е Сюаньнина — событие знаковое. Она стала сигналом о начале политической активности семьи Е, которая была усилена уже упомянутым заявлением о борьбе с коррупцией от Чэнь Вэйлань — дочери равного Е Цзяньина «бессмертного Компартии» Чэнь Юня.

Статья главы общества каллиграфов Гуандуна совпала по времени с заявлениями ЦК о борьбе с коррупцией и группировками в высших эшелонах власти — в конце июля 2015 г. Уже 10 августа в «Жэньминь Жибао» появилась статья о партийных кадрах, ушедших на пенсию, но не желающих уходить из политики. Через два дня после этого в портовых воротах Пекина — Тяньцзине — прогремели напугавшие всю страну взрывы, грозившие поднять в воздух 700 тонн цианида и унести их в сторону столицы прямо во время проведения в ней всемирных игр легкой атлетики.

На фоне ареста бывшего мэра Мэйчжоу 22 августа 2015 г. в Гуанчжоу прошла еще одна презентация — на этот раз поэтического сборника бывшего губернатора Гуандуна, бывшего мэра Мэйчжоу Хуан Хуахуа. Памятные надписи на сборнике «Гимн родине» (山河颂, «Гимн рекам и горам») сделал в том числе и Е Сюань-

пин (брат Е Сюаньнина). Книга, как и выставка, направлена на демонстрацию силы землячества хакка из Мэйчжоу и их особой роли в Гуандуне.

Создатели «партии принцев»

Различные слухи, которые не найдут документального подтверждения до смены политической эпохи, приписывают Е Сюаньнину и его шурину Чжоу Цзяхуа создание из детей бывших руководителей партии и армии группы «принцев». Чжоу, муж сестры Е Сюаньнина Е Чу-мэй, в свое время был вице-премьером правительства Китая, и, хотя и родился в Шанхае, вел свое происхождение из района, близкого к Мэйчжоу.

«Мы — духовные лидеры этого поколения», — говорит уже упомянутая дочь «бессмертного партийца» Чэнь Юня Чэнь Вэйлань. Однако сын Дэн Сяопина Дэн Пуфан указывает на лидера этой группы: «Если сравнивать меня и Сюаньнина, я буду на земле, он — на небе».

Как утверждают многие, «сырьевая база» «принцев», в том числе и клана Е, начала создаваться во время «конверсии» военных предприятий. Третий сын Е Цзяньина, Е Сюаньлянь, возглавляет несколько компаний в Южном Китае, которые занимаются практически всем — от медицинского оборудования до «зеленых технологий». Третий сын маршала также является главой компании «Кайли» дочерней оборонной корпорации «Баоли» (Poly Group).

Е Минцзы

Его дочь, дизайнер Е Минцзы, — супруга американского инвестиционного банкира Джонатана Морка, который ведет успешный бизнес с Китаем. Любопытно, что их свадебная церемония проходила в императорском храме в Пекине. Е Минцзы принадлежит студия Studio Regal в Пекине. Здесь же, к слову, живет и внук Е Сюаньнина Е Фэйюй, владелец ряда пекинских клубов и автокомпании.

В отличие от ранних внуков «революционного маршала» Е Минцзы была крайне удивлена, что на обычных рейсах летает так много людей, ведь она привыкла, что во время ее детства ее семью возили специальными рейсами, где на борту находились всего несколько человек.

Другая внучка Е Цзяньина — Е Цзинцзы — владеет компанией Brilliant Culture в Гонконге, которая специализируется на организации крупных культурных мероприятий, например выставках тибетских культурных ценностей. Е Цзинцзы замужем за сыном бывшего высокопоставленного чиновника Ван Чжэня — Ван Цзинянном. Ван Чжэнь так же, как и Е Сюаньлянь, имеет прямое отношение к оборонной корпорации «Баоли», в последнее время ставшей известной по одноименному аукциону предметов живописи, на которых рекорды ставят бывшие армейские художники, рисующие сцены из жизни Шелкового пути.

Еще одна дочь Е Сюаньляня — Е Цинцин — стала звездой популярного в Поднебесной телешоу «Голос Китая».

Все дочери Е Сюаньляня учились в США.

Особого внимания заслуживает Е Чжунхао (1983) — сын бывшего губернатора Гуандуна Е Сюаньпина. В 2010 г. он был назначен заместителем главы управления по реформам и развитию города Юньфу, в 2012 г. — главой Комсомола удаленной от центра провинции гористой местности. В августе 2014 г. стал главой района высокотехнологического развития Юньфу. Горные районы, в том числе Юньфу, все больше в тренде развития провинции — все больше центральных корпораций под давлением властей переносят сюда свои производства, перераспределяя бюджеты в пользу менее развитых районов провинции. Е Чжунхао — единственный из всей семьи Е, кто пошел по пути работы в госаппарате, не считая еще одного «неучтенного» внука маршала, о котором речь пойдет ниже.

Дай Цин — либеральный журналист из клана Е

В военно-партийном клане есть и особенные случаи. Приемная дочь Е Цзяньина, дочь его погибшего во время войны брата Дай Цин — одна из самых известных в Китае и на Западе либеральных журналистов. Выйдя из рядов армейской печати, где она успела побывать на участках фронта войны со Вьетнамом, Дай Цин стала единственной из «принцев», кто принял участие в событиях на площади Тяньаньмэнь и поддержала знаменитых диссидентов.

Дай — также известный борец за экологию. Вопреки логике, однако, она боролась не за чистое небо и воду тогда еще очень загрязненного промышленностью Гуандуна, а за чистую воду уже многократно упомянутой провинции Хубэй, чьи ставленники проявляют особую активность в Гуандуне. Практически делом всей ее жизни стала попытка остановить или затормозить строительство крупнейшего гидроузла Санься в среднем течении Янцзы. Дай явила собой чудо свободы слова, оказавшись единственным журналистом, допущенным в свое время для обсуждения этого проекта в правительство Китая.

Связано ли это с тем, что Гуандунская корпорация ядерной энергии, контроль над которой осуществлялся хакка Южного Китая, не стала экспортировать электроэнергию в район Пояса реки Янцзы, — не ясно.

Таланты семьи

Кроме дизайнеров, любителей тибетской культуры и журналистов, в клане Е присутствуют и другие таланты.

Дочь маршала Е Сянчжэнь (1941) стала одним из первых в стране режиссером детективной истории Savage Land (原野, «Дикие поля», по-китайски «Юань Е»), которая удостоилась премии на Венецианском кинофестивале. Однако в Китае достаточно откровенный для страны, которая пережила Культурную революцию, фильм по ряду соображений показали лишь в 1988 г. Больше Е Сянчжэнь фильмов не снимала, однако стала заместителем директора Пекинской киностудии, а также, что немаловажно, заместителем главы Международного общества Конфу-

ция и Китайского общества изучения Конфуция — еще одна важная позиция в «духовном лидерстве» над страной. Почетным председателем этой ассоциации является ее дядя Е Сюаньпин, а также покойный глава Сингапура Ли Куан Ю. Дочь маршала стала своеобразным голосом семьи — практически только она появляется на экранах телевизоров, если требуется внести ясность в отдельные эпизоды из истории маршала.

Е Сянчжэнь пережила Культурную революцию в тюремной камере и даже после освобождения не смогла сразу оправиться от перенесенной психологической травмы. Ее заключение связывают с личностью главы «Банды четырех» — жены Мао Цзэдуна, шанхайской актрисы Цзян Цин. Через пять лет после освобождения дочери 82-летний маршал Е Цзяньин будет арестовывать Цзян Цин лично. Глубокая вражда между «шанхайцами» и «мэйчжоусцами» носит практически характер кровной мести.

В клане Е популярны псевдонимы. Видимо, это влияние революционного подполья, которое прошел Е Цзяньин. Псевдоним Е Сянчжэнь — Линцзы — «крупинка града», а Е Сюаньнина — «Юэ Фэн» — с этим именем, он, кстати, избирался в госорганы страны (еще одна особенность политической жизни Китая). Это имя созвучно с сочетанием «Стиль Юэ» — стиль древнего государства Южного Китая.

Приемный сын корпорации

Кроме приемной дочери Дай Цин, у Е Цзяньина есть и приемный сын — Е Сюаньцзи. Иероглиф «Сюань» означает «выбирать». Согласно пояснению Е Сянчжэнь, отец называл своих сыновей в соответствии с жизненным путем для каждого из них, а также для всего китайского народа. «Сюаньпин» означает «выбирать мир», «Сюаньнин» — «выбирать спокойствие», «Сюаньцзи» — «выбирать основу» или «главное». Сама фамилия Е (葉), которая на языке хакка звучит как «Йап», а на кантонском — «Йип», означает «лист дерева» и имеет крайне приятное для земледельческой культуры Китая значение.

Основной финансового благополучия клана «Листьевых» служат зарегистрированные в Гонконге корпорации, в частности, Guo Ye (игра слов «Государственное дело», «Государство Е»). Е Сюаньцзи также является главой гонконгской корпорации «Чжунсинь» — дочерней компании корпоративной империи «Чжунсинь» (中信), основанной еще Дэн Сяопином для расширения китайского влияния за рубежом. Теперь «Чжунсинь» — это символ китайского госкорпоративного влияния по всему миру от Африки до Америки.

Главная сила семьи Е до сих пор — вовсе не участие в капитале крупных корпораций, не контроль над политикой Гуандуна и даже не «духовное лидерство» среди «принцев», а скорее всего, особая способность к пониманию и выработке дальнейшей стратегии развития Китая.

И если клан Е действительно возглавил приписываемый ему союз против «шанхайца» Цзяна, то это может говорить не только о серьезных проблемах «шанхайской группы» в центральных ведомствах и своей шанхайской вотчине, но и о смене вектора внешней политики Китая, а также его финансовой активности за рубежом.

Поджечь Южно-Китайское море — русская стратегия клана Е

Ни для кого уже не секрет, что приход к власти Си Цзиньпина развернул политику Китая в Южно-Китайском море на 180 градусов. «Мягкая сила» «комсомольца» Ху Цзиньтао была «сдана в архив», на ее место пришло открытое противостояние с местными державами и даже провокации в отношении США.

Если Южный Китай — это локомотив экономического развития Китая с его огромными экспортными мощностями и особой административной зоной Гонконг, чей товарооборот уже превзошел весь российский, то Южно-Китайское море — это по сути «Средиземное море Азии»; именно через него проходят все транспортные потоки из Восточной Азии в Южную и Западную Азию, из Азии в Европу и обратно. Контроль над морем не только гарантирует первенство в Восточной Азии, но и служит первой ступенькой над контролем всего Евразийского континента. Не зря уже на протяжении около 10 лет растут военные бюджеты всех стран региона, а в битву за регион готовы ввязаться не только Китай и Япония, но даже Австралия, Индия и США.

Однако за год до прихода к власти Си, когда он уже занял далеко не символическое место заместителя главы Центрального военного совета КНР, в официальных СМИ Китая появились статьи, призывающее провести серию малых войн, избежав большой в Южно-Китайском море. Дальнейшее описание причин и бенефициаров данной политики является лишь гипотезой автора и более похоже на детективную историю.

В 2011 г. в издании китайских ястребов «Хуаньцюй шибао» появилась статья, написанная под псевдонимом Лун Тао, одного из аналитиков малоизвестного Комитета Фонда «Китайская энергия», — «Отличная возможность применить силу в Южно-Китайском море».

Суть статьи сводится к тому, что в Южно-Китайском море расположены более 1000 платформ по добычи нефти и газа, но ни одна из них не принадлежит Китаю. В случае реализации стратегии «серии малых войн вместо одной большой» Китай в отличие от других стран избежит потерь, а ущерб понесут международные корпорации, которые не имеют отношения к Поднебесной, ограбленной так же, как и при неравноправных договорах в XIX веке. Война должна быть «рациональной, выгодной, сегментированной». Для победы нужно лишь «заблокировать» Вьетнам и Филиппины, при этом не стоит смотреть на опыт войн США, а ориентироваться на опыт России, «которая быстро стабилизировала ситуацию в регионе Каспийского моря в 2008 г.».

Эти заявления фактически предварили будущий лозунг Си Цзиньпина о необходимости готовить армию к ведению победоносных войн. Псевдоним автора, Лун Тао, — это название одной из глав китайского военного трактата «Шесть военных хитростей» (六韬), который посвящен особой роли в организации войск полководцев и офицерских кадров. «Лун Тао» — «драконья хитрость».

Через некоторое время, в 2012 г., по поводу стратегии Китая в Южно-Китайском море на страницах «Хуаньцюй шибао» разгорелась настоящая дискуссия — бывший посол Китая при ООН, самый известный сторонник мирной политики Китая У Цзяньмин, уроженец города Нанкина, что неподалеку от Шанхая, объявил подоб-

ные статьи «близоруким национализмом», игнорирующим интересы международных корпораций. Многих китайцев потрясла смерть известного дипломата и идеолога мирного решения вопроса Южно-Китайского моря в результате автокатастрофы в 2016 г.

В ответ на заявления «миротворца» фонд «Китайская энергия» призвал бывшего посла «проснуться от галлюцинаций Химерики» (中美国) — вымышленного государства США и Китая. Теперь от лица Фонда говорил не «анонимный дракон», а полковник Университета Министерства обороны Дай Сюй, который на протяжении уже многих лет доказывает в своих исследованиях неизбежность войны в ближайшие 10–20 лет.

Информация о фонде крайне скудна. Известно лишь, что в состав его экспертов входит Мао Юйши, известный своим разоблачением преступлений эпохи Культурной революции (вспомним, кто является ее главным разоблачителем), а из источников финансирования известна не менее загадочная компания «Хуасинь», чей годовой оборот составляет 30 млрд. юаней, что составляет примерно одну четверть от оборота «Чайнапетролеум».

Нефтяная компания тут упомянута не случайно: главная задача «Хуасинь» («Вера Китая») — это охрана стратегических интересов Китая в энергетическом секторе. Генеральный директор столь успешного и малоизвестного гиганта — Е Цзяньмин. Информации о предпринимателе, чье имя так созвучно с именем маршала Е Цзяньин, а возраст столь юн для руководства столь крупной корпорацией, в сети крайне мало.

Е Цзяньмин родился 5 июня 1977 г. в провинции Фуцзянь, хотя корнями молодой предприниматель из Гонконга. В данный момент он не только возглавляет компанию «Хуасинь нэнъюань», одноименный фонд и исследовательский институт при фонде, но и Институт китайской культуры, Шанхайский институт исследования проблем безопасности в энергетике, благотворительный фонд «Хуасинь». Не забывает Е Цзяньмин и о международных контактах, являясь советником президента Чехии по экономическим вопросам. А 7 сентября 2015 г. Е Цзяньмин стал особым советником Ассоциации Морского Шелкового пути.

Основав компанию в возрасте 27 лет (по другим данным компания основана в 1980 г., когда Е было всего три года), однофамилец маршала, весьма похожий на него внешне, как указывает официальная биография, «набираясь опыта и закаляясь в трудностях», привел компанию к обороту в 22 млрд. юаней в 2014 г., введя ее в список 500 сильнейших компаний Китая. Более того, это компания № 2 в списке ста самых крупных компаний Шанхая. Скупые данные не сообщают, ни какой университет заканчивал «стартапер» в нефтяном секторе, ни предыдущих мест работы, однако весьма полно описывают его трепетное отношение к проекту «Один пояс — один путь», то есть Экономическому поясу Шелкового пути, личной инициативе Си Цзиньпина.

Политическая активность Е Цзяньмина, который занимает ведущие позиции в ряде сообществ энергетической безопасности, растет день ото дня: сегодня можно утверждать, что «молодой миллиардер» стал одной из важнейших неформальных фигур в деле реализации инициатив Китая в рамках Шелкового пути — советник чешского президента с июня по август 2016 г. провел встречи с лидерами Грузии,

Болгарии, Сербии и, что не менее интересно, встречу с лидером Турции Эрдоганом ровно за пять дней до попытки военного переворота в стране[23].

На данный момент с кланом Е в Юго-Восточной Азии может сравниться только клан Ли Куан Ю, основателя государства Сингапур, который также родился в небезызвестном читателю городе Мэйчжоу, а также конкурирующий с кланом Е соседний клан выходцев из гуандунского Чаочжоу, самой заметной фигурой которого является миллиардер Ли Кашин.

Тем не менее в последнее время среди ведущих фигур южнокитайских кланов стали происходить частые трагические события: после продолжительной болезни в июле 2016 г. в Гуанчжоу скончался генерал Е Сюаньнин, за полгода до этого, в декабре 2015 г., скончался Е Сюаньцзи, глава корпорации Guo Ye, что сделало еще молодого Е Цзяньмина почти самым главным лицом мощной южнокитайской семейной корпорации, если гипотеза о родственных связях «молодого миллиардера» без прошлого и маршала Е верна.

Смерть Ли Куан Ю в 2015 г. также стала одним из важнейших факторов, провоцирующих более активный передел власти в регионе Юго-Восточной Азии, начавшийся еще с отставки хакка по происхождению, премьера Таиланда Йинглак Чиннават. Баланс в пошатнувшейся системе контроля хакка над всей Юго-Восточной Азией, возможно, сможет восстановить появление первой женщины-президента в китайском мире, хакка по национальности, Цай Инвэнь (президент Тайваня с мая 2016 г.).

[23] Е Цзяньмин арестован в Китае в начале 2018 г. В 2017 г. ушли из жизни два сына маршала Е Цзяньина — Е Сюаньцзи и Е Сюаньнин.

Полководец войны Ли Цзочэн: от командира «ударной роты» до главнокомандующего ударных Сухопутных сил[24]

События в военной жизни Китая развиваются стремительно: вслед за началом крупнейшей военной реформы со времен Мао Цзэдуна, преобразованием военных округов, объявлено о появлении трех новых структурных единиц китайской армии, названия которых носят для сторонних наблюдателей туманный характер. Одной из таких структур стало Главное командование сухопутных войск (ГКСВ), которому, согласно официальным источникам, подчинена самая крупная в НОАК группировка из 1,6 млн. военнослужащих. ГКСВ входит в новую триаду сил вместе с Ракетными войсками и Войсками стратегической поддержки и должно стать наиболее активной частью военных операций, в которых, согласно заявлениям Си Цзиньпина, Китай должен быть способен «вести победоносные войны».

Командующим ударных сухопутных сил, «идеально подходящим на эту роль», назначен одногодка Си Цзиньпина — Ли Цзочэн, родившийся в год змеи (1953).

Прямой, неуживчивый характер командира «ударной роты»

Личная преданность — что может быть важнее в командующем силы, способной смести любого внешнего и, что гораздо значимее, внутреннего врага, в переломный период китайской истории, когда КНР достигла невиданных высот, а борьба за власть достигла максимального накала?

Ли Цзочэн— самый известный герой самой крупной войны Китая за последние 50 лет, войны с горным Вьетнамом. За особые боевые заслуги роту Ли Цзочэна стали называть «ударной», или, дословно, «кинжальной», то есть участвующей в выполнении задач прорыва фронта. В течение 26 дней боев рота уничтожила 294 солдат и офицеров противника. За выдающиеся заслуги «герой войны» 28-летний Ли Цзочэн стал участником поворотного в китайской истории 12-го съезда КПК (1982), который окончательно осудил «банду четырех» и открыл в Китае новую эру госкапитализма и экспортной модели экономики.

[24] Назначен главой Генерального штаба КНР в сентябре 2017 г.

Главную роль в этом съезде играла «тень» Дэн Сяопина — южнокитайский маршал Е Цзяньин, лично уничтожавший «банду четырех» и ставший идеологом расцвета экспортной экономики Южного Китая и превращения военных корпораций в собственность «красной аристократии» — детей красной элиты страны. Период после 12-го съезда, с 1982 по 1994 г., был временем безраздельного контроля над страной со стороны хакка Гуандуна и Сычуани.

Для Ли Цзочэна, чье имя «Цзочэн» можно перевести как «делать до конца» или «доводить до совершенства», этот период был непрекращающимся карьерным ростом: не покидая бывшей фронтовой линии, в апреле 1998 г. Ли был назначен командующим 41-й группы армии, прикрывающей границу с Вьетнамом, расквартированной в гуансийском городе Лючжоу (Южный Китай).

Однако военная карьера перспективного генерал-майора (1997) оборвалась на долгие 12 лет. Согласно одному из слухов, ожидающий повышения до замкомандующего Ланьчжоуского военного округа (нынешний регион Экономического пояса Шелкового пути) или помощника главнокомандующего вооруженными силами, Ли, обладатель прямого и неуживчивого характера, бросил вызов самому Цзян Цзэминю, тогдашнему генсеку, чьи полномочия подходили к концу, а контроль над армией оставался гарантией неприкосновенности «шанхайской команды».

Убравший из здания командования 41-й армии «Пять фраз» — лозунги Цзян Цзэминя, своенравный Ли Цзочэн не получил очередного звания генерал-лейтенанта и был перемещен лишь на должность в родном Гуанчжоуском военном округе, где занял позицию замглавы штаба. Это было повышение в рамках своей группы, которая, однако, проиграла в конце 1990-х борьбу за власть.

Молчаливые союзники из Сычуани

Следующее повышение Ли Цзочэн получил только через 12 лет, весной 2009 г., сразу после того, как Си Цзиньпин занял пост зампредседателя КНР, что означало появление в стране преемника на пост будущего генсека.

Новое звание генерал-лейтенанта было присвоено Ли Цзочэну после перемещения последнего на жизненно важный для группы Си Цзиньпина пост — замглавы Чэндуского военного округа (2008), в который входили провинция Сычуань и Чунцин, подконтрольные партийным кадрам основных конкурентов Си — «леворадикального мэра» Чунцина Бо Силая и его патрона из неармейских спецслужб, члена Политбюро Чжоу Юнкана, которые позже стали открытыми политическими противниками прихода Си Цзиньпина к верховной власти и стали главными фигурантами уголовных дел первых лет масштабных чисток 2013–2014 гг.

Сычуань, которая не раз играла ключевую роль последнего аргумента во внутриполитической борьбе еще со времен милитаристов и Национального правительства, и в этот раз стала последней, решительной гирей, которая перевесила внутрипартийный баланс в пользу Си Цзиньпина.

Все партийные кадры Сычуани — и бывший глава обкома провинции Чжоу Юнкан, и глава горкома Чунцина Бо Силай — были «варягами»: Чжоу — уроженец города Уси провинции Цзянсу (Шанхайский регион), а Бо Силай — сын североки-

тайского политика Бо Ибо, пекинский баловень, разыгравший инфантильный спектакль новой «Культурной революции». Сычуаньские политики, надолго выведенные из игры поражением Ян Шанкуня в 1993 г., уступившего пост Цзян Цзэминю, вынуждены были терпеть эксперименты Бо Силая по раскулачиванию предпринимателей и заигрывание с местными ОПГ и британскими спецслужбами.

Ли Цзочэн также не был для сычуаньцев своим — уроженец хунаньского города Аньхуа, однако имел достаточный авторитет и связи с южнокитайскими хакка, чтобы в 2008 г. занять позицию коренного сычуаньца Мэн Цзиньси на посту замкомандующего Чэндуским военным округом, а в 2013 г. стать главой Чэндуского ВО, заменив на этом посту другого коренного сычуаньца и участника вьетнамской войны Ли Шимина. Так Ли Цзочэн смог правильно инвестировать собственный авторитет, став связным между группой Си Цзиньпина и сычуаньскими военными, молчаливо наблюдавшими расправу с популистским мэром и его куратором из силовых ведомств Китая.

Будущий главком, сохранивший верность своему клану, восстановил связь между южнокитайской и сычуаньской группировками и в момент решительного противостояния группы Си Цзиньпина и Бо Силая «недеянием» 13-й армии предрешил исход политической борьбы, точнее, ее первого этапа — борьбы группы Чжоу Юнкана и Бо Силая, одной из самых сильных опор «шанхайской группы» в партии, которая мешает новому лидеру на его пути к абсолютной власти.

«Вооруженный нейтралитет»

10 ноября 2011 г. Год до 18-го съезда. Генсек Ху Цзиньтао находится на саммите АСЕАН на Гавайях. В это время в районе Чунцина собирается все высшее руководство Сычуаньского региона и Чэндуского военного округа. Здесь проводится внезапная отработка мобилизации войск. Среди присутствующих Бо Силай — глава горкома Чунцина, министр обороны КНР, уроженец Сычуани Лян Голе, командующий Чэндуским ВО Ли Шимин, политкомиссар округа Тянь Сюсы, замполиткомиссара Лю Чжанъинь, глава штаба округа Ай Хушэн, командующий Тибетским округом Ян Цзиньшань, губернатор провинции Сычуань Цзян Цзюфэн, губернатор провинции Гуйчжоу Чжао Кэчжи, мэр Чунцина Хуан Цифань, исполняющий обязанности губернатора Юньнань Ли Цзихэн. Единственный, кто не принял участие в учениях замкомандующего ЧВО, — Ли Цзочэн.

Интересна судьба участников встречи на Янцзы, там, где спустя три года появится Си Цзиньпин и в расположении 13-й армии объявит о «Новой революции».

Главный политический конкурент, мэр Чунцина Бо Силай — уволен, исключен из партии, отбывает пожизненное заключение. Министр обороны Лян Голе, с 1999 по 2002 г. командовавший Нанкинским ВО (Шанхайский регион), с марта 2013 — в отставке, о дальнейшей судьбе данных нет. В июле 2015 г. военной газетой ЧВО «Силу» Лян Голе назван одним из трех крупных командиров ЧВО наряду с Го Босюном и Сюй Цайхоу — последние двое были арестованы в рамках чисток. Ли Шимин — в отставке. Комиссар Тянь Юйсы повышен до секретаря партийной группы ВВС НОАК, однако в августе 2015 г. потерял должность, перешел на рабо-

ту депутатом ВСНП. Лю Чжанъин в 2012 г. переведен на работу замполиткомиссара в Гуанчжоуский ВО, далее назначен инспектором дисциплины по Гуанчжоускому военному округу. Глава штаба Ай Хушэн — депутат ВСНП с конца 2014 г. Ян Цзиншань — с октября 2014 г. под следствием. Губернатор Сычуани Цзян Цзюфэн, уроженец провинции Чжэцзян (Шанхайский регион), половину жизни проработавший в Сычуани, с марта 2013 г. — депутат ВСНП. Его преемник на посту губернатора Сычуани Вэй Хун с января 2016 г. — арестован.

Только у двоих участников встречи 11 ноября 2011 г. дела пошли в гору. У Чжао Кэши, коренного шаньдунца, проведшего в Шаньдуне большую часть жизни, а ныне занимающего пост секретаря крупной центральной провинции Хэнань, а также у коренного шанхайца и мэра Чунцина, напарника Бо Силая по исполнительной власти — Хуан Цифаня, всю жизнь до Чунцина проработавшего в Шанхае, который после 2011 г. как будто провалился сквозь землю, а с января 2016 г. вдруг стал «кандидатом № 1» на должность секретаря Госсовета — китайского кабинета министров, главного помощника премьера Ли Кэцяна. Должность эта важная — достаточно сказать, что ее 12 лет занимал отец Си Цзиньпина Си Чжусюнь. По общему мнению, Хуан Цифаня ждала участь «ада проверок» ЦКК и арест. Однако, как показала практика, и из ада можно вернуться. А единственный военный руководитель, не участвовавший в «мобилизации-2011», Ли Цзочэн стал самым важным человеком в оперативном командовании НОАК.

Да Юй — преемник императора

Как и легендарный Да Юй, новый главком сухопутных сил Ли Цзочэн прославляется в медиа в роли спасателя от наводнений, обрушившихся на Китай в 1998 г. Части 41-й группы армии участвовали в ликвидации последствий затоплений на Янцзы в провинциях Хубэй и Хунань. Свою роль спасателя Ли Цзочэн сыграл и после перемещения на пост замкомандующего Чэндуским ВО — здесь он стал героем спасательных операций во время разрушительного землетрясения в Вэньчуань в 2009 г., в результате которого погибло 70 тысяч человек. Функция спасателя от природных бедствий становится всё более востребованной в Китае, в котором участились природные и техногенные катастрофы, главную роль в ликвидации которых играют вооруженные силы и подчиненные им Внутренние войска.

Спасательные операции могут также стать частью внешних операций НОАК — достаточно вспомнить, что первый выход за границы Китая, спустя почти 40 лет после войны со Вьетнамом, произошел в начале 2015 г., когда спасательные части Внутренних войск вошли в соседний с Индией Непал для ликвидации последствий землетрясений. Всё это может повториться, и тогда китайский Суворов может совершить неожиданный «кинжальный» бросок через «азиатские Альпы» — Гималаи.

В компании друзей

У нового командующего — 18 армейских группировок в семи отделениях командования сухопутных сил, которые не соответствуют новым военным округам или «боевым зонам». Однако в рамках новой структуры вооруженных сил сохранили свои должности бывшие главы четырех военных управлений НОАК, поменялись лишь названия этих управлений, а также из-под их контроля выведен ряд департаментов, роль которых была повышена. Этого нельзя сказать о командующих новых военных или боевых зон.

При изучении первых шагов в реформировании китайской армии прежде всего бросается в глаза ликвидация Нанкинского военного округа (НВО), военного аватара Шанхайского региона страны — косвенные свидетельства упразднения уже появляются в прессе, которая заметила новую приставку «бывший» в отношении Нанкинского ВО. Вопреки слухам, его бывший начальник Цай Интин не занял ни одной командной должности в новом списке, опустившись на позицию директора Академии военных наук. Неприятным сигналом является и то, что уже более двух месяцев про бывшего командующего НВО нет новостей.

Внимание наблюдателей привлекает фигура Сюй Фэньлина — «восходящая звезда» НОАК, протеже которого — Го Босюн и Сюй Цайхоу, арестованные в рамках чисток в армии. Сюй занял позиции замначальника Объединенного военного командования ЦВС, переместившись с поста командующего Гуанчжоуского военного округа. Сам военный округ преобразован в военную зону «Юг», командующим которой стал Ван Цзяочэн, 12 лет проведший в Нанкинском военном округе.

Командующим военной зоны «Запад», образованной на базе Чэндуского военного округа, назначен бывший командующий Цзинаньским военным округом (Шаньдун) — Чжао Цзунци, уроженец приграничной с Россией провинции Хэйлунцзян, с большим опытом работы в Чэндуском военном округе — командующим и 13-й, и 14-й армейским группами округа. Чжао — разведчик, который работал не только на границе с Индией в Тибетском военном округе, но и на берегу Индийского океана — в Танзании.

В свою очередь, пост командующего военной зоной «Восток» занял бывший командующий Ланьчжоуским военным округом коренной шаньдунец Лю Юэцзюнь. В компании шаньдунцев из Ланьчжоуского военного округа и новый политкомиссар Сухопутных войск, напарник Ли Цзочэна Лю Лэй, долгое время проработавший в Синьцзяне — на границе с Казахстаном и Россией.

Шаньдунец Сун Пусюань занял позицию командующего зоны «Север», которая соответствует Пекинскому военному округу, прикрывающему Китай с северного фланга.

Новую военную зону «Центр» занял Хань Вэйго, бывший заместитель командующего Пекинским ВО, ранее командовавший бывшим Нанкинским ВО, назначенный на эту позицию при Си Цзиньпине.

Революция Хризантем: как изменится Китай после внесения поправок в Конституцию[25]

В знаковую не только для всех россиян, но и для истории бывшего социалистического лагеря стран дату — 5 марта 2018 г. — открылась очередная сессия китайского парламента. На ней теперь уже на законодательном уровне была закреплена партийная инициатива о «пожизненном правлении» председателя КНР и были инициированы масштабные изменения в системе государственного управления страной.

2980 избранных от регионов, центральных правительственных структур, финансовых и силовых ведомств депутатов внесли изменения в конституцию страны, по масштабам сопоставимые с появлением нового основного закона.

Беспрецедентная политическая борьба и бессрочное правление

Самая обсуждаемая поправка в конституцию, принятую в 1982 г. тандемом «южан» Дэн Сяопином и маршалом Е Цзяньином, — отмена ограничений для председателя КНР. Ранее глава исполнительной власти и его заместитель, согласно 45-й статье Конституции, не имели права занимать посты более двух сроков подряд, как и первые лица парламента, Верховного суда и Верховной прокуратуры. Эта непреложная норма, введенная Дэн Сяопином, стала синонимом современной китайской системы госуправления, ее отмена — крутой поворот в траектории развития крупнейшей экономики мира. Несмотря на то, что слухи об отмене ограничений публиковались в зарубежной прессе достаточно давно, даже самые смелые в своих мнениях эксперты не допускали возможности столь коренных изменений в известной своей стабильностью китайской политической системе.

Кардинальные изменения сопровождал весьма тревожный внутриполитический фон. О поправках, «вносящих соответствие конституции с политическим и хозяйственным укладом страны» (это все, что было известно Китаю до 25 февраля), впервые сообщили в 8.00 27 января, а уже в 15.00 того же дня агентство «Синьхуа» передало новость о переподчинении полуторамиллионной группировки

[25] https://vpk-news.ru/articles/41648

Народной вооруженной полиции Китая (аналог Росгвардии), находившейся в ведении Госсовета, Центральной военной комиссии или непосредственно ее главе Си Цзиньпину. Через шесть дней, морозным утром 3 февраля, руководство ЦВК объявило о начале беспрецедентных по масштабам мобилизационных учений, в которых, судя по всему, были задействованы все самые боеспособные части НОАК и переподчиненной Вооруженной полиции. Вслед за экстренным вторым пленумом, прошедшим 18 января, был объявлен еще один — внеочередной, прошедший с 26 по 28 февраля перед самым началом сессии парламента.

Такая череда событий вызывала воспоминание о политической нестабильности, предшествовавшей Культурной революции периода Мао Цзэдуна — малой гражданской войне между «красными генералами» и «хунвейбинами», леворадикально настроенными приверженцами мировой революции, трибунами молодежного движения крупных индустриальных центров.

Решение о бессрочном правлении Си Цзиньпина и его заместителя, чью должность ранее считали номинальной, увенчивает пятилетнюю внутриполитическую борьбу, начавшуюся в Китае с ареста бывшего члена Постоянного комитета политбюро Чжоу Юнкана и развернувшуюся после этого чистку партийных и государственных кадров в масштабах всего Китая, накал которой только усиливается. Если вначале дело против Чжоу Юнкана и Бо Силая считали эпизодом дворцовых интриг, то после пяти лет непрекращающихся расследований в отношении сотен тысяч чиновников и членов компартии, в том числе глав и их заместителей всех без исключения регионов Китая, ни у кого не осталось сомнений в масштабе задуманных командой Си Цзиньпина преобразований. Апогеем чисток стал арест действующего члена Политбюро (высшего руководящего органа компартии) Сунь Чжэнцая, которого прочили в преемники нынешнего премьер-министра. В лучших традициях «критики и самокритики» Мао Цзэдуна напарника арестованного члена Политбюро и «преемника Си Цзиньпина» от оппозиции — партсекретаря крупнейшей южной провинции Гуандун товарища Ху Чуньхуа попросили публично осудить Сунь Чжэнцая. Элите был дан недвусмысленный сигнал: в политической борьбе сняты все ограничения, кроме тех, что наложены командирами выведенных в поле дивизий НОАК.

Появление в стране несменяемого руководителя преобразует все ее политическое пространство. Сложившийся ранее и действующий до сих пор триумвират из национально ориентированных военных, проамериканского либерального правительства и «шанхайской» части глобальной финансовой элиты через пять лет может быть полностью отменен. На смену придет принципиально иная модель распределения власти, сложившейся внутри группы Си Цзиньпина — из его союзников, сторонников и непосредственных ставленников.

Тем не менее сегодня данный триумвират сохраняется и его аннигиляция — задача следующей «политической пятилетки» в Китае, которую председатель КНР и его заместитель, судя по всему, собираются провести еще интенсивнее, заручившись гарантией неприкосновенности в виде неограниченного числа сроков правления.

Социализм в новую эпоху

В то время как внимание западных и российских СМИ было привлечено прижизненным включением в конституцию Китая «идей Си Цзиньпина», который, «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть», анализ изменений в основной закон показывает совсем иную картину. В его преамбулу включены не только «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху», но и предшествующая им, а значит, более первостепенная Концепция научного развития предыдущего и ныне здравствующего генсека Ху Цзиньтао, лидера прозападной политической группы китайского комсомола. Тем не менее вокруг по-андроповски скромной фигуры «комсомольского генсека», который проводил в жизнь идею Chimerica — единого пространства Китая и США, западная печать не раздувает истерию о красном тоталитарном вожде, меняющем основной закон по своей прихоти и в угоду собственному властолюбию.

Другой «комсомольский мем» о «гармоничном развитии», также привитый на идеологической почве Китая в эпоху Ху Цзиньтао, фигурирует в поправках в конституцию гораздо чаще, чем лозунг Си Цзиньпина о великом возрождении китайской нации, а если учесть иные мемы того же происхождения, как то «экологическая цивилизация», «мирный путь развития», «стратегия взаимной выгоды и общего выигрыша», доминирование идей товарища Си и вовсе кажется абсолютной дезинформацией.

На практике идеологические изменения в конституцию проводятся в интересах как «красной военной аристократии» Си Цзиньпина, так и группы либеральных комсомольцев — бывшего генсека Ху Цзиньтао, нынешнего премьера Ли Кэцяна, других руководителей центральных ведомств и регионов.

Сам Си Цзиньпин, согласно его официальной доктрине «Социализм с китайской спецификой в новую эпоху», официально манифестирует себя в качестве преемника Дэн Сяопина, которому принадлежит идея построения социализма «в одном отдельно взятом» Китае и отказ от маоистской политики экспорта «китайского коммунизма». Дэн Сяопин, как известно, осуществляя модернизацию страны, опирался на крупные военные кланы, на них же ставит и Си Цзиньпин. Важно также понимать, что он, объявив себя преемником Дэн Сяопина, окончательно разорвал связь с «шанхайской» группой, из которой некогда вышел, как и потенциальный заместитель председателя КНР Ван Цишань — человек, организовавший в партии «погром».

Всё под контролем Госкомитета

Вторым по масштабам изменением в конституции станет появление новой, контрольной, ветви власти, присущей традиционному имперскому госаппарату. Ее воплотит Государственный комитет, который станет «верховным контрольным органом страны». Его глава будет назначаться парламентом не более чем на два срока. О функциональной направленности ГКК в конституции не говорится более ни слова, однако в перечислении органов власти новый комитет следует сразу же за пра-

вительством и Центральной военной комиссией и оставляет за собой Верховный народный суд и Верховную народную прокуратуру.

Ранее предполагалось, и это было бы логично, что комитет возглавит руководитель Центрального комитета контроля, осуществлявший «партийный контроль» в масштабах всей страны, Ван Цишань. Однако последняя информация о том, что Ван Цишань может занять второй после Си Цзиньпина пост, внесла еще большую интригу в происходящее. Назначение зампредом КНР Ван Цишаня не только нарушает негласное правило о запрете занимать высшие посты лицам старше 70 лет, но и делает вакантным место руководителя независимой контрольной ветви власти. Его может занять нынешний глава Центрального комитета контроля, земляк Си Цзиньпина и бывший главный кадровик ЦК Чжао Лэцзи. Для более полной картины нужно добавить, что у него есть и шансы потеснить Ван Цишаня на должности заместителя Си Цзиньпина. Чжао и Ван — представители самых крупных военно-региональных группировок Китая — шэньсийской и шаньдунской, и в нынешней интриге присутствуют оттенки будущей более сложной борьбы за власть между сторонниками Си Цзиньпина.

Семь членов Посткома Политбюро

Группа высших руководителей компартии — семь членов Постоянного комитета Политбюро, которые во время сессии парламента обретут свои «аватары» в органах власти Китая — посты председателя КНР, премьера Госсовета, председателей ВСНП (парламента) и Народного политического консультативного совета Китая (гибрид общественной и торгово-промышленной палаты), главы ГКК и первого вице-премьера, сегодня представлены выходцами из трех регионов. Прежде всего из «сердца» Шелкового пути — провинции Шэньси. Это генсек Си Цзиньпин, будущий глава парламента Ли Чжаньшу, проработавший там много лет, и глава партийного контроля Чжао Лэцзи. Среди выходцев из Шанхая — глава исследовательского центра ЦК Ван Хунин, возглавивший секретариат ЦК, и бывший партсекретарь Шанхая Хань Чжэн, которого прочат в первые вице-премьеры. Либеральный блок «комсомольцев» представлен выходцами из провинции Аньхой — премьером Ли Кэцяном, бывшим первым секретарем Союза коммунистической молодежи Китая, и вероятным главой НПКСК Ван Яном, некогда возглавлявшим богатую южную провинцию Гуандун и долгое время являвшимся основным переговорщиком с США в «китайско-американских диалогах».

Знаковым для России является ожидаемое избрание главой парламента Китая Ли Чжаньшу, человека из команды Си Цзиньпина. Карьерный рост бывшего мэра города Сиань, столицы провинции Шэньси, можно назвать стремительным. Ли Чжаньшу не занимал постов руководителей крупных провинций. Из губернатора приграничного с Россией Хэйлунцзяна и бедной Гуйчжоу, в которой он заставил локализовать производство американского технологического гиганта Qualcomm, этот человек стал основным советником Си Цзиньпина по выстраиванию отношений с Россией, главой партийного Совета государственной безопасности и, как считается, основным идеологом и проводником в жизнь идеи о «коренном лидере пар-

тии» и его бессрочном правлении. Именно на посту главы парламента Ли Чжаньшу, увлекающийся боксом, реализует все намеченные в конституции изменения.

На сессии парламента ожидается замена глав Верховной прокуратуры и Верховного суда, которые сейчас занимают выходец из Шанхая Цао Цзяньмин и бывший первый секретарь комсомола Чжоу Цян. Другой важной кадровой перестановкой может стать появление нового главы Центрального банка, сейчас возглавляемого выходцем из Шанхая Чжоу Сяочуанем. Кто будет определять новую монетарную политику страны, являющейся одним из самых крупных держателей долговых обязательств США, покажет время, однако ряд наблюдателей называют имя «экономиста Си Цзиньпина» Лю Хэ, который совсем недавно посетил вместо шефа форум в Давосе.

Свои позиции в новом правительстве получат все 25 членов Политбюро компартии, возможно, заменив на постах ключевых министров «комсомольской группы», руководящих экономикой Китая уже более 10 лет.

Сегодня остается очевидным одно: на фоне постоянно усиливающегося накала политической борьбы на передовые позиции выходит группа национально ориентированных представителей «красной военной аристократии» во главе с Си Цзиньпином — сыном маршала Си Чжунсюня, тесно связанного с СССР. На фоне постепенно уходящего со сцены триумвирата политических группировок появляется совершенно новая команда из представителей военно-политических групп провинций Шэньси, Шаньдун и беспрецедентно усилившейся на региональном уровне группы соседней с Шанхаем торгово-промышленной провинции Чжэцзян.

Масштабные изменения в правительстве КНР в 2018 г.[26]

Бойцы трех родов войск китайской армии словно стальной стеной огородили от трех тысяч парламентариев трибуну, на которой лежал обновленный основной закон страны — новая «красная книжица», согласно которой каждый вновь вступающий в должность гражданин страны обязан прочитать клятву на конституции. Первыми тремя, защищенными армейской стеной, стали новый глава страны, пошедший на второй и не последний срок, Си Цзиньпин, спутавший все карты глава самых масштабных за 50 лет чисток в стране Ван Цишань, неожиданно занявший пост заместителя председателя КНР, и глава парламента Ли Чжаньшу.

Бессрочное правление Си Цзиньпина стало не единственной «сенсацией» в области китайского государственного управления. Сразу после голосования в ВСНП оставшийся вопреки слухам на посту «либеральный» премьер Ли Кэцян провел через парламент еще более масштабные изменения в структуре правительства, сократив число министерств и ведомств до 26, упразднив 15 оргструктур Госсовета.

На фоне разгорающейся торговой войны между США и Китаем, а также ареста главы CEFC из «команды Си», участвующей в покупке доли «Роснефти», потерялась новость об избрании на пост главы новой ветви власти — Государственного комитета контроля — уроженца Шанхая Ян Сяоду. Назначение не только стало сюрпризом для наблюдателей, но и не вписывалось в логику ни кадровых перестановок, ни последовательного отстранения от власти «шанхайской команды», которую проводил Ван Цишань, «вдруг» официально ставший «вторым после Си» человеком в стране.

Новую, контрольную, ветвь власти, которую, как ранее считалось очевидным, готовил «под себя» главный борец с коррупцией Ван Цишань, даже не вошедший в состав Политбюро, по логике должен был занять человек из команды Си Цзиньпина — преемник Ван Цишаня на посту главы Центрального комитета контроля Чжао Лэцзи. Однако эта должность, которая позволяла бы контролировать всю хозяйственную деятельность страны, не только не осталась за Ван Цишанем и не отошла к «команде Си», но более того, отошла к их политическим конкурентам — «шанхайской команде». Теперь, когда контрольная власть «разделилась сама в себе» —

[26] https://vpk-news.ru/articles/41872

между шанхайцем Ян Сяоду и главой партконтроля Чжао Лэцзи, «устоит ли царство» Си Цзиньпина?

Если прибавить к этой странной рокировке тот факт, что большинство постов в «обновленной структуре» правительства осталось за либеральным блоком китайского комсомола, то власть Си Цзиньпина в стране не кажется такой уж абсолютной.

Лакмусовой бумажкой того, что в стратегии концентрации власти группой нового, опирающегося на армию и вооруженную полицию главы страны Си Цзиньпина происходят сбои, стал арест «таинственного» миллиардера Е Цзяньмина, энергетическая компания которого CEFC должна была провести в ближайшее время крупную сделку по покупке значительной доли в компании «Роснефть».

Чистки среди миллиардеров, которые ранее касались только политических оппонентов генсека, вдруг затронули самых, как считается, его доверенных лиц, создающих транспортно-энергетическую империю вдоль сухопутного Шелкового пути.

Дело Е Цзяньмина, судя по всему, напрямую связано с арестом бывшего крупного гонконгского чиновника Патрика Хо, который попал под машину американского «правосудия» и тем самым стал первой значимой жертвой в «санкционном списке Си Цзиньпина», работу по которому в США запустили еще в преддверии 19-го съезда компартии Китая, ставшего «съездом победителей» для группы Си Цзиньпина.

Советник Земана и Эрдогана, частый гость в России, «появившийся из неоткуда» миллиардер, принадлежащий к клану маршала Е, арестован, а активы его компании распределены между «шанхайскими» корпорациями, с которыми южный клан ведет непримиримую борьбу за «глобализацию с китайской спецификой» еще со времен Культурной революции. Арест Е Цзяньмина стал знаковым событием и показал серьезную потерю позиций группы Си Цзиньпина и по сути начала самостоятельной политики Ван Цишаня, который обменял пост главы Государственного комитета контроля, сдав его «Шанхаю», на пост заместителя председателя КНР и самоустранился от борьбы Си Цзиньпина с шанхайской группой.

Каково реальное распределение долей в корпорации «Красный Китай» после стольких радикальных изменений в структуре «совета директоров»?

Си Цзиньпин и его команда

Группа генерального секретаря, судя по всему, «играет в долгую» и на ближайшие пять лет займет оборонительно-выжидательную позицию, сдав даже крупных союзников, в том числе сильно потрепанный клан Е, который объединяет китайцев-хакка, или древний субэтнос «безземельных», сосредоточивших финансовую власть в материковом Китае, Сингапуре и странах ЮВА. Сегодня в руках Си Цзиньпина половина «акций» НОАК, в том числе глава Генштаба Ли Цзочэн, Народная вооруженная полиция, а также новое приобретение — парламент страны и руководство партийным контролем. Армия, партия и парламент — этим, по сути, ограничиваются владения Си Цзиньпина, ведь все хозяйственные органы даже после масштабной реорганизации остались под либеральным комсомолом.

Вне армии и партии у Си Цзиньпина лишь две позиции — последний в списке вице-премьер Лю Хэ, который посещает Давос и руководит «глобализацией с ки-

тайской спецификой», и глава сильно потерявшего в весе Комитета по реформам и развитию Хэ Лифэн. Только эти две фигуры можно назвать относительно лояльными Си Цзиньпину в хозяйственном блоке новой китайской власти. Судя по всему, им выпала роль «подрывников» американо-китайских связей: на любую провокацию Трампа они отвечали еще большими санкциями, которые ударят в первую очередь по «шанхайским» и «комсомольским» корпорациям. Этому будет способствовать слабая власть китайского ЦБ — бессменный «шанхаец» Чжоу Сяочуань уступил место малоизвестному пекинцу И Гану.

На Си Цзиньпина тем не менее играет время: в условиях развернувшейся торговой войны с США пострадают прежде всего приморские провинции и интегрированные в евро-атлантическую экономику силы.

Второй группировкой «силовиков» остаются шаньдунцы, на вершине которых теперь уже официально находится «заместитель» Си Цзиньпина — Ван Цишань. После многочисленных кадровых перестановок шаньдунцам принадлежат посты в Центральной военной комиссии — коллективном органе управления армией, вновь назначенный уроженец «царства Ци» министр обороны Вэй Фэнхэ, шаньдунцы с пусть и комсомольской ориентацией — новый глава Верховной прокуратуры Чжан Цзюнь и руководитель Министерства общественной безопасности (аналог МВД) Чжао Кэчжи. Если не забывать, что уроженцами Шаньдуна являются и супруги председателя КНР и премьера Госсовета, а также добрая половина секретарей парткомов и губернаторов, можно считать: абсолютную власть в стране сосредоточил именно Ван Цишань и в последний момент разыграл карту противостояния Си Цзиньпина с прозападными силами. Ван Цишань, которого большинство наблюдателей называли «человеком Си», больше не является членом общей команды и выводит свою группу на самостоятельную «траекторию».

«Группа четырех» в комсомоле

Четырем ставленникам группы интересов провинции Шэньси — Си Цзиньпину, замглавы Центральной военной комиссии Чжан Юся, спикеру парламента Ли Чжаньшу, руководителю Центрального комитета контроля Чжао Лэцзи — противостоит такая же группа сил в ориентированном на США комсомоле, почти полностью контролирующем новый состав правительства: вновь назначенный премьер Ли Кэцян, глава Народно-политического консультативного совета и земляк Ли Кэцяна Ван Ян, переизбранный на новый срок председатель Верховного суда Чжоу Цян и восходящая звезда комсомола (некогда его первый секретарь, как Ли и Чжоу) Лу Хао. Лу доверено в правительстве новое ведомство — Министерство природных ресурсов, построенное на костях могущественного Госкомитета по реформам — знаменитого «Фагайвэй», который, по сути, расчленили на более чем 10 структур. Лу Хао, весьма своеобразно налаживавшего связи с Россией в бытность губернатором приграничного Хэйлунцзяна, теперь управляет всей земельной собственностью и может по праву считаться «главным девелопером страны», влияющим не только на гигантский сектор строительства, но и косвенно на объем кредитов, выделяемых Народным банком Китая регионам через специальные финансо-

вые механизмы, главным критерием выделения которых является цена на землю.

Кроме изменений в конституции, системе ветвей власти и масштабных перестановок в Секретариате ЦК, для которых требуется отдельная статья, сильно поменялась структура Госсовета КНР.

В нем появилось три ведомства с ярко выраженными внешними функциями. Вместо Министерства культуры создано Министерство культуры и туризма. В состав Министерства по науке и технологии вошло Управление по работе с иностранными специалистами. Параллельно МИДу теперь у Госсовета и переизбранного Ли Кэцяна появилось карманное ведомство иностранных дел, не отвлекающееся на «красный геополитический проект» Си Цзиньпина, — Служба развития международного сотрудничества, которая «откусила» функции внешних связей от Минкоммерции и МИДа. Взамен бессменный японист, министр иностранных дел Ван И, видимо, получил статус члена правительства. Не стоит сомневаться, что все три ведомства контролируются выходцами из комсомола или из кузницы его либеральных кадров — Народного университета Китая, а Миннауки возглавил земляк Ли Кэцяна — Ван Чжиган, отобрав эту позицию у традиционно питающих слабость к науке шанхайцев и министра Вань Гана.

Реорганизованный Минсельхоз не сменил руководителя — главной традиционной отраслью Китая заправляет бессменный Хань Чаньфу, который в новом ведомстве получил полный контроль над всеми сельхозпроектами в стране, подобрав прежние функции и ведомства Минфина, Минземельных ресурсов, уже упомянутого «Фагайвэя».

Помимо прочего, в Китае появилось собственное МЧС, главным приобретением которого стала пожарная охрана, выведенная из Министерства общественной безопасности. Среди новых ведомств — Министерство экологии, Комитет гигиены и здоровья, реорганизованный из Комитета по здравоохранению и плановому деторождению, Министерство по делам военных пенсионеров.

Заметно укрупнено Министерство водного хозяйства, которому передан контроль над крупнейшим гидроузлом в мире — «Три ущелья», а также проект по переносу вод юга на север. К другому суперведомству можно отнести Ревизионное управление Госсовета, которое усилено функциями контроля над крупнейшими проектами, ранее находившимися в ведении «Фагайвэя», Минфина, Комитета по контролю госимущества. Полностью упразднен Наблюдательный совет по контролю над крупнейшими государственными предприятиями.

При Госсовете создано Главное управление по надзору и управлению рынком. В него включены торгово-промышленная администрация, карантинный контроль, контроль над продуктами питания и лекарственными средствами, ведомство контроля над ценами, принадлежащее ранее «Фагайвэю», антимонопольное ведомство Минкоммерции. Возглавил Главное управление бывший вице-мэр Пекина, выпускник кузницы либеральных кадров Народного университета Чжан Мао. Его замом стал Би Цзинцюань, уроженец приграничной с Россией провинции Хэйлунцзян, традиционно контролирующей фарм-кластер в системе управления Китая.

Проведена реформа сбора налогов — им будут руководить совместно центральное ведомство — Главное управление по налогам и местное провинциальное правительство в каждом регионе. Очевидно, что такая передача функций местным

органам власти — дань центральной группы комсомола, которая опирается на региональные элиты на местах.

Риски группы Си и Россия

Очевидно, что откат с прежних позиций группы Си серьезно повлиял бы на российско-китайскую интеграцию, если бы не один масштабный фактор — начало полноценной торговой войны Китая и США, которая в ближайшие пять лет нанесет удар по всем крупным производителям и инвесторам КНР, абсолютное большинство которых работают на американском рынке под протекцией шанхайской и комсомольской групп. На фоне таких масштабных потерь, в которых убытки на 50–60 миллиардов — это лишь первый этап в полноценном противостоянии, позиции России в торговле с Китаем будут расти пропорционально падению совокупного оборота Китая и США, а «герои» и «первые жертвы» лагеря Си Цзиньпина смогут восполнить свои потери в перспективе 10–15 лет.

Взорвать «короля Тяньцзиня» Ли Жуйхуаня

Взрывы в Тяньцзине (крупнейший порт в 100 км от Пекина) в 2015 г., крупнейшая техногенная катастрофа в прибрежной зоне Китая за последние годы, произошли на складах компании «Жуйхай», принадлежавших племяннику «короля Тяньцзиня» Ли Жуйхуаня — Ли Ляну. Ли Жуйхуань, на протяжении более 14 лет входивший в состав Политбюро (1989–2003), был главным оппонентом «шанхайского генсека» Цзян Цзэминя в системе власти Поднебесной. Насколько состоятельна версия о том, что удар был нанесен «шанхайской группой» по вероятному союзнику Си Цзиньпина в борьбе с Цзян Цзэминем?

Политический хаос в Поднебесной

Политическая жизнь в Китае становится все более интересной. Например, редко когда три главы страны — Си Цзиньпин, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао — в Китае собираются вместе: в 2015 г. они не только собрались на военном параде на площади Тяньаньмэнь, но и повторили публичный выход на похоронах известного революционера Чжан Чжэня. Сообщение об этом двое суток «увенчивало» главную страницу поисковика «Байду». СМИ доносят до китайского населения сигнал о балансе власти и фактически появившемся в Китае «триумвирате». Каждый из генсеков представляет не только свой клан, но и самые широкие политические силы в стране: Си Цзиньпин — армию, Цзян Цзэминь — шанхайский финансовый блок, представитель глобальной элиты в Китае, а Ху Цзиньтао — «средний класс», жаждущий реформ, представленный китайским комсомолом.

Такое «тройное представительство» появилось в Китае сразу после взрывов в Тяньцзине, омрачивших «коронацию» Си Цзиньпина на параде в честь 70-летия победы над Японией.

То, что взрыв не был обычной техногенной катастрофой, говорит многое. Впервые за многие годы было нарушено «правило премьера Вэнь Цзябао», которое предписывало высшему руководству страны появиться на месте аварии в течение

48 часов после произошедшего, — нынешний премьер Ли Кэцян появился там спустя пять дней, хотя город находится лишь в паре часов езды от Пекина.

Заявление о начале расследования под руководством замглавы китайского МВД Ян Хуаньнина появилось лишь через неделю после случившегося. Яна называют в МВД специалистом по вопросам «сохранения политической стабильности» в происшествиях особой важности.

Тем не менее на фоне остальных лидеров, не хотевших появляться в Тяньцзине, первым в кадрах появился исполняющий обязанности мэра города Хуан Синго — уроженец провинции Чжэцзян, близкой к Шанхаю[27].

Кроме этого, версию о «военном следе» в деле взрывов в порту, где сосредоточено много военных предприятий, в частности корпорации Norinco, отрабатывает личный знакомый Си Цзиньпина по работе в военном округе провинции Чжэцзян. Военный след более всего волнует Си — взрыв произошел перед парадом, а также мог быть следствием борьбы «оппозиционных» военных. В этом году были арестованы сразу два высших военных чиновника страны — два замглавы Центрального военного совета НОАК Сюй Цайхоу и Го Босюн.

Нефтехимический комсомол

В ходе многочисленных арестов обвинения были предъявлены бывшему вице-мэру Тяньцзиня Ян Дунляну, возглавлявшему во время инцидента Управление безопасности труда Китая, а также президенту компании «Жуйхай Логистик» Юй Сюэвэю, который был одним из ключевых сотрудников китайской корпорации Sinochem. Для понимания ситуации также важно, что бывший мэр Тяньцзиня — нынешний член ПК Политбюро Чжан Гаоли — практически всю жизнь был связан с нефтехимической отраслью страны. СМИ также утверждают, что в числе владельцев «Жуйхай» была и дочь упомянутого члена Политбюро. Под следствие попал и сын Ян Дунляна — Ян Хуэй — глава идеологического управления Китайской национальной офшорной нефтяной корпорации. И отец и сын — нефтяники.

После взрыва в Тяньцзине произошло еще три взрыва в других центрах китайской нефтехимии — городах Цзыбо, Дунъин и Лишуй. Судя по всему, в Тяньцзине сошлись интересы не только политических, но и ряда отраслевых группировок Китая, а дальнейшие последствия — это эффект домино вскрывающихся проблем, давно назревших в Китае. Такое число взрывов на предприятиях химической отрасли за короткий срок сокращает вероятность естественных причин взрывов в дождливый и уже не такой жаркий август – сентябрь до нуля.

Это не первое дело, связанное с нефтью в Китае. Самым крупным до сих пор считалось дело нефтяников, связанных с опальным куратором спецслужб Чжоу

[27] Статья написана 10 сентября 2015 г. Спустя год, 10 сентября 2016 г., Хуан Синго был арестован. 13 сентября 2016 г. секретарем горкома Тяньцзиня был назначен шаньдунец Ли Хунчжун, место мэра в 2017 г. занял бывший мэр Сиани (провинция Шэньси) Ван Дунфэн, а после него с января 2018 г. Чжан Гоцин, сотрудник военной корпорации «Норинко», конкурента российского военного экспорта, мэр Чунцина. Таким образом, взрыв в Тяньцзине спровоцировал кадровую войну за город центрального подчинения, один из ключевых центров либеральной комсомольско-аньхойской группировки в Китае.

Юнканом. Последний считался ставленником шанхайского генсека Цзян Цзэминя, который в результате «дела Чжоу» потерял позиции в спецслужбах и нефтяной отрасли. Теперь удар нанесен по предприятию, связанному с бывшим мэром Тяньцзиня Ли Жуйхуанем, и главе управления безопасности труда Китая, бывшему вице-мэру Тяньцзиня Ян Дунляну.

Плотник в рядах Политбюро

Карьера Ли поистине удивительная. Простой строитель в Пекине (1934), очень поздно вступивший в партию (1959), в 1989 г. в результате событий на Тяньаньмэнь стал самым молодым в истории партии обладателем кресла в Политбюро. Этот путь он проделал всего за 30 лет — а на протяжении следующих 14 лет он сохранял за собой звание самого главного либерала и реформатора в системе власти, сделав из себя альтернативу Цзян Цзэминю.

Подобный карьерный рост Ли связан с его тесными связями с профессиональным сообществом и китайским комсомолом. 1989 год, который стал для большинства «комсомольцев» годом разгрома, — ушел из жизни Ху Яобан, в опалу попал Чжао Цзыян — для Ли Жуйхуаня стал годом стремительного карьерного роста. В Политбюро он попал по протекции главы китайского комсомола и мэра Тяньцзиня Ху Цили, который употребил свое влияние для сдерживания Цзян Цзэминя. Ли Жуйхуань не только был профессионалом строительного дела, комсомольцем, но и тесно связан с мощной организацией Всекитайской федерацией профсоюзов. В дальнейшем связи с «промышленниками и предпринимателями» позволили ему, как утверждается, фактически воссоздать с нуля третью после Компартии и китайского парламента организацию — Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК), который не только объединяет весь спектр политических сил, не входящих в «партию власти», но и деловые круги Гонконга, Макао и китайцев за рубежом.

По сути Ли воплотил свой талант организатора всех политических сил альтернативных Компартии Китая, и вероятно, обеспечил приход власти другого ставленника Ху Цили — «комсомольца» Ху Цзиньтао, который сменил Цзян Цзэминя на посту генсека страны.

Тяньцзинь — второе региональное крыло «комсомольской группы» в партии. Его первое крыло, а может быть, и центр — провинция Аньхой — связана с Тяньцзинем близостью диалектов китайского языка. Второй человек в стране при Ху Цзиньтао, уроженце Аньхоя, — Вэнь Цзябао также — уроженец Тяньцзиня.

Взрыв после девальвации — кому это выгодно

19 августа 2016 г. Международный валютный фонд заявил, что не будет включать юань в корзину мировых валют SDR, решение было отложено до сентября 2016 г. Это означало очевидный провал экономических планов «шанхайской группы», мощный финансовый блок которой рассчитывал через SDR провести интернационализацию юаня, сделав его мировой валютой. Простыми словами — печатать

его уже не для широких народных масс Китая, а для всего мира, разделив дивиденды от подобного «денежного производства» с экономикой США.

Итоги зашедших в тупик переговоров с МВФ стали окончательно понятны уже в начале августа. Смена финансовой политики Поднебесной была продемонстрирована самой крупной за последние 20 лет девальвацией юаня. До этого «шанхайское» 20-летие юань беспрерывно укреплялся к доллару, снижая экспортный потенциал Поднебесной.

Очевидным фактором для отрицательного решения МВФ стали проблемы в китайской экономике, а также общее нежелание американцев «пускать Китай» на фоне обострения отношений. Если проблемы в экономике носили объективный характер — «сдувались» внешние рынки, принимающие китайскую продукцию, то противостояние в Южно-Китайском море, вызвавшее американо-китайский конфликт, явно было санкционировано группой Си Цзиньпина. Последний, видимо, окончательно решил строить «Шелковый путь» и банк AIIB вместо бесперспективной кооперации с Америкой, на которую так рассчитывал «финансовый блок» Цзян Цзэминя.

Срыв переговоров с МВФ в 2016 г., провал финансовой программы «шанхайской группы» стал сигналом для наступления со стороны «группы Си», которая получила усиление в виде повышенных до генералов армии 10 высших чинов НОАК 1 августа этого года. Официальную атаку на «шанхайцев» увенчала статья в «Жэньминь Жибао» (10.08), которая в дружеском тоне и простых выражениях, которые так любит Си Цзиньпин, сообщила, что ушедшим на пенсию членам партии не стоит вмешиваться в текущие дела. За статьей последовала девальвация (11.08). На следующий день, 12 августа в Тяньцзине произошла серия мощных взрывов, унесшая, по официальным данным, жизни 160 человек, а по неофициальным — нескольких тысяч. После этого в течение 20 дней в Китае произошли три последовательных аварии на нефтехимических производствах, две из которых — в непосредственной близости от Тяньцзиня.

Опасность техногенной катастрофы в Тяньцзине, впрочем, касалась не столько самого города, сколько столицы Китая — сотни тонн вредных веществ могли при попутном ветре в считанные часы достигнуть Пекина, где Си Цзиньпин открывал международные соревнования по легкой атлетике, однако взрыв произошел ночью и воздушные массы двинулись в сторону моря, обратную от столицы.

М. Бут

ДРАКОНЬИ СИНДИКАТЫ: ГЛОБАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ТРИАД

Мартин Бут (1944–2004) — британский писатель

Booth M. The Dragon Syndicates: The Global Phenomenon of the Triads. London etc.: Bantam Books, 2000. 608 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

Британский писатель, поэт и знаток Востока Мартин Бут (1944–2004) увлекательно рассказывает о китайских тайных сообществах, их структуре, истории и участии в организованной преступной деятельности по всему миру.

К началу XXI в. за пределами Китая проживало 5% этнических китайцев (с. 19). Едва ли есть страна, где китайцы не представлены, и в то же время они не являются явно международной общиной. Куда бы они ни мигрировали, бежали, были изгнаны стихиями или политическими потрясениями, они селятся спокойно, держатся в основном особняком, скромно сохраняют национальную и культурную идентичность, даже в странах, где играют важную роль в экономике. Заметны они сделались лишь в Юго-Восточной Азии, где китайцы стали крупнейшим этническим меньшинством или даже превзошли численностью местное население.

Где бы эти мигранты ни основывали общины, появляются триады. Веками они были неотъемлемой частью китайского общества.

Правившая в классическую эпоху Лао-цзы и Конфуция династия Чжоу (с 1027 г. до н.э.) поддерживала социальный порядок безжалостной юридической системой. В такой системе правительство стало неким предшественником современной многонациональной семейной корпорации: продвинуться можно было лишь тем, кто был связан с чиновниками узами крови или свойства. Однако с веками система начала рушиться. В эпоху «Вёсны и осени» (722–481 гг. до н.э.) кодекс чести подорвали жадность и заговоры. В эпоху «Воюющих царств» (403–221 гг. до н.э.) страну раздирали усобицы. В последние века правления династии Чжоу династические «корпоративные боссы» всё подозрительнее смотрели на купечество, воспринимая его богатство как угрозу своей власти. Многие из тех, кто не были казнены или выдворены из бизнеса, были изгнаны в землю Юэ к югу от Янцзы, на периферию Поднебесной. Однако там купцы получили возможности, в которых им отказывали на севере. Теперь у них был доступ к длинному побережью, а значит, они могли путешествовать.

Эти-то купцы и стали первыми членами китайской диаспоры. Для выживания у них было лишь два средства самозащиты — коррумпироваться самим либо следовать конфуцианской идеологии и формировать семейные, клановые, земляческие

или именные ассоциации (гильдии, братства). Многие из таких ассоциаций по необходимости были тайными или полутайными. Торговали они в прибрежных районах от Дальнего Востока до современной Индонезии, а иные заплывали и в Индийский океан.

В 221 г. до н.э. династию Чжоу сменила империя Цинь. Ши-хуанди объединил весь Китай, унифицировал письменный язык, построил дороги, прорыл каналы. Затем правила династия Хань (до 220 г.). В Юэ вторглись китайские поселенцы с севера, и местные жители либо бежали в Индокитай, либо были ассимилированы.

Следующий импульс развития диаспоры пришел из Центральной Азии, от кочевников хунну, которые угрожали западным границам. Император У-ди отправил к ним разведчиком Чжан Цяня, который после десятилетнего плена у хунну добрался до Кушан в Фергане. Вопреки надеждам китайцев воевать с хунну те не собирались, зато по возвращении Чжан поведал о городах Персии, Месопотамии и великом океане. Через несколько лет Чжан был послан с новой миссией, раздавая подарки царькам. Это было началом китайского присутствия в землях к востоку от Средиземного моря. Возникли два торговых пути — Шелковый (севернее Тибета) и Нефритовый (в южный Индокитай и Бирму).

Следующий импульс эмиграции китайцев возник в ранний период империи Мин в начале XV в., когда евнух-мусульманин китайско-монголо-тюркского происхождения из Юньнани Ма Хэ (Чжэн Хэ) возглавил флот океанских джонок и совершил семь плаваний за данью. В Юго-Восточной Азии его помнят до сих пор: его статуи стоят в некоторых храмах Таиланда и Индонезии, а на Западе он живет в легенде о Синдбаде-мореходе. Плавания Чжэн Хэ открыли многим китайцам глаза на возможности за морем. Иностранцы могли быть варварами, зато были готовы торговать. Вскоре тысячи купцов втянулись в торговлю, а поскольку строительство океанских джонок приравнивалось к пиратству, многие покидали Китай. Так на новых берегах и возникли триады.

Сегодняшние триады — дальние потомки тайных обществ, которые вписываются в долгую традицию самосохранения через единство и патриотизм; начало она берет от династии Чжоу. Китайский император считался Сыном Неба, но если вел себя неподобающе, терял Мандат Неба: подданные получали право восстать и свергнуть его; более того, это был их долг перед богами. С ранних времен восстание было частью общественной жизни Китая.

Первое известное тайное общество возникло в провинции Шаньдун. Это были *чимэй*, «краснобровые». Они сыграли главную роль в падении узурпатора Ван Мана (правил в 9–25 гг.). После возникновения империи Восточная Хань «краснобровые» продолжали существовать как бандиты и были уничтожены военным путем. Так возник прецедент: тайное общество сыграло патриотическую роль, но затем подверглось гонениям со стороны режима, который оно же и помогло создать. Позднее возникли другие тайные общества — «Железные голени», «Медные лошади» и др. Они тоже участвовали в политических процессах, а затем вырождались в преступников или исчезали.

Имелась еще одна грань китайской жизни, которая способствовала возникновению тайных обществ, — управление страной. Обширность Китая делала абсолютную власть невозможной. Экзамены на чин ежегодно сдавали сотни тысяч муж-

чин, и многие проваливались. Результатом было большое число грамотных и эрудированных людей, которые не имели работы и были недовольны системой. Свои ассоциации создавали крестьяне и ремесленники. Квазиполитические и диссидентские общества по необходимости должны были быть тайными. Выживание зависело от лояльности членов, отсюда ритуалы инициации, которые налагали не только моральные, но и религиозные обязательства, будь то даосизм, конфуцианство или буддизм.

Когда Китай завоевали монголы, сопротивление им оказал союз повстанцев, который возглавили три силы — пират Фан Гочэнь, буддийский монах Чжу Юаньчжан и общество Белого лотоса (Байлянь). Последнее, по легенде, было основано еще в IV в., а в 1344 г. возрождено Хань Шаньдуном. Армия «красных повязок» пошатнула власть империи Юань, Чжу сверг монголов и в 1368 г. стал первым императором империи Мин (под девизом Хунъу). Никогда прежде тайное общество не свергало империи, чтобы основать новую династию.

То, что Хунъу был выходцем из провинций южнее Янцзы, имело значение: чем ближе малая родина человека располагалась к древней Юэ, тем бóльшим китайцем он считался. То, что он был китайцем, подтверждало также, что общество Белого лотоса — защитник страны. Когда страну завоевали маньчжуры, второй правитель их империи Цин Канси в 1662 г. запретил тайные общества вместе с буддизмом и даосизмом. Однако симпатии к Мин были распространены в течение всего правления маньчжур. Тайные общества ушли в подполье и стали центрами проминского повстанческого движения. Они образовывали союзы и разрабатывали ритуалы, секретные знаки и пароли.

Общество Белого лотоса постепенно трансформировалось в общество Хун. В последний раз о нем слышали в 1814 г., когда мятеж евнухов в Пекине приписали обществу Белого лотоса и ряду других. Общество Хун, скорее всего, возникло в 1674 г. при Канси. Центрами его деятельности были провинции Фуцзянь и Гуандун, особенно город Гуанчжоу (Кантон).

Подлинные истоки триад — в период правления третьего цинского императора Инчжэня (1722–35). Стержневым событием было разрушение монастыря Шаолинь, хотя точная дата неизвестна. Хорошие стратеги и специалисты по боевым искусствам, монахи помогали императору в кампании против монгольского племени ойратов. Победив, они стали восприниматься как политическая угроза, разделив судьбу «краснобровых» за полторы тысячи лет до них.

К середине XVIII в. набирало силу общество Неба и Земли (*Тяньди хуэй*). Его возглавляли представители образованной недовольной китайской элиты, которые были привержены концепции «Свергни Цин — восстанови Мин» (*Фан цин — фук мин*). В то время как многие считали его в первую очередь политической организацией, на деле оно было больше обществом, похожим на современные ассоциации *кайфон* в Гонконге и китайских общинах по всему миру. Это общества взаимопомощи, которые управляют больницами, приютами для сирот, храмами, школами, богадельнями. Маньчжуры угнетали китайцев и называли их свиньями, перенаселенность привела к обезземеливанию и безработице. Обездоленные крестьяне и обращались за помощью к таким обществам. Многие мигрировали в Южный Китай и там самоорганизовывались в братства. Общество Неба и Земли включало предста-

вителей многих социальных слоев — купцов, книжников, крестьян, жрецов, монахов, кули. Одни были мигрантами, другие местными жителями.

Общество стало важным агентом социальной интеграции. Оно не было просто филантропической организацией, а предлагало мигрантам средство идентичности и покровительство. Для своих членов оно выступало земляческой ассоциацией (*хуэй гуань*). Для китайца иметь возможность вернуться в родную деревню или район весьма важно с культурной и духовной точки зрения. Многие заморские китайцы, даже родившиеся за рубежом, не оставляют мечты вернуться «домой», пусть лишь в место последнего упокоения. Перемещенным крестьянам *хуэй гуань* обеспечивал собрания, жилье или место работы, займы, браки и похороны, проездные билеты и пропуска, регулировал деловые связи. Это была социальная корпорация, которая собирала средства с состоятельных членов и тех, кто поклонялся богу-покровителю ассоциации.

Общество Неба и Земли было более открытым, чем обычный *хуэй гуань*. У него не было строгих условий принятия в члены, но оно предоставляло всё те же услуги. Новый член получал «членский билет», обычно напечатанный на хлопчатобумажной или шелковой ткани и знание ручных знаков, паролей и молитв. Общество защищало своих членов, и его длинная рука могла отомстить ворам и конкурентам, включая чиновников и людей из другой провинции или клана. Иными словами, общество выступало как полублаготворительная организация рэкета, и вскоре это стало главной причиной вступления в него. Оно быстро стало средством осуществления южнокитайской версии вендетты (*се доу*).

Источниками средств общества были пожертвования храмам, доходы от сданного в аренду имущества, проценты по займам, но более всего — регулярные членские взносы. Они были немалыми, могли равняться месячному доходу среднего крестьянина. Так, в 1808 г. на Тайване вступительный взнос составлял не менее 2 юаней серебром — цену пахотного быка (с. 48). «Таким образом, общество, созданное, чтобы (помимо прочего) бороться с вымогательством у своих членов, вскоре само этим занялось. Отсюда был короткий шаг к прямой преступной деятельности, и некоторые общества Тяньди хуэй к концу XVIII в. были учреждены именно как преступные братства, промышляющие грабежом, особенно на Тайване и Гуандуне. Они грабили не собственных членов, а представителей соперничавших кланов и обществ, часто осуществляя преступления во имя *се доу*. Эта склонность к грабежу была еще одним мотивом вступления в организацию: стать членом и избежать ограбления» (с. 48–49).

Приобрело общество и политическое измерение. Еще в 1767 г. лидер первого восстания общества Неба и Земли — Лу Мао — навербовал членов и сообщил им, что они должны ограбить местный государственный склад и казначейство, а также дома землевладельцев, чтобы собрать средства на восстание против цинских властей. В 1802 г. мятеж вспыхнул в Гуандуне. В 1832 г. общество, воспользовавшись отсутствием гарнизона в Гуанчжоу, обложило крестьян в районе Макао налогом, чем вызвало восстание. Однако большинство таких действий были немногим более чем стычками. Реставрация империи Мин имела к этому мало отношения.

Имперская власть пыталась подавить такие общества, но безуспешно. Бороться с секретностью было невозможно. Общества загонялись дальше в подполье, его

члены становились всё большими изгоями и делались всё опаснее. Так, в 1807 г. император запретил общество Семьи небесной царицы, и ему доложили, что оно подавлено. На деле общество продолжало существовать по всему Китаю и даже в Сиаме, Кохинхине и Корее.

Тайные общества не имели центрального руководства, но их представителей объединяло общее название «люди Хуна». Император Хунъу часто появлялся в буддийских текстах в виде пророка, а его имя часто использовали в ходе медитации. Имя «Хун» было настолько священным или секретным, что его редко произносили и разбивали на составные части. Левая часть иероглифа состояла из трех точек, поэтому «люди Хуна» делились на три подразделения — общество Неба и Земли, общество Трех точек и общество Трех гармоний (отсюда термин «триада»).

Во многих случаях, особенно среди заморских китайцев, тайные общества стали социальными контролерами. Они организовывали собственные суды, заверяли предпринимательские и брачные договоры, осуществляли благотворительную деятельность, выступали посредниками в конфликтах между китайской общиной и местными властями. Однако прежде всего они были безжалостными изгоями, которые грабили, похищали и убивали землевладельцев и купцов под лозунгом «Бей богатого и помогай бедному». Впрочем, Робин Гудами они не были. Основную часть награбленного присваивали они сами или их лидеры. Иногда гражданские жертвы сопротивлялись, но редко — не только потому, что триады были могущественны и мстительны, но и потому, что, по мнению их жертв, они обладали почти божественным правом делать то, что делают. Триады имели религиозное обоснование, укорененное в китайской истории и легендах. Аурой традиции триады наделяли известные всем герои классического романа «Речные заводи».

Инакомыслие обществ распространялось не только на политику, но и на религию. Вопреки официальному конфуцианству они смешивали его с буддийскими, даосскими и языческими доктринами. Религиозный аспект, стремление к вечному счастью, импонировал крестьянам, которые составляли основу триад. Поэтому общества акцентировали религиозно-магические аспекты своей организации. Собрания всегда проводили ночью, когда по миру рыщут демоны, по возможности — на безлюдных холмах или вершинах гор, вдали от равнин, где была сильна имперская власть. К тому же считалось, что на горах живут боги. Высшего чиновника в иерархии триад до сих пор величают «хозяином горы» (*шаньчу*).

В XIX в. триады начали притягивать более широкий спектр членов. Наряду с недовольными книжниками и крестьянами в их ряды вливались купцы, частично в виде страховки от грабежа; чиновники *ямэня* (местной администрации) в погоне за доходами; демобилизованные солдаты, отчасти поскольку нанимали их лишь в годы кризисов. С открытием всё большего количества портов для западной торговли шла массовая миграция в прибрежные города Гуанчжоу, Сямэнь (тогда Амой), Фучжоу, Нинбо, Шанхай и Гонконг. Тайные общества были единственным фактором стабильности в жизни мигрантов, вырванных из обычной среды.

Многие купцы и крупные землевладельцы видели в триадах средство увеличить свои богатства. Они вкладывали средства в деятельность триад, оплачивали ограбления, предоставляли оружие или убежища, выбирали потенциальных жертв похищения, участвовали в опиумной торговле, давали взятки чиновникам. Триады были по-

добны пирамидальным схемам: чтобы избежать обрушения, им приходилось непрерывно расширяться. К 1890 г. участие богачей в деятельности триад было так велико, что стало крупным фактором в развитии экономической структуры Китая.

Имперские власти реагировали на триады одним способом — если ловили их членов, то убивали. Однако писари ямэней часто были шпионами триад, а мандарины нередко попустительствовали триадам, чтобы не быть в отместку убитыми. Кое-где они даже поощряли триады, чтобы получить больше средств из казны. Чтобы поддерживать доверие центра, наместники порой осуществляли фиктивные или заведомо неуспешные нападения на триады.

«Короче говоря, триадные общества были всем для всех. Для цинских правителей они были головорезами и инакомыслящими худшего вида, опасными для общественного порядка, нападающими на гарнизоны и постоянно сеющими смуту. Для крестьян они были героями, которые защищали и поддерживали их, давали чувство идентичности и часто средства к существованию. Для богачей они были занозой, но в то же время возможностью дальнейшего обогащения. Для религиозного сообщества они были инакомыслящими, но поддерживали религию, причем с давних пор, когда различные веры были запрещены. Для собственных членов они были источником духовного и материального обогащения, безопасной средой достижения целей» (с. 57–58).

Первое выступление обществ-изгоев, которые сегодня считают триадами в современном смысле, произошло на Тайване в 1787 г. и было организовано неким Линь Шуанванем. За ним последовали выступления в 1814 и 1816 гг. Лишь в 1827 г. цинские власти сочли, что добились прорыва, — но ошиблись. Триадный осьминог лишь потерял одну присоску с одного щупальца. К середине XIX в. триады стали массовой альтернативной субкультурой, прочно интегрированной в китайское общество.

Во время первой «опиумной» войны (1839–42) триады содействовали социальному коллапсу, вербовали сторонников, агитировали против иностранцев и Цинов. Под их контроль переходили целые деревни, особенно в отдаленных районах, где не было клановых или земляческих общин. Осмелев, триады стали требовать откупные у мандаринов и наместников. Когда в 1846 г. об этом рэкете стало известно, власти инициировали подавление триад с помощью местного ополчения. Однако оно провалилось: платили ополчению местные купцы, многие из которых были с триадами заодно.

Восстание тайпинов почти привело к падению Цинов — тому, к чему триады стремились десятилетиями. Руководитель восстания Хун Сюцюань провалился на экзаменах на чин, но искал утешения не в тайном обществе, а в христианстве. На первых порах цинские власти недооценивали военную силу поклонников Ясу (Иисуса), занятые подавлением выступлений триад в Гуанси и дельте Жемчужной реки. Когда тайпинское восстание разгорелось, действовать для властей было уже поздно. Хун провозгласил себя в Нанкине императором Тайпин тяньго (Небесного царства великого спокойствия); восстание было подавлено лишь в 1864 г. Цинские власти считали, что тайпины в союзе с триадами, но первые это отрицали. Они собирались основать новую династию, а не восстановить прежнюю. Вместе с тем у тайпинов и триад было много общего: антицинские настроения, красный цвет флагов, иногда местные военные союзы. Однако триады не желали ассоциироваться с

повстанцами с такой эклектичной верой, хотя, будучи прагматиками, не враждовали с ними открыто. Пока имперская армия занималась тайпинами, триады строили на юге армию. Возможно, тайпины и не были в союзе с тайными обществами, но оказывали им помощь, когда это было выгодно.

Цинские власти в Гуандуне и Гуанси пытались подавить триады, но кампания обернулась финансовыми убытками. Спровоцированное ростом налогов, в 1854 г. вспыхнуло восстание «красных повязок» под руководством пирата Хэ Лу. Оно охватило дельту Жемчужной реки, но повстанцы были разобщены и в следующем году потерпели поражение. Последовавшие за этим массовые казни убедили многие триады, что путь выжить лишь один — найти безопасное убежище в недосягаемости для имперской власти. Этим убежищем стал Гонконг. Триады обосновались там под защитой британского права, наряду с существующими возникали новые общества.

Первыми европейскими торговцами в Китае были португальцы, которые в 1514 г. построили маленький форт и факторию близ рыбацкой деревни недалеко от острова Гонконг. Однако местные жители их уничтожили, и лишь в 1557 г. империя Мин разрешила португальцам основать базу в Макао. Канси в 1685 г. открыл Гуанчжоу для «европейских варваров», но жили они в небольшом анклаве, откуда не могли выходить. Все дела с китайцами иностранцы были обязаны вести через Гунхан — картель из 8–12 китайских купцов. Со временем главной статьей импорта Гунхана и британской Ост-Индской компании стал опиум. В 1729 г. император Юнчжэн запретил использовать опиум не как лекарство, а в 1799 г. Цзяцин запретил его импорт. Однако развернулась контрабанда, которую вели сами купцы Гунхана, подкупавшие чиновников.

Опиумная торговля и картельная система были на руку триадам. Они могли комплектовать команды торговых судов, их товарищи-пираты знали всё побережье, они были боевиками, их участие можно было истолковать в духе доктрины «Свергни Цин — восстанови Мин». Чиновники Гунхана часто сами вкладывали деньги в предприятия триад. Выгоду от триад получали и европейцы, хотя чаще косвенную. Триады, по крайней мере в самом Китае, старались с иностранцами не водиться. Иное дело — Гонконг, где возник прямой контакт.

К концу XIX в. европейцы проникли далеко в глубь Китая. Экономика страны быстро попадала под внешнее влияние. Триады воспринимали «варваров» как паразитов, но знали, что там, где они, есть перспектива для бизнеса: успешная торговля означала возможности для вымогательства. Кого они среди варваров терпеть не могли, так это миссионеров, потому что те предлагали альтернативную религию, работали под покровительством своих правительств, близких к цинскому трону, часто исцеляли больных там, где была бессильна традиционная медицина. Миссионеры-учителя учили детей вопреки клановым и семейным традициям, подрывая понятие поклонения предкам. К тому же христиане, несмотря на малочисленность, тревожили триады своей организованностью. Поэтому триады пускали слухи, что миссионеры в ходе обрядов едят младенцев и т.п. Ряд связанных с триадами тайных обществ подогревал негодование против миссионеров и иностранцев в целом (общества Золотого эликсира, Восьми диаграмм, Девяти дворцов и т.д.). К 1880-м годам в Китае насчитывалось более 3600 обществ, хотя членство во мно-

гих ограничивалось одной деревней или кланом (с. 76). Самым пресловутым было Вегетарианское общество в Фуцзяни, разделенное на девять групп. Его члены не были вегетарианцами в современном смысле, а практиковали траволечение.

С 1885 г. участились нападения на иностранцев и христиан, которые часто завершались грабежами. Особенно усердствовало в этом общество Большого меча в сотрудничестве, как считалось, с обществом Белого лотоса в Шаньдуне. Иностранная пресса в Гуанчжоу, Макао и Гонконге обвиняла в нападениях тайные общества. Имперские власти почти не реагировали — отчасти из боязни потревожить осиное гнездо, отчасти зная свое бессилие против триад. Однако те просчитались: надеялись, что нападения на миссии вынудят варваров покинуть Поднебесную, но случилось обратное. Иностранные правительства получили еще один предлог для вмешательства.

Росли и антицинские настроения. Ширилось движение Кулаков во имя праведной гармонии (*ихэцюань*), основанное в середине XVIII в. в провинции Хэнань. Оно было ответвлением общества Восьми диаграмм и распространилось по четырем провинциям. Европейцы называли членов движения боксерами, так как они практиковали боевые искусства. «Боксеры» стали воплощением насилия тайных обществ. Политическая ситуация в Китае их подъему весьма содействовала. В 1894 г. Цины потерпели поражение в короткой войне с Японией в Корее, после чего Россия, Франция и Германия потребовали от Китая взять заем на модернизацию. Последовали новые договоры и соглашения, по которым Китай был вынужден пойти на новые уступки.

Реакцией было движение за реформы: в 1898 г. были реструктурированы экзамены на чин, объявлено о поддержке торговли, сельского хозяйства, горной добычи и производства, об открытии университета. Это не устраивало некоторые сегменты цинской администрации, народ и тайные общества. Императрица Цы Си свернула реформы и ужесточила политику в отношении иностранцев. Ободренные этим, тайные общества активизировались: это был шанс бороться за Китай, а в перспективе и свергнуть режим. «Боксеры» принимали в свои ряды тысячи крестьян, хотя большинство вступали лишь для того, чтобы избежать побоев или чего похуже. Применялся массовый гипноз; утверждалось, что чары защитят от пуль варваров.

В 1899 г. «боксеры» стали убивать миссионеров и христиан-китайцев, причем в провинции Аньхой власти поощрили их разрешением деревням и городам формировать ополчения самообороны. В июне ситуация вышла из-под контроля властей, но было поздно: «боксеры» пошли на Пекин и осадили Посольский квартал. Цы Си объявила «варварам» войну, и «боксеры» стали частью «объединенных» усилий по выдворению их из Поднебесной. Однако Посольский квартал выстоял, державы ввели войска и двор бежал в Сиань. По мирному договору 1901 г. Китай обязался 40 лет платить репарации, уступить еще больше торговых привилегий и пустить иностранные войска.

Ихэцюани растворились: крестьяне вернулись на свои поля, часть «боксеров» вступили в другие преступные братства, другие присоединились к политическим триадам, еще сильнее желая падения Цинов за унижение Китая.

«Восстание “боксеров” было крупнейшим подъемом деятельности тайных обществ в китайской истории. Со времени, когда монахи монастыря Шаолинь помогли императору избавить страну от иностранцев, тайное общество официально не

находилось в союзе с правительством. Оно потерпело поражение, и весьма иронично, что подавило его вмешательство проклятых варваров. Однако восстание показало потенциал тайных обществ, которые вскоре сыграют новую важную роль в китайской истории. В этой роли они больше не станут подрывать политический порядок, а будут в центре процесса принятия решений правительством» (с. 91).

Китай вступил в период турбулентности. Династия еще более отдалилась от народа, политики и властные брокеры соперничали за позиции, а старый порядок постепенно рушился. Отчасти эти изменения были вызваны зарубежным влиянием. Студенты ехали за границу за образованием; в космополитических городах, таких как Гонконг и Шанхай, мужчины носили мягкие шляпы. Заморские китайцы чувствовали, что настало время нового порядка.

Революционер Сунь Вэнь, более известный как Сунь Ятсен, был связан с триадами с юности. Вернувшись домой в Гуандун из Гонолулу, где посещал школу и колледж, он вступил в местное отделение общества Трех гармоний. Приехав опять на Гавайи по настоянию брата, он возненавидел работу клерка, вступил в местную триаду и, заняв денег у друзей и братьев по триаде, вторично вернулся в Китай. Поступив в медицинский колледж Гонконгского университета, Сунь Ятсен и здесь вступил в отделение общества Трех гармоний. Вскоре сдружился с доктором Хэ Каем, который был тоже членом триады и часто рассуждал о принесенном маньчжурами зле. В Шанхае в 1894 г. Сунь познакомился с бизнесменом Чарли Суном, который тоже был членом нескольких триад и христианином. Одной из триад, в которые входил Сун, была могущественная Красная банда (*Хунбан*) — самое влиятельное тайное общество в Китае. В Шанхае и долине Янцзы оно контролировало всё от занятости кули до движения плавучих средств. Внешне это было общество взаимопомощи с патриотическим уклоном, на деле — безжалостная преступная ассоциация. Отправившись дальше в Тяньцзинь, Сунь не получил аудиенции у сановника Ли Хунчжана, и, разочарованный, вернулся в Шанхай и вступил на путь революционера.

Потенциал и престиж членства в триадах Сунь осознал быстро. Именно по образцу триад Сунь основал в 1894 г. Общество возрождения Китая. Секретность обеспечивала выживание; вместе с тем движению было выгодно выглядеть как тайное общество, поскольку это привлекало членов таких обществ. По оценке Суня, их в Китае насчитывалось 35 млн. — готовая революционная армия (с. 102). Почти целиком его общество состояло из уроженцев юго-восточных провинций, где тайные общества существовали веками. После неудачной попытки поднять восстание в Гуанчжоу в 1895 г. Сунь бежал за границу. В следующем году он вступил в Общество достижения справедливости, которое было активно в ходе тайпинского восстания. Уехав в Сан-Франциско, Сунь установил контакт со всеми триадами США. Многие были не заинтересованы в китайских делах, но несколько помогли средствами. В 1905 г. в Японии Сунь основал Общество присягнувших, которое стало объединением групп давления — купцов, землевладельцев, радикальных мыслителей, а также членов триад.

Сунь подчеркивал ценность триад и призывал студентов вступать в них. Настаивал, что триады — деструктивная сила, которую при условии адекватного руководства можно превратить в конструктивную. «Сунь хотел подчинить триады

своей политической воле, но со временем понял, что это невозможно. Смирился с тем, что он может использовать их, но никогда не сможет переформировать их. Ему пришлось признать, что триады прежде всего преследуют собственные интересы. Вместо того чтобы реформировать их, он оставил их в покое, но по возможности внедрял в них свои идеи, и был благодарен, когда они иногда приживались» (с. 109). Когда в Сиаме Сунь выдал себя за американского гражданина, свидетельство о рождении на Гавайях и паспорт США подделали для него члены триад в Гонолулу. В бесконечных поездках по Юго-Восточной Азии Сунь стал не только собирающим средства революционером, но и фактически мобильным послом триад. Он вводил членов триад в политические круги, давая их старшим членам определенный отпечаток революционной респектабельности.

Сотрудничество тайных обществ и республиканцев в годы изгнанничества Суня было тесным. Триады не только поддерживали его, получали для него средства и провозили контрабандой оружие. Они пропагандировали его идеи среди крестьянства, распространяли политические публикации Чарли Суна. Республиканцы нередко вступали в общества, а члены обществ нередко посещали республиканские собрания, чтобы помочь с вербовкой. Когда республиканцам требовалось выполнить грязную или опасную работу (политическое убийство или вымогательство), это брали на себя триады. Республиканцы немалому научились у членов триад, которые были хорошими боевиками и неплохими партизанскими стратегами. Они даже переняли обряды инициации, использование паролей и тайных знаков.

Сетевой потенциал триад, который эффективно использовал Сунь, был расширением китайского понятия *гуаньси*, которое происходит от конфуцианского этоса почитания предков и формирования клановых и земляческих ассоциаций. Куда бы китайцы ни ехали, они никогда не теряют связи с корнями и всегда открыты другим китайцам, если имеют с ними что-то общее. Следствием является сохранение древних социальных структур. Основанные на взаимопомощи связи возникли на заре существования китайского общества, еще до появления денег. На протяжении веков кланы выстроили значительные сети гуаньси. Ее нельзя продать, но можно накопить, унаследовать, разделить, расширить и передать дальше. «Начав эмигрировать, китайцы забирали свою гуаньси с собой. Некоторые даже увозили списки, чтобы не забыть, кто обязан им одолжением, кому обязаны они и с кем они были (или не были) связаны. На чужбине гуаньси позволяла им завязывать отношения, основывать общества взаимопомощи (и триады), создавать школы и банки и ковать партнерства; иные из них сегодня вошли в число крупнейших транснациональных компаний в мире. Без применения гуаньси китайцы почти не ведут бизнеса, и успех заморского китайца часто зависит от нее. В современном Китае бизнес тоже почти не ведется без запаса гуаньси, и это ставит иностранных бизнесменов-некитайцев в весьма невыгодное положение, пока они не приобщаются к ней, завязывая собственные контакты» (с. 118).

У Сунь Ятсена запас гуаньси был богатым — благодаря триадам и месту происхождения. Более 90% всех китайских эмигрантов были выходцами из Гуандуна и Фуцзяни, причем малой родиной большинства их была область Сам Яп близ Гуанчжоу.

Падение империи Цин в 1911–12 гг. и установление Китайской Республики не могли бы быть достигнуты без триад. Однако впоследствии Сунь редко признавал

их важную роль и почти никогда — собственное членство в триаде. Он знал, что триады — ненадежные попутчики республиканцев и утверждал, что роль их незначительна. На деле он знал положение вещей и сохранял тесное сотрудничество с триадами. Они могли с легкостью опрокинуть республику или создать ей немалые политические и социальные проблемы.

«Влияние упивавшихся победой триад стало вездесущим. В последующие годы они существенно расширили круг своих членов. Их помощь республиканскому делу была вознаграждена фактическим признанием триад. Их чиновники занимали высокие правительственные посты, отданные им Сунем как плата за услуги. Они стали так могущественны, что большинство чиновников не из триад были вынуждены присоединяться: чтобы получить повышение по гражданской службе или в вооруженных силах, было необходимо быть членом триады. Чиновничество смотрело сквозь пальцы на деятельность триад, и они приобрели исключительные территории, где могли заниматься преступной деятельностью без вмешательства властей» (с. 121). Пример — сделка в Циндао между местной триадой и начальником полиции. Заняв этот пост благодаря местному *шаньчу*, начальник фактически распустил отряд по борьбе с проституцией. Правда, работодатели обнаружили, что членство в триадах увеличивает безопасность, а значит, и прибыль, так как большинством гильдий кули управляли триады. Купцы, банкиры и бизнесмены быстро поняли, что членство в триадах весьма содействует продвижению торговли. Для представителей Запада это была масштабная коррупция, но для китайцев — утвердившаяся грань общественной жизни.

Установление республики смело старый порядок, но напряженность в обществе сохранялась. Крестьяне продолжали восставать, но если прежде это были спонтанные взрывы гнева или выступления, вдохновленные тайными обществами или республиканцами, теперь вдохновляли их политические партии. С середины 1920-х годов они сменились новой формой политической агитации, которая привела к гражданской войне между Гоминьданом и КПК. Тайные общества были маргинализованы, тем более что в представлении многих своей цели они уже добились: империя Цин пала.

Человек, который возглавил Китай на несколько десятилетий после смерти Сунь Ятсена в 1925 г., тоже поднялся к власти в рядах триад. Чан Кайши был членом одного из могущественных преступных синдикатов Шанхая — Зеленой банды — и получил репутацию безжалостного убийцы. Он был знаком с каждым чиновником триад в банде, и один из них стал важнейшим человеком в его жизни и одним из важнейших — в истории Китая XX века. Это был Ду Юэшен, известный полиции как Большеухий Ду. К возрасту 21 года он контролировал половину опиумных притонов французской концессии и был доверенным лицом главаря Красной банды Рябого Хуана. Ду создал опиумный картель и поглотил все шанхайские триады, кроме крестьянского союза за городом, который был ему полностью лоялен. Ду быстро богател, его состояние к возрасту 30 лет оценивали в 40 млн. долларов (с. 134). Располагал сетью шпионов, имел доступ к почте, подкупал прессу. Благодаря Чарли Суну познакомился со многими влиятельными бизнесменами и сдружился с дочерью Суна Айлин. В результате банковская империя мужа Айлин Кун Синся была тайно объединена с Зеленой бандой. Это, в свою очередь, принес-

ло Ду доступ к иностранному бизнес-сообществу. Суны, Куны, их политические союзники и Ду осуществляли почти полный контроль над китайской экономикой. Лишились они его только с приходом коммунистов в 1949 г.

К 1920 г. правительство Китая было неотличимо от триад и их преступной деятельности. Вся ткань управления была связана с интригами и махинациями преступного мира, а финансы страны поддерживались преступными деньгами. Зеленая банда между тем вела Чана к власти. После смерти Суня он при поддержке Ду стал его преемником, и Гоминьдан был окончательно криминализован. В манере триад Чан назначил председателем ЦК Гоминьдана своего партнера, финансиста, известного на Западе как торговца китайским антикваритом Чжан Цзинцзяна. Так Ду стал оказывать определяющее влияние на партию, но даже коммунисты не знали об этом. Казалось, что власть Чана происходит от его харизматической личности, но эта власть была эфемерной. Своим местом Чан был обязан Ду, которому, согласно освященному временем правилу триад, должен был отправлять ежемесячную дань.

Коммунисты пытались найти слабое место Чана и устраивали стачки и общественные беспорядки. В 1927 г. Чан бросил на них армию и (особенно в Шанхае) боевиков Зеленой банды. В своей антикоммунистической кампании он получил помощь западных чиновников и предпринимателей. Бизнес-сообщество Шанхая заплатило Чану и Зеленой банде миллионы китайских долларов, чтобы те выгнали коммунистов из города. Это был типичный рэкет триад, только в беспрецедентном масштабе. В ходе «белого террора» было перебито 5–10 тыс. коммунистов (с. 149). В пределах нескольких месяцев Чан и триады контролировали бóльшую часть Китая от Нанкина до Гуанчжоу.

Когда в 1928 г. Чан основал в Нанкине правительство, местные лидеры триад приветствовали его, и он вскоре был признан всеми западными державами. Большинство дипломатов не знали или не обращали внимания на вовлеченность нового главы государства в криминал. В плане Чана по объединению Китая триадам отводилась важная роль — сродни гестапо, что позволяло армии остаться внешне беспристрастной и популярной. За это Чан обещал тайным обществам неограниченные возможности, пока их преступная деятельность не пересекалась с махинациями правительства или его собственным стремлением к наживе. К тому же он гарантировал ключевым фигурам триад видные правительственные посты и занялся искоренением в Китае коммунизма. Когда уничтожалось рабочее движение или подобная организация (начиналось это с просачивания шпионов триад), его лидеров казнили, а их место занимали лидеры триад.

Чем больше влияния триады обретали в правительстве, тем плотнее они контролировали бизнес. Вскоре они привлекали в свои ряды предпринимателей, банкиров, агентов по страхованию и т.д. Для иностранных торговцев стало почти императивом оградить себя от притеснений триад. Поэтому они поддерживали Чан Кайши, ссужали ему деньги, продавали оружие и работали с компрадорами из триад.

Высшие члены триад — Ду, Хуан — были назначены правительственными советниками. Их приспешники были произведены в генералы и штабные офицеры, назначены высокопоставленными гражданскими чиновниками. «При Чан Кайши всё в Китае было выставлено на продажу по подходящей цене или за подходящую милость. Коррупция перестала быть уловкой и стала искусством. Юридическая сфера была отдана проходимцам. Полиция и военные, которые теоретически должны были

бороться с преступным подпольем и коррупцией, сами были сильно скомпрометированы и контролировались теми, кого должны были арестовывать» (с. 151).

С помощью Зеленой банды Чан заставил купцов и богатых горожан Шанхая пожертвовать правительству круглые суммы. Большинство этих средств пошли в его собственный карман или карманы Ду, Хуана и других лидеров триад. Для сбора средств у людей победнее Чан выпускал правительственные облигации, а продавали их головорезы банды. Чан еще более сблизился с Ду; они были как братья, причем, согласно уставу тайных обществ, так оно и было.

Главным источником «грязных денег» Ду были опиаты: опиум, морфин, героин, который смешивали с табаком в сигаретах, «сладкие/золотые таблетки» для курения и т.д. Через тесную связь с Ду Чан и его правительство стали сильно зависеть от опиумного дохода. Чан знал, что финансировать его администрацию и удерживать его у власти может лишь наркотик. Поэтому одним из его первых шагов у власти было организовать с помощью брата жены Мэйлин — Т.В. Суна — официальную опиумную монополию (Национальное антиопиумное бюро). В торговле опиумом принял участие и сам Т.В. — как министр финансов и как частное лицо. Так, в 1930 г., когда случился неурожай китайского опиума, он купил 700 ящиков ввезенного Ду персидского опиума. Солдаты Гоминьдана разгрузили судно в шанхайском порту и охраняли склад, а правительство затем продало груз (с. 155). Из наркозависимости 40 млн. соотечественников Чан и Ду извлекали намного больше выгоды, чем иностранные купцы на пике опиумной торговли (с. 156). Не менее половины своего героина Ду экспортировал во Францию, пользуясь дипломатической службой.

Еще одним источником средств для Чана выступала немалая иностранная помощь, значительную часть которой он тоже присваивал. Для отмывания этих денег в 1933 г. Чан основал собственный банк — Крестьянский банк Китая, многими директорами которого были назначены члены триад или контролируемые им предприниматели. Ни резервы, ни книги банка аудиту никогда не подвергались.

Под впечатлением от успеха «чернорубашечников» Муссолини и СС Гитлера Чан учредил корпус «синерубашечников» численностью около 10 тыс. человек. За период 1937–41 гг. они совершили не менее 150 убийств (с. 158–159). Многие из них были сторонниками Ду.

Триады, теперь вполне криминальные структуры, процветали в городах независимо от политической атмосферы. В сельской местности тайные общества, включая триады, сохранили намного больше традиционной структуры и целей и продолжали быть вовлеченными в крестьянские выступления. В Сычуани в 1924 г. появилось общество Небесной воли (нечто вроде мелкомасштабного «боксерского» движения), в 1925 г. в Северном Китае возникли Красные копья. На эти крестьянские организации вскоре обратили внимание коммунисты. Мао обхаживал их, хотя Чжоу Эньлай предупреждал об их пагубном характере. В ходе Великого похода 1934–35 гг. через 11 провинций Мао поощрял контакты коммунистов с сельскими тайными обществами. Он хотел использовать их потенциал так же, как Чан в городах. Они давали рядовых, на них быстро действовали политические аргументы, и они были связаны клятвами подчиняться. От Чана Мао отличался тем, что не участвовал в преступной деятельности, хотя общества сдавали в казну коммунистов средства, которые были собраны путем вымогательства или вынужденного членства.

Когда в 1930-е годы правительство Чана начало строить шоссе и железные дороги, триады управляли «профсоюзами» и взимали плату за защиту, чтобы кули не прекращали работать. Для большинства населения по сравнению с последними днями Цин в материальном смысле мало что изменилось. Китай по-прежнему был страной крестьян, которые лишь поддерживали существование. Неудивительно, что постепенно набирали популярность коммунисты.

В 1937 г. коммунистическую угрозу правительству затмила угроза японская. Армия Японии была лучше обучена, вооружена и управляема, чем армия Гоминьдана. К тому же она не была коррумпированной, а единственным средством продвижения по службе были способности. В гоминьдановской армии назначения зависели от знакомств, взяток и принадлежности к тайному обществу. К марту 1938 г. японцы захватили бóльшую часть Северного Китая до Хуанхэ, Ханьчжоу, значительную часть Гуандуна и прибрежной Гуанси, включая остров Хайнань. В конце 1937 г. Чан перевез правительство из Нанкина в Чунцин. С ним бежали его помощники из триад. В Пекине и Нанкине японцы создали марионеточные правительства. В этом им молчаливо помогали местные триады, которые были готовы поддержать любого ради сохранения позиций.

В годы войны Китай погрузился в политический хаос: наряду с гоминьдановской администрацией в Чунцине существовало коммунистическое правительство Мао в Яньани, марионеточное правительство японцев в Нанкине, националистическое правительство во Внутренней Монголии и просоветское автономное миниправительство в Синьцзяне. Казалось, что политические дни Чана сочтены, но его спас Пёрл-Харбор: западные державы вступили в войну и внезапно поддержали Гоминьдан как «законное» правительство Китая.

Хотя многие тайные общества заключили союз с коммунистами и участвовали в партизанском движении, многие (в основном в городах) сотрудничали и с японцами. Когда Ван Цзинвэй в 1940 г. основал прояпонское альтернативное правительство в Нанкине, он сделал это при поощрении триад. Продолжал использовать триады и Чан. Начальник секретной службы Гоминьдана генерал Дай Ли, сам высокопоставленный член триады, постепенно втягивал такие общества в свою спецслужбу — отчасти чтобы пользоваться их знаниями, а отчасти чтобы держать их под надзором. В 1943 г. они вместе с директором операций Управления стратегических служб в Китае Милтоном Майлзом основали Китайско-американскую организацию сотрудничества. Кроме выполнения разведывательных заданий многие члены триад воевали за Гоминьдан на поле боя. Другие управляли путями спасения китайцев с оккупированной территории. Однако для многих членов триад война стала возможностью обогатиться.

Зеленая банда в Шанхае продолжала рэкет, хотя в наркоторговле столкнулась с серьезной конкуренцией прояпонских триад, самих японских властей, лично Ван Цзинвэя (который владел рядом притонов) и других бандитов китайского и некитайского происхождения. Японцы знали, что шанхайские триады могут им навредить, поэтому заключили сделку: не вмешивались в их бизнес, пока те не вмешивались в войну. Вот почему триады даже гарантировали защиту японского гарнизона в городе.

Ду в начале войны бежал из Шанхая в Гонконг, а перед японским вторжением в этот город в декабре 1941 г. переехал в Чунцин. Расхищая иностранную военную

помощь в интересах Чан Кайши и вместе с ним, он в то же время финансировал антияпонскую «пятую колонну», организовав в Шанхае отряд диверсантов «Кровь и сталь». Они взрывали железнодорожные пути, убивали японцев на улицах и провозили контрабанду у них под носом. Терять власть Ду начал после войны, когда ослаб здоровьем из-за наркомании и поднялись новые соперники Зеленой банды.

После поражения японцев Чан и Мао попытались договориться, но ничего не вышло и Китай погрузился в гражданскую войну. Как Сунь Ятсен до него, Чан призвал на помощь заморские триады. В Гонконге состоялось тайное совещание всех *шаньчу* города. Они прислали Чану телеграмму поддержки, но ехать в Китай бороться с коммунистами никто не собирался. Гоминьдановские триады были задействованы в пропагандистской кампании. В них спешно приняли десятки тысяч человек. Однако пропагандистская машина коммунистов была сильнее, и гоминьдановская армия откатывалась на юг.

Несмотря на ослабление позиций Ду, с ним еще считались, и Мао подумывал после победы использовать его для установления контроля над триадами в городах. В Гонконг к Ду съездил посланец Мао — ученый и юрист Чжан Шисяо, но Ду отклонил предложение вернуться в Китай. Он умер в августе 1951 г. и похоронен на Тайване, где его считают народным героем, патриотом, который боролся с коммунистическим злом и продвигал принцип триад: вернуть Китай его собственным гражданам.

В годы гражданской войны городские триады использовали хаос для реорганизации. Даже после победы коммунистов члены триад с хорошими связями много лет занимали высокие посты, сформировав влиятельные, но тайные клики в правительственной иерархии. Благодаря им жена Чана Мэйлин оставалась в контакте с правящим слоем Китая. Однако приход к власти коммунистов радикально изменил жизнь триад: их преследовали. Опиум, проституцию и вымогательство запретили как контрреволюционную и антисоциалистическую деятельность. Традиционные тайные общества в сельской местности считали анахронизмом, и многие были распущены. Многие оставшиеся в Китае чиновники триад были казнены. Однако немало их последовали за Чаном на Тайвань, где стали его опорой. Там триады сформировали новую структуру — Объединенное бамбуковое общество. Некоторые осели в Гонконге, еще больше рассеялись по миру.

От коммунизма бежали не только отдельные члены обществ, но и целые общества. В 1945 г. генерал-лейтенант Кот Сювон по заданию Чана объединил триады Гуандуна в Лиге «Хун» заморских китайцев пяти континентов. Целью лиги была поддержка Гоминьдана, но имелся еще один политический мотив. Несмотря на значительную помощь британцев в ходе Второй мировой войны, Чан рассчитывал с помощью триад выдворить британцев из Гонконга, чтобы утвердиться в нем самому. Гонконг мог стать для Чана новым Шанхаем, и эту мечту он лелеял весь остаток жизни. Составлявшие лигу группы получили кодовые названия, каждое из которых включало число 14 по адресу штаб-квартиры (14, ул. По Ва, Гуанчжоу). Поэтому со временем ассоциация стала известна как «14К». С ее появлением патриотическая и духовная традиция триад ушла в прошлое.

И всё же легенды и ритуалы играли важную роль в деятельности триад еще несколько десятилетий. Традиционная история триад — фантастическое сочетание

реальных событий и людей, легенд, магических притч и фольклора. Для члена триад она важна так же, как реальная история, поскольку в ней заключено многое из того, что он хочет видеть в своем прошлом. К тому же она устанавливает тесную конфуцианскую связь с его предками или предшественниками, дает ему чувство идентичности и преемственности, столь важное в китайской культуре.

Согласно традиционной истории триад, началась она к концу периода Мин или в начале периода Цин. Видя коррумпированность двора и будучи убеждены, что император потерял Мандат Неба, группа честных чиновников образовала тайную организацию с целью вернуть династию к прежней ответственности. Однако было поздно, началось крестьянское восстание под руководством Ли Цзычэна, и в Китай вторглись маньчжуры. Организация подняла восстание, но потерпела поражение и многие ее лидеры погибли. Новым очагом сопротивления стал монастырь Шаолинь, который маньчжурские войска сожгли. Спасшиеся монахи — Пять первых предков — дали начало подпольному антицинскому сопротивлению. Они решили, что шансов свергнуть Цинов будет больше, если поднять несколько одновременных восстаний. Поэтому они рассеялись по стране, условившись о тайных знаках узнавания. Правда, в некоторых регионах восстания были подняты преждевременно и были подавлены. Многие выжившие участники уехали за море, но остались верны своему обществу и создавали новые филиалы. Успехом увенчалась деятельность Сунь Ятсена, который мобилизовал потенциал триад, координировал действия обществ и расширял их сферу. Его стараниями перед 1911 г. было создано 140 ответвлений общества Хунмунь и 128 отделений Зеленой банды (с. 204).

Эта традиционная история триад частично пересекается с реальной, но немало людей, мест и событий в ней вымышлены. Так, невозможно точно определить монастырь Шаолинь. Сочетание факта и вымысла лишает шансов докопаться до истины, что осложняется разнообразием версий: история, которую рассказывают в Шаньдуне, мало похожа на историю, которую рассказывают в Фуцзяни. Однако все истории сходятся на том, что триады выросли из ассоциации проминских и антицинских чиновников. Правда, патриотический мотив давно ушел в прошлое.

И западные люди, и китайцы начали интересоваться тайными обществами Китая после тайпинского восстания. Одним из первых исследований на Западе была книга профессора китайского языка Лейденского университета Густава Шлегеля о Лиге Неба и Земли (1866). Основные знания о предмете автор приобрел из первых рук от китайских купцов и моряков в Батавии (Джакарта), Гонконге и Макао. Дальнейший интерес к тайным обществам подстегнул рост антииностранных настроений в Китае. На триады стали смотреть не только как на предмет культурного интереса, но и как на важную часть политической и социальной жизни страны. Их действительная и традиционная история становилась всё более документированной. Конечно, их внутреннее функционирование известно намного меньше.

Хотя вначале триады могли управляться одной организацией, на протяжении большей части истории каждое общество выступало автономной единицей и отвечало лишь перед собственным руководством. В некоторых местностях были подгруппы или ответвления, но в отличие от большинства других тайных или полутайных обществ центральной администрации у них не было. Даже у отдельных обществ редко имелось место, которое они могли назвать своей базой. Это неудиви-

тельно: организацию с головным офисом можно легко отследить, и в конечном счете в нее можно внедриться. Это подорвало американскую мафию, которая содержала клубы и бары. Лишь члены общества знали, как выглядит его церемониальный зал. Он является символом Города ив — первого места, где возникли триады.

Мало известно и об обрядах триад. Даже под давлением их члены рассказывают о них с неохотой. «Что касается разнообразной природы триад, за немногими исключениями обряды многих групп удивительно одинаковы. Из-за общих традиционных корней их структура почти тождественна. Это сходство дает триадам чувство культурной и преступной идентичности. Они могут ожесточенно сражаться за территориальные права или криминальное предприятие, но разделяют общее наследие, которое дает им чувство нелегальной солидарности. Они могут быть врагами или конкурентами, но одновременно объединены против власть имущих — служб правопорядка или правительства» (с. 217).

В прошлом у каждого общества была жесткая церемониальная и иерархическая структура, но сегодня триады, особенно за пределами Дальнего Востока, часто обходятся без определенных чиновников и функций, либо соединяют и перераспределяют их обязанности. Исходно каждое общество или ложа крупного общества имели исполнительную иерархию; ее члены выбирались на определенный срок. Там, где эта структура сохраняется, верховный лидер носит название *шаньчу* — «хозяин горы». Его слово — закон, хотя он может советоваться с заместителем. Ниже стоит *хёнчу* — «курильщик фимиама». Рядом с ним находится *синьфун* — «ведущий». Эти чиновники осуществляют обряды, наблюдают за повышениями и выборами, контролируют инициации и, когда необходимо, наказывают провинившихся. Ниже стоит *шэнфа* — «двойной цветок», которых может быть несколько. Эти чиновники возглавляют сферы деятельности общества, контролируют повседневные дела и ответвления организации.

Еще ниже стоят три равных друг другу чиновника. *Хунгуань* — «красная дубинка» — командир боевого отряда численностью до 50 человек, владеющий боевыми искусствами. У большинства триад «красных дубинок» несколько. Далее стоит «белобумажный веер» (pak tsz sin). Это административный чиновник, ведущий счета менеджер. Обычно он хорошо образован, часто обладает коммерческим или юридическим опытом и сродни консильере мафии — является советником и стратегом. Наконец, *чжохай* — «травяная (соломенная) сандалия». Это посредник, который организует встречи, связи с другими обществами, сбор «платы за защиту» и т.д. Внизу социальной лестницы находятся *сишицзю* — «сорокадевятки». Это рядовые члены, криминальная рабочая сила; подчиняются хунгуаню.

Всем рангам присваиваются порядковые номера, каждый из которых начинается с 4 (отражает поверье, что мир был окружен четырьмя океанами). Так, шаньчу также известен как 489, хунгуань — 426 и т.д. Исходя из таких чисел, нередко вычисляли вступительные взносы и даже суммы для вымогательства, умножая их на 10. Например, взносы в триадах Гонконга в 1970-е годы составляли 3600 гонконгских долларов, а от китайца в Англии могли потребовать платить 1080 долларов в месяц (с. 221).

Сегодня триады в основном утратили традиционную иерархию. Сохраняются либо четыре высших поста, либо председатель и два помощника; все остальные, кроме «сорокадевяток», равны. Хотя сегодня триады — в первую очередь преступ-

ные сообщества, они сохраняют ряд аспектов своей исторической роли как полупрофессиональных гильдий.

Процесс вступления в триаду сложен. Новички должны не только заплатить вступительный взнос, но и заручиться спонсором. Половина взноса идет в казну общества, а половина распределяется между высшими чиновниками. Казна теоретически неприкосновенна, но фактически высшие чиновники часто ее расхищают. Собрания проводят ночью на 25-й день китайского месяца. На церемонии новичку кратко объясняют братские цели общества. Концепция «Свергни Цин — восстанови Мин» уже политически не актуальна, но акцентируется необходимость для членов быть верными не только себе и братьям, но и клану и народу. Таким образом, подчеркивается важность быть китайцем. В помещении, которое символизирует Зал вселенского спокойствия, декламируют ритуальные поэмы, и к новичку присоединяется член общества, который отвечает за него на 333 вопроса об обществе, его целях, истории. Читается ряд буддийских и даосских молитв. После принесения клятвы неофит капает кровь из среднего пальца в вино (правда, сегодня чаще используют кровь петуха). После инициации шаньчу выдает новоиспеченной сорокадевятке членский билет, на обороте которого написано его зашифрованное имя.

Кроме обряда инициации самым важным является сжигание желтой бумаги. Его проводят, когда сходятся члены двух обществ с какой-то общей целью, а также когда учреждается новая подгруппа или слабое общество соединяется с более сильным.

Узнают друг друга члены триад по знакам рук. Непонятные профанам, эти знаки могут содержать информацию об обществе и ранге сигнализирующего. Знаками могут быть манера предлагать и принимать сигарету, держать палочки для еды, подавать деньги и т.д. Существуют и кодовые фразы, например, «Где Вы родились?». Если ответом будет не какая-то деревня, а фраза «Под персиковым деревом» и т.п. с упоминанием персика, спрашивающий поймет, что перед ним брат, хотя и из другого общества. «Стыдно, что сложность и символизм обрядов триад утрачены, — не потому, что это лишает преступные братства наследия, а потому, что устраняет часть богатого корпуса китайской культуры» (с. 233).

Хотя Мао и пригласил Ду вернуться в Китай, сами триады он запретил с рвением, до которого не доходили его имперские предшественники. Коммунисты рассматривали триады как немалую угрозу. История показала, что триады могут создать политические проблемы, да еще пользуются поддержкой крестьянства, что делало их конкурентами коммунистов. К тому же они были неподконтрольны: Гоминьдан использовал их, но в конечном счете они фактически управляли страной ради собственной выгоды. Более того, ненавидимый Гоминьдан стал по сути политическим инструментом триад. Мао не собирался рисковать компрометацией КПК.

И всё же он подумывал использовать их. В 1963 г. Мао возродил мечту об объединенном Китае и о вовлечении триад в сферу коммунистов. После катастрофы «Большого скачка» 1958 г. он искал новое направление развития и помощь отовсюду. В Дуншане состоялась тайная встреча между премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем и Чан Кайши; посредником выступил бывший сторонник Гоминьдана Чжан Чжичжун. Однако Чжоу был сверхосторожен, и единственным соглашением стало взаимопонимание не просачиваться на территорию друг друга.

«Мао мог зондировать почву с рядом властных брокеров триад и даже подружиться с ними, но не собирался давать им такие позиции, которые бы ему угрожали. Что касается банд и обществ, о них речи не шло: Мао, несомненно, помнил старый китайский афоризм, который в вольном переводе гласит: один вьюрок поет красиво, но тысяча поднимают какофонию, в которой нельзя расслышать никого. Формировать какое-либо общество было запрещено как контрреволюционный акт» (с. 238). Более всего Мао опасался преступной деятельности триад, которые грабили Китай десятилетиями. Вместе с тем он понимал, что ему не удастся искоренить субкультуру взяточничества, концепцию гуанси и лояльность клану или семье (на них он опирался и сам).

Однако Мао нанес удар по бизнесу триад. Корнем этого бизнеса был опиум, и за три года после победы коммунистов китайское общество было полностью очищено от него. С наркоманами обращались мягко, крестьянам велели выращивать вместо мака пищевые культуры, владельцев притонов публично унизили и отправили на политическое перевоспитание в трудовые лагеря, из которых многие не вернулись. Наркоторговцев считали не поддающимися перевоспитанию и после коротких судов расстреливали. Большинство казненных были членами триад; членский билет становился билетом в трудовые лагеря.

Однако Китай был не первой страной, объявившей триады вне закона. Это уже сделал Гонконг, где триады подверглись наиболее плотному изучению, где они были весьма активны и где их преследование по закону было наиболее решительным и успешным. В Гонконге триады превратились в чисто криминальную субкультуру. Убежищем для пиратов и недовольных со всего Китая к югу от Янцзы он стал задолго до британцев. При них она стала для триад удобным плацдармом. Уже в 1845 г. британские власти объявили триады вне закона. Их тревожило, что влияние триад может нарушить торговлю посредством забастовок кули, так как считалось, что под пятой триад находится 70% «туземного населения» (с. 243). Вероятно, оценка была заниженной. Наказанием за членство в триадах были трехмесячное заключение и сто ударов бамбуковой палкой. Правда, в самом Китае совершение членом триады преступления каралось забиванием до смерти, удушением или другими видами казни.

К 1847 г. Гонконг считался нервным центром деятельности триад во всем Южном Китае. Они так осмелели, что даже собрались напасть на гарнизон, когда он временно уменьшился из-за болезни. Полиция, правда, узнала о плане и 200 человек схватила (с. 244).

В ходе тайпинского восстания Гонконг оставался нейтральным. Поняв, что здесь безопасно, триады стали избегать конфронтации с британцами. Поскольку им не давали выступать против Цинов, они направили силы в преступную деятельность. Триады не только обложили рэкетом кули и других работников, но и взимали «налоги» с торговли. К 1880-м годам преступность триад глубоко укоренилась в Гонконге. Их боялись и им платили. Когда члена триады арестовывали, шаньчу вносили залог. Правда, чаще арестованный бежал в Макао или Китай: триады начали просачиваться в гонконгскую полицию. К 1885 г. в каждом полицейском участке был по меньшей мере один констебль — член триады.

Гонконг выступал главным транзитным пунктом для сотен тысяч кули, едущих в Америку. Триады втянулись в эту торговлю людьми, давали займы, собирали ко-

миссионные с судоходных компаний за поиски пассажиров, а с пассажиров — за поиски для них коек и т.д.

Новая волна иммигрантов из Китая пришла в Гонконг с основанием республики. Это были не беженцы, как после тайпинского восстания, а предприниматели из числа триад, которые стремились избежать вездесущего присутствия Ду и Хуана в Шанхае. Они быстро вступили в существующие общества, основали филиалы материнских или свои собственные. Все эти общества были преступными. К 1920 г. триады были порядком институциализированы, а их высшие чиновники — интегрированы в общественную жизнь колонии. Многие жили за фасадом респектабельности: владели легальным бизнесом, регистрировали свои общества как спортивные и социальные клубы. Чтобы избежать внимания властей и междоусобиц, триады договорились поделить Гонконг на криминальные территории. Так, в 1980-е годы общество Во Хоп То контролировало Jaffe Road.

К 1931 г. в Гонконге было восемь первичных триад: Во, Тун, Дун, Чжуэнь, Шин, Фук И Хин, И Онь и Луэнь. Маскировались они по-разному. Так, Фук И Хин зарегистрировалась как Промышленная и торговая генеральная ассоциация Фук И, которая открыто управляла 12 региональными офисами и насчитывала 10 тыс. членов; членские взносы составляли 1 гонконгский доллар в месяц (с. 248).

Будучи преступными синдикатами, многие общества тем не менее занимались и благотворительностью. В годы нужды они давали образование детям своих членов, оплачивали медицинские счета, находили работу для безработных и при необходимости субсидировали семьи. Колониальные власти игнорировали такую деятельность, так как она облегчала давление на социальное обеспечение. Однако был и негативный эффект: это заставляло реальные профсоюзы и гильдии уподобляться триадам, вербуя членов с обрядами и клятвами.

По мере дробления восьми групп триады всё более разобщались. В середине 1930-х годов между ними началось соперничество. Людей убивали или калечили. Полиция пыталась вмешаться, но была бессильна: ей никто не помогал, так как ввиду, пронизанная членами триад, она не могла гарантировать анонимность жертв и свидетелей. И всё же в Гонконге преступность триад никогда не достигала такого уровня правительственной коррупции или преобладания в обществе, как в Китае, особенно в Шанхае.

Положение изменилось в декабре 1941 г., когда колонию захватили японцы. Еще в 1937 г. они прислали коллаборациониста-китайца договориться с триадами. Раздав им щедрые взятки, он заручился поддержкой нескольких обществ. В ходе вторжения одни триады поддержали японцев, другие — британцев; после падения Гонконга вторые сделались прагматиками или ушли в подполье. Были и колеблющиеся триады, которым не доверяли ни оккупанты, ни гоминьдановцы; их членов хватали, пытали, казнили или увозили на Тайвань и в Японию работать в шахтах.

Японцы попытались объединить триады в Организацию процветания Азии и поощряли их деятельность. Когда к зиме 1944–45 гг. в Гонконге возник голод и распространился каннибализм, триады поставили под контроль даже рынок трупов. Однако их главным источником дохода был опиум. Вообще же единственным способом избежать преследования со стороны кэмпэйтай (японской военной полиции) и наполнить свою плошку риса для многих означало быть членом триады.

«Когда в 1945 г. Япония капитулировала, гонконгские триады оказались в наилучшем положении, чем когда-либо. Они не только извлекли выгоду из войны и получили четыре года, чтобы укрепить хватку в преступном мире без вмешательства полиции, но и были фактически анонимны, так как, выполняя часть соглашения о сотрудничестве, японцы уничтожили большинство полицейских архивов о триадах. Для восстановления гражданского порядка британцам понадобилось несколько недель. Триады воспользовались этим наилучшим образом, мародерствуя в пустых зданиях, безнаказанно грабя и устраивая кражи со взломом» (с. 255).

Во второй половине 1940-х годов триады восстанавливали могущество, а полиция была малоэффективна. К тому же триадам помогла серьезная ошибка британцев. После освобождения Гонконг был поставлен под начало временной военной администрации, которая неосмотрительно запретила наркоторговлю. Это дало триадам большие возможности, так как они внезапно оказались монополистами крупного рынка. В довершение всего полиция стала набирать сотрудников, и члены триад выстроились в очередь.

В 1946 г. руководство триад согласилось помочь Гоминьдану против коммунистов, но низшие чиновники не собирались рисковать своими позициями. В китайскую политику всё больше втягивались США. Их поддержка Чан Кайши была такой значительной, что американцы тайно собирались позволить ему занять Гонконг, выгнав британцев. План провалился лишь потому, что королевская эскадра адмирала Харкорта подоспела в Гонконг раньше американской.

Тогда американцы стали финансировать в Гонконге третью силу — ориентированное на триады тайное общество, которое по иронии было зарегистрировано как благотворительная организация — Демократическая партия заморских китайцев (Мань чи тон). Ее долгосрочной целью было свергнуть и Гоминьдан, и коммунистов. Так американцы с помощью спецслужбы сознательно финансировали нелегальную триаду на территории дружественной державы. Однако с приближением победы коммунистов они прекратили поддержку, и Мань Чи Тон была поглощена триадой Во Шин Во.

В конце 1940-х годов масштаб преступных доходов триад резко возрос. Источниками были опиум, торговля пороком, управление рынком труда. К 1947 г. казалось, что Гонконг превращается в крупнейший преступный город в мире, нечто вроде китайского Палермо. Однако возникла угроза, которая касалась не только колониальных властей и местного населения, но и триад. В результате гражданской войны Гонконг наполнили более 600 тыс. беженцев — землевладельцы, фабриканты, офицеры и солдаты, буддийские монахи, торговцы (с. 262). Фабриканты часто прибывали вместе со всеми своими рабочими, причем каждый член семьи вез важную деталь от машин; они сформировали хребет будущей промышленной силы Гонконга, особенно в текстильной отрасли. Многие беженцы победнее селились как скваттеры[1] на горных склонах, и там возникали целые городки из лачуг, лавок, кафе, даже фабрик. Скваттеры были мишенью для триад, которые продавали им строительные материалы, снабжали их нелегальной энергией и водой, продавали пищу, у предпринимателей вымогали деньги. Однако скваттеры принесли с собой собственные тайные общества, ко-

[1] Поселенец на незанятой или государственной земле. — *Здесь и далее прим. реф.*

торые стали конкурировать с гонконгскими триадами. Последним было трудно найти с пришельцами общий язык, так как те происходили из разных этнических групп, имели другие обычаи, говорили на непонятных диалектах. Участились бои за контроль над скваттерскими районами, причем общества скваттеров обычно побеждали. Они организовывали собственную проституцию, рэкет, азартные игры, а также наркоторговлю и через это принесли героин.

Первые героиновые лаборатории в Гонконге финансировал Ду Юэшэн, и они начали работать в 1950 г. для беженцев. Однако в 1950-е годы Зеленая банда потеряла влияние под ударами местных конкурентов. В конечном счете в Гонконге выжили три триады — Во Шин Во, И Онь и 14К.

Группа Во к концу 1950-х годов охватывала 41 общество (с. 266). Некоторые были немногочисленными, иные являлись скорее обществами взаимопомощи, чем бандами. Главное общество группы — Во Шин Во — насчитывало около 10 тыс. членов, включая не только гражданских чиновников и полицейских, но даже британских военных (с. 266). Столько же членов насчитывало общество И Онь. В 1953 г. его руководство было депортировано и общество раздробилось, но позднее воссоединилось под названием Сань И Онь (*сань* на кантонском диалекте значит «новый»).

После поражения Гоминьдана в 1949 г. организатор 14К Кот Сювон с большой свитой бежал в Гонконг, и через два года членство в обществе достигло 10 тыс. (с. 268). В 1950 г. Кот был депортирован: власти опасались, что вокруг него объединятся патриоты и преступники, а Гонконг не мог себе позволить, чтобы в КНР его воспринимали как очаг политических интриг. В 1951 г. Кот тайно вернулся, пытался организовать триады в политическую силу, но неуспешно. После его смерти в 1953 г. между 14К и обществами, которые оно охватило, возникла междоусобица. После восстановления мира и обряда сжигания желтой бумаги 14К вновь стало расширяться. Оно уже было сильнейшим в Гонконге. К 1955 г. число его членов выросло до 80 тыс. человек — как в самой колонии, так и за ее пределами в Юго-Восточной Азии (с. 269). Методы вымогательства 14К были столь безжалостны, что шокировали даже шаньчу других обществ. На улицах Коулуна почти ежедневно можно было видеть шатающегося человека, окровавленного и без пальца или двух.

«Амбициозные и искусные, верхние эшелоны 14К не только монополизировали значительную часть преступных предприятий Гонконга, но и стали расправлять крылья. Захватив немалую долю наркоторговли, они стали покупать опиум-сырец напрямую у производителей, бандитов из Чаочжоу[2] и перемещенных гоминьдановских солдат, которые орудовали в “Золотом треугольнике” — горном неприступном районе выращивания мака между Лаосом, Таиландом и Бирмой. Опиум привозили морем в Гонконг, перерабатывали в героин и не только продавали на месте, но и экспортировали для членов 14К в другие страны Юго-Восточной Азии» (с. 269).

14К была столь наглой, что о ней задали вопросы в парламенте в Лондоне. В 1955 г. гонконгская полиция арестовала 148 членов триады, включая сына Кот Сювона (с. 270). Арест не повлиял на силу общества, но оно потеряло лицо перед другими обществами. Поэтому руководство 14К решило собрать всех преступни-

[2] Район, ныне городской округ в китайской провинции Гуандун.

ков Гонконга в одну зонтичную организацию. На это откликнулся Чан Кайши. Он понимал, что если сможет отнять Гонконг у британцев, то получит точку опоры в материковом Китае, который станет пропагандистским инструментом против Мао, а может, и плацдармом нападения на КНР. Весь план был типичными для Чана мечтаниями без шансов на успех, но ему было важно вернуть доверие на Тайване и получать американскую помощь.

Китайская Республика стала выделять 14К средства из американской помощи и сообщать сведения о британских силах в Гонконге и Малайе. На октябрь 1956 г. была назначена встреча руководства 14К и Тайваня (включая Чана). Однако незадолго до нее 14К подверглось полицейскому преследованию, хотя и не по этой причине. Один чиновник по расселению, следуя букве закона, стал срывать вывешенные беженцами флаги Гоминьдана, что вызвало беспорядки, в которых погибли 62 человека (с. 273). Выяснилось, что подстрекали к ним члены 14К. Триада серьезно просчиталась, думала, что может свергнуть британцев. Последние пришли в ярость и занялись проблемой просачивания триад в полицию. За следующие 18 месяцев было арестовано более 10 тыс. членов триад, из которых более 500 были депортированы. Правда, по официальной оценке, это составляло не более 3% численности преступников колонии (с. 274). Депортация в КНР не разрешалась, так как это было равносильно казни, поэтому большинство отправляли на Тайвань. Это была ошибка: депортированные были в состоянии продолжать преступную жизнь.

Эти события научили триады, что объединение невозможно. Также они поняли, что надо затаиться и консолидировать позиции. В поисках нового криминального бизнеса они всё больше разворачивались к наркотикам. К 1960-м годам триады оказались в состоянии интернационализировать наркоторговлю.

Беспорядки 1956 г. в Гонконге привели к тому, что триады стали рассматривать как чисто криминальные организации. В течение следующих 10 лет они находились под полицейским наблюдением. Некоторые триады стали информаторами властей, так как старались подорвать позиции других. Когда в 1967 г. китайская «культурная революция» перекинулась на Гонконг в виде прокоммунистических беспорядков и взрывов бомб, члены триад выступали осведомителями полиции против коммунистов. У них был свой интерес: левые профсоюзы были их главными конкурентами в контроле над рынком труда.

Коррупция триад во всех ветвях власти была серьезной. Власти ею не занимались по ряду причин: этому противодействовали сочувствующие триадам в администрации, считалось, что «пусть спящий дракон спит», да и вообще коррупция была частью китайской жизни. В конце концов Гонконг оставался одним из самых безопасных городов в мире, и общественность редко сталкивалась с членами триад в открытую. «Триады были приемлемым злом. Лавочники встроили издержки на защиту в свои цены, а компании по работе с недвижимостью отчитывались за грабительские трудовые издержки в своих бюджетах. Триады были немногим более, чем неофициальный налог на добавленную стоимость, неудобным, но приемлемым. В конечном счете этой системе преступного *laissez-faire* хватало наркоторговли» (с. 278).

К середине 1960-х годов героин становился мощным международным преступным и политическим инструментом подрывной деятельности. К этому при-

влек внимание американский профессор Алфред Маккой в книге «Политика героина» (1972). Выход этой книги стал взрывом бомбы. Она показала, как в тайных операциях США использовался героин для подрыва правительств. Согласно А. Маккою, гонконгская полиция была коррумпирована насквозь. Согласно внутреннему расследованию, 35% полицейских-китайцев были членами триад (с. 279). В гражданских ветвях управления их доля была ниже, но всё же существенна. Триады использовали против полиции не только коррупцию, но и запугивание. Считалось, что коррупция не выходит выше уровня инспектора и никогда не затрагивает офицеров-европейцев. Это было заблуждением. В 1973 г. был выдан орден на арест весьма высокопоставленного офицера Питера Годбера, на канадских счетах которого оказалось необычно много денег. Он спешно покинул Гонконг, но в 1975 г. Британия выдала его колонии, где его приговорили к четырем годам тюрьмы.

Скандал с Годбером потряс Гонконг. Власти больше не могли игнорировать просачивание членов триад в государственный аппарат. Была учреждена Независимая антикоррупционная комиссия, которая стала расследовать коррупцию в полиции и в течение года возбудила 500 дел (с. 281). Выяснилось, что даже в Бюро по триадам пять ключевых членов (сержанты) — высокопоставленные члены триад. Главной фигурой был сержант Луй Лок, награжденный несколькими полицейскими медалями. Он оказался старшим членом 14К и имел прозвище Дай Ло (Большой начальник). За годы службы Луй и четверо других незаконно нажили более 1,5 млн. гонконгских долларов (с. 282). Предупрежденный коллегами, Луй в 1974 г. ушел в отставку и бежал из колонии. Все пятеро (известные как Пять драконов) улетели в Ванкувер, который был центром отмывания гонконгских «грязных денег» и каналом контрабандного ввоза героина в Северную Америку. В Канаде они основали Корпорацию пяти драконов, но ее пришлось закрыть и уехать на Тайвань, где они с размахом занялись легальным и нелегальным бизнесом.

На Тайване, «более не бросающиеся в глаза, многие изгнанники-нелегалы из Гонконга не оставили криминальной деятельности. Они вкладывали немалые средства в наркоторговлю и существенно увеличили ее международные масштабы. Они изучали и финансировали все другие виды международной преступной деятельности, с которыми пересекались. Ворочая миллионами, они оказывали значительное влияние на международную преступность и сыграли ключевую роль в финансировании глобальной экспансии деятельности триад в середине 1970-х годов» (с. 283–284).

В Гонконге антикоррупционная комиссия очистила полицию от большинства членов триад. Правда, годы коррупция ослабили эту службу и найти высших чиновников триад ей по-прежнему было не под силу. Отчасти причиной послужил тайный правительственный отчет 1976 г., согласно которому триады существовали в основном лишь в названии. Это привело к закрытию коррумпированного Бюро по триадам и приуменьшению их проблемы. Триады воспользовались этим, расширяли членство и развивали инфраструктуру.

В 1970-е годы в Гонконге было три главных героиновых дилера из числа триад Чаочжоу — Ма Сикъю, его младший брат Ма Сикчунь и Ын Сикхо. Ма Сикъю начал торговать наркотиками в 1967 г. Он съездил в «Золотой треугольник» и договорился с гоминьдановским генералом Ли Вэньхуанем, который стал снабжать его героином. Более того, Ли познакомил Ма с сотрудниками тайваньской разведки, ко-

торые были также членами Объединенного бамбукового общества. Те завербовали Ма, и через три года он одновременно торговал героином и управлял разветвленной шпионской сетью в Юго-Восточной Азии.

Ма Сикчунь оставался в Гонконге, где получал героин, отмывал доходы и вкладывал средства в легальный бизнес. В 1969 г. он основал Oriental Press Group, флагманским органом которой стала Oriental Daily News, одна из самых популярных гонконгских газет. Сикъю так уважали, что избрали членом Королевского гонконгского жокейного клуба, куда допускали немногих. Как и младший брат, он щедро жертвовал на благотворительность и жил на широкую ногу. В начале 1970-х годов братья Ма приняли партнером своего племянника Ма Вуньиня, который стал отвечать за отмывание денег. В Индокитае братья Ма не ограничивались связями с генералом Ли, а, как все хорошие бизнесмены, рассредоточили риски. В сговоре с другими триадами Чаочжоу они закупали опиум у повстанцев Бирмы и перерабатывали его в героин № 4 в Таиланде. В Лаосе Ма заключили соглашение о поставках с генералом Уаном Раттиконе, который перевозил произведенный им героин на самолетах вооруженных сил Лаоса или авиакомпании ЦРУ Air America. Центром операций братьев Ма служил Вьетнам, где военные были насквозь коррумпированы так же, как в Таиланде.

Правда, когда в 1973 г. США объявили, что уходят из Вьетнама, братья Ма были застигнуты врасплох. Им пришлось выйти на международный уровень и последовать за рынком на противоположный берег Тихого океана. Понимая, что в одиночку этого не сделать, Ма Сикъю завязал связи с синдикатами организованной преступности в Северной Америке и Европе. Так, контактом стал мафиозо из Флориды Фрэнк Фурчи, который успел «поработать» в Сайгоне и перебрался в Гонконг. Пытались Ма наладить партнерство и с японскими преступными синдикатами якудза, но те не проявили интереса. Зато в 1971 г. Ма установили контакт с преступным синдикатом Сингапура и стали иметь дела со связанной с триадами Чаочжоу группой «Сайгонские ковбои». Чтобы не вызывать противодействия других триад, Ма заключили с ними соглашения: Во Шин Во стала отвечать за импорт наркотиков морем в Гонконг, 14К организовывала героиновые лаборатории, а Сань И Онь обеспечивала подкуп полиции и таможни. Так Ма показали триадам, как благодаря организации и диверсификации можно стать крупными международными игроками.

В 1970-е годы доля героиновых наркоманов в Гонконге резко выросла. То же произошло в Америке и Европе — отчасти из-за наплыва наркоманов-военных из Вьетнама, отчасти из-за усилий мафии потеснить героином кокаин. После победы во Вьетнаме коммунистов пути поставок изменились: героин шел не через Сайгон, а через Бангкок, где триады Чаочжоу были в сговоре с военными. В 1976 г. гонконгская полиция создала специальный отряд по борьбе с Ма. По иронии помогало ему ЦРУ, которое несколько изменило отношение к азиатской наркоторговле. В 1977 г. Ма Сикъю бежал на Тайвань, который не выдал его несмотря на ордер Интерпола. Сикчунь и Вуньинь были арестованы, но освобождены под залог. Не дожидаясь суда, они выскользнули ночью из дома и последовали за Сикъю в Тайбэй. Там их формально арестовали и посадили на год в тюрьму за подделку документов, но вскоре они были замечены в ресторане с двумя бывшими гонконгскими полицейскими, одним из которых был Луй Лок.

Всё это навредило им мало: Ма просто перенесли операции на Тайвань. Ма Сикъю умер в 1992 г. Легальные предприятия братьев были разбросаны по Восточной Азии, Европе, Северной Америке и Австралии. Ма Сикчунь хотел вернуться в Гонконг. Его сын Ма Чинкуань понимал, что единственный выход — получить для отца помилование или залог по причине слабого здоровья, поэтому в 1990-е годы пытался заручиться поддержкой британского правительства. Согласно Sunday Times, Oriental Press Group пожертвовала значительные суммы консервативной партии. Премьер-министр Джон Мэйджор принял Ма-младшего на Даунинг-стрит, чтобы поблагодарить за щедрость. Добиться разрешения похоронить отца, когда он умрет, в Гонконге, тому так и не удалось, и тогда он потребовал вернуть политические пожертвования. Преемник Мэйджора на посту лидера консервативной партии Уильям Хэйг пытался замять дело, но ущерб был нанесен[3].

Главным конкурентом братьев Ма в наркоторговле был Ын Сикхо (1929–91). Он быстро выдвинулся в рядах триады Сам Шин Шэ, но нажил врагов из-за того, что продавал героин на территории другой триады. Его подловили и в виде предупреждения избили тяжелой дубинкой по ноге, чем сделали хромым на всю жизнь. Так он получил прозвище Хромой Хэ. В 1967 г. Ын наладил поставки морфина из Бангкока и производство героина в самом Гонконге. К 1970 г. его годовой доход превысил 22 млн. долларов США (с. 300). Были у Ына и легальные инвестиции, например, сеть ресторанов и Гонконгская компания драгоценных камней. Владел Ын (через жену) и четырьмя нелегальными казино. Хотя полиция была подкуплена, «подушкой безопасности» здесь служили не только взятки, но и клиентура — она включала ряд магнатов с хорошими связями, высокопоставленных гражданских чиновников, юристов и банкиров. Своих людей в полиции у Ына насчитывалось около 200, включая британского старшего офицера, а в его бизнесе были заняты более 1500 человек (с. 301).

«Ын Сикхо был исключительно умен. Он никогда лично не занимался поставками или сбытом наркотиков, не играл в азартные игры, пил умеренно, а наркотики не употреблял… Теперь один из крупнейших наркодилеров Дальнего Востока, Ын приобрел значительную власть. Он состоял членом нескольких обществ, его различные лояльности гарантировали ему безопасность от слишком многочисленных ответных действий или зависти. Триады уважали его, а главные проблемы ему приносили конкурирующие триады Чаочжоу в Таиланде, которые периодически казнили его курьеров в тщетной попытке отвоевать часть наркорынка, который потеряли из-за его превосходства в организационных способностях. Однако Ына, как и братьев Ма, не устраивало быть крупной рыбой в маленьком пруду. В 1971 г. он решил, что готов расширяться. Как и Ма, он знал, что идти вперед — это выходить на международный уровень, что означало иметь дела с мафией» (с. 301–302).

Триады Чаочжоу из Таиланда уже работали с американскими мафиози через Вьетнам, но это Ына не остановило. Он встретился в Японии с мафиози, включая представителей Санто Траффиканте-младшего, которые искали новые пути поставок после закрытия Франции. Полгода Ын поставлял героин в США через Японию, Южную Америку и Карибское море, но затем мафиози заявили, что он надменен и

[3] Ма Сикчунь умер в 2015 г. на Тайване.

ненадежен. На деле это просто была победа триад-конкурентов из Таиланда; приложили руку и братья Ма.

Потерпев неудачу в Северной Америке, Ын обратил взоры к Европе. Здесь Ахиллесовой пятой были Нидерланды, где отношение к употреблению наркотиков исключительно либеральное. Малайзийские и сингапурские триады уже ввозили героин через эту страну, но были слабо организованы. Ын снарядил грузовое судно, завел в Сингапуре героиновую лабораторию и наладил поставки наркотика в Амстердам авиацией. Однако триады из Таиланда обратились к представителям Управления по борьбе с наркотиками США в Бангкоке, а те предупредили сингапурскую полицию. Ыну пришлось перейти на использование доверенных гонконгских курьеров. В 1972 г. полиция совершила налет на два объекта Ына в Гонконге, где обнаружила более 700 кг опиума-сырца и 80 кг морфина (с. 305). Были проведены аресты, но никто не заговорил.

К 1973 г. Ын стал крупнейшим экспортером героина в Европу, а избыток поступал в США. В следующем году был убит капитан рыболовной джонки Лён Фатхэй, который работал на Ына и обманул его. При расследовании всплыло имя Ына, он запаниковал и бежал на Тайвань. Вскоре он вернулся, но Бюро по наркотикам занялось им плотно. К тому же росла неприязнь к Ыну со стороны братьев по триадам: он становился слишком наглым, кичился богатством, а это было не по нраву консервативным старейшинам. Сведения в Бюро по наркотикам передали и братья Ма. В конце 1974 г. Ын Сикхо был арестован и были проведены облавы. В следующем году его приговорили к 30 годам заключения. Впервые гонконгская полиция успешно предъявила обвинение такому крупному преступнику. Разобраться в предприятиях Ына оказалось сложно, так как его империя охватывала бóльшую часть Юго-Восточной Азии, Швейцарию (где он имел счета), Париж, Амстердам и Нью-Йорк. Разбирательство привело к появлению новой профессии — бухгалтера-криминалиста. В 1990 г. Ына выпустили под залог из-за рака печени, и в следующем году он умер.

В 1987 г. тайная полицейская команда инспектора Стива Викерса наконец развеяла миф о непобедимости триад. Это стало возможным благодаря двум отважным агентам, которых звали Ю Камчён и Ма Чимань. Просачивание в триаду весьма опасно, так как раскрытие означает верную и часто болезненную смерть. К тому же это трудно, так как в принятии новых членов триады осмотрительны. Два агента приступили к заданию еще в 1979 г., сделавшись уличными торговцами в Монкоке, в сердце территории 14К. Вскоре они вступили в связанный с этой триадой клуб боевых искусств, который служил вербовочным центром. Ма удалось попасть в ряды «сорокадевяток», и собранная развединформация оказалась бесценной. Команда Викерса расследовала убийства, связанные с рэкетом игорного бизнеса, совершенные членами Нгай — подгруппы 14К. Арестованные выдали структуру этой группы и нелегального игорного бизнеса 14К. В июле 1986 г. была проведена масштабная облава и арестованы 53 подозреваемых (с. 314).

Семь обвиняемых были признаны виновными, и общественность увидела в полиции эффективный инструмент борьбы с триадами. Вскоре триады получили новый удар в виде операции Amesbury, мишенью которой было руководство Сань И Онь — одной из крупнейших триад Гонконга. К этому времени ее членство пре-

высило 33 тыс. человек, из которых 1400 были должностными лицами (с. 316). Руководство триадой было эффективным, что для Гонконга было неслыханным, так как обычно триады раздирались распрями. К тому же структура Сань И Онь напоминала корпоративную. «Драконья голова» управлял организацией уже около 30 лет вместе с восемью советниками; повседневный контроль осуществляли чиновники более низкого ранга, известные как «ответственные люди». «Драконьей головой» оказался Хён Ва Им (род. 1932), работавший старшим клерком в известной фирме солиситоров «Сэмюэл Су и компания». Он был директором-акционером Fair Finance Company, владел школой маджонга[4]. Арестованный в апреле 1987 г., Хён был приговорен к семи годам тюрьмы, но к ярости полиции через два года был освобожден по апелляции.

Антитриадные полицейские кампании в Гонконге продолжались все 1990-е годы, так как преступность сохранялась на всех уровнях общества. Не без оснований считают, что член триады присутствует в каждой юридической фирме города и часто отвечает за новые контракты. Численность триад неясна. Управление по борьбе с наркотиками США утверждает, что в Гонконге 150–250 тыс. членов, тогда как оценки гонконгской полиции скромнее. По-разному оценивают и структуру триад: одни считают, что это сплоченные группы, подобно мафиозным «семьям», тогда как, по мнению других, триады состоят из отдельных банд численностью до ста человек. Несомненно, что триады Гонконга по-прежнему входят в три основные группы: 14К (в составе 20 подгрупп), Во (12 подгрупп, включая Во Шин Во и Во Онь Лок) и Чаочжоу (шесть подгрупп, из которых крупнейшая — Сань И Онь). Есть еще четыре других группы, в которые входят в общей сложности 13 обществ (с. 325).

Хотя за период второй половины XIX – XX в. Гонконг служил триадам надежной базой, штаб-квартирой он не был. По мере того, как по миру распространялась китайская диаспора, с ней неизбежно путешествовали и триады.

Первым регионом экспансии была Юго-Восточная Азия. Уезжая в Индокитай и Индонезию, купцы брали с собой кули, а с кули приходили триады. На первых порах они были не преступными синдикатами, а обществами, которые заботились о нуждах кули и давали им чувство идентичности. К 1900 г. в одном Сайгоне насчитывалось более 200 обществ (с. 328). Они походили на триады Китая, но имели и политическую цель — выгнать французских колонизаторов, которые, в отличие от патерналистских британцев или жадных до торговли голландцев, были жестокими хозяевами.

Однако вскоре триады занялись преступной деятельностью, обирая соотечественников, сбывая им опиум, ссужая им деньги с грабительскими процентами, обеспечивая их женщинами и контролируя их занятость. Они помогали китайцам уворачиваться от закона и предлагали защиту не только китайцам, но и колониальному бизнесу.

В малайском мире первое постоянное поселение китайцев возникло в Палембанге на Суматре в 1349 г. Ко времени прибытия португальцев в Малакку в 1511 г. китайцы уже там торговали. Массовая эмиграция китайцев началась в 1820-е годы, когда тысячи поехали в Ассам на чайные плантации. Они бежали от высокой ренты

[4] Маджонг — искаженное название китайской настольной игры мэцзян.

землевладельцев, высоких налогов и голода. К 1900 г. насчитывалось 60 тыс. китайцев в Рангуне, 120 тыс. в Сайгоне и 200 тыс. в Бангкоке, а в Сингапуре они составили этническое большинство (с. 329). Большинство мигрантов происходили из Фуцзяни и Гуандуна. С самого начала ими занимались контролируемые триадами агенты по транспортировке кули и иностранные капитаны; более трети последних составляли американцы, многие из них — опытные рабовладельцы. Иммигрантский бизнес в обиходе называли свиной торговлей: китайцев, набитых в загоны подобно животных, рассматривали как товар. По донесению британского консула в Гуанчжоу в 1852 г., их часто помечали буквами, как скот, исходя из пункта назначения: P означало Перу, C — Калифорнию, S — Сандвичевы острова. Более 95% были законтрактованными работниками, которые платили за проезд авансом от будущих работодателей или ростовщиков из триад (с. 329). Остальные были преступниками, депортированными или жертвами похищений (неслучайно возник английский глагол to shanghai «похитить»).

Ранние португальские администраторы в Малайе управляли китайцами с помощью «капитанской системы», внедренной в Малакке в 1580-е годы: китайцы управляли своими делами сами под началом капитана — назначенного португальцами главы общины. Когда Малайю заняли британцы, они расширили систему: «капитан» стал магистратом, который решал спорные вопросы и выступал как суд низшей инстанции. В 1825 г. этот порядок заменили системой *тинчжу* («хозяин храма»), центром которой был лидер, избранный видными членами общины, тяготеющей к местному храму.

В теории «капитаны» были китайскими низшими администраторами, но они сталкивались с проблемами, которых иностранные колонизаторы не понимали. Китайские общины были дисперсными группами в составе выходцев из разных кланов и регионов Китая. Нужен был механизм объединения, и обеспечили его триады. Хотя некоторые из них были основаны на клане или землячестве, многие были открыты для любого китайца. В реальности заместителями «капитанов» и тинчжу стали шаньчу триад.

Вначале триады действовали открыто, и тайными были лишь их ритуалы. Триады регистрировались как благотворительные общества, заботились о новоприбывших и часто устраивали им переезд из Китая совместно с триадами на родине. Членство было почти обязательным. В 1795 г. британские власти Малакки обнаружили, что в триады входит каждый китаец города. Когда Стэмфорд Раффлз в 1819 г. основал Сингапур, на работу туда бросились китайские кули, все — члены триад. За десять лет будущий город-государство стал центром триад всего Малаккского полуострова. Когда в Малайе возникли шахты и каучуковые плантации, их владельцы для получения рабочей силы опирались на импортеров китайских кули из триад.

Упоминание о первой триаде в Сингапуре — Тхянь тихуэй — относится к 1830 г.; ее члены были в основном политическими добровольными изгнанниками. Европейцы называли членов этой триады huyes, и это название за триадами Малайи закрепилось. Первое их исследование вышло уже в 1841 г. (лейтенант Ньюболд и майор Уилсон). Триады были столь могущественны, что в 1843 г. китайские купцы приняли на собрании резолюцию о целесообразности закона для борьбы с ними из-за их вымогательства. Закон был принят, но был бессилен. В Синга-

пуре годами вспыхивали бунты, иногда антибританские, с жалобами на неэффективность борьбы с триадами, но чаще против триад или спровоцированные их соперничеством. В 1863 г. война между двумя триадами (Гихинь и То Пэкон) возникла в Пинанге. Эти беспорядки привели к созданию комиссии, которая расследовала деятельность и историю триад, оценила их численность (крупнейшей была Гихинь со 125 тыс. членов) и рекомендовала их регистрировать.

Регистрация триады не ослабила. Это продемонстрировали Ларутские войны 1872–74 гг., когда в ходе борьбы за наследование трона в султанате Перак триады Гихинь и Хайсань поддержали разных претендентов.

К 1870-м годам китайцы составили более четверти населения Малайи. В 1876 г. колониальный чиновник и востоковед У. Пикеринг опубликовал статью, где заявил, что британцам необходимо защищать малайцев от китайцев, а последних — от взаимной резни. Впоследствии его назначили покровителем китайцев, и он пытался остановить эксплуатацию кули со стороны работодателей и триад. Правда, через несколько недель после выхода статьи Пикеринга в Пераке нашли убитым топором капитана Ллойда. Убийство было организовано обществом Хэсэн. Для триад оно было типичным по методу, но необычным по объекту (убийство европейца) и имело целью отучить британцев вмешиваться в их дела.

Процветание Малайи означало всё новые возможности для преступной деятельности, чем и пользовались триады. Несмотря на это, многие были настроены антибритански. Триадам был выгоден антиимпериализм, так как их положение в стране было непрочным. Малайцы воспринимали китайцев как таких же непрошенных гостей, какими были европейцы. Китайцы отличались от коренного населения по этносу, религии (были буддистами или даосами, тогда как малайцы — мусульмане), обычаями. К тому же китайцы были оппортунистами, и малайцы воспринимали их так же, как многие европейцы — евреев: как напористых, ориентированных на деньги выскочек, которые держатся вместе и заботятся только о своих интересах. Китайцы старались нейтрализовать это отношение, тоже рассматривая британцев как колониальных деспотов.

В годы Первой мировой войны триады в Малайе в основном продолжали преступную деятельность. К 1920 г. крупнейшими триадами в Малайе и Сингапуре были Цунфак, Хайсань, Цунсунь Конси и Сань Гихинь. Они были активны, но начинали терять корни и традиции, упрощая обряды, укорачивая и маскируя членские билеты и сокращая число сходок, чтобы избежать разоблачения. В 1920-е годы в союз с триадами начали вступать их малайские аналоги — «флажные общества» (Красного и Белого флага). Так, общество Белого флага, исходно благотворительная организация для тамилов и мусульман из Мадраса, заключило тайное соглашение с Сань Гихинь в Сингапуре и выродилась в преступную группу. К 1930-м годам свои тайные общества по образцу триад стали создавать малайцы — отчасти чтобы противостоять китайцам, отчасти чтобы просочиться в правящие круги в случае предоставления стране независимости.

В отличие от триад в большинстве зарубежных стран китайские триады в Малайе имели не только криминальную, но и политическую повестку. Началось это в 1905 г., когда в Сингапур прибыл Сунь Ятсен. Китайская община пожертвовала ему немало средств, причем большая их доля была нажита преступностью триад. Хотя

с начала XX в. триады в Малайе были запрещены, британская полиция преследовала их только тогда, когда они приносили очевидные проблемы. Результатом стало засилье тайных обществ почти во всех аспектах жизни китайской общины в Малайе.

В годы японской оккупации триады боролись с захватчиками. В Гонконге некоторые триады сотрудничали с японцами, но в Малайе, Сингапуре и на Суматре они стали подпольным движением, помогая любым врагам оккупантов. Так, триады взорвали мосты на железной дороге Куала-Лумпур – Серембан; уничтожение одного из мостов привело к ответной резне японцами трехсот китайцев (с. 346). Члены триад помогали агентам союзников. Многие были завербованы через сингапурского купца в Чунцине Лим Босена с кодовым именем Густавус. Он был высокопоставленным чиновником триады, а в Китае был завербован гоминьдановским генералом Дай Ли. Другой важный член триад, Чжан Хун, был видным человеком в Коммунистической партии Малайи (КПМ) и Антияпонском союзе народов Малайи, которые контролировали много партизанских отрядов. Вооружали и обучали их агенты британского Управления специальных операций. После войны обнаружили, что Чжан Хун сидел на двух стульях и передавал информацию японцам. Он предал много партизанских командиров, а в сентябре 1945 г. исчез с большей частью казны КПМ.

После освобождения Малайи триады стали реорганизовываться и к 1948 г. считались главной криминальной угрозой. Они были хорошо вооружены и опасны. В Сингапуре перестрелки между полицией и триадами происходили почти каждую неделю. Когда КПМ начала партизанскую войну против британцев, триады стали продавать ей оружие и шпионить в ее пользу, хотя их товарищи в Китае воевали с Мао. В Сингапуре британцы для борьбы с триадами и коммунистами провели операцию «Кинжал» (продолжалась до 1963 г.). К октябрю 1959 г. преступность триад так распространилась, что 10 тыс. членам триад города власти объявили амнистию (с. 349). Операция серьезно ослабила триады полуострова. К 1970-м годам в Сингапуре осталось три крупных общества — Ан Сутон, Гуат Саньси и Сиокихо. В 1975 г. сингапурская полиция начала масштабную операцию, арестовав более 200 подозреваемых (с. 350). В том же году против триад выступила полиция Малайзии. Это изменило расклад сил на полуострове, и к 1980 г. доминирующей триадой Куала-Лумпура была Ва Ки, а Сингапура и ряда малайзийских городов — Ан Бунхуэй. Они занимались традиционными видами преступлений и в придачу были крупными игроками в международной наркоторговле. К концу XX в. против триад были приняты суровые законы. Некоторые из них были столь драконовскими, что вызывали жалобы правозащитников. В Сингапуре, где наркоторговля карается смертью, члены триад и им подобные рэкетиры могут удерживаться в тюрьме без суда.

«Сегодня триады существуют, чтобы обеспечивать доход своим членам. Какие бы мотивации они ни имели в прошлом — патриотизм, братство, религиозные убеждения, политическую агитацию или социальную ответственность, — эти мотивации всегда шли бок о бок со стремлением к наживе. За последние 50 лет финансовый стимул искоренил все другие цели» (с. 353). Преступная деятельность делится на три основных вида: обычная уличная преступность, более крупные криминальные предприятия, «корпоративные» предприятия. Первый вид преступности осуществляется «красными дубинками» и «сорокадевятками», второй — чи-

новниками триад среднего ранга при поддержке упомянутых, третий — высшими чиновниками при поддержке специалистов и бизнес-партнеров, которые не обязательно входят в триады. Кстати, сегодня не все «красные дубинки» и «сорокадевятки» — уличные головорезы с оружием; иные могут искуснее обращаться с компьютером, чем с мясницким ножом.

Триады по-прежнему облагают рэкетом рестораны и видеомагазины. В некоторых местах они продолжают управлять рынком труда. Например, в Гонконге они предоставляют услуги нелегальных такси. Гонконгский строительный бизнес, — вероятно, самая доходная сфера деятельности триад в мире. Они взимают высокую плату за то, чтобы монтажники строительных лесов и грузовики с цементом прибывали вовремя, строители не болели, а в бетон не была бы подмешана соль. По оценкам, до 12% стоимости небоскреба списывают на отступные — а средняя стоимость его возведения составляет 4 млрд. гонконгских долларов (с. 358).

Крепка хватка триад и на успешной киноиндустрии Гонконга. Так, Сань И Онь периодически требовала с кинокомпаний «ренту» за улицы, на которых шла съемка. Взимают триады и плату за парковку или доставку грузов. Конечно, немало дохода приносит розничная торговля наркотиками. На религиозных праздниках триады организуют «пожертвования» лавочников и прохожих. Давно связаны триады и с торговлей пороком. Еще с середины XIX в. триады ввозили в страны Юго-Восточной Азии (и не только) девушек из Китая, иногда возрастом 12 лет, которых их семьи часто продавали, чтобы избежать потери лица из-за неспособности обеспечить приданое.

В число главных видов деятельности триад обычные грабежи не входят: это слишком рискованно. Но иногда триады грабят ювелирные магазины, особенно в Гонконге. Самым известным разбойником в этой сфере был Ип Кайфунь. Однако чаще триады промышляли кражами. В 1950–60-е годы в туристических районах Гонконга орудовали банды карманников. Триады давно поняли, что чем реже они будут прибегать к насилию, тем меньше усилий будет предпринимать полиция по борьбе с ними.

Один из типичных видов преступлений триад — похищения. В Гонконге периодически исчезают предприниматели, причем некоторые — навсегда. Так, председатель одного из крупнейших конгломератов по недвижимости города Сун Хункай — Уолтер Куок Пиншён — был освобожден за выкуп в 600 млн. гонконгских долларов (с. 374). В 1986 г. в Манчестере члены Во Шин Во похитили задолжавшего им китайского бизнесмена Терри Тама. Правда, его освободила полиция.

Занимаются триады и ростовщичеством, которое в Китае существует не менее двух столетий. Банки появились в стране лишь к середине XX в., поэтому триады всегда находились в выгодном положении, чтобы ссужать средства, нажитые преступной деятельностью. И сегодня люди обращаются к ростовщикам — членам триад за суммами, которых не могут получить в банке — либо потому, что деньги нужны на сомнительные цели, либо потому, что у заемщика нет залога. Займы предоставляются наличными по весьма высоким процентам (до 20% в неделю) (с. 376). Неспособность погасить долг ведет к росту процентов, и заемщик оказывается в ловушке растущего годами долга. Дальнейшая неспособность погасить долг ведет к увечьям или убийству члена семьи жертвы, а в конечном счете и его самого.

Крупным источником доходов триад служит игорный бизнес. Он осуществляется в китайских общинах по всему миру, так как китайцы — народ азартных игроков. До Второй мировой войны были популярны петушиные и собачьи бои; популярными остаются бои сверчков. Распространены игры на удачу, прежде всего маджонг, *фаньтань* и *дянькау*. Гонконг — один из главных центров лошадиных скачек в мире. Гонконгский жокейный клуб — самая богатая ассоциация конного спорта в мире, все прибыли от деятельности которой идут на создание образовательных, здравоохранительных и рекреационных учреждений. Однако триады нашли способы обходить систему, например, наблюдать за скачками в бинокль и передавать информацию по мобильному телефону в нелегальные букмекерские лавки в Макао или Гуанчжоу. Легче проникнуть в казино в Макао, так что этот город теперь — Монте-Карло или Лас-Вегас Азии. С 1960-х годов главной фигурой в этой индустрии был Стэнли Хо Хунсунь, состояние которого оценивали в 800 млн. долларов США (с. 380). Его отец был компрадором у иракско-еврейской семьи Сассунов, которая в 1870-е годы контролировала ¾ опиумной торговли Китая (с. 380). Уже к 1959 г. Хо был одним из богатейших жителей Гонконга, во многом благодаря тому, что мог торговать золотом в Макао, так как Португалия не была участником международного Бреттон-Вудского соглашения по рынку золота. Игорный бизнес в Макао был разрешен, а главное казино находилось в гостинице «Лиссабон». Со временем Хо распространил свою империю отелей и казино на Пакистан, Австралию, Малайзию и другие страны. На Филиппинах он получил концессию на игорный бизнес от президента (1965–86) Фердинанда Маркоса, который навязался ему в партнеры. Мнения об отношениях Хо с триадами разнятся. Одни считают, что он — высокопоставленный чиновник триад, другие — что он лишь имеет с ними тесные контакты, третьи — что ему приходилось не раз договариваться с ними, чтобы остаться в игорном бизнесе.

Перечисленные виды преступной деятельности — по сути традиционные в том смысле, что это модернизированные версии тех видов деятельности, которыми триады занимались в некоторых случаях веками. Следующий уровень преступности современнее и имеет тенденцию выходить на международную арену. Самый явный из таких видов деятельности — торговля подделками, которая служит эффективным средством отмывания денег. Еще в 1880-е годы триады чеканили фальшивую малайскую, тайскую и гонконгскую валюту. В начале 1960-х годов они производили из алюминия большое количество поддельных гонконгских монет достоинством в 50 центов. К концу XX в. триады сосредоточились на других товарах, например, контрафактных наручных часах и предметах одежды. Многомиллионным бизнесом выступает подделка программного обеспечения. По оценке Business Software Alliance, в 1996 г. из 523 млн. новых приложений 225 млн. были поддельными, что означало убытки для производителей в размере 11,2 млрд. долларов США (с. 388). «Всемирным торговым центром» этого нелегального бизнеса к концу XX в. стал один квартал в Гонконге, о котором знал каждый компьютерный знаток в мире. Он был известен как Золотой пассаж, где находилось более 200 магазинов, сбывавших пиратские материалы (с. 389). Иногда там можно было купить α- и β-версии программ до их официального выпуска. Занимаются триады и подделкой облигаций, акций, паспортов и кредитных карт. Такие карты работают до месяца, пока владелец настоящей карты не

обнаружит операции, которых он не совершал. Тем не менее подделка триадами карт составляет около 40% мирового объема; в 1996 г. прибыль от этого вида преступной деятельности достигла 350 млн. долларов США (с. 393).

«Всевозможная подделка финансируется двумя путями: либо из “грязных” денег, полученных через наркотики и другую незаконную деятельность, либо от легальных бизнесменов, инвестирующих в предприятия триад. Поскольку эти преступления считаются “без жертв” — никто не умирает от поддельного “Ролекса” или MasterCard, как могли бы от дозы героина, — это снижает риск вовлеченности в них, так как полиция в иерархии своих приоритетов, естественно, ставит наркотики и порок выше. Однако, конечно, ни одно преступление не совершается без жертв, а прибыли от подделок с готовностью вкладываются в другие виды организованной преступности» (с. 393).

К 1980-м годам интерес триад к киноиндустрии поменял направление. Многие группы уже не довольствовались рэкетом, а пытались участвовать в производстве и дистрибуции. Китайские фильмы приносят большую прибыль — в худшем случае 300%, в лучшем — 1500% (с. 394). Есть у триад и другая причина продвигать гонконгские фильмы, особенно о кунфу: они привлекают к триадам внимание и даже романтизируют их. Так, «Быть номером один» (1991) был успешным фильмом о жизни Ын Сикхо. К 1990 г. киноиндустрия Гонконга была крупнейшей в мире после Голливуда и Бомбея. Продюсеры и директора из членов триад предлагали роли кинозвездам, а когда те отказывались, триады прибегали к запугиванию. В 1992 г. ведущие кинопроизводители и звезды провели смелую демонстрацию, протестуя против просачивания триад в их бизнес. Правда к 1994 г. гонконгская киноиндустрия вступила в упадок из-за исчерпанности сюжетов и конкуренции западных фильмов. Соответственно, интерес триад к этой сфере снизился. И всё же они продолжали в нее идти. Так, братья Хён Ваима Чарльз и Джимми Хёны производили фильмы, дав импульс кинозвезде Джету Ли.

Веками триады занимались контрабандой. До Второй мировой войны они вместе с пиратами орудовали по всей Юго-Восточной Азии. В годы войны связанные с союзниками триады возили оружие и пищу партизанам, перевозили беженцев и работали с Управлением специальных операций; противостояли им прояпонские триады. После войны триады использовали созданные сети для контрабанды. Одна из самых успешных сетей занималась перевозками сигарет с Тайваня на Филиппины, где давно имелась многочисленная китайская община. С контрабандой сигарет через триады был связан Маркос; он наживался на сигаретах даже после того, как стал президентом, и обеспечил своим партнерам из фуцзяньского клана Цай высокие посты в Банке коммуникаций в Маниле.

В конце 1980-х годов с экономической либерализацией Дэн Сяопина в КНР возник рынок западных предметов роскоши, и гонконгские триады стали масштабно ввозить туда контрабандой телевизоры, магнитофоны, микроволновые печи и т.д. Их легально покупали у оптовиков, грузили на суда под названием «большие крылья», которые, не зажигая огней, ночью выходили к китайскому берегу. Там товары разгружали, часто при помощи коррумпированных китайских военных или полиции для продажи на «черном рынке». Шла и бойкая торговля роскошными автомобилями; в начале 1990-х годов их угоняли в Гонконге по 20–30 в день (с. 401). Ког-

да в Китае запретили правосторонние средства транспорта, угнанные автомобили стали сбывать за морем — особенно в бывших британских колониях в Африке, которые сохранили левостороннее движение.

Крупным бизнесом остается и контрабанда нелегальных иммигрантов, особенно китайцев. Она уходит корнями в торговлю кули в XIX в. Ввиду распространенной в Китае безработицы многие стремятся за море, и триады отвечают на этот спрос соответствующим предложением. Главным пунктом отправки таких мигрантов из Китая служит Фучжоу, и этот бизнес — важная часть местной экономики. В 1995 г. средняя стоимость переезда в США составляла 31 тыс. долларов (с. 402). Некоторые семьи наскребали такую сумму, чтобы послать за рубеж сына; другие занимали у триад или ехали, наивно обещая выплатить основную часть из зарплаты по приезде. В Европу едут по воздуху или по суше, в Америку — морем и реже по воздуху. Путь в Европу проходит через Синьцзян и Центральную Азию к Каспию, далее через Турцию в Болгарию. Оттуда один из проторенных путей ведет в Албанию, откуда итальянские мафиози переправляют мигрантов в Италию; с падением в Албании коммунизма значение этого пути уменьшилось и китайцы часто едут через Чехию и Петербург в Германию. В Бухаресте человеческим грузом занимается общество Красного дракона. В Британию иммигрантов провозят в грузовиках с контейнерами.

В Америку китайцев везут на небольших грузовых судах, которые мало отличаются от рабских галер XVIII в. Большинство их — собственность индонезийских или тайваньских компаний, а директора являются членами триад. Такие суда сопровождают «сорокадевятки», известные как «всадники» (*мажай*). Командует ими «красная дубинка», которого называют «змеиная голова» (*шэтау*). Иммигрантов называют «контрабандными поросятами» (*тоудуцзюйцзя*) и обращаются с ними плохо: за полтора века мало что изменилось. По прибытии в США или Канаду иммигрантов отправляют автобусами в крупные города, где они исчезают в китайской общине и преступном подполье. Тем, кто прибывает в Мексику, предстоит долгий и опасный путь на север. В конце XX в. стоимость торговли незаконными китайскими иммигрантами превышала 3,5 млрд. долларов США в год; в 1994 г., по консервативным оценкам, мировой нелегальный транзит китайцев составил около полумиллиона человек (с. 407). По тем же каналам из Китая вывозили диссидентов после событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г. (операция «Желтая птица»). Это осуществляла специальная организация, спонсируемая состоятельными анонимными гонконгцами, которые работали с западными дипломатами и наркодилерами из триад.

По прибыльности все виды деятельности триад опережает торговля наркотиками, особенно героином. До Второй мировой войны опиаты были в Китае обычным делом, но на Западе редки. Когда после 1945 г. опиаты были объявлены нелегальными на международном уровне, организованная преступность получила новую сферу деятельности. Было неизбежным, что триады, которые традиционно снабжали опиумом или героином китайцев по всему миру, станут поставщиками и за пределами китайской общины. Опиум-сырец, который можно было купить по цене 100 долларов США, очищался в героин и сбывался на улице за 5 тыс. (с. 408) Большинство опиума для триад приходило из «Золотого треугольника» (не менее 60%

мирового героина в 1995 г.) (с. 408). В 1950 г., после победы коммунистов в Китае и кампании Мао против наркотиков, гоминьдановский генерал и коллега Кот Сювона Ли Ми отступил в этот горный район с 93-й дивизией. Коррумпируя тайских чиновников, он основал собственное мини-государство и получил помощь ЦРУ. В следующем году его дивизия вторглась в Китай, но была легко отбита. Ли вернулся в «Золотой треугольник» и превратился в опиумного милитариста. Он имел связи с триадами в Таиланде, Гонконге и на Тайване. После его смерти его империю принял другой гоминьдановский офицер — Туань Шивэнь. В 1960-е годы появились еще два гоминьдановских дилера плюс полукитаец-полушан Чань Чифу. К 1995 г. «Золотой треугольник» производил более 1500 тонн опиума в год (с. 410).

Главные дистрибьюторы героина — триады Чаочжоу. Они занимаются этим бизнесом с 1875 г., когда их картель в Сиаме получил лицензию на розничную продажу опиума во французской концессии в Шанхае. Как крупнейшая этническая группировка китайских эмигрантов, триады Чаочжоу имеют основанную на гуаньси глобальную подпольную банковскую систему. Среди юристов и политиков Юго-Восточной Азии у них свои люди. Показателем их влияния послужили события 1971 г., когда посол Лаоса во Франции принц Сопсайсана привез в Париж 60 кг героина (с. 410). Чаочжоу часто работают на спецслужбу Тайваня или вместе с ней, имеют связи с американской и итальянской мафией и русскими преступными синдикатами, отмывают деньги в Карибском бассейне. Из всех криминальных организаций они — самые международные.

Прибыли триад от наркоторговли не поддаются исчислению. Уровень их дохода, возможно, превышает ВВП многих стран. В конце XX в. один героиновой босс имел на счету в китайском банке в Гонконге 980 млн. гонконгских долларов, и власти не могли тронуть этот счет, так как знали, что это повлечет наплыв требований и разорение многих законных инвесторов и вкладчиков (с. 411). «Выручка от наркотиков частично вкладывается в другие нелегальные операции, но основная часть отмывается через легальный бизнес. Таким образом, многие легальные предприятия либо целиком финансируются преступностью триад, либо имеют в своей инфраструктуре процент “грязных” денег. Типы легального бизнеса, в которые триады инвестируют отмываемые деньги, не имеют границ. Традиционно они вкладывают в развлечения — гостиницы, рестораны, ночные клубы, кино и казино, но также в строительство, финансы, транспорт, медиа, рекламирование спорта и недвижимость. Неофициально признается, что в Гонконге нет ни одного предприятия с годовым оборотом более 10 млн. гонконгских долларов (1,3 млн. долларов США), в котором, обычно непреднамеренно, не присутствуют где-то в бухгалтерских книгах инвестиции триад. Это допущение можно применить к любой китайской общине в мире — и ко многим некитайским» (с. 411–412).

Гонконгская полиция поделила карьеру члена триады на четыре стадии. В триады обычно вербуют подростков 15–18 лет — на школьных дворах и улицах, во дворах или спортивных ассоциациях. Их завлекают перспективой братства, солидарности и чувства принадлежности к группе, которое часто является привлекательным в лишенной корней городской среде. Завербованный проходит испытательный срок. Формируются шайки, связанные с той или иной триадой. Не все члены шаек вступают в триады; по окончании школы, приеме на работу или просто пе-

реезде они могут покинуть шайку и не подвергаются осуждению. Те, кто не уходят, участвуют в разных правонарушениях и с большой вероятностью вступают в клуб боевых искусств, готовые перейти ко второй стадии — членству в уличной банде.

Вступив в такую банду, парень скорее всего проходит инициацию в «сорокадевятки». К членам триад принадлежат большинство уличных бандитов возрастом 16–25 лет. Банды занимаются запугиванием, рэкетом, выбиванием долгов и т.д. Теперь уличный бандит — криминальный «подмастерье». Он учится, например, прессовать жертву вымогательства: если он слишком требователен, жертва может стать полицейским осведомителем, но если недостаточно брутален, теряет лицо и доверие. Будучи боевиком, он сражается в конфликтах с другими бандами, которые обычно происходят из-за столкновения интересов или территории.

Обычно члены триад не используют огнестрельное оружие, хотя постепенно от этого правила отказываются. Традиционным оружием служит мясницкий нож. Китайские мясники не рубят мясо на части, как западные; всю тушу рубят вместе с костями на кусочки подходящего размера, затем готовят (поэтому в китайских мясных блюдах нередко попадаются кусочки костей). Мясницкий нож — универсальный кухонный инструмент длиной около 25 см и шириной 12 см с деревянной ручкой. Если нет цели убить жертву, им рубят его руки. Другие традиционные виды оружия — звездочка для бросания из тонкой стали около 10 см в диаметре, тяжелая железная цепь с ручкой на одном конце и наконечником копья или шаром с шипами на другом.

Также «сорокодевятка» принимает участие во встречах, на которых учится границам криминальной собственности, дипломатии и важности компромисса.

Мало кто из «сорокадевяток» доходят до третьей стадии. Это уровень «белобумажного веера», «травяной сандалии» или «красной дубинки». Здесь доход растет быстро, и чем выше чиновник, тем больше он получает. Он собирает с «сорокадевяток» «выручку», оставляет немного им, а основную часть удерживает для себя и вышестоящих. С ростом дохода ему приходится скрывать его происхождение от полиции или налоговых властей. Для этого он учреждает бизнес-ширмы. Помимо прочего они отмывают деньги других членов общества; вот почему властям трудно размотать финансовый клубок триад. Хотя некоторые чиновники триад щеголяют богатством, большинство этого не делают. Это не только оборона, но и традиционный подход к богатству, который уходит корнями к зажиточным купцам XIV в.: те прикидывались бедняками, чтобы избежать налогообложения и обнаружения их нелегальных заморских экспедиций. Вдобавок богатый член триады инвестирует в легальные компании, предпочитая стабильный доход.

На четвертой стадии член триады достигает значительной власти. Внешне он респектабелен и, вероятно, вращается в высоких кругах. Он может стать видным благотворителем, и чем больше правдоподобия, тем лучше. В легальном бизнесе он честен. Хотя легальную и преступную деятельность разделяют, магнат (тайпан) подчас обращается к своему обществу за помощью. Это редко финансы; чаще это взыскивание. У конкурента ломают оборудование на фабрике, опрыскивают «роллс-ройс» краской, в крайнем случае похищают сына или нападают на жену. Ряд криминальных товарищей тайпан приглашает в советы директоров своих легальных компаний. По оценкам, в 40% всех компаний Гонконга есть директора — чле-

ны триад, а в не менее 80% всей коммерческой недвижимости присутствуют «грязные деньги» (с. 422). Если эту статистику спроецировать на другие города со значительным присутствием китайцев в деловой жизни — Сингапур, Джакарту, Ванкувер, Сан-Франциско, — доля преступных денег не поддается исчислению.

К 1960-м годам триады на Малаккском полуострове и в Индонезии столкнулись с преследованием полиции и недовольством местного населения. К тому же международным наркотиком становился героин, и триады были заинтересованы в расширении клиентуры. Поэтому многие общества осознали, что пора уезжать. Первой страной эмиграции стали Нидерланды. Голландцы — народ морской, их порты в числе крупнейших в Европе, а небольшая китайская община существует в стране давно. Китайцы с Суматры традиционно вербовались на голландские купеческие суда со времен Ост-Индской компании. Несколько триад существовало в Роттердаме и Амстердаме еще до Второй мировой войны; они были не преступными, а религиозными или патриотическими организациями. Нидерланды стали для триад идеальной страной. Голландцы терпимо относились к наркотикам, в отношении организованной преступности полиция была неопытна; к тому же страна находится в центре Западной Европы. Когда голландцы ушли из Индонезии, их города стали раем для десятков тысяч китайских беженцев из этой страны — а с ними незаметно пробрались триады. Как обычно, замкнутость китайской общины защищала их от обнаружения, и вскоре они заправляли игорными притонами и занимались рэкетом.

Полицейская борьба с наркоторговлей была обставлена разными ограничениями. Голландские тюрьмы были комфортабельными, и большинство наркодилеров могли продолжать бизнес из камеры через посетителей и телефоны внешней линии. Ввозить героин в страну было легко; неслучайно на таможнях других европейских стран Нидерланды называли «Решетом». Ввезенный через Роттердам героин мог оказаться на пути в Германию, Францию или Британию через считанные часы. Первая партия героина в Нидерландах была конфискована в 1971 г., когда в ходе облавы в нелегальном притоне игорного бизнеса был схвачен китайский азартный игрок с 50 г в кармане (с. 428). Хотя триады ввозили героин в Нидерланды с 1965 г., это был всего третий случай его обнаружения. Помимо прочего голландская полиция не знала, как он выглядит. Есть история, может и недостоверная, о том, как полицейские наткнулись в китайском ресторане на корзину с пластиковыми пакетами с красным кругом, иероглифами, двумя львами и земным шаром. Спросив, что внутри, они получили ответ, что это китайские кухонные травы. После они узнали, что это торговая марка одной из разновидностей героина из «Золотого треугольника». Вернувшись в ресторан, полицейские обнаружили, что пакеты исчезли, а ресторатор предположил, что они перепутали заведение.

Первостепенной страной импорта героина из Нидерландов была ФРГ, где имелся спрос на военных базах США. Со временем, когда военные власти стали бороться с наркоманией, дилеры переориентировались на гражданский рынок.

Хотя в поставках героина в Европу ключевую роль играли братья Ма и Ын Сикхо, у голландских триад была своя «Драконья голова» — Чун Монь. К середине 1950-х годов он был главным человеком 14К в Нидерландах. Внешне это был предприниматель и благотворитель, а фактически — гений преступного мира Ни-

дерландов. К 1960 г. он так реорганизовал операции своей триады в Амстердаме, особенно нелегальные казино, что город стал самым прибыльным местом операций 14К после Гонконга. Чун активно торговал героином и в то же время был избран председателем Заморской китайской ассоциации. В амстердамской полиции у Чуна были приятели, для которых он выступал осведомителем, выдавая им наркодилеров низкого уровня для повышения респектабельности.

Около 1968–69 гг. 14К назначила Чун Моня своим панъевропейским контролером. Он стал часто ездить под разными паспортами (британский, тайваньский, малайзийский, индонезийский). Тайваньский паспорт давал ему дипломатическую неприкосновенность, к тому же на Тайване его официально привечали и принимал вице-президент. Поворотным пунктом для Чуна стал 1972 г. Завершалась вьетнамская война; правительство Турции запретило возделывание мака, а на эту страну приходилось более 40% поставок опиума в Европу; была разрушена пресловутая «французская связь» — контролируемый мафией путь переброски наркотиков в Европу, который был единственным конкурентом Чун Моня (с. 432–433). Последний установил контакт с полицейским комиссаром Амстердама Герардом Тооренааром, вызвавшись быть осведомителем и мешать китайским бандам воевать в городе, если полиция даст ему свободу рук. В следующем году Чун Монь (которого называли «человек 5%») начал экспортировать героин в США.

Успехи Чун Моня поощрили другие триады попытать счастья в Европе. Они утвердились в Роттердаме, Кобленце и Антверпене, а вскоре вцепились друг другу в глотку. В 1975 г. Чун был убит в Амстердаме людьми Ын Сикхо. «Всего за несколько коротких лет Чун Монь от имени 14К и братьев Ма создал героиновый бич, который был с тех пор проклятием Европы и запустил в действие канал импорта наркотиков на восточное побережье США. До сего дня триады считают его человеком, который дал импульс мировой торговле героином» (с. 435). Когда после убийства Чуна голландская полиция стала преследовать триады в Амстердаме, многие их члены бежали — в Германию, на Дальний Восток, но более всего в Британию, где 14К уже была активна в китайских общинах Лондона, Бирмингема, Ливерпуля и Манчестера. На замену Чун Моню из Гонконга был прислан Чань Юэньмук по прозвищу Мао Цзэдун из-за большого внешнего сходства. «Красная дубинка» из Коулуна, он промышлял рэкетом и велел другим бандам, ввозившим героин в Нидерланды, платить 14К, за что его возненавидела вся китайская община. Когда Чань попытался поднять плату с сингапурского синдиката А Кон, его убили. Его смерть привела 14К во временное смятение, и А Кон заявила, что впредь будет единственным торговцем героина в Амстердаме, а все, кто ввозят в Нидерланды наркотики, должны использовать ее как дистрибьютора. Тех, кто пытался обойти А Кон, пытали окурками сигар, затем закалывали. В 1977 г. 14К и А Кон заключили соглашение, по которому первая сохранила контроль над Роттердамом, Парижем и Лондоном, а вторая — над Амстердамом и Германией.

Несмотря на прибыльность торговли и пространство сразу для нескольких игроков, во второй половине 1970-х годов на улицах Амстердама порой вспыхивали схватки китайских банд. Это привело к утроению максимального приговора за наркоторговлю до 12 лет лишения свободы, закрытию китайского нелегального игорного бизнеса и расширению контактов голландской полиции с полицией Гон-

конга, Управлением по борьбе с наркотиками США, ФБР и британской таможней. Правда, удар был не таким уж серьезным. Серьезнее для китайских торговцев стал неурожай мака в «Золотом треугольнике» в 1977 и 1978 гг. Падение производства привело к тому, что триад потеснили турецкие, иранские и пакистанские производители из «Золотого полумесяца», где возделывание мака подпитывалось не только преступностью, но и политическим недовольством.

Триады в Нидерландах вернулись к рэкету, игорному бизнесу и грабежам. В 1980-е годы 14К восстановила позиции за счет А Кон. «14К получила важные уроки. Она была больше не побежденной стороной, а хорошо организованной группой, импортировала не только героин, но и морфин, который очищала в героин в тайных лабораториях в голландской сельской местности, в квартирах в таких городах, как Утрехт и Хилверсум или в изолированных местах на севере Нидерландов, к северу и западу от Гронингена. Когда китайская община Амстердама рассеялась и китайских гетто не стало, 14К орудовала из небольших ячеек в китайских ресторанах» (с. 438).

«Парни Большого круга» (Тай Хуэнь Цзай) появились в конце 1960-х годов. Строго говоря, это общество не было триадой, но функционировало по ее типу. Основали его бывшие «красные охранники» «культурной революции» Мао и демобилизованные солдаты Народно-освободительной армии. Название банды происходило от Гуанчжоу, который преступники называют Большим кругом; к тому же кругами на картах в Китае помечали лагеря заключения. «Парни Большого круга» были профессиональными преступниками, часто беглецами из трудовых лагерей, которые прибывали в Гонконг, затем нередко уезжали в Северную Америку. В 1986 г. они перебрались в Нидерланды и менее чем за два года установили контроль над китайской преступностью. Они отняли у 14К монополию на героин, отодвинули А Кон и стали самой дисциплинированной, сложной и координируемой преступной группировкой Европы. Центром ее был Амстердам, а автономные ячейки были разбросаны по разным странам. Просочиться в них или получить о них надежную информацию было почти невозможно, но в 1988 г. несколько китайских рестораторов анонимно обратились к правительству Нидерландов за помощью; помогли полиции и триады. Была раскрыта одна крупная ячейка; правда, для «парней Большого круга» это была лишь потеря одного из щупалец осьминога. В 1990-е годы их операции, напротив, облегчило введение общего миграционного и таможенного пространства ЕС.

К концу XX в. Амстердам оставался «штаб-квартирой» триад. Нидерландские законы по-прежнему были мягче, чем в других странах, город занимает стратегическое положение и имеет космополитическую общину.

Во Франции, где существует многочисленная вьетнамская диаспора, триады часто работают вместе с ее бандами, тогда как в Италии иногда с семьями мафии или синдикатами организованной преступности в Неаполе, Риме, Милане и Турине. Активность триады проявляют даже в Испании, где китайская община относительно немногочисленна. Существенна их активность в Германии, что можно видеть по военной статистике США. В одном 1979 г. по обвинениям в употреблении наркотиков в ФРГ были арестованы 9 тыс. американских военных (с. 442). Одно время в 1980-е годы китайцы в Германии испытывали жесткую конкуренцию

со стороны турок, ввозивших героин из «Золотого полумесяца». Правда, бóльшая часть торговли велась индивидуалами, которым не хватало эффективности и методичности китайцев; несмотря на связи, у турок нет системы гуаньси. К тому же турецкий героин по качеству уступал героину триад.

В Скандинавии триады были практически неизвестны, в Греции и Португалии отсутствовали — как и в бывших странах Восточного блока, поскольку коммунистические режимы рассматривали их как социально подрывные элементы. Единственными странами здесь, которые позволяли китайцам ввозить контрабандой героин, были Болгария и Албания. В последней диктатор Энвер Ходжа взимал с этой торговли личную долю. КДС (болгарский КГБ) с начала 1950-х годов торговал турецким морфином и героином, а также оружием. Все сделки проходили через государственную экспортную компанию «Кинтекс», которой КДС управляла вместе с сицилийской мафией, ливанскими преступниками и коррумпированными банкирами Швейцарии.

В Британии триады утвердились раньше, чем в других европейских странах, причем какое-то время казалось, что они станут здесь доминирующей преступной силой. С расширением торговли Ост-Индской компании небольшое количество китайцев жили в Лондоне вокруг верфей с начала XIX в. Согласно переписи 1861 г., во всей стране проживали 147 китайцев, через 20 лет — 665 (с. 444). Люди викторианской эпохи посещали этот район поглазеть на мужчин с косой и моряков, едящих палочками. Китайцы игнорировали таких туристов, были законопослушны и держались особняком. К 1890 г. в их среде существовала по меньшей мере одна триада, которая занималась привычным делом (рэкет, опиумные притоны и т.п.). К началу XX в. две триады обосновались в Ливерпуле. До Второй мировой войны триады Британии занимались социальным обеспечением и были патриотичны. Так, они содержали школы маджонга, которые помогали китайцам держаться вместе, посредничали в спорах и т.д.

В первой половине XX в. китайское население Британии в среднем не превышало 4 тыс. человек (с. 446). С победой Мао сотни тысяч беженцев наводнили Гонконг и получили разрешение въехать в Британию, так как она признала правительство Чан Кайши на Тайване и считала долгом принять их как политических беженцев. К тому же с учетом требований других колоний дать независимость и после предоставления самоуправления Индии в 1947 г. британцы считали дипломатичным проявлять щедрость.

Британия оказалась для китайцев не таким уж не похожим на Гонконг островом. Страна оправлялась от войны, и там можно было составить состояние. К 1995 г. китайское население Британии выросло почти до 300 тыс. человек (с. 447). Чайнатауны возникали, не создавая проблем для коренного населения. Вестиндцев, пакистанцев и других азиатов подвергали расовой дискриминации и запугиванию, так как считали, что они отнимают у британцев работу и селятся рядом с ними. Китайцы не пытались этого делать, а сосредоточивались в городских районах, где никто не хотел селиться. В Лондоне примерно с 1960 г. они осваивали богемный район Сохо. Появились и заведения, управляемые триадами, но полиция их не трогала, так как пользовались ими только этнические азиаты; к тому же их рассматривали как часть китайской жизни.

С приходом в 1964 г. лейбористского правительства наплыв китайцев из Гонконга усилился. С ними прибыли новые триады, которые искали пути расширения, особенно в сфере героина. Британия была идеальным рынком наркотиков: общество переживало радикальные изменения, важным социальным слоем становилась молодежь, был брошен вызов морали. Примерно до 1967 г. единственной преступной триадой Британии была 14К, которая орудовала в стране по меньшей мере с 1952 г. Какое общество и когда начало ввозить в страну героин, неизвестно, но установлено, что прибыл он из Гонконга через Амстердам от Ын Сикхо. Полиция к новой проблеме была не готова. Когда в 1970-е годы произошла чистка полиции в Гонконге, многие триады перебрались именно в Британию, которая виделась «безопасной гаванью». Вскоре новоприбывшие трясли каждый китайский бизнес в Лондоне.

Кульминации конфликты достигли в 1976 г. Отряд «сорокадевяток» 14К напал на игорный притон в подвале дома на Джеррард-стрит в Сохо, и был забит до смерти ресторатор Вон Кам. Последовали другие инциденты, и оказалось, что профессиональные восточные бандиты орудуют в общине, которая считалась спокойной и законопослушной. Присланный из Гонконга старший инспектор Даглас Лау Юккуань отправил к наркоторговцам из триад несколько полицейских под видом хиппи, и в пределах трех месяцев было задержано более десятка дилеров. Так, пара из Малайзии, работавшая героиновыми курьерами на наркодилера Рики Чаня из Ипоха, была приговорена к 14 годам тюрьмы.

Эти успехи подняли моральный дух полиции и заставили триады вести себя потише. Развивалась конкуренция между 14К и Во Шин Во, в результате которой первая была вынуждена отступить из Лондона в провинциальные города. Подъем Во Шин Во во многом обеспечил Яу Лапюэнь, называвший себя Джордж Паи; знали его и как Хромого Джорджа или Джорджа Утку, так как, подобно Ын Сикхо, в начале триадной карьеры ему покалечили ногу в уличной драке. К 1997 г. он собирал в среднем 8 ф. ст. в неделю с каждого китайского бизнеса в Манчестере, а в Лондоне — 20 ф. ст. с ресторанов и до 200 — с нелицензионных игорных заведений (с. 460). Его не только боялись, но и уважали. В отличие от многих членов триад Паи был доступен и обладал харизмой, не уклонялся от ответственности за благосостояние братьев по триаде или их семей. К 1984 г. он считался самым могущественным членом триад в Британии. Несмотря на несколько арестов, в том числе за въезд по поддельному паспорту, в 1993 г. Паи дали временный вид на жительство. Ходили слухи, что его юристы лоббировали ключевые фигуры в консервативном правительстве. К концу XX в. в правоохранительных кругах считали, что Паи — шаньчу Во Шин Во в Бирмингеме, если не во всей Британии. Полиция следила за ним, но не могла этого доказать.

В течение 1980-х годов триады в Британии боролись за преобладание, и китайский преступный мир находился в текучем состоянии. Единственной константой были жертвы — законопослушные китайцы. После того, как в 1984 г. Британия подписала совместную декларацию о возвращении Гонконга Китаю, в колонии возникла атмосфера неопределенности, и ряд триад перебрался в метрополию. Главными соперниками были Во Онь Лок и Сань И Онь. Первая из них — высокоорганизованная и профессиональная триада. Многие члены ее иерархии являются успешными предпринимателями с легальными компаниями, которые использу-

ют триаду для увеличения прибылей, уклонения от налогов и отмывания незаконно нажитого. Сань И Онь тоже управляется в деловой манере и по структуре напоминает фирму не менее, чем криминальный синдикат. Она владеет легальным бизнесом и занимается «беловоротничковой» преступностью.

Под влиянием китайских фильмов о кунфу и бандитах городские молодежные банды британцев нередко подражают триадам. В эти квазитриадные банды иногда входят китайцы, но в основном они состоят из белых или расово смешаны. Самым известным преступлением псевдотриад было убийство уважаемого директора католической школы св. Георга в Майда Вейл к западу от Лондона в 1995 г., когда он заступился за ученика, которого били железной палкой на улице.

К концу XX в. крупнейшей триадой в Британии была Во Шин Во со штабквартирой в Манчестере и филиалами в Бирмингеме, Лондоне и Глазго. Манчестер у китайцев известен как Драконий город. Это современная экстраполяция имперского указа, по которому важным центрам разрешалось демонстрировать дракона на религиозных и культурных церемониях. Кроме Манчестера за пределами Востока есть лишь три Драконьих города — Перт, Сан-Франциско и Ванкувер. Китайское население Манчестера в 1980–90 гг. выросло с 7 тыс. до более 35 тыс. человек, выведя этот город на второе место после Лондона (с. 468). Члены Во Шин Во плотно контролируют китайский рынок труда, и мало кто из прибывающих получают работу, не вступая в их ряды или не платя мзды. Наиболее остро эта триада враждует с Во Онь Лок.

В 1980-е годы полиция научилась эффективнее бороться с триадами. Так, в 1989 г. в Ливерпуле за шантаж ресторатора был приговорен к 10 годам заключения Лау Камкён. Тот платил этому бандиту три года, но затем тайно записал угрозы на пленку. Его примеру последовали другие китайцы, и триады обнаружили, что они не так уязвимы от ареста. Начались поиски новых возможностей, и к 1990-м годам они нашлись или, точнее, реактивировались — героин.

Прежде поймать контрабандиста героина из числа триад было относительно легко, так как он был китайцем и выделялся. Однако к концу 1980-х годов контрабандисты приспособились к обстоятельствам: как курьеров использовали нигерийцев или ганцев, а затем жителей Запада. В 1990-е годы торговцы героином всё чаще были людьми образованными, путешествующими, умными, космополитичными и расчетливыми.

Возрождение торговли героином в Британии и участия в ней триад началось в 1985 г. с приездом из Гонконга китайца Ли Кунмуя. Это был шаньчу 14К из Амстердама, где он заведовал игорным клубом, которого депортировали с чередой приговоров по обвинениям в наркоторговле. В Лондоне Ли возглавил 14К, хотя вскоре покинул Британию, не поладив с иммиграционными властями. В 1995 г. Джеррард-стрит увидела новое явление — иммигрантов из материкового Китая, в основном из Фуцзяни. Они собирались около двух львиных статуй чайнатауна, говорили только на путунхуа и просили у соотечественников милостыню. Китайцы, которые предлагали им работу, нашли их ленивыми и ненадежными, а когда полиция арестовывала их за бродяжничество или незаконный въезд, тут же просили политического убежища, хотя мало кто получал. Вскоре такие иммигранты попробовали силы в обложении рэкетом контрабандной иммиграции. Сами нелегальные иммигранты — тоже благодатная почва для вербовки в триады.

К концу XX в. полиция разработала методы борьбы с триадами. Сделалось эффективнее проникновение в ряды триад, нередко используется соперничество между ними (триады порой доносят друг на друга с целью убрать конкурента). В результате активность триад в Британии снизилась. И всё же они сохраняют криминальное присутствие в каждом аспекте жизни китайской общины.

В середине XIX в. в Южном Китае возник топоним Каукум Шань «Золотая гора». Так называли Сан-Франциско и вообще Америку. Китайские торговцы из района Сам Яп появились в Калифорнии в 1830-е годы, а массовый наплыв начался в 1848 г. с открытием золота. Большинство китайцев приезжали работать на приисках или строительстве железных дорог. Однако сразу по прибытии им приходилось регистрироваться в той или иной хуэй гуань, которая давала им временное жилье, а если надо, то и работу, но вместе с тем присматривала за ними, чтобы они платили по долгам. К 1862 г. существовало шесть хуэй гуань, известные как шесть компаний. Китайцы были идеальной рабочей силой — трудолюбивой, неутомимой и не жалующейся. Через пять лет 65% всех шахтеров к западу от Скалистых гор были китайцы (с. 481). Когда «золотая лихорадка» стала стихать, а железные дороги были проложены, мало кто из китайцев мог позволить себе вернуться домой. Составить состояние они не смогли, поэтому сделали то, что всегда делали китайцы, — приспособились. Возникли китайские пекарни, прачечные, огороды. В 1877 г. в Сан-Франциско вспыхнуло насилие белых против китайцев, которых обвиняли в захвате всего сектора обслуживания. В 1882 г. Конгресс принял Акт об исключении китайцев, направленный на прекращение их трудовой миграции; отменили его лишь в 1943 г., чтобы сохранить Чан Кайши союзником в войне. Однако китайский бизнес облагался более высокими налогами, китайцы не имели права владеть земельными участками площадью более 20 акров или свидетельствовать в суде, компаниям не разрешалось нанимать их на работу (с. 483). В этих условиях китайцы создавали общества взаимопомощи — тоны («залы собраний»). Они стали неофициальными органами самоуправления китайской общины. Одним из первых был Чжэ Кун Тон. Основанный преступниками, он сначала не был преступной организацией. Постепенно, однако, он выкупил долги иммигрантов у турагентов и вскоре имел широкий круг боязливых кредиторов, которым находил занятость, у которых вымогал средства и затем использовал как криминальную рабочую силу. Его примеру последовали другие тоны, пока не осталось китайца, который не был бы членом тона.

Репутация у китайских общин была неважной. Так, всех китайцев считали наркоманами, хотя опиум курили около 40% (с. 484). Тоны упоминали редко, так как власти едва знали об их существовании. К 1900 г. на западном побережье действовал с десяток тонов. Они управляли «услугами», облагали податями китайский бизнес, давали взятки правительственным чиновникам, а также поддерживали республиканское движение Сунь Ятсена. Одно из таких обществ, Хип Син Тон, начинало в Сан-Франциско как небольшая ассоциация взаимной защиты, а превратилось в единственный тон, который одно время имел филиалы по всем США. Даже столетие спустя он оставался силой, с которой считались.

Меду тонами росла конкуренция, и в 1875 г. в Сан-Франциско вспыхнула их первая война. Власти редко понимали причины конфликтов между тонами и ред-

ко проявляли эффективность в их устранении. Самым успешным из лидеров тонов был получивший известность в 1880-е годы Фун Чинтой по кличке Маленький Пит; по слухам, на его счету было не менее 50 убийств, но в конце концов в кресле парикмахера убили и его самого (с. 486–487).

Второй чайнатаун по величине после Сан-Франциско находился в Нью-Йорке. В 1872–90 гг. его население выросло с 700 до 15 тыс. человек (с. 487). Уже в 1899 г. между двумя нью-йоркскими тонами возникла война. Новости об этом насилии попадали в национальные заголовки и не улучшали репутации китайской общины, хотя за исключением боевиков тонов китайцы были самой законопослушной этнической группой в Америке. Белые обычно избегали чайнатауны. В 1889 г. Редьярда Киплинга едва не застрелили в игорном притоне чайнатауна Сан-Франциско, когда он попал в эпицентр конфликта тонов.

Войны тонов привлекли внимание общественности к проблемам организованной преступности — не только китайской, но и ирландской, еврейской и итальянской. Однако власти мало что делали в этом направлении, и тоны расширяли активность.

Когда китайцев стали постепенно принимать в американском обществе, изменилось и отношение к чайнатаунам и тонам. К 1946 г. под давлением лидеров общины и купечества многие тоны превратились в американский аналог ассоциаций кайфон. Они брали на себя социальную ответственность и становились респектабельными. Кроме того, они считали себя патриотическими организациями и сдавали немало средств на борьбу Гоминьдана с японцами. Год за годом женщины США голосовали за госпожу Чан Кайши (Сун Мэйлин) как за «Женщину года».

Некоторые тоны остались криминальными, но их преступность модифицировалась. Порок, опиум и игорные притоны ограничивались китайской общиной. Чайнатауны стали привлекать туристов. Правда, лидеров криминальных тонов продолжали бояться. Дела они вели хитро, полиции о ней сообщали редко, а вовлечены в нее были только китайцы. Внешнему наблюдателю китайские общины казались процветающими и стабильными, но в реальности они были переполнены преступностью.

С 1965 г., с отменой квот и ограничений, китайская иммиграция в США усилилась. Численность китайцев в Нью-Йорке в 1960–95 гг. выросла с 20 тыс. до более 400 тыс. (с. 491). Приезжали и вьетнамцы, а также члены триад из Гонконга и Тайваня. Согласно отчету ФБР 1985 г., хотя большинство членов тонов были законопослушными, ими всё больше манипулировали триады. Одним из внешних проявлений присутствия триад было появление на улицах молодежных банд. Под контролем тонов эти банды превратились в боевые единицы, часто служащие конкретному хозяину. С ростом иммиграции число банд и их соперничество росли. Особенно кровавым был 1977 г., когда банда Ва Чин выдержала серию боев с бандой Чён Чин И, которая пыталась отнять у нее прибыльный фейерверковый бизнес.

Однако мало кто понимал связь между бандами, тонами и организованной преступностью триад. Само слово «триады» вошло в оборот у американских правоохранительных органов лишь около 1985 г. Когда эту связь осознали, возникли теории заговора. Контролируются ли триады своими аналогами с Дальнего Востока? Существует ли центр управления? Являются ли эти триады реальными или лжетриадами? Исследования показали, что триады США автономны, но поддерживают

связи с заморскими аналогами; возможно, существует некая конфедерация или комиссия; ритуалы они используют, но это бледная тень реальных церемоний триад.

Постепенно поняли, что американские триады держат связь с заморскими главным образом для того, чтобы получать героин. Эта связь крепла с 1970-х годов, когда успехи ФБР в борьбе с мафией изменили лицо рынка наркотиков в США. Рост чайнатауна в Нью-Йорке давно вел к напряженности между триадами и мафией. К 1987 г. триады Чаочжоу из Гонконга и Таиланда довели чистоту героина до 85% (с. 495). Несколько лет, пока в 1994 г. на рынок не вступили кокаиновые наркобароны из Колумбии, триады контролировали 95% героиновой торговли США (с. 495).

Власти наконец стали принимать меры. В 1987 г. ФБР и Управление по борьбе с наркотиками нанесли удар по китайской организованной преступности. Так, в Куинсе были арестованы три китайца, которые ввезли из Бангкока 1 млн долл. США наличными и 75 кг героина (с. 495).

Среди преступных фигур выделялся главарь Онь Лян Тона, иммигрант из Гонконга Чань Цэчиу, который взял имя Эдвард; полиция звала его Быстрым Эдди. Он был председателем Национального китайского совета по благосостоянию, подкупал нью-йоркских чиновников и полицейских, основал Восточный банк Нью-Йорка и купил сеть кинотеатров. В 1984 г. его вызвали в суд, но он бесследно исчез.

«Тоны и триады получали доход не только от преступности и законной деятельности. Также их финансово и политически поддерживало контролируемое Гоминьданом правительство Тайваня. В обмен на эту поддержку тоны и триады гарантировали, что в китайских общинах США будут преобладать прогоминьдановские настроения, и искореняли любые левые элементы. Правительство энергично отрицало эту связь, но это было увиливанием» (с. 498). Оппонентам Гоминьдана пощады не было. Так, в 1984 г. был застрелен видный критик Тайваня, сан-францисский журналист Генри Лю. На суде лидер Объединенного бамбукового общества Чэнь Чили показал, что поручить это убийство ему велел глава тайваньской спецслужбы адмирал Вэн Силин. Обоих приговорили к пожизненному заключению, но позднее ФБР обнаружила, что Чэнь продолжает руководить обществом из тюремной камеры, планируя героиновые операции.

Триады и связанные с ними либо подражающие им банды существуют в большинстве крупных городов США. Так, Лошадиная банда в Далласе занимается всеми обычными видами преступности от рэкета до сбыта наркотиков. В Вашингтоне общество Фук Чин продает оружие и наркотики. В Атлантик-сити (Нью-Джерси) в 1993 г. было семь тонов или групп триад, которые конкурировали друг с другом за бизнес. На Оаху (Гавайи) китайские банды орудуют бок о бок с корейскими и филиппинскими в производстве и сбыте «льда» (жаргонное название для кристаллического метилового амфетамина).

Те же проблемы с китайской преступностью у Канады. Китайские кули стали прибывать на золотые прииски Британской Колумбии в 1858 г., а первое упоминание о триаде в Канаде относится уже к 1863 г. Это был Хун Шань Тон (тон Красной горы). Крупнейший чайнатаун возник в Ванкувере, где в 1907 г. произошли столкновения на расовой почве, потому что белые, как и в США, опасались конкуренции китайцев за рабочие места. Первым главой китайского преступного мира Канады был Шу Мой (с 1905 до конца 1930-х годов). Одним из его главным бизнесов была контрабанда опиума из Гонконга в США.

В Торонто китайцы начали селиться в 1880-е годы. С 1946 г. с отменой жестких иммиграционных законов их въезд увеличился. К концу XX в. каждый третий житель Ванкувера был китайцем (с. 514). В 1960 г. слово «триада» вошло в обиход для обозначения рэкета любыми азиатами. Среди триад Канады самой успешной была Луэнь Кун Лок, которой руководил Лау Винкён. К 1977 г. он, как говорили, контролировал чайнатаун Торонто и имел деловые связи по всей стране, а также с Быстрым Эдди в Нью-Йорке. Позднее Лау перебрался в Санто-Доминго, оттуда в Гонконг, где управлял казино.

В Ванкувере к 1980 г. орудовали семь китайских уличных банд, виднейшей из которых была Хун Инь (Красные орлы); специализировалась она на вымогательстве у китайских рестораторов и студентов. В 1990-е годы выдвинулась организация Вьет Чин, структурированная по образцу триад. Китайские и вьетнамские банды становились всё большей заботой для канадских властей. Они терроризировали общины своих стран в Торонто, а доносить на них никто не осмеливался. Полиция признала, что этническая преступность сделалась крупнейшей угрозой общественному порядку в городе. Более того, «парни Большого круга» стали рвать с традицией действовать в рамках своей общины, просачивались в банки и промышляли подделкой кредитных карточек. Также они начали вымогать средства у некитайского бизнеса и врываться в дома представителей других этнических меньшинств, особенно чернокожих.

«По всей Северной Америке китайскую организованную преступность сегодня официально считают одной из крупнейших угроз обеспечению правопорядка. Ее рассматривают как потенциально много худшую угрозу, чем была преступность мафии, и более серьезную опасность для закона и порядка, чем любая другая структура организованной преступности в мире. Похоже, Золотая гора оправдала свое название» (с. 517).

В Австралию первые трудовые мигранты из Китая въехали в 1851 г.: начиналась «золотая лихорадка». В 1857 г. уже 22% всех старателей были китайцами (с. 519). Здесь тоже возникла межрасовая напряженность, случались нападения на китайцев. Со временем в Сиднее и Мельбурне возникли чайнатауны. В первой половине XX в. китайская община Австралии жила спокойно. Из всех сегментов общества китайцы были самыми консервативными и законопослушными. После образования КНР некоторые триады бежали из Китая в Австралию и в 1960-е годы втянулись в торговлю героином. Этому содействовала система рекреации в Австралии американских военнослужащих во Вьетнаме. Главным источником героина выступали триады Чаочжоу в Таиланде. К 1980 г. триады процветали в Сиднее. Австралийские власти были плохо готовы к этому вызову. В 1988 г. они конфисковали партию в 31 кг героина, которую нашли в Сиднее дома у иммигранта из Гонконга Джона Чай Намъюа, которого позднее на суде назвали главой австралийского филиала Во И Тона и владельцем нелегального игорного клуба (приговорен к 24 годам заключения). К 1997 г. в Австралии насчитывалось более 100 тыс. наркоманов; их потребности удовлетворял ввоз не менее 2 тыс. кг героина в год (с. 524). Также триады используют Австралию как транзитера в торговле героином в союзе с мафией, установили связи с румынскими бандитами.

Присутствуют китайская диаспора и триады также в Новой Зеландии, хотя в меньшем масштабе. Здесь триады находятся в контакте с аналогами из Австралии

и Гонконга, а также завязали связи с преступниками-маори. С концом апартхейда и международных санкций пробрались триады и в Южную Африку. Географически это идеальный транзитер в торговле героина на полпути между «Золотым треугольником» и США. Полиция и таможня ЮАР непривычны к организованной преступности, страна погрязла в беззаконии и безработице.

Наркоторговля распространена по всей Африке. Из Колумбии через Нигерию течет кокаин, в странах южнее Сахары ходят метаквалон и каннабис. Дар-эс-Салам в Танзании и Бейра в Мозамбике служат портами транзита героина с Ближнего Востока и из Юго-Восточной Азии; в основном эту торговлю ведут соответственно пакистанцы и китайцы в партнерстве с наркоторговцами Лусаки и Хараре. Согласно Южно-Африканскому бюро по наркотикам, в конце XX в. в стране орудовало более 100 наркосиндикатов (с. 531). Китайцы не составляют в ЮАР многочисленной этнической группы, а небольшой чайнатаун есть только в Йоханнесбурге. Когда строились железные дороги и открывалась страна, сюда ехали индийцы. Тем не менее, китайцы, особенно из Гонконга, всегда имели доступ в Южную Африку в силу того, что держали паспорта жителей Британской империи, а позднее Содружества. Триады из Гонконга отмывают в ЮАР деньги, легально покупая золото и продавая его в Гонконге или на Тайване. Также они покупают алмазы и слоновую кость, которую в Китае ценили столетиями. С 1890-х годов Гонконг является мировым центром резьбы по слоновой кости. Многие такие фирмы работают в Коулуне и платят «за защиту» 14К, которая активно участвует в импорте кости. Торгуют триады и другими товарами, такими как рог носорога, который считается лекарством от туберкулеза и по весу ценится выше героина.

Таким же новым пространством для организованной преступности к концу XX в. стали страны бывшего СССР. Триады в Европе, особенно в Германии, имеют связи с «русской мафией». Они провозят через СНГ нелегальных мигрантов и сбывают там автомобили, угнанные в богатых странах. При активном участии триад преступные группы из России сбывают в странах «третьего мира» оружие.

Помимо Гонконга весьма активны триады в Макао, который, по сути, есть город триад. При населении в конце XX в. около 500 тыс. жителей он насчитывал около 10 тыс. членов триад; числом они превосходили полицию в соотношении 3:2 (с. 538). Поскольку 40% государственных доходов Макао и 50% ВВП имели источником казино, неудивительно, почему триады были так вовлечены в эту сферу (с. 538). Семь из десяти казино в 1990-е годы контролировала 14К, а еще два — Во Онь Лок (с. 538–539). В 1996 г. триады развернули на улицах войну за преобладание на рынке частных или ВИП-комнат для азартных игр. Международная пресса называла Макао «Чикаго Востока», хотя более уместным названием был бы «новый Шанхай». Туризм снизился на 23%, некоторые гостиницы были заполнены лишь на 20% (с. 543). Ситуация осложнялась внутренней борьбой в 14К, сторонами которой выступали Куй Сломанный Зуб и Ын Вай.

В других частях мира криминальное присутствие триад считается пока незначительным. Так, их почти нет в Центральной Америке, хотя триады провозят наркотики и нелегальных иммигрантов из Мексики в США. Имеют они дела и с наркокартелями Южной Америки. Например, кокаиновые «бароны» Колумбии производят героин, пользуясь услугами химиков из числа членов триад.

Несмотря на всеобщую обеспокоенность тем, что с возвращением Гонконга Китаю в 1997 г. триады оставят свой традиционный центр и сделаются глобальной организацией, их исход становился всё менее вероятным. Китайско-британская декларация и основной закон имели целью стабилизировать Гонконг на 50 лет. Кроме политической сферы изменения почти не предусматривались. К тому же с 1985 г. бесповоротно изменился сам Китай — благодаря радикальной либерализации Дэн Сяопина. А где процветает бизнес, там процветает и преступность. В 1993–95 гг. она выросла в Китае на 16%; в одном Шэньчжэне — на 66% (с. 550). «Значительная часть этой преступности связана с триадами или стимулируется ими, так как они действуют в Китае всё активнее. Помогают им несколько факторов. Во-первых, как уже показано, Китай столкнулся с проблемой массовой безработицы; в стране насчитывается 300 млн человек без регулярной работы… Во-вторых, Китай находится в состоянии социального брожения, а хаос дает хорошую маскировку преступности. В-третьих, Китай насквозь пронизан коррупцией: от парковочного билета до китайского штурмовой винтовки ничего нельзя купить. В-четвертых, с началом программы приватизации появились предприятия, куда могут инвестировать “патриотические настроенные” предприниматели и правительственные учреждения, которым позволено создавать собственные компании» (с. 550–551). Китай предоставляет триадам такие же возможности, какие ранее предоставляла Северная Америка, а позднее Европа.

К концу XX в. впервые с 1951 г. в Сычуани и Юньнани развернулось масштабное производство опиума. Героин производят в отдаленных районах с ведома коррумпированных чиновников, а триады Чаочжоу привозят его из Гонконга с Тайваня и из Таиланда. Вывозят контрабандой они из Китая не только небольшие предметы искусства, но и целые предметы мебели, запрятав в тюках одежды или бочках для риса. В Гуанчжоу триады нашли общий язык с военными, направляя армейские средства как в легальный, так и в криминальный бизнес. Располагая иностранной валютой, триады покупают чиновников и строят гуаньси.

Как и во времена Чан Кайши, Большеухого Ду и Рябого Хуана, триады внедряются во власть. Дэн Сяопин несколько раз упоминал о членах триад как патриотах, заявляя, что они не так плохи, как их рисуют. Он даже предположил, что происходят они от Желтого императора. Это всё равно, что назвать триады центральным элементом китайской традиции. По словам высокопоставленного чиновника КПК и бывшего дипломата КНР в Гонконге Вон Маньфона, в начале 1980-х годов с гонконгскими триадами была заключена тайная сделка, согласно которой им обещали терпеть их криминальную деятельность, если после перехода колонии под власть Китая они не будут создавать политических беспорядков. В течение нескольких лет накануне этого перехода членов триад использовали как шпионов для китайского новостного агентства Синьхуа. Во Онь Лок в Гонконге работает на второй отдел Генерального штаба — китайский аналог ЦРУ.

В результате численность членов организованных преступных групп в Китае с 1986 г. по конец XX в. выросла со 100 тыс. примерно до 1,5 млн. человек (с. 554). Старший следователь Министерства общественной безопасности (МОБ) КНР Ли Суньмао публично возложил ответственность за это на коррумпированных чиновников и миграцию крестьян в города; более 75% арестованных были завербованы

в банды из числа сельских мигрантов (с. 554). Коррупция чиновников выходит за пределы простого взяточничества. Так, в 1994 г. в Хэнани МОБ поймала банду численностью 69 человек, которая вымогала деньги у деревенских комитетов и местных предпринимателей. Главарь банды Хэ Чанли стал «владельцем» целого города Лиминь, в котором занимал официальную должность заместителя главного администратора.

«Сохраняется вековой парадокс. Членов триад казнят за наркоторговлю, в то время как их общества признаны официально. Процветает коррупция. Крестьяне поставляют криминальную рабочую силу. *Шаньчу* и продажные чиновники получают прибыли. Похоже, ничего не изменилось с имперского времени, хотя в 1996 г. китайское правительство и объявило о начале кампании “Сильный удар” против преступности и коррупции» (с. 555–556).

То же происходит в специальном административном районе КНР Гонконге, где на преступность триад тоже смотрят сквозь пальцы. В дальневосточной прессе ходили неподтвержденные слухи, что потомки и союзники членов триад забирают значительную политическую власть. Так, председателем Временного законодательного совета Гонконга была Рита Фань Сю Лайтай. Уроженка Шанхая, она бежала ребенком в Гонконг в 1949 г., когда ее отец Цэ Татун уехал из города накануне вступления коммунистов. При британцах она была старшим законодателем, кавалером ордена Британской империи, но в 1992 г. сменила «политические одежды». Говорили, что ее отец был не только успешным предпринимателем, но и видным членом Зеленой банды. Фань с мужем поддерживали тесные деловые отношения с мультимиллионером Албертом Юном, бывшим председателем Emperor Group. Последний имел две судимости, а в 1994 г. был обвинен в запугивании и незаконном лишении свободы бывшего работника; правда, когда дошло до суда, свидетели обвинения полностью «потеряли память», а предполагаемая жертва (валютный дилер) сказала, что слишком напугана, чтобы давать показания. В следующем марте конгрессмена США Стивена Соларца попросили не претендовать на пост посла в Индии, когда стало известно, что он связан с Юном. Соларц стал защищать Юна, но, как говорят, был вынужден замолчать, когда американский консул в Гонконге передал ему развединформацию, согласно которой Юн был членом триады.

Используя фабрики, приватизированные в русле реформ Дэн Сяопина, их члены начинают играть еще более по-крупному. Например, приходят в производство поддельных деталей самолетов. Изготавливают их из металла ненадлежащего качества, а некоторые снабжают фальшивыми сертификатами. В связи с сокращением армии из-за окончания Холодной войны происходит кража и сбыт вооружений, в том числе на международном рынке. Потенциально весьма прибыльная и опасная сфера — фармацевтика. Если раньше триады покупали западные лекарства и перепродавали их в Китае, Восточной и Центральной Африке, к концу XX в. они принялись изготавливать собственные, сбывая под похожими на западные брендами (например, Klazo вместо Glaxo).

В сфере наркоторговли триады сотрудничают с японскими якудза. Эти связи имеют давнюю историю. Якудза — не только преступные организации; это ультраправые секретные братства, вовлеченные в терроризм, политическую коррупцию и экстремистскую политику. Примерно до 1930 г. они орудовали главным образом

у себя на родине, но с экспансионизмом перекинули деятельность и на оккупированные Японией территории. Под руководством тайного миллиардера Кодама Ёсио якудза и японские военные скопили крупнейшие богатства в истории, известные как золото Ямаситы. В 1944–45 гг. эти сокровища были припрятаны по всей территории Филиппин. Обнаружена была лишь треть; в значительной степени это сделал Маркос, который, как предполагают, использовал гонконгские триады для продажи части сокровищ на рынке золота. Сегодня якудза существуют везде, где имеется эмигрантская японская община. Особенно сильны они на Гавайях и в Калифорнии. Неизбежно якудза вошли в контакт с триадами, но насколько он тесен, сказать трудно. В 1985 г. было обнаружено, что 14К связана с перевозками «спида» (наркотик из группы стимуляторов) и героина, конфискованных у якудза в Гонолулу, которые учили химиков этой триады их производству в Гонконге.

На Тайване в 1990-е годы при населении 21 млн. человек полиция насчитала более 10 тыс. бандитов, а уровень преступности за шесть лет подскочил на 80% (с. 562). Организованная преступность просочилась в бизнес и политические круги. Открыто выступать против преступности было опасно. Так, в 1996 г. был похищен независимый законодатель Ляо Сюэкуан; после освобождения он с семьей получили круглосуточную полицейскую защиту. Правда, насколько он был в безопасности, осталось вопросом, так как тайваньская полиция частично коррумпирована так же, как была гонконгская полиция до учреждения Независимой антикоррупционной комиссии. По консервативным оценкам, к концу XX в. 10% депутатов Национального собрания имели связи с преступностью или ее скрытую поддержку; согласно правительственному источнику, в местных собраниях такие депутаты составляют треть (с. 563). Они часто используют бандитов как посредников, которые покупают им голоса. С критиками преступники расправляются безжалостно. Например, в 1996 г. в своем доме был убит магистрат Лю Панъю вместе с семью другими людьми; он обвинялся в коррупции, поэтому считали, что он обманул подельников.

На Тайвани орудуют четыре основные триады: Сун Лян, Тянь Дао Мань, общество Четырех морей и Объединенное бамбуковое общество. В союзниках у них была крупнейшая организация якудза — Ямагути-гуми.

Всё изощреннее становятся триады в сфере «беловоротничковой» преступности. Если предшественники подделывали 50-центовые монеты, теперь член триады подделывает ценные бумаги, акции и т.п. Он отмывает деньги через рынок акций или замышляет мошенничество со страхованием. Так, здание может приносить убытки, быть слишком старым, нуждаться в реновации. Владелец нанимает членов триады, чтобы сжечь его, получает страховку, делится с триадой и готов восстановить здание при ее инвестиционном участии.

Укрепление банковской безопасности и неопределенность дальневосточных финансовых рынков заставили некоторые триады распределять риски. Проникать в банки, как делали триады в Шанхае во времена Ду, уже не выходит, поэтому они держат депозиты в офшорах, страхуя себя от инфляции и управляя фирмами-однодневками. В этом состоит ирония, поскольку нестабильность экономик «азиатских тигров» в значительной мере коренится в коррупции.

Еще больший потенциал, чем наркотики, имеет киберпреступность. Началась она с 1970-х годов с простого хакерства. К концу XX в. ему на смену пришла се-

тевая атака. В 1993 г. две фирмы, ведущие операции с фондовыми ценностями, и один торговый банк в Лондоне столкнулись с шантажом на сумму 32,5 млн. ф. ст. (с. 567). Полностью воспользовались триады развитием Интернета. Втянулись они и в международный педофильный бизнес: детей похищают в Китае, покупают у бедных семей или забирают из государственных приютов. Их передают курьеру, часто женщине, вписывают в ее паспорт как ее ребенка и перебрасывают в Германию или Нидерланды.

В основе всякой борьбы с триадами лежит подрыв потенциала вербовки. Полиция наблюдает за клубами боевых искусств и подобными молодежными ассоциациями, раскалывает уличные банды. Однако предотвращать вовлечение молодежи в триады трудно. Полиция сталкивается не только с давлением, но и с престижем триад из-за влияния кино. Более эффективный способ борьбы — сделать членство в триаде, даже пассивное, наказуемым преступлением, которое не обязательно карается тюрьмой. Это могут быть конфискация имущества, высокие штрафы и депортация. Однако и это не ломает воли члена триады: он китаец, поэтому относится к жизни стоически.

Борьба с триадами требует специальных органов в полиции. В Гонконге в каждом полицейском округе имеется подразделение по борьбе с триадами, ответственное перед Бюро по организованной преступности и триадам. Идеальным способом борьбы должно быть просачивание в ряды триад при вспомогательной роли прослушивания. Эти меры могут ограничивать гражданские права, но с организованной преступностью церемониться нечего. Уже первое преступление должно приводить к суровому приговору. Это не только наказание, но и потеря лица. Другие преступники могут воспринимать арест как профессиональный риск, но для члена триады он может быть показателем провала, принижая его в глазах товарищей и жертв.

Труднее побороть неохоту китайской общины выступать против триад. Взывать к гражданской ответственности человека, у которого могут похитить сына или изнасиловать дочь, почти бесполезно. И всё же есть эффективные программы защиты свидетелей. Есть перспективы у разработки законов против коррупции. Примером может служить Закон о рэкетированных и коррумпированных организациях в США, который допускает масштабные конфискации, расследование финансовых дел не только осужденных, но и их компаньонов и родственников, длительные тюремные сроки и огромные штрафы. Примеру Гонконга, который объявил членство в триадах преступлением, последовало на удивление мало стран. Недостает и специального международного законодательства. Существуют эффективные законы против международной наркоторговли, но нет координированного сотрудничества по борьбе с общей преступной деятельностью. Триады выживают благодаря не только собственным уловкам, но и разобщенности врагов.

«На международном уровне признать потенциал триад не торопятся. Слишком много правительств рассматривают их как локальную проблему и — там, где они кажутся немногим более чем скопищем головорезов, которые трясут рестораторов, — поступают с ними соответственно. Однако более широкие следствия, за исключением наркотиков, имеют тенденцию игнорироваться. Слишком часто забывают, что триады — нечто намного большее, чем “сорокадевятки” из подворотни. У них есть знания, организация и воля, чтобы разорвать ткань коммерческого бла-

госостояния любой страны, а рынкам акций они могут манипулировать так же, как уличным торговцем» (с. 572).

Кажется, будто многие правительства состоят в заговоре игнорирования триад и международной организованной преступности в целом. Их существование признается, но с ними почти не борются. Между тем борьба с организованной преступностью должна быть главным приоритетом всех правительств. Развитые страны нуждаются в этом для сохранения стабильности, а развивающиеся — для того, чтобы не дать развитию замедлиться из-за коррупции. В 1994 г. ООН провела на эту тему конференцию.

Для борьбы с триадами полиции больше недостаточно. Они достойны внимания спецслужб и подобных им ведомств. В США против организованной преступности бросили ЦРУ, хотя иногда оно сотрудничало с ней в собственных целях. Британская МИ5 тоже занимается этой проблемой в сотрудничестве со спецслужбами других стран Запада и ЮАР. В 1990 г. специальное подразделение по организованной преступности учредил Интерпол. Правда, оно не является международным органом обеспечения законности, а именно это и требуется. В целом «при нынешней нехватке международной решимости и при склонности триад к секретности, их организационных навыках, жесткой решительности и значительном опыте будущее не предвещает хорошего» (с. 575).

А.У. Маккой

ПОЛИТИКА ГЕРОИНА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Алфред Уильям Маккой — профессор истории, Висконсинский университет в Мэдисоне, США

McCoy A.W. The Politics of Heroin in Southeast Asia. With C. Reed and L.P. Adams II. New York etc.: Harper & Row, 1972. XIV, 464 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

Резонансная книга американского востоковеда, профессора истории Висконсинского университета в Мэдисоне Алфреда Маккоя (род. 1945) подробно повествует о наркоторговле в Индокитае и тесной вовлеченности в нее партизанских группировок национальных меньшинств Бирмы, остатков армии Гоминьдана, властей Южного Вьетнама, Таиланда и Лаоса, а также французских спецслужб и Центрального разведывательного управления США.

В начале 1970-х годов США подверглись эпидемии героиновой зависимости, которая охватила все города и даже военные части, включая зарубежные. Если в 1965 г. по всей стране было выявлено лишь 57 тыс. наркозависимых, причем большинство их были жителями черных городских гетто, то к концу 1971 г. численность достигла 560 тыс. и наркомания начала распространяться в белых поселениях (с. 1). По некоторым данным, наркоманами были 6,5% всех фабричных рабочих, а также 10–15% американских военнослужащих во Вьетнаме (с. 1). «Внезапный рост численности наркоманов породил волну преступности, которая превратила внутренние районы американских городов в бетонные джунгли. Чтобы поддерживать свои привычки, наркоманы вынуждены воровать, и сейчас на их долю приходится более 75% преступлений в городах США» (с. 1–2). Несмотря на «войну с наркотиками», которую объявил президент Р. Никсон в послании к Конгрессу в 1971 г., героин продолжал наводнять страну. Среднестатистический наркоман тратил на него 8 тыс. долл. в год (с. 2).

Впервые опийный мак был обнаружен в горах на границах Восточного Средиземноморья в неолите. Как медицинское средство опиум-сырец был известен Гиппократу в Греции и Галену в Риме. В первые века н.э. он распространился в сторону Индии и Китая. В 1805 г. медицина извлекла из опиума-сырца морфин, который стали применять для анестезии.

Широкое распространение морфина и других лекарств на основе опиума вскоре привели к серьезной проблеме наркозависимости. В США в 1924 г. насчитывалось 200 тыс. наркоманов, причем в Нью-Йорке 94% всех наркоманов, арестованных за различные преступления, «сидели» на героине (с. 5). Статистика убедила власти, что угрозы от героина перевешивают его медицинскую ценность. В том же году Конгресс запретил импорт и производство героина, а в следующем году стро-

гие ограничения на них наложила Женевская конвенция Лиги Наций. В результате мировое легальное производство героина сократилось с 9 тыс. кг в 1926 г. до немногим более 1 тыс. в 1931 г. (с. 5).

Однако это вовсе не означало прекращения масштабной наркозависимости. Преступные синдикаты перенесли центр мирового производства героина из законных фармацевтических фабрик Европы в подпольные лаборатории в Шанхае и Тяньцзине. Их владельцем было могущественное тайное общество. Эти лаборатории стали снабжать нелегальным героином коррумпированных китайских милитаристов, европейские преступные синдикаты и американских мафиози вроде Лаки Лучано. В Марселе корсиканские синдикаты открыли небольшие лаборатории и принялись производить героин для европейского рынка и на экспорт в США. На Ближнем Востоке наркоторговлю вели пресловутые братья Элиопулос.

В 1930-е годы меры по обузданию ввоза нелегального героина в США оказались неэффективными. Зато в годы Второй мировой войны торговля пострадала серьезно из-за мер безопасности с целью помешать просачиванию иностранных шпионов и вести подрывную деятельность на военно-морских объектах. Это вынудило многих американских наркоманов отказаться от своих привычек, и к концу войны их численность упала ниже 20 тыс. чел. (с. 6). Казалось, что проблема решена. Однако через несколько лет наркосиндикаты вернулись в бизнес, опиумные поля в Юго-Восточной Азии стали расширяться, а героиновые заводы — множиться как в Марселе, так и в Гонконге.

Секрет кроется в истории «крестового похода» в США в Холодной войне. Американские участники этой войны считали, что мир охватила манихейская борьба между «безбожным коммунизмом» и «свободным миром». Полагали, что в борьбе с коммунизмом не может компромисса, а значит, приветствовался любой союзник и были оправданы любые средства. «Военная диктатура на Тайване стала “свободным Китаем”; полицейское государство в Южном Вьетнаме было “свободным Вьетнамом”. Цепь военных диктатур, протянувшаяся от Пакистана до Аргентины, была “свободным миром”» (с. 7). ЦРУ проводило безжалостную тайную Realpolitik и заключало союзы с любыми местными группами, которые были готовы и способны сдержать «коммунистическую агрессию». Такие союзы оказали глубокое воздействие на международную торговлю героином. На Сицилии еще предшественник ЦРУ — Управление стратегических служб (УСС) — вступило в союз с мафией против итальянской компартии. Во Франции главным полем боя между ЦРУ и французскими коммунистами стал Марсель.

Пик производства героина в Европе пришелся на середину 1960-х годов, а затем оно внезапно пережило спад. Причинами было то, что правительство Италии взялось за сицилийскую мафию, а в 1967 г. правительство Турции объявило о начале ликвидации опиумных полей в Анатолии, чтобы лишить марсельские лаборатории сырья. Американская мафия и корсиканские синдикаты переместили свои источники снабжения в Юго-Восточную Азию, где избыточное производство опиума и систематическая государственная коррупция создавали идеальный климат для масштабного производства героина.

Роль в создании столь благоприятных условий вновь сыграла внешняя политика США. Еще в начале 1950-х годов ЦРУ поддержало формирование партизан-

ской армии китайских националистов в Бирме, а в Лаосе создало наемную армию мяо[1], командующий которой производил героин для сбыта среди американских военнослужащих в Южном Вьетнаме. Государственный департамент безоговорочно поддерживал коррумпированные правительства, открыто участвовавшие в наркоторговле. В 1969 г. героиновые лаборатории как грибы множились в районе, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса. Их продукция завалила рынок США.

В начале 1970-х годов территория незаконного производства опиума охватывала южную кайму Азии, протягиваясь от Анатолийского нагорья через север Индийского субконтинента до гор Северного Лаоса. Крестьяне и члены племен восьми стран собирали около 1400 тонн в год опиума-сырца (с. 9). При этом на «Золотой треугольник» Юго-Восточной Азии (северо-восток Бирмы, север Таиланда и Лаоса) приходилось около 70% мирового нелегального производства (с. 9). При этом господство героиновых лабораторий Марселя и Гонконга начинало оспариваться лабораториями, расположенными на месте, в дебрях «Золотого треугольника» (обычно персонал такой лаборатории насчитывал три сотрудника).

Курьеров и схем переброски героина в США было множество. Почти все перевозки финансировались и организовывались одной из 24 региональных групп («семей») американской мафии. Крупные боссы перевозили героин большими партиями по 20–100 кг, за которые выделяли аванс до 20 тыс. долл. за кг наличными. По приходе в Америку боссы делили грузы на партии по 1–10 кг для продажи. Мафиозо более низкого уровня разбавлял героин вполовину, делил его на еще более мелкие партии и передавал двум-трем агентам по продаже. Перед сбытом потребителям процесс повторялся еще на трех уровнях. К этому моменту цена героина взлетала вдесятеро, достигая 225 тыс. долл. за килограмм, а в пакете, продаваемом на улице, героин был уже так разбавлен, что его доля составляла менее 5% (с. 14).

«Среднему американцу, который является свидетелем ежедневного ужаса наркоторговли на уровне улицы, должно показаться непостижимым, что его правительство может каким-то образом быть вовлечено в международную наркоторговлю… К сожалению, персонажам этой драмы нелегко придать шаблонность. Американские дипломаты и тайные агенты вовлечены в наркоторговлю на трех уровнях: 1) случайное соучастие путем союза с группами, которые активно заняты наркоторговлей; 2) содействие торговле путем прикрывания известных торговцев героином и попустительства их вовлеченности в нее; 3) активное участие в перевозках опиума и героина. По меньшей мере иронично, что свою героиновую чуму Америка создала сама» (с. 14).

Хотя в 1920-е годы Муссолини сицилийскую мафию прижал, в годы войны она восстановила свои позиции через сотрудничество с вторгшимися в Италию союзниками. Мафиози помогали американскому генералу Дж. Паттону двигаться по гористой местности, выделяя проводников и защищая дороги от снайперов. Сотрудничество укрепилось, когда американская разведка в ходе оккупации Италии поняла, насколько полевела итальянская политика. Со своей стороны, мафия во главе с доном Калоджеро Вицини стала естественным союзником США против коммунистов, так как любые изменения в средневековой социальной структуре Сицилии стоили бы мафии денег и власти.

[1] Мяо (хмонги) — группа народностей в Южном Китае и горных районах стран Индокитая. — *Здесь и далее прим. реф.*

В 1946 г. американская военная разведка выпустила из тюрьмы Лаки Лучано и депортировала его в Италию. В сотрудничестве с Калоджеро и при помощи многих прежних сторонников из Нью-Йорка он смог построить внушительный международный наркосиндикат — один из самых примечательных в истории наркоторговли. Более десяти лет Лучано ввозил морфин с Ближнего Востока в Европу, производил из него героин и экспортировал в США. Важным партнером Лучано был ливанец Сами аль-Хури, который путем взяток и благодаря своему высокому положению в бейрутском обществе создал могущественную политическую организацию. Директора Бейрутского аэропорта, ливанской таможни и наркополиции «крышевали» ввоз опиума из Турции, его переработку в морфин и вывоз в лаборатории Сицилии и Марселя. После депортации из США Лучано вверил управление своей финансовой империей давнему коллеге, главарю еврейских банд Мейеру Лански. Тот контролировал пути через Карибское море и поддерживал связи с семьей Траффиканте из Флориды. Вероятно, важнейшим пунктом транзита героина выступала Гавана.

Путь перевозок героина Турция – Италия – США доминировал в международной наркоторговле почти 20 лет. Правда, в 1950-е годы мафия стала отказываться от производства героина и опираться больше на корсиканские синдикаты Марселя, поскольку мафиози были способными контрабандистами, но не умели управлять подпольными лабораториями. В своей схеме Лански задействовал ряд швейцарских банков, а затем купил один из них — Женевский банк обмена и инвестиций.

Бóльшая часть потребляемого в США героина стала производиться в Марселе. Этот город служил воротами Франции в колонии и кишел вооруженными бандитами и головорезами, будучи французским Чикаго. Как правило, то были корсиканцы, организованные в кланы с жесткой структурой. Сплоченность корсиканских синдикатов сделала их идеальным противовесом сильным коммунистическим профсоюзам Марселя. В результате все иностранные державы и коррумпированные политики вступали в союз с корсиканцами: французские фашисты использовали их, чтобы разгонять демонстрации коммунистов в 1930-е годы, гестапо — шпионить за коммунистическим подпольем, а ЦРУ — срывать стачки коммунистов в 1947 и 1950 гг. Последний из этих союзов позволил корсиканцам сделать Марсель послевоенной героиновой столицей западного мира и укрепить партнерство с мафией. Как Сицилия посылала свою молодежь в США и промышленные города Северной Италии, так Корсика посылала свою во Французский Индокитай и Марсель. В результате корсиканцы насчитывали более 10% населения этого портового города (с. 31).

После войны производство героина в Марселе контролировали братья Антуан и Бартелеми Гуэрини. Когда в ходе майской революции 1968 г. советник де Голля по разведке Жак Фоккар для восстановления общественного порядка организовал Службу гражданского действия в составе 5 тыс. чел., в нее набрали много корсиканских и французских бандитов (с. 50). Полиция и SDECE (французский аналог ЦРУ) стали использовать эту организацию для «грязных» миссий. В обмен члены Службы обладали иммунитетом от полицейского расследования и получали пропуска. Этим они пользовались для торговли героином. Более того, информированные наблюдатели убеждены, что некоторые высшие офицеры SDECE организовывали перевозки наркотиков в США для финансирования операций Службы гражданского действия. Масштаб вовлеченности SDECE в торговлю героином вскрыл-

ся в 1971 г., когда в Нью-Джерси предъявили обвинение полковнику Полю Фурнье за участие в контрабанде 45 кг героина (с. 51).

В 1960-е годы аресты, внутренние распри и наблюдение за соблюдением международных законов ослабили наркотическую ось Турция – Италия – Марсель. На Сицилии воевали «старая» и «новая» мафии. В 1962 г. от коронарной атаки в Неаполе умер Лучано. Его преемником в роли главного организатора наркоторговли в США сделался Санто Траффиканте-младший. Кубинская революция 1959 г. лишила его прибыльных операций в казино Гаваны, зато пошел приток кубинских беженцев в Майами. Они составили новую группу наркокурьеров и агентов по продаже, неизвестных американской полиции и Интерполу.

Однако мафия по-прежнему нуждалась в альтернативном источнике производства морфина и запасном источнике героина в случае проблем в Европе. Небольшие количества низкокачественного коричневатого героина производили в Мексике, но она не могла удовлетворить спрос американских наркоманов. Контрабандисты опиума орудовали из Индии и Афганистана, но не имели связей с международными преступными синдиками. Наиболее обещающей альтернативой оказывалась Юго-Восточная Азия. На нее приходилось более 70% мирового незаконного производства опиума, а лаборатории в Гонконге производили часть лучшего героина в мире (с. 56). К тому же корсиканские синдикаты во Вьетнаме и Лаосе регулярно снабжали опиумом и морфином международные рынки уже почти 10 лет. Неслучайно в 1968 г. Траффиканте наведался в Сайгон, Гонконг и Сингапур. Он всего лишь продолжал давнюю традицию западных авантюристов, которые ехали в Азию составить состояние на наркоторговле. Отличие заключалось в том, что мафия была заинтересована не в продаже азиатского опиума азиатам, а в покупке азиатского героина для американцев.

До прибытия в Азию португальских кораблей в конце XV в. курение опиума и контрабанда наркотиков были в этой части света почти неизвестны. Большинство традиционных политий были обращенными внутрь империями, мало заинтересованными в морской торговле. Хотя опийный мак в Индию и на юго-запад Китая принесли еще арабские купцы в VII в., его возделывание оставалось ограниченным и опиум применяли почти исключительно в медицинских целях.

Когда европейцы появились в Азии, их проклятием на века стало то, что Европе почти нечего было предложить Азии, кроме золотой и серебряной монеты. Поставив морские пути под контроль силой, португальцы взяли в свои руки внутриазиатскую морскую торговлю, в том числе медицинским опиумом в треугольнике Индия – Китай – Острова Пряностей. Также португальцы в конце XVI в. стали ввозить в Китай табак для обмена на шелк. Хотя китайцы выращивали собственный табак, курительная трубка как таковая (внедрили ее испанцы) оказалась ключом, который открыл европейцам ворота к богатствам Поднебесной. Китайцам пришлось по нраву курение индийского опиума в смеси с табаком через трубку. В страну наркоманов Китай превратила европейская промышленная революция. Когда европейские державы стали строить обширные колониальные империи, то для несения огромных расходов они и обратились к опиумной торговле. Британская Ост-Индская компания установила монополию на выращивание мака в Бенгалии и стала экспортировать опиум тысячами ящиков в Китай. Средний экспорт опиума из

Британской Индии вырос в 1821–38 гг. с 270 до более 2400 т (с. 60). Попытка Китая решить проблему социальной и экономической деградации привела к неудачной для него «опиумной» войне 1839–42 гг.

Новый виток строительства империй пришелся на вторую половину XIX в. В Юго-Восточной Азии местное население чаще держалось за рисоводство и неохотно шло в городские анклавы, где нуждались в ремесленниках, торговцах и кули. Чтобы заполнить этот пробел на рынке труда, колонизаторы заселяли портовые города армянами, евреями, индийцами и китайцами. Последние по причине своей численности далеко опережали всех прочих. Эмиграция из прибрежных провинций Южного Китая (особенно из Гуандуна и Фуцзяни) началась еще в конце XVIII в. из-за угрозы голода. Большинство эмигрантов ехали в Юго-Восточную Азию. К 1910 г. насчитывалось 120 тыс. китайцев в Сайгоне и дельте Меконга, 200 тыс. в Бангкоке и более 60 тыс. в районе Рангуна (с. 63). С собой они принесли привычку курить опиум. Уже к 1870 г. в Китае насчитывалось 15 млн. наркоманов (с. 63).

С переселением китайцев в Юго-Восточную Азию колониальные власти стран региона стали создавать легальные опиумные притоны. К концу XIX в. в каждой стране и колонии от Северного Борнео до Бирмы имелась регулируемая государством опиумная монополия. За китайцами в курение втянулись коренные народы региона. Сбыт опиума обеспечивал до 40% доходов колоний и финансировал строительство многих железных дорог, каналов и готических зданий, которые остаются символами колониальной эпохи (с. 63).

Рост наркомании подтолкнул производство опиума в самом Китае. Он стал распространяться из горных районов Юньнани и Сычуани в большинство других провинций Южного и Центрального Китая. Когда в ходе второй опиумной войны импорт этого наркотика был легализован, многие чиновники перестали мешать местному производству. Китай сам начал вывозить опиум в Юго-Восточную Азию. В 1901 г. генерал-губернатор Французского Индокитая доносил, что половина сбываемого государственной монополией опиума происходит из соседней Юньнани (с. 64). Этот опиум лег и в основу растущей нелегальной наркоторговли в регионе.

Собственное производство в Юго-Восточной Азии началось в XIX в. Реагируя на ненасытный спрос наркоманов прибрежных городов Китая, юньнаньские купцы двинулись в «Золотой треугольник» Индокитая, торгуя с производящими опиум племенами (мяо, яо и др.) и продвигая производство мака на экспорт. Однако масштабное производство в регионе началось лишь в 1940-е годы, так как Британская Бирма, Французский Индокитай и Таиланд прилагали все усилия, чтобы помешать горным племенам выращивать мак. В то время как Британская Индия и имперский Китай получали доход от производства и экспорта опиума-сырца, правительства этих стран получали доход от сбыта очищенного опиума. В Таиланде правительство с 1907 г. взяло на себя прямую ответственность за управление опиумной торговлей. К 1921 г. прибыли от нее составляли 15–20% государственных доходов (с. 67).

В годы Второй мировой войны Таиланд был отрезан от своих главных поставщиков опиума — Ирана и Турции, но нашел им замену: благодаря военному союзу с Японской империей оккупировал государство шанов на северо-востоке Бирмы и получил доступ к их районам, производящим мак. Что касается японской армии и национального правительства Китая, обе эти силы в годы войны активно поощря-

ли торговлю опиумом. Хотя они и воевали, правительство Гоминьдана продавало японской армии большие количества опиума-сырца.

В Бирме после того, как британский парламент в 1878 г. принял Акт об опиуме и стал принимать шаги к сокращению его потребления, его доля в колониальных доходах упала до менее 1% в 1939 г. (с. 69). Правда, на снижение наркомании это влияло мало. Шанские княжества по западной границе китайской провинции Юньнань продолжали производить опиум и ввозить его контрабандой в Нижнюю Бирму. Признав в конце 1880-х годов за 34 князьями право на автономию, британцы обрекли на неудачу свои будущие попытки искоренить производство опиума в Северо-Восточной Бирме. Уйдя из Бирмы, британцы оставили трудное наследство: из-за дарованной шанам автономии те не терпели вмешательства в свои внутренние дела. Правительство независимой Бирмы добилось в 1950 г. полного запрещения потребления опиума, но так и не нашло решения проблемы возделывания мака в шанских княжествах за р. Салуин.

Во Вьетнаме французы установили государственные опиумные монополии, которые помогали им финансировать расходы на управление. Генерал-губернатор П. Думер в 1899 г. реорганизовал опиумный бизнес, расширив продажи и сократив издержки. Консолидировав пять автономных агентств в единую монополию, он построил в Сайгоне современный очистительный завод. Монополия стала покупать дешевый опиум в Юньнани. В результате в 1918 г. во Вьетнаме имелось 1512 притонов и 3098 лавок (с. 74). Как гордо доносил сам Думер, эти реформы привели к увеличению доходов от опиума на 50% и они превысили треть всех колониальных доходов; впервые за более десяти лет в казначействе появился излишек средств, и Думер смог взять заем в 200 млн. франков на финансирование программы общественных работ, части строительства железнодорожной сети Индокитая и многих его больниц и школ (с. 74). Если другие колониальные администрации в Юго-Восточной Азии под давлением международной кампании против опиума в 1920–30-е годы сократили масштаб своих монополий, французских чиновников это не касалось. К 1938 г. доходы от опиума составили 15% колониальных доходов Индокитая — высший показатель в регионе (с. 75). Правда, в долгосрочной перспективе опиумная монополия ослабила французские позиции в Индокитае. Вьетнамские националисты указывали на нее как на пагубный результат французской эксплуатации.

К началу Второй мировой войны в Индокитае насчитывалось 2500 опиумных притонов и лавок; они снабжали товаром более 100 тыс. наркоманов (с. 76). С обрывом импорта из Ирана и Турции в годы войны французская администрация стала поощрять производство опиума среди племен мяо в Лаосе и на северо-востоке Тонкина. В лаосской провинции Сиангкхуанг она сделала своим брокером лидера клана Ли — Тауби Лифаунга. Однако французская политика создала напряженность между кланами-соперниками Ли и Ло, в результате чего лидер клана Ло Файданг в 1945 г. вошел в контакт с Вьетминем и приступил к организации партизанского движения — Лиги сопротивления мяо. Опиумная политика французов привела к тому, что два клана оказались по разные стороны конфликта в колониальной войне, а позднее — и в войне США во Вьетнаме. В начале 1970-х годов почти 30 тыс. сторонников Тауби воевали как наемники ЦРУ, а тысячи партизан Файданга присоединились к революционному движению Патет Лао. «Этот чисто клановый

конфликт, который довела до кризиса французская опиумная политика, стал перманентным разломом и подлил масла в огонь двадцатипятилетней гражданской войны в Лаосе» (с. 85).

После Лаоса крупнейшим производящим опиум районом в Индокитае была сопредельная территория северо-западного Тонкина, известная как страна Тай. Там племена мяо с помощью высокогорного подсечно-огневого земледелия тоже выращивали мак. Местный лидер Део Ван Лонг был назначен французами президентом трех горных провинций (федерация Тай), которые они отделили от остальной части Тонкина, и за это договорился с соседями-мяо о покупке у них опиума и посылал урожай в Сайгон. Использование лидеров тай как опиумных брокеров, возможно, было одним из важнейших административных решений французов в истории колониального Вьетнама. Когда в 1954 г. французы рискнули исходом первой индокитайской войны в решающей битве при Дьен-Бьен-Фу, они мнили, что Вьетминь не сможет поднять артиллерию на хребты над новой крепостью. Французы замыслили ловушку, рассчитывая уничтожить Вьетминь в долине авиацией и пушечным огнем. Однако на хребтах жили мяо, которых лидеры тай в течение почти 15 лет заставляли сбывать опиум по весьма заниженным ценам. Тысячи мяо выступили носильщиками и разведчиками для коммунистов. В результате к изумлению французских генералов у Вьетминя оказалось 200 тяжелых пушек против 28 орудий французского гарнизона (да еще при нехватке снарядов) (с. 105). Артиллерийские батареи коммунистов разнесли французские укрепления при Дьен-Бьен-Фу, а с ними и Французскую колониальную империю.

К концу Второй мировой войны «Золотой треугольник» по-прежнему производил менее 80 т опиума в год — несущественно по сравнению с 1 тыс. т в начале 1970-х годов (с. 87). После войны иностранное снабжение восстановилось: тайские и французские монополии легально ввозили опиум из Ирана; процветала контрабанда из Юньнани. Однако в течение десяти лет Юго-Восточная Азия оказалась полностью отрезана от зарубежного опиума. В 1953 г. основные производящие опиум страны Европы, Ближнего Востока и Южной Азии подписали протокол ООН, согласившись не продавать опиум на международном рынке для легального курения или потребления внутрь. После образования КНР Народно-освободительная армия Китая (НОАК) начала патрулировать границу, опасаясь контрнаступления войск Гоминьдана при помощи ЦРУ; это привело к остановке большинства опиумных караванов из Юньнани. К середине 1950-х годов в провинции внедрили сельскохозяйственные культуры-заменители. Наконец в 1955 г. о полном запрете выращивания мака объявило правительство Ирана.

В этих условиях полиция Таиланда, армия Гоминьдана и разведки Франции и США путем сознательного или неумышленного поощрения возделывания мака в «Золотом треугольнике» позволили массовой наркомании сохраниться и даже процветать. Юго-Восточная Азия стала самодостаточной по опиуму. Уже к концу 1950-х годов регион производил около 700 т опиума-сырца, или около половины мирового нелегального объема опиума (с. 91). Французским спецслужбам не хватало средств на финансирование операций против Вьетминя, поэтому они тайно взяли наркоторговлю «под крыло». В Бирме и Таиланде ЦРУ в начале 1950-х годов пыталось использовать остатки побежденной армии Гоминьдана, чтобы заку-

порить бирманско-китайскую границу (американцы опасались китайского вторжения в Юго-Восточную Азию). Войска китайских националистов применили полученное от США оружие, чтобы заставить горные племена Бирмы расширить производство опиума. Они продавали урожай тайской полиции, которая, кстати, тоже была клиентом ЦРУ. Под руководством генерала Пхао полиция использовала полученное от ЦРУ оборудование для перевозок опиума в Бангкок на экспорт на новые рынки Малайзии, Индонезии и Гонконга. Как заявил в 1954 г. британский таможенный чиновник в Сингапуре, Бангкок сделался опиумной столицей Азии и распределял 30% опиума в регионе. «Черный рынок» был так завален бирманским и тайским опиумом, что его сбывали на 25% дешевле иранского и на 40% — известных индийских сортов (с. 92).

«Опиумная торговля Юго-Восточной Азии проделала за 150 лет долгий путь: немногим менее миллиона наркоманов обеспечивали опиуму и его производным местный рынок; хорошо организованные синдикаты, персонал которых был главным образом набран из среды военных и разведчиков, обеспечивал организационные компетенции для перевозки опиума с горных полей на городские рынки потребления; немалое количество квалифицированных горных земледельцев посвящали выращиванию мака большую часть своего рабочего времени» (с. 92).

Когда в 1946 г. французские колониальные власти отменили опиумную монополию, их кампания по уменьшению наркомании была обречена на провал. Спецслужбы и полувоенные организации перехватили наркоторговлю, чтобы финансировать свои операции в первой индокитайской войне (1946–54). К 1951 г. они контролировали большую часть опиумной торговли («операция X»).

Когда война зашла в тупик, к началу 1950-х годов французские офицеры молодого поколения (майор Р. Тринкье, капитан А. Савани) отказались от обычных правил войны, согласно которым Индокитай виделся лишенной населения территорией с укрепленными линиями, массированными наступлениями и фланговыми маневрами. Регион стал большой шахматной доской, на которой горные племена, бандиты и религиозные меньшинства могли быть использованы как пешки, чтобы удерживать территории и мешать просачиванию Вьетминя. Французы заключали союзы с этническими или религиозными группировками и снабжали их оружием и деньгами. Эти наемники были весьма жадными и дорогими. Так, чтобы обеспечить лояльность речных пиратов Бинь Сюйен, которые охраняли Сайгон, французы позволили им наладить целый спектр преступных предприятий и платили ежегодную стипендию в 85 тыс. долл. (с. 94). «Операция X» была столь секретной, что даже высокопоставленные французские и вьетнамские чиновники лишь знали о самом ее факте.

В отличие от ЦРУ, у которой своя администрация и цепь командования, французские спецслужбы всегда были тесно привязаны к армейской иерархии. На своем пике в 1951–54 гг. «операция X» была санкционирована полковником М. Беллё для SDECE и генералом Р. Саланом для экспедиционного корпуса. Майор Р. Тринкье из Смешанной группы воздушного командования обеспечивал операцию, приказывая своим офицерам связи при Тауби Лифаунге и Део Ван Лонге покупать опиум по конкурентной цене. Полевые офицеры Смешанной группы в Лаосе и Тонкине вскоре осознали, что если не обеспечат регулярного сбыта местного опиума, благосостояние и лояльность их племенных союзников будут подорваны.

«Оглядываясь назад на махинации “операции X” с высоты почти двух десятилетий, кажется примечательным, в какой тайне ее держали. Почти каждое новое письмо из Сайгона с информацией о Бинь Сюйен касалось их вовлеченности в опиумную торговлю, но не упоминало поддержки французов этой деятельности горных племен и, безусловно, не охватывало всего масштаба “операции X”. Избавленные от кричащих заголовков или даже глухого шепота об их вовлеченности в наркоторговлю, ни SDECE, ни французские военные не испытали давления с целью отказаться от наркоторговли как источника финансирования тайных операций. По-видимому, внутренних расследований этой секретной опиумной торговли было проведено всего одно, и привело оно лишь к нескольким выговорам — более из-за неосторожности, чем чего-то другого. “Операция X” продолжалась без перебоев до ухода французов из Индокитая» (с. 107–108).

Помимо прямого участия SDECE и Смешанной группы воздушной команды в племенной опиумной торговле Французский Индокитай в последние годы своего существования стал местом осуществления типа политических отношений, которые в течение полувека возобновлялись с тревожной частотой, — союза между правительством и бандитами. Как отношения между УСС и итальянской мафией в годы Второй мировой войны и между ЦРУ и корсиканцами в начале Холодной войны повлияли на возрождение европейской героиновой торговли, так союз французского Второго бюро с Бинь Сюйен позволил опиумной торговли Сайгона выжить и процветать в годы первой индокитайской войны. Второе бюро оставалось на заднем плане, обеспечивая общую политическую поддержку. К 1954 г. Бинь Сюйен контролировал практически все притоны Сайгона и господствовал в сбыте очищенного опиума в Кохинхине. Постепенно отдавая Сайгон бандитам, французы делали их ключом к своему контролю над Кохинхиной.

Речные пираты Бинь Сюйен появились в начале 1920-х годов в болотах и каналах на юге Сайгона и его китайского города-близнеца Чолона. Их ранняя история — цикл похищений и грабежей. К концу Второй мировой войны они завязали связи с японской военной полицией кэмпэйтай, и многие бандиты смогли выйти из подполья. Положение Бинь Сюйен улучшилось еще более после переворота 9 марта 1945 г., когда японцы свергли французскую администрацию. Многие политические фракции обхаживали Бинь Сюйен, рассчитывая получить их в союзников. Они выбрали союзником Вьетминь, но вскоре рассорились с коммунистами, поскольку те не терпели недисциплинированности и импульсивности главарей отдельных банд, которые требовали уважать свою территорию. Лидер Бинь Сюйен Ле Ван Вьен завязал связи с религиозной группировкой Хоа Хао против французов и Вьетминя, но в то же время вступил в переговоры со Вторым бюро по вопросу о территории в Сайгоне. В результате французы использовали бандитов Ле в чистке Сайгона и Чолона от Вьетминя и вскоре передали Бинь Сюйен экономический и политический контроль над столицей Кохинхины, чтобы искоренить коммунистов, а заодно создать политический противовес вьетнамским националистическим партиям, которые набирали вес в результате растущего американского давления с целью политической и военной вьетнамизации страны. К 1954 г. Ле Ван Вьен стал богатейшим человеком Сайгона и ключевой фигурой для французского присутствия в Кохинхине.

Финансовая империя Бинь Сюйен рухнула в ходе отчаянной борьбы Второго бюро с ЦРУ за контроль над Южным Вьетнамом. В апреле – мае 1955 г. Бинь Сюйен и вьетнамская армия сшиблись в уличной войне за контроль над Сайгоном – Чолоном. За шесть дней боев погибло 500 человек и 20 тыс. остались без крова (с. 119). В результате Бинь Сюйен была отброшена в свое исходное логово — болото Рунг Сат, а хозяином Сайгона стал премьер-министр Нго Динь Зьем. Это сражение было опосредованной войной, в которой Бинь Сюйен и армия выступали пешками соответственно Второго бюро и ЦРУ.

До Дьен-Бьен-Фу Франция и США сотрудничали в Индокитае с минимальными трениями. В начале 1950-х годов американцы оплачивали 78% содержания французского экспедиционного корпуса, а сотни их советников служили во французских частях (с. 119). Однако когда Франция во главе с премьер-министром П. Мендес-Франсом была вынуждена предоставить Вьетнаму независимость, уйти из северной половины страны и провести в 1956 г. всевьетнамский референдум, она собиралась передать Вьетминю контроль над страной и тесно сотрудничать с Хо Ши Мином ради сохранения экономических и культурных позиций во Вьетнаме. Однако это не входило в планы госдепартамента, во главе которого стоял ярый антикоммунист Джон Фостер Даллес.

Стремясь свергнуть Ле Ван Вьена, ЦРУ в лице полковника Эдуарда Лэнсдейла бросало вызов не только Второму бюро, но и корсиканской общине Сайгона. С конца XIX в. корсиканцы доминировали на гражданской службе Индокитая, а в конце Второй мировой войны корсиканские члены Сопротивления (часть из них были бандитами) вступили в армию и приехали в Индокитай с экспедиционным корпусом. Многие из них остались в Сайгоне и занялись легальным или нелегальным бизнесом.

В мае 1955 г. Даллес на встрече с французским премьером Эдгаром Фором по сути договорился об окончании партнерства: Франция из Вьетнама уходила, а США оставались и поддерживали Нго. Победа последнего привела к трехлетнему перерыву в крупномасштабной опиумной торговле во Вьетнаме. Без Бинь Сюйен и «операции Х» крупная контрабанда из Лаоса пришла к концу.

«В течение более 80 лет французский колониализм переплел торговлю пороком с основной тканью вьетнамской экономики, используя первую как законный источник правительственных доходов. В конце 1940-х годов французы просто перевели эту торговлю из легальной экономики в преступный мир, где она осталась соблазнительным источником дохода для политических организаций. Используя рэкет во французских интересах, Бин Сюйен разработала единственный эффективный метод, когда-либо созданный для борьбы с городскими партизанами в Сайгоне. Их формулой было сочетание преступности и карательных операций: контроль над муниципальной полицией позволял систематически эксплуатировать торговлю пороком, рэкет приносил большие суммы наличными, а деньги — эффективную сеть шпионов, осведомителей и наемных убийц» (с. 126). Когда администрация Нго столкнулась в 1958 г. с крупным восстанием, она вернулась к формуле Бинь Сюйен. Правительственные спецслужбы возродили опиумную торговлю с Лаосом, чтобы финансировать борьбу с повстанцами. Столкнувшись с такими же проблемами в 1965 г., советник премьер-министра Нгуена Као Ки генерал Лоан будет использовать те же методы.

В Бирме ЦРУ содействовало превращению шанских княжеств из небольшого района выращивания мака в крупнейший регион производства опиума в мире. В 1950 г. оно начало перегруппировку остатков побежденной армии Гоминьдана с целью их вторжения в Южный Китай. Гоминьдан перевозил урожай опиума на север Таиланда, где его продавали полицейскому генералу Пхао Сриянонде, тоже клиенту ЦРУ. Американцы поощряли углубление партнерства между Пхао и Гоминьданом, чтобы обеспечить последнему тыл. Однако вскоре этот союз стал важным фактором в росте наркоторговли в Юго-Восточной Азии.

При поддержке ЦРУ Гоминьдан оставался в Бирме до 1961 г., когда бирманская армия выдворила его в Лаос и Таиланд. Однако к этому времени гоминьдановцы использовали контроль над племенами, чтобы увеличить производство опиума почти на 1000% — с менее 40 т после Второй мировой войны до 300–400 т к 1962 г. (с. 127). Из Северного Таиланда Гоминьдан продолжал отправлять большие караваны мулов в шанские княжества за опиумом. В начале 1970-х годов эти караваны контролировали почти треть мировой нелегальной торговли этим наркотиком (с. 127).

Когда остатки гоминьдановской армии спаслись в Бирму, армия этой страны уже три года как увязла в борьбе с четырьмя крупными восстаниями, но ее нападение на Гоминьдан было вопросом времени. Однако вмешалось ЦРУ, изменив баланс сил. Администрация Трумэна опасалась, что Мао намерен завоевать Юго-Восточную Азию и вторгнется в Индокитай с тыла. Решение видели в том, чтобы воздвигнуть на бирманско-китайской границе непреодолимый барьер путем военной помощи Гоминьдану. В 1950 и 1951 гг. гоминьдановский генерал Ли Ми, получив американское оружие, трижды пытался отвоевать Юньнань, но был отброшен силами НОАК. Успокоившись, он удовлетворился ролью стража границы. Поскольку бирманская армия по-прежнему воевала с повстанцами в других частях страны, Гоминьдан стал единственной эффективной властью на всей территории шанских княжеств между р. Салуин и китайской границей. Именно эти территории были главным производящим опиум районом Бирмы.

Гоминьдан централизовал структуры сбыта и обложил каждого крестьянина-горца ежегодным опиумным налогом. Как вспоминал американский миссионер П. Льюис в княжестве Кенгтунг, представителей народности лаху, которые не справлялись с фискальными обязательствами, гоминьдановцы пытали. Браки китайских солдат с женщинами-лаху тоже содействовали контролю Гоминьдана над горными районами. Опиум доставляли в тайский город Чиангмай, где гоминьдановский полковник содержал пункт связи с консульством Китайской Республики (Тайвань) и местными властями Таиланда. Люди генерала Пхао отвозили купленный опиум в Бангкок для сбыта и экспорта.

В 1952–53 гг. войска Гоминьдана переправились через Салуин и перешли в наступление. Бирманское правительство мобилизовало три бригады и отбросило китайцев обратно за реку. В 1954 г. Бирма развернула крупнейшую операцию против Гоминьдана, но спорадические бои продолжались еще семь лет. Бирма пожаловалась в ООН на наличие у агрессоров большого количества современного оружия американского производства.

В Таиланде коррупция — не проблема, а образ жизни. На деле страной управляют военные клики, которые присваивают деньги, власть и патронаж. В 1947–57 гг. в

тайской политике доминировало соперничество между кликами во главе с генералом Пхао Сриянондой, который напоминал херувима с улыбкой Чеширского кота, и маршалом Саритом Тханаратом. Их армейские клики использовал для возвращения в 1947 г. к власти маршал Пхибун Сонгкхрам. Два военных поделили бюрократические и коммерческие трофеи, но сцепились за контроль над опиумной торговлей.

После войны Таиланд лишился импорта опиума из Китая и Ирана. Поэтому в 1947 г. тайское правительство впервые санкционировало выращивание мака на северных холмах. Гоминьдан в Бирме заполнил вакуум, выступив экспортером опиума в Таиланд. Торговля стала такой прибыльной, что страна без шума свернула объявленную в 1948 г. антиопиумную кампанию. «Опиумная война» между Пхао и Саритом была тайной. Лишь иногда она выходила на поверхность, как в 1950 г., когда один из армейских конвоев Сарита сопровождал груз опиума до конечной железнодорожной станции Лампанг. Полиция Пхао окружила конвой и потребовала сдать опиум. Когда армия пригрозила пробиться силой, полиция выдвинула тяжелые пулеметы и окопалась для битвы. После двухдневного стояния Пхао и Сарит лично явились в Лампанг, забрали опиум и увезли в Бангкок, где он исчез.

Постепенно Пхао одержал верх в борьбе за опиум, в том числе благодаря ЦРУ. С 1951 г. американская организация-ширма Sea Supply Corporation щедро поставляла тайской полиции морские суда, оружие, бронемашины и самолеты. В то же время американские советники генерала Сарита отказывались снабжать его армию таким же современным оборудованием. В 1952 г. Пхао был признан самым могущественным человеком в Таиланде. Этот (по выражению одного уважаемого тайского дипломата) «худший человек во всей истории современного Таиланда» стал важнейшим тайским клиентом ЦРУ и самым пылким антикоммунистом в стране. Его полиция прикрывала снабжение гоминьдановцев в Бирме американским оружием, а также перевозку в обратном направлении опиума.

К 1955 г. полиция Пхао стала крупнейшим синдикатом по торговле опиумом в Таиланде и была вовлечена во все ее этапы. Уровень коррупции даже по тайским меркам был высоким. Если контрабандный опиум предназначался на экспорт, полицейские пограничники сопровождали гоминьдановские караваны на полицейские склады в Чиангмае. Оттуда они сами отвозили груз в Бангкок поездом или полицейской авиацией. Там опиум перегружали на гражданские прибрежные суда, и морская полиция сопровождала их к океанским кораблям, уходившим в Сингапур или Гонконг. Если же опиум требовался для правительственной монополии, ставились театральные представления: пограничники затевали «перестрелку» с гоминьдановскими контрабандистами, те бросали опиум и убегали, а полицейские привозили опиум в Бангкок и получали вознаграждение в размере 1/8 розничной стоимости (с. 140). Опиум же исчезал. Сам Пхао позиционировал себя как лидера «крестового похода» против контрабанды опиума и часто лично спешно отъезжал на северную границу, где возглавлял своих людей в «перестрелках» с контрабандистами.

В 1955 г. падению политической империи Пхао содействовал именно опиумный скандал. С прибытием очередного груза наркотика массой 20 т в Бангкок Пхао перестарался и выписал большее по размерам вознаграждение для некоего «информатора». Премьер-министр Пхибун заметил, что высокие вознаграждения, похоже, лишь поощряют контрабанду. Пресса обрушилась на генерала, он отправил-

ся с визитом в Японию и США, а в его отсутствие Пхибун присвоил себе право вето на полувоенную деятельность полиции и запретил полицейским заниматься бизнесом. По возвращении Пхао его позиции оказались ослаблены. В 1957 г. Сарит произвел военный переворот, Пхао бежал в Швейцарию к своим банковским счетам, а Пхибун — в Японию. Техника полицейских полувоенных частей была передана армии, а агенты ЦРУ при полиции были высланы. В следующем году Сарит произвел еще один переворот и стал прибирать к рукам торговлю опиумом. Так, весной 1959 г. армия устроила на севере страны учения, истинной целью которых было максимизировать сбор урожая опиума. Однако вскоре режим, опасаясь международных осложнений, отошел от непосредственного участия в торговле опиумом. В свои руки ее взяли китайские синдикаты Бангкока, который остался одной из опиумных столиц Азии.

Помощник президента США Дж. Кеннеди Уолт У. Ростоу популяризировал доктрину экономического развития, согласно которой стагнирующую экономику можно подтолкнуть к экономическому «взлету» крупным вливаниям иностранной помощи и капитала. Поддержка Пхао и Гоминьдана со стороны ЦРУ, похоже, привела именно к такому «взлету» в бирманско-тайской опиумной торговле 1950-х годов: самолеты вытеснили мулов, морские суда — сампаны (традиционные плоскодонные лодки Восточной и Юго-Восточной Азии), а хорошо обученные военные организации — группы неграмотных торговцев-горцев. При генерале Пхао Таиланд превратился из потребляющей опиум страны в важнейший мировой центр продажи этого товара. В самом Таиланде производство мака росло еще быстрее, чем в Бирме — с 7 т сразу после войны до более 100 т в 1962 г. (с. 145).

«Однако был ли этот рост производства опиума результатом сознательного решения ЦРУ поддержать своих союзников Пхао и ГМД[2] с помощью наркоторговли? Было ли это “операцией Х” ЦРУ? Несомненно, ЦРУ знало, что его союзники серьезно вовлечены в торговлю. Заголовки прессы объявили об этом всему миру, и Пхао был ответственен за осуждение Таиланда Комиссией ООН по наркотикам. Определенно, ЦРУ не сделало ничего, чтобы остановить торговлю или прекратить злоупотребление своей помощью. Однако на вопрос, играло ли ЦРУ активную роль в организации торговли, может ответить лишь само это агентство. В любом случае, к началу 1960-х годов “Золотой треугольник” стал крупнейшим опиумопроизводящим регионом мира — большим резервуаром, способным снабжать прибыльные рынки Америки в случае трудностей в средиземноморском героиновом комплексе» (с. 145).

В 1960-е – начале 1970-х годов власти Тайваня обвиняли КНР в наркоторговле, но доказательств этому нет; истинной целью, похоже, было не пустить народную республику в ООН.

После заключения перемирия в Женеве в июле 1954 г. французы, убежденные, что Вьетминь одержит на выборах полную победу, начали переговоры с Ханоем. Американские участники Холодной войны не были столь гибкими. Они считали, что Южный Вьетнам — по сути креатура США и без их помощи не выживет. Французов они критиковали как безнадежных колониалистов; французские чиновники отвечали, что американцы наивны. Главным проводником антикоммунистического «кре-

[2] Так принято сокращать название партии Гоминьдан.

стового похода» в Южном Вьетнаме был молодой военно-морской врач Томас Дули, который развернул в США кампанию в поддержку Нго Динь Зьема и его новой нации. Правда, репрессивная диктатура Нго стала «демократией одного человека». Уже через семь лет после восхвалений Нго в американской прессе посольство США и ЦРУ (включая некоторых агентов, которые поддержали его в 1955 г.) организовали переворот, в ходе которого Нго был убит. А к 1965 г. США оказались ведущими войну, которая стала почти копией колониальной войны Франции. Посольство США пыталось манипулировать той же кликой коррумпированных сайгонских политиканов, которые в свое время ставили в тупик французов. Американская армия воспринималась большинством вьетнамцев так же, как французский экспедиционный корпус, только вместо сенегальцев и марокканцев ей помогали тайцы и южнокорейцы. Американский спецназ («зеленые береты») обучал тех же наемников из числа племенных горцев, что и французские «красные береты» за десять лет до него.

«Учитывая поразительное сходство французской и американской военных машин, неудивительно, что после вмешательства США общие контуры “операции X” возникли вновь. Когда ЦРУ в начале 1960-х годов оказалось вовлечено в Лаосе, оно осознало истинность аксиомы полковника Тринкье: “Чтобы заполучить мяо, надо покупать их опиум”. В то время, когда за исключением самолетов ЦРУ наземного или воздушного сообщения с горными районами Лаоса не было, опиум продолжал поступать из лаосских деревень в такие транзитные пункты, как Лонг-Тьенг. Оттуда правительственная авиация, на этот раз не французская, а вьетнамская и лаосская, перевозила наркотики в Сайгон, где связанные с вьетнамскими политическими лидерами группировки были вовлечены в их сбыт внутри страны и организовывали экспорт в Европу через корсиканские синдикаты. Как французский верховный комиссар находил политически целесообразным смотреть сквозь пальцы на участие Бинь Сюйен в опиумной торговле Сайгона, так посольство США в рамках своей безоговорочной поддержки режима Тхиеу – Ки, смотрела в другую сторону, когда ему предоставляли свидетельства вовлеченности представителей режима в героиновую торговлю американской армии. В то время как причастность американцев, безусловно, менее очевидна и явна, чем причастность французов за десять лет до этого, теперь это был не только опиум, но и морфин и героин, а последствия были намного серьезнее. После десятилетия американского военного вмешательства Юго-Восточная Азия стала источником 70% мирового нелегального опиума и главным поставщиком сырья на переживавший бум героиновый рынок Америки» (с. 151–152).

Когда брат и главный советник президента Нго — Нго Динь Ню — решил возродить опиумную торговлю, чтобы финансировать подавление растущего повстанческого движения и политического недовольства, он использовал сотрудников вьетнамской разведки в Лаосе и корсиканскую преступность Индокитая. Для переброски опиума-сырца в Сайгон он опирался сначала на корсиканские чартерные линии, а позднее и на Первую транспортную группу, которая осуществляла воздушные разведывательные миссии в Лаос для ЦРУ. В 1961–67 гг. большинство опиумных перевозок в Южный Вьетнам, похоже, осуществлялось силами вьетнамских ВВС. К середине 1970 г. могло показаться, что жесткий контроль центра при Нго Динь Зьеме и Нгуене Као Ки уступил место хаотичной конкуренции при Нгуене Ван Тхиеу. На деле это была упорядоченная борьба между лидерами трех политических группировок Сайго-

на: ВВС, которые оставались под контролем вице-президента Нгуена Као Ки; армии, ВМС и нижней палаты Национального собрания, лояльных президенту Нгуену Ван Тхиеу; таможни портовых властей и полиции, где значительным влиянием пользовались сторонники премьер-министра Чан Тхьен Кхьема.

Как и в других странах Юго-Восточной Азии, внешние формы западной бюрократии во Вьетнаме были пересажены на традиционную властную элиту, и пациент демонстрировал все признаки постоперационного отторжения ткани. В регионе существует три традиции, которые продолжают влиять на политическое поведение элит: наследие деспотических индуизированных богов-царей Таиланда, традиция китаизированных мандаринов Вьетнама и наследие раздробленных княжеств Лаоса и шанов. В середине XIX в. европейские канонерки и дипломаты покончили с изоляционизмом этих традиционных политий и присоединили их к своим обширным империям. Радикальные инновации из Европы высвободили динамичные силы социальных изменений. Хотя европейское присутствие послужило катализатором этих изменений, колониальные правительства были весьма консервативными и вступали в союз с традиционной элитой, чтобы подавлять профсоюзы, союзы арендаторов и националистических интеллектуалов. А когда традиционная элита не справилась с задачей, колониальные власти выпестовали новые торговые или военные слои. Служа европейцам, традиционная и новая элита приобрела набор ценностей, которые сочетали худшие черты обоих миров. Эти местные лидеры отрицали и собственные традиции общественной ответственности, и западные концепции гуманизма. Они осуществили сплав грубого материализма Запада с собственными традициями аристократического упадка. Результатом стала систематическая коррупция.

Если в шанских княжествах колониальное правление содействовало автономизации регионов, а в Лаосе — созданию лояльных французам правительства и армии, то в Таиланде 100 лет деятельности британских советников и 25 — американских придали правительству налет технической изощренности, но помешали возникновению внутренних революций, которые могли бы покончить с традиционными моделями коррумпированного автократического правления. Тайские авторитарные лидеры вели стиль жизни, напоминающий таковой прежних богов-царей. Так, маршал Сарит имел более сотни любовниц, произвольно казнил преступников в публичных местах и умер с состоянием стоимостью более 150 млн. долл. (с. 158). Такие правители способны контролировать весь чиновничий аппарат, и в результате вся наркоторговля Таиланда может быть централизована и монополизирована одной политической группировкой. Во Вьетнаме политические группировки были основаны на национальных политических институтах и соперничали за контроль над централизованной наркоторговлей. Однако даже самая могущественная группировка напоминала карточный домик, где одна миниклика изящно, но неустойчиво стоит на другой. За каждым вечно улыбающимся политиком скрывается властный брокер, ответственный за строительство и поддержание такого домика. С точки зрения сбора средств на политическую деятельность вьетнамская система была не так эффективна, как пирамидальная структура Таиланда. Каждый слой вьетнамской бюрократии снимал изрядную долю собранного (около 40%), прежде чем передать его на следующий уровень, поэтому верха достигало не так много средств (с. 159). Поэтому особенно важным источником политического финансирования выступала масштабная коррупция,

которой могут управлять немногие. Это были, например, сбор средств с богатых китайских предпринимателей, продажа высоких постов и контрабанда. Неудивительно, что каждое правительство Южного Вьетнама, которое находилось у власти дольше нескольких месяцев, было вовлечено в наркоторговлю.

Вскоре после изгнания из Сайгона бандитов Бинь Сюйен президент Нго, набожный католик, открыл решительную антиопиумную кампанию: публично сжег принадлежности для курения. Притоны были закрыты, и Сайгон перестал быть даже мелким транзитным пунктом в международной наркоторговле. Однако всего через три года правительство прекратило свой моралистический «крестовый поход» и принялось возрождать незаконную торговлю опиумом. Причинами были начало вооруженного восстания в сельской местности и политическое недовольство в городах. Они показали Нго Динь Ню, что для расширения разведдеятельности и политических репрессий нужны деньги — и это несмотря на щедрую финансовую помощь ЦРУ и Госдепартамента. Брат президента использовал связи с лидерами китайских синдикатов Чолона, чтобы вновь открыть притоны и создать систему сбыта контрабандного опиума. Пять лет спустя, по оценке корреспондента Time-Life, в одном Чолоне открыто действовали 2500 притонов (с. 160). Для их снабжения Нго Динь Ню основал два канала переброски опиума с маковых полей Лаоса. Главным каналом служила небольшая чартерная авиакомпания Air Laos Commerciale, которой управлял самый яркий корсиканский бандит Индокитая Бонавентуре Франчиши. С корсиканцами брат президента имел дела лично, а разведывательные миссии в Лаос курировал глава аппарата его тайной полиции (Службы социальных и политических исследований) доктор Чан Ким Туен. Хотя обычно в качестве Макиавелли режима Нго изображают его брата, многие инсайдеры считали, что настоящую жажду и способность к интригам имел Чан. Через подпольную партию Кан Лао он вербовал шпионов и политические кадры во все ветви военной и гражданской бюрократии. По некоторым данным, у Чана могло быть в Южном Вьетнаме до 100 тыс. агентов (с. 161). Благодаря этой системе он вел подробные досье на всех важных деятелей, включая братьев Нго и жену своего начальника, которые он выслал из страны в качестве своего рода жизненной страховки.

Наркооперации в Лаосе Чан смог маскировать под обычную разведдеятельность. Эту страну ЦРУ и вьетнамская разведка превратили в альтернативный путь просачивания агентов и пункт слежения после того, как северовьетнамцы с 1955 г. укрепляли свое побережье. Когда советник по разведке президента Нго Бернард Йох в ходе Лаосского кризиса 1961 г. отправил своих людей в Лаос работать с агентами Чана, он был поражен их некомпетентностью. Йох не мог понять, почему агентов без навыков обращения с радио и знания элементарных правил подполья держали на работе так долго — пока не узнал, что их главным делом было ввозить контрабандой золото и опиум в Южный Вьетнам. Правда, в перевозки опиума корсиканцами деятельность Чана вносила небольшой вклад до мая 1961 г., когда новый президент США Дж.Ф. Кеннеди санкционировал создание в Северном Вьетнаме сетей сопротивления и тайных баз для ведения подрывных действий. ЦРУ учредило компанию Aviation Investors и назвало этот проект операцией «Подъем сена».

Даже хотя наркоторговля и другие формы коррупции приносили полицейскому государству Нго Динь Ню огромные деньги, ничто не смогло удержать режим у вла-

сти, когда против него обратились американцы. Они были недовольны, что президент Нго не борется с коррупцией и сохраняет атмосферу страха и подозрений. В ноябре 1963 г. группа вьетнамских генералов при полной поддержке посольства США произвела переворот и казнила братьев Нго. Этот переворот не только покончил с режимом, но и уничтожил полицейское государство Нго Динь Ню и поддерживавшую его систему коррупции. Хотя те и не смогли остановить распространение влияния Национального фронта освобождения (Вьетконга) в сельской местности, по крайней мере гарантировали высокую степень «безопасности» в Сайгоне и окрестностях.

После переворота новым «сильным человеком» Сайгона стал генерал Нгуен Кхань. При нем политика стала чередой переворотов, контрпереворотов и полупереворотов. Нгуен не сумел построить разведывательную структуру взамен тайной полиции Нго, и в этот критический период ни одной из соперничавших группировок Сайгона не удалось централизовать наркоторговлю или другие формы коррупции. В результате город оказался окружен территорией Вьетконга и его кадры входили в Сайгон почти свободно. В марте 1965 г. саперы НФО взорвали американское посольство. Разработанная американцами программа «Хоп так» («Сотрудничество») провалилась, и пришло время обратиться к проверенным временем методам Нго Динь Ню и Бинь Сюйен. Когда французы в 1947 г. столкнулись с терактами Вьетминя, они вступили в союз с Ле Ван Вьеном; посол США Генри Лодж в 1965 г. решил так же поддержать премьер-министра Нгуена Као Ки и его властного брокера генерала Нгуена Нгок Лоана.

Нгуен Као Ки в 1955 г. был назначен командиром Первой транспортной эскадрильи. Имея 32 самолета С-47, он обладал крупнейшим торговым воздушным флотом в Южном Вьетнаме. Перевозки правительственных чиновников и генералов обеспечили Нгуена полезными политическими контактами. Вскоре после свержения Нго Динь Зьема вице-маршал Нгуен стал командующим всеми ВВС страны. В 1965 г. Комитет национального руководства во главе с генералом Нгуеном Ван Тхиеу назначил его премьер-министром. Выбрав себе властным брокером Нгуен Нгок Лоана, он решил проблему отсутствия независимой политической базы и нехватки средств. Нгуен Нгок Лоан был назначен директором Службы военной безопасности (расследовала коррупцию в армии), директором Центральной разведывательной организации (ЦРО, южновьетнамский аналог ЦРУ) и, самое главное, генеральным директором Национальной полиции. В его кандидатуре совпали интересы премьера и американцев, которые были рады видеть во главе сайгонской полиции и разведки сильного человека.

Нгуен Нгок Лоан возродил формулу Бинь Сюйен — использование систематической коррупции для борьбы с городскими партизанами. В 1966 г. он, в свою очередь, назначил довольно загадочного сайгонского политика Нгуен Тхань Тунга (известного как Май Ден) директором Иностранного разведывательного бюро ЦРО. Он был одним из тех деятелей, которые за предыдущие 25 лет так часто меняли союзников, что никто толком о них не знал. Главной задачей Май Дена стала реорганизация контрабанды опиума и золота между Сайгоном и Лаосом. Важным звеном коррупционной машины выступал директор таможни Нгуен Ван Лок. Например, он устроил племянницу стюардессой в Royal Air Lao, которая совершала несколько рейсов в неделю между Вьентьяном и Сайгоном, и использовал ее как курьера

для перевозки золота и опиума. В декабре 1967 г. по приказу американских таможенных советников в гражданском аэропорту Сайгона Таншонняте ее багаж обыскали и нашли 200 кг опиума-сырца (с. 171). Посольство США в Южном Вьетнаме не хотело принимать меры, и тогда коррупцией занялся подкомитет Сената во главе с Албертом Грюнингом от Аляски. Однако американские чиновники в Сайгоне защищали режим президента Нгуена, утверждая, что вина руководства не доказана.

«Когда Лоан и Ки вступили в должности, они были, несомненно, озабочены критическим положением с безопасностью в Сайгоне. Однако их истинной целью в строительстве полицейского государственного аппарата была политическая власть. Часто они, казалось, забывали, кто, как предполагалось, был их "враг", и использовали значительную часть своей полицейской разведывательной сети для ударов по политическим и военным группировкам соперников» (с. 173). Так, был убит член Конституционного собрания, который предложил законопроект, отстранявший президента Нгуена от предстоявших выборов.

Машина под руководством премьера Нгуена создала организацию наркоторговли еще масштабнее, чем тайный аппарат Нго Динь Ню. Последний зависел от корсиканских синдикатов, но их чартерные авиакомпании в 1965 г. были выдворены из Лаоса. Это заставило аппарат Нгуена более непосредственно участвовать в контрабанде, чем это делала тайная полиция Нго.

В 1967 г. медленно закипавшая враждебность между главой сайгонской военной хунты генералом Нгуеном Ван Тхиеу и премьером Нгуеном Као Ки вылилась в открытую политическую войну. Важным фактором в изменении баланса сил стало начавшееся 31 января 1968 г. Тетское наступление Вьетконга и северовьетнамской армии, когда 67 тыс. бойцов атаковали 102 населенных пункта по всему Южному Вьетнаму (с. 178). Шедшие несколько месяцев уличные бои не только нарушили обычную политику и сравняли значительную часть Сайгона – Чолона с землей, но и опустошили ряды доверенных финансовых кадров вице-президента Нгуена Као Ки и парализовали его политическую машину. Генерал Нгуен Нгок Лоан был серьезно ранен, а в июне произошел таинственный инцидент на командном посту в Чолоне: американский вертолет нанес удар по зданию, где проходила встреча видных приверженцев Нгуена Као Ки. Среди погибших был его зять и директор сайгонского порта подполковник Фо Куок Чу, а также директор сайгонской муниципальной полиции подполковник Нгуен Ван Луан. На места девяти погибших были назначены люди президента. Новый генеральный директор полиции полковник Чан Ван Хай начал энергичную чистку людей Нгуен Нгок Лоана в нижних эшелонах. Потеря нижних постов в окружной и муниципальной полиции означало, что Нгуен Као Ки больше не может собирать средства путем рэкета. Контроль над полицейским аппаратом Сайгона, таможней Таншоннята и сайгонским портом унаследовал сторонник президента министр внутренних дел генерал Чан Тхиен Кхьем.

«Внезапный взрыв пристрастия к героину среди американских военных в 1970 г. был самым важным событием в наркоторговле Юго-Восточной Азии с того времени, как в конце 1950-х годов регион достиг самодостаточности в производстве опиума. К 1968–69 гг. регион "Золотого треугольника" собирал урожай опиума-сырца, почти равный тысяче тонн в год, экспортируя морфиновую базу в героиновые лаборатории Европы и вывозя значительные объемы наркотиков в Гонконг

как для местного потребления, так и на реэкспорт в США» (с. 181). В 1969–70 гг. лаборатории «Золотого треугольника» добавили к своей работе конечный процесс выделения эфира и перешли на производство героина № 4 (его чистота составляла 90–99%). Многие химики, наблюдавшие за процессом, были китайцами, специально привезенными из Гонконга. В отчете ЦРУ 1971 г. говорилось, что переход от производства героина № 3 к № 4, похоже, был вызван внезапным ростом спроса на рынке Южного Вьетнама. В результате с сентября 1970 по апрель 1971 г. цена за килограмм взлетела с 1240 до 1780 долл. (с. 181).

Наркомания распространилась в американской армии как чума. К середине 1971 г., по оценке армейских врачей, героин употребляли 10–15% (25–37 тыс.) нижних чинов, служащих во Вьетнаме (с. 182). Возник вопрос: кто стоит за героиновой чумой? Часто обвиняли северо-вьетнамцев, но в 1971 г. начальник военной полиции американской армии заявил, что в Северном Вьетнаме производство опиума плотно контролируется правительством и нелегально на международные рынки он не попадает; его значительная часть, вероятно, преобразуется в морфин и используется в медицинских целях. В наркоторговле начальник военной полиции обвинил высокопоставленных членов правительства Южного Вьетнама.

Почему же эти люди развивали и покрывали наркоторговлю? Ведь именно они пострадали бы больше всех, если бы героиновая чума заставила американскую армию уйти из страны. Ответ: 88 млн. долл., которые приносила продажа опиума военнослужащим США в течение чуть больше года (с. 183). В июне 1971 г. генерал-майор Джон Кашмэн из IV корпуса в дельте Меконга попытался бороться с наркоманией: не выпускал солдат с базы сутками, усилил патрули и т.д. Однако через шесть дней энтузиазм военной полиции начал спадать. К концу июля Кашмэн понял, что не сможет решить проблему, пока южновьетнамская полиция и армия не перестанут покрывать торговцев наркотиками. Дело было даже не в генералах, а в полковниках и майорах, которые, по некоторым вьетнамским источникам, были людьми главного военного советника президента — генерала Данг Ван Куанга. Вторым важным фактором, который содействовал эпидемии героина в американской армии, было вторжение в Камбоджу в мае 1970 г. После свержения правителя этой страны принца Сианука, который был враждебен проамериканским режимам Южного Вьетнама, армия последнего перешла границу и Пятый военно-воздушный дивизион начал ежедневные полеты в Пномпень. Открылся канал переброски наркотиков с юга Лаоса в камбоджийскую столицу, откуда они могли легко попасть в Сайгон лодкой, грузовиком или самолетом. К 1970 г. контроль над наркоторговлей, похоже, поделили три группировки: представители ВВС, особенно транспортной авиации; гражданская бюрократия (полиция, таможня и портовые власти), которая всё больше переходила под контроль семьи премьер-министра Чан Тхьен Кхьема; армия, ВМС и нижняя палата Национальной ассамблеи, ответственные перед президентом Нгуеном Ван Тхиеу. Вовлеченность в наркоторговлю принимала разные формы. Обычно влиятельные политические и военные лидеры выступали консультантами и покровителями китайских синдикатов чиу-чау, которые и управляли сбытом, упаковкой, очисткой и частично контрабандой. (Чиу-чау были китайцами из округа Сватоу (соврем. Шаньтоу) в Южном Китае; их синдикаты контролировали значительную часть нелегальной наркоторговли Азии с середины XIX в. и игра-

ли в организованной преступности Китая роль, схожую с ролью сицилийской мафии в Италии и корсиканских синдикатов во Франции.) Кроме того, вьетнамские военные и гражданские чиновники были напрямую вовлечены в контрабанду наркотиков в страну. Военные имели доступ к самолетам, грузовикам и судах, которого нет у китайцев, а большинству представителей элиты было легче провозить опиум через таможню и пограничные пункты, чем их китайским клиентам.

Участие в контрабанде сторонников президента из числа делегатов нижней палаты оказалось для него скорее недостатком, чем преимуществом. Легкость, с какой разоблачали этих политиков-контрабандистов, создала немало проблем для аппарата Нгуена в его соперничестве с премьер-министром Чаном. В сентябре 1970 – марте 1971 г. на контрабанде были пойманы не менее семи депутатов (с. 201). Вообще неподобающее поведение парламентариев, которые обменивались оскорблениями на заседаниях, стоило нижней палате народного уважения в среде южновьетнамского крестьянства. Голоса, по сути, продавались с аукциона, и парламент воспринимали как самое долгое комедийное шоу в Сайгоне. Все члены нижней палаты, вовлеченные в торговлю героином и золотом, были членами Блока независимости, который поддерживал президента Нгуена. Причина была простой: оппозиционным депутатам не хватало средств на поездки за границу и попустительство пограничной службы по возвращении.

Темпы контрабанды парламентариев выросли в связи с героиновой эпидемией в американской армии. В 1970 г. группа пропрезидентских депутатов позволила членам нижней палаты ездить за границу четыре раза в год вместо двух. В результате в марте 1971 г. на таможне произошли три сенсационных задержания депутатов. Так, в багаже законодателя Фам Чи Тхиена, который прибыл в аэропорт Таншоннят из Бангкока, обнаружили 4 кг героина, и через неделю ему пришлось подать в отставку (с. 204). В течение более трех лет до этого члены нижней палаты ввозили в Южный Вьетнам наркотики, золото и облагаемые пошлиной товары беспрепятственно. Аресты были редки, и нарушитель всегда отделывался штрафом. Неожиданная активность таможенников объясняется политическими мотивами: соперничеством с президентом отобранного им самим премьер-министра Чана.

В 1968 г. президент Нгуен, вероятно, назначил Чана министром внутренних дел потому, что схватился в отчаянной борьбе с вице-президентом Нгуеном Као Ки и нуждался в союзнике. Однако Чан на посту министра внутренних дел и позднее премьера назначил родственников на высокие посты и создавал всё более независимую группировку. Зятя он назначил мэром Сайгона, брата — директором сайгонского порта, а родственника жены — генеральным директором Национальной полиции. Одним из важнейших людей в его аппарате был его брат Чан Тхиен Кхой, начальник таможенного Отдела борьбы с мошенничеством. Под его руководством контрабанда золота и опиума в Таншонняте стала такой очевидной, что в феврале 1971 г. американский таможенный советник в отчете отметил: за три года таможенный персонал Вьетнама сделался немногим более чем слугами контрабандистов.

После конфискации 4 кг героина у депутата Фам Чи Тхиена американские таможенные советники, уставшие от бездействия своего посольства и вьетнамского лицемерия, вынесли дело на суд своей общественности. The New York Times в апреле 1971 г. опубликовала статью «Сайгонский аэропорт — рай контрабандиста». По-

сле этого посольство США наконец потребовало от режима действовать, но вьетнамцы выказали интерес лишь тогда, когда вопрос контрабанды стал предметом политического футбола между группировками Чана и Нгуена. Когда вьетнамскую стюардессу задержали с 9,6 кг героина, администрация премьер-министра выпустила заявление с подтверждением, что в наркоторговле участвует представитель президента. Агрессивность Чан Тхиен Тхоя в расследовании дела была политически мотивированной. Президент нанес ответный удар: заметил, что в контрабанду вовлечены многие высокопоставленные чиновники, ведущие ее через аэропорт Таншоннята, который контролирует один из братьев премьер-министра. Генеральный директор таможни был уволен, а самого Чан Тхиен Тхоя вскоре перевели на менее прибыльную таможню Чолона. Через три месяца под давлением ушел в отставку генеральный директор Национальной полиции — родственник жены Чан Тхиен Кхьема. Интересно, что сменил его полковник Нгуен Кхак Бинь — племянник жены президента. Несмотря на всю эту политическую агитацию, контрабанда героина продолжала идти без остановки.

Сбыт героина среди военнослужащих расквартированной во Вьетнаме армии США был важнейшим новым рынком наркоторговцев Индокитая, но не единственным. Существовали связи с американской мафией и корсиканскими синдикатами Марселя. В 1965–66 гг. властные брокеры из аппарата премьер-министра Нгуена Као Ки вошли в контакт с лидерами корсиканского преступного мира Сайгона и позволили им начать масштабные перевозки наркотиков в Европу в обмен на фиксированную долю прибыли. К октябрю 1969 г. эти поставки стали так важны для героиновых лабораторий Марселя, что в сайгонской гостинице Continental Palace состоялась встреча боссов корсиканских синдикатов из Марселя, Бангкока, Вьентьяна и Пномпеня. Что еще важнее, в 1968 г. Сайгон посетил босс американской мафии Санто Траффиканте-младший, который, как полагают, вошел там в контакт с корсиканцами. Работавшие в 1960-е годы в Сайгоне агенты ЦРУ — подполковник Люсьен Конейн и генерал Эдуард Лэнсдейл — смотрели сквозь пальцы на растущее участие корсиканцев в экспорте героина в США. Не было ли это мотивировано политическими соображениями, т.е. их опасениями стеснить премьер-министра Нгуена?

«Как большинство корсиканских бандитов, которые всё еще активны в Сайгоне и Вьентьяне, впервые приехали в Индокитай “в обозе” французского экспедиционного корпуса в конце 1940-х – начале 1950-х годов, так американская мафия в 1965 г. последовала за армией США во Вьетнам. Как любая группа умных инвесторов, мафия всегда ищет новые финансовые “фронтиры”, и когда стала разгораться вьетнамская война, многие ее наиболее предприимчивые молодые члены получили от организации средства на отъезд в Сайгон. Привлеченные во Вьетнам прибыльными контрактами в области строительства и услуг, *мафиози* сосредоточились сначала на взятках и магарыче, но позднее, когда завязали связи в Гонконге и Индокитае, расширились в контрабанду наркотиков» (с. 213). Вероятно, важнейшим из этих пионеров был Фрэнк Кармен Фурчи из Тампы (Флорида). Он приехал в 1965 г. с немалыми деньгами и скоро сделался ключевой фигурой в систематической коррупции, которая поразила американские военные клубы во Вьетнаме. Фурчи и его конкурент Уильям Крам из Гонконга выступали агентами американских компаний и платили сержантам щедрые взятки за крупные армейские заказы на кухонное

оборудование, закуски, спиртное и т.д. Орудовал Фурчи и на «черном рынке» валюты. Правда, в 1967 г. Крам выдавил его из Сайгона, и тот перебрался в Гонконг, где в следующем году принял гостем Траффиканте-младшего.

Вскоре после этого на Филиппинах возник круг курьеров, который начал поставлять гонконгский героин американской мафии. В 1970 г. многие из этих курьеров были в США арестованы. Расследование показало, что курьеры успешно ввезли в страну 1 тыс. кг чистого героина, что составило 10–20% годового потребления в стране (с. 216). Еще один курьерский круг ввозил гонконгский героин в США через Карибский бассейн — территорию Траффиканте. Из Гонконга героин отправляли по воздуху в Чили, оттуда на легких частных самолетах провозили контрабандой в Парагвай. В конце 1960-х годов эта страна стала главным транзитером героина, ввозимого в США из Латинской Америки. Парагвай и Аргентина выступали излюбленными убежищами для марсельских бандитов, которых разыскивали во Франции за серьезные преступления.

Перед лицом двойной проблемы наркотиков Вьетнама — эпидемии героиновой зависимости в армии и роста экспорта в США — реакцией американских дипломатов и военных были замешательство и апатия. Замешательство — потому что все они в какой-то степени знали, что члены вьетнамского правительства, которых они все эти годы хвалили и защищали, распространяют среди их военных героин. Апатия — потому что большинство их чувствовали, что наркоман заслуживает того, что получает. Во Вьетнам они приехали, чтобы побить Вьетконг и защитить демократию. О том, что некоторые протеже демократии продвигают героин, они предпочитали не думать. А пока наркоторговля была направлена исключительно на китайских и вьетнамских потребителей, жалобы на вьетнамскую коррупцию заглушались. Так, когда в 1968 г. сенатор А. Грюнинг обвинил вице-маршала ВВС Нгуена Као Ки в контрабанде опиума, посольство США в Сайгоне выпустило твердое опровержение и о деле забыли.

«Согласно чиновнику посольства США, который ответственен за проблему наркотиков, американское представительство “не может найти свидетельств”, так как усердно избегает их искать. Среди посольских чиновников работает неписаное правило, по которому в ходе дискуссий о героиновой торговле упоминать имена высокопоставленных вьетнамцев нельзя. ЦРУ избегает собирать информацию о вовлеченности верхушки и даже на закрытых заседаниях с крупными чиновниками посольства обсуждает лишь мелких торговцев и наркоманов» (с. 218).

В то время как посольство США делало всё возможное, чтобы защитить режим Нгуена Ван Тхиеу от критики, администрация Никсона и военное командование США пытались снять остроту общественной озабоченности героиновой эпидемией в армии, минимизируя степень проблемы. Система контроля над сдачей анализов была не жесткой; к тому же незадолго до отъезда на родину солдаты шли на временное прекращение инъекций ради чистых анализов. Командование утверждало, что большинство наркоманов в армии «подсели» некрепко, так как не колют героин, а лишь курят его. Однако поскольку вьетнамский героин очень чистый (90–98% чистоты в сравнении всего с 2–10% в США), курение одной ампулы было эквивалентно 5–6 инъекциям (с. 220). Армия прибегала к таким абсурдным утверждениям, так как была не готова признать катастрофическое воздействие наркомании сре-

ди военнослужащих во Вьетнаме на ухудшение ситуации в самих США. Дошло до того, что традиционное табу в отношении героина в среде американского среднего класса было сломано. В то время как регулярно во Вьетнаме принимали героин лишь 11% военнослужащих, по меньшей мере один раз пробовали его 22% (с. 221). Для них героин был всего лишь еще одним наркотик, как марихуана или алкоголь. Во Вьетнаме солдаты так часто имели дело с героином, что идея торговать им по возвращении на родину казалась естественной. Когда в 1971 г. численность американских военнослужащих во Вьетнаме резко сократилась, корсиканские и китайские синдикаты начали прямые поставки лаосского героина в США.

Британская коронная колония Гонконг во многих отношениях, включая внешний вид, напоминала Марсель. В обоих городах имеются давние традиции спонтанного насилия и организованной преступности. Марсель выступал героиновой лабораторией для турецкого опиума, а Гонконг играл ту же роль в Юго-Восточной Азии. В начале 1970-х годов он вместе с «Золотым треугольником», похоже, становился героиновой столицей мира, перехватывая этот статус у Марселя, где полиция стала прибегать к жестким мерам после того, как в 1969 г. героин начал наводнять всю Францию. На протяжении 1960-х годов лаборатории Гонконга производили значительные объемы чистого героина № 4 для американского рынка. Полиция лишь гоняла наркоманов с улиц, а Бюро по наркотикам США почти не обращало внимание на Азию, поэтому растущую роль города в международном трафике просмотрели. Даже когда американские солдаты во Вьетнаме стали принимать этот героин в больших количествах, почти не сознавали, что изготовлен он в «Золотом треугольнике» гонконгскими химиками.

Как французы и итальянцы, китайцы имеют склонность группироваться в бизнесе и других сферах по диалектам и регионам происхождения. Почти все бандиты героиновых синдикатов Гонконга — члены диалектной группы чиу-чау. Их предки мигрировали из окрестностей Сватоу, но их непосредственной родиной выступал Шанхай. В Международном сеттльменте этого города, который был открыт для западной торговли после первой «опиумной» войны 1839–42 гг., группа чиу-чау стала опиумными компрадорами вскоре после установления муниципальной опиумной монополии в 1840-е годы. В 1920-е годы чиу-чау стали терять контроль над незаконной торговлей Шанхая в пользу могущественного преступного синдиката Зеленая банда. Это тайное общество доминировало на территории французской концессии города. Когда в 1918 г. британцы решили отказаться от опиумной торговли, чиу-чау потеряли легальную «крышу» в Международном сеттльменте, и город погрузился в борьбу двух банд. Один из лидеров Зеленой банды Ду Юэшэн выступил посредником и убедил обе стороны сформировать объединенный опиумный картель. Сам Ду стал известен как «опиумный царь» и использовал наркоторговлю, чтобы выбиться в первые ряды шанхайского преступного мира. Более 30 лет его картель эффективно управлял наркоторговлей города. Сознавая потенциал внутреннего и международного рынка, синдикат сбывал миллионы красных героиновых таблеток, рекламируя их как «таблетки против опиума» и «лучшее лекарство в мире».

После запрета на продажу героина Женевской конвенцией 1928 г. наркоторговцы перешли к нелегальному производству героина в самом Китае. Зеленая банда покупала тонны опиума-сырца в провинции Сычуань и привозила их вниз по Янц-

зы в Шанхай, где его перерабатывали в героин. В 1934 г. Шанхайский муниципальный совет отметил, что употребление героина превзошло курение опиума. Этому способствовала относительная дешевизна героина (на 60% дешевле эквивалентной дозы опиума) (с. 226). В 1930-е годы Шанхай стал одним из важнейших источников незаконного героина для США, когда в наркоторговлю включилась американская мафия, у которой стали иссякать источники легального европейского героина.

Ду Юэшэн был не просто хорошим предпринимателем. Как Франсуа Спирито в Марселе вошел в доверие к французским фашистам через бои с участниками коммунистических демонстраций, так Ду служил Гоминьдану, расправляясь с коммунистическими профсоюзами в Шанхае. Когда в 1927 г. Чан Кайши вступил в Шанхай, он не мог опираться на собственные войска, так как в них были распространены симпатии к рабочим промышленной столицы Китая. Поэтому Чан встретился с лидерами Зеленой банды, и в апреле тысячи ее головорезов учинили в китайских кварталах города террор. Ду получил взамен звание генерал-майора и вскоре стал одним из самых уважаемых жителей Шанхая. Как позднее заменил один китайский историк: «Возможно, впервые в китайской истории преступный мир получил формальное признание в национальной политике» (с. 227). В годы Второй мировой войны опиумная торговля продолжалась бесперебойно, несмотря на оккупацию японцами прибрежных городов, где существовал основной спрос на наркотики. Местопребывание правительства Чана в Чунцине в производящей мак Сычуани давало Ду возможность договариваться о сбыте опиума через линию фронта.

Когда в конце 1940-х годов полным ходом шла революция, шанхайские бандиты осознали, что вступление войск компартии в город — лишь вопрос времени. Поскольку большинство бандитов участвовали в 1927 г. в резне левых, почти весь преступный мир Шанхая в 1947–50 гг. снялся с места и переехал в Гонконг. Полиция не справлялась, и организованная преступность в городе расцвела. Важнейшим нововведением Зеленой банды в Гонконге стало налаживание производства высококачественного героина. Правда, картель Ду Юэшэна при переезде рухнул (сам он умер в 1951 г.), и в Гонконге возобновилась старая вражда между чиу-чау и Зеленой бандой. Члены Зеленой банды были в основном северными китайцами, т.е. аутсайдерами в Гонконге. Чиу-чау, напротив, имели крепкие местные связи (носители этого диалекта составляли 8% населения колонии); к этой общности принадлежали и некоторые высшие чиновники гонконгской полиции (с. 228–229). Чиу-чау не стали вести перестрелки или уличные бои, а использовали для уничтожения конкурентов связи в полиции. К середине 1950-х годов наркобизнес Зеленой банды пошатнулся, а большинство ее химиков перешли на работу в синдикат чиу-чау.

После победы над Зеленой бандой гонконгский синдикат приступил к монополизации импорта морфина и опиума из Таиланда. Это было нетрудно, так как бóльшую часть торговли Бангкока контролировали чиу-чау. Правда, розничным сбытом (самое прибыльное звено наркоторговли) управляли семейные ассоциации, тайные общества и преступные организации Кантона, а на кантонцев приходилось более 80% населения Гонконга (с. 229). Однако после трехдневного кровавого мятежа кантонских тайных обществ в октябре 1956 г. гонконгская полиция учредила Бюро триадных обществ и объявила преступлением членство в любой из этих организаций. За пять следующих лет полиция арестовала 10 500 подозреваемых членов тайных обществ, а

еще 600 депортировала (с. 229–230). Могущественные кантонские организации были раздроблены на десятки небольших групп. Правда, розничный сбыт чиу-чау захватили не сразу, а лишь в середине 1960-х годов, когда полиция стала всерьез закрывать курительные притоны и арестовывать уличных торговцев.

В начале 1970-х годов численность наркоманов в Гонконге составляла 100 тыс. чел. при общем населении 4 млн. — наибольшая доля наркоманов в мире (с. 230). К 1971 г. полицейские меры против потребления опиума «перевели» 80–90% наркоманов на героин (с. 230). Причем если американский наркоман имел доступ лишь к пятипроцентному героину, поэтому ему приходилось вкалывать его в вены, гонконгский наркоман мог удовлетворить потребности через курение, так как доступный ему героин был много чище (в героине № 3 наркотика содержится лишь 40%) (с. 230).

Когда власти смотрели на наркоторговлю сквозь пальцы, мелкие торговцы могли подкупать рядовых полицейских. С ужесточением борьбы с наркоторговлей мелкие взятки больше не стоили риска, и синдикаты чиу-чау сосредоточили розничную торговлю в семи центрах по продаже, которые один журналист назвал «наркотическими супермаркетами». Каждый из них приносил доход в 150–300 тыс. долл. в месяц, что позволяло давать взятки китайским и британским чиновникам полиции (с. 231). Многие полицейские сержанты сделались миллионерами. Коррупция была столь широкой, что в августе 1969 г. один намек на антикоррупционную кампанию привел к волне отставок старших китайских следователей и сержантов. Иногда наркодельцы перемещали «супермаркеты», и этого было достаточно. Полиция сосредотачивала усилия на борьбе с мелкими притонами, владельцы которых работали без «крыши» синдиката. Поскольку полиции нужна результативность, синдикаты даже нанимали наркоманов-бедняков, помещали их в бутафорский притон, чтобы полиция их «обнаружила» и они отсидели в тюрьме.

Если десятилетия трудных расследований полицейскими агентствами и журналистами дали нам довольно четкую картину сицилийской мафии и корсиканских синдикатов, информации о чиу-чау почти нет. Они пользуются защитой могущественных официальных покровителей в Таиланде, Лаосе, Вьетнаме и Гонконге, и даже имена видных наркодельцов известны лишь правящим кругам. Ясной стала лишь высокая степень координации торговцев чиу-чау. Во многих лабораториях «Золотого треугольника» работали химики чиу-чау из Гонконга. Когда в июле 1971 г. вьетнамская полиция арестовала более 60 контрабандистов героина в Сайгоне, все они оказались чиу-чау. Правда, аресты стали возможными только потому, что руководитель синдиката в Бангкоке был убежден, что «сайгонские» его обманывают и решил использовать полицию как инфорсеров[3].

«Вдобавок чиу-чау, похоже, играют важную роль в развитии нелегальной торговли Юго-Восточной Азии и поддержании массовой наркомании, которую взлелеяли старые колониальные опиумные монополии. Через паутину международных контактов чиу-чау могут доставать сырье, химиков-героинщиков и управленцев, необходимых для нелегальной торговли. Обычно они предпочитают входить в некое взаимопонимание с местными властями, и во многих странах Юго-Восточной Азии эти отношения столь тесны, что чиу-чау, похоже, пользуются полуофициальной правитель-

[3] Члены банды, функцией которых является принуждение к выполнению ее требований или приведение в исполнение ее приговоров.

ственной привилегией. Как большинство предпринимателей, они не будут начинать операции в стране, пока не станут благоприятными условия бизнеса» (с. 234).

Единственной страной Юго-Восточной Азии (кроме Северного Вьетнама), где численность наркоманов сокращалась, был Сингапур. В 1947–71 гг. она снизилась с 25 тыс. до 8 тыс. чел. (с. 234). Власти эффективно боролись с синдикатами. Сингапур — пример того, что правительство способно уменьшить остроту проблемы наркотиков и пресечь роль своей страны в международной наркоторговле.

В начале 1970-х годов почти вся наркоторговля в Гонконге финансировалась всего пятью бандитами чиу-чау. Ключевую роль играл Хуа Гоцзэнь, который быстро поднялся от уличного торговца опиумом до важнейшего контрабандиста опиума и морфина. Разбогатев, он принялся повышать низкий социальный статус своей семьи, приобретая респектабельность через пожертвования: вкладывал прибыль от наркоторговли в недвижимость и рестораны. Прямой связи с наркотрафиком Хуа не поддерживал и получал свою долю через череду банковских счетов, след которых терялся в сотнях законных денежных переводов.

Гонконгские лаборатории выступали последним звеном опиумного «пути» Юго-Восточной Азии и первым звеном героинового «трубопровода» в США. Антиконтрабандная полиция не располагала силами и средствами, чтобы патрулировать все 200 островов и следить за местным рыболовным флотом из 15 тыс. сампанов и джонок (с. 237). Ввезенное в Гонконг, сырье перерабатывалось в одной из десятка героиновых лабораторий. Значительную часть выпускаемой ими продукции составлял белый героин № 4, шедший на экспорт в США. Для его транспортировки использовались курьеры из Австралии и с Филиппин. Обычно они въезжали в Америку через третьи страны или даже несколько стран, чтобы замести следы.

В 1971 г. в Париж приехал новый посол Лаоса принц Сопсайсана, которого американцы считали представителем нового поколения честных и динамичных национальных лидеров. В его багаже оказался чемодан с 60 кг высококачественного героина, сбыт которого на улицах Нью-Йорка принес бы 13,5 млн. долл. (с. 243). (Французская полиция получила ориентировку из неназванного источника во Вьентьяне и ждала в аэропорту.) Чемодан удержали, а через неделю его в посольство Лаоса привез улыбчивый французский чиновник. Хотя Сопсайсана несколько дней «бомбардировал» аэропорт звонками, он, должно быть, понял, что принять чемодан будет равносильно признанию вины, поэтому принадлежность багажа отрицал. Тем не менее французское правительство отказалось принять его верительную грамоту, и принца отозвали на родину. Посольство США во Вьентьяне предпочло не раскручивать дела. Позднее выяснилось, что предприятие Сопсайсаны финансировал командующий Тайной армией ЦРУ генерал-мяо Ванг Пао, а героин произвели в лаборатории в Лонг-Тьенге, который служил ЦРУ штаб-квартирой тайных операций в Северном Лаосе. Даже в разгар героиновой эпидемии в США в 1971 г. правительство и СМИ считали, будто 80% ввозимого героина производятся в Марселе из опиума-сырца с Анатолийского нагорья. На деле пальму первенства к тому времени уже захватил «Золотой треугольник». Причинами были американское военное вмешательство во Вьетнаме, коррумпированные национальные правительства и международные преступные синдикаты.

Когда вывод американских войск в 1970–72 гг. сократил местный рынок героиновых лабораторий «Золотого треугольника», китайские, корсиканские и аме-

риканские синдикаты принялись вывозить героин № 4 непосредственно в США. Оптовая цена килограмма чистого героина выросла на 44%, несмотря на сокращение на 30% численности американских военнослужащих во Вьетнаме (с. 245). Военная и политическая деятельность США сыграла в этих событиях существенную роль. По-прежнему получая молчаливую поддержку ЦРУ, Гоминьдан продолжал экспортировать почти весь бирманский опиум на север Таиланда, где его покупали китайские синдикаты для внутреннего потребления и на экспорт в Гонконг или Малайзию. В 1967 г. шанские националисты попытались оспорить гоминьдановскую гегемонию в торговле опиумом, но после короткой войны отступили. Согласно одному оперативнику ЦРУ, в 1967 г. 90% бирманского опиума перевозили в Таиланд караваны мулов Гоминьдана, 7% — шаны и 3% — повстанцы-качины (с. 247).

В Лаосе тайное вмешательство ЦРУ привело к изменениям в наркоторговле. Когда внутренние распри в лаосской элите и эскалация войны заставили корсиканские чартерные авиакомпании выйти из опиумного бизнеса, транспортная компания ЦРУ — Air America — начала вывозить производимый мяо опиум в Лонг-Тьенг и Вьентьян. В 1962 г. шанский повстанческий лидер — клиент ЦРУ — стал продавать бирманский опиум другому его клиенту, лаосскому генералу Пхуми Носавану. Многие лаборатории в районе трех границ контролировались полувоенными группами, связанными с американскими операциями в «Золотом треугольнике». В Лаосе большинство лидеров сознавали, что опиум является единственным ценным экспортным товаром их страны, и развивали торговлю им с агрессивностью, достойной чиновников японской электронной промышленности или немецкого автомобилестроения. Лаос производил собственный опиум и выступал транзитером для бирманского.

После выводы французских войск из Вьетнама в 1954 г. несколько сот ветеранов, колонистов и бандитов остались в Лаосе. Некоторые из них, в основном корсиканцы, запустили ряд небольших авиакомпаний, которые стали перевозить опиум. Могущественный представитель сайгонского преступного мира Бонавентуре Франчиши благодаря связям с Нго Динь Ню организовал поставки лаосского опиума в район к северу от Сайгона. К 1962 г. он владел тремя двухмоторными самолетами, которые выполняли сотни рейсов в месяц (с. 255). Поскольку все аэропорты в Лаосе считались военными терминалами, разрешение на такие рейсы Франчиши получил от высшего командования страны. В 1965 г. торговлю в Лаосе решил монополизировать генерал Уан Раттиконе, и корсиканские синдикаты были выдавлены из бизнеса. Однако позднее они служили связующим звеном между лаосскими героиновыми лабораториями и американскими агентами по продаже.

Разрешения на военные чартерные рейсы, под прикрытием которых велась наркоторговля, выдавал лидер лаосских правых генерал Пхуми Носаван. Он планировал перевороты, подтасовывал результаты выборов и помог ЦРУ создать Тайную армию. Когда в 1961 г. администрация Кеннеди предпочла не рисковать вооруженным столкновением с СССР из-за Лаоса, Носавану велели преобразовать правое правительство в трехстороннюю коалицию. Он отказался, и тогда Госдепартамент добился отзыва его персонального куратора из ЦРУ и урезал субсидию правительству. Это и заставило Носавана обратиться к опиумной торговле как альтернативному источнику средств. До этого он лишь собирал отступные с корсиканских и китайских контрабандистов и имел небольшую долю в прибыли. В 1962 г. Носаван доверил Раттико-

не организовать ввоз опиума из Бирмы и открыл притон во Вьентьяне на 150 курильщиков (с. 261). Для вида Носаван повесил над входом табличку «Клиника детоксификации». Однако нежелание делиться привело к напряженности в правом лагере и стало важной причиной переворота 1964 г., в результате которого Носаван был свергнут. Генералы Купраситх Абхай и Уан Раттиконе поделили его финансовую империю. Опиумная торговля на северо-западе Лаоса досталась Раттиконе.

В 1964 г. повстанцы Патет Лао захватили Долину кувшинов. Военные условия усилили зависимость мяо от выращивания мака. Поскольку ЦРУ использовало мяо для борьбы с Патет Лао, благосостояние этой народности было важным для успеха агентства. К 1965 г. ЦРУ сформировало армию мяо численностью 30 тыс. чел., которая охраняла радарные установки для бомбардировок Северного Вьетнама, спасала сбитых американских летчиков и воевала с партизанами Патет Лао (с. 263). Без воздушных перевозок опиума мяо ждал экономический крах. Этим могла заняться только чартерная авиакомпания ЦРУ Air America. Она стала перевозить опиум из горных деревень к северу и востоку от Долины кувшинов в штаб-квартиру генерала Ванг Пао в Лонг-Тьенге. Посольство США во Вьентьяне смотрело на это сквозь пальцы. Между тем на лаосские лаборатории приходилась бóльшая часть героина, потребляемого американскими военными во Вьетнаме.

Работать с партизанами мяо в Лаосе ЦРУ, встревоженное партизанскими действиями в Южном Вьетнаме и Лаосе, начала еще в 1959 г. в рамках программы сбора информации в регионе. Война в горах потребовала лишь горстки американских специалистов, которые организовали местное население против коммунистов.

Хотя тысячи мужчин-мяо были завербованы вести военные действия и не появлялись дома месяцами, к сокращению выращивания мака это почти не привело. Лес вырубают и выжигают мужчины, но нудную работу по прополке и сбору урожая традиционно выполняют жены и дочери. Поскольку большинство маковых полей функционируют 5–10 лет, периодическое отсутствие мужчин мало влияло на выращивание мака. К тому же регулярные поставки ЦРУ риса лишали население стимула производить эту культуру и высвобождали усилия для производства опиума. Правда, после 1968 г. объемы производства стали падать из-за наступления Патет Лао и эвакуации американцами тысяч мяо из горных районов в окрестности Вьентьяна. Тем не менее Ванг Пао сохранял свою роль в лаосской наркоторговле, открыв героиновую лабораторию в Лонг-Тьенге.

Генерал Раттиконе не мог предвидеть логистической проблемы, которое создало вытеснение им корсиканских чартерных рейсов в 1965 г. Он рассчитывал отвлечь на перевозки бирманского опиума два-три самолета С-47 лаосских ВВС, но из-за обострения боевых действий именно в это время лишился доступа к собственной авиации. Тогда политический союзник Раттиконе генерал Абхай пригласил на обед командующего ВВС генерала Тхао Ма и предложил ему выделить два транспортных самолета на контрабанду опиума за 1 млн. кипов (2 тыс. долл.) (с. 293). К изумлению Раттиконе и Абхая Ма отказался и даже предупредил, что если они попытаются дать взятку его пилотам, он это пресечет. Мало кто из лаосских генералов отказались бы от столь выгодного положения, но Ма ставил военные соображения выше соображений политической карьеры или финансового вознаграждения. В результате в 1966 г. у Раттиконе всё еще не было доступа к воздушному транспор-

ту, а на северо-восток Лаоса вновь не попал ни один крупный шанский или гоминьдановский караван с опиумом. Командование взялось за Ма и велело ему перевести штаб-квартиру во Вьентьян. Генерал опасался, что там его убьют, и стал тянуть время. Обращения к американцам и королю оказались бесполезными, и Ма увидел единственный выход в перевороте. Однако лаосские и американские чиновники не поддержали его мятеж, и Ма улетел в Таиланд, где получил политическое убежище. Новым командующим ВВС стал сговорчивый правый генерал.

Обрадованный Раттиконе разместил крупный заказ у молодого шанского милитариста полукитайца Чань Шифу. К июню 1967 г. тот собрал один из рекордных урожаев — 16 т опиума-сырца. Был снаряжен караван в составе 300 вьючных лошадей под охраной 500 боевиков, который растянулся на горных тропинках в колонну длиннее мили (с. 295–296). Этот караван привел к кровавому столкновению, которое попала в заголовки по всему миру как «опиумная война 1967 года». Гоминьдановские части в Северном Таиланде отправили более тысячи солдат в Бирму, чтобы помешать выступлению каравана. Гоминьдан опасался, что шанский милитарист поставит под угрозу его пятнадцатилетнее господство в опиумной торговле. Однако караван избежал встречи с китайцами, углубился в Лаос и окопался для боя в городке Бан Кхван. После нескольких дней боев между китайцами и шанами Раттиконе, продемонстрировав редкую для лаосских командиров агрессивность, подверг обе стороны бомбежкам и бросил на них батальон парашютистов. И друзья, и враги генерала в беспорядке бежали, а груз каравана забрали его люди. В бою погибли почти 200 человек, главным образом шаны и китайцы (с. 296). В результате сделочная позиция Гоминьдана в отношении Раттиконе ухудшилась, зато китайцы устранили угрозу со стороны Чань Шифу. Серьезно увеличив свою долю в бирманской торговле опиумом, Раттиконе стал одним из важнейших героиновых дельцов «Золотого треугольника».

«После отмены правительственных опиумных монополий в 1940–50-е годы наркоторговля “Золотого треугольника” исчезла за бархатным занавесом правительственной секретности и становилось всё труднее проверять степень государственной вовлеченности или масштаб торговли. Внезапно занавес отодвинули, и 1800 отборных солдат генерал Уана вели бой с 1400 хорошо вооруженными солдатами китайских националистов (которые, как предполагалось, уже шесть лет как эвакуировались на Тайвань) за 16 т опиума» (с. 297). Понимание подоплеки этого боя требует взглянуть на долгую историю операций ЦРУ в регионе.

В 1962 г. 12 американских «зеленых беретов» работали советниками осажденной правительственной армии в лаосском городе Нам Тха. В мае гарнизон оставил город и бежал к Меконгу. Опасаясь, что коммунисты захватят всю провинцию Нам Тха, ЦРУ отправил туда своего сотрудника Уильяма Янга с заданием сформировать из племенных горцев часть для операций в районе трех границ. В провинции Нам Тха, вероятно, наибольшая концентрация этнических меньшинств, чем где-либо в мире, так как она веками служила перекрестком миграций для племен из Южного Китая и Тибета. Зная четыре важнейших языка района — лу, лао, мяо и лаху, Янг нашел с горцами общий язык. Он предпочел не создавать племенного милитариста по образцу Ванг Пао, а построить межплеменную армию под командованием совета племенных вождей. Правда, в 1964 г. Янга отозвали в Вашингтон для специального курса обучения, а его преемник Энтони Поу опирался больше на взятки и угрозы.

В 1965 г. ЦРУ вернуло Янга в Нам Тха, чтобы продолжить надзор за разведывательными группами яо и лаху, отправленными глубоко в провинцию Юньнань. Располагаясь между Китаем и Бирмой, эта провинция — идеальный плацдарм для проникновения лазутчиков в Южный Китай. Произвольные границы между Бирмой, Китаем и Лаосом не значат для горских племен ничего, и они ходят сквозь эти границы веками. В результате постоянных миграций население перемешалось, но члены племен считают себя частью трансграничных общностей яо и лаху. Подготовленные ЦРУ агенты из этих народностей могли пересекать китайскую границу и свободно бродить по горам Юньнани, прослушивая телефонные линии и наблюдая за дорожным движением.

Первые команды лаху и яо Янг забросил в Китай в 1963 г. К моменту ухода из ЦРУ в 1967 г. он открыл на территории шанских княжеств три крупных радиопоста, построил тренировочный лагерь, откуда каждые два месяца выпускали 35 обученных агентов, и отправил глубоко в Юньнань сотни команд (с. 302).

Опиумные караваны шанских повстанцев тоже выполняли для ЦРУ подрывную функцию. Вместо того, чтобы рисковать для снабжения баз на враждебной территории вертолетами Air America, ЦРУ полагалось на эти караваны. Обычно они возвращались из Северного Таиланда и Лаоса с менее тяжелым грузом (оружие, боеприпасы), поэтому там были рады подзаработать на перевозке вооружения и радиооборудования для передовой прослушивающей станции ЦРУ.

Важнейшим союзником ЦРУ среди лидеров этнических меньшинств в «Золотом треугольнике» был шанский генерал У Ба Тхейн. ЦРУ он рассматривал как естественного идеологического союзника: большинство шанских повстанцев были антикоммунистами-монархистами, тогда как бирманское правительство ориентировалось на марксизм. Шанские повстанцы смотрели на бирманцев как на агрессоров, которые отнимали у них минеральные богатства, а британцев вспоминали тепло, так как те строили школы и не пускали к шанам бирманцев. В 1961 г. У Ба Тхейн вместе с бывшим буддийским монахом Сао Гнар Кхамом откололись от некомпетентного лидера своей революционной партии и основали Шанскую национальную армию в княжестве Кенгтунг. Поначалу ей не хватало денег и оружия, но интересы шанских повстанцев стали отвечать интересам лаосского генерала Раттиконе. Поскольку безопасность двух радиостанций ЦРУ зависела от хорошей вооруженности шанов, а связь со станциями агентство поддерживало с помощью опиумных караванов, Янг признал, что смотрел на наркоторговлю сквозь пальцы, настаивая, что в этом заключалась политика ЦРУ во всем Северном Лаосе. С помощью торговли «опиум в обмен на оружие» шаны резко увеличили свою боеспособность. Покупая на выручку от опиума американское автоматическое оружие у лаосской армии, повстанцы расширяли контроль над производящими опиум деревнями. Больше опиума в виде налога означало больше оружия, а это, в свою очередь, влекло контроль над еще большим числом деревень. К 1965 г. Шанская национальная армия насчитывала 5 тыс. солдат и контролировала основную часть княжества Кенгтунг, загнав бирманскую армию в города (с. 311).

«В то время как опиум в самом деле был чудесным компонентом, который притягивал жизненно необходимые оружие и деньги в систему ШНА (Шанской национальной армии. — *Реф.*), был он и ядом, который ослабил ее военную эффектив-

ность и в конечном счете разрушил хрупкую коалицию. Даже мельчайший округ княжества Кентунг производил достаточно опиума, чтобы покупать оружие и оборудование для повстанческой армии и обогатить ее лидера. В результате повстанческие командиры погрязли в защите территориальных прерогатив и расширении личных владений» (с. 312). К 1966 г. Шанская национальная армия фактически распалась. Правда, приходилось на нее не более 1% экспорта бирманского опиума в Таиланд и Лаос (с. 314).

Опиумной контрабандой занималась и другая сторона конфликта. В 1963 г. правительство Бирмы для борьбы с шанскими повстанцами санкционировало формирование местных сил самообороны (Ка Кве Йе). Поскольку денег, рационов или униформ оно им не выделяло, а оружия давало минимум, компенсировало оно это представлением права использовать все контролируемые правительством дороги и города в шанских княжествах для контрабанды опиума. Одним из лидеров ополчения Ка Кве Йе стал упомянутый Чань Шифу — единственный шанский милитарист, у которого была профессиональная контрабандистская организация.

Хотя армии Гоминьдана контролировали около 90% бирманской торговли опиумом, с 1961 г. они не содержали крупных баз в шанских княжествах. После внезапного нападения бирманской армии и НОАК на штаб-квартиру Гоминьдана в Монг Па Ляо в княжестве Кенгтунг большинство 10-тысячной армии ее защитников бежали через Меконг в Северо-Западный Лаос (с. 315). Госдепартамент оказал помощь в репатриации гоминьдановцев на Тайвань, и Китайская Республика отказалась от ответственности за «немногих» оставшихся. На деле в Лаосе остались 2–3 тыс. военнослужащих Гоминьдана, и их вскоре наняло ЦРУ (с. 315). Когда правый гарнизон Нам Тха начал в 1962 г. сдавать позиции, гоминьдановцы переправились через Меконг в Таиланд. С ведома и согласия тайского правительства они обзавелись двумя новыми базами у бирманской границы и возобновили участие в торговле опиумом. Именно китайские националисты заполнили вакуум, который образовался с 1959 г. с запретом производства и курения опиума в Таиланде. Располагая централизованной военной структурой, Гоминьдан был в состоянии следить за мигрирующими кланами мяо и выбивать из них долги. Он мог защищать торговые караваны от бандитов, а вымогательства тайской полиции свести к минимуму.

Авангардом торгового завоевания Гоминьдана выступали юньнаньские купцы. Они просачивались в горные деревни и навязывали производителям опиума долговое рабство: открывали магазины и продавали такие манящие товары, как фонарики, консервы, серебряные украшения и т.д. Спрос на импортные товары привел к росту производства экспортных культур, а наибольшую выручку среди них давал опийный мак.

После перемещения в Таиланд войска Гоминьдана учредили две штаб-квартиры. В 1961 г. Тайвань отозвал командующего и вскоре урезал финансовую поддержку войскам. Личное соперничество генералов привело к дроблению армии на три отдельных командования (Пятая и Третья армии и Первая независимая часть). Для финансирования военных операций командиры двух первых соединений генералы Дуань Шивэнь и Ли Вэньхуань были вынуждены опираться исключительно на торговлю опиумом. Они поделили сферы влияния в шанских княжествах по р. Салуин; Дуань посылал караваны в Кенгтунг и южные княжества к востоку от

реки, а Ли — на западный берег. Гарнизоны размещенных генералами прослушивающих радиостанций вдоль бирманско-китайской границы по совместительству выступали опиумными брокерами и скупщиками. Радиостанции гоминьдановцы использовали и для передачи сообщений в штаб-квартиру об объеме и стоимости урожая опиума в своем районе. Если большинство шанских караванов редко насчитывали более 50 мулов, караваны Гоминьдана — 100–600 мулов. Поскольку каждое вьючное животное перевозило около 50 кг опиума-сырца, один караван мог перевозить до 20 т груза (с. 320). Современное вооружение позволяло китайским националистам чувствовать себя уверенно по отношению к шанским повстанцам и бирманским отрядам. К гоминьдановским караванам нередко присоединялись искавшие защиты мелкие караваны шанских повстанцев или купцов. За это гоминьдановцы взимали немалую плату в размере 9 долл. за 1 кг опиума (с. 321). Кроме того, Третья и Пятая армии выступали для тайского правительства пограничниками и собирали «пошлину» в размере 4,5 долл. за 1 кг ввозимого в страну опиума (с. 321).

«Опиумная война» 1967 г. поразила наблюдателей как любопытный исторический анахронизм, который напомнил о китайских милитаристах 1920-х годов и головорезах ушедших эпох. Однако, учитывая события в «Золотом треугольнике» за предыдущие пять лет, особенно подъем масштабного производства героина № 4, эта война, похоже, стала поворотным пунктом в развитии наркоторговли Юго-Восточной Азии. Караваны Гоминьдана продолжали доминировать в бирманском экспорте опиума, а шанские караваны — платить Гоминьдану пошлины при въезде в Таиланд. Чань Шифу проиграл и стал первой и последней силой, которая попыталась оспорить у Гоминьдана контроль над опиумной торговлей шанских княжеств. Вместе с тем право облагать пошлиной ввозимый в Лаос бирманский опиум перешло от гоминьдановцев к войскам генерала Раттиконе.

Хотя «опиумная война» усилила позиции Гоминьдана в шанских княжествах, она осложнила его отношения с хозяином страны — тайским правительством. Последнее поставило лагеря Гоминьдана под надзор своей армии, и китайские генералы стали подотчетны командованию в Бангкоке за каждое свое перемещение. В то же время тайские военные предоставили Третьей и Пятой армиям официальный статус полувоенных формирований. Их полезность для тайского правительства обнаружилась в ходе начавшегося вскоре восстания «красных» мяо. Его спровоцировали тайские чиновники, которые три раза навещали одну и ту же деревню в провинции Чианграй за отступными за разрешение собрать урожай опиума. Третий раз оказался для мяо чересчур, и они дали полиции отпор. На следующий день полиция сожгла деревню, и хотя дальнейшего насилия не было, инцидент внушил стратегам в Бангкоке мысль, что мяо собираются восстать. В октябре 1967 г. тайская армия и полиция начали ряд «операций по подавлению коммунистов», чем спровоцировали крупное восстание. К 1970 г. партизаны начали совершать вылазки из горных «освобожденных районов». Тайская армия оказалась плохо подготовлена для боевых действий в горах и при финансовой поддержке американцев обратилась за помощью к Гоминьдану. Последний понимал тактику малых соединений, имел двадцатилетний опыт вербовки полувоенных частей среди горских племен, общался с ними на их языках или юньнаньском диалекте, а главное — умел стравливать племена.

Взлет и падение Чань Шифу и Шанской национальной армии показали, как трудно любому военачальнику восстановить порядок в шанских княжествах. Восстание шанов не привело к образованию независимой и единой шанской земли, а открыло ящик Пандоры. Если в 1958 г. в регионе насчитывалось всего три-четыре повстанческих группировки, в 1971 г. — уже более сотни (с. 332). С каждым годом хаос увеличивался, так как урожаи опиума накачивали шанские княжества всё большим количеством оружия. Населению война принесла лишь обнищание: милитаристы собирали налоги под дулом автомата, отбивая у крестьян охоту к большинству видов законной экономической деятельности.

Традиционное деление шанских территорий на 34 княжества — лишь частичная причина разобщенности руководства мятежников. «Шанское восстание и сопровождающий его хаос не могли бы продолжаться без вмешательства ЦРУ, ГМД и тайского правительства. Ни одна из этих группировок особо не заинтересована в образовании независимой шанской нации. Однако у каждой из них имеются определенные ограниченные политические или военные интересы, которым отвечает ограниченное предоставление шанам поддержки, чтобы котел продолжал бурлить» (с. 333). Третья и Пятая армии Гоминьдана могли отправлять крупные караваны в шанские княжества лишь потому, что у бирманской армии были связаны руки в борьбе с повстанцами. Поэтому Гоминьдан финансировал ряд небольших шанских группировок. Однако он старался не усиливать их, отказываясь пропускать в Таиланд опиумные караваны численностью более сотни мулов.

«Не менее циничную роль играло в шанских княжествах ЦРУ. Хотя оно тоже не было по-настоящему заинтересовано в их независимости, оно поддерживало отдельные повстанческие армии, чтобы выполнять свои разведывательные миссии на территории Китая. Без попустительства ЦРУ торговле опиумом в обмен на оружие Шанской национальной армии не удалось бы занять так много земель в княжестве Кенгтунг» (с. 334). Неформальный союз с этой армией и происшедший в результате коллапс общественного порядка в княжестве были вполне совместимы с интересами ЦРУ.

Однако главную ответственность за хаос, вероятно, несет правительство Таиланда. Большинство тайских лидеров питают традиционное недоверие к бирманцам, которые часто вторгались в их страну. Так в 1769 г. бирманские войска сожгли тайскую столицу Аюттхая. Убежденное, что Бирма всегда будет представлять потенциальную угрозу его безопасности, правительство Таиланда давало убежище всем повстанцам, которые действовали вдоль бирманско-тайской границе, а некоторые группы снабжало оружием и оборудованием. В результате бирманская армия была заперта в своих городах, а военный хаос в приграничных районах Бирмы обеспечивал Таиланд буферной зоной.

В попытках справиться с ситуацией правительство Бирмы приняло программу борьбы с повстанцами, которая узаконила ряд аспектов опиумной торговли и усугубила общую политическую нестабильность. Предоставив милиции Ка Кве Йе право на опиумную торговлю, оно рассчитывало, что жадность мотивирует ополченцев бороться с повстанцами за контроль над районами выращивания мака. Результаты программы оказались двойственными: часть повстанческих армий перешла на сторону правительства, зато не меньшее число местных ополчений сделались повстанцами. Терпеть опиумную торговлю Бирму заставляли и экономиче-

ские причины. После свержения гражданского правительства в 1960 г. главнокомандующий генерал Не Вин инициировал ряд реформ, которые лишь навредили внешней торговле страны и разрушили потребительскую экономику. После восьми лет «бирманского пути к социализму» практически все потребительские товары, продававшиеся в крупных городах страны, ввозились контрабандой из Таиланда. Туда шанские контрабандисты везли опиум, а обратно — американское оружие и ширпотреб. Опиумная торговля сама по себе способствовала хаосу в шанских княжествах, превратив легитимных националистических повстанцев в аполитичных наемников. Характерна судьба Ян Суня: он начал карьеру в опиумной торговле как командир правительственного ополчения, в середине 1960-х годов перешел к мятежникам, а еще через несколько лет вернулся к бирманцам и сделался сильнейшим командиром ополченцев в княжестве Кенгтунг. К северу от г. Тачилек он владел крупным заводом, способным производить героин № 3 и № 4.

«Пока в шанских княжествах не будет восстановлен общественный порядок, нет никаких шансов, что в Бирме будет искоренено производство опиума или будут закрыты ее героиновые лаборатории. Кажется весьма маловероятным, что грызущиеся между собой шанские повстанцы когда-либо смогут полностью выдворить бирманскую армию из шанских княжеств. Еще менее вероятным кажется то, что ориентированные на прибыль командиры ополченцев когда-либо будут готовы отвлечь достаточно сил из своего процветающего опиумного бизнеса на серьезную попытку очистить горы от повстанцев» (с. 338–339).

Двумя другими возможными претендентами на контроль над шанскими княжествами были Бирманская коммунистическая партия во главе с Нау Сенгом и коалиция правых повстанцев во главе с бывшим премьер-министром У Ну. После бегства в Таиланд в 1969 г. он заключил союз с повстанцами из числа монов и правых каренов и при молчаливой поддержке правительства Таиланда сформировал в этой стране партизанскую армию.

После победы генерала Раттиконе в «опиумной войне» 1967 г. важнейшим центром переработки опиума-сырца в «Золотом треугольнике» стал Лаос. Поражение Гоминьдана заставило его снизить пошлины на ввозимый в Лаос бирманский опиум, а это позволило армии Лаоса обложить его собственными импортными пошлинами. Роль Раттиконе в сражении привлекла к нему нежелательное внимание международной прессы, и его посетили представители Интерпола. Генерал честно заявил им, что мак выращивают в горах на огромной территории от Турции до Тонкинского залива и пока Интерпол не заплатит племенам, на другие сельскохозяйственные культуры те не перейдут. Всё же после этого визита Раттиконе стал осторожнее. Чтобы скрыть растущую роль Лаоса в наркоторговле, он велел караванам разгружаться на бирманском берегу Меконга. С ростом спроса среди американских военнослужащих в Южном Вьетнаме очистительный завод генерала в Бан Хуэй Тап стал крупнейшей героиновой лабораторией в районе трех границ. По оценке ЦРУ в 1971 г., он мог обрабатывать 100 кг опиума-сырца в день, что значило производство 10 кг героина № 4 (с. 345).

Когда среди американских солдат во Вьетнаме стал распространяться лаосский героин, американское Бюро по борьбе с наркотиками отправило в Лаос группу следователей. Однако их деятельность блокировали правительство Лаоса, Госдепарта-

мент и ЦРУ. Хотя лаосские власти заявили ООН, что проводят «политику абсолютного запрета» наркотиков, по сути, это было одно из немногих правительств в мире, у которого не было законов против выращивания, очистки и курения опиума. Города страны кишели притонами, а местонахождение лабораторий знали все. Опиумную торговлю контролировали ведущие граждане Лаоса, которые защищали ее как стратегическую национальную отрасль. Посольство США было вполне в курсе этого. После объявления Никсоном войны международной героиновой торговле в середине 1970 г. посольство было вынуждено действовать. Однако вместо того, чтобы пытаться разрушить наркосиндикаты и добиться чистки государственных органов, оно инициировало правовые реформы и выступало за полицейские облавы на наркоманов. В долгосрочной перспективе антинаркотическая кампания могла принести больше вреда, чем пользы. Лаосские курильщики опиума были вынуждены переходить на героин. К тому же привели антиопиумные кампании в Гонконге, Иране и Таиланде, лишь усугубив проблему наркотиков. По некоторым оценкам, вьентьянский сорт героина № 3 был способен убить здорового человека менее чем за год.

«Более 20 лет вливая в Юго-Восточную Азию миллиарды долларов, США приобрели в регионе огромную власть. Они использовали ее, чтобы создавать на пустом месте новые нации, отбирали премьер-министров, опрокидывали правительства и сокрушали революции. Однако американские чиновники в Юго-Восточной Азии всегда были склонны считать опиумную торговлю причудливым местным обычаем и, как правило, “не замечали” участия официальных лиц. Любой лаосский или вьетнамский генерал, который даже прошепчет слово “нейтралитет”, с большой долей вероятности будет выслан ближайшим самолетом из страны, но тот, кто рассказывает международной прессе о собственной роли в опиумной торговле, даже не удостаивается поднятых бровей. Тем не менее американская вовлеченность зашла намного дальше случайного соучастия. Посольства покрывают вовлеченность в торговлю правительств-клиентов, заключившие с ЦРУ контракты авиакомпании перевозят опиум, а отдельные агенты ЦРУ закрывают глаза на опиумную торговлю» (с. 353).

Для борьбы с американской героиновой чумой автор предложил три стратегии: 1) лечение индивидуальных наркоманов; 2) уничтожение международных и внутренних наркосиндикатов; 3) искоренение незаконного производства опиума. Поскольку лечить наркоманов без решения более крупных социальных проблем трудно, а сокрушить преступные синдикаты почти невозможно, единственное реалистичное решение заключается в том, чтобы искоренить нелегальное производство.

Случаи исцеления сотен тысяч наркоманов неизвестны. У каждого наркомана свои сложные психологические мотивации употребления героина, и его можно считать «исцелившимся», только если эти проблемы решены. Реабилитация — сложный процесс, который требует сотен часов индивидуального внимания. Даже при наличии необходимых сумм на строительство соответствующих центров на реабилитацию ушли бы годы. К тому же такая программа в любом случае была бы обречена на провал, поскольку героин легко доступен на улице и число новых наркоманов будет расти быстрее числа излечившихся. Героиновая проблема могла бы исчезнуть, если бы были эффективно вырваны корни наркомании — расизм, бед-

ность, бессмысленные профессии, отчуждение молодежи. Однако решение этих труднейших проблем заняло бы жизни поколений.

Борьба с преступными синдикатами в США почти безнадежна. Государство пыталось бороться с организованной преступностью еще с 1920-х годов. Иногда в тюрьму сажали крупного мафиозо вроде Лаки Лучано или Вито Дженовезе, но основная структура преступности никогда не оказывалась под угрозой. Мафия даже вкладывала прибыли от наркоторговли и азартных игр в легальные корпоративные предприятия. Даже если бы ее лидеров заставили прекратить торговать героином, их заменили бы более молодые и агрессивные банды. Сбыт героина в США к 1970-м годам превратился в один из наиболее прибыльных видов бизнеса в мире, и было почти невозможно разрушить сеть агентов по продаже и розничных торговцев. Большинство представителей штатовской и местной полиции по борьбе с наркотиками были коррумпированы, а многие сами активно сбывали героин на рабочем месте.

Корсиканские синдикаты во Франции пользовались покровительством в высших эшелонах власти — как и организации их земляков в Сайгоне и Вьентьяне. Власти Гонконга признали неспособность справиться с героиновой проблемой колонии. Синдикаты чиу-чау орудовали в Юго-Восточной Азии с полного ведома и при полной защите правительств соответствующих стран.

Остается борьба с незаконным выращиванием мака. Земледелец здесь — единственная фигура в наркобизнесе, которая не имеет доли в огромных прибылях. Килограмм героина, который продавали на улицах Нью-Йорка за 225 тыс. долл., очищали из опиума стоимостью всего 500 долл. (с. 358). Перекупить производителей опиума не так накладно. Если бы США были готовы платить крестьянам по 50 долл. за 1 кг, чтобы те не выращивали мак, весь годовой урожай Юго-Восточной Азии массой 1 тыс. тонн можно было бы уничтожить всего за 50 млн. долл. Учитывая, что наркоманы в Нью-Йорке совершают краж примерно на 580 млн. долл. в год, чтобы поддерживать свои привычки, американское государство едва ли могло позволить себе упустить такой шанс (с. 358).

Однако даже если сами производители согласятся участвовать в столь выгодной программе искоренения мака, их энтузиазма не разделили бы правительства. Для политических лидеров Таиланда, Лаоса и Южного Вьетнама наркотрафик выступал прибыльным источником дохода. Так, у каждого видного наркоторговца в Таиланде имелся свой «советник» в полиции по борьбе с наркотиками. Американские агенты по борьбе с наркотиками выяснили, что любые сведения, которыми они делились с тайской полицией, через несколько часов становились известны синдикатам. В Южном Вьетнаме в сбыт героина американским солдатам в той или иной степени был вовлечен почти каждый видный политический деятель, причем многие тесно работали с корсиканскими синдикатами, чтобы отправлять большие партии наркотиков в США и Европу. Лаосская элита была активно вовлечена в производство и экспорт героина, а живших в стране корсиканских контрабандистов чествовали как почетных иностранных гостей. По своей воле правительства трех стран из наркоторговли не ушли бы.

Администрация Никсона утверждала, что использует весь спектр политического и экономического влияния, чтобы заставить правительства стран Юго-Восточной Азии уйти из наркоторговли. Однако никаких признаков существенно-

го американского давления не было. Большинство американских чиновников в регионе находились там, чтобы зарабатывать, убивать коммунистов или продвинуться по бюрократической лестнице. Их реакция на проблему наркотиков варьировалась от апатии до замешательства. Более того, некоторые чиновники и ведомства были сами так или иначе вовлечены в эту торговлю. Автор предложил воздействовать с помощью общественности на Конгресс, который располагал конституционной и юридической властью прекращать помощь другим странам.

«Если помощь будет прекращена и эти деньги будут направлены через ООН на кампанию систематического искоренения опиума, эти правительства могут начать менять свое терпимое отношение к торговле героином. Если нет, “Золотой треугольник” способен выбрасывать на рынок почти неограниченные объемы опиума и Америке придется находиться под героиновым проклятием еще одно поколение. Конечно, внезапное долгосрочное прекращение военной и экономической помощи Лаосу, Таиланду и Южному Вьетнаму, вероятно, ослабит политическое влияние Америки в регионе и приведет к власти нейтральные или коммунистические правительства. В самом деле, в конечном счете американскому народу придется выбирать между помощью непреклонным антикоммунистическим правительствам в Юго-Восточной Азии и чисткой своих средних школ от героина» (с. 362).

Л.П. Адамс II

Китай: историческая сцена азиатской прибыльной чумы

К концу XVIII в. опиум в значительной части Азии уже использовали несколько веков. В Китае его употребляли как лекарство с VII или VIII в., когда его привезли арабские купцы. Испанцы внедрили привычку курить табак на Филиппинах, и оттуда она около 1620 г. перекинулась в Китай. Голландцы на Тайване курили смесь опиума и табака, чтобы бороться с малярией, и эту привычку переняли китайцы. Постепенно курильщики перестали класть табак и перешли на опиум, бóльшую часть которого ввозили из Индии португальцы. Для богачей курение опиума было роскошью, а бедняки искали в нем временное избавление от тягот жизни. Правда, для многих из них семейные сбережения буквально превратились в дым.

Хотя в Индии опийный мак возделывали еще при Моголах, ни у одного правительства не было ни воли, ни организации, ни политической и военно-морской силы, чтобы интернационализировать азиатскую торговлю опиумом в широком масштабе. Ситуацию резко изменила колонизация Британией Индии. Назначенный в 1772 г. губернатором Бенгалии Уоррен Хейстингс стал продавать исключительные права на надзор за производством опиума, покупку урожая и его продажу британской опиумной фабрике в Калькутте, где его продавали с аукциона оптовикам на экспорт. Этот наркотик, по словам Хейстингса, был не товаром первой необходимости, «а пагубным предметом роскоши, который можно позволять лишь в целях внешней торговли» (с. 366). При одном Хейстингсе опиумная концессия, которая позднее стала прямой правительственной монополией, принесла правительству более полумиллиона ф. ст. дохода (с. 366). Некоторые британские чиновники (и не только) возражали по поводу ведения такой торговли. Однако для политических деятелей до начала XX в. морально спорную природу наркоторговли перевешивали ее огромные прибыли.

Опиум не только стал фундаментом налоговой системы колониальной Индии. В течение значительной части XIX в. он служил экономическим стержнем китайской торговли. До начала XIX в. британцы обменивали собственные и индийские товары (особенно хлопок-сырец) на китайские чай и шелк. Однако из-за относительной самодостаточности своей экономики Китай продавал больше, чем поку-

пал, и западным купцам приходилось восполнять баланс импортом серебра. Поэтому они всё больше находили прежним товарам замену в виде индийского опиума. Он сместил баланс китайской торговли: положение китайцев стало экономически и социально невыгодным. Вообще, курение опиума в Китае было запрещено еще в 1729 г.; в 1800 г. запрещены были также его возделывание и импорт. Однако к этому времени Цинскую империю серьезно ослабили коррупция и восстания. Европейцы стали ввозить опиум в обход официального порта Кантон, пользуясь услугами пиратских банд, которые были организованы как тайные общества. В 1829–39 гг. ежегодный импорт индийского опиума в Китай составлял в среднем более 1841 т — вшестеро больше периода 1811–21 гг. (с. 368).

Масштабная контрабанда опиума, решимость императора бороться с ней и британские требования свободной торговли привели к «опиумной войне» 1839–42 гг. Опиум не только спровоцировал войну, но и содействовал поражению Китая. Так в одном из сражений военачальник Чан весь день курил опиум, пока его помощники спорили, наступать или отступать.

После войны Китай по-прежнему был неспособен остановить приток наркотика в страну, и в зените торговли в 1880 г. ввез более 6500 т (с. 369). Правда, в 1860-е годы Китай начал масштабно выращивать собственный опиум, и к 1905 г. его импорт снизился примерно до половины уровня 1880 г.; к началу XX в. в Китае ежегодно производилось более 22 тыс. т опиума в год и насчитывалось около 15 млн. наркоманов (с. 369, 371). В ходе второй «опиумной войны» Китай подписал торговое соглашение, в котором был обозначен невысокий налог на импорт опиума. С этого начался сорокавосьмилетний период фактической легализации производства и импорта наркотика в Китае. Центрами выращиваниями мака стали горные провинции Сычуань и Юньнань, удаленные от ослабленного центрального правительства в Пекине. Доходы от опиума легли в основу бюджетов этих провинций. Опиум сделался и главной статьей экспорта Сычуани. Из Южного Китая производство опиума перекинулось в Индокитай.

Правительство Китая не могло решить проблему опиума даже в собственном аппарате: некоторые кандидаты на чиновничьи должности умирали от того, что в ходе напряженных трехдневных экзаменов не имели доступа к курению. Одна западная путешественница во время поездки в Сычуань жаловалась, что все члены ее официальной свиты в составе 143 человек кроме двоих курили опиум. При этом ей дважды пришлось ждать копирования подорожной, пока писари придут в себя от наркотической сиесты (с. 371). А сознательная передозировка служила популярным средством самоубийства.

Миссионеры и другие противники опиумной торговли добились создания в Британии комиссии по опиуму, которая в 1894 г. заключила, что запрет выращивания мака ляжет тяжким бременем на индийского налогоплательщика. И всё же в 1906 г. палата общин единогласно объявила опиумную торговлю аморальной. Главной причиной стал тот простой факт, что китайское производство вытесняет британцев с рынка.

В том же 1906 г. правительство Цинской империи начало кампанию запрета опиума. К этому времени ослабление страны, унизительное поражение от Японии в 1895 г. и интервенция западных держав в ходе восстания «боксеров» убедили им-

перский двор и растущее число китайцев, что страна нуждается в реформах. Кампания против опиума привела к тому, что курильщики стали переходить на морфин, а позднее на героин. Китай добился подписания с Британией соглашения, которое вступило в силу в 1908 г.: британцы обязались снижать экспорт индийского опиума в Гонконг и Китай. К этому времени опиум перестал быть главной статьей индийского экспорта в Китай, но правительство Индии получало от его продажи около 3 млн. ф. ст. в год (с. 373).

Антиопиумная кампания была самой успешной реформой цинских властей перед революцией 1911 г. Было закрыто много притонов, а в сельской местности чиновники во многих случаях эффективно искореняли возделывание мака. Правда, цены взлетели. В 1911 г. Китай и Британия подписали второе соглашение, которое поставило опиумный экспорт Индии под более жесткий контроль. В 1911–15 гг. почти все китайские провинции были объявлены закрытыми для иностранного опиума.

Это привело к росту экспорта морфина из Европы, который производили из ввозимого с Ближнего Востока опиума. С 1903 г. ввоз морфина в Китай обложили высокой пошлиной, и торговля ушла в подполье. Морфин был крепче и легко провозился контрабандой, поэтому был весьма дешевым. По оценке британского правительственного химика в 1909 г., глотание морфина имело тот же наркотический эффект, как курение опиума, но обходилось в девять раз дешевле (с. 374). Поначалу бóльшая часть морфина ввозилась в Китай из Европы и США через Японию. В то время как Япония строго контролировала перемещение морфина у себя дома, японцы начали продавать его в Китай, а затем и производить его там. К 1920 г. морфина из Японии ввозили столько, что на каждого китайца хватало бы четырех доз (с. 374).

На юго-западе Китая производство опиума снизилось. В Юньнани это выразилось в росте спроса на бирманский опиум. Контрабанда стала высокоорганизованным бизнесом. Часть ввозимого опиума власти Юньнани подрядились продавать французской монополии в Северном Индокитае.

Антиопиумная кампания в Китае давалась тяжело, так как курение глубоко укоренилось как социальный и экономический институт. Бедняки не могли вырваться из круговорота бедности, отчаяния и наркомании, а для состоятельных курильщиков употребление опиума было символом статуса. Курила даже вдовствующая императрица Цы Си, указ которой запустил кампанию. Один уважаемый человек усердно приучал свою замужнюю дочь курить, чтобы семью не сочли слишком бедной.

Главной причиной неудачи Китая в искоренении опиума стали политические потрясения. Хотя новое республиканское правительство Юань Шикая объявило о продолжении борьбы, Китай быстро разваливался. Юньнань и Сычуань и так полностью не контролировались Пекином, а после 1911 г. стали фактически независимыми. Производители мака возобновили масштабное его производство. Армии милитаристов нуждались в деньгах, и в 1918 г. претенденты на посты в номинальном правительстве в Пекине поощряли возрождение прибыльной отрасли. Опиум стал главным источником финансовой поддержки милитаристских армий. Так, в провинции Фуцзянь почти 70 тыс. солдат под командованием пяти генералов, а также военно-морской флот содержались за счет налогов на опиум (с. 376).

Хотя Британская Индия была вынуждена прекратить поставлять опиум на китайский рынок, в Юго-Восточной Азии монополии ограничены не были. Продажа

опиума оставалась оплотом колониальных бюджетов. В середине 1920-х годов рос импорт французского героина в Китай и Японию, откуда бóльшая часть реэкспортировалась в тот же Китай. Поначалу героин, как и морфин, считался эффективным лекарством в борьбе с опиумной зависимостью. Однако по мере роста этой зависимости различие между легальным и нелегальным, лекарством и наркотиком размывалось. Контрабанда росла, и легально ввозимые наркотики перенаправлялись на «черный рынок».

Когда Китай стал крупным потребителем героина, главным центром его производства и сбыта выступил Шанхай — крупнейший и наиболее промышленно развитый город. Роль Шанхая как международной героиновой столицы была тесно связана с подъемом к власти китайских националистов. В ходе Северного похода 1926–28 гг. армии Гоминьдана расширили свою политическую и экономическую базу. Однако средства, с помощью которых Чан Кайши это делал, противоречили многим идеалам партии. Борьба с милитаристами часто завершалась коалицией: те просто соглашались присоединиться к националистическому движению, сохраняя контроль над своими территориями. В сельской местности гоминьдановский лидер искал поддержки у старой элиты, в результате чего социальное и экономическое неравенство обострялись. Цель Чана получить власть над всей страной так и не была достигнута, хотя в крупных прибрежных городах националисты утвердились.

Контроль Чана над Шанхаем стал возможен благодаря поддержке двух групп. Первой были богатые купцы и иностранные капиталисты, которые выговорили условия, что реформ, угрожающих их интересам, не будет. Второй группой были крупные преступные группировки, которые в 1927 г. позволили Чану расправиться с коммунистами и рабочим движением города, усилив собственные связи с официальной властью. Среди этих группировок доминировали два тайных общества — Зеленая и Красная банды. В XIX в. их членами становились люди, занятые в перевозке зерна и контрабанде соли по Великому каналу. После 1911 г. группировки перенесли деятельность в города Центрального Китая. Лидером Зеленой банды был Ду Юэшэн. Вместе с Рябым Хуаном и Чан Сяолинем они составили «большую тройку», которая контролировала преступный мир Шанхая. По договоренности с Чаном Ду организовал группу, которая завербовала и вооружила тысячи бандитов. Коммунисты и другие рабочие лидеры были настроены сохранять союз с Гоминьданом, поэтому были застигнуты врасплох и многие погибли. «Большая тройка» была назначена почетными советниками националистического правительства.

Нуждаясь, как и милитаристы, в деньгах, Чан Кайши в августе 1927 г. узаконил торговлю опиумом. К моменту, когда общественное давление привело к ее отмене в июле 1928 г., правительство собрало 40 млн. китайских долларов (с. 381). Неофициально же власти продолжали спонсировать наркоторговлю, а Ду Юэшэн оставался в ней центральной фигурой до 1931 г., когда вышел из азартного и наркотического бизнеса и посвятил всё внимание подавлению рабочего движения в Шанхае.

В 1934 г. Гоминьдан начал антиопиумную кампанию. Чан инициировал движение «новой жизни», которое исходило из конфуцианского принципа, согласно которому ключ к исцелению общественных зол — реформирование отдельного человека. Движение полностью провалилось. Что касается антиопиумной кампании, ее главной целью было получить контроль над финансовой базой милитаристских

противников Чана. К 1936 г. ему удалось перенаправить опиумные товаропотоки из Юньнани и Гуйчжоу, лишив доходов от опиума провинцию Гуанси. По одной из оценок, за период 1934–37 гг. правительство получило от своей программы 500 млн. китайских долларов (с. 382).

После нападения Японии на Китай в 1937 г. наркоторговля внутри страны продолжалась. Гоминьдан и японцы свободно торговали через линию фронта целым спектром товаров, включая опиум. В Маньчжурии японские власти извлекали из опиума доход; в 1938 г. его сбыт принес 28% бюджетных поступлений (с. 382). Хотя японское вторжение лишило Чан Кайши главного источника финансовой поддержки, его правительство располагало запасами сычуаньского опиума, который был конфискован в ходе антинаркотической кампании. Ду Юэшэн содействовал сбыту этого опиума в Макао и Гонконге (оба города находились тогда под японским контролем). После поражения Японии в 1945 г. Гоминьдан вернулся в Шанхай, и коррупция с наркоторговлей расцвели вновь.

Опиумным центром Азии Китай оставался до прихода к власти коммунистов в 1949 г. Новое правительство было намерено искоренить опиум и обладало для этого и волей, и организацией. Шанхай был очищен от наркоторговли, коррупция в городе была уничтожена, а западный бизнес выдавлен. Китай перестал быть фактором международной наркоторговли. Освободившееся место заняла Юго-Восточная Азия.

Дж. Стадуэлл

АЗИАТСКИЕ «КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ»: ДЕНЬГИ И ВЛАСТЬ В ГОНКОНГЕ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Джо Стадуэлл — британский журналист, специалист по Азии

Studwell J. Asian Godfathers: Money and Power in Hongkong and south-east Asia. Croydon: Profile Books, 2008. XXXII, 329 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

Британский журналист, специалист по Азии Джо Стадуэлл анализирует роль крупных предпринимателей в экономике и обществе Гонконга и пяти стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия и Филиппины) во второй половине XX – начале XXI в.

Книга повествует о небольшой группе миллиардеров, которые в послевоенную эпоху стали доминировать в экономике своего региона. Работа необычна тем, что рассматривает с тематической точки зрения полдесятка стран. Обычно научные работы ограничиваются одной-двумя странами, а общие работы освещают отдельные государства в разных главах. Эта книга «дает широкий охват, так как имеет целью подчеркнуть, что шесть изучаемых территорий связаны весьма сильно объединяющей их тематикой, прежде всего схожим историческим наследием и весьма особыми отношениями между политической и экономической властью. Эти исторические и структурные сходства и их значение недооценивают и недостаточно освещают комментаторы из научной и журналистской среды, которые сосредотачиваются на отдельных странах. Предприниматели-магнаты (tycoons) этих государств требуют внимания, потому что они — общий симптом общего набора обстоятельств» (с. XI).

В 1996 г. в группу 25 богатейших людей мира журнал Forbes записал восемь бизнесменов из Юго-Восточной Азии, а в группу 50 — тринадцать (с. XI–XII). В регионе, где 500 долл. США в месяц считается приличной зарплатой, это богатство немногих создает резкий контраст. Почему магнаты стали управлять экономиками Юго-Восточной Азии? Каков их вклад в ее развитие? Почему они до сих пор так могущественны, хотя азиатский финансовый кризис, казалось, лишил их силы?

Образцом для своей работы Дж. Стадуэлл взял книгу Литтона Стрэчи «Видные викторианцы» (1918). Поставив целью показать лицемерие викторианской Англии, британский автор сознательно сконцентрировался на биографиях нескольких личностей. По замыслу Дж. Стадуэлла, так же показательны могут быть жизни азиатских магнатов. Правда, при таком перевернутом подходе есть опасность, что читатель слишком втянется в жизнеописание отдельных личностей и потеряет общую картину. Поэтому автор обрисовывает сначала главные темы книги.

Экономика Юго-Восточной Азии — продукт отношений между политической и экономической властью, которые развились в колониальную эпоху и сохранились позднее. Политическая элита дарует представителям экономической элиты монопольные концессии, которые позволяют выкачивать огромные богатства без необходимости производить технологические возможности, которые двигают устойчивое экономическое развитие. В колониальную эпоху такие отношения ограничивались членами колониальной элиты и в меньшей степени внешними группами. В постколониальное время новое политическое руководство взрастило собственный класс зависимых от него магнатов, которые обычно не были коренными жителями этих стран. Такие магнаты взимали экономическую ренту, делились со своими политическими хозяевами и не представляли для них угрозы.

«Слой магнатов служил своей политической цели и содействовал огромному личному обогащению, но почти не толкал общий экономический рост. Двигателем этого роста было сочетание мелких предпринимателей, многие из которых сосредоточивались на производстве и вокруг него, и политики сдачи в аренду местной рабочей силы эффективным многонациональным экспортерам. Города-государства Гонконг и Сингапур процветали как порты, финансовые операторы и офшорные центры, в которых можно было припрятать капитал, нажитый в остальных частях региона (с. XIII).

Начало финансового кризиса в июле 1997 г. показало крупные недостатки политического и институционального развития Юго-Восточной Азии. Большинство этих недостатков не были устранены и через десять лет. Элита продолжает жить на широкую ногу и верить в свое право на власть.

Назвав магнатов «крестными отцами», Дж. Стадуэлл не относит их целиком к зловещим персонажам и не намекает, что они вовлечены в организованную преступность. Некоторые из них в самом деле занимаются контрабандой, незначительное меньшинство связано с игорным бизнесом, и эта деятельность часто предполагает контакт с азиатским преступным миром (китайскими триадами, индонезийскими *преманами* и т.д.). Однако это не значит, что такие магнаты — мафиозные боссы. Бóльшая часть азиатской организованной преступности обитает в параллельном, хотя и пересекающемся мире. К тому же азиатские политики (британские и японские колонизаторы, КПК, Сухарто) имеют давнюю историю сотрудничества с организованной преступностью в своих интересах; в этом отношении они не так уж отличаются от местных бизнес-лидеров. Термин «крестный отец» автор применяет, чтобы отразить традиции патернализма, мужской власти, отчужденности и мистики, которые являются частью истории азиатских магнатов. Как автор «Крестного отца» Марио Пьюзо говорил, что его сочинение — «весьма романтизированный миф», так Дж. Стадуэлл утверждает, что вокруг юго-восточноазиатских магнатов тоже выросла мифология, которая выставляет их такими же загадочными и неприкасаемыми. Свою задачу он видит обратной: деконструировать уже существующий миф.

Юго-Восточная Азия — один из самых пестрых регионов мира с точки зрения расы, этничности и культуры. Современная история региона связана с миграциями европейцев и американцев, китайцев, индийцев и других народов в доиндустриальные общества, которые уже были весьма смешанными с этнической и религиозной точек зрения. На экономическом уровне основанные на расовой темати-

ке интерпретации развития давно легли в основу анализа ситуации в регионе. Каждый азиатский школьник знает, что многие колонизаторы воспринимали свою деятельность сквозь призму «бремени белого человека». Однако и после независимости колониальных стран в спорах об экономическом буме, который последовал за уходом белого человека, расовые интерпретации продолжают преобладать. Главная причина — преобладание в деловой жизни региона крупнейшей группы мигрантов, т.е. китайцев. Некоторые считают их выдающимися, другие — паразитами, третьи — культурно-предопределенными в разных смыслах (отличные семейные предприниматели, неспособные, однако, действовать на мировом уровне).

О китайской исключительности свидетельствуют сухие цифры. Доля китайцев на фондовых биржах АСЕАН составляет 50–80%, тогда как их доля в населении Филиппин — 2%, Индонезии — 4%, Таиланда — 10%, Малайзии — 29%, Сингапура — 77% (с. XV). В 1990-е годы китайцы контролировали 45% крупных фирм Филиппин, 18 из 20 крупнейших корпораций Индонезии, 9 из 10 крупнейших предприятий Таиланда и 24 из 60 крупнейших компаний Малайзии (с. XV). Большинство азиатских «крестных отцов» — этнические китайцы.

Экономический бум 1990-х годов стал апогеем расовых теоретиков и привел к всплеску выхода книг об экономических подвигах заморских китайцев[1]. Фокусом внимания их авторов была культура. Вошло в моду словосочетание «бамбуковая сеть», которым в попытке объяснить экономический динамизм китайцев региона обозначали связи между ними. Экономисты во главе с японскими учеными смотрели на китайскую исключительность более скептически.

Автор возражает против культурного детерминизма, опираясь на десять лет жизни в Китае и длительный период исследований. Во-первых, культурный императив игнорирует исторический контекст. Бóльшая часть миграции в Юго-Восточной Азии пришлась на колониальную эпоху, когда правительства канализировали разные группы в разные сферы деятельности. Китайцы часто не имели доступа на государственную службу и ко многим занятиям, разрешения владеть землей или заниматься сельским хозяйством, тогда как торговые возможности были неограниченны.

Во-вторых, основанная на культуре теория предполагает, что китайцы гомогенны, а китайцы Юго-Восточной Азии типичны для всего китайского народа. Однако Китай остается страной, где каждые 50–60 км попадается новый, полностью непонятный диалект (кстати, в китайском контексте это слово вводит в заблуждение, так как в других странах «диалект» означает лишь небольшие отличия в произношении, лексике и грамматике). Когда китайцы ехали в Юго-Восточную Азию, они ехали не как «китайцы», а как члены диалектных групп, брошенные в «плавильный котел». Друг на друга они смотрели почти как на иностранцев. Фрагментация китайских «племен» (как их называли иные западные наблюдатели) означала, что они яростно конкурировали за экономические возможности, — а в основе экономиче-

[1] По мнению автора, этот термин неточен. Заморскими китайцами (хуацяо) китайцы называют своих эмигрантов. Уезжая за море, те обычно рассчитывали, разбогатев, вернуться. В действительности большинство оседали в новых странах и становились настоящими иммигрантами с разной степенью ассимиляции, приобретая новую национальность. Вот почему термин «заморские китайцы», строго говоря, теперь не подходит для обозначения малайзийских, тайских и других китайцев. — *Здесь и далее прим. реф.*

ского прогресса и лежит конкуренция. К тому же в Юго-Восточной Азии китайские иммигранты намного чаще были свободными переселенцами, чем вторая по численности группа приезжих — индийцы. Среди последних намного более была распространена система законтрактованного труда, поэтому они были в экономически менее выгодном положении.

В-третьих, понятие культурного превосходства китайцев соединяет иммигрантов с «крестными отцами». Хотя доход большинства заморских китайцев выше среднего, в городах северного побережья Явы и Суматры или провинциального Таиланда проживает множество бедных китайских семей. Этничность — не гарантия успеха. Если большинство миллиардеров — китайцы или частично китайцы, следует помнить, что эмигранты из Китая сыграли ключевую роль и в создании коммунистических движений в Юго-Восточной Азии, что отразило их пролетарский и угнетенный статус. «Что касается самих “крестных отцов”, выдвигается предположение, что они — атипичная элита, экономическая аристократия аутсайдеров, которая работает бок о бок с местными политическими элитами. В культурном отношении “крестные отцы” — хамелеоны, которые имеют тенденцию быть хорошо образованными, космополитичными, многоязычными и целиком отделенными от банальных забот своих предполагаемых родичей. Более того, вопреки расхожим предрассудкам, далеко не все магнаты региона — китайцы. Лишь меньшинство — чистые китайцы с сильным чувством культурного и языкового родства с Китаем. Другие магнаты — тоже чистые китайцы, но в значительной мере утратившие чувство культурного родства, а частично или целиком — также способность читать и писать по-китайски (хотя это часто не признается). Многие являются евро-азиатами, хотя некитайская часть родословной иногда воспринимается как источник помех и затушевывается, особенно в китайской среде. Кроме того, есть “крестные отцы” — вообще не китайцы. Эта книга покажет, что поведение этнического китайского большинства в братстве магнатов несущественно отличается от поведения английских или шотландских “тайпанов” в Гонконге, этнических испанских “крестных отцов” на Филиппинах или богатейшего человека Малайзии — тамила со Шри Ланки. Их определяет сначала принадлежность к “крестным отцам”, а уж потом — к этносу» (с. XVIII–XIX).

Всё это не значит, что академические исследования о «китайском капитализме» ничего не стоят. Просто культурные интерпретации используют слишком широко, особенно когда они незаметно переходят в грубые расовые теории. На самом общем уровне относительный экономический успех заморских китайцев делает трудным аргумент, согласно которому культурные факторы (семейная сплоченность, упор на предписанные роли, дисциплина и сыновняя почтительность) не имеют влияния на низовом уровне. Однако более абстрактный аргумент, согласно которому конфуцианская «система ценностей» приводит в движение уникальную форму китайского предпринимательства, несостоятелен. В Сингапуре, Гонконге и самом Китае к конфуцианской этике традиционно апеллируют политики, чтобы оправдать любые меры социального контроля.

Почему «крестные отцы» поднялись и стали так сильны, что их большинство пережило азиатский финансовый кризис? Эти люди — прежде всего экономические продукты своей политической среды, и она мешает региону достичь устойчи-

вого экономического прогресса. Централизованные правительства, которые недорегулируют конкуренцию и сверхрегулируют доступ к рынку, гарантируют подъем торговых капиталистов на самый верх с устранением созданной политиками экономической неэффективности. В Юго-Восточной Азии эту тенденцию усиливает широкое распространение «манипулируемой демократии». Она существует либо в виде демократии предопределенного победителя (как в Сингапуре, Малайзии, сухартовской Индонезии), либо в виде сценария, по которому бизнес получает такой плотный контроль над политической системой, что изменения в управлении его почти не затрагивают (как в Таиланде и на Филиппинах). В обоих случаях политики тратят уйму денег для поддержания власти с подобием легитимности. Средства для этого можно взять только через прямое политическое владение крупным капиталом или взносы со стороны номинально независимого крупного капитала. Возникает взаимовыгодная взаимозависимость политиков и экономических магнатов. Наиболее удобными являются отношения между политиком-аборигеном и магнатом, который является политически неопасным иммигрантом.

Системы намного важнее людей. Не люди, а политические и социальные институты обогатили столь разные страны, как Япония, США и большинство членов Евросоюза. Бедность Юго-Восточной Азии (за исключением двух удачливых городов-государств) — результат политического провала, а не наличия необычно жадных предпринимателей. Азиатские «крестные отцы» не формируют местные экономики, а лишь отражают их, как европейские финансовые династии начала XIX в. (Варбурги, Ротшильды, Бэринги) или американские финансисты и магнаты рубежа XIX–XX вв. (Морган, Вандербильт, Карнеги, Рокфеллер) были продуктами особого набора экономических и политических обстоятельств. В Европе и Америке история магнатов-посредников закончилась, когда государства развили способность управлять собственными финансами, а общество через избранных политиков решило, что с него хватит «баронов-грабителей». Американский «крестный отец» был обуздан через создание Бюро корпораций и Федеральной резервной системы и принятие Закона о ценных бумагах и билля Гласса – Стиголла.

Кто или что приручит азиатских «крестных отцов» и когда это может произойти? Поначалу автор считал, что азиатский финансовый кризис был столь тяжелым, что ради устойчивого развития регион будет вынужден пойти на коренные изменения. Однако позднее он понял, что Юго-Восточная Азия балансирует в намного более уязвимом положении. Каждой из стран еще предстоит выбрать между путем к статусу развитой нации и траекторией бесконечной спирали, как в Латинской Америке. Для элит последний сценарий не так уж непривлекателен: ведь они в любом случае будут жить хорошо.

Азиатские «крестные отцы» используют политическую неэффективность ради наживы. Вместе с тем важно выяснить их истинный вклад в развитие региона. Если говорить коротко, он намного меньше, чем считается. «Крестные отцы» намного более получают выгоду от роста, чем стимулируют его. Неслучайно дела их компаний в сфере производительности обычно идут не так хорошо, как развитие экономик, в которых они действуют.

Локомотивом экономического развития Юго-Восточной Азии служат средний и мелкий бизнес, а также упорный труд рядовых жителей. Именно они обеспечили успех региона в сфере экспорта. В 1960–2005 гг. долларовая стоимость экспорта из

стран-учредителей АСЕАН росла на 11–15% в год (с. XVIII–XIX). Рекордная норма сбережений в регионе, которая накануне финансового кризиса подходила к 40%, кажется превосходной, но она всё больше давала слишком много дешевых денег политикам и их партнерам-магнатам (с. XXII). Мимо прибыльных проектов прошло так много инвестиций, что крах стал неизбежным.

В конце 1960-х годов правительства страна региона обнаружили, что вопреки колониальному мифу их население работает одинаково усердно. Требовались лишь инвестиции, в основном иностранные. В регион пришли многонациональные корпорации. В Малайзии долларовая стоимость экспорта в 1960–2005 гг. выросла в 118 раз, в Сингапуре — в 150 (с. XXIII). К сожалению, модель зависимости от экспорта, которую позднее перенял Китай, имеет и недостатки. Если слишком много товаров на экспорт производится иностранными компаниями или для них, эти покупатели ненадежны. В 1990-е годы страны Юго-Восточной Азии убедились в этом сами, когда иностранные производители начали перемещать операции в страны с более низкими издержками — Китай, Вьетнам, Бангладеш.

Крупный бизнес «крестных отцов» вырос на защищенных рынках, в картелях и неконкурентных тендерах на общественные работы. В результате в Юго-Восточной Азии нет конкурентоспособных компаний мирового уровня. Более того, в отличие от Японии, Южной Кореи и Тайваня в регионе имеется высокая зависимость от иностранных поставщиков технологий и проектного управления: «крестные отцы» настолько заняты сделками на зарегулированных рынках, что оставили техническую сторону чужакам. Это привело к тому, что японский ученый Ёсихара Куньо назвал «индустриализацией без технологий». В Юго-Восточной Азии есть все атрибуты современной экономики — высокотехнологичные фабрики, небоскребы, современные транспортные системы, но нет местных масштабных компаний, которые производили бы продукцию и услуги мирового уровня. Реальная конкурентоспособность ограничена относительно мелким бизнесом, так как лучшие экономические плоды забрали магнаты.

После азиатского финансового кризиса казалось, что политические и экономические структуры, которые создали этот «суперслой» региональной экономики, будут сметены. В Индонезии прошли демократические выборы, в Таиланде приняли очередную конституцию. И всё же водораздела не произошло. Элиты защитили свои владения. Тем не менее, впадать в полный пессимизм не нужно: на Западе и в Японии в конце XIX в. политическую жизнь, а вместе с ней крупный бизнес толкало медленное, но координированное давление снизу.

Было бы ошибкой считать «крестных отцов» близорукими. Конечно, они дают взятки, лоббируют, угрожают, лгут. Вместе с тем к своим позициям они поднялись благодаря выдающейся способности понимать коммерческую жизнь региона, и у них есть чему поучиться.

Также было бы неверным считать, что магнаты встраиваются в какой-то личностных стереотип. Их характеры весьма различаются. Другое дело, что в общественных делах «крестные отцы» демонстрируют высокую степень элитного консенсуса. Когда все играют в одну и ту же игру, публично спорить почти не о чем.

Целью книги не является унизить магнатов. В науке и СМИ споры о них колеблются между восхищением каким-то мифическим азиатским предпринимать-

ством и столь же грубым осуждением паразитичных рантье. Дж. Стадуэлл показывает, что в действительности магнаты — всего лишь высокоэффективные купцы в среде с возможностями для взимания ренты. Экономический результат — удорожание производимых в странах региона товаров и услуг и препятствование росту конкурентоспособных компаний мирового уровня. Однако вина на этом лежит на политиках, а не на бизнесменах. Бизнесмены лишь делают деньги.

Современный экономический ландшафт Юго-Восточной Азии сформировало взаимодействие двух исторических сил — миграции и колониализма. Первой была миграция: задолго до прибытия европейцев в регионе селились арабы, индийцы и китайцы. В Таиланде, где исторические записи полнее всего, иммигрантов использовали в целом спектре санкционированных двором занятий по меньшей мере с XVI в. Персы и китайцы осуществляли торговые монополии и брали в откуп налоги. С XVIII в. китайцы работали на тайский двор как администраторы и счетоводы. Во многих случаях, однако, администраторами предпочитали брать персов, арабов и южноазиатов. На Яве китайские предприниматели заключали соглашения со знатью в сферах управления и монополий еще в XVI в.

Возникло этническое разделение труда, в котором местные были предпринимателями политическими, а пришельцы — экономическими и бюрократическими. Иммигранты знали свое место, о чем свидетельствует направление аккультурации. Так, досовременная история Таиланда — это история китайцев, которые преуспели в стране, быстро превратившись в тайцев. Сделать это было нетрудно, так как Юго-Восточная Азия отличается толерантностью, а немногочисленность населения означала ограниченную конкуренцию за ресурсы, особенно в сравнении с Китаем и Индией.

Прибытие европейцев, которые присутствовали в регионе с XVI в., но до XIX в. не были агрессивными экспансионистами, усилило и перестроило существующие тенденции. Там, где до колониальной власти существовали лишь двусторонние отношения, она создала треугольные. Теперь политическим и экономическим лидерам пришлось взаимодействовать не только друг с другом, но и с европейцами. Для амбициозных мигрантов это значило, что они должны аккультурироваться в отношении европейцев. Местная политическая элита тоже несколько продвинулась к европейским культурным нормам, тогда как ее отношения культурного превосходства с иммигрантами, особенно китайцами, пошатнулись. Исключением был Таиланд, который формально не был колонизован.Наиболее безжалостно разделением политической и экономической деятельности пользовались голландцы в Индонезии. Они контролировали основную часть населения через *прияи* (местную знать), а ключевые экономические роли отошли китайцам. Ряд поднятых голландцами лидеров китайской общины стали первыми «крестными отцами». Если обычные китайцы жили в отведенных им кварталах и ездили по пропускам, ограничения не относились к китайской элите (индонез. *cabang atas* «верхняя ветвь») и их чиновникам-откупщикам. В отличие от Таиланда, где китайцы могли полностью интегрироваться в правящую элиту, в Индонезии возникла идентичность «на полпути». К XIX в. говорившие по-малайски китайцы имели культуру, состоящую из южнокитайских и яванских элементов, и назывались *peranakan* (в Малайе — *baba*). Та же ситуация возникла на Филиппинах. В отличие от колониальной миссии Нидерландов и Британии, которую осуществляли монопольные Ост-Индские компа-

нии, испанская миссия была политической и религиозной. В этом отношении китайская община колонизаторам досаждала, так как исходно сопротивлялась христианизации. Зато обратившихся китайцев испанцы награждали снижением налогов, свободой передвижения и способностью войти в местную политическую элиту. В результате уже к 1800 г. на Филиппинах насчитывалось 120 тыс. китайских *mestizos* при 7 тыс. китайцев и 4 тыс. *blancos* (с. 5).

С середины XIX в. модель миграции и ассимилированного китайского населения начала меняться. Во-первых, стала резко расти численность иммигрантов. Во-вторых, изменились и расширились цели колониальных держав. Миграцию облегчило развитие технологий. К 1860-м годам на пассажирских маршрутах в Азии широко использовались пароходы, а «опиумные войны» открыли главные порты китайского побережья. К 1850 г. в регионе насчитывалось полмиллиона человек китайского происхождения, а к началу Первой мировой войны — 3–4 млн. (с. 6).

Наплыв мигрантов совпал с зарей «высокого империализма» и поддерживал бум производства трудоемких товаров. В 1819 г. возник свободный порт Сингапур, а в 1842 г. — Гонконг.

Большинство индийских иммигрантов были законтрактованными сельскими работниками на плантациях, которых по окончании срока договора (если они выживали) обычно отправляли обратно на родину. Китайцы же ехали в регион по системе кредитных билетов: были привязаны к работодателям, пока не оплатят (с процентами) проезд, но затем возникала большая вероятность, что они останутся в регионе и вольются в сложившиеся, в основном городские, общины заморских китайцев. Согласно отчету ООН по миграциям 2004 г., в 1834–1937 гг. из Индии по миру разъехались 30 млн. человек, но 24 млн. вернулись (с. 7–8). Китай не вел статистики, какую вели британцы в Индии, но доля возвращенцев среди китайских эмигрантов была много ниже. Несмотря на немалую численность, индийцы не стали важными для экономик колониальной Юго-Восточной Азии, потому что не оставались в регионе долго. К тому же в сравнении с китайцами они были более угнетенной группой (вербовщики набирали работников среди меньшинств у подножия кастовой «лестницы»).

С точки зрения «крестных отцов» конец XIX в. был эпохой одновременно большей неопределенности и бóльших возможностей. С одной стороны, ассимилировавшиеся в регионе китайцы столкнулись с волнами новых иммигрантов, которых не всегда было легко контролировать. С другой стороны, рос экономический «пирог». Богатейшим человеком Индонезии к тому времени стал Ой Тён Хам. Он жил в крупном имении в европейской части Семаранга, по-явански и малайски говорил лучше, чем на китайских диалектах. В бизнесе Ой следовал стратегии диверсификации: получал стабильный доход от налоговых откупов, особенно опиума, и вкладывал его во множество других предприятий, прежде всего возделывание сахарного тростника и строительство сахарных заводов. Вложил деньги и в судоходство, открыл банк, а в годы Первой мировой войны перебрался в Сингапур, где умер в 1924 г.

Еще большим приспособленцем был Лок Ю, которого считали богатейшим китайцем на Малаккском полуострове на рубеже XIX–XX вв. Он построил легкий бизнес, снабжая продовольствием и оружием занятые в горной добыче враждующие китайские банды и представлявшие их триады. Когда в 1874 г. британцы поста-

вили Малайю под формальный контроль, Лок Ю создал империю по добыче олова с тысячами китайских работников, которых к тому же снабжал опиумом, спиртным и игорными заведениями. Работников Лок ввозил в спайке с секретными обществами и сам был членом могущественной триады Ги Хинь. Британские резиденты в ключевых горнодобывающих султанатах опирались на него и в контроле над китайским населением, и в сборе немалой доли налогов. Лок Ю сдружился с первым генеральным резидентом Федерированных малайских государств Фрэнком Суэттенхэмом, был одним из спонсоров элитной англоязычной школы в Куала-Лумпуре, создавал совместные предприятия с английскими и шотландскими компаниями.

Стратегия интегрировать откупа налогов с горной добычей и плантациями была общей для магнатов региона. Она снижала издержки на и без того дешевый труд. Так, на Филиппинах крупнейшим из *cabecillas* («начальников») был дон Карлос Паланка Чэнь Цяншань. Он был брокером кули, оператором опиумной монополии и сборщиком налогов, а его торговые интересы простирались от тканей и сахара до недвижимости. Выходец из Фуцзяни, он выучил испанский, обратился в католицизм и нашел могущественного покровителя в лице одного полковника. В то же время Чэнь покупал мандаринские титулы в Цинской империи. Не все восхищались способностью магнатов черпать силу из внешних источников. Именно Чэня филиппинский националист Хосе Рисаль вывел в Кироге-китайце в романе El Filibusterismo[2] (1891). Автор нашел предосудительной именно гибридную природу идентичности Кироги, которая выразилась в смешении стилей его дома (китайские сады, греческие колонны, шотландские чугунные украшения, итальянские мраморные полы). Правда, такое смешение отражало и силу «крестных отцов».

Однако мир «крестного отца» формировала колониальная держава. Это выражалось не только в том, что он становился откупщиком налогов и эксплуататором соотечественников. Колониальные державы принесли в регион определенную торговую структуру — импорт в «первый мир» сырья в обмен на экспорт в регион готовых изделий. Таиланд специализировался на производстве риса (на юге немного добывали олово), Малайя — олова и каучука, Филиппины — сахара и кокосов, Ява — сахара и кофе, Суматра — табака и каучука. Инвестировать в промышленное производство стимулов почти не было. Тем более, что рост цен повышал привлекательность плантаций, горного дела и предприятий услуг, таких как судоходство. Китайцы и другие азиатские предприниматели сфокусировались на основанной на торговле экономике не потому, что были «прирожденными торговцами», а потому, что промышленность была более рискованной и трудной.

Вся история макроэкономики Юго-Восточной Азии до Второй мировой войны — история торговой экспансии без промышленного «взлета». Так, торговля Сингапура в 1871–73 — 1900–1902 гг. выросла с 67 млн. до 431 млн. сингапурских долларов в год (с. 13). Магнаты были просто попутчиками и облегчали игру, не влияя на правила. Они получали приличную прибыль, но в сравнении с прибылью крупных европейских фирм она была ничто. В XX в. стало очевидной важность доступа к крупному капиталу. Китайские бизнесмены конкурировали эффективно, когда сельское хозяйство велось в относительно мелком масштабе, а джонки требова-

[2] Абстрактное существительное от слова filibustero «пират», использовалось для обозначения движения за независимость Антильских островов.

ли относительно скромных вложений. Однако, когда прибыльные плантации расширились, горная добыча механизировалась, а современные суда выросли в размерах и усложнились технически, при вступлении в бизнес возник новый денежный барьер. Между началом XX в. и Второй мировой войной европейские конкуренты отодвинули азиатских магнатов. Например, в Таиланде они стали преобладать в заготовке древесины и лесопильном бизнесе, где раньше доминировали мелкие китайские и бирманские предприниматели. Доминирующие европейские банки во главе с Гонконгско-Шанхайским банком и Чартерным банком Индии, Австралии и Китая почти всю деятельность сосредоточили на финансировании торговли. Индийские ростовщики из числа четтияров и сикхов взимали намного более высокие проценты, чем европейцы. Центробанков не было, что привязало местную валюту к предложению иностранной.

И всё же до Великой депрессии юго-восточноазиатская экономика процветала. Однако некоторые аспекты бизнес-окружения начинали работать против будущих «крестных отцов». К 1920-м годам прекратились откупа и колониальные державы отказались от различных систем «начальников», которые автоматически утверждали магната как главу своей общины. Правда, в значительной степени институт начальников был заменен институтом китайской торговой палаты, ключевыми игроками которой были крупнейшие предприниматели.

К середине XX в. в регионе стал подниматься национализм. Для заморских китайцев он был обоюдоострым оружием, так как мог привлечь внимание к их экономической роли. Сопровождавший это подъем классового сознания выдвинул на передний план вообще преобладание элит в бизнесе и политике. Для магнатов в 1930-е годы это не предвещало ничего хорошего. И всё же традиционные структуры власти стояли перед вызовами политического популизма. До Второй мировой войны это опробовали в Таиланде. В 1932 г. бескровный переворот в этой стране привел к смене абсолютной монархии конституционной. Лозунгом стало «Тайская экономика для тайцев». Еще монарх Рама VI (правил 1910–25) увлекался популярными в Европе расовыми теориями и написал очерк о китайцах в Азии «Евреи Востока» (1914). Однако когда принялись вводить ограничения, стало ясно, что если рядовые китайцы приспособиться не могут, их элита может. Раньше магнаты были сборщиками налогов для двора, теперь стали партнерами тайской бюрократии по совместным предприятиям. Это задало модель и для эпохи военной диктатуры 1947–73 гг. При военных вмешательство государства в экономику выросло, а с ним и уровень сотрудничества тайской правящей элиты с ведущими китайскими предпринимателями. Для китайцев то была невысокая цена, учитывая, что это позволяло не пускать на рынок Таиланда европейские и американские компании.

Крупнейшим агентом глобальных политических изменений в XX в. была Вторая мировая война, и Юго-Восточная Азия — не исключение. Война означала конец имперской игры. Отсутствие британских, голландских и американских администраторов стимулировало националистическую политику и создало плодородную почву для агрессивных бизнесменов. Новое поколение магнатов составило легкие состояния благодаря контрабанде и спекуляции. Так, в эти годы началась карьера гонконгского магната Стэнли Хо, двоюродный дед которого, сэр Роберт Хо Тун, был ведущим компрадором и с началом войны перебрался в нейтраль-

ный Макао. Стэнли торговал с японцами и занимался всем от золота до самолетов. «С точки зрения бизнеса хорошим в войне было то, что она никогда по-настоящему не кончалась. После официального завершения Тихоокеанской войны наступил хаотичный период коррумпированной союзной военной администрации, а затем, в 1950 г., начался Корейский конфликт. В 1951 г. ООН наложила торговое эмбарго на Китай, который был в союзе с Северной Кореей, создав обширную контрабандную отрасль с центрами в Макао и Гонконге. Стэнли Хо продолжал свои контрабандистские операции, ввозя в Китай рифленое железо, резиновые шины и, по его словам, большие количества вазелина» (с. 20). Слухи об участии в контрабанде окружали несколько видных предпринимательских семей Гонконга, но, как и в Сингапуре, власти никогда их не преследовали. Правда, некоторые стали опасаться за свою жизнь. Например, Джон Чён, продавший в годы Второй мировой и Корейской войн много контрафактных лекарств, жил в комнате без окон, с кроватью, придвинутой к двери.

Сингапур был поделён на экономические единицы, специализирующиеся на разных сельскохозяйственных и промышленных товарах. Для тех, кто мог подпольно ввозить рис из Таиланда в голодающую Малайю или вывозить промышленные товары из Индонезии, вознаграждение было огромным. Немалые возможности сингапурским контрабандистам дала националистическая война в Индонезии против голландцев. Значительная часть оружия индонезийцам приходила с Малаккского полуострова и имела японское и британское происхождение. Китайские торговцы вели бойкий бартер: тонна каучука за 30 патронов, 2 тонны за ружье и т.д. (с. 21).

От войны больше всего выиграли образованные, обеспеченные и космополитичные люди. Так в Гонконге члены китайской элиты нажились на покупке гонконгских долларов, выпущенных местными банкирами по указанию японцев. Их обменивали за небольшую долю лицевой стоимости в ожидании, что британцев, когда те вернутся, убедят оплатить их, чтобы восстановить «экономическую стабильность».

Кроме всего прочего, Вторая мировая война произвела сейсмические изменения в предпринимательском ландшафте региона: надолго устранила европейские и американские интересы. Азиатские предприниматели, обычно китайцы, которых колониальные структуры сделали посредниками между аграрными экономиками и западным крупным капиталом, получили возможность изменить статус. В Таиланде в 1943–52 гг. возникло 14 банков и 25 страховых компаний; большинство управлялись китайцами, а председателями и членами правления были высокопоставленные бюрократы-тайцы. Война основательно сотрясла экономический порядок стран региона.

Вскоре Юго-Восточная Азия вступила в эпоху Холодной войны, которая принесла приток американских денег. На Филиппинах после независимости были две крупных военных базы США. В Таиланде генеральный директор полиции Пхао Сриянонда использовал поставляемое ЦРУ военное оборудование для создания крупнейшего синдиката по контрабанде опиума в стране, которая сделалась центром мировой торговли героином. Ключевым магнатом-клиентом Пхао был Чин Софонпанич, организатор Бангкокского банка, крупнейшего финансового института региона за пределами Гонконга, который финансировал многих послевоенных «крестных отцов».

Пример Таиланда 1930-х годов показал, что от политических изменений и конца колониализма выиграют главным образом не обычные люди. Остальные страны региона показали это после войны. Война стала катализатором национализма и классового сознания. Однако эксперименты с демократией на Филиппинах, Малайзии и Индонезии (а прежде в Таиланде) не смогли реконструировать традиционные социальные структуры. Колонизаторы исчезли, но новые политические элиты принялись за старое.

После войны с Испанией 1898 г. США оставили Филиппины за собой. Не имея колониального опыта, они управляли островами благодаря сотрудничеству с существующими властными брокерами. Если в Таиланде или Индонезии политическая элита контролировала бюрократию и заключала сделки с китайскими бизнесменами, на Филиппинах региональные интересы стремились контролировать парламент и грабить государство. Основанный в 1916 г. Филиппинский национальный банк стал личным казначейством олигархов, раздавая займы землевладельческим семьям. Экономическая политика США обеспечила олигархов экспортными квотами и тарифной защитой сахара и кокосов. Контроль над конгрессом позволял магнатам-рантье не допускать земельной реформы и роста налогов. Единственной проблемой для элиты было то, что для обеспечения минимума доверия избирателей ей приходилось призывать к независимости страны, тогда как «крестные отцы» в ужасе представляли себе ее экономические последствия. Поэтому они приложили все усилия, чтобы заключить торговое соглашение, по которому доступ по квотам на американский рынок сохранился до 1974 г. После этого филиппинское правительство могло себе позволить заявить в 1946 г., что сбросило колониальное иго. После независимости электоральная традиция делить всё необходимое для власти лишь укреплялась. Политики прыгали между двумя основными партиями в поисках наиболее щедрых условий. Неслучайно филиппинцы прозвали своих конгрессменов *balimbing* — название звездообразного фрукта, который с любого ракурса выглядит одинаково. Политическая траектория предсказуемо привела к клептократии Фердинанда Маркоса в 1960-е годы. При этом китайские и метисские «крестные отцы» идентифицировали себя с другими «крестными отцами», а не с китайцами-лавочниками.

Путь Малайи к независимости в 1957 г. привел к соглашению между ее политической и экономической элитами, которое стало известно как «сделка». Для политической элиты тоже было необходимо поддерживать дело независимости, не платя экономической цены. С приходом демократии партия малайского правящего слоя — Объединенная малайская национальная организация (УМНО) — нуждалась в политическом урегулировании с китайской экономической элитой, у которой была своя партия — Малайская китайская ассоциация. Две партии сформировали союз, основанный на элитном консенсусе о доминировании малайцев в бюрократии и отсутствии нападок государства на китайские позиции в бизнесе. После независимости лидеры Малайской китайской ассоциации заняли ключевые экономические посты в правительстве. Однако в 1960-е годы неравенство в каждой этнической группе Малайзии выросло, что в 1969 г. привело к столкновениям в Куала-Лумпуре. Реакция властей напомнила китайской общине об отсутствии у нее политической власти. В 1971 г. правительство инициировало Новую экономическую

политику, рассчитанную на укрепление позиций малайцев. В проигрыше оказался средний класс китайской общины, но разрыва экономической структуры на уровне элит не произошло. К 1990 г. доля малайцев в держании акций выросла до 1/5, но доля китайцев удвоилась до 2/5 (с. 27).

Страной, которая очевиднее всего угрожала перевернуть традиционную социально-экономическую структуру, была Индонезия после независимости. Сукарно происходил из привилегированного слоя, но считал себя революционером. Однако в конце концов он не стал избавлять страну от традиций. Что касается китайских иммигрантов, то эпоха Сукарно принесла им неприятности. Однако на структурном уровне не случилось ничего, что помешало бы быстрому возвращению к историческим формам, когда в 1960-е годы Сукарно выдавили из власти. Наоборот, когда в 1957 г. Сукарно использовал территориальный спор с Нидерландами по Ириану, чтобы национализировать иностранный бизнес, он открывал экономическое пространство, которое позднее заполнили китайские предприниматели.

Второй президент Индонезии Сухарто был представителем мелкой яванской знати, нацеленным на сохранение гармоничных (строго регламентированных) общественных отношений. В отличие от предшественника он был консерватором, как и офицерский слой, на который он опирался. Еще в 1950-е годы, будучи командующим дивизией в Семаранге, Сухарто сотрудничал с китайским предпринимателем Мохамадом «Бобом» Хасаном в контрабанде сахара. Придя к власти, он мог раздавать концессии в привычной манере — людям, которые будут делать свою работу и не представлять для него политической опасности. Многие из них были китайцами, въехавшими в Индонезию относительно недавно. Самым известным из них был Лем Сёй Лён (Судоно Салим), который нажился в годы Второй мировой войны и войны с голландцами. В 1968 г. он получил половину монополии на импорт гвоздики — ключевого ингредиента сигарет *кретек*; позднее к этому добавилась монополия на импорт, переработку и сбыт муки и почти монополия на производство цемента. Это было возвращение к отношениям между политической властью и китайскими купцами XIX в. Как выразился сын одного из богатейших магнатов Индонезии Эдвин Сурьяджая: «Когда Сухарто пришел к власти, он хотел быть царем. Поэтому он делал именно то, что делали голландцы» (с. 29).

Для обозначения предпринимателя, который обязан своим успехом политикам и должен делиться с ними и с военными частью прибыли, в Индонезии появился термин *cukong*. На Филиппинах в 1960-е годы родилось выражение «блатной капиталист». В Малайзии предприятия, где фасадом служили малайцы, но заправляли китайцы, стали известны как операции «Али Баба» (Али относилось к малайцам, а Баба — к китайцам). «Все эти выражения указывают на одно: использование политической власти богатым, но зависимым классом магнатов было слишком привлекательным, чтобы избавиться от него просто из-за конца колониализма. Эту модель деятельности изменила бы лишь полная перестройка политической жизни, а ее не произошло. По всей Юго-Восточной Азии народные силы национализма и класса сдерживались и ограничивались в рамках старых социальных структур, будь то при демократически избранных правительствах или нет» (с. 29–30).

В эпоху независимости глобальное интеллектуальное влияние на регион выразилось в склонности экономистов к большему планированию и контролю. Ло-

кальные структуры бизнеса «крестных отцов» от этого лишь выиграли. В середине XX в. каждая экономика региона следовала импортозамещающей индустриализации. То была попытка вырваться из цикла зависимости колониального типа. На практике этот курс ни в одной стране не заладился, так как его подрывали традиционные доминантные отношения между политическими и экономическими элитами. В Таиланде импортозамещающая индустриализация главным образом связана с режимом маршала Сарита Тханарата, который в 1957 г. совершил переворот. Правительственные проекты в новых отраслях предполагали минимум инвестиций или производственных мощностей, которые были не под силу тайским производителям. Поэтому купцы с хорошими связями монополизировали сделки на покупку технологий из Японии. Нормой для импортера продукции стало сделаться ее местным сборщиком по соглашению с иностранным поставщиком. Пример — автомобили и мотоциклы, где тарифная защита привела к совместным предприятиям с «Тойотой», «Мицубиси» и т.д., но не к настоящему внутреннему производству. К 1970-м годам промышленность Таиланда была группой конгломератов, зависимых от иностранных партнеров.

Еще очевиднее модель бизнес-элиты, которая снимала сливки с политики импортозамещения, проявилась на Филиппинах. Отличие от Таиланда было то, что местная элита коренилась не только в торговле, но и в земледелии (колониальное наследие). Это привело к противоречиям: в 1950–60-е годы землевладельцы с хорошими связями пошли в промышленность (финальная сборка американских товаров), но они же экспортировали сельскохозяйственные и минеральные товары, поэтому были вынуждены уступать выручку Центробанку для поддержки программы импортозамещения. В результате в 1950-е годы землевладельцы поддерживали эту программу, а в начале 1960-х годов перестали.

Индонезия в 1950-е годы проводила националистическую программу Бентенг, которая канализировала большинство иностранной валюты в руки аборигенных купцов. Однако возникла не аборигенная купеческая буржуазия, а группа лицензионных брокеров. То же произошло в 1970-е годы, когда выручка от нефти и газа привела к тому, что лицензии и государственная поддержка пошли *прибуми* (коренным индонезийцам) и китайским магнатам с хорошими связями. «Это было константой в регионе: импортозамещающая индустриализация не превращала мелких местных производителей в крупных и конкурентоспособных на международном рынке, а просто укрепляла позиции торговой элиты колониальной эпохи… импортозамещающая индустриализация не смогла создать традицию промышленного капитализма, чтобы дополнить торговый капитализм, которому позволяли процветать в колониальную эпоху. Вместо этого успешные торговые капиталисты приобретали доли в совместных производственных предприятиях или заключали договоры о технологическом сотрудничестве с западными и японскими промышленниками. Эта модель впоследствии так и не изменилась» (с. 32–33).

В работах по азиатской экономической истории плохо объяснено, как в общую экономическую структуру Юго-Восточной Азии, а после 1979 г. и Китая вписываются Гонконг и Сингапур. Их важная особенность — то, что они являются архетипичными городами-государствами или, точнее, портовыми городами-государствами. С колониального времени они торговали без тарифов и выступали местами помеще-

ния денег. Эти два города служат арбитрами относительной экономической неэффективности своего хинтерланда. Иными словами, бизнес приходит к ним, потому что определенные задачи (услуги) они выполняют чуть лучше, чем окружающие страны. При этом доминирующим хинтерландом Сингапура давно выступает не Малаккский полуостров (как предполагает географическая логика), а Индонезия, так как ее экономика относительно больше.

Гонконг и Сингапур давно выступают региональными центрами как легальной торговли, так и контрабанды. Не менее важны они как места хранения капитала. Магнаты, которые являются в своих странах этническими аутсайдерами, всегда стремились держать средства в офшорах, не без основания опасаясь, что однажды станут жертвами политических изменений. Тайна банковских операций, готовность открывать счета для экзотических фирм-пустышек и освобожденность частных компаний в Гонконге от необходимости отчитываться перед государством сделали два города прекрасным убежищем. Неслучайно после азиатского финансового кризиса в банках Сингапура хранилось около 200 млрд. долл. США индонезийского капитала — при ВВП Индонезии в размере 350 млрд. (с. 35). Кроме того, два города демонстрируют мало интереса к тому, чтобы различать законно и незаконно нажитые средства. Когда Евросоюз стал давить на Швейцарию и другие европейские частные банковские центры, чтобы заблокировать уклонение от уплаты налогов, мировую нишу стал заполнять Сингапур. Более того, немалой долей успеха он обязан отмыванию денег коррумпированных индонезийских предпринимателей и чиновников. Строит Сингапур и казино, чтобы привлекать «грязные» деньги из Китая. Также два города выступают местами владения недвижимостью, покупок и развлечений.

«Гонконг и Сингапур были обречены на успех. Всё, что им надо было делать, это быть на одну степень эффективнее, привлекательнее для капитала, чем окружающие страны, и они стали бы процветать. Малый размер становился достоинством» (с. 36). При этом при премьер-министре Ли Куан Ю Сингапур следовал этатистской модели, при которой правительство установило контроль над большинством крупных компаний. Потеря эффективности при этой форме развития не имела значения, так как порт и банки Сингапура всё равно были эффективнее и безопаснее, чем в Индонезии и Малайзии. Гонконг следовал противоположной модели свободного рынка (хотя услуги там всегда были сильно картелизованы). К концу XX в. результат диаметрально противоположных подходов к экономическому развитию различался на менее тысячу долларов США: ВВП на душу населения в Гонконге составил 23 930 долл. США, в Сингапуре 22 960 (с. 36). Урок: город-государство со стратегическим глубоководным портом в регионе с относительно более высокими уровнями плохого управления, коррупции и политической неопределенности будет процветать независимо от официальной экономической философии.

Магнаты Гонконга и Сингапура всегда делились на две категории — местных и внешних. Из окружающих стран постоянно приезжают «крестные отцы». Так, индонезийский магнат Ой Тён Хам поселился в Сингапуре, выходцы из Малайзии от Ю Тонсэня до Роберта Куока — в Гонконге; некоторые коренные сингапурские семьи, например, Ын Тэнфона, делят свою деятельность между двумя городами; правда, гонконгские магнаты в Сингапур не переезжают, поскольку государ-

ство там задавливает значительную часть частной деятельности. Местные «крестные отцы», в свою очередь, делятся на две подкатегории — опирающиеся на землевладение и на банковское дело.

В краткосрочной перспективе импортозамещающая индустриализация привела к приличным темпам роста в регионе. Вместе с тем она была легко доступна для манипуляции со стороны выросшего на торговле класса магнатов. Уровень злоупотреблений варьировал от проекта к проекту и от страны к стране, но к концу 1960-х годов стало ясно, что избранный курс — не панацея для экономического развития. Более того, страны Северо-Восточной Азии (Япония, Южная Корея и Тайвань) развивались быстрее и устойчивее — по модели, основанной на экспорте промышленных товаров. Поэтому в регионе начался переход от импортозамещающей индустриализации к экспортоориентированной.

Начался этот переход с Сингапура; так, к началу 1970-х годов туда переместилось большинство мирового офшорного производства полупроводников. В Малайзии в 1970–93 гг. доля промышленного экспорта выросла с 12 до 74% (с. 39). Экспорт региона превысил ВВП. Осуществлялось это во многом за счет сборки импортированных компонентов. Экспортоориентированная индустриализация принесла рост и занятость, но не была зеркальным отражением опыта Северо-Восточной Азии. В последней экспорт развивали местные компании, тогда как правительства блокировали иностранные инвестиции. Правда, новый курс не решил проблем Юго-Восточной Азии. Он сдал дешевый труд региона в аренду многонациональным компаниям, которые осуществляли аутсорсинг процесса производства, сохраняя исследовательскую деятельность и развитие в более продвинутых странах. К 1990 г. в Сингапуре почти 9/10 прямого экспорта приходились на долю предприятий с зарубежными инвестициями, которые использовали город-государство как производственную площадку. Способности мелких фирм, снабжающих многонациональных инвесторов деталями и услугами, подняться по ценностной цепочке мешают малые размеры. Магнаты такими размерами и доступом к капиталу располагают, но редко заинтересованы работать в экспортном секторе.

Экспорт — глобально конкурентный бизнес. «Крестные отцы» выигрывают в использовании неэффективности местных экономик Юго-Восточной Азии. Их выигрыш от экспортоориентированной индустриализации является немаловажным, но косвенным: производимый ею рост подкреплял отношения между политическими и экономическими элитами и облегчал давление с целью дерегулировать экономики. Когда экспорт двигал экономику региона, проекты общественных работ без тендеров и решаемая за закрытыми дверями приватизация были политически намного более выполнимы. Это был макроэкономический фон высокомерия конца 1980-х – 90-х годов, когда магнаты поздравляли себя на конференциях и в СМИ за то, что сделали Юго-Восточную Азию процветающей, в то время как в действительности это заслуга работниц конвейеров на экспортных фабриках.

Когда в послевоенную эпоху профсоюзы и национализм были обузданы новой группой авторитарных лидеров, было удивительно, как они не только вернулись к колониальным моделям взаимодействия с предпринимателями из этнических меньшинств, но и во многих случаях укрепили их. Для магнатов актуальной задачей стало приспосабливаться. Хотя в Таиланде в 1932–2006 гг. произошло 18

переворотов, новые хунты и правительства редко выступали против магнатов. Последние же научились поддерживать все группировки.

В Индонезии в 1960-е годы дисконтинуальности в «крестных отцах» было больше, чем в Таиланде. После хаотической национализации иностранного бизнеса, репатриации десятков тысяч китайцев в 1960 г. и резни коммунистов 1965 г. Сухарто повернулся к китайским предпринимателям, с которыми был знаком. В результате горстка относительно неизвестных бизнесменов поднялась на самый верх. Важнейшими были Мохамад «Боб» Хасан и Лем Сёй Лён (Судоно Салим). Отношения с дружками-бизнесменами были для Сухарто тем важнее, что поначалу его позиции были хрупкими. Со временем к китайцам добавилось небольшое количество индийских и ланкийских предпринимателей. На Филиппинах схожую политику проводил другой узурпатор — Маркос. Архетипом его дружков-предпринимателей стал Лусио Тань, который сделался ведущим табачным предпринимателем страны. Тань был представителем «односложовых китайцев» — тех, кто не ассимилировался и не принял местные фамилии. Продвижением новых аутсайдеров диктаторы достигали двух целей: получали зависимые и лояльные источники финансов и предостерегали устоявшуюся экономическую элиту, что она не является незаменимой.

В Малайзии политика поддержания *бумипутра* (коренных жителей) после беспорядков 1969 г. не могла замаскировать «политический бизнес» на уровне элит. Сельские бумипутра оставались бедняками, тогда как китайские и индийские «крестные отцы» обогащались еще более. Расовая геттоизация сохранялась, в том числе потому, что неизбежной ее считал восходящая политическая звезда 1970-х годов Махатхир Мохамад. Став премьер-министром в 1981 г., он стал покровительствовать небольшой группе китайских и ланкийских тамильских бизнесменов.

Когда Ли Куан Ю стал в 1959 г. премьер-министром Сингапура, у местных «крестных отцов» возникла проблема: новый лидер не любил частных предпринимателей. С расширением роли государства возможности приобретать акции в картелях или монополиях сократились. Вместе с тем Ли не собирался позволять простолюдинам подрывать стиль жизни — свой или «крестных отцов». Он подавил недовольство и приручил профсоюзы. Некоторые магнаты, такие как банкиры Ли Кон Чань и Ви Чо Яу, поладили с новым лидером. В Гонконге после войны громко призывали расследовать деятельность магнатов, которых считали коллаборационистами, и даже судить их. Однако у британцев не было замены англизированной китайской и евроазиатской элите, и местным редакторам газет велели оставить истории о сотрудничестве с японцами в покое. Группа магнатов со своими британскими коллегами — лидерами колониальных конгломератов (*хонов*) заблокировала планы метрополии ввести демократию. Возник Законодательный совет, в котором заправлял крупный капитал. Политическая активность была для гонконгского магната весьма важной. Он обслуживал интересы свои и колониальных властей, называя это «общинным лидерством». Так, в конце 1960-х годов магнаты помогли властям успокоить население на фоне «культурной революции» в Китае.

О социальных и культурных истоках магнатов Юго-Восточной Азии существует только одно исследование — книга американского ученого Уильяма Скиннера о китай-

ских «крестных отцах» Таиланда[3]. Автор обнаружил, что они занимают промежуточное положение между китайской иммигрантской общиной, которую пытаются представлять, и тайской политической элитой, в которую они аккультурированы для продвижения бизнеса. Главный вывод состоял в том, что большинство предпринимателей были менее «китайцами» с точки зрения языка, обычаев, образования, чем ожидалось. Для прояснения сути отношений магнатов с китайской общиной У. Скиннер предложил концепцию «лидерства с периферии»: «крестные отцы» руководили своими общинами посредством богатства и влияния, несмотря на культурную дистанцированность.

«Крестные отцы» в самом деле имеют множественные идентичности. Пример — Генри Фок из Гонконга. Он учился в элитной школе, где стал англизированным, продолжил аккультурацию своей семьи, послав сыновей в английскую публичную школу Миллфилд. Однако когда часть британского истеблишмента отвергла его из-за контрабанды в годы Корейской войны, а Пекин вознаградил его за то же самое монопольной торговой концессией, он возродился как китайский националист. «Ролевая игра, которая является неотъемлемой частью жизни “крестных отцов”, возможно, объясняет чувство небезопасности, которое, похоже, их преследует. Одна грань этого — одержимость статусом. Азиатские “крестные отцы” коллекционируют и демонстрируют “медали” — почетные звания, докторские степени и т.д. — с рвением, которое может посрамить западных миллиардеров. Стэнли Хо, например, настаивает, чтобы подчиненные всегда обращались к нему “доктор Хо”; Генри Фок настаивал на обращении “доктор Фок”» (с. 50)[4].

Однако кризис идентичности «крестных отцов» не ограничивается почетными званиями. Бросается в глаза частота, с которой они обращаются в христианство. Томас и Рэймонд Куоки из Сунь Хун Кай в Гонконге, Кху Кай Пэн из Malaysia United Industries, семья Сурьяджая из группы «Астра» в Индонезии — лишь некоторые примеры многих обращенных в христианство миллиардеров региона. Некоторые из тех, кто знает китайских магнатов хорошо, скептичны относительно их религиозных верований, но это не отвечает на вопрос о том, почему значительную часть магнатов привлекает евангелическая религия. Она позволяет им иметь веру там, где их повседневная жизнь не располагает к этому вовсе. К тому же азиатских политиков религия не тревожит, в то время как иметь независимые политические или социальные взгляды чревато.

Также выражением чувства небезопасности китайских «крестных отцов» выступает одержимость проявлением «китайскости» и евгеникой. Когда в 1980-е годы Сингапур стал процветать, а Китай открылся, Ли Куан Ю объяснял успех своего города-государства в терминах конфуцианской культуры и «азиатских» ценностей. Поиски им идентичности привели его также к симпатиям к расистским теориям евгеники, популярным в эдвардианской Англии. Понять психологическое давление на человека, который зажат между двумя культурами, нетрудно. Типичный «крестный отец» должен быть полиглотом, который может развернуть более одной культурной идентичности. Как правило, он говорит на двух-трех региональных китайских языках — кантонском и еще двух, а также на мандаринском, английском, язы-

[3] Skinner G.W. Chinese Society in Thailand: An Analytical History (Cornell University Press, 1957); Skinner G.W. Leadership and Power in the Chinese Community of Thailand (Cornell University Press, 1958).

[4] Стэнли Хо умер в мае 2020 г.

ке своей юго-восточноазиатской страны, а возможно, немного на японском, который освоил в годы войны. Так, Ли заботило, что его китайский не так хорош, как английский. Заботит это многих китайцев, получивших британское образование.

В довершение всего этого дискомфорта существуют расовые предрассудки, которыми страдали представители старшего поколения «крестных отцов» в колониальную эпоху. Так, монахини в монастырской школе, где учился Роберт Куок, говорили ему, что посещения его семьей буддийских святилищ — вид поклонения дьяволу.

Там, где анализ успеха таких людей коренится в их космополитичности, сами они искали монокультурное объяснение принадлежности к китайскому народу и культуре. Для их детей, многие из которых женаты и замужем за некитайцами, это может быть неудобным. Важнее, однако, то, что «крестные отцы» занимаются двойным самообманом. В-первых, они представляют, будто история экономического развития Юго-Восточной Азии определяется китайцами, в то время как на деле — вообще иммигрантами. Во-вторых, они избегают того факта, что обычно они имели перед иммигрантами практические преимущества. Лишь пятую часть «крестных отцов» можно назвать людьми, которые сделали себя сами.

Представить себя таковыми «крестные отцы» стремятся давно. Режимы Сухарто и Маркоса действительно произвели ряд таких миллиардеров, когда диктаторы делали незнакомцев-аутсайдеров доверенными сообщниками. Однако в более устоявшемся политическом климате это не было нормой. Если существует классовый стереотип «крестных отцов», то это быстро обогащающаяся экономическая аристократия. Китайская пословица говорит о богатстве трех поколений: одно поколение наживает его, другое сохраняет, третье теряет. Опыт последних ста лет указывает на череду четырех поколений, в которой первое создает ядро капитала, которое второе поколение со связями с политической властью превращает в крупное состояние. Третье поколение пытается удержаться за весьма широкий спектр имущества, что отражает уникальную личность и связи отца. К четвертому поколению нехватка рвения, упадок связей и слабости бизнеса, основанного на семье, а не на профессиональном менеджменте, приводят к обрушению здания.

И всё же у магнатов существует традиция мифологизировать свое скромное происхождение и борьбу с нищетой. Богатейший магнат Азии Ли Кашин культивировал свой образ как сына школьного учителя, который в 1940 г. приехал в Гонконг без гроша. В действительности он ходил в школу два года, затем стал работать на богатого дядю, а впоследствии женился на дочери начальника. Без Маркоса или Сухарто азиатские «крестные отцы» не являются продуктами высокой социальной мобильности. Однако представлять себя таковыми важно для их личной гордости и поддержания авторитарных политических структур и несвободных рынков в регионе, что ограничивает возможности для многих других талантливых предпринимателей.

Еще более запутывает популярный образ магнатов их репутация бережливых предпринимателей. Отчасти она оправданна, но отчасти создана на публику. Так, Ли Кашин любит напоминать, какие дешевые наручные часы он носит и какую невысокую зарплату в своих государственных компаниях получает (всего 10 тыс. гонконгских долларов в Cheung Kong Holdings в 2005 г.) (с. 56). Однако никогда не упоминается, что в Гонконге налог взимают с зарплаты, а не с дивидендов. Так, Ли Ша-

уки 20 лет получал 150–300 млн. долл. США в виде дивидендов от своей компании «Хендерсон» (с. 56). Сферой секретной расточительности магнатов выступают азартные игры.

В семейном бизнесе «крестные отцы» держатся патриархальных традиций, требуют полного подчинения от родственников и обеспечивают его разными средствами. Среди самых эффективных — обеспечивать лояльность детей и других родственников перспективой обширного наследства, одновременно стесняя их в наличных. Роберт, старший сын крупнейшего сингапурского землевладельца Ын Тэнфона, и в 2000-е годы жил в квартире, арендованной у своей компании Sino Land, и владел ее акциями всего на 1 млн. долл. США (с. 57). Каждый день его отец звонил и проверял наличные счета компании.

Наконец, компонентом жизни «крестного отца» является секретность. Средний китаец вообще скрытен, а люди с такими занятиями — тем более. Вместе с тем они любят давать интервью. Посетитель часто замечает, что приемные корпоративных начальников заполнены нарциссической литературой. Отчасти причина оставаться в тени состоит в том, что несколько десятилетий в Юго-Восточной Азии проблемой были похищения предпринимателей. Острее всего стоит она на Филиппинах, где происходит более сотни похищений в год (с. 61). В середине 1990-х годов, с прибытием связанных с триадами банд с материка, похищения участились в Гонконге.

«История азиатских “крестных отцов” всегда была историей людей, которые могли приспосабливать свои идентичности подобно хамелеонам. Это требовало этническое разделение политической и экономической власти. Этого требовал колониализм. Совсем недавно этого для этнических китайских магнатов потребовало новое появление Китая с его манипулятивными призывами к “патриотическим” заморским китайцам. Магнат давно привык “втиснуться”, как того требует необходимость» (с. 62). На некоем уровне это часть «игры» азиатского бизнеса, и магнаты сами о ней упоминают. Когда получена концессия или заключена сделка, игра приносит немало радости. Однако искажения идентичности, которыми приходится платить, не способствуют спокойствию духа «крестных отцов». Многие находятся в поисках истинной идентичности. Особенно это очевидно для большого числа аутсайдеров, которые породнились с семьями китайских «крестных отцов» за последние полвека. Пример — австриец Хельмут Зомен (Sohmen), женившийся на старшей дочери гонконгского судового магната Пао Юэкона Анне. Он как-то заметил: еще одно поколение, и, возможно, люди не будут задумываться, что означает быть китайцем.

Сказки «из грязи в князи» часто вводят в заблуждение, так как подразумевают, что средний «крестный отец» имеет опыт реальной жизни. В действительности магнаты оторваны от реальности. Некоторые гонконгские миллиардеры не знают, какая бедность существует в городе.

В сердце империи «крестного отца» находится концессия или лицензия, которая дает старт монополии или олигополии. Полдесятка богатейших людей Гонконга и Малайзии финансируют расширение своих конгломератов доходами от игорных монополий. Богатейший житель Малайзии (после того, как в 1970-е годы Роберт Куок перебрался в Гонконг) Ананда Кришнан — владелец недвижимости, телекоммуникаций и СМИ, построивший 88-этажные башни-близнецы «Петронас» в Куала-Лумпуре. Почти 20 лет он опирался на стабильный приток наличных от мо-

нополии на ставки на скачках. Самые ранние монополии и картели в странах региона после независимости занимались импортом и торговлей пищевыми продуктами. Предоставление государством лицензий было нацелено на обуздание спекуляции и стабилизацию цен. Однако в конечном счете подавление конкуренции привело к гарантированному притоку наличных, который подпитывал магнатов десятилетиями. Роберт Куок в Малайзии был главным, кто получил выгоду от политики ограничения импорта очищенного сахара и муки. На Филиппинах одним из ведущих монополистов при Маркосе был Эдуардо Кохуангко. О малых размерах элитного мира, в котором циркулируют деньги и власть в Юго-Восточной Азии, напоминает то, что происходит он из той же землевладельческой семьи, что и Кори Акино, чье движение «народной власти» свергло Маркоса в 1986 г.

Неприкрытые монополии, которые раздавали Маркос и Сухарто, маскируют почти повсеместное присутствие в регионе монополий, картелей и контролируемых рынков. Пример — Гонконг, хотя на него регулярно указывают как одну из самых свободных экономик в мире. Через неделю после возвращения Гонконга Китаю в 1997 г. нобелевский лауреат Милтон Фридмэн посетовал: «Если бы только США были так свободны, как Гонконг» (с. 68). Такие утверждения отражают статус Гонконга как свободного порта, но совсем другое дело — его внутренняя экономика, где заправляют «крестные отцы».

Появились картели в Гонконге в колониальный период. Самый известный из них доминирует на рынке недвижимости и выступает источником богатства каждого местного миллиардера. После Второй мировой войны власти продавали землю с аукциона по всё более высоким ценам. Любой, кто приобретал не предназначенную для строительства землю, должен был в случае застройки уплатить авансовую конверсионную премию. В результате с рынка вытеснялись мелкие игроки и люди без связей с крупными британскими банками. В Гонконге нет закона о конкуренции, и «крестные отцы» этим пользуются. Гонконгский порт, самый занятой в мире, имеет самые высокие в мире цены пользования контейнерным терминалом, несмотря на то что трудовые издержки много ниже, чем в странах со сравнимым ВВП на душу населения. В терминале преобладают большие игроки рынка недвижимости, лидером которых выступает компания Ли Кашина Hutchison. Другие гонконгские картели действуют в сфере супермаркетов, где PARKnSHOP Ли Кашина и Wellcome Джардина контролируют около 70% бакалейной торговли (с. 70). Показательно, что каждый крупный бизнес Гонконга, в котором действует Ли Кашин, имеет характеристики картеля — недвижимость, порты, энергетика, цемент и т.д.

До начала XXI в. единственной другой развитой экономикой в мире без закона о конкуренции был Сингапур. Такой закон там приняли в 2004 г. Однако значительные сферы внутренней экономики — электричество, газ, водоснабжение, телекоммуникации и т.д. — контролируются государственными компаниями и не подлежат регулированию. Совсем не ясно, станет ли местная конкуренция в Сингапуре свободнее, чем в Гонконге. В обоих городах проявляется контраст между глобально конкурентными внешними экономиками (экспортных производителей) и лелеемыми внутренними (магнатов). Например, банки могут легко заставить клиентов из числа мелких бизнесменов стоять в очереди час, а затем взять с них плату, неслыханную в других развитых экономиках.

Большую роль в получении лицензий играют взятки. В Гонконге и Сингапуре отношения бизнесменов с политической властью давно отрежиссированы, чтобы избежать видимости прямого столкновения. В Гонконге для этого существуют Законодательный и Исполнительный советы, в действительности заполненные неизбираемыми представителями крупного капитала. В других странах связи между бизнесом и политикой грубее. Сухарто использовал для сбора взяток на миллиарды долларов благотворительные фонды (*яясан*). Однако если «крестный отец» хочет выжить, его расчеты должны быть много сложнее, чем просто выплаты ведущему политику. Как показало свержение Сухарто, немало магнатов поплатились за то, что клали все яйца в одну политическую корзину. Неслучайно два богатейших малазийца Роберт Куок и Ананда Кришнан — мастера в том, чтобы предоставлять всем политикам любые услуги.

Для обозначения роли, которую личные связи с политиками играют в продвижении, в Азии часто используют китайский термин *гуаньси*, означающий связь или отношения. Это понятие подразумевает, что можно платить и принимать взятки. В Китае этим термином злоупотребляют из-за размеров и сложности страны, которые не соответствуют идее поисков и «подмазывания» верного человека. Иностранные предприниматели, которые этого не понимают, тратят много времени в Пекине, пытаясь войти в доверие к национальным политикам, тогда как те обычно бессильны предоставить требуемые концессии.

Юго-Восточная Азия в этом смысле — намного более мир гуаньси. Причиной тому — колониальное наследие и традиционное разделение коренных политических и аутсайдерских экономических элит. «Крестные отцы» предоставляют развлечения и подарки в крупном масштабе. Когда политические лидеры или члены их семей едут за границу, дома, гостиницы и служащие магнатов в их распоряжении. Так, Ананда Кришнан, который внимательно относится к частной жизни политиков и их детей, владеет частным самолетом, яхтой и домами в Швейцарии, Австралии и Лондоне. В Малайзии является нормой вознаграждать семьи из правящей партии УМНО и людей из окружения султанов пакетами акций и директорскими постами. Когда в 2003 г. Махатхир неожиданно уступил место Абдулле Бадави, Роберт Куок сумел выдвинуть своего топ-менеджера Лим Чи Ва, который строил отношения с Бадави со времени учебы в Университете Малайя. Когда другие предприниматели попытались оспорить почти полную монополию Куока насахар, новое правительство отвергло призывы к реформе.

В то время как юго-восточноазиатская система коррумпирована, она эффективнее тех, которые существуют в обществах, где власть имущие стремятся взимать с бизнеса ренту. Юго-Восточную Азию нельзя сравнивать с клептократиями, которые разрушили многие страны Африки. В большинстве случаев политики продают государственные ресурсы и экономические права частным предпринимателям и в бизнес не вмешиваются. Когда азиатские деспоты ведут себя подобно африканским клептократам, схожими являются и результаты. Пример — прогрессировавшее потакание Сухарто желаниям своих детей в последний десяток лет его правления. Задолго до того, как Таксин Чиннават стал премьер-министром Таиланда, два историка спросили его о размере стандартного отката в связанных с правительством проектах в стране. Он отвечал, что норма составляет 10%, но в очень крупных проек-

тах может снизиться до 3–5% (с. 76–77). Неслучайно жену Сухарто госпожу Тин в бизнес-кругах звали Тин Процент (Tien Per Cent). Крупнейший судовладелец Индонезии Сударпо Састросатомо назвал фонды, которые использовал Сухарто для сбора откатов, «параллельной налоговой системой».

В Индонезии и Малайзии практика продажи концепций и лицензий плавно перешла из колониального периода в независимый. При голландцах знать прияи всегда располагала пригодными для продажи рентами, имуществом и властью. Еще характернее это для Малайзии, основная часть которой формально не была колонией. Так, ранние сделки Роберта Куока с недвижимостью опирались на отношения не с британцами, а с султанской семьей Джохора.

Вокруг взаимодействия «крестных отцов» друг с другом выросла мифология «бамбуковой сети». Такая сеть якобы обеспечивает их общерегиональной паутиной сотрудничества, уникальной для их культуры. Аргументом служат совместные инвестиции китайских магнатов. Однако теория «бамбуковой сети» вводит в заблуждение. На деле магнаты вынуждены инвестировать вместе из-за среды, в которой работают. Основанные на лицензиях экономики требуют инвесторов, которые пересекают границы в поисках политически влиятельных партнеров; сотрудничества требуют и картели. К тому же китайские магнаты соинвестируют с некитайскими. Иллюстрация — отношения Лем Сёй Лёна и Роберта Куока. Впрочем, присутствует в отношениях магнатов и недоверие. Азиатский бизнес — мир жесткой конкуренции, в котором «крестные отцы» борются за ограниченный объем политического патронажа.

Насколько интенсивно работает «крестный отец»? Тун Чихуа, сын судовладельца, который после перехода Гонконга к КНР стал первым главой его администрации, заявил, что работа в течение всей жизни по 16–18 часов в день заставила его уйти с высшего правительственного поста. Несомненно, «крестные отцы» трудятся немало. Однако их работа скорее сродни работе не топ-менеджера, а перегруженного председателя: они разрабатывают стратегию, но ее выполнение и детали поручают другим. Много времени они тратят на то, чтобы украсить свои кабинеты фотографиями себя в обществе политиков, организующими игры в гольф, отправляющими подарки по всему миру. Гольф — базовый ингредиент социальной жизни магнатов. Более всего другого это «смазочный материал» азиатского крупного бизнеса, а значит, часть работы. Другим таким материалом выступает посещение свадеб и похорон бизнес-партнеров и политиков — то, что гонконгцы называют «делать красное и белое» (красный — цвет китайских свадеб, белый — похорон). В том же ряду стоит осуществление бизнеса за едой и организация бесконечных вечеринок и приемов.

Вот типичный день из жизни богатейшего магната Азии Ли Кашина. Он встает раньше шести утра, едет играть в гольф на девятилуночном поле и успевает на чай к семи. Играть он может с другими миллиардерами, живущими недалеко от Гонконгского гольф-клуба, с одним из своих топ-менеджеров или с новым партнером. В офис в 70-этажном Cheung Kong Centre Ли приезжает к десяти, просматривает прессу в поисках сведений о себе или своих компаниях. Говорит по-английски, но читать предпочитает по-китайски, поэтому относящиеся к делу фрагменты англоязычных газет к его приходу переводят. Может поговорить с менеджерами или

вызвать кого-то из них. В 11.30 готов к массажу, затем вновь занимается административными делами, в час дня ланч. Домой едет в четыре, в пять еще один массаж, потом, возможно, игра в карты с бизнес-партнерами в 6.30. За этим следует бизнес-обед, а в десять часов Ли ложится спать.

В большинстве бизнесов есть человек, которого можно назвать «главным рабом». Это первый человек, кого зовет «крестный отец», когда чего-то хочет. В случае Ли это Каннинг Фок. Работает он усердно, но и вознаграждается хорошо: зарабатывает около 15 млн. долл. США в год. Зато такие люди не делают ничего, кроме служения и подчинения хозяину. Фок редко ложится спать раньше двух ночи, а в офис возвращается за несколько часов до Ли. Те, кто знают «главных рабов» близко, говорят, что мотивирует их не только зарплата, но и чувство власти и близости к «крестному отцу».

«Главный раб» почти по определению — азиат, из той же этнической группы, что и магнат. Однако другой персонаж в окружении магната — этнический аутсайдер, часто европеец или американец. Существует историческая симметрия: в колониальную эпоху западные банки и торговые дома зависели от компрадоров, положение которых было весьма прибыльным. Современный «крестный отец» не так зависит от аутсайдеров: он намного космополитичнее, часто учился за рубежом и обычно говорит по-английски. И всё же аутсайдер по-прежнему — важный компонент успеха крупного капитала в Юго-Восточной Азии. По мере роста могущества «крестные отцы» всё больше нуждались в знаниях о мировом рынке и мировом капитале. Так на сцену вышел тот, кого можно назвать лакеем-гуэйло (от кантонского «человек-призрак»), что служит в регионе эвфемизмом для иностранца.

Одним из ранних лакеев-гуэйло был выходец из Британии Чарлз Леттс, который сражался в рядах группы коммунистов в гражданской войне в Испании и вместе с тайскими коммунистами в годы Второй мировой войны. После войны он работал в фирме Джардина и Мэтисона в Сингапуре и Малайе. После независимости Леттс разочаровался в том, что британский хон не приспособился к новой предпринимательской среде. Он сдружился с возникающими местными магнатами и имел дела с сыном малайско-китайского оловодобытчика Ли Лой Сена, который двигался в плантационный бизнес. Последний стал крупнейшим частным плантатором в Малайзии, а Леттс ездил в Лондон вести для него переговоры. У Роберта Куока работали иракский еврей Джейкоб Баллас, британец Пол Буш и вестернизованный китаец с Суматры Пит Яп. Правда, семейный бизнес относится к аутсайдерам и особенно гуэйло подозрительно. Исключением выступает Ли Кашин, у которого работает немало европейских и североамериканских менеджеров. Он — воплощение «крестного отца» как космополитичного манипулятора. У него работали Филип Тоуз, Алан Джонсон-Хилл, Саймон Маррей. Именно искусство управлять людьми содействовало тому, что Ли стал, согласно большинству оценок, богатейшим из «крестных отцов».

«В целом “крестные отцы” могут внести мало вклада в корпоративную науку управления человеческими ресурсами. Своим главным рабам и лакеям-*гуэйло* они платят хорошо, поскольку такие люди принадлежат к кадрам глобальных торговцев-менеджеров. Однако основная часть персонала в их ветвистых организациях — немногим более корпоративного пушечного мяса, причем их зарплаты до-

полнительно ограничиваются в Юго-Восточной Азии долгосрочным подавлением профсоюзной деятельности и импортом более дешевой рабочей силы из-за рубежа, когда того требует крупный капитал (индонезийцев в Сингапур, материковых китайцев в Гонконг и т.д.). Бизнесы "крестных отцов" нацелены на обретение доли монополии, а затем уменьшение издержек, а не на наем лучших людей, чтобы бросать вызовы на свободном рынке. В сравнении с многонациональными компаниями системы менеджмента относительно немногочисленны и непрозрачны. Значение имеет воля Большого начальника. В сердце бизнеса каждого магната находится батарея секретарей, главный раб и фаланга нервных управленцев, ждущие очередной инструкции одного непредсказуемого человека» (с. 93).

В дополнение к олигополистическим лицензиям и концессиям у «крестного отца» есть второй ресурс, без которого не обойтись, — доступ к капиталу. В постколониальную эпоху капитал стал впервые доступен местным предпринимателям благодаря трем процессам.

Во-первых, изменилась ссудная практика банков. Европейские и американские банки мало заботились о ссудах азиатскому бизнесу. В регионе существовал ряд небольших банков под контролем китайцев и тайцев, но они были весьма консервативны. Большинство местных предпринимателей обращались к индийским ростовщикам с их грабительскими процентами. Однако в 1950-е годы ситуацию стал менять агрессивный менеджмент в Бангкокском банке Чина Софонпанича и в Гонконгско-Шанхайском банке. Правда, в начале 1980-х годов дела Софонпанича пошли под откос. Он был достаточно космополитичен, чтобы выступать банкиром для всех китайцев, но недостаточно, чтобы создать подлинно азиатский, а затем мировой институт. В отличие от контролируемых семьями британских хонов владение Гонконгским банком было распылено (акционер не имел права держать более 1% акций), а менеджеры могли подняться до самого верха. До середины 1990-х годов этот банк фактически выступал центробанком Гонконга. Оба крупнейших гонконгских магната послевоенной эпохи — Пао и Ли — смогли занять свои высоты благодаря Гонконгскому банку. Выгода была обоюдной: банку это обеспечило преобладающие позиции в городе-государстве в течение всего послевоенного периода. В Сингапуре доступ к большинству капитала определяют четыре крупных банка. Отличие в том, что за всеми прямо или косвенно стоит одна семья — Ли. Это государственный Сингапурский банк развития и три банка, которыми управляют англизированные семьи, — Банковская корпорация заморских китайцев, Объединенный заморский банк и Заморский союзный банк (в 2002 г. был поглощен вторым). В результате местные «крестные отцы» сознают необходимость хороших отношений с семьей Ли.

Во-вторых, магнаты просили политических спонсоров позволить им завести собственные банки. Это была дорога к финансовой катастрофе, но правительства всё же на нее вступали. Частично причиной была слабость государственных банков, которые всегда, казалось, падали жертвой коррумпированной манипуляции. Конечно, раздача банковских лицензий стала источником крупных взяток. Тон был задан на Филиппинах. В Индонезии до азиатского финансового кризиса было не менее 240 банков (с. 105). Каждый крупный бизнес и многие более мелкие располагали своим банком, что привело к оргии кредитов лицам, связанным с организациями. Это, в свою очередь, дало толчок обрушению финансовой системы в 1997 г.

В-третьих, происходил рост рынков капитала в регионе. Паника, которую магнаты посеяли злоупотреблениями частными и государственными банками, была усилена необычной зависимостью региона от банковских финансов. До кризиса на банковские займы приходилось от половины до 4/5 всего финансового капитала Юго-Восточной Азии (в США всего 1/5) (с. 107). Финансовая система была бы много безопаснее, если бы была диверсифицирована на банки, акции, облигации, лизинг и другие инструменты, как в Европе и Америке. Так, рынки акций в регионе быстро расширялись с 1980-х годов, но всё еще были относительно небольшими и подверженными манипуляции со стороны внутренних игроков. Рынки облигаций по значению достигали всего 1/10 в сравнении с развитыми странами, так как для экономической аристократии региона было слишком легко забирать деньги из банков.

Чрезмерная роль банков в экономике Юго-Восточной Азии помогает объяснить, почему, несмотря на высокий экономический рост, в регионе такая невысокая прибыль на рынке долгосрочных акций? Отчасти объяснение — в изобилии сбережений в банках, что снижает стоимость привлеченных средств заемщиков и общий доход на капитал. Вся Азия страдает от высоких норм сбережения и раздутых банков, что снижает доходы на рынке акций. Долгосрочные доходы на ценные бумаги невысоки даже на Тайване и в Южной Корее, но в Юго-Восточной Азии ситуация хуже. Зачем усердно работать над увеличением цены акций компании и выплатой дивидендов, когда весь капитал доступен по близкой к нулю процентной ставке в банке, правление которого ты контролируешь?

К тому же множество зарегистрированных компаний не отражает реальной экономики. Это необычно: в Японии, Южной Корее и на Тайване (не говоря о Лондоне и Нью-Йорке) имеются развивающие технологии экспортные компании, которые торгуют на собственных биржах наряду с банками, страховыми компаниями и дистрибьюторами. Однако в экспортном секторе Юго-Восточной Азии преобладают многонациональные компании и мировые дистрибьюторы без регистрации (listings) на родине. На рынках региона доминируют несколько крупных игроков в сфере сервиса и строительства, то есть «крестные отцы». Это так даже в случае Гонконга, который может похвастаться несколькими глобально конкурентоспособными предприятиями (как Гонконгско-Шанхайский банк).

В довершение всего «крестные отцы» не останавливаются перед присвоением имущества миноритарных акционеров. Основным механизмом экспроприации таких акционеров служит паутина-конгломерат, через которую «крестный отец» осуществляет огромную, но непрозрачную власть над множеством разных компаний. Значительную часть его деятельности составляет взаимодействие между его разными компаниями (которых могут быть сотни). После финансового кризиса Всемирный банк провел исследование более 2500 азиатских государственных компаний (Япония, Южная Корея, Юго-Восточная Азия) и пришел к выводу, что восемь крупнейших конгломератов, по сути, контролируют более четверти всех зарегистрированных компаний, тогда как верхние 22 конгломерата контролируют треть (с. 113). В восемь конгломератов входили шесть японских индустриальных объединений (*кэйрэцу*) и группы Ли Кашина и «Сайм Дарби» (Малайзия). Исследователи обнаружили, что контроль в конгломератах осуществляется через пирамидаль-

ные структуры, которые создают уровни контроля, непропорциональные владению акциями. Например, компания на вершине пирамиды может владеть 50% компании X, которая, в свою очередь, владеет 40% компании Y, а та — 30% компании Z. В результате конгломерат имеет в компании Z всего 6%, но целых 30% голосов (с. 113–114). Исследователи заключили: концентрация экспроприации в нескольких группах, которые манипулируют политической системой нации, означает, что ключевой вопрос — политическая воля наблюдать за соблюдением законов. Неслучайно карьера Ли Кашина — серия часто необъяснимых исключений из правил рынков акций. Важную роль в этом играли его связи с Гонконгским банком, о председателе которого в колониальную эпоху говорили, что он могущественнее губернатора.

Политическая поддержка, которой пользуются «крестные отцы» в регионе, бывает двух видов. Упреждающая поддержка имеет место, когда магнатам дарują определенные преимущества. Реагирующая поддержка имеет место, когда политики вмешиваются для защиты связи между политическими и экономическими элитами. Классический пример произошел в 1987 г., когда сын сингапурского миллиардера Ын Тенфона Роберт Ын дико спекулировал на гонконгском фьючерсном рынке, а в октябре рынок рухнул. У Ына остались 12 тыс. фьючерсных контрактов с обязательствами на общую сумму более 1 млрд. гонконгских долларов (с. 115). Бюро по коммерческим преступлениям Гонконга нашло свидетельства о сговоре Ына с одной из фирм — брокеров по фьючерсным контрактам, который позволил ему после краха не платить маржу. Однако на череде встреч правительственных чиновников было решено, что преследование Ына чревато потерей стабильности рынка в целом; причину так и не объяснили. К счастью для «крестных отцов», Юго-Восточная Азия — не Нью-Йорк, и наглое обращение с мелкими инвесторами и общественностью проходит как обычный бизнес.

«Крестные отцы» — симптом состояния Юго-Восточной Азии в той же степени, в какой и причина. К азиатскому финансовому кризису привели четыре мощных и взаимоусиливающих тренда. Во-первых, к 1980-м годам правительства стран региона стали подражать Сингапуру и Гонконгу и повели внешнеторговую политику, которая приносила неоспоримые выгоды. Импортозамещение вытеснила экспортоориентированная индустриализация — увязшая в трясине арбитража и коррупции «крестных отцов». Это совпало с родовыми муками эпохи глобализации. Было немало многонациональных компаний, которые стремились переместить производственные операции в развивающиеся страны. В результате в 1986–95 гг. экспорт Таиланда, Малайзии и Филиппин рос на 4–10% в год (с. 126).

Во-вторых, после Второй мировой войны достиг пика рост населения региона, и к 1980-м годам полчища молодежи искали работы.

В-третьих, росли нормы сбережения. Всё больше людей выходили на рынок труда и сберегали всё большую часть своего дохода. Сберегали и правительства, у которых редко случался бюджетный дефицит. В результате внутренние сбережения в соотношении с ВВП взлетели до 30% в Гонконге и Индонезии и превысили 45% в Сингапуре (с. 126). Если в середине 1960-х годов норма сбережения в Юго-Восточной Азии соответствовала латиноамериканской, к началу 1990-х превышала ее примерно на 20% (с. 126). То были деньги, которые до отказа наполнили банки государств и «крестных отцов».

В-четвертых, регион, похоже, имел психологическое преимущество — «медовый месяц развития». В такой период население отличается необычной готовностью верить обещаниям властей постоянно повышать уровень жизни. Когда жителям региона сказали, что профсоюзы мешают росту, а ограничения индивидуальной свободы и СМИ — часть азиатской культуры, они не возражали. Ходили на работу и в целом работали усердно, веря, что за 20–30 лет их страны станут развитыми. Если в 1960–85 гг. средний рост ВВП в Малайзии, Таиланде и Индонезии составлял 6–8% в год, то в 1986–95 гг. — 8–10% (с. 127).

Перечисленные макросилы создали условия для периода растущих заблуждений. Бум основанного на иностранных инвестициях экспорта вносил вклад в экономический рост и обеспечивал занятость, но не избавил Юго-Восточную Азию от неспособности создавать глобально конкурентоспособные компании. Крутая демографическая кривая толкала рост, но затушевывала тот факт, что вызван он был ростом не только производительности, но и трудовложений. Рост нормы сбережений вел к росту инвестиций, но посредником в их сфере выступали банки государств и «крестных отцов», которыми управляли не на коммерческой основе. В середине 1990-х годов рынки акций резко упали, так как выручка корпораций не поспевала за ожиданиями инвесторов, но банки продолжали ссужать деньги. Начал формироваться мир фантазий, в котором каждый верил в свою версию фантазии. В Малайзии Махатхир всё больше времени посвящал разработке картины страны, которую назвал «Ви́дение 2020». В Индонезии Сухарто собирался в 1998 г. в седьмой раз баллотироваться в президенты, взяв вице-президентом Юсуфа Хабиби — осмеянного министра, который растратил миллиарды долларов в попытке создать в стране «третьего мира» авиационную промышленность.

Между тем просматривались негативные тенденции. Во-первых, из-под всякого контроля выходили жадность, коррупция и излишества. Пример — афера с золотыми копями в Бусанге в Индонезии. В 1996 г. канадская компания объявила, будто нашла богатые месторождения золота на Борнео. Старший сын и старшая дочь Сухарто объединились каждый с компаниями-соперниками и просили отца предоставить права на разработку. Посредником между детьми Сухарто призвал своего партнера по гольфу «Боба» Хасана, и тот разделил будущие прибыли на части по 30% (с. 129–130). Всё это попало в международные СМИ, и семья Сухарто предстала наглой и жадной как никогда. В 1997 г. выяснилось, что исходные образцы золота были подделкой, месторождений не было, а аферой управляли мошенники, чтобы повысить курс акций своей горнодобывающей компании в Калгари.

Во-вторых, торговля активами вытесняла производительный бизнес в качестве основы деятельности многих корпораций. В 1994 г. в журнале Foreign Affairs экономист Пол Кругмэн показал, что бóльшая часть азиатского роста происходит из-за роста капитало- и трудовложений, а производительность отстает от таковой экономики США. Автор во многом опирался на сингапурский материал, и Ли Куан Ю сразил апоплексический удар. Всемирный банк жил в мире снов, что отразил его отчет 1993 г. о «восточноазиатском чуде». Банк, похоже, слишком тесно был связан с режимами в странах региона. Его менеджеры почти не выказывали интереса к вопросам институционального управления. Международный валютный фонд, напротив, обращал недостаточно внимания на то, как в реальности ведется рекоменду-

емая им политика. Он не бил тревоги, когда приватизация проводилась без тендеров, а дерегуляция просто заменяла государственные монополии картелями «крестных отцов».

В-третьих, некоторые финансовые институты уже начинали рушиться из-за напряжения. Даже в глобализированном мире внутренние дисбалансы важнее внешних. Утверждать обратное значило бы путать ружье с курком. К середине 1990-х годов Юго-Восточная Азия сделалась большим ружьем, готовым выстрелить. Вопрос о том, что служило курком, является второстепенным, да и удовлетворительно ответить на него невозможно, так как у регионального финансового кризиса курков несколько.

До 1990-х годов инвестиции в Юго-Восточной Азии финансировались в основном за счет внутренних сбережений. Однако в 1993 г. на фондовые рынки региона начался приток иностранной валюты, привлеченной высокими номинальными процентными ставками. Экспортные экономики выиграли от слабого американского доллара и более сильной йены вследствие рецессии в США. Никто не замечал, что этот период ненормален, но на деле экономики региона были слишком хрупкими, чтобы процветать в реальном мире. Усиление доллара и ослабление йены сделали часть регионального экспорта неконкурентоспособным.

К июню 1997 г. Центробанк Таиланда почти исчерпал резервы иностранной валюты. Через две недели правительство отпустило бат в свободное плавание. К концу года 1 доллар США стоил уже не 25, а 50 батов, что удвоило стоимость обслуживания иностранного долга (с. 137). Валюты других стран региона начали испытывать давление, и в течение трех месяцев привязка к доллару была отменена также в Индонезии, Малайзии и на Филиппинах. Фондовый рынок в Джакарте рухнул на 35% (с. 137). В январе 1998 г. бат опустился до 56 за доллар, индонезийская рупия — до 15 тыс., малайзийский ринггит — до 4,8, а филиппинский песо — до 44, что было падением на 45–85% за несколько месяцев (с. 138). В Индонезии инфляция набирала обороты, реальная зарплата падала, и распространялись протесты. В мае 1998 г. Сухарто уехал из страны на десять дней и начались беспорядки в Джакарте, в которых погибли более 1200 человек (с. 140). Силы безопасности действовали в сговоре с преманами, хотя по чьим указаниям и для чего, неясно. Если военные поддерживали Сухарто, насилие было ему на руку, но если они были против него, насилие могло оправдать военный переворот. Вернувшись в Джакарту, президент обнаружил, что военные решительно против него и согласился уйти в отставку.

Летом 1998 г. азиатский финансовый кризис перекинулся на Россию. В августе был девальвирован рубль и приостановлены правительственные выплаты по долгам. Российский кризис имел мало общего с тем, что происходило в Юго-Восточной Азии, но усилил ощущение нездоровой ситуации. В Малайзии Махатхир привязал рынки на короткий поводок, в Гонконге двигались к вмешательству в экономику в сингапурском духе. С сентября 1998 г. валюты региона стали понемногу укрепляться. Правда, связано это было больше не с государственными мерами, а с тем, что рынок приспособил валюты к уровням, соразмерным основным экономическим принципам. Валюты упали до точек, в которых экспортные секторы региона вновь стали конкурентоспособными. Неудивительно, что восстановление толкали не конгломераты «крестных отцов», а экспортеры.

Азиатский финансовый кризис сделал с крупным внутренним бизнесом Юго-Восточной Азии две вещи. Во-первых, он отбраковал или выхолостил некоторых наименее конкурентоспособных «крестных отцов» 1990-х годов. Среди них были те, кого продвигали с «социологическими целями». В Малайзии и Индонезии это были магнаты из числа соответственно бумипутра и прибуми. Китайцы или метисы иногда утверждают, что те провалились, так как были не приспособлены к бизнесу культурно и даже расово. На деле эти люди никогда не проходили через то, через что прошли «крестные отцы»-аутсайдеры. В Малайзии их буквально подобрали на улице, в Индонезии они были детьми Сухарто и их друзьями. Пример в Малайзии — Халим Саад, протеже министра финансов и казначея УМНО Даима Заинуддина, которому в 1990 г. передали контроль над автомагистралью Север – Юг, находившейся в собственности УМНО. В Индонезии падение Сухарто означало, что пришел час расплаты наиболее наглых магнатов. Поскольку Сухарто знал о грешках всей политической элиты, его собственная семья осталась неприкасаемой. По разным оценкам, Сухарто скопили 15–35 млрд. долл. США (с. 145). А вот «Боба» Хасана осудили в 2001 г. за мошенничество; правда, в тюрьме с ним обращались скорее как с гостем, чем как с заключенным.

Во-вторых, азиатский финансовый кризис привел к значительным регуляционным изменениям, хотя некоторые оказались поверхностными. Вследствие этого иностранные прямые инвестиции, а значит и конкурентное давление в «чувствительных» секторах, прежде закрытых для внешних инвестиций (таких как финансовые услуги), выросли и оказали положительное воздействие. Однако кризис не изменил фундаментальной политико-экономической структуры региона. Местные экономики — по-прежнему экономики «крестных отцов», и самые умные и ловкие благодаря кризису лишь укрепились. Пока не изменится система, которая создает экономики магнатов, большинство их останутся неприкасаемыми, как их американские аналоги в начале XX в.

Согласно требованиям МВФ, правительства стран Юго-Восточной Азии были вынуждены упразднить или слить наиболее мелкие и слабые финансовые институты, а также увеличить требования к капиталу. Вливание валюты Центробанками в банки Индонезии и Таиланда сделало правительства этих стран собственниками около половины акций в их банковских системах. Иностранным инвесторам кризис дал новые возможности, что отчасти отражало условия МВФ. Европейские, американские и японские компании увеличили свою долю в совместных предприятиях, а кое-где выкупили их полностью. На эффективность бизнеса это повлияло положительно, хотя для большинства внутренних бизнесов региона глобальная конкурентоспособность неактуальна: ведь их продукция сбывается внутри стран.

Гонконг и Сингапур не испытали давления с целью произвести изменения в банковских системах, поскольку крупные банки давно были ключом к их роли оффшорных финансовых центров; именно в эти два города во время кризиса и устремился капитал. Вместе с тем после кризиса в Гонконге возникло уникальное для региона инвесторское лобби, что частично отражает бóльшие размеры и интернационализацию местного рынка. В Сингапуре ввели намного более жесткое регулирование, зато он сохранил роль убежища для индонезийских «крестных отцов», таких как Лем Сёй Лён и Шамсул Нурсалим. «Кризис подчеркнул истинную природу

Сингапура — скрипучей чистой машины регулирования, которая резко отличается от некоторых весьма сомнительных бизнесов и предпринимателей. Во время кризиса город-государство также исправлял свои установления, что позволило ему оттянуть оффшорные финансы из Швейцарии. Последняя испытывала давление Европейского Союза, которая требовала помочь ей справиться с уклонением от уплаты налогов и отмыванием денег. В то же время морализаторская семья Ли решила санкционировать и выставить на конкурс два обширных игорных заведения, которые — несмотря на значимость "азиатских ценностей" — внезапно сочли необходимыми для роста и занятости» (с. 150).

В других странах региона развитие регулирования корпоративного управления характеризовалась традиционной дихотомией между теорией и практикой. Малайзийская фондовая биржа наложила запрет на займы незарегистрированным холдинговым компаниям. Одним из факторов падения президента Джозефа Эстрады на Филиппинах в 2001 г. был скандал с манипуляцией акциями, в ходе которого президент пытался помешать расследованию.

Менее всего в регионе кризис затронул Филиппины, поскольку в последние годы президентства Маркоса и первые годы после его бегства страна уже пережила почти обвал. Под надзором МВФ и при президентах Кори Акино и Фиделе Рамосе экономика Филиппин избавилась от наиболее грубых черт блатного капитализма. На выборах 1998 г. победил Эстрада, позиционировавший себя как человека из народа, но пользовавшийся поддержкой «крестных отцов» Лучо Таня и Дандинга Кохуангко, а также владельцев незаконного игорного бизнеса. Правда, его президентство закончилось уже в 2001 г., когда его место заняла вице-президент Глория Макапагал-Арройо, благодаря которой власть вернулась в руки истеблишмента.

Однако Эстрада указал на возможности популизма в политике телевизионной эпохи. В Таиланде тот же путь изучал представитель самого слоя магнатов — Таксин Чиннават из ассимилировавшихся китайцев. Он тоже «продавал» себя и свою партию «Тайцы любят тайцев» как политических представителей мелкого бизнеса и сельской бедноты с сильным националистическим оттенком. Победив на парламентских выборах 2001 г., Таксин вознаградил пятерых важнейших сторонников из числа крупного бизнеса постами в кабинете. Правда, предвыборные обещания он стал выполнять: поощрял кредитование крестьянства и использовал квазифискальные финансовые меры для увеличения государственных расходов без краткосрочного перерыва в государственном заимствовании. Однако Таксин не оправдал ожиданий «крестных отцов» и обращал мало внимания на оппозицию среднего класса в Бангкоке. Это открыло дорогу для вмешательства военных в 2006 г. Переворот означал возвращение к традиционному разделению труда между политиками и магнатами. Таксин собрал магнатов для авантюры «Тайцы любят тайцев», но когда стало ясно, что выиграет от нее главным образом он сам, конструкция развалилась.

В Малайзии хватка УМНО на политической жизни означала, что изменений в отношениях политической и экономической власти не будет. Когда Махатхир сокрушил оппонентов в УМНО и победил на выборах 1999 г. при поддержке китайских избирателей, опасавшихся исламских партий, благосостояние «крестных отцов» свелось к отношениям с премьер-министром. Его ближайшим другом среди них был Ананда Кришнан. Обхаживали Махатхира и другие «крестные отцы». Так,

примеру Кришнана, который принимал премьера по выходным и заботился о его детях за рубежом, последовал Саед Мохтар. Он построил в Куала-Лумпуре Музей исламского искусства из белого мрамора с луковичными куполами и фонтанами. Сменивший Махатхира в 2003 г. Абдулла Бадави затеял расследования коррупции против предпринимателей среднего уровня и отменил ряд государственных проектов, связанных с предшественником. Однако отход от Махатхира был скорее личным, чем системным.

В Индонезии после кризиса магнаты постарались скрыть свою деятельность от общественности. Однако они вывезли крупные суммы капитала, особенно в Сингапур, и сохранили зарубежное имущество. Имущество внутри страны сомнительного происхождения магнаты передали правительству в счет долгов, а затем постарались выкупить часть назад за меньшие цены. В политическом плане за падением Сухарто последовал период всеобщей коррупции, которая заставила бы краснеть даже его. По настоянию МВФ Лем Сёй Лён и его сын Энтони лишились наиболее прибыльных монополий и контроля над Банком Центральной Азии (крупнейший частный банк Индонезии, оборот которого, по некоторым оценкам, равнялся 5% ВВП. — С. 160), но держались примерно за 400 компаний, включая преобладающего производителя лапши в стране — Indofood. Шамсул Нурсалим перебрался в Сингапур и (известный там в разные периоды под тремя вариантами своего китайского имени) продолжал бизнес.

В преследовании «крестных отцов» правительство Индонезии не усердствовало, считая, что сотрудничество с ними позволит обратить вспять бегство капитала. Его было выведено немало. Так, Эка Чипта Виджая, владелец группы «Синар Мас», который в 1980–90-е годы был «королем» корпоративных облигаций Индонезии, вывел большие объемы наличных в офшоры и за пределы досягаемости кредиторов. Семья Виджая неприкасаема. Ее причастность к незаконным заготовкам леса доказана журналистами и группами по охране природы, но правительство ничего не делает. После кризиса она стала еще богаче. Более того, политико-экономическая система Индонезии породила новых «крестных отцов». Наиболее внушающий страх среди них — владелец конгломерата «Артха Граха» Томми Винната, предприниматель с тесными связями с военными и, как утверждают критики, преступным миром.

В Сингапуре и Гонконге магнаты вели себя после кризиса относительно пассивно. Внутренняя экономика городов-государств зависит от роста сопредельных территорий, и «крестным отцам», богатство которых основано на банках и недвижимости, просто надо было переждать спад. Дирижистское правительство семьи Ли в Сингапуре позволило сингапурскому доллару девальвироваться с 1,4 за доллар США в начале 1997 г. до отметки более 1,8 после кризиса (с. 168). Это содействовало конкурентоспособности экспорта и ограничило рост безработицы. В Гонконге стоимость имущества «крестных отцов» тоже упала, но его значительная часть тоже была вложена в собственность в США, Канаде, Австралии и Европе. Главным отличием в Гонконге был переход от колониального правления к правлению магната, когда первым главой администрации стал Тун Чихуа. Сознавая, что многие считают его марионеткой магнатов, он делал популистские заявления, но вскоре стал действовать именно в их интересах. В 2004 г. группы «Сунь Хун Кай»

и New World Group, которые в соответствии с новой жилищной политикой Туна построили 2 тыс. субсидированных правительством квартир, вызвались снести их и построить взамен роскошные кондоминиумы, что вызвало общественный протест.

Режим Туна в Гонконге столкнулся с теми же проблемами, что правительство Чиннавата в Таиланде. Во-первых, Тун как никогда прежде привлек внимание образованного среднего класса к природе экономики «крестных отцов». Как только руководящий пост занял магнат, на первый план вышел вопрос сговора политической и экономической власти. Во-вторых, приход власти Туна подогрел ревность и подозрительность между «крестными отцами». Ко второму сроку пребывания в должности Тун потерял популярность в народе и его не любили большинство магнатов. В 2005 г. он подал в отставку, и Китай указал на гражданского чиновника Доналда Цана как на его замену. Назначение последнего сняло часть напряжения в обществе по поводу «крестных отцов».

В целом магнаты находились после кризиса в хорошем финансовом положении. Так, Ли Кашин в 2007 г. возглавил список богатейших людей Азии по версии Forbes. Его личное состояние в 1996–2006 гг. выросло с 8,2 млрд. до 18,8 млрд. долл. США (с. 173). Никакой другой магнат из Юго-Восточной Азии не фигурировал в числе верхних 25 миллиардеров в 2006 г., и лишь две семьи фигурировали в верхних 50 (братья Куок и Ли Шауки). Причина, однако, не в том, что богатство азиатских «крестных отцов» сократилось. Просто их обогнали европейцы и американцы, фондовые рынки которых в конце 1990-х годов продолжали процветать и лишь на короткое время испытали задержку из-за лопнувшего интернетного «пузыря» в 2001 г. С точки зрения «крестных отцов» азиатский кризис, мягко говоря, мог иметь намного худшие последствия.

С макроэкономической точки зрения восстановление экономики Юго-Восточной Азии в начале XXI в. объясняется ростом экспорта и бумом Китая, который начался в 2003 г. Аутсорсинг многонациональных компаний в сфере производства в регионе продолжался. Например, резко вырос экспорт полупроводников из Малайзии и Филиппин. Производство с низкой добавленной стоимостью продолжало мигрировать в Китай, Вьетнам и Бангладеш. Многие «крестные отцы» выиграли от подъема спроса в Китае, где в 2003 г. рост ВВП превысил 10% в год (с. 176). К спросу на готовые изделия Юго-Восточной Азии в Европе, Америке и Японии китайская программа индустриализации добавила спрос на сырье — малайзийский газ, тайский каучук, индонезийский лес и т.д. В отличие от промышленности, в этих секторах «крестные отцы» весьма активны, так как зависят от политических концессий. Типичными бенефициарами выступают Роберт Куок и Эка Чипта Виджая с пальмовым маслом и другими плантационными товарами, а также Ананда Кришнан с нефтяными и газовыми концессиями. Китайский спрос привел и к взрыву в игорном бизнесе, так как в КНР казино и большинство форм игры на деньги незаконны, а пересечение ее гражданами границ было облегчено. Более всего от этого выиграл Макао — с 1999 г. особый административный район Китая. В 2006 г. он обогнал по обороту Лас-Вегас как крупнейший игорный город в мире.

Если средний «крестный отец» не заплатил цену за азиатский финансовый кризис, то кто это сделал? По финансовому (наличные, банковские депозиты и т.д.) и физическому (недвижимость, основной капитал и т.д.) богатству жители Юго-

Восточной Азии в 2007 г. еще были беднее, чем в 1995 г. «Начиная с городов-государств Сингапура и Гонконга, трудно избежать вывода, что те, кто оплатил кризис, были людьми, которые имели меньше всего отношения к его созданию и были в наихудшем состоянии платить. Это было результатом отчасти высвобожденного после 1997 г. дефляционного давления, а отчасти — сознательной правительственной политики. В Сингапуре, по данным самого правительства, реальные доходы беднейших 40% населения в 2000–2005 гг. упали несмотря на сильный экономический рост. Более всех пострадали люди старше 50 лет, которые оказались лишними на и без того низко оплачиваемых работах и обнаружили, что, несмотря на всё свое богатство, Сингапур почти не предоставляет государственных пособий по безработице. В то же время городская администрация продолжала давнюю политику сокращения подоходного налога с наиболее богатого сегмента населения. Самый высокий уровень был урезан с 28% в 2000 г. всего до 20% сегодня; был снижен и налог с прибыли корпораций. По контрасту с этими мерами в 2007 г. были увеличены косвенные налоги, которые платили все: местный налог на добавленную стоимость был повышен с 5 до 7%. Странным образом правительственные министры говорили, что этот универсальный налог необходим для того, чтобы обеспечить чуть больше вспомоществования бедным» (с. 177–178).

Население молчаливо согласилось по двум обычным причинам: в соседних странах люди относительно беднее и обращаются с ними хуже; сингапурцы не без основания опасаются гнева Ли. Для приезжего бизнесмена, который не выезжает за пределы Центрального делового округа, трудно представить, что в Сингапуре есть бедность и социальные низы. Однако короткая поездка на такси в районы государственного жилого фонда открывает именно такую картину.

В Гонконге бремя кризиса тоже навалилось на тех, кто платежеспособен менее. В 1991–2000 гг. доля бедных выросла с 11,2 до 18,3% населения (с. 178). Кризис ударил по доходам и среднего класса. Главное различие воздействия кризиса на Гонконг и Сингапур в том, что первый сохранил валютную привязку. Это означало, что дефляционное давление в Гонконге испытывали только рынки акций и недвижимости, а не обменный курс. В результате у десятков тысяч домовладельцев на десять лет пассивы превысили активы. Это, возможно, содействовало явной политизации общественной жизни Гонконга.

В Таиланде, Малайзии и Индонезии городской средний класс тоже получил тяжкий удар, но реальные страдания выпали на долю десятков миллионов людей, которые были выброшены за черту бедности или приблизились к ней. В Таиланде с населением 60 млн. бедняками стали около 1 млн.; в Малайзии их доля, вероятно, была схожей; в Индонезии, где инфляция обрушила реальные зарплаты примерно на 40%, численность бедняков выросла вдвое и составила 27% населения, или 54 млн. человек (с. 179). На Филиппинах в 2006 г. в абсолютной бедности жили 15% населения, а 47% выживали на доход между 1 и 2 долл. США в день (с. 179). После 25 лет неоднократных экономических кризисов филиппинская экономика критически зависела от денежных переводов трудовых мигрантов, в основном женщин, которые составляли 10 млн. при населении 80 млн. человек. Ни одна страна так не зависела от переводов: 12 млрд. долл. США, присланные на родину в 2006 г., составили 15% ВВП Филиппин (с. 179).

«Мало сомнений в том, что экономика “крестных отцов” является существенным фактором роста бедности и неравенства в Юго-Восточной Азии. Десятки миллиардов долларов списаний с банковских счетов и экстренной корпоративной помощи предприятиям немногих обернулись инфляцией, сокращением социальных расходов, ростом налогов и снижением реальной зарплаты для многих. Тем не менее “крестные отцы”, многие из которых восстановили свои состояния, были лишь фактором этого бедствия. Истинная ответственность лежит на политиках, которые позволили экономике “крестных отцов” вообще существовать» (с. 180). В Гонконге и Сингапуре неравенство выросло до такой степени, что коэффициент Джини в них сравнялся с таковым городской Аргентины. Без политических изменений Юго-Восточная Азия может застрять на том же месте, что и Латинская Америка.

Первой страной региона, где случился провал политической системы, являются Филиппины. Старая элита, восстановленная Корасон Акино, сохраняет позиции. При президенте Макапагал-Арройо наблюдался устрашающий рост внесудебных убийств критиков правительства, хотя лично она не была вовлечена. Усилия президента обеспечить конституционные изменения демонстрируют мало уважения к демократическим нормам.

Схожая ситуация в Таиланде, где с 1980-х годов экономическая элита начала подминать под себя политический процесс и объединять экономические и политические круги в одну олигархию. Апогеем этого процесса был подъем Таксина Чиннавата.

Филиппины и в меньшей степени Таиланд служат примерами политикам вроде Ли Куан Ю, которые настаивают, что слишком много демократии мешает развитию. Что все эти страны в самом деле показывают, так это то, что демократия — лишь один компонент функционирующего либерального государства, которое требует эффективной независимой судебной власти, полиции, бюрократии и Центробанка. В отсутствие этих институтов филиппинская и тайская элиты способны собирать блоки голосов сельского и городского рабочего населения, создавать шаткие коалиции и делать что хотят.

В Малайзии манипуляция страной по этническим линиям представляет собой еще один вариант. При преемнике Махатхира Абдулле Бадави кампания против коррупции и за реформу полиции сошла на нет. Бадави прекратил поднимать тему ограничения позитивной дискриминации малайцев, которая дорого обходится стране и привела к возникновению бумипутра-рантье и содействовала бедности индийского населения. Многие малайзийцы говорили, что между этническими группами существует меньше взаимодействия, чем за 30 лет до этого.

Некоторый политический прогресс после финансового кризиса наблюдался лишь в Индонезии. Избранный в 2004 г. президентом Сусило Бамбанг Юдойоно стабилизировал ситуацию: договорился с повстанцами Ачеха, содействовал разрядке напряженности межконфессионального конфликта на Малуку и Сулавеси. Экономический рост вернулся к отметке 6%, инфляция была поставлена под контроль, а валюта укрепилась (с. 184). Хотя индонезийские военные коррумпированы и жадны, они традиционно реагируют на общественное мнение, а популярность президента была высока.

В Сингапуре положение в корне не менялось. Правящая партия «Народное действие» крепко держалась за власть, используя политическую машину, контро-

лируемые государством СМИ и ловких юристов. Рост ВВП вернулся в 2006 г. к 8%, но совокупные потребительские расходы росли всего на 3% (с. 185). Сингапур и Гонконг — богатые города с самым высоким уровнем неравенства в мире, что становится всё очевиднее. Неслучайно спокойный Сингапур занимает, вероятно, первое место в мире по смертным приговорам, далеко обгоняя Китай и Саудовскую Аравию.

Политическая проблема Юго-Восточной Азии во многом состоит в том, что основные страны не меняются, а плохие уроки региона — в том, что манипулируемая демократия выступает подходящим суррогатом для свободного рынка, основанные на концессиях внутренней экономики — альтернатива реальной конкуренции, а высокие показатели роста сами по себе означают устойчивое развитие. В этом отношении подлинной политической надеждой региона может быть Гонконг. Для развивающихся стран важны демонстрационные эффекты. Так модель Японии стала ключевой для бывших колоний Южной Кореи и Тайвани. Гонконг располагает доминирующим рынком капиталов в регионе, а его экономика вдвое больше сингапурской.

Политизация гонконгского населения в начале XXI в. может проложить путь к благоприятным изменениям в регионе. Она отчетливо проявилась в 2003 г.: после того, как глава администрации Тун Чихуа представил на рассмотрение Законодательного совета законопроекты против подрывной деятельности, за которые ратовал Пекин, на улицы осудить наступление на гражданские права, а заодно и руководство города магнатом вышли более полумиллиона человек (10% населения) (с. 187). Вскоре развернулась борьба за механизм избрания главы администрации, который избирался Выборным комитетом численностью 800 человек, многие из которых были сторонниками Пекина (с. 187). С одной стороны конфликта находились крупный капитал, связанные с ним лобби и Китай, с другой — гонконгские избиратели, которые поддерживали в основном кандидатов, стоявших за демократию и экономическую дерегуляцию. Сменивший Туна в 2007 г. Доналд Цан не понял, насколько активно народ требует более ответственного правительства. Манера его предвыборной кампании всё более напоминала таковую предшественника: Цан опирался на традиционную поддержку слоя «крестных отцов». Почти все они, а во многих случаях их дети и топ-менеджеры, внесли на его кампанию по 10 тыс. гонконгских долларов (с. 188).

Выборы 2007 г. усилили понимание того, что в центре гонконгской политической системы стоят магнаты. Однако способ, которым Цан победил, не обеспечил его серьезной легитимностью. Население сознает хватку элиты на политической жизни и хочет ее ослабить. Как заметил ведущий академический авторитет по связям политики и бизнеса в Юго-Восточной Азии Эдмунд Гомес: «Азиатский кризис разрушил мифы о власти». По аналогии с британской историей Гонконг вышел из своей викторианской эпохи, когда простых атрибутов власти было достаточно, чтобы обеспечить уважение к ней, и вступил в эдвардианскую эпоху, когда ожидания элиты и всех остальных были рассогласованы. «Крестные отцы» и некоторые гражданские чиновники ведут себя так, как если бы ничего не произошло. Однако личные и политические ожидания основной части населения весьма выросли, и избранные политики начинают на них реагировать. Однако далеко неясно, как бу-

дет учтена политическая воля тех, кого У. Черчилль в 1910-е годы называл «обойденными массами».

Хотя политическая реформа в Гонконге почти наверняка привела бы к экономической дерегуляции, она не обязательно означала бы конец «крестных отцов». И всё же дерегуляция была бы весьма важна в устранении колпака, которым накрыты более молодые и инновационные корпорации, ориентированные на производство и технологии. Сегодня они живут в параллельном мире, ведя производственные операции на материковом Китае. В самом Гонконге им делать нечего, так как всё экономическое пространство занято глубоко укоренившейся элитой. Пока же богатейшие бизнесмены богаты благодаря картелям и монополиям, а все остальные платят искусственно высокие цены и получают услуги неоправданно низкого качества. Сказочно богатые магнаты не платят налогов, так как доходы черпают из дивидендов, в то время как рабочее население Гонконга почти уникально среди богатых обществ тем, что ему отказывают в минимальной зарплате, а цены за еду, электричество, банковские услуги и т.д. оно вынуждено платить взвинченные. Отсутствие народного участия в политическом процессе означает, что те вещи, которые делают жизнь терпимой для бедняков в других богатых городах, в Гонконге отсутствуют. Почти не существуют городских парков, мало внимания уделяют природной среде и строительству дорог.

Если сопоставить с Северо-Восточной Азией, ясно, как для экономического развития важна политика. Япония остается единственной моделью значительной небелой страны, которая прыгнула из бедности в развитость. Модель Северо-Восточной Азии отличается от юго-восточноазиатской тремя моментами, и все они сводятся к политике. Во-первых, Япония, Южная Корея и Тайвань провели земельную реформу и обеспечили развитие снизу вверх, при котором почти у всех было хоть немного капитала. В Юго-Восточной Азии политические элиты избежали земельной реформы. Самый вопиющий пример — Филиппины, корыстный политический класс которых опирается на земельное богатство. Политическая инклюзивность в Северо-Восточной Азии также отражается в наличии профсоюзов. Политики могут не любить их, но не пытаются, как в Юго-Восточной Азии, сокрушить или выхолостить их, либо настаивать, что независимое представительство рабочих помешает развитию.

Во-вторых, когда правительства Северо-Восточной Азии пытались отобрать экономических победителей, они поддержали производителей и бизнес с проявленной способностью порождать технологии. Почти все получившие благоприятствование корпорации были основаны на семейном бизнесе и привыкли давать взятки политикам, но это не были фирмы, деятельность которых ограничена торговлей и услугами. Конгломераты Юго-Восточной Азии не были дисциплинированы мировыми рынками и когда получали концессию, просто сдавали в аренду технологические требования и немалую часть операций многонациональным компаниям. В результате масштабные экспортные способности Юго-Восточной Азии были созданы зарубежными инвесторами. Есть основания утверждать, что природа этой экспортоориентированной индустриализации укрепила отсутствие международной конкурентоспособности в регионе, так как ослабила стимулы к более эффективной внутренней экономической политике. Сегодня ВВП на душу населения в Южной

Корее и на Тайване в 3–12 раз превышает показатели четырех главных стран Юго-Восточной Азии (с. 192).

В-третьих, в Северо-Восточной Азии политические системы всегда серьезнее воспринимались как двигатели развития. Когда Япония в конце XIX в. начала модернизацию, она скопировала значительную часть конституции с германской и вышла за пределы во многом бесплодного спора о культурной исключительности. Когда Южная Корея стала страной, которую более всего в регионе затронул финансовый кризис, избранный в 1997 г. президентом Ким Дэ Чжун инициировал эффективные реформы.

Население Юго-Восточной Азии подвели прежде всего его политики. Это показывают не только провалы политического класса стран региона после независимости, но и его неспособность понять возможности развития. Самая очевидная — выгоды от интегрированного рынка АСЕАН. Эта международная организация возникла в подражание Европейскому экономическому сообществу, которое основали шесть государств в 1957 г. Однако здесь отличия и кончаются. Уже тогда будущий ЕЭС располагал крепким политическим руководством. АСЕАН же имеет традицию много говорить и мало делать. Базирующийся в Джакарте секретариат весьма мал. У каждой из десяти стран-членов имеется местный секретариат, который отражает политическую традицию «невмешательства» в дела других. В 2003 г. АСЕАН поставила целью достичь к 2020 г. свободного оборота товаров, услуг и инвестиций, но четкого расписания, механизма и харизматического лидера или лидеров не было.

В Европе рыночная интеграция привела к 30 годам быстрого роста, которые французы назвали les trentes glorieuses[5]. Конечно, во многом стимул интеграции в Европе дала Вторая мировая война. Однако экономические императивы Юго-Восточной Азии не слабее. У АСЕАН почти в два раза больше население, она конкурирует за капитал и внимание с Китаем и Индией, тогда как Европе приходится считаться только с США. Здесь АСЕАН должна ответить на простой вызов — дополнить свое низкозатратное производство на экспорт обещанием обширного внутреннего рынка. Это было бы не так трудно, учитывая, что средние доходы на душу населения в регионе далеко опережают показатели Китая и Индии. Однако десятью небольшими порциями организация этого не добьется. Неслучайно регион выступает сегодня местом ухода на покой менеджеров-неудачников из многонациональных компаний.

Как долго Юго-Восточная Азия сможет игнорировать силу экономической логики? После кризиса Малайзия сыграла ключевую роль в блокировании соглашений о свободной торговле в регионе, население которого превышает ее собственное в 20 раз; причиной было стремление защитить небольшую и неэффективную автомобильную промышленность и лобби в отрасли производства пальмового масла. Ценой такой защиты интересов меньшинств по всему региону является падение внутрирегиональной торговли. Если не будет политической воли, внешние обстоятельства победят и Юго-Восточная Азия останется рабом Европы и Америки.

«Если после финансового кризиса в Юго-Восточной Азии существует хорошая новость, она такова: травматический опыт наконец подорвал ложь, согласно кото-

[5] «Славное тридцатилетие» (фр.).

рой экономическая история региона — не классовая, а расовая, или, говоря простым языком, проблемой являются не элиты, а иммигранты. Попытки тайских политиков летом 1997 г. возложить вину за начало кризиса на “китайские” деловые интересы почти не пользовались общественной поддержкой. Последующая народная оппозиция правительству Таксина Чиннавата после 2001 г. почти — что примечательно — не упоминала китайской этничности его или столь многих из его министров. В Индонезии распространено мнение (хотя и не доказанное окончательно), что за многими актами насилия против индонезийско-китайской общины весной 1998 г. стояли военные. Однако эта вероятная попытка воспламенить расовый конфликт не смогла привести к кровавым народным взрывам, свидетелем которых страна была в 1960–70-е годы» (с. 194–195).

Если на то пошло, китайскость в Юго-Восточной Азии сегодня даже в моде, иногда странным образом. Например, процветают театры бангкокского чайнатауна (хотя большинство актеров теперь лаосцы). При Таксине большинство кандидатов от партии «Тайцы любят тайцев» писали свои имена на плакатах иероглифами. Во многом это связано с экономическим подъемом Китая и стремлением соответствовать тому, в чем видят «будущее». Вместе с тем это отражает уменьшение способности коренных элит разделять и властвовать. На Филиппинах раса больше не является проблемой. С концом колониализма в 1997 г. намного более зрелым и интегрированным обществом стал Гонконг. Исключениями выступают Сингапур и Малайзия; в последней относительный демографический баланс между китайцами и бумипутра позволяет коренной политической элите грабить страну во имя позитивной дискриминации.

Всё, что имеет отношение к Китаю, будет влиять на Юго-Восточную Азию. В начале XXI в. Китай, упоенный темпами экономического роста, был очарован культурными теориями развития, которых было бы лучше избежать. Многие высокопоставленные китайские лидеры и немало внешних наблюдателей решили, что страна имеет право на прогресс благодаря своей культуре. Частым аналогом служит Япония: если она многому училась в моральном плане у Китая, как он может не стать лучше? Однако если вернуться к обсуждению современной политической и экономической системы, этот аргумент разваливается. Если вспомнить три фактора, которые определяют состояние Северо-Восточной Азии, — земельную реформу, развитие брендов и способность адаптировать политические структуры, Китай ближе к Юго-Восточной Азии, чем к Японии. Земельную реформу провели после 1979 г., но собственность на землю так и не передали крестьянам. Вопрос компаний мирового уровня остается открытым: Китай — страна континентального масштаба с крупным внутренним рынком, но 60% экспорта обеспечивают иностранные компании, в основном по модели Таиланда или Малайзии (с. 196). Численность конкурентоспособных китайских предприятий невелика. По готовности поощрять политическое развитие и институциональный плюрализм Китай даже отстает от Юго-Восточной Азии.

Между тем изучаемый регион, как и Латинская Америка, дает урок того, как развиваться путем проб и ошибок. В самом деле примечательно, как Япония справлялась с политическими, институциональными и экономическими про-

блемами с конца XIX в. до подъема квазифашизма в 1930-е годы[6]. Этот латентный рак затмил блеск первоначальной программы модернизации. «Крестные отцы» — всего лишь продукт политической среды Юго-Восточной Азии, и в конечном счете большой проблемой региона выступает сама эта среда. «Как бы о них ни думали, магнаты ведут менее обычную жизнь — приспосабливаясь к колониализму, войнам, независимости, а теперь, как отмечают некоторые из них, к Интернету. Она нелегка, что отчасти является причиной того, почему иммигрантские, аутсайдерские семьи с их жаждой успеха и признания — такая большая часть юго-восточноазиатской истории. Большой позор, однако, что на эту замечательную повесть о человеческой гибкости и предприимчивости были наложены незрелые понятия расового и классового превосходства. Некоторые “крестные отцы” и большинство ключевых послевоенных политических лидеров региона в самом деле убеждены в своем превосходстве по праву рождения и образования. Тем не менее, как отмечено во введении к этой книге, есть и “крестные отцы”, которые хорошо сознают, откуда в Юго-Восточной Азии дуют экономические ветра. Сознают они и то, что послевоенный прогресс был достигнут коллективными усилиями иммигрантов и аборигенов, а недостатки и преимущества есть у тех и у других. Они также знают, что вклад иммигрантов сводился бы к очень немногому без невоспетых усилий китайских, индийских, шриланкийских и других лавочников, мелких представителей свободных профессий и второсортных производителей, энергия которых, объединенная с энергией местного населения, — подлинный источник экономической силы региона» (с. 198).

[6] Представляется, что автор необоснованно разграничивает социально-политическое развитие Японии начиная с эпохи Мэйдзи и таковое десяти лет накануне Второй японо-китайской (1937–45) и Второй мировой (1939–45) войн. К тому, что Дж. Стадуэлл назвал квазифашизмом, Япония плавно шла с реформ Мэйдзи — с растущей милитаризацией общества и всё более агрессивной внешней политикой.

Для заметок

DE ORIENTE EXTREMO / О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.
Сборник научных трудов.
К.А. Фурсов (ред.).
М.: Товарищество научных изданий КМК. 2-е издание. 2022. 590 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 08.04.2022. Тираж 1000 экз.
Формат 70×100/16. Объём 37 п.л. Усл.печ.л. 48,1. Бумага офсетная.